

**Научный проект
«НАРОД И ВЛАСТЬ»**

Выпуск 6

**РОССИЙСКАЯ
МНОГОПАРТИЙНОСТЬ
И РОССИЙСКИЕ КРИЗИСЫ
XX–XXI ВВ.**

Москва
Издательство Ипполитова
2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Анфертьев И.А., кандидат исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета; главный редактор журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.га», «Вестник архивиста.com», «Вестник архивиста.TV»;

Бабашкин В.В., доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Булдаков В.П., доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Буховец О.Г., доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного экономического университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН;

Ипполитов С.С., кандидат исторических наук, издатель журнала «Новый исторический вестник», директор Издательского дома Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева;

Казаков А.В., кандидат политических наук, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель подкомитета по Интернету и развитию электронной демократии Комитета по информационной политике, информационным технологиям и связи;

Кара-Мурза С.Г. – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, член Союза писателей России;

Марченя П.П., кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (**автор и редактор проекта «Народ и власть»**), **ответственный редактор выпуска**;

Разин С.Ю., директор Центра организации воспитательной работы Академии труда и социальных отношений, **автор и координатор проекта «Народ и власть»**;

Чертищев А.В., доктор исторических наук, профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Шелохаев В.В., академик РАН, лауреат Госпремии Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра «История России XIX – начала XX в.» Института российской истории РАН, директор Института общественной мысли

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

Аблеев С.Р., Абрамова О.А., Алексеев С.В., Алимов Б.Х., Анфертьев И.А., Бабашкин В.В., Бродовская Л.Н., Булдаков В.П., Булешова Н.Ю., Буховец О.Г., Васечко А.А., Вилков А.А., Волобуев О.В., Галанина Н.В., Глебова И.И., Гордон А.В., Гришаев С.П., Демидова Е.И., Демин В.А., Докучаева А.В., Долгова А.В., Дунаева Н.А., Дьячков В.Л., Елисеева Н.В., Есикова М.М., Зверев В.В., Золкин А.Л., Иванов С.М., Ивашко М.И., Ипполитов С.С., Казаков А.В., Кара-Мурза С.Г., Князький И.О., Колганов А.И., Кондрашин В.В., Корнеев В.В., Костров А.В., Кузнецов В.Н., Кузнецов И.М., Кузьминская С.И., Кулачков В.В., Куреньшев А.А., Курюкин А.Н., Леонов М.И., Леонова О.Г., Леонтьев Я.В., Липатова Н.В., Лычкань Л.П., Люкшин Д.И., Магарил С.А., Макаров Н.В., Марченя П.П., Матвейчев О.А., Машко В.В., Медушевская Н.Ф., Миронов С.М., Митин А.В., Михайленко А.Н., Михайлюк А.В., Михалев С.В., Неганов В.В., Николашин В.П., Павленко В.Б., Пантин В.И., Патрушев С.В., Подлесный П.Т., Посадский А.В., Работяжев Н.В., Разин С.Ю., Репников А.В., Розенталь И.С., Рублев Д.И., Селезнев Ф.А., Смит Б. (Smith В.), Стрелкова Н.В., Суздальцев А.И., Суржик Д.В., Сухова О.А., Сыздыкова Ж.С., Ткаченко А.Г., Трошина Т.И., Фокин С.В., Фролова Т.Н., Хайлова Н.Б., Хорос В.Г., Циунчук Р.А., Чертищев А.В., Шашурина Г.В., Шевельков А.И., Шевырин В.М., Шелохаев В.В., Шубин А.В., Щелоков К.С.

УДК 329.1/.6
ББК 66.3(2Рос)6
Р76

Научные рецензенты:

Безгин В.Б., доктор исторических наук
(профессор кафедры «История и философия»

Тамбовского государственного технического университета)

Любичанковский С.В., доктор исторических наук, профессор,
(заведующий кафедрой истории России

Оренбургского государственного педагогического университета)

Сапон В.П., доктор исторических наук
(профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических
дисциплин Нижегородского государственного педагогического
университета имени Козьмы Минина)

Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.: сборник научных статей и материалов круглых столов / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. – Москва: Изд-во Ипполитова, 2016. – 948 с. – (Научный проект «Народ и власть»). – Вып. 6).

Сборник включает научные статьи по мотивам дискуссий круглого стола «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.» и материалы серии круглых столов, связанных с обсуждением цивилизационного суверенитета России и системных кризисов в ее истории. Является шестым выпуском серии постоянно действующего научного проекта «Народ и власть». Для ученых, преподавателей, студентов, политиков и всех интересующихся проблемами взаимодействия власти и общества в России.

Мнения составителей и членов редакционной коллегии могут не совпадать с мнениями авторов статей и участников круглых столов

Составители сборника:

автор и редактор научного проекта «Народ и власть»

П.П. Марченя – отв. ред. выпуска;

автор и координатор научного проекта «Народ и власть»:

С.Ю. Разин – координатор выпуска

ISBN 978-5-90363-103-2

© Коллектив авторов, 2016

© Научный проект «Народ и власть»

© Издательство Ипполитова, 2016

УЧРЕЖДЕНИЯ,
представители которых организовали
сборник научных статей

**«Российская многопартийность
и российские кризисы XX–XXI вв.»**

в рамках научного проекта
«НАРОД И ВЛАСТЬ»

Академия труда
и социальных отношений

Издательство Ипполитова,
ООО «Смелый дизайн»

**ОРГАНИЗАЦИИ,
представители которых приняли участие
в сборнике (выпуске 6)
научного проекта
«НАРОД И ВЛАСТЬ»**

**Журналы,
включенные в ведущие международные
библиографические базы и ядро РИНЦ:
Web of Science, Scopus, RSCI на платформе *WoS***

- «Вестник архивиста»
- «Новый исторический вестник»
- «Социологические исследования» («Социс»)

Иные научные периодические издания

- «Вестник архивиста.com»
- «Вестник архивиста.ru»
- «Вестник архивиста.TV»
- «Вестник РГГУ»
- «Историческое обозрение»
- «Научные труды Московского гуманитарного университета»
- «Россия и современный мир»

Учреждения Российской академии наук

- Институт востоковедения РАН (ИВИ РАН, Москва)
- Институт всеобщей истории РАН (ИВИ РАН, Москва)
- Институт Европы (ИЕ РАН, Москва)
- Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН, Москва)
- Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН, Москва)
- Институт российской истории (ИРИ РАН, Москва)
- Институт социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН, Москва)

- Институт социологии РАН (ИС РАН, Москва)
- Институт США и Канады РАН (ИСКРАН, Москва)

Высшие учебные заведения России

- Академия гражданской защиты МЧС России (АГЗ МЧС РФ, Москва)
- Академия труда и социальных отношений (АТиСО, Москва)
- Брянская государственная инженерно-технологическая академия (БГИТА, Брянск)
- Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации (ВАВТ, Москва)
- Государственный социально-гуманитарный университет Московской области (ГСГУ, Коломна)
- Институт гуманитарного образования и информационных технологий (ИГУМОиИТ, Москва)
- Институт мировой экономики и информатизации (ИМЭИ, Москва)
- Иркутский государственный университет (ИГУ, Иркутск)
- Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ, Казань)
- Мичуринский государственный аграрный университет (МичГАУ, Мичуринск)
- Московский государственный областной технологический университет (МГОТУ, Королев)
- Московский государственный областной университет (МГОУ, Москва)
- Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ, Москва)
- Московский гуманитарный университет (МосГУ, Москва)
- Московский педагогический государственный университет (МПГУ, Москва)
- Московский экономический институт (МЭИ, Москва)
- Национальный исследовательский Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (СГУ, Саратов)
- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Москва)

- Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет) (НГПУ, Нижний Новгород)
- Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Национальный исследовательский университет) (ННГУ, Нижний Новгород)
- Оренбургский государственный педагогический университет (ОГПУ, Оренбург)
- Пензенский государственный университет (ПГУ, Пенза)
- Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ПИУ РАНХиГС, Саратов)
- Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Москва)
- Российский государственный университет правосудия (РГУП, Москва)
- Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева (РГАУ, Москва)
- Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ, Москва)
- Российский университет театрального искусства (ГИТИС, Москва)
- Самарский государственный университет (СамГУ, Самара)
- Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (ССЭИ РЭУ, Саратов)
- Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (САФУ, Архангельск)
- Тамбовский государственный технический университет (ТГТУ, Тамбов)
- Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (ТГУ, Тамбов)
- Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова (УлГПУ, Ульяновск)
- Ульяновский государственный университет (УлГУ, Ульяновск)

Высшие учебные заведения других государств

- Белорусский государственный экономический университет (БГЭУ, Минск, Беларусь)
- Национальная металлургическая академия Украины (НМетАУ, Днепропетровск, Украина)
- Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики (ТГУ ПБП, Худжанд, Таджикистан)

Другие государственные и общественные учреждения

- Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (ГД ФС РФ, Москва)
- Институт общественной мысли (ИОМ, Москва)
- Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции) (ИССНГ, Москва)
- Историко-просветительское общество «Радетель» (ИПО, Москва)
- Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина (НИИ истории и культуры, Ульяновск)
- Российская ассоциация политической науки (РАПН, Москва)
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ, Москва)
- Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Институт Наследия, Москва)
- Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ, Москва)
- Российское общество историков-архивистов (РОИА, Москва; Архангельск)
- Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (СФ ФС РФ, Москва)
- Союз писателей России (СПР, Москва)
- Центр изучения кризисного общества (ЦИКО, Москва)
- **Научный проект «Народ и власть» (Москва)**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ ПРОЕКТА

ARTICLES OF THE PROJECT PARTICIPANTS

<i>Марченя П.П., Разин С.Ю.</i> ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: От организаторов проекта «Народ и власть»	16
<i>Marchenya P., Razin S.</i> INSTEAD OF INTRODUCTION: From Organizers of the Project “People and Power”	16
<i>Анфертьев И.А.</i> Ликвидация многопартийности и возрастание роли правящей Коммунистической партии в системе государственных органов в СССР	18
<i>Anfertiev I.</i> Abolishing the Multi-Party System and Increasingly Larger Role of the Ruling Communist Party in System of State Agencies in the USSR	18
<i>Буховец О.Г.</i> «Государство-партия» в современной России?!	34
<i>Bukhovets O.</i> “Government-Party” in Contemporary Russia?!	34
<i>Вилков А.А.</i> Перспективы современной российской многопартийности: возможна ли новая однопартийная диктатура?	52
<i>Vilkov A.</i> Prospects of Contemporary Russian Multiparty System: Is the New One-Party Dictatorship Possible?	52

Демин В.А.
Российские политические партии начала XX в.
и Государственная дума Российской империи.....64

Demín V.
Russian Political Party of the Early XX Century
and the State Duma of the Russian Empire64

Дунаева Н.А.
Политические воззрения поволжского крестьянства в начале XX в.74

Dunaeva N.
Political Views of the Volga Peasantry in the Early XX Century74

Дьячков В.Л.
«Вкусу очень мало у нас и в наших именах...»?
В поисках «гена» социальной агрессии первой половины XX века
в зеркале русского наречения80

Diachkov V.
“Vkusú ochen' malo u nas i v nashikh imenakh”:
[“Taste deserts us and even in our names...”?]
Searching for a “Gene” of Social Aggression of the 1st Half of the 20th c.
in a Mirror of Russian Naming80

Елисеева Н.В.
Идеи многопартийности и их реализация
в годы Перестройки (СССР. 1985–1991)94

Eliseeva N.
Pluralism in Concept and Practice
in the Perestroika Period (USSR. 1985–1991)94

Зверев В.В.
Герой и толпа, вождь, партия и массы
(социологические наброски Н.К. Михайловского
и «Краткий курс истории ВКП (б)»)115

Zverev V.
Hero and Crowd, Leader, Party and Masses
(Sociological Sketches of N.K. Mikchailovsky
and “Short Course in the History of the VKP (b)”)115

<i>Кара-Мурза С.Г.</i>	
Необходима новая программа партийного строительства	129
<hr/>	
<i>Kara-Murza S.</i>	
New Program of Party Construction is Necessary	129
<hr/>	
<i>Корнеев В.В.</i>	
Особенности партийной системы современной России	146
<hr/>	
<i>Korneev V.</i>	
Specifics of the Party System in Modern Russia	146
<hr/>	
<i>Костров А.В.</i>	
Многопартийность как попытка многопартийности	156
<hr/>	
<i>Kostrov A.</i>	
Multiparty System as an Attempt of Multiparty Systems	156
<hr/>	
<i>Кузнецов В.Н.</i>	
Большевики к Февралю 1917 г.: на пути к ликвидаторству? (по материалам Поволжья)	167
<hr/>	
<i>Kuznetsov V.</i>	
Bolsheviks to February 1917: Towards Liquidationism? (Based on the Volga Region)	167
<hr/>	
<i>Леонов М.И.</i>	
Партийные организации Среднего Поволжья и Заволжья в третьеиюньской монархии (июнь 1907 – начало 1917 гг.)	180
<hr/>	
<i>Leonov M.</i>	
Party Organizations of the Middle Volga and East of the Volga in the June Third Monarchy (June 1907 – the Beginning of 1917	180
<hr/>	
<i>Леонтьев Я.В.</i>	
Почепский референдум, или как Украина Стародубщины лишилась	192
<hr/>	
<i>Leont'ev Y.</i>	
Pochepsky Referendum, or as Ukraine Starodub Region Lost	192
<hr/>	
<i>Люшкин Д.И.</i>	
Кризис эвристики на постсоветском пространстве, или: Россия, вперед!.. назад!.. куда?..	201
<hr/>	
<i>Lyukshin D.</i>	
Crisis of Heuristics for the Post-Soviet Space, or Russia, Forward!.. Backward!.. Where?..	201

<i>Макаров Н.В.</i>	
Русский либерализм в годы революции 1905–1907 гг.:	
взгляды англо-американских историков	214
<hr/>	
<i>Makarov N.</i>	
Russian liberalism in the Years of Revolution of 1905–1907:	
Views of the Anglo-American Historians	214
<hr/>	
<i>Николашин В.П.</i>	
Судьба «Основного закона о социализации земли»:	
партийная борьба социалистов во ВЦИК вокруг аграрного вопроса	251
<hr/>	
<i>Nikolashin V.</i>	
Fate of the “Basic Law on the Socialization of Land”:	
Socialist Party Struggle in the Central Executive Committee	
Around the Agrarian Question	251
<hr/>	
<i>Сухова О.А.</i>	
Элиты и массы: неполитическое измерение	
истории российской многопартийности	264
<hr/>	
<i>Sukhova O.</i>	
Elites and Masses: the Measurement of Non-Political	
Stories Russian Multiparty	264
<hr/>	
<i>Чертущев А.В.</i>	
К вопросу об особенностях генезиса партийной системы России	279
<hr/>	
<i>Chertishchev A.</i>	
To a Question about the Features of Genesis of Party System in Russia ...	279
<hr/>	
<i>Шевельков А.И.</i>	
Аграрный вопрос	
в программах политических партий и движений в конце XX в.	306
<hr/>	
<i>Shevel'kov A.</i>	
Agrarian Problems in Political Parties	
and Movements Programs at the End of the XX Century	306
<hr/>	
<i>Шевырин В.М.</i>	
Священник Гапон и рабочие Петербурга в 1904–1905 гг.	324
<hr/>	
<i>Shevyrin V.</i>	
Priest Gapon and Workpeople in St. Petersburg in 1904–1905	324

<i>Шелохаев В.В.</i> Дискуссия о типе политической партии в российском интеллектуальном пространстве	344
--	-----

<i>Shelohaev V.</i> Discussion about the Type of Political Party in the Russian Intellectual Space	344
--	-----

<i>Шубин А.В.</i> Циммервальдская позиция в Российской революции в 1917 г.	351
--	-----

<i>Shubin A.</i> Zimmerwaldists Position in the Russian Revolution in 1917	351
---	-----

КРУГЛЫЕ СТОЛЫ

ROUND TABLES

<i>Подготовили к публикации: Марченя П.П., Разин С.Ю.</i>	
Международный круглый стол «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.» ...	368

<i>Preparing for Publication: Marchenya P., Razin S.</i>	
International Roundtable Discussion “Russian Multiparty System and Russian Crises of the XX–XXI Centuries” ...	368

<i>Подготовили к публикации: Марченя П.П., Разин С.Ю.</i>	
Международный круглый стол «Массовое сознание как фактор развития российского общества: неполитическое измерение политической истории России»	520

<i>Preparing for Publication: Marchenya P., Razin S.</i>	
International Roundtable Discussion “Mass Consciousness as a Factor of Development of Russian Society: Non-Political Dimension of Political History of Russia”	520

<i>Подготовили к публикации: Марченя П.П., Разин С.Ю.</i>	
Международный круглый стол «Первая русская революция: взгляд из XXI века»	593

<i>Preparing for Publication: Marchenya P., Razin S.</i>	
International Roundtable Discussion “First Russian Revolution: a View from the XXI Century”	593
<i>Подготовили к публикации: Марченя П.П., Разин С.Ю.</i>	
Первый Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы»	688

<i>Preparing for Publication: Marchenya P., Razin S.</i>	
First International Roundtable Discussion “Russia and Post-Soviet Space: Problems and Prospects”	688
<i>Подготовили к публикации: Марченя П.П., Разин С.Ю.</i>	
Второй Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы»	760

<i>Preparing for Publication: Marchenya P., Razin S.</i>	
Second International Roundtable Discussion “Russia and Post-Soviet Space: Problems and Prospects”	760
<i>Подготовили к публикации: Аблеев С.Р., Марченя П.П.</i>	
Общественное сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России: материалы межведомственного круглого стола	837

<i>Preparing for Publication: Ableev S., Marchenya P.</i>	
Public Consciousness and Domestic Philosophical Tradition in the Context of the Spiritual Sovereignty of Russia: Materials of the Interagency Roundtable	837

Подготовили к публикации: Аблеев С.Р., Марченя П.П.

Кризис как фактор социального развития: история и современность: материалы межведомственного круглого стола	855
--	-----

Preparing for Publication: Ableev S., Marchenya P.

Crisis as a Factor of Social Development: History and Modernity: Materials of the Interagency Roundtable	855
---	-----

Подготовили к публикации: Аблеев С.Р., Марченя П.П.

Цивилизационный суверенитет России: проблемы и перспективы: материалы межведомственного круглого стола	877
---	-----

Preparing for Publication: Ableev S., Marchenya P.

Civilizational Sovereignty of Russia: Problems and Prospects: Materials of the Interagency Roundtable	877
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

CONTRIBUTORS, ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Сведения об авторах и контактная информация	904
Contributors and Contact Information	904
Аннотации и ключевые слова	912
Annotations and Keywords	912

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ ПРОЕКТА

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ:

**ОТ ОРГАНИЗАТОРОВ
ПРОЕКТА «НАРОД И ВЛАСТЬ»**

П.П. Марченя, С.Ю. Разин

На состоявшемся в 2015 г. в рамках проекта «Народ и власть» круглом столе «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.», в дебатах которого приняло участие более 40 ученых, представлявших научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы России (Архангельск, Брянск, Иркутск, Казань, Мичуринск, Москва, Нижний Новгород, Пенза, Самара, Саратов, Тамбов, Ульяновск), Беларуси (Минск), Таджикистана (Худжанд) было принято решение опубликовать не только материалы самой дискуссии Стола¹, но и подготовить одноименный сборник научных статей (а также материалов других круглых столов Проекта, связанных с названной темой), где все заинтересовавшиеся специалисты могли бы развернуто представить для дальнейшего обсуждения свои авторские позиции.

Настоящий сборник, неслучайно вышедший из печати накануне векового юбилея Русской революции 1917 г., изменившей ход мировой и отечественной истории, является шестым выпуском серии постоянно действующего научного проекта «Народ и власть», и так же, как и пять предыдущих сборников («Народ и власть в российской смуте»², «Крестьянство и власть в истории России XX века»³, «Россия и революция»⁴, «Сталинизм и крестьянство»⁵, «Русское крестьянство и Первая мировая война»⁶), посвящен центральной исследовательской теме Проекта – системным кризисам в прошлом и настоящем,

обнажающим проблемы цивилизационной идентичности России, ее народа, ее власти, их места и роли в человечестве.

Приглашаем к дискуссии и участию в деятельности нашего проекта всех специалистов, которые не равнодушны к проблемам взаимодействия народа и власти в истории России.

Материалы мероприятий проекта «Народ и власть» (и аналитические статьи по их результатам) регулярно публикуются в ряде ведущих федеральных журналов, рекомендованных Перечнем ВАК Минобрнауки РФ, в том числе в изданиях, входящих в ядро РИНЦ и международные библиографические базы Web of Science, Scopus, RSCI на платформе WoS.

Все публикации проекта открыты для обсуждения и выставляются в свободный полнотекстовый доступ на специализированных научных сайтах Сети Интернет (в том числе в официальном Открытом Архиве разработанного и поддерживаемого рядом институтов РАН научного информационного пространства Сети Соционет: <http://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtuvj>).

Контактная информация приведена в конце сборника.

Библиография

¹ Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.: материалы дискуссии международного круглого стола в рамках научного проекта «Народ и власть». М.: Ин-т социологии РАН, 2016. 135 с. // Официальный портал ИС РАН, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594> (http://www.isras.ru/files/File/publ/Patrushev_ks_narod_i_vlast_2016.pdf).

² Народ и власть в российской смуте. М., 2010 348 с. (URL: <http://isras.ru/files/File/Publication/Narodivlast.pdf>).

³ Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011 472 с. (URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbomik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf).

⁴ Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012 388 с. (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.3.pdf>).

⁵ Сталинизм и крестьянство. М., 2014. 765 с. (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.4.pdf>).

⁶ Русское крестьянство и Первая мировая война. М., 2016. 810 с. (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.5.pdf>).

ЛИКВИДАЦИЯ МНОГОПАРТИЙНОСТИ И ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ ПРАВЯЩЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В СССР

И.А. Анфертьев

Октябрьский переворот, совершенный большевиками в 1917 г., и последовавший за ним в январе 1918 г. разгон Учредительного собрания знаменовали собой процесс завершения демократических преобразований в России, и как следствие, начало ликвидации многопартийности в стране. Так называемые буржуазные партии, в первую очередь кадеты, оказались под запретом¹, однако среди руководящего звена новой власти не было единства в отношении дальнейшей судьбы социалистических партий – эсеров², меньшевиков³, революционных коммунистов, интернационалистов, максималистов, представителей национальных социал-демократических и социально-революционных партий и движений.

Как известно, руководство большевиков стремилось на политической арене действовать самостоятельно и непродолжительный блок с левыми эсерами в 1917–1918 гг. можно считать скорее исключением из этого правила⁴. Большевики, как свидетельствуют документы, оказались не готовы к управлению государством. Они с большой энергией «сломали» старую государственную машину, «до основания» разрушили прежние, в первую очередь экономические устои, национализировали банки, декретировали отмену капиталистических отношений, институт собственности, но так и не смогли, по крайней мере до весны 1921 г., представить сколько-нибудь внятной модели экономического обустройства бывшей Российской империи. Попытки наладить хозяйственную жизнь огромной страны на рубеже 1919-го – первой половины 1920-х гг. предпринимались, но дальше реквизиций, принудительного труда и насаждения системы «военного коммунизма» дело не шло.

На основании доступных источников можно утверждать, что в рассматриваемый кризисный период на территории страны формировался причудливый и непохожий ни на какой другой механизм партийно-государственного управления. Условно его можно обозначить как коллективную диктатуру немногочисленной группы лиц, входивших в состав Политбюро ЦК РКП (б). Среди них в порядке значимости и «политического веса» на рубеже 1919–1920 гг. шли члены Политбюро ЦК РКП (б): В.И. Ленин, Л.Б. Троцкий, Л.Б. Каменев, Н.Н. Крестинский, И.В. Сталин, а также кандидаты в члены Политбюро Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин, М.И. Калинин. В качестве постоянно действующего органа Политбюро ЦК приступило к работе в марте 1919 г. после VIII съезда РКП (б). Все без исключения вопросы управления страной и ведения гражданской войны подлежали коллективному рассмотрению, строго контролировалось исполнение принятых постановлений. Как правило, назначались конкретные исполнители из состава Политбюро, Оргбюро, Секретариата, членов ЦК, партийных органов на местах.

С окончанием Гражданской войны в России проблема перехода правящей коммунистической партии от политики военного коммунизма к новой экономической политике достаточно подробно освещалась в советской историографии. Рассматривалась она как некое отступление от правильной партийной линии, мера вынужденная и временная в преддверии строительства в стране социалистического общества. Данной проблеме достаточно много внимания уделяется и современными исследователями. Однако обращение к доступному на сегодняшний день комплексу архивных документов Политбюро Центрального комитета РКП (б) позволяет расширить представление о том сложном и по-прежнему недостаточно исследованном периоде в жизни нашей страны – 1920–1921 гг.

В ходе Гражданской войны и перехода к новой экономической политике правящая группа большевиков в основном продолжала публично клеймить своих политических соперников за поддержку и сотрудничество с Белым движением, а на практике, когда это с ее точки зрения было целесообразно и

выгодно, заключала с ними временные соглашения. Тема эта до настоящего времени мало изучена, несмотря на ряд серьезных исследований^{5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15}.

Тем важнее обратиться к такому важному комплексу документов как протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП (б)¹⁶. Данные документы, несмотря на их значительный информационный потенциал, не дают полной картины взаимоотношений правящей группы большевиков с различными политическими партиями, но позволяют в рамках конкретного хронологического периода выявить стабильную непримиримость большевиков к политическим соперникам и тактические приемы, с помощью которых они стремились использовать имеющийся политический потенциал других партий в собственных целях. Во многом такая позиция сформировалась под впечатлением судьбы, постигшей Временное правительство, которое вело так называемую «соглашательскую» политику с различными партиями и избегало решительных мер в реализации собственных властных полномочий.

Изучение данного комплекса архивных документов – протоколов Политбюро ЦК РКП (б) позволяет предположить, что до принятия решения о сотрудничестве с другими партиями вопрос тщательно прорабатывался, в том числе и сотрудниками ведомства Ф.Э. Дзержинского, на основе собранных в ВЧК сведений поощрялось разжигание внутривнутрипартийных разногласий, партийные лидеры занимались выяснением отношений и сведением личных счетов. Всякий раз от своих временных союзников большевики требовали, как правило, печатного признания о лояльности в отношении советской власти. В перспективе, но большей частью как исключение из общего правила, рассматривался вопрос о включении всей партии или ее части в состав РКП (б). Тактические уступки союзникам в борьбе с общим врагом допускались только в случае крайней необходимости, после устранения угрозы различного рода преференции, в том числе финансовые, немедленно прекращались. В продолжение всего периода сотрудничества за руководителями временных союзников устанавливался неусыпный контроль, выявлялись их связи,

политические устремления, последующая дискредитация, судебные и внесудебные преследования.

Активно большевики в годы Гражданской войны сотрудничали с представителями Российской социалистической рабочей партии интернационалистов (интернационалистами) (РСРПИ). Правда, в октября 1919 г. их просьба об ассигновании 500 тыс. руб. для политической работы на Украине была отклонена¹⁷. Однако это обстоятельство не помешало 13 декабря 1919 г. ЦК РСРПИ обратиться к Политбюро с предложением провести на своем съезде слияние с РКП (б). Вопрос о включении членов РСРПИ в РКП (б) был решен после ознакомления представителей ЦК РКП (б) с положением дела в партии интернационалистов¹⁸. Более того, 20 декабря 1919 г. на Политбюро согласились с просьбой интернационалистов зачислять перешедшим в РКП (б) прежнего партийного стажа, но только тем, кто этого заслуживает¹⁹.

Особенно тесные связи в годы Гражданской войны установились у руководства большевиков с партией украинских боротьбистов. 30 октября 1919 г. на политическую работу им было решено выдать 750 тыс. руб., правда, вместо запрашиваемых 15 450 000 руб., а деньги на содержание повстанческо-партизанских отрядов, оружие и снаряжение получить в РВС Южного фронта²⁰. Кроме того, Президиуму ВЦИК разрешалось ассигновать деньги на издания боротьбистов, не выдавая денежные средства на руки, чтобы они не могли быть использованы для другой работы в Советской России²¹.

21 ноября 1919 г. было признано возможным включить боротьбистов на правах секции 3-го Интернационала. 13 декабря 1919 г. по докладу Раковского о переговорах с боротьбистами было решено опубликовать постановление украинского правительства об организации Всеукраинского ревкома в составе: Петровского (председатель), Мануильского, Затонского и одного боротьбиста, опубликовав в печати выдержки из протокола переговоров с боротьбистами²².

В документах Политбюро уделено внимание и национальным партиям, программы которых в основном совпадали с намерениями большевиков. Например, 19 июля

1919 г. было признано возможным партию «Гуммет» считать самостоятельной Коммунистической партией Азербайджана с правами областного комитета партии одновременно с признанием Азербайджана независимой советской республикой. Но окончательное решение по этим важнейшим вопросам было предоставлено Закавказскому краевому комитету РКП (б) и Сталину²³. 20 декабря 1919 г. признано необходимым существование Коммунистической партии Армении, подчиненной краевому Кавказскому комитету РКП (б)²⁴.

18 сентября 1919 г. на заседании было рассмотрено постановление совещания польских коммунистов об организации органа, руководящего польской коммунистической работой в России. Поручалось Оргбюро по аналогии с организацией работы среди пролетариата латышской и других национальностей немедленно оказать активную и щедрую помощь в налаживаемой поляками работе²⁵.

Меньшевики, опиравшиеся на пролетарские массы, рассматривались правящей группой РКП (б) как наименее опасный соперник в борьбе за сохранение власти. Например, когда в апреле 1919 г. Раковский направил в Политбюро запрос о возможности переговоров с украинскими социал-демократами, решено было предложить ему начать переговоры при условии ввода в состав советского правительства в Украине одного, но независимого социал-демократа²⁶. 16 августа 1919 г., в разгар военного кризиса, на совместном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК рассматривалось обращение меньшевиков во ВЦИК с просьбой издания печатных органов, решение не было принято, поручалось Енукидзе выяснить вопрос²⁷. Вновь затронутой проблеме вернулись 31 октября 1919 г. при рассмотрении переданного через Каменева заявления члена ЦК меньшевиков о необходимости издания ими еженедельного журнала «Партийные известия» для выявления своего политического лица. Но издавать журнал не разрешили, предложив для ознакомления с физиономией меньшевиков выпустить брошюру с тактическими статьями²⁸. Еще раз вопрос о разрешении меньшевикам издавать собственную газету рассматривался 11 мая 1920 г., ходатайство было отклонено²⁹.

Более избирательным было отношение большевиков к видным представителям меньшевиков. Например, 6 сентября 1919 г. рассматривались судьба привлеченного по делу «Тактического центра» и вопрос о приведении в исполнение приговора меньшевику В.Н. Розанову. Решено было отложить вопрос до ознакомления членов ЦК с показаниями Розанова, расстрел приостановить³⁰. 18 сентября 1919 г. решили его не расстреливать, Бухарину поручалось составить от имени ВЧК официальное сообщение о том, что Розанов изобличен в контрреволюционных действиях, за которые полагается расстрел, но так как он действовал не персонально, а как представитель организации правых меньшевиков, то дело о нем выделено из дела остальных арестованных вместе с ним, уже расстрелянных³¹. Впоследствии, уже 26 октября 1919 г., в ответ на частное заявление меньшевиков, что Розанов два года не состоит в партии, Каменеву поручили предложить меньшевикам опубликовать в «Известиях» или официально сообщить в Президиум ВЦИК список исключенных ими из партии активистов и заявить, что опубликование такого списка будет считать их политически ответственными за выступления против Советской власти всех включенных в список лиц³².

После признания на Парижской мирной конференции руководителями Антанты Российского правительства во главе с А.В. Колчаком началось временное сближение позиций меньшевиков с большевиками. Однако не обошлось без конфликтных ситуаций. 26 октября 1919 г. на заседании Политбюро рассматривалась жалоба ЦК меньшевиков на препятствие со стороны Тульского губкома на легальную работу Тульского комитета меньшевиков. Было признано, что со стороны Тульского губкома РКП (б) нет неправильных действий, так как РСДРП – партия не легализованная и, так как поездка в Тулу была разрешена меньшевикам не для восстановления их местной организации, а для выступлений по указанию военных властей³³.

Комплексному рассмотрению проблемы сотрудничества с меньшевиками было посвящено заседание Политбюро 31 октября 1919 г., в ходе которого обсуждались в том числе и такие вопросы: об отрицательном отношении Раковского к

мобилизации меньшевиков для партийной работы в армии; о необходимости освобождения арестованных меньшевиков, посланных в качестве заложников из Петрограда в Москву, в связи с тем, что партия меньшевиков призвала своих членов записываться в Красную армию. Признано возможным направлять меньшевиков для политической работы на фронт, при условии, что в своей работе они не будут касаться разногласий меньшевиков с Советской властью. Поручалось комиссии в составе Бухарина, Дзержинского и Каменева пересмотреть список арестованных меньшевиков для выяснения, кто из них может быть освобожден³⁴. А уже 4 декабря 1919 г., в частности, в преддверии VII Всероссийского съезда Советов обсуждалась возможность приглашения на его заседания социал-демократов и народников. Решено было пересмотреть персонально список всех представителей, допущенных к участию в съезде³⁵. В результате меньшевики получили приглашение на съезд, сформировали делегацию, на съезде выступили их видные представители Дан и Мартов.

Однако союз с меньшевиками продолжался недолго. Уже 28 мая 1920 г. на заседании Политбюро принимается решение назначить комиссию в составе: Каменева, Томского, Бухарина, Зеленского, Мессинга, Мельничанского, Лисицына и Лихачева для выяснения роли меньшевиков в деле организации забастовок во время войны; предложено исключить тех членов фракции меньшевиков, которые не заявят о своем несогласии с арестованными за провокацию к забастовке³⁶. 22 июня 1920 г. Политбюро принимает решение объявить всем наркомам, чтобы меньшевиков, работающих в комиссариатах и сколько-нибудь способных играть политическую роль, не держать в Москве, а рассылать по провинции, в каждом отдельном случае после запроса ВЧК и Оргбюро³⁷. 30 июня 1920 г. Особому отделу ВЧК предписывается в недельный срок представить в Оргбюро список местностей, куда можно послать для работы меньшевиков³⁸. 7 июля 1920 г., при рассмотрении возможности принимать в армии на командные курсы меньшевиков, вопрос без обсуждения снимается³⁹.

В этих условиях особняком стояла проблема ликвидации на территории государства, в соответствии с резолюцией

II конгресса Коминтерна, других коммунистических и революционных партий и организаций (интернационалистов, максималистов, левых эсеров, украинских коммунистов-боротьбистов, партии революционных коммунистов, партии Поалей Цион и др.) и массовый прием их членов в РКП (б), а впоследствии исключение недостаточно преданных и лояльных⁴⁰.

В канун Кронштадтского восстания, 28 февраля 1921 г., Политбюро рассматривало вопрос о положении в Москве; о назначении Троцкого председателем Комитета обороны Москвы; сообщение Зиновьева о листовках с контрреволюционной агитацией, найденных в Петрограде. Поручалось Троцкому составить официальное сообщение о событиях в Петрограде и Москве, а также проект письменных директив печати. В частности, от ВЧК требовалось усилить аресты среди меньшевиков и эсеров, не исключая одиночек рабочих, особенно в тех случаях, когда они выдаются своей активностью, запросить ВЧК о деятельности анархистов и других партий в связи с контрреволюционными выступлениями⁴¹.

В ходе ликвидации последствий Кронштадтского восстания в середине апреля 1921 г. предполагалось освободить в связи с предвыборной кампанией в Советы некоторых меньшевиков и эсеров, которые не обвинялись в подготовке восстаний, но предложение было отклонено⁴². В связи с этим 23 апреля 1921 г. меньшевики заявили протест по поводу их не освобождения на время выборов. Было поручено Президиуму ВЦИК отклонить ходатайство меньшевиков в связи с тем, что видные члены их партии виновны в соучастии в Кронштадтском мятеже, то есть в пособничестве белогвардейцам и Милюкову⁴³. 4 июня 1921 г. была создана контрольная комиссия в составе Уншлихта (или Менжинского), Преображенского, Михайлова, которой поручались: сбор материалов по вопросу о контрреволюционных буржуазных элементах в студенчестве и их агитации, разработать ряд мер для систематической борьбы с ними; дать ВЧК директиву по усилению борьбы против меньшевиков в виду активизации их контрреволюционной деятельности⁴⁴. 25 июня 1921 г. Каменеву и Бухарину предстояло переговорить с Дзержинским и обязательно

подготовить к публикации материал о связи эсеров и меньшевиков с Антоновым, а также материал о петроградском заговоре⁴⁵. 1 декабря 1921 г. ставилась задача ВЧК рассмотреть и внести в Политбюро предложение о допустимости освобождения Дана, Ежова и некоторых других видных меньшевиков, отправив их в отдаленный непролетарский район для занятия какой-нибудь должности по их специальности⁴⁶.

5 января 1922 г. Политбюро принимает следующие директивы: Уншлихту выбрать для поселения меньшевиков 2–3 уездных города, не исключая лежащих по железной дороге; не возражать против выезда меньшевиков за границу; если потребуется субсидия на выезд за границу, Уншлихту представить в Политбюро особый доклад о размерах; разрешить ВЧК выдавать административно-высланным пособие в размере 650 000 руб.⁴⁷ 26 января 1922 г. в Политбюро принято решение поручить НКВД сообщить заграничным миссиям, что ни в коем случае не подлежат принятию на службу ни высылаемые из России меньшевики, ни лица, как бы то ни было с ними связанные⁴⁸. В тот же день утверждено предложение Троцкого о том, что комиссия Коминтерна является аппаратом для распространения всех материалов и информации об эсерах, меньшевиках и анархистах, проживающих за границей. Комиссия также должна следить за заграничной печатью, касающейся русских меньшевиков, анархистов, при необходимости, передавать материал специальной комиссии ЦК в составе Стеклова (председатель), Яковлева, Вардина⁴⁹. А в протоколе от 27–31 января 1922 г. по докладу Троцкого принято решение выразить Радеку порицание за податливость меньшевикам; поручить судам усилить репрессии против меньшевиков⁵⁰. 2 февраля 1922 г. рассматривалось по докладу Сталина положение заключенных. Принято решение предложить ГПУ принять меры к переводу в специально приспособленные места заключения в провинции наиболее активных и крупных представителей антисоветских партий; поручить ГПУ продолжать держать в заключении меньшевиков, эсеров и анархистов, находящихся в настоящее время в распоряжении ВЧК⁵¹.

20 марта 1922 г., в связи с проведением Генуэзской конференции, принято предложение Ленина указать всем командируемым за границу, что данный момент требует особой сдержанности в заявлениях о меньшевиках и эсерах и в то же время самой беспощадной борьбы с ними и самого максимального недоверия к ним⁵². В тот же день принято решение об изъятии меньшевиков и эсеров из органов профсоюзов, Наркомтруда, кооперативных и хозяйственных организаций⁵³. Такими достаточно репрессивными методами меньшевики оказались лишены возможности ведения политической деятельности, партия оказалась на нелегальном положении, а центр ее деятельности переместился за границы советской России.

Наиболее серьезными политическими противниками в рассматриваемый период Ленин и члены Политбюро считали эсеров, что неудивительно в крестьянской России. И правые, и левые эсеры, и различного направления эсеровские группы опирались в своей политической деятельности на крестьянские массы, выступали защитниками их интересов, регулярно избирались в Советы различных уровней. В этой связи в периоды острых военных кризисов правящая группа большевиков, как ни не хотела идти на сотрудничество, но была вынуждена «поступаться принципами». В августе 1919 г., когда советская власть «висела на волоске», наметилась возможность вступить в переговоры о сотрудничестве большевиков с левыми эсерами. 13 августа 1919 г. рассматривалось заявление левых эсеров об их новой позиции. Представители эсеров готовы были на компромисс, соглашались вести подпольную работу в тылу Деникина, но потребовали освободить арестованных ВЧК членов партии, разрешить своим представителям с ними свидания. Однако принятое в Политбюро решение носило двойственный характер: с одной стороны – поручалось Каменеву и Стасовой продолжать переговоры, а с другой – возможность освобождения отдельных лиц или групп левых эсеров для работы в тылу Деникина разрешать от случая к случаю, разрешением свиданий с заключенными левыми эсерами поручалось Дзержинскому⁵⁴.

Переговоры о возможности сотрудничества с левыми эсерами затягивались, а обстановка на фронтах гражданской

войны для большевиков улучшалась. В этой связи можно предположить, что под видом переговоров правящая группа рассчитывала получить поддержку рядовых членов эсеровской партии во фронтовых и зафронтовых регионах. Об этом, в частности, свидетельствуют решения, принятые 18 сентября 1919 г. по докладу Каменева о переговорах с левыми эсерами и о просьбе украинских левых эсеров борьбистов об издании ими журнала. Признано нежелательным освобождение всех арестованных левых эсеров, допуская лишь персональное освобождение по усмотрению Дзержинского; переговоры на основе платформы левых эсеров о не освобождении продолжать; ввиду неудобства для старой комиссии продолжать переговоры, не давая ответа, поручить дальнейшие переговоры комиссии в новом составе – Белобородову и Покровскому; разрешить им сообщить эсерам, что старая комиссия стояла за соглашение с освобождением арестованных, но что остальные нашли невозможным решить этот вопрос без пленума ЦК и что новая комиссия назначена именно ввиду разногласия старой комиссии с настроением ЦК в вопросе о формировании соглашения; декларацию левых эсеров в «Правде» и «Известиях» не публиковать, а разрешить ее напечатать в дружественном левым эсерам органе борьбистов⁵⁵.

К этому следует добавить, что в октябре 1919 г. борьбистам большевики оказали денежную помощь для зарубежной работы, правда, в ограниченном размере и под строгим своим контролем⁵⁶. Кроме того, им разрешили издание журнала в России на русском языке, а членов закордонного Бюро партии освободили от мобилизации, в то же время отказали в просьбе о приеме в III Интернационал (Коминтерн), посчитав это формально недопустимым и политическим несвоевременным⁵⁷.

Кроме украинских борьбистов в годы гражданской войны большевики сотрудничали с эсеровской группой Вольского, оказывали им в том числе и финансовую поддержку. Например, в сентябре 1919 г. у Вольского возникли трудности с изданием газеты «Народ». Было принято решение передать через Каменева, что ЦК РКП (б) не встречает препятствий к изданию еженедельника на плохой бумаге, поручено Каменеву в случае, если издание будет решено продолжить, материально обеспечить

издание нескольких номеров газеты⁵⁸. В ноябре 1919 г. рассматривался вопрос о допуске группы Вольского с совещательными голосами на VIII Всероссийский съезд советов, но только после ознакомления всех членов Политбюро с декларацией группы⁵⁹. В феврале 1920 г. по заявлению Каменева в Политбюро стало известно о преследовании в провинции меньшинства партии эсеров, сторонников группы Вольского. В результате была отдана директива о том, что члены меньшинства партии эсеров не подлежат аресту; о каждом случае задержания немедленно сообщать в ВЧК Лацису; при установлении связи членов меньшинства партии эсеров с группой правых эсеров вести особое наблюдение⁶⁰. Тогда же, в феврале 1920 г. Держинский доложил на Политбюро о выявленных связях правых эсеров с башкирскими националистами и о восстании кулаков в Мензелинском уезде Уфимской губернии. Держинскому предписали произвести аресты всех башкирских деятелей, причастных к связям с правыми эсерами; ликвидировать кулацкое восстание в Мензелинском уезде⁶¹.

В апреле 1920 г. руководители левых эсеров обратились с просьбой, возможно, в связи с подготовкой к съезду, о выдаче 120 тысяч рублей, но им было отказано⁶². А в мае намечавшийся в Воронеже партийный съезд эсерам не разрешили провести. В мае того же года рассматривался, надо полагать в положительном ключе, вопрос об отношениях с белорусскими левыми эсерами, работавшими в тылу противника⁶³. В июне 1920 г. на заседании Политбюро рассматривался запрос Лациса о возможности освобождения левых эсеров. Принято решение освобождать их избирательно по усмотрению ВЧК с соблюдением особой осторожности в виду военного времени⁶⁴. Связано это было с предложением ЦК левых эсеров своим участием поддержать большевиков в войне против поляков⁶⁵.

В марте 1921 г. на X съезде правящей коммунистической партии было принято решение о переходе к НЭПу, а чуть менее чем через два года, 6 января 1923 г. В.И. Ленин утверждает, что главная задача в условиях НЭПа – это «задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится...»⁶⁶ Не годился же он по одной причине – в государственных органах работали

в основном старые специалисты, среди которых было много политически активных и мыслящих людей. В результате он предлагает РКП (б) преобразовать в партийно-государственную структуру⁶⁷. «В настоящее же время, – отмечалось в тезисах ЦК партии к XI съезду еще в марте 1922 г., – когда партия руководит политической и хозяйственной жизнью всей страны, каждой организации партии приходится в той или другой форме принимать деятельное участие во всей многосложной хозяйственной, административной, культурной и политической жизни переходного периода. Партийные организации, в связи с этим, стали систематически обрастать большим аппаратом, обслуживающим партийные организации. Этот аппарат, постепенно разрастаясь, так, в свою очередь, стал приобретать бюрократический налет и поглощать чрезмерное количество сил. Одной из важнейших задач партии является – сократить во много раз аппарат обслуживания партии в его бюрократической части, – задача, к которой Центральный комитет и местные организации уже приступили»⁶⁸. Однако предпочтение в борьбе с всевластием аппарата, в том числе и партийного, было отдано в рассматриваемый период бюрократическим методам^{69 70}. На мой взгляд, это объяснялось отчуждением основной массы населения страны от собственности, так как всей собственностью владело государство, управляемое узким кругом партийных деятелей. Лозунги большевиков «Фабрики и заводы – рабочим» и «Землю – крестьянам», которые привели их к власти, остались не выполненными; механизма их реализации не было выработано.

Гражданская война завершилась победой большевиков, активные ее участники из числа сотрудничавших с большевиками партий после 1920 г. вступили в ряды РКП (б), некоторые из них, например, меньшевики Майский и Вышинский, впоследствии достигли высоких государственных постов. А в отношении меньшевиков и эсеров, которые пытались вести политическую деятельность, были предприняты репрессивные меры. К лету 1922 г. многие из них оказались в тюрьмах и концлагерях. 7 августа 1922 г. в Москве в Доме союзов был оглашен приговор по делу 34-х членов ЦК и активистов партии социалистов-революционеров (ПСР).

12 человек были приговорены к расстрелу, остальные – к тюремному заключению на срок от 2 до 10 лет. Впоследствии 10 человек помиловали и отложили исполнение приговора для 12 смертников, приговор в отношении их должен был быть приведен в исполнение, если эсеры продолжат вооруженную борьбу против Советской власти. Процесс над меньшевиками был отложен до весны 1931 г., многие из меньшевиков, эсеров и представителей других партий погибли, в том числе и в период репрессий 1936–1938 гг. (Отдельные тезисы статьи были представлены в докладе автора на круглом столе «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.»⁷¹).

Библиография

¹ Декреты советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 33–34, 52, 162, 171.

² Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П. С.-Р. Амстердам, 1989; *Морозов К.Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.

³ *Тютюкин С.В.* Большевизм: Страницы истории. М., 2002; *Урилов И.Х.* История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 1. Источниковедение. М., 2000; Ч. 2. Историография. М.: Раритет, 2001.

⁴ Декреты советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 52, 102–103.

⁵ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.

⁶ Большевики в 1918 году / отв. ред. З. Галили, А. Ненароков; отв. сост. Д. Павлов. М., 1999.

⁷ Большевики в 1919–1920 гг. / отв. ред.: З. Галили, А. Ненароков; отв. сост. Д. Павлов. М., 2000.

⁸ Большевики в 1921–1922 гг. / отв. ред.: З. Галили, А. Ненароков; отв. сост. Д. Павлов. М., 2002.

⁹ *Liebich A.* From the Other Shore. Russian Social Democracy after 1921. Harvard, 1997.

¹⁰ *Brovkin V.* The Mensheviks after October: Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship. Ithaca and London, 1987.

¹¹ От первого лица: сб. док. / сост. И.А. Анфертьев. М., 1992.

¹² *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005.

¹³ *Суслов А.Ю.* Социалисты-революционеры в Советской России: источники и историография. Казань, 2007.

¹⁴ Гусев А.В. Сталинизм глазами троцкистов: Дискуссии о характере сталинского режима в среде левой коммунистической оппозиции в конце 1920-х – 1930-е гг. // Политические и социальные аспекты истории сталинизма. М., 2015. С. 7–17.

¹⁵ Гусев А.В. Идея свободы в либерализме и социализме // Либерализм и социализм: Запад и Россия. М., 2013. С. 281–284.

¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 35. Л. 2.

¹⁸ Там же. Д. 48. Л. 3.

¹⁹ Там же. Д. 49. Л. 1.

²⁰ Там же. Д. 34. Л. 2.

²¹ Там же.

²² Там же. Д. 48. Л. 1.

²³ Там же. Д. 14. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 49. Л. 2.

²⁵ Там же. Д. 27. Л. 3.

²⁶ Там же. Д. 1. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 21. Л. 1.

²⁸ Там же. Д. 33. Л. 1; Д. 35. Л. 1.

²⁹ Там же. Д. 77. Л. 2.

³⁰ Там же. Д. 25. Л. 2.

³¹ Там же. Д. 27. Л. 2.

³² Там же. Д. 33. Л. 1.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Д. 35. Л. 1.

³⁵ Там же. Д. 43. Л. 1.

³⁶ Там же. Д. 84. Л. 1.

³⁷ Там же. Д. 91. Л. 1.

³⁸ Там же. Д. 93. Л. 2.

³⁹ Там же. Д. 94. Л. 4.

⁴⁰ Резолюции и Устав Коммунистического Интернационала, принятые Вторым конгрессом Коммунистического Интернационала (19 июля – 17 августа 1920 г.). – Пг., 1920.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 136. Л. 1.

⁴² Там же. Д. 150. Л. 1.

⁴³ Там же. Д. 154. Л. 2.

⁴⁴ Там же. Д. 174. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 179. Л. 4.

⁴⁶ Там же. Д. 239. Л. 5.

⁴⁷ Там же. Д. 249. Л. 6–7.

⁴⁸ Там же. Д. 257. Л. 5.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. Д. 258. Л. 2.

⁵¹ Там же. Д. 259. Л. 3, 9.

⁵² Там же. Д. 283. Л. 1.

⁵³ Там же. Л. 3.

⁵⁴ Там же. Д. 20. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Д. 27. Л. 2.

⁵⁶ Там же. Д. 29. Л. 1.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. Д. 26. Л. 2.

⁵⁹ Там же. Д. 37. Л. 2.

⁶⁰ Там же. Д. 63. Л. 4.

⁶¹ Там же. Д. 62. Л. 1.

⁶² Там же. Д. 68. Л. 3.

⁶³ Там же. Д. 74. Л. 2.

⁶⁴ Там же. Д. 88. Л. 3.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1970. С. 376.

⁶⁷ Там же. С. 384.

⁶⁸ Об укреплении и новых задачах партии. Тезисы к XI съезду РКП, утвержденные Центральным комитетом // Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 г. М, 1936. С. 679.

⁶⁹ Анфертьев И.А. Трансформация РКП(б) – ВКП(б) из политической партии в государствообразующую структуру на примере объединения ЦКК с Наркоматом РКИ. 1920–1926 гг. // Законодательное регулирование деятельности политических партий в Российской Федерации: проблемы и пути совершенствования. Курск, 2011. С. 14–26.

⁷⁰ Анфертьев И.А. ЦКК РКП(б) – ВКП(б) – инструмент укрепления партийно-государственной власти. Исторический опыт ликвидации многопартийности в России и уроки для современности. 1920-е – 1930-е гг. // Историческая наука о путях развития России: взгляд в будущее. Красногорск, 2011. С. 52–77.

⁷¹ Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М., 2016 // Официальный портал ИС РАН, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594>.

«ГОСУДАРСТВО-ПАРТИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?!

О.Г. Буховец

Вступая в дискуссию по теме, вынесенной в заголовок данной статьи, начать полагаю полезным со следующего вопроса. Если перефразировать кого-то из великих, то о чем может свидетельствовать значительное увеличение в России числа зарегистрированных партий: 1) о серьезном *расширении* российского партийно-политического пространства или 2) о внешне благопристойной *имитации* такого расширения? Большинство отечественных политиков и наблюдателей с разной степенью определенности склоняются к первому варианту ответа на этот вопрос.

Однако немало и тех, кто полагает, что прибегнувший к этому номинальному расширению правящий ныне режим – действительной целью имеет дальнейшую *маргинализацию* партийно-политической системы страны. И маргинализация это неизбежно усиливает *общий авторитарический тренд* в политической системе России, начало которому 16 лет назад дал приход В.В. Путина к власти. В свою очередь, подобный тренд может привести, с высокой степенью вероятности, к установлению в стране *однопартийной диктатуры*.

Системный кризис социализма и экспансия транзитологии

Почему же настолько противоположны оценки одного и то же явления – политической системы современной России? Думается, что причину столь большого масштаба различий нужно искать в изначальных эпистемологических установках исследователей, обращающихся к данной теме.

Как представляется, рассмотрение вынесенной в заголовок обсуждения проблемы начинать нужно с напоминания о том, что до недавнего времени более или менее объективный анализ постсоветских политических процессов, систем и институтов был весьма затруднен господством в нашем

обществоведении так называемых «транзитивных» моделей понимания и интерпретации таковых.

Разработаны эти модели были западными аналитиками в 1970–1980-е гг. на материале Южной Европы (Португалия, Испания, Греция) и различных стран Третьего мира, прежде всего, динамично менявшейся Латинской Америки. Причем, строго говоря, это была, по мнению некоторых специалистов, не «разработка» (новой теории) в собственном смысле слова, а по существу лишь «перелицовка» под новые задачи старой теории модернизации [Капустин 2001: 10–15].

Звездным часом для транзитологии стали «Перестройка», глубокий системный кризис и распад мира социализма. Хотя, справедливости ради, поначалу они ведь застigli западную политологию (по собственному признанию ее представителей) просто-напросто *врасплох* [Капустин 2001: 6].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. транзитология лавинообразно распространяется по огромному, переживающему состояние коллапса соцлагерю. А после его исчезновения она, ни мало, ни много, становится уже практически *нормативной теоретико-методологической парадигмой* политологических штудий, посвященных так или иначе постсоветскому /постсоциалистическому пространству.

Главное в транзитологической теории – это четкое, а если быть более точным, то просто безвариативное обоснование последовательной и *закономерной* инсталляции процедурных демократических институтов, свободной рыночной экономики и гражданского общества в странах, относящихся преимущественно к незападным сегментам мира. Согласно фактически аксиоматичным представлениям творцов транзитологии, после того, как в этих странах происходит демонтаж тоталитарных или авторитарных режимов, там возникают необходимые «рамочные» условия для последующей демократической эволюции к нормативному западному канону, по формуле, так сказать, «step by step».

События, следовавшие после свержения, ненасильственным и насильственным путем, в странах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы социалистического строя, совершенно неопровержимо, как тогда

казалось, свидетельствовали о том, что реальные политические процессы там развиваются в полном соответствии с «вмененным» им теорией транзита сценарием. Неоспоримым итогом «демократического транзита» этих стран мыслилось достижение ими «соответствия стандартам Евросоюза (и допуск в его ряды) или, как минимум, – параметрам западных стран на аналогичных ступенях развития...» [Капустин 2001.: 13].

Видимых препятствий на пути «триумфального шествия» транзитологии в тот исторический момент, казалось, не существовало, и по этой причине ее популярность в постсоветском и постсоциалистическом мире к середине 1990-х гг. достигла апогея.

На рубеже веков: ширяющиеся сомнения и критика

Прошло, однако, лишь несколько лет, отмечает российский политолог А. Шириков, как специалисты-транзитологи начали явственно ощущать неполноту той картины мира, которую позволяла создать транзитология. Причем *«даже в Латинской Америке, материал которой, собственно говоря, и дал жизнь этому политическому подходу, примеров успешного перехода к демократии оказалось не так уже много (выделено мною. – О.Б.)»* [Шириков 2005: 172].

А в конце 1990-х – начале «нулевых годов» XXI в. и на Западе, и на Востоке нередкой становится уже и критика теории и практики универсалистской версии транзитологии. Настойчиво зазвучали призывы отказаться от тех телеологических претензий, которые в целом изначально весьма характерны для нее [Капустин 2001; Carothers 2002; Kelley (ed.) 2003; Казин 2003; Новые демократии и/или новые автократии? 2004; Шириков 2005].

В опубликованном в 2004 г. исследовании Дж. Ганс-Морса автор, проанализировав более 130 работ, изданных в 1991–2003 гг. и посвященных трансформации посткоммунистических режимов, пишет о «значительном числе ученых», дающих понять, как выразился он, «что они находят транзитологический подход неприменимым или недостаточным для анализа основных проблем посткоммунизма» [Gans-Morse 2004: 328].

Достаточно широкая критика тех или иных положений транзитологии продолжается и поныне. При этом она стала в значительно большей степени дифференцированной, включающей более или менее успешные попытки отделить в этой стратегии познания, так сказать, «злаки от плевел» [Мельвиль 2007; Бреский, Бреская 2008; Шабасова 2009; Иванова 2011; Саитова 2012].

Однако нельзя в связи с этим не обратить внимание на следующее. За этой в разной степени последовательной и жесткой, равно как и вполне лояльной критикой определенно не поспевает выработка таких теоретических моделей, посредством которых возможно более адекватно, нежели это в состоянии делать транзитология, постигать и описывать постсоветские/постсоциалистические социально-политические процессы, явления и события. Посему, за отсутствием таковых моделей, авторы, можно сказать, по установившейся уже привычке «заменяют их моделями нормативными, заимствованными из западной политической теории» [Шириков 2005: 175].

Об эсхатологических прогнозах будущего России

Думается, что именно этим следует объяснять общую предрасположенность наших аналитиков к *эсхатологическим* прогнозам относительно хода и исхода эволюции политического режима в нынешней России. Примеров тому очень много, и ходить за ними далеко не надо.

Так, в частности, автору пространной статьи о факторах стабилизации и дестабилизации политической системы России после выборов, прошедших в 2007–2008 гг., реально осуществимым представлялось «прямое подавление любых проявлений неудобной властям политической деятельности, превращение ЕР («Единой России». – *О.Б.*) в *государственную партию*, установление жесткого авторитарного режима» [Перегудов 2009: 160].

Не менее яркой иллюстрацией того фактически нормативного воздействия, которое продолжает оказывать на часть нашего аналитического сообщества парадигма западной

политологии, может служить следующее. В статьях «Из огня да в полымя?» и «Возвращение Левиафана?» политолог В.Я. Гельман констатирует среди прочего, что после распада Советского Союза вплоть до конца 1990-х гг. происходила беспрецедентная по масштабам передача регионам РФ ресурсов государственной власти – институциональных, административных, экономических [Гельман 2007: 91].

В результате, российское государство «подверглось столь значительной фрагментации, что оценка набирающих силу тенденций как гоббсовской “войны всех против всех” выглядела вполне оправданной» [Гельман 2006: 105]. . Вместе с тем, тот же автор в той же статье оценивает курс Кремля на *рецентрализацию* как несущий в себе угрозу. Почему, спросим? Потому, полагает автор, что «лекарство порой может оказаться хуже самого недуга и стать причиной *еще более серьезных хронических заболеваний* (выделено мною. – О.Б.)» [Гельман 2006: 106].

Удивительно, но на озадачивающую *категоричность* такого вывода как будто не повлияла и приведенная Гельманом в этой же статье позиция, вполне причем конкретная и умеренная, идеолога нынешнего режима В. Суркова. Согласно ей, «партия власти», то есть «Единая Россия», «должна господствовать на политической сцене страны в ближайшие 10–15 лет» [Гельман 2007: 103]. В связи с последним уместно заметить, что с той поры прошло уже без малого 10 лет, и нынешняя ситуация в стране и мире верхнюю планку заявленного Сурковым периода, «приподымет», по всей очевидности, еще на «пятилетку» – другую.

Плюрализация как путь к автократии?

А что же «стремящийся к установлению однопартийной диктатуры» режим? Предпринимает ли он конкретные шаги, свидетельствующие о *реальном* движении по пути к установлению таковой «диктатуры»?

На наш взгляд оснований для того, чтобы обвинять его в этом, нет. Пока, во всяком случае. Напротив, вопреки мрачным прогнозам алармистов, в последние годы произошло

значительное «расширение партийно-политического пространства, за счет вновь образованных и зарегистрированных Минюстом» партий [Бондарев, Белякова 2013: 110].

Как отмечают конфликтологи, «расширившееся юридическое пространство для конкурирующих партий моментально снизило уровень оппозиционного давления митингового и демонстративного типа», введя оппозиционное движение в «русло организованной партийной оппозиции...» [Бондарев, Белякова 2013: 110]. Важно при этом отметить, что трактуется ими такая мера не как какая-то вынужденная уступка власти «болотной» оппозиции, а как умелый *наступательный* маневр, который обеспечил в итоге спад «болотного» движения [Бондарев, Белякова 2013: 110]. О чем, в частности, свидетельствуют результаты проведенного позже Левада-центром социологического опроса. Согласно данным этого опроса, «лишь 6% респондентов согласились с тем, что Координационный совет российской оппозиции (КСРО) действует в интересах граждан России» и в 2,5 раза больше тех, по мнению которых, «оппозиция действует в интересах зарубежных спонсоров» [Бондарев, Белякова 2013: 111].

Произошедшие в последующие годы в стране выборы разного уровня вполне подтверждают выводы конфликтологов о существенном продвижении России по пути партийно-политической плюрализации. Особенно убедительно отобразили это только что прошедшие осенние 2015 г. выборы, состоявшиеся почти во всех субъектах Российской Федерации.

Что делает транзитологическую теорию притягательной?

Итак, несмотря на довольно основательную «раскритикованность» методологии и практики транзитологии, ее модели понимания и интерпретации отнюдь не выходят из употребления в нашей политической аналитике. Причем, как кажется, во многих случаях даже не вполне осознаваемого. Причинами довольно частого обращения к транзитологическим моделям восприятия и интерпретации видятся следующие.

Во-первых, что ни говори, но период, в течение которого транзитология в постсоветском пространстве практически играла

роль нормативной теоретико-методологической парадигмы, был ведь достаточно продолжительным для того, чтобы сформировалась интеллектуальная привычка пользования ею как познавательным «ноу-хау».

Во-вторых, дело в самой *качественной природе* этой теории и практики познания. Как отмечают ее критики, транзитологическая парадигма просто-напросто *«заставляет видеть в действительности то и только то, что так или иначе значимо для ее (транзитологии. – О.Б.) базисной схемы»* перехода к либеральной демократии [Капустин 2001: 18]. Вот почему те, кто пользуется ее инструментарием, не столько *«видят»* в изучаемом эмпирическом материале по избранной теме что-то сущностно важное, сколько *«распознают»* в нем *признаки теоретически ожидаемого*. Что, в конце концов, позволяет им *«подвести»* это конкретное под *«крышу»* универсальных категорий транзитологии. В итоге и происходит то, что Дж. Сартори остроумно назвал *«концептной натяжкой»* [Новые демократии и/или новые автократии? 2004: 175].

В-третьих, как это ни парадоксально, но наша аналитика прибегает к использованию транзитологических моделей в значительной мере и потому еще, что самой транзитологии изначально вообще свойственно, как отмечает Б.Г. Капустин, *«методически последовательное игнорирование... активности «низов»* [Капустин 2001: 20]. Ведь последние, в соответствии с представлениями ее (транзитологии) теоретиков, в ситуации транзитов *«...разъединены и не уверены в своих интересах и идеалах, и потому не способны к согласованным коллективным действиям (курсив мой. – О.Б.)»*. [O'Donnel, Schmitter 1986: 4].

Подобное игнорирование – вполне очевидное *«удобство»* для тех авторов, которые привычно придерживаются *«базовых»* представлений о *«безмолвствующих», «терпеливых», «покорных», а то и просто «сдуревших»* (если голосуют «не за тех») низах. Понятно, что отталкиваясь от этих представлений, легче прогнозировать, в частности, и *«приближение авторитарного режима», и «превращение «Единой России» в государство-партию», и «установление однопартийной диктатуры»* и т.п.

Но большое влияние транзитологии чувствуется отнюдь не только в собственно политологической нашей аналитике. Активная «инфильтрация» транзитологических подходов, моделей восприятия и интерпретации происходила ведь и в «соседствующие» с политологией науки социально-гуманитарного блока.

Такие, например, как экономика и социология. Разве не об этом свидетельствуют, в частности, высказывания некоторых экономистов и социологов о том, что «Россия по своей природе страна авторитарная, если не сказать – *тоталитарная* (выделено мною. – О.Б.)»? Или же о том, что ее (России) «социокультурная модернизация отстала от экономической *на целый век* (курсив мой. – О.Б.)?! [Кудров 2005: 65; Тихонова 2006: 43]

И ведь такие размашистые и безапелляционные определения – отнюдь не редкость даже в наших научных изданиях, не говоря уже о публицистике! В связи с примерами подобной «легкости в мыслях необычайной», трудно не задаться следующим вопросом: если немного перефразировать хорошо известное название статьи Ю.В. Андропова, то знают ли некоторые отважные наши аналитики свою страну? Представляют ли они адекватно *особенное и индивидуально неповторимое* в ее развитии?

Грандиозность масштабов имперского и советского модернизационных проектов

Общеизвестно, что пессимистическая «диагностика» современного состояния страны во многом апеллирует к советскому «анамнезу». Обратимся в этой связи к наиболее существенным, с точки зрения обсуждаемой проблемы, явлениям недавней советской истории, не обходя, понятно, вниманием и непосредственно предшествующий ей досоветский период [Буховец 2011: 532–553].

Последние десятилетия XIX–XX вв. – время быстрого развертывания в Российской империи модернизационных процессов. В ускоренном режиме осуществлялись индустриализация, урбанизация, культурная революция.

В частности, в 1800–1880-е гг. темпы промышленного роста в России были выше, нежели в Англии и во Франции, а в последнее десятилетие XIX – «нулевые годы» XX в.в. – выше, чем в Германии и США.

Однако, с другой стороны, из-за низкого стартового уровня «домашние задания на XX век» по экономическому, социальному, культурному развитию огромной страны объективно оставались заданиями повышенной сложности. Например, невзирая на очень высокую динамику индустриального развития, в канун начала Первой мировой войны и последовавших затем «великих потрясений» на российскую промышленность в 1913 г. приходилось еще только 27% ВВП, тогда как на сельское хозяйство – 51%. Что касается урбанизации, то рост ее абсолютных показателей сочетался с высоким естественным приростом в российской деревне. Вследствие этого относительный показатель – доля городского населения в народонаселении страны росла медленно, достигнув к 1913 г. лишь 15%.

Противоречивым был и ход культурной модернизации. При всем том, что в первые десятилетия XX в. государство прилагало очень большие усилия для развития народного образования, удельный вес грамотных (в самом элементарном понимании) к 1913 г. поднялся лишь 54% среди мужчин, а у женщин он достиг всего-навсего 24%. При этом функциональная грамотность была еще гораздо ниже.

Взяв в 1917 г. власть и отстояв ее в ходе Гражданской войны, большевики получили, волей-неволей, и указанные «домашние задания», причем в чрезвычайно отягощенном семилетним военным и революционным лихолетьем варианте. Для их выполнения советское государство выработало особую модель «догоняющей», ускоренной модернизации, которая должна была обеспечить в сжатые исторические сроки научно-технологический и материальный прогресс страны [Наумова 1994: 6; Кравченко 1997: 159–160; Вишневский 1998; Миронов 1999. Т. 2: 332–335].

Чтобы обеспечить планомерное, в заданных темпах и объеме выполнение модернизационной программы, советским

государством использовался большой набор ресурсов, стимулов, инструментов. Причем совершенно разного плана.

В частности, широчайшее применение получили воссозданные большевистским режимом элементы общинного социального строя. Важнейшим инструментом модернизации в руках власти стали горизонтальная и вертикальная социальная мобильность. Неоценимым ресурсом, сполна использовавшимся государством, явился стихийный народный энтузиазм. На протяжении двух с лишним десятилетий самое мощное воздействие на ход советской модернизации оказывали разного рода репрессивные практики власти по отношению буквально ко всем слоям и социальным группам советского общества.

Противоречивость результатов советской модернизации

Но отсюда и выраженная противоречивость итогов стремительной по историческим меркам советской модернизации. С одной стороны, данная модернизационная модель не сумела создать адекватные социальные механизмы ни для саморазвития экономики, ни для обеспечения необходимой гибкости социальной структуры, ни для функционирования институтов гражданского общества и политической демократии. Однако, с другой стороны, она, сделав СССР страной по преимуществу городской, оказалась способной не только воспринять, но отчасти даже развить многие инструментальные достижения западных обществ – современные технологии, внешние формы жизни, науку, образование и пр.

Наряду с этим, советская модернизационная модель обеспечила также секуляризацию массового сознания, рациональную мотивацию поведения, поразительно высокую социальную мобильность, демографическую революцию и становление современного типа малой демократической семьи. Эти явления советской модернизации уже с конца 1950-х гг. вызывают пристальный интерес западных специалистов, а в 1960–1970-е гг. такие весьма авторитетные в мире ученые как Р. Арон, Ф. Бродель, Дж. Белл, Дж. К. Гэлбрейт, С. Хантингтон приходят к выводам, согласно которым советский и западный миры «представляют собой единую реальность –

индустриальную цивилизацию». И что сближение между советской и западной индустриальными системами «идет по всем основным направлениям» [Иноземцев 2003: XII; Капустин 2001: 11; Буховец 2011: 537–539].

Особенным образом эта другая сторона советской модернизации проявилась уже в послесталинскую эпоху. В условиях внутрисистемной «демократизации» и либерализации духовной жизни в СССР 1950–1960-х гг. стало обнаруживать себя противоречие между общинно-патерналистскими социальными институтами советского государства и появившимся в результате модернизации грамотным человеком с секуляризованным сознанием, рациональным мышлением и поведением.

Превращение же такого человека в массовый тип предопределило в последующем, в 1960–1970-е гг. постепенную переориентацию большинства населения страны на ценности городской, в преобладающем индивидуалистической культуры.

В 1970-е – первой половине 1980-х гг. усиленное стимулирование этой социокультурной трансформации обеспечивалось действием целого комплекса факторов.

Во-первых, процесс «возвышения потребностей» в тогдашнем советском урбанизированном социуме происходил в условиях «затухающей динамики» экономического, социального, политического развития.

Во-вторых, тогда же происходит массовизация критических и негативистских установок и стереотипов в отношении институтов и персоналий власти, «геронтократии» в советском партийно-государственном руководстве, «социалистической демократии», казенной идеологии и культуры.

В-третьих, «информационные окна», появившиеся в условиях мирного сосуществования и разрядки, которые позволили населению советской страны «заглянуть» в мир за «железным занавесом», обеспечили наибольший демонстрационный эффект от его созерцания именно в 1970–1980-е гг.

**Постсоветский период:
констатации – печальные,
но эсхатология отменяется**

Перестройка, системный кризис и развал СССР, слом основных несущих опор «советской цивилизации» – создали принципиально новые рамочные условия для формирования постсоветского массового сознания и культуры. Теперь уже советская цивилизация, которая господствовала в СССР и во Втором мире большую часть XX в., превратилась в *субцивилизацию*. В России, как и в других новых независимых государствах, в этот период происходит «посттоталитарная атомизация», которая выражается в разрушении, либо существенном ослаблении старых социальных, этнонациональных, социокультурных связей и идентификаций. Это дало сильные импульсы для дальнейшей индивидуализации сознания. Выступая в элементарных («классических») своих формах, она, следует подчеркнуть, привела к беспрецедентному ослаблению в постсоветских социумах межличностных связей, атрофии групповых структур и к далеко зашедшей дискредитации в массовом сознании каких бы то ни было общественных начал [Бухарин 2004: 88]. «Никаких сверхличных интересов и ценностей!» – прокламировали «перестроечные» и постсоветские либеральные оракулы...

Нельзя в связи с этим также не отметить, что сильнейшим дополнительным стимулом для «посттоталитарной атомизации» в постсоветской России стал пресловутый «капитализм для своих», утвердившийся в стране в период правления Б.Н. Ельцина. Действуя по циничной формуле «Друзьям и близким – все, а остальным – рынок», такая модель капитализма обрекала на социальную маргинализацию подавляющее большинство ее населения. Этим и обусловлена политическая апатия, пришедшая на смену достаточно массовой политизации конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Критикуя транзитологическую идею об инертности и пассивности низов, Б.Г. Капустин ставит вопрос так: «Возможно, их (низов. – О.Б.) апатия и индифферентность есть проявление не низкой политической культуры и непонимания происходящего, а как раз наоборот – трезвой оценки реального

значения демократических институтов с точки зрения осуществления *своих* идеалов и интересов?» [Капустин 2001: 23]. Думается, что как раз такой трезвой оценкой сложившейся реальности и объясняется политическая апатия среднего россиянина.

Вышеотмеченные минусы советской модернизационной модели в постсоветский период в значительной мере усиливаются, следует это особо подчеркнуть, разного рода регрессивными процессами, которые разные авторы определяют как «демомодернизацию», «антимодернизацию», «цивилизационный регресс», а то и просто как «третьемирилизацию» российского, украинского и других обществ – наследников СССР. Но, как нам представляется, даже эти регрессивные явления не в состоянии (во всяком случае в ближайшей перспективе) полностью «перекодировать» системные, фундаментальные характеристики этих уже так или иначе модернизированных социумов. [Коэн 1999: 26; Красильщиков 1999: 97–98; Буховец 2000: 46; Данилов 1999: 23–27; Кандель 2002: 549]. Ведь по-прежнему Россию и другие постсоветские государства от стран Третьего мира отличает более высокий уровень урбанизированности, делающей крупнейшие их города все более похожими на мегаполисы Запада, грамотность подавляющего большинства населения, как качественные, так и количественные показатели уровня высшего образования и науки, развитая промышленная инфраструктура, современная социальная структура [Малахов 1998: 152; Рукавишников, Халман, Эстер 1998: 29].

По-прежнему, несмотря даже на весьма ощутимые потери 1990-х гг., дает о себе знать «тотальная сциентизация и большой пиетет перед образованием», имевшие место в советском обществе» [Водопьянова 2002: 119]. Равно как и реальным дифференцирующим фактором остается (по крайней мере, пока) «наличие больших групп населения, профессионально подготовленных к научной и инженерной деятельности», высокое качество инженеров, конструкторов и ученых, открытость общественного сознания мировым влияниям, секуляризация публичной жизни [Кудров 2005: 56; Рукавишников, Халман, Эстер 1998:29; Капустин 2001: 11].

Вышеперечисленные системные характеристики, в их совокупности позволяют, по нашему убеждению, рассматривать прогнозы возникновения в России нового «государства-партии» как умозрительные и совершенно нереалистичные. А поскольку подобные предсказания основаны, прежде всего, на страхах по поводу путинской политики рецентрализации, то нелишне напомнить, что даже такой *не симпатизирующий* ни В.В. Путину, ни самой России политик как З.Бжезинский признался, что «после разгула анархии ельцинских времен он не видит альтернативы курсу на укрепление основ государственности» [Новые демократии и/или новые автократии 2004: 170–171].

Заключение

Системный кризис «реального социализма» 2-й половины 1980-х – начала 1990-х гг., быстро переросший затем в коллапс, застал социальную науку Второго мира, можно сказать, врасплох. Обретя интеллектуальную свободу и освободившись от жесткого, в большей или меньшей мере, контроля со стороны официальной идеологии, она по существу успела приступить лишь к обновлению своих *внешних форм*, «упаковки», «этикеток». Сущностно-содержательная же ее «начинка», аналитический потенциал на уровне не отдельно взятых ученых, а *в совокупности* успели измениться слишком мало для того, чтобы она смогла в то время выработать *самостоятельные* стратегии познания начавшегося уже в большинстве стран Второго мира «транзита» – политического, экономического, социального, культурно-ментального. В духе тогдашней эпохи, выход из такой ситуации виделся очень простым: импорт. В данном случае – «научный импорт».

Самым ярким и, увы, оказавшимся по истечении времени самым укоризненным примером такового – явился «импорт» в наше научное пространство зарубежных теоретических моделей восприятия и интерпретации транзитивных процессов и явлений. Ведь в предшествующие полтора-два десятилетия западные экономисты, политологи, социологи, историки, культурологи исследовали и обобщали обширный материал о транзите в разных регионах тогдашнего

мира, прежде всего по Латинской Америке. Он-то и был востребован в странах «реального социализма» как особо ценная статья научного импорта, призванного компенсировать острый дефицит аналогичных исследований по Второму миру.

В считанные несколько лет в социально-гуманитарной сфере знания большинства социалистических стран происходит генеральная *инверсия* научных норм и авторитетов. Уже в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в трудах наших обществоведов место обязательных прежде ритуальных положений типа «классики марксизма-ленинизма о...» занимают ссылки на западных авторов. «Смена научных вех» была настолько всеобъемлющей, что уже к середине 1990-х гг. западные ученые становятся для постсоветской, не говоря уже о постсоциалистической, науки не просто авторитетными и часто цитируемыми иностранными коллегами-специалистами, а, по существу, *нормативной референтной группой*.

Конечно, были и скептики, которые выражали сомнения по поводу *универсальной применимости* соответствующих наработок зарубежных специалистов. Высказывались, в частности, предостережения, что простое принятие «импортированных» моделей «к исполнению», без предварительной их настройки на то особенное и индивидуально-неповторимое, которое присуще нашей части мира, может завести нашу науку в очередную эпистемологическую ловушку [Богатуров 2000: 199; Пантин 2000: 138–139; Буховец 2004: 90–91]. Однако в обстановке снизившихся критериев истинности научного знания голоса скептиков почти не были слышны в «хоре» тех, для кого не существовало сомнений в том, что, как бы мы выразились, модель транзита, сработавшая в Аргентине, Бразилии или Чили, сработает и в постсоветских странах.

Но приписывавшиеся названным теоретическим схемам политического и экономического транзита «универсальность» и «классические характеристики» не просто не получили подтверждения в ходе конкретных трансформационных процессов, которые уже пережили и продолжают переживать бывшие социалистические страны. Они, кроме того, с редкой наглядностью свидетельствуют еще и о *фундаментальности*

заложенной в них ошибки отождествления *Второго и Третьего мира*.

Помимо прочего, нельзя также не добавить, что идея «нормативности» транзитологических концепций *не только для тех частей мира, на чьем эмпирическом материале они вырабатывались post factum, но и для других, в которых на момент оформления таких концепций данные явления абсолютно никак еще и не проявлялись*, – просто сама по себе заслуживает места в какой-нибудь «хрестоматии по научной наивности». (В сокращенном виде доклад автора был представлен на круглом столе «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.» [Буховец 2016: 89–94]).

Библиография

1. *Капустин Б.Г.* 2001. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия). – Полис. № 4.
2. *Шириков А.С.* 2005. Транзитология: затянувшееся прощание? – Полис. № 2.
3. *Karothers T.* 2002. The End of the transition Paradigm – Journal of Democracy. Vol. 13. № 1.
4. *Kelley D.R. (ed.)* 2003. After Communism: Perspectives of Democracy. Fayetteville.
5. *Казин Ф.А.* 2003. Конец «переходного периода» или «серая зона» Европы? – Вестник политической психологии. № 2.
6. Новые демократии и/или новые автократии? (Материалы круглого стола) 2004. – Полис. № 1.
7. *Gans-Morse J.* 2004. Searching for Transitologists: Contemporary Theories of Post-Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm. – Post-Soviet Affairs. Vol. 20. № 4.
8. *Мельвиль А.О.* 2007. Демократические транзиты – Политология: Лексикон / под ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН.
9. *Бреский О., Бреская О.* 2008. От транзитологии к теории Пограничья. Очерки деконструкции концепта «Восточная Европа». Вильнюс: ЕГУ.
10. *Шабасова М.А.* 2009. Транзитология как научный подход и идеология. – Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук зб. Вып. 4 / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ.
11. *Иванова А.А.* 2011. Транзитология и ее критики о трансформации политического режима – Вестник Бурятского государственного университета. № 6.

12. Саитова Э.Ф. 2012. Трансформация политических режимов постсоветских государств: теоретико-методологический аспект – Евразийский юридический журнал. № 9.
13. Перегудов С.П. 2009. Политическая система России после выборов 2007–2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации. Часть II. – Полис. № 3.
14. Гельман В.Я. 2007. Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе. – Полис. № 2.
15. Гельман В.Я. 2006. Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России. – Полис. № 2.
16. Бондарев В.Г., Белякова Е.А. 2013. Власть, современная российская оппозиция и общественная безопасность. – Конфликтология. № 4.
17. O'Donnell G., Schmitter Ph. 1986. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimor, L.: Johns Hopkins University Press.
18. Кудров В.М. 2005. Экономика «Трех Европ на подъеме (Сопоставительный анализ. М.: ИЕ РАН, Огни.
19. Тихонова Н.Е. 2006. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации. – Общественные науки и современность. № 1.
20. Буховец О.Г. 2011. Советское цивилизационное наследие – Россия в многообразии цивилизаций / под ред. Н.П. Шмелева. М.: Весь мир.
21. Наумова Н.Ф. 1994. Социальная политика в условиях запаздывающей модернизации – Социологический журнал. № 1.
22. Кравченко А.И. 1997. Социология Макса Вебера: Труд и экономика. М.: На Воробьевых.
23. Вишнеvский А. 1998. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ.
24. Миронов Б.Н. 1999. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). СПб.: Дм. Буланин.
25. Иноземцев В.Л. 2003. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М.: Экономика.
26. Коэн Ст. 1997. Изучение России без России. Крах американской постсоветологии: (Серия «АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып.4.) М.: АИРО-XX.
27. Красильщиков В. 1999. Россия и мировые модернизации // Pro et Contra. Т 4. № 3.
28. Буховец О.Г. 2000. Постсоветское «великое переселение народов»: Беларусь. Россия. Украина и другие (Серия «АИРО – Научные доклады и дискуссии... Вып. 11). М.: АИРО-XX.
29. Данилов В.П. 1999. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот?– Куда идет Россия...? М.: Логос.
30. Кандель П.Е. 2002. Россия – СНГ: баланс центробежных и центростремительных тенденций. – Европа: вчера, сегодня, завтра. М.: Экономика.

31. *Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* 1998. Политическая культура и социальные изменения: Международные сравнения. М.: СОВПАДЕНИЕ.
32. *Водопьянова Е.В.* 2002. Европа и Россия на карте мировой науки. М.: Бимпа.
33. *Малахов В.* 1998. Вызов национальному государству. – Pro et Contra. Т.3. № 2.
34. *Бухарин Н.И.* 2004. Демократическое правовое государство и гражданское общество Центрально-Восточной Европы. – Мир перемен. № 1.
35. *Богатуров А.* 2000. Десять лет парадигмы освоения. – Pro et Contra. 2000. Т. 5 № 1.
36. *Пантин В.* 2000. Сможет ли российская наука понять, что происходит в России? – Pro et Contra. 2000. Т. 5 № 2.
37. *Буховец О.Г.* 2004. Изучение национализма в Европе и Евразии: новые аспекты. ОДИЕРАН № 148. М.: ИЕ РАН, Огни.
38. *Буховец О.Г.* 2016 [Возможна ли новая однопартийная диктатура в России?]. Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М.: ИС РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594>

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ: ВОЗМОЖНА ЛИ НОВАЯ ОДНОПАРТИЙНАЯ ДИКТАТУРА?

А.А. Вилков

Проблема формирования многопартийности в постсоветской России является одной из самых обсуждаемых в научном и публицистическом дискурсе¹. С одной стороны, кажется совершенно очевидным, что за два с половиной десятилетия постсоветских реформ Россия далеко продвинулась в становлении партийной системы. Действительно, многопартийность закреплена в Конституции РФ, партии стали привычными субъектами конкурентных выборов, лидеры ведущих политических партий хорошо известны многим российским гражданам.

Дискуссию о возможности трансформации российской многопартийности в однопартийную диктатуру целесообразнее предварить вопросом о том, что имеется в виду под однопартийной диктатурой? Идет ли речь о реинкарнации советской модели с единственной партией? Или же речь идет о возможности формального и неформального закрепления доминирующего статуса «партии власти» при наличии «карманных» и маргинальных оппозиционных партий, не способных серьезно повлиять на изменение политического расклада?

Рассмотрим вариант о трансформации современной партийной системы в хорошо проверенную временем в истории России модель с единственной партией. Сегодня действующая власть не вполне явно и не вполне официально, но признает определенные достоинства советской однопартийной модели. В качестве ядра всей политической системы СССР она обеспечивала стабильность и преемственность власти и соответственно на всех уровнях. В качестве инструмента социальной мобилизации однопартийная модель обеспечивала

концентрацию всех общественных ресурсов для реализации самых грандиозных проектов, результативность которых получила признание во всем мире. В качестве механизма управления данная модель позволяла держать под контролем все сферы общественной жизни, от экономики до культуры. Партийная пирамида пронизывала государственные и хозяйственные органы, сферу образования, общественные организации, силовые структуры на всех уровнях и направляла их деятельность в соответствии с единой стратегией общественного развития.

Однако возникает резонный вопрос: возможна ли реинкарнация такой однопартийной диктатуры в современных условиях?

В одной из статей 2007 г. я уже обращался к теме об аналогии «Единой России» и КПСС². Анализ агитационно-пропагандистских предвыборных материалов свидетельствовал, что «Единая Россия» для укрепления своих позиций негласно конструировала имидж партии-аналога КПСС, представляющей интересы большинства населения и отвечающей за успешное решение всех общественных проблем на основе организационного встраивания в единую вертикаль власти. В определенном смысле такая неявная аналогия срабатывала достаточно эффективно на тех избирателях, которые испытывали ностальгические настроения по СССР. Однако одно дело – выстраивание структурных элементов имиджа, в той или иной степени идентичных КПСС, и другое дело – наличие объективных ресурсов для воссоздания совокупности ее функциональности, идентичной роли партии в советской политической и социально-экономической системе.

Думается, что для этого в современной России отсутствуют важнейшие предпосылки. Главная из них – это отсутствие партийной идеологии, обосновывающей целесообразность установления диктатуры. Большевики пришли к власти на основе мессианской идеи строительства социально справедливого общества без эксплуататоров и частной собственности. Диктатура пролетариата обосновывалась необходимостью подавления неизбежного сопротивления класса собственников во имя интересов большинства трудящихся

классов. Причем обосновывалась диктатура именно рабочего класса, как выразителя интересов всех трудящихся, а не диктатура партии (Вопрос о том, что реально это была именно диктатура партии, – в рамках данного обсуждения требует отдельного рассмотрения. Важно учитывать, что партия официально позиционировала себя как диктатуру пролетариата, а затем, как общенародную партию и активно внедряла эту оценку в массовое сознание). Партия позиционировалась лишь как политический инструмент, как передовой авангард осуществления пролетарской диктатуры на пути строительства бесклассового общества.

Сегодня даже КПРФ в своей программе декларирует плюрализм видов собственности, приверженность принципам демократии и правовым методам строительства социализма. В связи с этим обстоятельством, а также в виду отсутствия существенной социальной поддержки КПРФ в современной России, говорить о возможности восстановления коммунистической диктатуры нет серьезных оснований.

У «Единой России» (а постановка вопроса дискуссии предполагает, что именно с ней связывают возможную перспективу установления однопартийной диктатуры) нет ничего похожего на идеологию, во имя которой большинство российского населения согласилось бы на диктатуру данной партии.

Все официальные обоснования необходимости сохранения самобытности России, аргументы об объективных предпосылках ее державности и неизбежной необходимости защищать свои огромные просторы и ресурсы от посягательств геополитических конкурентов, не могут рассматриваться в качестве таковой идеологии. Идеология включает в себя не только мировоззренческие принципы и ценности, но и определенный образ будущего, который понятен и близок большинству населения, во имя воплощения которого он готов уже сегодня активно действовать и жертвовать сегодняшним своим социальным состоянием. Фактически образ будущего России закреплен в Конституции РФ в виде демократических ценностей и принципов функционирования российского общества в рамках правового и социального государства. Но его позитивное

восприятие большинством населения размывается и нивелируется в результате воздействия ряда факторов.

Во-первых, сам образ формировался в начале 1990-х гг. в условиях реализации радикальных политических и социально-экономических преобразований, проводимых под либеральными лозунгами. В результате произошло резкое падение уровня жизни, которое вызвало соответствующую негативную реакцию на все, связанное с либерализмом. Постепенная маргинализация праволиберальных партий произошла не столько в результате неумных лидерских амбиций и постоянных явных и скрытых конфликтов и разборок в либеральном партийном сегменте, сколько в результате разочарования населения результатами либеральных реформ. Это не могло не сказаться и на восприятии образа будущего современной России.

В его основе лежит ядро именно либеральных ценностей, которые в силу конституционной закреплённости признают и поддерживают все ведущие российские партии, в том числе и «Единая Россия». Современные сторонники либерализма в России критикуют действующий режим за отступления от этих ценностей и принципов, которые, по их мнению, привели к установлению авторитарного режима. Действующая власть подчеркивает свою приверженность демократическим принципам, доказывая, что они реализуются и в ходе выборов и в рамках функционирования основных политических и общественных институтов. Население видит существующие очевидные недостатки существующего положения в политике, экономике и социальной сфере, но руководствуются принципом «из двух зол нужно выбирать меньшее».

«Единую Россию» как партию власти они расценивают как «меньшее зло», по сравнению с тем хаосом и социальной деградацией, которые имели место в России в 1990-е гг. в период доминирования сторонников либерализма. Для молодежи, в качестве наглядного примера негативных последствий либерализма, стали кризисные события и гражданская война на Украине. Но «Единая Россия», поддерживаемая как «меньшее зло», не может быть воспринята в массовом сознании в качестве аргумента для установления ее диктатуры во имя строительства правового и социального государства.

Во-вторых, мобилизационный патриотический потенциал современного образа России, как великой самобытной державы, вынужденной противостоять своим врагам, способен решать на определенное время тактические задачи по сплочению общества в условиях обострения взаимоотношений с США и их союзниками. Но он не способен выступать постоянно действующим мотивационным двигателем активной жизненной позиции россиян на стратегическую перспективу. Тем более он не способен выступить обоснованием для установления диктатуры.

Подъем патриотических настроений и сплочение вокруг действующей российской власти в связи с обострением международных отношений и очевидной внешней угрозой России, не снимает претензий значительной части населения к существующей политической и социально-экономической системе. Претензий, прежде всего, с точки зрения социальной несправедливости, наличия повсеместной коррупции, социального раскола общества, и других явных и неявных недостатков. Ничего принципиально нового и понятного большинству населения в борьбе с очевидными пороками существующего строя «Единая Россия», кроме уже действующих методов, предложить не может, так как сама выступает одним из базовых элементов данной системы. А действующие методы борьбы воспринимаются населением как неэффективные или недостаточные. В тоже время, это вовсе не означает, что ностальгические воспоминания о «железной руке» Сталина представляют собой предпосылку для установления диктатуры «Единой России». Потенциальные репрессии (например, для борьбы с коррупцией) уже нельзя подкрепить в массовом сознании идеалами «светлого будущего всего человечества».

Поэтому четкое восприятие «Единой России» в массовом сознании связано, прежде всего, с ее инструментальным политическим предназначением – это партия реализации стратегии Президента РФ. Все идеологические и мировоззренческие компоненты образа партии очень размыты и носят эклектичный характер. Они включают в себя и праволиберальные методы и ценности (демократия, рынок, права человека), и консервативные

(сильная власть, сильный лидер, порядок, стабильность) и социал-демократические (госрегулирование экономики, социальная защита).

Программа «Единой России» – это программа «реальных дел» в виде национальных проектов, не скрепленных мировоззренческим ядром. Слоганы «Единой России» разнообразны, и многовекторны, но не содержат единого идеологического стержня: «Сильная Россия – единая Россия!», «Единая Россия делает!», «Партия ответственной власти», «Партия национального успеха», «Партия президентского большинства», «Пора делать выводы!», «Пора делать выбор!», «Мы не подведем!», «Доверьте власть – ответим делом!», «Слышать людей, работать для людей!», «План Путина – победа России!», «Единая Россия – партия реальных дел!», «Вместе с «Единой Россией» к процветающей России!», «Поддержим курс Путина, голосуем за “Единую Россию”!».

Кроме того, с точки зрения установления диктатуры, у «Единой России» по определению отсутствуют возможности контролировать и перераспределять те экономические ресурсы, которые в СССР были полностью подконтрольны КПСС на основе господства общенародной (фактически государственной) собственности. Класс современных российских собственников, имеющих существенные ресурсы влияния на позицию «Единой России», напротив, максимально заинтересован в сохранении частной собственности. Поэтому российские бизнес-элиты также не заинтересованы в установлении диктатуры, которая хотя бы декларативно заявляла о возможности усиления такого государственного контроля за экономическими ресурсами.

Для того, чтобы сформировать представление о «Единой России» как «всенародной», (идентичной КПСС) ее лидеры стремятся расширить социальную базу партии. Региональные отделения «Единой России» активизируют свою деятельность по расширению числа членов партии, и ее сторонников на местах. Результатом такой организационной работы является тенденция, которая прослеживается все более четко: фактически «Единая Россия» является единственной партией, способной охватить своими кандидатами выборы всех уровней. Это стало одной из причин их победы не только на федеральном уровне, но и на

муниципальных выборах. Итоги сентябрьских выборов 2015 г. подтвердили данную тенденцию³. Даже традиционно сильные региональные отделения КПРФ в последние годы стали уступать усилившемуся за последние годы организационному ресурсу единороссов, помноженному на пресловутый административный ресурс.

Стремясь показать свою массовость и общенародность, «Единая Россия» включает в свои списки представителей самого широкого социального спектра: чиновников и безработных, представителей интеллигенции и работников массовых профессий, мужчин и женщин, опытных политиков и представителей молодежи. Фактически эта практика также является стремлением использовать опыт КПСС по квотируемому формированию корпуса народных депутатов Советов всех уровней.

Однако сформировать образ всенародной партии (идентичной КПСС) не удалось. Обусловлено это, тем, что она воспринимается не просто «партией власти», но партией, представляющей интересы, прежде всего, класса российских собственников. У рядовых россиян не вызывает сомнения, что только этим можно объяснить, например, ситуацию с отсутствием прогрессивного налогообложения, когда одинаковый налог платят граждане с минимальной зарплатой и российские миллионеры и миллиардеры. Поэтому стремление создать образ общенародной партии не может быть подкреплено образами «партийцев-бессеребрянников», идентичных образам коммунистов советского периода. В массовом сознании россиян прочно укрепился стереотип, что сегодняшние политики рассматривают власть, прежде всего, как инструмент для личного обогащения. Фактов для этого наша действительность предоставляет более чем достаточно. Последнее резонансное событие, которое укрепляет такие представления в массовом сознании – арест практически всего высшего руководства Республики Коми по обвинению не просто в коррупции, а в создании международной организованной преступной группы.

Сама политическая субъектность партий в современной России воспринимается совершенно по иному, чем это было в СССР, когда личная власть генсека являлась вершиной

пирамиды власти КПСС и всей политической системы, включая государственные и общественные структуры. В современной России Президент концентрирует вершину пирамиды органов исполнительной власти, которая носит самодостаточный характер и соответственно воспринимается населением как ключевая. Несмотря на то, что Путин публично ассоциирует себя с «Единой Россией», но он ни разу не был избран Президентом именно как партийный кандидат. Властный ресурс и политическая субъектность «Единой России» связаны, прежде всего, с деятельностью, парламента, который в массовом сознании по своему статусу ранжируется значительно ниже должности главы государства. То есть скорее можно было бы говорить о перспективах установления единовластной диктатуры Президента РФ, чем «Единой России».

Возникает резонный вопрос, а есть ли в современной России политические силы, которым выгодно установление такой диктатуры? Думается, что в российском политическом бомонде в этом сегодня не заинтересован никто.

С точки зрения внешнеполитической, даже малейшие подвижки к установлению диктатуры не выгодны никому, так как могут еще более усугубить ситуацию с формированием негативного образа России в США и западноевропейских странах. Авторитарные тенденции в России и укрепление «вертикали власти» после прихода к власти Путина и так абсолютизируются и интерпретируются в информационном пространстве Запада как установление в России антидемократического режима. Не случайно, что Президент РФ последовательно стремится к разоблачению этого негативного образа, демонстрируя свою открытость для российских и зарубежных СМИ, свою либеральную позицию в отношении российского бизнеса и гарантии для западных инвесторов, свою поддержку институтам гражданского общества в России.

С точки зрения внутренней, такая диктатура также не выгодна, так как она не несет в себе даже потенциальных предпосылок для расширения политических возможностей Президента РФ и «Единой России». Рейтинг Путина велик как никогда, даже в условиях «войны санкций» и их негативных последствий для российской экономики и социальной сферы.

Ключевая причина – возрождение самосознания россиян, ущемленного после разрушения СССР утратой позиций великой державы. Возвращение Крыма и жесткая позиция России на реакцию США и их союзников воспринимается как восстановление исторической справедливости и реального российского суверенитета.

С точки зрения функциональной (например, обеспечения задач сохранения власти) диктатура в современной России также невыгодна. Прежде всего, это невыгодно с точки зрения имиджевой, так как диктатура противоречит целенаправленно формируемому на протяжении последних полутора десятилетий демократическому образу существующего политического режима в России. Его публично и постоянно поддерживают Президент РФ и лидеры «Единой России», позиционируя себя в качестве сторонников незыблемости Конституции РФ и закрепленных в ней демократических норм и ценностей. Поэтому с технологической точки зрения для сохранения действующей власти гораздо эффективнее продолжать использование в рамках демократических процедур возможностей административного ресурса, контроля за ведущими СМИ, политических и социальных ресурсов ОНФ и других институтов гражданского общества, чем двигаться к установлению открытой диктатуры.

Насколько соотносятся демократические ценности и принципы с их имитацией в ходе выборов и повседневной общественно-политической жизни России – это отдельный и очень непростой вопрос. Сторонники либеральных ценностей, чаще всего, сводят его к тому, насколько российские реалии в последние полтора десятилетия не соответствуют западноевропейским стандартам демократии. При этом остаются вне критики проблемы и противоречия, которые проявились в западноевропейской либеральной модели демократии (самый очевидный пример – проблема абсолютизации ценности толерантности и навязывание позиции защиты интересов сексуальных меньшинств большинству населения). Сторонники обоснования самобытной российской модели демократии (наиболее ярким примером ее идеологического обеспечения была концепция «суверенной демократии») акцент делают на

объективной обусловленности уникального ее варианта. При этом вне серьезной критики остаются недостаточно эффективно действующие механизмы и институты политической системы, которые не позволяют устранить резкую поляризацию российского общества, устранить, или хотя бы ограничить повсеместную коррупцию, совершить реиндустриализацию экономики и освободить страну от нефте-газо-сырьевой зависимости.

Тем не менее, наличие имитационных начал в деятельности российских субъектов оппозиции, использование манипулирования массовым сознанием, наличие авторитарных элементов в политической системе и многие другие ее недостатки не дают оснований утверждать о наличии предпосылок для установления диктатуры в современной России.

Скорее речь можно вести о несовершенстве и противоречиях российской демократической модели переходного периода. Часть из них обусловлена российскими конкретными условиями не завершенного по сей день перехода от одной социально-политической и социально-экономической системы к другой и конкретными особенностями российской политической культуры. Другие отражают общемировые тенденции эволюции демократии в условиях информационного общества и процессов глобализации. Многие из обозначенных недостатков не являются исключительно российскими по определению, а отражают кризисные явления либеральной модели демократии в целом, в том числе и в западноевропейских странах.

Например, освещение в западноевропейских СМИ кризиса на Украине участия России в конфликте в Сирии показало, что со свободой слова у них далеко не все в порядке и манипулирование массовым сознанием осуществляется повсеместно в рамках информационной войны с Россией. «Театрализация» выборных кампаний на Западе свидетельствует о том, что рациональные начала демократического представительства интересов различных социальных групп уступают место манипулированию мотивацией голосования на иррациональном уровне. Классический набор функций партий,

как идеологизированных институтов гражданского общества, обеспечивающих стабильную связь между крупными социальными группами и сферой политики, в современных условиях носит в западных странах во многом номинальный характер. На первый план выходит электоральная функция «хватай-всех», позволяющая привести к власти определенную группу лиц. Использование двойных стандартов в отношении ко многим явлениям и процессам в других странах, также не добавляет авторитета сторонникам западноевропейской модели либеральной демократии.

Поэтому стабильное и процветающее будущее России видится не на пути копирования и перенесения на российскую почву западноевропейской модели демократии и тем более не на пути установления диктатуры (какими бы благими целями, или внешними и внутренними угрозами она не обосновывалась), а на пути последовательного совершенствования реально существующей модели демократии.

Невзирая на все обозначенные и иные недостатки, она имеет неплохую конституционно закрепленную институциональную основу, которая позволяет вести борьбу с отклонениями политической системы и ее отдельных структур и механизмов от действующих правовых норм.

Россия исчерпала свой лимит на революционные эксперименты и заимствованные извне выхолощенные модели и обречена на поиск своего собственного стабильного варианта политического и социально-экономического развития. Он объективно необходим России в силу ее уникальной истории, масштабов национальных интересов и особого геополитического положения, жесткой конкуренции на мировой арене, в силу особенностей этноконфессионального состава и специфических социокультурных особенностей (В сокращенном виде доклад автора был представлен на круглом столе «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.»⁴).

Библиография

¹ Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов, 2006.

² *Вилков А.А.* Особенности институционального имиджа «Единой России» (аналогии с КПСС: общее и особенное) // «Новая Россия»:

проблема доверия в современном российском политическом сообществе. М., 2007. Ч. 1. С. 133–143.

³ Фонд ИСЭПИ оценил позиции партий // РГ. 2015. 18 сентября (URL: <https://rg.ru/2015/09/18/fond.html>).

⁴ Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М., 2016 // Официальный портал ИС РАН, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594>.

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ НАЧАЛА XX В. И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В.А. Демин

Как показал один из крупнейших исследователей теории политических партий М. Дюверже, «в целом развитие партий оказывается связанным с развитием демократии, то есть с расширением народного волеизъявления и прав парламентов. Чем больше возрастают функции и независимость политических ассамблей, тем настоятельнее их члены ощущают в объединении по признаку родства, чтобы слаженно действовать. Чем более расширяется право голоса и множится число голосующих, тем более необходимым становится организовывать избирателей с помощью комитетов, способных познакомить с кандидатами и привлечь голоса в их пользу. Итак, возникновение партий связано с возникновением парламентских объединений и избирательных комитетов». В то же время некоторые партии могут возникать и по другим причинам¹.

В предлагаемой статье предпринята попытка проследить, как эти закономерности проявились в Российской империи, и какую роль сыграла ее Государственная дума в складывании первой российской многопартийности.

Как известно, партии Российской империи начали создавать задолго до появления Государственной думы. Едва ли не первой был Дашнакцутюн (Армянский революционный союз), возникший в 1890 г. В 90-е гг. XIX в. возникло несколько других национальных партий, в основном социалистических. На рубеже XIX–XX вв. появились первые общероссийские партии. В 1898 г. было объявлено о создании РСДРП, хотя фактически партия была создана на II съезде в 1903 г. На рубеже 1901–1902 гг. появилась Партия социалистов-революционеров, хотя ее программа была принята лишь в 1906 г.

Однако почти все возникшие в этот период партии принадлежали к одному направлению – социалистическому, и в основном были региональными. Таким образом, в отсутствие народного представительства целостной партийной системы в Российской империи не сложилось.

Положение изменилось осенью 1905 г. после издания законов 6 августа 1905 г. о создании законосовещательной Государственной думы и манифеста 17 октября 1905 о введении политических свобод и предоставления Думе законодательных прав. Осенью 1905 г. возникли радикально-либеральная Конституционно-демократическая партия (с 1906 г. чаще называвшаяся Партией народной свободы), консервативно-либеральный Союз 17 октября и консервативно-националистический Союз русского народа. Был создан ряд других партий. Таким образом, появление в Российской империи целостной многопартийной системы связано с назначением выборов в Государственную думу и связанным с этим введением ограниченных политических свобод.

Как отмечал Дюверже, «партии всегда были развиты больше слева, чем справа, потому что там они всегда более необходимы»². Эта закономерность в полной мере подтверждается опытом Российской империи: партийный спектр складывался слева направо. Первыми возникли крайне левые партии – эсдеки и эсеры, затем умеренно левые – кадеты, и только потом правые – черносотенцы (крайние) и октябристы (умеренные). На левом фланге партии были многочисленны, лучше организованы и более влиятельны.

В то же время идея политических партий не вполне соответствует политической культуре России. Как известно, само слова «партия» происходит от латинского *pars* – часть. Основная цель партии – отстаивание частных интересов. Между тем существует предположение, что менталитету русского народа свойственно значительно большее неприятие защиты частных интересов, чем менталитету западных народов³.

Хотя это предположение обосновано (притом довольно слабо) на материале конца XX в., однако оно выглядит вполне правдоподобным, в том числе и для начала XX в. Эта особенность национального менталитета препятствовала и

препятствует созданию сильных партий и в Российской империи, и в современной России. По этой же причине большинство российских партий (как начала XX в., так и современных) являлись и являются кадровыми.

Полномочия Думы, как известно, были довольно ограничены⁴. Положение о выборах в Думу, по утверждению американского историка Марка Шефтеля, было самым сложным избирательным законом всех времен и народов⁵. С одной стороны, в стране не было введено в чистом виде цензового голосования, практически исключающего влияние партий, при котором «выбор происходит между состоятельными людьми, лицами одного и того же социального круга, где все или почти все знакомы между собой»⁶. В выборах принимали участие не только средние, но и низшие классы, для политической организации которых необходимы партии.

С другой стороны, избирательное право было неравным и значительное, с 1907 г. решающее влияние на выборы оказывали крупные и средние землевладельцы, что на практике сближало систему с цензовой.

Поэтому выборы в Государственную думу на партийной основе проходили лишь в крупных и средних городах, а также от рабочих. В курии землевладельцев голосование шло на отчасти партийной основе: немногочисленным организованным партиям (прежде всего кадетской) противостояли неоформленные политические течения (в большинстве случаев консервативное и либеральное) и клиентелы влиятельных помещиков. В крестьянской же курии результаты голосования были более или менее случайны. Администрация довольно успешно стремилась исключить партийное влияние на крестьян.

Соответственно состав Думы был партийным лишь отчасти. Лишь меньшая часть депутатов были обязаны избранием политическим партиям. Нередко заявленная при выборах политическая принадлежность депутата не соответствовала его фракционной принадлежности в Думе. Особенно это касалось депутатов правого направления. При выборах их большинство считалось «правыми», то есть черносотенцами, но в Думе многие входили в более левые фракции до октябристов и прогрессистов включительно.

Поэтому лишь часть думских фракций была организована на партийной основе. В частности, в I Государственной думе из двух основных фракций только одна (конституционно-демократическая) была партийной. Вторая – трудовая группа – была создана на внепартийной основе и включала представителей различных партий, в основном мелких. По сведениям Д.А. Колесниченко, в группу вошло 15 кадетов, 10 членов Всероссийского крестьянского союза, 8 социал-демократов, 5 автономистов, 2 эсера, 11 внепартийных социалистов, 3 левых и 22 беспартийных⁷. По утверждению М.И. Леонова, в группу вошло 15 или 16 членов ПСР и 2 примыкающих к ней⁸. В середине июня 4 трудовика (в том числе 2 эсера вошли в организационный комитет Народно-социалистической (трудовой) партии⁹.

Из второстепенных депутатских объединений на чисто партийной основе была создана (во второй половине сессии) лишь социал-демократическая фракция. Польские депутаты, значительное большинство которых принадлежало к различным польским партиям (прежде всего Национально-демократической), создали объединение не по партийному, а по региональному признаку, получившее название «польское коло» (кружок). По их образцу возникли и другие национальные или религиозные группы: западных окраин (объединяла поляков, избранных от Литвы, Белоруссии и Украины), латышская, литовская, эстонская, украинская, мусульманская, объединившиеся в союз автономистов.

2 партии, прошедшие в Думу довольно значительное число депутатов или добившиеся их вступления в партию во время сессии, не создали своих фракций. В частности, Союз 17 октября, по его сведениям, провел в Думу 27 депутатов¹⁰, из которых один одновременно входил в близкую кадетам Партию демократических реформ и по взглядам примыкал к ней, а не октябристам. Однако левое руководство Союза, взявшее курс на преобразование партии, не стало создавать фракцию, предпочтя объединить большую часть октябристов и некоторых беспартийных на внепартийной основе в группу умеренных (прогрессистов), впоследствии переименованную в группу мирного обновления. После роспуска I Думы на ее основе была

предпринята попытка создать Партию мирного обновления, не получившую массовой поддержки.

Уже упоминавшаяся Партия демократических реформ провела в I Думу 5 депутатов. Еще 7 вступило в нее в ходе сессии¹¹. Эти депутаты, по всей видимости, не были организованы в партийную фракцию и действовали каждый самостоятельно¹² (Ни одного предложения или заявления от имени ПДР в стенограммах Думы нет, автором при просмотре основных периодических изданий не обнаружены сообщения о заседаниях или решениях ее фракции). Такая пассивность не способствовала политическим перспективам партии: во II Думу она провела всего двух депутатов, также действовавших изолированно, после чего сошла с политической арены.

Значительное число (почти 100) депутатов I Думы разной политической ориентации (от близких трудовикам до примыкавших к октябристам) вовсе не вошло в партийные фракции.

Наиболее сильным было партийное влияние во II Государственной думе. При ее выборах сохранялся относительно демократический избирательный закон. Стала очевидной важнейшая политическая роль Думы, поэтому все партии приняли активное участие в избирательной кампании. Но даже при этих условиях далеко не все фракции, в том числе основные, были партийными. К таковым относились конституционно-демократическая, социал-демократическая и народно-социалистическая фракция.

В то же время Партия социалистов-революционеров провела в Думу около 60 депутатов, которые отказались создавать партийную фракцию¹³. Их большая часть объединилась в группу социалистов-революционеров, не подконтрольную партии. Деятельность думской группы не устроила партийных функционеров¹⁴, что стало одной из причин неучастия ПСР в последующих выборах.

Также на отчасти партийной основе сложилась фракция Союза 17 октября. Формально она была партийной, но в действительности едва ли не большинство ее членов в Союз не входило. Некоторые из них до избрания были членами других

партий: Бессарабской партии центра, Калужской партии за царя и порядок, Партии правового порядка¹⁵.

На политической, но внепартийной основе сложились Трудовая группа и группа правых и умеренных, на этнической, региональной или сословной – польское коло, украинская фракция, мусульманская фракция и казачья группа.

3 мирнообновленца вместо партийной фракции создали вокруг себя группу беспартийных (примерно 40 членов). Однако к концу сессии почти все они (кроме 7, включая 3 мирнообновленцев) вошли во фракции или группы¹⁶.

В III Государственной думе партийное влияние значительно снизилось. Вызвано это было прежде всего изданием нового избирательного закона, который значительно ограничил влияние низших классов, прежде всего средних и низших городских слоев, а также крестьян, представители которых фактически стали отбираться крупными и средними землевладельцами. В значительном большинстве губерний исход выборов стал определяться местной землевладельческой элитой в своем кругу, что, как показал Дюверже, не требует участия партий.

В результате в III Думе, как и в первой, оказалось всего 2 партийные в полном смысле слова фракции: конституционно-демократическая и социал-демократическая. При этом вторая стала маргинальной, влияние кадетов также значительно сократилось.

Кроме этого, формально партийной считалась руководившая работой Думы фракция Союза 17 октября и примыкающих, однако в действительности она не подчинялась партийному руководству, а многие ее члены до выборов не входили в состав Союза.

Внепартийными были трудовая группа (также ставшая маргинальной), группа прогрессистов (прогрессивная фракция), созданная вокруг 7 депутатов от Партии мирного обновления. В 1912 на базе этой фракции была предпринята попытка создания Партии прогрессистов, однако ее влияние ограничивалась Думой и крупными городами.

Также внепартийными были возникшая в 1909 г. небольшая группа правых октябристов и объединения депутатов

национально-правого крыла: быстро распавшаяся группа правых и умеренных, возникшие на ее основе фракция правых, фракция умеренно правых и национальная фракция правых, а также появившаяся в 1909 г. в результате объединения двух последних русская национальная фракция. Члены консервативных партий произвольно распределялись по этим фракциям независимо от партийной принадлежности.

В 1908 г. на основе национальной фракции правых была предпринята попытка создать партию – Всероссийский национальный союз, в 1908–1909 гг. на основе фракции умеренно правых – Партии умеренно правых. После объединения фракций Партия умеренно правых присоединилась к Национальному союзу (1910), однако за пределами Думы он пользовался влиянием лишь в нескольких регионах и действовал лишь несколько лет¹⁷.

В 1911 г. от русской национальной фракции отделилась фракция независимых националистов, ядро которой составляли представители Бессарабской партии центра. Но большинство членов фракции в нее не входило.

Также в III Думе сохранялись этнические и конфессиональные фракции: польское коло, белорусско-литовско-польская группа (объединяла избранных от Литвы и Белоруссии поляков) и мусульманская фракция. В III Думе (в отличие от II-й) эти объединения в значительной степени стали маргинальными.

IV Государственная дума отличается двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, влияние партий оставалось столь же ограниченным. Вызвано это было сохранением в силе Положения о выборах 1907 г., а также усилением использования «административного ресурса». В частности, во многих уездах (прежде всего тех, в которых среди помещиков преобладали либералы до левых октябристов включительно) в выборах по указанию духовного начальства принимало активное участие духовенство. Его представители благодаря близкой к стопроцентной явке получали большинство перед частным землевладельцами¹⁸. Сильные партии могли бы ответить на это давление усилением объединения избирателей,

эффективными мерами по повышению их явки и т.п., но слабые российские партии начала XX в. оказались на это неспособны.

С другой стороны, руководство некоторых партий пыталось усилить свое влияние на думские фракции. Результаты этих мероприятий были разными, в том числе обратные ожидаемым.

Первоначально IV Дума в начале своей работы в основном имела те же фракции, что и ее предшественница. Не была воссоздана группа правых октябристов, а также вместо фракции независимых националистов существовала фракция центра (также с ядром из представителей Бессарабской партии центра). Русская национальная фракция стала именоваться фракцией русских националистов и умеренно правых.

Во II сессию (1913–1914 гг.) начался процесс дробления фракций, продолжавшийся до 1915 г. В частности, в октябре 1913 г. конференция Союза 17 октября приняла постановление, обязывающее фракцию решительно бороться с правительственной политикой, используя в том числе право отказа в кредитах¹⁹. Однако значительное большинство фракции отказалось выполнять эту резолюцию, что привело к ее (фракции) расколу. Немногочисленное правое крыло, настаивавшее на принятии резолюции лишь к сведению, осталось вне фракций. Центристское большинство, предлагавшее в принципе принять резолюцию к исполнению, но определять думскую тактику в каждом отдельном случае решением депутатов, создало фракцию земцев-октябристов. Лишь относительно малочисленное левое меньшинство образовало думскую группу Союза 17 октября, не пользовавшуюся большим влиянием и также не подчинявшуюся партийному руководству. Вскоре после раскола фракции Союз 17 октября фактически прекратил деятельность.²⁰

Чуть раньше из-за раскола РСДРП социал-демократическая фракция, сохранявшая тесную связь с партией, разделилась на две – меньшевистскую «социал-демократическую фракцию» и большевистскую «российскую социал-демократическую рабочую фракцию».

В остальном изменение фракционной структуры IV Думы происходило без влияния партий. В том же 1913 г. на

внепартийной основе возникла так называемая независимая группа и фракция народной партии. Как видно из названия, на ее основе была предпринята попытка создания Имперской народной партии, оставшаяся безрезультатной. В 1915 г. раскололась фракция русских националистов и умеренно правых. Всероссийский национальный союз к этому времени практически прекратил существование. В 1916 г. произошел (также без всякого участия партий) раскол фракции правых и выделение из нее группы независимых правых. Наконец, также без участия партий произошло важнейшее событие во фракционной структуре IV Думы – создание в 1915 г. Прогрессивного блока – первого организованного думского большинства.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Именно создание Государственной думы привело к складыванию в России в начале XX в. целостной многопартийной системы. Однако из-за завышенной влиятельности высших классов при выборах, ограниченности полномочий Думы, а также особенностей политической культуры России влияние Думы на укрепление партийной системы было ограниченным.

В частности, лишь 2 депутатских объединения – конституционно-демократическая и социал-демократическая фракция – являлись настоящими парламентскими фракциями, находящимися в тесном контакте с руководством партии. Только в них большая часть членов была обязана избранием партийной принадлежности, а не личному влиянию или случаю.

Остальные фракции были партийными лишь формально или открыто беспартийными (в том числе этническими, региональными или конфессиональными). Неоднократно предпринимавшиеся попытки создать на основе думских фракций партии успехом в общем не увенчались: ни одна из созданных таким способом партий не пережила Государственную думу (В сокращенном виде доклад автора был представлен на круглом столе «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.»²¹).

Библиография

- ¹ *Дюверже М.* Демократия и политические партии. М., 2000. С. 22
- ² Там же. С. 513
- ³ *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 2003.
- ⁴ *Демин В.А.* Государственная дума Российской империи. М., 1996.
- ⁵ *Szeftel M.* The Reform of the Electoral Law to the State Duma on June 3, 1907 // *Liber memorialis Georges de Lagarde.* London, 1968.
- ⁶ *Дюверже М.* Указ. соч. С. 26.
- ⁷ *Колесниченко Д.А.* Трудовики в период Первой русской революции. М., 1985. С. 45.
- ⁸ *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 282.
- ⁹ *Ерофеев Н.Д.* Народные социалисты в Первой русской революции. М., 1979. С. 111–112.
- ¹⁰ Слово. 1906. 27 апреля. С. 6.
- ¹¹ Партия демократических реформ. Речи членов партии в Первой Государственной Думе. СПб., 1907. С. III.
- ¹² Вестник Народной Свободы. 1907. № 4. Стб. 203.
- ¹³ *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 363–365.
- ¹⁴ Там же. С. 365–368.
- ¹⁵ Государственная дума России. Энциклопедия. Т. 1. М.-Челябинск, 2013. С. 668
- ¹⁶ *Демин В.А.* Фракции II Государственной думы // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 33
- ¹⁷ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия. М., 1996. С. 135–137, 453
- ¹⁸ *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988. С. 66–68
- ¹⁹ *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991. С. 65–67
- ²⁰ Политические партии России... С. 580
- ²¹ Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М., 2016 // Официальный портал ИС РАН, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594>.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ПОВОЛЖСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ XX В.

Н.А. Дунаева

Как нам известно еще со страниц школьных учебников, первые попытки вовлечь российское крестьянство в сферу политики были предприняты во второй половине XIX в. «землевозьцами». Впрочем, попытки эти были единичными (если смотреть в масштабах империи), весьма неуклюжими и никаких существенных результатов не принесли. Так что реальное соприкосновение крестьянства с политической сферой случилось только в годы Первой русской революции, после принятия избирательного закона.

Политика, внезапно вторгшаяся в обыденную жизнь крестьянина в начале века в виде партий, вызвала у него недоумение и непонимание и зачастую отторжение. Происходило это в силу того, что крестьянский мир был вообще враждебен внешним воздействиям, настороженно относился к людям «чужим» и «пришлым» и встречал «в штыки» любую новую идею. Одинаково яростно отторгая идеи «частной собственности на землю», «рядового посева» или «смены существующего строя».

Представления народа о политической власти, бытовавшее в России в начале прошлого, столетия были достаточно неоднозначными и многоплановыми. В первую очередь преобладал, ставший уже банальным, патриархальный образ царя-батюшки, веками формировавшийся в крестьянском сознании. При нелюбви и даже враждебном отношении крестьянского мира-общины к государству вообще, к главе государства крестьяне традиционно испытывали любовь и уважение. Царь как бы включался в состав общины, изначально считался «своим». Поэтому все тяготы и неудобства, которые власть доставляла народу, относились не на счет главы государства, а приписывались «зловредным боярам», министрам,

чиновникам которые ввели царя в заблуждение. Крестьяне, в большинстве своем, твердо были уверены, что царь хороший и добрый, а вот окружают его сплошь проходимцы: «Все наше правительство состоит из мошенников» – заявляли они в частных беседах¹. «Государь наш слаб, а правительство в большинстве немцы, которые во всякое время могут продать Россию немцам же» (Саратовская губерния, август 1915 г.)².

Главная претензия, которую предъявляло крестьянство к правительству и царю касалась, конечно, нехватки земли. В разговоре с приятелями крестьянин с. Ульянова, Лукояновского уезда Нижегородской губернии А. Арефьев заявил: «*На кой черт вы нужны с вашим Императором, что он вам земли, что ли дал?*»³. Или, например, в июле 1914 г. М. Зайцев, крестьянин с. Мещерекówki Балашовского уезда, Саратовской губернии, заявил во время мобилизации: «Из-за чего идти на войну, земли у нас нет, а потому лучше сдаться в плен неприятельскому государю, а наше правительство повешать»⁴.

Участие России в мировой войне, принявшее затяжной характер, резко изменило настроения в деревне. Когда около половины всех трудоспособных мужчин ушли на фронт и в деревне в полный рост встал вопрос о нехватке рабочих рук, вот тогда император из «царя-батюшки» слабого, но хорошего превращается в «негодяя» и «озорника». Главная претензия к императору касается его, так сказать, «непрофессионализма». Крестьяне сравнивали с германским императором своего собственного монарха и сравнение было не в пользу последнего.

Например, крестьянка Пестрикова во время проводов крестьян на войну заявляла: «*Наш царь не в свое дело вступился; германский царь хороший человек, он свое забирает. Христианский Царь – озорник, дурак, зачем вступился*» (Николаевский уезд Самарской губернии, апрель 1915 г.)⁵

Или же крестьянин А. Герасимов (брат которого погиб на фронте, а сын воевал), ведя разговор о войне, сравнивал Российского императора с германским, указывал, что последний «в ожидании войны наготовил орудий, а русский царь оказался хуже плохой деревенской бабы, ничего не приготовил, а занимался только тем, что строил мосты, да кабаки. <...> Такого царя следовало бы самого из поганого ружья застрелить». Далее

следовала площадная брань по адресу Императора (с. Аделаидовка, Самарской губернии)⁶.

А уж императрицу и вовсе подозревали во всех смертных грехах (что и не удивительно: ведь немка же!) Впрочем, Александра Федоровна никогда не была особо популярна в русской среде. Со временем за ней закрепляется образ человека, оказывающего «вредное влияние» на императора.

Молва обвиняет Александру Федоровну прежде всего в супружеской измене.

Крестьянин И. Сетяев (52 года) в беседе с крестьянами с. Большая Глушица, Николаевского уезда, Саратовской губернии (август 1914 г.) заявил: Государыня «слобилась с министром Столыпиным и от него прижила ребенка». Поэтому крестьянам земли и не дали⁷.

Особенно ярко отношение народа к императрице демонстрируют частушки:

*В Царском темная «малинка»
С удовольствием цвела.
В Царском тереме Алиска
С целой гвардией жила⁸.*

В то же время, следует отметить, что падение авторитета Николая II в глазах большей части населения не привело к изменению отношения крестьянства к идее монархии. Некоторые авторы полагают, что государственная власть в России была освещена религиозным служением метафизической идеи народа⁹. Это явление, например, выражалась в наличии портретов царя и царской семьи во многих крестьянских домах. Они висели там на почетном месте, почти наравне с иконами. Людей осуждали за то, что они ругаются в присутствии портрета царя, курят, не снимают шапки. К портрету государя относились как к иконе, но и оскорбляли как икону. То есть поругание монарха было подобно богохульству (Стоит ли говорить, что богохульство не имеет смысла для атеиста?). Вот несколько примеров такого поругания императора:

Крестьянин Я. Хайков (44 года) бранился в пивной лавке с. Алгаши Курмышского уезда Симбирской губернии. Присутствующий там австрийский подданный Ф. Худолин

сделал ему замечание, что негоже браниться в присутствии портрета Императора. Хайков, указывая на портрет Государя, заявил: «Вот е.. его мать это наш хозяин!», на Императрицу: «вот это хозяйка наша бл...а.»¹⁰.

Крестьянин Е. Тимофеев (40 лет; Царицынский уезд Саратовской губернии) будучи несколько выпивши, выйдя на улицу поселка, при разговоре с посторонними сказал, что он Бога боится, а угодников Его и Божию Матерь не почитает, причем назвал последнюю бл...ю и ругал Ее, а так же Св. чудотворца Николая, отца Серафима Саровского и Государя императора самыми скверными матерными словами»¹¹. Подобных примеров масса. И, на наш взгляд, подобные богохульные высказывания в адрес царя являются лучшим доказательством сакрализации монархии в народном сознании.

Стоит также отметить, что всякий раз, когда подобное «безобразие» творилось у императорской особы, обычно находились заступники, которые стремились усюветить хулителей. Когда во время проводов ратников ополчения (с. Богдановка, Самарская губерния, апрель 1915 г.) крестьянка Горшунова услышала, что ее соседка укоряет Государя Императора, то сказала ей: «Зачем укоряешь Государя, ведь он помазанник Божий»¹².

Парадоксом российской истории начала XX в. явилось то, что, с одной стороны, власть стремительно утрачивала популярность, а с другой, – крестьянин в своих мыслях наделял ее всеми законными правами, традиционными для Российского государства чертами: «власть сильной руки», «жестких решений» и т.п. Никакая другая власть, будь она даже избрана путем всеобщего голосования, не являлась в глазах народа правомочной.

Например, в июле 1914 г. члены Ивановского крестьянского общества (Балашовский уезд, Саратовской губернии) на своем собрании подписались под требованиями немедленного созыва собрания народных представителей, свободы «писать и говорить», отмены усиленной охраны и т.п.¹³ Вместе с тем, они, очевидно, не имели четкого представления о многопартийной парламентской системе правления. И вообще крайне подозрительно относились к представителям

политических партий, шедших, в народ, подозревая их порой в преступных намерениях.

Еще до войны (ноябрь, 1911 г.) в рапорте Балашовского уездного исправника сообщалось об агитации среди крестьян уезда за вступление в партию эсеров. Источником информации были сами крестьяне: Они показали исправнику форму заявления о вступлении в эту партию, в котором, в частности, значилось, что вступившие в нее *«согласились совершать разныя преступления а именно поджоги какъ вредных намъ такъ и нашимъ товарищам и такъ же совершать разныя преступленіи грабежи и крижи в Казловки и другихъ местахъ въ чем и подписуемся»*¹⁴.

В любом традиционном обществе государство и власть воспринимаются как неизбежное зло, и на них, как на любое стихийное бедствие, обижаться бессмысленно. При этом отношение народа к царю оказывается двояким: с одной стороны, – это глубокое уважение и поклонение, с другой, – резкое неприятие. И, очевидно, причины подобной дуальности следует искать не в десакрализации монархии, а в несоответствии личности Николая II образу того самого «царя-батюшки», так прочно обосновавшегося в народном сознании.

При этом идея многопартийности, выборности власти не получила широкого распространения в крестьянской среде. Партийные агитаторы ничего кроме подозрения в преступных намерениях у крестьянства не вызывали.

В конечном итоге можно сказать, что крестьяне не имели явных политических пристрастий, так как они были совершенно отрезаны от мира политического. У них, конечно, были свои симпатии в этой области, но политическая воля у них отсутствовала. Политика, внезапно вторгшаяся в крестьянскую обыденную жизнь в начале века в виде партий, вызывала у них недоумение и непонимание.

Фактически, любое политическое движение могло привлечь крестьян на свою сторону, пользуясь их невежеством в этой области человеческой деятельности (В сокращенном виде доклад автора был представлен на круглом столе «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.»¹⁵).

Библиография

- ¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1035. Л. 33–33 Об.
- ² ГАСарО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 12. Л. 297–298.
- ³ ГАСарО. Ф.1. Оп.1. Д. 8766. Л. 34.
- ⁴ *Максимов Е. К., Тотфалушин В.П.* Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов, 2007. С. 7–8.
- ⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 224.
- ⁶ Там же. Л. 223–223 Об.
- ⁷ Там же. Л. 377.
- ⁸ *Колоницкий Б.И.* К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Историк и революция. СПб. 1999. С. 77.
- ⁹ *Сморгунов Л.В.* Политическое в открытом обществе // На пути к открытому обществу. М., 1998. С. 194.
- ¹⁰ ГАУО. Ф. 1. Оп. 92. Д. 10, Л. 1–2.
- ¹¹ ГАСарО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8762. Л. 43.
- ¹² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 224.
- ¹³ ГАСарО. Ф.1. Оп. 1. Д. 9458. Л. 52.
- ¹⁴ Там же. Д.8761. Л. 143–144.
- ¹⁵ Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М., 2016 // Официальный портал ИС РАН, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594>.

**«ВКУСУ ОЧЕНЬ МАЛО У НАС
И В НАШИХ ИМЕНАХ...»?**

**В ПОИСКАХ «ГЕНА» СОЦИАЛЬНОЙ АГРЕССИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО НАРЕЧЕНИЯ**

В.Л. Дьячков

*Прим. авт.: статья подготовлена в рамках проектной части
гос. задания в сфере научной деятельности Минобрнауки РФ
(Задание 33.956.2014/К)*

и при поддержке гранта РГНФ (проект № 15-01-00255).

*В данной статье соответствующая методика анализа применена
к ЭБД тамбовской региональной социальной элиты 1920–1940-х гг.,
сформированной с помощью аспиранта ТГУ А.Н. Косенкова*

*Прим. ред.: из текста статьи по техническим причинам
исключены иллюстративные материалы*

В 2013 г. в статье «Что в имени тебе моем?»¹ автор показал, что наречение замечательно отразило наследственный «залог» как часть синергизма истоков российского социально-политического активизма 1860–1920-х гг., когда родительские семьи *будущих* активистов, а затем и сами состоявшиеся политические «пассионарии» стремились выделиться «из ряда вон выходящими», модными, нетрадиционными именами собственных детей.

Наша очередная электронная база данных (ЭБД) с 3 тыс. персоналий позволяет проверить данное наблюдение на советской провинциальной социальной элите 1920–1940-х гг.

В общей схеме^{2 3 4 5 6} русское христианское наречение до революции 1917 г. и в первые советские десятилетия управлялось подвижной совокупностью, состоявшей из церковного (святы) предложения и требования и связанной с этим традицией + семейной традицией + подражания модным поветриям в верхушке общества + суеверий + требований благозвучности + популярности исторических, политических и

литературных персонажей + внешнего (иноязычного) влияния + степени родительских социальных амбиций.

В живом сословном строе, при типологической, системной разности миров города и деревни (то есть до революции 1917 г. и до «великого перелома» в деревне) и всех внутрисословных и внутригрупповых деталях, общим было нисхождение перемен наречения, моды на имена по пирамиде сословий от царской семьи к дворянской элите, затем к остальным городским слоям-сословиям, и, наконец, с сокращавшимся временным лагом – в крестьянский мир.

На любой тяжелый для популяции период (внешние и внутренние войны, голодовки, смертные эпидемии и т.п.) наречение реагировало заметным обеднением, упрощением, регрессом.

Мода на конкретные имена распространялась и распространяется исторически мгновенно по громадной стране фактически независимо от качества информационного поля; различия в синхронных региональных и субрегиональных корпусах имен были ничтожны, занимая в сумме последние 3–5% антропонимикона. (Это – синхронное увлечение одними и теми же именами на пространстве от Польши до Чукотки и от Мурманска до «русской» Средней Азии – удивительно и трудно объясняется лишь «историческими» средствами.)

Социально-географическими инициаторами прогресса наречения вплоть до формирующего излома Великой Отечественной войны оставались столицы (Москва и Спб.– Ленинград) как наиболее модернизированные «плавильные котлы» городской культуры.

Мужское наречение было весьма стабильным, инерционным; изменения в «топовой» моде выглядели небыстрыми и линейными. Наречение девочек было и остается гораздо более волатильным, «ветреным» и более исчерпывающим набор календаря, выход за рамки святцев – всегда более ранний и смелый, мода – многовекторная и сравнительно кратковременная, что в соединении несколько хаотизировало в начале XX в. движение женских имен первой 30-ки. Это «гендерное» антропонимическое различие также

удивительно – ведь наречение исходило и исходит от одних и тех же родителей.

Через, по крайней мере, три последних века, с ростом секуляризации и всяческой подвижности населения, в наречении как мальчиков, так и девочек дорогу неуклонно торили такие соединенные качественные процессы-тенденции как:

а) обеднение, сокращение корпуса используемых имен – кратный рост индекса *K* (коэффициента А.Я. Шайкевича; индекс «конформизма» – число, полученное из суммы удвоенной доли (%) первого имени рейтинга, суммарной доли 2-го – 5-го имен, половины суммарной доли 6-го – 10-го имен с вычетом из нее удвоенной суммарной доли всех имен после 20-го) – на отрезке 1920–1970-х гг. при вековом росте индекса *K* в обоих полах в селе и более сложной пульсации объемов мужских и женских имен в городах, но при всеобщем максимуме *K* (беднейшие практические именники) к концу 1960-х – 1970-м гг. В линейной медленно восходящей секуляризующей модернизации (отрыв от святцев) сельского наречения деревенские мальчики имели самые разнообразные практические именники в 1790-е гг., сельские девочки – в 1790–1810-е гг. Городские же практические именники «богатели» с каждым приливом сельчан в города, отметив наибольшее разнообразие наречения в 1930-е гг., и закономерно раньше (в 1960-е гг.) обеднели до исторического минимума;

б) рост намеренного аллитерационно-ассонансного (А-А) наречения в двучленном (ФИ или ИО) и трехчленном (ФИО) имени (Намеренное А-А наречение распространялось «сверху вниз» в абсолютном соответствии социокультурной лестнице. Уже к началу XIX в. доля намеренного А-А наречения в комбинации ИО в среде российской знати достигла двух третей. В крестьянской среде оно тогда было случайным из-за незавершенности формирования трехчленного имени и худшей А-А сочетаемости имен первой крестьянской 10-ки. Через век, в начале XX в. А-А наречение стало практически обязательным в городской элите и развилось до 10–15% у крестьян. Ныне в российском обществе, урбанизированном, «окультуренном» и перемешанном еще в советское время, намеренное А-А наречение в ИО является практически обязательным, а по ФИО доросло до максимума в две трети; 100% – невозможны из-за

непригодности для А-А наречения примерно трети корпуса фамилий);

в) рост окрашенности наречения по [Л]-[Л'] и [Р]-[Р']. При этом в наречении девочек вплоть до 1990-х гг. преобладала эскалация «нежного» наречения (имена с [Л-Л']), а у мальчиков мощнее восходила группа «переливчатых», «ласково-рычащих» имен, содержащих [Л-Л']-[Р-Р'] (В полном варианте святцев мужские и женские доли групп имен с [Л-Л'] составляют среди числа имен и в сумме дней именин (в скобках) соответственно 20,8% (19,43%) и 27,3% (27%), с [Л-Л'-Р-Р'] – 7,5% (7,04%) и 6,8% (5,33%), с [Р-Р'] – 32,5% (32,94%) и 31,3% (32,47%), не окрашенными по этим звукам – 39,7% (40,59%) и 34,7% (35,2%). Заметные отклонения практических антропонимиконов от данного расклада говорят о как о модернистской секуляризации наречения, так и о разрушении родительского «календарного конформизма»).

В данном направлении модернизации наречения, как всегда, стартовала и лидировала знать – царская семья и верхушка дворянства. За века от Киевской Руси до Смуты процентная парадигма [Л]:[Л-Р]:[Р]:[без Л;Р] в наречении знатных мальчиков в целом соответствовала календарному предложению – 17,7:10,1:33,5:38,7. Но средний расклад по XVII в. сложился уже как 24,6:8,4:34,5:32,5, по XVIII в. – 29,9:13,1:34,3:22,8, по XIX в. (точнее, по 1801–1891 гг.) – 37,1:19,1:27,8:16,1. Остальные дворяне и горожане приступили к окраске наречения, как минимум, полувеком позже – при Михаиле Романове наречение по [Л]:[Л-Р]:[Р]:[без Л;Р] в этой части социально-сословной пирамиды не только не отличалось от крестьянской верности святам – 20,7:5,6:32,3:41,4 – но и наряду с двуименностью хранило 5% некалендарных имен. Начальное отставание горожане ликвидировали за счет скорости в модной гонке. Уже по итогам XVIII в. они сравнялись со знатью – 30,9:12,9:32,6:23,8, почти не отстали в XIX в. – 37,6:16,4:25,6:20,4 и ускорились, когда «знатный» лидер моды был сведен с антропонимического «забега» революцией 1917 г. – средний расклад по [Л]+[Л-Р] в наречениях городских мальчиков 1899–1947 гг. рождения составил 37,7:19,3:28,1:14,9

В крестьянской среде, хранившей традицию служилых предков начала XVII в., окраска наречения мальчиков до конца 1820-х гг. совпадала с раскладом по [Л]+[Л-Р] в группе 75 главных имен святцев (число дней именин больше 9). На отрезке от Николая I до Николая II суммарная доля группы имен с [Л] и [Л-Р] в практическом крестьянском наречении поднялась почти в полтора раза и составляла около 35%. В XX в. начавшийся распад традиции резко ускорился (расклад 1899–1947 гг. – 39,7:12,8:26:21,6), и с эпохи ВОВ до смерти Л.И. Брежнева объединенная группа имен с [Л] и [Л-Р] в практическом советском сельском наречении мальчиков держалась на историческом максимуме в 65% (25,3% в числе именин топ-75 имен святцев) при снижении доли «неокрашенных» имен до 5% – 43,2% среди главных именинников.

Девичий путь к «нежному» (окраска по [Л-Л']) наречению впечатляет еще больше. Так, «нежное» наречение среди рязанских дворянок, родившихся в конце XVI в., составило лишь 14,1% (15,8% с добавкой группы [Лу-Р]), что было в 2,5 раза ниже календарного «предложения». Через два века «нежность» наречения городских девочек добралась лишь до 18%. Затем последовал скачок в 60 лет, и с 1850-х гг. до коллективизации «нежное» наречение горожанок колебалось в долях около 40–45%. Затем – новое резкое ускорение «нежности», и в семилетии 1969–1975 гг. окрас по [Л-Л'] наречения горожанок достиг исторического пика в 65% с тем, чтобы потом обрушиться до нынешних 40%).

Итак, зная всеобщие тенденции и особенности движения российского христианского наречения на отрезке сравнения (1880–1920-е гг. рождения) мы можем оценить любые заметные, значительные отклонения в наречении тех, кому предстояло образовать верхние социальные слои и группы советского общества 1920–1940-х гг.

На одной чаше наших измерений – около 6 млн чел. из ОБД «Мемориал» с указанным ФИО, годом и местом рождения, на другой – 3 тыс. персоналий представителей провинциальной социальной элиты, «отметившихся» в тамбовском регионе в 1920–1940-е гг. Эти люди отобрались в формировавшиеся верхние слои раннего советского общества так, что не могут

поставить под вопрос корректности нашего сравнения по части наречения. Репрезентативная количественно, группа наших социальных «верхов» по структурам своего национального, конфессионального, социально-сословного, географического происхождения не содержит сколько-нибудь значимых отличий от структур происхождения погибших в ВОВ, способных «испортить» сравнение данных двух выборок на предмет наречения, а значит, мы можем надежно рафинировать и объяснить вскрываемые различия (Дифференцированные сравнения проводятся в большинстве случаев по наречению мальчиков, так как меньшая женская часть ЭБД «верхов» в 317 чел. годится лишь для общего анализа).

Начнем с индекса **K** – показателя разнообразия наречения. Скорбные списки ОБД говорят нам, что корпуса популярных мужских имен города и села дружно и кратно сократились на отрезке от середины 1880-х до конца 1920-х гг. В 1885–1891 гг. **K** в наречении горожан в наших срезах составил 12, у сельчан – (-3). В 1920–1926 гг. данный индекс конформизма наречения вырос до 34 и 52 соответственно.

Главными причинами данного сжатия стало ускорявшееся (особенно в городе) ослабление до краха после 1917 г. церковных санкций в деле наречения в общем русле секуляризации семейного устройства и унификация наречения, вымывание особенностей региональных и групповых именников в ходе модернистского и военно-революционного всплеска социальной мобильности. «Отвязка» от календаря с его 1056 мужскими и 294 женскими именами, всяческое движение населения, ускорение передачи информации высвобождали незатейливые родительские модные желания, обнажали небогатые семейные традиции и возгоняли доли имен модного массового вкуса, выводили из оборота не нравившиеся по разным причинам десятки календарных имен, что повышало суммарную долю первой 20-ки с соответственным снижением суммы долей имен за ее пределами.

В городе факторы сжатия практического именника работали раньше и много мощнее, чем в сельской среде, что в общих выборках дает неизменно и заметно большие значения дореволюционного городского **K**. Революционный резкий сброс

селом церковных санкций, падение качества жизни в 1914–1922 гг., доминирующая социокультурная однородность и неразвитость крестьян сжимали практический деревенский именованник с одновременным разгоном городской моды при меньшей культурной эрудиции, что парадоксально подняло сельский **К** революционных и первых советских лет выше его городских значений.

Особенности движения индекса **К** в наречении будущих социальных «верхов» 1920–1940-х гг. были двойными. С одной стороны, **К** социальных советских «верхов» в 15-ти из 16-ти сопоставлений заметно выше своего визави у «простых» людей (например, 28,4 и 20,4 для 1885–1891 гг., 97 и 60 для родившихся после 1919 г.), что говорит о большей секуляризации, большем внимании родителей «элитариев» к идущей «сверху» и извне моде на имена и, в общем, об их больших социальных амбициях и активности.

Вместе с тем, линии движения **К** у «верхов», особенно у городских уроженцев, не просто восходящие по тренду, но образуют несовпадающие понижения (то есть большее разнообразие наречения) в 7-летиях 1885–1912 гг. С повышенным (14,6) **К** у «верхов», родившихся в селе до 1892 г., просто: они содержат заметную долю детей сельских «некрестьян» (священники, учителя, торговцы, армейские нижние чины и т.п.), бывших группами модернистского наречения.

Колебания в моде и разнообразии наречения «верхов» из города отразили более сложную и подвижную конкретно-историческую смесь причин, состоявшую из деревенских наплывов в города, намного большей доли «новомодных» имен в «пассионарных» семьях, большего «нерусского» присутствия в будущих «верхах», что в совокупности однажды опустило **К** «верхов» 1906–1912 гг. рождения ниже **К** их «простых» городских ровесников – 22,9 против 26,6.

Конкретными антропонимическими «виновниками» данного казуса стало двукратное за 7-летие падение популярности *Ивана* среди родителей «верхов» (10,3% в 1899–1905 гг. и 5,2% в 1906–1912 гг.) в то время как *Иван* уступил

Николаю первое место среди «простых» горожан лишь в 1915 г. при дополнительном стимуле I мировой войны

+ «новомодные», но еще за пределами топ-20 *Валентин, Виталий, Всеволод, Герман* и *Серафим* вместе набрали среди «верхов» из города 4,6%, а среди «простых» горожан 1909 г. р. (среднего в 7-летию 1906–1912 гг.) суммарная доля данной модной пятерки составила лишь 0,85%

+ евреи и армяне с соответствующими национальными именами *Абрам, Арон, Давид, Даниил, Евсей, Исаак, Литан, Мотель, Грант, Хачатур* вместе составили в «верхах» 1906–1912 гг. рождения 7,3%, а среди «простых» 1909 г. р. доля носителей тех же имен в том же этноконфессиональном круге была в 8 раз меньшей – 0,9%.

Семьи-«поставщики» кадров в «верхи» 1920–1940-х гг. зримо и неизменно лидировали и по части модной «музыкальности» наречения своих чад. Табличное и графическое отображения движения окраски наречения мальчиков по [Л-Л'] и [Р-Р'] наглядно говорят о данном опережении (В 1885–1891 гг. суммарные доли окраски наречения по [Л]+[Л-Р] в сопоставлении «элита»-«не элита» сложились у горожан как 48,9:43,3, у сельчан 42,2:33,2. Сохраняя данное опережение на промежутке 1892–1919 гг., в 1920–1926 гг. эти соотношения выглядели как 61,8:57,8 и 64,6:53). Именно оно формировало значительные отличия первых пятерок рейтингов популярности имен будущих «верхов» и «простых» на любом из отрезков рождений с большей, чем у «простых», скоростью приближения сельского «элитного» рейтинга к городскому, с большими долями имен, окрашенных по [Л-Л'] и [Р-Р'].

Напомним, *Иван* по нисходящей, но сохранял 1-е место среди «простых» горожан до 1915 г. и сполз к концу 1920-х только до 5-го места в городах. Среди же будущих «элитариев» из города *Иван* уступил первенство *Николаю* и *Александру* еще в первой половине XIX в. В первой половине 1920-х гг. почти четверть всех будущих советских «элитариев» из города нарекалась *Владимиром* (23,5%), далее шли *Николай* (11,8%), *Борис, Лев, Юрий* (по 8,8%), *Александр, Виктор, Вячеслав* (по 5,9%). *Иванов* среди них не было вовсе. Для красоты картины опережающего наречения в «гнездах активизма» добавим первые

имена уроженцев Тамбовского порохового завода 1919–1920 гг. рождения: *Николай* (20,4%), *Виктор* (8%), *Александр*, *Борис* (по 6,2%), *Владимир* (4,8%), *Алексей*, *Михаил* (по 4,3%), *Анатолий*, *Иван*, *Константин*, *Петр* (по 3,7%) и будущих Героев Советского Союза (ГСС), родившихся в городах через три года в 1922 г.: *Владимир* (17,9%), *Николай* (13,7%), *Борис* и *Виктор* (по 6%), *Алексей* (5,1%), *Анатолий* и *Валентин* (по 4,3%), *Александр*, *Иван*, *Михаил*, *Юрий* (по 3,4%).

Остальные городские мальчики антропонимическую моду не создавали и не опережали: даже в 1927–1928 гг. *Владимир* с *Николаем* делили 1-е место (по 10,5%), далее – *Александр* и *Виктор* (по 6,7%), *Иван* (6,1%), *Анатолий* (4,7%), *Михаил* (4,6%).

Не меньшее модное опережение демонстрировало наречение будущих «элитариев» из крестьянских детей. Еще во времена Александра II «городские» *Александр* и *Николай* устроились (после незыблемых пока *Ивана* и *Василия*) на 3-м и 4-м местах наречения будущих «элитариев от сохи» с очень приличными 8,1% и 7,6%. В начале 1920-х гг. первые имена в этой социокультурной категории расположились в таком порядке: *Николай* (13,4%), *Иван* и *Михаил* (по 12,2%), *Александр* (11%), *Алексей*, *Василий*, *Владимир* (по 6,1%). У будущих ГСС из села 1922 г. рождения линейка первых имен выглядела похоже: *Николай* (16,8%), *Иван* (13,9%), *Михаил* (8,2%), *Василий* (7,2%), *Александр* (6,7%), *Петр* (5,3%), *Алексей* и *Григорий* (по 4,3%), *Владимир* (3,5%), *Виктор* (2,9%). Но в том же 1922 г. среди тех, кто погибнет через 20 лет простыми деревенскими парнями, *Иванов* будет максимальных 15,4%, и лишь затем пойдут *Николай* (12,2%; станет слабым 1-м только в 1928 г.), *Василий* (9,5%), *Михаил* (6,94%), *Александр* (6,6%), *Петр* (5,3%), *Алексей* (5,05%), *Григорий* (3,3%), *Павел* (3,1%), *Федор* (3%). Лидер моды *Владимир* с 2,96% не войдет в первую 10-ку, *Виктор* наберет только 1,37% (16-е место) и, вообще, эти и еще 6 тогдашних главных модных имен – *Анатолий*, *Борис*, *Валентин*, *Евгений*, *Леонид*, *Юрий* – будут в данной среде синхронно кратно меньше употребляться, чем сельскими родителями будущих советских «элитариев» (Суммарных 19,6% среди «элитариев от сохи»,

12,1% среди ГСС из деревни и 8,66% у «простых» сельчан 1922 г. рождения).

Всякое модное имя, спустившееся от дореволюционной знати, пришедшее из-за границы или от соседа-чужеземца, почерпнутое из учебника истории или из популярного романа, применялось родителями будущих «пассионариев» и «активистов» на годы раньше и разгонялось от ничтожества до популярности, которую остальное окружение раскручивало лишь через несколько лет и даже десятилетия.

В мужском наречении XX в. так было с *Анатолием, Борисом, Валентином, Валерием, Виктором, Виталием, Владимиром, Владиславом, Всеволодом, Вячеславом, Геннадием, Германом, Евгением, Игорем, Леонидом, Львом, Олегом, Святославом, Станиславом, Юрием, Ярославом* и т.д.

В более ветреном наречении девочек такая же пожары популярности от первой вспышки у родителей «активистов» ждала *Александру, Антонину, Валентину, Валерию, Викторию, Веру, Галину, Евгению, Елену, Зинаиду, Зою, Инну, Клавдию, Лидию, Любовь, Людмилу, Маргариту, Надежду, Нину, Ольгу, Раису, Римму, Светлану, Софью, Таисию, Тамару, Фаину, Юлию.*

А сами «активисты», повзрослев на пути в советские социальные «верхи», продолжают наследственное дело «раскрутки» и создания моды на имена, но столкнутся с одним непреодолимым препятствием. Нашим «пассионариям» чрезвычайно нравились выходы за пределы календарной традиции, будь то «красивое» имя, позаимствованное из инонационального именника (*Адольф, Альберт, Роберт, Эдуард* и т.п.), или вовсе собственного «революционного» сочинения (*Вилен, Владлен, Ким, Майя, Нинель, Револют, Рэм* и т.п.).

Но «простое» общество не примет столь дерзкого побега от родного и привычного. Будучи чрезвычайно заметными, как грачи на снегу, и бывшие довольно популярными в тонком слое городских и мелких пятнах сельских «активистов», все сотни некалендарных новшеств наречения даже на пике их употребления на рубеже 1920–1930-х гг. не наберут в сумме и 0,4% всех тогдашних наречений. И продержатся, «зацепятся» из них лишь те, благозвучие которых будет напоминать привычные имена из святцев с их метатезами и гиперизмами.

Кстати, и сегодня прочность традиции блокирует «пассионарное» именотворчество, заставляя амбициозных родителей обходиться выкапыванием календарных редкостей, забытых имен (*Глеб, Платон, Серафим* и т.п.) использованием в качестве полного имени его гиперизма (*Олеся* вместо *Александры* и т.д.) или «тюнингом» календарных имен вроде переделки *Дарьи* в *Дарину*, *Ангелины* в *Анжелу* и т.п.

Наконец, еще один процесс, в котором родители «активистов» были впереди остального общества – аллитерационно-ассонансное (А-А) наречение. Самым изощренным видом данного «музыкального» наречения, зародившегося и развившегося в среде феодальной знати, было А-А наречение в трехчленном имени. Но не всякая фамилия подходила для этого (что, кстати, не позволяет довести намеренное А-А наречение хотя бы до 80%), да и замужество девушки могло нарушить мелодию ФИО, и тогда приходилось ограничиваться подбором имени под отчество. Самым незатейливым способом было наречение ребенка именем отца, что и практиковали от князей до крестьян, но все-таки, *Владимир Андреевич Старицкий*, *Лев Кириллович Нарышкин* или *Николай Александрович Романов* звучали лучше какого-нибудь бесцветного и бесфамильного *Ивана Ивановича*.

И что же амбициозные родители наших «пассионариев»? На всем 75-летнем отрезке рождения этих детей от начала 1850-х гг. до середины 1920-х гг., намеренное А-А наречение по ФИО или ИО (при неподходящей для того фамилии) независимо от места, социального слоя рождения, национальности, уровня родительского образования и культуры, при постепенном перемещении колыбели «активистов» из города в село составляло в их среде неизменные две трети – 65–70%. Для сравнения, у «простых» (например, у крестьян нынешнего Гавриловского района Тамбовской области) А-А наречение до 1909 г. колебалось в коридоре 10–20%, в 1920 г. преодолело планку 30%, а в 1924–1926 гг. составило 40–44%.

Родители думали, старались – и появлялись на свет дворяне Николай Владиславович Вольский (1879 г. р.), Андрей Петрович Трапани (1908 г. р.),

– дети служащих Иван Никанорович Розанов (1874 г. р.), Борис Трифонович Качоровский (1891 г. р.), Леонид Львович Ильев (1904 г. р.),

– сыновья сельских священников Алексей Николаевич Алешковский (1879 г. р.), Александр Константинович Воронский (1884 г. р.), Сергей Владимирович Гроздов (1895 г. р.),

– сын купца Николай Александрович Кокин (Анненков) (1899 г. р.),

– дети еврейских мещан Владимир Абрамович Перлис (1886 г. р.), Борис Аронович Рейнер (1895 г. р.), Владимир Григорьевич Шмерлинг (1908 г. р.), Георгий Владимирович Ромазанович (1919 г. р.),

– дочь военного Раиса Максимилиановна Немчинская (1912 г. р.),

– дети рабочих Сергей Георгиевич Архипов (1897 г. р.), Борис Андреевич Кротов (1898 г. р.), Леонид Михайлович Миляев (1905 г. р.), Анатолий Степанович Татарников (1905 г. р.), Анатолий Никитович Костаков (1913 г. р.), Надежда Александровна Радченко (1921 г. р.), Валентин Яковлевич Толстов (1926 г. р.),

– крестьянские дети Петр Карпович Ларцев (1890 г. р.), Александр Дмитриевич Матросов (1893 г. р.), Лука Селиверстович Леонюк (1900 г. р.), Александр Харитонович Андреев (1903 г. р.), Дмитрий Родионович Чуриков (1913 г. р.), Александр Васильевич Алексеев (1915 г. р.), Александр Андреевич Бербешкин (1916 г. р.), Марина Изосимовна Маслина (1918 г. р.), Александр Ефремович Сергеев (1922 г. р.), Владимир Петрович Ларионов (1923 г. р.) и еще две тысячи из трех тысяч будущих «активистов», ставших в 1920-е – 1940-е гг. партийно-советскими руководителями и генералами, инженерами и врачами, учеными и музыкантами, преподавателями и Героями Советского Союза.

В поисках через наречение «гена» повышенной социальной активности мы можем «копнуть» еще на поколение вглубь – к дедам наших «пассионариев». Для этого изучим отчества 260 из них, родившихся в 1913–1919 гг., а значит, с отцами, родившимися и нареченными примерно в 1885–1891 гг.

Оказывается, что индексы **К** в их именах – 35,1 у горожан и 16,1 у сельчан – высоки для того семилетия и

соответствуют **К** будущей «элиты», рожденной в 1885–1891 гг. По параметрам окраски наречения по [Л-Л'] и [Р-Р'] имена отцов «пассионариев» явно ближе к будущей «элите» 1885–1891 гг. рождения, чем к их «простым» ровесникам. Первая пятерка имен у данных городских отцов советской «элиты» выглядит как *Василий* (11,7%), *Александр*, *Иван* (по 7,8%), *Алексей*, *Михаил* (по 6,5%), *Владимир*, *Георгий*, *Федор* (по 5,2%), а у сельских (крестьянских!) родителей сложилась в виде: *Иван* (14,2%), *Михаил* (6,6%), *Николай* (6%), *Александр* (5,5%), *Василий* (4,9%), что в обеих парадигмах соответствовало «элитному» наречению, намного опережая качество наречения «простых» современников.

Достаточно сказать, что такие имена-маркеры тогдашней модной модернизации городского наречения, как *Владимир* и *Виктор* занимали в «простом» городском наречении 1885–1891 гг. соответственно 3,5% (9-е – 11-е места) и 0,8% (22-е – 24-е места), а не 6-е – 8-е и 16-е, как у «пассионарных» отцов. Имена-маркеры прогресса тогдашнего сельского наречения *Александр* и *Николай* были у «простых» крестьян в 1885–1891 гг. на 8-м и 9-м местах соответственно с 3,9% и 3,8%.

Таким образом, «ген» повышенной социальной активности зафиксирован через сравнительное наречение, по крайней мере, в четырех поколениях от дедов «пассионариев» до их собственных детей. Потому можно утверждать, что в синергизме факторов, собиравших когорты социальных активистов на столетнем отрезке от «великих реформ» до полетов в космос, наследуемая повышенная активность, социальная агрессия индивида была имманентна, перемножаясь с факторами природно-демографического, национально-психологического, психосексуального, социокультурного, социально-экономического и государственно-политического свойства.

Понимая весь синергизм генезиса «активизма», исторических взлетов социальной агрессии, есть возможность выявлять и метить продемонстрированным способом еще с порогов роддомов и ЗАГСов весьма вероятных будущих «пассионариев». Попробуем?

Библиография

¹ Дьячков В.Л. «Что в имени тебе моем?..» (Сравнительный анализ антропонимических процессов и явлений в семьях членов политической элиты) // Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина / В.Л. Дьячков, Л.Г.Протасов и др. – Тамбов, 2013. С. 111–128.

² Дьячков В.Л., Трофимова Е.В. Русское наречение в четырех веках социальной истории страны. Тамбов, 2011.

³ Дьячков В.Л., Трофимова Е.В. Состояние и эволюция наречения мальчиков Гавриловского района Тамбовской области в 1850–е–1920 гг. (по региональным Книгам Памяти) // Экология языка и речи. Тамбов. 2011. С. 329–332.

⁴ Дьячков В.Л., Трофимова Е.В. От Владимира Ленина до Владимира Путина: Русское наречение через революции войны, подъемы и кризисы XX – начала XXI вв. // Молодежь и социум. 2012. № 2 (10). С. 18–27.

⁵ Дьячков В.Л., Трофимова Е.В. Русское наречение в 1890–1920-е гг. в контексте социальной истории страны: методология, методика и некоторые результаты анализа. Ч. I // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 9. С. 343–355.

⁶ Дьячков В.Л., Трофимова Е.В. Русское наречение в 1890–1920-е гг. в контексте социальной истории страны: методология, методика и некоторые результаты анализа. Ч. II // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 10. С. 309–320.

ИДЕИ МНОГОПАРТИЙНОСТИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (СССР. 1985–1991)

Н.В. Елисеева

Перестройка в СССР, начатая Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым в 1985 г. и завершившаяся распадом СССР, оформленном в конце 1991 г., с точки зрения содержания протекавших процессов – явление сложное, многоаспектное. Наряду с попытками реформирования социально-экономической системы Советского Союза, Перестройка включила в себя реформу политической системы, основанной на власти КПСС.

Эта реформа осуществлялась путем серии процессуальных мероприятий, приведших, в конечном счете, к отмене 6-й статьи Конституции СССР 1977 г. «о руководящей роли КПСС», что открыло дорогу к формированию новой партийной системы, в которой многопартийность – важный институциональный элемент.

Возникает естественный вопрос, как трансформировались реформаторские проекты в ходе выработки решений о преобразовании советской однопартийной политической системы в многопартийную? Ведь признание многопартийности означало согласие КПСС (в лице ее руководства) на разделение власти с другими партиями, а, значит допущение мысли, что есть в стране разные политические силы и разные групповые интересы.

Вопрос о трансформации однопартийной системы в СССР впервые поднял А.Н. Яковлев – один из главных реформаторов в окружении М.С. Горбачева. В 1985 г. он предложил Горбачеву начать Перестройку с КПСС, путем раскола ее на две партии. Свою позицию он изложил в записке под названием «Императивы политического развития»¹. А.И. Лукьянов, работавший тогда в аппарате ЦК КПСС,

подтверждает, что «в 1985 г. при подготовке документов апрельского пленума ЦК, А.Н. Яковлев поставил вопрос о введении двухпартийной системы, фермеризации сельского хозяйства и внедрении основ парламентаризма»².

По замыслу Яковлева, нужно было сохранить одну часть КПСС как традиционную – марксистско-ленинскую, другую часть трансформировать на позиции социал-демократии. Следует вспомнить, что западная социал-демократия в официальной версии советского марксизма фигурировала как идейный противник. Горбачев тогда не решился на столь радикальную, с его точки зрения, реформу партии, полагая, что вся КПСС будет опорой проводимой им политики.

Между тем, возглавив Отдел пропаганды ЦК КПСС, Яковлев получил полномочия обновить кадровый состав «надстроечной» сферы советской политической системы – СМИ, редколлегий журналов и газет, руководство творческих союзов, что он и сделал. Кадры черпались из той же когорты партийных деятелей, репутационно принадлежавших к реформистски настроенной ее части, в чем когда-то проявили себя неортодоксальными статьями, творчеством, высказываниями. Многие вышли из журнала «Проблемы мира и социализма», известного как кузница кадров сторонников «социализма с человеческим лицом». В их числе помощники Горбачева (А.С. Черняев и др.). На руководящие должности в ряде политически важных СМИ также пришли люди с социал-демократическими установками. Например, АПН возглавил В.М. Фалин – к тому времени – личный друг В. Брандта (председателя Социалистического интернационала), что само по себе примечательно, так как официальные отношения с Социалистическим Интернационалом КПСС только начинала налаживать.

Если проанализировать биографии новых служителей гуманитарной сферы того времени, то становится ясно, что в основном это были люди с прозападническими настроениями, скептическим отношением к официальной советской идеологии, реформисты, готовые на смену своих позиций в пользу социал-демократии с ее основными принципами – множеством форм собственности, многопартийностью, парламентаризмом.

Социал-демократические идеи распространялись в среде партийного руководства страны еще при Л. Брежнев, в частности, среди его советников (Г. Арбатов, Н. Иноземцев, А. Бовин), а также в среде политической, научной и творческой элит.

Эти люди располагали большим арсеналом возможностей приобщаться к западным ценностям. Например, научная элита через сеть научно-исследовательских институтов, издательств и другие ведомства имела возможность читать закрытые для широкой общественности информационные материалы о состоянии дел на Западе, в странах социалистического блока, в странах Азии и Латинской Америки. Сотни документов, аналитических записок, шифровок проходили через руки многочисленного аппарата ЦК, МИДа, Совмина.

Хорошо осведомленными об идейном содержании мирового политического пространства были и первые лица государства и их многочисленная референтура, сформировавшаяся в СССР в подобию западных «мозговых центров». Ее идейное влияние на формирование и выработку решений самых высоких инстанции прослеживается по мемуарной литературе. Не был исключением и последний советский реформатор Горбачев.

В политическом докладе на XXVII съезде КПСС (февраль-март 1986 г.) в дискурсе Горбачева появились новые для советской политической мысли слова: «Гласность», «Перестройка». С этого времени ведет отсчет эволюция его реформаторского «словаря». Так, в апреле 1986 г. генсек говорит, что «перестройку» следует понимать как «коренное, полное изменение», в июне – что она означает «перемену всего общества», а в июле – он называет ее «революцией». Тогда же в его лексике появляются высказывания об издержках однопартийной системы^{3 4}.

Инструментом смены идеологии стала *политика гласности*. С речи Горбачева в Краснодаре (сентябрь 1986 г.) начался поворот к этой новой компоненте Перестройки. Тогда же он впервые призвал партию «перестроиться». Гласность полноценно заработала в 1987 г., когда призывы к

«совершенствованию социализма» были заменены призывами к «Перестройке» его основ и «радикальной экономической реформе». Процесс гласности был не просто задачей придания динамизма реформам, но и задачей их «идеологического сопровождения». Если вспомнить основное содержание дискуссий того времени в прессе по вопросам экономического развития страны, то становится очевидным, что именно тогда общественная политическая мысль начала отказываться от монопонимания исторического процесса, как в экономике, так и в политике.

С 1987 г. велась интенсивная разработка законов, призванных внедрить в практику новые формы собственности (кооперативы, аренда, совместные предприятия, индивидуальная трудовая деятельность, «комсомольская экономика» и т.п.), обсуждаются альтернативы исторического развития, идут поиски «положительного» периода советской истории. Литературные публикации ранее запрещенных художественных произведений («Плеха» Ч. Айтматова, «Пожар» В. Распутина и мн. др.) «сигналият» обществу о допущении плюрализма в культурной политике советского руководства. Само слова «плюрализм» означало для советской идеологии поворот к ценностям западной социал-демократической мысли. А ведь еще в 1983–1985 гг. защищались диссертации и писались научные монографии о чуждом марксизму-ленинизму «плюралистическом» подходе к анализу общественного развития⁵.

За этими нововведениями последовали заявления М.С. Горбачева об обеспечении независимости судебной власти, реализации принципов демократии – свободы слова, совести, собраний и необходимости введения в практику политической жизни страны альтернативных выборов, осуществления реформы политической системы – квинтэссенции политического дискурса 1987 г. Эту идею, как известно Генеральный секретарь ЦК КПСС высказал на январском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС. Позднее Яковлев напишет: «В сущности, перестройка в изначальном ее смысле завершилась. Она не могла не завершиться, ибо уже в 1987–1988 гг. практически встал вопрос о смене общественного уклада».⁶

Одним из идейных источников идеологических преобразовательных программ послужил фактор переоценки советского прошлого. В сентябре 1987 г. начала работу «Комиссия по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х годов и начала 50-х годов». Началась кампания по десталинизации советской истории. В результате сталинский период советской истории был однозначно изъят из достижений социализма (хотя и с оговорками, которые живут в исторической и общественной мысли до сих пор). Проблематика сталинизма, широко освещавшаяся в прессе, обострила и до того существовавшие в партии три течения: антисталинистов, «неосталинистов» и консерваторов. Их борьба за влияние сама по себе также послужило предпосылкой раскола и создания условий будущей многопартийности.

В докладе, посвященном 70-летию Октябрьской революции, Горбачев обозначил задачу придания «большого социализма» всем властным институтам. Что это означало для идеологии марксизма-ленинизма? В сталинский, брежневский и какой-то мере хрущевский период социализма было «мало». Оставался только ленинский период советской истории. К нему апеллировали и Горбачев, и публицисты, и экономисты. В прессе заговорили о «бухаринской альтернативе» (кстати, исследователи деятельности и наследия Бухарина обычно отмечают «близость его взглядов на развитие общества к позициям западной социал-демократии; Черняев в книге «Мои 6 лет с Горбачевым» написал, что ознакомившись с биографией Бухарина, Горбачев принял решение о его реабилитации; тем самым, «были широко распахнуты все двери для полного пересмотра всей коммунистической идеологии»), о НЭПе, развернулась дискуссия о том, свернул бы НЭП Ленин, проживи он больше. Вот тогда и всплыл вопрос о социалистической демократии при Ленине. Оказалось, что Ленин по-разному относился к «ценностям демократии» – многопартийности, парламентаризму... Так, множественность форм собственности, казалось, Ленин признал, развернув в стране НЭП.

Если прибавить к этому возросшее влияние диссидентов на общественную атмосферу, а большинство из них

проповедовали ограничение роли КПСС, разделяли либеральное понимание демократии, то становится ясно, что движение к многопартийности шло как «сверху», так и «снизу». Причем последнее движение – правозащитное – «питалось» идеями А.Д. Сахарова, который к началу 1970-х гг., включился в мировой политической дискурс о «конвергенции», «открытом обществе», развивавшемся на Западе в трудах советологов, политиков и общественных деятелей. Практической площадкой для распространения идей конвергенции, западничества и либеральных ценностей среди советского истеблишмента стали преимущественно внешнеполитические ведомства (МИД СССР, МО ЦК КПСС, спецслужбы, издательства) научные организации, структурные подразделения АН СССР. В них, кроме собственно диссидентов, существовала особая интеллектуальная прослойка, сочувствовавшая идеям конвергенции.

Таким образом, распространению наработок в области прав человека западной политической мыслью, либеральных ценностей, правовых и других западных учений способствовали и официальные советские инстанции (инакомыслие в них стали называть системным диссидентством) и сами диссиденты-правозащитники.

Ряд исследователей высказывают соображения о роли экономических факторов, послуживших «питательной средой» для многопартийности. Прежде всего, это теневая экономика, которая концентрировала кадры, заинтересованные в переходе на свободные рыночные отношения. Эти люди способствовали распространению социально-психологических установок рыночной экономики с вытекающими из нее далеко не социалистическими ценностями.

Сближение реформаторской идеологии с социал-демократией набирало обороты в международной проблематике пишущего Горбачева. К концу 1987 г. в книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира» он сформулировал концепцию «Перестройки» на базе уже не классовых, а общечеловеческих ценностей. Это год был знаменателен еще одним событием – решением отметить 1000-летие крещения Руси. Атеистическая идеология СССР, таким образом, отменялась.

Пожалуй, переломным можно считать 1988 г. в деле «строительства многопартийности». Выступая на Пленуме ЦК 18 февраля 1988 г. с докладом «Революционной перестройке – идеологию обновления», Горбачев определил задачи: качественное обновление с учетом всех реальностей современного мира. При этом, «сопоставить ... предстоящий путь с теми критериями прогресса, которые сформулированы классиками марксизма-ленинизма»⁷.

В дискуссиях в прессе идеи политической реформы вышли на первое место по остроте и запальчивости, оставив на втором месте дискуссии об экономических реформах. И это было понятно: проблемы реформы политической системы выстраивали совершенно новый дискурсивный ряд: избирательная система, место КПСС в системе власти и *многопартийность*.

Именно в этом году в главном теоретическом журнале «Коммунист» начали публиковаться статьи, призванные обеспечить смену идеологического курса КПСС и обосновать «уход» КПСС из власти путем девальвации социализма в том виде, в каком он реализовывался на протяжении нескольких десятилетий в СССР под ее руководством. Мягко противопоставляться социализму стал капитализм, его в кругах реформаторов-теоретиков начали постепенно реабилитировать, осуществляя ревизию официальной советской идеологии марксизма-ленинизма.

Дело начали политики в статусе академических ученых. Значимой стала статья Е.М. Примакова, (директор ИМЭМО, академик АН СССР), в которой утверждалось, что «тенденция к загниванию капитализма на высшей стадии не исключает его неизмеримо более быстрого в целом роста, чем прежде»⁸. Принципиальное значение имела статья В.А. Медведева (член Политбюро ЦК КПСС), в которой была заложена идея, что «капитализм не исчерпал себя»⁹. Этот тезис был прямо противоположен догме марксизма-ленинизма о нарастании кризиса капитализма.

Затем ревизию марксизма-ленинизма продолжили собственно ученые-обществоведы. Многие представители этого отряда советских гуманитариев были подготовлены: хорошо

знали советологическую (антисоветскую по сути) и политическую западную литературу, были вхожи в «коридоры» власти и осведомлены о ее проблемах. При всей селективности информации, поступавшей в СССР из-за рубежа, они имели возможности знакомиться с западными теориями. К тому же, амбициозные претензии власти доказать превосходство советского выбора Западу, стремление продемонстрировать достижения марксистско-ленинской методологии в сфере общественных наук, способствовали расширению контактов по линии научных связей.

Все это подготовило «слово» марксизма-ленинизма как монополярной методологии познания. В контексте политических событий 1988 г. неудивительным и программным для сил антикоммунистического направления стал сборник «Иного не дано», выпущенный в 1988 г. в издательстве «Прогресс». Авторский коллектив (более 30 человек) – историки, философы, писатели, политики фактически нанесли открытый удар по КПСС в области методологии общественных наук, заявив о необходимости перехода в общественных науках на методологический плюрализм. Главным предметом новой методологии становилась историческая наука, для которой в качестве задачи предлагался полный пересмотр оценок советского исторического прошлого.

Идеи многопартийности в этих условиях ставились в зависимость от реформы политической системы в целом. Эта реформа стала новаторским прорывом советской реформаторской мысли. Фактически советское реформаторство вступало на путь строительства «социализма с человеческим лицом» – социал-демократического проекта преобразований. Вся предыдущая марксистско-ленинская идеология теперь подлежала переосмыслению. Радикальный характер такого идеологического сдвига осознавался, видимо, не всеми. Риторика «совершенствования» сохранялась даже в радикальных статьях этого периода: «О путях совершенствования политической системы социализма» (Е. Амбарцумов), «Механизм торможения в политической системе и пути его преодоления» (А. Мигранян).¹⁰

Феноменом перестроечной историографии тогда стали два взаимоисключающих процесса: 1) апелляция к достижениям КПСС со стороны реформаторов и призывы не забывать об авангардной ее роли в деле строительства социализма в СССР и реформ; 2) дискредитация истории КПСС в ходе переоценки советского исторического прошлого в целом со стороны «рядовых» историков и других служителей общественных наук^{11 12 13 14 15 16 17}.

Дискредитация партийной истории была неизбежным следствием критики сталинизма в целом, и коснулась в частности, «Краткого курса ВКП (б)» как плода сталинизма¹⁸. Далее последовала серия работ об отрицательном значении для историко-партийной науки сталинской концепции истории партии^{19 20 21 22}. Попытки партийных обществоведов «вернуть» историю КПСС в лоно ленинского взгляда на историю партии не увенчались успехом^{23 24}.

Дискуссии по проблемам истории КПСС вплетались в текстуру политической реальности – подготовку к XIX Всесоюзной конференции КПСС (лето 1988 г.), обсуждение статьи Н. Андреевой «Не могу поступаться принципами» накануне конференции и т.п.

Переворот в идеологии отметил в своем дневнике Черняев. Будучи внутренне социал-демократом и автором многочисленных мемуарных записей о Перестройке, он в своих суждениях может рассматриваться сегодня как некий «барометр» реформаторских посылов. Он, сделал следующие записи в 1988 г.: «Журнал “Мировая экономика и международные отношения” под руководством Дилигенского систематически и открыто разрушает теорию империализма и ортодоксального революционного процесса. Теперь к этому присоединилась книга самого Примакова и Мартынова²⁵, которую “высоко” оценила “Правда” на днях»²⁶.

Далее процесс пошел стремительно. На страницах научных и популярных журналов (в разных жанрах) развернулись острейшие дискуссии о сущностных чертах социализма^{27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37}.

Следуя логике методологического плюрализма, началось широкое использование западных концепций, таких как

модернизационные,^{38 39 40 41} цивилизационные и теории тоталитаризма, а также методологических подходов других общественных наук (социологии, философии, экономики). Своего рода методологической революцией можно рассматривать объемистые научно-публицистические тома, вышедшие в 1989–1990 гг. под рубрикой «Перестройка: гласность, демократия, социализм»^{42,43}. В них вопрос о деидеологизации научного исследования общественных отношений рассматривался как актуальнейшая задача. Идеология КПСС становилась объектом критики с позиций западной методологической парадигмы. Подверглась переоценки и сама история партии.

Следующим этапом в движении к многопартийности стали решения XIX Всесоюзной партийной конференции (лето 1988). Американский посол Д.Ф. Мэтлок написал о том, что он думал в преддверии конференции: «...если будут дозволены выборы с многими кандидатами и тайным голосованием, если принципы судебной независимости будут закреплены в законе, тогда – я не сомневался – вскоре придет конец монополии Коммунистической партии»⁴⁴.

Позднее Горбачев будет утверждать: «Смысл политической реформы заключался в отстранении КПСС от власти».⁴⁵ Подводил итоги конференции В.М. Фалин: «Партия отважилась на давно назревший и перезревший акт: она слагала с себя функции, которые по смыслу вещей и по естественному праву должны принадлежать субъектам государственной и экономической власти, а также независимым общественным институтам. В сочетании с признанием за средствами массовой информации права на собственное суждение и отстаивание своих позиций – это создавало предпосылки для перехода к многопартийности».⁴⁶

И действительно, решения этой конференции положили конец руководящей роли КПСС пока в деле государственного и хозяйственного управления (передача этих функций советам – разделение функций партийных и государственных). Принцип разделения властей означал по оценке бывшего пресс-секретаря Горбачева А.С. Грачева следующее: «Разделение партии и государства, сросшихся как сиамские близнецы, значило

рисковать, что ни один из них – ни партия, ни государство – не переживет этой операции».⁴⁷

Конференция одобрила решения о создании новых органов власти (Съездов народных депутатов), формирование которых отныне будет осуществляться на основе альтернативных выборов. В этом же году была поставлена точка на марксистско-ленинской идеологии. Если в предыдущем году обструкции подверглись сталинский и брежневский периоды (хрущевский затрагивался в позитивном плане), то в конце 1988 г. с пьедестала был свергнут В.И. Ленин. Сотрудник международного отдела ЦК КПСС А.С. Ципко опубликовал в периферийном журнале «Наука и жизнь» статью (в нескольких номерах) «Истоки сталинизма», из которой вытекало, что принципиальной разницы между И.В. Сталиным и В.И. Лениным не существовало. По поводу этой статьи Черняев написал: «Со знаменитых статей Ципко (консультант Международного отдела, между прочим) полным ходом развернулся демонтаж ленинизма, во всяком случае, марксизма-ленинизма»⁴⁸.

Сам Ципко (помощник Яковлева с 1988 по 1990 гг.) позднее признавался в фактическом отсутствии у него и его окружения (а это гуманитарии ведущих академических вузов и аппаратные работники ЦК КПСС) каких-либо иллюзий в отношении марксистско-ленинской идеологии. Вот одно из его высказываний: «...За пятнадцать лет работы в институте Богомолова я привык к разговорам об обреченности восточноевропейского социализма, к ожиданиям того момента, когда все это рухнет. Надо быть честными. Подавляющая часть моих коллег из ИЭМСС АН СССР не только предчувствовала, но и ждала этого краха»⁴⁹.

В СМИ в течение 1989 г. шла обвальная критика ленинского периода советской истории, был «забракован» «последний слой» советской истории.⁵⁰ От опыта строительства социализма осталась только сама Перестройка. Правда, следует заметить, что сам Горбачев еще в 1990 г. апеллировал к Ленину, хотя и весьма своеобразно, достаточно прочесть записи его обсуждения с Черняевым подготовки доклада к 120-летию со дня рождения вождя мирового пролетариата.

В самом же аппарате ЦК усилиями секретаря Яковлева и некоторых сотрудников (В.П. Наумова, Ципко и др.) активно формировался антиленинский дискурс в публицистике и в историографии, что влияло и на официальный дискурс политиков (Г.Л. Смирнов пишет, что, в конце 1989 г. Горбачев «отступился от своих первоначальных взглядов и сделал шаги навстречу лидерам демократического движения, которые утверждали, что Ленин не имел концепции социализма, стремились вообще развенчать Ленина и убрать его из перестроечной идеологии»⁵¹).

Компания по выборам депутатов на I Съезд народных депутатов СССР показала, сколь ослабла КПСС, и сколь велико число претендентов на роль народных представителей в новом органе власти. В ходе его работы (25 мая – 9 июня 1989 г.) А.Д. Сахаровым была публично озвучена идея об отмене 6-й статьи Конституции СССР. Поддерживающие эту идею делегаты съезда оформились в Межрегиональную депутатскую группу (МДГ) и на своей конференции (присутствовали 316 депутатов), состоявшейся 29–30 июля, и приняли документ («Тезисы...»), в котором были зафиксированы требования альтернативных выборов со свободным выдвижением кандидатов, свободы издательской деятельности. Примечательно, что предложение отменить 6-ю статью Конституции, еще месяц назад звучащее крамоллой в устах Сахарова, не встретило возражений. По результатам анкетирования, 49% депутатов высказались за изъятие 6-й статьи и введение многопартийности, 40% – за изъятие 6-й статьи и дискуссию о многопартийности, и только 5% – за сохранение однопартийности.⁵²

А Горбачев в ноябре 1989 г. опубликовал статью «Социалистическая идея и революционная перестройка», в которой утверждал, что нужны новые критерии социализма «с учетом мирового опыта» как самого социализма, так и капитализма, а иными словами необходимо признать многообразие форм собственности, близости социальных систем, неприемлемость противопоставления социализма капитализму. Это был социал-демократический проект преобразований, который был близок Горбачеву, видимо, изначально, что отмечал В. Крючков⁵³.

Первыми 6 статью Конституции в начале декабря 1989 г. отменили Верховные Советы прибалтийских республик, сразу же начался выход республиканских коммунистов из состава КПСС и внутренний раскол. МДГ приветствовала эти акции.

К осени 1989 г. внутри КПСС сложилось радикально-демократическое крыло. В него входили коммунисты-реформисты, которые также ставили вопрос о создании многопартийной системы.

К концу 1989 г. в союзном правительстве принимается решение, кардинально подтверждающее смену общественно-экономического строя: переход к многоукладной экономике, то есть многообразию форм собственности (частной, акционерной, кооперативной). План перехода одобряется новым органом власти на II Съезде народных депутатов СССР (декабрь 1989 г.). Таким образом, КПСС в лице коммунистов-реформаторов приступила к строительству капитализма.

В январе 1990 г. на идейных основах многопартийности была учреждена “Демократическая платформа в КПСС” с координационным советом в составе Б. Ельцина, Ю. Афанасьева, Г. Попова, Н. Травкина, Г. Бурбулиса, В. Лысенко, В. Шостаковского и др.

Тогда же Яковлев вновь вернулся к вопросу о многопартийности. Он, в частности, считал, что наступила пора освободиться от Политбюро и ЦК, так как эти структуры – препятствие перестройке. Выход, по его мнению – в учреждении президентской власти. Он предложил Горбачеву еще до февральского (1990 г.) Пленума выступить по телевидению с прямым обращением к народу с заявлениями: что «Вы берете на себя всю ответственность за программу чрезвычайных мер по формуле: земля – крестьянам, фабрики – рабочим, республикам – реальная независимость, не союзное государство, а союз самостоятельных государств, *многопартийность и полный отказ КПСС от монополии власти...* (выделено мной – Н.Е.)»⁵⁴. «В эти последние дни января, – вспоминал Черняев, – мы с Яковлевым общались постоянно. И согласны были практически во всем... Партии надо дать сейчас возможность пойти по пути СЕПТ, КПЧ, ПОРП, то есть рассыпаться или превратиться в “одну из”...».⁵⁵

5–6 февраля 1990 г. состоялся Пленум ЦК КПСС. В докладе Пленуму Горбачев заявил о необходимости отмены положений статьи 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС, а также предложил ввести пост Президента СССР.

Ельцин в своем выступлении выдвинул «десять требований», в том числе: отмена статьи 6 Конституции СССР, прямые выборы делегатов съезда КПСС, отказ от принципа демократического централизма, возможность фракций в КПСС, подчинение партийных средств массовой информации непосредственно съезду.

На этом пленуме обсуждался и принципиальный для судьбы КПСС документ – проект «Платформы ЦК КПСС «К гуманному демократическому социализму», планируемый к обсуждению на предстоящем XXVIII партийном съезде (летом 1990 г.), который должен был изменить саму суть партии – превращение ее в социал-демократическую.

Тон задал Яковлев. «Я поддерживаю проект платформы. Если внимательно вчитаться в него – это серьезное продвижение в понимании принципов и норм нашего социалистического общежития. На самом деле, по-новому поставлены вопросы о свободе человека, свободе творчества и слова, о собственности и товарно-денежных отношениях, рынке, новых производственных отношениях на селе и социальном переустройстве деревни, как приоритете политики на ближайшие годы, о трудовой собственности, политическом плюрализме, *новом понимании роли партии* (выделено мной – *Н.Е.*) в обществе, изменении всех структур власти, о проблемах самоуправления»⁵⁶/ Таким образом реформа партии фактически осуществлялась на самом верху партийной властной пирамиды и без консолидации партийцев на пленуме, ведь из 33 ораторов, выступивших на этом пленуме, 24 заняли «резко критическую позицию»⁵⁷. Но дальше критики дело не пошло: пленум одобрил предложения Горбачева и его сторонников.

А накануне пленума (4 февраля) в Москве прокатилась волна митингов в поддержку кампании по выборам российского законодательного органа власти – Съезда народных депутатов РСФСР. Она также проходила под лозунгом отмены 6-й статьи (митинги в Москве 4 и 25 февраля) и возглавлялась движением

«Демократическая Россия» при лидерстве в нем МДГ. Некоторые исследователи полагают, что демонстрация помогла Горбачеву «продать» решение об изменении 6-й статьи Конституции СССР и введении поста президента СССР. Ю. Афанасьев назвал эти события "мирной Февральской революцией 1990 г."

На мартовском (1990г.) пленуме ЦК КПСС вопрос об отмене 6-й статьи Конституции также оставался дискутируемым.

М.С. Горбачев: «КПСС, являясь правящей партией, политически ответственна перед народом за состояние государства, нашей социалистической федерации, за положение в экономике, за безопасность граждан, обеспечение их прав и свобод, за соблюдение международных интересов страны. Это принципиально исключает для нас легковесные парламентские игры»⁵⁸. *Это утверждение противоречило тому, что происходило на самом деле.*

Ю.А. Прокофьев (Первый секретарь Московского горкома КПСС). «В Конституцию нужно внести статью, которая бы декларировала право людей объединяться в различные партии и общественные движения».

В.В. Бакатин (Член ЦК КПСС, министр внутренних дел СССР). «Я тоже поддерживаю предложение товарища Прокофьева о принятии закона о партиях. Это будет уже совсем другое дело. Именно в законе будет механизм создания, роспуска и сферы деятельности. Я вношу другое конкретное предложение. Помимо изменений в статье 6, 7 внести изменения в статью 51, где записано, что «граждане СССР имеют право объединяться в общественные организации», куда всего лишь добавить «имеют право объединяться в общественные и общественно-политические организации». И вопрос будет снят».

И.Т. Фролов (Главный редактор газеты «Правда»). Отмена 6-й статьи конституции – это переворот. Полное завершение изменения политической системы.⁵⁹

В.И. Бровиков (Член ЦК КПСС, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Республике Польша). «В крайне тяжелом положении оказалась сама партия, и мы это все понимаем. Ее поносят самыми последними словами. Делается это, как вы знаете, не напрямую, а косвенно, через критику

партократии, административно-командных методов и т.п. Споры нет: партия заслуживает критики, многое надо в ней существенно, а может быть, и коренным образом менять. Заслуживают критики часть партийного аппарата, многие коммунисты, допустившие искривление линии партии или переродившиеся. ...Разноголосый хор доморощенных критиканов получил зловещее, резкое эхо на Западе. Реакционеры всех мастей клянут на чем свет стоит коммунистов, вовсю поют реквием по КПСС, ленинизму и социализму... Больше всего обидно, что наверху никто – ни Генеральный секретарь, ни его ближайшие соратники – не принял существенных мер, чтобы защитить честь и достоинство партии. То ли потому, что это их устраивает, то ли потому, что они сами боятся критики со стороны «критиков». Как вспоминает В.Медведев, «аплодисменты, сопровождавшие выступление, красноречиво свидетельствовали о наличии в составе ЦК мощных сил, противостоящих Горбачеву».

В.М. Семенова (Первый секретарь Гродненского обкома Компартии Белоруссии). «За последние годы, начиная с 1985 г. совместные постановления партийного и государственного управления в области экономики не дали положительных результатов Я не знаю, что ответить коммунистам. Какая у нас партия? Остается она коммунистической или собирать чемоданы и в социал-демократы подаваться? Мы не знаем на него ответ. Потому что не знаем, какое общество мы собираемся строить. Если мы собираемся строить буржуазно-капиталистическое общество, то наша партия – КПСС – должна быть сегодня оппозиционной, если собираемся строить социалистическое общество, то наша партия должна быть авангардной»⁶⁰.

Е.К. Лигачев (член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС). «В нашем обществе обозначились силы, люди, которые прикрываясь и манипулируя лозунгами перестройки, вынашивают намерение развалить общество, партию, выхолостить ленинские принципы ее построения и деятельности (что относится к Уставу КПСС). А проще говоря. преобразовать ее в социал-демократию, ввести в стране частную собственность и реставрировать капиталистическое производство. Причем

квивают на пример Восточной Европы»⁶¹. Однако и этот пленум принял решение об отмене 6-й статьи.

Публично в рамках нового «демократического» политического устройства 12 марта 1990 г. на Внеочередном III Съезде народных депутатов СССР 6 статья Конституции была отменена. С ее отменой была ликвидирована сама возможность перехода КПСС на социал-демократические позиции через реформирование, как это планировал осуществить Горбачев на XXVIII съезде партии. Он вновь апеллировал к уже свергнутому Ленину, обосновывая свой ревизионизм ленинским тезисом «о перемене точки зрения на социализм», высказанной в последние годы жизни.⁶²

Реформа политической системы была в целом завершена. Ее итоги парадоксальны: КПСС (в лице ее руководства) сама себя лишила власти.

Российские политики еще долго эксплуатировали «антикапээсесный» фактор. Так, В ходе дебатов I Съезда народных депутатов РСФСР (16 мая – 22 июня 1990 г.) по выборам Председателя Верховного Совета России, Ельцин в формулировку своей политической программы вложил весь негатив исторического коммунистического правления: Россия больна. Нужна решительная, смелая, опережающая политика выхода из кризиса. Для этого нужно: не ломая систему, строить рядом новое здание, отказаться от монополии партии на власть, передав власть народу и Советам. Постановлением Съезд изменил редакцию статей 6 и 7 Конституции. Так, съезд России, состоявший почти на 90% из коммунистов советского образца, конституционным большинством голосов также как и союзный съезд отказал КПСС в ее руководящей роли..

1990 год не случайно называют годом России. Именно в этом году сформировались многочисленные фракции внутри КПСС, сыгравшие важную роль в формировании будущей постсоветской многопартийности. Именно в этом году на политическую повестку дня был поставлен вопрос о создании коммунистической партии РСФСР. Российская партийная проблематика стала неотъемлемой частью политического дискурса. Объективно и это сыграло на руку противникам КПСС, хотя в большинстве своем российские коммунисты

преследовали цели укрепления КПСС и стабилизации обстановки.

На идеологическом партийном фронте ситуация также была не в пользу КПСС. С 1990 г. шел процесс тотального пересмотра ее истории и роли как внутри страны, так и в мировом коммунистическом и левом спектре политической мысли^{63 64}. С начала 1990-х гг. история КПСС стала объектом беспощадной разоблачительной критики со стороны официальной российской политической элиты.

К началу 1991 г. на уровне Союза возникло около 20 политических партий, а на уровне республик таких политических партий оказалось более 500. Среди них подавляющее большинство способствовало уходу КПСС с политической сцены.

Если подводить итоги, то можно сказать, что существовало две перспективы многопартийности в годы Перестройки.

Первая, социал-демократическая, основанная на идеях западной социал-демократической традиции, в которой многопартийность могла бы реализоваться в рамках сильного социального государства.

Вторая, многопартийности, основывалась на идеях либерал-радикальной традиции, что соответствовало условиям рыночной экономики и «уходу» государства из социальной сферы. В этой версии господствовал антикоммунизм.

Первая перспектива не стала реальностью в силу множества исторических обстоятельств, в том числе из-за событий августа 1991 г. и октября 1993 г.

Вторая перспектива, напротив, стала реальностью постсоветской России с начала 1990-х гг., и была реализована российской политической элитой как альтернатива первой.

И это понятно: какой путь должен был избрать Ельцин в ходе своего противостояния Горбачеву, с учетом его личности и политического окружения?

У него было только три варианта: возвращение к социализму, строительство социал-демократического государства, создание либерал-радикального антикоммунистического режима.

Первый был «дорогой назад», по второму пути шел М.С. Горбачев. Оставался только третий – путь антикоммунизма и «свободного» рынка со стандартами монетаризма в версии американской «чикагской школы» экономистов (Отдельные тезисы статьи были представлены в докладе автора на круглом столе «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.»⁶⁵).

Библиография

¹ *Яковлев А.Н.* Горькая чаша. Большевизм и реформация в России. Ярославль, 1994. С. 205–212.

² *Лукьянов А.* Современные Геростраты. За кулисами перестройки // Правда. 1995. 27 марта.

³ *Черняев А.* Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М. 1993. С. 90.

⁴ В политбюро ЦК КПСС.... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М., 2006. С.53.

⁵ *Момджян А.В.* Плюрализм: истоки и сущность. Критический анализ философских основ. М., 1983.

⁶ *Яковлев А.Н.* Сумерки: [Размышления о судьбе России]. М., 2005. (URL: <http://www.yeltsincenter.ru/books/sumerki>).

⁷ *Горбачев М.С.* Годы трудных решений. Избранное. 1985–1992. М. 1993. С.96–97.

⁸ *Примаков Е.М.* Капитализм во взаимосвязанном мире // Коммунист. 1987. – № 13. – С.101–110.

⁹ *Медведев В.А.* Великий Октябрь и современный мир // Коммунист. 1988. № 2.

¹⁰ Перестройка: Гласность, демократия, социализм. Иного не дано. М., 1988. С. 77–96; 97–121.

¹¹ *Сажин А.И.* Кадровая политика КПСС: история и современность. М. 1989.

¹² *Серегин А. Г.* КПСС: роль и место в перестройке. М. 1989.

¹³ *Белов Г.А.* Пути обновления партии // Судьбы партии: проблемы, перспективы, прогнозы. М., 1990.

¹⁴ *Ильин В.В.* КПСС и перестройка: итоги и перспективы // Судьбы партии: проблемы, перспективы, прогнозы. М. 1990.

¹⁵ *Наумов В., Рябов В., Филиппов Ю.* Об историческом пути КПСС. М. 1990.

¹⁶ *Куприянов Н.* Скоро ли развалится КПСС? М., 1990.

¹⁷ *Евлахов А. А.* Кризис КПСС: истоки и уроки. М. 1991.

¹⁸ *Маслов Н.* Краткий курс истории ВКП (б) – энциклопедия культа личности Сталина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11.

-
- ¹⁹ Маньковская И.Л., Шарпов Ю.П. Культ личности и историко-партийная наука. // Вопросы истории КПСС. 1988. № 5. С. 69.
- ²⁰ Амиантов Ю., Ильин А., Тихонова З., Шелохаева В. Шестая, Пражская // Уроки дает история. М., 1989.
- ²¹ Маслов Н.Н. Из истории распространения сталинизма. // Вопросы истории КПСС. 1990. № 7.
- ²² Маслов Н.Н. И.В. Сталин о «Кратком курсе истории ВКП (б)». Стенограмма выступления на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда. 1938. // Исторический архив. 1994. № 5. С. 4–31.
- ²³ Ленинская концепция социализма. М., 1990.
- ²⁴ Ленин, о котором спорят сегодня. М., 1991.
- ²⁵ Примаков Е.М., Дындин А.А., Мартынов В.А. Современный империализм: тенденции и противоречия. М., 1998.
- ²⁶ Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2008.
- ²⁷ Бутенко А.П. Современный социализм. Вопросы теории. М., 1989.
- ²⁸ Социализм между прошлым и будущим. М., 1989.
- ²⁹ Социализм: противоречия системы. М., 1989.
- ³⁰ Алексеев С.С. Перед выбором. Социалистическая идея: настоящее и будущее. М., 1990.
- ³¹ Капустин М. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М., 1990.
- ³² Колганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. М. 1990.
- ³³ Ленинская концепция социализма. М. 1990.
- ³⁴ Обновляющийся социализм: облик, тенденции, поиск. Пермь, 1990.
- ³⁵ Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира. М. 1990.
- ³⁶ Александров Г.Н. Социалистическая идея и марксизм. М. 1991.
- ³⁷ Ковалев А.М. Что же такое социализм? Сущность, историческое место, проблемы и перспективы. М. 1991.
- ³⁸ Тоталитаризм как исторический феномен. М. 1989.
- ³⁹ Осмыслить культ Сталина. М. 1989.
- ⁴⁰ Тоталитаризм и социализм. М. 1990.
- ⁴¹ Погружение в трясины. М. 1991.
- ⁴² СССР: демографический диагноз. М., 1990.
- ⁴³ Социология перестройки. М., 1990.
- ⁴⁴ Мэтлок Д. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза. М. 2003. С. 101.
- ⁴⁵ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М. 1995. Кн. 1. С. 423.
- ⁴⁶ Фалин В.М. Конфликты в Кремле. Сумерки богов по-русски. М. 1999. С. 33.
- ⁴⁷ Грачев А.С. Горбачев. Человек, который хотел, как лучше... М., 2001. С. 140.
- ⁴⁸ Черняев А.С. Совместный исход (Дневник двух эпох. 1972–1991 годы) // http://royallib.com/book/chemyaev_anatoliy/sovmejniy_ishod_1078.htm.

⁴⁹ *Ципко А.С.* Прощание с социализмом // Вестник аналитики. 2005. № 3(20) (URL: <http://tsipko.ru/2010/01/18>).

⁵⁰ *Котеленец Е.А.* В.И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М., 1999 (URL: <http://leninism.su/lenin-now/4130-vi-lenin-kak-predmet-istoricheskogo-issledovaniya.html>).

⁵¹ *Смирнов Г.Л.* Уроки минувшего. М., 1997. С. 267.

⁵² Панорама. 1989. № 8.

⁵³ *Крючков В.* Личное дело. Три дня и вся жизнь. М., 2001. С. 242.

⁵⁴ *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. С. 330–331

⁵⁵ Там же. С. 331.

⁵⁶ Выступление А.Н. Яковлева на февральском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС (06.02.1990 г.) // Архив А.Н. Яковлева. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1024049>.

⁵⁷ Пленум ЦК КПСС – 5–7 февраля 1990 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 41–115.

⁵⁸ КПСС. ЦК. Пленум (1990, март). Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 11, 14, 16 марта 1990 г. М., 1990. С. 8.

⁵⁹ Там же. С. 46.

⁶⁰ Там же. С. 49.

⁶¹ Там же. С. 91.

⁶² *Виттенберг Е.* Ленинское видение внутрипартийной демократии. // Ленинская концепция социализма. М. 1990. С. 214.

⁶³ *Наумов В.П., Рябов В.В., Филиппов Ю.И.* Об историческом пути КПСС: поиски новых подходов. М. 1992.

⁶⁴ *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Советская историография. М. 1996. С. 7–41.

⁶⁵ Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М., 2016 // Официальный портал ИС РАН, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594>.

**ГЕРОЙ И ТОЛПА,
ВОЖДЬ, ПАРТИЯ И МАССЫ
(СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ
Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО
И «КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ ВКП (Б)»)**

В.В. Зверев

В печально известном «Кратком курсе» истории ВКП (б), подготовку которого курировал лично И.В. Сталин, содержался пассаж, который, по крайней мере, на два десятилетия определил общее отношение официальной историографии к русскому народничеству. В нем порицалась и отвергалась тактика индивидуального террора народовольцев, звучали их обвинения во всех тяжких грехах, в числе которых значились отвлечение внимания «трудящихся от борьбы с классовыми угнетателями», торможение развития «революционной инициативы и активности рабочего класса и крестьянства» и т.п. несуразности, не имевшие ничего общего с действительностью. Авторы обязательной для изучения в системе партучебы работы настаивали, что «политика индивидуального террора исходила из неправильной народнической теории активных “героев” и пассивной “толпы”, ждущей от “героев” подвига. Эта ложная теория говорила, что только отдельные выдающиеся одиночки делают историю, а масса, народ, класс, “толпа”, как презрительно выражались народнические писатели, неспособна к сознательным, организованным действиям, она может только слепо идти за “героями”»¹.

Под «народническими писателями» подразумевался Н.К. Михайловский, уже полузабытый к середине 1930-х гг., в том числе и стараниями партийной прессы, властитель дум передовой отечественной молодежи, известный социолог, литературный критик, журналист. Сознательно не называя имя автора «теории героев и толпы» (зачем перегружать неокрепшие умы излишней и ненужной информацией), «гений всех времен и

народов», думается, однако, не случайно обратился к творческому наследию народнического мыслителя. Его обширная и цепкая память хранила многие сведения, навряд ли Сталин мог забыть основные положения концепции, которая вызывала его стойкую неприязнь и отторжение. Но прежде чем обратиться к причинам подобного отношения, позволю себе напомнить основное содержание «теории героя и толпы».

Единственное, в чем был прав Сталин, так это в утверждении, что данная концепция являлась прямым продолжением общей оценки Михайловским личности как творца истории. По мнению народнического мыслителя, не все люди способны оказывать влияние на ход исторических событий. Существует два типа личности: практические и идеальные. «Практические типы – это те, которые приспособляются ко всякой обстановке, как бы она ни была узка и душна, которые согласны существовать в виде любого колеса любой телеги, хотя бы оно было пятое, которых требования так скромны, что пятак, а тем более двугривенный, их совершенно удовлетворяет. Идеальные типы, напротив, слишком полны, слишком многосторонни, чтобы уместиться в какой-нибудь тесной рамке». Практический тип настолько срастается с окружающей обстановкой, что начинает отождествлять свой собственный интерес с интересами того целого, к которому принадлежит. Идеальный тип занимает противоположную позицию, руководствуется в жизни иным мировоззрением. «Никогда не унижит он своей личности, по крайней мере, будет бороться против унижения до последней возможности, пробуя разнообразные комбинации и, может быть, погибая в омуте практической жизни. Он наложит на себя обязанности, даже очень тяжелые, но наложит сам; общественный идеал его сложился на основании требований идеала личного»². В конечном итоге, принципиальные различия между идеальным и практическим типом личности зависят от собственного (индивидуального) понимания цели прогресса, морально-этического облика человека и его активной жизненной позиции.

Ставя таким образом вопрос, Михайловский переходил от рассмотрения черт, присущих идеальному типу личности к

характеристике ее влияния на развитие прогресса. «История управляется общими постоянными законами, но не они составляют прямую, непосредственную причину человеческих действий», – так Михайловский определял противостояние субъективного, личного фактора и наиболее общих причин эволюции цивилизации. Человек находился в прямой зависимости не от них, а от более «приземленной» «сети» условий существования, а уже «...эта сложная и постоянно в известных пределах колеблющаяся, то отливающая, то приливающая сеть подчинена общим простым и постоянным законам». Естественно, бывают в истории события, перед которыми человек бессилен. Но определенная общими законами граница, за которую он «...ни в коем случае преступить не может», оставляет достаточно широкий простор для деятельности. «В этих пределах энергичская личность, двигаясь и двигая направо или налево, вперед или назад, может при известных обстоятельствах придать свой цвет и запах целому народу и целому веку»³.

Тем самым Михайловский настаивал на своей любимой мысли о том, что «сознательная деятельность человека есть такой же фактор истории, как стихийная сила почвы или климата». Он не считал, что между законами мироздания и практикой людей существует непреодолимая пропасть. «Общими законами истории определяется тот порядок, в котором исторические фазисы следуют друг за другом», но поступательное прогрессивное движение реализуется через конкретную «очеловеченную» практику, и происходящие в обществе процессы оказываются подвержены субъективной коррекции. Эти действия могут быть различны как по характеру побудительных мотивов (честолюбие, стремление к славе и богатству, исполнение гражданского или морального долга и т.п.), так и по направленности (ускорение или замедление обозначившихся тенденций). Но «...все тянущиеся в разные стороны усилия отдельных личностей в среднем выводе и в окончательном результате нейтрализуются» и выявляется их общий вектор. Личность – не просто персонифицированное воплощение общих социальных законов, но и субъективный элемент прогресса, самым непосредственным образом влияющий

на темпы и скорость происходящих в обществе изменений. «Бессильная вырыть новое русло для истории, личность может, однако, при известных условиях временно запрудить историческое течение или ускорить его быстроту»⁴.

Но все ли личности, так или иначе воздействующие на общественный прогресс, могут быть причислены к категории великих людей? Каковы критерии их оценок? Кто может претендовать и носить это высокое звание? Отвечая на возникавшие вопросы, Михайловский считал, что мерилом значимости деятельности выдающейся личности должно стать, во-первых, понимание, «...какие элементы дали личности точку опоры, с которой она получила возможность влиять на ход событий»; во-вторых, «что может принести с собой влияние этой личности...» на общественную жизнь; и, в-третьих, «...каковы цели и средства личности»⁵. Другими словами, великий человек – это высшая форма развития идеального типа личности, наделенная исключительными качествами характера, и преследующая в своей социальной практике только прогрессивные цели.

Такие люди – не правило, а исключение повседневной жизни. От обыкновенного человека выдающаяся личность отличается неординарностью натуры и силой воли, широтой образованности и пониманием общественных нужд и потребностей. Обычно она появляется на стыке двух эпох, «...на границе двух фазисов исторического развития, на точке перелома». Для проявления ее действительного величия требуется, чтобы «...было нечто общее между ее задачами и средой, в которой ей приходится действовать». Без подобного совпадения невозможно само существование выдающейся личности. Она – порождение окружающей среды, которая ее формирует, образовывает и воспитывает. В прямой зависимости от социального устройства также находится обнаружение и реализация на практике ее исключительных черт. Так рабовладение и крепостной строй не позволили раскрыть свои способности многим людям: «...на одного Эзопа, на одного Эпиктета, на одного Шевченку приходится, может быть, тысячи затертых дарований, перед которыми померкли бы, может быть, таланты Фидиев и Тургеневых»⁶.

Но вместе с этим «...великий человек должен быть в значительной степени чужим окружающей среде». Выдающиеся личности принадлежат не только настоящему, но и будущему. Своей неустанной деятельностью, освещенной яркой мыслью, они «из фактически ничтожного зерна принципиально важных и плодотворных элементов строят вековечное здание», «...кладут основание новому историческому фазису». Но этот тяжелый и напряженный труд происходит не в спокойно-камерной обстановке философского салона. «Если бы личность могла действовать только на почве лучших сил среды, то в истории не было бы никаких зигзагов, никаких попятных движений». В судьбоносные эпохи действуют не только прогрессивные элементы общества, но и «элементы побочные», символизирующие собой приверженность традиции и неподвижности бытия. Стремясь сохранить прежние устои, уходящий в прошлое фазис развития «...выдвигает людей, иногда очень даровитых и энергических, которым удастся сплотить все ветхое, придать ему страшную силу и, пустив в изумленный мир этою глыбой, запрудить на время течение истории». Хотя такая судорожная попытка остановить прогрессивное движение цивилизации и будет последним всплеском активности старого общества, но от этого серьезность ее последствий отнюдь не уменьшается. «Мухи осенью, перед смертью, – писал Михайловский, – как известно, особенно кусливы»⁷.

Обоснование многогранности деятельности выдающейся личности Михайловским далеко не случайно. В минуты серьезных испытаний и должны проявиться волевые качества борца. В противном случае человек, кажется, наделенный всеми необходимыми атрибутами выдающейся личности, рискует впустую растратить свой талант и превратиться в заурядный практический тип. «Не раз и не два, – писал Михайловский в этой связи, – не тысячу и не миллион раз в... житейском море тонули великие дарования, способные, может быть, затмить собою всех исторических известных нам звезд первой величины. И, наоборот, на историческом берегу мы часто видим то самое, что бывает и на настоящем берегу после отлива: копошатся разные слизняки»⁸.

Итак, великий человек – это такой идеальный тип личности, который наиболее полно осознает и воплощает на практике насущные потребности общественной жизни. Личность опережает эпоху в создании собственного идеала и наделена исключительными чертами характера, помогающими в борьбе с отжившим и сопротивляющимся старым. Так можно было определить основные составляющие облика выдающейся личности в понимании Михайловского. Появляясь, как правило, в переломные моменты эволюции социума, великий человек вбирает все лучшее, что было накоплено в прошлом, и становится защитником вступающего в свои права будущего. Он – творец и соединяющая нить прогресса. Подчиняясь в своей практике законам истории, великий человек вместе с тем привносит то особенное, что составляет своеобразие каждой эпохи, каждого фазиса цивилизации.

Рассуждения на эту тему подводили Михайловского к изучению характера взаимоотношений между личностью и массой в переломные моменты, периоды кризисов и смут, социальных потрясений и народного гнева. Столкнувшись с отсутствием разнообразных и разносторонних способов анализа всего комплекса проявлений деятельности личности, характера его взаимодействия с народом, Михайловский попытался подойти к проблеме нетрадиционно и обратился к изучению частных законов, определявших отношения между личностью и движущейся за ним массой, механику взаимовлияния толпы и человека, которого сама толпа «признает великим»⁹. Рассмотрение проблемы происходило сквозь призму социальной психологии, но обращение к этой стороне человеческих отношений прямо вытекало из признания многофакторности социальной эволюции, которое было характерно в целом для взглядов Михайловского. Он сознательно избирал такой подход, чтобы подчеркнуть автономность личности, выявить способность ее вмешательства в происходящие события, имеющей отрицательный или положительный результат для дела прогресса.

Михайловский начинал с констатации уже известного тезиса: деятельность личности может способствовать или препятствовать развитию общества. Но если отрешиться от

телеологических и морально-этических оценок, то героем можно называть человека, «...увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело». Таким образом, герой – не обязательно великий человек, а только тот, кто «...делает тот решительный шаг, которого трепетно ждет толпа, чтобы с стремительной силой броситься в ту или другую сторону». И важен не столько он сам, сколько тот импульс, который он придает вызываемому им массовому движению. С этой точки зрения герой может быть «...и полуумным, и негодяем, и глупцом ни мало не интересным». Героя создает сама толпа, в нем концентрируются ее желания и инстинкты. Он, бесспорно, должен обладать качествами, которых нет у других, но которые могут ему обеспечить успех. Среди них – «внешняя сила и хитрость», умение создать «престиж» своему имени, обладание чертами характера, которые нравятся другим людям и самое главное – умение влиять на настроение людей. Он вполне может даже, как маг и волшебник, «...знать секреты гипнотизма»¹⁰.

Наряду с этим, и толпа – это не народ. Под этим понятием Михайловский подразумевал людскую «...массу, способную увлекаться примером, опять-таки высоко-благородным или низким, или нравственно-безразличным». В толпе исчезает «...разница общественного положения людей...», к ней также нельзя применить национальные и конфессиональные характеристики. Толпа – это «...самостоятельное общественно-психологическое явление...», феномен личной и массовой психологии.

Причины его появления весьма различны и коренятся «...в понятиях, интересах, экономических и политических условиях жизни людей...». Не учитывать их значило бы полностью игнорировать весь комплекс сложных общественных явлений, предшествовавших образованию толпы. Но также было бы неверно отказаться от изучения той конкретной обстановки, которая создается в критические моменты истории и становится питательной средой для формирования настроений и инстинктов массы. Обычно к объединению несхожих по своему социальному, имущественному и т.п. статусу людей толкает неординарное событие, имеющее крайне позитивный или, напротив, негативный

оттенок. Коллективная радость, горе, возмущение проявляются в минуты резкого изменения обычных и привычных условий жизни. В прямой зависимости от характера этих изменений находится и реакция временного объединения людей. Случаи, когда «...над толпой веет дух добра, правды, бескорыстия, великодушия», воплощают собой ощущение общности идей, целей, судьбы, которое возникает спонтанно и охватывает мгновенно сотни и тысячи лиц. Взрывы недовольства подготавливаются дольше, горючий материал возмущения накапливается в течение многих лет, чтобы затем в один день выплеснуться в ожесточение и ненависть.

«В недрах нашего бессознательного, – писал Михайловский, – таятся не одни грубые и эгоистические инстинкты, а наши сознания и воля не всегда к добру и свету направлены». Постоянное противоборство разумного, рационального и природного, неподконтрольного эмоционального и создает эффект легкого возбуждения толпы и быстрого ее перехода в состояние успокоения. Толпа может упиваться «...безграничной властью, на миг ей доставшейся», упиваться вседозволенностью и разгулом, а через короткий промежуток времени с содроганием вспоминать о содеянном и раскаиваться¹¹.

Давая общую характеристику героя и следующей за ним массы, Михайловский проанализировал условия, которые вызывают появление и определяют содержание отношений между ними. Во многом готовность людей подчиняться воле определенного лица вытекала из скудости эмоциональных впечатлений, узости интересов, односторонности духовной жизни народа. Они взвинчивали человека, расщепляли его внутреннюю индивидуальность, превращая тем самым потенциальную личность в раба, готового повиноваться руководству героя.

Как писал Михайловский в статье «К теории вольницы и подвижников», «...окружающая темнота способствует... возвышению царьков и божков, вообще людей, пользующихся диктаторским значением. Масса, утомленная непосильной духовной работой, жаждет вождя, облеченного не то что диктаторской, а даже божественной силой. И такой вождь является во исполнение всеобщих ожиданий. Большею частью

он прикрывается каким-нибудь авторитетным именем, каковы лже-мессии и самозванцы, иногда сами верящие в свою миссию, иногда сознательно играющие роль...»¹².

Другим условием срабатывания эффекта героя и толпы Михайловский считал присущее человеку сознательное и бессознательное подражание. Проявление действия «этого психического двигателя» он наблюдал в различные периоды истории человеческой цивилизации. Во времена господствовавшего влияния на умы христианства у некоторых людей наблюдалось появления стигмат на руках и ногах именно в тех местах, куда по религиозному преданию вколачивались гвозди при распятии Христа. Публичные казни в эпоху средневековья и гильотинирование осужденных при массовом скоплении народа в годы французской революции приводили к резкому скачку числа убийств и самоубийств. Другими словами, «...всякая толпа, всякое сборище уже включает в себе нечто, благоприятное для проявления бессознательного подражания...»¹³.

Но для этого требовалось, чтобы «...деятельность сознания была чем-нибудь подавлена». В роли средства, усиливавшего «эффект подражательности», и выступали сильные эмоциональные впечатления, приходившие на смену повседневной скудости и однообразию жизни, а также неординарные (мнимые или действительные) качества героя. Толпа, «...эта податливая масса, ...томительно и напряженно переминающаяся с ноги на ногу в ожидании... появления» вождя, готова бездумно и послушно следовать за ним и подражать ему, если ей кажется, что герой наиболее полно выражает чувства и настроения людей, образующих толпу. Она способна вознести своего кумира на гребень славы и успеха, но также быстро в нем разочароваться и низвергнуть в пучину забвения¹⁴.

В целом, «теорию героев и толпы» Михайловского следует рассматривать как изучение закономерностей формирования и функционирования отношений между личностью и временным аморфным объединением людей в периоды социальной напряженности, когда эмоциональное и иррациональное подавляют сознание, толкают на совершение необъяснимых с логической точки зрения поступков.

Использование народническим мыслителем иного инструментария, инструментария социальной психологии, вполне правомерно. Михайловский стал первопроходцем в исследовании важной проблемы, а его идеи во многом опередили науку второй половины XIX в.: «теория героев и толпы» появилась задолго до публикации первых статей и книги «Законы подражания» французского социолога и криминалиста Г. Тарда, посвященных приспособлению индивида к новым условиям существования, ценностям и нормам поведения. С социальной точки зрения «теория героев и толпы» была серьезным предупреждением об опасности неконтролируемого и непрогнозируемого взрыва недовольства масс, во главе которого мог оказаться авантюрист, использующий в собственных интересах временные, сиюминутные настроения людей.

Сталин не мог не понимать значимости этой теории, как и силы ее прогностического потенциала. Многие события российской революции пошли именно по сценарию Михайловского. Захлестнувшая страну волна свободы «разнуздала», говоря словами А.И. Герцена, невиданную энергию масс, но ее размах был абсолютно несопоставим с незрелостью, инфантильностью поведения, готовностью верить любым и в первую очередь самым ширококвещательным обещаниям. Простыми участниками событий руководили эмоции, сила которых стократно увеличивалась в уличной толпе. Демократия подменялась охлократией. Толпа разрывала традиционные рамки страт и социальных групп.

Крайне важным становилось не столько то, что говорил оратор, уличный трибун, а на каком языке он говорил. Был ли он своим по манере поведения, говору, одежде. Политические программы, которые мало кто читал, отступали на второй план. Важнее было вложить свои мысли в хлесткие и всем понятные лозунги, за которыми могли пойти люди, доведенные общим положением до иступления и не видевшие выхода из сложившегося положения. Ораторский талант заменял прозорливость и тактическую мудрость. Важнее становилось «оседлать» волну недовольства и использовать в собственных политических интересах и целях.

Именно такая ситуация порождала героя и его единение с толпой, массой. Герой рождался на фоне готовности людей участвовать в происходящих событиях, но не знающих, как это сделать, кому верить и доверять. Образ поводыря, ведущего за собой слепцов, в данном случае вполне уместен. В.И. Ленин был прав, когда писал, что неграмотный человек в политике слеп. А если учесть, что в России 2/3 населения была неграмотна, роль героя была не только весома, но и весьма ощутима.

Таким образом, процесс проявления закономерностей феномена «героя и толпы» напрямую коррелировался с вовлечением в политическую деятельность людей, не обладающих соответствующим опытом, для которых участие в партийной жизни становилось необходимым условием социального и весьма своеобразного взросления. Объединяющим началом с другими ее членами становились разделяемые всеми идеалы и ценности, а не программные требования. При этом происходило отречение от морально-этического наследия предыдущих поколений, место которых занимали стереотипы и стандарты поведения новых времен.

Но не каждый герой становится вождем. Герои революции, как правило, погибают в результате собственных ошибок или разочарований в них той самой толпы, которая их ранее превозносила и боготворила, но при первых признаках проявления слабости, нерешительности, недостойного поведения была готова отречься от прежних любимцев и обратиться к иным, новым идолам. Вожди доказывают свою незаменимость не только стойкостью воли, но и умением подчинять людей, объединять вокруг себя единомышленников. Появление любой партии неминуемо приводит к выделению ее элиты, формулирующей основные постулаты стратегии и тактики, с одновременными спорами по этим принципиальным вопросам, отнюдь не исключающим их превращения в межличностные склоки, сведение счетов. Побеждает сильнейший, обладающий, может быть, и не самым мощным интеллектуальным багажом, а необходимыми для победы качествами, как правило, отнюдь не положительного достоинства.

Вождь и лидер партии в России отнюдь не являлись синонимами. Феномен вождизма характерен именно для стран,

где или напрочь отсутствуют традиции демократического правления, или политическая деятельность парламентского типа имеет весьма недавнюю историю. Характерно, что в России в годы революции и Гражданской войны невозможно было представить именованье, скажем, В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого лидерами партии и государства, а вот термин вождь был вполне применим и правомочен. По большому счету русский термин вождь вполне совпадает с испанским и латиноамериканским «каудильо» и аналогичен по своим функциям.

Вождизм в первую очередь требует неукоснительного подчинения и подражания личности, находящейся на вершине партийной и государственной иерархии. Следующее его условие – формирование слоя вождей меньшего масштаба и ранжира. Особенно там, где территория страны, ее просторы, слабость развития транспортной системы отделяют центр от периферии. Третье естественное следствие вождизма – рождение не только Культа личности определенного большого Вождя, но и малых культов вождей поменьше. Они не могут существовать отдельно друг от друга.

Рано или поздно сложившаяся система победит выплеснувшуюся энергию масс, скует железным обручем решений и постановлений существовавшую свободу дискуссий, подчинит всех членов партии дисциплине. Время героев революции неминуемо придет к концу, как и прервется достаточно своеобразная, выстроенная на архаике межличностных эмоциональных отношений, связь с массами. На смену героям придут функционеры, бюрократы от партии и государства, объединенные в одну касту общими правилами поведения и жизни. И именно этот слой станет могильщиком бывших героев, утративших собственное обаяние на массы и влияние на политические процессы в стране.

Некогда единая и активная масса будто застынет в нерешительности и послушании. От нее потребуется только выражение лояльности и подчинения, которых станут добиваться при помощи террора и насаждения идеологических постулатов. Степень использования первого и второго средств будет варьироваться в зависимости от складывавшейся ситуации,

но они постоянно будут дополнять друг друга, закрепляясь в деятельности карательной и пропагандистских органов.

Наиболее эффективной формой общения с массой будет избрано преклонение и подчинение воле, решимости главного вождя, за которым будет закреплён приоритет истолкователя единственно верного учения, выраженного одним человеком, желательного уже ушедшего в мир иной. Его самый верный и последовательный ученик превратится в единственного апостола, умеющего просто и доступно объяснить сложные и запутанные вопросы. Догматизм неминуемо сменит свободу теоретизирования. Идеологическими верными станут считаться только те сочинения, которые доказывают, а не опровергают, подтверждают, а не будят сомнения.

Такому строю окажутся не нужны думающие личности, а потребуются старательные исполнители, вооружённые слепой верой и в отнюдь не в небесные силы. Бог и Рай небесный будут заменены господствующей идеологией и строительством будущего земного рая. Служителей церкви заменят «инженерами человеческих душ», а писательский труд приравняют к исповедникам. Естественно, такой чести будут удостоены только те, кто станет апологетом нового строя и его Вождя.

Сталин, бывший одновременно вдохновителем уже сложившейся к середине 1930-х гг. системы и её стержневым элементом, прекрасно понимал, какие аналогии и коннотации могло вызвать даже простое упоминание имени Михайловского. Об авторе «теории героев и толпы» было приказано забыть.

Библиография

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1953. С. 13, 12.

² Михайловский Н.К. Полн. собр. соч.: в X т. СПб. 1909–1911. Т. IV. С.458, 459.

³ Там же. Т. VI. С.100.

⁴ Там же. С.100, 102.

⁵ Там же. С.106.

⁶ Там же. Т. VI. С.103. Т. II. С.220.

⁷ Там же. Т. VI. С.103, 104. Т. VI. С.104.

⁸ Там же. Т. II. С.219.

⁹ Там же. С.98, 99

¹⁰ Там же. С.97, 100, 363, 433.

-
- ¹¹ Там же. С.97, 415, 416, 434, 459, 462, 454.
¹² Там же. Т. IV. С.744.
¹³ Там же. Т.II. С.146, 439.
¹⁴ Там же. С.439, 146.

НЕОБХОДИМА НОВАЯ ПРОГРАММА ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

С.Г. Кара-Мурза

Важными элементами политических систем являются *партии*. Это понятие, как и многие другие понятия обществоведения, наполняется принципиально разными смыслами в обществах с разными культурами. Само слово *партия* означает *часть*. Но ведь в разных системах их части устроены по-разному и по-разному располагаются в структуре, выполняют разные функции, даже если внешне их функции похожи.

В гражданском обществе «либеральной демократии» слово «партия» выражает *политический плюрализм* – многообразие групп с разными и даже враждующими интересами и ценностями, которые конкурируют друг с другом в рамках права, подобно тому, как родоплеменные общности в «естественном состоянии» (до учреждения государства) вели «войну всех против всех» (это гипотетическое представление одного из основоположников концепции индивида и гражданского общества Т. Гоббса; но поскольку это представление принято в политологии и вошло в понятийный аппарат, мы его используем как метафору). Здесь партия – *организованная часть* социокультурной группы. Она представляет группу в политической системе, чтобы влиять на власть в интересах этой группы. В благоприятных условиях эта партия служит организацией, способной участвовать во власти или даже захватить власть, победив своих конкурентов на «политическом рынке» – на выборах в представительные органы (парламент). В условиях кризиса либеральной демократии эти партии участвуют в организации государственного переворота или революции.

В традиционном обществе и патерналистском государстве, где идеалом является не политический плюрализм, а *морально-политическое единство*, под словом партия понимается *собор* – постоянно действующее собрание

представителей всего народа, всех его групп и местностей. Этот собор – *часть* всего народа и вполне может называться партией из уважения к западной терминологии. Но смысл этого слова здесь совсем другой – эта организация *соединяет* все группы и земли в народ и страну. Это соединение достигается не через конкуренцию групп, а через непрерывное согласование их интересов по принципу «один за всех, все за одного» – как в общине. На съезде такой партии подводятся итоги этого согласования и объявляется программа *общего дела* на предстоящий период. Эта партия и избирательная система – не механизм завоевания власти, а ее восстановления (пусть и в новых формах) в условиях Смуты.

Это – крайние модели. Гражданское общество складывалось медленно, инерция традиционных отношений была сильна. Так, основатели США вначале считали партии источником раздоров и смуты (как пишут, «одним из парадоксов политического развития Америки было то, что создание политических партий проходило в атмосфере недоверия к политическим партиям»). Дж. Вашингтон в своем «Прощальном послании» предупреждал об опасности «партийного духа» и видел в партиях «готовое оружие» для узурпации власти¹. В либеральных обществах, даже XX в., иногда происходят откаты в архаику, и возникают необычные «тоталитарные партии гражданского общества» (опыт фашизма).

С другой стороны, традиционные общества в ходе модернизации используют политические институты Запада, в том числе партии. При этом они видоизменяют структуры и процедуры партий, приспособливая их к своим задачам – создают «партии нового типа». Особенно интенсивно партийное строительство в традиционных обществах идет в периоды кризиса сословных монархических государств и революций – в стане и консерваторов, и революционеров.

Есть и функции, которые партии выполняют в любом обществе, хотя и здесь есть различия. Так, партии везде выполняют «коммуникационную функцию», но в отличие от других структур они выполняют функции и «коммуникации-информирования», и «коммуникации-давления». То есть, партии являются инструментом не только «передачи» требований

властям и их информирования, но и служат механизмом поддержки и *продавливания* требований путем проведения своего политического курса. Дж. Сартори считает, что в этой функции пока не найдено структурной альтернативы, и партии оказываются незаменимой, *уникальной* структурой. Но если мы сравним методы продавливания требований в конкурентной партийной системе и в структуре партий типа КПСС, то увидим большие различия – в СССР партийная организация республики, области или даже предприятия формирует «кооператив» разных акторов – профсоюзов, ученых, конструкторов и пр., так что уже предварительная экспертиза «инициативы» (требования) имеет государственный статус.

Кланы, группировки, клики с древности действовали в политике, опираясь на свой организованный «актив». Но уровень организации и масштабы вовлечения в их деятельность населения стали быстро расти с усложнением сословного общества и возникновения в нем буржуазии – уже с классовым сознанием. Так возникали *протопартии* в Италии на исходе Средневековья – гвельфы защищали интересы торговых гильдий и ремесленных цехов городов, а гибеллины – интересы феодалов.

Но в ходе становления буржуазной политической системы стали зарождаться политические партии современного типа – порождение буржуазных революций, когда сословное общество с его стабильной структурой распределения прав и обязанностей уступало место *классовому гражданскому обществу*. Эта роль партий отражена в теориях классовой борьбы как части *формационного подхода* к пониманию общества. В Англии партии возникли в ходе революции 1688 г. для борьбы расширения полномочий парламента против королевской власти. Постепенно политические силы оформились в партийные группировки – вигов и тори (в XX в. – либералы и консерваторы).

Либеральные партии боролись против феодальных режимов, консерваторы в противовес создавали свои партии – и умеренные, и реакционные. В борьбе с капиталистической системой по мере созревания классового сознания пролетариата возникали рабочие партии. Это – еще более недавнее явление. Классовая борьба предшествует возникновению класса, а не

наоборот, только класс «обретает сознание». В Англии в ходе Промышленной революции классовая борьба началась в XVIII в. Но до конца XIX в. в мировоззрении рабочих еще сохранялись структуры крестьянского мышления и общественной практики, так что это была борьба *общины* против нового класса «патронов», отступивших от традиционных понятий справедливости.

В той борьбе недавние крестьяне и батраки проявили высокую организованность. По словам историка, они создали «антитеатр угрозы и восстания» с развитым символизмом: сожжением чучел, повешением сапога, световыми эффектами и молниеносными действиями по устрашению предпринимателей и разрушению машин до прибытия карателей – с тщательным исключением убийств. То есть, даже весьма высокая культура классовой борьбы еще не требовала партии – организация выростала из общинной культуры. Переломным моментом стало снабжение классовой борьбы рабочих *когнитивной матрицей*, созданной трудами Маркса, и организационной структурой в виде зародыша мировой системы партий, основанных на этой матрице (социалистических, а затем коммунистических). Строеение этой матрицы позволяло приспособить ее и для западных, и традиционных обществ.

П. Бурдьё сказал (1992 г.): «Тот особый случай, который представляет собой проблема социальных классов, считающаяся уже решенной, очевидно, чрезвычайно важен. Конечно, если мы говорим о классе, то это в основном благодаря Марксу. И можно было бы даже сказать, если в реальности и есть что-то вроде классов, то во многом благодаря Марксу, или более точно, благодаря теоретическому эффекту, произведенному трудами Маркса».

Можно добавить, что самые мощные политические партии сложились посредством синтеза «общинного крестьянского коммунизма» (М. Вебер) с идеями Просвещения в учении марксизма, как это произошло в случае большевиков в России или в компартии Китая.

Кратко коснемся состояния партийного строительства на Западе. Это актуально потому, что с конца 1980-х годов в России

не прекращаются попытки создать систему политических партий «как на Западе».

В современных западных политических системах партии, в том числе оппозиционные, как правило, вырабатывают и представляют конкурирующие доктрины и проекты, не ставя под сомнение существующий государственный строй. Партии, принципиально отрицающие существующую систему, отодвигаются на периферию политической системы либо исчезают. Как часть системы, партия вынуждена снижать свою радикальность и выдвигать умеренные проекты. Одна из главных функций таких партий – институционализация политического участия граждан в «законных» формах вместо радикальных протестов или политического насилия на митингах, забастовках и пр.

Приняв эти условия, партии формулируют концепции общего, размытого характера, не выдвигая требований по конфликтным проблемам, избегая четких позиций по спорным вопросам. Партии вынуждены сглаживать противоречия, собирая широкую коалицию для успеха на выборах. Их предвыборные программы обычно не содержат теоретических разработок и четких утверждений, полны прагматическими компромиссами.

Этот сдвиг начался в либеральных и левых партиях в 1960-е годы со сменой поколений (уходом со сцены антифашистов) – сначала в социал-демократии, затем и в компартиях (доктрина *еврокоммунизма*). Левая интеллигенция Запада в массе своей перешла на антисоветские позиции, что привело к потере социальной базы массовых компартий (Франции, Италии и Испании), а затем и к их практическому исчезновению. Крупные партии Запада перестали быть *классовыми* и стали пытаться представлять все слои населения. С 1970-х годов стала слабеть приверженность избирателей к определенным партиям – многие голосуют не за «свою», а за конкурирующую партию.

Распались и интеллектуальные центры этих партий, вследствие чего они перестали быть «лабораториями» по разработке *образа будущего*. Левые философы и социологи стали осваивать парадигму постмодерна и сконцентрировали усилия на

критике «перезревшего» капитализма, не выдвигая позитивного проекта. Политическая мысль Запада утратила *левую альтернативу*.

В кризис вошла и принятая ранее на Западе двухпартийная система. Неолиберальная волна просто смела ее, так что существенные различия между правыми (либеральными и консервативными) и левыми (социал-демократическими) партиями исчезли. Либеральный философ Дж. Грей пишет: «Традиционный консерватизм отныне не может считаться реалистическим политическим выбором, поскольку институты и практики, составляющие его наследие, были сметены с исторической сцены теми рыночными силами, которые выпустила на волю или упрочила неолиберальная политика... В то же время и сам неолиберализм сегодня можно рассматривать как политический проект, разрушающий свои собственные опоры».

Уже в 1980-е гг. западная партийная система получила красноречивое название – *ambi-dextra* – то есть *двое-правая*. Обе партии, независимо от их названий, проводят одну и ту же неолиберальную политику. Кризис левых партий Запада тем и был вызван, что социал-демократия взяла на себя задачу демонтировать западное «государство всеобщего благоденствия».

Такое изменение политической системы вызвало в западном обществе большую тревогу. Даже в благополучной Швеции, согласно опросам 1976 г., 37% населения (43% промышленных рабочих, 41% работников сферы услуг и 26% среднего класса) ощущали неопределенную «комплексную угрозу своему существованию со стороны общества». В начале 1980-х гг. 53% американцев отвечали, что «нужно жить сегодняшним днем, поскольку будущее слишком неопределенно». Этот *антропологический пессимизм*, «революция падающих ожиданий» – признак мировоззренческого кризиса.

Ускорился рост отчужденности от существующих партийных политических институтов. Опрос в 1982 г. в 9 странах Западной Европы показал, что тесную связь с какой-либо партией испытывали 19% избирателей Италии, 13% Дании,

11,5% ФРГ, 8,6% Франции, 8,5% Англии. Доля «независимых» среди молодежи была почти выше средней. Западные социологи говорят об эрозии прежних политических культур: в сознании большей части общества уживаются разные или даже противоположные идейно-политические позиции. Усилились иррациональные тенденции, распространилось «негативное голосование» – не за того, кому следует оказать поддержку, а против того, кто отвергается. В 1980 г. 43% избирателей заявили, что, отдавая голоса за Р. Рейгана, они голосуют не за него, а против Дж. Картера.

В такой обстановке когнитивная основа и дискурс политических партий модерна распадаются, и привычные партийные системы погружаются в хаос. Возникают группы молодых интеллектуалов, которые обращаются к разным социокультурным группам со специально для них сконструированными дискурсами (языком, метафорами, логикой), с неизвестными источниками средств – и за год увлекают за собой массу людей. При этом они «демонтируют» исторические левые партии и их коалиции, молодежь уходит из них в эти новые образования нового типа.

Например, такая партия (или движение) возникла в Испании, которая переживает длительный кризис. Называется она «Мы можем!» (“Podemos”), собирает свою базу исключительно на основе недовольства (с разными причинами у разных групп), не излагает свою идеологию и проект, и, тем не менее, выходит в число главных фаворитов в предвыборных кампаниях.

Эти партии могут использовать любую окраску как камуфляж. Пример – «Правый сектор» на Украине. Что это за партия?

В политике Запада происходит смена все технологической базы – проекты больших кампаний разрабатываются в рамках мировоззрения, логики и эстетики постмодерна. Наше обществоведение отстало на целый исторический цикл.

История и актуальное состояние партийного строительства в России

В Российской империи был краткосрочный, но богатый опыт учреждения многопартийной политической системы. Этот процесс шел в период интенсивного развития капитализма (начало XX в.) – возникшие партии представили спектр стратегических проектов развития России. Активное участие в обсуждении этих проектов принимал М. Вебер. Однако противоречия нарастали очень быстро, Россия, по выражению Вебера, попала в «историческую ловушку». С активным участием Запада (через политическое масонство) либерально-буржуазные организации, включая партию, готовили революцию февраля 1917 г. с опорой на *социальное* недовольство практически всех классов и сословий. «Штабом» революции была Государственная дума, где большинство имела буржуазная Конституционно-демократическая партия («кадеты»).

Но конструктивный проект либералов не удался – в частности потому, что взятую ими за основу модель многопартийной системы противоречила идеалам, интересам и культуре подавляющего большинства населения.

Историки (например, В.О. Ключевский) еще с 1905 г. предупреждали, что попытки сразу перейти от монархии к «партийно-политическому делению общества при народном представительстве» будут обречены на провал, но кадетов не убедили. В августе 1917 г., когда Временное правительство уже было на грани краха, М.В. Родзянко говорил: «За истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации... В этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и причина всех невзгод, которые постигли нас».

Иными словами, государственная надстройка западного типа, стала раскалывать общество по классовому принципу и утратила поддержку даже своей социальной базы. Партийно-представительная демократия, свойственная классовому гражданскому обществу, не была принята населением. Напротив, Советы (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов формировались как органы не классово-партийные, а

корпоративно-сословные, в которых многопартийность постепенно вообще исчезла.

В противовес либеральным и западническим партиям возникли иные политические организации, целью которых было действие, *предотвращающее* разделение народа на классы. С точки зрения либералов, это были партии *контрреволюционные*. Одна из этих партий, большевики, выработала платформу для союза рабочих и крестьян и получила (вопреки официальной доктрине марксизма) опору *архаического крестьянского коммунизма* (Вебер). Крестьяне составляли 85% населения России и личного состава армии. На стороне большевиков были Советы и господствующие на заводах фабзавкомы, которые превратили трудовые коллективы в общины.

Вобрав энергию Февральской революции, партия большевиков перенаправила ее на восстановление российской государственности в форме «республики Советов», реставрацию империи (в форме СССР) и даже, в новых формах, патерналистского самодержавия. «Классовые» партии в союзе с Западом попытались преодолеть этот проект посредством Гражданской войны, но безуспешно.

Новизна большевиков была в том, что это была партия не *формационного* (классового), а *цивилизационного* типа. Россия находилась перед историческим выбором вектора развития. От этого выбора зависели и возможности разрешения социальных противоречий. Согласно смыслу тех проектов будущего, которые представили главные политические силы, общество разделилось и в Гражданской войне.

Историк М. Агурский пишет в важной для нас книге: «Если до революции главным врагом большевиков была русская буржуазия, русская политическая система, русское самодержавие, то после революции, а в особенности во время гражданской войны, главным врагом большевиков стали не быстро разгромленные силы реакции в России, а мировой капитализм. По существу же речь шла о том, что России противостоял весь Запад. Это не было неожиданностью, и дело было даже не в самой России, а в потенциях марксизма, который бессознательно локализовал мировое зло, капитализм,

географически, ибо капитализм был достоянием лишь нескольких высокоразвитых стран.

По существу, капитализм оказывался аутентичным выражением именно западной цивилизации, а борьба с капитализмом стала отрицанием самого Запада. Еще больше эта потенция увеличилась в ленинизме с его учением об империализме. Борьба против агрессивного капитализма, желающего подчинить себе другие страны, превращалась невольно в национальную борьбу. Как только Россия осталась в результате революции одна наедине с враждебным капиталистическим миром, социальная борьба не могла не вырасти в борьбу национальную, ибо социальный конфликт был немедленно локализован. Россия противостояла западной цивилизации»².

В конфликте с «западниками» (либералами и ортодоксальными марксистами) партия большевиков стала организационным воплощением воли большинства населения бывшей империи, *желающего жить в России*. Красная Армия воспринималась им как *своя* армия. При Правительстве кадетов Украина отделилась от России – либералы разогнали народы. Глава образованного Украинской Центральной Радой правительства (Директории) В.К. Винниченко в воспоминаниях (1920 г.), признает «исключительно острую неприязнь народных масс к Центральной раде» во время ее изгнания в 1918 г. большевиками, говорит о враждебности, которую вызывала проводимая Радой политика «украинизации»: «Ужасно и странно во всем этом было то, что они тогда получили все украинское – украинский язык, музыку, школы, газеты и книги».

Речь шла о том, что народы желали жить в России и «жить по-своему, а не по-европейски». Этот цивилизационный смысл большевизма прекрасно понимали и западники, и традиционалисты, в том числе на Западе.

Красноречив сдвиг консервативной (и даже реакционной) партии Союза русского народа, которая была полностью лояльна к монархической власти и пыталась выполнить безнадежную программу – *остановить* революцию. Черносотенцы и большевики разными способами пытались преодолеть одну и ту же угрозу – втягивание России в зону

периферийного западного капитализма с утратой ее цивилизационной идентичности (отсюда следовали и прямые социальные угрозы для главного сословия России – крестьянства).

Историк М. Агурский писал: «Имеются свидетельства, что вскоре после революции и даже за некоторое время до нее массовый элемент правых партий перешел в основном к большевикам. Московский священник С. Фрязинов писал в конце 1917 г., что под флагом большевизма “объединились люди двух крайних лагерей. С одной стороны, мы знаем, – говорит Фрязинов, – что вся рабочая молодежь и матросы Балтийского флота, всегда примыкавшие к крайним левым течениям, составляют основное ядро большевиков, но с другой, ни для кого не секрет, к ним примыкают и все те громилы, которые раньше представляли из себя грозную и вместе с тем грязную армию т.н. черносотенцев”»³.

Уже перед Февралем 1917 г. черносотенцы практически исчезли в столицах, влившись в революцию. Вот одно письмо, перлюстрированное полицией 12 января 1917 г.: «Сегодня вот что было: группа фабричных рабочих – мужчин и женщин – пошли на Театральную и Красную площади... говорят, что скоро будет большой бунт. Рабочие говорят, что если поднимут восстание, то студенты тоже поднимутся, радуются, что теперь нет черносотенцев, что все идут за народ. Прошли те времена, когда мужики студентов с Каменного моста в Москву-реку бросали за то, что те были против правительства; теперь правительство последние деньки доживает».

Партия большевиков строилась (практически, а не теоретически) в соответствии с *цивилизационным* подходом – и уже на первых этапах стала «орденом меченосцев», а не торговцем на политическом рынке программ и голосов. Природа большевиков видна и в том, что в ходе дальнейшего развития советского общества КПСС вообще перестала быть партией в строгом смысле слова, а стала чем-то вроде постоянно действующего *собора*, так как включала в себя представителей всех «сословий» и профессий, всех национальностей и всех местностей. «Классовая» оппозиция была из нее вычищена, даже с удивительной избыточной жестокостью. Эта партия отражала

структуру общества и тип власти, сложившиеся в российской цивилизации в XX в. (Острые дискуссии возникли в связи с НЭП. В культуре сильное давление оказывал Пролеткульт. Острые споры шли в комсомоле, который стал преимущественно *крестьянской* организацией: если сельские жители (в основном интеллигенция), составляли лишь 1/5 численности партии, в комсомоле 59% были крестьяне, причем главным образом середняки (доля батраков была 5–8%). Против этого, как и Пролеткульт в литературе, выступали «классовики», с которыми ЦК партии вел борьбу. По сути, это был вопрос о выборе цивилизационного пути, который даже после победы в Гражданской войне не был «снят»).

Так в Русской революции победил общинный крестьянский коммунизм (под «тонкой пленкой марксизма») и традиционализм большинства сословий, что М. Вебер объяснил в «русских штудиях». Сложилась Советская власть, скрепленная одной партией ВКП (б), из которой были устранены фракции и оппозиции. На 25 лет возникла политическая культура с исключительно высоким уровнем единства (идеологи называют это тоталитаризм). Эта культура отвечала тому типу *механической солидарности*, которая возникает в однородных обществах с уравнительным образом жизни. ВКП (б) была адекватна состоянию советского общества. Она даже опережала его, решив сложную задачу воспитания органической солидарности, так что в СССР практически не было ни антиинтеллектуализма, ни конфликтов на культурной почве. Но уже в середине 1950-х гг. общество резко усложнилось, произошла смена поколений, образа жизни и потребностей. Партия (уже КПСС) стала отставать от общества, ее когнитивная база не отвечала новой системе проблем и угроз.

После ликвидации КПСС в России возникла задача срочно создать новую политическую систему, хотя бы с временными структурами. В частности, была начата программа строительства *многопартийной системы*, предполагалось, что система таких партий «нарежет» общество по социальным интересам, на классы. Этого не произошло, и реально в качестве партий мы имеем два осколка КПСС – «Единую Россию» («КПСС от райкома и выше») и КПРФ («КПСС от райкома и

ниже»). Остальные партии, возникшие при временном сдвиге интеллигенции к социал-демократии и либерализму, сликли. Неожиданно вновь активизировалось старое недоверие к многопартийности.

В 1994 г. 33% опрошенных ответили, что «многопартийные выборы» принесли *больше вреда*, и 29% – что *больше пользы*. С тех пор отношение изменялось несущественно. В 1999 г. отношение числа отрицающих «многопартийные выборы» (*больше вреда*) к числу одобряющих (*больше пользы*) составило 50:21, а в 2003 г. 40:29.

В 1995 г. ВЦИОМ опубликовал большой обзор результатов социологических опросов «Мониторинг перемен: основные тенденции». Вывод таков: «И старая, и новая идеологическая мода побуждает добрую половину респондентов склоняться к признанию несовместимости отечественного образа общественной жизни с “западной демократией”... Перед нами не просто показатель настроения, а установка, что-то вроде канона общественного сознания россиян. Это не усредненная, а поистине универсальная установка, разделяемая – в неодинаковых, Впрочем, пропорциях относительным и абсолютным большинством практически во всех наблюдаемых категориях респондентов».

Опыт последних 25 лет показал, что в России не произошло разделения общества на враждующие классы – «новые русские» выделились в особый малый народ, гражданского общества западного типа не возникает – не сложилось той многопартийной системы, о которой говорили в начале 1990-х годов.

За последние годы происходит преодоление мировоззренческого раскола общества и даже идейно-политического разделения, группы населения опять стягиваются в *народ*. Радикальная группа «новых русских» превратилась в маргинальную. Руководитель аналитического отдела ВЦИОМ Л. Бызов сообщал: «Лишь 26,2% опрошенных считают фактор идейных и партийных различий в обществе “весьма значимым”, а 33,5% – вообще “малозначимым”... Продолжалась за минувший год и деградация традиционного идейно-политического деления общества по принципу “левые” – “правые” – “патриоты”. В

середине 90-х гг. более 65% россиян готовы были отнести себя к одной из этих групп. Сегодня только чуть менее 37% опрошенных идентифицируют себя с одним из этих направлений... Гораздо больше тех, кто ищет что-то среднее между всеми этими направлениями (24,9%) или вообще не видит себя в рамках предложенного деления (32,0%)».

Маргинальной стала и праволиберальная субкультура, ее вес в обществе многократно преувеличивается в СМИ соответственно ее положению в среде крупного капитала.

Л. Бызов пишет: «Среди “левых” лозунгов... с большим преимуществом (46,8%) доминирует “правая” интерпретация “левой” идеи – это сильное государство, заботящееся о всех своих согражданах. Запрос на социальную справедливость в этом случае обращен не к обществу, а к сильному государству, к власти. И поэтому, если исходить из наиболее распространенной европейской традиции, это направление не может быть названо однозначно “левым”. Собственно же “левая” идеология, характеризующаяся такими лозунгами, как социальная справедливость, равные права и возможности, самоуправление, имеет значительно меньше сторонников (16,3%)»⁴.

Делались и попытки имитации одного из ключевого политического института США – двухпартийной парламентской системы. Этой идеей был проникнут и Закон о политических партиях, предназначенный для создания партийной системы с мощным правым центром и левым центром социал-демократического типа. С 1990 г. левый центр социал-демократического типа пытались создать М. Горбачев, Р. Медведев, И. Рыбкин, Г. Селезнев и даже Фонд Эберта. Да и с «мощным правым центром» не выходило. Что-то мешало, и это «что-то» должно было быть выявлено в структурно-функциональном анализе. Но никто за эту работу не взялся.

Есть ли в РФ условия, в которых был выстроен политический институт «двух партий»? Двухпартийная система основана на сложной доктрине, а в социальном плане стала возможна лишь после того, как государство завезло из колоний большие средства, чтобы оплатить свой гуманизм. Государство строится не *логически*, как машина, а *исторически* – в соответствии с антропологией, культурой и традицией. Опыт

XX в. в России дважды показал, что попытка «логически» построить государственность, имитируя западный образец, терпит неудачу. Да, общество переросло советскую политическую систему, но в нем вовсе не возникло зрелого буржуазного «субстрата», поэтому и сейчас попытка копирования «двухпартийной машины» не удастся, для этого есть устойчивые ограничения. Кроме того, радикальный постмодерн неолиберализма выхолостил двухпартийную систему Запада. Что же нам предлагают имитировать – то, чего нет на Западе и не может сосуществовать с агрессивной новой средой?

После 2000 г. большие надежды возлагали на «средний класс», который, якобы, служит стабилизатором политической системы. Но и это, видимо, является очередной попыткой некорректного переноса на российскую почву западного опыта (кстати, устаревшего).

Ориентация на трансплантацию западных политических институтов чревата риском погасить импульс к становлению «собственного» российского гражданского общества и присущей ему политической системы, адекватных реальной структуре и динамике именно российского общества. Эта чрезвычайная задача требует междисциплинарного социологического, культурологического и политологического анализа с учетом опыта России (СССР) в XX в. Хаос политического сознания надо срочно влить в рамки минимального порядка. А пока мы не можем составить «карту» нашего общества – процесс его дезинтеграции и «турбулентного» сплочения и распада новых групп продолжается.

Картину этого состояния в середине 1990-х гг. так описал Л.Г. Ионин: «Главным признаком российской политики является практически полное отсутствие социально-слоевой идентификации политических партий. Многочисленные попытки отдельных партий и лидеров установить предполагаемую классическими политологическими учениями “принципиальную координацию” между партией с ее доктриной и соответствующим социальным слоем многократно и красноречиво проваливались. Рабочие отказываются идти в лоно социал-демократии, промышленники не поддерживают ни

гайдаровскую партию, ни партию экономической свободы, которые собственно для них и создавались. Нет партии рабочих и партии крестьян, нет партии бедных и партии богатых.

Формирование блоков и движений регулируется не социальной (социально-слоевой) близостью участвующих партий, а именно актуальными политическими темами, по которым может возникнуть временная общность целей, и конкретными политическими ситуациями. Социально обусловленной идиосинкразии политиков разных ориентаций не возникает. И это не неразборчивость и беспринципность, как о том любит шуметь пресса, а принципиальная характеристика политики, в корне изменившейся вместе с ликвидацией и очевидной бесперспективностью восстановления традиционной классово-слоевой структуры общества»⁵.

В нынешнем состоянии российского общества партии очень нужны. Произошла дезинтеграция общества, и оно представляет собой сложную и текучую систему. Все социальные и этнические группы находятся в поиске (переходном периоде). Механическая солидарность сошла на нет уже в 1960-е годы, а органическая солидарность разрушена при ликвидации советского строя. Для минимальной плотности «шунтирующих» каналов межгрупповой связи нужны мало-мальски организованные представительские группы. Такими группами и должны стать партии. Они нужны уже потому, что они могут «высвечивать» интересы и ценности общностей, которые находятся в «социальной тени» – мы не знаем, что они думают и куда стремятся. Партии поневоле выносят на всеобщее обозрение продукты их деятельности в виде программ, текстов, демонстраций и действий.

Конечно, партии углубляют раскол общества, ибо они дают стоящим за ними социальным группам язык и самосознание. Сейчас поздно жалеть о потерянном рае соборности, придется пройти через холод размежевания. Новая сборка общества начнется только тогда, когда разделенные части народа поймут себя и других, когда они смогут выложить на стол свои интересы, претензии и средства торга или давления. И все это за каждую общность и должна сделать ее партия. Дееспособная партия сделает это с достоверностью, покажет

истинное лицо группы, а не будет уверять, что защищает «интересы народа». Это не только сплавливает каждую часть общества, но и выявляет главные противоречия, основу для союзов и размежеваний. Становится понятно, кто есть кто.

А систематизация концепций и идей партийного строительства – необходимая и срочная работа политологов (В сокращенном виде доклад автора был представлен на круглом столе «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.»⁶).

Библиография

¹ *Гаджиев К.С.* Политология. М., 2001.

² *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. М., 2003.

³ Там же.

⁴ *Бызов Л.* В России ценят справедливость // Политический журнал. 2005. № 15.

⁵ *Ионин Л.Г.* Культура и социальная структура. Ч. 2 // Социс. 1996. № 3.

⁶ Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М., 2016 // Официальный портал ИС РАН, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594>.

ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.В. Корнеев

В конце 80-х гг. XX в. на волне кризиса в СССР стали создаваться политические партии и общественно-политические движения различной идеологической направленности. По сути, все создаваемые тогда несветские политические организации, даже зародившиеся в лоно КПСС, действовали разрушительным образом, подрывая общественно-политические устои и целостность единого государства. Достаточно вспомнить литовский «Саюдис», украинский «Рух», движение «Демократическая Россия», «Демократическую партию России» Н. Травкина и др.

После разрушения Советского Союза на их базе в РФ, как и в других бывших советских республиках, создавалась своя партийная система, призванная политически окормлять реставрацию капитализма и служить опорой новому политическому режиму. В 90-х гг. XX в. в РФ легально действовало уже несколько десятков политических партий.

Сегодня, спустя четверть столетия после ликвидации власти КПСС можно признать, что в России сложилась многопартийная система. По состоянию на середину 2015 г. Министерством юстиции России зарегистрированы 78 политических партий¹. Они имеют свои структуры, программные документы, лидеров, печатные и электронные издания, регулярно участвуют в федеральных и местных выборах, присутствуют во всех эшелонах государственной власти.

Вместе с тем, несмотря на формальную многопартийность, сами партии выполняют, главным образом, декоративную роль в политической системе общества и фактически не влияют на развитие государства (по данным исследования Левада-центр, проведенного в феврале 2015 г., среди 21 института государства и общества, влияющих на развитие страны, политические партии занимают 18-е место²).

Опросы общественного мнения показывают, что россияне мало доверяют политическим партиям (согласно комплексному исследованию, проведенному в декабре 2014 г. аналитическим центром Ю. Левады, доверяют политическим партиям в России 13–14%, не доверяют – 54–55% населения³), а среди населения налицо разочарование результатами создания многопартийной системы. С чем это связано?

Отличительной особенностью современной партийной системы РФ является высокая степень ее зависимости от власти. Источником происхождения большинства партий в России, как считают О. Иванова и А. Федотов, являются структуры исполнительной власти, а это в свою очередь резко ограничивает возможности их политической самостоятельности. К подобным партиям ученые относят не только «Единую Россию», но и ЛДПР, «Родину», «Союз правых сил» (СПС)⁴.

Поддерживая вывод авторов, отметим, что на протяжении всего времени партийная система выстраивалась в соответствии с идеологическими пристрастиями господствующей политической элиты страны. В конце 80-х и до конца 90-х гг. XX в. властью оказывалась информационная, финансовая и административная поддержка партиям «демократической» направленности во главе с «Демократическим выбором России» Е. Гайдара, на базе которой впоследствии был создан СПС. С середины 90-х гг. началось оформление других партий правительственного лагеря, в результате чего «зеленый свет» получили «Наш дом Россия» (1995 г., лидер В. Черномырдин), «Единство» (1999 г., лидер Б. Грызлов), «Отечество» (1999 г., лидеры Ю. Лужков, М. Шаймиев), ставшие основой созданной затем «Единой России» (далее «ЕР»). Причем у истоков создания партии «Единство» находился Б. Березовский^{5 6}, известный олигарх, миллиардер и секретарь Совета безопасности РФ. Затем, после эмиграции опального олигарха, большую роль в становлении «ЕР» сыграл президент В. Путин, о чем он публично признался в 2007 г.. Видимо, не без его участия, создавались политическая партия «Родина», а также «Справедливая Россия», которую возглавил друг В. Путина, спикер Совета Федерации С. Миронов. В целом, именно при непосредственном участии

правительственных структур в РФ реализовывалось несколько партийных проектов.

Деятельность политических партий, особенно оппозиционных, целиком зависит от «милости» федеральной и местной власти. Предоставление помещений для офисов партий, возможность публикации своих идей и предложений в ведущих СМИ, встречи с избирателями на массовых площадках (вузы, трудовые коллективы), даже простое информирование о деятельности партий, все это находится в компетенции российского чиновничества. Оттого, что данные элементарные права политических партий в России не соблюдаются, население весьма слабо информировано о партийной жизни страны.

Характерной чертой партийной системы страны является наличие в ней партии-гегемона. В 2000-х гг. в России был реализован проект формирования так называемой «партии власти», официально призванной оказывать политическую поддержку президентским реформам. В принципе, в данной затее, учитывая исторически складывающийся характер отношений власти и народа в России, а также международную практику (например, Китай), нет ничего не обычного. Более того, при определенных условиях, такая система имеет немало положительных сторон. Однако в силу разных обстоятельств «ЕР» не стала ведущей силой и довольно быстро превратилась в придаток государственных структур, зачастую действуя вне легитимного политического, а часто, заметим, и правового пространства.

Представляется, что стараниями власти в стране сложился своеобразный режим однопартийной диктатуры, где сама партия исполняет сверху спущенные предписания, не являясь источником политических идей и действий. При этом очевидно, что данная партия отслеживает состояние основных сфер жизни общества, умонастроений граждан, пытаясь даже их контролировать. Повсеместно, неофициальным порядком, на предприятиях, в бюджетных учреждениях и т.п. созданы структуры партии. Косвенно это подтвердили высшие руководители «ЕР».

В июне 2008 г. на состоявшейся конференции партии один из лидеров партии Б. Грызлов заявил: «Мы должны

устранить перегибы, которые были 6–7 лет назад, в период формирования партии, когда в партию принимались целые коллективы. В этой ситуации, к сожалению, имели место случаи, когда партийные билеты в реестре записаны за людьми, которые при сверке узнают об этом впервые...». Столь откровенное заявление стало следствием обсуждения партийцами довольно распространенного явления – ареста коррумпированных чиновников-членов «ЕР», и не случайно руководители Администрации Президента РФ С. Нарышкин и В. Сурков призвали «единороссов» на этой конференции избавляться от лишнего балласта, который, как они выразились, компрометирует партию⁷.

Впрочем, довольно быстро был найден способ не подвергать сомнению репутацию партии. СМИ России, сообщая об аресте того или иного чиновника – члена «ЕР», либо о его неблагоприятном поведении, просто перестали упоминать о его партийной принадлежности. Конечно, такая политика масс-медиа не распространяется на членов оппозиционных партий.

Здесь же отметим, что при создании «партии власти» был нарушен важнейший принцип партийного строительства – индивидуального членского приема. Причем можно с полной уверенностью утверждать, что коллективный прием на деле означал коллективную запись в партию, причем даже тех, кто об этом и не догадывался. Из речи Б. Грызлова также понятно, что партия с самого начала строила свои организации по территориально-производственному признаку, хотя это и было запрещено законом.

В отличие от других политических партий страны, «Единой России» дан «зеленый свет» во всех ведущих СМИ, причем информация, подаваемая об этой партии, носит исключительно положительную окраску. Российская власть всячески поддерживает данную партию, позиционируя ее как партию российских реформ.

Однако не все граждане страны разделяют данную точку зрения. Как представляется, мнение многих из них выражает независимый политолог В. Прибыловский, который называет «Единую Россию» «профсоюзом чиновников и деловых людей», с помощью которого некоторые лица делают карьеру и бизнес, а

самую партию напоминающую «...скорее партии африканских стран, которые возникают и исчезают по мере смены лидеров»⁸. Очевидно, что падение популярности «ЕР» замечено в высших эшелонах власти, не случайно, по инициативе В. Путина в мае 2011 г. на свет появился другой проект – создание Общероссийского народного фронта (ОНФ), где ведущие позиции занимают лояльные и близкие к власти лица (С. Говорухин, О. Баталина, С. Катырин, А. Шохин, М. Леонтьев, О. Савостьянова, К. Шахназаров, М. Шмаков, В. Фадеев и др.)⁹, многие из которых состоят депутатами Федерального собрания от «партии власти».

Важной особенностью партийной системы страны является ее искусственность. Большинство зарегистрированных партий не имеет в обществе устойчивой социальной базы, не отражают общественно-политические интересы граждан и создаются скорее всего в целях удовлетворения политических амбиций новоявленных вождей. Программные положения многих политических партий РФ анализировать сложно, ибо они идеологически размыты, насыщены в основном благими пожеланиями, в соответствии с законами политической рекламы. Многие политические партии, даже в названии, практически дублируют друг друга, стремясь, в основном, под модным политическим брендом проникнуть в органы власти.

В частности, среди зарегистрированных на данное время партий, в названии которых фигурируют в той или иной форме слова «демократическая» – 6 партий, «труд» – 4, «коммунистическая» – 3, «справедливость» – 3, «аграрная» – 3, «пенсионеры» – 3. Смеем утверждать, что о подавляющем большинстве этих партий-дублеров мало что известно даже образованным людям. СМИ, за исключением избирательных кампаний, практически не информируют о них население. Электорат в целом равнодушно наблюдает за изменением партийно-политической палитры.

Несмотря на кажущиеся различия, на наш взгляд, в партийной системе РФ немало общего с партийной системой начала XX в. В России сегодня, как и в начале прошлого столетия, циркулируют, главным образом, три идеологические конструкции (а в соответствии с исследованием Левада-центра

в декабре 2014 г., политические взгляды населения распределились следующим образом (в %): коммунистические – 16, социал-демократические – 16, либеральные – 7, государственнические – 7, националистические – 4, монархические – 2¹⁰): социалистическая, буржуазно-либеральная и консервативно-охранительная, причем последняя все больше дрейфует в сторону осовремененного монархизма.

Особо выделим последнюю тенденцию, которая набирает силу с начала 2000-х гг. Охранительные компоненты заметны, прежде всего, в риторике и действиях «ЕР». Не случайно, «партия власти» на XI съезде партии (ноябрь 2009 г.) приняла в качестве руководящей – идеологию российского консерватизма, – «стабильности и развития, постоянного творческого обновления общества без застоев и революций»¹¹. «ЕР» активно сотрудничает с РПЦ, популяризирует дореволюционный период истории, личность Петра Столыпина и др. адептов самодержавной власти. «ЕР» выступает за сохранение нынешнего общественного строя, неизбежность частной собственности на средства производства, управляемую и суверенную демократию, всецело поддерживает действия российской власти, критически относясь к советскому и постсоветскому (ельцинскому) периоду истории.

После 70 лет советского строя и 20 лет «буржуазного либерализма» в России появилась официально зарегистрированная монархическая партия. 7 апреля 2012 г. в Москве состоялся ее учредительный съезд. На съезде созданы руководящие органы партии, приняты ее Программа и Устав. Председателем Политического совета партии избран А.А. Баков. Монархическая партия была зарегистрирована Министерством юстиции 25 июня 2012 г.¹²

Социальная база политических партий также позволяет говорить о некоторых исторических традициях. Так, в составе «Единой России», в период ее «расцвета» (на 1 апреля 2007 г.), подавляющую часть членов (58,7%) составляли служащие, в первую очередь госаппарата. В «ЕР» состояло 107 членов Совета Федерации, число же входящих в «Единую Россию» заместителей, помощников, мэров городов и т.д., как выразился отечественный исследователь А.Е. Коньков, «...вообще не

поддается оценке»¹³. В Государственной Думе (2003–2007 гг.) членами партии являлись 18 из 20 миллиардеров, представленных в парламенте страны¹⁴. В конце ноября 2009 г. состоялся XI съезд партии, в ходе которого было заявлено, что из 83 глав субъектов российской Федерации только три человека являются сторонниками других партий.

В Государственной Думе «ЕР» выступила инициатором и утвердила законы о возможности приватизации недр, лесов и водоемов, объектов культуры, образования и здравоохранения, о лишении различных категорий граждан льгот и привилегий (ФЗ № 122), о сокращении с 10 до 3-х лет срока уголовной ответственности за экономические преступления и др. Подобная законодательная деятельность прямо свидетельствуют о социально-классовых предпочтениях «партии власти».

Социологические исследования показывают, что население России связывает партию власти с интересами «олигархов, банкиров, владельцев крупных предприятий» (29%), «бюрократии и чиновников в Москве» (27%), «властей в регионах (губернаторов, мэров и т.д.)» – 30%, «силовиков: работников спецслужб, армии, МВД» – 35%, т.е. с интересами чиновничества, высшей бюрократии, генералитета и крупной российской буржуазии. Тогда как КПРФ выражает интересы, прежде всего, «обычных граждан, рабочих, тружеников села» (39%), «беднейших слоев населения, безработных, обездоленных людей» (26%), «учителей, врачей, инженеров» (21%), т.е. пролетариата, крестьянства и низшей интеллигенции¹⁵. Налицо, таким образом, схожесть социально-классовой палитры современных политических партий с периодом начала формирования партийной системы страны в начале XX столетия.

Наконец, отличительной чертой партийной системы является сложное положение в государстве оппозиционных партий (по мнению россиян, в оппозиции находятся «Партия прогресса» (А. Навальный), КПРФ (Г. Зюганов), «Парнас» (Б. Немцов, М. Касьянов), ЛДПР (В. Жириновский), «Яблоко» (С. Митрохин), «Гражданская платформа» (М. Прохоров), «Справедливая Россия» (С. Миронов); наиболее оппозиционными считаются «Партия прогресса» и «Парнас», менее оппозиционными считаются КПРФ, «Яблоко» и

«Гражданская платформа»; ЛДПР и «Справедливую Россию» опрошенные граждане скорее не склонны относить к оппозиционным организациям; москвичи оппозиционными партиями считают «Партию Прогресса» и КПРФ, отчасти «ПАРНАС»¹⁶). Формальная многопартийность не устраняет препятствий для ведения партийной деятельности оппозиционными политическими партиями и движениями. Находиться в рядах не правительственных партий и вести активную партийную деятельность в РФ – значит обрекать самого себя и свою семью постоянному давлению со стороны властей и близких к ней кругов (яркий пример судьба А. Навального), подвергнуться опасности быть уволенным с работы, испытывать угрозу жизни и своему здоровью. По команде против оппозиционеров разворачивается кампания шельмования в СМИ, формируется негативный образ лидеров партии, причем без возможности оппозиции ответить на предъявленные обвинения. Регулярно, а не только в «лихие 90-е», во время избирательных кампаний происходят вопиющие случаи нарушения элементарных прав граждан и даже убийства. Загадочными выглядят обстоятельства ухода из жизни политиков всероссийского масштаба Г. Старовойтовой, С. Юшенкова, Л. Рохлина, В. Илюхина, Б. Немцова, являвшихся лидерами политических партий и объединений.

Для иллюстраций условий, в которых протекает деятельность не лояльных власти партий в России, обратимся к документам КПРФ, которая включается политологами в разряд «системной оппозиции», то есть партии, действующей на основании Конституции и законов страны, придерживающейся линии на мирный, демократический характер изменения правительственного курса.

Анализ партийной печати коммунистов показывает, что в борьбе с ними чиновники не гнушаются никакими средствами. В их числе силовые акции (задержание и арест активистов, разгон митингов и шествий, изъятие пропагандистских материалов и т.п.), меры административного порядка (препятствия для встречи с избирателями, недопущение популярных лиц к участию в выборах и др.), дискредитация в СМИ, давление через работодателей, избирательные махинации

и т.п. Регулярно центральные и региональные органы партии выступают с заявлениями, относительно соблюдения властями законодательства о деятельности партий, выборах в органы власти, но ситуация не меняется.

К сожалению, подавляющая часть граждан не знает о подобной реальности партийно-политического бытия, а российская интеллигенция, в массе своей, проявляет к ней индифферентность. Для последней гораздо проще, а некоторым даже выгоднее, публично обличать «преступления сталинизма», «насилия большевиков» и т.п., вести глубокомысленные теоретические дискуссии, нежели бороться за утверждение подлинно демократического строя в своей стране. Подобное отношение и поведение российских элит также не выходит за рамки отечественных исторических традиций (Отдельные тезисы статьи были представлены в докладе автора на круглом столе «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.»¹⁷).

Библиография

¹ Официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok>.

² Россияне выбрали самые влиятельные институты власти. 12.02.2015. // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/12-02-2015/rossiyane-vybrali-samye-vliyatelnye-instituty-vlasti>.

³ Волков Д., Гончаров С. Демократия в России: установки населения. Сводный аналитический отчет. Левада-центр, 2015. С. 43. URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/report_fin.pdf.

⁴ Иванова О.В., Федотов А.С. Партия власти как выражение «русской системы» в современных условиях // Власть. 2006. № 12. С. 78–82.

⁵ Засурский Я.Н. Политическая коммуникация: СМИ и выборы // Вестник МГУ. Сер. 10. 2001. № 5. С. 3.

⁶ Долгова Ю.И. Модели политической пропаганды на ТВ: выбор России // Вестник МГУ. Сер. 10. 2002. № 1. С. 108.

⁷ Юрьева Е. «Отстрел» или «списание» // Советская Россия. 2008. 3 июня. №58. С. 2.

⁸ Спектакль с флагами и обязательной явкой. Зарубежная печать о недавнем съезде «Единой России» // Советская Россия. 2008. 19 апреля. № 42. С. 3.

⁹ Центральный штаб ОНФ. Официальный сайт Общероссийского народного фронта. URL: <http://onf.ru/structure/rukovodstvo-0/>

¹⁰ Волков Д., Гончаров С. Демократия в России... С. 25.

¹¹ *Закатнова А.* Партии сказали «надо» // Российская газета. 2009. № 221. С. 1-2.

¹² Официальный сайт политической партии «Монархическая партия Российской Федерации». URL: <http://www.monpartya.ru/content/about.htm>.

¹³ *Коньков А.Е.* Административная реформа на местах: стимулы и принуждения // Власть. 2006. № 12. С. 22.

¹⁴ Советская Россия. 2005. 29 ноября. № 155. С. 2.

¹⁵ *Волков Д., Гончаров С.* Демократия в России... С. 33.

¹⁶ Там же. С. 30–31.

¹⁷ Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М., 2016 // Официальный портал ИС РАН, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594>.

МНОГОПАРТИЙНОСТЬ КАК ПОПЫТКА МНОГОПАРТИЙНОСТИ

А.В. Костров

Специфичность истории партий в России традиционно вызывает интерес отечественных и зарубежных исследователей. Однако часто встречающееся в их нестройных рядах выраженная и нередко воинствующая приверженность каким-либо политическим идеям, а также политико-идеологический заказ доминирующей партии или ее ярых ниспровергателей, вносят в научную и публичную реализацию этого интереса массу субъективных оценок. Последние не только не приближают к пониманию сути произошедшего или происходящего в политико-партийной истории страны, но и нередко являются серьезной помехой на пути такого понимания. Как видится, в современной отечественной политологической науке мера такой ангажированной субъективности велика. Причем она не намного ниже, чем в предшествующую эпоху, которую чаще всего безоговорочно критикует, она просто разнообразнее. Во-первых, это говорит об извечной подверженности политической науки политическому заказу. Во-вторых, о необходимости ее освобождения от этой опеки хотя бы на профессиональном научном уровне. Одним из путей подобного освобождения является выстраивание политологических конструктов на конкретных объективных основаниях.

В данном контексте оправдано обращение к геополитике как науке, которая в первую очередь занимается анализом пространственных факторов и мере их влияния на политический процесс в глобальном масштабе. При этом конечно же нас интересуют гносеологические возможности этой науки, а никак не ее идеологическая функция.

Географическое и природно-климатическое многообразие мира неизбежно ведет к хозяйственному, социальному, культурному и, как следствие – политическому многообразию. Именно благодаря географическому многообразию человечество имеет такое большое количество

отличающихся обществ, экономик, культур и политических систем. В этом смысле можно сказать, что сколько есть относительно локальных географий на планете – столько есть стран на политической карте мира. Поэтому история – это конвертирование географии¹. А раз история политики – это неотъемлемая часть истории вообще, то получается что и она в определенной мере детерминирована географическим фактором.

Пространственный плюрализм ставит перед нами вопрос: можно ли использовать выработанный обществом в одной конкретной географии (или в нескольких географиях) социальный, экономический, культурный или политический стандарт как универсальный эталон? Очевидно, что процесс глобализации все больше нивелирует географический фактор и, стирая национальные границы прививает или навязывает одни стандарты жизни. Но при этом со всей очевидностью география (как база остальных уровней) и как следствие другие виды пространства рефлексируют на подобное влияние не только адаптацией, но и выраженной спецификой реализации так называемых «общечеловеческих стандартов», от которых по прошествии определенного времени в разных частях планеты остаются только общие названия и более или менее выраженный набор общих черт. Все остальное в этом стандарте начинает занимать местный «материал» (политический, культурный, социальный, экономический и, наконец, природно-географический). Может быть говорить об этом в данном случае не имело бы смысла, если бы многопартийность, как одна из важных ценностей современной западной политической системы, не предлагалась как безусловный эталон для измерения политической истории и современности разных регионов и стран мира².

Многопартийность получила развитие, если можно так выразиться, в самом специфичном регионе мира. Имеется в виду морская Европа, как колыбель морской предпринимательской цивилизации. Огромная незамерзающая береговая линия привела к развитому морскому хозяйству и мореходству. И если в других регионах основными коммуникациями служили реки и реже сложные прибрежные океанические воды, то в Европе моря стали не только полигонами собственно морских коммуникаций

(кораблестроение, навигация, морская торговля и война), но и будущих океанических. Европейские морские народы оказались самыми подготовленными к ведению океанического хозяйства и как следствие – первыми вышли в открытый океан и взяли его коммуникации под свой контроль. И если начинают этот океанический парад португальцы и испанцы, привыкшие плавать в теплых водах Средиземного моря и Бискайского залива, то со временем пальму первенства в этом (и как следствие не только в этом) перехватывают самые морские европейцы – англичане. Может возникнуть вопрос – почему не ирландцы или исландцы, как самые удаленные в океан европейцы? Ответ прост – они оказались в таком же (если не более суровом) положении, как жители океанического побережья других регионов мира и не имели моря как преокеанического полигона. Англичане же были защищены со стороны океана Ирландией и своими островами, а со стороны материка имели прекрасный судоходный Британский канал (Ла-Манш) и Северное море. Это давало возможность не только оттачивать морские технологии, но совершать относительно безнаказанные пиратские набеги на территорию континентальной Европы, которые станут прообразом морского грабежа прибрежных зон разных регионов мира.

Так или иначе, но на основе развивающихся колониальных практик доступный капитал мира в достаточно короткий по историческим меркам период был сконцентрирован в странах морской Европы. Этот колоссальный начальный капитал привел к бурному росту торговой, а потом и торгово-промышленной экономики европейских стран. Массовый предприниматель (нередко вчерашний пират или моряк королевского флота, что, впрочем, зачастую было одним и тем же) заложил основы массовой буржуазии. А та, в свою очередь, стала менять не только экономическое, социальное и культурное, но и политическое лицо Западной Европы.

Массовая частная собственность предпринимателей со временем привела к осознанию массовых частных интересов. Настойчивым требованием общества стала защита частных интересов в представительном законодательном органе. Это привело к буржуазным революциям в Европе, одним из

следствий которого стало развитие буржуазных парламентов. Более того, со времен этих потрясений буржуазия в той или иной мере оформила свое доминирование над этатизмом. Развитая колониальная (а позже неоколониальная) экономика могла не только позволить обществу решать свои основные проблемы, но и подчинить себе в лице своей массовой развитой буржуазии институт государства. Другое дело, что ни буржуазия, ни общество в целом не были однородны и едины. Столкновение обеспеченных интересов разных сословных, региональных, экономических и других групп привело к необходимости создания постоянно действующих общественно-политических организаций, призванных защищать эти интересы. Таким образом в Европе развивается многопартийность как отражение социально-экономического баланса сил, призванное защищать интересы разных групп на законодательном, а также исполнительном уровне.

Многопартийность становится священным инструментом европейской представительной демократии. Со временем, плюралистическая партийная система распространяется в разных регионах, а после демонтажа советской глобальной системы получает распространение в большинстве стран мира. И действительно, эта модель защиты общественных интересов в той или иной мере показывает свою эффективность в рамках разных политических систем. Однако везде ее реализация имеет свою выраженную специфику, которая удаляет ее от идеальной модели многопартийности, нарисованной западной политологией и транслируемой вслед за ней национальными политологиями разных стран. При этом, дальше всего уклоняются от классической многопартийности страны, которые пропагандируют ее как неотъемлемый компонент идеальной современной политической системы. Прежде всего имеется ввиду формат партийной плюралистической системы, получивший развитие в англосаксонских странах.

При формальном наличии множества партий в Великобритании большую часть мест в парламенте неизбежно делят (и в обозримом будущем будут делить, как делали это в обозримом прошлом) известные крупные партии. Рычаги

управления в этих партиях принадлежат схожим (до тождества) бизнес-группам, а разница программных установок позволяет лавировать во внутренней и внешней политике в зависимости от климата внутри и вне. То есть процесс принятия политических решений стабильно находится в руках бизнес-элиты, что нивелирует идею и эффективность реальной многопартийности. Роль же коммуникации доминирующих партий и большинства общества выполняют социологические опросы и PR. Однако Великобритания способна компенсировать большую часть социальных проблем и обеспечить относительно стабильные темпы роста экономики за счет уже традиционного контроля рынков сырья и сбыта, а также развитой, в том числе за счет этого контроля, производящей экономики.

До крайности подобная бизнес-модель партийного строительства была доведена на другом полюсе англосаксонского мира – США. Государство, зеркально отражающее пространственные характеристики морской Европы и имеющее безопасную удаленность от оппонентов и «опасную» приближенность к ресурсным базам и рынкам сбыта. Оно изначально создавалось предпринимателями как бизнес-проект, взяло от Старого Света все то, что лучше всего отвечало интересам предпринимательства и перевело это на качественно новый уровень. В итоге, на фоне формальной колоссальной многопартийности, в Соединенных Штатах фактически существует две парламентские партии. Отсутствие членства в этих партиях позволяет решать вопросы их популярности за счет профессионального PR в период предвыборной гонки. Поэтому во многом исход выборов в США решается размерами вложений в предвыборную кампанию. А вкладывают в выборы, так же как и содержат эти партии в чем-то разные, а в чем-то тождественные группы экономической элиты или попросту олигархата. Поэтому в стране, на фоне декларируемой и пропагандируемой многопартийности, политическая реальность испытывает на себе мощную нивелирующую поправку двухпартийной монополии. То есть, у избирателя выбор есть, но выбора нет. Разница программ и действий разных полюсов этой монополии позволяют лавировать и проводить относительно пластичную политику, которая, однако, практически никогда не

расходится с интересами правящей группы предпринимателей. Возникающие проблемы решаются в основном за счет притока ресурсов из внешней среды и завязанной на него экономику.

Поэтому говорить всерьез о развитой многопартийности в главных странах англо-саксонского мира, которые предлагают себя в качестве основных политических (и не только) учителей человечества мира не приходится. Целесообразнее говорить о двухпартийности. Одной из причин такой ситуации является уровень их геополитической субъектности. Исключительное географическое положение и формулируемая им история позволили Англии, а потом США доминировать на море, а значит в морской торговле. Контроль морского рынка позволил добиться доминирующего положения на мировом рынке. Это позволило добиться сначала региональной, а потом и глобальной субъектности. Но реализация подобного потенциала требовала определенной централизации власти вплоть до олигархической автократии, при которой развитый институт государства достаточно жестко контролируется экономической элитой общества. Отсюда можно сделать вывод, что и потенциал пространственного положения, и пути его реализации, требовали от стран атлантического Запада не только развития многопартийности, но и ее олигархического ограничения.

Более плюралистическую модель партийной системы могли позволить себе страны проамериканских антисоветских буферных зон, а именно традиционно технологически развитые страны Европы и Азии, оказавшиеся на правах экономических заповедников в складывающейся американской глобальной системе. Будь то страны континентальной Европы (например Германия) или страны АТР (например Япония), там и там на фоне относительной демилитаризации, инвестирования и открытого мирового рынка осуществлялся не только заметный экономический рост (который в своих самых ярких примерах был назван «чудом»), но и плюралистическое развитие партийного начала в политике. Однако, как только уход советской системы ознаменовал возможность получения этими странами большей политической субъектности и выхода из под контроля США, их политика стала ощущать на себе более выраженные тенденции перехода от многопартийности к

реальной малопартийности вплоть до двухпартийности. То есть, растущая субъектность требует централизации политики и партийного ее измерения в том числе.

Что касается России, то ее география и как следствие история принципиально отличается. Континентальная география с относительно суровым климатом, не предполагающая участия в активном морском и как следствие океаническом хозяйстве, с одной стороны позволила объединить большое пространство, а с другой – диктовала другую логику хозяйственного, социального, культурного и политического развития³.

Если на Западе основным менеджером модернизации традиционно был массовый и мощный предприниматель, то в России дело обстояло иначе. В силу удаленности от мировых торговых (и колониальных) коммуникаций и сурового климата на большей части территории национальный рынок и как следствие национальный бизнес были относительно слабо развиты. Вместе с тем, темпы колониальной, а позже неоколониальной Европы заставляли проводить догоняющие модернизации. В силу того, что частный бизнес не мог создать необходимую степень концентрации капитала для того чтобы ввести в экономический и технологический оборот ресурсы страны, эту функцию берет на себя государство. Отсюда этатистский путь развития страны. Отсюда и этатистские догоняющие, а значит форсированные, модернизации, следствием которых стало и появление Российской империи, и подъем СССР.

Характерно, что партии в России начинают появляться на фоне ослабления и приближающегося демонтажа традиционной империи. При этом общественные группы их формирующие были относительно слабыми и экономически и политически. Даже замечательные представители национального бизнеса в сравнении со своими европейскими и американскими коллегами были гораздо менее состоятельными и оказывали на свое общество меньшее влияние. В частности, это выражалось в слабом развитии национальной банковской системы, которая была завязана на кредиты европейских, а позже американских банков. Отсюда и парад слабых партий в парламентский период, который с одной стороны можно назвать временем стихийной

многопартийности, а с другой стороны – временем неэффективной политики. Ослабление государства на фоне политической активизации общества не давало хороших результатов с точки зрения интеграции общества, индустриальной модернизации его экономики и общей готовности к внешнеполитическим столкновениям. Об этом говорили результаты Русско-Японской войны, а впоследствии и результаты Первой мировой. Попытка развить многопартийность на фоне требующейся модернизации и обострения как внутренних противоречий, так и внешних угроз, стала одним из признаков крушения имперской системы, не выдержавшей испытания войной. Можно сказать, что игра в европейскую политику на фоне отсутствия европейской колониальной экономики стала одной из причин краха, заставившего искать свои подходы к выстраиванию партийной системы.

Понятно, что Первая мировая война оказала большое влияние на разрушение Российской империи. Но дело в том, что она также оказала серьезное влияние на создание новой государственной и партийной системы. Достаточно плюралистически настроенное население бывшей империи испытало настоящий шок от мировой войны, которая пришла на его территорию в лице интервенции. Факт прихода иностранных солдат на свою территорию рано или поздно заставил искать объединяющее начало, способное выгнать иноземных завоевателей и не допустить рецидивов подобного тяжелого положения. Это позволило большевикам в той или иной мере объединить большую часть потенциала страны вокруг себя и добиться ее освобождения. Партии, сделавшие ставку на помощь интервентов или противопоставившие себя большевикам неизбежно проиграли в этой политической борьбе. Характерно при этом, что проиграли и левые эсеры, как последние представители сворачивающейся многопартийности. Они были положены на алтарь новой складывающейся монополистической партийной системы, которая станет залогом принципиально новой степени концентрации власти и контроля всех видов пространства страны. И того и другого требовала грядущая догоняющая этатистская модернизация общества.

Необходимость создания сильного государства, способного беспрепятственно распоряжаться всеми ресурсами страны и готового создать необходимую степень концентрации всемерного капитала требовала новых подходов к советскому партийному строительству. В результате последнего партия превратилась в доминирующий институт государственной власти, обеспечивающий тотальный контроль над всеми сферами жизни общества. Более того, в рамках складывающейся системы стал развиваться такой юридический феномен как партийное право. Так или иначе, но требование времени было выполнено и новая партийно-этакетистская система показала свою эффективность. За счет партийной монополии и доминирования была проведена сверхцентрализация государства, которое провело этакетистскую форсированную индустриальную модернизацию страны. И цена этой модернизации может быть вполне сопоставима с ценой индустриальной модернизации «плюралистических» стран Западной Европы. С той только разницей, что они проводили ее гораздо более продолжительное время и за счет других (колониальных) обществ, а Советский Союз вынужден делать это быстро и за счет внутреннего ресурса. Отсюда и болезненность и «социальные шрамы» для своего общества.

Получается, что многопартийность в нашей истории оказалась явлением, не имеющим социально-экономической обеспеченности. Скорее она оказалась конкурентной лабораторией подходов к модернизации страны, в которой должна была победить партия, способная создать сильное государство и вывести общество на качественно новый уровень.

Характерно, что поэтапный уход коммунистической партии, которая во многом выполняла роль несущей конструкции СССР, стал одной из основных внутренних причин демонтажа государственной, экономической, культурной и социальной систем. Последствия этого демонтажа с сопутствующими плюрализацией политики, стихийной многопартийностью и разгосударствлением сказываются до сих пор. При этом реальное восстановление страны опять же началось в том числе с использованием партийного инструментария, выраженного в создании доминирующей

партии. И хотя этой системе далеко до эффективности коммунистической монополии, тем не менее, она имеет заметные результаты.

В данном ключе любопытен опыт многопартийности в КНР, которая в рамках либерализации политики допустила существование многочисленных партий, но сохранила при этом безоговорочное доминирование коммунистической партии, которая так же как в Советском Союзе фактически является основным и определяющим институтом государственной власти. Понятно, что Китай не хочет повторить судьбу СССР. Поэтому он перешел к формальной многопартийности и, внешне развивая систему доминирующей партии, фактически сохраняет монополистическую партийную систему. И эта система показывает свою эффективность с точки зрения сохранения и развития государства, государственного сектора экономики, интеграции общества, и, что характерно, развития бизнеса и защиты его интересов в мировом пространстве.

Отсюда вывод, что многопартийность – это идеальная модель политического взаимодействия общества и государства, в основном получившая глубокое и всестороннее развитие в политической теории и идеологии. В то время как историческая реальность вообще и политическая реальность в частности говорят о том, что разные страны используют эту модель в силу своих возможностей и необходимостей.

В том числе это использование в реальности часто бывает формальным, так как богатые страны нередко выбирают двухпартийную монополию, а модернизирующиеся – монополистическую партийную систему, в чистом или сдобренном виде.

Поэтому, к великому политологическому сожалению, стихийная многопартийность является признаком кризиса для России (будь то начало XX столетия или его конец). Стране ее и мировым пространством предписано сильное государство, не ослабленное партийным началом, а усиленное им (В сокращенном виде доклад автора был представлен на круглом столе «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.»⁴).

Библиография

¹ *Костров А.В.* Геополитика. Иркутск, 2015.

² *Новикова Л.И.* Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса // Цивилизации. Вып. 1. М., 1992. С. 9–25.

³ *Савицкий П.* Географические и геополитические основы евразийства // Классика геополитики. XX в. М., 2003. С. 677–687.

⁴ Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М., 2016 // Официальный портал ИС РАН, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594>.

БОЛЬШЕВИКИ К ФЕВРАЛЮ 1917 г.: НА ПУТИ К ЛИКВИДАТОРСТВУ? (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОВОЛЖЬЯ)

В.Н. Кузнецов

Общеизвестно, что большевики, ведомые В.И. Лениным, являлись принципиальными противниками ликвидаторства и что на пражской конференции РСДРП 1912 г. последних исключили из партии. Большевики не переставали весьма резко критиковать, а по сути дела, клеймить их вплоть до февральской революции, когда проблема ликвидаторства перестала быть актуальной. При этом надо помнить одну простую вещь: ликвидаторство появилось не вследствие желания части меньшевиков предать дело революции и борьбы пролетариата за свои права, а сложилось оно в результате поиска выхода из того кризиса, который переживала РСДРП, ориентированная на нелегальные методы деятельности.

Начиная с 1907–1908 гг. ситуация для партии резко меняется: имеет место разгром губернских организаций и уездных групп, отток людей из партии и слабый приток новых членов, почти полная остановка издательской деятельности и кружковой работы, постоянные аресты активистов и внедрение в партию секретных сотрудников жандармерии. Все это делало для части социал-демократов всю дальнейшую подпольную деятельность бессмысленной, лишь приводящую к новым и неоправданным арестам.

То, что любая политическая активность заканчивается провалами (людей, типографий, комитетских архивов), понимал, наверное, любой социал-демократ. Те, кто не бросил партию, оказывались перед проблемой – что делать?

На этот вопрос было дано два ответа, которые, казалось бы, навсегда раскололи партию на ликвидаторов с одной стороны и ленинцев и плехановцев с другой. Ликвидаторами делался вывод – что бы спасти партию от полного ухода в политическое небытие необходимо кардинальное изменение тактики в сторону сосредоточения сил на единственной

возможной в тех условиях легальной работе. Причем меняя свою тактику, ликвидаторы официально это признавали.

Ликвидаторство просуществовало недолго, около 10 лет. 1917 г. отшвырнул его в Лету. Упрочилось мнение о его принципиальной противоположности большевизму и его проигрыше большевикам в исторической перспективе. Но так ли это? Может быть, ликвидаторы быстрее поняли то, что большевики осознали позднее, но так никогда и не решились признать?

Давление новых обстоятельств не могло не сказаться и на большевиках. Какие бы они не были, говоря словами В.И. Ленина, «твердокаменными», но и они рано или поздно должны были измениться сообразно новым, и, казалось бы, на долгий срок водворившимся условиям. Изменений этих следовало ожидать сверху и снизу, как это и произошло у ликвидаторов. Сверху – это теоретическое обоснование имеющих место быть перемен. Снизу – стихийное изменение тактики на местах. Путь сверху в ближайшие годы (а дальние годы, после 1917 г., лежали уже в новой исторической реальности) для большевиков был невозможен. В.И. Ленин не держал около себя самостоятельных теоретиков, более делая ставку на исполнителей. Сам же он пойти на признание ненужности и вредности нелегальной борьбы пойти не мог. Оставался путь снизу. Возможно идти по нему пришлось бы годы, но, так или иначе, сложилось бы противоречие между растущей тягой низовых большевиков к легальной деятельности и непризнание таковой ленинским руководством РСДРП (б).

Первоначально местные большевики продолжали попытки идти проторенной «революционно-чистой» дорогой. Но к чему это приводило? В 1907 г. разгромлены оказались крупнейшие уездные организации Саратовской губернии: царичинская и балашовская, насчитывающие соответственно 190 и 300 членов, и там и там были раскрыты типографии, прошла ликвидация технической группы саратовского горкома. В Самаре и в Симбирске раскрыты оказались типографии и плюс к этому в Самаре паспортное бюро, прошли аресты всех членов боевой дружины, а Симбирске схвачены оказались почти все члены комитета.

В 1908 г. был арестован весь состав городского райкома Саратова, провал экспроприации в Камышине привел к разгрому местной группы. В Самаре была ликвидирована партийная конференция, арестован комитет во главе с посланцем ЦК, раскрыта новая типография. В Симбирске власти арестовали почти весь новый комитет. В Астрахани на конференции местная организация была официально распущена вследствие вскрывшихся значительных финансовых хищений ее руководством.

В 1909 г. в Саратове и Самаре прошли ликвидации последних местных групп. Аресты оставшихся активистов имели место в Симбирске и Астрахани. К концу года в регионе не сохранилось ни одной организации или группы РСДРП, прекративших существование как из-за самих арестов, так и из-за страха перед ними и разочарования в перспективах революции. Все громче среди рядовых социал-демократов, а это в основном рабочие, раздаются голоса о бессмысленности подпольной работы в сложившихся условиях. Как еще в 1907 г. отмечал начальник Самарского губернского жандармского управления, среди членов РСДРП «работать никто не хочет, мотивируя тем, что жандармское управление все знает»¹.

Среди партийцев начинается «охота на ведьм», обвинения в сотрудничестве с жандармами становятся обыденным делом. В том же 1907 г. в Самаре был создан специальный партийный суд для разбора подобных заявлений. Как правило, все обвинения, а направлены они были против деятельных членов партии, были ложными, но они усиливали атмосферу взаимной подозрительности и страха перед неминуемым провалом. Проходившие массовые аресты вели к деморализации оставшихся (пока) на свободе. Так сообщая в своих воспоминаниях об арестах 1907 г. в Симбирске, активный член партии Б.А. Кабанов верно передал царившую тогда атмосферу: «Провал ужасно подействовал на уцелевших»². Один из впоследствии видных местных большевиков М.А. Гимов даже пробовал застрелиться.

Из прошедших провалов и неудач большевикам волея-неволей приходилось делать тот же вывод, который ранее уже сделали ликвидаторы: подпольная деятельность губительна и

бесперспективна. Первыми из большевиков это осознали «партийные генералы» из интеллигентов, затем и партийные низы.

Но получалось, что фактически правда за ликвидаторами, которые открыто об этом заявили со всеми вытекающими последствиями. Большевикам оставалось признать правоту тех, кого они так критиковали. Однако это признать большевики, под которыми здесь разумеются большевики на местах, а не эмигрантское руководство, не могли. Несколько предшествующих лет их приучили, что ликвидаторы – это ренегаты, предатели революции. Об этом не уставала напоминать центральная партийная печать, которая в больших или меньших масштабах доходила до Поволжья. Существовала и партийная дисциплина.

То, что в эмиграции для вождей большевиков воспринималось как неприятная абстракция, на местах оборачивалось драмой и даже трагедией для десятков и сотен арестованных партийцев. Конечно, были и те, кого не пугали аресты, кто воспринимал это как неотъемлемую часть революционной работы, но большинство, все же, надеялось остаться на свободе, кормить свою семью и т.д.

Работа в легальных учреждениях являлась приемлемым компромиссом: антиправительственная деятельность продолжалась, но в более безопасных условиях. Подпольная работа откладывается на потом, затем снова и снова.

Большевики это поняли, при этом процесс понимания не проходил, конечно, одномоментно, требовалось время. Полученный вывод этот не был озвучен ими официально и не облечен в какие-либо декларации и резолюции. Но если вывод не озвучивался, откуда можно судить, что он был сделан? По тактике. Оказалось, что можно быть ликвидатором на словах и на деле, а можно быть ликвидатором на деле, но верным принципам большевизма на словах. Что же мы видим?

В 1910 г. в Самаре плехановец Л.А. Ильин организывает легальный кружок «самообразования рабочих», большевик А.А. Буянов встает во главе образовавшегося «Второго потребительского общества». Это все видные городские

партийцы. Социал-демократы Сызрани вообще пришли к мысли, что организовываясь нет смысла связывать себя с РСДРП.

Жизнь вновь и вновь показывала оставшимся на свободе большевикам бесперспективность возрождения подпольной организации и работы. В Саратове весной и осенью 1911 г. проведенными арестами жандармы успешно срывали попытки восстановления нелегальной организации, что привело к ожидаемым результатам: вновь возобновились поиски провокаторов и усилилось осознание того, что, как было высказано на собрании трех оставшихся на воле видных саратовских деятелей партии, «на данный момент какая-либо партийная работа совершенно не возможна, так как лица, занимавшие ранее какое-либо положение в группе хорошо известны жандармам»³. Но невозможно была именно подпольная работа. Легальную деятельность худо-бедно проводить удавалось. Так в Самаре оплотом социал-демократической деятельности являлось «Второе потребительское общество». Власти боролись с социал-демократической деятельностью вообще, но особо решительно пресекались все попытки воссоздания подпольных организаций. Итог таких начинаний был одинаков: аресты активистов и отбрасывание партийной жизни назад. В апреле 1911 г. массовые аресты прошли в Царицыне, в феврале 1912 г. в Самаре. В январе 1912 г. схвачены активисты в Астрахани, апреле 1912 г. арестованы активные городские рабочие – члены партии.

В то время как попытки возрождения подполья заканчивались провалом, легальная деятельность шла все активней и успешней. В июне 1913 г. в Самаре рабочие нового Трубочного завода инициировали создание «Самарского общества «Маяк». По их просьбе учредителем его и автором устава стал А.П. Кравченко, высланный с Кавказа ликвидатор. «Маяк» в дальнейшем будет играть огромную роль в социал-демократической работе Самары.

К концу 1913 г. социал-демократы Самары вели свою деятельность в больничных кассах, в обществе взаимопомощи приказчиков, книгопечатников, в профобществе строительных рабочих, потребительском обществе неимущих мещан, во вновь возникших профобществах булочников и кондитеров,

книгопечатников и портных. Особенно большую роль социал-демократы играли в «Обществе разумных развлечений», членами которого состояли преимущественно рабочие Трубочного завода. В правление общества входили и большевики, и ликвидаторы.

Насколько сложно социал-демократам давался переход преимущественно к легальной деятельности можно судить по письму из Нарымского края самарского меньшевика П.Ф. Шмелева (выслан на 3 года в 1912 г.) в Сызрань к большевику К.Г. Мяскову, в будущем председателю губпродкома Самары, написанное в 1914 г.: «1905 год, бойкот первой Государственной думы, выборы во вторую. В это же время развиваются профессиональные союзы. Большевики, как известно, отрицали за профсоюзами всякую пользу и считали создание профсоюзов отвлечением сил и затемнением классового самосознания, но жизнь бьет их и они на этом взгляде держатся недолго, да и не все... Меньшевики стоят за «нейтральные» профсоюзы. В партии идут споры по этому поводу, а профсоюзы растут и растут, их значение не отрицает даже большевистская «Правда», они в «Правде» кричат о либеральной нейтральности, но это их лебединая песня... За время свобод ничего не было сделано для выяснения тактических вопросов, но мы вкусили этой свободы, а последовавшая реакция лишила нас этой свободы. Нужно было изменить тактику, перестроить ряды, но эти ряды не были настолько сплочены, их еще надо было спланировать, учить борьбе. Тактика не могла быть измененной для новых условий, потому что не было строго определенной тактики, а были только искания. К тому же не было общей действительно пролетарской организации, которая могла бы все сделать, были только одни социал-демократы с внутренними разногласиями, к тому же в своем большинстве интеллигенты, оторванные от рабочей массы, и когда пришлось вести работу в профессиональных союзах были не подготовлены к этой работе, а учиться было некогда – на охоте собак не кормят. К тому же надвигающаяся реакция вырвала лучших людей и за работу пришлось браться таким людям, как мы, малым мальчишкам, по возрасту 19 лет, без всяких знаний, только с одними чувствами»⁴.

В Саратове в марте 1911 г. вернувшийся из двухгодичной высылки ликвидатор Д.А. Топуридзе (в 1917 г. Саратовский губернский комиссар Временного правительства) организовал издание еженедельной «Приволжской газеты», среди членов редколлегии можно назвать М.Т. Елизарова, М.И. Ульянову⁵. Из-за финансовых убытков в январе 1912 г. газета прекратила свое существование. Естественно, степень влияния этого легального издания была намного больше, чем от написанной от руки прокламации «К рабочим», а больше в 1911 г. в Самаре социал-демократы ничего не выпустили.

В конце 1911 г. большевик К.Э. Гейнрих начал издавать «Астраханскую газету», но в связи с его арестом в середине декабря 1911 г. ее выпуск прекратился⁶. Подпольных изданий в Астрахани в 1911 г. выпущено не было.

В январе 1914 г. большевики и ликвидаторы Самары совместно начали издавать легальный еженедельный журнал «Заря Поволжья», закрытый властями в связи с началом войны. Для его выпуска объединились большевики и ликвидаторы, хотя последние при обсуждении и высказались против этой идеи, мотивируя тем, что мало сознательных рабочих, которым будет нужно предполагавшееся издание. В редколлегию вошли большевики С.К.Кукушкин и С.М.Белов, и ликвидатор А.П.Кравченко.

Солиден был перечень приглашенных авторов: Г.Е.Зиновьев, В.И.Ленин, депутаты Государственной думы. Г.Е.Зиновьев действительно сотрудничал с журналом, а В.И.Ленину не пришлось. Первоначально он собирался писать для самарского издания и в марте 1914 г. из Кракова направил письмо в редакцию «Зари Поволжья». В нем лидер большевиков сообщал, что готовит для журнала статью о борьбе за свободу слова, спрашивал о желаемых темах и просил выслать ему номера «Зари Поволжья». В том же марте В.И.Ленину ответил С.М.Белов. Он просил статей о борьбе за свободу слова, печати, по крестьянскому вопросу, о народничестве и сообщал, что все номера аккуратно высылаются Владимиру Ильичу⁷.

Издание журнала с явным социал-демократическим уклоном являлось серьезным шагом вперед в деле печатной пропаганды в Поволжье. Он распространялся и в соседние

губернии, оказывая влияние на работу тамошних членов РСДРП. Первый номер «Зари Поволжья» тиражом 1 000 экземпляров вышел в январе 1914 г. С началом войны власти закрыли журнал. Нелегальной печатной продукции в 1914 г. до начала войны в Самаре издано не было.

Легальная деятельность не являлась синекурой. Мало того, что власти нередко конфисковывали тиражи тех или иных номеров журнала (всего семь номеров), в тюрьму были отправлены три его редактора.

В годы войны большевики еще дальше отходят от подпольной деятельности. Знаменательно, что в Симбирске, Саратове и Астрахани вообще не предпринимаются попытки восстановить нелегальные организации и развернуть нелегальную деятельность. Интересен пример Саратова. Здесь перед войной и в годы войны появляются новые большевистские лидеры из присяжных поверенных: Г.И. Оппоков, П.А. Лебедев, В.П. Антонов (два последних будущие большевистские лидеры Саратова в 1917 г., один из них – первый советский губкомиссар, а другой – председатель губисполкома. Г.И. Оппоков – нарком Ломов). Однако если не знать, что это большевики, то по методам их деятельности догадаться об этом не просто. Перед нами едва ли типичные ликвидаторы из партийных интеллигентов, забывшие о существовании подполья и проводивших осторожную работу в низах, что, правда, не уберегло их от ареста в начале 1916 г.

Оставшиеся на свободе распределили между собой обязанности, где главным шла работа в обществе «Маяк» и в больничных кассах механических заводов, то есть легальная деятельность. С 1912 г. в Саратове существовало общество внешкольного образования «Маяк». С начала войны к его руководству пришли большевики: М.А. Лебедев, В.П. Антонов, Г.И. Оппоков, С.П. Нацаренус, являвшийся секретарем общества. Они значительно изменили характер его деятельности. Сюда стало привлекаться возможно большее число пролетариев, шла работа по их объединению, был создан марксистский кружок. Даже академические темы раскрывались с определенной тенденцией. Например, в январе 1915 г. В.П. Антонов выступил с докладом «Платон и его учение об идеальном государстве»,

подводя слушателей к мысли о необходимости насильственного изменения существующего государственного строя. На основе общества в августе 1915 г. стала издаваться большевистская «Наша газета»⁸. Вплоть до ее закрытия в октябре 1915 г. успело выйти шесть номеров. В состав редакции входили Г.И. Оппоков, М.А. Лебедев и В.П. Антонов.

Для социал-демократов Саратова «Маяк» имел тем большее значение, что к 1915 г. в городе остался только один профсоюз «Игла», объединявший портных⁹. В.П. Антонов, Г.И. Оппоков и М.А. Лебедев стали играть важную роль в правлении больничных касс. Здесь они также стремились открыть двери для всех рабочих, допуская всех желающих на собрания правления, стремясь организовать их, научить самостоятельной политической деятельности. На одном из собраний августа 1915 г. присутствовало, например, около 300 человек¹⁰. На нем обсуждался вопрос о беженцах, о безработице, об ухудшении условий труда, после чего была послана телеграмма в Государственную Думу Н.С. Чхеидзе.

Весной 1916 г. власти выслали из пределов губернии В.П.Антонова и Г.И. Оппокова, новым двигателем работы в легальных учреждениях стал еще один большевик Ю.К.Милонов. В июле 1916 г. в «Маяке» он прочел две лекции: «Страхование рабочих в России» и «Страховые законы». Сами лекции не содержали ничего особо предосудительного, но после них разворачивались горячие дискуссии, в которых принимали участие меньшевики и эсеры и которые весьма заинтересовывали рабочих. Посещаемость общества значительно выросла и составила около 500 человек, что для Саратова было весьма много. Помимо Ю.К. Милонова, в «Маяке» выступали и другие большевики. В октябре 1916 г. прошли выборы членов страхового присутствия от рабочих. Одним из двух избранных оказался И.А. Галактионов¹¹.

Масштабность и результативность легальной работы с рабочими затмевали эффект от подпольно-кружковой работы, которую стремились возобновить большевики в это время. Именно по работе в «Маяке» и запомнились, главным образом, большевики рабочим Саратова. Вот характерный отрывок из воспоминаний группы женщин-активисток: «Маяк» фактически

стал центром большевистской пропаганды и организационной работы. Здесь устраивались явки для членов партии, спланировались революционные кадры, велась подготовка к революции. Мы очень любили посещать «Маяк». Нас восхищала царившая там атмосфера дружбы. Некоторые из нас впервые услышали в «Маяке» волнующее слово «товарищ»... Помнятся горячие, шумные споры большевиков с меньшевиками и эсерами. Особенно любили мы слушать убедительные и остроумные речи Кирилла Плаксина – рабочего завода «Жесть»...»¹². К.И. Пронин-Плаксин – будущий председатель Саратовского губисполкома.

В Царицыне за период войны не возникло ни одной большевистской группы. Летом 1916 г. высланные сюда меньшевики образовали свой кружок, который сам собой прекратил существование осенью этого же года.

Из всего региона только в Самаре большевики являются большевиками и на словах и на деле, когда работа в легальной сфере не затмевала подпольную сферу. Здесь периодически предпринимаются попытки возродить нелегальную организацию, воссоздать комитет. Но все эти попытки срывали массовые аресты: декабря, января, февраля 1914 г., февраля и июля 1915 г. Так в ночь на 1 июля 1915 г. жандармы провели 23 обыска, в том числе у Н.М. Шверника и схватили 11 человек¹³. Последние аресты прошли в сентябре и октябре 1916 г. Итог закономерен: 5 января 1917 жандармский полковник М.И. Познанский сообщал в Департамент полиции: «После ликвидации большевистская социал-демократическая организация понесла настолько сильное поражение, в особенности изъятием из ее среды интеллигентных сил, что оставшиеся на свободе члены этой организации до настоящего времени ничем себя не проявили,...в настоящий момент их работа сводится к отысканию виновников провала»¹⁴.

Вероятней всего, что и в Самаре победило бы реальное ликвидаторство, как это произошло раньше всех в Симбирске, Астрахани, потом и в Саратове. Самара не долго оставалась бы исключением из правил.

Можно предположить, что если бы революция произошла не в 1917 г., а позже или ее не случилась бы вообще,

то значительная часть большевиков не только фактически, но и формально перешла бы на позиции ликвидаторства, или, что тоже самое, европейской социал-демократии. Сторонники приоритета подпольной работы оказались бы в заметном меньшинстве. Февральская революция остановила имевшее место движение снизу большевиков к ликвидаторству, а так как этот процесс не оформляли через партийные решения, то легко было сделать вид, что его, как бы, и не было. Кроме того, вероятно, часть большевиков просто не сознавала происходящее, пребывая в иллюзии своей противоположности ликвидаторам.

Возможную эволюцию большевиков в реальности к 1917 г. проделали эсеры, которые столкнулись со своим специфическим вызовом – потерей опоры на крестьянство и необходимостью поиска новой общественной страты. Они формально не отказывались ни от террора, ни от социализма, ни от революции, так же как и местные большевики не отказывались от подпольной деятельности, но фактически небольшие интеллигентские партийные кружки вели легальную деятельность.

Можно сказать, что если бы условия изменились, стали бы более благоприятны для нелегальной работы, для восстановления нелегальных организаций, то большевики сделали бы крен уже в сторону подполья, ведь и В.И. Ленин призывал к сочетанию легальности и нелегальности. Но тогда бы и ликвидаторы перестали бы быть ликвидаторами. В условиях, когда подполье дало бы большие результаты в деле политического воспитания рабочих чем легальная деятельность, или создавало реальные перспективы свержения самодержавия, чего не могла бы дать легальная партия – вряд ли ликвидаторы отказались бы от этого, исходя из принципа ликвидаторство ради ликвидаторства.

Можно гипотетически представить себе: Россия не участвует в мировой войне, или нет порожденной ей февральской революции, самодержавие медленно эволюционирует подавлением сил слева и проводит более социальную политику. Эта модель развития способствовала бы расширению и укоренению ликвидаторства в российской социал-демократии, в том числе за счет большевиков.

Надо помнить, что к началу 1917 г. свержение царизма представлялось вещью более чем гипотетической, в том числе и самому В.И.Ленину, и оценивать значение нелегальной деятельности в противовес легальной с точки зрения событий 1917 г. и последующих лет – это значит нарушать принцип историзма. Февраль 1917 г. – по отношению к развитию тактики и стратегии партийной борьбы является классическим случаем бифуркации, когда явление, как кажется внезапно, резко меняет направленность своего развития. Неожиданно старые парадигмы рушатся, но до этого момента владеют умами именно они.

Рассмотрение вопроса о легальной деятельности социал-демократов приводит к выводу о том, что она как раз и являлась наиболее устойчивой, а значит и результативной с точки зрения улучшения жизни людей, связи членов партии с массами, укрепления влияния на них. Не случайно, что не только ликвидаторы, но и большевики старались внедриться в легальные органы или даже создать свои. Только первые на этом ставили точку, а вторые первоначально стремились использовать их как прикрытие для подпольной деятельности. Однако, против воли большевиков, подчиненная, неглавная деятельность в легальных структурах оказывалась как раз наиболее существенной, результативной.

Конечно, классические ликвидаторы продолжали иметь отличия от движущихся по пути ликвидаторства большевиков, в числе которых, например, вопрос о диктатуре пролетариата в тогдашней России, о возможности социалистической революции и т.д. Но отличия эти стали серьезными только в условиях последующих за бифуркацией 1917 г. До этого они являлись актуальными. Перспектива революции казалась туманной и местные социал-демократы в основном вообще не задумывались об этих вопросах. Вот что писал позднее саратовский большевик В.П. Антонов: «Вопросы «мира», качества грядущей революции, роль партии в будущем временном правительстве и т.п. рисовались нам или довольно смутно, или совсем не входили в поле нашего зрения»¹⁵. А ведь автор по сравнению со своими товарищами по партии имел значительную теоретическую подготовку и интеллектуальный кругозор.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что после Февральской революции региональные большевики ставили в вину меньшевикам не ликвидаторство, а оборончество, что говорит о том, что в глазах членов РСДРП (б) ликвидаторство в тех условиях не являлось, по крайней мере, большим грехом, что и понятно из вышесказанного.

Библиография

- ¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 1907 9ч. 50. Л. 3 об.
- ² *Кабанов Б.А.* Симбирская группа РСДРП // Красная летопись. Симбирск, 1923. С. 27.
- ³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244, 1914. Д. 5ч. 69. л. Б. Л. 25 Об.
- ⁴ Государственный архив Ульяновской области. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1208. Л. 55–59 Об.
- ⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241, 1911. Д. 5ч.69. Л. 14.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241, 1911. Д. 5ч.5 л.Б. Л. 30 Об, 32.
- ⁷ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т.3 М., 1977. С. 190.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245, 1915. Д. 5ч.68л.Б. Л. 150.
- ⁹ ГАРФ. Ф.102. Оп. 245, 1915. Д. 5ч.69 л.Б. Л. 4.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245, 1915. Д. 5ч.69л.А. Л. 15 Об.
- ¹¹ Саратовский вестник. 1916. 5 октября.
- ¹² Когда мы были молодыми коммунистами // За власть Советов. Воспоминания участников революционных событий 1917 года в Саратовской губернии. Саратов. 1957. С. 147–148.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244, 1914. Д. 9ч.68 л.Б. Л.118; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245, 1915. Д. 5ч.68. Л. 1, 23.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 247, 1917. Д. 5ч.68. Л. 1.
- ¹⁵ *Антонов-Саратовский В.П.* Под стягом пролетарской борьбы Т. 1. М.-Л., 1925. С. 29.

ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЗАВОЛЖЬЯ В ТРЕТЬЕЙ ИЮНЬСКОЙ МОНАРХИИ (ИЮНЬ 1907 – НАЧАЛО 1917 ГГ.)

М.И. Леонов

Вместе с тем, как страна избавлялась от Смуты, политические партии в стране в целом и их местные организации в Среднем Поволжье и Заволжье теряли ориентиры, их численность уменьшалась. Либеральные и революционные партии, начиная с 1907 г. переживали тактический и организационный кризис. В наибольшей мере изменение ситуации сказалось на революционных партиях, о состоянии, планах и действиях которых политический розыск благодаря налаженной системе внутренней агентуры имел исчерпывающую информацию¹. Консервативные партии были более устойчивыми. В 1908 г. в России в их рядах их было около 400 тысяч, в 1916 г. – более 45 тыс. членов².

В руководстве РСДРП с середины 1907 г. обострились распри. Несгибаемый лидер большевиков, В.И. Ленин, с горечью говорил об этом времени: «Упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство»³. Среди социал-демократов Среднего Поволжья и Заволжья разочарование и упадок настроения сопровождалось склоками между бойкотистами и антибойкотистами, ликвидаторами и отзовистами, сторонниками и противниками экспроприаций и т.д. и т.п. На II Поволжской конференции (Симбирск, 17–18 июля 1907 г.) регион представляли только Самарская (А.Ф. Агарев) и Симбирская (С.В. Миртов и Н.С. Спирин) организации; представитель саратовских социал-демократов К.И. Пронин (Плаксин) приехал после завершения заседаний конференции. Два дня делегаты спорили об отношении к выборам в III Государственную думу и, не придя к общему знаменателю, разъехались.

Делегаты III Саратовской губернской конференции (июль 1907 г.), констатируя организационный кризис,

сокращение партийных рядов и издательской деятельности, избрали губернский комитет и постановили бойкотировать выборы в III Государственную думу, действовать совместно с эсерами в профессиональных союзах. Саратовский городской комитет саму эту конференцию объявил собранием частных лиц, а выборы губернского комитета не легитимным. Техническая группа Саратовского комитета и крупнейшая в губернии Балашовская группа прекратили существование к сентябрю 1907 г. В ноябре 1907 г., когда Балашевскую группу восстановили, она насчитывала в своем составе девять членов, а в кассе имела девять копеек. Саратовский губернский комитет и Царицынская организация прекратили существование к концу 1907 г. Численность организации губернского города сократилась с 780 человек в июне 1907 г. до 300 с небольшим человек в начале 1908 г. В конце 1909 г. она прекратила существование. До 1911 г., как в Саратове, так и в уездных городах губернии, на свой страх и риск действовали одиночки. В 1911 г. они избрали саратовский городской комитет, сформировали несколько рабочих кружков и 28 марта этого года выпустили № 1 легальной газеты «Приволжский край». Арестами ноября 1912 г. организация была разгромлена и два года не подавала признаков жизни⁴.

С начала Первой мировой войны и до середины 1915 г. разрозненные саратовские социал-демократы выступали с позиций защиты Отечества; весной 1915 г. восстановили организацию, выбрали городской комитет (В.П. Антонов-Овсеенко, И.А. Галактионов, Г.И. Оппоков (Ломов)), наладили связи с социал-демократами Петрограда, участвовали в деятельности рабочей группы Военно-промышленного комитета (ВПК), в профсоюзах, в кооперативах, в больничных и страховых кассах, с 8 августа по 20 октября 1915 г. выпускали «Нашу газету». Аресты конца 1915-начала 1916 г. положили конец организации. Когда в ноябре 1916 г. она восстановилась, в ней было всего около 10 человек, в основном учащиеся. В Камышине и Покровске в годы Первой мировой войны действовали исключительно одиночки социал-демократы⁵.

Самарские социал-демократы в конце 1907 г. насчитывали в своих рядах не более трех с половиной десятков

членов, которые разбрелись по фракциям «отзовистов», «ликвидаторов» и др., агитацией не занимались; губернский и городской комитеты прекратили существование. На общегородское собрание, назначенное на 7 сентября 1907 г., не пришел никто. В 1908–1910 гг. неоднократные попытки реанимировать городской комитет устойчивого успеха не приносили; партийные функционеры обреченно повторяли: «В настоящее время надо бросить партийную работу и выжидать удобного момента»⁶. В декабре 1911 г. четверо марксистов, один из которых был агентом губернского жандармского управления, составили из самих себя комитет, который, однако, просуществовал недолго. В 1912 г. самарские социал-демократы себя ничем не проявили; в 1913–1914 гг. участвовали в профсоюзах приказчиков, строительных рабочих, в немногих малочисленных выступлениях рабочих и ремесленников и время от времени издавали гектографированные листовки. В январе-июле 1914 г. несколько партийных функционеров входили в редакцию легального еженедельного журнала «Заря Поволжья». В конце июня 1914 г. самарские сторонники Ленина в апостольском числе двенадцати избрали комитет из трех человек и объявили себя большевистской организацией, отдельной от неверных меньшевиков, с которыми, впрочем, до февральских событий 1917 г. чаще всего действовали солидарно.

Начало Первой мировой войны повергло самарских социал-демократов в шок. Свое отношение к ней они определили лишь в октябре 1914 г. Среди них были и «пораженцы», и «интернационалисты», но преобладали «оборонцы». Аресты в январе-феврале 1915 г. не оставили от большевистского комитета ничего. В конце 1915 – начале 1916 гг. в Самаре насчитывалось около 40 социал-демократов всех оттенков. Меньшевики преуспели больше других: провели в августе этого года Поволжскую конференцию, на выборах в рабочую группу ВПК получили все 12 мест, с августа 1915 г. издавали легальную газету «Наш голос». В июне 1916 г. почти всех меньшевиков арестовали. Самарские большевики оживились в августе 1915 г. в связи с выборами в рабочую группу Военно-промышленного комитета; поначалу они намеревались бойкотировать выборы в рабочую группу ВПК, но 23 сентября 1915 г. повернули фронт на

180 градусов, образовали из интеллигентов (В.В. Куйбышев, А.С. Бубнов и др.) «Исполнительный комитет», разделили Самару на два района, основали 17 кружков. В октябре 1916 г. полиция ликвидировала все их начинания. До февраля 1917 г. самарские социал-демократы были заняты исключительно поисками виновных⁷.

В Симбирске на собрание 27 июля 1907 г. явились 10 социал-демократов; большая часть и вошла в городской комитет. Успех, однако, им не сопутствовал, «почти все бездействуют», – сообщало губернское жандармское управление. Со следующего года «организация умирала», и до Февральской революции 1917 г. восстановить ее социал-демократы не могли⁸. В уездных городах Симбирской губернии в эти годы спорадически проявляли себя лишь социал-демократы Сызрани.

Малочисленная и малодеспособная Пензенская группа социал-демократов после арестов в декабре 1907 г. прекратила существование. В губернском городе в 1910 г. был основан небольшой кружок, но мало чем проявив себя, он в 1913 г. распался. До конца февраля 1917 г. социал-демократических объединений в Пензе не существовало.

Эсеры, подобно социал-демократам, тяжело переживали поражение своих надежд на революцию; усугубило ситуацию «дело Азефа». Третий съезд Поволжской области партии социалистов-революционеров (август 1907 г.), на котором представители Самары и Симбирска отсутствовали, осудил тактику частных экспроприаций, рекомендовал «широкую политику» массового и индивидуального террора. В октябре 1907 г. Поволжский областной комитет, получив в свое распоряжение значительную сумму денег, выпустил 141 800 экземпляров прокламаций, возобновил издание газеты «Деревня». Лучшими в Поволжской области считались Тамбовская и Пензенская организации. В апреле 1908 г. членов Областного комитета арестовали, а его функции перешли к Пензенскому комитету⁹. В 1907–1908 гг. в Поволжской области весьма активно проявляла себя Всероссийская судоходная организация партии социалистов-революционеров, имевшая свои отделы в Саратове, Царицыне, Казани, Астрахани и издававшая газету «Маяк».

В Казанские социалисты-революционеры осенью 1907 г. восстановили разрушенную в середине года группу партии, которая основные усилия сосредоточила на агитации в губернском городе. В середине 1908 г. организация эсеров Казани ослабла, ее «почти не было» Оренбургский комитет в 1907–1908 гг. имел типографию, издавал газету, агитировал рабочих и солдат. В дальнейшем организации Казани и Оренбурга себя ничем особенным не проявляли.

Избранный в 1907 г. на общегородской конференции Астраханский губернский комитет имел в своем составе значительное число рабочих, активно агитировал рабочих и интеллигенцию. В губернском городе к 1908 г. имелось 11 партийных групп рабочих, в которых числилось 325 рабочих, кроме того существовало несколько интеллигентских кружков¹⁰.

Возглавляемая комитетом Пензенская городская организация, в 1907–1908 гг. имела «очень большую периферию», издала пять номеров «Известий Пензенского комитета» и «массу прокламаций»; в Пензе с «большим размахом» велась агитация учащейся молодежи; город был разбит на несколько районов, в которых велась также и интенсивная агитация рабочих; значительно менее активной была агитация крестьян¹¹. В последующие годы деятельность пензенских эсеров свелась к минимуму.

В Саратовской губернии в 1907–1908 гг. действовали организации Саратова, Аткарска, Вольска, Балашова, Камышина, Петровска, Сердобска и Царицына. Арестованный в середине 1907 г. Саратовский городской комитет в 1908 восстановился и приступил к «вялой» агитации в трех районах; число членов городской организации по сравнению с первой половиной 1907 г. значительно уменьшилось. В 1907 – первой половине 1908 гг. все эсеровские уездные группы Саратовской губернии вели активную агитацию, создавали братства, группы учащихся и рабочих, но со второй половины 1908 г. почти все они прекратили существование. «Очень хорошо», по словам представителя областной организации, в 1907–1908 гг. действовал Царицынский городской комитет, который обладал типографией и регулярно выпускал прокламации, в городе насчитывалось до 3000 членов. В 1909 г. количество членов

Царицынской организации стремительно сокращается, и уже в 1910 г. ее агитация была минимальной. В деревнях Саратовской губернии агитацию в 1907 – 1908 гг. вели партийные крестьяне; просьбы послать пропагандистов-интеллигентов в деревню губернский комитет «за полным безлюдьем» удовлетворить не мог¹². Начиная с 1911 г., как в Саратове, так и в уездных городах, действовали одиночки. С началом Первой мировой войны эсеры Саратова позиционировали себя последовательными оборонцами; в конце 1915 г. создали два рабочих кружка, но о восстановлении губернской и городской организаций даже не помышляли¹³.

Численность Самарской организации эсеров с весны 1907 г. стремительно уменьшалась; к концу года прекратили существование почти все уездные группы и большая часть крестьянских организаций. В губернском городе эсерам удалось выпустить считанное число воззваний. К тому же обострилась рознь между руководством организации и склонным к экспроприациям «рабочим центром», который, в конце концов, был распущен. Партийное «Знамя труда» отмечало в конце 1907 г.: в Самаре «почти ни души нет»¹⁴. На собрании пяти активистов-эсеров губернского города 11 мая 1908 г. было решено сосредоточиться на легальной работе в профсоюзах и прекратить «нецелесообразную командировку агитаторов в деревню». Представитель Поволжского областного комитета партии эсеров говорил на I Общепартийной конференции (август 1908 г.): «В Самаре организации разрушены»¹⁵. Вместе с тем самарские эсеры не отказались от террора. Во второй половине 1907 г. боевики-эсеры выслеживали губернатора В.В. Якунина, в ноябре того же года они планировали убийство офицера конвойной команды, 19 декабря 1907 г. эсер-террорист, столяр П.Д. Романов, смертельно ранил начальника Самарского губернского управления полковника М.П. Боброва. В 1909 г. связи организации губернского города с деревней были окончательно потеряны; городской комитет то распадался, то восстанавливался. К 1913 г. относительно активную агитацию эсеры вели лишь на Трубочном заводе. В годы Первой мировой войны организация Самары насчитывала от 15 до 20 активных членов. Единства по важнейшим вопросам среди них не было. В

апреле 1916 г. семеро из них голосовало за «оборону от агрессора», восемь за «мир без аннексий и контрибуций»¹⁶. Связи с заграничным центром были случайными, с московской и петроградской организациями спорадическими, перспективы – туманными.

Третьеиюньский переворот первоначально никак не сказался на Симбирской организации эсеров. Она в почти прежнем объеме вела устную и печатную агитацию, в губернии активно действовали уездные группы. Продолжались и экспроприации; в 1907 г. члены организации ограбили восемь почтовых отделений и 17 винных лавок. Пытаясь ликвидировать «гангрену», комитет в ноябре 1907 г. запретил экспроприации. Дни симбирской организации оказались считанными, в конце 1907 г. она «была разрушена»¹⁷. Среди уездных городских организации Симбирской губернии относительно дееспособной до 1910 г. оставалась только Сызранская группа. В годы первой мировой войны эсеры Симбирска проявили себя последовательными «оборонцами» и решительно отказывались от нелегальной деятельности.

В первые годы думской монархии кадеты большинства губерний Среднего Поволжья и Заволжья сохраняли дееспособность. Казанская организация в 1908 г. издавала «Камско-Волжскую речь» и насчитывала в своих рядах около 700 человек, в том числе в губернском городе – более 400; значительно ослабла Саратовская организация партии народной свободы¹⁸; самарская организация кадетов оставалась довольно многочисленной, хотя энергией не отличалась. В 1909 г. в Самаре насчитывалось 368 кадетов, в Бузулукском уезде – 35, Новоузенском – 16, Бугурусланском – 11, Ставропольском – 7, Бугульминском – 7, Николаевском – 4, Самарском – 1. Однако внутри организации назрел конфликт, в результате которого губернский комитет раскололся, из его состава вышло 9 человек. В IV Государственную Думу самарские кадеты провели только одного своего депутата¹⁹.

Со второй половины 1909 г. все организации партии народной свободы в регионе теряли и влияние, и энергию, и сторонников; и в Саратовской, и в Симбирской губернии кадеты фактически прекратили существование, действовали одиночки.

Органы политического сыска отмечали, что в Саратове деятельность кадетов «как бы замерла», в Симбирске «организации нет». С началом Первой мировой войны кадеты Среднего Поволжья и Заволжья восстановили организации, активно участвовали в земских и городских союзах, в Саратове создали Народный университет с отделениями в уездных городах. В октябре 1915 г. состоялись областной съезд (в Саратове) и областная конференция (в Самаре) кадетов Поволжья, на которых присутствовали представители Самарской, Симбирской и Саратовской организаций. На этих форумах было решено максимально содействовать победе в войне, добиваться создания «ответственного министерства», вести борьбу с бюрократией, считать газету «Волжский день» органом организаций всего Поволжья²⁰.

Кадеты Самары в годы Первой мировой войны восстановили партийную организацию и губернский комитет, который возглавили Н.А. Гладыш, А.Г. Елшин, А.Н. Букейханов и В.А. Кутышев, издавали газету «Волжский день», участвовали в областных съездах, в Земгоре, в ВПК, в потребительских обществах, в комитетах оказания помощи раненым, семьям запасных и т.п. В первый год войны самарские кадеты выступали с лозунгами обороны Родины. Затем их позиция изменилась. В октябре 1915 г. они требовали назначения «ответственного министерства», призывали к борьбе с бюрократизмом, распространяли слухи об измене в верхах, неспособности властей преодолеть трудности и довести войну до победного конца, приветствовали произнесенную П.Н.Милоковым 18 ноября 1916 г. в Государственной Думе антиправительственную речь. Саратовские кадеты с 1915 г. на собраниях все чаще говорили о неизбежности революции. По данным губернского жандармского управления в декабре 1915 г. в Саратове насчитывалось 20 кадетов. Член ЦК партии Н.А. Гродескул говорил, что в Царицыне в то время ему удалось найти всего двух кадетов. Несколько оживились саратовские кадеты только в январе 1917 г.²¹

Саратовские, симбирские и пензенские октябристы между избирательными кампаниями в III и IV Государственные думы концентрировали внимание на городских думах, где было немало их сторонников, а также на земстве. Рядовые октябристы

Саратова во второй половине 1907 г. обвиняли партийные «верхи» в бездеятельности; на собрание 14 декабря 1908 г. из 300 бывших октябристов губернского города пришли только 19; правда, на собрание 25 декабря 1909 г. явилось почти 70 октябристов. Также обстояли дела и в Симбирске, где октябристов «можно было пересчитать по пальцам»²². В 1911 г. Симбирской отдел «Союза 17 октября» практически прекратил существование.

Несмотря на то, что численность Самарской губернской организации октябристов к осени 1907 г. сократилось примерно до 200 человек, она сохраняла дееспособность, ее члены занимали ведущие позиции в земстве и в городской думе. В III Думу самарские октябристы провели 11 депутатов. Осенью 1912 г. организация «Союза 17 октября» Самары раскололась на сторонников Я.И. Чекмарева (около 35 чел.) и И.С. Клюжева (15 чел.)

Ожилились октябристские организации Среднего Поволжья и Заволжья на время выборов в IV Государственную думу. В Саратовской губернии они провели в Думу трех своих кандидатов, в Симбирской – одного, в Самарской – трех. В годы мировой войны октябристы региона стремились действовать солидарно с администрацией. Они играли видную роль в органах местного самоуправления, Земском и Городском союзах, Военно-промышленном комитете и т.д. Внутривнутрипартийная деятельность их в 1914–1916 гг. была мизерной. Как всероссийская организация «Союз 17 октября» к 1916 г. прекратил существование.

Организации консерваторов Среднего Поволжья и Заволжья в годы думской монархии, несмотря на многочисленные расколы, сохраняли устойчивость. В конце 1907 – начале 1908 г. в Саратовской губернии насчитывалось 14 225 правых, в Пензенской – 624, в Самарской – 500; Симбирский отдел Союза русского народа в конце 1907 г. объединял около 200 членов, а в конце этого года сообщал о том, что членов отдела в губернии «мало». В конце 1915 – начале 1916 гг. в Саратовской губернии было 1 584 правых, в Пензенской – 145. По Симбирской и Самарской губерниям сведения отсутствуют²³. Правые с воодушевлением восприняли указ 3 июня 1907 г., но желали

также, чтобы император ликвидировал Государственную думу. Тем не менее, они деятельно участвовали в выборах в III Думу. От Саратовской губернии в Думу был избран председатель губернского отдела Союза русского народа Э.А. Исаев. Впрочем, составом и деятельностью этой Думы правые были недовольны, полагая за лучшее разогнать ее. Консерваторы Саратова и Самары на регулярных многочисленных собраниях, резко критиковали власть. Особенно неистовствовали лидеры Саратовского и Царицынского отделов, епископ Гермоген и иеромонах Илиодор. В 1908 г. губернатор С.С. Татишев докладывал П.А. Столыпину о том, что в его присутствии Гермоген на проповеди «резко порицал правительство вообще и представителей власти в частности»²⁴. Консерваторы Симбирска и Пензы в основном ограничивались адресами и телеграммами на высочайшее имя.

В Самаре на устраиваемые отделом Союза русского народа собрания в 1907 г. являлось до 800 человек; отделы Союза в 1907 г. были созданы в Мелекесе и Балаково. С 1908 г. деятельность самарского отдела Союза русского народа пошла на убыль; не помогло и избрание почетным членом организации вице-губернатора С.П. Белецкого. Численность организации сократилась до 200 человек, она раскололась на две части; одна, во главе с С.П. Шустовым сохранила прежнее наименование, другая, во главе с Н.В. Шишкановым, стала называться «вторым отделом Союза русского народа имени святителя Алексия». Собрания обоих отделов проходили эпизодически и собирали незначительное число участников.

В годы Первой мировой войны консерваторы Среднего Поволжья и Заволжья стояли на ярко выраженных патриотических позициях, организовали несколько совещаний сторонников монархии, на одном из которых (Саратов, 27–29 августа 1915 г.) присутствовали делегаты отделов девяти городов, в том числе Саратова, Вольска, Аткарска. Представители отделов Самары и Саратова участвовали в совещании уполномоченных правых организаций в Нижнем Новгороде (26–29 ноября, 1915 г.)

Саратовские консерваторы в годы войны регулярно проводили собрания, на которых, в частности, говорили о том, что немцы «через своих шпионов, жидов и революционеров хотят

посеять в государстве смуту, рассорить царя с народом», нападали на кадетов и октябристов²⁵. Ежедневная газета правых «Волга» рассылалась во все губернские отделы консервативных организаций. В 1916 г. консерваторы Саратовской губернии утратили широкую поддержку. Товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий отмечал 8 февраля 1916 г.: «...самодеятельность монархических организаций в Саратовской губернии вообще ничем не проявляется и на население никакого влияния не имеет, а сами монархические организации находятся почти в полном упадке»²⁶. Самарский отдел имени святого Алексия в годы первой мировой войны прекратил существование. Правые организация Самарской губернии агитировали за защиту отечества и почти все средства тратили на помощь раненым воинам и членам семей солдат. Их представители приняли участие в ряде совещаний Поволжских организаций Союза.

В годы думской монархии в Среднем Поволжье и Заволжье были представлены все основные всероссийские политические партии; наиболее многочисленными и деятельными в регионе были консервативные организации. Все партийные объединения располагались в первую очередь и главным образом в крупных городах; на агитацию в городах они направляли почти всю свою энергию; в селах и деревнях малозаметную спорадическую агитацию вели только эсеры и правые. Количество партийных организаций, их численность, размах агитации, влияние в политической жизни Среднего Поволжья и Заволжья неуклонно сокращались, достигнув минимума в конце 1916 – начале 1917 гг.

Библиография

¹ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.469. Оп.1. Д.76.

² *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. С. 82.

³ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т.41. С.10.

⁴ *Кузнецов В.Н.* Политические партии в Среднем и Нижнем Поволжье в 1907 – начале 1917 гг. Ульяновск, 2007. С. 93, 99.

⁵ *Максимов Е.К., Тотфалушин В.П.* Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов, 2007. С.86–88.

⁶ *Рутберг Г.Н.* Самарские большевики в годы реакции и нового революционного подъема (1907–1914 гг.). Куйбышев, 1961. С. 65–68; Красная быль. Самара, 1922. С 41–43.

-
- ⁷ История Самары: От воеводского управления до Губернской Думы. Самара, 2011. С.209.
- ⁸ Кузнецов В.Н. Политические партии в Среднем и Нижнем Поволжье в 1907 – начале 1917 гг. С.94, 99.
- ⁹ Протоколы Первой Общепартийной конференции П.С.-Р., Париж, 1908. С.42, 43.
- ¹⁰ Там же. С. 43, 45.
- ¹¹ Там же. С.43.
- ¹² Там же. С. 44.
- ¹³ Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Указ. соч. С.85–86.
- ¹⁴ Знамя труда. Париж, 1907. №8. С.12.
- ¹⁵ Протоколы... С.43.
- ¹⁶ ЦГАСО. Ф.469. Оп.1. Д.1875. Л.140, 156; там же. Д.2206. Л.42–43.
- ¹⁷ Протоколы... С.42.
- ¹⁸ Седугин В.И. Кадеты Поволжья в начале XX века (1905 – март 1917 гг.) Новомосковск, 1998. С.8–9.
- ¹⁹ ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.1390.
- ²⁰ Седугин В.И. Кадеты Поволжья в начале XX века. С.10–12.
- ²¹ Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Указ. соч. С.83–84.
- ²² Симбирянин. Симбирск, 1909. 23 сентября.
- ²³ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России... С. 80.
- ²⁴ Волга. Саратов, 1914. № 9–10. С.50.
- ²⁵ Правые партии. 1905–1917: Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М., 1998. С.443.
- ²⁶ Там же. С. 675.

ПОЧЕПСКИЙ РЕФЕРЕНДУМ, ИЛИ КАК УКРАИНА СТАРОДУБЩИНЫ ЛИШИЛАСЬ

Я.В. Леонтьев

*Прим.: в журнальной версии текст статьи был
ранее опубликован в электронном вестнике
«Государственное управление»¹*

В 1918 г. Украинская держава гетмана П.П. Скоропадского не досчиталась четырех северных уездов Черниговской губернии с населением в 800 тыс. человек. Во многом это было предопределено «антибрестской» повесткой, которую активно продвигали преобладавшие в этом регионе левые социалисты-революционеры.

После воссоединения Малороссии с Россией в 1654 г., все левобережье Днепра, в том числе юго-западные земли нынешней Брянщины, в административном и военном отношении были разделены на полки и сотни. Одним из самых крупных малороссийских полков был Стародубский утвержденный как самостоятельный в 1663 г. В его состав входили 10 сотен (Стародубская, Мглинская, Почепская, Погарская и др). В 1781 г. в соответствии с административно-территориальной реформой Екатерины II деление на полки и сотни было заменено делением на уезды и наместничества (с 1796 г. – губернии). С 1802 г. Стародубщина, из которой были образованы Мглинский, Новоместский (позднее – Новозыбковский), Стародубский и Суражский уезды, более чем на сто лет вошла в состав Черниговской губернии.

Для напоминания о ситуации, в которой оказалась Украина после отстранения от власти Скоропадского, опиравшегося на германские штыки Центральной рады и правительства Украинской народной республики (УНР), процитирую выступление украинского левого эсера Анатолия Романовского из Черниговской губернии на III съезде партии

левых эсеров (далее – ПЛСР) в Москве 29 июня 1918 г. Он, в частности, сообщил: «После Киевского переворота, когда на Украине появляется Скоропадский, наше положение изменилось, потому что наши слова оправдались, когда мы всем старались открыть глаза, что такое Украинская Рада и к чему она приведет нашу Украину. Вот в то время мы пошли в села и нас везде встречали с радостью. Первые наши указания были, что необходимо всеукраинское восстание и сейчас у нас уже подготавливается работа по общему украинскому восстанию. Относительно отношения к другим партиям. Большевики с уходом Советской власти прекратили работать в Черниговской губернии; это указывает на то, что они могут работать только тогда, когда нет особенных препятствий и не угрожает особенная опасность, а когда надвинулись гайдамацкие и немецкие полчища, то они все бросили и ушли. Теперь наша главная работа – это подготовка к восстанию. Работают там социалисты- революционеры и группа анархистов, которые и подготавливают восстание, которое должно уже скоро разразиться; и мы прикладываем все силы, чтобы восстание не было частично, а было непременно организовано. О немецких и гайдамацких зверствах я не буду говорить, потому что аналогичный доклад сделан уже товарищем из Белоруссии.

Относительно Брестского договора широкие массы не имели представления, это объясняется тем, что на Украине Брестский договор двоякий – с одной стороны, украинский, а с другой – великорусский. И вот теперь только они сознали свою ошибку, что они поддерживали договор и думали, что немцы придут и будут спасителями, а теперь они увидели, что немцы берут последнюю курицу и теперь дело дошло до того, что каждый богатый житель согласен каждую минуту идти на восстание».²

Романовский представлял на партийном съезде занятый немцами Конотопский уезд. На открывшийся 4 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов прибыли 17 делегатов от четырех северных, не оккупированных уездов Черниговской губернии. Девять из них представляли ПЛСР, семеро были коммунистами, один принадлежал к еврейской партии «Поалей Цион». Один из добравшихся до Москвы участников Черниговской делегации

был представителем древнего Новгород-Северского, который с апреля по декабрь 1918 г. находился в руках кайзеровских войск. К этому моменту не оккупированные уезды представляли собой территориальную общность с центром в местечке Почеп (город с 1918 г.) Мглинского уезда, где находилась железнодорожная станция на линии Брянск – Унеча.

Современный областной центр Брянск относился тогда к Орловской губернии. Сам Почепский район охватывал население в сто тысяч жителей. Здесь существовал районный Совдеп и здесь же проходили областные съезды советов. Четыре уезда – Мглинский, Новозыбковский, Стародубский и Суражский позиционировали себя областью. К числу других крупных населенных пунктов относились заштатные города Клинцы, Погар, железнодорожный узел Унеча (ныне города Клинцы, Мглин, Новозыбков, Стародуб, Сураж и Унеча, а также поселок городского типа Погар – в Брянской области) и Середина-Буда (город с 1964 г., на границе Сумской области Украины и Брянской области РФ).

Утративший статус города в 1781 г. Почеп являлся одним из древнейших центров Северщины, известным с середины XV в. Он получил известность в связи с кровопролитными боями в ходе его осады в сентябре 1607 г. Лжедмитрием II, в качестве Почепской волости – центра обширных владений А.Д. Меншикова. В 1750 г. Елизавета Петровна пожаловала город гетману К.Г. Разумовскому, построившему здесь дворец, архитектором которого был Ж.-Б.М. Валлен-Деламот, и величественный Воскресенский собор – творение А. Ринальди. Почеп был родиной поэта А.М. Жемчужникова (одного из четырех скрывавшихся под литературной маской Козьмы Пруткова) и знаменитого композитора М. Блантера. В 25 км от Почепа находится село Красный Рог – усадьба А.К. Толстого, где им был создан ряд известных произведений, включая роман «Князь Серебряный» и драмы «Царь Федор Иоаннович». В 1887 г через Почеп прошла Полесская железная дорога Гомель – Брянск, что обеспечило его преимущественное развитие по сравнению с уездным центром – Мглином.

18–19 февраля 1918 г. на совместном районном съезде Советов Мглинского, Суражского, Стародубского и Новозыбковского уездов, который проходил в Унече, было принято постановление об их объединении в связи с неприятием политики киевской Центральной Рады и вводом германских войск в пределы Украины. К лету 1918 г. председателем являвшегося высшим органом власти в северных уездах Черниговской губернии Областного исполкома Советов был левый эсер Георгий Федорович Коваленко, в прошлом член РСДРП с 1911 г.

Согласно анкете одного из участников Черниговской делегации на V Всероссийском съезде Советов, левого эсера П.А. Кошечко, в облисполкоме к началу июля было 60 представителей ПЛСР, 35 коммунистов и пятеро беспартийных.³ Из анкеты другого делегата – коммуниста З.П. Семененко от Почепа – следует, что в районном Совете на 30 левых эсеров приходилось 25 коммунистов-большевиков.⁴ Сохранившиеся в фонде ВЦИК делегатские удостоверения были отпечатаны на пишущей машинке на бланках Исполнительного Комитета Областного Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов.⁵

Согласно сведениям, сообщенным на IV съезде ПЛСР в Москве левым эсером с Черниговщины Флигельманом 4 октября 1918 г., в Мглине количество партийных рядов до московских событий 6–7 июля составляло 200 зарегистрированных членов ПЛСР, в Стародубе – 30 человек. (Для сравнения осенью, согласно докладом с мест на 1-й Черниговской губернской конференции КП(б)У, в Мглине было 46 коммунистов, в Стародубе – 45⁶) Причем левые эсеры во главе с военкомом контролировали местные отряды Красной армии и, как уже было показано, имели большинство мест в областном исполкоме и уездных Советах. По словам оратора, крестьяне одобрили выступление левых эсеров в Москве, нацеленное на срыв Брестского мира, и волостные съезды провозглашали: «Да здравствует убийство Мирбаха, да здравствует партия левых с.-р.». Свое выступление на октябрьском съезде Флигельман закончил словами: «Если мы будем работать с правильной оценкой дела, ЦК нашей партии будет больше прислушиваться к голосу низов (ибо до сих пор

ничего не делали), то увидим, что Черниговская организация будет представлять из себя сильную опору нашей партии, ибо крестьяне нам сочувствуют и пойдут за нами».⁷

К сказанному им можно добавить факт формирования в Унече повстанческого Богунского полка под командованием Н. Щорса. Сам Щорс также был тесным образом связан с левыми эсерами, присутствовал в качестве гостя на V Всероссийском съезде Советов с мандатом, подписанным М. Спиридоновой, а штаб Богунского полка почти поголовно состоял из левых эсеров.

Сразу после убийства посла Мирбаха Коваленко и другие левозсеровские делегаты с Черниговщины были арестованы в Большом театре, но вскоре освобождены и вернулись на места. Перейдем теперь к рассмотрению итогов состоявшегося вслед за Всероссийским съездом Советов Областного съезда четырех уездов 16–17 июля. По докладу того же Флигельмана (на тот момент члена ВЦИК) и выступлениям четырех местных представителей по текущему моменту, в связи с переговорами в Киеве между председателем Всероссийской мирной делегации Х.Г. Раковским и внешнеполитическим ведомством Украинской державы П.П. Скоропадского, было принято решение об их вхождении в состав РСФСР.

Приведу целиком данное постановление:

«Обсудив вопрос о политическом моменте в связи с мирными переговорами, ведущимися в городе Киеве представителями Всероссийской Социалистической Федеративной Советской Республики, с одной стороны, и Украинской Державой – с другой стороны, и заслушав доклады по этому вопросу, из которых выяснилось: 1) что правительство авантюриста Скоропадского всеми силами настаивает на присоединении 4-х северных уездов Черниговской губ., основываясь на том, что будто бы население этих уездов изъявило само желание войти в состав самодержавной Украины, 2) что власть трудового рабоче-крестьянского правительства со всех сторон окружена в этот момент тесным кольцом контр-революции и врагов трудового народа, областной съезд Советов 4-х северных уездов Черниговской губ., не занятых неприятелями, вынес следующее решение:

1) Ввиду того, что трудовой народ видит в присоединении к Украине полную гибель всех социальных завоеваний рабоче-крестьянской революции, видит мертвую петлю, которая наглухо и, может быть, надолго затянет и удавит трудовой народ, мы считаем, что только присоединением к Российской Социалистической Федеративной Советской Республике мы можем спасти и удержать за собой все то целое и великое завоевание трудового народа, великое завоевание, которое добыто путем великих жертв и пролитой крови, и которое только одно может обеспечить залог счастья и святой жизни, и в будущем привести к торжеству Интернационала и полного социализма, а потому мы, областной съезд Советов, всецело высказываемся за присоединение в политическом и территориальном отношении 4-х северных уездов Черниговской губернии – Стародубского, Мглинского, Суражского и Новозыбковского – к Великороссии, где существует социалистическая власть, власть трудового народа. Кроме того, выносим категорический протест против притязания германо-украинского правительства на насильственное присоединение нас к Украине и считаем все заявления о нашем якобы желании присоединиться к Украине ложными и провокационными, так как мы никого не уполномочивали от нас делать такие заявления.

Просим Совнарком принять к сведению эту резолюцию, как основанную на воле всего трудового народа наших уездов, выявленную путем референдума.

2) Несмотря на великие и серьезные бедствия, грозящие со всех сторон Советской власти в этот тяжелый исторический момент, мы все же верим в силу и ничем не преодолимую мощь и разум трудового народа, которому здравый смысл, как светоч ясно, укажет правильную дорогу к утверждению полной власти трудового народа, и за эту власть мы будем бороться до конца. Всех рабочих и крестьян всего мира призываем к дружной и энергичной борьбе с капиталом и насилием, к борьбе за власть Советов.

Да здравствует присоединение 4-х северных уездов Черниговской губ. к Великороссии!»⁸

Главе советской делегации на переговорах в Киеве Х.Г. Раковскому съезд в Почепе направил телеграмму следующего содержания:

«Телеграмма

Киев. Представителю Российской мирной делегации тов. Раковскому.

Областной съезд Совдепов 4-х северных уездов Черниговской губ., основываясь на результатах референдума среди крестьянства указанных уездов, категорически протестует против насилия украинско-германского правительства, вылившегося в требовании присоединения 4-х уездов к Украине. Съезд заявляет, что трудовой народ наших уездов братскими узами связан с передовым народом Российской Советской Федеративной Республики, в силу чего трудовое население уездов изъявило желание присоединиться всецело к Великороссии, и поэтому предлагает настойчиво германо-украинскому правительству не творить насилие и не настаивать на присоединении 4-х северных уездов к Украине и принять к сведению, что все попытки в этом направлении будут напрасны и излишни, так как весь народ 4-х северных уездов будет бороться против насильственных притязаний»⁹.

Высшим органом власти в северных уездах съезд признал временный облисполком из семи человек в составе: два человека от съезда, по одному – от каждого уезда и одного – от «армейского Совдепа». (Тут же от съезда были избраны председатель Почепского Совета, коммунист И. Хоботько и левый эсер Г. Коваленко.) «Квартирование» облисполкома было определено в Почепе при районном Совдепе. В дальнейшем Хоботько и Коваленко поделили обязанности так: первый из них встал во главе исполнительной власти в лице временного Военно-революционного комитета, а второй остался председателем облисполкома. Но отношения между РКП (б) и ПЛСР становились день ото дня напряженнее. На VI съезде советов Почепского уезда 11–12 сентября, после выступления докладчика от фракции коммунистов Левина с выпадами против левых эсеров, были открыты прения. Избранный одним из четырех товарищей председателя съезда Г.Ф. Коваленко оправдывал действия ЦК ПЛСР в отношении убийства Мирбаха и приводил в заслугу левым эсерам на Украине теракт против Эйхгорна. Он подверг критике принятые дополнительные условия Брестского мира и комбеды, заявив, что «комитетов

бедноты организовывать» на Черниговщине не нужно, «ибо эти уезды являются потребляющими».¹⁰

Согласно протоколу мандатной комиссии, в съезде участвовали 115 делегатов, 74 из которых принадлежали к коммунистам и сочувствующим им, 21 – к левым эсерам и сочувствующим и 20 – к беспартийным. Часть левых коммунистов, по-видимому, поддержала левых эсеров, так как при голосовании резолюция большевиков прошла 66 голосами против 56.¹¹ Недовольная результатами перевыборов в уездный исполком фракция ЛСР покинула зал заседания.

В IV съезде ПЛСР, открывшемся в Москве 2 октября, кроме, упомянутого Флигельмана, принимал участие второй делегат от четырех северных уездов Луков, избранный одним из секретарей партийного съезда. Их однопартиец Коваленко представлял Мглинский уезд на Чрезвычайном VI Всероссийском съезде Советов, приступившем к работе 6 ноября 1918 г. Хотя доминирующее влияние левых эсеров постепенно утрачивалось, но запущенный ими процесс уже оказалось невозможно остановить.

После прихода «второй Советской власти» на Украину, постановлением НКВД от 9 июля 1919 г., северные уезды Черниговской губернии были переданы в состав новообразованной Гомельской губернии РСФСР, а в 1923 г. переданы новообразованной Брянской губернии, просуществовавшей с 1920 по 1929 год. Позже эти районы входили в состав Западной области РСФСР, затем – Орловской области, а в послевоенный период окончательно вошли в состав Брянской области.

Библиография

¹ Леонтьев Я.В. Как Украина Стародубщины лишилась [Материалы круглого стола «Война, революция, Украина»] // Государственное управление: Электронный вестник. 2014. № 47 (декабрь). С. 461–467. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2014/vipusk_47_dekabr_2014_g/rezenzii_referati_obzori/materialy_kruglogo_stola_voina_revoljutsiya_ukraina.pdf

² Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы / сост. Я.В. Леонтьев, М.И. Люхудзаев. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. Ч. 1. С. 265.

³ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 4. Д. 43. Л. 60.

⁴ Там же. Д. 46. Л. 82.

⁵ Там же. Д. 53. Л. 222, 230.

⁶ Борьба трудящихся Черниговщины за власть Советов (1917–1919 гг.): сборник документов и материалов. Чернигов, 1957. С. 245–246.

⁷ РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 5 (готовится к публикации в книге: Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы / сост. Я.В. Леонтьев, М.И. Люхудзаев, Д.И. Рублев. Т. 2. Ч. 2).

⁸ Борьба трудящихся Черниговщины за власть Советов (1917–1919 гг.): сборник документов и материалов. С. 119–120.

⁹ Там же. С. 120.

¹⁰ Там же. С. 130.

¹¹ Там же. С. 131.

**КРИЗИС ЭВРИСТИКИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ,
ИЛИ: РОССИЯ, ВПЕРЕД!.. НАЗАД!..
КУДА?..**

Д.И. Люкшин

Политические конвульсии, вооруженные конфликты и перманентный экономический коллапс, характеризующие состояние геополитического пространства, за неимением лучшего именуемого «постсоветским», по своим масштабам и последствиям сильно напоминают положение дикарей на «Острове невезения»¹, в том смысле, что никак не удастся найти «понедельник», ликвидация которого опосредует наступление процветания.

Спору нет, подвижки геополитических платформ; калейдоскоп внешних и внутренних вызовов затрудняют восприятие и истолкование векторов и равнодействующих, определяющих формат дискурса постновейшей отечественной истории (строго говоря, пока еще и не истории-то, а, например, будущей российской истории... скажете: так не бывает? еще как бывает: Сталин и Великая Отечественная война – это не хрущевский коммунизм, это именно, что дискурс, созданный на пустом месте и «на вырост» – учение, мечта, если хотите...).

Однако, в духе добросовестного постмодерна, (выступающего ныне в виде эдакой поллюции гуманитарных дискурсов: в том смысле, что говорить об этом не принято, но пережить – необходимо), – где любому ответу можно подобрать более или менее пристойное вопрошание, – простительно задаться вопросом о точке зрения, из которой предполагается обозревать наследство Советского Союза.

Очевидно, что ретроспекция в данном случае предпочтительнее, однако с позиции профессиональной этики единственно возможной формой пока может быть только хронология. Проблема на самом деле не в этом: даже если игнорировать правила хорошего тона, взгляд на советскую

историю из «сегодняшнего дня» невозможен, поскольку имени у «нашего сейчас» нет, – время танцора...

А коли нет ответа, так деформируется и социально-философская функция вопроса. Обретя характер риторического, он начинает жить своей жизнью, освободившись от принудительной обязанности, выступать преддверием ответа, наполняется собственным смыслом, который – вот беда – не читается в контексте актуального тренда. Как и предупреждал Ж. Лакан: смыслы открываются завтра. Но кому нужны вчерашние смыслы...

Из этого затруднения, собственно говоря, три выхода: два правильных и один эффективный. Первый выход: отказавшись от дилетантских попыток истолкования ограничиться сбором фактов и их сохранением²; второй – оставаясь в рамках хронологического подхода, интерпретировать повороты и изгибы в российской политике. Но пока по дискуссионному полю бродит «призрак русского империализма»³, – единственным выбором остается констатация либо возрождения российской/советской империи, либо зарождения еще чего похуже.

Эта малоплодотворная идея конкурирует разве что с не менее спорной гипотезой генезиса национальной государственности⁴, значение которой (как с позиции онтологии, так и евроатлантической гносеологии) переоценивать тоже не следует, поскольку «у руководства России стоят циничные прагматики, занятые удержанием собственной власти и не интересующиеся воплощением в жизнь евразийских мечтаний»⁵.

Теперь обратимся к эффективному способу решения задачи: созданию пространства для ретроспективных наблюдений. Вскрытие причин, направивших советскую историю, несомненно, необходимо для определения заданного вектора и – посредством соотнесения его с конечным результатом – вычисления погрешности. Здесь очевидная невозможность практической реализации задачи обуславливает, – при сохранении потребности, – генезис некоей виртуальной площадки (назовем ее воображаемой империей, или республикой будущего (можно – утопией, на самом деле – не важно), опора на которую и позволит оглянуться назад, выверяя действия

советского руководства по лекалам современного тренда. Небольшая проблема состоит в том, что содержание тренда, мягко говоря, остается неочевидным. Это обстоятельство играет решающую роль при определении характера современных политических режимов на постсоветском пространстве, позволяя говорить о сохранении, в определенном смысле, его единства.

Наиболее известной (у нас, во всяком случае) попыткой такой футуристической симуляции стала идея конца истории, высказанная Ф. Фукуямой в эссе «Конец истории?», опубликованном в журнале “The National Interest” в 1989 г.⁶ Обретение, – хотя бы иллюзорное, – статичной площадки, дало исследовательскому сообществу возможность развернуть аргументацию теории транзита, что позволило описывать и сравнивать характер и содержание политических процессов на постсоветском пространстве. Истощение, – к сегодняшнему моменту, – эвристического потенциала транзитологии никак не может помешать (а скорее, даже стимулирует) синтезу нового концепта, позволяющего, приняв во внимание опыт последней четверти века, отдать хрущевский период на растерзание историкам, и ревизовать логико-семантический комплекс, призванный объяснить содержание постсоветского периода, как в мировой истории, так и в региональных кейсах. Ничего другого все равно, кажется, не остается. Думается, что советский, и не только, исторический урок о бессмысленности оргвыводов для мобилизации исследовательского потенциала к настоящему моменту усвоен элитами и исследователями, и это избавит транзитологию и смежные дисциплины от конспирологической параной и упреков в злокозненной некомпетентности.

Вместе с тем, во втором десятилетии третьего тысячелетия «Эры милосердия» приходится вновь констатировать проблематичность политической идентификации и самоидентичности в Восточной Европе и Азии⁷; и пока единственным способом преодолеть кризис идентичности остаются так называемые политические учения (логичная и рациональная презентация социально-политической утопии, позволяющая увидеть будущее), на пути к тем самым терниям, за которыми звезды, люди обречены защищать свои ветряные мельницы, и одновременно пытаться разрушить соседские.

Процедура, к слову сказать, весьма увлекательная (соревнование двух систем – коммунизма и универсальной западной либеральной демократии – без малого весь XX в., генерируя иллюзию смысла жизни и фабрикуя образ врага, обеспечивало энергией движение мировой политики), но, к несчастью, очень опасная, – ошибка в сценарии Второй мировой войны обернулась полусотней миллионов трупов и крахом принципа государственного суверенитета (барьера, разделявшего элиты и простых людей), что перекладывая тяготы бытия на плечи подданных, освобождал правителей от персональной ответственности за результаты принимаемых ими решений⁸.

К тому же, за годы brutального противостояния противники настолько сроднились, что по отдельности, без опоры друг на друга, существовать уже не смогли. Даже когда Советский Союз, надорвав силы в битве за урожай, доживал последние дни, для борцов с коммунизмом дело оборачивалось не самым лучшим образом: либо признать диссидентов агентами империализма, а Перестройку – заговором «врагов народа», либо согласиться с тем, что сталинский социализм не был тоталитарным извращением и мотивация бескомпромиссной борьбы с ним была избыточной. Собственно говоря, ревизионистская утопия Ст. Коэна⁹ о возможности реформирования СССР до стадии нормального государства, представляла собой попытку мобилизации гегелевской диалектики для решения задач насущной политики, а объектом его ревизии мыслился сделанный И.В. Сталиным вывод о «полном» построении социализма в СССР, то есть таком, при котором ревизия социализма «изнутри» исключалась. Впрочем, гегельянство еще никого до добра не доводило (а уж превзойти с его помощью Генералиссимуса – дело и вовсе безнадежное), и «ревизионисты кончили там же, где и начали, но и «большинство западных комментаторов», – утверждавших, что попытка М.С. Горбачева была обречена, потому что: «СССР невозможно было реформировать», что он был «фундаментально, структурно не реформируемым»¹⁰, – не преуспели.

Оставшись без своего «Инь», роль которого исправно играла кремлевская Империя зла¹¹, поборники евроатлантической морали так и не справились со своим

внезапно высвободившимся «Ян», растеряв мессианский нимб в сербских руинах и афганских горах. В этом смысле нарочито наивный вопрос В.В. Путина («Вы хоть понимаете теперь, чего вы натворили?»), заданный на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, прозвучал реквиемом по уютному миру в «Конце истории»: все только начинается! Вот только бы разобраться, что означает это «Все» (ведь в русском языке этим сочетанием букв можно выразить и вселенскую гармонию, и конец света)...

Слов нет, гуманитарное знание, лишенное синоптической функции, не может (ему просто нечем) написать автопортрет социума в интерьере дня сегодняшнего, но, используя осмеянную ради когнитивного консенсуса деконструкцию, можно хотя бы сузить футуристический горизонт, исключив заведомо «непроходные» версии, и раз уж нет шансов выяснить, чем же на самом деле *является* постсоветское пространство, то хотя бы попытаться определить, чем оно *не является*. В этом смысле, не будет большого зла, коли мы вновь вспомним о Фукуяме, постулировавшем «завершение идеологической эволюция человечества»¹², – наверное, пока преждевременно говорить об исчерпании вариантов содержания рациональной утопии для социальной мобилизации, но за последние четверть века новых идеологических доктрин и впрямь не появилось.

В связи с чем позволительно высказать гипотезу о конечном (пока) списке идеологем, доступных для социальной мобилизации на постсоветском пространстве. В редуцированно-практическом ключе это означает, что (если придерживаться строгой хронологии генезиса идеологий) учениями, не отривизованными марксизмом-ленинизмом, – а, следовательно, теми, которые еще могут быть использованы для мобилизации постсоветских обществ, являются разве что нацизм, фашизм и маоизм. Впрочем, маоизм, как инверсию переваренного «совком» марксизма, в расчет можно не принимать. А вот две другие версии в нашей стране табуированы, хотя и заманчивы. Причем, если нацизм запустить на постсоветском пространстве проблематично, то вот идеология корпоративного государства, производная от привычной советской этацентристской этики, но не отягощенная

набившим оскомину партийным контролем, вполне сгодится, тем более, что идеи корпоративного госсоциализма все еще близки и понятны большинству обитателей постсоветского пространства, причем вне зависимости от постулируемых ими ценностных ориентиров. Впрочем, даже если идея государства-корпорации де-факто и проникает в политическое пространство (начиная от персонального назначения на высшие административные должности и заканчивая эстетикой офицерских фуражек), она едва ли будет отрефлексирована и мобилизована, присутствуя на периферии подсознания акторов в качестве некоего «вытесненного», формируя травматическое ядро социума, снимать которое придется, однако, спустя какое-то время.

Поэтому в качестве промежуточного резюме можно констатировать отсутствие идеологической интенции, призванной обеспечивать динамику политического пространства постсоветского. Ну а поскольку задача формирования новой национальной идеологии, неоднократно ставившаяся постсоветскими элитами перед интеллектуальным сообществом, судя по всему, решена не будет¹³, постольку динамика постсоветского политического/социального/экономического пространства может быть обеспечена только трансцендентными источниками.

Сгодятся любые стимуляторы, от пограничных конфликтов до организационного обеспечения демографического взрыва. Иначе – стагнация, гниение, смерть. Небольшая проблема заключается в том, что, как и в ситуации любой зависимости, подсаженный на внешние раздражители социум требует постоянного увеличения дозы и утрачивает способность к самостоятельной систематической работе по обеспечению собственной политической гигиены (в смысле самоочистки, воспитания, нравственности и т.п.), – этот рефлекс, заливаемый потоком синтетических эндорфинов, атрофируется. Если же ограничиться вопросом о технической возможности политехнологической стимуляции, то – после четвертьвекового эксперимента – очевидно, что речь может идти лишь об адекватности цены, которую общество готово заплатить за новые порции искусственной грезы.

Социум, пожалуй, может себе позволить выпасть из антропологического тренда, а вот элиты нет, они вынуждены хотя бы симулировать активность (нельзя пребывать в бездействии¹⁴), иногда даже в направлении, перспективы которого не видят... Ну вот, например, риторика Президента России на открытии 70-й ассамблеи ООН: «Ведь что такое государственный суверенитет, о котором здесь уже коллеги говорили? Это прежде всего вопрос свободы, свободного выбора своей судьбы для каждого человека, для народа, для государства»¹⁵, – позволяет предположить, что Путин всерьез допускает возможность обеспечить презентацию суверенитета личности средствами государственной власти, что с позиций современного гуманитарного права – призыв вернуться в позавчера (хотя, может быть, все же, – это оптимистическая версия, – во вчера).

Можно было бы надеяться, что это оговорка (в конце концов, забыли же на президентском портале выделить запятыми «прежде всего», – с кем не бывает... может и тут «косякнули»), однако развитие аргументации относительно соблазнов «у тех, кто оказался на вершине этой пирамиды»¹⁶, указывает на сознательный выбор, отражающий новые постсоветские тренд: разочарованные долгой неопределенностью и обеспокоенные тем, что европейский «транзит» и для них может оказаться «Дорогой на Схевенинген»¹⁷, постсоветские элиты (особенно в России), предприняли попытку ностальгической рецессии эстетических форм позднего советского периода. Как раз то, против чего предупреждал А.И. Солженицын: «Я с тревогой вижу, что пробуждающееся русское национальное самосознание во многих доле своей никак не может освободиться от пространнодержавного мышления, от имперского дурмана, советской державой", которая в эпоху чушки Ильича-второго только изглодала последнюю производительность наших десятилетий на бескрайние и никому не нужные (и теперь вхолостую уничтожаемые) вооружения, опозорила нас, представила всей планете как лютото жадного безмерного захватчика»¹⁸. Безусловно, проигрышный ход, поскольку синдром совковой ностальгии минимизирует и без того небогатый потенциал социальной легитимации российской

элиты, а рецепция административно-политических практик «застоя», может привести лишь к рецессии коллапса Девяносто первого года, – странно, что подобная перспектива не пугает ревнителей ГТО-шного бума. Не говоря уже о том, что на уровне массового сознания ремобилизация «совка» заблокирована горбачевским гротеском и ельцинской иронией: там, где нынешнему поколению постсоветских элит представляются поруганные идеалы и оскверненные святыни, второе поколение «дорогих россиян» видит разве что глупые условности и гробы повапленные. Никто не будет умирать за осмеянные ценности. Тем более, что возомнившие себя ревнителями нравственности и столпами преемственности политические акторы лично (пусть и не в первых рядах) участвовали в разграблении тех самых «святынь», на алтарь которых новое поколение должно положить свой живот¹⁹.

Налицо внутренний кризис идентичности, растерянность и потеря ориентации... А как же 25 лет реформ? Моральные страдания начала девяностых и жертвы нового русского капитализма в этом случае представляются бессмысленными. Дело осложняется тем, что внутренний кризис дополняется внешним, когда непонятные действия «наших» властей пугают внешних наблюдателей, которые, – тоже переживая кризис, – начинают неадекватно реагировать на происходящее, пугая друг друга и нас, неофашистским и неоимперским, националистическим и постимперским (причем одновременно) поворотом в российской внешней политике.

В этом контексте присоединение Крыма трактуется за пределами России, как очередной пункт уже давно воплощаемого в жизнь имперского плана. Ведь еще в 2005 г. Путин назвал распад Советского Союза величайшей геополитической катастрофой XX в., а в 2008-м «напал» на Грузию²⁰. Как считает голландский социолог Марсель ван Херпен²¹, следующими в имперском плане Путина должны стать страны Балтии и Польша²². Обнажив «имперский оскал» во внешней политике, «во внутренней политике российский президент также не проявляет характерного для него ранее прагматизма. Вместо того, чтобы играть роль арбитра между различными кланами и интересами, он все ближе подходит к

автократии. Его круг союзников и советников сократился до тех, кто полностью разделяет его идеи»²³.

Присоединение Крыма и последующие события «Донбасской драмы» вызвали в постсоветском пространстве нарастающую волну геополитической дисфункции, которая несет на своем гребне некую деформацию Потсдамского, если не миропорядка, то мировоззрения, открывая иллюзию для стран-аутсайдеров этого самого миропорядка. В конечном итоге, вне зависимости от интенции и формата российской активности, распространяемый Россией месседж превратно трактуется адресатами, – за исключением разве что Г. Филиппса, – которые то ли вправду никак не сообразят, что мы за мир во всем мире, то ли притворяются несообразительными.

Подобное поведение, призванное подорвать международный авторитет Российской Федерации, который, по мнению многих современных акторов, необоснованно раздут, дает интересный синергетический эффект: сужая поле российской инициативы в настоящем, оно – посредством мистификации – расширяет зону советского доминирования в прошлом, формируя виртуальные кросс-культурные связи, в результате чего, Сирия например, некоторыми наблюдателями позиционируется уже как элемент постсоветского пространства; то есть зона советского влияния оказывается далеко за рамками Советской «Империи зла», как она воспринималась в годы Холодной войны.

Эта романтическая демонизация «совка», придающая нашей недавней истории флер таинственного величия, почеловечески даже импонирует (повышает самооценку), однако сложности начинаются практически сразу после попыток включить сюжеты последних десятилетий в поле исторических исследований: решительное расхождение идеологических легенд и свойственных политологии свободных ассоциаций с дискурсом историко-научных исследований, обуславливает формирование сферы интерпретационного вакуума, накрывающей последние лет двадцать, которые в массовом сознании обычно ассоциируются с «периодом правления Путина».

Поэтому, в общем-то, проблема расширения постсоветского пространства из-за увеличения постфактум зоны

советского контроля серьезного недоумения не вызывает, а вот вопрос о том, насколько адекватно современное российское руководство воспринимает своих коллег, как раз остается открытым. Проще говоря, проблема сегодняшнего дня не в том, слышат ли акторы мирового политического процесса голос Путина, а в том, знает ли он, что они его не слышат, понимает ли, что его не могут, – по должности, а не по сердцу, – услышать, и отдает ли себе отчет в том, что и сам не понимает содержания меседжей, которые попадают в его информационное пространство²⁴.

Следствием внутреннего и внешнего дисбаланса политической коммуникации становится утрата ориентации в координатах политического поля. К сожалению, то обстоятельство, что привычные с конца сороковых годов координаты сами пришли в движение, стабильности политическому курсу не добавляет. Представляется, что только основательная деконструкция советского политического дискурса последних лет позволит получить более мене внятное представление о структуре задач, методах обоснования, истолкования и презентации волевых актов политических элит постновейшего времени. Проще говоря – выяснить не только чего они хотят, но и понять самим и разъяснить окружающим, чего же они хотят на самом деле.

Если захотят слушать и.. если найдется, кому объяснять, ведь кризис аутентичности в полной мере затронул и оппозицию, которая в России, например, уже не в состоянии, – сосредоточившись на идефикс устранения Путина, – выполнять функцию здоровой критики и претендовать на особое моральное право²⁵. В любом случае, проблема не столько в объекте, а в субъектах: педалировать отрицательную стратегию, надеясь, что прогресс сам вывезет, можно только оставаясь позитивистом (коммунизм тут всего лишь – один из вариантов).

Но оппозиционеры в новейшей России – не коммунисты (коммунисты – люди вчерашнего дня, то, что их «лебединая песня» вызывает у кого-то ностальгию, не меняет дела), они как раз – антикоммунисты, и в этом статусе не могут себе этого позволять, поскольку тем самым предают саму идею либерализма, предполагающую сосредоточенную работу над

позитивной программой (пусть бы и рассчитанной всего на «500 дней»). В результате нетерпеливого небрежения и усталости в политическом поле накапливаются проблемы, объем которых обесценивает моральный итог ельцинского десятилетия страданий, которыми, по гамбургскому счету, было оплачено «право на свободу» (преодолено «...это вреднейшее искривление нашего сознания... безаветная поддержка коммунизма»²⁶). И не надо забывать, что, выбирая свободу, получаешь именно свободу (Ф. Хайек).

Впрочем, в качестве апологии режима можно принять тот факт, что позитивная программа и вправду не вытанцовывается. Ни у кого... В этой ситуации лучше бы всего, – как завещал А.И. Солженицын, – жить не по лжи... Но это – скорее в сфере этики. Что же касается уровня утилитарных решений, то рецепт чуть проще: пора просто жить, чутко прислушиваясь к робким проявлениям социального тела, действующего в рамках инстинкта самосохранения (надеюсь, что суицидальный механизм еще не включился). И-и-и: новому российскому государству придется принять не только роль ночного сторожа, но и реабилитационной санитарки, если оно хочет оставаться еще какое-то время в привычном для него «особом статусе».

В противном случае некоему «кому-то другому» придется выступить в роли могильщика российской цивилизации.

Библиография и примечания

¹Драматическая сага Л. Дербенева, рассказанная А. Мироновым под музыку А. Зацепина в кинофильме «Бриллиантовая рука», с 1968 г. раскрывает отечественному зрителю содержание понятия «фатализм».

²Это то, о чем писали Э. Трельч и С. Платонов, указывая на то, что кризис исторических исследований – понятие сугубо социокультурное, потому что само историческое сообщество неизменно находит точку приложения своих сил, добывая все новые факты.

³Putin's Wars: The Rise of Russia's New Imperialism / by Marcel H. van Herpen. Lanham, 2014. *Роек П.* Конец империи // ino СМИ.ru. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/russia/20141117/224325199.html>.

⁴Тренин Д. Задача Москвы – создать нацию, а не империю // inoСМИ.ru. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/russia/20140703/221403333.html>

⁵*Роек П.* Указ. соч.

⁶ Фукуяма Ф. Конец истории? // http://www.ckp.ru/biblio/f/hist_ends.htm.

⁷ Рискуно предположить, что и для остальных регионов пришло время ревизии, но не стану развивать этот тезис, как не имеющий отношения к теме.

⁸ Хотя ООН и не ставит задачи ограничения государственного суверенитета, однако даже гипотетическая возможность вмешательства мирового сообщества в святая святых – внутреннюю расправу государства – низвела эту универсальную индульгенцию до уровня благого пожелания.

⁹ Коэн С. Можно ли было реформировать советскую систему // Скепсис: http://scepsis.net/library/id_163.html.

¹⁰ Там же.

¹¹ Термин был введен в оборот Президентом США Р. Рейганом, который выступая перед Национальной ассоциацией евангелистов США 8 марта 1983 г., назвал Советский Союз «Империей зла» (а также «центром Зла в современном мире»), настаивая на принципиальной аморальности советского режима, и, по этой причине, на невозможности морального уравнивания СССР с США).

¹² Фукуяма Ф. Указ соч.

¹³ Эта идеология является производной «мечты» (Ср.: «I have a dream» Мартина Лютера Кинга) и ее генерация является прерогативой элит, а не их чернильных кули, причем в ходе захвата власти, а не по итогам назначения на пост народного вождя.

¹⁴ Фуллер Дж. Основы военной науки», 1926. Цит по: Энциклопедия военной мысли. М., 2002. С. 195.

¹⁵ 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Морской курорт в Нидерландах, один из районов Гааги, где 11 марта 2006 г. в тюремной камере скончался, так и не дождавшись решения Гаагского трибунала, президент Сербии Слободан Милошевич

¹⁸ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? // Библиотека Максима Мошкова. URL: http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_kak_1990.txt.

¹⁹ Хотя... удалось же Сталину сначала разрушить храмы по всей стране, а потом снискать любовь паствы и духовенства. Но, думается, нынешние все же пожиже замесом-то будут, в сравнении с Иосифом Виссарионовичем, у него – страсть, у Ельцина – хотя бы мечта, а что могут предложить нынешние держатели харизмы: совместный фитнес?

²⁰ Роек П. Конец империи // ino СМИ.ru: <http://inosmi.ru/russia/20141117/224325199.html>.

²¹ Putin's Wars: The Rise of Russia's New Imperialism / by Marcel H. van Herpen. Lanham, 2014.

²² Цит. по: Роек П. Конец империи // ino СМИ.ру: <http://inosmi.ru/russia/20141117/224325199.html>.

²³ *Галеотти М., Боуэн Э.* Воображаемая империя Путина // inoСМИ.ру. URL: <http://inosmi.ru/russia/20140423/219785978.html>.

²⁴ О желательности (хотя бы самим себе) ответить на вопрос: хотим ли мы считать США источником наших бед, и как потом с ними отношения выстраивать... А как потом «украи» в глаза смотреть, а студентам как объяснить, почему история России начинается в Киеве, – лучше пока даже не вспоминать.

²⁵ Нероссийская оппозиция, судя по всему, не намного лучше, так Светлана Алексеевич, которая «30 лет занималась историей красного человека», признается, что не может объяснить, почему общество, еще в 1990-х мечтавшее о свободе, готово повернуть назад. Получив Нобелевскую премию по литературе, белорусская писательница разочарована тем, что «...с людьми сегодня невозможно разговаривать, И дело даже не столько в Путине, сколько в том, что кусочек Путина есть в каждом русском человеке – по крайней мере, в большинстве, в 86 процентах» (*Алексиевич С.* Перерождение Путина меня потрясло // MCN: <http://www.msn.com/ru-ru/news/featured/%AA54ut&ocid=iehpj>), недовольная тем, что Путин ей не позвонил, и возмущена тем, что Президент Беларуси А.Г. Лукашенко запоздал с поздравлениями. Я, конечно, не могу судить произведения выдающегося русскоязычного белорусского литератора, – не читал, – но я не помню, чтобы А.И. Солженицын возмущался тем, что Л.И. Брежнев ему не позвонил.

²⁶ *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию? // Библиотека Максима Мошкова. URL: http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_kak_1990.txt.

**РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ
В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ.:
ВЗГЛЯДЫ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ**

Н.В. Макаров

Период революции 1905–1907 гг. стал поворотным пунктом в истории русского либерализма. В это время русские либералы в основном окончили формирование базовых положений своей программы, тактики и организационной структуры. Основной формой политической организации русского либерализма со времени революции 1905–1907 гг. становятся политические партии.

Лидеры радикально настроенного (по преимуществу дворянско-интеллигентского) большинства русского либерального движения в октябре 1905 г. создали Конституционно-демократическую партию (партию кадетов). Меньшинство, основу которого составили умеренные деятели земского и городского самоуправления, а также родственные им в политическом отношении представители дворянства, предпринимательских кругов, интеллигенции, чиновничества объединились в конце 1905 – начале 1906 гг. в партию «Союз 17 октября» (октябристов). Вскоре после издания Манифеста 17 октября 1905 г. возник целый ряд малых либеральных партий (Торгово-промышленная, Умеренно-прогрессивная, Прогрессивно-экономическая и др.). Эти партии не оставили большого следа в политической жизни России, и уже в ходе первой русской революции они либо распались, либо влились в ряды других партий. Новая политическая конъюнктура, сложившаяся в России с 1905 г., казалось, открывала большие возможности для мирного переустройства страны. Издание Манифеста 17 октября 1905 г., новой редакции Основных законов (23 апреля 1906 г.), появление на политической арене Государственной Думы, реформа Государственного Совета существенно изменили политический ландшафт России. В политической жизни России начался период «думской монархии», в течение которого российская либеральная

общественность активно встраивались в новый политический порядок, пыталась влиять на ход событий в стране через новые законодательные механизмы. Однако, этот период оказался не лучшим временем для либеральных реформ. Трагическое отсутствие взаимопонимания между русскими либералами и правящим режимом, эксплуатация частью либерального лагеря революционной угрозы, радикализм революционеров, половинчатый характер политических перемен не позволили повести страну путем мирных преобразований. Спад революционного движения, роспуск I и II Государственных дум, изменение избирательного закона 3 июня 1907 г. придали политическому полю в стране новые контуры, в рамках которых было сложно надеяться на полноценную реализацию либеральной модели общественного развития.

Значительная роль русского либерализма в общественно-политической жизни России 1905–1907 гг. обусловила стабильный интерес к его истории как в нашей стране, так и за рубежом. В западной историографии русского либерализма ведущая роль традиционно принадлежала работам историков из Великобритании и США. Основной задачей настоящей работы является анализ работ англо-американских историков (а также близких к ним концептуально и методологически англоязычных авторов из некоторых других стран), касающихся истории русского либерализма в начальный период революции 1905–1907 гг. – до образования либеральных партий (В сокращенном виде доклад автора был представлен на круглом столе «Первая русская революция: взгляд из XXI века»¹).

Русский радикальный либерализм в 1905 г.

Англо-американские историки единодушно подчеркивают большое влияние, оказанное на русский либеральный лагерь революционными событиями. Так, американский специалист Дональд Тредголд отмечает, что в 1905 г. политические идеалы участников радикально-либерального «Союза освобождения» быстро демократизировались. «Освобожденцы» стремились сблизить либеральное движение с революционным, направить последнее к

общей для либералов и революционеров цели: завоеванию «свобод и демократического управления» в России. «Освобожденцы» стремились добиться также «поддержки рабочих и крестьян, которые при режиме всеобщего избирательного права контролировали бы судьбу России», и даже координировать свои действия с социал-демократами и эсерами. Однако, парадокс ситуации состоял в том, что «идея «революции», понимаемая в общепринятом смысле, была сама по себе отвратительна для либералов». Они надеялись, что революция не перейдет в фазу массового восстания или вооруженного бунта, но остановится на «политической» стадии². Либералы-«освобожденцы» опасались, что в условиях революции император может дать стране «фальшивую» конституцию и инициировать создание парламента, который станет послушным орудием в его руках. Поэтому «освобожденцы» добивались созыва Учредительного собрания – «свободно избранного ото всех классов и областей представительного органа, который раз и навсегда решит вопрос о том, как должна управляться Россия...»³ С другой стороны, отмечает Тредголд, «освобожденцы» были не против использования уступок правящих сфер в собственных интересах. К примеру, после издания Манифеста 6 августа 1905 г. они рассматривали возможность превратить проектируемую законосовещательную («булыгинскую») Думу в «новый инструмент борьбы с самодержавием»⁴. Другой американский историк – Ричард Шарк – высказывает несколько иную точку зрения. Он пишет, что большая часть русских либералов безоговорочно отрицала необходимость созыва законосовещательной Думы и склонялась к полному ее бойкоту. С этой точки зрения «достаточно курьезным» оказался тот факт, что «Милюков и некоторые из последовательных земских конституционалистов» не принадлежали к сторонникам бойкота⁵.

Американский специалист Сидни Харкейв подчеркивает «выгодную тактическую позицию» русских либералов после начала революции. Они были, сравнительно с другими политическими силами, заметно лучше организованы, им принадлежала видная роль в идейном руководстве революцией.

Русские либералы-радикалы, с одной стороны, не сдавали прежних позиций в борьбе с самодержавием, но с другой – не обольщались и революционными методами борьбы. Своим «настроением непримиримого вызова» режиму они выгодно отличались от умеренных земских либералов, став неким центром, которому доверяли разные слои русского общества, стремящиеся к демократизации государственного строя России⁶.

Ветеран американской русистики Мартин Малиа в своей монографии «Локомотивы истории: Революции и становление современного мира» отстаивает тезис о том, что либералы-интеллигенты были ни больше ни меньше как главной движущей силой первой русской революции. Революция стала звездным часом русского либерализма, несмотря на то, что часто эту революцию определяют как народную, рабочую и др. Именно в это время, пишет Малиа, пришел конец «затмению» либерализма в России социализмом и его выход на политическую арену в качестве самостоятельной силы⁷.

Израильский ученый Шмуэль Галай считает, что с 1905 г. в российском либеральном движении начался раскол. Водораздел прошел между земцами-конституционалистами и их союзниками из представителей свободных профессий – с одной стороны и столичной радикальной интеллигенцией и ее союзниками из «третьего элемента» – с другой. Если первые стояли на почве «организации общественного мнения», то вторые могли поддерживать и политические стачки, и даже террор⁸.

Многие англо-американские историки «ревизионистского» направления, рассматривая поведение русских либералов-радикалов на протяжении 1905 г., утверждают, что они, не сближаясь окончательно с революционерами, с другой стороны, не участвовали и в правительственных атаках на революционное движение. «Их отношение к рабочему и социалистическому движениям оставалось гораздо более благосклонным, чем у либералов большинства европейских стран», – отмечает американская исследовательница Шейла Фитцпатрик⁹. Автор двухтомного исследования о первой русской революции, американский ученый Абрахам Эшер пишет, что хотя к июлю 1905 г. русские

либералы-радикалы стали во многом сторонниками массовых акций снизу, но с публикацией «булыгинского» манифеста они попали в достаточно щекотливое положение. С одной стороны, этот правительственный акт явно не удовлетворял их требований, с другой – он был «заметной переменной для России». Дума, вне зависимости от возможного бойкота ее либералами, все равно была бы созвана, но в случае бойкота перевес в ней могли получить консервативные силы. Поэтому земский съезд 12–15 сентября утвердил решение участвовать в выборах в законосовещательное представительство. Вместе с тем, это решение не снимало требования созыва демократически избранного парламента¹⁰.

Видный специалист по истории русского либерализма из США Теренс Эммонс занимает более однозначную позицию. К лету 1905 г., пишет он, русские конституционалисты в целом отвергли нелегальные методы борьбы против самодержавия. Им было объективно необходимо перестать колебаться между революцией и реакцией» и выявить определенно свое политическое лицо¹¹.

Одной из характерных попыток сближения русских либералов с массовым движением и приспособления его к своим целям было создание по всей стране по решению II съезда «Союза освобождения» (20–22 октября 1904 г.) сети профессионально-политических союзов, объединившихся в мае 1905 г. под эгидой Союза союзов. Этой организации и роли русских либералов в ней англо-американские историки уделяют довольно значительное внимание. Многие историки указывают, что профессиональные объединения интеллигенции, организовавшиеся в единый Союз союзов, образовывались на почве близости не столько профессиональных интересов, сколько политических требований, главным из которых был созыв Учредительного собрания¹².

С. Харкейв подчеркивает, что в 1905 г. «освобожденцы» связывали с Союзом союзов реализацию своей идеи о создании «единого фронта» разных политических сил против самодержавия¹³. Союз союзов, пишет современный германский историк Дитмар Далман, был связующим звеном между радикальной интеллигенцией, с одной стороны, рабочими и

служащими – с другой. С другой стороны, попытки Союза упрочить связи с населением после 1905 г. «окончились ничем»¹⁴.

В основном англо-американские историки оценивают Союз союзов как достаточно радикальную организацию. Так, британский специалист Лайонел Кохен считал, что Союз союзов на протяжении 1905 г. был «наиболее радикальной из буржуазных группировок», на своем учредительном съезде «санкционировавшей терроризм и выпустившей резолюцию в самых жестких выражениях». Другой британский историк, Орландо Файджес указывает, что после Манифеста 6 августа «радикалы Союза союзов были ... более чем когда-либо прежде настроены использовать массовое гражданское неповиновение для того, чтобы надавить на правительство с целью вынудить его на дальнейшие уступки»¹⁵. Дж. Френкель называет Союз союзов одной из «антицаристских» сил (наряду, например, с Всероссийским крестьянским союзом), образование которых было свидетельством значительного подъема революционного движения¹⁶. Многие ученые подчеркивают ведущую роль, сыгранную Союзом союзов в организации и проведении октябрьской всеобщей стачки¹⁷.

Причины радикализма Союза союзов англо-американские ученые видят в разных факторах. А. Эшер связывает его с неуступчивой линией правительства на протяжении 1905 г., Дж. Уолкин и Х. Сетон-Уотсон – с постепенным ростом влияния внутри Союза союзов представителей рабочих и социалистических партий; Т. Риха и М. Стокдэйл – с временным заблуждением руководителя Союза П.Н. Милюкова на предмет «благоразумия» социалистов (Милюков, считают они, верил, что со временем социалисты «умерят» свои требования согласно практическим нуждам страны. С лета 1905 г. Милюков, разочаровавшись в социалистах, оставался руководителем Союза союзов лишь номинально)¹⁸.

Среди немногих ученых, оценивающих программный и тактический радикализм Союза союзов достаточно дифференцированно, выделяется Ш. Галай. Он подчеркивает, что у разных союзов, вошедших в состав единой организации,

были разные представления о будущем политическом устройстве России. Так, Академический союз требовал только созыва «законодательного собрания», не упоминая о четырехчленной избирательной формуле или Учредительном собрании; Союз земских деятелей также не требовал Учредительного собрания, но отстаивал всеобщее избирательное право (фактически – только для мужчин). Эти организации считали Союз союзов слишком радикальным и практически не участвовали в его работе уже после его основания. С другой стороны, Союзы инженеров и техников, железнодорожных и медицинских служащих выдвигали программы, очень схожие с «программами-минимум» социал-демократов и эсеров. В тактическом отношении, считает Галай, в основном восторжествовала линия Союза адвокатов, предложившего линию «гражданского неповиновения» (впоследствии взятая на вооружение кадетами после роспуска I Государственной Думы). Сторонниками всеобщей забастовки в основном являлись Союзы железнодорожников и инженеров¹⁹.

Центр и умеренное крыло русского либерализма в 1905 г.

Деятельность центристского и умеренного флангов русского либерализма в 1905 г. в целом ассоциировались с работой земско-городских съездов, нашедшей наиболее полное отражение в работах трех американских авторов: Т. Эммонса, Р. Маннинг и А. Эшера.

Апрельский земский съезд, отмечает А. Эшер, проходил достаточно бурно, выявив разногласия между лидером умеренного меньшинства Д.Н. Шиповым, его сторонниками и большинством делегатов по вопросу о характере будущего народного представительства. Если «шиповцы» были удовлетворены обещаниями императорского рескрипта министру внутренних дел А.Г. Булыгину от 18 февраля и будущим совещательным народным представительством, то большинство делегатов ратовало за созыв законодательного представительства²⁰.

Как пишет Т. Эммонс, Д.Н. Шипов был «глубоко обеспокоен» радикализацией земского движения с начала 1905 г. Для земских конституционалистов, сделавших ставку на сотрудничество с неземской интеллигенцией, умеренные земцы наподобие Шипова становились все менее интересны в качестве союзников. После того, как Шипов понял это, он вышел в отставку из земского бюро и занялся организацией группы единомышленников – «меньшинства» земского съезда 6–9 ноября 1904 г. После явной неудачи на апрельском земском съезде «шиповцы» выпустили обращение к земству с призывом принять участие в съезде 22–26 мая. Они рассчитывали получить одобрение собственного проекта народного представительства, составленного на основе ограниченного избирательного права. По сути, считает Эммонс, это был план проведения «сепаратного» съезда представителей «меньшинства». 22 мая 73 земца (примерно половина от приглашенных) собрались в Москве. Однако, после получения известий о поражении русского флота у Цусимы съезд перерос в «коалиционный» (24–25 мая, в доме Ю.А. Новосильцева). Петиция, принятая коалиционным съездом, была достаточно радикальна²¹.

В интерпретации американской исследовательницы Роберты Маннинг Шипов образца первой половины 1905 г. проявил себя как достаточно хитрый политик, умеющий приспосабливаться к конъюнктуре, сложившейся как во властных сферах, так и в земско-городских кругах. Весной 1905 г. главной задачей Д.Н. Шипова, считает Р. Маннинг, было вырвать политическую инициативу из рук земских конституционалистов. Именно для этого в апреле 1905 г. он вел работу по подготовке «коалиционного съезда» из представителей земства и дворянских собраний. Шипов хотел, чтобы «коалиционный (в его понимании) съезд» выработал собственную минимальную программу, которая могла бы объединить представителей разных политических течений земства и дворянских собраний. Шипов даже вошел в контакт с кружком Ф.Д. Самарина и оформляющимся «Союзом русских людей», чтобы сорвать в Москве выборы делегатов на «конституционалистский» апрельский съезд. Главным стремлением Шипова этого времени, пишет Маннинг, было

объединение не всей земской среды, а лишь «дворянской оппозиции» в противовес конституционалистам. Однако, на апрельском земском съезде Шипов и его единомышленники потерпели поражение, а на майском – полный провал. Никто из делегатов-«славянофилов» майского съезда не выступил в пользу самодержавных полномочий императора. Хотя 45 представителей съезда 22 мая поддержали «шиповскую» избирательную формулу (избрание народного представительства реформированным земством), но все делегаты почувствовали «облегчение», когда этот съезд закрылся и сменился «коалиционным» (24–25 мая)²².

Весьма оптимистично оценивал значение «коалиционного съезда» классик английской либеральной историографии Бернард Пэйрс. Данный съезд, считает Пэйрс, на некоторое время возобновил ощущение единства земской среды. Делегацию участников съезда, принятую 6 июня 1905 г. Николаем II, возглавил «замечательный внепартийный» деятель кн. С.Н. Трубецкой. Его слова, обращенные к императору, были «мудрыми»; Николай II в ответ заявил о своей «непреклонной воле» созвать народных представителей. Либералы-земцы были ободрены этим обещанием. Слова царя были восприняты как своего рода «мандат» на дальнейшее обсуждение реформ. Земское движение в тот момент было достаточно монолитным²³.

А. Эшер оценивает майско-июньские события иначе. С.Н. Трубецкой, отмечает американский специалист, постарался в своей речи обойти острые углы – особенно насчет характера будущего народного представительства. Главное, по его мнению, состояло в том, чтобы ослабить всеислие бюрократии. Царь, как казалось, был тронут этим «вежливым, патриотичным и умеренным адресом».²⁴ Однако летом 1905 г. либеральное движение – под воздействием движения массового – несомненно полевело, и отношения между правящим режимом и либеральной оппозицией вновь обострились. Булыгинская «конституция» была воспринята в земско-либеральной среде неоднозначно. Если умеренная часть либералов отнеслась к акту 6 августа с «большим одобрением», то «центр» сделал акцент на незавершенности реформы. В результате «за трехмесячный период русский либерализм подвергся значительным

изменениям. В июне его лидеры еще надеялись, что личные обращения к царю могут убедить его провести главные реформы; в июле они все больше полагались на массовые акции снизу, которые побудят власти пойти на уступки; в сентябре они искали, как укрепить свои связи с народом, борясь за экономические требования, выставленные промышленными рабочими и крестьянами. Реагируя на непримиримость царя и политизацию масс, либерализм перестал быть лишь творцом общественного настроения. Он также стал последователем этого настроения»²⁵.

Ту же тенденцию отмечает Р. Маннинг: перемена политической стратегии земства стала ясна на июльском земском съезде 1905 г., принявшем обращение к населению. Этот съезд стал «открытым вызовом правительственным порядкам». К осени 1905 г. преобладание радикалов в земско-либеральном лагере стало совершенно отчетливым. «Шиповцы» оказались в изоляции. Но, несмотря ни на что, их оппозиция была лояльной. Однако уже с осени начинается и обратное движение, в результате которого «умеренные» в местных земских собраниях постепенно начинают брать верх, и к концу 1905 г. их влияние заметно усиливается²⁶.

Т. Эммонс и Р. Маннинг концентрируют внимание на оформлении во время сентябрьского земского съезда «нового меньшинства» во главе с А.И. Гучковым, ставшего важным центром притяжения для будущих октябристов. Гучков, отмечает Р. Маннинг, был единственным представителем городского самоуправления в этой группе, все остальные ее члены были земцами. Среди них было немало умеренных конституционалистов (П.А. Гейден, В.Д. Кузьмин-Караваев, В.М. Кашкаров и др.). Яблоком раздора на сентябрьском земском съезде стал вопрос об областной автономии и принципах национальной политики. Как пишет Р. Маннинг, для многих представителей земского движения вопрос о федерализации Империи был серьезным вызовом. Даже П.Н. Милоков был «введен в затруднение» решением сентябрьского съезда, не говоря уже о лидерах будущей партии октябристов, для которых такое решение было гораздо опаснее, чем даже вопрос об отчуждении частных земель²⁷. С другой стороны,

подчеркивает Т. Эммонс, Гучков и его коллеги по земско-городскому «меньшинству» опасались выступить против конституционалистов по тем вопросам, которые могли бы изобличить в них сторонников каких бы то ни было «классовых интересов» (то есть в первую очередь по аграрному и рабочему вопросам). Однако они выступили против прямых выборов в Учредительное собрание (получив лишь 37 голосов против примерно 160-ти) и против принципа национальной автономии. Выступление А.И. Гучкова по вопросу о децентрализации власти и региональной автономии было достаточно демонстративным. Этот вопрос был возможностью для «меньшинства» продемонстрировать свою «внеклассовую» точку зрения. Это был и мастерский политический ход: на этой почве Гучков и «меньшинство» могли как показать свой патриотизм, так и возложить ответственность за раскол на радикальных конституционалистов. С другой стороны, земство отреагировало на позицию «меньшинства» вяло, и лишь несколько уездных собраний выступили в его поддержку²⁸.

Пристальное внимание англо-американских историков приковывают к себе сюжеты, связанные с образованием двух главных политических партий русских либералов – Конституционно-демократической (кадетской) и «Союза 17 октября».

Образование Конституционно-демократической партии

Организации, программе и тактической линии новообразованной Конституционно-демократической партии англо-американские историки отводят особое место в своих произведениях.

Еще с 1950-х годов в англо-американской историографии была широко распространена концепция «вестернизации» России, согласно которой наша страна развивалась по общему с Западом пути – от абсолютной монархии и «феодально-аграрной структуры общества» – через стадию буржуазных революций – к современному государству «всеобщего благосостояния». Специфику России сторонники

теории «вестернизации» усматривали лишь в том, что наша страна от первой стадии устремилась непосредственно к третьей. В русле этой концепции программа кадетской партии рассматривалась как изначально демократичная, нацеленная на защиту общенациональных интересов, прав и свобод всех слоев населения²⁹. Опыт западного либерализма был принят кадетами к сведению, но «упор был сделан на приспособлении, а не заимствовании» его в русских условиях³⁰.

Основным носителем идеалов кадетизма стала интеллигенция, которая была по своей природе внеклассовой группой. В условиях России как «недоразвитой» страны, не прошедшей фазу буржуазного развития, интеллигенция фактически приняла на себя роль, которую играл на Западе «средний деловой класс», – роль защиты либеральных идеалов в общенациональных интересах³¹. Поскольку кадеты желали «социальной справедливости для всех классов», писал американский исследователь Томас Риха, – они не были классовой партией. Политическая программа кадетской партии, утверждает Риха, была по большей части «земской», а социальная – «интеллигентской»; программа партии в целом, учитывая беспокойную политическую атмосферу, в которой она была принята, была достаточно умеренной. С другой стороны, кадеты из тактических соображений «хотели остаться друзьями с социалистами», и поэтому ими был взят на вооружение лозунг «у нас нет врагов слева»³². Современный американский биограф лидера кадетов П.Н. Милюкова – Мелисса Стокдэйл – отмечает, что, несмотря на преобладание в ЦК кадетов представителей профессионального среднего класса, в целом по составу кадетскую партию сложно назвать классовой, тем более – буржуазной (крупные буржуа, банкиры сторонились кадетской партии). В ее рядах присутствовало определенное количество крестьян, а также рабочих, ремесленников, приказчиков, мелких торговцев (мещан), активно поддерживали партию кадетов учителя. Поэтому кадетов можно считать действительно внеклассовой партией³³.

Многие англо-американские историки видят важную особенность кадетской программы в ее повышенном внимании не только к политическим, но и социально-экономическим

проблемам. Это диктовалось объективными условиями развития России начала XX в., когда в стране обострились социальные противоречия и политическое противостояние. Так, Д. Тредголд рассматривает кадетский либерализм как очищенный от идеологии *laissez-faire*, как направление мысли, допускающее государственное вмешательство в экономику, изменения в социальной сфере³⁴. М. Стокдэйл, характеризуя политические воззрения П.Н. Милюкова, отмечает, что «Милюков уважал поддержку индивидуальных прав и политической свободы классическим либерализмом», но эти критерии виделись ему недостаточными для общества XX в. Современному государству было необходимо решать социальные и экономические задачи, к которым доктрина *laissez-faire* и теория естественного права были слабо приспособлены. «Либерализм нуждался в признании того факта, что личные права не абсолютны, но выработаны обществом, что необходимо поддерживать равновесие между этими правами и нуждами общества»³⁵. Современный швейцарский историк Давид Вартенвейлер называет кадетов «решительно конституционной» партией. Однако, подчеркивает он, в социальных и экономических вопросах кадеты не были классическими либералами. Они поддерживали «прямое государственное вмешательство» – особенно в области аграрного вопроса. Также кадеты не выступали с однозначным осуждением революционного террора. Одной из главных целей политики они видели воспитание народа – политическое, общественное и даже моральное³⁶.

Как пишет современная британская исследовательница Берил Уильямс, программа кадетов была радикальна, а тактика – демократична, содержала постоянные апелляции к массам. Во многих частях страны в 1905–1907 гг. кадеты сотрудничали с местными Советами, социалистическими партиями. Во Владимирской, Тверской, Костромской губерниях кадетам была оказана «значительная народная поддержка»³⁷.

Понимание специфики кадетского либерализма и его социальной опоры учеными-«ревизионистами» (как и их современными последователями) несколько иное. Так, Т. Эммонс, рассматривая программу кадетской партии, делает упор на ее социальной подоплеке. Она, по мнению Эммонса, состояла

в стремлении кадетов привлечь к себе по возможности более широкие слои «неревлюционной» интеллигенции и национальные меньшинства. Так, в решении аграрного вопроса фразой «в потребных размерах», вписанной в п. 36 партийной программы (где речь шла о возможности отчуждения частных земель), кадеты фактически предлагали компромисс между сторонниками частной собственности и «теми,.. кто наряду с социалистическими партиями одобрял раздачу земли крестьянам сообразно с «трудовой нормой»». В программе по рабочему вопросу «наиболее противоречив», по Эммонсу, был п. 44, предусматривавший возможность постепенного введения 8-часового рабочего дня. Это снова был компромисс «между теми, кто поддерживал программы социалистических партий ... и теми, кто боялся экономических последствий подобной меры». Таким образом, Эммонс оценивает кадетскую программу не как «надклассовую», а как компромисс стремлений представителей различных частей партии. Говоря о резкости тактики кадетов, Эммонс подчеркивает временный характер этого явления, которое вытекало из накала обстановки в стране в октябре 1905 г., когда была образована партия. Уже в ноябре–декабре 1905 г. такая тактика была пересмотрена³⁸.

А. Эшер пишет о кадетях как партии «профессионалов и либеральных помещиков, поддерживавших политические взгляды земцев-конституционалистов и «Союза освобождения»». В партийном руководстве, подчеркивает Эшер, преобладал «профессиональный класс». Несмотря на провозглашенную внеклассовость партии, в рядах кадетов почти не было ни промышленников, ни крестьян и рабочих, вследствие чего кадеты страдали «недостатком сильной народной основы». Тем не менее, партия обрела определенную степень известности и даже влияния вследствие своей «интеллигентности» и обладания «искусством политического маневрирования». Широкий характер программы был следствием, во-первых, стремления кадетов расширить простор для маневров между властью и революционерами, а во-вторых, желания привлечь максимальное число сторонников и «сохранить единство оппозиции». Последняя задача, однако, оказалась кадетам не по силам, поскольку общество было «глубоко разобщено».

Характерным признаком отсутствия «внеклассовости» кадетов Эшер считает их отмежевание (уже с ноября 1905 г.) от рабочего движения из-за роста массовых беспорядков³⁹.

«Главным голосом либерализма», выразителем «стремлений растущего среднего класса» называет партию кадетов современный американский историк Рекс Уэйд. Главными принципами кадетов, по его мнению, были конституционализм, парламентское правление, верховенство закона, а также решение основных социально-экономических проблем мирным путем, без революции⁴⁰. Дж. Гудинг характеризует кадетов как партию, наиболее твердо отстаивавшую в России западную парламентскую модель. Однако, по окончании общественного подъема, сопровождавшего революцию 1905–1907 гг., выяснилось, что популярность кадетов была преувеличенной. Сеть местных партийных комитетов (кроме Петербурга и Москвы) распалась. Кадеты стремились проводить демократическую политику (особенно в аграрном вопросе), но она не вызвала симпатий ни в демократическом, ни в консервативном сегментах общества. С течением времени кадетская партия превратилась в «политический клуб городских профессионалов с дворянскими корнями»⁴¹.

Оценивая тактику кадетской партии в первое время ее существования, многие англо-американские историки (работы которых вышли в свет в основном в 1950-х – 1960-х гг.) делают упор на связи кадетов с революцией. Так, Д. Тредголд заявляет, что программные вопросы на учредительном съезде кадетов не имели первостепенной важности, поскольку они были серьезно проработаны на предыдущих этапах. Основное внимание членов новообразованной партии было приковано к тактическим вопросам – в первую очередь из-за стремления найти массовую опору. Поэтому кадеты вынужденно поддерживали революцию, хотя в принципе и отвергали революционное насилие. Революция была для них не самоцелью, но средством достижения конституционного порядка⁴². Однако, некоторые историки отзываются о связи кадетов с революцией более категорично. Американский исследователь А. Улам считает, что своим недоверием к правящим сферам (в первую очередь – к

изданию Манифеста 17 октября), выражением солидарности с забастовочным движением и т.д. кадеты только способствовали развитию «хаоса и анархии». Э. Крэнкшоу утверждает, что ставка кадетов на сотрудничество с «широкими массами» была заблуждением. Кадетам необходимо было искать компромисса с властями, поскольку, предоставленная самой себе, партия была «бессильна». Делая ставку на революцию, которая рано или поздно должна была закончиться, кадеты сами обрекали свое дело на неудачу⁴³.

Некоторые современные англо-американские ученые придерживаются схожих позиций. Так, Дж. Френкель пишет, что главной целью новообразованной кадетской партии было «продолжать революцию до тех пор, пока принцип народного и парламентского суверенитета не будет дан формально и бесповоротно»⁴⁴. М. Малиа отмечает, что кадетская партия была явно левее своих западных собратьев-либералов (что подтверждают, например, программные требования о свободе рабочих союзов или принудительного отчуждения земли). Для того, чтобы напугать самодержавие, кадеты взяли на вооружение тактику «у нас нет врагов слева». Главным требованием партии была конституционная демократия, основанная на всеобщем избирательном праве; «если возможно – достигнутая через Учредительное собрание, если нет – то в рамках конституционной монархии». Социализм целью кадетов не являлся. Но «революционные действия» активно использовались ими. Кульминацией такой тактики стала Октябрьская стачка 1905 г.⁴⁵

М. Сткодэйл пишет, что изначальный тактический курс кадетов был неверен. Они «ошибочно ожидали, что сотрудничество с более левыми [политическими силами – Н.М.] продолжится во время перехода к новому порядку». С другой стороны, кадеты ждали уступок и от кабинета С.Ю. Витте, отклонив его предложение кадетам некоторых министерских портфелей. Здесь не лучшую роль сыграл П.Н. Миллюков, линия поведения которого на переговорах с Витте являла собою «причудливую смесь доктринерства и практичности, столь типичную для него в это время»⁴⁶.

Историки-«ревизионисты» и их современные последователи в целом не склонны преувеличивать значения временного альянса кадетов с революционными партиями и массовым движением. Как отмечает А. Эшер, массовые движения оценивались кадетами лишь как рычаг давления на правящие сферы для проведения конституционных реформ. По той же причине вскоре распалась коалиция кадетов с социалистами, целей и тактики которых кадеты не поддерживали⁴⁷. Недвусмысленно оценивает тактический курс кадетов британский специалист О. Файджес. Уже при основании партии, пишет он, перед кадетами стояла дилемма: «за или против революции?» Особую остроту этот вопрос обрел после декабрьского вооруженного восстания. С одной стороны, кадеты пошли на союз с «улицей» и провозгласили лозунг «у нас нет врагов слева». С другой стороны, большая часть кадетов была буржуазна – и по своему социальному статусу, и по мировоззрению. Поэтому они были напуганы возможностью продолжения насилия. Большинство кадетов «пришло к выводу, что после случившегося они не хотят революции. Они были достаточно умны, чтобы понять, что следующей жертвой будут они сами». По этой причине на II съезде партии (январь 1906 г.) кадеты осудили стачки и вообще революционные методы действия, после чего «вздохнули с облегчением:.. недобросовестный союз с революцией наконец окончился»⁴⁸.

Образование «Союза 17 октября»

Значительное внимание в англо-американской историографии уделяется проблемам, связанным с образованием «Союза 17 октября».

Один из пионеров английского россиеведения Б. Пэйрс характеризовал «Союз 17 октября» как «консервативных реформаторов», партию «Шипова и его друзей». Октябрьстов Пэйрс противопоставлял настоящим, по его мнению, носителям идеалов либерализма в России – кадетам⁴⁹. Д. Тредголд писал, что силу партии октябристов составляли богатые дворяне-

землевладельцы, и в еще большей степени – крупная буржуазия больших российских городов⁵⁰.

Несколько иначе оценивал социальный состав «Союза 17 октября» Р. Шарк. По его мнению, основу партии составили умеренные земские деятели, дополненные небольшими группами либеральных коммерсантов и бюрократов. Эту точку зрения поддерживает американский исследователь Х. Сетон-Уотсон⁵¹.

Профессор университета Тель-Авива Б.Ц. Пинчук в своей монографии о «Союзе 17 октября» пишет, что главной опорой партии стало правое крыло земских съездов и представители буржуазии. При этом помещики в руководстве «Союза» имели установившиеся политические взгляды и достаточно большой политический опыт, но большинство предпринимателей были новичками в политике и большой роли в жизни партии не играли. По составу «Союз» был «слабовыраженной коалицией индивидуумов и организаций», набором автономных групп. По сути, партия октябристов стала прибежищем для большой и достаточно аморфной массы людей, напуганных революцией, слабо связанных идейно и политически⁵².

Биограф А.И. Гучкова, американский исследователь Уильям Глисон пишет, что «предпринимательский» сегмент в руководстве партии не играл определяющей роли⁵³. Напротив, один из ведущих американских исследователей истории российской буржуазии Томас Оуэн отмечает, что большинство требований «Союза 17 октября» были созвучны политическим настроениям оппозиционных московских промышленников. Но при этом «Союз 17 октября» не был никогда «чисто купеческой партией»⁵⁴. Британский исследователь П. Уолдрон отмечает политическое преобладание помещичьего элемента в руководстве партии⁵⁵.

По-разному оценивается англо-американскими историками и организационная структура «Союза 17 октября». Американский специалист Майкл Брэйнерд называет «Союз» «широкой коалицией для достижения единственной краткосрочной цели: положить конец революции на стадии, обозначенной Октябрьским манифестом»⁵⁶. Другой

американский исследователь – Альфред Рибер – полностью согласен с таким мнением. «Союз 17 октября», пишет он, изначально был «широкой коалицией, державшейся ни чем иным, как страхом перед социальной революцией»⁵⁷.

А. Эшер пишет, что «Союз 17 октября» было бы точнее называть «политической ассоциацией», нежели партией. У октябристов никогда не было массовой поддержки. Вожди октябристов проявили не самые выдающиеся организационные способности, оказавшись не в силах до 1906 г. даже разработать структуру партии⁵⁸.

Пристальным вниманием к партии октябристов отличается монография Т. Эммонса. Вслед за современниками описываемых событий американский исследователь называет партию октябристов «разношерстной компанией». До середины 1905 г., пишет Эммонс, элементы, поддерживавшие будущих октябристов, были связаны почти исключительно с земством, позже к ним присоединяются городские слои: представители «деловых организаций», городского самоуправления и лица свободных профессий. Руководство октябристов, по Эммонсу, было неоднородно. Эммонс пишет, что «типичным октябристом» в Москве был земец, не привязанный напрямую к «свободным профессиям», а в Петербурге – член совета директоров крупного банка или крупного промышленного предприятия, зачастую с инженерным образованием, активный в городском самоуправлении. «Московская земская традиция и петербургский большой бизнес были двумя довольно несхожими полюсами инициативной группы Союза 17 октября...». «Возрастной ценз» лидеров октябристов был достаточно высоким (основная их масса появилась на свет в 1850-е гг.). Крупные провинциальные лидеры партии были чаще всего связаны с земством, а менее известные – с городским самоуправлением, предпринимательством, государственной службой (чаще всего – земские начальники), «свободными профессиями». В целом земско-дворянский элемент представлен у октябристов шире, чем у кадетов. Важна для руководства партии была и «корпоративно-дворянская» составляющая, которой практически не было в среде кадетов. В западных губерниях в руководстве партии было сильно чиновничество.

Также в руководстве октябристов были представлены православные священники, которых почти не было у кадетов. Университетских профессоров, в сравнении с кадетами, среди руководителей октябристов было меньше. Женщины почти отсутствовали на всех уровнях руководства⁵⁹. В целом же, по Эммонсу, «Союз 17 октября» был весьма «хрупким образованием». Если Ю.Н. Милютин и А.И. Гучков хотели сделать партию массовой – с четкой системой членства, четкой программой, постоянной оргструктурой, то были и другие лидеры (особенно Д.Н. Шипов), представлявшие себе «Союз 17 октября» скорее как аморфное объединение единомышленников, чьей главной задачей должна была стать подготовка к выборам («кадровая партия») – без централизованной организации, формальных правил членства и пр. В итоге, по мнению Т. Эммонса, «Союз 17 октября» стал «гибридом кадровой и массовой партии»⁶⁰.

Различные суждения высказываются англо-американскими исследователями при анализе идеологии и программы «Союза 17 октября».

Д. Тредголд характеризует октябризм как политическое направление, основанное на лояльности существующему политическому режиму, стремлении к конституционному порядку, единству России и «сильной власти»⁶¹.

С этим мнением не согласен Р. Шарк. Он пишет, что октябристы были приверженцами либеральной модели развития России, убежденными сторонниками политических свобод, народного представительства и конституционной монархии, хотя немалую роль в выработке партийной идеологии играли и классовые интересы лидеров партии⁶².

Идеология октябристов, пишет Б.Ц. Пинчук, была достаточно размытой. «Мирное обновление», к которому стремился «Союз 17 октября», было слишком общей задачей, а сочетание в одной политической системе царя и народного представительства – противоречивой конструкцией. Реформы, которых требовали октябристы, были минимальны. Одной из основ их идеологии был национализм⁶³.

Как пишет М. Брэйнерд, программа октябристов была «уклончива, двусмысленна и незавершенна». Призывы

октябристов к немедленному созыву Думы, к всеобщему избирательному праву были «неискренними» [disingenuous]. Программа по другим важным вопросам (аграрному, рабочему, местного самоуправления, просвещения и пр.) «не предлагала ничего необычного» и обо многом умалчивала. Аграрная программа была явно продворянской, выдвигая на первое место нерушимость частной собственности. Программа партии скрывала разницу во мнениях и ту спешку, в которой она создавалась. Насущные реформы в идеологии октябристов терялись под покровом «патриотической риторики»⁶⁴.

Т. Эммонс также оценивает программу «Союза 17 октября» критически. Стремление к немедленному воплощению принципов Манифеста 17 октября, свойственное кадетской программе, пишет он, у октябристов отсутствовало. Реформы допускались ими только «сверху». «Всеобщее» избирательное право в их понимании не подразумевало прямых выборов. Полномочия народного представительства широко не перечислялись. В аграрном вопросе возможность отчуждения помещичьей земли признавалась, но лишь в качестве «последней возможности». Примеси народничества, отличавшей кадетскую аграрную программу (положения о трудовой норме, государственном земельном фонде и др.), у октябристов не было. В рабочем вопросе октябристы признавали право рабочих на стачки и организацию профсоюзов, но их программа была загромождена лишними подробностями и не приветствовала резкого сокращения рабочего дня трудящихся. Октябристы считали, что рабочий вопрос не может быть решен без учета интересов промышленников. В вопросах просвещения октябристы обходили молчанием проблемы академической свободы, университетской автономии, студенческих организаций. В целом, пишет Т. Эммонс, позиции октябристов можно обозначить как «умеренно-прогрессивные»⁶⁵.

У. Глисон считает, что партия октябристов появилась на политической арене России как конституционно-монархическая, видя одной из главных задач примирение власти и общества. Октябристы стремились постепенно модернизировать политическую и социальную структуру общества. Хотя октябристы были сторонниками великорусского национализма,

но они не были правыми экстремистами. Национализм октябристов имел «народную» составляющую – стремление предоставить больше прав низшим слоям общества. Важную роль играло и желание октябристов поддерживать статус России как великой державы⁶⁶.

Октябристы, пишет английский исследователь Джеффри Хоскинг, основной упор в своей идеологии делали на сохранение государства и частной собственности⁶⁷. А. Эшер называет «Союз 17 октября» главной организацией российского консервативного либерализма⁶⁸.

Т. Оуэн отмечает, что оценивать идеологию октябристов можно по-разному, но партия всегда оставалась верна принципам Манифеста 17 октября, никогда не выступала за неограниченную власть монарха, старый сословный строй или антисемитизм⁶⁹.

Другая точка зрения у современного израильского историка Ш. Галая. Оценивая «природу» октябризма, пишет он, нужно различать ранние стадии формирования партии и ее будущее развитие, различие между теорией и практикой. Поначалу программа октябристов не очень отличалась от кадетской. Но «практическому» либерализму октябристов не хватало терпимости в отношении нацменьшинств (в особенности – поляков и евреев). Со временем октябризм все более сближался с консерватизмом и великорусским шовинизмом⁷⁰.

По-разному оценивается зарубежными исследователями тактика «Союза 17 октября» и его первые шаги в российской политической жизни.

Как пишет Б.Ц. Пинчук, в политике «Союза 17 октября» на начальных стадиях доминировало два момента: стремление покончить с революцией и поддержка правительства в деле водворения «нового порядка». Поэтому одной из главных проблем для них был поиск оптимального сочетания между переменами и стабильностью⁷¹. По мнению Т. Эммонса, расхождения в рядах октябристов между сторонниками дальнейших реформ и приверженцами консервации политического курса проявились с особой силой на первом партийном съезде (8–12 февраля 1906 г.)⁷².

Анализируя работу I съезда «Союза 17 октября» А. Эшер отмечает, что октябристы «резко расходились» по вопросам его состава и программы. Так, Д.Н. Шипов хотел созвать возможно более представительный съезд и избегать на нем обсуждения острых программных вопросов. Наоборот, Гучков и большинство участников заседаний ЦК 8–9 января 1906 г. хотели на будущем съезде как можно четче выявить «физиономию» октябризма. Исход заседания «не устроил ни Гучкова, ни Шипова». На I съезде партии 8–12 февраля 1906 г. выявились существенные расхождения между руководством и рядовыми членами, которые в основном были настроены консервативнее столичных лидеров. «...Съезд оказался глубоко разделен, и как следствие, по сути ни один вопрос решен не был»⁷³.

Из-за царивших на съезде разногласий, отмечает Р. Маннинг, ему не удалось прийти к единому решению по аграрному вопросу: «партийные лидеры склонялись в пользу ограниченной формы обязательного отчуждения [земли], но рядовые члены партии горячо настаивали на священности и неприкосновенности частной собственности»⁷⁴.

Освещение истории «малых» партий русского либерализма

Период первой российской революции был отмечен образованием ряда небольших политических партий, объединявших российских промышленников и предпринимателей. Крупнейшими из российских умеренно-либеральных предпринимательских партий были образованные в Петербурге Прогрессивно-экономическая партия (ПЭП) и Партия правового порядка (ППП), а также организовавшиеся в Москве Торгово-промышленная партия (ТПП) и Умеренно-прогрессивная партия (УПП). Если ПЭП, ППП и ТПП можно обозначить как близкие к «Союзу 17 октября», то УПП по своей идеологии и тактике стояла ближе к кадетам. Наиболее известной из этих партий была ТПП, насчитывавшая в своих рядах до нескольких десятков тысяч человек (только в Москве на январь 1906 г. – 15 тыс. чел.). Некоторые лидеры ТПП (Г.А.

Крестовников, В.П. и П.П. Рябушинские) были одновременно и членами ЦК партии октябристов⁷⁵. При этом ни одна из вышеупомянутых партий не пережила революции 1905–1907 гг., либо слившись с более крупными партиями (как произошло, к примеру, с ТПП, присоединившейся к октябристам), либо просто прекратив свое существование.

Как пишет американский исследователь социально-политической истории московских предпринимателей XIX – начала XX столетий Томас Оуэн, «публичное выражение либеральных идей русскими промышленниками и торговцами», было «едва ли не самым заметным политическим явлением революции 1905 г.». Выход на политическую арену, по Оуэну, логично приводил русских промышленников к более четкому осознанию общих интересов. В результате к концу 1905 г. наиболее активная в политическом отношении часть московского купечества (возглавляемая молодыми промышленниками – братьями П.П. и В.П. Рябушинскими, А.С. Вишняковым и др.) стала полноценной буржуазией⁷⁶. Политическое кредо молодых московских предпринимателей было изложено в меморандуме 27 января 1905 г., содержавшем призыв к власти даровать населению гражданские права, свободу собраний и союзов, усовершенствовать систему образования, принять меры для улучшения положения низших сословий. Авторы меморандума, по Оуэну, смогли подняться от защиты сословных интересов до осознания общегосударственных проблем, «хотя провокационного слова *конституция* (курсив автора – Н.М.) они избегали». С другой стороны, они декларировали приверженность «прочному правовому порядку», то есть правовому государству. В целом документ оставлял впечатление «идеологического замешательства» московских промышленников, «идеологической двойственности», под знаком которой и протекала политическая деятельность московской буржуазии в первой половине 1905 г. В мае–октябре 1905 г. «молодые» московские предприниматели (в противовес «старикам»-консерваторам под руководством Н.А. Найденова и Г.А. Крестовникова) все больше склоняются к конституционно-монархической точке зрения, хотя рост недовольства рабочих (сентябрь–октябрь) заставил и их вспомнить о «репрессивной

силе государства». После издания Манифеста 17 октября в Московском биржевом комитете царило «общее [для консервативного и либерального флангов московских промышленников – Н.М.] удовлетворение обещанием конституционной реформы» и благодарность императору, выраженная в единодушной телеграмме на его имя от 19 октября 1905 г.⁷⁷

Буржуазия, отмечает Т. Эммонс, политически организовалась в России одной из последних социальных групп. Внутренние расхождения, наличие в среде московской бизнес-элиты консервативного крыла (группа Н.А. Найденова – Г.А. Крестовникова), и оппозиционной группы под руководством П.П. Рябушинского не позволили ей оформить единую партию. Москва, по Эммонсу, была характерным примером того, как политическое объединение промышленников приобретало форму локальных малых организаций. Главной причиной политических расхождений, не позволивших русской буржуазии создать единую партию, по мнению Эммонса, был возрастной признак. Более возрастные представители московской буржуазии составляли костяк консервативной группировки, а более молодые тяготели к либерализму. Большинство руководителей «молодых», как и большинство лидеров партии кадетов, в основном родились в 1860-е гг. (единственное исключение – С.И. Четвериков – 1853 г. рождения). «Молодые» больше полагались на собственную инициативу, были лучше образованы, лучше знали мир по личному опыту, были более европеизированы, более заинтересованы в социокультурных контактах за пределами купечества, чем их старшие оппоненты⁷⁸.

Среди привилегированных социальных групп России, считает американский исследователь Джеймс Уэст, ни одна не была затронута событиями 1905 г. сильнее, чем купечество. «Вступив в XX век членами привилегированной касты, промышленники и купцы с первых дней революции оказались на передовой линии конфликта между трудом и самодержавием, продемонстрировав свою незащищенность и уязвимость». Они смогли за короткий период обрести некоторые черты современного общественного класса: ощущение общих

интересов; решимость противостоять требованиям и рабочего класса, и правительства; организационный опыт, необходимый для создания собственных политических партий. Однако, утверждает Уэст, оставался открыт вопрос о том, как скоро промышленники смогут преодолеть последствия «многовековых внутренних раздоров», насколько успешно они смогут влиться в состав «просвещенного общества»⁷⁹.

Наибольшее внимание образованию, составу, программе и деятельности партий российских промышленников и предпринимателей в 1905–1907 гг. уделяет в своей монографии Т. Эммонс. Партия правового порядка (ППП), пишет Эммонс, была наиболее тесно связана с крупным бизнесом и крупным капиталом. Инициатива ее создания исходила от столичной технической интеллигенции, а также некоторых предпринимателей. ППП была очень разношерстна: в состав ее помимо предпринимателей входили чиновники, дворяне, лица свободных профессий, священники. Многие из них принимали одновременно участие и в партии октябристов. Но в ППП существовало также крыло с «демагогическими и шовинистическими» склонностями, что тревожило лидеров октябристов. В своих программных установках ППП, как и остальные «партии центра», делала упор на государственном единстве России; при этом в ее программе не было положений, специально адресованных российскому «деловому сообществу», как и положений, выражающих интересы землевладельцев. Программа ППП по рабочему вопросу выражала самые общие пожелания (улучшение условий труда, уменьшение рабочего времени, страхование и др.), а по крестьянскому – содержала положения о защите частной собственности на землю, возможности расширения крестьянских угодий за счет помещичьих. На своем первом собрании (15 октября 1905 г.) инициаторы создания ППП провозгласили необходимость создания «конституционной партии с определенной программой». По сути, организовываться они начали в противовес сентябрьскому земскому съезду, противостоя его федералистским устремлениям, выдвигая лозунг сохранения «единой и неделимой» России (при этом не отстаивая националистических лозунгов), сильной государственной власти.

Как кадеты и октябристы, организаторы ППП заявили, что не являются сторонниками каких-либо классовых интересов. Базовые принципы ППП были, по Эммонсу, «смесью национализма, критики режима и одобрения прав, обещанных Октябрьским Манифестом». ППП существовала дольше других «партий центра»: к примеру, известно о ее участии в выборах во II Государственную думу. Однако, в результате она распалась: часть ППП вошла в партию октябристов, часть (правые) – главным образом, в Союз русского народа⁸⁰.

Прогрессивно-экономическая партия (ПЭП) во главе с М.Н. Триполитовым оценивается Т. Эммонсом как «чисто капиталистическая» партия, созданная петербургскими промышленниками. Основной их интерес состоял в защите классовых интересов от притязаний рабочих, социалистов и кадетов. Даже у «Союза 17 октября» к ПЭП было не самое положительное отношение: так, октябрист И.С. Клименко предрекал, что ПЭП получит клеймо «партии плутократов, партии капиталистов». С другой стороны, программа ПЭП была умеренно-либеральной и мало отличалась от программы октябристов, хотя и имела уклон в сторону защиты интересов имущих классов (недопущение отчуждения помещичьих земель, защита частного предпринимательства и др.). Требование «единой и неделимой России» ставило ее в один ряд центристскими и консервативными партиями. С другой стороны, программа ПЭП по рабочему вопросу была либеральной: признавалось право стачек, ограничение рабочего времени для женщин и подростков, страхование рабочих «и другие усовершенствования условий труда». ПЭП даже выпускала газету, обращенную к рабочей аудитории. В целом между ПЭП и октябристами, считает Эммонс, было мало программных отличий, и с образованием «Союза 17 октября» члены ПЭП стали активно вступать в него⁸¹.

История Торгово-промышленной партии (ТПП) достаточно детально анализируется в работах нескольких американских ученых. Первой из них по времени была монография Альфреда Рибера. ТПП характеризуется Рибером как партия «недолговечная и бессильная», история которой была характерна для московского купечества, изолированного от

остальной страны (что, на наш взгляд, неверно, поскольку ТПП была, наоборот, наиболее представительной среди прочих российских буржуазных партий⁸²). Главным принципом ТПП, отмечает А. Рибер, было стремление к всемерной поддержке правительства в осуществлении принципов Манифеста 17 октября, сохранении единства России, введении свобод в дозволенных законом рамках. В аграрном вопросе ТПП стремилась к разрушению общины, поддержке частного крестьянского хозяйства и недопущению «обязательного отчуждения» земель. Хотя идейные установки ТПП и «Союза 17 октября» были схожи, от октябристов идеологию ТПП отличала программа по вопросам развития промышленности – с ее особым акцентом на недопущении введения 8-часового рабочего дня и ограничений труда для мужчин, а также с особым упором на необходимость форсированной разработки природных ресурсов России. «Политический вакуум на вершине партии» был заполнен В.С. Баршевым – образованным промышленником, имевшим опыт работы в земстве и происходившим из семьи известных московских криминологов – «вряд ли типичным московским купцом». Под его руководством партия организовала 19 местных комитетов (в великорусских губерниях и Сибири), а также по возможности оформив политические блоки с другими партиями – в первую очередь, с «Союзом 17 октября». Социальная опора ТПП, помимо купечества, в основном была представлена крестьянством, связанным с торгово-промышленной деятельностью. Еще одной потенциальной опорой для ТПП были купеческие приказчики – «органическая часть патриархальной семейной фирмы». Но «квази-феодальный» характер их зависимости от хозяев и относительные выгоды контрактной системы труда отнюдь не сближали их с ТПП. Еще более проблематично было добиться поддержки от интеллигенции. По сути, заключает А. Рибер, массовой поддержки у ТПП никогда не было. Призывы к расширению социальной базы партии, периодически раздававшиеся от рядовых ее членов, руководством игнорировались. Отношение к «соседям» по политической арене – например, кадетам, – было у руководства ТПП «открыто враждебным» (хотя ТПП выступала и против правых партий).

Единственно приемлемыми политическими союзниками для партии Баршева и Крестовникова были октябристы, ППП и УПП. «Безжизненный» общероссийский съезд ТПП в феврале 1906 г. и патриархальное позиционирование руководства предопределили скорую политическую смерть партии. Да и масштаб ее не способствовал успеху в «большой политике»: ТПП выражала лишь интересы части купечества Центра России⁸³.

Т. Эммонс характеризует ТПП как партию консервативного большинства московских буржуазных кругов. Это была «партия бизнеса», более других заинтересованная в скорейшем восстановлении порядка в стране и подавлении революционного движения. 13 октября 1905 г. сторонники ТПП призвали московского генерал-губернатора к введению военного положения в Москве. Главными программными положениями ТПП были: полное сотрудничество с правительством в деле реализации Манифеста 17 октября, восстановления законности и порядка; сохранение единства России; регулирование прав и свобод, обещанных в Манифесте, специальными законами, гарантирующими охрану прав граждан и единство страны; «созидательная деятельность Государственной думы». ТПП не стремилась к широкому сотрудничеству с другими политическими силами, очевидно, видя себя в роли главных представителей интересов торговцев и промышленников. Тем не менее, политическое бытие ТПП было недолговечным: в конце 1906 г. она распалась, а наиболее активные ее деятели присоединились к «Союзу 17 октября»⁸⁴.

Т. Оуэн отмечает, что хотя ТПП и проповедовала приверженность реформам и поддержку октябрьского Манифеста, «ее первостепенной заботой была политическая стабильность». ТПП гораздо сильнее настаивала на «восстановлении порядка», чем, к примеру, УПП. Экономическая программа ТПП «отражала явный классовый уклон» партии⁸⁵.

Вышеуказанные американские ученые уделяют в своих работах внимание и недолгой истории Умеренно-прогрессивной партии (УПП). А. Рибер пишет, что толчком к ее созданию стал крах надежд «молодого поколения» московских

предпринимателей на создание всероссийского объединения промышленников. Несмотря на недолгое существование УПП, ее идеалы были впоследствии востребованы в новых формах: в думском Прогрессивном блоке (1915–1917 гг.) и политике Временного правительства. В противоположность ТПП, УПП заявила о себе рядом смелых и точных деклараций. В декларации о создании партии всё говорило об УПП как «современной политической партии». Программа сближала УПП с кадетами, кроме положений по национально-территориальному и рабочему вопросам («единая и неделимая» Россия, в которой допускалось только местное самоуправление; недопущение 8-часового рабочего дня, выведение фабричной инспекции из-под государственного контроля). УПП предпринимала попытки расширения, но октябрьская стачка положила им конец. С.И. Четвериков превратил рабочую комиссию Московского биржевого комитета фактически в орган борьбы против стачек (хотя и противостоял предложениям Н.А. Найденова ввести военное положение). А.И. Коновалов, В.П. и П.П. Рябушинские и И.А. Морозов подписали обращение, в котором возлагали вину за беспорядки на революционные партии и призывали создать предвыборный блок против них. «Ясно, что теперь московские предприниматели больше боялись рабочих, чем правительства, и резко сдвинулись на контрреволюционные позиции», – пишет А. Рибер. Призывая вместе с другими представителями купеческого сословия помочь правительству в деле водворения порядка, руководители УПП повели себя «как члены капиталистического имущего класса, столкнувшиеся лицом к лицу с рабочей революцией». Менее ясен, пишет Рибер, вопрос о том, насколько лидеры УПП были готовы к взаимодействию со своими политическими соперниками. Коновалов, П.П. Рябушинский и Четвериков, состоявшие до конца августа 1906 г. в «Союзе 17 октября», вышли из него в связи с известными демаршами А.И. Гучкова в поддержку репрессивной столыпинской политики. Однако, найти нужную политическую нишу для бывших лидеров УПП было непростой задачей. В итоге целых 6 лет понадобилось лидерам московских буржуазных либералов, чтобы создать новую жизнеспособную организацию – партию прогрессистов⁸⁶.

Т. Эммонс считает, что УПП не выдвигала в своей программе каких-то «классовых» требований на первый план; ее программа в целом мало отличалась от кадетской – кроме пунктов об автономии окраин и по рабочему вопросу. Характер программы УПП отдалял ее не только от партий бизнеса, но и от октябристов. Тем не менее, когда УПП раскололась, ее основные силы присоединились именно к «Союзу 17 октября»⁸⁷.

Т. Оуэн также отмечает, что программа УПП была наиболее либеральной среди буржуазных партий. Партия объединила в основном «молодых» представителей МБК: П.П. Рябушинского, А.И. Коновалова, виноторговца В.И. Горнунга и др. Программа ее была схожа с кадетской в отстаивании либеральных реформ, но позиции по национальному и рабочему вопросам были традиционными «буржуазными» местами в идеологии УПП, мешавшими ее объединению с «надклассовой» кадетской партией. С другой стороны, УПП была «слишком либеральной» для большинства московских промышленников, и потому была малочисленна⁸⁸.

Краткие выводы

Таким образом, в англо-американской исторической науке проделана значительная работа по освещению истории русского либерализма сквозь призму революционных событий 1905–1907 гг. На протяжении XX – начала XXI столетий в англо-американской русистике неоднократно менялись базовые теоретико-методологические установки, что было связано с рядом причин как внутринаучного, так и общественно-политического характера. Если до 1960-х годов в англо-американской русистике господствовала теория тоталитаризма, то с этого времени в ней появляются «ревизионистское» и «либеральное» направления, а с 1990-х укрепляется направление «новой истории» с его междисциплинарным уклоном, креном в сторону применения лингвистических и культурологических методов. Эти общие тенденции не могли не отразиться и на изучении истории русского либерализма.

Анализируя историю русского либерализма в 1905 г., некоторые ученые делают акцент на выражении его радикально-

демократического крылом (с октября 1905 г. связанным с кадетской партией) общенациональных требований. Кадеты, не ограничиваясь разработкой политических вопросов, уделяли значительное внимание вопросам социально-экономическим. Либерализм кадетов, по мнению этих ученых, был демократичен, его носителем стала внеклассовая интеллигенция. Однако, тактика русских либералов-радикалов (как позже и кадетов) зачастую была схожа с революционной. Таких взглядов придерживаются, к примеру, Дж. Фишер, Д. Тредголд, Дж. Уолкин, Р. Шарк, А. Улам, Т. Риха, М. Стокдэйл и др. Историки-«ревизионисты» в целом считали, что программа русских либералов-радикалов (кадетов) была программой демократической интеллигенции и близких ей социальных групп. Нельзя, писали «ревизионисты», считать программу партии кадетов чересчур радикальной или преувеличивать значение их призывов к единству с революционерами. Хотя кадеты видели ограниченность реформ, проведенных в 1905–1906 гг., но все же считали их определенным сдвигом в политической системе России и почвой для дальнейшей демократизации государственного строя. Таких взглядов придерживаются Т. Эммонс, Р. Маннинг, А. Эшер, О. Файджес, Р. Уэйд и др.

В работах Т. Эммонса, Р. Маннинг, А. Эшера достаточно подробно изучен феномен земского либерализма в 1905 г. Центристское и умеренное крылья русского либерализма, тесно связанные с земско-городскими съездами, попали в первый год революции в непростую ситуацию. Являясь сторонниками ограниченного избирательного права, совещательного народного представительства, умеренные земские либералы (во главе с Д.Н. Шиповым) стремительно утрачивали свои позиции. К лету 1905 г., повинаясь общей логике развития событий, земско-либеральное движение заметно радикализуется, но появляется и «новое меньшинство» во главе с А.И. Гучковым, активно проявившее себя на сентябрьском земско-городском съезде. Его представители настаивали на единстве России, недопустимости федерализации страны. После обнародования Манифеста 17 октября 1905 г. на первый план для «нового меньшинства» выступила проблема отношения к правительственному курсу в свете реализации обещанных реформ. Установка на компромисс

с правящими сферами стала основой политики складывавшегося «Союза 17 октября».

Ранняя история «Союза 17 октября» порождала в англо-американской историографии разные мнения. Основная масса англо-американских историков отмечала наличие в руководстве партии октябристов двух основных компонентов: земско-помещичьего и предпринимательского, но если, к примеру, Д. Тредголд и Т. Оуэн пишут о преобладании предпринимательских интересов, то У. Глисон, напротив, считает, что специальных интересов буржуазии октябристы не представляли; Р. Шарк, Х. Сетон-Уотсон, П. Уолдрон склонны подчеркивать преобладание помещиков-земцев; Т. Эммонс характеризует «Союз 17 октября» как «разношерстную компанию», в руководство которой не только земцы и предприниматели, но и чиновники, профессура, священнослужители и др. Некоторые историки (как Б.Ц. Пинчук, У. Глисон, М. Брэйнерд, А. Эшер) делают особый акцент на неоднородности и слабой организованности «Союза 17 октября». Большинство авторов признают базовыми идеологическими характеристиками октябристов лояльность политическому режиму, противостояние революции, стремление к утверждению конституционной монархии и национализм. Тем не менее, отдельные историки дают октябристской идеологии разную оценку. Так, Р. Шарк пишет, что «Союз 17 октября» можно считать либеральной партией; в то же время на эклектизм и порой двусмысленность идеологии «Союза 17 октября» обращают внимание Б.Ц. Пинчук, М. Брэйнерд, Т. Эммонс; А. Эшер признает октябристов основной силой российского консервативного либерализма.

Американские историки А. Рибер, Т. Эммонс, Т. Оуэн, Дж. Уэст достаточно подробно анализируют в своих работах процессы, связанные с «политическим пробуждением» российской (в первую очередь – московской) буржуазии и зарождением ее собственных политических партий. Все вышеупомянутые ученые едины во мнении о том, что 1905 год стал переломным для политических настроений российской буржуазии, сыграв определяющую роль в выработке ее классового самосознания. Однако, масштабы этих процессов оцениваются по-

разному: если, к примеру, Т. Оуэн делает вывод о том, что к концу 1905 г. в России сформировалась полноценная буржуазия с достаточно структурированным классовым самосознанием, то А. Рибер считает, что и после революционных событий она оставалась в переходном положении «между кастой и классом», а прежние сословные, региональные, этнические противоречия мешали ей оформиться в полноценную современную социальную группу, как и создать единую политическую партию.

В политике, начиная с 1905 г., участвовала лишь небольшая часть российских предпринимательских кругов, и даже их политическая деятельность носила на себе в годы Первой русской революции черты провинциализма, не позволившего им осознать свои общие интересы и политически объединиться в общероссийском масштабе. Поэтому политические партии российских промышленников и предпринимателей, созданные на волне революционных событий в 1905–1906 гг., оказались недолговечными и быстро распались, сойдя с политической сцены не позже 1907 г.

Библиография

¹ Первая русская революция: взгляд из XXI века. М., 2016 // Соционет [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/prr.pdf>.

² *Treadgold D.* Lenin and his rivals: The struggle for Russia's future, 1898–1906. N. Y., 1955. P. 191–193.

³ *Treadgold D.* The Constitutional Democrats and the Russian liberal tradition // *The American Slavic and East European review*. Vol.10. 1951, No 2. P. 88.

⁴ *Treadgold D.* Lenin and his rivals... P. 201.

⁵ *Charques R.* The twilight of Imperial Russia. London – N.Y. – Toronto, 1965. P.122.

⁶ *Harcave S.* First blood. The Russian revolution of 1905. London, 1964. P. 115–117, 142.

⁷ *Malia M.* History's locomotives: Revolutions and the making of the modern world. New Haven – London, 2006. P. 266.

⁸ *Galai S.* The liberation movement in Russia, 1900–1905. Cambridge (Mass.), 2002. P. 244, 252–256.

⁹ *Fitzpatrick S.* The Russian revolution. Oxford – New York, 1982. P. 28–29.

¹⁰ *Ascher A.* The revolution of 1905. Vol. I. Russia in disarray. Stanford (Cal.), 1988. P. 181–182.

¹¹ *Emmons T.* The formation of political parties and the first national elections in Russia. Cambridge (Mass.) – London, 1983. P. 36–38.

¹² *Walkin J.* The rise of democracy in pre-revolutionary Russia: Political and social institutions under the last three Czars. N.Y., 1962. P.202; *Galai S.* The role of the Union of Unions in the revolution of 1905 // *Jahrbücher für geschichte Osteuropas.* Bd. 24. 1976, #4. P.513; *Dahlmann D.* Liberals in the provinces: The Kadets and the Duma elections in Saratov, 1906–1912 // *Conroy M.S., ed.* Emerging democracy in late Imperial Russia: Case studies on local self-government (the Zemstvos), State Duma elections, the Tsarist government and the State Council before and during World War I. Niwot, 1998.P. 94.

¹³ *Harcave S.* Op. cit. P.141–142, 144.

¹⁴ *Dahlmann D.* Op. cit. P. 94–95.

¹⁵ *Kochan L.* Russia in revolution, 1890–1918. London, 1966. P. 86; *Figes O.* A people's tragedy: the Russian revolution, 1891–1924. 2nd ed. London, 1996. P. 187.

¹⁶ *Frankel J.* The war and the fate of the Tsarist autocracy // *Kowner R., ed.* The impact of the Russo-Japanese war. N.Y., 2007. P. 64.

¹⁷ *Galai S.* The role of the Union of Unions ... P. 518; *Ulam A.B.* Russia's failed revolutions: From the Decembrists to the Dissidents. N.Y., 1981. P. 175; *Kochan L.* Op. cit. P. 91; *Figes O.* Op. cit. P. 187.

¹⁸ *Ascher A.* Op. cit. P. 144; *Walkin J.* Op. cit. P. 203; *Seton-Watson H.* The decline of imperial Russia, 1855–1914. 9th ed. N.Y.– Washington, 1965. P. 221; *Riha T.* Russian European. Paul Miliukov in Russian politics. Notre Dame – London, 1969. P. 78; *Stockdale M.K.* Paul Miliukov and the quest for a liberal Russia, 1880–1918. Ithaca – London, 1996. P.137.

¹⁹ *Galai S.* The role of the Union of Unions ... P. 522–524.

²⁰ *Ascher A.* Op. cit. P. 93, 113, 115–116.

²¹ *Emmons T.* Op.cit. P. 96–101.

²² *Manning R.* The crisis of the old order in Russia: Gentry and government. Princeton, 1982.P. 95–99, 102, 106–108.

²³ *Pares B.* A history of Russia. 4th ed. N.Y., 1944. P. 432; *Pares B.* The fall of the Russian monarchy. N.Y., 1939. P. 82.

²⁴ *Ascher A.* Op. cit. P. 117–119.

²⁵ *Ascher A.* Op. cit. P. 151, 175–177, 179–181.

²⁶ *Manning R.* Op. cit. P. 119, 132–133.

²⁷ *Manning R.* Op. cit. P. 135–137.

²⁸ *Emmons T.* Op.cit. P. 105–107.

²⁹ *Walkin J.* Op. cit. P. 102–103.

³⁰ *Walkin J.* Op. cit. P. 3–4; *Treadgold D.* The Constitutional Democrats... P. 85.

³¹ *Fischer G.* Russian liberalism: From gentry to intelligentsia. Cambridge (Mass.), 1958. P. 48–52, 120–125.

³² *Riha T.* Op. cit. P. 92.

³³ *Stockdale M.K.* Liberalism and democracy: The Constitutional Democratic party // *Geifman A., ed.* Russia under the last Tsar: Opposition and subversion, 1894–1917. Oxford – Malden, 1999. P. 159, 161.

³⁴ *Treadgold D.* Lenin and his rivals... P. 52–53.

³⁵ *Stockdale M.K.* Paul Miliukov and the quest... P. XIII. См. также: *Idem.* Liberalism and democracy: The Constitutional Democratic party. P. 156–159.

³⁶ *Wartenweiler D.* Civil society and academic debate in Russia, 1905–1914. Oxford – N.Y., 1999. P. 68–69.

³⁷ *Williams B.* 1905: The view from the provinces // *Smele I.D., Heywood A., eds.* The Russian revolution of 1905: Centenary perspectives. London – New York, 2005. P. 46.

³⁸ *Emmons T.* Op. cit. P. 41–50.

³⁹ *Ascher A.* Op. cit. P. 235–237.

⁴⁰ *Wade R.* The Russian revolution, 1917. Cambridge, 2000. P. 12–13.

⁴¹ *Gooding J.* Constitutional government in Russia: Problems and perspectives // *Thatcher I.D., ed.* Regime and society in twentieth century Russia. Basingstoke, 1999. P. 81–82.

⁴² *Treadgold D.* Lenin and his rivals... P. 202–205.

⁴³ *Ulam A.B.* Op. cit. P. 178–179; *Crankshaw E.* The shadow of the Winter palace. The drift to the revolution, 1825–1917. London, 1976. P. 347–348.

⁴⁴ *Frankel J.* Op. cit. P. 67.

⁴⁵ *Malia M.* Op. cit. P. 266.

⁴⁶ *Stockdale M.K.* Paul Miliukov and the quest... P. 146, 148.

⁴⁷ *Ascher A.* Op. cit. P. 237.

⁴⁸ *Figes O.* Op. cit. P. 193, 207–208.

⁴⁹ *Pares B.* A history of Russia. P. 435; *Pares B.* The fall of the Russian monarchy. P. 87.

⁵⁰ *Treadgold D.* Lenin and his rivals... P. 241.

⁵¹ *Charques R.* Op. cit. P. 146; *Seton-Watson H.* Op. cit. P. 248.

⁵² *Pinchuk B.C.* The Octobrists in the Third Duma, 1907–1912. Seattle – London, 1974. P. 8–11.

⁵³ *Gleason W.* Alexander Guchkov and the end of the Russian Empire // *Transactions of the American philosophical society held at Philadelphia for promoting useful knowledge.* Vol. 73. Pt. 3, 1983. P. 21.

⁵⁴ *Owen Th. C.* Capitalism and politics in Russia: A social history of the Moscow merchants, 1855–1905. Cambridge, 2008. P. 197.

⁵⁵ *Waldron P.* Late Imperial constitutionalism // *Thatcher I.D., ed.* Late Imperial Russia: Problems and prospects. Essays in honor of R.B. McKean. Manchester – N.Y., 2005. P. 39.

⁵⁶ *Brainerd M.* The Octobrists and the gentry, 1905–1907: Leaders and followers? // *Haimson L., ed.* The politics of rural Russia. 1905–1914. Bloomington – London, 1979. P. 74.

⁵⁷ *Rieber A.J.* Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982. P. 318.

-
- ⁵⁸ *Ascher A.* Op. cit. P.237.
- ⁵⁹ *Emmons T.* Op. cit. P. 89, 112–113, 212–214, 216–217.
- ⁶⁰ *Emmons T.* Op. cit. P. 231.
- ⁶¹ *Treadgold D.* Lenin and his rivals... P. 135, 241.
- ⁶² *Charques R.* Op. cit. P. 146.
- ⁶³ *Pinchuk B.C.* Op. cit. P. 11–14.
- ⁶⁴ *Brainerd M.* Op. cit. P. P. 73.
- ⁶⁵ *Emmons T.* Op. cit. P. 109–111.
- ⁶⁶ *Gleason W.* Op. cit. P. 18–20, 22.
- ⁶⁷ *Хоскинг Дж.* Россия: Народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2000. С. 416.
- ⁶⁸ *Ascher A.* Op. cit. P. 235.
- ⁶⁹ *Owen Th. C.* Op. cit. P. 198–199.
- ⁷⁰ *Galai S.* The true nature of Octobrisim // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* Vol. 5. 2004, # 1. P. 139–140.
- ⁷¹ *Pinchuk B.C.* Op. cit. P. 20–21.
- ⁷² *Emmons T.* Op. cit. P.114–115, 120–122, 125.
- ⁷³ *Ascher A.* The revolution of 1905. Vol. II. Authority restored. Stanford (Cal.), 1992. P. 31, 33–34.
- ⁷⁴ *Manning R.T.* Op. cit. P. 201–202.
- ⁷⁵ Партии российских промышленников и предпринимателей, 1905–1906 гг.: Документы и материалы. М., 2004. С. 7–18.
- ⁷⁶ *Owen Th. C.* Op. cit. P. 173–174.
- ⁷⁷ *Owen Th. C.* Op. cit. P. 174–178, 185, 189, 191–193.
- ⁷⁸ *Emmons T.* Op.cit. P. 128–129, 131–134.
- ⁷⁹ *Уэст Дж. Л.* Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии (1909–1914) // *Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология.* Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 300–301.
- ⁸⁰ *Emmons T.* Op. cit. P. 126–127, 139–141, 228–229.
- ⁸¹ *Emmons T.* Op. cit. P. 134–136.
- ⁸² Партии российских промышленников и предпринимателей ... С. 14.
- ⁸³ *Rieber A.J.* Op. cit. P. 272–277, 279–281, 285.
- ⁸⁴ *Emmons T.* Op.cit. P. 136–138, 127.
- ⁸⁵ *Owen Th. C.* Op. cit. P. 196–197.
- ⁸⁶ *Rieber A.J.* Op. cit. P. 316–319.
- ⁸⁷ *Emmons T.* Op. cit. P. 137–139, 127.
- ⁸⁸ *Owen Th. C.* Op. cit. P. 195–196.

**СУДЬБА «ОСНОВНОГО ЗАКОНА
О СОЦИАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ»:
ПАРТИЙНАЯ БОРЬБА СОЦИАЛИСТОВ ВО ВЦИК
ВОКРУГ АГРАРНОГО ВОПРОСА**

В.П. Николашин

После закрытия Учредительного собрания судьба аграрного закона была вверена президиумом ВЦИК Советов крестьянских депутатов 3-му Всероссийскому съезду Советов крестьянских депутатов. 13 января 1918 г. состоялось его открытие. Большевики и левые эсеры имели на нем большинство голосов. И, несмотря на все попытки соперников повлиять на ход съезда, «Основной закон о социализации земли» 25 января 1918 г. был утвержден и в целом был принят, после чего он поступил на утверждение во ВЦИК. Параллельно этому в аппарате ВЦИК рассматривался и редактировался первый раздел. 25-го вечером или 26 января большевиками и левыми эсерами была образована на паритетных началах комиссия. 26–27 января окончательный текст закона согласовывался в этой комиссии и в президиуме ВЦИК. Там и проходили заключительные споры между большевиками и левыми эсерами. Вечером 27 января согласованный ими текст закона был утвержден на пленарном заседании ВЦИК.

Для рельефного реконструирования данного процесса и выявления оппозиционных настроений по данному вопросу во ВЦИК и российской политической среде подробно рассмотрим процедуру принятия «Основного закона о социализации земли».

На заседания ВЦИК 27 января (9 февраля) 1918 г. ключевым вопросом был вопрос о земле. Здесь присутствовало 220 делегатов. Из них 122 большевика, 85 левых эсеров, 3 правых эсера, трое представляли объединенных интернационалистов, 5 – социал-революционеров максималистов и двое – анархистов – коммунистов¹. Эти цифры свидетельствуют о преобладании пробольшевистских настроений во ВЦИК.

Для утверждения «Основного закона о социализации земли» большевики и левые эсеры стремились использовать самые различные инструменты политического воздействия на немногочисленные оппозиционные силы, представленные во ВЦИК. Так, «заседание Ц.И.К. было назначено на 6 час. вечера»², но затем было перенесено на 11 часов вечера. Отношение к принимаемому закону формировало в Таврическом дворце полярные настроения. При этом, как отмечала пресса, «настроение крестьян... получить землю – торжественно, хотя оно нарушено недовольством членов земельного комитета, допущенных на... заседание в качестве гостей. Им предоставлены последние места в зале»³.

Описание начала заседания отражено в «Правде» от 28 января 1918 г.: председатель «тов. Свердлов, открывая заседание, указывает, что на последнем заседании 3-го Верховного Съезда Советов Р., С. и Кр. депутатов были приняты в основу земельного закона первые его 19 пунктов»⁴. Свердлов отметил, что было поручено «президиуму окончательное редактирование этих основных положений. В настоящее время президиум закончил свою работу и поставил к вашему сведению эти 19 пунктов, утвержденных президиумом окончательно. Помимо того, что касается остальных положений закона, тех отделов, которые оглашались на съезде, на последнем заседании, то было принято решение, приняв в целом за основу прочитав, передать их для детальной разработки в крестьянскую секцию с тем, чтобы результатом работы были утверждены Центр. Исп. Комитетом. Начав оглашение этих 19 пунктов, чтобы все знали, в каком виде президиум окончательно утвердил эти основные положения, мы перейдем к тому, что сделала крестьянская секция»⁵.

Далее Я.М. Свердлов предоставил право М.А. Спиридоновой охарактеризовать работу крестьянской секции. В своем выступлении представительница левых эсеров отметила, что съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «разъехавшись, оставил наказ крестьянской секции съезда Сов. Окончательно рассмотреть и разработать этот конец законопроекта о социализации земли, который шел после 19 пунктов и который был положен в основу голосования съезда крестьянской секции съезда Сов. оставил. Постановил

разделиться на ряд маленьких секций, всего на 26. Он соединился вместе со съездом земельных комитетов. Работа шла напряженно, интенсивно и днем и вечером. В результате работы были открываемы время от времени пленарные заседания, на которых старались согласовать работу. Затем вносили ряд поправок к законопроекту. В результате оживленного обмена мнениями, каждая поправка принималась или отвергалась, и вот, в результате такого напряженного коллективного творчества съехавшееся со всей России крестьянство, получило законопроект о социализации земли. Президиум крестьянской секции Съезда Советов и Съезда земельных комитетов поручил его работу на окончательное утверждение верховного органа народной власти, которым является Ц.И.К. Товарищи, многие из Вас работали в этой крестьянской секции, во всех ее подразделениях, так что многие товарищи уже знакомы в основных положениях и в деталях с этим законопроектом. Знайте, что если этот законопроект утвердите сейчас, сделаете его законом о земле, то вы сейчас, действительно, творите нашу будущую жизнь. Тот взрыв всей массы общественных основ, который дано было производить крестьянству на местах, теперь получит свое юридическое право закрепления в центре. Вы будете в настоящее время устанавливать новые основы земельного правопорядка, вы будете закладывать здесь новые права, новые начала земельного быта, начала справедливые, социалистические, трудовые. Если вы сегодня этот законопроект о социализации земли сделаете законом о земле, то вы можете сказать тогда: Да здравствует не только социализация земли, но да здравствует социализм...»⁶.

Политические мотивированные делегаты, ряд из которых принимали активное участие в разработке данного законопроекта, одобрили выступление М.А. Спиридоновой. Сам законопроект, являвшийся по утверждению большевиков и левых эсеров результатом работы крестьянской секции, озвучил Устинов. По-видимому, он достаточно плохо был знаком с текстом законопроекта, так как в начале выступления, как отражено в стенограмме, предупредил: «Дальнейший текст очень плохо читается, так что если я буду задерживаться в некоторых местах, то я прошу извинения»⁷.

После А.М. Устинова к трибуне вышел представитель объединенных интернационалистов. А.А. Блюм отметил: «...мы сейчас были свидетелями довольно необычайной партии: член коллегии министерства земледелия с большим трудом читал нам длинный ряд статей, которые должны регулировать земельные отношения будущего. Я весьма сочувствую тов. Устинову, но должен сознаться, что на слух был еще более затруднен. Я не говорю о тех немногих оставшихся в этом деле марксистских головах, которые весьма трудно усвоила продукт творчества с.-р., примкнувшим к ним большевикам. Я вхожу в положение любого сидящего и спрашиваю, что он мог усвоить из того, что он услышал в перечне тов. Устинова. Разобраться в этих статьях, между которыми есть несомненные противоречия, неточности, неясности, статьи, которые требуют редакционных поправок, весьма трудно. Все это требует известного внимательного рассмотрения. Поэтому я нахожу, что законопроект немедленно же не может быть принят. Должен еще указать на то обстоятельство, что сегодняшнее заседание Ц.И.К., назначенное в 6 часов, открылось только в 11. Товарищи, принадлежащие к правительственным партиям, быть может, имели возможность за это время ознакомиться этим проектом и обсудить его. Положение тех фракций, которые к правительственным не принадлежат, было совсем иное. Я полагаю, что во всяком парламентском учреждении, каковым должен быть Ц.И.К. порядок нужно установить обратный. Категорически от фракции социал-демократов интернационалистов заявляем протест против такого порядка. Сейчас я предлагаю обсуждение того, что предлагал Устинов, отложив [голосование – В.Н.] до следующего заседания, передав материалы для каждой фракции»⁸.

Демократическая риторика, использованная А.А. Блюмом в своем выступлении, а также объективные замечания, как по процедуре подготовки законопроекта, так и процедуре голосования встретили ожидаемый отпор со стороны большевиков в лице председателя Я.М. Свердлова. Он сказал: «Я должен указать, чтобы не было различных кривотолков, что этот законопроект был принят за основу на съезде Советов. В настоящее время мы помним результаты тех работ, которые

были подучены съездом крестьянской секции съезда, а поручение было ясно и определено следующее: крестьянской секции поручено разработать принятый в основном законопроект о земле. Поэтому сейчас никаких общих проектов, никакого общего обсуждения допущено быть не может («Правильно», рукоплескания). В настоящее время возможны только те или иные поправки. Ко мне никаких поправок не поступало. Поэтому приступаем к голосованию...»⁹.

Далее Я.М. Свердлов предоставил слово правому эсеру Пумпянскому, определяя тематику его выступления как «мотивы голосования». Выступавший обратился непосредственно к теме «социализации земли». Н.П. Пумпянский в своем выступлении сказал: «Товарищи, насколько серьезен этот законопроект, вряд ли мне нужно говорить. Присутствующим здесь крестьянам и представителям земельных комитетов, в качестве гостей сидящими здесь на задних скамьях, видно, насколько безграмотно составлен законопроект, предложенный вниманию Съезда Народным Комиссаром Колегаевым. (шум, крик: ложь), насколько неудачно был составлен проект, предложенный Съезду Народным Комиссаром Колегаевым, видно из того, что работа крестьянской секции дала результат. Меня, человека близко стоящего по принадлежности к партии, всю жизнь посвятившего этому больному вопросу нашей родины, меня чрезвычайно обрадовала эта работа. Если вы сравните то, что было написано раньше, со всеми прелестями, которые здесь выпущены, то вы увидите, как надо подумать, прежде чем поднять руку за тот или иной законопроект. Съезд, к сожалению, протекавший среди музыки, пения и аплодисментов, не подумал и поднял руки слишком рано. Меня чрезвычайно радует крестьянская секция своим отношением к больному, одинаково важным для рабочих, и крестьян России вопросу. Я хочу предупредить и теперь вас от ошибок. Как внимательно не отнеслись к этому вопросу (с места: вы льстите, товарищ, говорящий о лестях, очевидно, выросли в атмосфере лестей...)»¹⁰.

Далее монолог Н.П. Пумпянского прервал Я.М. Свердлов, обратив внимание на тему выступления, которая указывалась как «мотивы голосования», и на регламент. Далее Пумпянский продолжил: «Я не в той атмосфере, где льстят и

лакействуют... Несмотря на то, что гигантский шаг сделанный в этом законопроекте по сравнению с тем, что было представлено Колегаевым, я указывал, что в целом ряде не только редакционных вопросов, а ряде самых серьезных вопросов, касающихся инструкции, возникает, сколько недоумений, сколько непонятных, неясностей, неточности, нуждающихся в переработке, что я призываю вас самым решительным образом проделать еще раз здесь ту работу, которую проделала крестьянская секция. Этот закон должен быть передан в комиссию, которая бы его тщательно разработала и только тогда он может быть представлен вашему утверждению. Товарища, фракция правых с.-р., сидящая здесь направо, или, как вы их называете, правых; в конце концов, если есть фракция левых с.-р., так позвольте назвать себя с гордостью правыми (рукопл.), считая этот законопроект чрезвычайно серьезным, считая, что основные положения этого законопроекта являются нашей мыслью, нашей душой революции, душой, которую мы вложили в это дело за свою деятельность партии, мы можем принять и голосовать за этот законопроект, который проведет будущее Учредительное Собрание только одно (шум, крик: ложь, долой)»¹¹.

Далее слово взял левый эсер Б.Д. Камков: «Товарищи, я ранее всего должен установить тот факт, что законопроект, основные положения которого уже были приняты съездом Советов, всякий имел в печатном виде и мог достаточно поработать, призадуматься над ним и если имел существенные поправки внести, то он мог это сделать. Я должен установить тот факт, что мы, левые с.-р., вместе с товарищами большевиками, как видно, основной законопроект приняли, внося несколько существенных поправок, которые были продиктованы крестьянской секцией. Я очень рад, если многие находят, что поправки эти очень удачны, но если Пумпянский утверждает, что эта социализация земли является тем, над чем работала партия правых с.-р., то я предлагаю познакомиться с тем законопроектом социализации земли, выработанным фракцией с.-р. членов Учредительного Собрания. Я думаю, что не найдется помимо правого сектора никого, кто бы не сказал, что это есть типичный кадетский законопроект (рукопл.). Достаточно

установить такой факт, что (с места: прочтите закон, тов. Колегаев имеет этот закон, он может огласить его), что на счет живого и мертвого инвентаря. Там очень благообразно умолчено. Что касается поместий, владений и дворцов, то там прямо указано, что помещики, если пожелают, могут сохранить их. К сожалению, время истекает, я не имею возможности процитировать целый ряд пунктов, но предлагаю вам ознакомиться с ними. Мы будем публиковать его в “Знамени труда”, мы должны показать трудовому крестьянству, как фракции с.-р., членов Учредительного собрания, разработала закон о социализации земли, разработанный фракцией большевиков и левых с.-р. ...»¹².

Фасадная демократия, формировавшаяся большевиками и левыми эсерами, давала трещину под прессом рациональной критики их оппонентов. Умелое политическое маневрирование, навыки ведения политической дискуссии, привлечение средств массовой информации создавало выгодные условия в борьбе за «социализацию земли».

Далее к трибуне вышел анархист-коммунист Ге. Как отмечается в стенограмме, последовали реплики из правой части зала: «Позовите анафему»¹³, «Это нас не касается»¹⁴. Подобная реакция демонстрирует антагонизм, взаимное недоверие собравшихся 27 января 1918 г. на заседание ВЦИК.

Ге в своем выступлении отметил: «В виду того, что нет дискуссии по данному законопроекту, мы не имеем возможности указать на то, что закон, в сущности, не является законом социалистическим. Наемный труд фактически не устранен, хотя фактически право пользования наемным трудом предоставляется по этому законопроекту не отдельным частным лицам, а государству, но фактически остается тот же наемный труд. Затем налоги в скрытом виде такие имеются в виде пенсий тем, которые лишены своей земли. Капиталистический строй не уничтожается. Если вы обратите внимание на раздел 2-ой § 9, § 21 и § 22, капиталистический строй в городе остается неприкосновенным и не только в городе, но также и в деревне. К сожалению, я не имею возможности подробно развернуть это, так как у меня всего три минуты в распоряжении. Останавливаясь на этом законе, я только должен указать на то,

что поскольку он не устраняет капиталистического строя, в котором мы живем сейчас. Я, конечно, глубоко не согласен с теми предложениями, которые исходили справа, что вы должны отложить этот законопроект, передать его в Учредительное Собрание. Учредительное Собрание событие само собой закабалит вас, и деревню и город еще больше. В ваших интересах не в Учредительное Собрание передать, как предлагают справа, но в ваших интересах обратить серьезное на все дефекты этого законопроекта, как-то, что он не устраняет фактически капиталистического строя, и принятия на местах творить жизнь коммунистическую, водворить коммунизм на местах помимо Учредительного собрания (рукопл.)»¹⁵.

Далее на трибуну вышел представитель объединенных интернационалистов Блюм. Он отметил: «Товарищ Камков говорил, что все могли по газетам ознакомиться с основными положениями законопроекта. Председатель выяснил уже, что никаких поправок к основным положениям внесено быть не может, хотя сам президиум внес весьма существенные поправки в те положения, которые были приняты Ц.И.К. от имени фракции интернационалистов с.-д. Я должен заявить, что мы стоим на точке зрения социализации всех орудий производства и, следовательно, мы высказываемся за социализацию земли. Тот же проект, который предлагается вашему вниманию, основа которого была принята Съездом, он ведет к созданию мелких собственников на землю, что мы считаем мерой реакционной. Поэтому мы высказываемся, в общем, в таком смысле перехода: обращая внимание на частности, которые здесь оглашены, а также на то, что некоторые выражения являются довольно... безграмотными и непонятными, я процитирую только § 1-й, где говорится, что на такое же число, сколько систем земледелия исторически сложившихся. Я спрашиваю, что это значит, пусть кто бы то ни было придет и объяснит эту фразу. Есть системы переложные, трехпольные, хозяйственные, они разны в самых разных местах одной и той же губернии. Возьмите московскую, там есть целый ряд плодопеременных, травосеяние и т.д. Для меня это непонятно. Я думаю, что для тех, кто так весело относится к социализации, это также непонятно. Поэтому, высказываясь против основных положений законопроекта, так

как они не будут подлежать голосованию, а будут подлежать только частности, а частности нашему обсуждению не подлежат, потому что не было дано материала, мы воздержимся от голосования»¹⁶.

После выступления Блюма председатель ВЦИК предложил провести голосование. В «Правде» от 28 января 1918 г. отмечалось, что закон о социализации земли, представленный на голосование был принят «голосованием всех членов Центрального Исполнительного Комитета при 4-х воздержавшихся. Результаты голосования покрываются бурными, долго несмолкающими аплодисментами»¹⁷. «Основной закон о социализации земли», как отметил Я.М. Свердлов, мог быть опубликован «в массовом количестве»¹⁸ через два дня, так как 27 января (9 февраля) 1918 г. было субботой, а воскресенье было нерабочим днем¹⁹.

Для рельефного отображения политического накала в Таврическом дворце, формирования более полной картины политических дебатов проведем элементарный контент-анализ текста стенограммы заседания. Данный метод позволяет наиболее широко проиллюстрировать ход политических баталий как в зале заседаний, так и за его пределами в исследуемый период.

Лейтмотивом заседания 27 января (9 февраля) 1918 г. стало утверждение «Основного закона о социализации земли». Именно поэтому в качестве слова-маркера выступил термин «закон», который был упомянут выступавшими более 40 раз.

Среди партий в ходе дискуссии упоминались 9 раз социалисты – революционеры различных политических окрасок, трижды большевики. Один раз было использовано выражение «марксистские головы», два раза – социал-демократы. Это объясняется объективными политическими процессами, борьбой вокруг аграрного закона двух сил, сформулировавших программу «социализации земли» эсеров и перехвативших данный лозунг большевиков.

Контент-анализ свидетельствует о том, что в Таврическом дворце в этот день шла достаточно острая борьба вокруг аграрной программы, несмотря на все преимущества пробольшевистских сил. К концу января 1918 г. политический

маятник в России существенно сдвинулся влево и среди социалистов только нарастал антагонизм. Борьба вокруг аграрного законодательства стала лакмусовой бумагой в данном процессе. Поэтому в ходе дискуссии дважды прозвучали термины «фракция» и «капиталистический строй». Ораторами четырежды было упомянуто Учредительное собрание и несколько раз Советы. Упоминания Учредительного собрания объясняется тем, что заседание ВЦИК прошло менее чем через месяц после разгона Хозяина Земли Русской.

В стенограмме из уст противников союза большевиков и левых эсеров звучали критические высказывания о законодательном акте, оформленных в следующих терминах: дефект, ошибка, противоречия, неточности, неясности, редактирование и т.д. Дважды употреблялся термин «безграмотно(-ым)». Несколько раз были упомянуты такие слова и выражения как «чрезвычайно», «поправок(-ки)», «к сожалению». По сути, это были критические стрелы в адрес аграрного творчества большевиков и левых эсеров.

Несмотря на то, что решался важнейший вопрос для российского земледельца, термины крестьянство, деревня очень мало применялись в выступлениях ораторов. Не использовались также такие термины как «реформа» и «революция». Это свидетельствовало о переходе политической борьбы партий в одну из последних стадий, когда решалась не только судьба программ преобразований и государственного развития, но и каждого конкретного члена ВЦИК.

После утверждения «Основного закона о социализации земли» значительная порция критика обрушилась на советскую власть из периодической печати, в том числе со стороны социалистов. Он содержал ряд противоречий и «нестыкочков». Поспешность его подготовки и политические компромиссы большевиков и левых эсеров, делали его инструментом борьбы за власть, но не эффективным инструментом решения аграрного вопроса. Внимательное прочтение статей давало в руки для политических оппонентов большевиков и левых эсеров серьезные козыри. Так, Ф. Дан в статье «Закон о социализации земли», вышедшей в газете «Новый луч» в январе 1918 г. отмечал, что ««Социализация» земли», приблизительное

уравнительное использование его крестьянами, то есть мелкими сельскими хозяевами, может быть лишь подсобной мерой в переходный период преобразования общества из капиталистического в социалистическое. И тогда это приблизительное уравнение вовсе не будет результатом сложных и тщательных разработок «потребительско-трудовых» норм. Если теперь и социализаторам придется думать о том, как бы тот или иной мелкий хозяин не получил земли больше, чем ему полагается, то при коренном социалистическом переустройстве общества, когда владение или пользование землей, как и другие орудия производства, перестают быть средством к накоплению богатств или улучшению личного потребления, придется думать об обратном: придется думать о том, чтобы мелкие хозяева, пользующиеся общественно установленными нормами потребления, не уклонялись от соответствующих им общественно-необходимых норм труда. Придется, следовательно, думать не столько о том, чтобы урезать землепользование до трудовой нормы, сколько о том, чтобы приспособить размер землепользования и столь же полному использованию рабочих сил в земледелии, но как будет использоваться в других отраслях народного хозяйства. Но авторы закона о социализации земли и не задаются целью водворить социализм, хотя бы в деревне. О социализации, об обобществлении хозяйства у них и речи нет»²⁰.

В статье А. Кауфман ««Основной закон» о социализации земли» отмечал, что «весь этот закон – не народное творчество, а именно... измышления интеллигентов из Смольного»²¹. Подробный критический анализ данного нормативного акта обнажил реальные правовые недостатки и противоречия.

Завершить данную статью хотелось бы заключительным эпизодом заседания ВЦИК 27 января (9 февраля) 1918 г. Он воссоздает не только картину напряженной атмосферы в зале заседаний, но и драматизм всей отечественной политической борьбы в 1918 гг., подводит одну из заключительных черт под аграрным вопросом на десятилетия вперед.

После утверждения «Основного закона о социализации земли» к трибуне вышел представитель правых эсеров М.Л.

Коган-Бернштейн. На реплику о себе как «председателе фракции с.-р.» из зала последовало уточнение «правых»²², на что оратор парировал: «Я называю так, как наша партия называется»²³.

В выступлении оратор отметил, что «на 4-ом съезде нашей партии было принято вполне определенное решение бороться за выпрямление линии поведения С.П. и С.Д. и те перевыборы, которые сейчас проходят, являются уже отражением той борьбы за истинно пролетариев, истинно отвечающую интересам рабочих так как мы ее понимаем... Я хочу сказать, что мы являлись открытыми противниками гражданской войны. Я надеюсь, что как наша предыдущая, так и наша дальнейшая деятельность докажет это»²⁴. Заседание было закрыто в 12 часов 15 минут. Оно ознаменовало окончательную победу большевиков на политической арене, и, одновременно, одну из последних возможностей найти компромисс среди партий социалистов различных окрасок по ключевому вопросу российской государственности. После разгона Учредительного собрания упоминание о гражданской войне в контексте утверждения нового аграрного закона, окончательно трансформировавшего политический и экономический строй России, звучало уже не пророчески, а как констатация интенсивно нараставшего мощнейшего катаклизма (В сокращенном виде основные тезисы этой статьи были представлены автором на круглом столе «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.»²⁵).

Библиография

¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 18. Д. 3. Л. 13.

² ГАРФ. Ф. А 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 145.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 142.

⁵ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 18. Д. 3. Л. 13.

⁶ Там же. Л. 14–15.

⁷ Там же. Л. 15.

⁸ Там же. Л. 15.

⁹ Там же. Л. 15–16.

¹⁰ Там же. Л. 16.

¹¹ Там же. Л. 16.

¹² Там же. Л. 16–17.

¹³ Там же. Л. 17.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ГАРФ. Ф. А 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 142.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 18. Д. 3. Л. 18.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАРФ. Ф. А 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 131.

²¹ *Кауфман А.* «Основной закон» о социализации земли // Наш век.

1918. 31 января

²² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 18. Д. 3. Л. 18.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М., 2016 // Официальный портал ИС РАН, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594>.

ЭЛИТЫ И МАССЫ: НЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

О.А. Сухова

На мой взгляд, ключевым вопросом сегодняшнего обсуждения выступает не столько дефиниция российской многопартийности, сколько оценка гипотетической возможности реализации этого проекта социальной утопии. Уже в сочетании слов «российская» и «многопартийность» скрывается некое качество, придающее их комбинации лексическое значение невероятного, как в известной сказке про Федота-стрельца. Гораздо большей эвристической ценностью обладает постановка проблемы о причинах особой сопротивляемости российского социума усвоению либеральных ценностей. Что послужило прививкой от либерализма для страны, тщетно пытающейся осуществить переход к либерализации? И таких попыток было минимум две.

Несмотря на то, что в пореформенной России, успешно модернизирующейся и жадно поглощавшей инвестиции, технологии, идеологию общества модерна, создававшей институты гражданского общества и правового государства, шансов на воплощение этого проекта было несоизмеримо больше (здесь не могу не согласиться с мнением В.В. Шелохаева), печальным итогом бремени реформ, отягощенного военной катастрофой, стал провал в архаику традиционного общества.

В конце 1980-х гг. в условиях кризиса советского цивилизационного проекта вроде бы тоже просматриваются черты назревавшей демократической революции, однако следует напомнить лозунги первых протестных акций в январе 1992 г.: «Демократы все развалили!». Стали ли представители либеральной оппозиции, рожденной на I-м Съезде народных депутатов, опорой новой власти, влились ли в когорту новой элиты? Вопрос остается открытым. Второго пришествия либерализма не получилось. И сегодня в риторике

представителей современной российской бюрократии нет-нет, да и всплывет непроизвольно ссылочка на знаменитую уваровскую формулу.

Цивилизация, исторически обреченная на воспроизводство имперско-патерналистской системы, традиционный тип социальности которой не одно столетие вырабатывал иммунитет к разного рода инновациям, переварив очередной кризис, возвращается на круги своя, порождая квазиреальность, в том числе и в отношении либеральной перспективы и многопартийности. Отчасти подобное видение проблемы объясняет и особенности современной политической системы в России.

Возвращаясь к ситуации начала XX в., хотелось бы отметить, что одним из факторов крайней степени политического инфантилизма, узости социальной базы большинства из новообразованных политических объединений стал низкий уровень политической культуры населения страны, как впрочем, и культуры вообще, особенно в провинциальной России. Процесс урбанизации был еще очень далек от своего завершения, а крестьянству при конструировании повседневной реальности, своего микрокосма политические представления были без надобности. В крестьянском сознании вообще отсутствовало представление о необходимости посредников между монархом и мирской организацией.

Нет оснований полагать, что в условиях победы «общинной революции» политическая культура российского крестьянства изменится кардинально. Политические представления по-прежнему характеризовались наличием значительных напластований религиозных верований, значительной аморфностью, незрелостью и размытостью представлений, как о механизмах функционирования политических связей, так и о программных установках различных партий и общественных организаций.

Приведем несколько развернутых характеристик отношения общинников к советской власти, представленных в материалах анкетирования, проведенного иногородним отделом Пензенского губернского совета в 1918 г.

Политическое сознание российского крестьянства и в постреволюционный период по-прежнему отличалось наличием значительных напластований языческих верований, значительной аморфностью, незрелостью и размытостью представлений, как о механизмах функционирования политических связей, так и о программных установках различных партий и общественных организаций.

На первый взгляд, полученные данные достаточно красноречиво свидетельствуют о росте крестьянских симпатий по отношению к большевистской партии. Респонденты из порядка 50 волостей заявили, что политические убеждения большинства населения либо большевистские, либо сочувствующие большевикам и советской власти. Весьма показательно, что прежние лозунги крестьянской борьбы представлены лишь в 3 анкетах, что позволяет предположить два момента: во-первых, речь идет о реализации в целом социального идеала как о свершившемся факте, и, следовательно, столь привычные прежде претензии к власти не актуализированы; а, во-вторых, фиксацию ответов на вопрос о политических убеждениях можно интерпретировать, как рефлексию крестьянского сознания по поводу стремления властей выяснить рейтинг той или иной партийной организации в деревенской среде. В этом отношении признание системы советов, советской власти в качестве «законного начальства» будет автоматически переноситься и на политические пристрастия населения («Какова власть, таковы и убеждения»)¹. Немаловажным будет обратить внимание на количественные показатели индифферентного отношения крестьянства к различного рода политическим организациям, что косвенно указывает на особое прочтение, собственную оценку (в координатах присущей крестьянству рассматриваемой эпохи когнитивной карты) уровня развития политического сознания, по-прежнему основанного не на опыте, а на вере, («о политических *верованиях* [курсив наш – О.С.] говорить не приходится»)².

Косвенно о степени политической сознательности крестьянства свидетельствуют опросы волостных исполкомов на предмет существования и деятельности первичных партийных

организаций на местах. В частности, по данным волисполкомов Бутурусланского уезда Самарской губ осенью 1919 г., лишь в семи волостях прослеживалась деятельность комячеек, общая же численность коммунистов в уезде не превышала 62 человека³. Имеются данные о партийном составе волисполкомов Мелекесского уезда той же губернии в апреле 1920 г.: из 97 членов (по 19 волостям) коммунистов насчитывалось всего 18 человек и 3 «сочувствующих», основная же масса представителей местного самоуправления оставалась беспартийной⁴.

Свидетельства увеличения численности левозэсеровских организаций в деревне также не могут выступать надежным аргументом в пользу роста политической сознательности и организованности средневожского крестьянства. Некоторые данные о поуездной численности левых эсеров в губерниях региона приводятся в монографии Т.В. Осиповой. В частности, только в Чембарском уезде Пензенской губернии к лету 1918 г., по данным автора, насчитывалось 1 506 левых эсеров, из них в деревне – 1 206 человек⁵. На самом деле «эсеровский след», который нередко проступает в лозунгах и программных документах крестьянских восстаний, как справедливо отмечает в своей монографии В.В. Кондрашин, был обусловлен обстоятельствами противостояния крестьян и власти (необходимость оформления крестьянских требований), а также совпадением программных установок эсеровской партии с содержанием социальных интересов и чаяний⁶, то есть элементарным крестьянским утилитаризмом.

Военно-коммунистический эксперимент большевистской партии был явлен деревне не в виде отдельных мероприятий или письменных распоряжений, он пришел вместе с продотрядами и продагитами, представителями комбедов и комячеек, вместе с милицией и войсками, пришел и был маркирован родовым сознанием как Коммунист, то есть враг всему общинному строю, грабитель и насильник, не представитель власти (хотя в представлениях крестьянства власть и насилие соседствовали весьма тесно), а как ее узурпатор. В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, сложившуюся в с. Никольское Сызранского уезда Симбирской губернии 12 марта 1919 г. Здесь поводом к восстанию послужили выступления делегатов из

с. Студенца, призвавших «православных христиан» присоединиться к восставшим и к ним, студенецким мужикам, против напавших на них коммунистов, живущих в с. Ст. Рачейке, собиравших с них, помимо центральной Советской власти, хлеб, деньги и скот». Мнения крестьян разделились: часть из них «по их по полному недоразумению и вековой темноте, решили было помочь студенецким против напавших на них каких-то коммунистов, их обижающих, не понимая, что – кто коммунист». Другая же часть крестьян от участия в восстании отказалась. Как заявил Н.С.Чердаков, выступивший «от бедняков»: «Если *имеете власть, нас гоните* [курсив наш – О.С.], только первоначально обеспечьте наши семьи, но защищать кулаков и спекулянтов мы не пойдем»⁷.

Весьма интересные рассуждения на счет местного «начальства», позволяющие предположить наличие четко выраженного представления, тяготеющего к стереотипной форме, содержатся в письме крестьянина из с. Базарная Дубровка Краснослободского уезда Пензенской губ., направленного в адрес газеты «Правда» и опубликованного 1 февраля 1919 г. за подписью: «красноармеец». В своем обращении крестьянин сетует на низовые структуры местного самоуправления, на «своевластников, которые бы хотели жить одни»: «В с. Базарных Дубровках коммунисты напиваются пьяные и ходят по домам, приказывают сготовить обед по их желанию. Да аппетиты у них еще какие сварил-мол мяса полпуда и будет покуда, если десять то будем мять, а если фунтов пять то придем опять – что и на самом деле проводят в жизнь»⁸. Помимо анализа причин сложившейся ситуации на местах с позиции конструктов обыденного сознания и жалоб на полуголодное существование семьи в письме присутствует характеристика единственно адекватной при этих обстоятельствах форме обыденного же сопротивления: «Берите пример с других деревень, которые ведут к поучению главное подчиняться нужно декретам, которые желают возвысить род бывшего мужичка-серячка, а еще не говорить непонятные для себя слова «власть на местах». Эта власть по нашему значит «нельзя подчиняться высшему начальству и нельзя ехать в соседнюю деревню, так как власть на местах может не пустить и оставить у себя в плену...»⁹.

Формула: «подчиняться декретам, а не начальству» выражала собой достаточно типичное представление не только о форме обиденного сопротивления притязаниям власти, но и олицетворяла способ приглашения власти к диалогу, примиряла крестьянство с советской властью. Как следует из приговора граждан с.Мертовщины Городищенского уезда Пензенской губернии о взятии на поруки арестованных односельчан от 1 марта 1919 г., «Декреты Совета Народных Коммунистов ни в коем случае не должны храниться в тайне от общества, общество было бы весьма благодарно местному совету за [их] обнародование. Если бы местный совет вовремя [их] обнародовал, в частности письмо товарища Троцкого к крестьянам (середнякам) [о соблюдении принципа добровольности при создании коммун – прим. О.С.], то вспышки, имевшей место 16 февр[аля] с.г., ни в коем случае не было бы». 16 февраля крестьянами местные коммунисты были избиты на собрании, проводившемся по поводу организации в селе сельхозкоммуны¹⁰. Тем самым, образ «власти на местах» приобретал обобщающий характер, огульно объединяя всех носителей идеи государства, выражавших властные притязания посредством речевой и поведенческой практики.

Для сравнения проведем цитату из корреспонденции, направленной Г.И.Петровскому из Саранского уезда Пензенской губернии в начале 1919 г. Принимая во внимание богатый опыт революционной борьбы автора письма, А. Ивенина, трудно сомневаться в его лояльности по отношению к советской власти, но тем тревожнее выглядят его оценки происходившему в уезде: «Пользуюсь Вашим разрешением писать Вам лично о положении на местах... Население настроено против Советов. Втихомолку ждут переворота. Повинны в этом всецело местные уездные власти, произвол которых в управлении не знает границ и очень часто превосходит в своей разнузданности все самое дикое из того, чем мы вспоминаем проклятый царизм. При взимании чрезвычайного налога применяются пытки мрачного средневековья. Крик «расстреляю» раздается гораздо чаще, чем при крепостном праве раздавался крик «запорю». В некоторых деревнях так называемые коммунистические ячейки облагают отдельные дома обедами и потом берут с хозяев контрибуцию, за

недостаточно вкусно изготовленный обед. Никакие возражения со стороны граждан не допускаются, и в особенности не любят здесь ссылок на декреты»¹¹.

«Облавная тактика», тривиальное мародерство перемещавшихся по территории губернии воинских частей в 1919 г. становится главным камнем преткновения в отношениях крестьян и советских властей в Самарской губ., что особенно остро ощущалось ввиду близости к линии Восточного фронта и «казацких набегов на мирное население». Бесплатный обед – вот минимум той «дани», что взималась красноармейцами в селах Бузулукского уезда: «Проходившими частями бессмысленно уничтожались огороды, еще с несозревшими овощами. Бесплатный сытый обед для заявившихся красноармейцев введен прямо таки в систему под угрозой расправы»¹².

Такие характеристики, как нетактичность «некоторых товарищей», позволявших себе «кричать на мужиков и топтать ногами на манер прежних станowych, пересыпая все свои речи словами «замолчать», «перебьем», «расстреляем», и требовали для себя парных экипаж [ей] и т.д.» были названы в числе основных причин, определявших массовую агрессию, вспыхнувшего в марте 1919 г. в Буинском уезде Симбирской губернии крестьянского восстания¹³.

В связи с реконструкцией представления о «коммунистах» в массовом сознании крестьянства хотелось бы обратить внимание еще на один из аспектов проблемы. Так, одним из дискуссионных в современной историографии является вопрос о распределении ответственности за политику фактического геноцида в отношении собственного народа между центральными и местными управленческими структурами. К этой проблеме, в частности, обращается в своей монографии В.В. Кондрашин, говоря об особой практике формирования иерархии ответственности властей разного уровня за произвол и беззаконие по отношению к крестьянству. По мнению автора, непосредственные проводники непопулярных распоряжений центральных властей, «стрелочники» по характеру своих обязанностей были вынуждены заниматься трудной, «грязной» и неблагодарной работой и не в силу особых садистских наклонностей, а по причине элементарного отсутствия иных

методов изъятия у производителя части необходимого продукта, принуждения к мобилизации и выполнению трудовой повинности и т.д.¹⁴

Письменная фиксация рефлексии крестьянского сознания по этому поводу проводит четкое деление между «декретами» и коммунистами, между идеологией и практикой, признавая первое и яростно обороняясь от второго. Так, из заявления арестованных крестьян с. Катмис и д. Водолей Городищенского уезда Пензенской губернии от 22 марта 1919 г. узнаем, что «Лица, составляющие ячейку коммунистов с. Катмиса, собравшись из кулаков, спекулянтов, пьяниц и всякого рода сброда, малейшего понятия в коммунизме не имеющих, записались они в ячейку не для того, чтобы принести какую-либо пользу народу, а исключительно только из спасения своего имущества, своей шкуры и получением карьеры»¹⁵. В документах повстанцев периода «Чапанной войны» встречаем еще более конкретную характеристику противопоставления центральной и местной власти: «мы восстали против засилия и произвола тиранов, палачей коммунистов-анархистов, грабителей, которые прикрывались идеей коммунизма, присасывались к Советской власти..., которые избивали население плетью, отбирали последнее, выбрасывали иконы и т.п.»; «Соединимся все воедино на защиту своих народных прав и достоинства трудового народа, разграбляемого шайкой хулиганов, лодырей, лентяев и любителей чужого, кровавым потом нажитого имущества – насильников-коммунистов»¹⁶. По справедливому замечанию В.В. Кондрашина, представившего в своей монографии детальный анализ программных требований восставшего в Поволжье крестьянства, мысль о верности Советской власти и приверженности ее законам проводится практически во всех документах повстанческого движения¹⁷. Объектом агрессии выступали непосредственно социальные носители государства, то есть индивиды, либо вторгшиеся в повседневную жизнь общины извне, либо граждане данного общества, насилие над которыми, соразмерное в понимании восставших с масштабами причиненного материального и морального ущерба, могло способствовать психологической разрядке, «освобождению» от сверхсильных переживаний

массового характера. Отчасти, – это следствие политики государства, ориентированной на поиск собственной социальной опоры в деревне среди пролетарских слоев населения. При этом в расчет совершенно не принимались психологические особенности этой субкультуры с явно выраженными признаками маргинализации. Действительно, «человеческий материал» низовых структур власти при отсутствии необходимого количества убежденных сторонников РКП (б) на местах оставлял желать много лучшего. К такому контингенту как нельзя лучше подходит эпитет, позаимствованный Д.И. Люкшиным в работе А.Л. Окнинского. Автор указывает на определяющую роль в радикализации массовых настроений в деревне образца 1917 г. дезертиров и отпускников, то есть носителей маргинальной субкультуры, называя «аффективно-спонтанные» поведенческие реакции «хулиганскими выходками «подонков сельского населения»¹⁸. Поэтому одним из факторов роста социальной напряженности в российской деревне будет выступать провокация насилия со стороны представителей низовых структур советского аппарата, людей, возможно, ощущавших прежде свою ущербность в чем-либо, и теперь, при получении властных полномочий, пытавшихся самоутвердиться таким способом. Так, в письме сотрудника штаба 4-й армии Восточного фронта Н. Вазелинова В.И. Ленину о нарушениях законности при сборе чрезвычайного налога в селах Самарской губернии от 2 марта 1919 г. мы встречаем свидетельства рефлексии обыденного сознания по поводу особенностей психологии «нового начальства», образа, ставшего впоследствии собирательным: «И Дорогойченков организовал совет и комитет с. Орловки и подобрал таких же людей-хищников, таких же, как сам. Когда организовал совет и комитет, то выражался, что «я – Царь, я – Бог, я – Власть, что хочу, то и делаю, разорю во прах ваше крестьянство – это мое дело»; «мне власть дана от уездного исполкома неограниченная»¹⁹.

Следующим шагом в деле реконструкции «образа эпохи», другими словами, «депо» психологических реакций, задававших направление крестьянскому сопротивлению, станет корреляция выделенных выше побудительных мотивов («нужд» крестьянского сознания) с лозунгами непосредственных

участников крестьянских восстаний, то есть сопоставление объективно и субъективно выраженных претензий к власти, как внешней, агрессивно настроенной по отношению к крестьянству силе. Обратимся к документам. В частности, в принятом 8 марта 1919 г. на общем собрании граждан Нижне-Санчелевской волости Ставропольского уезда Самарской губернии наказе делегату Я.И.Никишину, «назначенному для мирных переговоров» с карательным отрядом были зафиксированы следующие требования восставших:

«1) Мы, крестьяне Нижнее-Санчелевской волости, вынуждены были восстать не против Советской власти, но против коммунистических банд с грязным прошлым и настоящим, которые вместо истинных проповедей грабили и разоряли крестьянское население, ставили диктатуру и не входили в положение трудового крестьянства.

2) Мы, крестьяне, видя несправедливое действие коммунистов в том, что во все организации, как в советы, ставили кооптированных приспешников, не считаясь с мнением крестьян, и это им нужно для того, чтобы узнавать у крестьян, где имеются все существенные предметы, которые они через своих приспешников конфисковали и набивали свои карманы, превращая в свою собственность.

3) И если только не отберут право от коммунистов и не представят в распоряжение трудового крестьянства, то мы, крестьяне, вынуждены проводить борьбу до последней капли крови.

4) Мы, крестьяне, требуем крестьянского самоуправления, как-то: участвовать в выборах и быть выбранными как в сельские, волостные, уездные, губернские и т.д. советы из крестьянского населения, но не только из одних рабочих и коммунистов.

5) Мы, крестьяне, посылаем несколько протестов против коммунистов, которые делали всевозможные пакости, но на наши протесты нам грозили арестом и расстрелом, не считаясь с выборными советами, так что наши советы находились под каблуком коммунистов»²⁰.

Как можно заметить, аутентичное прочтение ситуации полностью совпадает с предложенными выше формулировками.

Антигородская и антикоммунистическая (в смысле – «против начальства») основы протестных настроений очевидны. Обращает на себя внимание и попытка восставших построить свое обращение к власти в форме приглашения к диалогу. В наказе зафиксированы не только объективированные претензии к власти, но и представления об идеальном (в крестьянском понимании) варианте политического управления: «вместо истинных проповедей»; «ставили диктатуру», «не входили в положение трудового крестьянства»; «требуем крестьянского самоуправления». По сути дела, это видоизмененная трактовка крестьянского прочтения «Воли» образца 1919 г.

Демонизация образа красноармейца – продотрядовца – коммуниста ощущается и в корреспонденции, попадавшей в поле зрения военной цензуры: «У нас ездят отряды за отрядами отбирают самовары, холсты, шубы, посуду, полога»; «В селе находится отряд и отбирает хлеб подчистую выдачи никакой нет, скоро умирать с голоду будем»²¹. Хочется подчеркнуть, что в крестьянской переписке отсутствует непосредственное указание на существование связи между действиями продотрядов и государственной экономической политикой. Утаивая хлеб, прячась от продотрядов, часто прибегая к самосудам и открытым выступлениям против «грабителей», крестьяне боролись не с причиной, а со следствием. Как следует из сообщений уисполкомов Симбирской губернии, продотрядовцев крестьяне открыто называли «грабителями». В обыденном сознании действия низовых структур государственного управления жестко связывались со следующим лексическим рядом: «отбирают»; «отбирают начисто»; «грабят», «отряд по выгребке хлеба»; «и сыты и пьяны приедут только пьянствовать»²². В массовом сознании происходила сублимация представлений о низовых структурах «начальства» (при сохранении традиционно отрицательных оценок) в образ «коммунистов-комиссаров», узурпировавших власть над крестьянами и применявших насилие по собственному усмотрению, в том числе, и в силу индивидуальных особенностей, присущих данному «человеческому материалу». Проявления всех форм социального сопротивления в этом случае будут оправдываться необходимостью борьбы за выживание во враждебном

окружении. Подобным контекстом определялась дефиниция коммунистов как «прежнего начальства», несшего прямую ответственность за рассогласование наличного и потребного идеала, за предательство императивов «моральной экономики», а, с другой стороны, еще и как посланников Антихриста, отрекшихся от Бога, следовательно, также совершивших предательство интересов общины. Так, в корреспонденции из д.Павловки Самарской губернии 31 января 1920 г. сообщалось: «Берут у нас скот, потом потребовали с нашей деревни 500 коров и 1000 овец, но ведь это, товарищи, невыносимо, потом за скрытие дезертиров положили 12 000 руб. контрибуции, еще 43 000 руб. кроме чрезвычайного налога. Ездит у нас какой-то отряд из *прежней стражи* [курсив наш – О.С.]. Товарищи, не свободы мы дождались себе, а разорения крестьян; коммунисты говорят: «До тех пор будем с крестьян шкуру драть, пока они не вступят в коммуну». С нас, товарищи, дерут и берут, а нам ничего. Забрали излишки хлеба, а теперь кто чего пожертвует. Дорогие товарищи, когда же мы отмучаемся от этой проклятой власти?»²³. Соотнесение общей дефиниции «коммунистов» с прежним опытом социально-политического взаимодействия здесь далеко не случайно. Подобным способом в крестьянском сознании решалась проблема маркировки условий фрустрирующей ситуации (предательство, измена социальным интересам), что ослабляло страх ответственности и высвобождало агрессию.

Еще одним основанием для маркировки коммунистов как «прежнего начальства» выступала необходимость формального («показного») подчинения власти, откровенно демонстрирующей возможность применения насилия. На этом базисе покоился традиционно присущий психологии патриархального крестьянства страх перед любым начальством. Сравним, в частности: «...кто едет. Старшина. Зачем. Собрать подати. Все домохозяева – мужики стараются прятаться: кто в лес, кто в подполье, кто куда попало»; «зная его [сельского старосты] власть (может посадить в «клоповницу» – холодную), крестьяне стараются оказать ему наружную почесть...»; «...низшее начальство, которое гордится своей властью, с подвластными обходится грубо, считая их ни во что, за такое

обхождение крестьяне совсем мало уважают их» (из материалов конца XIX в. по Саратовской и Пензенской губ.) и «...особенно не любят крестьяне тех, кто приезжает к ним весь обвешанный оружием, значками и ремнями и с грозным лицом; кр[естья]нам приходится подобострастничать перед ним, но лишь только он уходит, как в его спину сыплется целый ряд всевозможных злых замечаний» (из информационной сводки Пензенского губчека за период с 1 по 15 октября 1920 г.)²⁴.

Впрочем, проблема сосуществования в крестьянском сознании алогического противопоставления коммунизма и коммунистов отнюдь не исчерпывается элементарной характеристикой особенностей психологии «маленького человека», равно как и анализом идеологических предпочтений российского крестьянства в своей массе. Наличие подобного противоречия в ментальной практике деревенского сообщества не может быть интерпретировано и посредством отражения в сознании определенных аналогий между коллективизмом и эгалитаризмом крестьянской ментальности и «социалистическими» началами идеологии большевизма²⁵. В рассматриваемый период деревня обладала самым слабым представлением об идеологических битвах за социализм, если не сказать большего, чем, собственно, и обусловлено отсутствие потребности рефлексировать по поводу совпадения или несовпадения программных установок и императивов социального идеала. Подобные суждения исчерпывались, пожалуй, лишь распространением антигородских, антирабочих сентенций: «...крестьяне определенно указывают, что существующая власть – не рабоче-крестьянская власть, а рабочая, что рабочие всецело взяли кр[естья]н в свои руки и управляют одни страной; эта власть защищает интересы только рабочих, а не крестьян; что кр[естья]не отдают рабочим последний кусок хлеба, не получая ничего взамен» (из информационной сводки Пензенского губчека от 1–15 октября 1920 г.)²⁶. А вот сопоставить декретируемые положения с собственной когнитивной картой сельским обывателям, напротив, особого труда не составило. Поэтому признание и поддержка советской власти воспринимались российским крестьянством как дополнительные гарантии от реставрации

самодержавно-помещичьего строя. Кроме того, нельзя полностью сбрасывать со счетов психологическое объяснение столь свойственного крестьянскому движению прежде утилитарного прочтения монархических лозунгов, проявившегося теперь в новом качестве²⁷.

Предполагая возможное наступление ответственности, непроизвольно пытаясь избежать репрессий, освободиться от страха ответственности, повстанцы демонстрировали лояльность к власти центральной и отказывали в таковой властям на местах. Словом, размежевание коммунизма и коммунистов являлось ничем иным, как своеобразной защитной психологической реакцией, если можно так выразиться, уловкой крестьянской ментальности, чаще всего, не представленной на уровне сознания (крестьяне были вполне убеждены в искренности своего отношения к советской власти) и позволявшей решать проблемы сопротивления, конфликта, сводя при этом к минимуму возможное наступление негативных последствий (В сокращенном виде доклад автора был представлен на круглом столе «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.»²⁸).

Библиография

1. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 94. Л. 187.
2. Там же. Д. 90. Л. 24–24 Об.
3. Центральный государственный архив Самарской области (Далее – ЦГАСО). Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 151. ЛЛ. 45–73.
4. Там же. Д. 191. Л. 82.
5. *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С.97.
6. *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001. С. 249.
7. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. М., 2002. С. 268.
8. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 470. Л. 57.
9. Там же. Л. 57–57 об.
10. Крестьянское движение в Поволжье... С. 72–74.
11. Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). Ф. 393. Оп. 3. Д. 129. Л. 43–43 об.
12. ГАРФ. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 48. Л. 79.
13. Крестьянское движение в Поволжье... С. 203.

14. *Кондрашин В.В.* Указ. соч. С. 99–100.
15. Крестьянское движение в Поволжье... С. 165.
16. Там же. С. 103–104.
17. *Кондрашин В.В.* Указ. соч. С. 124.
18. *Люкшин Д.И.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006. С. 100.
19. Крестьянское движение в Поволжье... С. 74–75.
20. Крестьянское движение в Поволжье... С. 99.
21. Государственный архив Ульяновской области (Далее – ГАУО). Ф. 200. Оп. 4 с. Д. 19. Л. 68–69.
22. ГАУО. Ф. 200. Оп. 4 с. Д. 19. Л. 61–69; 251об.
23. Крестьянское движение в Поволжье... С. 470.
24. ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 119. Л. 15–17; Д. 115. Л. 20.
25. Кондрашин В.В. Указ. соч. С. 148.
26. Крестьянское движение в Поволжье... С. 576–577.
27. *Field D.* Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976.
28. Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М., 2016 // Официальный портал ИС РАН, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594>.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГЕНЕЗИСА ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

А.В. Чертищев

Некоторым людям почему-то кажется, что история – не зафиксированный факт, отодвигающийся вдаль с каждым днем и годный только для анализа и аналогий, а бегущей по кругу партнер реальности, который вот-вот передаст ей эстафетную палочку или вообще нарушит правила и рванет дальше. Несмотря на огромный массив исторической литературы, посвященный весьма своеобразной российской многопартийности, в том числе и ее генезису, у нас по-прежнему нет четких и внятных ответов на многие большие вопросы, возникающие в пространстве данной проблематики.

Почему усилия блестящей плеяды, высокообразованных и самоотверженных русских людей, стремившихся к благу России, не привели к достойным результатам, которые, казалось бы, уже виделись в ближайшей перспективе? Почему они не воспрепятствовали, а, скорее всего, поспособствовали тем катастрофическим катаклизмам, произошедшим в нашей стране в начале XX в.? В какой мере они несут ответственность за это?

Ответы на эти и многие другие вопросы открывают новые возможности в углубленном понимании ключевых событий отечественной истории XX–XXI вв., особенно ее политической составляющей, оценке вероятности иных, не осуществленных в начале XX в. вариантов общественного развития.

Отношение к появлению российских политических партий и их роли в истории России, как на заре их возникновения, так и сегодня, всегда было сложным и далеко неоднозначным. Для М. Волошина было аксиомой, что *«Истории потребен сгусток воли: / Партийность и программы – безразличны»*.

А. Тыркова-Вильямс с осуждением относилась к людям, которые говорят о партиях с насмешливым пренебрежением. Она считала, что с началом XX в. всеобщее романтическое

стремление к политической свободе, к конституции понималось по-разному, но обаяние самого слова – конституция – захватывало всех. «Но парламент без партий – мертворожденное дитя... Политические партии – деятельное содружество единомышленников. Они намечают пути общественной мысли и вытекающего из него политического действия. Разнообразие партий дает возможность разным течениям высказаться, вложить свой вклад. Здоровое общество не может мириться с деспотической монополией одной мысли, одной партии. Из их состязания, из столкновения мнений лучше выясняются потребности, желания, возможности данного народа»¹.

Полярность оценок российской многопартийности присуща и дню сегодняшнему. Значительное большинство современных историков рассматривают появление в России в начале XX в. политических партий как часть общемирового процесса, важный показатель дальнейшего продвижения страны по пути модернизации и создания основ гражданского общества². Других же уникальность картины отечественной многопартийности сподвигла на хлесткие и жесткие ее характеристики. Так, например, по мнению В.П. Булдакова, «российская многопартийность в качестве прообраза парламентаризма оказалась мертворожденной – прежде всего в силу ее генетических пороков... Партии в России в концентрированном виде выражали набор интеллигентских утопий, доктринального прекраснотушия или сектантской оголтелости, а не являлись прагматичным оформлением интересов тех или иных социумов... Российская многопартийность действительно выглядит воплощением своеобразной доктринальной шизофрении интеллигенции, а отнюдь не национально-консолидирующим, конструктивно-динамичным целым. Это своеобразный, порожденный имперским патернализмом «пустоцвет», способный, однако, провоцировать смуту»³. Подобная точка зрения сегодня имеет широкий круг последователей⁴.

В современной исторической литературе представлены многообразные и плодотворные подходы к разработке проблемы своеобразия российской партийно-политической системы, выявлению этого разнообразия как в целом, так и по отдельным

партиям и группам партий.⁵ Автор считает необходимым систематизировать данные наработки и на этой основе выделить особенности генезиса партийной системы России в начале XX в.

Особенность генезиса партийной системы России прежде всего связана с *исторической молодостью российских партий, более поздними сроками их формирования.*

Если Англии после революции потребовалось более двух столетий на установление демократической системы, причем революция произошла лишь через 175 лет после появления в стране парламента и через 425 лет после принятия Великой хартии вольностей, Великая французская революция – спустя 478 лет, то Великая русская революция – уже через 10 лет после появления в России Государственной Думы, формирования партийной системы и через 11 лет после введения основных демократических свобод. Для России сопоставимое время – в лучшем случае время работы Земских соборов, в худшем – вручения кондиций Анне Иоанновне, работы Уложенной комиссии и восстания декабристов.

Возникновение такого специфического феномена, как российская гипермногopартийность в силу условий и сроков своего появления не могла быть прямым аналогом партийной системы Запада. В числе факторов, не позволивших политической элите России создать систему политических партий, аналогичную той, что сложилась в начале XX в. на Западе, следует отнести: вековая отсталость страны, длительное сохранение самодержавно-абсолютистского строя, переходное состояние России от традиционализма к модерну, сословность, характеризующуюся их жестким противоборством, крайняя пестрота национального состава населения, его низкий образовательный уровень и аполитичность, глубокий идеологический раскол среди интеллигенции, отсутствие в России сформировавшегося гражданского общества и каких-либо демократических традиций. Противоречие между статичностью политического и социального укладов и динамичностью экономической и культурной жизни привносило в страну постоянную напряженность, ощущение неустойчивости и постоянного ожидания.

Можно утверждать, что главным анахронизмом России начала XX в. была ее политическая система. Несоответствие российского политического устройства ее экономическим, социальным, культурным и даже административным реалиям расценивалась наиболее образованными кругами страны не иначе как аномалия.

Из этого следовала и *торопливость* при создании политических партий при явно сырой социальной матрице их возникновения, и *гипермногopартийность* (в начале XX в. их насчитывалось более 150⁶), определенно не соответствовавшая необходимости и возможностям российских реалий.

Как вспоминала современница тех событий, «мы делали глупости, мы ошибались. Мы забывали об извечных недостатках всякого человеческого общества, мы все беды взваливали на самодержавие, а об его исторических заслугах совершенно забывали. Мы не в меру доверяли иностранным учебникам государственного права и теориям. Вместо того, чтобы изучать Россию и русский народ, мы старались следовать немецким правоведам и экономистам, часто третьестепенным».⁷

К особенностям генезиса партийной системы России следует отнести *слабость и аполитичность ее носителя*. Многие исследователи связывают это с поздним формированием государственности в России и отсутствием в ней общества. Так, Р. Пайпс утверждает, что идея государства отсутствовала в России до середины XVIII в. и даже после своего появления не была толком усвоена. А поскольку не было концепции государства, не было и следствия ее – концепции общества⁸. Известный российский историк В.П. Булдаков стоит на аналогичных позициях по отношению к российскому обществу, неоднократно заявляя, что «в российских пространствах общества, как такового, объективно сложиться не могло», «общества как такового не было – существовали лишь закрепощаемые сословия», «само «общество» существовало лишь постольку, поскольку ему было дозволено существовать в качестве элемента декоративной европеизации...»⁹.

Такой подход, на наш взгляд, не вполне корректен, ибо, понимая под обществом исторически развивающуюся целостную систему жизнедеятельности людей, мы вынуждены признать, что

мы жили в некой виртуальной общественно-политической реальности и пытаемся понять нечто, констатируя его отсутствие. Более того, власть, наличие которой в России никто не пытается отрицать, и завоевание и удержание которой является главной задачей любой политической партии, – это всегда атрибут общества, его производное.

Российское же общество конца XIX – начала XX вв. носило переходный от Традиции к Модерну характер. «Россия, – по заключению Н.А. Бердяева, – совмещает в себе несколько исторических и культурных возрастов, от раннего средневековья до XX в., от самых первоначальных стадий, предшествующих культурному состоянию, до самых вершин мировой культуры».¹⁰ Переходный характер носила и социальная структура России, где сословность была одной из ведущих ее характеристик. Индустриальный пролетариат составлял около 2% населения страны, причем лишь около 50% его состава были потомственными рабочими. Российская буржуазия не соответствовала уровню индустриального развития страны, из-за слабости ее средних слоев она не имела прочной социальной опоры, не успев самоидентифицироваться, она не только не стояла у власти, но и не особо к ней стремилось. Подавляющее большинство населения страны – крестьянство – было забито, бесправно, в большинстве своем общинно и опутано остатками докапиталистических отношений. По-прежнему дворяне господствовали и в обществе, и в политике, и в государственном аппарате.

Особо необходимо подчеркнуть *аполитичность* возможных носителей партийной системы России.

Ни одна из социальных групп не могла или не хотела поставить под сомнение монополию монархии на политическую власть. Все группы населения, стремящиеся добиться экономического благополучия могли это сделать единственным способом – сотрудничеством с государством или полным политическим подбострастием, отказом от всяких политических притязаний. Смирением и полным политическим обезличиванием поднимались к богатству дворяне и буржуазия, мужицкая масса больше всего желала земли, которую надеялась получить от монарха. Все они вместе с массой мелких торговцев

не были заинтересованы в либерализации: в ней они видели утрату привилегий для элиты и разбитые надежды крестьян на всероссийский «черный передел». Более того, парламент и конституцию они представляли мошеннической проделкой, с помощью которой богатые и влиятельные слои завладеют государственным аппаратом в своих интересах. Далеко не сразу и не все образованные люди смогли понять, что «население России еще не может осилить всей сложности государственных задач, не может понять их», что для него неприемлемо «пристрастие к отвлеченным теориям, к политической алгебре, когда России еще была нужна немудрая арифметика».¹¹

Присоединение же «просвещенной» части общества к той или иной политической группировке, по свидетельству современника, «в значительной степени определяется не столько теориями, логикой, сколько моральными и эмоциональными свойствами человека»¹² и, добавим мы, элементарным любопытством. Вот характерные примеры. На вопрос о знакомстве с программой политической партии, куда он вступал, популярный столичный адвокат Ф.Н. Плевако ответил: «Программа мне не интересна, это предисловие к книге. Кто его читает?...»¹³ А вот как описал «причины» и степень «осознанности» личного партийно-политического выбора один из умнейших и экстравагантнейших людей своего времени В.В. Розанов: «... – Подавайте, Василий Васильевич, за октябристов, – кричал Боря, попыхивая трубочкой. – Твои октябристы, Боря, болваны; но так как у жены твоей удивительные плечи, а сестра твоя целомудренна и неприступна, то я подам за октябристов. И подал за них (в 3-ю Думу): так как квартиры д-ра Соколова (старшина эсдеков в СПб, – где-то на Греческом проспекте) не мог найти, а проклятый «бюллетень», конечно, потерял в тот же день, как получил...»¹⁴.

Характерная черта российской многопартийности состоит в том, что ее творцом и главным действующим лицом являлась интеллигенция.

На протяжении всей русской истории всегда противодействовали друг другу «группы интересов», но никогда – государству. Стремление к переменам должно было инспирироваться не личными интересами какой-либо группы, а

более просвещенными, дальновидными, благородными и великодушными мотивами, такими как патриотизм, справедливость, равенство, забота о благе народа, полным отсутствием меркантилизма, потребностью быть, или, по крайней мере, выглядеть абсолютно бескорыстной. Эту миссию попыталась возложить на себя интеллигенция, формируя для этого организации соответствующего типа. Создавая модели преобразования всей системы общественных отношений, она строила партийность именно под эти модели, которые прямо или косвенно, в большей или меньшей степени оказывали влияние на программы партий, их стратегию, тактику, структуру и состав руководящих органов, что отражает и приводимая ниже таблица.

Российскую партийную систему отличало и то, что *политические партии возникали не на основе четких структурированных социальных интересов* различных социальных общностей, групп, корпораций, не прорастали снизу, а, если можно так выразиться, *насаждались интеллигенцией сверху*.

При незавершенности классового образования и отсутствии представительных учреждений она, как катализатор партийного строительства, брала на себя роль выразителя интересов различных социальных групп, создавала и руководила практически всеми политическими партиями, опрометчиво полагая, что интересы народа – это не то, что хотят живые люди, а то, что избранные определяют как их «истинный» интерес. Это способствовало недостаточности прямой и обратной связи с электоратом, отсутствию общественного контроля, партийные лидеры не только не считали себя обязанными отчитываться перед общественным мнением, но и не видели в этом нужды. Можно утверждать, что, борясь за демократию, основатели политических партий извращали самую ее сущность и воспроизводили авторитарную модель государственной идеологии и методов исторически господствующего в России режима.

Иным был и алгоритм возникновения партий в России.

Первыми в стране появились национальные партии преимущественно социалистической ориентации (исключение составила Польская национально-демократическая партия,

которая была образована в 1897 г., а ее основа – Польская лига – в 1887 г. Основная масса несоциалистических национальных партий сформировалось позднее, в начале XX в.) – Гнчак (1887 г.), Дашнакцутюн (1890 г.), Социал-демократия Королевства Польского (1893 г.), Литвы (1896 г.), Бунд (1897 г.) и др. Опережающее создание подобных партий связано с началом кризиса российской империи, ростом национального самосознания и наличием в составе России народов с относительно высокой культурой и сильными заграничными диаспорами.

На рубеже веков были образованы Российская социал-демократическая рабочая партия (1898–1903 гг.) и партия социалистов революционеров (1901–1902 гг.) – собственно российские социалистические партии, прародительницей которых вполне можно считать созданную в 1879 г. «Народную волю». Предшественниками либеральных партий следует считать кружок «Беседа» (1899 г.) и более влиятельные либеральные организации – «Союз освобождения (190 г.) и Союз земцев-конституционалистов (1903 г.). Как ответ на активизацию либералов в 1900 г. возникла организация культурно-просветительского толка с традиционалистско-монархической ориентацией «Русское собрание». Окончательное оформление либеральных и традиционалистско-монархических партий происходит в 1905–1906 гг. Такому запаздыванию «благоприятствовали», прежде всего, слабость их политических носителей и существовавший политический режим, не допускавший легальных партий.

В ходе скрытого, но бурного формирования партийной системы проявилась и такая ее специфика как *относительная слабость либералов как партийного центра и наличие мощных и непримиримо враждебных друг другу и либералам флангов, представленных социалистическими и традиционалистско-монархическими партиями.*

Сохраняя свою самостоятельность, правый партийный фланг в лице традиционалистов во многом опирался на поддержку государства, что давало возможность отдельным политическим деятелям того времени заявлять: «Для нас непосвященных, не совсем ясно, где кончается корпус

жандармов и где начинается Союз русского народа».¹⁵ Не переоценивая связи правых партий с государством, необходимо заметить, что все же определенная государственная поддержка в некоторой степени завывшала их реальную силу и влияние.

В то же время социалистические партии левого фланга функционировали в значительно более стесненных государством условиях, что существенно сдерживало их потенциальные возможности. Парадоксально, но правительство с большей опаской относилось к более умеренным либералам, чем к социалистам, на которых, по данным полиции, до 1895 г. оно вообще не обращало внимания,¹⁶ а к легальному марксизму относилось спокойнее, чем к конституционализму. Это объяснялось различным социальным статусом членов этих партий: студенты-социалисты и князя Шаховский, Долгоруков и другие. Это облегчало деятельность либералов в России и объясняет то, почему либералы в 1905 и в 1917 гг. опережали своих соперников-социалистов с выходом на политический подиум. Главная же слабость либерализма заключалась в том, что их идеи были объективно чужды системе ценностей и социальному положению подавляющего большинства населения страны. Реальная сила политических партий убывала слева направо и в определяющей степени зависела от уровня стабильности государственной власти.

Российскую многопартийность отличало от ее западных аналогов и то, что в нашей стране *не сложились партии торгово-промышленной буржуазии и всероссийская крестьянская партия.*

Если на Западе буржуазия всегда стояла за свои деловые интересы, требовавшие законопавия и защиты прав личности, и боролась за общественное устройство, соответствующее этим общественным идеалам, то в России мощная, политически консолидированная буржуазия, способная взять на себя ведущую роль в выражении насущных общественных потребностей, отсутствовала. Она в массе своей мало походила на идеальный образ просвещенного, рационально-мыслящего предпринимателя западного типа, понимающего необходимость какого-либо соглашения между трудом и капиталом. Почему же у российской буржуазии не возникало политических амбиций?

Ответ следует искать в том экономическом и политическом климате, в котором приходилось действовать деловым людям России.

На политическое мировоззрение отечественных предпринимателей определяющее влияние оказывало одно простое экономическое обстоятельство, а именно всецелая зависимость успешности их деятельности от государства. Эта робость, если не сказать трусливость, в экономической сфере зримо проявлялась и в политическом поведении. Подавляющее большинство деловых людей России были настроены националистически и монархически, но предпочитали оставаться в тени. Так, среди депутатов первой Думы (1906 г.) было лишь два промышленника и 24 купца – 5,8% от общего числа ее членов.¹⁷ Это политическое бессилие вытекало, прежде всего, из выработанного многовековым опытом убеждения, что путь к процветанию в России лежит не через конфронтацию с властью, а через сотрудничество с ней, и сопутствующего ему мнения, что, когда претенденты на политическую власть воюют друг с другом, умнее всего будет отойти в сторону. Именно поэтому российская буржуазия с настороженностью относилась даже к либеральным партиям, что, зачастую не позволило им в финансовом отношении сводить концы с концами¹⁸.

Основу же крестьянской политической философии составлял инстинктивный монархизм. Еще на рубеже веков крестьяне искренне верили, что всеобщий земельный передел будет произведен по указу царя: на крестьянский взгляд, царю было выгодно, чтобы вся земля была распределена справедливо и как следует возделывалась.¹⁹ У них были причины для недовольства, но отнюдь не политическим строем. Существующий режим крестьянина вполне устраивал, так как был ему понятен по опыту собственного домашнего уклада жизни, организованного по той же модели. Он не только не помышлял о гражданских и политических правах, но даже к таким идеям относился презрительно.

Невозможность создания всероссийской крестьянской партии имеет под собой и организационные основания. Отсутствие в деревнях учрежденческих образований не давало возможности русским крестьянам приобрести необходимый

политический опыт. Русская деревня могла проявить высокую степень сплоченности перед угрозой извне, но в своих пределах не могла создать даже таких органов самоуправления, которые могли бы научить крестьян переносить усвоенные дома обычаи на более формальные социальные связи. Почти все, чему они могли научиться в своем непосредственном окружении, было бесполезно, а подчас и вредно, в приложении к иным сферам деятельности. Живя в маленьких общинах, русский крестьянин был неприспособлен для перехода к более сложному общественному устройству, где действовали отдельные индивидуумы, руководствуясь неличностными отношениями. Другими словами, крестьяне более, чем иные сословия, были отстранены от политической жизни государства. По справедливому замечанию В.П. Булдакова, «традиционалистское сознание рассчитывает на магию слияния с властью, а не на включение в политический процесс»²⁰.

При этом, анализируя политический спектр России начала XX в., следует иметь в виду одно существенное обстоятельство: весьма распространенное мнение о том, что в стране не сложилась сильная правительственная партия, вряд ли следует считать достаточно обоснованным. Это была, на наш взгляд, официально не оформленная, но реально существующая партия власти. Помимо императора, даже согласно Основным законам 1906 г., сохранившего огромные полномочия, большое, а порой решающее влияние на политику оказывали придворная камарилья, правительство, непартийные структуры наподобие Совета объединенного дворянства. Хотя в этой среде вряд ли можно было встретить что-либо напоминающее идеологию, которая вообще не представлялась предметом, достойным внимания, партия власти являлась вполне самостоятельным фактором, с которым постоянно и неизбежно взаимодействовали, отталкиваясь или притягиваясь, все остальные политические силы. Эта партия, по существу, так и не смирилась с существованием других партий, и уже тем более – с их претензиями на власть. Через 110 лет ситуация практически не изменилась: российский парламент в режиме взбесившегося принтера штампует поток законов, которые выходят из недр современной партии власти – Администрации Президента и аппарата правительства.

Политические партии, как подмечалось уже в начале XX в.²¹, возникали не столько на базе социальных интересов, еще не полностью выкристаллизовавшихся, сколько идей, которые приобретали самодовлеющий характер – и это еще одна особенность генезиса российской партийной системы.

Партийные интеллектуалы были убеждены, что в идеологии найден ключ к пониманию человека и общества. Их наступление на существующий порядок вещей было направлено в первую очередь против мнений, и оружием их были идеи, в мире которых у них было явное превосходство перед реальной властью. Сила идей разрушит государства, церкви, экономические системы и общественные институты.

В основе идеологии лежал постулат, что человек не исключительное создание, а податливый материал, всецело формируемый окружением. Из этой предпосылки следует, что, переорганизовывая социальное, экономическое и политическое окружение на рациональных началах, можно создать новую расу абсолютно рациональных человеческих существ и построить их рациональное сообщество. При этом у всех ведущих политических партий имелись свои формулы, воплощение которых непременно должно было самым коренным образом изменить судьбу человечества, в силу чего идеология представляла собой сплав массовых ожиданий и обещаний. Такие убеждения возносят новую партийную элиту, как носителей рационального начала, в разряд социальных инженеров и оправдывают их посягательства на роль правящей элиты. Они, и только они, знают «всеобщий» порядок вещей. Создавая «науки» о человеческих отношениях, они устанавливают принципы, которые якобы указаны самой природой вещей. И если действительно человеческое существование во всех его проявлениях подчиняется законам, которые разум может обнажить и направить в нужное русло, то претензии партийных интеллектуалов, как хранителей рациональных знаний, быть естественными руководителями человечества вполне обоснованны. В таких благоприятных для него условиях в политических партиях не могло не расцвести махровым цветом такое явление как *вождизм*.

Суждения о других теоретиках и лидерах политических партий вряд ли будут отличаться от этого: «Струве... всегда больше жил книгами, людей замечал не сразу и на них смотрел через подзорную трубу, как на далекие явления природы. Диалектические тонкости были ему ближе, понятнее чем человеческие чувства или волнения... Он нередко проходил мимо людей как мимо травы»²².

Прогресс состоит либо в мгновенном, либо в постепенном подчинении жизни разуму, или замене «стихийности» жизни «сознательным» вмешательством в ее течение. А если между их идеями и действительностью имеется какое-либо несоответствие, то это из-за того, что действительность все еще отстает от их идей. При необходимости можно создать свою реальность, точнее «сюрреальность», подлинность которой определяется лишь соответствием мнениям, ими одобряемым. Неудача всегда кажется идеологам временной, тогда как успехи власти – всего лишь иллюзорными.

Доктринерство, абстрактность идеалов, не соответствующих реалиям страны – еще одна особенность генезиса российских политических партий.

Чаще всего заимствованные на Западе идеи и доктрины далеко не всегда были приспособлены к российским условиям, и их адаптация являлась по сути главной проблемой для большинства отечественных партий. Мнение современника о П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановском характерно и для других партийных теоретиков: они «...были совершенно уверены, что правильно приведенные изречения из «Капитала» или даже из переписки Маркса с Энгельсом разрешат все сомнения, все споры. А если еще указать, в каком издании и на какой странице это напечатано, то возражать могут только идиоты. Для этих начегчиков каждая буква в сочинениях Маркса и Энгельса была священна».²³ Не рискуя ошибиться, можно утверждать, что у российских политических лидеров сложился определенный комплекс неполноценности по отношению к Западу и его теоретической мысли. «Они идеализировали Европу, – вспоминает видный деятель партии кадетов Тыркова-Вильямс, а у нас все было скверно. В Европе непрерывное торжество

прогресса. У нас непрерывная мрачная реакция. В Европе процветающие фермеры, хорошо организованный пролетариат, у нас нищий пролетариат, несчастные полуголодные мужики... В европейской жизни больше всего интересовались революциями, бунтами, разрушениями»²⁴.

Теории и программы российских политических партий страдали размытостью граней между реальным, воображаемым и символическим. Они оценивались не сообразно реальной жизни, а по отношению к другим теориям и программам: критериями их ценностей были логичность и согласованность. Реальная жизнь воспринималась как искажение, как карикатура «истинной» реальности, которая, как считалось, скрывается за внешней оболочкой и ждет своего освобождения. Другими словами, их представления о российской реальности были исключительно умозрительными и описывали не реальность, а свое воображение о ней. Программы же политических партий, составленные на основании этих теорий, и доктрины представляли собой своеобразное соревнование утопий, стремление бежать в никуда, но бежать. Ситуация получалась как у Алисы, которая заблудилась в стране чудес. Там она наткнулась на кота и спросила, куда ей идти. На вопрос смышленного зверька о желаемом пункте назначения, Алиса ответила: мне все равно, лишь бы куда-то прийти. Кот заметил, что в этом случае она может идти куда угодно, потому что куда-нибудь придет наверняка. На наш взгляд, исключительно точную характеристику такому состоянию дел дал В.П. Булдаков, оценив его как «химеризм политических доктрин того времени»²⁵.

Формулируя теории и модели преобразования России, партийные теоретики имели довольно смутное представление о российских реалиях. «Жизнь они не знали и не считали нужным знать, – делится воспоминаниями Тыркова-Вильямс. – Менее всего их интересовали те, ради кого все эти теории сочинялись, живые люди. Они... их не замечали»²⁶. Она же констатирует, что крайне редко приходилось слышать горделивые речи о прошлом России. К русской истории было принято относиться сурово, пренебрежительно, насмешливо... К автору приходит запоздалое прозрение того, что мир был бы несравненно счастливее, если бы хорошие русские люди меньше поддавались заморским ученым

и больше приглядывались бы в прошлое и настоящее своего народа.²⁷ Получилось же исключительно по В. Брюсову: *Быть вольным, одиноким, / Идти своим путем, просторным и широким, / Без будущих и бывших дней.*

В истории идей важен не точный смысл чьих-то мыслей, а то, как их воспринимает масса. По мнению К. Майнога, «современность дала нам прекрасное средство заставить людей идти за нами: нужно убедить их, что исполнив наш замысел, они поступят как деятельные, критичные, независимые и свободолюбивые существа; поступив же иначе, останутся пассивными и зависимыми».²⁸ Для этого, как считают некоторые современники, мысли и теории плелись за общественными эмоциями, а не руководили ими, в теории же вкраплялась социальная жалость, а здравый смысл, знание жизни, ясность суждений не слишком ценились.²⁹

Борьбу за политические вольности партии повели во имя абстрактных идеалов. Особенно ярко и пагубно это проявилось в концепции «народа», где живой человек рассматривался как исключительно голая идея, абстракция, которая идеологами наделялась своими собственными чаяниями. Переходное состояние России от Традиции к Модерну обусловило появление самых разнообразных идеологизированных моделей общественного развития страны, множественность которых значительно превосходила реально существующие альтернативы этого развития и предопределила многоцветность российской партийной системы. Подавляющее большинство партийных доктрин отличались нереалистичностью, были обращены либо в прошлое, к неограниченному самодержавию, либо, напротив, полностью или частично заимствованных в Западной Европе и предусматривавших введение всех мыслимых и немыслимых демократических свобод, для осуществления некоторых из них Англии и Франции потребовалось более шестисот лет после появления парламента, а другие в полном объеме так и не были к тому времени реализованы.

Либералов в большей или меньшей степени объединяла ориентация на опыт государственности Запада, включая такие его постулаты, как широкие личные права и свободы, всеобщее избирательное право, конституционная монархия,

законодательный парламент и др. Традиционалистско-монархические партии, напротив, ориентировались на исторический опыт российской государственности, сформулированный в триединстве неограниченного самодержавия, православия и народности. Лишь незначительная часть их смогла смириться с существованием в России с 1906 г. законодательной Думы.³⁰ Ультрарадикальные в целом российские социалисты стремились к осуществлению сугубо идеологизированных моделей принципиально нового общественного развития.

Если по отношению к существующей государственности подавляющее большинство партий объединяло крайне негативное отношение к ней, то в отношении перспектив ее развития единства не было даже внутри самих партий. Будучи противником партийно-политического деления общества при организации народного представительства, В.О. Ключевский видел объективную основу такого положения дел в том, что в условиях, когда «сословное деление уже не отражает в себе полно и точно действующих в обществе интересов, а эти интересы еще не успели кристаллизоваться, сомкнуться в общественные классы, способные найти своих представителей..., можно проектировать какие угодно системы народного представительства, выкраивая их по образцу ли старинных московских Земских соборов, или по современным западноевропейским конституционным шаблонам»³¹.

Можно утверждать, что теоретико-идеологическая деятельность российских партийных функционеров начала XX в. как две капли воды похожа на позицию французского якобинца, блестяще описанную И. Тэнном: «Его принципы – это аксиомы политической геометрии, доказательство которых заключено в них самих, ибо, как и в обычной геометрии, они сводятся к комбинации ряда простых самоочевидных идей... Люди как таковые его не интересуют: он их просто не видит. Ему и не требуется их видеть. Закрыв глаза, он накладывает свою схему на человеческий материал, являющийся предметом его манипуляций. Ему никогда не приходит в голову мысль о необходимости учитывать реальные качества этого сложного, многообразного, переменчивого материала, будь то крестьяне,

ремесленники, мещане, кюре или аристократы, – идущие за плугом, сидящие в своих домах, в лавках, на приходах или во дворцах, во что-то неисправимо верящие, к чему-то стремящиеся, готовые с упорством что-то добиваться. Все это проходит мимо его сознания, где безраздельно господствует один отвлеченный принцип, не допускающих других мыслей. И даже если непрощенная идея придет из опыта, проникнув сквозь глаза и уши, она не удержится надолго: какой бы она ни была яркой и убедительной, абстрактная схема выгонит ее вон»³².

Нетерпимость к инакомыслию также следует считать одной из особенностей генезиса партийной системы России.

Политические партии России возникли на базе уникальной бинарной культуры и традиций нашей страны, в отличие от тернарной культуры Запада, которая, наряду с миром добра и зла, предполагает и мир, не имеющий однозначной моральной оценки, характеризующийся признаком своего существования и оправданный самим фактом своего бытия. Принципиальные расхождения между партийными теоретиками, а на уровне идеологии компромисс затруднен, а иногда и вряд ли возможен, логически вели к обострению как внутрипартийной, так и межпартийной борьбы. Принципиальные расхождения особенно ярко прослеживались на доктринальном уровне, где политические партии довольно быстро накапливали в себе потенциал взаимной доктринальной нетерпимости и даже с определенным удовольствием вступали в идеологический «мордобой».

Партийные руководители исключительно важную роль отводили единомыслию в своих рядах, а единства добивались не тем, что разделяли общие проблемы, а тем, что разделяли общие идеи, которые жестко навязывали своим членам и подвергали яростным нападкам всех, кто мыслил иначе. По свидетельству А. Тырковой-Вильямс, они «считали своими только тех, кто отрицал самодержавие целиком, в прошлом, настоящем, тем более в будущем», а «у каждого был свой верный рецепт, как сокрушить ненавистный старый мир».³³ Даже отдельных сочувствующих тем или иным партиям бесконечные книжные разговоры, насакивание на противника, крикливые споры с утра

до поздней ночи непритворно удивляли своей страстной отвлеченностью, своей нетерпимостью.³⁴ Все это усугубляло ситуацию в стране, вело к усилению конфронтации в обществе и его политической дестабилизации.

Если в партийных системах Запада большинство политических партий, в том числе и оппозиционных, было уже интегрировано в существовавшие в этих странах политические порядки, то в России партии в большинстве своем были не только оппозиционны по отношению к существовавшему политическому режиму, но и стремились его разрушить.

Другими словами, партии объединял негативный консенсус, а партийная система носила «несистемный» характер. Она не вписывалась в политический режим, силы партий и государства находились в обратной зависимости друг от друга.

Приниженное положение партий усиливало их оппозиционность, вся их сила была направлена против правительства. С того дня, как конституция вступила в силу, они использовали любую возможность развязать войну против монархии, зачастую отвергая и саму конституционную монархию, и парламентское управление. Тактика превращения конкретных жалоб в глобальные политические требования стала действенным средством политических партий. Она отвергала компромиссы и частичные реформы. По воспоминаниям современников, «русская оппозиция всех оттенков боялась компромиссов, сговоров. Соглашатель, соглашательство были слова поносительные, почти равносильные предателю. Тактика наша была не очень гибкая. Мы просто перли напролом и гордились этим... Осторожности ... не проявили, считали ее такой же вредной, как сговорчивость».³⁵ Говоря словами поэта И. Губермана, вне понимания партийцев оказалось следующее обстоятельство: *Есть одна загадочная тема, /К нашим относящаяся душам: /Чем безумней дряхлая система, /Тем опасней враз ее разрушить.*

Правящий режим также не желал делиться властью с политическими партиями, мотивируя это тем, что российское «общество» было неспособно управлять страной. Самое большее, чем он готов был поступиться – это разделить ответственность, но не власть. Справедливости ради следует

заметить, что П.А. Столыпин пытался ввести в состав кабинета министров представителей общественности, для чего, вступив в должность, вел переговоры с А.И. Гучковым и Н.Н. Львовым, а в январе 1907 г. пытался договориться с кадетами. Однако это старание оказалось безуспешным, так как были выдвинуты такие требования, которые правительство принять не могло. Более того, И.И. Петрункевич, член ЦК партии кадетов и один из патриархов российского либерального движения, категорически заявил, что пусть лучше партия сгинет, чем потерпит «моральное разложение», приняв такое условие. Это положило конец всем переговорам.³⁶

Трагедия России в том, что важнейшую роль в событиях, которые потрясли ее далее, подчас играли не тяжкие условия существования, а непримиримость занятых сторонами позиций. Революция 1905 г. не только не устранила отчуждение власти и общества в России, но еще более его усилила. Неудивительно, что и правящий режим, и оппозиция рассматривали Думу не как возможность прийти к соглашению, а как арену борьбы, где на трезвые голоса, призывающие к сотрудничеству, обрушивалась обоюдоострая с обеих сторон критика. За время своей жизнедеятельности Дума служила трибуной беспрепятственной, а часто весьма нелюбезной и несдержанной критики режима. И это, весьма возможно, гораздо сильнее подрывало престиж русской власти в глазах населения страны, чем все выпады революционеров, ибо лишало правящую верхушку ореола всеведения и всемогущества, который она во что бы то ни стало стремилась сохранить.

Если конституционный эксперимент не привел к сотрудничеству государства и общества, то повинны в этом не столько Основные законы 1906 г., сколько ядовитая воинственная атмосфера русской политической жизни, где одна группа блюстителей чистоты принципов сталкивается с другой, столь же бескомпромиссной, нежелание двора и парламента воспринять новый порядок и действовать сообразно представившимся возможностям. П.Б. Струве, с беспокойством взиравший на это судьбоносное противостояние, понимая, что оно неизбежно закончится катастрофой, писал: «Русская революция и русская реакция как-то безнадежно грызут друг

друга, и от каждой новой раны, и от каждой новой капли крови, которыми они обмениваются, растет мучительная ненависть, растет неправда русской жизни». ³⁷ Такая российская партийная система могла существовать только в условиях сильного самодержавия. А так получилось – *post hoc ergo propter hoc* – нельзя пилить пресловутый сук, на котором сидишь, любуясь падением опилок и надеясь, что из каждой вырастет в будущем мощный дуб.

В отличие от Запада, российские политические партии не были представлены в правительстве страны и не прошли испытания властью.

По свидетельству современника, на рубеже веков не только в отдельных людях, но в целых общественных слоях пробудилась жажда власти. При этом они считали, что должны прийти не как помощники, а как смена ³⁸ «требовали от трона и бюрократии во имя мифического «народного блага» уступить им бразды правления страной». ³⁹ Как мы уже отмечали, руководство страны в лице С.Ю. Витте и П.А. Столыпина неоднократно предпринимали попытки привлечь к работе в Совете министров либералов и консервативных либералов, но неизменно встречали заведомо невыполнимые для него условия и решительный отпор. В целом же монархия и высшие сановники считали представителей общества не способными к управлению страной, отмечая у них такую опасную особенность, как «государственное простодушие». Среди претендентов на управление были и вполне здравомыслящие, практичные люди, сознающие трудности демократизации России и стремящиеся к сотрудничеству с реальной властью, но таких было мало и им приходилось выдерживать нападки либералов и социалистов, заправлявших общественным мнением.

И действительно, как показали последующие события, российские политические партии сильно недооценили трудности управления Россией, подменяя управление законотворчеством и находясь в состоянии некой прокрастинации.

К сожалению, и в наши дни кардинальных изменений не произошло: и руководители фракций, и руководители партий, и особенно рядовые парламентарии не знают, чем они должны заниматься в парламенте. Каждый уверен: только ты приходишь

во власть, задумываешь что-то хорошее, и это хорошее сразу же случается, но они не готовы к тому, что реальность иная. Не зная, как осчастливить весь народ, они делают это по отношению к себе, своим родственникам, ближайшему окружению.

Как одну из характерных особенностей генезиса российской партийной системы следует выделить, на наш взгляд, *безответственность и торопливость принимаемых решений, расчет на популизм.*

Надеясь, что свобода придет сразу, сама собой, почти без насилия и крови⁴⁰, российские партийные деятели излучали такую уверенность в себе, что муки сомнения или страх перед возможными последствиями их действий были им абсолютно не знакомы. Складывалось впечатление, что, в силу российских традиций и неструктурированности социальных интересов, идеология доминировала и в их практической деятельности. Пользуясь выражением А. де Токвиля, большинство из них были «великими партиями», озабоченными больше приверженностью принципам, нежели тем, к чему может привести следование этим принципам»⁴¹.

Ярким свидетельством (одним из многих!) бесшабашности российских политических партий является решение 200 депутатов I Государственной Думы в ответ на ее роспуск 8 июля 1906 г. в Выборгском воззвании призвать российских граждан не платить налоги и уклоняться от воинской повинности. И это в ходе первой русской революции! Здесь налицо виньетка ложной сути в полном соответствии с видеоизмененной русской пословицей: «Плохому танцору ничего не мешает, потому он танцует плохо. Но думает, что хорошо!» В результате страна не откликнулась на выборгское воззвание, и единственным следствием его явилось то, что подписавшие его, а среди них были и ведущие либеральные деятели, потеряли право быть избранными при последующих выборах.

Преобладание внепарламентского характера деятельности большинства политических партий России по сравнению с Западом – также характерная черта ее партийной системы.

Ведущая и самодовлеющая роль государства, опирающаяся на исторические традиции нашей страны,

потребности модернизации и несформированность гражданского общества, а отчасти и молодость вновь сформированных в России политических институтов обусловили приниженное место партий и партийной системы в целом в политическом пространстве страны. В России партии никогда не были и не стали парламентскими. В таком ключе, да и то с большими оговорками, можно говорить только о партии прогрессистов, образованной в 1912 г.

Россия так и не успела стать полноценной парламентской страной, и влияние политических партий в парламенте имело здесь значительно меньшее значение, чем в большинстве западных стран. Государственная Дума лишь в 1906–1907 гг. и в 1915–1917 гг., когда она выступала центром оппозиции царскому режиму, привлекала к себе пристальное внимание и общественные симпатии. В остальное время подавляющая часть населения России лишь незначительно интересовалась ее работой и, как правило, не возлагала на нее особых надежд.

Выражая мнение «образованной» части общества, известный поэт М. Волошин дал следующую художественно-заостренную оценку этому политическому институту:

*А в наши дни, когда необходимо
Всеобщим, равным, тайным и прямым
Избрать достойного, – единственный критерий
Для выборов: искусство кандидата
Оклеветать противника и доказать
Свою способность к лжи и преступлению.
Поэтому парламентским вождем
Является всегда наинаглейший
И наиадвокатнейший из всех.
... Но избиратели доселе верят
В возможность из трех сотен негодяев
Построить честное правительство стране.*

16 июня 1918 г. декретом большевиков была поставлена точка в существовании независимых политических партий в России, которые с этого времени фактически превратились в политических импотентов. В генезисе российских партий, несмотря на его своеобразие, изначально не было ничего

«порочного». Нарождавшаяся партийная система вполне соответствовала особенностям и уровню развития российского общества. Само появление и деятельность партий отражали прежде всего нараставший конфликт между Традицией и Модерном, наложившийся на глубокий социокультурный раскол «верхов» и «низов» российского социума и обостренный искусственным торможением социально-политического реформирования страны, ярко выраженным ростом общественных ожиданий и массового движения в середине 90-х гг. XX в.

Хотя отечественные политические партии «являли собой живые организмы со сложной внутренней жизнью, а вовсе не закрытые, скованные жестким панцирем организации»⁴², в царской России не сложилось стабильной, жизнеспособной партийной системы. Чрезвычайной множественностью партий, их дробностью и определенной неустойчивостью она в какой-то степени была сравнима с аналогичными структурами таких стран, как Франция или Италия. Однако качественно иными были сроки и алгоритм возникновения партий, уровень ее поляризации, доля несистемных партий и сверхрадикальных идеологий. В результате партии сыграли важную, хотя не всегда и не для всех очевидную, роль в крушении государственной власти в феврале 1917 г.

Сила и продуктивность деятельности политических партий, на наш взгляд, находились в прямой зависимости от апелляций к сознанию или психологии и чувствам электората. Некоторые современные исследователи идут еще дальше и связывают успех партий на политическом поприще с опорой на коллективное бессознательное, принижая или исключая элементы сознательного осмысления политической реальности: «...необходимо анализировать не только программные установки разных партий как средство борьбы за массы, сколько модули «поведения этих партий и их отношение с «модулями поведения» самих масс. Предметом изучения при этом становится не степень соответствия «объективным» интересам «электората» различных партийных проектов, а непосредственное отношение его к самим партиям, мифологизированный имидж которых складывается в народном сознании вне зависимости от недоступных ему доктринальных

хитросплетений. Конкретные результаты борьбы партий определялись в решающей степени тем, насколько резонировали, либо напротив, вступали в противоречие идейно-ценностные, психологические и поведенческие векторы ведущих политических сил с доминантными установками массового сознания, ситуативно производного от архетипических характеристик русского народа. Поведение партии, желающей повести за собой народ, должно было соответствовать особенностям народной ментальности и учитывать механизмы массового сознания и поведения. Эффективность партийной пропаганды определялась в первую очередь не степенью и качеством выражения группового сознания, а способностью «цеплять» коллективное бессознательное. Политический успех той или иной партии в условиях русской смуты определялся тем, насколько ее практическая деятельность отвечала психологии масс, насколько ее тактика корреспондировалась с их поведенческими стереотипами, насколько лозунги этой партии были понятны русскому мужику и согласованы с его базовыми мировоззренческими установками, а также со спецификой их преломления в массе»⁴³.

Соотношение политических сил и господствовавшие в обществе политические представления делали маловероятным переход России на рельсы демократической государственности. Положение усугубляла тягостная атмосфера всеобщей и глубокой ненависти, царившей в обществе, – ненависти разнообразной: политической идеологической, социальной, этнической. Все ненавидели всех, Россия жила, как на вулкане. Поскольку политические институты и процессы, способные мирно разрешить существовавшие в стране конфликты, так и не сформировались, было весьма вероятно, что рано или поздно Россия вновь пойдет по пути насилия, по пути физического истребления тех, кто встает на пути тех или иных враждующих групп. Крах партийной системы, равно как и всего российского общества, в 1917 г., в конечном счете, был вызван тем, что российское монархическое государство, находившееся в самом опасном, переходном, неустойчивом состоянии, не выдержало своего тяжкого бремени, вызванного отставанием процессов модернизации страны (и, соответственно, эволюции партийной

системы) от роста социально-политической напряженности, порожденной все той же модернизацией, а так же глобальным воздействием Первой мировой войны. Политические партии России, возвращенные в борьбе/защите с царизмом, оказались слишком молоды и неопытны, а ростки гражданского общества слишком слабыми, чтобы в этих сложнейших условиях российской действительности выжить и построить стабильное демократическое общество без сильной, пусть опекающей и многим ненавистой, прежней государственности.

А что сейчас? Применимы ли к современной партийной системе эти характеристики? Можно констатировать, что уровень взаимной ненависти в стране стал неизмеримо ниже, чем 100 лет назад, политические партии все более и более становятся «системными», однако «родовые пятна» российской политической элиты никуда не исчезли, политические партии и электорат тесно соприкасаются только в период выборов, в остальное время – партии – сами по себе, граждане – сами по себе. Следствием такой ситуации является то, что очень многие граждане нашей страны считают своим гражданским долгом обильно ругать все вокруг и ничего не делать, предпочитая любой ценой обеспечить защиту своей «среды обитания» от агрессивного «внешнего мира», избежать каких-либо проблем и добиться устойчивости и стабильности, то есть говорить о сформировавшемся гражданском обществе нет никаких оснований.

Об исторических последствиях такого роста мировоззренческой неопределенности, мировоззренческого сколиоза, когда мы живем, чувствуя себя в обстановке виртуальности и ирреальности, испытывая фаталистическое равнодушие к своей судьбе, судьбе других людей и страны в целом, с величайшей тревогой за будущее уже современной России предупреждает своим фильмом «Солнечный удар» Н. Михалков. Об этом не надо забывать, даже когда страсть как хочется уплывать по молочным рекам вдоль кисельных берегов эйфории (В сокращенном виде доклад автора был представлен на круглом столе «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.»⁴⁴).

Библиография

- ¹ *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. М., 2007. С. 62, 221, 355.
- ² Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.
- ³ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 40, 41.
- ⁴ *Марченя П.П.* Массовое правосознание и победа большевиков в России. М., 2005.
- ⁵ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996; и др.
- ⁶ Политические партии России... Энциклопедия. С. 5.
- ⁷ *Тыркова-Вильямс А.* Указ. соч. С. 196.
- ⁸ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 99.
- ⁹ Труды по россиеведению. М., 2009. С. 374, 79, 84.
- ¹⁰ *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990. С. 71.
- ¹¹ *Тыркова-Вильямс А.* Указ. соч. С. 224, 390.
- ¹² Там же. С. 116.
- ¹³ *Марченя П.П.* Империя, партии и массы в системе взаимодействия власти и общества в России // История СССР/РФ в контексте современного россиеведения. М., 2014. С. 220.
- ¹⁴ *Марченя П.П.* Массы и партии в 1917 г.: массовое сознание как доминанта русской революции // Новый исторический вестник. 2008. № 2 (18). С. 68.
- ¹⁵ *Пешехонов А.В.* В темную ночь. СПб., 1909. С. 105.
- ¹⁶ Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. С. 360.
- ¹⁷ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. С. 290.
- ¹⁸ *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. М., 1991. С. 19.
- ¹⁹ *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. М., 1987. С. 540, 542.
- ²⁰ *Булдаков В.П.* Красная смута. С. 23.
- ²¹ *Струве П.* Patriotica. СПб., 1911. С. 7.
- ²² *Тыркова-Вильямс А.* Указ. соч. С. 187.
- ²³ Там же. С. 51.
- ²⁴ Там же. С. 103.
- ²⁵ *Булдаков В.П.* Октябрьская революция как социокультурный феномен // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С. 160.
- ²⁶ *Тыркова-Вильямс А.* Указ. соч. С. 52.
- ²⁷ Там же. С. 378, 240.
- ²⁸ *Пайнс Р.* Русская революция. В 2 ч. М., 1994. Ч. 2. С. 55.
- ²⁹ *Тыркова-Вильямс А.* Указ. соч. С. 71, 44.
- ³⁰ *Степанов С.А.* Черная сотня в России. М., 1992.
- ³¹ *Ключевский В.О.* Соч. М., 1990. Т. 9. С. 351, 352.
- ³² *Пайнс Р.* Русская революция. Ч. 2. С. 365.
- ³³ *Тыркова-Вильямс А.* Указ. соч. С. 107, 183.

³⁴ Там же. С. 176.

³⁵ Там же. С. 232, 269.

³⁶ *Пайнс Р.* Русская революция. Ч. 1. С. 202.

³⁷ Русская мысль. 1907. № 1. Ч. 2. С. 131.

³⁸ Там же. С. 31.

³⁹ *Тыркова-Вильямс А.* Указ. соч. С. 67, 243.

⁴⁰ Там же. С. 162, 219.

⁴¹ *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1992. С. 144.

⁴² *Марченя П.П.* Психология масс и партий в русской революции: от Февраля к Октябрю 1917 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2009. № 3. С. 24.

⁴³ *Марченя П.П.* Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции // Россия и современный мир. 2008. № 4; С. 88.

⁴⁴ Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М., 2016 // Официальный портал ИС РАН, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594>.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ДВИЖЕНИЙ В КОНЦЕ XX В.

А.И. Шевельков

Во второй половине 1980-х гг. в стране усиливается системный кризис, включая аграрный сектор экономики, что, наряду с другими причинами, привело к обострению проблемы продовольственного обеспечения населения. Меры, принимаемые руководством страны, не приводили к желаемым результатам, а КПСС продолжала терять авторитет. Именно в этот период начинается активный процесс создания политических партий, движений, ассоциаций и союзов, в программах, политических манифестах которых, предлагались свои решения аграрного вопроса, что нашло отражение ряде наших публикаций. Среди изданий этого периода следует выделить работу Г.С. Широкаловой².

В ряде решений съездов и пленумов, КПСС предлагала достаточно программу решения аграрного вопроса. Среди важнейших положений являлись: перестройка экономических отношений и управления в АПК, направленная на возвращении крестьянству самостоятельности; переход коллективных хозяйств на принципы хозрасчета и самофинансирования; существование в рамках экономических условиях разнообразных форм собственности и хозяйствования, включая аренду, крестьянские (фермерские) хозяйства, сельскохозяйственные кооперативы, личные подсобные хозяйства; приоритетность социального развития села; ускорение научно-технического прогресса и интенсификация производства; инвестиционная и структурная перестройка; новая ценовая политика.

К этому следует добавить, что партия приняла активное участие в обсуждении и принятия законов о кооперации, земле, о собственности, крестьянском (фермерском) хозяйстве, земельной реформе, о социальном развитии села. В том числе, в рамках работы съездов КПСС, партийной конференции, пленума ЦК по

вопросам аграрной политики, Верховных Советов СССР и РСФСР, II съезда народных депутатов СССР.

Среди политических организаций, которые были созданы во второй половине 1980-х гг. и кто первым обратился к проблемам села, решению аграрного вопроса были: Демократический союз, Социал-демократическая партия РФ, партия Конституционных демократов, Национально – патриотический фронт (бывшее объединение «Память» Д. Васильева). Большинство из них выступали за равноправное существование всех форм хозяйствования на селе, а также за частную собственность на землю.

Так, организация Д. Васильева (1987 г.) выдвигала требования о пересмотре основ владения землей, которая, по ее мнению, должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Предполагалось расформировать отстающие коллективные хозяйства, а их земли передать частникам. Однако НПФ не поддерживал идею купли – продажи земли и создания рынка земли³. В тоже время, Партия конституционных демократов предложила установить неограниченное право собственности, включая право дарения, завещания, купли–продажи земли. Программный манифест Православной конституционно – монархической партии провозгласил не только частную собственность на землю, право крестьян распоряжаться произведенной продукцией, применение наемного труда, но и передачу земли так называемому новому дворянству.

Одной из первых политических организаций, которая была зарегистрирована в Министерстве юстиции РФ (март 1990 г.), являлась Демократическая партия России. В своих программных тезисах она заявила о равенстве всех форм собственности. Партия предложила законодательно защитить и стимулировать свободный крестьянский труд, реально передать собственность на землю и произведенные на ней продукты крестьянским хозяйствам.

Среди приоритетов экономической стратегии, Либерально – демократическая партия Советского союза, признала частную собственность краеугольным камнем целостной экономической структуры. Но в сочетании с коллективной и государственной. Партия выступила за предоставление государ-

ством права гражданам приватизировать по очень низкой цене не только предприятия, квартиры, но и землю. Новые владельцы в последствие могли продавать и покупать эту собственность, но уже по рыночным ценам. То есть, не отрицалась возможность создания рынка земли⁴.

Движение «Демократическая Россия», объединившее в своих рядах 9 партий, 19 общественных организаций (октябрь 1990 г.), стало самым ярким сторонником частной собственности на землю. Оно настаивало и на проведении по этому вопросу общероссийского референдума, выступало за немедленную замену коллективных хозяйств фермерским производством⁵.

В программе Либерально – Демократической партии России (апрель 1992 г.) заявлялось, что ключевой вопрос экономики – аграрный, а землю необходимо дать тем, кто ее обрабатывает. Партия выступила за постоянную поддержку всех форм хозяйствования и против кампании насильственного вытеснения и разрушения высокодоходных коллективных хозяйств. Вопрос о частной собственности на землю, купле – продаже земли, не выделен отдельной строкой, но мог скрываться в формулировках⁶.

Первая половина 1990-х гг. стала временем создания значительного числа партий, движений, объединений. В 1990–1993 гг. в Минюсте было зарегистрировано 11 общероссийских политических партий. Среди них: Крестьянская партия России, Народная партия России, Демократическая партия России. Большинство из этих партий были зарегистрированы в 1993 г., равно как и КПРФ, Аграрная партия России. Осенью 1993 г. были созданы блоки – «Выбор России», «Явлинский – Болдырев – Лукин» (Яблоко), политическое движение «Женщины России» и другие. Все участники предвыборного марафона выступили со своими платформами, включающими экономические программы.

В политической борьбе за места в Федеральном собрании, партии опирались на свои программы, принятые на учредительных съездах. Среди других вопросов, нашедших отражение в программах, был включен и аграрный вопрос.

В Программном Заявлении, принятом чрезвычайным съездом КПРФ в феврале 1993 г., было заявлено о

необходимости принятия государственной программы стабилизации сельского хозяйства, оказания финансовой и материально – технической помощи колхозам, совхозам, фермерам. Партия выступила против превращения земли в частную собственность, в предмет купли – продажи. Она высказалась за бесплатную передачу земли в бессрочное владение и пользование государственным, коллективным, фермерским (крестьянским) и другим хозяйствам.

Вполне понятно, что наиболее подробно земельный вопрос нашел отражение в программах партий, которые и своим названием ориентировались на крестьянство. Так, Аграрная партия России среди целей и задач в политической области определила: выдвижение крестьянства на арену государственной и общественной жизни страны как самостоятельного субъекта политики, консолидацию общества для проведения реальных реформ на селе, возрождение российской деревни, крестьянского уклада, развитие многообразия и равенства всех форм собственности и хозяйствования, закрепление права каждого гражданина на свободный выбор формы хозяйствования.

В экономической области: становление и углубление планово – рыночного механизма в агропромышленном секторе, признание права на существование и развитие разнообразных форм хозяйствования (колхозов, совхозов, крестьянских (фермерских) хозяйств, кооперативов, акционерных обществ, ассоциаций), их самостоятельности в управлении производством. По их мнению, переход к многообразию форм хозяйствования, должен происходить эволюционным путем, требующим от государства проведения комплексных реформ. Осуществление приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий – только с учетом мнения трудовых коллективов и социальной справедливости.

Партия выразила убеждение, что *«...свободная купля – продажа земли в настоящее время обернется трагедией для большинства крестьян, не имеющих средств для ее приобретения и приведет к обезземеливанию основной массы крестьянства, сосредоточению земли в руках немногих, преимущественно спекулянтов, разрушению не только общественного, но и крестьянских хозяйств...»*. Программа

признавала необходимость государственного регулирования прав собственников земли, землевладельцев и землепользователей.

Крестьянская партия России (КПР) была зарегистрирована в Министерстве юстиции еще в 1991 г., но развернутую программу по аграрному вопросу, она приняла только 6 февраля 1993 г. Основными целями партии стали: возрождение крестьян-собственников, земледельцев-предпринимателей, наделение земель сельских жителей и горожан, как за плату, так и бесплатно. В одном из трех разделов была определена позиция партии по земельной реформе. Она выступила на узаконение частной собственности на землю с правами владения, пользования и распоряжения, а также за немедленное снятие запрета на куплю – продажу земли. Партия не поддержала идею бесконтрольного, не регулируемого процесса купли – продажи земли. По ее мнению, ограничения в продаже полученной бесплатно земли, в купле ее и способах ее использования, разграничения в земельном праве граждан и не граждан России, должны быть предусмотрены законом и не зависеть от местной власти. Партия декларировала приватизацию земли по следующему принципу: каждому гражданину страны – доля земельной собственности с последующим перераспределением земельного фонда на основе рыночной конкуренции.

Признавая необходимость существования колхозов и совхозов, как крупных современных хозяйств, КПР не требовала проведения деколлективизации сверху. Она была против колхозов и совхозов как экономического уклада в целом, который, по ее мнению, поработает земледельца. Крестьянская партия исходила из того, что сельскохозяйственное производство должно жить и развиваться под экономической защитой государства, включая налоговую, финансовую и инвестиционную политику. Фермерство должно стать отдельным сословием в обществе, основу которого должен был составить новый российский человек – хозяин и труженик⁷.

14 февраля 1993 г. Второй Чрезвычайный съезд Коммунистической партии РФ в своем Программном заявлении выступил за немедленное принятие государственной программы

стабилизации сельского хозяйства, оказание финансовой и материально-технической помощи, как коллективным хозяйствам, так и фермерам. Было категорически заявлено о недопущении превращения земли в частную собственность, предмет купли – продажи. КПРФ ратовала за бесплатную передачу земли в бессрочное владение и пользование государственным, коллективным, фермерским и другим хозяйствам, а также за предоставление гражданам приусадебных, садовых и дачных участков в пожизненное и наследуемое владение⁸.

26 февраля 1993 г. на Учредительном съезде Аграрной партии России (АПР) в ходе продолжительных дискуссий была принята подробная программа по земельному вопросу. В одном из шести разделов программы говорилось, что партия считает среди основных направлений аграрной реформы – земельную реформу и становление на селе многоукладной экономики. По ее мнению, свободная купля – продажа земли в настоящее время, обернется трагедией для большинства крестьян, не имеющих средств для ее приобретения, приведет к обезземеливанию основной части крестьянства, сосредоточению земли в руках немногих, преимущественно спекулянтов. Разрушит не только общественное производство, но и крестьянские хозяйства. Партия считала, что земля должна быть передана бесплатно в собственность, наследуемое владение или пользование тем, кто на ней работает.

Кроме того, Аграрная партия России настаивала на необходимости соблюдения в земельных отношениях равенства всех форм собственности – коллективной (общая совместная, общая долевая), государственной, муниципальной, собственности общественных объединений, частной (юридических лиц и граждан). Но при этом должно отсутствовать любое административное вмешательство при выборе форм хозяйствования. По убеждению партии, переход к многообразию форм хозяйствования должен носить эволюционный, а не революционный характер. В своей программе АПР выступила за обеспечение населения земельными участками для ведения личного подсобного хозяйства, садоводства, огородничества. Государство, по убеждению

аграрников, должно стать гарантом при регулировании прав собственников земли, землевладельцев и землепользователей, а трудовым коллективам, при соблюдении социальной справедливости, должно быть предоставлено право осуществления приватизации государственных и сельскохозяйственных предприятий⁹. Однако, на Учредительном съезде АПР не было единодушного мнения по вопросу о частной собственности на землю. Только заявление председателя партии о том, что это является тактическим ходом, не противоречит Конституции РФ, а значит, у властей нет оснований отказать в регистрации партии, убедило их. Следует отметить, что тогдашний организатор и руководитель АПР – М.И. Лапшин, являлся одновременно и членом ЦИК КП РФ, которая выступала против частной собственности на землю. Возможно, что стремление лидера АПР к компромиссному решению, политическому лавированию и привело его впоследствии в ряды движения «Отечество».

В ходе подготовки к парламентским выборам в декабре 1993 г. политические партии, блоки и объединения в своих предвыборных платформах не оставили без внимания и земельный вопрос.

Если большинство участников предвыборной гонки было практически едино в необходимости поддержать фермерство, то в отношении частной собственности на землю, купли – продажи земли, их позиции разошлись.

Блок «Выбор России» безоговорочно подтвердил свою приверженность к частной собственности, необходимость каждого россиянина получить в собственность земельный надел. Блок «Будущее России – Новые имена» только обещал разработать специальное законодательство о частной собственности на землю с учетом региональных особенностей.

«Яблоко», не отрицая необходимости реформирования аграрного сектора экономики, больший приоритет здесь отводило роли государства. Объединение выступило за снижение импорта продовольствия, постепенный отказ от централизованных закупок зерна, в поддержку сельхозпроизводителей и развитие отечественной пищевой промышленности через расширение платежеспособного спроса

населения. По его мнению, только реформа государственного финансирования сельского хозяйства, полноценное кредитование экономики села, развитие ипотечной системы, позволит изменить ситуацию в аграрном секторе экономики.

Российское движение демократических реформ отстаивало программу поэтапного и дифференцированного осуществления реформ. На первом этапе – бесплатная передача каждому гражданину в собственность участков по 10 соток, освобождение от налогов и льготное кредитование для развития фермерских хозяйств, государственная поддержка эффективно работающих коллективных хозяйств.

Партия российского единства и согласия заявила о необходимости защиты русской земли как основы существования народа. Она предложила задействовать все механизмы защиты прав собственности, обеспечить адресную поддержку тем сельхозпредприятием, которые оказались наиболее эффективными, конкурентоспособными в условиях рыночной стихии.

Демократическая партия России среди первоочередных мер предлагала дифференцированный подход при финансировании различных форм хозяйствования на селе, отдавая предпочтение эффективно работающим хозяйствам. При этом, она исходила из положения о необходимости реформирования колхозов, совхозов, акционерных обществ в более мелкие структуры.

Либерально – демократическая партия отдала приоритет развитию арендных отношений, при которых земля остается во владении государства. По ее мнению, все желающие граждане могут получить землю в долгосрочную аренду без предварительной оплаты, с правом наследования, но без права продажи. Срок аренды мог устанавливаться в пределах 25–50 лет. В том же случае, если земля не будет использоваться по своему прямому назначению, будет пустовать, не обрабатываться, не давать сельхозпродукции – ее необходимо изымать у арендатора

Аграрная партия России выступила с наиболее развернутой программой по земельному вопросу. Учитывая то обстоятельство, что к тому времени еще не был принят

Земельный кодекс, она выступила с инициативой скорейшего принятия закона о земле, основанный на признании многоукладной сельской экономики, где земля должна принадлежать, прежде всего, тем, кто ее обрабатывает. Партия настаивала на необходимости регулирования права собственности на землю с учетом сложившихся в различных регионах условий (при сочетании частной, коллективной и государственной форм собственности). Всем жителям городов и сел, желающим вести личное хозяйство, предлагалось выделить землю в собственность бесплатно. Партия считала недопустимым существование диспаритета цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Она заявляла и о намерении добиваться значительного снижения цен на промышленную продукцию, уменьшения торговой надбавки на сельскохозяйственную продукцию, а также на ресурсы и услуги для села. Аграрии настаивали на установлении прямых поставок продукции, минуя многочисленные посреднические структуры. Партия категорически отвергала даже самую постановку вопроса о купле – продаже земли.

Блок «Гражданский союз», осудивший политический и экономический курс руководства страны, предложил свою аграрную программу. По его мнению, для ускорения аграрной реформы, необходимо введение налоговых льгот для сельхозтоваропроизводителей, установления паритета цен на сельскохозяйственную продукцию, с одной стороны, и промышленные товары для села – с другой. По мнению блока, приватизация земли должна быть проведен с учетом особенностей и традиций субъектов РФ, заинтересованности в получении наделов для новых фермерских хозяйств, городских жителей, а также для нужд промышленного развития. Сама же реорганизация хозяйств осуществляется только с учетом желания их работников. Все аспекты аграрной политики должны основываться на законодательных актах, регулирующих, в том числе, собственность на землю.

В преддверии новых парламентских выборов в 1996 г., Центральная избирательная комиссия в ноябре 1995 г. зарегистрировала 43 избирательных объединения и блока. Для привлечения в свои ряды сторонников из числа сельского

населения, в своих программах, манифестах и обращениях, они использовали земельный вопрос.

Так, в экономической программе избирательного движения «Аграрная партия России», возглавляемого М.И.Лапшиным, говорилось, что оно добивается принятия закона, который позволит каждому гражданину России получить в собственность земельный участок для садоводства, огородничества, ведения животноводства, для строительства дома, дачи, гаража, а сельскому жителю иметь и приусадебный участок. При этом, все граждане по своему усмотрению могут дарить, продавать, завещать, закладывать и сдавать в аренду полученные участки. В этом документе было сказано категорическое «нет» частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения, равно как и купле – продаже этих земель, а также их использования в качестве залога. Кроме того, был оговорен и запрет на продажу земли иностранцам. Избирательное объединение «Аграрная партия России» заявило, что оно будет добиваться запрета передачи в частную собственность лесов, недр и других природных ресурсов, естественных водоемов, зон отдыха, земель городов, поселков, населенных пунктов¹⁰.

В ходе своей предвыборной компании в Государственную думу (1995 г.), общественное объединение «Яблоко» высказалось за крупную государственную поддержку агропромышленного комплекса страны. К частной же собственности на землю рекомендовалось переходить без торопливости и только через аренду земли. Тогда же движение «Наш дом – Россия» выступило за предоставление гражданам свободного выбора форм хозяйствования на селе, права частной собственности на землю, ее куплю – продажу, дарение, залог, сдачу в аренду.

Против частной собственности на землю, купли – продажи земли в ту избирательную компанию выступили следующие блоки: «Власть – народу!», «За Родину!», объединение «Конгресс русских общин», движение «Держава». В то же время, блок «Демократический выбор России – объединенные демократы», был одной из немногих организаций, которая шла на выборы с лозунгом о частной собственности на

землю, за создание рынка земли¹¹. «Союз правых сил» также выступал как за частную собственность на землю, так и за ее куплю – продажу. Именно эта организация выступила с инициативой проведения в 2000 г. Всероссийского референдума о частной собственности на землю.

Что же касается решения вопроса о земле в программе общественной политической организации «Отечество», то право решения вопроса о земельной собственности, купле – продаже сельскохозяйственных и городских земель, предполагалось отдать регионам. Критерием федерального законодательства о частной собственности на землю «Отечество» определило: *«...интерес крестьянина, интересы воспроизводства продуктивности сельскохозяйственных земель в общенациональном масштабе»*¹².

В своих предвыборных платформах политические объединения не обошли вопросов аграрной политики. Хотя степень внимания была различной. И это в не последнюю очередь объясняется социальной базой объединений, политической ориентацией их лидеров, определенными конъюнктурными соображениями. К примеру, политическое движение «Женщины России» в основу своей программы положило вопросы социальной политики, защиты семьи, женщин, детей. Что касается земельного вопроса, то движение выступило за многообразие форм собственности на землю, существование государственных, коллективных и частных хозяйств, государственное стимулирование эффективного землепользования через государственное регулирование земельного рынка, защиту прав на землю участников земельных отношений, создание условий для развития различных форм хозяйствования и свободного оборота земельных участков. О купле – продаже земли вопрос не был поднят.

Движение «Вперед, Россия!» прямо заявило, что нет более многострадальной области, чем сельское хозяйство. По его мнению, крестьян уничтожали и грабили десятилетиями, а затем навязывали организацию экономики, поставившую село на грань краха. Если не принять мер, то оно не встанет на ноги, будет бить рекорды по высоким издержкам и низким доходам населения. Оно не только выступило за снятие в

законодательном порядке ограничений на земельную собственность и куплю – продажу земли, но и за преобразование колхозов и совхозов, действующих под вывеской акционерных обществ и товариществ в подлинно частные и акционерные предприятия. В том числе, путем выкупа имущества или паев частью членов хозяйств с помощью государства. «Вперед Россия!» не только пообещало создание системы государственной помощи сельскому хозяйству по принципу рентабельности хозяйств, поддержки перспективных предприятий, но и принятие государственных программ в области переработки сельхозпродукции, строительства дорог и других объектов инфраструктуры. Программа предлагала просто фантастическую задачу в развитии фермерства – число фермерских хозяйств за 5 лет должно превысить 1 млн. Надо заметить, что и сегодня в России около 265 тыс. фермерских хозяйств, большая часть из которых существует на грани выживания. В условиях глубокого экономического кризиса иного ожидать и не приходится. Лишив помощи колхозы и совхозы, в условиях быстрого роста диспаритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, государство не имело финансовых возможностей «поднять на ноги» и фермеров. И в этом смысле планы движения «Вперед, Россия!» были популистскими.

Экономическая платформа избирательного объединения «Партия самоуправления трудящихся» включала специальный раздел в форме призыва «Остановить разрушение сельского хозяйства!». Решение поставленной задачи предполагалось осуществить путем адресной государственной поддержки отечественного аграрного комплекса, защиты от западных товаропроизводителей, разработки специальной целевой программы преобразования сельского хозяйства в эффективную и конкурентоспособную отрасль экономики. Хотя в программе не было выражено отношение к вопросу о купле-продаже земли, но было заявлено недопустимым положением, при котором земля, находящаяся в различных формах собственности, стала предметом спекуляции и незаконного обогащения. Хотя партией и было признано равноправное существование всех форм собственности, но создание рынка земли не оговаривалось.

Общественное объединение «Яблоко» резко заявило, что осуществляемый в последние годы ортодоксальный монетаристский вариант стабилизационной политики, в целях трансформации экономики России, явился серьезной стратегической ошибкой. Это привело к обвальному падению производства, в том числе в аграрном секторе экономики. Учитывая тяжелое положение в аграрно-промышленном секторе, «яблочники» предложили оказать ему крупную государственную поддержку. Все средства, которые предлагались выделить сельскому хозяйству из бюджета, по мнению авторов платформы, должны быть сконцентрированы в федеральной целевой программе «Продовольствие». К частной собственности на землю яблочники рекомендовали переходить без торопливости и только через аренду земли.

Многостраничную экономическую платформу представило избирателям Всероссийское общественно – политическое движение «Наш дом – Россия». Несмотря на то, что представители этого движения стояли у руля государственного управления, допустили скатывание страны в пропасть экономического кризиса, никаких признаний в этом в программе сказано не было. Было только констатировано, что аграрный сектор переживает трудные времена, но не за горами выход из сложившейся ситуации. При этом делалась ссылка на поступательное развитие рыночных отношений в России. В программе, как и в старые времена, было заявлено о приоритете аграрного сектора экономики, помощи сельскому товаропроизводителю при соблюдении принципа – «хорошо крестьянину – хорошо стране». Аграрный раздел программы был представлен сразу тремя разделами: реформирование села, государственная поддержка аграрного сектора, социальное развитие села.

Гражданам России был обещан свободный выбор форм хозяйствования на селе, право на частное владение землей, ее продажу, дарение, залог, сдачу в аренду. В то же время программа не отрицала коллективную собственность, образовавшуюся путем объединения владельцев земельных и имущественных паев. При этом члены объединения не лишались права собственности на вложенные паи. Движение выступало за

многоукладность и разнообразие форм хозяйствования, против административного вмешательства в осуществление реформ, их поэтапное осуществление с учетом необходимых социально-экономических предпосылок. Отдавая предпочтение рынку земли, НДР призывало с осторожностью подойти к широкой практике купли – продажи земли. Для более эффективного контроля за использованием земли, было предложено сохранить государственное регулирование рынка земли.

К мерам государственной поддержки сельских товаропроизводителей относили: установление и поддержание справедливого паритета в товарообмене между городом и деревней, защиту крестьян от монополизированных промышленных структур, возмещение крестьянам убытков в связи с неурожаями, проведение разумной экспортно-импортной политики, защищающей отечественного товаропроизводителя. Движение заявило об особом внимании со стороны государства частно-семейному сектору, крестьянским (фермерским) хозяйствам, личным подворьям. В программе были названы и меры по решению социальных проблем сельского населения. Хотя было бы более правильно их назвать мерами по спасению села, так как к этому времени оно уже находилось в тяжелейшем состоянии. Вот почему большинство обещаний и невооруженным взглядом выглядели вызывающе популистскими, рассчитаны на терпение крестьян, их извечную веру в лучшее.

В предвыборном манифесте ЛДПР было заявлено несогласие с проведением крупномасштабной приватизации земельных ресурсов. По ее убеждению, еще не до конца употреблены рыночные механизмы в практике хозяйствования предприятий государственной и коллективной собственности и крайне слабо использованы арендные отношения. По мнению ЛДПР, нельзя обращать земельные ресурсы в предмет спекуляции. Основной задачей аграрной реформы на ближайшую и дальнейшую перспективу, по убеждению партии, должно стать возрождение России как мирового экспортера зерна, льна, сыра, масла, меда и другой продукции, превращение российских сел, деревень, хуторов в высокоразвитые населенные пункты с престижным образом жизни. В связи с чем в Манифесте был выдвинут тезис о том, что сельское население

должно значительно возрасти, пополниться за счет городского¹³. То есть подразумевалось, что жители городов активно воспользуются возможностью получить земельный участок и будут способствовать возрождению заброшенных деревень и сел. Как показали дальнейшие события в истории возрождения российского села, в значительной степени ЛДПР не ошиблась.

Крестьянская партия России вошла в состав блока «Демократический выбор России – объединенные демократы». В основу экономической политики был заявлен принцип – неприкосновенность собственности, как фундамента растущей рыночной экономики. В том числе – *«защита крестьянина от посягательства на его права владеть и распоряжаться землей, защита владельцев земельных участков от нового массового обобществления»*. По мнению авторов предвыборной программы, аграрная реформа топчется на месте и крестьянина необходимо «освободить от гнета колхозно-совхозного начальства, от разворовывания чиновниками от села средств, которые выделяются из государственного бюджета на поддержку аграрного сектора». Было также заявлено, что блок «Демократический выбор России – объединенные демократы» – принципиальный сторонник права частной собственности на землю, формирования рыночных земельных отношений. Именно в такой форме был поставлен и вопрос о купле – продаже земли. Это диктовалось условиями предвыборной тактики. В то же время блок продекларировал поддержку принципа равенства всех форм собственности, а также сохранение и закрепление в законодательном порядке права крестьян на выделение своего пая из совместного землепользования для ведения хозяйства.

В экономической части предвыборной платформы КПРФ были названы те неотложные меры, которые необходимо решать в случае формирования правительства народного доверия. Среди них: поддержка всех крестьян колхозников и фермеров, реализация программы возрождения деревни, восстановление права общенародной собственности на землю.

Новые левые избирательные объединения также не оставили без внимания аграрный вопрос. К примеру, блок «Власть – народу!» выступил за обеспечение сохранения статуса земли, как общенародной собственности, которая не может быть

объектом купли – продажи, за исключением приусадебных, садово-огородных и дачных участков.

Общественно – политическое объединение «Конгресс русских общин» также было категорически против введения земли в «спекулятивный оборот». Оно считало, что в основе возрождения села, должно быть сочетание фермерского предпринимательства и становление крупных производственных объединений – производителей сельхозпродукции. Как считало объединение, государство должно стимулировать развитие разнообразных форм агропромышленной интеграции, использование передовых форм и технологий.

Левый блок «За Родину» определял землю общенародным достоянием, которая не может быть предметом частной собственности, а может только передаваться в аренду или в бессрочное пользование сельхозобъединениям или фермерским хозяйствам (с правом наследования). В личную же собственность с правом продажи, по мнению разработчиков программы блока, могут переходить только приусадебные, садоводческие и дачные участки.

Объединение «Мое Отечество» основной своей задачей в случае успешного попадания в Государственную думу поставило сохранение продовольственной независимости страны. Для реализации которой, оно предлагало восстановить паритет цен на продукцию города и села, а также целевое направление финансов на закупку техники, топлива, удобрений, восстановление и повышение плодородия земель, создание крестьянских (земельных) банков, финансирование программ развития села и его инфраструктуры, а также контролирующих и обеспечивающих сделки по купле-продаже земли. То есть, это объединение не исключило возможности создания рынка земли, но только, под контролем государства.

В программе данного объединения говорилось и о необходимости полного отказа от типовых схем массовой фермеризации села, как не соответствующего российским условиям. По его мнению, развитие фермерского хозяйства не следует искусственно подталкивать, либо сдерживать, оно должно происходить естественным путем. И только в тех отраслях и регионах, где это осуществимо и может дать хорошие

результаты. Земельные наделы, выделяемые фермерам, должны быть достаточными для организации эффективного товарного производства. В то же время государство должно активно участвовать в формировании инфраструктуры фермерского хозяйства, включающей товаропроводящую сеть и соответствующие финансовые институты¹⁴.

Социал-патриотическое движение «Держава» в тезисах своей экономической доктрины заявило, что ни «дикий капитализм», ни «казарменный социализм» непригодны для самобытных российских условий. Выход из кризиса, по их мнению, может быть обеспечен только на основе взвешенного сочетания всех существующих форм экономических отношений с учетом опыта советского периода и мировой практики. Сельское хозяйство, по их убеждению, – один из самых главных вопросов, охватывающий не только экономику, но и социальную сферу жизни. По их мнению, десятки реформ, продовольственных программ не только довели сельское хозяйство до унижительного состояния, но и уронили престиж труда в этой отрасли, и на повестку дня поставлен вопрос дележа земли, а точнее ее продажи с молотка.

Державники считали, что вожди и реформаторы не понимали главного. Не реформы и администрирование нужны были сельскому хозяйству и труженикам села, а оснащение этой отрасли передовыми технологиями малых и средних мощностей по переработке, упаковке и хранению продукции, механизация каторжного труда сельских тружеников, газификация и электрификация технологических процессов. Нужны не кредиты под разорительные проценты, а контрактная система финансирования АПК под поставки продукции, создание системы «поле-магазин», принадлежащей товаропроизводителю.

Кроме этих положений по аграрному вопросу, «Держава» объявила о разработке уникальной программы преобразований в агропромышленном комплексе страны, реализация которой, по их мнению *«...позволит не только накормить народ, но и сделать престижными профессию и труд селянина, а через пять лет прилавки магазинов будут завалены отечественными продуктами и сельхозтруженик*

будет одним из самых обеспеченных членов российского общества»¹⁵.

Таковы лишь некоторые положения по земельному вопросу, которые нашли отражение в программах политических блоков и объединений при выборах в Государственную думу первого и второго созывов. Вопрос о земле также явился предметом острых дискуссий в ходе выборов в Госдуму в последующие годы. Основные партии и движения остались на прежних позициях в решении аграрного вопроса.

Библиография

¹ *Шевельков А.И.* Аграрный вопрос в программах современных политических партий // История политических партий в вузовском курсе политической истории. Проблемы теории, методологии, методики. М., 1991. С. 85–87; *Шевельков А.И.* Аграрный вопрос в предвыборной борьбе в современной России // Россия на пороге XXI века: между прошлым и будущим. Коломна, 1998. С. 29–38. *Шевельков А.И.* Земельный вопрос и выборы в Государственную думу // Дискуссионные вопросы российской истории. Арзамас, 2000. С. 348–358; *Шевельков А.И.* Аспекты решения аграрного вопроса в программах современных партий и движений // Проблемы истории России и Белоруссии. Владимир, 2001. С. 197–203 и др.

² *Широкалова Г.С.* Аграрный вопрос в политической борьбе современной России. М., 1993.

³ *Васильев Д.* Поле битвы – сердце людей // День 1992 № 11. С. 5.

⁴ Россия: политические партии и общественные объединения М., 1993. С. 20.

⁵ Либерально-Демократическая партия Советского Союза. М., 1993. С. 26.

⁶ Россия: партии, выборы, власть. М., 1996. С. 46.

⁷ Россия: политические партии и общественные объединения... С. 94.

⁸ Там же. С. 82.

⁹ Там же. С. 59.

¹⁰ Там же. С. 9.

¹¹ Там же.

¹² Россия: партии, выборы, власть. М., 1996. С. 409.

¹³ Там же. С. 338, 368, 373, 380, 389, 392.

¹⁴ Программа общероссийской общественной политической организации «Отечество». М., 1999. С. 24.

¹⁵ Россия: партии, выборы, власть. М., 1996. С. 395.

СВЯЩЕННИК ГАПОН И РАБОЧИЕ ПЕТЕРБУРГА В 1904–1905 ГГ.

В.М. Шевырин

События 9 января 1905 , круто изменившие судьбу России, тесно связаны с историей «Собрания фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», во главе которого стоял священник Г.А. Гапон. И в прошлом, и теперь – Гапон в фокусе внимания многих историков и публицистов¹. И более 100 лет в литературе ломаются копыя по вопросу о том, кто такой Гапон – провокатор или революционер, или то и другое, или он не был ни тем, ни другим. А.М. Горький, лично знавший Гапона, не мог до конца разобраться в нем, И современные исследователи, в том числе и за рубежом, порой беспомощно разводят руками: «Гапон – загадка!»².

Но для всех очевиден факт, что Гапон оказался лидером питерских рабочих, и его влияние на них было сильнее воздействия социал-демократов, эсеров, либералов. Тогда, в январские дни 1905 г, «Гапон пользовался невиданным, колоссальным авторитетом» у петербургских рабочих и его «слушали как пророка, по одному его слову готовы были умереть сотни тысяч людей...»³. И сам Гапон, считая, что «он должен ставить счастье народа выше всего», 9 января, как он доверительно писал другу, «шел с убеждением – искренне за народ, шел с тем, чтобы положить свою душу. Судьба располагала иначе»⁴.

Любовь к простому люду, сочувствие и сострадание к угнетенным и обездоленным были всегда сильны в Гапоне. В меру всех своих способностей, возможностей и разумения Гапон пытался помочь им улучшить их жизнь. Это было заложено в нем еще в юные годы. А в начале 1900-х годов, учась в высшей духовной академии в Петербурге, он чутко улавливает «стремление» рабочих «к организации и самостоятельности», которое считал естественным⁵. Гапон увидел «пробуждение самосознания» масс и понял, что надо дать рабочим законный выход из их бедственного положения.

Но без разрешения властей ни одна рабочая организация не могла возникнуть и действовать открыто. И Гапон пошел «на поклон» к властям, хлопоча об открытии рабочего общества в Петербурге. В своем кругу Гапон иногда говорил: «Если в интересах рабочих мне надо сделаться публичной женщиной... я сделаюсь публичной женщиной». Для него, как писал(а) кадетский публицист «А. Вергешский» (псевдоним А. Тырковой-Вильямс. – *В.Ш.*); общение с охранным отделением и «было тем развратом, той проституцией, через которую он готов был перешагнуть во имя рабочих»⁶.

Многие либералы и революционеры вплоть до кровавого утра 9 января 1905 г. твердили, что Гапон – «провокаатор», «зубатовец чистейшей пробы». Было нечто общее, что сближало Гапона и руководителя охраны С.В. Зубатова. Первый в своих мемуарах признает, что он поначалу «не думал о необходимости политических реформ» и говорил рабочим, что трудовой организацией они добьются лучших результатов для себя, чем столкновением с правительством. В воображении Гапона существовал образ доброго царя, не имевшего только случая показать себя, но от которого только и можно было ждать спасения России⁷. Точно также и Зубатов считал, что в России возможно развитие профессионального рабочего движения, и подчеркивал, что будет совершена роковая ошибка, если рабочие попадут под влияние революционных партий. Конечно, Зубатов был врагом революции и убежденным монархистом. В начале же XX в., в расцвете сил и карьеры, он утверждал, что правильно понятая монархическая идея в состоянии дать все нужное в стране, при развязанности общественных сил, притом без крови и «прочих мерзостей». По мнению Зубатова, его политика не удалась из-за сопротивления фабрикантов, их «самолобия».

Еще на одну причину этой неудачи указал известный фабрикант Савва Морозов; отсутствие в стране «деятельно-благожелательной мудрой власти». А без реформ, «дарованных» властью, при продолжении и усилении карательных мер против рабочего движения, зубатовщина в целом не «работала» и зачастую обращалась в противоположность задуманного ее автором.

Несмотря на близость взглядов, Гапон встретил в штыки идею Зубатова о необходимости жесткого полицейского контроля над легализованными рабочими организациями. Ему претило, что они находились «на привязи» полиции. Он мечтал о другой организации: ему хотелось, чтобы «как можно более гарантировать свою автономию, самостоятельность»⁸. В 1912 г. Зубатов признал, что Гапон ежемесячно получал от него 100 рублей. Но были ли эти деньги «зарплатой» агента-provokatora? Ведь о ее назначении Гапону просили сами рабочие, видя, что «батюшка» живет более чем скромно. Гапон постоянно помогал нуждающимся рабочим, давал деньги, как только они у него появлялись. Даже в 1904 г., когда Гапон стал священником тюремной церкви и имел довольно большой оклад, денег у него все равно не было – они уходили на помощь бедствующим рабочим.

Гапон не отказался ни от суммы, предложенной Зубатовым, ни от «зарплаты» (100 рублей в месяц) за «информацию» о Зубатове ведомству градоначальника Клейгельса, который высказывался против «зубатовщины» и, вероятно, хотел быть «в курсе дел» ее инициатора.

Время от времени небольшие средства создававшимся рабочим обществам ассигновывались по указанию министра внутренних дел В.К. Плеве. Гапон сознавал, что контакты с полицией – «дело тёмное», но цель – любым путем «пробить» легальную рабочую организацию – бросала его в омут этого «тёмного» дела.

Пока Зубатов был у власти, Гапон крайне неохотно и редко участвовал во встречах зубатовцев с рабочими, он отверг предложение главы российского сыска возглавить возникавшее под его опекой общество рабочих. После отставки Зубатова (в августе 1903 г.) Гапон как бы обретает второе дыхание, с огромной энергией двигает вперед дело оформления легальной, но уже отличающейся от «чисто зубатовского» типа организации. 14 октября 1903 г. в докладе директору Департамента полиции А.А. Лопухину он подчеркивал, что полиция «должна как бы отойти в сторону», уступив «место общественной самостоятельности»⁹. Примерно в то же время Гапон писал Зубатову, что «теперь связь с полицией порвана».

Вскоре была порвана и связь между ними. Зубатов считал, что взгляд Гапона на роль администрации в рабочем движении «является очень опасной ересью», так как рабочие не в силах быть самостоятельными: «Они сейчас же поддаются под чужое влияние»¹⁰. Зубатову и здесь мерещились социал-демократы.

Однако Гапон сильно преувеличивал, когда писал, что «связь с полицией порвана». На самом деле эта связь ослабевала постепенно, по мере того как укреплялось доверие к возникшему гапоновскому «Собранию русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», устав которого был утвержден В.К. Плеве 15 февраля 1904 г. (11 апреля состоялось официальное открытие «Собрания»). Пока Гапон не прекращал контактов с властью: без этого «Собрание» просто не оформилось бы в организацию. Но следует иметь в виду и заявление Зубатова, сделанное, правда, после резолюции 1905–1907 гг. «Не будучи моим искренним сторонником, Гапон не мог быть моим естественным продолжателем»¹¹.

Этого обстоятельства в полной мере не могли осознать сразу ни коллеги Зубатова, ни революционеры. Хотя в результате отделы гапоновского «Собрания» почти не привлекали внимание ни полиции, ни революционеров до тех пор, пока они, в сущности, не «созрели уже для классового выступления рабочих, кульминацией которого стало 9 января 1905 г.»

И тогда, в январские дни, – пишет Д.Ф. Сверчков, – «вдруг на сцене появился священник Гапон, оторвавший от социал-демократов сотни тысяч рабочих и ставший их вождем!»¹². «Вождем» – да, но появился он не «вдруг», и не он «оторвал» рабочих от социал-демократии, а она оторвалась от них! Один из петербургских меньшевиков в 1904–1905 гг. С. Сомов отмечал, что социал-демократы «проглядели громадное массовое движение», связанное с именем Гапона¹³. В.И. Ленин характеризовал события в Петербурге как «историю, которую творили рабочие массы без социал-демократии...»¹⁴. Причины этого заключаются в оторванности социал-демократических организаций от нужд и запросов рабочих, внутрипартийном раздоре, интеллигентском составе социал-демократических комитетов, нетворческом подходе к анализу новых процессов в

рабочем движении и, прежде всего, сущности гапоновских организаций характеристике самого их руководителя. Ю.О. Мартов, констатируя, что революционные организации «проглядели» гапоновское движение, сделал важное наблюдение: «гапоновские отделы» в отличие от зубатовских обществ 1902–1903 гг. не вели агрессивной политики против рабочего движения¹⁵. «Проглядеть» это существеннейшее отличие гапоновского «Собрания» от зубатовских организаций «помог» и сам Гапон, который признавал, что в какой-то мере и до определенных пор ему было выгодно реноме «зубатовца», чтобы не привлекать к отделам слишком пристального внимания полиции и революционеров. Деятельность лидеров гапоновской организации первое время была очень осторожная. Боялись правительства, опасались партийных. На социал-демократов действовали отпугивающим, а на представителей власти, напротив, успокаивающим, убаюкивающим образом «освящение» вновь открываемых отделов «Собрания» (торжественное, часто в присутствии градоначальника Фуллона, сменившего Клейгельса), молитвы в ходе «мероприятий» гапоновцев, царские портреты в помещениях отделов, «ироническое отношение» к тактике революционных партий, враждебность массы гапоновцев к «политикам» и их лозунгам (свержения самодержавия и др.).

Нельзя сказать, что внешняя сторона деятельности этой организации существовала сама по себе, без связи с содержанием работы в отделах. Довольно разнообразная деятельность гапоновцев, включавшая вопросы их духовно-нравственного совершенствования, образования и развития «разумных взглядов на обязанности и права рабочих», самостоятельности, способствующей улучшению условий труда и жизни рабочих и др., шла в русле «законности и порядка». И не удивительно: пролетарская масса еще верила в «царя-батюшку», в возможность улучшить свое положение мирным путем.

«Собрание» не было зубатовской организацией. Во-первых, отсутствовал или был минимальным надзор «компетентных органов». Как отмечал в своих воспоминаниях один из организаторов «Собрания», влиятельнейший гапоновец, бывший (до того, как стал членом этой организации) большевик

А.Е. Карелин, «никто за все время не был арестован, никого не выслеживали, хотя, случалось, говорили открыто и очень резко и беспартийные и партийные социалисты, что приходили к нам на собрания»¹⁶. Во-вторых, «Собрание» действовало в интересах рабочих, ставило целью улучшение их материального положения, условий труда и быта. И при этом лидеры организации неуклонно проводили курс на расширение сети отделов «Собрания», на развитие легального рабочего движения. Для организации был характерен быстрый рост ее численности, усложнение и радикализация работы внутри нее, появление элементов нелегальной деятельности и конфронтации с существующим режимом под воздействием объективных условий в стране – ухудшения жизненного уровня рабочих, русско-японской войны, назревания революционного кризиса.

Гапон остро чувствовал недостаток в инициативных, авторитетных и смелых рабочих. В ноябре–декабре 1903 г. на собраниях гапоновцев появились В.М. и А.Е. Карелины, Д.В. Кузин, И.М. Харитонов, Я. Иванов, В.А. Князев, В. Иноземцев, А. Усланов и др. Многие из них были социал-демократами. Они относились к Гапону с большой настороженностью, подозревая его в провокаторстве. В марте 1904 г. Гапон собрал наиболее близких ему рабочих, выложил карты на стол. Он сказал им, что знаком с высшими чинами полиции, градоначальником, министром внутренних дел. Затем, обязав их честным словом сохранить все в тайне, прочитал им текст, который в сущности лег в основу будущей петиции 9 января 1905 г. Этот текст стал как бы программой руководящей группы «Собрания», которая постоянно собиралась на полуконспиративные встречи в квартире Гапона. Программа состояла из трех пунктов. Первый пункт перечислял меры против бесправия русского народа, второй – меры против нищеты народной и третий пункт – меры против гнета капитала над трудом.

Долго просидели в тот вечер, обсуждая программу и способы, которыми возможно было бы провести ее в жизнь. Гапон говорил, что «если устроить такие же организации, как в Петербурге, в других городах (Москве, Харькове, Киеве, Ростове и др.), то покроем постепенно такой сетью всю Россию.

Объединим рабочих всей России. Может быть вспышка, всеобщая, экономическая, и мы предъявим требования политические. Так и поверили мы в Гапона с марта 1904 года», – писал позже участник этой конспиративной встречи А.Е. Карелин¹⁷.

Начался массовый приток в гапоновскую организацию петербургских рабочих. Многие из них знали, что без сношения с властями в деле сохранения «Собрания» нельзя было сделать и шага, сознавали трудности своей организации и отдавали должное Гапону, видя в нем человека, который все может. Во многом здесь сыграло свою роль своеобразное дипломатическое искусство Гапона: он сумел внушить властям доверие к себе, они-то и передоверили ему контроль за «Собранием» и тем самым обеспечили некоторый суверенитет гапоновской организации.

У массы рабочих сомнений в честности Гапона не было. Как писал Е. Карелин, «дело было чистое и народ шел к нам»¹⁸. В «Собрание» принимались представители всех национальностей, вовлекались в общество женщины-работницы, причем в него принимались рабочие всех возрастов и профессий. Гапон привлекал и интеллигенцию – в качестве лекторов и артистов. Из купечества объявился в «Собрании» А.Е. Михайлов, он дал средства на открытие мастерской и склада. Гапон носился с идеей строительства «Рабочего дома», подыскивал «спонсоров», предполагал издавать рабочую газету; помогал рабочим в их конфликтах с предпринимателями, ревностно относился к знаниям рабочих.

Инициатива широкого обсуждения тех или иных вопросов исходила от Гапона или его «штабных». Накануне воскресного собрания они собирались вместе (часто на квартире Гапона) и читали что-нибудь нелегальное. Все прочитанное обсуждали. Вскрытая русско-японской войной неурядица в российских делах служила главным предметом обсуждений в гапоновских отделах. Был создан кружок наиболее развитых рабочих, который под руководством Гапона выработал целый план действий. Здесь внимательно следили за газетными статьями, отмечали самые животрепещущие. Эти статьи сообщались и по намеченному плану с надлежащим

освещением или прочитывались целиком, или излагались на рабочих собраниях во всех отделах. Развитие малосознательных масс было двинуто вперед с поразительной быстротой. Рабочих удавалось осторожно поднять к политическим вопросам. «Собрание» пустило глубокие корни в петербургском пролетариате. В сентябре было созвано первое общее собрание всех членов организации, которое состоялось в зале Павловой: собралось свыше 2 тыс. гапоновцев. Подготавливая собрание, Гапон работал как вол: помимо общей организации, он «задавал» темы и помогал разбираться в них своим сотрудникам: перепечатывал, поправлял, расширял доклады. Энергия его была поразительна. После собрания отделы стали расти как грибы: к концу декабря 1904 г. их насчитывалось уже 11. Весь Петербург был оцеплен тесно связанными между собой организациями, которые насчитывали около 10 тыс. человек.

28 ноября на квартире Гапона состоялась встреча активистов «Собрания». Сошлись на мысли, что если рабочим подавать свой голос, то так, чтобы его услышало не только правительство, но и вся Россия. Решили: содержание петиции и способ подачи ее поручить разработать Гапону. Руководители «Собрания» связывали момент выступления с каким-либо крупным поражением в русско-японской войне. Но произошло событие, перепутавшее все расчеты, – Путиловская забастовка.

Она разворачивалась медленно, но грозно и неудержимо. Администрация 12-тысячного завода рассчитала четверых рабочих – активных членов «Собрания», опасаясь одного: если не приостановить рост нарвского отдела «Собрания», то через месяц весь Путиловский завод будет в числе членов «Собрания».

Гапон первым, как вспоминал А.Е. Карелин, указывал, что надо защищать рабочих. Он созвал совещание председателей отделов, на котором было решено послать депутации к директору завода Смирнову; фабричному инспектору Чижову, градоначальнику Фуллону, С.Ю. Витте. «Если бы ничего не помогло – не останавливаться перед забастовкой». Причем Гапон говорил, по словам Н. Варнашева, что забастовку придется обратить во всеобщую и использовать для подачи петиции¹⁹. На переговорах с администрацией Путиловского завода от имени депутации говорил Гапон. Директор завода Смирнов, отвечая по

существо дела, начал укорять его в том, что он вообще вредный для рабочих человек и т.д. Тогда один из рабочих заявил: деятельность Гапона не подлежит критике Смирнова, «рабочие вполне доверяют своему руководителю, как истинному выразителю их мнений», и если господину Смирнову больше ничего не остается сказать, то депутация считает свою миссию законченной²⁰.

Упорство администрации завода и грубый прием Смирнова вызвали взрыв негодования во всех отделах «Собрания». Взрыв этот громко раскатился по всем рабочим кругам Петербурга, началось обсуждение конфликта. Всюду выносились единодушные резолюции в поддержку путиловцев. 27 декабря Гапон провел большое собрание правлений всех отделов. Присутствовали и члены революционных партий. Талон был против выступления с петицией. «Штабные», наоборот, думали, что наступил подходящий момент для выступления. У Гапона, в отличии от «штабных», потерявших надежду на мирный конец, такая надежда еще оставалась. По крайней мере он надеялся, что рабочим «пойдут на уступки, то есть сделают путиловской администрации внушение, и она удовлетворит наши пока мизерные требования»²¹.

«Мизерными» требования были, действительно, лишь пока: в случае их отклонения гапоновцы намеревались 3 января объявить стачку на Путиловском заводе, предъявить более широкие требования к администрации и предупредить, что будут ждать ответа два дня. В случае отказа дирекции 5 января забастовка охватит еще два крупных завода, будут выставлены экономические требования «с политическим оттенком». При новом отказе хозяев 7 января забастуют все предприятия столицы и будут бастовать до полного удовлетворения экономических и политических требований. Гапоновцы не скрывали своих планов от власти и неукоснительно проводили их в жизнь.

После 9 января Л.Д. Троцкий писал: «Ход событий в памяти у всех. Они развернулись в несколько дней с замечательной планомерностью»²². Это явствует и из «хронометража» жандармских донесений: 3 января весь завод забастовал. В тот же день священник Гапон привез в первый

отдел «Собрания» составленную им программу требований, которые должны были предъявить петербургские рабочие. Программа эта включала требования уже общего характера, причем в ней не упоминалось вовсе ни о мастере Тетявкине, уволившем четверых рабочих, ни о самих уволенных²³.

Спустя три дня, когда стало очевидно, что требования рабочих не исполнят, а забастовка приняла грандиозные размеры (стачечники часто «снимали» с работы еще не забастовавших), Гапон бросил в массы рабочих мысль идти искать правду к самому царю. Мысль эта как вихрь облетела город и была подхвачена десятками тысяч голосов: «К царю! Искать правды!» В измученной душе русского простолюдина, с детства приученного видеть в своем царе-батюшке идеал справедливости, высказанная Гапоном мысль не только не вызвала никаких сомнений или опасений, но, наоборот, по тогдашнему общему мирному и лояльному настроению рабочих она казалась вполне естественной.

Так же думал и Гапон. Он желал добиться уступок от власти мирным путем, верил в царя и в здравомыслие «верхов», которые, наконец, поймут серьезность положения. Однако Гапон и опасался, не потопят ли «верхи» мирное шествие рабочих в крови. Между этими двумя полюсами – надеждой и отчаянием – проходила вся лихорадочная деятельность Гапона в последние три дня перед роковым воскресеньем.

Один из противников шествия к царю спросил Гапона 8 января: «А вы верите в то, что вы будете приняты, а не расстреляны?» – «Нет, не верю, – ответил он, – я убежден, что нас расстреляют». «Так зачем же вы это делаете, зачем подвергаете риску может быть тысячи жизней?» – «Во-первых, отступить уже нельзя, а во-вторых, за один завтрашний день, благодаря расстрелу, рабочий народ революционизируется так, как другим путем нет возможности это сделать и в десять лет и затратив десятки тысяч жизней»²⁴.

В отделах накануне шествия жизнь кипела. Общий тон выступлений был таков: мирная, но твердая решимость идти ко дворцу, с готовностью пролить кровь, лишь бы знать, что «нигде у нас защиты нет, что только мы сами себе защитники»²⁵). Почти ни у кого не вызывало сомнений, что правительство будет

стрелять. Это не остановило рабочих, но «придало всему движению характер почти религиозного экстаза»²⁶. Это действительно было пронзительное расставание с вековой иллюзией. Многие плакали. Но твердо решили: «Своей кровью докажем, что мирно хотели разрешить российский рабочий вопрос, и не наша вина, что нам это не удалось».

В январские дни «Собрание» стало центром организации всех рабочих столицы. 6–8 января был замечен бурный рост «Собраний»: в отделы «являлись целыми фабриками и заводами... с просьбой записать их членами "Собрания"»²⁷. К 9 января в организации уже числилось свыше 20 тыс. человек, «могло же быть неизмеримо больше, но не успевали записывать и выдавать членские квитанции»²⁸. Гапон не покидал отделы. Он выступал десятки раз в день. Охрип, сбился с ног, но кипел энергией и заряжал ею окружающих. Как вспоминал большевик П. Лебедев, «с огромным подъёмом и в то же время в простых образных выражениях рисовал он рабочим их тяжелую долю и затем пункт за пунктом читал известную петицию к царю. После каждого пункта останавливался и спрашивал: "Верно?" – "Верно, верно", – повторяли внизу. Затем все по очереди... подписывались под петицией»²⁹.

Влияние Гапона в массах было потрясающим. Нередко после его речей рабочие целовали ему руки. 7 января жандармы с тревогой отмечали: «По имеющимся сведениям, отец Гапон пользуется среди рабочих репутацией человека сверхъестественного. Рабочие поражены грандиозными размерами забастовки, подготовленной отцом Гапоном»³⁰. В документе, составленном в петербургской охранке 15 января 1905 г., говорилось о том, что агитация Талона и его сотрудников в отделах «Собрания» поддержать забастовку «увенчалась успехом» – до 9 января «остановились все заводы, фабрики, мастерские и типографии столицы»³¹.

В контексте всего того, что происходило в отделах «Собрания», не лишённым смысла представляется утверждение активного деятеля гапоновского движения Павлова: Гапон «показал себя гениальным организатором масс»³². Но он был им постольку и настолько, поскольку и насколько был охвачен и

захвачен поводом рабочего движения. Гапон впоследствии признавал, что был захвачен общим настроением рабочих.

В январские дни Гапон обратился и к социал-демократам. Он сам пошел к ним, ибо, во-первых, их речи начали звучать в отделах и находить отклик у части, правда очень небольшой, рабочих; во-вторых, и это главное, Гапон хотел привлечь их к работе над петицией, заручиться их согласием принять участие в шествии.

Это было 7 января. А еще 5 января Гапон советовал рабочим-путиловцам в отношении социал-демократической прокламации: «Листков не читать и никаких политических вопросов не затрагивать»³³. Дело в том, что в той прокламации речь шла о восстании рабочего класса и, по существу, о призыве к установлению республики. Между тем затрагивать эти вопросы ни в листовках, ни в речах было нельзя прежде всего потому, что у массы рабочих антимонархические речи вызывали резкий протест. А.М. Горький спустя месяц после Кровавого воскресенья писал: «Мне хорошо известно было, что 7 и 8 рабочие были настроены верноподданнически, а 8 ночью я говорил об этом Витте как о факте, за который ручаюсь честью. В общей массе десятков тысяч сотни рабочих-революционеров не играли роли вплоть до 9 числа, до выстрелов, а после убийств – они встали во главе движения, и это – естественно. Верноподданническое настроение было убито защитниками самодержавия – вот глубокий смысл событий 9 января»³⁴.

И тем не менее Гапон обратился к представителям этих сотен, идеал которых – социализм – считал он, по словам большевика А. Сухова несбыточным: «Это только идеал, недостижимый идеал, к которому, однако, можно и следует стремиться». Актуально, как он считал, не это: «Конституция – дело другое. Я за конституцию. Народу мешают чиновники, а с царем народ сговорится... Только надо не силой договариваться, а просьбой, по-старинному»³⁵.

Собственно, ради последнего он и оказался у социал-демократов. Многие его активисты были бывшие социал-демократы, и он сам часто напоминал гапоновцам, чтобы они прислушивались к тому, что говорят социал-демократы, эсеры. Наметилась встречная тенденция и у социал-демократов.

Гапоновское движение встряхнуло их. Так, Д. Гиммер писал: «Видно было, и в этом надо сознаться, что Гапон дал нам мат, и все мы, и большевики, и меньшевики, и эсеры были поставлены перед необходимостью так или иначе участвовать в назревавших помимо нас событиях под страхом надолго потерять кредит в массах». Д. Гиммер посещал «Собрание», слушал Гапона, читавшего и объяснявшего петицию, и поражался его талантам и «его организаторской воле, подчиняющей себе наших ребят настолько, что, например, тов. Сухов, студент Политехникума, сильный большевистский агитатор, когда читал после Гапона по его отъезде "петицию" новым толпам рабочих, то невольно воспроизводил все жесты Гапона, подражал его интонациям, говорил с его южным акцентом до смешного... О других говорить не приходится: закроешь глаза, слушаешь и видишь перед собой Гапона и только в самом конце, по прочтении "петиции", когда вместо гапоновского "я", его заменяющий говорит "отец Гапон", удостоверяешься, что говорил не он»³⁶.

Гапон добился от революционеров и участия в работе над петицией и главного, ради чего он был у них, – чтобы во время шествия они вели себя как все рабочие – мирно: «Только не выбрасывайте красных знамен, ни к чему это теперь, когда нужно будет, подыдем их», – убеждал он. «Собрание» приняло специальное решение идти ко двору без оружия. Что касается социал-демократов, то, осуждая шествие, они решили быть вместе с народом, принять участие в процессии в качестве наблюдателей, готовых, если представится случай, вовлечь рабочих в активные действия против полиции и правительства. Гапон и сам говорил рабочим, что если процессия будет разогнана, тогда «нет больше царя» и надо ответить на насилие насилием.

Стараясь слить в единый и мирный поток всех петербуржцев, Гапон не отвергал и помощь либералов, но они увидели в предстоящем шествии революционный акт и на одном из своих собраний приняли решение: интеллигенция не должна пока принимать никакого участия в этом движении.

Гапон не был уверен, что рабочих допустят до центра столицы. Его сомнения имели основания. За Гапоном началась усиленная слежка. Он перестал ночевать дома. Рабочие создали

отряд его телохранителей из 30 человек. Градоначальник Фуллон, еще недавно благосклонно относившийся к нему, вызвал Гапона для «внушения». Гапон отказался от встречи. Поздно, события не остановить. Подключился для увещевания митрополит Антоний. Гапон игнорировал и его. Верхи зашевелились. Они оказались в цейтноте и от этого растерялись: события развивались с калейдоскопической быстротой и принимали беспрецедентный размах, волнами расходясь от недавно еще «пригретого» властями «Собрания».

Градоначальство расклеило по городу предостережение: грозило рабочим карами за выступление. 7 января Гапона вызвал министр юстиции Н.В. Муравьев. Гапон говорил ему о требованиях рабочих, обосновывал необходимость шествия. В тот же день на совещании у П.Д. Святополка-Мирского Муравьев заявил, что Гапон «опасный революционер»³⁷. Тут же было предложено арестовать Гапона, но власти колебались, считали, что дело еще терпит. На следующий день предложение приняли. Жандармы заготовили даже документ о препровождении арестованного Гапона в Петропавловскую крепость. Но все осталось на бумаге: рабочие окраины Петербурга превратились уже в пороховую бочку, власти боялись занести туда «искру». К тому же рабочие охраняли Гапона: его трудно было взять. Администрация совсем потеряла голову. На авансцене событий замаячили военные во главе с великим князем Владимиром Александровичем. Они требовали принять против «демонстрации» самые энергичные меры, разом положить конец всем домогательствам свободы и «успокоить» страну. Наверху колебались: вводить ли военное положение? Вечером 8 января солдатские заставы перекрыли улицы, ведущие к центру города, Петербург замер.

Гапон, остро ощущая приближение трагедии, стараясь предупредить ее, развил 7 и 8 января поразительную активность. Он звонил сильным мира сего, направил секретаря «Собрания» Д.В. Кузина (в составе делегации интеллигентов, в которой был и А.М. Горький) к С.Ю. Витте и в министерство внутренних дел, с гонцом-рабочим послал письмо Николаю II в Царское Село, перебравшегося туда из столицы за несколько дней до Кровавого воскресенья.

Все было тщетно. Развязка приближалась. Гапон был почти уверен, что погибнет, говорил об этом своим соратникам. 8 января он простился с ними, снялся на фотографии. И был «готов положить душу за народ». За несколько дней до этого он говорил своему товарищу И. Павлову: «Мой конец так или иначе неизбежен: в одном случае на баррикадах, в другом от ножа, яда, револьвера или в тюрьме...».

Гапон – человек трагической судьбы. Даже эти лучшие дни его жизни – момент высочайшего напряжения душевных и физических сил – были отравлены горечью сознания, что он в глазах некоторых своих соратников – провокатор. Тому же Павлову он признавался: «Меня терзает, что я до сих пор у некоторых товарищей на подозрении, что ко мне до сих пор относятся с недоверием. Теперь вот, например, мы идем совершенно дружно, никаких разногласий у нас нет, а между тем я вижу, что нет-нет и заметишь у кого-либо недоверчивый взгляд... Так вот я прошу вас: скрасьте мои последние дни, помогите мне, скажите им, что я не провокатор, что... ну, да вы сами понимаете... Мне тяжело...» И он заплакал³⁸.

Гапон жертвенно нес свой тяжкий крест «служения народу», интересы которого были для него превыше всего. Только имея это в виду, можно понять, почему он стал вождем рабочих, героем 9 января. Стал он им благодаря и своим личным качествам. Многие отзывались о Талоне как о даровитом и талантливом человеке, которому, однако, не хватало знаний. Но эти высказывания по сути погребены под мощным «негативом»: Гапон-де невежествен, не умен, но хитер и т.п. Сильнейший заряд брани и недоброжелательных речей пришелся на его сугубо личные качества. Конечно, у него, как и у каждого человека, были и малосимпатичные черты (гипертрофированное честолюбие и др.), но не они определяли его сущность.

А.Е. Карелин, прекрасно знавший Гапона, писал: «О Гапоне говорили и говорят много нехорошего, что он пил, развратничал. Не верно все это. Он не нуждается в моих оправданиях, он умер, а мертвые срам не имеют, Мы же, гапоновцы, верили и верим в его чистоту. Такого честного человека, как он, честного, чистого, простого, я больше в жизни не встречал»³⁹. И это свидетельство тем более ценно, что оно

исходит из уст человека, близко знавшего по совместной социал-демократической работе Бруснева, Красина и многих других выдающихся революционеров.

Утро 9 января 1905 г. было морозным. Гапон в полном церковном облачении шел во главе рабочих Нарвского отдела. Плечом к плечу с ним шли его соратники. Рядом был и П.М. Рутенберг (эсер, будущий организатор его убийства). Над колонной колыхались хоругви,плыли иконы и царские портреты. Лица рабочих были сосредоточены и серьезны. Неожиданно из Нарвских ворот вырвался кавалерийский отряд, с пашками наголо, разрезал толпу и пронесся во всю ее длину. Толпа дрогнула. «Вперед, товарищи, свобода или смерть!», – воскликнул Гапон. Вновь двинулись вперед. Показался неровный гребень солдатской цепи. Ударили залпы. Недоумение, кровь, проклятья рабочих. Гапон упал, и лежал, окаменев от ужаса. Спас его Рутенберг – вывел в безопасное место. Здесь же во дворе одного из домов Гапон бросает в толпу окружавших его рабочих слова, которые от него ждали и которые рвались из глубины сердца каждого из них; «У нас нет больше царя!». Рабочие переодели Гапона, Рутенберг остриг его, и рабочие брали пряди волос священника благоговейно, как драгоценную реликвию. Вечером того же дня Гапон пишет свое знаменитое: «Родные, кровью спаянные братья, товарищи-рабочие!» – страстное революционное обращение к рабочим. В нем были и личные строчки: «Если меня возьмут, если расстреляют, продолжайте борьбу за свободу». В эти дни его популярность среди рабочих была огромна. «Он был героем 9 января, и между рабочими он встречал одно преклонение»⁴⁰. Имя Гапона в один день облетело Россию. «В ореоле пастырского гнева, с пастырскими проклятиями на устах, он представлялся издали фигурой почти библейского стиля»⁴¹. Так он изображен на картине Сворога.

9 января рабочие перешли свой Рубикон и от просьб и верноподданнических речей обратились к оружию. Уже 9 января на улицах Питера возникли баррикады. Бойня (только по официальным данным, погибло 133 и ранено 299 человек), устроенная самодержавием, вызвала взрыв возмущения рабочих.

В январе–феврале 1905 г. по стране прокатилась мощная волна их выступлений.

Герой 9 января лишь на год с небольшим пережил эту дату: 28 марта 1906 г. он был убит эсерами как «предатель» и «провокактор». Однако эти утверждения, воспринятые и многими историками, – слишком категоричны, а свидетельства современников на этот счет, в частности мемуары П.М. Рутенберга⁴², туманны и противоречивы, что отмечали еще Л. Гуревич, Л. Дейч и ряд других вдумчивых исследователей и мемуаристов⁴³.

После 9 января Гапон, бежавший за границу, провел большую часть года, разочаровался в революции и в революционерах, с которыми был весьма близок. Например, социал-демократы, по его словам, не понимали ни нужд, ни духа рабочего класса. Им все выступления и война, «они вносят свою дурацкую политику во всякое полезное начинание рабочих, они отравляют всякие здоровые организации. Рабочий борется не ради самой борьбы, а чтобы устроить свою жизнь, чтобы самому жилось лучше с женой и детьми, а для них рабочий служит как пушечное мясо для их целей». Гапон опасался, что интеллигенты «заведут нас в болото»⁴⁴.

Он с радостью принял Манифест 17 октября. В октябре 1905 г. был амнистирован и вернулся в Россию. Здесь, пытаясь придать рабочему движению тред-юнионистский характер, начал реанимировать отделы «Собрания», которые стали уже анахронизмом, – рабочие в массе своей «переросли» их – вновь вступил в контакты с властями предрержащими. Попытки, эти оказались несостоятельны, а гибель самого Гапона – закономерной и символичной.

В его фигуре отразился драматичный, переломный момент в истории рабочего движения России. В самом начале XX в. было еще возможно его мирное, эволюционное развитие. И даже 9 января большинство рабочих еще верили в царя. Но уже вечером того же дня это были другие люди, другой народ – революционный.

Гапон, на эмоциональной волне 9 января сделавший революционный шаг вперед вместе с рабочими, в эмиграции «остывал». Он полагал, что только мирные формы борьбы,

«легальное» рабочее движение способны безболезненно обеспечить прогрессивное развитие России, улучшить жизнь народных масс..

В условиях революции, разгара политических страстей позиция Гапона при его склонности достигать цели, не брезгуя никакими средствами, стоила ему очень дорого; желая во благо народа употребить хитрость, он сам стал ее жертвой.

Библиография

¹ *Невский В.* Январские дни в Петербурге в 1905 г. (По неизданным архивным материалам) // Красная летопись. Пг., 1922. № 1; *Бонч-Бруевич В.Д.* Гапон и гапоновщина (К пятидесятилетию первой русской революции) // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. III. М., 1955. С. 15–46; *Шустер У.А.* Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. Л., 1967; *Ардамацкий В.И.* Перед штормом: (Роман-хроника). М., 1989.; *Зырянов П.* Кем же был Георгий Гапон // Неделя. М., 1990. № 37; *Жухрай В.* Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. М., 1991; *Сидоров В.П.* Священник Гапон: Революционер или провокатор? Кривой Рог, 1991; *Кавторин В.* Первый шаг к катастрофе. Свободное размышление строго по документам. Л., 1992; *Ксенофонтов И.Н.* Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996; *Головков Г.* Бунт по-русски: палачи и жертвы: Рандеву с революцией 1905–1907 гг. М., 2005; *Sablinsky W.* The road to bloody Sunday: Father Gapon a. the St. Petersburg massacre of 1905. Princeton, 1976; *Schneiderman J.* Sergey Zubatov and revolutionary marxism: The struggle for the working class in tsarist Russia. Ithaca, 1976; *Surch G.D.* Petersburg's first mass labor organisation: The Assembly of Russ. Workers a. father Gapon. Pt. II // Russ. rev. Stanford, 1981. Vol. 40, N 4; *Bonnell V.E.* Roots of rebellion: Workers, politics and organisation in St. Petersburg and Moscow, 1900–1914. Berkelly. 1983; *Ascher A.* The revolution of 1905. Russia in dissarray. Stanford, 1988; *Verner AM.* The crisis of Russian autocracy. Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, 1990 и др.

² *Ascher A.* The revolution of 1905. Russia in disarray. Stanford, 1988. P. 76.

³ *Невский В.* Январские дни в Петербурге в 1905 г. (По неизданным архивным материалам) // Красная летопись. Пг., 1922. № 1. С. 31.

⁴ ЦГАОР, ф. 102,00, оп. 1, 1906 г., д. 744, л. 17–18.

⁵ Гапон и охранное отделение // Былое. Л., 1925. № 1. С. 43.

⁶ *Вергейский А.* Гапон // Реформа, 4 апреля 1906 г.

⁷ *Гапон Г.* История моей жизни. М., 1990. С. 15.

⁸ *Зубатов С.* Зубатовщина // Былое. Пг., 1917. № 4. С. 170.

⁹ Гапон и охранное отделение // Былое. Л., 1925. № 1. С. 45.

¹⁰ *Зубатов С.* Зубатовщина // Былое. Пг., 1917. № 4. С. 171.

¹¹ *Зубатов С.* Зубатовщина // Былое. Пг., 1917. № 4. С. 172.

¹² *Сверчков Д.Ф.* Три метеора. Г. Гапон. Г. Носарь. А. Керенский. Л., 1926. С. 6.

-
- ¹³ *Сомов С.И.* Из истории социал-демократического движения в Петербурге в 1905 г. (Личные воспоминания) // *Былое*. СПб., 1907. № 4. С. 31.
- ¹⁴ *Ленин В.И.* Царь-батюшка и баррикады // Полн. собр. соч. Т. 9. С. 218.
- ¹⁵ *Мартов Л.* История российской социал-демократии. Пг., 1918. С. 104–105.
- ¹⁶ *Карелин А.Е.* Девятое января и Гапон // *Красная летопись*. Пг., 1922. № 1. С. 108.
- ¹⁷ *Карелин А.Е.* Девятое января и Гапон // *Красная летопись*. Пг., 1922. № 1. С. 107.
- ¹⁸ *Карелин А.Е.* Девятое января и Гапон // *Красная летопись*. Пг., 1922. № 1. С. 108.
- ¹⁹ *Карелин А.Е.* Девятое января и Гапон // *Красная летопись*. Пг., 1922. № 1. С. 110; *Варнашев Н.* От начала до конца с гапоновской организацией // *Историко-революционный сборник*. Т. 1. М., 1924. С. 202.
- ²⁰ *Павлов И.* Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне // *Минувшие годы*. СПб., 1908. № 4. С. 84.
- ²¹ *Павлов И.* Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне // *Минувшие годы*. СПб., 1908. № 4. С. 84.
- ²² *Троцкий Л.* 1905. М., б/г. С. 75.
- ²³ ЦГАОР, ф. 102,7. Д-во. Оп. 1905. Д. 138. Л. 10.
- ²⁴ *Варнашев Н.* От начала до конца с гапоновской организацией // *Историко-революционный сборник*. Т. 1. М., 1924. С. 204.
- ²⁵ *Павлов И.* Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне // *Минувшие годы*. СПб., 1908. № 4. С. 93, 94.
- ²⁶ *Лебедев (Саратовский) П.* Кровавое воскресенье (Воспоминания о 9-ом января) // *Правда*, 21 января 1923 г.
- ²⁷ *Варнашев Н.* От начала до конца с гапоновской организацией // *Историко-революционный сборник*. т. 1. М., 1924. С. 204.
- ²⁸ *Павлов И.* Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне // *Минувшие годы*. СПб., 1908. № 4. С. 83.
- ²⁹ *Лебедев (Саратовский) П.* Кровавое воскресенье (Воспоминания о 9-ом января) // *Правда*, 21 января 1923 г.
- ³⁰ ЦГАОР. Ф. 102,00. Оп.1905 г. Д. 4. Ч. 1. Л. 27.
- ³¹ ЦГАОР. Ф. 102,7. Д-во. Оп. 1905. Д. 138. Л. 10.
- ³² *Павлов И.* Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне // *Минувшие годы*. СПб., 1908. № 3. С. 89.
- ³³ ЦГАОР, ф. 102,00 оп.1905 г., д. 4, ч. 1, л. 19.
- ³⁴ Горький и русская журналистика XX века. Неизданная переписка // *Литературное наследство*. Т. 95. М., 1988. С. 64–65.
- ³⁵ *Сухов А.* Гапон и гапоновщина (По личным впечатлениям) // *Авенар Э.* Кровавое воскресенье. Харьков, 1925. С. 29.
- ³⁶ *Гиммер Д.* 9-ое января 1905 года в СПб. Воспоминания // *Былое*. Л., 1925. № 1. С. 4.

³⁷ Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. Т. 77. М., 1965. С. 273.

³⁸ Павлов И. Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне // Минувшие годы. СПб., 1908. № 4. С. 84, 85.

³⁹ Карелин А.Е. Девятое января и Гапон // Красная летопись. Пг., 1922. № 1. С. 112.

⁴⁰ Павлов И. Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне // Минувшие годы. СПб., 1908. № 4. С. 99.

⁴¹ Троцкий Л. 1905. М., б/г. С. 78.

⁴² Рутенберг П.М. Убийство Гапона. Л., 1925. 152 с.

⁴³ Гуревич Л. 9 января. Харьков, 1926. 90 с.; Дейч Л.Г. Провокаторы и террор. По личным воспоминаниям. Тула, 1926. Сизов М.И. Мои встречи с Георгием Гапоном // Исторический вестник. СПб., 1912. Т. XXXII. С. 513–582 и др.

⁴⁴ Грибовский В.М. Загадочные документы Гапона // Исторический вестник. СПб., 1912. Т. 127. С. 955–956.

ДИСКУССИЯ О ТИПЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В РОССИЙСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В.В. Шелохаев

В отечественной историографии в последние два десятилетия накоплен огромный материал по истории формирования и функционирования российской многопартийности¹. Имеющиеся в распоряжение исследователей агрегированные данные позволяют сформулировать ряд исходных положений, необходимых для того, чтобы дать научно обоснованные ответы на поставленную в докладе проблему.

Сублимируя мировой опыт формирования и функционирования партийных систем, можно утверждать, что эти процессы органически (прямо или опосредованно) увязаны с историческими особенностями соответствующих стран, в которых процессы, связанные с многопартийностью развивались на протяжении сравнительно длительных исторических периодов. Так, в странах органического типа развития политические партии, образно говоря, «прорастали» снизу, отражая тем самым зрелость правовых и гражданских институтов. В данной логике исторического развития политические партии в своей идеологии и программных положениях отражали и выражали вполне назревшие и осознанные в обществе объективные потребности его дальнейшей трансформации, формулируя и транслируя их через коммуникативные средства в общественное сознание, которое, в общем и целом, готово было к восприятию и соответствующим действиям по их реализации.

В сформировавшемся и структурированном гражданском обществе, определившем основной вектор своего исторического развития, число политических партий, как правило, соответствует или приближено к числу реальных возможностей этой трансформации. Представляя на суд общественному мнению эти альтернативные вариации, политические партии выстраивают свою идеологию и программу

в соответствии с ними, предлагая обществу собственные варианты их собственного видения и оптимального разрешения. Разумеется, это не снимает с повестки дня идейно-политическую борьбу между политическими партиями, однако, эта борьба идет в рамках уже общепризнанного вектора общественного развития, с применением правовых цивилизованных форм (пресса, парламент).

Иная ситуация складывается в странах, в которых еще не завершен процесс перехода к правовому государству и гражданского обществу. Здесь формирование и функционирование многопартийности имеет свои специфические национальные особенности. В отличие от стран первого типа, в странах второго типа партии начинают возникать не в центре, а на периферии империи, в более ее продвинутых экономически, политически и культурно национальных анклавах (Польша, Финляндия, Армения). При этом процесс формирования партийных структур идет не «снизу», как в странах первого типа, а «сверху», под влиянием интеллектуальных элит, которые в своих исходных идеологических и программных посылах значительно опережают наличие необходимых предпосылок к общественным переменам. Причем эти предпосылки предполагается создать на «марше», не дожидаясь их естественного созревания. В этом и состоит «ловушка», в которую зачастую попадают интеллектуалы, мысль которых опережает реальные возможности перемен.

В странах второго типа более активно и целенаправленно формируются именно радикальные партии, которые возникают ранее либеральных и консервативных. Характерно, что радикальные партии в России, прежде всего, возникли в национальных регионах (Польша, Прибалтика, Армения). Несколько позднее формируются радикальные политические партии в центре империи. Характерно, что и в этом случае их формирование идет слева на право, т. е. в начале возникают левые радикальные партии, затем либеральные и консервативные. Опережающий характер возникновения радикальных партий модифицирует процесс формирования российской многопартийности в ее целом.

Отсутствие правового государства и соответственно правовых норм, регулирующих процесс формирования партийных структур, с логической неизбежностью способствует герметичности не только самосознания интеллектуальных элит, но и герметичности, создаваемыми ими партийных структур. Интеллектуальные элиты пытаются навязать обществу переходного типа свое мировидение, мировоззрение и мироощущение, которые не только находятся в конфронтации друг с другом, но и не соответствуют уровню развития общественного сознания. По сути, речь идет о различных картинах мира, представляемых интеллектуальными элитами разных общественных ориентаций (консерваторы, либералы, социалисты), и различными сегментами формирующегося гражданского общества, еще не определившего свой дальнейший транзит. Дискуссии вокруг смыслового содержания самого транзита, ведущиеся в интеллектуальной среде, не ясность основного вектора общественного развития способствует зарождение множества партийных структур (в 1906–1917 гг. в России функционировало более 280 партий).

С другой стороны, формирование многопартийности в странах переходного типа обуславливает предельную жесткость противостояния партийных структур, ведущих между собой борьбу на уничтожение. Подчеркну, что наличие значительного числа партий в России ни в коей мере не означало их «укорененности» в самой российской почве. Так, общая численность членов этих партий соответственно в 1906 г. составляла всего лишь 0,5%, а в 1917 г. – 1,2% от общей численности населения в стране. Образно говоря, российская многопартийность «висела в воздухе», не имея прочных корней в соответствующих стратах российского общества. Этим в значительной степени объясняется ее эфемерный, ситуационный характер, зависимость, с одной стороны, от действий авторитарной власти, а с другой – от состояния общественного сознания и стихийного массового движения. Российские политические партии находились под прессингом, с одной стороны, властных исполнительных структур, а с другой – действий со стороны общества и стихийного массового движения.

Герметичность интеллектуальных элит, принимавших участие в формировании многопартийности в России, автоматически переносился на партийные структуры, между которыми и внутри которых шла непримиримая борьба за лидерство, за монополию влияния на общественное и массовое сознание. По сути, авторитарный режим способствовал воспроизводству в обществе и интеллектуальных элитах как авторитарной идеологии и политики, так и авторитарных методов разрешения объективно назревших проблем. Российская ментальность сверху донизу была пропитана авторитаризмом, и вполне естественно ей же в большей или меньшей степени были пропитаны политические партии, иницилируемы «сверху», представителями интеллектуальных элит. Все вместе взятое обуславливало и их типологию, зависящую от мировоззренческих, идеологических и программных установок соответственно социалистов, либералов и консерваторов. По сути, это были не партии, отражающие потребности данного этапа общественного развития, а партии-проекции некоего будущего, которое еще предполагалось сконструировать на основе различных интеллектуальных моделей.

Вполне закономерно, что в российском интеллектуальном пространстве шли довольно жесткие дискуссии о более эффективном и рациональном типе политической партии. Консерваторы, делающие ставку на авторитарный режим, ориентировались на формирование такого типа политической организации, которой предстояло мобилизовать общественные силы на поддержку этого режима. В представлении либералов политическая партия должна соответствовать модернизирующемуся российскому обществу, опираться на него в реализации собственной программы. Что касается социалистов, то они стремились создать нелегальную партию политического переворота, которая, опираясь на стихийное массовое движение, должна была осуществить насильственное уничтожение авторитарного режима и приступить к демократическим и социалистическим преобразованиям.

Правовое поле, созданное властью в 1906 г. (Временные правила 4 марта 1906 г.), позволяло легально функционировать

только консервативным и либерально-консервативным партиям (октябристы, мирнообновленцы). Основная масса российских политических партий вплоть до марта 1917 г. продолжали оставаться нелегальными, что, естественно, не могло не поставить их в крайне трудные условия существования. В принципе мировоззренческие, идеологические и программные позиции консервативных партий не противоречили правительственному курсу. Власти с ними охотно взаимодействовали и оказывали моральную и материальную поддержку. Рассчитывая на это взаимопонимание, консерваторы с самого начала специально не ставили и не разрабатывали вопрос о типе своих партийных объединений. Неслучайно их формирование и функционирование происходило стихийно. Пик создания консервативных партийных структур пришелся на конец 1905 г. – начало 1906 г. и во многом был обусловлен необходимостью оказания немедленной помощи политическому режиму, положение которого предельно обострилось в период подъема революции. Созданные консервативные объединения способствовали стабилизации режима в центре и отдельных регионах. Однако после поражения революции и укрепления режима наметилась тенденция к распаду консервативных партий и организаций, к нарушению их вертикальных и горизонтальных связей, к падению их влияния среди низов, на которые они в начале попытались сделать ставку.

Дискуссионной был вопрос о типе партии в либеральной интеллектуальной среде. Правые либералы считали, что партия должна быть создана лишь на период перехода от авторитарного к правовому порядку. Однако левые либералы-интеллектуалы с самого начала рассматривали политическую партию как постоянно действующую институцию, играющую ведущую роль только в пекущем преобразовании страны, но и в деле ее дальнейшего развития. Для них важен был опыт развитых европейских стран с сформировавшейся системой правового государства и гражданского общества, с сложившейся традицией ротации политических партий у власти. Фактически в этой логике формировалась конституционно-демократическая партия, которой, по мнению либералов-интеллектуалов, предстояло выполнить ведущую роль в реформировании России в правовое

государство и гражданское общество. Как видим, либералы-интеллектуалы левого толка рассчитывали на формирование и длительное функционирование партии западноевропейского типа.

Сложней ситуации с формированием партии складывалась в социалистическом интеллектуальном секторе. Эсеры и меньшевики стремились создать демократический тип политической партии, которая должна была соответствовать их идеологической модели революционного преобразования России. Несмотря на то, что эти партии до марта 1917 г. оставались нелегальными, меньшевики и эсеры разделяли идею создания партии демократического типа, которые в своих исходных основах соответствовали социалистическим партиям, входящим во II Интернационал.

На иных принципах формировалась большевистская партия, с самого начала ориентированная на насильственный политический переворот и радикальное преобразование российского общества. Вся архитектура ее организационного построения свидетельствовала об ее типично авторитарном характере, в принципе совпадающим с ментальностью большинства российского общества.

Дискуссия о типе политической партии в российском интеллектуальном пространстве свидетельствовала о том, что идеологии консерватизма, либерализма и социализма, в общем и целом, осознавали значимость ролевых функций политических партий в условиях модернизации России. Сама логика трансформирующейся пореформенной страны подсказывала им, что в новых исторических условиях российское общество должно выделить из себя соответствующие партийные структуры, которые должны взять ответственность в деле его реформирования. Однако роль и значение этих структур в значительной степени зависела от качественного состояния данного общества, продолжающего находится на стадии незавершенного транзита, предопределившего и качественное состояние политических партий. Созданные «сверху» волевыми усилиями интеллектуалов, оторванные от собственной социальной основы и не имеющие массовой базы, российские политические партии, прежде всего, играли роль «детонатора»

для раскачки общественного мнения и разгула стихийных массовых движений, которые в последствии они уже не могли контролировать.

Для переходных периодов, сопровождаемых деструкциями во всех сферах общественной жизни, более приспособлены нелегальные партии революционного типа, которые при помощи радикальных лозунгов и призывов оказываются способными раскачать массовое сознание и способствовать активизации стихийного движения. Однако далеко не все революционные партии способны удержать эту стихию от анархии и хаоса, чреватых гибелью империи и распадом государственности.

Ни либералам, ни социалистам типа меньшевиков и эсеров этого сделать не удалось. Максимально развязать массовое стихийное движение, а затем кровью и железом обуздать его удалось лишь большевикам. Как это ни парадоксально, но большевики стали единственной политической партией, возродившей после Гражданской войны империю на основе коммунистической идеологии и политики. Искусно манипулируя авторитарным типом мышления, пронизывавшего сверху донизу основную массу населения России, большевики создали и соответствующему ему авторитарную партию, которая одержала победу в жесткой конкурентной борьбе с другими партиями за политическую власть.

Библиография и примечания

¹ Непролетарские партии в России. Урок истории. М., 1984; Политические партии России (Количественный анализ). М., 1987; Политические партии России в начале XX века. Энциклопедия. М., 1996; Политические партии России: история и современность. М., 2000; Политические партии в российских революциях. М., 2005. К настоящему времени в рамках проекта «Политические партии России. Документальное наследие». (М., 1994–2012) издано 54 тома документов и материалов по истории российских политических партий.

ЦИММЕРВАЛЬДИЙСКАЯ ПОЗИЦИЯ В РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В 1917 г.

Шубин А.В.

Циммервальдская конференция – поучительная история, если держать в голове упадок социалистического движения в начале ХХI в. В 1915 г. положение сторонников социализма также было печальным – Интернационал был расколот, его лидеры предали принципы интернационализма, левые интернационалисты были политическими аутсайдерами. Именно такие аутсайдеры В. Ленин, Г. Зиновьев, П. Аксельрод, Ю. Мартов, Л. Троцкий, Г. Ледебур, В. Коларов, Х. Раковский, М. Натансон, В. Чернов, Я. Берзин и другие собрались на Циммервальдскую конференцию 5–8 сентября 1915 г. Да, они собрались на обочине политической жизни того времени. Но мы знаем эти громкие имена – всего через два года начнется эпоха расцвета их политики. Им удалось выдвинуть принципы, которые вскоре стали определять мировую повестку дня: мир без аннексий и контрибуций, самоопределение народов. Тогда это был план скорейшего прекращения войны «вничью», где выигравшими оказались бы не империи, а народы.

И сегодня эти принципы важны для поиска путей разрешения международных кризисов.

Как получилось, что позиция политических маргиналов стала основной международной повестки дня? И почему среди циммервальдийцев борьбу за лидерство выиграла большевики?

Компромисс либералов

Часть ответа очевидна – это Российская революция, начавшаяся в 1917 г. Но это только часть ответа – ведь революция была шансом для всех. И сначала повестку формировали либералы. Но для них мир без аннексий был синонимом провала внешней политики – за что же тогда сражались?

Но революция не ограничилась либеральной «сильной рокировкой», она пошла вглубь, и цензовым элитам пришлось договариваться с левыми разночинцами, за которыми шли массы. Революция создала органы самоорганизации масс, оказавшиеся под контролем социалистов – социал-демократов-меньшевиков и эсеров. Формально большинство и тех, и других поддерживало принципы Циммервальда. Взбаламученные массы плохо представляли себе, что такое социализм, но они жаждали земли, хлеба и мира. А мир казался верным путем к нормальной жизни.

Советы относились к либеральному новому правительству холодно, как к меньшему из зол. Социалисты требовали, чтобы правительство согласовывало с ними не только во внутреннюю, но и во внешнюю политику. Они настаивали, что патовая ситуация на фронте могла разрешиться либо победой одной из сторон (но за многие годы никто решительного успеха не достиг, не было надежды прорвать немецкий фронт и в будущем), либо всеобщим истощением (то есть новыми бедствиями для трудящихся), либо компромиссным миром. Чтобы революционная Россия могла взять на себя инициативу заключения всеобщего мира, она должна была первой отказаться от территориальных и имущественных претензий к Германии, Австро-Венгрии и Османской империи. Но пришедшие к власти либералы были настроены весьма воинственно, надеясь «получить свое» – поучаствовать в разделе Австро-Венгрии и Османской империи, получить компенсацию с противников за издержки войны. А пока продолжалась политика, нацеленная на аннексии и получение контрибуции с противника, достичь мирного компромисса было невозможно.

11 марта министр иностранных дел и лидер либеральной партии Конституционных демократов (кадетов) П. Милюков, выступая перед дипломатическим корпусом, подтвердил стремление России вести войну до «победы». Значит, новое правительство не собирается искать компромиссного мира без аннексий и контрибуций. 22 марта Милюков разъяснил свою мысль: Россия стремится приобрести Константинополь и проливы, но это – не «захватные тенденции», ведь Турция когда-то тоже захватила эти земли¹. Так можно оправдать любые

аннексии, поскольку почти каждая территория были когда-то кем-то завоевана. Мнение лидера разделяло большинство кадетов².

14 марта в ответ на заявление Милюкова Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов принял свою декларацию по вопросам войны и мира – воззвание «К народам мира». Исходя из принципов Циммервальдской конференции, воззвание провозглашало, что российская демократия «будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов, и она призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира»³. Для этого трудящиеся Германии и Австро-Венгрии должны свергнуть свое самодержавие по примеру России.

Но верность принципам Циммервальда в понимании социалистов-центристов не исключало обороны своего государства, революционного оборончества. «Все вы отлично понимаете, что если внешний враг одолеет Россию, он прежде всего поспешит отнять у нас нашу свободу, расправиться с нею и, значит, вновь ввергнуть страну в вековые бедствия. Я поэтому думаю, что никто не скажет: надо дать врагу возможность прийти к нам и предписывать нам свои законы. Я уверена, мы не желаем аннексий»⁴, – говорила Е. Брешко-Брешковская делегатам совещания Советов, и эти слова были встречены аплодисментами. Ей вторил председатель совещания Н. Чхеидзе: «мы идем со всеми теми, кто выступает с решительным требованием перед всеми правительствами и перед буржуазными и капиталистическими кликами, чтобы правительства и эти клики немедленно отказались от всяких завоевательных и аннексионистских задач. (*Рукоплескания.*) Это первый шаг, товарищи, к следующему шагу – чтобы правительства всех воюющих стран приступили немедленно к пересмотру своих договоров»⁵. А до этого нужно оборонять свою родину.

Даже лидер правого крыла партии большевиков Л. Каменев, призывая к «превращению русской национальной революции в пролог восстания всех народов, всех воюющих стран против молоха империализма», все же проявил готовность к условной поддержке Временного правительства: «мы приветствуем отказ нашего правительства от аннексий и

завоеваний», хотя одних заявлений и недостаточно⁶. Меншевик И. Церетели в ответ попросил Каменева «объяснить, как конкретно он объясняет свое заявление, как конкретно можно поднять бунт пролетариев всех стран против правящих классов». Ведь призывы к немецким солдатам свергнуть «своего кайзера Вильгельма» были, но ни к чему не привели. А пока Вильгельм сидит на троне, а Либкнехт в тюрьме – остается воевать, напрягая все силы⁷. Но дело было не только в Вильгельме, но и в Антанте: «Если мы вступим в мирные переговоры с Германией помимо союзников, то этим мы добровольно отдадим наше могучее оружие и приступим к таким действиям, которые ни революционной России, ни Интернационалу ничего, кроме позора не готовят»⁸.

Но большевики требовали, чтобы правительство ясно заявило о намерениях заключить демократический мир, и в этом их поддерживали делегаты от солдат, также требовавшие конкретных мер по достижению мира. В итоговой резолюции совещания Советов, которую составил Церетели, говорилось, что «каждый народ обеих коалиций должен настоять, чтобы его правительство добивалось от своих союзников общего отказа от завоеваний и контрибуций. Со своей стороны Исполнительный комитет подтверждает необходимость переговоров Временного правительства с союзниками для выработки соглашения в указанном смысле»⁹. Таким образом, социалисты, в том числе и гораздо правее большевиков, искали возможность выйти из тупика безысходной позиционной войны.

Немедленное начало переговоров о мире в условиях, когда Германия и Австро-Венгрия находились в тяжелом социальном положении, не было утопией. А перемирие открывало возможность для снятия части проблем, вызванных войной, стабилизации Временного правительства весной 1917 г.

Но существовало два серьезных препятствия для такого решения: шовинизм кадетов и более правых российских кругов и нежелание Антанты идти на мирные переговоры в условиях, когда 6 апреля в войну вступили США. Именно в тот момент, когда принципы Циммервальда были официально озвучены на высоком политическом уровне, руководство Антанты почувствовало запах предстоящей победы.

Оба этих препятствия могли быть преодолены, если бы социалисты взяли решительный курс на мир – отказавшись от сотрудничества с кадетами в правительстве и требуя от Антанты немедленного согласия на мирные переговоры на демократических условиях под угрозой в случае отказа начать эти переговоры сепаратно. Это в дальнейшем и сделали большевики, но уже в гораздо худших условиях, когда неспособность русской армии воевать стала очевидна в том числе и немцам.

Умеренные социалисты весной 1917 г. не были готовы действовать решительно, но даже они были возмущены демонстративным шовинизмом Милюкова.

Роль ангела мира взял на себя единственный социалист в правительстве А. Керенский, который явился в Петросовет и подтвердил, что Временное правительство отказывается от аннексий. Выступление Керенского вызвало овацию, его подхватили на руки на стуле. Выступая за мир без аннексий, Керенский хотел опереться на авторитет Петросовета в продавливании этой своей позиции во внутриправительственной борьбе.

Либеральное большинство правительства понимало важность сохранения хороших отношений с Советом, и пошло на уступки Керенскому вопреки политике Милюкова. В Декларации Временного правительства о целях войны 27 марта говорилось: «Предоставляя воле народа в тесном единении с нашими союзниками окончательно разрешить все вопросы, связанные с мировой войной и ее окончанием, Временное правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России – не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов»¹⁰. Это означало, что Временное правительство отказывается от мечты шовинистов (включая Милюкова) водрузить русский флаг над Дарданеллами. Однако по настоянию кадета Ф. Кокошкина были вставлены слова о соблюдении обязательств перед союзниками. Это поставило согласование заявления с социалистами на грань срыва – ведь сами обязательства содержались в секретных

договорах. Делегаты Совета не могли подписаться под тем, что не видели. Эта проблема разрешилась только после победы большевиков, которые просто опубликовали секретные договоры Российской империи.

В марте 1917 г. социалисты решили, что могут толковать двусмысленные формулы документа в свою пользу. Этот компромисс продержался меньше месяца. Милюков тоже толковал заявление по-своему, считая захват проливов их освобождением от турецкого гнета. Он был готов поставить левых перед фактом, игнорируя их требования. В апреле Милюков убеждал главнокомандующего генерала Алексеева в необходимости провести десантную операцию по захвату проливов¹¹, что означало бы новый виток войны. И много лет спустя Милюков был уверен, что Черноморский флот «мечтал о походе на Константинополь»¹².

Представители Петросовета потребовали довести до союзников Декларацию 27 марта в официальном порядке. Правительство поручило это Милюкову, который не был согласен с Декларацией.

В этих условиях Милюков решил, что нужно прокомментировать Декларацию 27 марта в официальной ноте к союзникам. Нота, подготовленная Милюковым и после обсуждения принятая правительством, вышла за рамки самой Декларации – в ней говорилось о войне до победы (что исключало быстрый компромиссный мир), после которой «демократические государства» (то есть Антанты) введут «санкции», способные предотвратить новую войну. Понятно, что санкции будут введены против побежденных Германии и Австро-Венгрии. Нота Милюкова была принята 18 апреля, но опубликована 20 апреля, через два дня после первомайских демонстраций, где господствовало циммервальдское, миротворческое понимание задач внешней политики.

Однако задержка с публикацией ноты не помогла избежать конфликта – социалисты почувствовали себя обманутыми и не позволили поставить себя перед фактом изменения внешнеполитической линии правительства в сторону империализма. 20 апреля они организовали массовую демонстрацию солдат и рабочих против «ноты Милюкова». При

этом солдат Финляндского полка на демонстрацию против ноты Милюкова вывел прапорщик Ф. Линде, весьма далекий от большевизма член Исполкома Совета, который войдет в историю как социал-патриот и сторонник наступления против немцев в июне 1917 г. Но в апреле нота Милюкова возмутила даже такого социал-патриота. Как писал революционный оборонец В. Войтинский, «сила «революционного оборончества» была в том, что оно формулировало новые цели войны (защита революции, приближение всеобщего мира)»¹³.

Произошли столкновения между противниками и сторонниками Милюкова, которые дрались и рвали знамена друг друга. 21 апреля рабочие Выборского района с оружием вышли на Невский (проигнорировав призывы Чхеидзе повернуть назад). Здесь произошла перестрелка, были раненые.

21 апреля командующий Петроградским военным округом Л. Корнилов по приказу военного министра А. Гучкова попытался вызвать на Дворцовую площадь две батареи Михайловского артиллерийского училища, но собрание солдат и офицеров постановило не давать ему орудий. Стало ясно, что правительство не может подавить волнения, и либералам придется договариваться с социалистами.

Большевики тоже приняли участие в демонстрациях, поскольку нота подтвердила их обличения Временного правительства, но не играли в этих событиях роли лидера. Позиция большевиков претерпевала эволюцию. Если на второй Циммервальдской конференции в Кинтале Ленин выступал за превращение войны империалистической в войну гражданскую, то теперь он уже не был адептом гражданской войны – ситуация изменилась. Если удалось бы создать широкую коалицию левых сил, ответственную перед Советами, то и гражданская война ни к чему.

22 апреля правительство выступило с разъяснениями злополучной ноты: мол, под «санкциями» имелись в виду пацифистские меры – международный трибунал и ограничение вооружений (вообще-то такие меры не называются санкциями). Правые социалисты добились того, что Исполком Совета признал эти разъяснения удовлетворительными. Но стало очевидным, что лидерство Милюкова в правительстве ведет к

конфронтации и, возможно, гражданской войне. Гучкову и Милюкову пришлось уйти в отставку. Правительство было реорганизовано, и 5 мая в него вошли социалисты, включая лидера эсеров циммервальдийца В. Чернова. А. Керенский стал военным министром. Министерство иностранных дел возглавил умеренный либерал М. Терещенко.

Попытка либералов обмануть циммервальдийцев формальными речами, но на деле сохранить верность политике Антанты, привела к падению влияния либералов в российской революции.

Компромисс социалистов

Новое правительство 6 мая опубликовало программу, основа которой была написана социалистами, но согласована с кадетами. Она предполагала борьбу за скорейшее заключение мира без аннексий и контрибуций (но при условии, что этот мир не будет сепаратным), «укрепление начал демократизации армии (но также использование ее в наступательных действиях). Это был компромисс между принципами и реальной политикой, которая убивала эти принципы. Большинство эсеров и меньшевиков искренне стремились к миру без аннексий и контрибуций, к самоопределению народов, политическому федерализму, демократии, но считали, что все эти светлые идеи можно реализовать позднее, когда созреют условия. Когда Германия запросит мира. А пока делать нечего – нужно воевать, не раздражая партнеров по Антанте пацифистской агитацией.

Взяв на себя правительственную ответственность, социалисты должны были заняться практической организацией ведения войны. Здесь были возможны два пути: либо перемирие де факто (противник, учитывая тяжелую ситуацию на других фронтах, не очень беспокоил российскую армию), либо помощь союзникам, нанесение удара по врагу. Циммервальдийская логика диктовала первое, Керенский избрал второе. Причин было несколько: при бездействии армия разлагалась, союзники давили на Россию, требуя выполнять долг и связывая с этим продолжение поддержки правительства, даже небольшая победа могла повысить престиж правительства и стабилизировать

политическую ситуацию. Но циммервальдийцы оказались правы – к середине 1917 г. российская армия не была способна даже на небольшую победу, большинство солдат не видели смысла проливать кровь в бессмысленных сражениях.

Россия не претендовала на захваты новых территорий, а значит, ей не было никакого смысла проводить наступательные операции. Тем более что уже «Брусиловский прорыв» показал: каковы бы ни были успехи, русская армия не в состоянии разрушить фронт даже Австро-Венгрии. Частичные успехи, оплаченные сотнями тысяч жизней, принципиально не меняют положение на фронтах. Следовательно, нужно не омыwać кровью окопы противника, а искать пути ко всеобщему миру. Эта работа велась в Стокгольме, где социалисты разных стран и направлений готовили международную конференцию, призванную предложить демократические условия мира. I Съезд советов рабочих и солдатских депутатов направил в Стокгольм свою делегацию, а государства Антанты отказались выдавать загранпаспорта своим социал-демократам. В итоге конференцию в Стокгольме 18–25 сентября провели только циммервальдийцы, и её резонанс был не велик. Организаторы «большой» конференции 10 октября предложили свой проект мира, также основанный на принципе отказа от аннексий и контрибуций. Он предполагал также расширение территориальной автономии, культурную свободу народов, международный арбитраж, отказ от милитаризма и протекционизма¹⁴.

Как и предупреждали интернационалисты, наступление 18 июня не достигло поставленных целей, а 6 июля противник перешел в контрнаступление и обратил в бегство российскую армию. Провал наступления стал крахом надежд Керенского укрепить авторитет правительства с помощью победы (что не помешало ему вскоре занять пост председателя правительства). Пришлось срочно искать, на кого переложить ответственность за провал, и здесь очень удачно случились волнения в Петрограде 3–4 июля. По легенде, распространенной сторонниками правительства, большевики решили организовать диверсию в тылу наступающей армии и тем сорвали удар. Но войска Петроградского гарнизона, принявшие участие в волнениях,

никак не могли переломить ситуацию и спасти Юго-Западный фронт от поражения¹⁵.

Казалось, Керенский обыграл левых радикалов. Однако большевики с их критикой наступления превратились в главных миротворцев страны, их радикальная социальная программа удачно дополнялась революционным пацифизмом, требованием немедленного перемирия, которое либо заставит партнеров по Антанте включиться в переговоры о мире, либо приведет к сепаратному выходу России из империалистической войны на условиях мира без аннексий и контрибуций. Сочетание социального радикализма и революционного пацифизма в условиях осени 1917 г. способствовало восстановлению сил большевизма после июльского поражения. Более того – именно революционный пацифизм стал ключом к победе большевиков и присоединившихся к ним межрайонцев в борьбе за власть.

Большевизации воинских частей, столь важной для успеха Октябрьского переворота, способствовал провал военной реформы военного министра А. Верховского, который занял этот пост 12 сентября. Он был близок по взглядам к эсерам и выдвигал радикальную программу изменения военной политики. Она заключалась в том, чтобы резко, с 10 до 5 млн, сократить армию и таким образом сэкономить продовольствие для снабжения городов и улучшить качество войск – предполагалось оставить на фронте более боеспособные части и более молодых солдат. Если сокращение армии спровоцирует наступление немцев, Верховский не исключал перехода к маневренной войне, что во всяком случае положило бы конец затхлой окопной жизни. Верховский выступал за чистку командных кадров, которая позволит продвинуть наверх молодых офицеров, назначая командовать полками инициативных капитанов, а батальонами – даже прапорщиков¹⁶. Эти идеи не встретили поддержки Керенского, который сохранил за собой пост главнокомандующего. Керенский вообще быстро разочаровался в Верховском, назвав его «Корниловым слева», а Верховский стал апеллировать к Центральному исполнительному комитету Советов через голову Керенского¹⁷.

Проверкой боеспособности армии и флота осенью 1917 г. стало Моонзундское сражение 29 сентября – 7 октября.

Немцы вторглись на Моонзундские острова и в Рижский залив. Распропагандированный левыми Балтийский флот оказал неожиданно серьезное сопротивление немцам. «Войсковая же масса просто и без затей отказалась сражаться»¹⁸.

Верховский пришел к выводу, что дальнейшее ведение войны невозможно, и стал настаивать, чтобы правительство выступило с инициативой мирных переговоров (заодно перехватив это требование у большевиков).

Но Керенский и Терещенко считали это невозможным. К тому же Терещенко, подобно Троцкому во время мирных переговоров в Бресте в 1918 г., надеялся, что «не сегодня-завтра Центральные державы рухнут...»¹⁹. Тем не менее, они были готовы выдвигать требования демократического мира публично (даже не считая их реальными). Чтобы умиротворить ЦИК, Временное правительство согласилось направить на предстоящую конференцию союзников в Париж не только Терещенко, но и представителя ЦИК М. Скобелева. 5 октября ЦИК подготовил для своего «комиссара демократии» инструкцию, своего рода наказ, в целом соответствующий идеям организаторов Стокгольмской конференции, включая решение плебисцитами судьбы османской Армении, Эльзаса и Лотарингии, спорных областей на Балканах и в итальянской части Австро-Венгрии. Документ был хотя и несколько односторонним (если судьбу «турецкой» Армении должен был решить плебисцит, то «российская» Армения не упоминалась), но все же не вполне проантантовский. Предлагалось самоопределение Польши, Литвы и Латвии, возвращение германских колоний, создание фонда для восстановления разрушенных областей (не за счет одной из сторон). Поддержал ЦИК и идею президента США В. Вильсона о создании Лиги мира (будущей Лиги наций)²⁰. В этой программе бросается в глаза попытка выдвигать не принципы, а некие конкретные территориальные предложения, которые члены и эксперты ЦИК считали компромиссными. Хотя очевидно, что до поиска конкретных компромиссов было еще далеко, а если бы представители союзников в Париже и согласились бы предлагать Германии условия мира, то линия «компромисса» неизбежно сдвинулась бы в сторону требований Антанты. Это обрекало

саму идею на неудачу, так что страсти в ЦИК в канун миссии Скобелева кипели зря – детализация была преждевременной. Его задача заключалась прежде всего в отстаивании самого принципа мира без аннексий и контрибуций, который среди руководителей Антанты не встречал понимания.

Не встречали они понимания и у Временного правительства. Выступая 12 октября в комиссии по иностранным делам Предпарламента, Терещенко сформулировал основные условия мира, приемлемого с точки зрения правительства для России. Они исключали создание новых независимых государств на Балтике, предполагали доступ России в Средиземное море (возможно – на основе договора с Османской империей, что ущемляло её суверенитет над проливами), экономическую независимость от Германии. Но Терещенко охладил пыл тех, кто надеялся, что Скобелев примет участие у обсуждении условий мира – ничего такого в Париже не планировалось. Никто не собирается заключать «мир вничью», от которого пострадают наиболее слабые и пострадавшие от разрушений страны. И вообще, для приемлемого мира нужно продемонстрировать «активность армии»²¹.

А вот с этим как раз были нелады, о чем правительство неустанно предупреждал военный министр Верховский. Сил не было ни для внешнего сопротивления, ни для внутреннего. Министр требовал скорейшего заключения мира, даже сепаратного. 19 октября Верховский снова попросил об отставке, заявив, что никто не заступится за Временное правительство, продолжающее войну, что на сторону большевиков перейдут части, которые будут вызваны с фронта на помощь Керенскому.

В отношении Германии Верховский не являлся капитулянтом, его позиция была близка в этом вопросе к последующей тактике большевиков. Он рассчитывал, что заключение мира потребует значительного времени и можно будет воспользоваться паузой для наведения порядка в более компактной армии²². 20 октября Верховский высказал свои взгляды на объединенном заседании комиссий Предпарламента по военным и иностранным делам. Верховский заявил, что власть командного состава расшатана и сводится к уговариванию. «Но никакие убеждения не в состоянии

подействовать на людей, не понимающих, ради чего они идут на смерть и лишения... Указанные объективные данные заставляют прямо и откровенно признать, что воевать мы не можем». Поэтому необходимо немедленно добиться согласия союзников «на прекращение этой истощающей войны, нужной только им, но для нас не представляющей никакого интереса»²³. Газеты «Общее дело» и «Живое слово» опубликовали сообщения о выступлении Верховского, исказив их в сторону еще большего «капитулянтства». Пропаганда министра, таким образом, вышла за пределы правительственных стен, и 22 октября Керенский отправил его в отпуск «по состоянию здоровья». Однако выступление Верховского повлияло на позицию руководителей Предпарламента, который во время Октябрьского переворота выступит с запоздалым миротворческим заявлением.

Попытка Верховского была последним шансом правительства перехватить у большевиков пацифистские лозунги. Провал этой попытки способствовал успеху Октябрьского переворота.

Компромисс большевиков

На II съезде Советов, который был политической основой переворота, 26 октября с докладом о мире выступил Ленин. В предложенном Лениным и принятом съездом «Декрете о мире» говорилось: «Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24–25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, — миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, — таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (то есть без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций»²⁴.

Учитывая обилие двойных толкований этого лозунга, Ленин разъяснил его дополнительно: «Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает, согласно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет»²⁵. То есть в число аннексий включались не только возможные, но и уже совершившиеся в прошлом территориальные изменения, что предполагало практически всеобщую перекройку границ и распад империй. Таким образом, большевики выдвинули не просто условия мира, но принципы нового мироустройства.

Но и Ленин не был чужд компромиссам. Принципы принципами, но перемирие пока было важнее мира. При этом Ленин надеялся на поиск компромисса между выдвинутыми съездом радикальными принципами и традиционной дипломатией мировых держав, а также на мировое общественное мнение, перед лицом которого можно искать этот компромисс. Поэтому он настаивал на открытости переговоров: «Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, то есть соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных

договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отменным»²⁶. Это – предупредительный выстрел в сторону Антанты, потому что наиболее компрометирующие участников тайные договоры были заключены до февраля 1917 г. Если Антанта не откликнется на советскую инициативу – могут быть опубликованы и они. И тогда всем станет ясно, что не Антанте учить большевиков морали.

Советские предложения не являются предварительными, перемирие можно заключить прямо сейчас: «Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на 3 месяца, то есть на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира»²⁷.

После голосования Съезд охватила эйфория, депутаты пели «Интернационал», а потом устроили овацию Ленину «как автору обращения и стойкому борцу и вождю рабоче-крестьянской победоносной революции»²⁸.

Правительство Германии и ее союзников отнеслось к декрету серьезно. 14 ноября 1917 г. германское верховное командование дало согласие на ведение официальных переговоров о мире с представителями советской власти.

Противник большевиков А. Будберг, командовавший корпусом на Северном фронте, писал в дневнике: «Новое правительство товарища Ленина разразилось декретом о немедленном мире, в другой обстановке над этим можно было бы только смеяться, но сейчас это гениальнейший ход для привлечения солдатских масс на свою сторону; я видел это по настроению в солдатских полках, которые сегодня объехал; телеграмма Ленина о немедленном перемирии на 3 месяца, а

затем мире произвела везде колоссальное впечатление и вызвала бурную радость»²⁹.

Таким образом, циммервальдская политика превратилась из смелой политической программы политических аутсайдеров, каковой была в 1915 г., в практическую политику огромного государства, которая была положена в основу российской позиции на переговорах в Бресте. То политическое течение, которое выразило эти принципы с наибольшей последовательностью и наименьшей компромиссностью – в той ситуации получало преимущество в борьбе за власть. Большевики воспользовались этим шансом. Вскоре стало ясно, что они были пацифистами на час, что в столкновении с реалиями мирных переговоров и борьбы за свое понимание социализма большевики могли отказаться от принципов Циммервальда.

Однако это не умаляет ценность принципов, скорее наоборот – они не несут ответственности за то, во что выродился большевистский проект. Ведь история Циммервальда – это опыт не только удачной борьбы за власть, но что важнее – возрождения популярности социалистической идеи, которая может выработать принципы, востребованные массами. В этом отношении социалистическому движению и сегодня нужен новый Циммервальд, новый проект борьбы за будущее планеты.

Библиография

¹ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 368.

² Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 443–444.

³ Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М., 1927. С. 319.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Там же. С. 45–47.

⁷ Там же. С. 73.

⁸ Там же. С. 93.

⁹ Там же. С. 291–292.

¹⁰ Там же. С. 320.

¹¹ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 388–389.

¹² Милоков П.Н. История Второй русской революции. М., 2001. С. 121.

¹³ Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 81.

-
- ¹⁴ Европейское социалистическое движение. 1914–1917: разубить или развязать узлы. М., 1994. С. 114–120.
- ¹⁵ *Шубин А.В.* Великая российская революция. От Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014.
- ¹⁶ *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 293, 351–353.
- ¹⁷ Там же. С. 357.
- ¹⁸ Там же. С. 371.
- ¹⁹ Там же. С. 383.
- ²⁰ Европейское социалистическое движение. С. 124–125.
- ²¹ Там же. С. 128.
- ²² *Старцев В.И.* Крах керенщины. Л., 1982. С. 211.
- ²³ *Соболев Г.Л.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. СПб., 2009. С. 387–388.
- ²⁴ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. С. 13.
- ²⁵ Там же. С. 14.
- ²⁶ Там же. С. 14–15.
- ²⁷ Там же. С. 15.
- ²⁸ Второй всероссийский съезд советов Р. и С. Д. М., Л., 1928. С. 21.
- ²⁹ Дневник барона Алексея Будберга. 1917 год // Архив русской революции. Т. 12. М., 1991. С. 235.

КРУГЛЫЕ СТОЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЙСКАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ И РОССИЙСКИЕ КРИЗИСЫ XX–XXI ВВ.»

Подготовили к публикации: *П.П. Марченя, С.Ю. Разин*

Авторский коллектив: *П.П. Марченя, С.Ю. Разин,*
Б.Х. Алимов, И.А. Анфертьев, Л.Н. Бродовская,
В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, А.А. Вилков,
О.В. Волобуев, А.В. Гордон, Е.И. Демидова,
А.В. Долгова, Н.А. Дунаева, В.Л. Дьячков,
Н.В. Елисеева, М.М. Есикова, В.В. Зверев,
М.И. Ивашко, С.Г. Кара-Мурза, А.И. Колганов,
В.В. Корнеев, А.В. Костров, В.Н. Кузнецов,
В.В. Кулачков, А.А. Куренышев, М.И. Леонов,
Я.В. Леонтьев, Н.В. Липатова, Д.И. Люкшин,
С.А. Магарил, В.П. Николашин, А.В. Посадский,
И.С. Розенталь, Д.И. Рублев, Ф.А. Селезнев,
О.А. Сухова, Т.И. Трошина, Н.Б. Хайлова,
А.В. Чертищев, В.В. Шелохаев, А.В. Шубин

27 марта 2015 г. в рамках научного проекта «Народ и власть» в Москве, в Российском обществе историков-архивистов состоялся Международный круглый стол «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.». Наряду с проектом «Народ и власть» и РОИА организаторами «стола» выступили Московский экономический институт (МЭИ), Российский государственный

гуманитарный университет (РГГУ) и журнал «Новый исторический вестник».

Участникам была предложена следующая примерная проблематика дискуссий «круглого стола»:

– *Политические партии в системных кризисах российского общества: ведущие или ведомые;*

– *Роль и функции политических партий в российских революциях XX в.;*

– *Элиты и массы: неполитическое измерение истории российской многопартийности;*

– *Российская многопартийность в контексте столкновения Традиции и Модерна;*

– *Большевизм: между буквой марксизма и стихией русской смуты;*

– *Российский либерализм и российский консерватизм в контексте Имперского Мифа;*

– *Политические лидеры смутных времен: вожжи, вожжаки и враги народа;*

– *Российская Идеократия и российская многопартийность: взаимообусловленность или несовместимость;*

– *Оппозиция и Власть в России: мифы и реалии;*

– *Перспективы современной российской многопартийности: возможна ли новая однопартийная диктатура.*

В итоге, в дебатах «круглого стола» приняли участие более 40 ученых, представляющих научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы 3 государств:

– *России* (Архангельск, Брянск, Иркутск, Казань, Мичуринск, Москва, Нижний Новгород, Пенза, Самара, Саратов, Тамбов, Ульяновск);

– *Беларуси* (Минск);

– *Таджикистана* (Худжанд).

В дискуссиях участвовали (*сведения об участниках приведены по состоянию на время проведения «круглого стола», участники перечислены в алфавитном порядке*):

1. кандидат исторических наук, доцент, заведующей кафедрой международных отношений

Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики **Батуржон Хамитович Алимов** (Таджикистан, Худжанд);

2. кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, первый заместитель председателя Правления Центрального совета Российского общества историков-архивистов, главный редактор группы журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.ru», «Вестник архивиста.com», «Вестник архивиста.TV» **Иван Анатольевич Анфертьев** (Россия, Москва);

3. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры мировой политики и международных экономических отношений Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета **Людмила Николаевна Бродовская** (Россия, Казань);

4. доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН **Владимир Прохорович Булдаков** (Россия, Москва);

5. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского экономического государственного университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН **Олег Григорьевич Буховец** (Беларусь, Минск);

6. доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук Саратовского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского **Александр Алексеевич Вилков** (Россия, Саратов);

7. доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета **Олег Владимирович Волобуев** (Россия, Москва);

8. доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института

научной информации по общественным наукам РАН
Александр Владимирович Гордон (Россия, Москва);

9. доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической и политической истории России Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова **Елена Игоревна Демидова** (Россия, Саратов);

10. аспирантка кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета **Анжела Валерьевна Долгова** (Россия, Москва);

11. кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова **Наталья Алексеевна Дунаева** (Россия, Ульяновск);

12. кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина **Владимир Львович Дьячков** (Россия, Тамбов);

13. кандидат исторических наук, доцент, профессор Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, профессор Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **Наталья Викторовна Елисеева** (Россия, Москва);

14. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета **Милана Михайловна Есикова** (Россия, Тамбов);

15. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **Василий Васильевич Зверев** (Россия, Москва);

16. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин

Российского государственного университета правосудия
Михаил Иванович Ивашко (Россия, Москва);

17. доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, генеральный директор Центра изучения кризисного общества, член Союза писателей России **Сергей Георгиевич Кара-Мурза** (Россия, Москва);

18. доктор экономических наук, доцент, заведующий лабораторией по изучению рыночной экономики экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова **Андрей Иванович Колганов** (Россия, Москва);

19. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и культурологии Академии гражданской защиты МЧС России **Владимир Владимирович Корнеев** (Россия, Москва);

20. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры современной отечественной истории Иркутского государственного университета **Александр Валерьевич Костров** (Россия, Иркутск);

21. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Ульяновского педагогического университета имени И.Н. Ульянова, ведущий научный сотрудник НИИ истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина **Валерий Николаевич Кузнецов** (Россия, Ульяновск);

22. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и социологии Брянской государственной инженерно-технологической академии **Вадим Витальевич Кулачков** (Россия, Брянск);

23. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и культурологии Академии гражданской защиты МЧС России **Андрей Александрович Куреньшев** (Россия, Москва);

24. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Российской истории Самарского государственного университета **Михаил Иванович Леонов** (Россия, Самара);

25. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политической истории Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова **Ярослав Викторович Леонтьев** (Россия, Москва);

26. кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по науке – начальник отдела истории и культуры Научно-исследовательского института истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина, доцент кафедры Истории Отечества, регионоведения и международных отношений Ульяновского государственного университета **Надежда Валерьевна Липатова** (Россия, Ульяновск);

27. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры мировой политики и международных экономических отношений Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета **Дмитрий Иванович Люкшин** (Россия, Казань);

28. кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского государственного гуманитарного университета, научный редактор журнала «Социологические исследования» («Социс») **Сергей Александрович Магарил** (Россия, Москва);

29. кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я Кикотя, доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, редактор научного проекта «Народ и власть» **Павел Петрович Марченя** (Россия, Москва);

30. кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Мичуринского государственного аграрного университета **Вадим Павлович Николашин** (Россия, Мичуринск);

31. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории российской государственности и права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **Антон Викторович Посадский** (Россия, Саратов);

32. проректор по воспитательной работе и связям с общественностью Московского экономического института, координатор научного проекта «Народ и власть» **Сергей Юрьевич Разин** (Россия, Москва);

33. академик РАЕН, доктор исторических наук, профессор **Исаак Соломонович Розенталь** (Россия, Москва);

34. кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева **Дмитрий Иванович Рублев** (Россия, Москва);

35. доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского **Федор Александрович Селезнев** (Россия, Нижний Новгород);

36. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета **Ольга Александровна Сухова** (Россия, Пенза);

37. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, председатель Архангельского отделения РОИА **Татьяна Игоревна Трошина** (Россия, Архангельск);

38. кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института российской истории РАН **Нина Борисовна Хайлова** (Россия, Москва);

39. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я Кикотя **Андрей Владимирович Чертищев** (Россия, Москва);

40. академик РАЕН, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра «История России в XIX – начале XX в» Института российской истории РАН, директор

Института общественной мысли **Валентин Валентинович Шелохаев** (Россия, Москва);

41. доктор исторических наук, руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета **Александр Владленович Шубин** (Россия, Москва).

Предлагаем вашему вниманию материалы дискуссии, состоявшейся в ходе круглого стола «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.» (материалы были представлены в электронном издании¹, в печатном издании публикуются впервые).

С.Ю. Разин. [Отечественная многопартийность как элемент системного кризиса]

Добрый день, уважаемые коллеги!

Я рад приветствовать вас на круглом столе «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.».

Это очередное мероприятие, которое наш проект проводит совместно с Российским обществом историков-архивистов. Научный проект «Народ и власть» представляем здесь я и Павел Петрович [*Марченя*]. Российское общество историков-архивистов представляет здесь Иван Анатольевич [*Анфертьев*].

Я несколько слов скажу о проекте. Он существует пять лет. За это время в его рамках проведено 7 международных круглых столов, издано 4 сборника, опубликовано более 180 статей. Около 70 статей опубликованы в журналах, входящих в Перечень ВАК Минобрнауки РФ. На сегодняшний день в рамках проекта сформировались три основных научных направления: «Революции и смуты как системные кризисы русской истории», «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» и «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы».

В этом году мы планируем, помимо сегодняшнего стола, провести еще два мероприятия: круглый стол «Первая русская революция: взгляд из XXI века», посвященный 110-летию Первой русской революции, и круглый стол «Крестьянин и Империя: истоки и смысл Русской Смуты». Кроме того, у нас возникла идея издать очередной сборник проекта по теме сегодняшнего стола, с одноименным названием. Приглашаем вас принять участие в этих мероприятиях и в сборнике научных статей.

Почему тема российской многопартийности стала предметом обсуждения на отдельном круглом столе? В центре внимания проекта «Народ и власть» тема изучения системных кризисов нашего общества. Мы исходим из того, что понять их вне осмысления того, что такое российская многопартийность, и какова ее роль в отечественной истории, нельзя.

Сразу озвучу и свою точку зрения по вопросам, которые вынесены на обсуждение.

На мой взгляд, российская многопартийность является уникальным, «почвенным» явлением. Ее роль принципиально отличалась и отличается от той, которую играют политические партии в странах Запада. Я солидарен с теми исследователями, которые считают, что участие в революции народных масс России определялось не осознанными политическими интересами, а ценностями и нормами их имперско-общинного сознания, находившимися за пределами политики в ее традиционном понимании. Ключ к разгадке тайны российской многопартийности следует искать в имперском мифе, представляющем собой систему норм, идей и представлений, которая на протяжении столетий являлась и является ценностно-смысловым фундаментом российской идеократии.

Отечественную многопартийность, само существование которой противоречит глубинным ментальным основаниям идеократии, следует рассматривать как один из важнейших элементов, признаков системных кризисов российского общества. И в начале, и в конце XX в. отечественная многопартийность сыграла разрушительную роль «политической» и идеологической антисистемы, которая не

могла быть и не была олицетворением альтернатив развития социума.

Пограничность, переходность современного российского общества, существующая возможность имперского ренессанса обуславливают неукорененность и химеричность отечественной многопартийности, представляющей аморфное формально-институциональное образование, не имеющее опоры в массовом сознании – и существующее во многом потому, что является мифом, инструментом, который власть искусственно поддерживает и использует для решения определенных политических задач. Выражением аморфности и химеричности российской многопартийности является отсутствие системы политических партий.

На мой взгляд, возрождение империи в ее новой форме неминуемо приведет к ликвидации политического и идеологического плюрализма, несовместимого с имперским мифом, к ликвидации аморфной отечественной многопартийности. Подтверждением этого тезиса является исторический опыт Русской революции, завершившейся установлением однопартийной большевистской диктатуры, которая оказалась возможна потому, что большевики предложили адекватные массовому сознанию модели власти, модели социального поведения, сформулировали новый, квазирелигиозный вариант мессианской идеи, вернули народным массам России утраченное чувство причастности к событиям вселенского масштаба, предложили им «сегодня и сейчас», в соответствии с их традиционалистскими представлениями, решить все самые злободневные вопросы русской жизни и осуществить скачок в «земной рай» социализма. Благодаря этому большевизм смог выйти за рамки формальной партийности, стать, по формулировке Л.Д. Троцкого, «головным выражением национальной стихии» и одержать победу в Русской революции.

Если есть вопросы, то я готов на них ответить. Нет вопросов? Я передаю слово автору/соавтору и редактору нашего проекта Павлу Петровичу [Марченя].

П.П. Марченя. [Российская многопартийность: методологические мифы и исторический опыт]

Я также, в свою очередь, искренне рад приветствовать тех, кто откликнулся, и кто сегодня участвует в очередном мероприятии проекта «Народ и власть». Особенно радостно видеть, что многие приходят к нам не впервые: это дает основания надеяться, что проект работает не зря, и у него есть будущее.

Сразу, тоже очень коротко, обозначу собственную позицию по проблематике нашего стола, чтобы потом, по возможности, уже не «съедать» чужое время. Думаю, что до сих пор в основе многих исследований по истории политических партий в России лежат несколько мифов. Я бы назвал ну как минимум три базовых мифа, которые определяют мейнстрим вообще по всей проблематике, связанной с российской многопартийностью.

Во-первых, это такое, надо сказать, априорное по своей природе, представление значительной части исследователей о том, что многопартийность – это в теории обязательно хорошо, что это конструктивный фактор развития гражданского общества. Но это даже не теория. Это лишь гипотеза, пришедшая с Запада, но настойчиво культивируемая у нас в качестве якобы «аксиомы» современного обществознания. Однако применительно к России она не просто априорна – она антиприорна, она прямо противоречит всему тому историческому опыту, который у нас пока есть. Было у нас, собственно говоря, всего два сравнительно кратких исторических эпизода функционирования российской многопартийности – это в начале XX в. и то, что началось ближе к его концу. Если опираться не на зады англоязычной политологии, а именно на этот, наш собственный, исторический опыт, то такая гипотеза никакой критики не выдерживает, потому как очевидно, что многопартийность сыграла крайне негативную роль в истории Российской и Советской империй.

Тут мой горячо уважаемый соавтор Сергей Юрьевич [Разин], по-моему, оговорился, когда в самом первом своем тезисе заявил, что многопартийность – это уникальное

«почвенное» явление. По-моему, очевидно, что почвенным явлением многопартийность для России...

С.Ю. Разин. Российская многопартийность...

П.П. Марченя. Так вот, «российская многопартийность», естественно, не является почвенным явлением. Она носит искусственный характер. Это факт.

И миф о том, что многопартийность – это безусловно хорошо для любого общества, независимо от его социокультурных особенностей, конкретной исторической практики и т.д., – это, по-моему, то, что требует критики. Это раз.

Два. Есть еще один распространенный, но слабо осмысленный миф – о том, что отношение к партиям определяется электоратом посредством изучения тех или иных программных документов, сопоставлением со своими так называемыми объективными интересами, и вот, дескать, исходя из этого и определяется популярность и успешность той или иной политической партии в рациональной политике. Однако очевидно для любого компетентного и непредвзятого человека, что партийные программы в России читают разве что их авторы и те, кому по службе положено. Да и то кое-как. А реальная успешность или неуспешность той или иной политической силы определяется отнюдь не содержанием программных документов, отнюдь не тем, что они там для себя и о себе на бумаге написали. Это просто еще один интеллигентский миф, который, по-моему, предсказуемым образом сказывается на ценности соответствующих исследований, методологической основой которых он (к сожалению, часто) является.

Ну и отсюда третий миф – миф о том, что межпартийное соперничество в России разворачивается в сфере рациональной публичной политики, и реальная эффективность и результативность его имеет, как бы, корреляцию или даже чуть ли не прямо пропорциональное соотношение с тем, что сами партии о себе думают. Но и в этом смысле понятно, что успешность или безуспешность политических сил в России реально определяется другими совсем факторами.

Ну вот, скажем, в общественном знании вообще, у теоретиков государства и права в частности, принято считать,

что в общественном сознании принципиально необходимо структурировать как минимум два этажа – это «идеология и «психология». И вот эти самые идеологические и психологические соответствия (либо их отсутствие) и определяют те или иные конкретные процессы в общественном сознании – и, значит, в обществе вообще.

Но тогда, с идеологической точки зрения, – очевидно, что успешность партий определяется наличием либо отсутствием идеологов, лозунгов, слоганов, символов, которые созвучны массовому сознанию.

А с психологической точки зрения – ну очевидно же, что успешность партий определяется в России чем угодно, только не бумагами, не нормативными актами, программами и уставами: типом политического темперамента, силой политической воли, определенным поведенческим модусом, вектором, общим стилем позиционирования... да хоть бы и внешним видом, наконец! – которые вызывают те или иные отклики в массовом сознании. Или конкретным имиджем партии, который складывается в массовом сознании, как правило, независимо от того, что сама партия о себе думает и пишет. Причем эффективность партийной пропаганды и борьбы за массы в целом определяется не столько даже качеством выражения группового сознания, сколько способностью «цеплять» коллективное бессознательное, вступать с ним в резонанс.

Однако вот эти три интеллигентских мифа в совокупности остаются эдаким методологическим мейнстримом по теме – и хотелось бы, чтобы сегодня мы обсудили за «круглым столом»: а насколько все это применимо к исследованиям российской истории, российской действительности и так называемой российской многопартийности?

На мой взгляд, все эти три оторванных от реальности методологических мифа: 1) о конструктивной роли многопартийной системы в гражданском обществе России; 2) о ведущей роли программных документов партии в составлении о ней общественного (и, кстати, исследовательского) мнения; 3) об обусловленности реальных

партийных успехов партийными и межпартийными действиями в сфере рациональной публичной политики... – убедительно опровергаются уже имеющимся отечественным историческим опытом: 1) российская многопартийность для нашего общества и государства стала одним из факторов катастрофического порядка, актором Смуты, сыгравшим не последнюю роль в печальном конце и для Российской империи 1917 г., и для Советской империи рубежа 1980–1990-х гг.; 2) партийных программ в России не читали и не читают – и вера в то, что от их бумажного содержания зависит реальный успех партии в массах, опирается лишь на наивную веру обывателей да на заведомый цинизм манипуляторов; 3) реальная борьба политических партий (разумеется, если это не имитации) и стоящих за ними исторических альтернатив (в случае, если они вообще имеют место быть) осуществляется в далеком от рациональной политики массовом сознании, которое является не только фоном и ареной этой борьбы, но и главным, подлинным ее мерилом, определяя победителей и побежденных отнюдь не по тем основаниям, которые некоторые (увы, многие) историки пытаются найти в горах партийной документации...

Мне, конечно, есть что еще сказать на эту тему, но думаю, что мы как «хозяева стола» должны дать больше времени уважаемым гостям, многие из которых специально приехали сегодня издалека. Просим откровенно высказываться по проблематике, которая всем предложена. Спасибо.

В.В. Шелохаев. [Российская многопартийность – историческая реальность, а не миф]

Уважаемые коллеги! Вы все, наверно, получили проблематику «круглого стола», в которой сформулированы актуальные проблемы истории российской многопартийности, призванные стать предметом научного обсуждения. Однако в предшествующих выступлениях было заявлено, что российская многопартийность – это «мифологический конструкт», не имеющий ничего общего с исторической реальностью. Это утверждение явно противоречит заявленной проблематике «стола», на основании которой выстраивается совершенно иная логика.

На мой взгляд, историю России в целом, а также историю ее многопартийности в частности, не следует «изымать» из общего ритма мирового исторического развития. Разумеется, при этом следует учитывать исторические особенности генезиса, формирования и функционирования многопартийности в России, обусловленные, прежде всего, ее запаздыванием в темпах развития от передовых европейских стран. 56 томов серии «Политические партии России. Документальное наследие» предоставляют исследователям уникальную возможность проследить общее и особенное в формировании многопартийности в Европе и России. По данным энциклопедии «Политические партии России», где был приложен список политических партий, в России существовало и действовало 280 партий (из них 57 были общероссийскими, остальные – национальными).

Эти реальные фактические данные говорят именно о реальном, а не мифологическом функционировании российских политических партий. Это уже не случайность, а закономерность, с которой приходится считаться исследователям, если они, конечно, предпочитают изучать историю как объективную реальность, а не заниматься конструкцией мифов. Мне остается сослаться на сборник статей «Политические партии России в революции 1905–1907 гг. Опыт количественного анализа» и нашу статью (И.Н. Киселев, А.П. Корелин, В.В. Шелохаев), опубликованную в журнале «Отечественная история», в которых раскрыты взаимосвязи между партийными структурами, уровнем развития экономики и социальной структурой регионов базирования партийных организаций. Разве это не отражение реальных вещей?

Исследователями выявлена численность значительной части региональных партийных организаций, их социальный состав. Разве это не реальность? Например, применительно к 1906 г. – одному из пиков по количеству партий и численности их членов – составила 0,5% от общей массы населения. В 1917 г. общая численность членов партий уже составила 1,2% от общей массы населения. Это же реальность, а не миф.

Не должно нас смущать и то обстоятельство, что руководящим ядром политических партий выступали интеллигенты. Это то же отражение общей закономерности, ибо европейские партии создавали интеллектуалы.

Общий вывод состоит в том, что если мы будем все следовать научным принципам верификации фактов, то должны признать, что российские партии вполне соответствовали уровню состояния российского общества.

С.Ю. Разин. Скажите, сегодня вопрос о власти в России решается в борьбе политических партий? Или нет?

В.В. Шелохаев. Он решается... по другим критериям. Между многопартийностью как исторической реальностью начала XX в., и политическими партиями, возникшими в начале 1990-х гг., существуют значительные отличия. В первом случае это был объективный процесс. Во втором случае – управляемый «сверху» процесс, в результате которого одна партия, поддерживаемая всей силой государственной власти, заняла монопольное положение, а другие – периферийное.

С.А. Магарил. А существует ли какой-то альтернативный способ, помимо нашей отечественной, довольно-таки смешной, многопартийности, учета интересов больших социальных групп общества и продвижения их интересов в законодательство, а – через это – в политику правительства? Есть ли какие-то иные способы, кроме многопартийности?

В.В. Шелохаев. Сейчас или тогда?

С.А. Магарил. Я имею в виду сейчас, конечно.

В.В. Шелохаев. Ну, формально – да. Но по существу, если приходится сталкиваться с этими процессами, то предпочтительно обращаться в те институции (Государственная Дума, Государственный Совет), которые возглавляют первые лица государства. Если обращаться в другие какие-то общественные, низовые структуры – я думаю, эффекта никакого.

Если говорить о том времени, то ситуация была несколько иная. Так, в период Первой мировой войны российское общество сделало большой качественный скачок в своей самоорганизации, создав такие массовые структуры как

Всероссийский земский союз, Всероссийский городской союз. Эти и подобные им организации (например, ЦВПК [*Центральный военно-промышленный комитет*]) проявляли настойчивость в отстаивании интересов различных социальных страт. К ним обращались и получали реальную помощь.

М.И. Леонов. [Многопартийная политическая система в России в начале XX в. не сложилась]

Исследователи, говоря о «российской многопартийности» конца XIX – начала XX вв., обыкновенно имеют в виду наличие «многих» партий.

На рубеже 80–90-х гг. прошлого века в употребление вошло выражение «система политических партий», что свидетельствовало об отходе от установившихся ортодоксальных представлений советской историографии. На состоявшейся в 1990 г. в Институте марксизма-ленинизма конференции К.В. Гусев и В.И. Миллер озвучили доклад о «системе политических партий России», в котором новое понятие базировалось на строгом соблюдении «теории отражения»: «...если политически активная часть населения, – подчеркивали они, – может рассматриваться как своего рода динамическая система, то и совокупность политических партий, отражающих взгляды и настроения этой части населения, также должна рассматриваться с определенного момента развития как система, но уже иного порядка». Основными системными принципами авторы назвали целостность, структурность, иерархичность, обусловленность развития системы ее отношениями с окружающей средой, а складывание системы политических партий датировали концом 1905 – началом 1906 гг.

Исследователи восприняли эту дефиницию без особого воодушевления, если не сказать настороженно. В вышедшей в 1994 г. «Истории политических партий России» имелся раздел «Формирование многопартийной системы», однако в тексте о «многопартийной системе» речь не велась. Энциклопедия «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века» (1996) констатировала: «...в России так и не сложилась многопартийная политическая система, существенным признаком которой является ротация партий у власти», – и далее

следовало: «Российский и мировой опыт убеждает, что ни по своему социальному составу, ни по социальным группам и слоям, интересы которых декларируются в программах и лозунгах, нет и не может быть чисто классовых партий». Характерной чертой российской многопартийности, – говорилось далее, – являлось то, что ее творцом и основным действующим лицом являлась интеллигенция, «поэтому как общероссийские, так и национальные партии можно считать организациями интеллигентского типа». Также трактовали российскую многопартийность авторы «Политических партий России: история и современность» (2001 г.) и ряда других обобщающих изданий начала XXI в.

Российские политические партии конца XIX – начала XX вв. (соответственно, и «российская многопартийность») обладали как характерными для международного партийного движения чертами, так и специфическими российскими особенностями. Идеологические концепции революционеров и либералов были заимствованы с Запада. Программы РСДРП и ПСР восходили к Эрфуртской программе. Отличительно *российское* в них находилось в первую очередь – и более всего – в аграрных программах. Под влиянием западноевропейских проектов были сформулированы программные обращения кадетов и либералов. Идеологемы и программы консервативных партийных организаций, наиболее почвеннических, также формулировались в едином международном семантическом пространстве.

Характерной чертой российских политических партий была эксплицитно выраженная конфронтационность, их нельзя обвинить в чрезмерной толерантности. Все партии объявляли о наличии врагов (милюковское: «враги слева»), о «друзьях» упоминали в исключительных случаях, все выражали готовность «бороться».

Наиболее склонными к конфронтационности были крайне левые и крайне правые; виртуозами политической брани в равной степени были Н.Е. Марков и В.М. Пуришкевич, Л.Д. Троцкий и В.И. Ленин. Политические объединения (совещание революционных и оппозиционных партий 1904 г., избирательные соглашения, прогрессивный блок и т.п.) были,

как правило, непродолжительны, чаще эфемерны. Радикалы всех мастей воспринимали намеки на склонность к примирению, «либерализму» как оскорбление. Милейший Н.Ф. Анненский во время одной из бесед в «Союзе освобождения» восклицал: «Не забывайте, я социалист!». На I съезде партии эсеров сверхтемпераментный И.А. Рубанович назвал В.А. Мякотина то ли либералом, то ли полулибералом. Тот был сражен, тотчас вскочил и, бледный, с красными пятнами на лице, потребовал слова. Срывающимся голосом («хладнокровие невольно покидает меня!..») он возмущенно протестовал против нанесенного ему оскорбления. И недели спустя он повторял вновь и вновь: «Какие это товарищи? Осмелиться сказать, что мы не социалисты, а так, какие-то либералишки!» При этом руки у него тряслись, щеки горели. А.В. Пешехонов, Н.В. Анненский и другие сотрудники редакции «Русского богатства», в скором будущем лидеры партии энесов, сочувствовали ему. Либералов третировали также и черносотенцы.

Велик был градус конфронтационности и во взаимоотношениях либеральных партийных организаций. Накануне выборов в I Государственную думу октябристский «Голос Самары» иронизировал над «молодцами» из кадетского «Самарского курьера», именуя их «очернителями», «лжецами», «клеветниками», «брызжущими ядовитой и грязной слюной». В свою очередь, кадеты призывали не верить октябристам, «партии богатых», «антинародной партии».

Все политические партии России склонны были к некоему идеологическому фанатизму. Едва либералы и социалисты получили власть в ходе Февральской революции, как сразу подвергли репрессиям консервативную печать, заключили под стражу лидеров консервативных партий, организовали судебно-следственную комиссию. Переход к однопартийной большевистской диктатуре осуществлялся отнюдь не на ровном месте. «Крах» политических партий, о котором сообщалось в каждом исследовании советского времени (терминологический оборот этот жив и поныне) чаще всего был результатом преследований и истребления.

Функциональность партий определяли интеллигенты: они были идеологами, членами ЦК, редакторами партийных изданий, организаторами. В губернских и городских комитетах партий кадетов и октябристов представителей простонародья не было, в губернских и городских комитетах социал-демократов и эсеров представители простонародья встречались редко. На общепартийные форумы попадали лишь единицы рабочих, отдельные крестьяне участвовали в них в исключительных случаях. Стенографические отчеты не зафиксировали их выступлений. На съездах либеральных партий простонародье отсутствовало. Оно было более объектом, нежели субъектом партийной действительности. Представители простонародья принимали заметное участие в функционировании низших звеньев партийного аппарата революционных и консервативных организаций. Количественное преобладание простонародья в консервативных и революционных партиях в периоды обострения Смуты (революция 1905–1907 гг., 1917 г.) меняло их социальный облик. Особую роль представители простонародья играли в ретрансляции партийных воззрений и программ (точнее, лозунгов). Теоретические таинства были им неведомы (конечно, были единичные исключения: интеллигенты из рабочих, крестьян и т.д.). Обстоятельно знакомились с партийными программами единицы представителей простонародья, но тысячи и тысячи рассказывали о них в качестве «разъездных агитаторов». Они были «своими» на фабрике, на заводе, в деревне; их язык был языком народа. Они пользовались большой популярностью, поскольку говорили то и так, как хотел услышать простолюдин. Это был исключительно эффективный способ распространения партийных идей.

Количество и численность политических партий не были постоянными. Накануне 1905 г. существовали две всероссийские организации, насчитывающие всего несколько тысяч членов и минимум активных агитаторов из простонародья; в 1905–1907 гг. в России примерно в 150 партиях числились сотни тысяч членов, действовали многие тысячи партийных агитаторов из простонародья; в 1907–

1916 г. партии численно «сжежились», некоторые из них, в том числе и «типологическая» партия октябристов, прекратили свое существование, число агитаторов из простонародья сократилось до минимума; после Февральской революции 1917 г. количество партий возросло до двухсот с лишним, в них записались миллионы членов (до 1,5% населения страны), было громадное количество агитаторов солдат, рабочих, крестьян; одновременно исчезла еще одна «типологическая» всероссийская партийная организация «Союз русского народа» (и близкие к нему). Из пяти «типологических» организаций 1905–1907 гг. в 1917 г. функционировали три.

В рассмотренное время, несмотря на обилие партий, многопартийная политическая система (в западноевропейском смысле этого понятия) не сложилась.

Я.В. Леонтьев. [О разрыве преемственности в истории российских политических партий]

Хочу одним конкретным историческим примером доказать вообще полный разрыв какой-либо преемственности между тогдашними политическими партиями, о которых мы говорим, и нынешней политической системой, которая является имитационной.

Вчера, 26 марта 2015 г., была одна крайне любопытная дата. Я зашел вчера на Новодевичье кладбище, для того чтобы возложить скромный букетик цветов на могилу Екатерины Павловны Пешковой. Я надеюсь, в этом зале не надо говорить о том, кто это такая. И я увидел там еще два скромненьких таких же букетика. Это Е.П. Пешкова, которая тридцать лет отдала политкраснокрестной работе, которая помогла сотням и тысячам представителей оппозиционных партий, когда они были в лагерях и в ссылках: и конституционным демократам, и эсерам, и эсдекам – и всем, всем, всем. Посмотрите вчерашние сообщения на информационных лентах – ни одного сообщения вы не найдете. Полный разрыв преемственности, понимаете? Вместо того как, например, доктору Ф.П. Гаазу, когда полвека прошло после его смерти – в 1909 г. – скульптор Н.А. Андреев возводил бюст в Москве – вот тогда действительно была традиция, тогда действительно помнили, читали и А.И. Герцена «Былое и думы», и не забывали о своих корнях и о своей почве.

Все партии на той или иной стадии подвергались репрессиям. И политкраснокрестная работа – это огромная ниша, огромный пласт, который со времен 70-х гг. XIX в. был представлен именами, конечно, не только Пешковой. В этом ряду и П.А. Кропоткин, и В.Г. Короленко, и В.А. Мякотин, и В.Н. Фигнер... и несть им числа. Казалось бы, важнейшая тема для изучения. Но... вот просто малюсенький такой конкретный исторический пример. Сейчас я хотел бы пока на этом закончить.

Е.И. Демидова [Российская многопартийность как историческое явление]

Обсуждая вопросы российской многопартийности и российских кризисов XX–XXI вв., мы, естественно, анализируем наш отечественный политический процесс в исторической ретроспективе, пытаемся понять его смысл и содержание, и даже извлечь исторические уроки.

В.В. Шелохаев, на мой взгляд, совершенно справедливо отметил, что историю России по проблеме многопартийности не следует «выбивать из общего ритма мирового развития». Да, действительно, имело место определенное отставание, топтание на месте. Но сегодня мы можем утверждать, что российская многопартийность – явление историческое. Ее формирование и становление происходило в сложных общественных реалиях России конца XIX – начала XX вв.

В других странах тоже все непросто складывалось. Не следует забывать, что Россия в начале XX в. – крестьянская страна, монархия с соответствующим менталитетом, мировосприятием, жизненным укладом, в которой разворачивались индустриальные процессы. Естественно это влияло как на сам процесс становления многопартийности, его сущность и содержание, так и на развитие каждой партии в отдельности. Возникновение политических организаций, а затем и политических партий было закономерным итогом развития отечественного социума. Социалисты-революционеры, социал-демократы, кадеты и другие возникли не на пустом месте. С одной стороны, это был определенный итог развития общественного движения, а с другой – общественная потребность.

Но партии очень часто оказывались в «заложниках» своих лидеров, борьбы за это лидерство, за партийно-политическую власть. Мы все прекрасно знаем это из истории политических партий в России. И это также оказывало влияние на развитие многопартийности как социально-политического явления.

Исторический опыт показывает, что в этой самой многопартийности должны быть заинтересованы и общество в целом, и все его политические институты. Вопрос в том, как этого добиться...

В.П. Булдаков. [Психология партийных деятелей и психология масс как главные проблемы истории российской многопартийности]

Коллеги, я не совсем понимаю, зачем мы собрались, и что собираемся обсуждать. Складывается впечатление, что мы до сих пор не можем определиться с предметом дискуссии. Один выступающий говорит (я несколько утрирую), что многопартийность – это хорошо. Другой – что плохо. Уже невозможно вспомнить, кто что говорил – какой-то словесный туман. Валентин Валентинович [Шелохаев] напомнил, как много было в России партий. Ну и что? Что от них осталось? Вообще-то все это мы обсуждали уже давным-давно.

Я хотел бы напомнить, что история изучения российских политических партий прошла, условно говоря, три этапа. Сменилось, можно сказать, три поколения исследователей.

К первому принадлежат Валентин Валентинович [Шелохаев], один из закоперщиков, Олег Владимирович [Волобуев], ну и в некотором роде я, грешный, имею к этому отношение. Все это было в 1970-е гг. Тогда многопартийность была в новинку – понятно почему. Но все ныне прозвучавшие вопросы, в большей или меньшей степени, обговаривались уже тогда.

Следующий этап – это, естественно, 1990-е гг. – очередной разгул (или загул) российской многопартийности. К поколению тогдашних исследователей партий принадлежит, к примеру, присутствующий здесь Ярослав Викторович [Леонтьев]. Есть и другие авторы. Я не припомню, однако, что

качественно нового относительно российской многопартийности прозвучало тогда. Собрали все до кучи, опубликовали массу документов. Что еще? Мне кажется, что это было повторением дискуссий 1970-х гг., но в куда более широкой аудитории. Налицо был количественный прирост, причем прирост колоссальный. В значительной степени это заслуга В.В. Шелохаева.

Наконец этап нулевых годов, продолжающийся до сих пор... Извините, вот тогда пошла бодяга... Началось штампование кандидатских и докторских диссертаций по отдельным партиям и всем сразу. Былые партии стали предметом научного (а чаще псевдонаучного) самовыражения и самоутверждения. Началось сюжетное измельчание проблематики. Последовало какое-то наваждение: история революции теперь зачастую пишется как история смены партий. Это какая-то отрывка «Краткого курса», но только тогда за партиями выстраивались определенные классы, а теперь партии вполне обходятся без масс. Именно такие заявки подавали на грант в РГНФ в связи с подготовкой к юбилею революции. Революция, как таковая, вообще исчезла! И вся эта дурь продолжается. Похоже, это знамение времени.

Картина сложилась нелепая (и это отражается на нашем сегодняшнем заседании): деятельность партий – это одно, а история – это нечто другое. Так было и в не столь отдаленном прошлом: «историю КПСС» можно было изучать без всякой «прочей» (социальной) истории. Вот как-то так. История партий (весьма эфемерных) заслоняет историческую реальность. И это не случайно: партии (порождение интеллигентских эмоций и надежд) и традиционалистские (пребывающие в дополитической культуре) массы в нашей истории расходились, едва собравшись сблизиться.

Должен напомнить, что в свое время перед нашими политическими деятелями, представителями былой многопартийности, стояла все та же непростая дилемма: программы партий (продукт отвлеченной логики) – это одно, а массы (живые люди с их не вполне понятными и разделяемыми политиками устремлениями) – это нечто другое. Они существует, словно, сами по себе: одни – в виртуальном, другие

– во вполне реальном пространстве. И, в общем, здравомыслящие представители всех партий, за исключением разве что тугоумных консерваторов, которые рассчитывали в основном на самодержавие, ясно осознавали, что языка общего с массой, с народом – у них нет. И найти его не удавалось. И тогда перед ними возникала безрадостная перспектива: начнется очередная российская смута, и их место – на фонарях. Оставалось лишь гадать: кого в какой последовательности начнут вешать.

Вероятно, все представители тогдашнего российского «политического класса», так или иначе, об это задумывались, за исключением, разве что В.И. Ленина. А он был убежден, что если в Петрограде имеется три тысячи передовых рабочих, то с их помощью можно вешать других. Вот, в сущности, и вся российская политика.

Вся эта тематика, кстати сказать, описана в мемуарах, точнее в дневнике А.В. Тырковой [*Тырковой-Вильямс*] – члена ЦК кадетской партии. Кстати, ее называли «единственный мужчина в кадетском ЦК». Весьма проницательная женщина, побольше бы таких среди современных историков. Тыркова оставила массу психологических зарисовок относительно того, кто есть кто среди кадетов – и не только среди них. Вывод однозначен: они в «вожди народа» не годились, победить они никак не могли. Картина отнюдь не оптимистичная, и ее следовало бы постоянно иметь перед глазами нынешним энтузиастам российской многопартийности.

Когда возникает вопрос, чем же заниматься нам сейчас, сегодня, то ответ прост: обратиться нужно как раз к тем самым вопросам, которые были обозначены в мемуарах и дневниках таких людей как Тыркова. Психология партийных деятелей, психология масс – как они соотносились и взаимодействовали на различных этапах истории. Ясно, что в определенных обстоятельствах это взаимодействие может породить политический взрыв. Но где, спрашивается, бомба, а где взрыватель?

Возникает вопрос: с чего начать сегодня изучение партий? На мой взгляд, выбор может быть только один. Из дневника все той же Тырковой видно, чего мы не доглядели:

«тонкой материи» внешне- и внутрипартийной жизни. Что двигало партиями, почему и куда это движение могло завести.

А партиями, между прочим, двигали «праведные» эмоции, что отливались в доктрины, которые, в конечном итоге, начинали жить своей собственной жизнью.

Любые партии – это, прежде всего, продукт определенной культурной среды, а не просто политическое выражение «назревших потребностей». Российская «политическая» культура отличается повышенной эмоциональностью, что более чем естественно. Патерналистская система сковывает логические начала общественного сознания, зауживает пространство общественной самодеятельности, зато взвинчивает эмоции. Сказывается и фактор слабой социализации и общественной разобщенности. Как результат, возникают спонтанные движения, далекие от рационального политического выбора. Представляется, что в связи с этим многопартийность становится своего рода индикатором социетального разброда, а не истоком качественного преобразования системы. Представление о том, что какие-то партии кого-то, куда-то реально вели, давно пора сдать в архив. Партии становились заложниками ими же возбуждаемого социального хаоса.

И здесь наибольший интерес представляет вопрос: как партийные эмоции (а не просто доктрины) взаимодействуют с нетерпением масс? Как далеко заходит психопатологическое состояние общества? Какие партии его реально провоцируют, какие сдерживают (если последнее вообще возможно)?

Вообще-то, историю партий следовало бы начинать с другого конца – с политической культуры масс. Других подходов не остается. Все остальное не сулит эвристических перспектив, это удел нынешней генерации наиболее ограниченных соискателей ученых степеней. То, что мы сделали, – уже известно: посчитали, сколько было партий, какова была их численность, социальный состав, чем они занимались, и к чему это привело... Совершенно очевидно, что вся партийно-политическая система российская в то время работала на разрушение – и общее с недавней партийно-политической системой именно то, что партии отражали

процесс атомизации общества. Все прежние социальные структуры стали сыпаться, причем не всегда понятно, по каким параметрам. Во всяком случае, по неполитическим – или не только политическим. По психологическим, по нравственным – каким угодно.

Так было в прошлом, так и сейчас.

Ныне предпочтения у создателей и членов партии более разнообразные, вплоть до «Партии любителей пива» и т.п. Это естественный процесс. Нынешние партии куда менее самостоятельны. Это факт. Тут обсуждать нечего. Надо думать, что из этого может получиться в будущем. Причем особенно теоретизировать не приходится. Нынешние партии куда более бессильны, чем прежние. Сравнить не стоит.

Поэтому я бы предпочел, уважаемые коллеги, услышать что-либо действительно новое, оригинальное, применительно к конкретной истории конкретных партий. Это было бы интересно. А общие разговоры, извините, – это уже надоело.

В.Л. Дьячков. [Количественные методы в изучении циклов истории российской многопартийности]

Дорогой моему сердцу Владимир Прохорович!.. Я хочу сказать по неостывшим следам выступления Владимира Прохоровича... Совершенно, абсолютно (ну какие разговоры?) согласен с оценкой сложившейся историографической ситуации, известной деградации на поле изучения истории революционной России! А 20–25 лет назад то был, наверное, самый развитый и прогрессирующий участок.

Поэтому, как на съезде партии, хотел бы отчитаться о том, что мы делаем, и к какому этапу нас – тамбовских – причислить. Грустно от того, что Лев Григорьевич [*Протасов*], с которым мы это все вместе делали, ушел от нас 6 февраля [2015 г.], совершенно неожиданно). Ведь теперь мне придется одному «доводить до ума» оставшиеся сегменты проекта, так как мы это – изучение синергизма образования, структуры и движения российской провинциальной политической элиты 1890–1920-х гг. на основе ЭБД [электронной базы данных] на 6 500 персоналий с 40 информационными параметрами –

делали практически вдвоем с ним, при некоторой «технической» помощи двух–трех молодых историков.

Получилось очень неплохо, по крайней мере, в той книжечке нашей маленькой: «Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина». Она в двух вариантах была издана: электронным образом за границей и (но с разным содержанием) здесь. И вот то, что было издано в конце 2013 г. [*показывает книгу*]. Вот эти всего 100 экземпляров. Я просто к тому, что, солидаризируясь с В.П. Булдаковым, как можно – и очень даже можно – какие неплохие штуки делать. Но так как я не предполагал такого формата «Круглого стола», запасся флешками с презентациями, рассчитывая на возможности демонстрации на экране методики и некоторых вкусных результатов работы с ЭБД. Времени мало, и я так доложу, просто с голоса. Если кому нужно, то я могу сбросить эти материалы посмотреть.

Что мы делали и частично в этих книжечках опубликовали? Из чего мы исходили с Л.Г. Протасовым, когда начинали? Мы исходили из того, что есть явление, есть множество людей определенное, которое составило провинциальную политическую элиту, составило различную «человеческую начинку» всего спектра политических партий. То есть, это социальное явление, которое у нас делает революцию 1905 г., затем, пополняясь новыми людьми, старея, уходит в революцию 1917 г. Вот этот отрезок, который я называю в своей теории циклов «военно-революционной фазой». Если исторично говорить, то есть брать изучаемое в развитии, в совокупности всех его сторон (как систему) и таким, каким оно было в действительности...

Вопрос: почему возникли эти когорты? Почему именно эти люди? Что определило их расклад по политическим партиям? Что определило их окраску – и даже включая переходы, смену этой окраски? Что их сделало такими? Что обеспечило их политическую активность? Каков, вообще, синергизм их повышенной социальной агрессии? Какая синергическая иерархия факторов, вытолкнувших их к действию?

Мы очень часто и, к сожалению, все чаще говорим о вещах поверхностных, так сказать, субъективных, разбираем детально отдельные биографии и порой не «видим за деревьями леса», вообще, здорово ослабили методологически, подрастеряли класс кадров...

Но что это было – те когорты, та порода политических активистов, пассионариев революционной России? Останавливаться ли в методологии на уровнях, скажем, классовой борьбы, или идти вплоть до базовых природно-демографических факторов, когда мы можем какие-то глубинные вещи узнать... То есть связать время, место, национальность, социальное происхождение, образование, род занятий, особенности, если хотите, психосексуальной конструкции образа человека, природно-демографические факторы... Как вот эта совокупность, как все это работало, чтобы выдать на гора то явление, которое мы рассматриваем? Что стояло за этим? Почему именно они? Почему они такие именно в это время?

Что для этого было сделано? Путем уже проверенным, успешным (подобные ЭБД делались по Героям Советского Союза, по тамбовской социальной элите, по студенческим генеалогиям, по материалам анкетирования пожилых женщин и т.д.), нами была создана ЭБД, которая вместила, на данный момент, около 7 тыс. чел. То есть это провинциальная политическая элита со всех местностей и всех направлений. Это линейка людей, которые родились от 1836 г. до начала XX в. И вот вы их смотрите в движении. Это четырехмерное явление, конечно, трудно его изобразить на двухмерном листе, но тем не менее... Электронная база данных, сорок с лишним параметров – и все важно – начиная (мы уже показали – это работает!) от наречения, от ФИО – все полезно – все, вплоть до послереволюционной судьбы, до характера смерти и т.д. Несколько десятков параметров для того, чтобы попытаться связать их, показать хотя бы некоторые связки. Ясно – четырехмерное показать не можем, хотя можем объять это в голове... Но, по крайней мере, есть возможность отслеживания некоторых связок, связок трех–четырёх ключевых факторов. Как они работали в России?

Легче было бы просто показать хотя бы один из сотен графиков, таких, которые мне до сих пор нравятся. Но некоторые примеры результатов на словах... Вот есть партийность... Отчего зависел окрас этой партийности, и как он менялся? И вот, идя от партии к партии, смотрим связки факторов, собравших людей в конкретную партию: социально-сословное происхождение, время и место рождения, особенности родительской семьи, детства, психосексуальные особенности фигурантов, национальность, пол, природно-демографические циклы... Без циклов тоже нельзя. Можно показать на элементарной картинке, как иногда попадает в тупик объяснение, если мы не знаем, допустим, о тех же природно-демографических циклах ничего – о тех, которые были вскрыты 15 лет назад, в том числе вашим покорным слугой – то тогда некоторые вещи просто не объяснимы. Как объяснить, допустим, конкретный во времени трехкратный скачок среди женщин доли «активисток» из крестьян 1870-х гг. рождения? Смотрим, скажем, движение сословно-социального происхождения... Если мы не знаем о циклах, о циклических «женских атаках», то есть о периодических значительных природных превышениях доли женщин в не воевавших поколениях, о связанном с «женскими атаками» в условиях нагнетания перенаселения общей крестьянской и женской агрессии, об индукции этой агрессией городов, то не объясним. Но, слава Богу, знаем – и это совершенно замечательно! У меня просто мурашки по спине идут, когда ты раскрываешь эти процессы, понимаешь, что это – и почему это происходит.

Связка: «партийность – род занятий – время, место рождения – национальность» – сейчас на очереди в подсчетах. А до того просчитано образование по всем параметрам по всем партиям, связки «время – место рождения – национальность» и т.д. При этом в книжку вошла лишь небольшая часть результатов... Социально-психологические параметры со всеми личными особенностями и комплексами необычайно интересны... Зацепили пока только вот через наречение «наследственность» социально-политического активизма, повышенной социальной агрессии, как, почему именно эти люди стали такими активистами, вплоть до изучения их

родительских семей. Самый трудоемкий параметр – род занятий со всеми его переменными для каждого человека. Я пока посчитал только русских большевиков, меньшевиков и кадетов.

Так, что когда мы таким образом действуем и ставим исследование на такую основу, то я убежден: мы можем спорить сколько угодно по отдельным людям, но когда так поставлено дело, то результат, полученный на репрезентативной базе данных, не может быть пересмотрен. Он может быть уточнен, детализирован, но пересмотрен не может быть. А итоги замечательные совершенно.

Д.И. Рублев. Уважаемый Владимир Львович! Вопрос очень простой. Вы использовали такой термин как «провинциальная политическая элита». Но дело в том, насколько термин «элита» вообще приложим к активистам целого ряда политических партий и течений, например, к анархистам, которых я изучаю? В этой ситуации об «элите» говорить, на мой взгляд, довольно сложно.

В.Л. Дьячков. Я слово «элита» терпеть не могу. «Элита», «ментальность»... – мне тоже эти слова не очень нравятся... Условно говоря, это люди... Я этот термин употребляю только потому, что иначе просто длиннее говорить. Отобраны в эту базу данных именно политические активисты. То есть активная верхушка. Со всей России, со всех регионов. Кстати, в нее вошли и общероссийские, естественно, столичные деятели, потому что они начинали в провинции свой путь. Это верхушка, те, кто составлял облик партий, их окрас. Рядовые члены – нет. Если говорить об анархистах, то «элита» в таком смысле – это та же верхушка анархистов. Ну, я имею в виду их провинциальных активистов, которые выстраиваются в общероссийскую иерархию. Это политические активисты, те, про которых В.С. Высоцкий пел: «настоящих буйных мало, вот и нету вожаков». Вот это те самые, которые «вожаки».

Д.И. Люкшин. Владимир Львович, у меня вопрос: а вы не могли бы все-таки уточнить, что там с крестьянством в 1870-х гг. происходило?

В.Л. Дьячков. Ситуация такая... В общем, есть природно-демографические циклы, вскрытые вашим покорным слугой: 28-летние, 112-летние и т.д. Кстати, они вскрыты на

непрерывных длительных рядах данных «жизненной статистики», когда берем конкретное село от начала его метрик и ведем 200–250 лет по всем информационным параметрам источников. Работа непростая, но чрезвычайно благодарная в научном смысле. То есть это все не из головы. То, что происходит в 1870-е гг., – это просто миллионная, ну тысячная часть того, что мы делали. Есть так называемые «женские атаки»... Я их так называю: «женские атаки». То есть когда первое семилетие 28-летнего цикла и третье семилетие 28-летнего цикла дают в приросте больше девочек – намного больше девочек – и возникает проблема... А когда это накладывается с восходящей фазой 112-летнего цикла... Я на пальцах объясняю... Это все имеет конкретную привязку. Семилетие 1871–1877 – это было третье семилетие женской атаки, попавшее на восходящую фазу 112-летнего цикла. Кстати, поэтому очередная «военно-революционная фаза» началась в 1904–1905 гг. Прибавьте 112 – у нас «завтра» она начинается. Видите, как уже все горит, да?

В.В. Шелохаев. Что вы, что вы? Не надо...

В.Л. Дьячков. Так вот, и что у нас? Это семилетие дало по всей стране такой эффект... Это не только в России действует. В традиционном обществе, и в переходном обществе к модерну это все работает, как часы. До 26% девочек из когорт «женских атак» идут в жизнь, не имея мужскую пару в своем поколении. Что обеспечивает стресс, ну и т.д. Вот эти поколения такие, подверженные такому стрессу, вот они и дали этот выброс. То есть вот эти девочки из традиционной среды, которых деревня выталкивала... Им нет пары в деревне! Но как это все показать... И как это трансформировалось затем во всяческую, в том числе политическую, социальную активность.

Ф.А. Селезнев. Интересные, коллега, вы поднимаете проблемы. Но у меня вопрос такой: хорошо, в 1870-е гг. не хватало девчонкам парней, например.

В.Л. Дьячков. Периодически не хватает...

Ф.А. Селезнев. Да. Хорошо, давайте отсчет сделаем назад, то есть вычтем 28 лет. Там же должна быть тоже такая ситуация?

В.Л. Дьячков. Я говорю о синергизме факторов.

Ф.А. Селезнев. Но там девчонки точно в революции не шли...

В.Л. Дьячков. Ну так в те годы для девочек была немножко другая ситуация... Годов таких много...

Ф.А. Селезнев. Просто вы отработали это на 1870-х гг., да?

В.Л. Дьячков. К этому времени, для тех же девочек (разговор просто о них больше) 114 из шести с половиной тысяч всего, и тем не менее... Мы изучаем активистов от времени Николая II до 1920-х гг. Людей 1830-х гг. среди них недостаточно, чтобы рассмотреть в них действие длительных ритмов. Природно-демографическая ритмика видна, когда на циклическое 7-летие рождений приходятся сотни и тысячи людей...

В.П. Булдаков. Позвольте небольшой комментарий, чтобы этот странноватый спор прекратить.

Известно, что, когда гендерное равновесие нарушается в пользу мужчин, резко повышается агрессивность социальной среды. По-своему – в аграрных сообществах, по-своему – в урбанизированной среде. Это давно известно. На Кавказе этого равновесия не было и нет на протяжении 150 лет (столько существовали переписи). Результат налицо.

Так что давайте все эти разговоры оставим и вернемся к партиям.

В.Л. Дьячков. Нет, я просто вот этот вопрос...

А.А. Куренышев. Непонятно, как это к партиям все-таки относится.

В.П. Булдаков. Ну, это обдумать надо. Всем подумать.

А.А. Куренышев. То есть это как проблема?

В.Л. Дьячков. Нет. Здесь речь идет в данном случае о месте, о точке, в которой происходит повышение социальной активности, частью которой является агрессия.

О.В. Волобуев. [Многopартийность – это явление, которое имеет много моделей]

Ну, поскольку мы с девочками закончили, то перейдем, значит, к революционным партийным мальчикам.

Позволю себе несколько замечаний, скорее даже реплик.

Первое – о многопартийности. Дело в том, что нет какой-то одной модели многопартийности. Многопартийность – это явление, которое имеет много моделей. В разных странах и в разное время. И у нас тоже... Мы не сможем продуктивно сравнивать, как рождались, как создавались партии, какова была связь партий с электоратом в начале XX в. – и в настоящее время. Разные судьбы в разное историческое время. Отсюда по-разному складывается многопартийность, и сами партии – они другие по структуре, по месту и роли в общественной жизни. Поэтому мы не должны вырывать их из исторического времени... Первый тезис – мы не можем создать общую схему... Вот здесь, собственно, предлагается такая общая схема – о мифах и т.д.

Одно дело партии в революционное время, когда они создаются, рождаются, побеждают или терпят фиаско... Поле настуже распахнуто для деятельности... И на нем может быть хоть 280 партий, поскольку политическое поле-то открыто... Его у нас открыла по-настоящему, конечно, Первая российская революция. И другое дело, когда речь идет о партиях в устоявшейся государственно-партийной системе. Например, в двухпартийной по существу, в США. Трудно сравнивать, какую роль играют партии в уже сложившейся системе. Причем вообще, мне кажется, нам не нужно оперировать такими словами как «хорошо» или «плохо». Почему? В научной терминологии нет хорошего и плохого. Конечно, с точки зрения морали есть хорошее и плохое, но в науке – нет. Поэтому, когда употребляется термин «революция», я не могу сказать – это хорошо или плохо, я могу лишь определить: научно или ненаучно, соответствует ли использование термина содержанию исторического понятия.

Революция – это «хорошо» или «плохо»? В зависимости от времени и в зависимости от непосредственных последствий, если можно так сказать, и от отложенных последствий. Отложены последствия могут быть на десятилетия, а может быть и на большее время. Поэтому обязательно, когда мы говорим о многопартийности, следует иметь в виду, что многопартийность протекает, создается, действует в какое-то конкретное время (в то или иное) с его

особенностями. Давайте отдельно говорить о многопартийности начала XX в. и о многопартийности, которая заново начала складываться в России, может быть, с самого конца 80-х гг. прошлого века.

Очень важный вопрос – это вопрос о генезисе партий. Как создавалась та или иная партия? В каких условиях? И остается ли она все время одной и той же? Партии могут эволюционировать и трансформироваться. Вот даже если взять большевиков в Первую российскую революцию или, скажем так, до 1917 г. – и взять большевиков, вставших во главе страны, которую они взялись перестраивать, начиная от фундамента... или заканчивая фундаментом (не знаю, как тут точнее выразиться)... Сама партия большевиков середины 20-х гг. – это та партия, которая была в Первую российскую революцию, или не совсем та партия? Или совсем не та? Тут тоже вопросы есть. Может не меняться идеология, но меняется время – и партия трансформируется. Так, сражавшаяся партия оказывается в новой ситуации партией обороняющейся. Сталинская партия не похожа на брежневскую. Каркас сохранился, но человеческая начинка изменилась.

Рамки каждой революции – это тоже вопрос. Закончилась ли начавшаяся в 1917 г. революция, скажем, в 1921 г., или она включает в себя даже коллективизацию (как у В.П. Данилова в концепции крестьянской революции)... Можно и нужно, конечно, обо всем этом спорить.

Сейчас можно много сказать по каждому из этих периодов, и по современности... Во всяком случае, я думаю, что некорректно или не совсем корректно будет сравнение многопартийности нынешней, квази- или не квази-, с многопартийностью начала XX в. Это разные явления и разные модели. Знаете, под одним и тем же термином может встречаться очень отличающееся историческое содержание.

Можно, конечно, говорить о тезисах, которые были здесь представлены, по каждому из тезисов, но времени нет. Рассуждать есть над чем, исследовать есть что, и думать есть над чем.

Но нам надо все же не «растекаться по древу», а как-то более сосредоточиться на каких-то отдельных проблемах. Это несколько моих беглых замечаний.

А.В. Шубин [Многopартийность как этап истории]

Я позволю себе несколько методологических замечаний.

Хороша или плоха многopартийность – это вопрос, находящийся за пределами науки. Это – вопрос идеологии, ценностей говорящего. Для целей одних она полезна, для целей других – разрушительна. Цели при этом могут существенно отклоняться от обычного представления о социальных интересах: крестьянин может быть доволен нищенским существованием при крепостном праве, а капиталист – финансировать левых радикалов, стремящихся сокрушить капитализм.

Под многopартийностью мы обычно понимаем сущностно разные явления. Многopартийность в ГДР и в Швейцарии – это совсем разные явления. То же самое можно сказать и о партиях.

Существуют партии де-факто – идеологические сообщества, энергично выражающие существующую в обществе позицию, опирающиеся на актив, который готов действовать не ради личной выгоды, а ради идеи.

Существуют партии де-юре – формальные, часто фасадные структуры, созданные либо ради внешнеполитических целей («смотрите, у нас тоже есть многopартийность, мы – цивилизованные партнеры»), либо как дань политической традиции («не менять же конституцию») и пропаганде («мы – современное общество»).

Существуют различные сочетания этих двух тенденций, включая лоббистские группы и клиенты влиятельного деятеля, оформленные в партийную обертку, либо бюрократические избирательные машины, в которых есть все же и активистская, и экспертная составляющие, мотивированные не только выгодой от государственной кормушки, но и представлениями о должном развитии общества.

Эти составляющие очень важны для эффективной работы партий в условиях многопартийности, и как раз для таких людей программы партий принципиально важны и вызывают большие споры. А уж это креативное ядро потом будет доносить программные положения до более широкого электората.

Качественное различие партий отражает различие исторических ситуаций, в которых они действуют. Партии предназначены для более эффективной обратной связи между правящими группами и остальной частью общества. В авторитарных системах действуют другие способы обратной связи – прежде всего теневое лоббирование. Этот способ неудобен: вместо того, чтобы просто решать проблему, нужно искать окольные пути ее решения. Но авторитарные системы иначе работать не могут, потому что в условиях свободной деятельности партий авторитарной группе труднее удержаться.

Исторически партии возникли как открытые лоббирующие группы (закрытые существовали всегда), и это было важным социальным изобретением. В России появление партий произошло позднее, что естественно, потому что она отставала от Западной Европы в процессе индустриального перехода. А появление партий – следствие рационализации социальной структуры. Как школа и регулярная армия.

Первоначально роль партий могут играть журналы и их читатели (так было и в XIX в., и в СССР 1950–1980-х гг.), и полуправильные и нелегальные интеллектуальные субкультуры. Они не становятся партиями не потому, что нет «почвы», а потому что путь к «почве» перекрыт репрессивностью режима (вспомните судьбу «ходивших в народ»). Когда начинается подъем массового общественного движения, партии очень быстро «вылупляются» из инициативных групп, из «общественности». Насколько они станут массовыми и влиятельными – зависит от результата борьбы социальных сил. Успех средних слоев способствует многопартийности, но он не гарантирован ни в революциях, ни в послереволюционной эволюции, особенно если она происходит в условиях периферийного капитализма или ранних революций, не способных создать устойчивый социальный баланс.

По мере эволюционного перехода к авторитаризму партии делятся на допущенные к «выборам» и не допущенные. Не допущенные вынуждены действовать не электоральными методами, а выводить своих сторонников на улицы. В ответ следуют репрессии против актива, а контролируемые правящей группой «разные» официальные партии становятся фасадом, а не методом выяснения реального соотношения сил в обществе. Дальше уже дело вкуса – оставлять ли эти фасадные партии или ликвидировать многопартийность – это зависит от тактики официальной пропаганды. Власть в авторитарной системе исходит из единого центра, система управления комплектуется монопольно-бюрократически со всеми недостатками чиновничества, на которое есть управа только у вышестоящего чиновничества. Смена курса возможна или после кончины автократора, или путем дворцового переворота, или революции (первое иногда перерастает во второе). В этих ситуациях на арену снова выходят идейно окрашенные группы, которые при первой возможности формируют партии. Не потому, что им это подсказали на Западе, а поскольку так легче структурировать гражданское пространство. Так было в 1905 г. и в 1989 г. Эти аналогии не случайны – социальная ситуация диктует и логику политического процесса.

Партии – это не какое-то высшее достижение цивилизации. Вероятно, если цивилизация двинется вперед, к более совершенным общественным формам, когда правящие группы не будут решать за человека, как ему жить, когда управление человека человеком заменится самоуправлением, уйдет и время партий, бюрократических аппаратов, теневого и открытого лоббирования интересов имущественных верхов, имеющих преобладание над низами. Но в индустриальном обществе с его социальной иерархией партии являются структурой, полезной не только верхам, но и обычным людям.

Потому что более или менее открытая ненасильственная конкуренция групп «элит» дает преимущество нам, людям, не принадлежащим к социальным и властным верхам, в том, чтобы отстаивать свои интересы – как мы их понимаем.

Т.И. Трошина. [Крестьянин-политик: что могло привлечь крестьян в партийной идеологии?]

Мне бы хотелось заострить вопрос на том, чем же могли (и могут) привлечь политические партии потенциального массового избирателя в России.

Когда мы говорим об электорате применительно к эпохе «первых Государственных Дум», надо помнить, что состоял он в основном из многомиллионного крестьянства, которые в подавляющем числе были мелкие, но все же собственники, и поэтому имели право выбирать и быть избранными. Что привлекало массового избирателя в политических партиях? Наверное, как и во времена «Уложенной комиссии» Екатерины II, возможность вступить в диалог с властью в новом формате – через неких легитимных (в своих и властей глазах) представителей. Когда же государственная власть достаточно ослабла, чтобы лишить крестьян иллюзий на этот счет, привлекательной стала сама идеология, которую предлагали партии.

Разумеется, самой популярной политической силой для крестьянства были социал-революционеры. Они стали интересны для крестьян прежде всего своей экономической политикой. Предлагаемая эсерами «кооперация» выглядела как выстраивание хозяйственной жизни замкнутого крестьянского социума (одной деревни или небольшой волости) по привычной – но уже уходящей под влиянием факторов индустриализации и социально-культурной модернизации в прошлое – схеме, когда руководство находится в руках у авторитетных людей, «крепких мужиков» (или, как их называли сами эсеры – «интеллигентных крестьян»).

Сила этой идеологии обратной стороной имела и ее слабость. Российская деревня все более дифференцировалась, часть крестьянства люмпенизировалась, легко становясь носителями новых экономических установок. Эсеровская кооперация строилась на традиционных, артельных началах, а «новые» люди (в первую очередь молодежь, прошедшая школы армии, городского «ученичества» и отхода) предпочитали не традиционную вертикальную систему подчинения, а горизонтальную, построенную на личных успехах. Это

предопределило успех массовой большевизации на первом этапе Русской революции.

Как известно, взяв в руки власть, большевики быстро разочаровали своих сторонников, прежде всего из крестьян. Впрочем, сама идеология оставалась привлекательной – отсюда лозунги «Советы без коммунистов» и один из сакраментальных вопросов русского крестьянства периода Гражданской войны – «Вы за большевиков аль за коммунистов?».

Обаяние такой партии как анархисты коснулось различных «революционных матросов» и некоторых групп «зеленых», чья деятельность под знаменами партии на многие десятилетия вперед дискредитировала идеи П.А. Кропоткина и М.А. Бакунина, по крайней мере в глазах российского обывателя. Вместе с тем, эти идеи были весьма привлекательны для части крестьянства в «романтический» период революции, когда, как казалось, актуализировались самые сокровенные иллюзии. (Нестор Махно, к примеру, был членом вполне консервативного «Союза хлеборобов» и одновременно – «идейным анархистом»).

Можно предположить, что те же анархисты стремились «пойти в народ» именно через эсеровские лозунги (как это сделали большевики), а потом уже «сеять» среди масс свои идеи. Например, в Вологодской губернии местные анархисты-подпольщики в 1920 г. пытались создать нелегальные крестьянские группы («Союз крестьян Севера», «Союз хлеборобов»), чтобы с их помощью достигнуть своей цели – устроить народное восстание. Вельское восстание марта 1921 г. не без основания считается организованным эсерами. Однако среди лидеров были и сторонники партии анархистов. Из допросов, а также свидетельских показаний можно увидеть, что же утешительного для себя нашли северные крестьяне в абстрактных анархистских идеях. Так, по словам одного из таких «доморощенных» анархистов (держателя «советской почтовой станции» и настолько уважаемого своими односельчанами, что против него как возможного идейного организатора восстания никто не давал показаний): «Анархия для [крестьян] самая святая программа, но мы еще до нее не дозрели»; «анархия была бы еще лучше для народа, чем

коммунизм, но мы еще плохо подготовлены – и к коммунизму, не только к анархизму».

Возможность жить «своим умом», не прислушиваясь и не подчиняясь государству в лице чиновников (что, собственно, и вынесли из партийной идеологии крестьяне-анархисты); своеобразный правовой нигилизм, основанный на большом доверии традиционному социальному контролю, чем абстрактному закону, – эти черты присущи значительной части населения и современной России.

Исторический опыт надо учитывать, чтобы прогнозировать последствия недобросовестной агитации партий, стремящихся пройти во власть ценой любых обещаний.

А.В. Посадский. [Партийное строительство в России и политическая субъектность российского крестьянства]

Партийное строительство в России происходит довольно натужно, и, если убрать «кремлевскую составляющую» в этом процессе, вся партийно-политическая конструкция будет выглядеть еще менее внушительно. Современный россиянин достаточно индифферентен к партиям. Естественно обратиться к историческим аналогиям. Среди них ближайшая – бурная партийная жизнь в не весьма искушенном политической жизнью обществе в революционные и пореволюционные годы.

Партийность – принадлежность городского общества. Для общества традиционного и преимущественно сельского, каковым на 1917-й оставалась Россия, осознанная партийность и партийная жизнь не имели социальной и информационной ниши. Деревня и уездный город реагировали на вызовы и быстро охладели к рутинному «партийному строительству» в период стабилизации. Так было с сельским эсерством 1905 г., с массовым черносотенством в этом же и последующих годах, с повальным эсерством и большевизмом 1917–1918 гг.

Характерно, что процент вовлеченных в партии людей никогда не был велик, не перешагивая одного процента населения. Даже сопутствующие организации, «приводные ремни», были сравнительно малочисленны. Комсомол, при декларируемой массовости уже в 1930-е гг., после коллективизации, все равно охватывал сравнительно

небольшую часть сельской молодежи. Партийные ячейки в деревне, и индивидуальной, и коллективизированной, также были весьма малочисленны и мало включали как раз тех, кто должен был бы составлять лицо низовой партиячейки – трудящихся «от сохи».

Ни одна партия не смогла овладеть деревней. Это касается и партии-победительницы – большевиков. Крестьянство готовно примерялось к тем или иным лозунгам и программам, даже прямо антикрестьянским, стремясь желательную для властей форму наполнить желательным для себя содержанием. Один из ярких примеров – нередкое поголовное вступление всей деревней в комбед в период «военного коммунизма». Часто обряжалась в подходящие политические одежды внутрикрестьянская клановая борьба. Большевицкая партия смогла сколотить некий актив на местах благодаря тому, что как раз партией, в традиционном смысле слова, не являлась. Тем более что действовал механизм постоянных чисток, проверок, перерегистраций.

В то же время идея непартийной власти, сословно-классовой крестьянской организации оказалась очень живучей в деревне. Это идея крестьянского союза, которая с 1905 г. и вплоть до 1930-х гг. вполне отчетливо прослеживается – и как массовое настроение, и как история тех или иных организационных форм.

Политическая субъектность российского крестьянства стала важным фактором политической истории страны первых десятилетий XX в.

Н.А. Дунаева [Об отношении крестьянства к политическим партиям]

Раз уж разговор пошел о крестьянах, я тоже хочу вставить реплику, о том, как эти самые крестьяне начала XX в. относились к политическим партиям. И здесь я хочу поддержать тезис, заявленный в начале беседы С.Ю. Разиным о том, что политические мотивы основной массы крестьянства определялись скорее ценностями и нормами имперско-общинного сознания.

Крестьяне, на самом деле, не имели явных политических пристрастий, так как они были совершенно

отрезаны от мира политического. Крестьянство, конечно, имело свои симпатии в этой области, но политическая воля у этого сословия отсутствовала. Политика, внезапно вторгшаяся в обыденную жизнь в начале прошлого века в виде партий, вызывала у него недоумение и непонимание. Фактически, любое политическое движение могло привлечь крестьян на свою сторону, пользуясь их невежеством в этой области (и это потом весьма ловко проделали большевики).

Так, с одной стороны, крестьяне проявляли некую политическую волю и даже поддерживали идею созыва Учредительного собрания, в некоторых уездах даже подписывались под требованием немедленного созыва народных представителей, свободы «писать и говорить», отмены усиленной охраны и т.п.

С другой стороны, крестьяне, очевидно, не имели четкого представления о многопартийной парламентской системе правления. И, вообще, они крайне подозрительно относились к пришлым «борцам за счастье народное», порой подозревая их в преступных намерениях.

Здесь можно приводить множество примеров, начиная с пресловутых «хождений в народ» еще в XIX в., когда сельчане пачками сдавали «землевольцев» полиции. И заканчивая аналогичными случаями, когда уже полиции сдавали эсеровских пропагандистов.

Могу привести довольно забавный пример, который мне попался в Саратовском архиве. Представьте себе: 1910 г., три товарища, крестьяне Балашевского уезда, отправляются в трактир, дабы отдохнуть от трудов праведных. Там к ним пристал некий член партии эсеров и стал их уговаривать вступить в партию. Под хмельком наши крестьяне решили вступить и бороться, так сказать «за счастье народное». Потом пару дней спустя, протрезвев (а может и побеседовав с супругами, кто знает?) эти товарищи полностью раскаялись и побежали писать донос Балашевскому полицмейстеру. Если позволите, я зачитаю текст этого доноса.

«Мы члены Козловского кружка социалистов ревуцанеров... мы все сообща согласились совершить разные преступления а именно поджоги как вредных нам [лиц] так и

нашим товарищам и так же совершать разные преступления грабежи и кражи в Козловке и других местах в чем и подписуемся и расписавшись: Платонъ Андреевичъ Тарасов, Андрей Сергеевич Васильев, Михаил Иванов Мелкин за нас неграмотных и за себя расписавшись, Николай Васильев Носказов».

Вот и все отношение крестьян к эсерам в частности и к партиям вообще! То есть по пьянке мы о-го-го! Пойдем сейчас помещицьи имения жечь и землю делить. Но протрезвев и подумав о последствиях, мы уж лучше не будем брать греха на душу. И продолжим потихоньку жаловаться на жизнь в трактире...

И еще один пример. Вот сегодня неоднократно В.П. Булдаков ссылался на дневники А.В. Тырковой. Я хочу сослаться на письмо некоего соратника А.Ф. Керенского из Вольска (кто это, осталось загадкой, поскольку письмо ко мне в руки попало в полицейском отчете о перлюстрации). Так вот, этот товарищ пишет: «Вообще, деревня живет надеждой на светлое будущее, о переживаемом времени не разбирается. О Гос. думе они не имеют ни малейшего представления. О крестьянском вопросе в Гос. Думе они тоже ничего не слышали, о партиях не знают. И все это в 15 верстах от Вольска. Молодежь стоит в стороне от общественных событий. Все их внимание поглощают гармошка, хоровод и девицы».

Вот так вот: «гармошка, хоровод и девицы»! Вся партийная борьба, все политические коллизии – они проходили где-то в столицах, в крайнем случае в губернских центрах. А деревня жила своей жизнью и в конечном итоге принимала (безропотно или ропща) ту ситуацию, те решения, которые шли сверху, из столиц.

Д.И. Люкшин. [Партийность: социокультурный контекст и «свежий взгляд»]

Свое выступление я хотел бы начать с комментария по поводу замечания Владимира Прохоровича [Булдакова] о том, что обсуждать, в общем-то, нечего.

Я перед началом работы просматривал материалы конференций 1998 г. в Институте российской истории РАН по Февралю и Октябрю, и пришел к выводу, что сегодня

дискутируются ровно те же темы, причем практически в тех же самых постановках. Думая о том, с чем это связано, я пришел к выводу, что речь идет о развитии инфраструктуры научного сообщества. То есть те прорывы, которые были сделаны в ИРИ РАН под руководством Павла Васильевича [*Волобуева*] и при вашем, Владимир Прохорович, самом активном участии, они, как оказалось, не до конца, – скажем так, – были востребованы широкими массами исследователей. А сегодня начинается ревизия этого самого пространства – и эти результаты начинают усваиваться.

Однако проблема в том, что усваиваются они, как правило, вне актуального контекста, уже как некая статичная объективность. При этом коллеги, ничтоже сумняшеся, генерируют «инновационную» дискурсивную формацию, выставляя дискуссионные темы: «Ведущая роль пролетариата в Красной смуте» или «Партия большевиков во главе общинной революции»... Поэтому, с одной стороны, вроде как говорить действительно не о чем, а с другой – приходится. Вам-то, из ваших московско-тверских – столичных – исследовательских центров, может и не видно, а нам, в провинции, очень даже заметно, что рассказывать о Красной смуте или общинной революции можно до бесконечности – и почти везде это до сих пор звучит как откровение.

Отечественному научно-педагогическому сообществу, во всяком случае в его гуманитарной составляющей, самостоятельно не освоить концептуальное наследие Девяностых («...так как все наши умственные стремления сводятся к тому, чтобы понять мир, то мы, – заметил более века назад Л.И. Шестов, – отказываемся познавать многое, что не укладывается на плоскости современного мировоззрения»). И, пожалуй, единственное утешение в этом случае – осознание единства национальной научной традиции.

Теперь по поводу прозвучавших сегодня цифр и выводов.

Естественно, что ощупью продвигаясь вперед (отчаянно надеясь, что все же вперед), без «ариадниной нити» единственного верного учения, отечественное исследовательское сообщество стремится опереться на прочное

основание исторической фактуры, повторяя и заучивая одни и те же цифры, обеспечивающие единство дискурса. И в этом смысле цифра 0,5–1,2% партийцев в структуре населения служит исходным аргументом так называемой теории модернизации, согласно которой Россия представляла собой страну «второго эшелона»; следовательно, ей надлежало, используя лекала некоей либеральной системы, которая (по мнению многих интеллектуалов того времени), имея универсальный характер, должна была обеспечить процветание страны. Но задача состоит в том, чтобы не только выучить, но и научиться представлять себе содержание дискурса; так в свое время известный и почти уже российский крестьяновед Т. Шанин, возражая оппоненту, заметил, что цифру 65% бедного крестьянства считает злой насмешкой над смыслом и логикой исторических исследований, просто потому, что традиционная социальная структура (каковой община, собственно говоря, и является) не может содержать такое количество неудачников.

Так вот, сетовать на то, что в начале прошлого века в России «всего лишь» полтора процента населения состояли членами той или иной партии означает сокрушаться по поводу того, что в стране, где легальная политическая жизнь едва насчитывала десяток лет, где участие женщин в политике ограничивалось ролями беззаветных жен или верных подруг, было от 600 тысяч до 2 миллионов партийцев (!) – что это, как не ехидная ирония над отечественной политической историей?

Для сравнения укажем, что в современной России (с ее монстрообразными «партиями власти», зачисление в которые напоминает всеобщую мобилизацию) поголовье партийного населения тоже составляет порядка двух процентов, а КПСС в 1989 г., насчитывавшая 19,5 млн членов, что давало 6,5% населения (и много ей это помогло в 91-м?); наконец, один процент населения – это стандартная численность вооруженных сил цивилизованного государства.

То есть это целая армия, это огромное количество людей, колоссальный пласт населения, которое участвует в организованной политической жизни.

Поэтому, применительно к России начала прошлого века, как представляется, было бы точнее говорить о крайнем накале политической жизни, избыточной партийной активности населения. А вопрос надо ставить не об апатии или политической незрелости, а о том, почему население в целом отвергло партийную форму политической борьбы – как раз тогда, когда такая возможность представилась, – отдав предпочтение смуте и хаосу. Почему партийность «не сработала» в начале XX в.? Не следует ли новейшая российская государственность за «болотными огоньками», настойчиво повторяя сценарии, которыми в начале и конце прошлого века закончились истории двух империй: российской и советской?

Как свидетельствует отечественная историография – да и наш сегодняшний «круглый стол» – ограничивать роль партий начала XX в. лишь их политической функцией – непродуктивно. Но можно ли такое ограничение предположить для современных партий в России? Соответственно, можно ли вообще говорить о наличии оснований для сравнения и – как следствие – востребованности исторического опыта?

Б.Х. Алимов. [Партийность: политический тренд и форма социальной мобилизации]

Позвольте мне предложить свою версию ответа на вопросы Дмитрия Ивановича [*Люкшина*].

Во-первых, думаю, что сравнивать современные партии и партии начала XX в. не только можно – нужно, это наша профессиональная обязанность – почему не сравнивать? И здесь мне видится одна общая черта: российская партия как явление не вписывается в политическое поле, она оказывается в более широком социальном пространстве (поэт в России – больше, чем поэт; партия – больше, чем партия).

Для рубежа XIX–XX вв. партийность как форма социальной организации (не политической организации, а именно – общественной) была своего рода модой, политическим трендом. Для того чтобы участвовать в общественной жизни, надо было участвовать в партийной жизни, по-другому просто невозможно было поставить свою палатку на ярмарке тщеславия. Выражала эта партия чьи-то

интересы или не выражала – не играло большой роли – партийное строительство имело свой собственный смысл.

XX в. обогатил политический опыт партиями нового типа: наиболее известные примеры – это партии большевистско-меньшевистская в России и национал-социалистическая рабочая в Германии – но разве можно проводить водораздел между большевиками и теми же кадетами (про эсеров даже и говорить нечего)? Если оценивать значение партий нового типа с позиций социокультурных, а не просто утилитарных, то они представляют собой политические силы, объединенные не столько интересами, сколько порывом, желанием. То есть эти партии, апеллируют, скажем так, не к интересам, а к сознанию, к интенции, к стремлению что-то сделать. Они менее устойчивы, зато их мобилизационный потенциал выше, а социальная база – шире. Естественным развитием таких партий – как показал опыт, скажем, Франции 30-х гг. – становятся непартийные политические организации – так называемые. «народные фронты», которые в некоторых условиях оказываются даже более эффективны, потому что люди решают свои проблемы – и в то же время не принимают каких-то серьезных обязательств на себя. Это намного безопаснее и эффективнее.

Вот, например, августовские бдения возле Белого Дома в 1991 г. – там же не партийцы у костерков коньячок потягивали, там оказались те, кто хотел что сделать, как-то поучаствовать (времени осознать свой интерес у них не было – речь шла о часах, минутах – и выбор делался на уровне инстинкта или подсознания). Ну вот, они три дня посидели – и высидели новую государственность. Что это были за люди – толком неизвестно: стали медали раздавать, так списки составить не могли... разошелся народишко-то, поразъехался. Кто защищал телецентр или горел в Белом доме уже в 1993 г.? В основном тоже не по партийному принципу люди туда попадали, а, так сказать, по велению сердца.

Подходя к резюме, хотел бы подчеркнуть, что прошедший век весьма обогатил теорию и практику партийного менеджмента и строительства; пытаться в нынешнем веке возродить партии вчерашнего дня – бессмысленная утопия,

поскольку современные формы политической мобилизации более эффективны. Однако как некий социокультурный феномен партия себя еще не изжила – и сохраняет таким образом право на существование.

Соответственно, партийность начала XX в. – это такой способ презентации политической активности. Почему в России оказалось более 200 партий, хотя политических вопросов было от силы три–четыре? Потому что люди желали этим заниматься, видели в партии для себя возможность самореализации или социальной канализации – и они эти партии создавали. Работает эта партия, не работает; сливается, перетекает... – это уже дело десятое. Но вот возникает желание политической активности – и тут же обозначается и путь: создать партию. И вот вам, пожалуйста: 200 партий, из них 50 общероссийские, а остальное, соответственно, региональные.

То есть культурный шаблон партии нового типа оказывается трендом, прежде всего, для так называемых национальных окраин. Потому что это цивилизованно, потому что это тренд, потому что это интересно. Вопрос не в том, почему они это делают, а вопрос в том, как они используют свой шанс.

С.Ю. Разин. У меня вопрос к Д.И. Люкшину.

Сегодня всем очевидно, что в современной России вопрос о власти решается без политических партий. Применительно к началу XX в. – скажите, пожалуйста, насколько, на ваш взгляд, партийные теории или партийные программы повлияли на конечный исход Русской революции?

Д.И. Люкшин. Вы имеете в виду какую-то конкретную Революцию 1917 г. или Смуту вообще?

С.Ю. Разин. Я имею в виду всю Русскую революцию.

Д.И. Люкшин. Ну, какое-то влияние, наверное, оказали. Но там такое началось, что уже было не разобрать. Это если мы будем с вами, например, разбирать какой-то конкретный случай истерии партийной девочки, и в ее подноготной вдруг выясним, что ее в детстве брат изнасиловал. Приблизительно как-то так вот.

В.В. Шелохаев. А можно я отвечу на этот вопрос? Достаточно посмотреть на первый состав Временного

правительства и принятые им решения... Это реализация кадетской программы. Могу по числам это назвать, по пунктам программы и т.д.

А.В. Гордон. Влияние, конечно, было. А взять эсеровский «Наказ» и Декрет о земле. Социализация земли. Все это понятно. И общинная революция, которую называли... Еще когда была программа «Черного передела»? В 1880-е гг.

Д.И. Люкшин. Ну, «общинная революция» и «Черный передел» – это разные космосы. Хотя бы потому, что «Черный передел» – это политический лозунг рубежа позапрошлого и прошлого веков, а «общинная революция» – теоретический концепт, объясняющий вековой опыт мобилизации этой идеи. Это приблизительно как присоединение Можайского удела к Москве и развитие феодализма в России, обнаруженное М.Н. Покровским.

А.В. Гордон. Ну, послушайте... А.С. Изгоев называл эту общинную революцию валом общинного права. Откуда он взялся? Кто эти идеи проталкивал? Это же не только проталкивали интеллигенты... То есть, вернее, интеллигенты в том числе: эсеры те же самые, «чернопередельцы». Они же проталкивали идею, что частная собственность – это зло, что она не для России, Россия должна по-другому... А если пойти дальше, то идеи социализма, в общем-то, о том, что земля тем, кто ее обрабатывает. Очень большое влияние.

С.Ю. Разин. Александр Владимирович, позвольте возразить. Мечта о «Черном переделе» у русского крестьянства существовала задолго до появления всяких народников и эсеров и т.д. Это, скорее всего, говорит о том, что сами партии являлись теми самыми ведомыми – шли за массами, а не вели их.

Д.И. Люкшин. Коллеги, я понимаю, тема интересная, проблемная, и всем хочется высказаться так, что даже слушать некогда. Но я прошу вас дослушать: А.С. Изгоев общинную революцию никак не называл и называть не мог, потому что словосочетание это появилось в 1993 г., – Владимир Прохорович [Булдаков] соврать не даст, – он (Изгоев) метафизически говорил о преждевременности европейского права в российской социальной реальности.

Я возвращаюсь к теме космосов, галактик. Историческая реальность остается неизменной, а вот взгляды на нее могут меняться, и если в начале прошлого века трендом был концепт «Черного передела», сейчас – общинной революции: они не конфликтуют между собой, они – разное решение задачи.

Что же касается многопартийности, то она как раз меняется – и проводить прямые аналогии сомнительно: сто лет назад партии оставались практически единственной формой легитимации и презентации группового протеста, в то время как сейчас в России они по сути дела – симулякры в поле псевдопарламентской политики.

А.В. Гордон. [Однопартийность: диктатура или доминирование одной партии?]

Вы знаете, а если вопрос немножко повернуть по-другому? Не от многопартийности, а от однопартийности?

Понимаете, когда говорят, что вот это чисто русское явление, что многопартийность – это импорт, а вот чисто русское явление – это однопартийность, то исходят из определенной модели, которая реализовалась только в России. Так чего же тут доказывать? Конечно, та модель, которая реализовалась в России – она русская модель. Но это не значит, что однопартийность существовала только в форме партийной диктатуры, которая возникла у нас в 1917 г. Нет, конечно! В сущности, так же как с воспетой народнической мыслью передельческой общиной пореформенного образца, которая есть исключительное явление. Но это не значит, что в других крестьянских обществах не существовало общинных регламентов.

Давайте посмотрим сравнительно-исторический материал. Где еще сложилась однопартийная диктатура? Между прочим, Владимир Ильич [*Ленин*] отправлялся в теоретическом плане от истории якобинского правления. Хотя, ну очень трудно сказать, что это было то самое, что удалось осуществить Владимиру Ильичу. Но исторический прецедент очевиден, и заимствование опыта Французской революции XVIII в. – тоже.

Дальше... Возьмем собственно принцип привилегированного положения одной политической партии, ее, так сказать, монополии на власть... Так, в сущности, почти все послевоенные переходы, обусловленные критическими обстоятельствами, в которых находилась страна, были в рамках этой системы. Я уже не говорю про колониальный мир, про Индийский национальный конгресс, который правил три первых десятилетия независимости (а в общей сложности 58 лет из 67-летней истории независимой Индии). Ну, возьмите Либерально-демократическую партию в Японии или ХДС-ХСС в Западной Германии... При вполне либеральной структуре складывалась система доминирующей партии. При том что существовала многопартийность (как формально в странах народной демократии), с состязательной выборностью, независимым судом, тем не менее, явным было преобладание одной партии, ее монополии на отправление властных полномочий.

Получается, что однопартийность политической власти не всегда означает диктатуру партии. У нас, в сущности, эта связка пережила, по крайней мере, несколько периодов. В начале, когда партия боролась за власть и стремилась удержать ее, она воплощала саму Власть. Диктатуру! Наверное, никто спорить не будет. Но дальше-то однопартийность превратилась из формы диктатуры в ее функцию. В 1930-х гг., в сущности, партия лишилась политической самостоятельности. Террор был применен к самой партии. Точнее будет тогда говорить о надпартийной диктатуре, партия превратилась в ее функцию. В какую функцию? Можно, конечно, спорить, но я думаю – в чисто управленческую, административную функцию.

Общественно-политическая функция отошла тогда на второй план, однако, подчеркнем, в период Великой Отечественной войны ее значение было реанимировано со всем ее мобилизационным значением. Символически – это знаменитый призыв: «Коммунисты, вперед!».

А вот насчет идеологической... – большой вопрос. Победил ли в 1941–1945 гг. пролетарский интернационализм? «Интернационал», конечно, пели на всех партсобраниях. Так что связь с тем идейным арсеналом, с той Верой, что совершала

Революцию и конституировала диктатуру, как-то сохранялась. «Кто был ничем, тот станет всем?». Конечно! Да уж мало кто в это верил...

Дальше что было? Ведь Генералиссимусу с его послевоенным ореолом партия как «направляющая...» и прочее была не очень нужна. Сталин, по воспоминаниям Жданова младшего, совершенно определенно говорил о том, что коммунисты утратили свой боевой дух, они уже ничем не отличаются от некоммунистов... Восстановление диктатуры партии произошло со смертью Вождя.

Вот этот период послесталинский и был в полном смысле феноменом диктатуры однопартийности. Но при этом вместе с реанимацией диктатуры партии постепенно деградировала ее общественно-политическая функция авангарда («пролетариата», «трудящихся», «всего народа»). И предельно формализовалась идеологическая функция.

Ф.А. Селезнев. [Партия российской интеллигенции: элита или контрэлита?]

Уважаемые коллеги, я бы хотел обратить внимание на ту мысль, мне кажется, очень важную, которую высказал Валентин Валентинович [*Шелохаев*]. Он сказал о том, что все эти партии многочисленные российские – они все были интеллигентские.

Действительно, это так. Можно даже по-другому эту мысль выразить: по сути, сама русская интеллигенция представляла собой огромную партию. Она же являлась, если использовать терминологию Л.Н. Гумилева, субэтносом. Она же, если использовать терминологию уважаемого Владимира Львовича [*Дьячкова*] являлась – только не элитой я бы сказал, а контрэлитой. Потому что элита, все-таки, – это те, кто принимает решения: общегосударственного характера (общегосударственная элита) или регионального уровня (региональная элита). А вот если мы говорим о представителях российской многопартийности, которая была, конечно, резко оппозиционной к элите, оппозиционной к власти, – это контрэлита.

Она противостояла элите, успевшей потерять свой пассионарный накал. Это была остывающая элита, остывшая

практически уже к 1917 г. Помните, И.Г. Щегловитов в свое время сказал (в 1915 г.) фразу, которую Р. Пайпс взял в качестве эпиграфа к своей книге «Русская революция», к ее первому тому, о том, что паралитики власти нехотя борются с эпилептиками революции. Таким образом, в начале XX в. против остывшей элиты выступает пассионарная контрэлита... Как раз вот эти параметры – по сути, пассионарности – Владимир Львович [Дьячков], как я понимаю, и исследовал в своих штудиях, действительно очень важных и интересных.

Что происходит в 1917 г.? Контрэлита свергает элиту – и становится на ее место. Но здесь нужно, как мне кажется, иметь в виду, что контрэлита была далеко не едина, и эти партии, конечно, враждовали между собой внутри этого пространства, враждебного власти. Они были едины в борьбе с властью, но между собой, естественно, они были далеко не едины. Большевики-меньшевики, эсеры и целый ряд других фракций, групп – они враждовали, и вот, когда общий враг был свергнут, у них началась борьба между собой. По сути, Гражданская война – что это? Там ведь не монархисты были одной из сторон... Монархисты – это партия побежденных. Там враждовали между собой кадеты, эсеры, большевики – то есть те, кто, по сути, и совершил Февраль. И вот этот период нестабильности, борьбы внутри контрэлиты продолжается в течение примерно 20 лет, завершаясь «Большим террором» 1937–1938 гг., после которого появляется устойчивая элита. Она сохраняет власть на период следующего цикла, который заканчивается, уже на нашей памяти, в 1980–1990-е гг.

И ведь вот сейчас мы говорим (несколько раз эта мысль была): почему современные партии не решают вопрос о власти и не участвуют в решении этого вопроса? Да потому что они не контрэлита! У современных партий нет контрпроекта, проекта, альтернативного проекту нынешней элиты. И совершенно естественно, что их роль не сопоставима с той ролью, которую играли партии в конце XIX – начале XX вв.

Ну, а что нас ждет? Мне кажется, нас ждет пятьдесят лет стабильности. Элита у нас «устаканилась» после 90-х гг., а контрэлиты не видно. Так что все спокойно.

Я.В. Леонтьев. У меня даже не вопрос, а скорее реплика. Я хочу солидаризоваться с тем, что сказал Федор Александрович [*Селезнев*].

Мы проводили по осени в стенах МГУ такой межфакультетский круглый стол «Интеллигенция и революция», с участием, кстати, присутствующих Дмитрия Ивановича [*Рублева*], Федора Александровича [*Гайда*]... И, в частности, небезызвестный Модест Колеров как раз и поднял вот этот тезис о трактовке интеллигенции как контрэлиты. И, в общем, с теми или иными оговорками, участники круглого стола с ним согласились.

Так что дистанционно мы пришли к общим выводам.

Д.И. Люкшин. Федор Александрович, вы не могли бы уточнить, когда это у нас контрэлита свергла элиту? Потому что вот, по Марксу, например, оно ведь не получается...

Мы же не можем князя Г.Е. Львова, или А.И. Гучкова, И.В. Годнева, того же А.Ф. Керенского... – отнести к «контрэлите»?

Я.В. Леонтьев. Почему?

Д.И. Люкшин. Князя Львова – к «контрэлите»?

Я.В. Леонтьев. Конечно.

Ф.А. Селезнев. Но вопрос интересный на самом деле...

Д.И. Люкшин. Он же князь?

Я.В. Леонтьев. И что? Ну и князь... Такие, как князь Кропоткин, например, не пользовались даже титулами... Князь Кропоткин, князь Львов...

Ф.А. Селезнев. Графиня Перовская была.

Я.В. Леонтьев. Конечно.

Ф.А. Селезнев. Интеллигенция была дворянская у нас.

Я.В. Леонтьев. Они не пользовались титулами. И граф Толстой не пользовался таким титулом.

Д.И. Люкшин. Ну, когда Александра Ульянова казнили, его брату разрешили поступать в Казанский университет, потому что его папа был генералом, а не потому, что его брат был преступником. Согласитесь...

То есть давайте тогда разбираться с тем, что такое элита, как выглядит элита.

Ф.А. Селезнев. Элита – те, кто принимает решения на каком-то уровне – ключевые решения.

Контрэлита – это те, кто не принимает решения, но хочет их принимать.

Д.И. Люкшин. Князь Львов решения принимал?

Ф.А. Селезнев. Тогда, когда он был премьером, еще не было сформировавшейся новой элиты. После Февральской революции к власти пришла контрэлита.

Контрэлита – это нечто аморфное. Внутри нее идет борьба. И пока контрэлита еще представляет собой такое аморфное целое, во главе ее только и возможна такая фигура, как Львов, фигура временная, переходная.

Д.И. Люкшин. Львов на это согласился.

Ф.А. Селезнев. «Он сидел на козлах, но даже не пробовал собрать вожжи», – характеристика, данная ему В.Д. Набоковым, известна. То есть Львов – это переходная временная фигура, которая скоро уйдет с политической арены.

Д.И. Люкшин. А вопрос все тот же. Почему не исполком? Почему не...

Ф.А. Селезнев. Исполком Совета рабочих депутатов – это тоже часть контрэлиты.

Д.И. Люкшин. Так кто же контрэлита? Эти подпольщики или кадеты?

Ф.А. Селезнев. В 1917 г. они все – контрэлита. Кадеты – тоже часть контрэлиты. Это наименее пассионарная часть контрэлиты. Поэтому они выбывают из борьбы быстрее. Те, кто более пассионарен, они остаются и борются дальше.

Я.В. Леонтьев. Хотя Д.И. Шаховской был не вполне...

В.П. Булдаков. Уважаемые коллеги, вы словно забыли, что слово «элита» означает отбор, естественный отбор. Это лучшая часть определенной культурной среды. В России такого «естественного» не могло быть по определению. В патерналистской системе отбор осуществляется сверху – не вполне естественным способом.

Я уже не говорю о том, что крушение этой системы порождает массу «успешных людей» и нуворишей, сразу же объявляющих себя «элитой». Стоит ли мудрствовать по этому поводу?

В.В. Шелохаев. У нас все не естественное...

В.П. Булдаков. Можно сколько угодно говорить об «элитах», «контрэлитах» – но это будет просто игра в понятия, причем в пустые понятия. Давайте закончим об этом. Надо поближе к существу дела.

Ф.А. Селезнев. Владимир Прохорович, а патернализм ведь не исключает понятия «элита». Почему вы считаете, что они противоположны?

В.П. Булдаков. Это вовсе не естественный отбор.

Д.И. Люкшин. Это противоестественный отбор.

Ф.А. Селезнев. То есть вы считаете, что элита отбирается верховной властью в России...

В.П. Булдаков. Причем тут «я считаю». Надо смотреть на реалии.

Д.И. Люкшин. Отрицательная селекция...

Я.В. Леонтьев. Так поэтому она и выдохлась. Когда она выдохлась, то она и не была элитой. Она была элитарна только по званию. Не более того.

В.П. Булдаков. Вот уже больше ста лет мы говорим о том, что партии были интеллигентскими. Да, они были преимущественно интеллигентскими, но не только интеллигентскими.

Помимо интеллигенции, в России в кризисные времена колоссальное значение приобретали так называемые диссипативные элементы. Это, попросту говоря, отщепенцы от любого социального слоя. Отщепенцы, причем в значительной степени в силу морального отторжения от «застойной» и «деморализованной» привычной среды.

Поясню: среди лидеров (ну, скажем, на членов ЦК) радикальных политических партий наибольший процент составляли выходцы из среды духовенства. Это отщепенцы в наиболее чистом виде, которые одну веру, что их не удовлетворяла, поменяли на другую – более вдохновляющую. Так было везде и всегда. Подобные личности притягивали интеллигенцию в широком смысле слова не менее активно, чем «властители дум». Как результат, российские партии питались преимущественно энергией отрицания. Программы этого не

показывают, но на обыденном уровне это всегда заметно. Вот такая особенность российской многопартийности.

Партийными лидерами руководили убеждения, основанные на «праведных» эмоциях, а не расчет. Это касается даже таких «тактиков» как, скажем, П.Н. Милюков. Его «тактика» так и осталась тактикой доктринера, причем доктринера крайне непоследовательного – «доктринально колеблющегося». Куда такие деятели заводили, хорошо известно.

В любом случае, исходить при изучении партий из своих нынешних симпатий и антипатий – дело абсурдное. Нельзя приблизиться к истине, следуя какой бы то ни было партийности. Изолированное изучение той или иной партии провоцирует «альтернативный» взгляд на произошедшее. А это более чем наивно, это мы тоже уже проходили.

Я.В. Леонтьев. Вот они-то и есть контрэлита. Об этом речь и была.

Ф.А. Селезнев. Это пассионарии.

В.П. Булдаков. Причем тут контрэлита? Зачем эта этикетка? Кому она нужна? Извините...

Поясняю. Поясняю на конкретном примере, что такое диссипативные элементы, и что такое интеллигент. Применительно, скажем, к кадетской партии.

Опять сошлюсь на дневники А.В. Тырковой. Среди прочего она очень хорошо обозначила две фигуры – П.Н. Милюкова и П.Б. Струве. Ну, Милюков, ясное дело, доктринер и потому догматик. Лидер очень упорный, по-своему расчетливый. Человек, который ориентируется только на тактику. Тем и брал свое ближайшее окружение – интеллигентов, привыкших полагаться на «авторитеты». Другая фигура (прямо противоположная, но по-своему также типичная) – Струве. Этот (тоже лидер) состоял из эмоций, которые тут же перерабатывал в «генерализации» и «теории». При этом лидер «честный» настолько, что его постоянно заносило то в одну, то в другую сторону. О какой бы то ни было партийной тактике он вообще не способен был думать. Милюков утверждал свою программу, свои идеи внутри кадетской партии, в большей или меньшей степени они

захватывали всю кадетскую массу. Что касается Струве, то он, вольно или невольно, но в основном был ориентирован на интеллигенцию, интеллигенцию «вообще», интеллигенцию непартийную, на более широкую аудиторию, а не только на партийную массу. Он был по эмоциям, в отличие от Милюкова, который рассчитывал на какое-то разумное (в его понимании), логическое начало. Струве мог ситуационно притягивать всевозможных маргиналов. Но, конечно, последних куда больше вдохновляли крайние партийные лидеры.

В кадетской партии были другие любопытные такие персонажи. Известен еще один колоритный *enfant terrible* русского либерализма – Д.И. Шаховской. Это идеалист в чистом виде. И у него был свой круг почитателей и сторонников. Люди очень разные, своеобразные. Назвать их элитой? Я не знаю... Можно, но это не партийная и даже не вполне политическая элита. Это своего рода «властители дум», не достигшие политической зрелости. Наверное, надо из этого исходить.

В конечном счете, проиграли все политики – столь разномастные и эмоциональные. Милюков сел в лужу в апреле 1917 г. Второй раз плюхнулся в 1918 г. в связи с «немецкой ориентацией». Что может быть нелепее? Что касается Струве... Человек, который в 1914 г. говорит: «Сухой закон – это величайший духовный подвиг русского народа», а в 1917 г. кричит: «Русская революция – это соединение Карла Маркса с сивухой», – как его характеризовать? Вот Семен Людвигович [Франк] спрашивает его в эмиграции: «А что это Вы, Петр Бернгардович, в феврале 1917 г. говорили? На что надеялись?». – «Дурак был», – ответил искренний Струве. – Честный человек... Но где здесь политика? К проигравшим политикам – а в России проиграли все, включая большевиков, – должен быть особый исследовательский подход. Выстраивание пресловутых альтернатив, конструирование наиболее подходящих «моделей» – занятие нелепое. Проблему многопартийности нельзя решать на том уровне, на котором она возникла. На нее следует взглянуть из совсем иного измерения.

Кстати сказать, помимо политических партий существовали в России и «общественные организации» –

«неполитические», как было велено. Так вот эти организации были куда ближе к *Realpolitik*, нежели собственно политические партии. Они пытались решать текущие практические вопросы, а потому оказывались ближе к настоящей политике, нежели политики по названию. Однако и они объективно работали на развал системы, а не на формирование гражданского общества, как считают некоторые, ибо обычно тянули одеяло на себя, ничуть не заботясь о достижении каких-то общих целей. И эта «политика» также работала на разрушение системы.

Следует признать, что писали и говорили о партиях, партийных программах в дискурсе былой «истории КПСС». Примерно так, таково наше незримое историографическое наследие. Извините, но это болезненный анахронизм. Надо работать, извините, тоньше, а не превращаться в заложников неадекватных понятий. Не стоит кидаться терминами «элита», «контрэлита», сооружать на этой основе здание воображаемой многопартийности, сопровождая ее эпитетами «положительная», «отрицательная» и тому подобное... Это контрпродуктивно.

М.М. Есикова [О роли интеллигенции в обществе]

Я хотела бы продолжить рассуждения коллег о роли интеллигенции в обществе. Несет ли она нравственную ответственность за состояние общества, за прогресс, за социальную справедливость, ответственность за народ, за «униженных и оскорбленных»?

Эти проблемы особенно актуальны в настоящее время, актуальны они были и в прошлой российской истории. Поиски ответов на эти проблемы занимали значительное место в сознании радикально настроенного русского мыслящего общества, начиная с 1860–1870-х гг., когда под словом «интеллигенция» стала пониматься особая общественная сила, которая могла создавать новые социальные формы и нравственные идеалы. Несомненно, что хождение в народ интеллигентной молодежи во второй половине XIX в., имевшее этическую мотивацию, – типично русское явление.

Безусловно, интеллигенция составляет меньшинство в обществе. Тем не менее, ее характерной чертой является устремленность на преобразование общественных отношений,

ее оппозиционность. П.Л. Лавров, как вы помните, вслед за П.Я. Чаадаевым и А.И. Герценом, сформулировал идею долга интеллигенции перед народом, которая логически вытекала из идеи «двух России»: России народа и России дворянской, чиновничьей.

По мнению Лаврова, радикальная часть интеллигенции состоит из личностей, которые способны действовать в интересах народа. Сначала их немного, меньшинство, им трудно проявить себя в обществе, в котором отсутствуют демократические свободы. Но постепенно отдельные слабые личности превращаются в общественную силу, проходя три ступени этого превращения.

На первой ступени отдельные критически мыслящие личности вступают в борьбу за социальный прогресс. Они видят и осознают, какое вокруг них царит зло, и начинают бороться с ним. На втором этапе число таких борцов за свободу неумолимо начинает расти. Более того, их пример самопожертвования воодушевляет остальных той энергией, которая нужна для борьбы. Однако идеи способны двигать человечество лишь тогда, когда они сделаются обыденным явлением для значительной части общества. Поэтому партия не может стать направляющей силой исторического прогресса, если она будет оторвана от масс.

Сегодня мы затрагиваем проблему отношения интеллигенции к власти, к государству. Эта проблема является актуальной для XIX, XX и XXI вв. С одной стороны, в силу своего материального положения, интеллигенция прямо зависит от власти и государства, с другой, в силу специфики своей деятельности, интеллигенция склонна быть в оппозиции к власти.

В начале XX в. прогрессивная роль русской интеллигенции получила крайне отрицательную оценку, согласно которой нужно было бы быть не в оппозиции правительству и государству, а поддерживать их. Отчуждение русской интеллигенции от государства П.Б. Струве назвал отщепенством, которое, по его мнению, выступает в двух видах: абсолютное (анархизм, например, М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина) и относительное (разные формы русского

радикализма). Отщепенство Струве объявлял типичной чертой русской интеллигенции, и с точки зрения этого критерия он относил или не относил того или иного деятеля русской культуры и науки к интеллигенции. Поэтому понятие «интеллигент» приобретало негативный оттенок. Эта характерная черта русской интеллигенции – «отщепенство» – способствовала возникновению русских революций.

На мой взгляд, отщепенство есть нормальная позиция интеллигенции, отражающая ее суть как мыслящего сословия в обществе. Именно среди просвещенного слоя общества появились нонконформисты, выступавшие за практическую реализацию более прогрессивных форм общественного устройства, именно представители просвещенного класса сформировали светскую культуру, подвергли сомнению незыблемость монархической власти, именно представители просвещенного класса сформировали идеи социального равенства и гражданского общества.

Да, интеллигенция несет моральную ответственность за все, происходящее в обществе. Но кровавый характер русских революций логически не был обусловлен интеллигентской проповедью совершенного общественного идеала, более того, он не был обусловлен логикой рационального мышления, присущего интеллигенции. Кровавый характер русских революций вытекал из глубинных основ, в большей части иррационального сознания русского народа. Вековое рабство русского народа было причиной кровавого характера русских революций. Интеллигенция права в том, что призывала русский народ к просвещению, социальному равенству, гражданскому обществу. Кровь русских революций не на совести передовой части русской интеллигенции, а на совести власти и государства, веками державшего русский народ в рабстве.

Идея о продолжении просветительской работы интеллигенции остается актуальной и для нашего времени. Интеллигенция была инициатором и приветствовала демократические реформы начала 90-х гг. XX в. Однако, как это часто происходит, результат оказался далек от ожидаемого, а порой и прямо противоположен ему. Возникает ситуация, подобная ситуации начала XX в.

Как поступать радикальной интеллигенции в этих условиях? Поддерживать новую власть, встать в оппозицию, полностью отказаться от просветительской работы? Интеллигенция в силу своей нравственной ответственности перед народом обязана продолжить работу мысли над консервативной культурой, оставаясь на позиции критики существующих форм общества, оставаясь тем самым на позициях прогресса.

А.А. Куреныхев. [Еще раз об элите и контрэлите]

Позволю себе не согласиться с мнением уважаемого В.П. Булдакова. Использование понятия «контрэлита» очень плодотворно.

В отечественной историографии, особенно советского периода, но не только, превалировало представление о решающей роли народных масс в исторических событиях. Особенно такое представление было присуще в оценках событий революций, коих в России случалось немало. Я в принципе согласен с мнением историков-марксистов, что в революционных событиях решающую роль играют революционные массы. Более того, я глубоко убежден, что о классовой борьбе как о важнейшем факторе исторического процесса можно говорить только в отношении революций.

Это, кстати говоря, следует из правильно понимаемой теории К. Маркса, но не только его одного. Вульгаризаторы марксизма, к которым можно отнести большинство отечественных (советских) историков, совали классовую борьбу куда попало. Начал М.Н. Покровский, в целом очень неплохой историк, а продолжили, несмотря на «преодоление ошибочных концепций» Михаила Николаевича... другие. Над этим немало потешались некоторые менее догматизированные исследователи (например, И.Я. Фроянов).

И все же мы видим, что революции в основном происходят в форме верхушечного переворота. Когда одна часть правящей элиты отстраняет другую. Типичный пример – Февральская революция 1917 г. Советская историография не случайно замалчивала и искажала ход событий. Только узкие специалисты знали, как все было на самом деле. Кто и как отобрал власть у царизма...

Не хочется впасть в конспирологию, но кто же из служивших в армии поверит, что солдаты гвардейских полков восстали против режима стихийно. Да, ситуация в Петрограде была острой, но не настолько, чтобы солдаты начали стрелять в полицию. Да, офицерский корпус за годы войны очень сильно демократизировался. Да, в его состав влилось много выходцев из низов, людей связанных с крестьянами и рабочими. Да, в войсках шла агитация против Царя и Самодержавия... Но гораздо важнее было то, что Императору выразили недоверие его генералы. О заговоре А.И. Гучкова, в котором принимали участие некоторые генералы (например А.М. Крымов), – пишут многие историки.

В продолжение разговора об элите следует несколько слов сказать и о положении дел в царской семье, и в высшей бюрократии, и в органах охраны порядка.

Мне кажется, мы забыли, что все-таки страной правили определенные сословия, классы и социальные группы: дворянство, чиновничество. Речь идет в данном случае о том, что в этой среде, в этих классах и социальных группах, эта самая контрэлита и появляется.

С одной стороны, князь, граф, помещик или промышленник у власти, с другой – князь Д.И. Шаховской, промышленник А.И. Гучков, которые с ней борются... С одной стороны, интеллигент-чиновник (С.Ю. Витте, например, и т.д.), с другой – целая плеяда руководителей сельскохозяйственной, как я ее называю, интеллигенции, которая борется с той линией, с той политикой, которую проводят «верхи». Они близки, конечно, друг другу по происхождению, воспитанию, образованию, иногда даже связаны родственными узами. В том-то и дело, что это очень близкие друг другу вступают в борьбу за власть. Вопрос в том, почему и в какой момент начинается эта борьба.

Некоторые исследователи, например, считают, что дворянство, стремительно терявшее свои материальные ресурсы и влияние, давало значительное число борцов с существовавшим строем. Есть здесь поле еще для исследования, на мой взгляд. Тут и психология, и какие-то еще личностные моменты. Вот, я думаю, что и уважаемый

В.Л. Дьячков над этим тоже как-то трудится. Но, тем не менее, термин этот – «контрэлита» – вполне приемлем.

Я на своих конкретно-исторических исследованиях (вот жалко, я там выводы не сделал), соответственно, по сельскохозяйственной интеллигенции обнаружил ну совершенно вот... Ну, что, казалось бы: сидели в одних и тех же дворянских собраниях, посещали одни и те же клубы, объединялись в кружки, например, такие как «Беседа», где были и тот же князь Шаховской, и графы Шереметевы – основатели «Союза русских людей» и т.д. и т.п. Что-то их, в конечном итоге, друг с другом сталкивает...

Но опять же, подчеркиваю, что это столкновение «внутри», в одной и той же социальной группе... в одном и том же правящем сословии, в одном классе землевладельцев. И правильно было сказано, что эта контрэлита, эти революционеры – это, в какой-то степени, изгой из своей среды. По той или иной конкретной причине.

Вот В.И. Ленин и Б.В. Савинков – выходцы из среднего звена государственных служащих, их семьи почти идентичны по демографическим параметрам. Биографии очень похожи. Разница у них только в годах рождения. Вот это вы [к В.Л. Дьячкову] поработайте над тем, почему 1870 г. и 1879 г. дают один и тот же результат. Даже мысли, которые высказывают эти деятели, очень схожи. Например, по проблемам организационного строения революционной партии. Мысли по этому поводу почти на 100% совпадают у Савинкова с Лениным. Ленин цитирует в своей работе «Что делать?» «Борисова», под псевдонимом которого скрывается Савинков. И дальше у них было много общего. Среда абсолютна одинаковая. И столько же братьев, и столько же сестер, и старший брат погибает – ну прямо один к одному. Но все-таки результаты и род деятельности были разные, если не считать признания Савинкова в 1925 г. о том, что не за то он боролся, и не туда шел. А брат его Александр был бы с большевиками...

Еще хотелось бы сказать о том, что 1917 г. показывает нам как раз вот эту партийно-политическую борьбу в полном объеме. И самый яркий пример, на мой взгляд, – это борьба эсеров и большевиков – и полная политическая победа

большевиков. Хотя, когда приезжает Ленин, все его приветствуют: «Он наш, он свой». Дальше он бросает вызов, как известно: «Ну, подхватывайте ребята, боритесь вот, как вы можете».

Конечно, есть июль – попытка восстания... Но покажите мне такую партию в истории, которая избегла бы экстремальных приемов и методов в борьбе за власть, включая вооруженное восстание. Тем не менее, дальше и после «июльских дней» продолжается чисто политическая борьба – и большевики очень грамотно, во всех легальных, многочисленных тогда возникавших органах (не только в Советах), просто кладут на обе лопатки эсеров, беря и реализуя их аграрную программу. И это стало их главным козырем, наряду с политикой, направленной на немедленное завершение Мировой войны. Когда потом В.М. Чернов сетует и пеняет «Ну как же так? Какие нехорошие! Большевики украли нашу аграрную программу!». Возникает вопрос: кто мешал взять и реализовать собственную программу раньше большевиков?.. Третий съезд эсеровской партии, проходивший в апреле 1917 г., решил почему-то эту программу в данных условиях не претворять в жизнь. Я могу объяснить позицию эсеров соображениями государственной политики. Идет война, нельзя трясти страну... Но она все равно уже трясется, по всем швам трясется!

Про эсеров я мог бы много чего сказать нехорошего. Довольно поганая была партия... В основе ее создания лежал определенный проект, замысел, довольно искусственный и вторичный, на мой взгляд. Народническая идея фактически к концу XIX в. сдохла. Кому-то понадобилось ее реанимировать, включая и террор (для этого и полицейские сотрудники пригодились – я имею в виду Е.Ф. Азефа и прочих), для того чтобы вот такую псевдо-«Народную Волю» создать. Собственно говоря, это мнение не мое, а полицейских чиновников: А.И. Спиридовича, А.В. Герасимова... Фактически, после Азефа партии не было. Реанимировалась она в 1917 г. – неожиданно даже для самих эсеров. Но это уже другой вопрос.

Заканчивая, скажу, что примеры политической борьбы – в самом стандартном, классическом виде – во время

революции (как и в некоторые другие периоды) показывают применение самых разнообразных методов, включая сотрудничество с полицией, двурушничество и т.п. Хотя, конечно, до сих пор у нас на это смотрят через призму переоценки деятельности «нехороших» большевиков и «пушистых» эсеров. Большевики, дескать, применили какие-то сверхжесткие методы по отношению к своим политическим конкурентам и потому только победили... Ну, я думаю, что со стороны большевиков это был нормальный ход политической борьбы.

Не хочу сказать, что все средства хороши, но надо использовать всю палитру средств в политической борьбе – и никто никогда победителей не осудит за это.

Кузнецов В.Н. [Российская многопартийность – не искусственно созданный феномен, а порождение российского общества]

Что такое российская многопартийность? Социальные группы имели свои интересы, но в абсолютистско-авторитарном государстве как-то выразить их не представлялось возможным: отсутствовали политические непартийные институты. Так, и народовольцы вряд ли бы пошли в террористы, если бы в России существовала оппозиционная печать, хотя бы относительная свобода собраний и т.д., профсоюзы, не говоря о парламенте. Неудивительно, что первыми организовались революционные партии, выражающие интересы тех классов, которым был наиболее плотно заткнут рот. Либералы выпускали пар через земства, банкетные компании, толстые журналы.

То, что многопартийность являлась не искусственным созданием В.И. Ленина, В.М. Чернова, П.Б. Струве и других – это хорошо показывает ситуация с партийцами (я имею в виду левые партии) и руководящими кадрами на местах. Здесь шел постоянный приток новых сил. Только одних отправят в тюрьму, в ссылку, на каторгу, даже на виселицу – их место заступают новые: рабочие, учителя, земские служащие, крестьяне, даже присяжные поверенные (хотя в годы третьеиюньской монархии в заметно меньшем масштабе, но это легко объяснимо). Если посмотреть на персональный состав

эсеров или социал-демократов на местах в 1905 г., даже в 1907 г. – и всего через 9 лет, в 1916 г. и начале 1917 г., то это почти на 100% разные люди.

О левых партиях как результате самоорганизации общества говорит и постоянное противопоставление в рамках партийных организаций и групп партийных «генералов»-интеллигентов и рабочих низов. Интеллигенты всегда были менее склонны к риску, более осторожны, и партийным низам приходилось порою со скандалом, под сильным давлением вынуждать «генералов» вести, например, кружковую работу. Рядовые партийцы сознавали свою некомпетентность во многих вопросах и намеренно передавали руководство интеллигентам, чего те далеко не всегда не хотели (ситуация напоминает властebоязнь умеренных социалистов в 1917 г.). То, что рядовые партийцы буквально требовали политической работы в рамках политической партии, говорит о востребованности ее среди части активного населения.

В этих условиях партии были сильны не продуманными программами, авторитетными вожаками, правильными организациями, а тем, насколько социальные группы видели в них защитников своих интересов. Говорить о том, что партии руководили народом, вели его за собой – неправильно. Они для этого не имели необходимых механизмов. Как они могли воздействовать на общественное сознание, будучи, как, например, революционеры, относительно немногочисленными, гонимыми, в не очень грамотной стране? Даже проправительственные партии (как октябристы при П.А. Столыпине) не имели к этому возможностей – телевизора еще не придумали.

Насколько близкие к власти партии были ничтожны с точки зрения влияния на население, на формирование политической картины – показывают оба избирательных закона и сами выборы. Популярность октябристов, кадетов (не говоря о такой экзотике как прогрессисты), среди рабочих и крестьян все время оставалась близкой к нулю. Как-то странно представить себе в той дореволюционной реальности, чтобы крестьянин голосовал за помещика, а общинник за хуторянина или отрубщика, чтобы рабочий голосовал за бизнесмена. В

нашей же реальности правящая партия собирает голоса (и немало) и в низовом электорате. Это уже время возможности формирования общественного сознания.

Агитатором являлась жизнь: во-первых, их быт, а вторых, такие крупные исторические события, как аграрная реформа П.А. Столыпина, Мировая война. Оборончество стало политической реальностью в России не потому что Г.В. Плеханов решил, что Германия должна быть побеждена, а потому что оборонческие настроения неизбежно должны были возникнуть у части населения. То же и про другие политические течения. Популярность оборончества или интернационализма решалась не рыцарским поединком Г.В. Плеханова и В.И. Ленина или Ю.О. Мартова, а тем, какую позицию поддерживало большинство. Это большинство, естественно, могло колебаться. Поэтому рост авторитета в 1917 г. эсеров, меньшевиков, потом большевиков – не результат умелого редактирования партийных газет или удачно проведенных митингов, а желаний и нежеланий непартийных людей, которые формировала жизнь. Можно сказать и так: правительственные партии опосредованно влияли на сознание людей через политику государства, которая решала или не решала те или иные проблемы, но это уже нечто иное, все-таки партии и государство – это разные политические институты.

Яркий пример дает Симбирская губерния. Здесь в 1917 г. большевики, как партийная организованная сила, были крайне слабы и никак не могли бы повести за собой массы на установление власти Советов. Но Советская власть была установлена и здесь (в декабре 1917 г.) – и ясно, почему. Солдаты-тыловики и часть рабочих, кстати сказать, при большой поддержке максималистов и левых эсеров, буквально внесли большевиков во власть. Не играло роли, что это были за люди такие – большевики, каков был их партстаж, знали ли они сами азы марксизма и читали ли партийную периодику.

Будучи порождением общества – политические партии не могли не быть его отражением. Менялось общество, изменялись и партии. Эти изменения проходили, будучи не отмеченными ни в каких партийных документах, – но они были. Поэтому, когда мы говорим «эсеры», «меньшевики» или

«большевики», то нужно понимать, что в разные временные отрезки под подобными названиями выступают довольно различные явления. Эсеры 1905 г. – это не то же, что эсеры 1913 г. или 1917 г. В 1905 г. ПСР – партия активной политической борьбы, героизма, относительно тесных связей с крестьянством. В 1913 г. – это небольшие интеллигентские кружки, которые больше говорят, чем делают, и фактически стоят на ликвидаторских позициях. В 1917 г. – это полководье новых членов с самыми разными взглядами и на войну, и на власть, и на аграрный вопрос... – партия, боящаяся власти. В основе этих изменений – изменение общества: в первом случае сильны надежды на свержение царизма, на скорый конец николаевской России, во втором – неверие в близкий крах монархии, разочарование в революции, когда, обжегшись на молоке, дуешь на воду, в третьем случае – вначале вновь надежды, а затем – разочарование в происходящем.

То же и большевики. В 1905 г. они мало чем отличаются от эсеров. У их есть боевые дружины, они готовят бомбы, проводят экспроприации. В дальнейшем – это партия кружковой работы и стачек, затем преимущественно легальной работы. Изменилась партия и в 1917 г. Местные организации в Поволжье до апреля умеренно критиковали Временное правительство, в целом поддерживая его, а после апреля начинают переходить от критики к борьбе с ним, стремятся прийти к власти. Почему это произошло? Конечно, роль сыграли «Апрельские тезисы» В.И. Ленина, но читал ли их мастерской Саратова, который, раньше или позже, понял, что с Временным правительством каши не сварить, что власть надо менять – и с энтузиазмом слушавший подобные речи членов РСДРП (б).

Это не мелочные изменения – меняются методы, а главное – цели. С изменением цели меняется и социальный состав партии, что хорошо иллюстрируют эсеры, когда в 1917 г. членами партии стали те, кто был не мыслим в ее составе в 1905 г. Если бы в РСДРП (б) победила бы правое, каменевское крыло (а оно победило бы, если бы большевистский электорат в большинстве своем думал как Л.Б. Каменев – но те, кто думал подобным образом, уже находились в рамках меньшевиков или

эсеров), то и в эту партию пришли бы собственники, состоятельная интеллигенция и другие. Цели способны серьезно изменить партию. Когда большевики придут к власти, то возникнет новая задача – удержаться там, что нередко не было связано с делом реальной защиты интересов рабочих, повышения их жизненного уровня. Как следствие, падает доля рабочих в РКП (б), и в дальнейшем процент рабочих будет поддерживаться искусственно.

Если рассматривать местные организации, то можно утверждать, что между большевиками 1906 г. и 1919–1929–1939 гг. имеются заметные различия. В 1907 г. абсолютное большинство партийцев – это рабочие, объединенные в районы и ячейки, цель существования партии – борьба за интересы пролетариата, стремление помочь ему путем стачек, публикаций о жизни рабочих, их противостоянии с капиталом и властью, уменьшить рабочий день, увеличить зарплату... – это партия, выступающая за демократические права и свободы. В 1920–1930-е гг. – это партия, запрещающая классовую борьбу рабочих, в том числе стачки, подавляющая политические свободы; партия, где главную роль играет партийное чиновничество. В обществе появился новый социальный слой – советская бюрократия, рупором которой стала правящая тогда партия. Из партии – защитницы интересов пролетариев, РКП (б)–ВКП (б) стала партией, выражающей интересы государства. Интересы рабочих и государства могли совпадать, а могли и не совпадать. Политика, проводимая партией, объективно могла быть в интересах народа (пример: индустриализация), но могла не быть. Изменился персональный состав партийцев – как через смену поколений, так и через репрессии.

Оставалось и общее в истории коммунистической партии (помимо исторической преемственности) – активное неприятие частной собственности и старых классов, связанных с нею... Но ведь эти взгляды не являлись монополией РКП (б) – ВКП (б). Эсеры, например, выступали против частной собственности на землю. Максималисты вообще ратовали за Трудовую республику...

Таким образом, я бы сделал общий вывод: многопартийность в нашей стране породила сама ее история, и партии менялись (и весьма серьезно) вместе с обществом.

С.А. Магарил. [Цель политической партии – участие во власти]

Уважаемые коллеги! Ваш покорный слуга не является профессиональным историком. Поэтому мне, возможно, будет сложно вписаться в ваш исторический дискурс. Но я думаю, что тем полезнее будет услышать ваши критические суждения.

У меня есть некоторый личный опыт: с 1990 г. я – член Социал-демократической партии (пока она как-то существовала в организационном таком, оформленном виде), а чуть раньше – еще и участник неформального социал-демократического движения.

Теперь по существу одна реплика. Мне кажется, что цель политической партии не борьба за власть, а за участие во власти, чтобы не претендовать на доминирующие позиции, как «Единая Россия» а того и чего хуже.

Теперь несколько реплик по поводу нашей многопартийности начала XX в. Сошлюсь на народника известного П.П. Маслова и на М. Палеолога, которые писали в своих мемуарах, что сознание русского крестьянства той эпохи – это сознание примерно человека XVII в., а то и чуток раньше. В.Г. Короленко, изучая причины аграрного террора начала XX в. в очерке «Земли! Земли!» описывает разговор с одним крестьянином. Когда его писатель спросил о причинах погрома, грабежа барских усадеб, тот возвел очи горе и сказал примерно следующее: «Пока дитя не плачет, там, наверху, не разумеют».

Ну и теперь реплика К. Мангейма: «После того как в политику массово вступили широкие слои общества – одна из основных задач научить их цивилизованно изъяснять свою волю». Честно говоря, я не очень себе представляю, как можно в отсутствие многопартийности цивилизованно изъяснять волю социальных слоев, интересы которых существенно не совпадают, а в ряде случаев и отчетливо противоположны. Мне кажется, что надо двигаться в этом направлении. Иначе неизбежно аккумулятивное протестных настроений со всеми

вытекающими из этого последствиями, которые мы сейчас видим на примере Украины.

Теперь вот, обобщая многочисленные попытки создания какой-то цивилизованной, вменяемой по европейским стандартам социал-демократической партии, лично я пришел к выводу о том, что социал-демократическое послание не имеет сколько-нибудь представительного адресата. Не к кому обращаться. Это отдельные разрозненные группы более или менее образованных людей – и не более того.

Скажем, параллельно изучая опыт шведской социал-демократии, я наткнулся на интересную констатацию о том, что шведская социал-демократия опиралась, как выяснилось, на широкое представительное просветительское движение примерно так последней трети ну, может быть, четверти XIX в. (чего в России, собственно говоря, не было). Ну и потом шведская образовательная система, по-видимому, сумела воспитать интеллектуалов, которые достаточно рано поняли разрушительный характер концепции классово-борьбы – и сумели от нее отказаться. В одной из их избирательных программ написано: «В то время как большевики спекулируют на различиях, мы сосредотачиваем свое внимание на общем и объединяющем».

Еще один тезис, уже относительно перспектив сегодняшней российской многопартийности. На мой взгляд, социометрия достаточно отчетливо свидетельствует о том, что доминирующий социальный тип нашей нынешней России «Акакий Акакиевич Башмачкин» – маленький, беспомощный социальный изолянт, трепещущий перед властями, который может воспроизводить некий пылеобразный, атомизированный социум. До тех пор, пока это будет так – боюсь, что при всей важности и значимости представительства в законодательном процессе интересов массовых слоев общества – нам не преуспеть. Это притом что с того момента, когда гений Н.В. Гоголя вывел этот социальный тип на авансцену литературы – за полтора столетия – в России много кое-чего произошло. Но этот социальный тип продолжает, к сожалению, воспроизводиться.

Ну и еще одна реплика, дополняющая уже сказанное. Если посмотреть на макросоциальные стратегии основных групп нынешнего российского общества (административно-политическая элита, крупнейший бизнес, контролирующей основные финансовые потоки, интеллигенция, массовые слои общества), то несложно понять, что эти социальные стратегии направлены не на реализацию, а, в очередной раз, на дезорганизацию, дезинтеграцию общества.

Отсюда, может быть, самая насущная и неотложная задача (наверняка все присутствующие работают в студенческих аудиториях) – осваивать политико-правовую культуру, адекватную реалиям XXI в. За наш диктаторский XX в. наше общество не сумело приблизиться к правовому государству (это, собственно говоря, очевидно), не сумело освоить современную политико-правовую культуру. Предстоит догонять. Иначе, боюсь, что нас ждут очередные потрясения. Спасибо, коллеги. У меня все.

Я.В. Леонтьев. Прошу извинения, я все-таки хотел бы уточнить: как можно вообще ссылаться на М. Палеолога, который, я подозреваю, ни разу вообще в русской деревне не бывал, характеризуя русских крестьян начала XX в., и их менталитет сравнивая с трехсотлетней давностью. Простите, о каких крестьянах вы говорите?

С.А. Магарил. А Маслов, выходец из крестьянской среды, вас убеждает?

Я.В. Леонтьев. Так вот, я думаю, что и в Москве, и в Петербурге половина, как минимум (а на самом деле может быть и больше), фабрично-заводских рабочих составляли крестьяне-отходники (по паспорту – крестьяне). А в селе Сормово (крупнейший промышленный центр Нижегородской губернии) они и вовсе не могли быть мещанами – там все были крестьяне. Поэтому о каких крестьянах вы говорите?

Вот здесь надо четко уточнить, что Российская империя была сословным государством, и большая часть рабочего класса на самом деле были крестьянами-отходниками. А иногда и сезонными рабочими.

С.А. Магарил. Я не вижу, чтобы это что-то изменило принципиально в крестьянах.

Я.В. Леонтьев. Это принципиально, простите! Это марксистская терминология. Это марксистский подход.

С.А. Магарил. То же самое писал французский аристократ Палеолог. В любом случае, спасибо, уважаемый коллега. Есть над чем подумать.

Я.В. Леонтьев. Да, да.

С.А. Магарил. Если можно, я хотел бы задать один вопрос коллеге В.Л. Дьячкову. Просто в свое время я не успел это сделать.

Мне приходилось слышать две цифры: что сегодня женское население России превышает мужское примерно то ли на 13, то ли на 15 млн человек. Чего ждать? Вспышки низового террора по прецеденту начала XX в. или, согласно опасениям Н.Я. Данилевского, можем опуститься в этнографический материал? За любой ответ признателен.

В.Л. Дьячков. Да нет проблем. Никакой вспышки нам сейчас ожидать нельзя, потому что, во-первых, у нас нет главного – у нас нет той проблемы, которая питала агрессию тогда. У нас нет перенаселения с последующим стрессом и агрессией – массовой и индивидуальной. У нас этой связи сейчас нет. Во-вторых, эта разница в женщинах – она в тех возрастах, где это никакого значения не имеет. Эта разница набралась за счет Великой Отечественной войны. Ну и немножко добавили... Это разница не там, не в молодых. Никакого значения не имеет. Это разница в 80-летних – в тех, кому от 75 лет и выше. А в остальной части пирамиды это составляет 49% и 51%.

С.А. Магарил. Спасибо большое. Если я правильно понял, то мы продолжим движение по инерционной траектории?

В.Л. Дьячков. Нет. Мы будем двигаться поступательно.

С.Ю. Разин. У меня маленькая реплика.

Как человек, несколько лет проработавший в партии «Единая Россия», не могу пройти мимо вот этой, несколько раз прозвучавшей, мысли о том, что «Единая Россия» – это правящая или доминирующая партия. Коллеги, ну ни с какого бока «Единая Россия» правящей партией не является! Даже

если мы возьмем классическую политологию – ну не формирует она правительство, Президент не является членом партии «Единая Россия». И даже тогда, когда он был лидером партийного списка, может быть, не все это знают, главным его условием лидерства над этим партийным списком было невхождение в партию «Единая Россия». То есть он был лидером партийного списка, его называли лидером партии, но при этом Владимир Владимирович [Путин] не был членом партии «Единая Россия».

А.А. Куренышев. Это уже наши какие-то парадоксы политические...

С.Ю. Разин. Вот это еще раз об уникальности... Можете представить такую штуку, чтобы Генеральный секретарь ЦК КПСС не был бы членом Коммунистической партии Советского Союза.

В.Л. Дьячков. В душе...

Я.В. Леонтьев. А региональная политическая элита как это делала, вы знаете?

С.Ю. Разин. Только они сначала становились губернаторами, а затем становились членами «Единой России». Многие.

А.В. Гордон. Ну, переходные режимы в Третьем мире все были основаны на структуре: Вождь и Народный фронт. Похоже, что у нас что-то такое намечается нечто похожее.

С.Ю. Разин. Ну, «Народный фронт» – это не «Единая Россия». Кстати говоря, обратите внимание на то, что в этом году даже съезд партии «Единая Россия» не проводился.

Д.И. Люкшин. А зачем?

В.П. Булдаков. Зачем он нужен?

С.Ю. Разин. Я о том и говорю – зачем он нужен...

В.П. Булдаков. Ну, действительно, чего тут теоретизировать? Надо все-таки понимать, что это псевдополитическое жульничество – и нельзя его в теорию возводить. Не надо теоретизировать, надо называть вещи своими простыми именами.

В.В. Корнеев. [Современная российская многопартийность: проблема доверия]

Мне представляется, что история как наука имеет не только учебно-научный характер, но и должна отвечать на вопросы дня сегодняшнего.

Меня очень волнует та общественная реакция на состояние нашей многопартийности, которая имеет место в настоящее время в России. Очень хорошо помню, что было в конце 1980-х гг., когда только ленивый не пинал нашу КПСС, рассуждая о ее историческом пути.

Сегодня же мы, я имею в виду столпов наших, боимся порой – это невыгодно – сказать, опубликовать где-то, высказаться по поводу того положения, которое сегодня занимает «Единая Россия». Что это такое? Политическая партия или квази- какое-то образование, государственно-партийная структура и т.д.? Мне представляется, что для ученых есть здесь тоже поле для исследований. Здесь очень много вопросов. Вот, к примеру, один из вопросов: почему наша власть не продолжила опираться в нулевые годы на партии вроде «СПС», «Правое дело» и т.д. (на этот спектр), а отбросила их?

Какова социальная база политических партий? Почему, например, заключенные тюрем и лагерей голосуют за ЛДПР? Есть же эта статистика. Надо сказать, что я сам был наблюдателем в одном СИЗО – и там более 80% проголосовали за партию Владимира Вольфовича [Жириновского]. Надо прекрасно понимать, что у нас в заключении находятся не только мелкие воришки, но и личности типа М.Б. Ходорковского – грамотные, образованные и т.д.

Что касается самой «Единой России», то, в принципе, социальная база и некоторые идеологические программные установки – они тоже весьма любопытны. Например, в период расцвета партии «Единая Россия» (на 1 апреля 2008 г.) подавляющую часть ее членов (58,7%) составляли служащие госаппарата. В это время в ней состояли 107 членов Совета Федерации, а в Государственной Думе 2003–2007 гг. членами партии являлись 18 из 20 миллиардеров, которые в это время находились в нашем парламенте. Я думаю, что ситуация не изменилась – и она требует изучения.

Я отвечу на тот вопрос, который был поставлен (мне представляется, что проблемы сегодня организаторами

вынесены очень интересные). Один из вопросов сформулирован: «Перспективы современной российской многопартийности: возможна ли новая однопартийная диктатура?». На мой взгляд, она уже существует. В иных формах, в новых исторических условиях, но, собственно говоря, «Единая Россия» пользуется административными, законодательными, информационными и, вероятнее всего, финансовыми ресурсами государства.

Интересно, что сами лидеры этой партии признают, что в период создания партии они повсеместно нарушали закон. Вот, к примеру, в июне 2008 г. бывший лидер этой партии Б.В. Грызлов заявил: «Мы должны устранить перегибы, которые имели место 6–7 лет назад, когда в партию принимались целые коллективы. В этой ситуации, к сожалению, имели место случаи, когда партийные билеты в реестре были записаны за людьми, которые узнают об этом впервые». То есть признано, что был нарушен важнейший принцип партийного строительства – принцип индивидуального членского приема – и, вопреки законодательству, партия строилась не по территориальному, а по территориально-производственному принципу.

Меня как вузовского преподавателя волнует следующая ситуация: по опросам «Левада-Центра» в 2013 г. доверяли нашим выборам по партийным спискам всего 26%. С каждым выбором у нас разочаровывающихся все больше и больше. Что делать? Задают вопросы студенты, задают вопросы просто граждане, а ответов пока особых нет.

С.Ю. Разин. Когда я работал в «Единой России», то у нас существовал такой план («вал», что называется), согласно которому надо было выдать энное количество новых членов партии, вступивших в местное отделение. Как это очень часто делалось? Условно говоря, руководитель Исполкома местного отделения приходил к директору ДЭЗа, который был членом политсовета местного отделения, и через 2–3 дня появлялось 200 или 300 анкет. Если бы вы посмотрели эти анкеты, то тогда вы бы сказали, что «Единая Россия» – это не всероссийская, а «советская», международная политическая партия. Там такие лица были... То есть 200–300 человек принять разом узбекских,

таджикских, молдавских дворников – это нормально. Причем все они, естественно, «читали» программу партии «Единая Россия».

А.В. Гордон. И согласны.

С.Ю. Разин. Да, согласны были.

В.В. Шелохаев: Два момента.

Были предшественники. Октябристы в свои ряды рабочих записывали на заводах, фабриках, владельцами которых являлись. Это российский опыт.

Но у меня вопрос [*С.Ю. Разину*]: вот вы говорите, что были членом партии или сейчас состоите. В.П. Булдаков поставил вопрос о психологии – почему? Вот вы – интеллигент. Но для практики было бы нам интересно услышать, что же вас привело в эту партию, какие цели? Почему вы остались или оттуда вышли?

А.А. Куреныхев. Да-а! Это почти как партийная чистка для вас...

С.Ю. Разин. Я отвечу на этот вопрос. Я вступил в партию «Единая Россия»...

А.А. Куреныхев. Чтобы подорвать ее изнутри! Да?

С.Ю. Разин. Вступил по очень простой причине... Для меня вот этот шаг был, в каком-то, смысле шагом в поддержку В.В. Путина. Потому что то, что делал Путин в первый президентский срок – это, как мне кажется, были шаги, направленные на то, чтобы Россию от той пропасти распада, у которой она, совершенно очевидно, стояла в конце 90-х гг., отодвинуть. И кое-что, я думаю, Путину все-таки в этом смысле удалось. То есть с моей стороны это был шаг – на фоне эпохи Е.Б.Н. [*Ельцина Бориса Николаевича*] – в поддержку Путина. Я шел не в политическую партию, а голосовал тем самым за конкретного политического деятеля.

Д.И. Люкшин. Переживали период романтизма политического?

С.Ю. Разин. Романтизмы разные бывают.

В.В. Булдаков. Вот скажите, пожалуйста, после этого самого опыта – печального или не печального – это сами решите...

С.Ю. Разин. Разного.

В.П. Булдаков. Не кажется ли вам, что в данном случае дело не в партиях?

Понимаете, у нас партии-то странные: одни партии – по назначению, некоторые действительно, как-то снизу вырастают, третьи – на каких-то моральных основаниях базируются... Не кажется ли вам, что нынешней власти все равно: многопартийность, однопартийность? Наплевать ей на это! Она опиралась одно время на «Единую Россию», сейчас ее задвинули – «Народный фронт» появился... В общем-то, все эти «партии по назначению» – это фиговые листки, которыми власть прикрывает свой срам. Только и всего. Строить серьезные теории о нынешней многопартийности, как мы привыкли, применительно к современности нельзя. Сегодня было сказано, по-моему, предельно ясно: никакой преемственности с прежней партийно-политической структурой нынешняя – не имеет.

Другое дело, что и в той, и в другой ситуации многопартийность – это показатель, индикатор системного кризиса общества и беспорядочных попыток выйти из этого болезненного состояния.

С.Ю. Разин. Вы знаете, Владимир Прохорович, я, может быть, несколько сумбурно, но с самого начала нашего круглого стола ровно то же самое пытаюсь сказать. Дело не в политических партиях, и не они были решающими факторами в системных кризисах российского общества. Вопрос о власти в России решался и решается в неполитическом измерении.

А.А. Куреньшев. А как же он решается? Господом Богом?

Д.И. Люкшин. Может быть, во внепартийном?

А.А. Куреньшев. А какая разница?

В.П. Булдаков. Да очень большая.

Вы знаете, вот совсем недавно в «Вышке» [*Высшей школе экономики*] проходила конференция, посвященная нашим советским вождям. Говорили преимущественно о Сталине и Брежневе. Ленина словно напрочь забыли. Конечно, возникали и некоторые другие фигуры. Но любопытнее другое: эмоции куда-то исчезли. Примечательно высказался Ст. Коткин из Принстонского университета. Он только что закончил

первый том книги, которая называется «Сталин» (том кончается двадцатыми годами и состоит из тысячи страниц). Всего будет три тома. Это очень известный автор и очень неортодоксальный, применительно к американской советологии, автор. И он, рассматривая фигуру Сталина, опирается на понятие «политический ландшафт». То есть личность оценивается именно на фоне соответствующего политического ландшафта. Я ему заметил, что вообще-то в России с «политическим ландшафтом» и со всем «политическим» – плохо, у нас страна дополитическая, учитывая, что термин политика ведет свое начало от слова «полис». Надо мерить другими критериями. Он отвечает: «Да, совершенно верно, ландшафт надо понимать в более широком смысле». Я думаю, он прав. Надо все-таки оценивать и партии, и власть, и вообще всю систему, исходя из весьма широких критериев. Достойны ли были партии объективно стоящих перед страной задач?

Сергей Юрьевич [*Разин*] к месту, наверное, заметил, что он политический свой выбор сделал, руководствуясь какими-то моральными установками, идеалистическими причем. Он это, как видим, признает. И так у нас, в нашей дополитической среде, происходит постоянно. Я уже не первый раз встречаюсь с членами различных партий, которые были когда-то чуть ли не функционерами активными, а теперь пишут разоблачительные диссертации о том, как плохо в партийных организациях. Для нас это дело обычное. Это мы должны учитывать.

Д.И. Рублев. [Непартийные политические организации в контексте российской многопартийной системы]

Хотелось бы немного сказать об одном из важных аспектов изучения многопартийности, не получившим внимания со стороны выступающих. Мы говорим сейчас о политических партиях. Но почему мы с вами не вспоминаем о том, что существуют иные типы организаций (можно их рассматривать как переходные), которые выдвигают политические цели, но не рассматриваются их создателями и

участниками в качестве партий? В качестве таковых их, как правило, не рассматривают и исследователи.

Приведу в качестве примера такое забытое сегодня докладчиками, но во многих отношениях замечательное политическое течение как анархисты, которое в России и в ряде других стран в начале XX в. было довольно заметно, хотя нельзя сказать, что оно было доминирующим. Они никогда не представляли собой политическую партию.

Более того, анархистская идеология традиционно отрицала такую форму организации. Были, правда, проекты создания политических партий анархистов у отдельных лидеров российского анархизма, например, Д.И. Новомирского и П.А. Аршинова. Но они, кстати говоря, так и не были реализованы. Кроме того, если мы говорим об анархистах, необходимо вспомнить и весьма близкое им течение эсеров-максималистов, которые также никогда не называли себя партией, отрицали это понятие, противопоставляя ему термин «союз». «Союз социалистов-революционеров-максималистов» – название, которое они дали своей организации. Такую же ситуацию можно было наблюдать у иных радикальных политических течений и групп (кружки синдикалистов, «махаевцы»). По отношению к этим течениям Б.И. Горев (начинавший как большевик, затем перешедший на меньшевистские позиции, затем ставший опять большевиком) ввел термин «антипарламентские группы». Он учитывал некий сближающий момент в их тактике – антипарламентаризм, под который подводилось обоснование с леворадикальных позиций.

Горев фактически предвосхитил введение в оборот термина, идентичного понятию «внепарламентская оппозиция», который с 1960-х гг. использовали исследователи многопартийности и политические активисты в ФРГ. К этому политическому спектру относили огромное число леворадикальных маоистских, троцкистских, анархистских, каких-то групп синтетической идеологии, «новых левых». Одним словом, всех тех, кто по мировоззренческим или тактическим мотивам не участвовал в парламентской деятельности, представляя при этом значительную политическую силу. Пожалуй, ярким примером здесь является

«Социалистический союз немецких студентов». В истории США примером такого рода организации были «Студенты за демократическое общество». Почему бы не рассматривать такого рода структуры как особую модель политической организации?

Что касается современной России... Здесь также существует масса небольших групп, организаций, непартийных политизированных структур, которые во время массовых выступлений, в ситуации развертывания социальных и политических движений, играют роль небольших мобилизационных центров, привлекающих потенциальных активистов.

Могу сказать, как человек, участвовавший в движении против точечной застройки в Москве в 2007–2008 гг., что в нем были весьма заметны представители такого рода организаций, как левых, так и либеральных. Активисты таких структур, которые нельзя назвать партиями.

Ну и, наконец, кратко скажу еще об одном типе политической организации, которая партией по определению не является. Я напому, что существуют профсоюзы, которые выдвигают политические цели. Например, анархо-синдикалистские профсоюзные центры. Наиболее ярким примером, своеобразным феноменом в истории политических партий и движений является «Национальная конфедерация труда» Испании, которая в годы Гражданской войны 1936–1939 гг. серьезно повлияла на политический ландшафт этой страны, участвовала в формировании правительства, хотя при всем при том ни по уставным документам, ни по тактике и стратегии своей борьбы не являлась политической партией, оставаясь федерацией анархо-синдикалистских профсоюзов. Но ее влияние было куда серьезней, чем то, которое имели политические организации анархистов, в том числе небольшая партия синдикалистов, которая параллельно действовала и участвовала в выборах.

Вот эти моменты, мне кажется, мы должны учитывать, когда обсуждаем многопартийность. В реальности поле политических организаций и их типология гораздо более

сложны и многообразны, чем нам представляется. Почему только партии? И почему обязательно участие во власти?

Мне понравилось прозвучавшая сегодня мысль относительно того, что не все политические организации должны претендовать на власть. Еще раз повторяюсь, существуют политические организации, принципиально отрицающие участие во власти: это и анархисты, и новые левые. Тем не менее, они выступают за изменение политической модели путем действий снизу. Опять-таки, это определенная стратегия социально-политической борьбы, которую необходимо учитывать при изучении проблем многопартийности.

А.В. Костров. [Российская многопартийность как попытка]

В развитие предшествующего выступления хотелось бы привести один модельный пример.

Мы очень часто замыкаемся на рассмотрении вершины политического айсберга, а что там происходит ближе к дну или, используя сухопутную терминологию, – к фундаменту, не замечаем. В тот самый 1917 г. для участия в выборах в Учредительное собрание старообрядцами Забайкальской области был создан «Союз старообрядцев Забайкалья». По сути это была политическая организация, созданная по конфессиональному признаку. Несмотря на то, что по официальным данным старообрядцев в регионе было более 70 тыс., а по неофициальным данным их численность доходила до 100 тыс., в списках этого союза значилось всего 118 человек. Характерно при этом, что организаторами выступили представители самого, если можно так выразиться, интеллигентного согласия старообрядчества – белокрыницкого. Но проблема в том, что в аграрном регионе страны это торговое согласие было малочисленно и представители других многочисленных аграрно-традиционалистских согласий их не поддерживали и за ними не шли. Во многом эта микромодель совпала с общероссийскими тенденциями. Во-первых, крестьянская цивилизация не хотела идти за торговыми буржуазными партиями. Во-вторых, в силу своего многообразия и многомерности она не могла сама выработать

единые подходы к решению общих проблем. В-третьих, оставалось ждать объединяющего модернизатора, делающего упор на общие фундаментальные ценности этой цивилизации. В итоге ответ на этот социальный запрос был получен на макро-, а потом и на микроуровне.

Поэтому российская многопартийность – это попытка ее [многопартийности]. Благая попытка разных групп предложить свой взгляд на общий путь. Она может предприниматься снизу, сбоку, сверху или одновременно. Но попытка эта, как правило, неудачная. Ибо плюрализм в российской географии – и как следствие в истории – традиционно побеждается этатистским монизмом.

И это характерно не только для России. Подобный подход относительно эффективного использования государственной партии использовали разные страны. Тот же успешный Китай создал за счет этого свою базу и только потом перешел к игре в многопартийность сверху. В истории нет эталона, поэтому и европейский опыт не стоит рассматривать как таковой. Как говорится, возможны варианты. Разные условия – разное развитие, при наличии общих черт.

В.В. Кулачков. [Ведущие или ведомые? Особенности деятельности партии меньшевиков в Западном регионе России 1920-х гг.]

В своем выступлении мне хотелось бы остановиться на специфике поведения российских политических партий начала XX в.

Ход исторического развития давно показал, что в обществе постоянно происходит подчинение одних людей другими, что, прежде всего, выражается в экономическом и социокультурном неравенстве. При этом и для сферы политики это утверждение более чем актуально, так как политические партии тоже могут быть как ведущими, так и ведомыми. В частности, правящие партии в силу принадлежности к власти самым непосредственным образом влияют на принятие решений. В свою очередь, оппозиционные партии могут влиять лишь опосредованно, так как не обладают полнотой политической власти в государстве.

В связи с этим весьма эффективным является рассмотрение деятельности российских партий при введении в научный оборот новых архивных материалов. Очевидно, что февральские события 1917 г. привели к радикальным изменениям в развитии страны. В период с Февраля по Октябрь 1917 г. меньшевистское крыло РСДРП сумело стать ведущей силой социал-демократического движения. Однако захват власти большевиками привел к тому, что меньшевики были вынуждены уйти в оппозицию и стали восприниматься новым советским руководством в качестве потенциальной угрозы.

Понятно, что события Гражданской войны не способствовали эффективному партийному строительству. Однако РСДРП (м) не смирилась с ролью ведомой партии, что подтверждают «Апрельские тезисы» Ю.О. Мартова (1920 г.). В перспективе, программные установки, сформулированные лидером партии, должны были стать основой для объединения социал-демократических сил. И, по всей видимости, местные отделения РСДРП (м) активизировали свою работу под влиянием тезисов своего руководителя. Архивные материалы Западного региона России 1920-х гг. наглядно это подтверждают. В частности, докладные записки уездных комитетов РКП (б) Смоленской губернии о политическом настроении в уездах за 1920 г. содержат ценную информацию об активизации деятельности меньшевистской партии. В донесении одного из местных работников Главного политического управления путей сообщения В. Попова сообщалось, что многие признаки указывают на оживление деятельности меньшевиков (*«В Рославле состоялось секретное совещание меньшевиков. Во время проведения митинга в рославльских мастерских также можно было усмотреть влияние меньшевиков. В Могилеве во время выборов в горсовет выступления меньшевиков были в достаточной степени обдуманными и энергичными»*).

Видимо, активизация меньшевиков и стала одной из причин усиления репрессий против них. Тем более что на выборах в Советы (1920 г.) меньшевики были достаточно успешны. В результате в мае 1920 г. было принято специальное Постановление ЦК РКП (б), запрещавшее меньшевистскую

печать. Позже в народные комиссариаты поступило предписание высылать в провинцию меньшевиков, которые играли весомую политическую роль. В декабре 1921 г. было опубликовано Постановление Политбюро ЦК РКП (б) «О меньшевиках», предписывавшее не допускать их к политической деятельности и лишать права занимать выборные должности.

Таким образом, попытка меньшевиков перейти на ведущие роли в политической жизни страны потерпела неудачу. При этом большевистские силовые методы решения политических проблем, ликвидация политических конкурентов и курс на монополизацию власти негативно отразился и на судьбе других партий.

В результате большевики добились своего, но история ярко доказала пагубность отсутствия конкуренции и альтернатив для развития России.

И.С. Розенталь. [Партийность и исторический опыт начала XX в.]

Появление в России партийной дифференциации не получило у современников однозначной оценки. Одними она воспринималась как закономерный шаг вперед, другими – как нечто чужеродное, раскалывающее народное единство, третьи (В.О. Ключевский, М.М. Ковалевский) сочли образование партий преждевременным.

На первый взгляд, скорее правы оказались скептики. После Первой революции численность всех партий многократно сократилась, до февраля 1917 г. почти все они оставались нелегальными или полуполегалными. Не удавалось блокирование партий (единственное исключение – Прогрессивный блок). Не избежал упадка и разделения на партии и правомонархический лагерь, претендовавший на представительство всего народа. Значительная часть верхнего слоя образованного общества, не говоря уже об основной массе интеллигенции, вообще предпочла беспартийность.

Безусловное значение после насильственной ликвидации многопартийности большевиками имели попытки осмыслить то, что произошло в России в 1914–1920 гг., следуя при этом идеологическим доктринам или их отвергая. Прошли

прежде всего проверку на адекватность те оценки действительности и прогнозы, которые ранее выдвигали разные партии. Как теперь ясно, к более глубоким выводам удавалось прийти лишь тем, кто был способен критически взглянуть на собственные воззрения и деятельность своих партий в прошлом (это относится, например, к таким кадетским деятелям как В.А. Маклаков или В.И. Вернадский), тогда как косность, инерция и догматизм не могли помочь верному пониманию всего, что кардинально изменило жизнь миллионов. Ограничимся далее некоторыми показательными высказываниями в пределах 1920-х гг., они в той или иной степени оказывали и оказывают воздействие на историографию.

Падение монархии и поражение в Гражданской войне сторонников ее реставрации укрепило в их сознании элементы иррационального, преувеличение фактора случайности, конспирологический синдром. В русском зарубежье они пропагандировали миф о всемирном «жидомасонском» заговоре как первопричине революции, евреи, масоны и интеллигенция отождествлялись с победившими большевиками. У большинства эмигрантов преобладал не трезвый анализ, а эмоциональное неприятие большевизма. В сочетании с инерцией дореволюционной мифологии эмигрантская ностальгия порождала идеализацию дореволюционного порядка, толкала к мечтам о военном реванше, а в дальнейшем к союзу с нацистами.

Напротив, В.И. Вернадский считал «безумием думать, что старое, может, вернется». Схоластичной и неактуальной считал он постановку П.Н. Милюковым вопроса «монархия или республика», ибо главное – «содержание», а не «форма». Подчеркивая, что смотрит по-новому на роль элит в истории, Вернадский отмечал, что большинство новых правителей России «ничтожно и серо», но «у них есть воля и энергия работы, моральная беспринципность и жестокость», тогда как в старой России вокруг царя, в «фантастическую реабилитацию» которого впадает эмигрантская «ничего не знающая молодежь», было «пустое место». Он вспоминал «ужасный подбор» министров «последних лет – да и раньше» и «чувство

дурного общества», какое испытывал, когда сам был избран в Государственный совет. Ему было ясно, что «теперешний развал имеет глубокие корни в недовольстве народных масс той жизнью, какая была создана царским строем», тем более, что «население не выходило из тягот войны».

Расхождение между партийной идеологией как инструментом познания и реалиями революционного периода осознали тогда немногие из социал-демократов. Меншевик А.Э. Дюбуа говорил, что события 1917 г. не подтвердили марксову теорию классов. Поражение партии он объяснял тем, что меньшевики проигнорировали особенности культуры и исторического развития России. Подразумевал он, по всей вероятности, и не ставшее консолидирующим лозунгом «революционное оборончество», которое отстаивали Временное правительство, меньшевики и эсеры. В то время как в Советской России утвердилась идея безальтернативности революции, среди рационально мыслящих эмигрантов обсуждалась возможность эволюционного развития страны, если бы не Мировая война (М.М. Карпович, Л.О. Дан, Н.В. Вольский и др.), и в связи с этим по-разному оценивался достигнутый до войны уровень трансформации государства и общества.

С другой стороны, В.А. Маклаков констатировал неизбежность революционных событий, его анализ отличался многофакторностью, приоритет он отдавал «историческим», то есть долговременным, причинам. Прошлое России, – писал он, – не внушило уважения к праву ни у народа, ни у самодержавия, ни у оппозиции, это «национальная привычка», но «вина» династии была больше. К числу «коренных грехов» старой власти Маклаков относил небрежение национальным вопросом в стране «разноязычной и разноплеменной». Отказ советской России от участия в Мировой войне Маклаков справедливо связывал с тем, что «тяготение к сепаратному миру вышло далеко за пределы большевистской клики», а это в свою очередь стало следствием того, что у солдат-крестьян «не было очень сильно государственное и национальное чувство», но они не были уже и настолько преданы монархии и церкви, чтобы за них «заступиться». Вопреки бытовавшим ранее у

интеллигенции представлениям, «Бог и Царь» не были главными их ценностями.

То, что при большевиках «Россия Францию бросила», это, по мнению Маклакова, проявление «национального эгоизма», который «есть общее правило». Будучи пока еще послом России во Франции, он утверждал, что французы «простили нам то, что мы их бросили». Правда, указанный им сдвиг в общественном мнении произошел не сразу; вначале, по словам генерала Ю.Н. Данилова, французский народ «не мог понять всего драматизма наступившего в России положения», это выразилось в «жесточкой травле русских» в прессе, в изменении отношения к солдатам Русского экспедиционного корпуса и т.д.

Таким образом, Маклаков, оставаясь противником большевизма и, естественно, условий Брестского мира, пытался разглядеть в политике большевиков общенациональное начало, которое сами они тогда отрицали в ожидании мировой революции. Характерно, что к тому же выводу о «неизбежных эгоистических стремлениях отдельных наций», входивших в Антанту, пришли изучавшие опыт Мировой войны бывшие генералы – члены Военно-исторической комиссии при Главном штабе Красной армии А.А. Свечин, Д.П. Парский, В.Н. Клембовский и др. Еще раньше, после принятия II Всероссийским съездом Советов Декрета о мире, генерал А.П. Будберг записал: «Если бы Керенский лучше знал русский народ, то он обязан был пойти на что угодно, но только вырвать из рук большевиков этот решительный козырь...».

Мало кому удавалось проникнуть «за горизонт», здесь было больше всего иллюзий и не оправдавшихся предсказаний. И все же заслуживает внимания один из прогнозов Маклакова, допускавшего, что большевизм как сила, определяющая дальнейшее направление развития России, «изменит цели и задачи, из красного станет белым, будет насаждать не коммуны, а крепостничество, но останется большевизмом, то есть откровенным якобинством».

А.В. Чертишев. [Россия и ее партийная система: взаимообусловленность или несовместимость?].

Появление в России в начале XX в. политических партий следует рассматривать как важнейшую тенденцию общемирового процесса по пути модернизации страны и создания современного общества. Особенно это важно в контексте современной политической ситуации в России.

В этой связи вызывают недоумение взгляды на российскую многопартийность как на смешную, как на очередной миф российской истории. Немало пронзительных стрел сердитого недовольства было выпущено и в сторону разнообразных характеристик российского общества, вплоть до отрицания его наличия вообще. Понимая же под обществом исторически развивающуюся целостную систему жизнедеятельности людей, следует признать подобные взгляды не соответствующими действительности. Да, можно характеризовать российское общество как отсталое, нелепое, смешное, безобразное, полуфеодалное... (эпитеты можно продолжить!), но заявлять, что его не было вообще – значит впасть в другую крайность, считать, что мы жили и живем в виртуальной общественно-политической реальности, где нет места никакой достоверности. И мы пытаемся понять нечто, констатируя его отсутствие, вместо того, чтобы говорить о том, что было и есть.

Более того, если вдуматься, власть, завоевание и удержание которой являет главной задачей любой политической партии, – это всегда часть общества, его производное. С должным сарказмом понимал такое состояние поэт И. Губерман: *Из нас любой, пока не умер он, / Себя слагает по частям / Из интеллекта, секса, юмора / И отношения к властям.*

Политические партии России возникли на базе уникальной бинарной культуры и традиций нашей страны. Они образовались значительно позже, чем на Западе, матрица их возникновения была более чем сырая, а носитель – слаб и аполитичен. В силу данных обстоятельств, партии складывались не на основе четких структурированных социальных интересов, а насаждались на идейной основе, что

приводило к самодовлеющей роли идеологии; они носили «несистемный» характер, ставя во главу угла не только оппозицию режиму, но и стремление к его разрушению. Очевидна нереалистичность их государственных моделей – либо обращенных в прошлое, либо безоглядно взятых из Западной Европы, либо просто утопических. Это были партии, озабоченные больше приверженностью принципам, нежели тем, к чему может привести следование этим принципам...

И все же в генезисе российских партий, несмотря на его своеобразие, не было ничего изначально «порочного». Они являлись реалиями российской действительности и вполне соответствовали особенностям и уровню развития российского общества.

Остро стоит вопрос и о мере ответственности за кровавые события в нашей стране людей, которым избиратели доверили представлять их интересы во властных структурах. Да, политическая система России была отягощена гибельными для нее феодальными пережитками, а руководство страны во главе с императором Николаем II являло собой образец некомпетентности. Но вина за революцию и последующие события лежит не только на императорской власти. Не менее важный виновник – российское общество тех лет и особенно его политическая элита, представленная политическими партиями. Крайняя нетерпимость. Фанатичная убежденность в собственной правоте. Неготовность к компромиссам. Шапкозакидательство и склонность к упрощенному мышлению. Расслабленное отношение к насилию как к средству политической борьбы. Отсутствие понимания того, что в огромной стране без крови возможны только плавные и медленные перемены... Эти черты лишили российское общество иммунитета к кровавым потрясениям.

А что сейчас? Применимы ли к современному российскому обществу эти характеристики? Можно констатировать, что уровень взаимной ненависти в стране неизмеримо ниже, чем сто лет назад, однако «родовые пятна» политической элиты никуда не исчезли. Более того, очень многие граждане нашей страны считают своим гражданским долгом обильно ругать все вокруг и ничего не делать,

предпочитая любой ценой обеспечить защиту своей «среды обитания» от агрессивного «внешнего мира», избежать проблем и добиться устойчивости и стабильности. Об исторических последствиях такого роста зоны мировоззренческой неопределенности, мировоззренческого сколиоза, когда мы живем, чувствуя себя в обстановке виртуальности и ирреальности, испытывая фаталистическое равнодушие к своей судьбе, судьбе других людей и страны в целом, с величайшей тревогой предупреждает своим фильмом «Солнечный удар» Н. Михалков.

Куда и как там предлагают идти современные политические партии России? Либералы требуют от власти, чтобы она равнялась на Европу и США, модели развития которых, как им представляется, исторически доказали свою эффективность. Консерваторы считают, что либеральная модель изжила себя, что именно она спровоцировала нынешний общемировой политический кризис. Для традиционалистов предпочтительнее выглядит патриархальная, религиозная, бедная, растерянная и социально зависимая от власти «Русь уходящая». Все более активно напоминают о себе коммунисты с их стремлением “come back to the USSR”. На наш взгляд, как и сто лет назад, современные политические партии России объединяет исключительно негативный консенсус, политическое мышление, в основе которого, оперируя, как сейчас модно, понятиями из теории игр, лежит не модель “win-win” (выигрывают все), а модель “win-lose” (выигрыш одного означает проигрыш другого), что вряд ли способствует консолидации страны.

Россия, как всегда, на распутье. Можно лишь с уверенностью утверждать, что стоим мы на правильном пути, идем – другим. Каким? Ситуация получается как у Алисы, которая заблудилась в стране чудес. Там она наткнулась на кота и спросила, куда ей идти. На вопрос смышленного зверька о желаемом пункте назначения, Алиса ответила: мне все равно, лишь бы куда-то прийти. Кот заметил, что в этом случае она может идти куда угодно, потому что куда-нибудь придет наверняка.

В этой связи в контексте обсуждаемой нами проблемы возникает парадоксальный вопрос... А нужны ли современной России политические партии или это анахронизм XX в.? Совместимы ли современная Россия и современная ее многопартийность?

Н.В. Елисеева. [К вопросу об инородности многопартийности в российской политической системе]

В наших рассуждениях доминирует мысль, что российская многопартийность выступает в патронимическом сознании россиян антисистемным, инородным элементом. Такая квалификация – дань либеральной историографии, в которой господствуют представления об отсталости и политической неразвитости России.

Но так ли уж справедлив этот тезис? Действительно многопартийность – продукт западноевропейской политической мысли и практики буржуазных демократических традиций. Но и российская политическая мысль на протяжении всей своей истории тоже нарабатывала политические традиции многопартийности, причем в контексте проблем (как и на Западе) прав человека. Но мы шли «своей дорогой», отличной от Запада. У нас права человека с XVIII в. реализовывались в форме пожалований, даруемых «сверху». В 1765–1785 гг. это право было «даровано» дворянству; в конце XVIII – первой трети XIX вв. придан гражданский статус духовенству, купечеству и мещанству, в середине XIX в. личные права получило крестьянство. Власть право на свободу своих граждан реализовывала с целью совершенствования государственного управления.

Вспомним историю российского инакомыслия, служившего идейным основанием для многопартийности с давних исторических времен. Это, так сказать, движение к демократии «снизу». Например, декабристы (две программы устройства политической системы России), славянофилы и западники (две программы модернизации России), народники (программа крестьянского социализма в России), российские социал-демократы конца XIX – начала XX вв. (программа пролетарского социализма в России), партии, родившиеся в годы

революции 1905–1907 гг. (проекты парламентской республики или ограниченной монархии) и т.д.

В советский период истории также партийное строительство проявлялось в двух тенденциях, как «сверху», так и «снизу». Обратимся к В.И. Ленину. До февраля 1917 г. он не отвергал многопартийность. В начале сентября 1917 г. полагал, что союз большевиков, меньшевиков и эсеров позволил бы избежать гражданской войны. В ходе работы в сентябре 1917 г. Демократического совещания не согласился с меньшевиками и эсерами в понимании «революционной демократии» и, следовательно, многопартийности. В начале 1918 г. дал добро на репрессии против всех партий. Осенью 1920 г. смягчил политику в отношении меньшевистской и эсеровской прессы. Далее – допустил меньшевиков и эсеров к участию в работе VIII Всероссийского съезда Советов (декабрь 1920 г.). На X съезде РКП (б) (март 1921 г.) Ленин признал возможность существования в стране многопартийности. Он писал: «Здесь надо выбирать не между тем, давать или не давать ход этим партиям, – они неизбежно порождаются мелкобуржуазными экономическими отношениями, а нам надо выбирать, и то лишь в известной степени, только лишь между формами концентрации, объединения действий этих партий». Однако уже в 1922 г. в работе «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики» он потребовал от наркомата усиления репрессий против политических врагов Советской власти и агентов буржуазии (в особенности меньшевиков и эсеров). Ленин увидел в многопартийности опасность для режима, ее инородность большевистскому социализму. Свертывание НЭПа и переход к монистической структуре собственности (преимущественно государственной) сопровождалась формированием «сверху» монистической политической системы, завершившемся оформлением монополии на власть одной партии – КПСС – в Конституции СССР 1977 г.

Но процесс создания предпосылок для многопартийности развивался параллельно «снизу», как альтернатива партийной монополии, в форме инакомыслия. Несмотря на жесткую систему сталинского режима, и в ней

имели место «потаенная литература», дневниковые записи, личная переписка, подпольные молодежные кружки и т.п. Вольномыслием были «заражены» многие солдаты и офицеры, вернувшиеся с фронтов Великой Отечественной войны. Целый культурно-политический пласт составляло идейное наследие советских диссидентов 1960–1970-х гг., которые, хотя и не выработали каких-либо серьезных партийных программ, послужили «предтечей» горбачевского реформирования, приведшего к многопартийности в СССР.

В последние годы существования социализма (время Перестройки 1985–1991 гг.) в ходе перехода к плюралистическим видам собственности (кооперативы, аренда, хозрасчетные и совместные с иностранным капиталом предприятия), вопрос о многопартийности вытекал не только из политической ситуации, но и из экономической. Политическая же ситуация характеризовалась нарастанием кризисных явлений по всем линиям реформ, сменой идеологии и острейшей критикой однопартийной системы со стороны формировавшейся протопартийной системы (неформалы, оппозиция, национальные фронты).

Дискуссии о роли КПСС в обществе, как известно, начались еще в 1987 г., и тон задавал Генсек КПСС («механизм торможения» он объявил препятствием демократизации советского общества, а основу этого механизма составляли бюрократы, численно их насчитали 18 млн чел. при наличии в стране около 19 млн членов КПСС, то есть в основном коммунисты и оказались «механизмом торможения»).

Бифуркационной точкой современной российской многопартийности стала XIX Всесоюзная конференция КПСС (лето 1988 г.). И хотя для ее организаторов сохранение монополии партии на власть еще не представлялось дискутируемым, ее решения о реформе политической системы, включившие антисистемные элементы – парламентаризм, разделение властей, частичный идейный и политический плюрализма – послужили причиной разрушения КПСС и открыли дорогу многопартийности. Динамика этого процесса известна. Выборы народных депутатов СССР (1989 г.) и РСФСР (1990 г.) на основе «корпоративного

представительства» и альтернативных персонажей. Возникновение партийных клубов, течений и платформ внутри партии, далее – «альтернативные» политические партии и движения. Далее – оппозиционные структуры (Межрегиональная депутатская группа с программой отмены 6 статьи Конституции СССР «О руководящей роли КПСС»), далее – Съезд народных депутатов СССР, отменивший эту статью (март 1990 г.), и, наконец, Закон СССР «Об общественных объединениях» (октябрь 1990 г.), узаконивший многопартийность.

Движение к многопартийности шло через критику советского исторического опыта строительства социализма как такового, развернувшуюся с конца 1988 г. под влиянием советологических концепций (теории тоталитаризма, теории империй и т.п.). Именно квалификация СССР как тоталитарного государства содействовала формированию идей многопартийности как элемента альтернативной тоталитаризму политической системы. Думается, нельзя списывать со счета и то огромное воздействие, которое оказали на политическую ситуацию в СССР события в странах Восточной Европы в 1989 г. – так называемые «бархатные революции» (термин относится не ко всем бывшим социалистическим странам). Там произошли падения коммунистических партий и возобладали многопартийные системы социал-демократического толка (хотя в большинстве этих стран и до этого существовала декоративная многопартийность), для доктринальных установок которых были использованы социал-демократические идеи политического плюрализма – альтернативы коммунистическому монизму.

В 1990-е гг. форсированная приватизация государственной собственности не оставляло выбора тем политическим силам, которые пришли к власти: им нужна была многопартийность не только как элемент «демократического государства», понимаемого ими исключительно в виде «американского образца», но и как элемент российского варианта «демократии», призванного отразить структурные перемены в сфере собственности и капиталов. Неустойчивость социально-экономической системы в этих сферах отразилась

в истории многопартийности и парламентаризма в этот период. Тогда наметилась важная тенденция в развитии института многопартийности – выделение «партии власти». В разных формах, под разными названиями и на разных идеологических платформах можно было наблюдать попытки тогда действующей власти политически оформить свое представительство в парламенте и в общественном сознании. В 1993 г. – это были блок «Выбор России» и «Партия российского единства и согласия». В 1995 г. – это движение «Наш дом – Россия» и «Блок Ивана Рыбкина». В 1999 г. – это избирательные блоки «Отечество – Вся Россия» и «Межрегиональное движение “Единство” (“Медведь”)

В начале 2000-х гг. происходил очередной этап формирования крупной частновладельческой собственности, что отразилось на партийном строительстве. Власть в течение этого времени выясняла свое отношение к многопартийности путем изменения правил формирования партий и их участия в политической жизни страны. Тенденцией партийного строительства в нулевые годы стало движение к однопартийности, выразившееся в деятельности «Единой России» как доминирующей партии. При этом власть (в лице ее идеологов) пыталась создать двухпартийную систему. Так, В. Сурков (кремлевский «ответственный за идеологию»), помнится, писал, что «самым большим пороком, сложившимся в политической системе, является то, что она покоится на ресурсе одного человека и, как следствие, одной партии... Проблема в том, что нет альтернативной крупной партии, нет у общества “второй ноги”, на которую можно переступить, когда первая затекла».

И, как известно, администрация Президента РФ начала искать «вторую ногу»: сначала в лице «Союза правых сил» (правый электорат), затем – блока «Родина» (левопатриотический электорат), затем – «Справедливой России». Далее была сделана попытка создать «два крыла» в самой «Единой России» и т.д. Иными словами, видно, что партийное строительство «сверху», продолжалось, но двухпартийной системы не сложилось, и доминантной остается «Единая Россия». Создание в 2011 г. «Общероссийского

народного фронта» (партии над партиями), как представляется, отражает все ту же тенденцию – аккумулировать политические силы вокруг единого идеологического ядра с либерально-государственнической идеологией.

В эти годы движение «снизу» к многопартийности выразилось в идеях оппозиции (правый сектор) об «истинной», демократической многопартийности через критику «Единой России» и «Народного фронта» за узурпацию власти, возрождение однопартийной системы и т.п.

Таким образом, на вопрос об инородности многопартийности в российской политической системе (при формальном существовании сегодня множества партий), судя по современному политическому контексту, можно ответить скорее утвердительно, чем отрицательно, если рассматривать его в либеральной парадигме, как известно, основанной на европоцентризме (или американоцентризме). Объяснения этому феномену в рамках этой парадигмы следующие: Россия – «не Европа», у нее восточная, патерналистская политическая культура, с акцентом на персонификацию власти.

Если обратиться к евразийским, почвенническим, националистическим, социалистическим методологическим установкам, то склонность к монистической структуре российской власти вполне объяснима особенностями природы российских экономики, политики, государственного устройства, без патерналистских оснований которых невозможно было создание отечественной государственности в историческом прошлом и сохранение ее в современных условиях.

Думается, что и сегодня последние объяснения вполне логичны, достаточно вспомнить об огромных территориях России, ее региональных, конфессиональных, культурных различиях, ее больших ресурсных возможностях и их «необеспеченности» «человеческим капиталом».

Поэтому многопартийность в классическом смысле (с конкурирующими партийными программами и чередованием их во власти) для России является если не антисистемным, то бесполезным элементом. Она представлена множеством искусственных партий – и, во-первых, служит лишь

подтверждением формальной приверженности российской власти «демократическим ценностям»; во-вторых, иллюстрирует расколотость российского общества на сегменты по ценностным признакам (социалистическим, националистическим, либеральным и т.д.); в-третьих, демонстрирует незавершенность процессов формирования социально-экономического базиса нового российского общества.

Наверно поэтому современные российские партии не имеют четко выраженных идеологий (за исключением, пожалуй, КПРФ). Отсюда тенденция к доминированию одной партии («партии власти») как структуры, способной к сохранению единой территории и государства. Но это не означает, что эта российская политическая традиция – проявление отсталости России от стран западных демократий. Просто российская многопартийность проявляет «особость» российской политической культуры, обусловленную экономико-географическими, социальными, религиозными и прочими российскими реалиями.

О.Г. Буховец [Возможна ли новая однопартийная диктатура в России?]

Вступая в дискуссию по теме нашего круглого стола, начать полагаю полезным со следующего вопроса. Если перефразировать кого-то из великих, то о чем может свидетельствовать значительное увеличение в России числа зарегистрированных партий: 1) о серьезном *расширении* российского партийно-политического пространства? – или – 2) о внешне благопристойной *имитации* такого расширения?

Большинство отечественных политиков и наблюдателей в разной степени определенно склоняются к первому варианту ответа на этот вопрос. Однако немало и тех, кто полагает, что прибегнувший к этому номинальному расширению правящий ныне режим действительной целью имеет дальнейшую *маргинализацию* партийно-политической системы страны. И что такая маргинализация усиливает *общий авторитарный тренд* политической системы России, начало которому 15 лет назад дал приход В.В. Путина к власти. И что

такой тренд может привести, с высокой степенью вероятности, к установлению в стране однопартийной диктатуры.

Почему же настолько противоположны оценки одного и то же явления – политической системы современной России? Думается, что причину столь большого масштаба различий нужно искать в изначальных эпистемологических установках исследователей, обращающихся к данной теме.

Как представляется, рассмотрение вынесенной на обсуждение проблемы «Возможна ли новая однопартийная диктатура в России?» нужно начинать с напоминания о том, что до недавнего времени более или менее объективный анализ постсоветских политических процессов, систем и институтов был весьма затруднен господством в нашем обществоведении так называемых «транзитивных» моделей понимания и интерпретации таковых.

Разработаны эти модели были западными аналитиками в 1970–1980-е гг. на материале Южной Европы (Португалия, Испания, Греция...) и различных стран «Третьего» мира (прежде всего, динамично менявшейся Латинской Америки). Причем, строго говоря, это была, по мнению некоторых специалистов, не «разработка» (новой теории) в собственном смысле слова, а по существу лишь «перелицовка» под новые задачи старой теории модернизации.

Звездным часом для транзитологии стали «Перестройка», глубокий системный кризис и распад мира социализма. Хотя поначалу ведь они (справедливости ради) застигли западную политологию (по собственному признанию ее представителей) просто-напросто *врасплох*.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. транзитология лавинообразно распространяется по огромному, переживающему состояние коллапса «соцлагерю». А после его исчезновения она, ни мало ни много, становится уже практически *нормативной теоретико-методологической парадигмой* политологических штудий, посвященных так или иначе постсоветскому/постсоциалистическому пространству.

Главное в транзитологической теории – это четкое (а если быть более точным, то просто *безвариативное*) обоснование последовательной и *закономерной* инсталляции

демократических институтов, свободной рыночной экономики и гражданского общества в странах, относящихся преимущественно к незападным сегментам мира. Согласно «аксиоматичным» представлениям творцов транзитологии, после того, как в этих странах происходит демонтаж авторитарных режимов, там возникают необходимые «рамочные» условия для последующих демократической эволюции – по формуле, так сказать, “*step by step*”.

События, последовавшие после свержения, ненасильственным и насильственным путем, в странах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы социалистического строя, совершенно «неопровержимо» (как тогда казалось) свидетельствовали о том, что реальные политические процессы там развиваются в полном соответствии с вмененным им теорией транзита сценарием. Неоспоримым итогом «демократического транзита» этих стран мыслилось, по оценке специалистов, «достижение ими соответствия стандартам Евросоюза (и допуск в его ряды) или, как минимум, – параметрам западных стран на аналогичных ступенях развития...».

Видимых препятствий на пути «триумфального шествия» транзитологии в тот исторический момент, казалось, не существовало – и по этой причине ее популярность в постсоветском и постсоциалистическом мире к середине 1990-х гг. достигла апогея.

Прошло однако лишь несколько лет, отмечает российский политолог А. Шириков, как специалисты-транзитологи начали явственно ощущать неполноту той картины мира, которую позволяла создать транзитология. Причем «даже в Латинской Америке, материал которой, собственно говоря, и дал жизнь этому политическому подходу, примеров успешного перехода к демократии оказалось не так уже много».

А в конце 1990-х – начале «нулевых годов» XXI в. и на Западе, и на Востоке нередкой становится критика теории и практики транзитологии. Настойчиво зазвучали призывы отказаться от ее телеологических претензий. Так, в опубликованном в 2004 г. исследовании Дж. Ганс-Морса

автор, проанализировав более 130 работ, изданных в 1991–2003 гг. и посвященных трансформации посткоммунистических режимов, пишет о «значительном числе ученых», дающих понять, «что они находят транзитологический подход неприменимым или недостаточным для анализа основных проблем посткоммунизма».

Критика тех или иных положений транзитологии продолжается и поныне, при этом она становится более дифференцированной, включающей более или менее успешные попытки отделить в ней, так сказать, «злаки от плевел». Однако нельзя в связи с этим не обратить внимания на следующее. За этой, в разной степени последовательной и жесткой критикой определенно не поспевают выработка таких теоретических моделей, при помощи которых возможно более адекватно (нежели это в состоянии делать транзитология) постигать и описывать постсоветские/постсоциалистические социально-политические процессы, явления и события. Посему, за неимением таковых моделей, авторы привычно «заменяют их моделями нормативными, заимствованными из западной политической теории».

Думается, что именно этим следует объяснять общую предрасположенность наших аналитиков к *эсхатологическим* прогнозам относительно хода и исхода эволюции политического режима в России. Примеров тому очень много, и ходить за ними далеко не надо. Так, в частности, автору пространной статьи о факторах стабилизации и дестабилизации политической системы России после выборов 2007–2008 гг. реально осуществимым представляется «прямое подавление любых проявлений неугодной властям политической деятельности, превращение ЕР [*«Единой России»*] в *государство-партию*, установление жесткого авторитарного режима». Не менее яркой иллюстрацией того нормативного воздействия, которое продолжает оказывать на наших аналитиков парадигма западной политологии может служить следующее. В статьях «Из огня да в полымя?» и «Возвращение Левиафана?» политолог В.Я. Гельман, среди прочего, констатирует, что после распада Советского Союза вплоть до конца 1990-х гг. происходила беспрецедентная по масштабам

передача регионам РФ ресурсов государственной власти – институциональных, административных, экономических. В результате, российское государство «подверглось столь значительной фрагментации, что оценка набирающих силу тенденций как гоббсовской “войны всех против всех” выглядела вполне оправданной». Вместе с тем тот же автор в той же статье оценивает курс Кремля на рецентрализацию как несущий в себе угрозу, поскольку «лекарство порой может оказаться хуже самого недуга и стать причиной еще более серьезных хронических заболеваний». Удивительно, но на категоричность такого вывода почему-то не повлияла и известная Гельману позиция (вполне причем конкретная и умеренная) идеолога режима В. Суркова. Согласно ей, «партия власти» (то есть «Единая Россия») «должна господствовать на политической сцене страны в ближайшие 10–15 лет». В связи с последним уместно заметить, что с той поры прошло уже без малого 10 лет – и нынешняя ситуация в стране и мире верхнюю планку заявленного Сурковым периода «приподымет», по всей очевидности, еще на «пятилетку»-другую.

А что же «стремящийся к установлению однопартийной диктатуры» режим? Предпринимает ли он конкретные шаги, свидетельствующие о *реальном* движении по пути к установлению таковой «диктатуры»? Отнюдь нет, не предпринимает. Напротив, вопреки мрачным прогнозам алармистов, в последние годы произошло значительное «расширение партийно-политического пространства, за счет вновь образованных и зарегистрированных Минюстом» партий. Как отмечают конфликтологи, «расширившееся юридическое пространство для конкурирующих партий моментально снизило уровень оппозиционного давления митингового и демонстративного типа», введя оппозиционное движение в «русло организованной партийной оппозиции». Важно отметить, что трактуется ими эта мера не как вынужденная уступка власти «болотной» оппозиции, а как умелый *наступательный* маневр, обеспечивший спад «болотного» движения. О чем, в частности, свидетельствуют результаты проведенного позже Левада-Центром социологического опроса, согласно которым лишь 6% респондентов согласились с тем,

что «Координационный совет российской оппозиции действует в интересах граждан России» и в 2,5 раза больше тех, по мнению которых «оппозиция действует в интересах зарубежных спонсоров».

Итак, несмотря на довольно основательную «раскритикованность» методологии и практики транзитологии, ее модели понимания и интерпретации отнюдь не выходят из употребления в нашей политической аналитике. Причем, как кажется, во многих случаях даже не вполне осознаваемого.

Причины довольно частого обращения к транзитологии видятся следующие.

Во-первых, что ни говори, но период, когда транзитология в постсоветском пространстве практически играла роль нормативной теоретико-методологической парадигмы, был достаточно продолжительным для того, чтобы сформировалась интеллектуальная привычка пользования ею как познавательным «ноу-хау».

Во-вторых, дело в самой *качественной природе* этой теории и практики познания. Как отмечают ее критики, транзитологическая парадигма просто-напросто *«заставляет видеть в действительности то и только то, что так или иначе значимо для ее [транзитологии] базисной схемы»* перехода к либеральной демократии. Вот почему те, кто пользуется ее инструментарием, не столько *«видят»* в изучаемом эмпирическом материале что-то сущностно важное, сколько *«распознают»* в нем *признаки теоретически ожидаемого*. Что, в конце концов, позволяет им «подвести» это *конкретное* под «крышу» универсальных категорий транзитологии. В итоге и происходит то, что Дж. Сартори остроумно назвал «концептной натяжкой».

В-третьих, как это ни парадоксально, но наша аналитика прибегает к использованию транзитологических моделей отчасти и потому еще, что самой транзитологии изначально вообще свойственно, как отмечает, например, Б.Г. Капустин, методически последовательное игнорирование активности «низов».

В этом – очевидное «удобство» для тех авторов, которые привычно придерживаются «базовых» представлений

о «безмолвствующих», «терпеливых», «покорных», а то и просто «сдуревших» (если голосуют «не за тех») низах. Ведь отталкиваясь от этих представлений, легче «прогнозировать», в частности, «приближение авторитарного режима», «превращение «Единой России» в государство-партию», «установление однопартийной диктатуры» и т.д.

А.А. Вилков. [Перспективы современной российской многопартийности: возможна ли новая однопартийная диктатура?].

Дискуссию о возможности трансформации российской многопартийности в однопартийную диктатуру целесообразно предварить вопросом о том, что имеется в виду под однопартийной диктатурой. Идет ли речь о реинкарнации советской модели с единственной партией? Или о возможности формального и неформального закрепления доминирующего статуса «партии власти» при наличии маргинальных оппозиционных партий, не способных серьезно повлиять на изменение политического расклада?

Рассмотрим вариант о трансформации современной партийной системы в хорошо проверенную временем модель с единственной партией. Сегодня действующая власть, не вполне явно и не вполне официально, но признает определенные достоинства советской однопартийной модели. В качестве ядра всей политической системы СССР она обеспечивала стабильность и преемственность власти на всех уровнях. В качестве инструмента социальной мобилизации однопартийная модель обеспечивала концентрацию всех общественных ресурсов для реализации самых грандиозных проектов. В качестве механизма управления данная модель позволяла держать под контролем все сферы общественной жизни, от экономики до культуры. Партийная пирамида пронизывала государственные и хозяйственные органы, сферу образования, общественные организации, силовые структуры на всех уровнях и направляла их деятельность в соответствии с единой стратегией общественного развития.

Однако возникает резонный вопрос: возможна ли реинкарнация такой однопартийной диктатуры в современных условиях? Думается, что для этого в современной России

отсутствуют важнейшие предпосылки. Главная из них – это отсутствие партийной идеологии, обосновывающей целесообразность установления диктатуры. Большевики пришли к власти на основе мессианской идеи строительства социально справедливого общества без эксплуататоров и частной собственности. Диктатура пролетариата обосновывалась необходимостью подавления неизбежного сопротивления класса собственников во имя интересов большинства трудящихся классов. Причем обосновывалась диктатура именно рабочего класса, как выразителя интересов всех трудящихся, а не диктатура партии. Партия позиционировалась лишь как политический инструмент, как передовой авангард осуществления пролетарской диктатуры на пути строительства бесклассового общества.

Сегодня даже КПРФ в своей программе декларирует плюрализм видов собственности, приверженность принципам демократии и правовым методам строительства социализма. В связи с этим обстоятельством, а также ввиду отсутствия существенной социальной поддержки КПРФ в современной России, говорить о возможности восстановления коммунистической диктатуры нет серьезных оснований.

У «Единой России» (а по постановке вопроса дискуссии предполагает, что именно с ней связывают возможную перспективу установления однопартийной диктатуры) нет ничего похожего на идеологию, во имя которой большинство российского населения согласилось бы на диктатуру данной партии. Все официальные обоснования необходимости сохранения самобытности России, аргументы об объективных предпосылках ее державности и неизбежной необходимости защищать свои огромные просторы и ресурсы от посягательств геополитических конкурентов не могут рассматриваться в качестве таковой идеологии. Идеология включает в себя не только мировоззренческие принципы и ценности, но и определенный образ будущего, который понятен и близок большинству населения, во имя воплощения которого он готов уже сегодня активно действовать и жертвовать сегодняшним своим состоянием. Фактический образ будущего России закреплен в Конституции РФ в виде демократических

ценностей и принципов функционирования российского общества в рамках правового и социального государства. Но его позитивное восприятие большинством населения размывается и нивелируется в результате воздействия ряда факторов.

Во-первых, сам образ формировался в начале 1990-х гг. в условиях реализации радикальных политических и социально-экономических преобразований, проводимых под либеральными лозунгами. В результате произошло резкое падение уровня жизни, которое вызвало соответствующую негативную реакцию на все, связанное с либерализмом. Постепенная маргинализация праволиберальных партий произошла не столько в результате неумных лидерских амбиций и постоянных явных и скрытых конфликтов и разборок в либеральном партийном сегменте, сколько в результате разочарования населения результатами либеральных реформ. Это не могло не сказаться и на восприятии образа будущего современной России. В его основе лежит ядро именно либеральных ценностей, которые, в силу конституционной закреплённости, признают и поддерживают все ведущие российские партии, в том числе и «Единая Россия». Современные сторонники либерализма в России критикуют действующий режим за отступление от этих ценностей и принципов, которые, по их мнению, привели к установлению авторитарного режима. Действующая власть подчеркивает приверженность демократическим принципам, доказывая, что они реализуются и в ходе выборов, и в рамках функционирования основных политических и общественных институтов. Население видит очевидные недостатки существующего положения в политике, экономике и социальной сфере, но руководствуется принципом «из двух зол нужно выбирать меньшее». «Единую Россию» как партию власти они расценивают как «меньшее зло», по сравнению с тем хаосом и социальной деградацией, которые имели место в 1990-е гг. в период доминирования сторонников либерализма. Для молодежи наглядным примером негативных последствий либерализма стали кризисные события и гражданская война на Украине. Но «меньшее зло» не может восприниматься в

массовом сознании в качестве аргумента для установления диктатуры «Единой России».

Во-вторых, мобилизационный патриотический потенциал современного образа России как великой самобытной державы, вынужденной противостоять врагам, способен решать на определенное время тактические задачи по сплочению общества в условиях обострения взаимоотношений с США и их союзниками. Но он не способен выступать постоянно действующим мотивационным двигателем активной жизненной позиции россиян на стратегическую перспективу. Тем более он не способен выступить обоснованием для установления диктатуры. Подъем патриотических настроений и сплочение вокруг действующей власти в связи с обострением международных отношений и очевидной внешней угрозой России не снимает претензий значительной части населения к существующей политической и социально-экономической системе. Претензий с точки зрения социальной несправедливости, повсеместной коррупции, социального раскола общества и других явных и неявных недостатков. Кроме уже действующих методов, ничего принципиально нового и понятного большинству в борьбе с пороками существующего строя «Единая Россия» предложить не может, так как сама выступает одним из базовых элементов данной системы. А действующие методы воспринимаются населением как не эффективные или не достаточные. В то же время, это вовсе не означает, что ностальгические воспоминания о «железной руке» Сталина представляют собой предпосылку для установления диктатуры «Единой России». Потенциальные репрессии (например, для борьбы с коррупцией) уже нельзя подкрепить в массовом сознании идеалами «светлого будущего всего человечества».

Кроме того, с точки зрения установления диктатуры, у «Единой России» по определению отсутствуют возможности контролировать и перераспределять те экономические ресурсы, которые в СССР были полностью подконтрольны КПСС на основе господства общенародной (фактически государственной) собственности. Класс современных российских собственников (имеющих существенные ресурсы

влияния на позицию «Единой России») также не заинтересован в установлении диктатуры, которая хотя бы декларативно заявляла о возможности усиления такого контроля.

Несмотря на стремление представить социальную базу своей партии как всенародную (идентичную КПСС), в которую входят представители самых различных слоев населения, «Единой России» не удастся до конца сформировать такое представление в массовом сознании. Обусловлено это тем, что она воспринимается не просто как «партия власти», но как партия, представляющая интересы прежде всего класса российских собственников. У рядовых россиян не вызывает сомнения, что только этим можно объяснить, например, ситуацию с отсутствием прогрессивного налогообложения, когда одинаковый налог платят граждане с минимальной зарплатой и российские миллионеры и миллиардеры.

Сама политическая субъектность партий в современной России воспринимается совершенно иначе, чем это было в СССР, когда личная власть генсека являлась вершиной пирамиды власти КПСС и всей политической системы, включая государственные и общественные структуры. В современной России Президент концентрирует вершину пирамиды органов исполнительной власти, которая носит самодостаточный характер и, соответственно, воспринимается населением как ключевая. Как уже было отмечено сегодня, несмотря на то, что В.В. Путин публично ассоциирует себя с «Единой Россией», он ни разу не был избран Президентом именно как партийный кандидат. Властный ресурс и политическая субъектность «Единой России» связаны прежде всего с деятельностью парламента, который в массовом сознании по своему статусу ранжируется значительно ниже должности главы государства. То есть, скорее можно было бы говорить о перспективах установления единовластной диктатуры Президента РФ, чем «Единой России».

Кроме того, возникает резонный вопрос, а есть ли в современной России политические силы, которым выгодно установление такой диктатуры? Думается, что в российском политическом бомонде в этом сегодня не заинтересован никто.

С точки зрения внешнеполитической, даже малейшие подвижки к установлению диктатуры не выгодны никому, так как могут еще более усугубить ситуацию с формированием негативного образа России в США и западноевропейских странах. Авторитарные тенденции в России и укрепление «вертикали власти» после прихода к власти Путина и так абсолютизируются и интерпретируются в информационном пространстве Запада как установление в России антидемократического режима. Не случайно Президент РФ последовательно стремится к разоблачению этого негативного образа, демонстрируя открытость для российских и зарубежных СМИ, либеральную позицию в отношении российского бизнеса и гарантии для западных инвесторов, поддержку институтам гражданского общества в России.

С точки зрения внутренней, такая диктатура также не выгодна, так как не несет даже потенциальных предпосылок для расширения политических возможностей Президента РФ и «Единой России». Рейтинг Путина велик как никогда, даже в условиях «войны санкций» и их негативных последствий для экономики и социальной сферы. Ключевая причина – возрождение самосознания россиян, ущемленного после разрушения СССР утратой позиций великой державы. Возвращение Крыма и жесткая позиция России на реакцию США и их союзников воспринимается как восстановление исторической справедливости и реального российского суверенитета.

С точки зрения функциональной (например, обеспечения задач сохранения власти) диктатура в современной России также не выгодна. Прежде всего, это невыгодно с точки зрения имиджевой, так как диктатура противоречит целенаправленно формируемому на протяжении последних полутора десятилетий демократическому образу существующего политического режима в России. Его публично и постоянно поддерживают Президент РФ и лидеры «Единой России», позиционируя себя в качестве сторонников незыблемости Конституции РФ и закрепленных в ней демократических норм и ценностей. Поэтому, с технологической точки зрения, для сохранения действующей

власти гораздо эффективнее продолжать использование в рамках демократических процедур возможностей административного ресурса, контроля за ведущими СМИ, политических и социальных ресурсов ОНФ и других институтов гражданского общества, чем двигаться к установлению открытой диктатуры.

Насколько соотносятся демократические ценности и принципы с их имитацией в ходе выборов и повседневной общественно-политической жизни России – это отдельный и очень непростой вопрос. Сторонники либеральных ценностей чаще всего сводят его к тому, насколько российские реалии в последние полтора десятилетия не соответствуют западноевропейским стандартам демократии. При этом остаются вне критики проблемы и противоречия, которые проявились в западноевропейской либеральной модели демократии (самый очевидный пример – проблема абсолютизации ценности толерантности и навязывание защиты интересов сексуальных меньшинств большинству населения). Сторонники обоснования самобытной российской модели демократии (наиболее ярким примером ее идеологического обеспечения была концепция «суверенной демократии») акцент делают на объективной обусловленности уникального ее варианта. При этом вне серьезной критики остаются недостаточно эффективно действующие механизмы и институты политической системы, которые не позволяют устранить резкую поляризацию общества, устранить или хотя бы ограничить повсеместную коррупцию, совершить реиндустриализацию экономики и освободить страну от нефтегазо-сырьевой зависимости. Тем не менее, наличие имитационных начал в деятельности российских субъектов оппозиции, использование манипулирования массовым сознанием, наличие авторитарных элементов в политической системе и многие другие ее недостатки не дают оснований утверждать о наличии предпосылок для установления диктатуры в современной России.

Скорее, речь можно вести о несовершенстве и противоречиях российской демократической модели переходного периода. Часть из них обусловлена российскими

конкретными условиями незавершенного по сей день перехода от одной социально-политической и социально-экономической системы к другой и конкретными особенностями российской политической культуры. Другие – отражают общемировые тенденции эволюции демократии в условиях информационного общества и процессов глобализации. Многие из обозначенных недостатков не являются исключительно российскими, а отражают кризисные явления либеральной модели демократии в целом, в том числе и в западноевропейских странах. Например, освещение в западноевропейских СМИ кризиса на Украине показало, что со свободой слова у них далеко не все в порядке и манипулирование массовым сознанием осуществляется повсеместно в рамках информационной войны с Россией. «Театрализация» выборных кампаний на Западе свидетельствует о том, что рациональные начала демократического представительства интересов различных социальных групп уступают место манипулированию мотивацией голосования на иррациональном уровне. Классический набор функций партий, как идеологизированных институтов гражданского общества, обеспечивающих стабильную связь между крупными социальными группами и сферой политики, в современных условиях носит в западных странах во многом номинальный характер. На первый план выходит электоральная функция «хватай всех», позволяющая привести к власти определенную группу лиц. Использование двойных стандартов в отношении ко многим явлениям и процессам в других странах также не добавляет авторитета сторонникам западноевропейской модели либеральной демократии.

Поэтому стабильное и процветающее будущее России видится не на пути копирования и перенесения на российскую почву западноевропейской модели демократии, и тем более не на пути установления диктатуры (какими бы благими целями, или внешними и внутренними угрозами она не обосновывалась), а на пути последовательного совершенствования реально существующей модели демократии. Невзирая на все обозначенные и иные недостатки, она имеет неплохую конституционно закрепленную

институциональную основу, которая позволяет вести борьбу с отклонениями политической системы и ее отдельных структур и механизмов от действующих правовых норм.

Россия исчерпала свой лимит на революционные эксперименты и заимствованные извне выхолощенные модели и обречена на поиск собственного стабильного варианта политического и социально-экономического развития. Он объективно необходим России в силу ее уникальной истории, масштабов национальных интересов и особого геополитического положения, жесткой конкуренции на мировой арене, в силу особенностей этноконфессионального состава и социокультурной специфики.

Зверев В.В. [Российская многопартийность: констатация и сомнения]

Как мне кажется, сегодняшний разговор выявил несколько важных аспектов рассматриваемой проблемы. Позволю себе их перечислить.

Первый – это возрастание на современном этапе значимости политической истории, вернее даже – очередной разворот к этому сегменту отечественной истории. Я прекрасно помню конец 1980-х гг., когда тематика изучения деятельности политических партий приобрела злободневное звучание. Вызвано это было многими причинами, в числе которых одно из первых мест принадлежало стремлению уйти от набивших оскомину оценок курса истории КПСС. Собственно до времени Перестройки приветствовалось изучение только одной партии (понятно какой), все другие были только фоном, на котором она действовала и победоносно двигалась вперед к «светлому будущему». Все другие политические объединения, движения и т.п. (программы, тактика) могли разоблачаться, критиковаться с разной степенью жесткости, а то и жестокости. И все же отечественные историки сделали немало для восстановления исторической картины прошлого.

Затем последовал обвал (в хорошем понимании слова) публикаций документов, исследовательских работ. И, в общем, интерес к теме начал постепенно затухать. Правда, я не стал бы говорить о сформированности определенных стереотипов или мифологем. Скорее, необходимо говорить о некоторой

исчерпанности прежних подходов, потребности выхода на привлечение новых методов и исследовательских инструментов. Собственно сегодня некоторые идеи уже прозвучали, и о необходимости исследовать психологию масс, и о необходимости использовать теорию элит, и о привлечении демографических данных... Все это так.

Но здесь есть и некоторая опасность. И, это, на мой взгляд, второй аспект сегодняшнего обсуждения. Вы знаете, я не сторонник тезиса о плодотворности использования исторического опыта. Мы как-то забываем, что этот самый пресловутый опыт, который по определению А.С. Пушкина, «сын ошибок трудных», всегда индивидуален и уникален, что в отношении отдельного человека, что в отношении исторического времени. И то, что было вполне реализуемо, исполнимо, а, значит, и объяснимо во «время оно» и на определенном географическом, национальном пространстве, совершенно необязательно реализуется в аналогичном виде, но спустя некоторое время. Закономерности надо выявлять. В этом нет никакого сомнения. Но закономерность – это не железобетонный закон, а скорее – некоторая тенденция. А торопливость и поспешность в выводах могут привести к тому, что мы термометр попытаемся употребить не в присущем для него предназначении.

И, наконец, третий момент, на котором хотелось бы остановиться. Не жестко ли начинаем «столбить» крупные блоки проблем? Может быть, ключ к изучению следует искать в политической антропологии? И действовать здесь требуется, опираясь на конкретного человека в конкретной исторической обстановке? В первую очередь понять, что представляет тот самый актер политического процесса (типичный, нетипичный, особенный и т.п.), который и составляет население страны, именуемое народом, классом, сословием и т.д. Активный ли он актер или, напротив, пассивный – важный вопрос. Но не менее важно, что на разных временных отрезках народ – состояние нестабильное и разное (демографическое, возрастное, мировоззренческое, идеологическое). И в этом вопросе роль играют разные факторы. Статика здесь «прогибается» под

воздействием динамических импульсов, тем более, если происходят «динамитные» события.

А.В. Долгова. [Пермская губернская комиссия по борьбе с дезертирством и ее председатель в контексте истории большевизма]

Я занимаюсь исследованием проблемы дезертирства в годы Гражданской войны, но тема моего выступления посвящена формированию идеологии большевизма. Дело в том, что на протяжении нескольких лет я исследовала архивные документы, и у меня сложилось собственное представление, на основе этих документов, о том, какой тип личности был характерен для того периода.

Известно, что годы Гражданской войны – это время, когда формировались новые органы власти, новое законодательство и кто должен был в этих органах власти присутствовать. Следует также еще сказать, что годы Гражданской войны – это время активной деятельности комиссий по борьбе с дезертирством. Но говорить о безупречной работе всех учреждений не приходится, хотя в некоторых из них качественные изменения в лучшую сторону, все же имели место. Тому способствовали новые моральные принципы, что создавало особенно теплую атмосферу между работниками.

В условиях Гражданской войны рождалось новое поколение, далекое от помпезного образа жизни царской России. Появляется новый тип людей – молодых революционеров, одержимых идеей построить новое общество и готовых отдать жизнь за правое дело. Это действительно мое мнение. Я встречала архивные документы, которые подтверждают то, что я сейчас сказала. Эти яркие личности заряжали окружающих своим энтузиазмом, энергией и высокой работоспособностью. Голод, болезни, материальные трудности их не останавливали. Все это, как я уже сказала, подтверждается документами.

Председатель Пермской губернской комиссии по борьбе с дезертирством Антипов (это 1919 г.) доводил до сведения местных властей все предписания вышестоящих органов власти; занимался назначением и увольнением кадров

(кстати сказать, очень частая была смена кадров, что свидетельствовало о том, что данные кадры были не на своем месте, и Антипов, как председатель, старался подобрать идейных людей, которые бы давали результаты); проводил ревизию; отчитывался перед окружной комиссией; принимал отчеты; обеспечивал взаимодействие всех советских организаций, особенно с военкоматами; следил за обучением новых работников комиссии. Таким образом, это был сложный, трудоемкий процесс, требовавший невероятного терпения, выносливости и самоотдачи.

Документы свидетельствуют о том, что председатель Антипов не считал нужным оставлять на той или иной должности людей, не соответствующих назначению, даже если было очень трудно с кадрами. Для более продуктивной работы он организовывал выездные губернские и уездные съезды и принимал активное участие в решении наиболее сложных вопросов, внимательно выслушивал мнение коллег – председателей уездных комиссий и требовал именно от них результатов.

За счет таких личностей, не побоюсь этого слова, ковалась победа Красной Армии большевиков. По крайней мере, у нас в Пермской губернии. У него было немало сторонников, которые так же, как и он, не оставались равнодушными к тому, что происходило в губернии и на местах. Принцип его и его коллег был следующим: «Довольно слов, ближе к делу». Вот так они говорили.

В.В. Шелохаев. Скажите, пожалуйста, чем он кончил сам?

А.В. Долгова. Неизвестно. Я нашла документы только за полгода...

А.А. Куреньшев. Я и сам так немножко занимался... Когда речь идет о таких индивидуальностях членов партий, конечно, интересна именно специфика. Вот я, например, большевиков для себя определял, как людей, для которых нет препятствий. Правильно там был лозунг, что нет таких крепостей, которые мы бы не брали. Причем это характеристика их политических противников...

С.Ю. Разин. Андрей Александрович, а вы членом партии были? Вот той самой, Коммунистической?

А.А. Куреньшев. Нет, нет. К сожалению, а может быть к счастью, она меня не принимала. Это, наверное, мое упущение.

Я вопрос хочу задать: как деятельность вот этого человека, о котором мы говорили, может быть определена: как типичная для большевика этого времени – не революционного, а именно послереволюционного времени (Гражданской войны)? Все-таки они разные были. Вот как, на ваш взгляд, можно ли такой вывод сделать именно с точки зрения нашей темы партийности-многопартийности, судьбы отдельных партий?

А.В. Долгова. Конкретизируйте вопрос.

А.А. Куреньшев. Ну, еще раз повторю: может ли этот человек претендовать на определение типичного большевика?

А.В. Долгова. Однозначно! Конечно! Его деятельность приносила плоды.

А.А. Куреньшев. И это приносило, и плоды. Его деятельность как «эффективного менеджера».

А.В. Долгова. Благодаря его мерам дезертирство искоренялось. Благодаря ему – и таким личностям, как он.

Н.Б. Хайлова. [Либералы-центристы в России начала XX в.: кто они?]

Под одной и той же этикеткой нередко скрывается разное содержание – этот тезис сегодня не раз всплывал в дискуссии. Это относится и к слову «либерал». Так вот, когда говорят о русских либералах начала XX в., то обычно имеют в виду кадетов и октябристов. Но, вообще-то, свет клином на них не сошелся. И моя цель сегодня – обратить внимание на место и роль либералов-центристов в тогдашней многопартийности. Они предложили собственную модель обновления России. Подробно об этом – в моей монографии «Центристская модель модернизации российской экономики в начале XX века», изданной в 2013 г. Если пунктирно обозначить основные этапы развития центристского течения в либерализме, начиная с 1906 г., то это выглядит так: Партия демократических реформ, Партия мирного обновления, Партия прогрессистов. Их ниша,

условно, между крайними флангами либерализма – кадетами и октябристами. То есть это был своего рода «центр центра».

Что отличало лидеров либерального центризма? Опять же, если телеграфным стилем, то это – идейность, принципиальность, порядочность, истинный патриотизм. «Люди дела. Не суеты, но сути» – так еще можно сказать о каждом из них. Приведу слова М.М. Стасюлевича: «Либерализм истинный, непоколебимый покупается дорогой ценою учения и трудов, а не за стаканом вина». Под этим могли бы подписаться и другие из когорты его соратников. Это люди, настроенные прежде всего не на критику и разрушение, а на созидание.

Чего хотели либералы-центристы, и какие предлагали пути к цели? Что касается первого (чего хотели), то тут у них много общего с кадетами. Центристы, как правило, поддерживали их. А вот что касается путей достижения этих целей, то тут разногласия организационные и тактические у центристов с кадетами были более глубокими. Два момента. Во-первых, у центристов был свой взгляд на вопросы партийного строительства – взгляд весьма критический. Уже тогда для них (и не только) был очевиден кризис партийной системы как таковой, безотносительно к ситуации в России. А значит, считали они, перенос западного опыта на русскую почву бесперспективен. Ничего хорошего из этого не получится еще и потому, что ситуация в России в начале XX в. радикально другая, чем на Западе (в смысле хотя бы общей культуры, уровня гражданского и политического воспитания – точнее, его полного отсутствия). И действительно, как в воду глядели. процитирую одного из них – князя В.М. Голицына: «Правительство и враждебные ему партии одинаково забыли Россию». Еще цитата его же: «Наши партии оказываются сильными в отрицании ненавистного или враждебного им, во взаимных пререканиях и т.д. Спрашивается: если которая из них призвана была бы к власти, что будет? Прежде всего, будет гонение на все, что не подходит под ее понятие, а затем она уперлась бы в стену, которая отделяет ее от беспредельно широкого поля положительного труда, которую она и сама же соорудила».

На вопрос: «Что делать?» – они отвечали так: искать новые формы объединения соратников. Что имели в виду? Во-первых, они считали, что сам феномен политической партии, в принципе, может обрести второе дыхание. И вот как раз путь в этом направлении они «нащупывали», пытаясь реализовать свое представление о «почвенной» либеральной партии, то есть максимально адаптированной к российским реалиям. Если совсем коротко, то, как представляется, именно либералы-центристы первыми в нашей стране (а может быть и не только в нашей) поставили в повестку дня и провели эксперимент по созданию массовой партии нового типа – как своего рода «сетевой» структуры. Кроме того, либералы-центристы занимались поиском еще и оптимальных форм внепартийного объединения единомышленников-прогрессистов: клубы, союзы, масонские ложи. Их лозунг: «В единении – сила!» Причем слово «прогрессист» тогда понималось гораздо шире, чем член одноименной партии. Этот термин объединял и близких «по духу» членов других либеральных партий, и беспартийных либералов, и умеренных социалистов. И на самом деле, – соглашусь с мнением И.С. Розенталя, – прогрессизм был шире либерализма.

Что касается тактических принципов либералов-центристов, то главное здесь – нацеленность на *мирное* обновление, а потому – категорическое отрицание насилия, террора как способов политической борьбы. Отсюда и последовательное, безусловное осуждение ими кадетских «поклонов налево». И это было одним из серьезных «водоразделов» между ними и партией П.Н. Милюкова. Стержневая идея либералов-центристов – нужен разумный компромисс (но – не сделка, которая противоречит моральным принципам!). Их цель – создание конституционного центра. В 1915 г., мы знаем, эта идея обрела реальные очертания в лице думского Прогрессивного блока. И когда мы сегодня спорим о том, кто был инициатором его создания, то надо, вообще-то, иметь в виду, что у истоков этой идеи стояла Партия демократических реформ еще в 1906 г.

И еще об одной «родовой» черте либералов-центристов. Это признание ими приоритета культуры, образования и науки

в жизни общества. И в этом смысле их можно определить как «партию культуры». А цель, которой они себя посвятили, – это своего рода, используя известное выражение, «изобретение традиций» (Э. Хобсбаум). Изобретение традиций для новой России: вживание в ткань ее культуры традиций общественной солидарности, толерантности, самоуправления, свободного идейного труда и т.д. Они прекрасно понимали, что это – долгая история, но были убеждены: «иногое не дано».

То есть ясно, что либералы-центристы и их партии не укладываются в рамки привычных классификаций. Они были сильны не формальными показателями численности своих рядов (что в принципе не поддается четкой фиксации в силу специфической природы этих партий). Они сильны как отражатели и ретрансляторы определенного («умеренно-прогрессивного») общественного настроения, которое, безусловно, тоже надо учитывать при воссоздании полноцветной картины нашего прошлого. Они были сильны еще и как генераторы идей.

Их опыт дополняет и уточняет представление о русском либерализме. Этот опыт работает еще и на реализацию важной цели, а именно – на реабилитацию у нас самой идеи либерализма, дискредитированной в постсоветской России.

И последнее. В общем, можно сказать, что либералы-центристы начала XX в. поставили эксперимент, намного обогнавший свое время. Неслучайно некоторые современники называли людей такой породы – «тени грядущего». К сожалению, такими они, с их идеями, воспринимаются и сегодня, спустя более века.

Но, как представляется, другой альтернативы, помимо предложенной ими, и сейчас нет (если, конечно, не иметь в виду такие «альтернативы», как застой и революция). И в этом смысле, по-моему, не стоит говорить об их поражении в начале XX в., а тем более – об их утопизме.

В.П. Булдаков. Нина Борисовна, а сколько этих замечательных людей, которых вы таким нехорошим, по-моему, словом «центристы» называете?

Н.Б. Хайлова. Мне оно тоже не очень нравится, но другого слова пока нет.

В.П. Булдаков. Сколько их было на всю бедную Россию?

Н.Б. Хайлова. Сначала – по поводу термина.

Слова «центр», «левый центр» применительно к кадетам и близким к ним партиям (в том числе тем, о которых я говорила) на самом деле были в ходу у современников. Другое дело, что против таких «ярлыков» (как, впрочем, и любых других) были настроены и сами мои «герои». К примеру, М.М. Ковалевский о Партии демократических реформ, к которой он примкнул, говорил, что ее нельзя считать ни правым крылом кадетской партии, ни левым крылом социал-демократической партии (и такое мнение тогда тоже было!), «ни тем более центром». «Наша партия – просто партия здравого смысла, – расставлял он точки над *i*, – в том значении этого слова, что она признает необходимым считаться с историческим прошлым». Что касается меня, то я всегда подчеркиваю условный характер термина «либералы-центристы», в котором отражена только одна из их черт – «пограничное» положение между кадетами и октябристами (на это современники тоже обращали внимание).

Что касается численности либералов-центристов, то с точностью определить это невозможно, прежде всего, в силу специфики их организационных принципов (о чем я упоминала). Но, тем не менее, по разным источникам все-таки можно с уверенностью сказать, что это течение в либерализме проявлялось достаточно широко по стране. И не только в столицах! Начиная со времен Первой русской революции, оно выросло «снизу» как естественная реакция определенной части общества на углубление кризиса, как стремление избежать кровопролития и повернуть Россию на путь мирного обновления. И потому партии и непартийные объединения либералов-центристов разного толка возникали повсюду. У них были разные названия. Ну, например: «Конституционно-либеральная партия Перми», «Умеренно-прогрессивная партия», «Донская прогрессивная партия» и т.д. Но суть – одна.

Еще один пример. Совсем недавно пришлось читать новейшую диссертацию о тамбовском обществе в 1917 г. И там упоминаются на выборах в органы местного самоуправления

объединения избирателей подобного рода; ведущее место в них принадлежало предпринимателям (торговцам, промышленникам). Вот их названия: «Деловой прогрессивный блок», «Демократический блок», «Прогрессивный блок».

Мне кажется, это доказывает, что одна из главных идей либералов-центристов пустила корни в стране.

П.П. Марченя. У меня очень короткая вопросительная реплика. Нина Борисовна, если либералы, которых вы назвали, для России и спустя столетие выглядят как, по вашим словам, «обогнавшие свое время», то, может быть, дело не во времени?

Н.Б. Хайлова. Ну, а в чем? Может, и не во времени... Вы имеете в виду «особость» России?

П.П. Марченя. Или либералов в России.

С.Ю. Разин. Нина Борисовна, вы сказали о реабилитации либерализма в России... Я, вот, не могу, извините, не воспользоваться присутствием такого большого количества специалистов по русскому либерализму, и не задать два вопроса.

Вопрос первый: вы действительно считаете, что возможна реабилитация либерализма в России?

Второй вопрос (возможно, он кому-то покажется банальным и поверхностным, но для меня это вопрос не банальный): вы всерьез считаете кадетов либералами?

Н.Б. Хайлова. А почему нет? – начну со второго вопроса.

Ведь, по большому счету, для «отлучения» кадетов от либерализма нет оснований. Они вполне вписываются в рамки понятия «либерализм». В словарях, энциклопедиях начала XX в. оно определялось как свободомыслие, стремление к новым и лучшим формам общественного устройства на основе общего равенства и свободы. Соответственно, либералом признавался человек, стоящий за беспрепятственное развитие личности, за свободу деятельности всех граждан, это тот, кто желает большей свободы народу и видит благо страны в постепенном прогрессе и т.д. Другое дело, что у либерализма много граней, ипостасей. И либералы бывают разные, даже «под крышей» одной партии... И это отмечали современники – отличали либералов друг от друга по оттенкам взглядов и

конкретным задачам. Мне, конечно, более симпатичны те, кого я называю «центристами» – и как люди, и как политики. Кстати, возвращаясь к теме о том, кто – либерал, а кто – не либерал, – примечательно признание члена кадетского ЦК В.А. Маклакова. В своих воспоминаниях о 1-й Думе он называл настоящими либералами все-таки не своих однопартийцев, а как раз именно графа П.А. Гейдена и его соратников – «мирнообновленцев».

На второй вопрос я бы ответила так: мы, конечно, можем долго рассуждать о возможности или невозможности реабилитации либерализма в России... Но, по-моему, очевидно, что если мы действительно хотим верить, – выражаясь языком плаката, – в «светлое будущее России», то другой альтернативы, кроме тех идей обновления страны, которые предлагали либералы-центристы, я лично не вижу.

В.П. Булдаков. У меня тоже два вопроса.

Понимаете, симпатизировать вот этим людям, конечно, могли очень многие. Но многие ли симпатизирующие им пошли бы за них голосовать? На выборах все же голосуют за большие партии и их лидеров. Голосуют за сильных и больших лидеров, а не за маленьких и слабых.

Второй вопрос: вы сказали, что вам они симпатичны. Ну и что? При чем здесь наука? У нас работа и без того довольно грубая. Зачем же осложнять ее эмоциями? Мы обязаны анализировать тогдашние эмоции, а для этого лучше самим никаким эмоциям не поддаваться. У нас не должно быть хороших и плохих партий. И те и другие – просто материал для научного исследования.

Н.Б. Хайлова. Хорошие и плохие...

В.П. Булдаков. Конечно, историк, как и всякий человек, не свободен от эмоций. И я по-человечески вас понимаю. Я сам некогда симпатизировал им, да и сейчас не собираюсь ни в чем их упрекать. Но, говорить о том, что они составляли реальную альтернативу, – это наивно. Политика – не дело блаженных. Подобных прекрасных альтернатив можно отыскать в русской истории сколько угодно. Можно даже присочинить. Но вряд ли это нужно.

Кстати сказать, уместно ли вообще каких-либо российских либералов именовать центристами? Все российские либералы в спектре существующей многопартийности и без того оказывались в центре. Почему не говорить о «профессорском либерализме»? Или, по известной аналогии, почему не использовать термин «катедер-либерализм»? Тоже коряво, но зато понятно. Кстати сказать, в Германии в начале XX в. профессора-«либералы» сыграли колоссальную роль в развязывании Мировой войны. Они были по-особенному влиятельны, именно потому, что не были людьми прекраснодушными (хотя тоже были по-своему утопистами). В России было нечто противоположное.

Н.Б. Хайлова. Я, конечно, соглашусь с вами в том плане, что в сиюминутной политической борьбе (на выборах и т.д.) партии (и деятели) такого рода – как вы сказали, «маленькие и слабые», – обычно проигрывают. Но возьмем 1917 г. Тогда ведь проиграли не только прогрессисты. И в конечном итоге проиграли-то все...

В.П. Булдаков. Все проиграли!

Н.Б. Хайлова. И все были утопистами, каждый по-своему.

В.В. Шелохаев. Это верно.

Н.Б. Хайлова. Но ведь идеологи либерального центризма не только «выстраивали прекрасные альтернативы», они реально много и главное – плодотворно (причем в разных сферах) потрудились над обновлением России. Они доказывали практикой, что можно собирать людей вокруг идеи обновления России (так, как они эту идею понимали), что можно постепенно «разворачивать» Россию в этом направлении. Только надо этого всерьез хотеть, быть искренним, убежденным, видеть в этом, на самом деле, смысл своей жизни и, конечно, не рассчитывать на быстрый успех и, тем более, прижизненные «лавы победителя»...

Да, многие их идеи до 1917 г. не успели реализоваться в полной мере, но процесс шел в этом направлении, и не их вина, что слишком медленно (как нам кажется) шло это движение, а в итоге было прервано... И на основании этого делать вывод о том, что их идеи не представляли и не представляют «реальной

альтернативы» для России, – я думаю, что такой категорический вывод делать, по меньшей мере, преждевременно.

Прочитую на этот счет ныне почти забытого талантливому экономиста и публициста А.М. Рыкачева, близкого прогрессистам по взглядам: «Кроме обстоятельств места, существуют и обстоятельства времени: что кажется смешным сегодня, завтра станет серьезной потребностью и важным делом»...

С.А. Магарил. Уважаемая коллега, скажите, пожалуйста, ваше мнение по поводу того, возможна ли реализация тех перспектив, о которых вы говорили, вне верховенства закона? И сколько примерно времени, на ваш взгляд, понадобится для утверждения верховенства закона в России? Спасибо заранее.

Н.Б. Хайлова. Конечно, вне верховенства закона это невозможно. И либералы-центристы все время на это обращали внимание: что привычное отвращение к закону, ставшее частью народной психологии, разрушает государство, в корне развращает народ. И власть нужна, – убеждали они, – не только сильная, нужна моральная власть, нужна власть, которая понимает и ценность закона, и культуры, образования, науки. Потому что без просвещения, соответствующего воспитания новое – правовое, демократическое – общество, государство не «выстроится».

С.А. Магарил. И сколько времени это может занять?

Н.Б. Хайлова. Они прекрасно понимали, что это долго. Ну а другой альтернативы нет. А сколько времени это может занять в России – даже примерно – я, думаю, никто не мог (и не может) сказать. Понятно, что немало лет должно пройти, и это – при условии последовательной политики в этом направлении.

С.Ю. Разин. Ну, вот по поводу того, что «долго», по поводу вечных упований наших либералов: дайте 20 лет, 30 лет, 40, 100... и т.д. покоя, дайте нам другую страну... – хочется сказать, что политика всегда сиюминутна, она происходит сегодня и сейчас, и исторический выбор происходит сегодня и сейчас. Не через 20 лет, не через 30 лет, не в какой-то другой

утопической стране, которую сами себе иногда наши либералы-реформаторы строят, а сегодня, здесь и сейчас.

С.А. Магарил. То есть перспективу видеть не надо?

Н.Б. Хайлова. Вот именно. «Надо работать на перспективу!» – убеждали идеологи либерального центризма и их соратники. Иначе все время будем ходить по кругу. А нужен какой-то прорыв.

В.П. Булдаков. Прорыв-то будет тогда, когда научимся опираться на реалии – и будем из реалий исходить.

Н.Б. Хайлова. Вот они и предлагали... Вот реалии такие, давайте...

В.П. Булдаков. Из реалий, а не из прекрасных проектов...

С.Ю. Разин. Нина Борисовна, позвольте не согласиться. Реалии России, к сожалению, были совершенно другими, не такими, какими их себе представляли либералы.

Н.Б. Хайлова. Но дело в том, что лидеры либерального центризма как раз и предлагали исходить из реалий. Они глубоко знали и учитывали не только опыт России, но и держали руку на пульсе общемирового движения. И это знание обеспечивало им своего рода дар предвидения. И это отмечали и ценили современники.

Так, например, П.Н. Милюков в своем отклике на смерть М.М. Ковалевского в 1916 г. назвал его «вождем-знаменосцем» нашего освободительного движения, который «твердо держал общее направление, зная, куда идет дальнейшая дорога». И далее – окончание этой цитаты Милюкова: «Не всем дано стоять на той высоте, с которой видно, куда ведут события. Большинство из нас копошится в злобах дня, на них тратя все свои душевные силы. Но, как отдельные работники оркестра, все мы смотрим на то высокое место, где стоит дирижер. Он знает темп, и оркестр идет дружно... Ковалевский есть наше общее национальное богатство, которым мы горды, которого у нас никому не отнять».

О ценности людей подобного типа говорила и А.В. Тыркова. «Горе той стране, – предупреждала она в 1913 г., – где государственные люди и общественные деятели, и вообще

все сколько-нибудь активные элементы народные, лишены этого дара предвидения, где они замкнулись в узкой келье маленькой, бессильной рассудочности. Сухим и тесным путем поведут они свою родину, не распахнут перед ней ни широких горизонтов, ни творческих и героических возможностей»...

Хочу в заключение поблагодарить организаторов за приглашение на этот «круглый стол», а коллег – за искренний интерес к теме моего выступления и размышления по этому поводу. К сожалению, люди такой «породы», о которых я говорила – всегда редкость, особенно в политике. Но их «партия» в общем многоголосье все-таки вряд ли, – на мой взгляд, – когда-либо потеряет свою значимость и актуальность. Хотя, конечно, трудно не согласиться с тем, что в идеале их цель еще очень долго будет «маячить» на горизонте. И еще и поэтому, наверное, их путь обновления России воспринимался и воспринимается как один из «прекраснодушных проектов». Но это ведь совсем не отменяет необходимости двигаться именно в этом направлении... Разве не так?

И в завершение: как раз «в тему» приходит на ум песня Б.Ш. Окуджавы. Помните, конечно... Там есть такие слова: «Дураки обожают собираться в стаю, / Впереди главный – во всей красе... / А умный в одиночестве гуляет кругами...». И т.д. И в конце: «Дураком быть выгодно, да очень не хочется. / Умным очень хочется, да кончится битьем... / У природы на устах коварные пророчества. / Но может быть, когда-нибудь к среднему придем?»...

Л.Н. Бродовская [Верховенство закона – залог беззакония]

Коллеги, я не планировала выступать – честно, не собиралась, но в завершение сегодняшней дискуссии, мне бы хотелось напомнить о том, что верховенство закона – это, во-первых, стагнация, а, во-вторых, оно – со времен римского права – приводит к появлению института юридической фикции, то есть, стремясь соблюсти дух законов, мы все – от государства до гражданина – начинаем обходить букву закона, верховенство которого провозглашаем. Это исторический опыт.

Если вы [к С.А. Магарину] признались, что не считаете себя историком, то напомню историческую традицию: начало

XIX в., немецкая историко-юридическая школа показывает, что закон всегда отстает от жизни. Мы не можем всерьез рассчитывать на верховенство закона – со времен китайских легистов это ничем хорошим не заканчивалось. Просто потому что естественной представляется ситуации, когда жизнь поправляет закон, а не закон кромсает бытие по живому. Это тупик, социальный и юридический, кстати говоря, и опыт последних десятилетий отечественной истории, по-моему, нас в этом еще раз убеждает.

Второй тезис в своей изначальной форме мог бы стать ответом на вопрос о соотношении интересов партийного руководства и партийных масс, от имени которых говорят лидеры, фактически фрустрируя потребности рядовых членов партии ради политической конъюнктуры. И здесь мы как раз выходим на первую проблему сегодняшнего стола – это «ведущие или ведомые»? Если мы будем смотреть на российские политические партии, которые создавались по указке сверху или по указке снизу, имитировали какую-то деятельность, то, казалось бы, вопрос очевиден – это не самостоятельные политические образования, которые следуют за властью или еще за кем-то. Но опыт совещания стран Антанты в январе 1917 г. показал, что эти партии очень даже в состоянии в критический момент рвануть политическое «одеяло» на себя, действуя именно как партии. То есть проблема политического «веса» не решается раз и навсегда. В этом смысле добросовестная зачистка пространства справа от себя современной политической элитой обретает характер важной задачи, а не индикации легкой формы паранойи.

Другой вопрос, что либеральные политические партии не справились с ситуацией, они переоценили свои силы и – в конечном итоге – потеряли власть. А большевики справились? Гражданская война для России длилась дольше, чем Первая мировая; утрата хозяйственного потенциала; озверение народа; сокращение периметра границ... Они и сами-то не верили в то, что это победа, и успокоились только ближе к концу Отечественной войны. Оценивая период «Красной смуты» как негативный, отрицательный для России опыт, должны ли мы сказать, что именно партийность – как культурный и

политический феномен – сыграла роль спускового крючка для Русской смуты...

Метафизически – можно и так; фактически – можно и отвергнуть. Однако очевидно, что попытки юридическими средствами взнудать социальное тело потерпели провал, а добросовестное стремление к законности обернулось вопиющим беззаконием и энтропией российского общества, параметры и размеры которой до сих пор остаются не вполне усвоенными.

С.Ю. Разин. В этом смысле Советский Союз был воплощением верховенства закона.

А.В. Гордон. Ну, что это такое? А как же внесудебная практика?

Я.В. Леонтьев. Особенно в сталинский период.

А.А. Куренышев. А что? Другое дело, что закон не всем нравился...

Ю.П. Литвин (*студент ИГУМОиИТ*). Тут прозвучало два очень важных слова – это профсоюзы и гражданское общество. И зачем, собственно, современным партиям нужна какая-то борьба за власть? Дело в том, что современное общество уже выработало огромное количество институтов, которые решают социальные и политические проблемы. И чем занимаются современные политические партии? Когда возникает вопрос, они спускают, собственно, все запросы туда – в профсоюзы и другие организации. Гражданское общество, политически активные граждане – зачем им нужны политические партии, если они точно так же, совершенно спокойно, обратятся к тем же самым институтам (к Уполномоченным по правам человека и другим). Отсюда и возникает чиновничество... Политическим партиям власть как таковая не нужна.

Я считаю, что революции или какие-либо потрясения на современном этапе могут возникнуть не тогда, когда ослабеет роль политических партий, а когда ослабеет роль вот этих гражданских институтов.

М.И. Ивашко. [Российская многопартийность: начало XX и начало XXI вв.]

В качестве реплики, хотел бы обратить внимание уважаемых коллег, в контексте нашего разговора, на два момента.

Во-первых, ведя речь о многопартийности, мы пытаемся все время увязать два периода в истории этого процесса: начало XX и начало XXI вв. Так вот, мне представляется, что на сегодняшний день сравнивать то, что было в партийном строительстве в начале XX в., и то, что мы наблюдаем в этом процессе в начале XXI в., невозможно. В начале XX в., при всех издержках, которые уже упоминались в этой аудитории, политические партии были востребованы обществом, выражали интересы и настроения разных слоев этого общества, выступали политическим инструментом самовыражения определенной его части. Кроме того, важным моментом, который способствовал появлению партий на политической арене, росту их влияния в российском обществе, явилось складывание условий для их деятельности. При отсутствии должной атмосферы, наверное, не смогло бы существовать 280 партий, о которых здесь говорил В.В. Шелохаев.

И совсем иную ситуацию в партийном строительстве наблюдаем сегодня. С одной стороны, процесс образования, деятельности политических партий находится под жестким контролем государства. А с другой, многопартийность как таковая, к сожалению, не востребована нашим обществом. Оно не видит в политических партиях той силы, которая бы выражала и защищала его (общества) интересы. Наше общество не научилось жить в условиях многопартийности, да ему и не дают приобрести этот опыт, и здесь я полностью согласен с предыдущим выступающим [студентом Ю.П. Литвиным], многочисленные институты подменяют деятельность политических партий. В результате то, что мы наблюдаем в современном партийном строительстве, больше напоминает рукотворный, искусственный процесс, который существует сам по себе, а общество со своими проблемами живет само по себе.

В этом и есть, как представляется, одна из проблем сегодняшней российской многопартийности.

И второй момент, на который я хотел бы обратить внимание уже как вузовский преподаватель. Рассматривая историю партийного строительства, мы очень мало говорим о периоде Перестройки. Она, к сожалению, зачастую выпадает из поля зрения исследователя. Студенческая молодежь, имеет очень смутные представления об этом периоде партийного строительства. А ведь это был своеобразный партийный «ренессанс». Чем он был рожден? Прежде всего, условиями, которые сложились в это время: гласность, свобода самовыражения, плюрализм мнений в политической жизни и т.д. Раскрепощенное общество почувствовало свои возможности (особенно после отмены 6 статьи Конституции СССР 1977 г.) и искало политическую силу для реализации своих целей. В результате в стране появлялись как в центре, так и на местах (республиках) политические объединения. Некоторые до сих пор удерживаются «на плаву» (имею ввиду ЛДПР).

Конечно, не все было так гладко... Вопросов по этому периоду возникает немало. И все же, процесс формирования многопартийной системы в новой российской исторической реальности был заложен именно в это время. И он достаточно поучителен, думаю, и для сегодняшних «партийных архитекторов». Это мой субъективный взгляд на проблему.

Липатова Н.В. [Многопартийность и дифференциация общественного поля]

Сравнение напрямую, безусловно, невозможно, однако есть грани, которые являются общими. Например, «свой» и «чужой» в многопартийном поле – очень востребованные и подвижные категории.

Внутри каждой из них есть почти «свои» и почти «чужие». Так, пролетарское происхождение (как фактор формирования партии РСДРП) не гарантировало беззаветного служения революции и одобрения коммунистических идеалов, а дворянское сословие явило пролетарского вождя.

В итоге, в арсенале межпартийных споров (прежде всего на страницах прессы) использовались часто пары «свой–

чужой», не способствующие устойчивому положению в стране. Анализ газетных текстов позволяет выявить несколько вариантов использования данного противопоставления: указание на прямых врагов (внутренних или внешних), иносказательное наименование чужака («франт», «барышня», «белочех») и тех, кто вроде бы «свой», но не до конца сознателен, не осознает своего положения, возможности и т.д. («нацмен», «интеллигент»).

Можно выделить три (их на самом деле больше, это наиболее жесткое разделение на «своих» и «чужих» по функции, которую они выполняли).

1. Прямые противопоставления, формирующие представление о «своем» посредством «чужого», были наиболее распространены в заголовках и газетных текстах. Они, как правило, сразу настраивали читателя на то, что он должен сделать «правильный» вывод. Например, статья в самарской газете с названием «Мы и они. Про что знаем мы и про что они» поясняла читателю, что «Колчак – ядовитая поганка», а «Дети – юные цветы коммунизма».

2. Прямое указание на врагов, которые уже побеждены или еще прячутся и маскируются, и борьба с ними – залог успеха. Партия, таким образом, создавая в пропаганде образ врага, формировала свой образ методом «от противного», и являла собой все, чего не представлял собой враг. Обратной стороной очернения образа врага в пропаганде стало возвышения образа героя. Партийная пропаганда активно использует мотив павших героев и превращение их в «мучеников» и «святых». Это характерно для кризисов и сложных периодов истории России, начиная со времен первой русской смуты, и для революционных кризисов начала XX в., и для современной ситуации (последний пример – информационно-агитационное поле вокруг убийства Б. Немцова).

3. Переходное состояние между категориями «свой» – «чужой» чаще всего относится к интеллигенции. В качестве примера можно привести отношение к учителям. Здесь очень важна тональность текстовок. Признание «своими» происходит на фоне покровительственных ноток, поскольку они «не

дотягивают» до подлинных «своих». При этом возраст, субординация не имели никакого значения. Так, корреспондент «Детской правды» – «старший сотрудник 15 лет» – сетовал на то, что учительская интеллигенция отчуждена от пролетарской детворы, и призывал учителей не раздумывать и войти в пролетарскую семью: «Мы дети пролетариев... Обращаемся к вам, нашим наставникам еще раз, присоединиться к нам. Войти в нашу общую семью и повести нас в грядущее царство знаний и света». И наоборот, признание «своим» возможно было как «отпущение грехов»: «Дезертир, опомнись! Тебя призывает Советская Россия в минуту опасности, прощая ошибку, которую ты совершил по неосознанности»... «Еще не поздно дезертиру смыть позор»...

Подобные смыслы не только не способствовали разрешению общенационального кризиса, но и всячески углубляли его., способствуя закреплению архетипического деления на своих и чужих и – тем самым закрепляя противостояние, а не консолидированность сознания.

В то же время это подчеркивало слабость многопартийности, которая в России в начале XX в. не смогла оформиться и окрепнуть окончательно.

В.П. Николашин. [Большевицкая социализация земли: между буквой марксизма, деревенской стихией и эсеровской грамматикой]

Я бы назвал свое выступление, опираясь на одну из предложенных ведущими круглого стола проблему, но слегка ее перефразировав: «Большевицкая социализация земли: между буквой марксизма, деревенской стихией и эсеровской грамматикой».

Обращаясь к данной проблеме, хотел бы выделить важный аспект: традиционно партии, как легитимные политические силы, призваны решать социально-экономические проблемы путем реформ и модернизаций. Именно поэтому они разрабатывают программы, направленные на привлечение в свои ряды сторонников. Но революционные партии также имеют свои программы, имеют все признаки своих более либеральных политических оппонентов. Однако в их программах представлены радикальные тезисы. Такие

партии, политические силы намеренно входят в конфронтацию с официальной идеологией и опираются на социальные ожидания. В начале XX в. одной из наиболее радикальных тем стала крестьянская мечта о «Земле и Воле», или «Черном переделе» земли. Политический запрос деревни быстро нашел политические силы, использовавшие идеи об уравнительном переделе земли в качестве лозунга.

Период 1905–1918 гг. стал примером мощных политических столкновений, ослаблявших преобразовательные импульсы центральной власти. Под плугом перманентных, не всегда эффективных и подготовленных реформ, трансформаций сокращался социально-экономический потенциал государства, падала роль большинства партий как мобилизационных механизмов. Победителями становились те политические силы, которые могли вызвать симпатии у крестьянства. Либералам, монархистам здесь тяжело было найти электоральную поддержку.

Именно через аграрную программатiku мобилизовывались наиболее мощные социальные силы в революции 1917 г. И радикалы это отчетливо осознавали. Поэтому программы социализации-национализации земли стали тем стержнем, на котором держалась победная риторика политических партий-лидеров. Сначала эсеровская, а затем и большевистская. Решающую роль в победе последних сыграли стратегические просчеты социалистов-революционеров. Все это привело к переходу инициативы в руки большевиков и дальнейшим негативным социально-экономическим сдвигам, в частности в аграрном секторе.

Осенью 1917 г. все политические силы особенно остро ощущали неотложность аграрных преобразований. Вокруг вопроса о земле шла ожесточенная борьба. Это подтвердила и «крестьянская революция», стартовавшая стихийными погромами помещичьих имений в ночь на 9 сентября в Тамбовской губернии, Козловском уезде, в Ярославской и Екатерининской волостях. 13 сентября властями было принято знаменитое «Распоряжение № 3», которое должно было остановить крестьянскую стихию. Однако эсеровский политический ход не оправдал себя в политическом смысле и

только разжег «передельные настроения» в крестьянской среде. Основная борьба за деревню в общероссийском масштабе развернулась уже после разгона большевиками Учредительного собрания – на III Всероссийском съезде крестьянских депутатов (январь 1918 г.) при разработке и утверждении «Основного закона о социализации земли».

В ходе острых дискуссий закон о социализации земли был утвержден 27 января на пленарном заседании ВЦИК. Он провозглашал отмену собственности на землю и объявлял ее достоянием трудового народа. Право пользования землей принадлежало тому, кто обрабатывал ее собственными руками. Распределение земли должно было производиться на уравнильных началах по потребительно-трудовой норме. Большевикам удалось отстоять право государства на пользование землей наряду с основным источником этого права – личным трудом.

Пойдя на временный компромисс с левыми эсерами, большевики именно на аграрном «поле» сделали крупный шаг в сторону своей партийной монополии. Переформатирование лозунга «социализации земли» в «национализацию» требовало посредничества, хотя бы преемственности некоторых авторов данной аграрной программы.

И большевикам это удалось, так как в новом законе появились статьи, ограничивавшие право владения и пользования землей для крестьян, но в целом он еще сохранял эсеровский «дух». Сама возможность уравнильного передела земли делала крестьян безусловными сторонниками «Основного закона о социализации земли».

То есть как политической силе деревня в первой половине 1918 г. Советской власти доверяла. Именно этот временной лаг и был нужен большевикам для того, чтобы закрепиться у руля власти, а затем выступить с позиции диктаторов.

О.А. Сухова. [Элиты и массы: неполитическое измерение истории российской многопартийности]

В качестве названия своего выступления дословно сохранил формулировку, предложенную для обсуждения

организаторами «стола»: «Элиты и массы: неполитическое измерение истории российской многопартийности».

На мой взгляд, ключевым вопросом сегодняшнего обсуждения выступает не столько дефиниция российской многопартийности, сколько оценка гипотетической возможности реализации этого проекта социальной утопии. Уже в сочетании слов «российская» и «многопартийность» скрывается некое качество, придающее их комбинации лексическое значение невероятного, как в известной сказке про Федота-стрельца. Гораздо большей эвристической ценностью обладает постановка проблемы о причинах особой сопротивляемости российского социума усвоению либеральных ценностей.

Что послужило прививкой от либерализма для страны, тщетно пытающейся осуществить переход к либерализации? И таких попыток было минимум две.

Несмотря на то, что в пореформенной России, успешно модернизирующейся и жадно поглощавшей инвестиции, технологии, идеологию общества модерна, создававшей институты гражданского общества и правового государства, шансов на воплощение этого проекта было несоизмеримо больше (здесь не могу не согласиться с мнением В.В. Шелохаева), печальным итогом бремени реформ, отягощенного военной катастрофой, стал провал в архаику традиционного общества.

В конце 1980-х гг. в условиях кризиса советского цивилизационного проекта вроде бы тоже просматриваются черты назревавшей демократической революции, однако следует напомнить лозунги первых протестных акций в январе 1992 г.: «Демократы все развалили!». Стали ли представители либеральной оппозиции, рожденной на I Съезде народных депутатов, опорой новой власти, влились ли в когорту новой элиты? Вопрос остается открытым. Второго пришествия либерализма не получилось. И сегодня в риторике представителей современной российской бюрократии нет-нет, да и всплывет произвольно ссылочка на знаменитую уваровскую формулу.

Цивилизация, исторически обреченная на воспроизводство имперско-патерналистской системы, традиционный тип социальности которой не одно столетие вырабатывал иммунитет к разного рода инновациям, переварив очередной кризис, возвращается на круги своя, порождая квазиреальность, в том числе и в отношении либеральной перспективы и многопартийности. Отчасти подобное видение проблемы объясняет и особенности современной политической системы в России.

Возвращаясь к ситуации начала XX в., хотелось бы отметить, что одним из факторов крайней степени политического инфантилизма, узости социальной базы большинства из новообразованных политических объединений стал низкий уровень политической культуры населения страны, как впрочем, и культуры вообще, особенно в провинциальной России. Процесс урбанизации был еще очень далек от своего завершения, а крестьянству при конструировании повседневной реальности, своего микрокосма политические представления были без надобности. В крестьянском сознании вообще отсутствовало представление о необходимости посредников между монархом и мирской организацией.

Нет оснований полагать, что в условиях победы «общинной революции» политическая культура российского крестьянства изменится кардинально. Политические представления по-прежнему характеризовались наличием значительных напластований религиозных верований, значительной аморфностью, незрелостью и размытостью представлений, как о механизмах функционирования политических связей, так и о программных установках различных партий и общественных организаций.

Приведем несколько развернутых характеристик отношения общинников к Советской власти, представленных в материалах анкетирования, проведенного иногородним отделом Пензенского губернского совета в 1918 г.

На первый взгляд, полученные данные достаточно красноречиво свидетельствуют о росте крестьянских симпатий по отношению к большевистской партии. Респонденты из порядка 50 волостей заявили, что политические убеждения

большинства населения либо большевистские, либо сочувствующие большевикам и Советской власти. Весьма показательны, что прежние лозунги крестьянской борьбы представлены лишь в 3 анкетах, что позволяет предположить два момента: во-первых, речь идет о реализации в целом социального идеала как о свершившемся факте, и, следовательно, столь привычные прежде претензии к власти не актуализированы; а, во-вторых, фиксацию ответов на вопрос о политических убеждениях можно интерпретировать как рефлексию крестьянского сознания по поводу стремления властей выяснить рейтинг той или иной партийной организации в деревенской среде. В этом отношении признание системы Советов, Советской власти в качестве «законного начальства» будет автоматически переноситься и на политические пристрастия населения («Какова власть, таковы и убеждения»). Немаловажным будет обратить внимание на количественные показатели индифферентного отношения крестьянства к различного рода политическим организациям, что косвенно указывает на особое прочтение, собственную оценку (в координатах присущей крестьянству рассматриваемой эпохи «картины мира») уровня развития политического сознания, по-прежнему основанного не на опыте, а на вере («о политических верованиях говорить не приходится»).

Исследование политических представлений современных россиян еще ждет своего исследователя, однако определенные аналогии напрашиваются со всей очевидностью.

И.А. Анфертьев. [КПСС: партия или псевдопартия?]

Уважаемые коллеги! Мне очень приятно видеть вас на площадке Российского общества историков-архивистов. Некоторые из вас у нас уже не первый раз. Кто в первый раз – приходите к нам в гости. Сергей Юрьевич [*Разин*] и Павел Петрович [*Марченя*], так сказать, организаторы этих наших мероприятий...

А я бы хотел сказать о том, что партии – в их историческом прошлом и нынешние – можно делить, упрощая ситуацию, на две категории: это псевдопартии и собственно партии. К партиям я бы вот отнес те, что имеют определенные признаки. При наличии многих признаков, я бы выделил три

основных. Партия тогда является партией, когда у нее есть цель, а цель – это приход к власти. Здесь Сергей Александрович [Магарил] говорил, что участие во власти тоже может быть целью. Если это цель, то это партия. Как мы знаем, в ряде европейских стран есть, так сказать, коалиционные правительства... Партия набирает определенное количество голосов, назначает правительство, так сказать, и участвует во власти. Скажем, в Англии и в США, если партия выигрывает, то она и назначает исполнительную власть. То есть цель – это приход к власти, тогда это партия. Вторым признаком: партия является партией тогда, когда она отражает определенные интересы определенных социальных групп или классов. Если партия отражает эти интересы и получает социальную поддержку в борьбе за власть, то это партия. И третье: я считаю, что партией можно назвать ту организацию, которая легитимными способами добивается власти. Легитимными способами. То есть путем выборов, волеизъявления народа партия приходит к власти и с какой-то периодичностью избирается, переизбирается, участвует и добивается власти. Вот основные три признака, как мне кажется, которые можно выделить. Их, конечно, больше.

В этой связи я хотел бы сказать о судьбе Коммунистической партии Советского Союза, которая в разные периоды называлась РСДРП (б), РКП (б), ВКП (б), КПСС и т.д. Я изучаю вопрос о том, была ли партия в нашей стране партией вот с этой точки зрения, с точки зрения этих трех признаков. С моей точки зрения, Коммунистическая партия, зародившись в 1898 г. как партия, которая имела все признаки партии в большей или меньшей степени, после 1917 г. все-таки перестала быть партией. Связано это с тем, что в 1917–1920 гг. произошел передел собственности в нашей стране. Причем масштабный, кардинальный передел собственности. Коммунистическая партия (руководящая ее группа – Политбюро ЦК) оказалась владельцем собственности, которая была отобрана как у всех социальных слоев как в нашей стране, так и у зарубежных участников этого социально-экономического процесса.

Вот с этой поры (1918–1920 гг.) «партия» уже утратила признаки партии и стала политической организацией закрытого типа. Дальше уже ситуация развивалась совершенно в другом ключе. Делиться властью Коммунистическая партия уже ни с кем не собиралась, легитимности у нее никакой не было. Хотя, я помню, в 1960–1970-е гг. существовал, как правило, перед выборами, такой «Блок коммунистов и беспартийных». Ну, это понятно, что это было все только на словах.

Кто видел фильм А. Сокурова с очень говорящим названием «Телец»... Там примечательны последние заключительные эпизоды, когда у больного Ленина что-то начинает в голове проясняться, и он видит, что живет в особняке в Горках, кругом хрусталь, дорогие предметы, и он бьет их палкой и спрашивает окружающих: «Откуда все это? Откуда?». Понятно, что он хотел, в идеале, добиться социального равенства в стране, а оказался в плену, как бы в золотой клетке. То ли Мария Ильинична [Ульянова], то ли Надежда Константиновна [Крупская] говорят ему: «Это все наворованное, наворованное». Вот это трагедия, когда человек добивался одного, а получил в результате в масштабе страны вот такую неразрешимую социальную проблему фактического неравенства в условиях повсеместного отчуждения собственности.

Оказавшись владельцами собственности, коммунисты не смогли быть «эффективными менеджерами». Как бы там И.В. Сталина ни называли, тем не менее, не смогли, прежде всего, с точки зрения экономической. Эта партия и этот коммунистический строй были обречены, в силу отчуждения власти от собственности, когда на всех этажах, начиная от Сталина и кончая самым последним рядовым гражданином, они не имели отношения к собственности. Вот здесь пошла трансформация, перерождение партии по различным направлениям и дело кончилось 1991 годом.

Любопытный момент... Когда в 1920–1930-е гг. вычисляли старых большевиков и проводили анализ, чем занимались уже в новой социальной действительности старые большевики, вступившие в партию до 1917 г. Я читал один такой анализ. Там было написано, что, в принципе, все старые

члены партии хорошо устроены: кто директор завода, кто начальник фабрики, кто секретарь партийной организации. Все хорошо. Но есть один разнорабочий, который не смог «встроиться», нищенствует – видимо, пьяница и т.д. Самое любопытное, какое решение специально назначенной комиссией принимается: «Давайте найдем ему хорошую должность!». То есть, человек, который не смог встроиться, имея преимущества определенные, в эту жизнь, ему не говорят, что ты не способен и оставайся на этом месте, а ему говорят: «Давай мы тебя поднимем и дадим тебе должность».

Вторая любопытная деталь. Тоже малоизвестная такая деталь, когда Е.М. Ярославский – секретарь Центральной контрольной комиссии – пишет директиву всем народным комиссарам (то есть министрам!) Советского Союза о том, чтобы помощники (личные секретари) наркомов в обязательном порядке были членами партии. Дает прямое кадровое указание на изгнание специалистов, старых спецов. И пишет, что кто из наркомов не выполнит, будет привлечен к ответственности ЦКК. Вот разве это партия, которая, так сказать, вмешивается в государственные дела и определяет: кому быть, кому не быть, на каком месте и т.д., минуя государственные органы.

Следующий момент, который, на мой взгляд, дискредитировал партию (стали доступны сейчас эти документы), – это когда на заседаниях Политбюро во внесудебном порядке принимается решение: кого физически уничтожить, кого расстрелять, кого на каторгу, кого в концлагерь и т.д. То есть решается не каким-то, даже назначенным судебным присутствием, трибуналом и т.д., где юристы участвуют все-таки, а решается просто на заседании Политбюро, где 6–7 человек сидят и принимают решения: этого расстрелять, этого на каторгу, этого куда-то там на Соловки и прочее. Понимаете, это уже не партия, когда идут сверху такие процессы.

Следующий момент в отношении членов партии. Малоизвестный факт: когда члена партии исключали из партии во время чисток, было принято на Политбюро решение ставить этих исключенных на учет в ОГПУ. Дальше этим бывшим

партийцем распоряжалась уже не партия, а ОГПУ: кого в ссылку, кого на каторгу, кого куда, и держать на учете.

Тоже малоизвестный факт: «партия», в кавычках, была вынуждена из-за неумения наладить эффективную экономику спаивать собственный народ в 1920-е гг. Когда наверху столкнулись с тем, что нет возможности идеологическими призывами наладить эффективную экономику страны, было принято решение внедрить «пьяный бюджет» – монополию на водку – и таким образом пополнить казну. Надо сказать, что внутри партии были люди здравомыслящие, которые наверх писали и обращались: «Как же так, у нас же идеал – грамотное, культурное, социально справедливое общество? Зачем же мы пьянство внедряем?». Ответ сверху был такой, что надо индустриализацию проводить, а денег нет (все, что можно продать, уже продали) и вот надо теперь зарабатывать на продаже водки. И действительно, значит, водку тогда как бы распределяли по количеству едоков, по справедливости и равенству. Кто помнит 1985–1986 гг., там тоже – младенцу, только родившемуся, две бутылки водки в месяц, по талонам.

Примерно вот так же было и в 1920-е гг. Причем, что характерно, была собрана комиссия из 13 человек членов партии, которая определяла, сколько водки производить в год, как распределять эту водку, кому сколько полагается: сколько произведенной водки (в процентах) в деревню отправлять, сколько водки в городе оставлять. Пропорция такая была, что в деревню следовало 70% производимой водки отправлять, а в города – 30%. Начали проверять – пропорция ровно наоборот: 70% – в городе, 30% – в деревне. По сколько бутылок в руки продавать? Одну, две или три? Вопрос там задается: «Ну, мы же хотим заработать. Давайте, кто сколько хочет. Ответ такой: «Нет. Шинкарки закупят 20 бутылок водки, пользуясь своей возможностью закупить, перепродадут и на этом заработают». То есть, не государство заработает, а какие-то враги государства. Именно тогда партийный коллектив, члены комиссии, ввели печально знаменитые вытрезвители, обязательным стало направление на работу для товарищеского осуждения попавшегося с «запахом» гражданина.

Эксперимент по такому коллективному управлению государством в целом и экономикой в частности, не мог не завершиться крахом. И дело, как мне представляется, не в однопартийности или многопартийности, а в эффективности или неэффективности деятельности партийных структур, в способности или неспособности не на словах, а на деле обеспечить достойную жизнь своих граждан, максимально искоренить всевластие партийной или любой другой бюрократии.

А.И. Колганов [Для однопартийной диктатуры нужна соответствующая политическая партия]

«Под занавес» нашего круглого стола хотелось бы снова вернуться к теме перспектив современной российской многопартийности. На это меня вдохновил призыв В.П. Булдакова не увлекаться общим теоретизированием, а сосредоточиться на конкретно-историческом анализе.

Немногие участники круглого стола концентрировались на современной многопартийности, да и они все больше тяготели как раз к общим теоретическим оценкам. Но, если исходить из совершенно верного замечания О.В. Волобуева, что «многопартийность – это явление, которое имеет много моделей», то нам нужно прояснить прежде всего, какая же у нас модель многопартийной системы, какие реальные (и какие символические) функции выполняют партии, как они формируются, как влияют на систему власти, как взаимодействуют с гражданами и т.д. А для того, чтобы это уяснить, нужно учитывать несколько обстоятельств.

Во-первых, многопартийная система в Российской Федерации – явление, исторически эволюционировавшее и продолжающее эволюционировать. Стихийный (и не очень) всплеск формирования политических партий в последние годы Перестройки опирался, несомненно, на стремление политически активной части различных социальных слоев населения выразить и отстоять свои интересы во власти в эпоху резких политических перемен. Тогда достаточно громко заявило о себе немало заметных по размеру политических партий, которые вскоре сошли с большой политической сцены (если не исчезли вовсе). Это произошло вместе с падением

численности и ослаблением влияния политических партий на политический процесс вообще. Почему же так получилось? Потому что победившие в борьбе за власть в 1990–1993 гг. политические силы, группировавшиеся вокруг президента России Б.Н. Ельцина, предприняли немалые усилия, чтобы минимизировать роль парламентской системы и, соответственно, политических партий. Новая политическая система России вплоть до настоящего момента опирается на гром танковых пушек в центре Москвы и убийства политических противников нового правящего класса, будучи оформленной Конституцией РФ 1993 г., получившей прозвище «сверхпрезидентской».

Поэтому первоначальные функции возникших политических партий претерпели значительные изменения. Партии перестали быть реальным инструментом борьбы за власть, или участия во власти. Их реальные функции свелись к лоббированию интересов тех или иных социально-политических групп в коридорах исполнительной власти и президентской администрации. Впрочем, им оставили еще одну реальную функцию – подсобное участие в законотворческом процессе, исходящем из недр несменяемой бюрократии.

Стоит заметить, что при этом среди партий, сумевших закрепиться в Государственной Думе, не оказалось ни одной, основой формирования которой была бы какая-либо идеологическая платформа. Сменявшая вывески «партия власти» формировалась на основе административного ресурса бюрократии, ЛДПР – на основе профессионального лоббизма, КПРФ – на базе уцелевших остатков структур КПСС и традиционалистской приверженности части актива КПСС к прежнему образу жизни... Пожалуй, лишь «Яблоко» основывалось на леволиберальной идеологии, выражая интересы некоторого сегмента постсоветской интеллигенции. Но этой партии уже нет в Госдуме.

Во-вторых, несмотря на то, что роль политических партий и их возможности участвовать в политической борьбе существенно ограничены, продолжают существовать, и даже возникать, внепарламентские политические партии, в то числе и антисистемные. Их положение в существующей системе

является довольно-таки маргинальным. Однако, можно сказать, что без их наличия и без того слабые структуры гражданского общества в России владели бы вообще жалкое существование. Именно в политических партиях и организациях (некоторые из которых справедливее было бы назвать кружками) концентрируются наиболее радикальные активисты, участвующие в делах структур гражданского общества.

Таким образом, многопартийная система в России, при всей своей слабости и во многом декоративности – не миф, а живое свидетельство востребованности реального политического представительства интересов различных социальных слоев населения. Но пока такое представительство зажимается легальной политической системой в очень узкий коридор возможностей, не позволяющий бросить реальный вызов монополии парламентских партий. Это делает участие в непарламентских политических партиях делом сомнительной перспективы.

В-третьих, историческая эволюция многопартийной системы в современной России явно не идет в сторону однопартийной диктатуры. Нынешняя «партия власти» (как и остальные политические партии) не является инструментом осуществления власти, а, самое большее – всего лишь одной из ее опор. Это отчасти кадровый резерв власти, отчасти – одна из составных частей аппарата идеологического и политического манипулирования электоратом, отчасти – помощник в законотворческом процессе. Но это – никак не главный инструмент борьбы за взятие и удержание власти. Диктатуру через такую партию установить и реализовать невозможно. Но, может быть, такую партию удастся создать? Должен прямо сказать – я «верю» в творческие силы нынешнего правящего класса. В самом лучшем случае он способен создать пародию на такую партию. Так что однопартийная диктатура нам не грозит, хотя исключать переход к более авторитарной политической модели при обострении внутривластной ситуации не следует.

В традиционной системе буржуазной парламентской демократии многопартийность обеспечивает, прежде всего, возможность манипулирования электоратом в интересах

правлящего класса, и, кроме того, политическую конкуренцию внутри этого правящего класса. Антисистемная оппозиция при этом оттесняется в маргинальное положение. Однако при любом остром социально-политическом кризисе правящий класс готов послать парламентаризм и многопартийность вместе с демократией и правами человека к черту. В странах же периферийного зависимого капитализма, к каковым относится во многом и Россия, острота социально-классовых противоречий заставляет с самого начала сводить многопартийность в значительной мере к декорации, чтобы не создавать слишком уж широких возможностей для легальной политической самоорганизации антисистемной оппозиции.

Впрочем, государственный переворот и ликвидация конституционных органов власти тоже остаются в политическом арсенале правящего класса. Ведь день 4 октября 1993 г. с полным правом можно назвать днем рождения современной российской государственности, – во всяком случае, власть ни единым словом не отреклась от этого.

С.Г. Кара-Мурза [Российская многопартийность: поздно жалеть о потере соборности, надо пройти через холод размежевания]

В ходе Перестройки были демонтированы несущие конструкции политической системы СССР и подготовлен демонтаж общественного строя. Была готова доктрина глубокой трансформации общества, народа, системы межэтнического общежития и даже пространственной организации размещения населения и хозяйства. В 1990-е гг. эта доктрина была воплощена в жизнь в радикальной форме *слова и шока*. Результатом был системный кризис, всему населению была нанесена культурная травма, которая повлекла за собой тотальную аномию во всех социальных группах, произошла дезинтеграция общества.

Советское общество исчезло (его остатки ушли в катакомбы), ушел в тень и культурно-исторический тип, который доминировал в течение XX в. Но при этом не возникло предполагаемого гражданского общества в западном понимании, ни цивилизованного капитализма, ни культурно-исторического типа, скрепляющего буржуазное общество.

Чтобы сохранить страну (РФ) и государственность, требовалось сконструировать новую политическую систему, которая была бы адекватна структуре и динамике кризисного общества, глубоко травмированной культуре и аномальной экономике – с учетом давления международной среды.

Перед обществоведением встали задачи, которые оно не могло ни понять, ни формализовать, ни тем более выполнить. Учебников для решения таких задач не было. Власть и ее эксперты стали импровизировать, действовать по ситуации и интуиции, было сделано много ошибок, но главное удалось – выживание России как системы. Сейчас эта система снова входит в зону турбулентности, угрозы формируются на новой научной основе, к которой мы не готовы. Задача обновления и перевооружения политической системы снова стала срочной и чрезвычайной. В 1990-е гг. перед политикой и государством стояла задача – разрушение прошлого, все сложные задачи были отброшены (ломать – не строить). Сейчас надо и ломать временки ельцинизма, и строить государство устойчивое и гибкое – уже не советское, не адекватное угрозам конца XX в., и не либеральное, западного типа, – ибо всем стало ясно, что не получится.

Среди актуальных задач опять встала тема партийного строительства. Когда стали разделять КПСС на платформы и фракции, реформаторы почему-то верили, что, как только ликвидируют КПСС, «свободное творчество масс» создаст спектр партий, как и полагается в гражданском обществе. Это не получилось, как и многое другое, что предполагалось в доктрине. Пришлось создавать партии «сверху», но это были симулякры. Тут вспомнили вещие слова Ю.В. Андропова: «Мы не знаем общества, в котором живем». Но странно, что не было беспристрастного изучения и описания самого явления *политической партии*. В советское время этой проблемы не было, а в РФ эту структуру надо было проектировать и строить из наличного материала. А главное, в каждом проекте надо было понять, *зачем*. Требовался нормальный структурно-функциональный анализ, а он как раз был поставлен вне закона реформы.

СССР продержался, разрешив главные социальные и культурные противоречия, при этом оставив ниши остаткам общностей прежних элит, и они отказались от борьбы, пошли служить или эмигрировать. СССР ликвидировали элиты, вскормленные в КПСС (в союзе с преступным миром). Советское общество этого процесса не осознало и навыков политической самоорганизации не имело. Оно лишь просило не губить СССР, поэтому многопартийность была его врагом. Старики к тому же помнили, что именно многопартийность после Февраля 1917 г. довела Россию до Гражданской войны, в которой социалисты-революционеры воевали друг с другом. Так хоть этот опыт надо было понять и обсудить.

В России был краткосрочный, но богатый опыт многопартийной политической системы. В ходе развития капитализма возникшие партии представили спектр стратегических проектов развития России. Активное участие в обсуждении этих проектов принимал М. Вебер. В конфликте этих проектов Россия, по выражению Вебера, попала в «историческую ловушку». Историки (например, В.О. Ключевский) еще с 1905 г. предупреждали, что попытки сразу перейти от монархии к «партийно-политическому делению общества при народном представительстве» будут обречены на провал, но кадетов и эсеров не убедили. В августе 1917 г. М.В. Родзянко говорил: «За истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации... В этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и причина всех невзгод, которые постигли нас».

Иными словами, государственная надстройка западного типа стала раскалывать общество по классовому принципу и утратила поддержку даже своей социальной базы. Партийная демократия, свойственная классовому обществу, не была принята населением. Напротив, Советы формировались как органы не классово-партийные, а корпоративно-сословные, в которых многопартийность постепенно вообще исчезла.

Возникли и партии, целью которых было действие, *предотвращающее* разделение народа на классы. С точки зрения либералов, они были *контрреволюционными*. Партия

большевиков выработала платформу для союза рабочих и крестьян и получила опору *архаического крестьянского коммунизма* (Вебер). Крестьяне составляли 85% населения России и личного состава армии. На стороне большевиков были Советы и фабзавкомы, которые превратили трудовые коллективы в общины. «Классовые» партии в союзе с Западом попытались пресечь этот проект в войне, но безуспешно.

Новизна большевиков была в том, что это была партия не *формационного* (классового), а *цивилизационного* типа. Россия находилась перед выбором вектора развития. Согласно смыслу тех проектов будущего, которые представили главные партии, общество разделилось и в Гражданской войне.

В конфликте с «западниками» партия большевиков стала воплощением воли большинства населения бывшей империи, *желавшего жить в России*. Красная Армия воспринималась им как *своя* армия. Речь шла о том, что народы желали жить в России и «жить по-своему, а не по-немецки». Этот проект большевизма понимали и западники, и почвенники.

С 1881 г. была начата программа строительства *многопартийной системы*. Ожидалось, что система партий «нарежет» общество по интересам, на классы. Этого не произошло, и в качестве партий мы имеем два осколка КПСС – «Единую Россию» («КПСС от райкома и выше») и КПрФ («КПСС от райкома и ниже»). Партии, возникшие при сдвиге интеллигенции к социал-демократии и либерализму, сникли. Вернулось старое недоверие к многопартийности.

В 1994 г. 33% опрошенных посчитали, что «многопартийные выборы» принесли *больше вреда*, и 29% – что *больше пользы*. С тех пор отношение изменялось незначительно. В 1999 г. отношение числа отрицающих «многопартийные выборы» (*больше вреда*) к числу одобряющих (*больше пользы*) составило 50:21, а в 2003 г. – 40:29.

Были попытки имитации института США – двухпартийной системы. Этой идеей был проникнут и Закон о политических партиях, для создания «партийной системы с мощным правым центром и левым центром социал-

демократического типа». С 1990 г. партию социал-демократического типа пытались создать М. Горбачев с А. Яковлевым, Р. Медведев, И. Рыбкин, Г. Селезнев и др. Да и с «правым центром» не выходило. Что-то мешало, и это надо выявить.

Политическая система строится не *логически*, как машина, а *исторически* – в соответствии с антропологией и культурой. Опыт XX в. в России дважды показал, что попытка «логически» имитировать западный образец терпит неудачу. В обществе вовсе не возникло буржуазного «субстрата» и классового сознания, поэтому и попытка копирования «двухпартийной машины» не удается.

Л.Г. Ионин в статье «Культура и социальная структура» (1996) пишет: «Главным признаком российской политики является практически полное отсутствие социально-слоевой идентификации политических партий. Многочисленные попытки отдельных партий и лидеров установить предполагаемую классическими политологическими учениями “принципиальную координацию” между партией с ее доктриной и соответствующим социальным слоем многократно и красноречиво проваливались. Рабочие отказываются идти в лоно социал-демократии, промышленники не поддерживают ни гайдаровскую партию, ни партию экономической свободы, которые собственно для них и создавались. Нет партии рабочих и партии крестьян, нет партии бедных и партии богатых. Формирование блоков и движений регулируется не социальной (социально-слоевой) близостью участвующих партий, а именно актуальными политическими темами, по которым может возникнуть временная общность целей, и конкретными политическими ситуациями. Социально обусловленной идиосинкразии политиков разных ориентаций не возникает. И это не неразборчивость и беспринципность, как о том любит шуметь пресса, а принципиальная характеристика политики, в корне изменившейся вместе с ликвидацией и очевидной бесперспективностью восстановления традиционной классово-слоевой структуры общества».

Сейчас партии в России нужны уже потому, что они «высвечивают» интересы и ценности общностей, которые

находятся в «социальной тени» – мы не знаем, что они думают и куда стремятся. Партии поневоле выносят на всеобщее обозрение продукты их деятельности в виде программ, текстов, демонстраций и действий.

Конечно, партии углубляют раскол общества, ибо они дают социальным группам язык и самосознание. Сейчас поздно жалеть о потере соборности, надо пройти через холод размежевания. Новая сборка общества начнется только тогда, когда разделенные части народа поймут себя и других, когда они смогут выложить на стол свои интересы, претензии и средства торга или давления. Все это за каждую общность и должна сделать ее партия.

Дееспособная партия сделает это с достоверностью, покажет истинное лицо группы, а не будет уверять, что защищает «интересы народа». Это не только сплачивает каждую часть общества, но и выявляет главные противоречия, основу для союзов и размежеваний.

С.Ю. Разин. Уважаемые коллеги, позвольте поблагодарить вас за работу, за участие в нашем круглом столе. Спасибо всем. До свидания, до новых встреч на мероприятиях нашего проекта.

Библиография

¹ Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.: материалы дискуссии международного круглого стола в рамках научного проекта «Народ и власть». М.: Ин-т социологии РАН, 2016. 135 с. // Официальный портал ИС РАН, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594> (http://www.isras.ru/files/File/publ/Patrushev_ks_narod_i_vlast_2016.pdf).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ
«МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
НЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ»

Подготовили к публикации: *П.П. Марченя, С.Ю. Разин*

Авторский коллектив: *П.П. Марченя, С.Ю. Разин,*
С.Р. Аблеев, Б.Х. Алимов, В.В. Бабашкин,
В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, С.Г. Кара-Мурза,
И.О. Князький, А.Н. Курюкин, Л.П. Лычкань,
Д.И. Люкшин, О.А. Матвейчев, В.И. Пантин,
А.В. Чертищев

10 декабря 2015 г. в рамках научного проекта «Народ и власть» в Москве на базе Московского института психоанализа состоялся круглый стол «Массовое сознание как фактор развития российского общества: неполитическое измерение политической истории России». Наряду с проектом «Народ и власть» и МИП организаторами «стола» выступили Московский экономический институт (МЭИ), Институт мировой экономики и информатизации (ИМЭИ) и Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ).

Участникам была предложена следующая примерная проблематика дискуссий «круглого стола»:

– *Массы и массовое сознание в дисциплинарных и междисциплинарных научных поисках: тенденции и результаты;*

– *«Век масс» («век толп») в отечественной и мировой истории: понятие и пределы;*

– *Сознание «массовое», «общественное», «групповое», «индивидуальное»: термины и действительность;*

- *Массы как объект и субъект исторического процесса;*
- *Массовое сознание как полигон, критерий и судья политической борьбы;*
- *Элиты и массы в контексте социальной идентичности;*
- *Архаика и современность в проявлениях «масс» и «массового»;*
- *Массы и массовое сознание как факторы системных кризисов («смут» и «революций»);*
- *Манипуляции массами и массовым сознанием: технологии и последствия;*
- *Политические идеологии и «исторические альтернативы»: элитарные проекты прошлого, настоящего и будущего через призму массового сознания;*
- *«Демократия» и «диктатура» как формы мобилизации масс;*
- *Империя как способ организации массового сознания;*
- *«Массовая политика» и «политика масс»: проблемы соотношения понятий и реалий;*
- *Массы и геополитика: массовое сознание на поле информационных (информационно-психологических и психоисторических) войн современности.*

В итоге, в дебатах «круглого стола» приняли участие 15 ученых, представляющих научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы 3 государств:

- *России* (Казань, Москва, Нижний Новгород, Пенза);
- *Беларуси* (Минск);
- *Таджикистана* (Худжанд).

В дискуссиях участвовали (*сведения об участниках приведены по состоянию на время проведения «круглого стола», участники перечислены в алфавитном порядке*):

1. доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя **Сергей Рифатович Аблеев** (Россия, Москва);
2. кандидат исторических наук, доцент, заведующей кафедрой международных отношений

Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики **Батуржон Хамитович Алимов** (Таджикистан, Худжанд);

3. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ **Владимир Валентинович Бабашкин** (Россия, Москва);

4. доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН **Владимир Прохорович Булдаков** (Россия, Москва);

5. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского экономического государственного университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН **Олег Григорьевич Буховец** (Беларусь, Минск);

6. доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, член Союза писателей России **Сергей Георгиевич Кара-Мурза** (Россия, Москва);

7. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин МЭИ и ИМЭИ **Игорь Олегович Князький** (Россия, Москва);

8. кандидат политических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь отдела анализа социально-политических процессов Института социологии РАН **Андрей Николаевич Курюкин** (Россия, Москва);

9. кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента МЭИ и ИМЭИ **Леонид Петрович Лычкань** (Россия, Москва);

10. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры мировой политики и международных экономических отношений Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета **Дмитрий Иванович Люкшин** (Россия, Казань);

11. кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского

университета МВД России имени В.Я. Кикотя; доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института РГГУ; автор/соавтор и редактор научного проекта «Народ и власть» **Павел Петрович Марченя** (Россия, Москва);

12. кандидат философских наук, профессор школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» **Олег Анатольевич Матвейчев** (Россия, Москва);

13. доктор философских наук, заведующий отделом внутривластных процессов Института мировой экономики и международных отношений, главный научный сотрудник Института социологии РАН **Владимир Игоревич Пантин** (Россия, Москва);

14. проректор по воспитательной работе и связям с общественностью МЭИ, автор/соавтор и координатор научного проекта «Народ и власть» **Сергей Юрьевич Разин** (Россия, Москва);

15. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя **Андрей Владимирович Чертишев** (Россия, Москва).

Предлагаем вашему вниманию материалы дискуссии, состоявшейся в ходе круглого стола «Массовое сознание как фактор развития российского общества: неполитическое измерение политической истории России» (материалы были представлены в электронном издании¹, **в печатном издании публикуются впервые**).

С.Ю. Разин: Добрый день, уважаемые коллеги!

Я рад приветствовать вас на круглом столе «Массовое сознание как фактор развития российского общества: неполитическое измерение политической истории России».

Как и почему возникла идея проведения этого «круглого стола»? Мы исходим из того, что необходимость осмысления и понимания периодически повторяющихся системных кризисов является одним из главных вызовов для

правлящего слоя и интеллектуального класса современной России. Сегодня, в ситуации ведущейся против России перманентной информационной войны, изучение российских смут и революций стало исключительно значимой проблемой цивилизационной идентичности и социокультурного самоопределения.

Совершенно очевидно, что без обретения понимания роли массового сознания невозможна расшифровка социокультурного механизма российских смут и революций.

П.П. Марченя: Уважаемые коллеги! Я хочу сказать, что мы искренне рады приветствовать и всех тех, кто пришел на наши «столы» впервые, и тем более тех, кто сегодня с нами уже не в первый раз. Если люди приходят снова и снова, то значит, есть какой-то смысл в этих мероприятиях.

По поводу проблематики и самого замысла добавлю несколько слов к тому, что уже сказал Сергей Юрьевич [Разин].

Как-то так получилось, что эта тема является одной из самых трудных в современном социально-гуманитарном знании (во всяком случае в России). Было время, когда она вообще просто ушла из проблемного поля академической науки. То есть термины, связанные с массовыми реалиями, такие как «век масс» и все прочие сопутствующие – это одни из самых популярных концептов на заре XX в., но позже по ряду причин они становятся совершенно непопулярными среди наших историков. Во-первых, в странах «победившего социализма» как бы уже считалось дурным тоном обращаться к теме масс, поскольку «массы» – это категория «смутного времени». Само собой подразумевалось, что они свою роль в революции уже сыграли – и теперь, когда страны идут к торжеству стабильного общества, где якобы уже не будет никаких оснований для новых смут и революций, соответствующие массовые реалии уже не являются приоритетом для науки.

В западной науке сложились несколько иные обстоятельства. Начиная с неопозитивистской волны, в общем-то, термины «массы» и «массовое сознание» оказались скомпрометированы хотя бы в силу того, что их верификация

крайне затруднительна, а значит и сами эти феномены не могут быть предметом для строгого научного изучения.

Конец XX в. и особенно начало XXI в. (вот то, что мы сейчас переживаем) убедительно показали, что «век масс» не закончился, что массовые реалии в истории не сгнули. Идет вал массовых протестных движений, идет волна революций – и искусственных, так называемых «оранжевых», и не только искусственных. Тем более, когда речь идет о массах, важно понимать, что даже при применении соответствующих технологий манипуляций и всех прочих «оранжевых» рецептур рано или поздно наступает момент, когда массы выходят из под контроля, когда вступают в действие другие механизмы, мягко выражаясь, не до конца изученные в современной науке. Поэтому тема эта очень актуальна.

Налицо, и особенно в отечественной науке, такой элитарный, элитистский перекося. Предполагается, что когда мы объясняем все происходящее в политической сфере: кто пришел к власти, кто власть покинул, какая партия победила, какая оказалась неудачницей в истории и т.д., – мы объясняем это через действия, поведение, поступки, программы элит, через власть, через интеллигенцию, через личности...

В этом смысле историческая субъектность масс если не полностью отрицается, то уж во всяком случае ставится под сомнение. Более того, вот наш проект, который так и называется: «Народ и власть»... Мы сталкивались уже с этим (и продолжаем сталкиваться), что когда речь идет о неких вещах, связанных с поиском единства народа и власти, то у наших интеллектуальных элит, как правило, возникают такие две стандартные реакции: либо, если есть сомнения в искренности того, кто этим занимается, то значит он «проплаченный», он работает на власть, за ним стоят какие-то администрации, фонды, партии и прочее – это один вариант; если же нет сомнений в его искренности, то значит он просто такой недалекий «черносотенец», который якобы ничего не понимает в механизмах истории.

Хотелось бы такое отношение переломить – и поставить вопрос иначе. Отсюда и те проблемы, которые мы предлагаем сегодня к обсуждению.

Массы и их сознание – это не просто полигон для политической борьбы тех или иных элитарных политических сил или площадка для самопрезентации тех или иных исторических личностей. Массы – это главный критерий и верховный судья политической борьбы. И именно в массовом сознании, собственно говоря, и проходит конкурс так называемых исторических альтернатив. Решающее, последнее слово на самом деле, несмотря на все технологии и проекты элит, все равно за массами.

В этом смысле именно массовое сознание – особенно в ситуациях (и мы именно это и выносим в центр обсуждения) системных кризисов (смут, революций, войн и прочих социальных катаклизмов) – и становится доминантным фактором политической истории. Когда идет «нормальное» историческое время, то собственно и такого феномена как «массы» нет, – массы дремлют, действуют классические социальные страты: классы, слои и т.д., – но не массы. А вот когда все эти устойчивые «перегородки» между классическими стратами разрушаются и происходит это аномальное «перемешивание» перед лицом вызовов настолько сильных, что общность психических переживаний превращает представителей самых разных «классов» и «слоев» в «массы», – вот тогда массы и выходят на историческую сцену. И вот тогда они становятся игроком «номер один». И вот тогда они и остаются фактически «один на один» с властью, потому что все остальные игроки по сравнению с этими – вторичны. То есть, остаются, по гамбургскому счету, только «власть и массы», происходит временная архаизация всей системы общественных отношений.

К этому слову («архаизация») – тоже, соответственно, такое скептическое, пренебрежительное отношение у элит. Но если мы вспомним, что имели в виду древние греки под «архе», то такие античные коннотации вполне применимы к осмыслению масс. «Массы» – это «архе», первооснова социального; это та структура, которая лежит в основе всех структур; это матрица, которая определяет сам коридор возможностей политической истории; это тот «волшебный квадрат», который возвращается к исходной канонической

форме всякий раз, когда пытаются заменить какие-то наиболее значимые координаты; это «форма форм» – именно «матрица». И вот с этой точки зрения «массы» слабо осмыслены, плохо изучены.

Массовое сознание – это тот фактор (именно фактор, а не просто фон!), который не только является объектом приложения каких-то сил, а который сам является одним из основных субъектов современности. Соответственно, массы – как носитель этого особого сознания – выступают реально действующим актором истории, а не едва слышным хором на ее задворках. Для современной России эта тема сейчас сверхприоритетна, сверхактуальна. Потому что, так или иначе, судьба нашего государства решается в массовом сознании.

Когда говорят о том, что в революциях, смутах, войнах и т.д. преобладает «психопатология масс», то, на мой взгляд, опять-таки, и происходит этот самый «элитарный перекокс». Патология кроется в действиях элит, а массы – они на эту патологию реагируют, это здоровая реакция. В этом смысле массы и массовое сознание можно сравнить с иммунными механизмами социального организма. Они вступают в действие тогда, когда появляются какие-то чужеродные агенты, – и надо реагировать, ради спасения социального целого.

Соответственно, если вот таким образом поставить проблемы, то на относительно привычные темы можно посмотреть по-другому.

Я прошу также обратить особое внимание на вопрос нашей сегодняшней программы «Империя как форма организации массового сознания». Он имеет прямое отношение к современной России и к тому, чем мы занимаемся, потому что всякая «Империя» представляет собой прежде всего не форму организации территории, а форму организации массового сознания. Это специфическая форма единства власти и масс. Не поняв этого, нельзя говорить о России: ни о ее прошлом, ни о ее настоящем, ни о ее будущем.

В.П. Булдаков: Уважаемые коллеги, поскольку Павел Петрович уже почти всю теорию рассказал, то я начну с байки о том, как меня объявили «психоаналитиком» от социальной

истории. Здесь, в Институте психоанализа, я не могу ее не пересказать – хотя бы из уважения к принимающей стороне.

Несколько лет назад я вдруг обнаружил, что некоторые историки (и не только) относятся ко мне как-то подозрительно. Появляются публикации, авторы которых вкрадчиво намекают, что некоторые историки впадают в некий постыдный для служителей Клио грех. Пришлось задуматься, поскольку я себе такой задачи не ставил.

Я довольно давно убедился, что историку революции удобнее всего придерживаться принципов так называемой новой культурной истории, которая успешно работала в последнее десятилетие прошлого уже века применительно к Французской революции. Что же такое «новая культурная история»? Она использует и семантику, и семиотику, и психоанализ, и историю телесности и т.п. – все это «пляшет» в известной степени от М. Фуко.

В революции действуют не только и не столько партии и классы, как принято считать, сколько нечто более аморфное, неуловимое и в то же время сильное и мощное. Массы, исходящие из чего угодно, но только не из тех или иных элитарных предписаний.

Кое-кому это очень не понравилось. Я не сразу понял, почему. Потом дошло: в политической истории все «ясно»: есть партии («наши» и «чужие»), есть проекты («правильные» и «неправильные»), есть лидеры («умные» и «глупые», «ответственные» и «авантюристичные»). В общем, как всегда, борются добро и зло. Примерно так воспринимали происходящие троглодиты в незапамятные времена. А тут приходит какой-то автор и вдруг говорит, что такой подход никуда не годится. Оказывается, кое-кого это страшно раздражает.

И вот однажды мои коллеги откопали в Интернете статью «Кто такие социальные историки». Ее автор, укрывшись за странноватым псевдонимом, попытался занять менторско-всезнающую позицию. Обругал троих историков, из коих больше всего досталось мне – «психоаналитику». Над текстом мы от души позабавились. Многовато мелкой, завистливой злобы было в нем! Решили, что таким способом решил

напомнить о себе какой-то невостребованный «провинциальный гений».

Не столь давно кто-то из коллег вновь наткнулся на эту статью и пояснил, что вовсе не забытый тьмутараканский «эрудит», а вполне востребованный столичный «аналитик» таится за странноватым псевдонимом. Стало понятно, в чем дело: человек считает себя «авторитетом», представителем «интеллектуальной истории». Он занимается элитами, знает, что только они достойны изучения, а тут лезут с какими-то непонятными массами. В «его истории» действуют разумные, выдающиеся интеллектуалы (которым можно всю жизнь подражать), а здесь мечутся какие-то толпы, оголтелая масса всевозможного дурачья. Ну не нравится это человеку, который отчаянно карабкается вверх, мечтая стать советником сильных мира сего.

История, как наука, далека от амбиций такого рода. В историю надо «вчитываться». Очень просто было бы изучать историю по позитивистским или неопозитивистским лекалам, если бы это не сопровождалось чередой больших конфузов. Был очень известный, действительно большой историк П.Н. Милюков. Написал «Очерки истории русской культуры». Классическая позитивистская работа. И быть бы ему корифеем на веки вечные, не ударься он в 1917 г. в политику, став министром иностранных дел Временного правительства. И тут же он заработал интересную «кликуху» – «гений бестактности». С Милюковым оказался связан не только «Апрельский кризис», который он, либерал, фактически спровоцировал, подтолкнув сторонников большевиков. Еще до этого он, вольно или невольно, подтолкнул Февральскую революцию. Ну, а весной 1918 г. последовал очередной его кульбит: все российские антибольшевистские силы ориентировались на Антанту, а Павел Николаевич вдруг заявил, что следует делать ставку на Германию – на исторического врага. Это «не оценили» в своей же кадетской партии.

Наконец, этот же человек, рассуждая в эмиграции о русской революции, не смог придумать ничего лучшего, как вспомнить о теории «масонского заговора». Кажется невероятным, но вот этот самый замшелый миф масонский

взял, да и реанимировал не кто иной, как убежденный позитивист – так «понятнее»! Но, как известно, иная простота – хуже воровства. Однако сейчас именно вариациями этого мифа усердно пользуются наши политики – кто как может. Это делается почти на официальном государственном уровне. И им, между прочим, усердно стараются помочь ненавистники социальной истории.

К чему я это говорю? Непонимание того, чем живут, чем дышат массы, и приводит к тому, что российская власть периодически рушится. Вслед за тем и происходят «провалы» в конспирологию, когда оживают самые дикие предрассудки. Именно это мы и наблюдаем сегодня.

На чем основывается конспирология? На старом, как мир, взгляде из пещеры: весь чужой внешний мир враждебен, он населен нечистой силой, всюду враги. Вообще-то такой взгляд приводит к страшным явлениям и в *современном* мире... Павел Петрович [Марченя] об этом говорил, но не упомянул в связи с этим еще один важнейший фактор Новейшего времени: скачки стихийной – параноидальной – агрессивности, от наплывов которой не застрахованы и «цивилизованные» сообщества, связаны с характерными демографическими подвижками. В условиях демографического бума, стихийных миграций, неупорядоченной урбанизации уровень агрессивности социальной среды резко возрастает. Если к этому добавляется информационная революция, может произойти нечто чудовищное.

Ну, все это убедительно, начиная с Ф. Ницше, описано. В общем, незримая аккумуляция человеческой агрессивности, происходящая в течение десятилетий «спокойной» жизни, рано или поздно даст о себе знать. Этого упорно не хотят замечать известные рода авторы. Возьмем простой пример, связанный со 110-летием революции 1905 г. К известному феномену порой как-то странно подходят – видят в этом только политический процесс, действия тех или иных политических партий... Это поразительно. А вообще была ли эта аграрная в своей основе революция по-настоящему партийной? В упоении «партийной» историей 1905 г. некоторые авторы словно забыли о том, что было и Октябрьское вооруженное восстание. И чем оно было

вызвано? И почему ему предшествовала целая серия еврейских погромов? Вышел Манифест 17 октября – и буквально на следующий день по всей черте оседлости и даже за ее пределами прокатились еврейские погромы. Случившееся по-разному можно интерпретировать: кое-где началось с верноподданнических демонстраций, кое-где погромы спровоцировали еврейские боевики. Но неужели череда погромов происходила под руководством каких-либо политических партий? Сомнительно, что за стихией ожесточения могли угнаться даже черносотенцы. Между прочим, нечто подобное было и после убийства Александра II. Убили «Царя-Освободителя». Кто? Конечно чужие, конечно евреи! И тогда так же последовала череда еврейских погромов, правда, не столь трагичных.

Случай не уникальный. Нечто подобное было ранее, и даже не в России... Представьте себе: Османская Империя, первая половина XIX в. Там тоже решили модернизироваться, объявив заодно политику веротерпимости. И вновь подтвердилось, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Как известно, империи выстраивают определенные духовные иерархии, а тут было объявлено, что все конфессии равны. В результате мусульмане стали резать христиан.

Ход истории определяется вовсе не тем, что мы различаем своим высокомерным «просвещенным» взглядом. Довольно безотрадно познавать то, во что не хочется верить. И до тех пор, пока люди не осознают всей болезненности исторического самосознания, их будут подстерегать масштабные трагические явления. А пока этот процесс продолжается. Собственно, поэтому и нужен психоанализ.

Что хочется в связи с этим напомнить: история сама по себе не несет внутренних законов, понятий, концепций и, тем более, этических критериев, но она содержит в себе некий набор стандартных ситуаций, связанных с человеческой психикой, подобных тем, о которых я говорил. Эти стандартные ситуации рано или поздно дают о себе знать. Наши современные политики (я имею в виду не только российских) этого не хотят понять. Им помогают услужливые

«аналитики». От незнания некоторых элементарных законов Клио современный мир постоянно трясет.

Как говорил один мой хороший знакомый (очень известный философ): «Российская история рифмуется». Я ему говорю: «Ну, вообще-то и всемирная история, в известной степени, рифмуется». Он соглашается: «Да, наверное. Но российская история в особенности». Я отвечаю: «Правильно. И это потому, что мы все еще живем в империи патерналистского типа; наше сознание, мягко говоря, инфантилизировано». С другой стороны, мы слишком эмоциональны, а потому особенно подвержены воздействию исторических психозов. А, между прочим, о повторяемости в истории знал еще Фукидид. К сожалению, вместо Фукидида у нас принято вспоминать о всяких очередных новейших ученых теориях. Однако, как правило, обилие теорий не только ума не добавляет, но и погружает в свое рода ментальную спячку.

Эмоции забивают разум. Современная конспирология основывается, с одной стороны, на истерии, с другой – на паранойе. В конечном счете, она просто «мозги сушит» – человек перестает соображать.

К сожалению, это единственное в чем мы к настоящему времени достигли «прогресса». Такая ситуация опасна. И не только для историографии.

С. Жилин (*студент ИМЭИ*): Владимир Прохорович, Вы сказали, что масонство – это миф и выдумка. Вы считаете, что это действительно миф и выдумка?

В.П. Булдаков: Я вам скажу так: конечно, масоны были... Я вам даже так посоветую – будете в Петербурге, зайдите в Александро-Невскую Лавру...

С. Жилин: Да, там есть этот масонский треугольник...

В.П. Булдаков: Не там, где Ф.М. Достоевский похоронен, а слева... На могилах множество масонских знаков. В начале XIX в. наша бюрократическая элита почти вся «обмасонилась». И А.С. Пушкина туда затащили, и у него факелы на могиле. Понимаете... Но это была игра своего рода – игра в «просвещенность».

С. Жилин: Но они же и сейчас существуют.

В.П. Булдаков: Быть заметным в истории – не значит оказывать на нее *решающее* воздействие. Пора отказаться от историографической паранойи.

Что касается русского масонства, то оно носило по преимуществу пародийно-подражательный характер, а в Русской «Красной смуте» оказалось бесполезной тенью Великой французской революции. Западные историки смеются над нашими конспирологами: «Как можно поверить в то, что тридцать человек смогли все перевернуть»!

С. Жилин: О них никто ничего не знает, но...

В.П. Булдаков: Мы говорим о массах. Даже в качестве «запала» для революции масоны не годились. Эту роль в некоторой степени (очень незначительной в Феврале 1917 г.) выполняли партии.

А что касается масонов, то до них так никто и не докопался. Вероятно, реальных масонов легенда об их тайном могуществе вполне устраивала. И сейчас, как говорят, масоны есть. Для кого-то и поныне это привлекательная игра. Мало ли чего на свете не бывает. Но причем здесь история как наука?

С.Ю. Разин: Владимир Прохорович, у меня к вам вот какой вопрос. Хорошо известные вам Ю.С. Пивоваров и А.И. Фурсов писали о том, что российское общество – общество властечцентричное. Вот есть российская власть как некий моносубъект отечественной истории... Скажите, пожалуйста, вот как вам кажется: в смуте начала XX в., в нынешнем состоянии российского общества, которое многими исследователями, и в том числе и вами, рассматривается как Смута, – вот в эти кризисные времена отношение к власти в российском массовом сознании меняется? Есть какие-то константы или нет?

В.П. Булдаков: Вы знаете, есть какая-то дурная закономерность. Власть притягивает всякого человека в силу его «зависимой» природы. И, конечно, к власти особенно тянутся социально несвободные существа.

Так, в начале Первой мировой войны к царской власти моментально потянулись почти все, Николай II, которого до этого не очень любили (я имею в виду элиту), предстал потенциальным «защитником» от мировой напасти. Но

патерналистские представления амбивалентны. Слабой фигуре была уготована прямо противоположная роль. В итоге едва ли не все отшатнулись от такого носителя такой власти. Она оказалась в полной изоляции. В тех условиях смахнуть ее, сдуть – никакого труда уже не составляло. Некоторые считают, что она просто рухнула сама собой, выгорев изнутри. Никакой революции не нужно было, даже подталкивать не пришлось. Оставалось только поплясать на ее костях. Отсюда и самовозвышающиеся легенды о «победоносной» революции.

Когда в России рейтинг правителя зашкаливает, не стоит радоваться. Напротив, возникает ситуация непредсказуемости. Что дальше будет?

Я точно знаю только то, что в нынешних политических верхах ни в какую «многопартийность», ни, тем более, в «демократию» не верят. Там откровенно говорят: «Власть моносубъектна – мы только ширма». Это произносят не только циники, есть, наверное, среди них и идеалисты. Но те, кто поумнее, поциничнее – они считают именно так.

Вот такая, на мой взгляд, история с моносубъектностью российской власти. Многопартийность западного образца никак у нас не складывается. Это уже предстало какой-то закономерностью.

С.Ю. Разин: У меня по поводу рейтингов такая в голове сейчас родилась аналогия... Сегодня рейтинг Президента зашкаливает за 80% (ну это то, что публикуют)...

В.П. Булдаков: Это на самом деле так. Даже больше. И в этом нет ничего удивительного. Повторяю, у нас представления о существующей власти крайне амбивалентны.

С.Ю. Разин: Мне сейчас вспомнились цифры явки на выборы в позднем Советском Союзе. Помните, там все время явка составляла 99,9%...

В.П. Булдаков: Я в избирательной комиссии сидел, считал голоса... Так и было. Это был ритуал, в котором люди соревновались в верноподданничестве. На всякий случай...

С.Ю. Разин: 99,9%. Все проголосовали за блок коммунистов и беспартийных. И где сейчас Советский Союз и где блок коммунистов и беспартийных?..

С.Г. Кара-Мурза: Массовое сознание – понятие расплывчатое, полезно его уточнить в разных контекстах. Предлагаю такие подходы.

1. «Массовое сознание» – метафора. Она обозначает систему, в которой немного сознания, оно под слоями психики. Сильны чувства, вера, догмы и стереотипы, воображение и грезы наяву. Все это в массе не обрабатывается рефлексией и по расчету, многое не осознается, а в итоге преобладает иррациональность. В основном она полезна или не вредна, как инстинкт, но при кризисах культуры люди глотают много ядов, сознания не хватает для защиты. Вот афоризм из канона: «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами». Это значит, что идея воздействует не только на разум, но и на всю духовную сферу людей. Харизма идеи: то благодать, а то гибель. За XX в. мы насмотрелись, но это наша социология и история игнорирует, хотя сейчас у нас с этим неладно. Гоголь и Достоевский на нас смотрят. В общем, «массовое сознание» – сложный комплекс, и мы, говоря о нем, держим его в «черном ящике». Обычно говорят о суждениях людей или их поведении и действиях. При этом часто говорят вовсе не о «массах», а каких-то общностях, которых возводят в статус «массы», а то и «народа».

2. Понятие «масса» мы унаследовали от советской риторики. Инерция велика, но теперь термин «масса» не годится. Советское общество сначала было скреплено *механической* солидарностью – большинство людей по образу жизни, культуре и мировоззрению были близки. Масса жила в состоянии «надклассового единства трудящихся». Все были трудящимися, выполнявшими великий проект. У массы была общая картины мира (ядро сознания). Это общество было похоже на религиозное братство. Но с 1960-х гг. быстро шел переход от механической солидарности к органической – индустриализация, город, образование расщепили массу на множество сообществ – все со своим инакомыслием. Это был неизбежный сдвиг, вызванный новым этапом развития СССР. Требовалось плавное формирование *органической* солидарности с гибридизацией или сосуществованием с механической солидарностью, не допуская вакуума в сфере

солидарности. Но официальная идеология с этим распадом не справилась, научного обществоведения не было, а старики сошли со сцены. Взрывное возникновение множества групп с разными когнитивными структурами и ценностями создало для политической системы ситуацию *невозможности* пересобрать новое население в общество – старая машина КПСС не могла ни понять сдвиг, ни предвидеть следствий, ни выработать новую доктрину. Появились влиятельные общности, которые вызрели и произвели перестройку. «Анτισоветский марксизм» в среде шестидесятников сыграл свою роль в 1970–1980-е гг. – дал идеологию, «похожую на науку», дал многим группам язык и стиль. Обществоведы-«шестидесятники» оказывали большое воздействие на интеллигенцию – через образование, СМИ и систему идеологической учебы. Через эти каналы большая часть интеллигенции сдвинулась к «недоброжелательному инакомыслию», а через личное общение с интеллигенцией эти настроения усвоили широкие массы трудящихся. При этом ни интеллигенция, ни другие общности и не думали разрушать СССР. Хотели как лучше! Часть гуманитарной интеллигенции, близкая к власти и имевшая поддержку Запада, заняла позицию конфронтации с большинством распавшегося общества. Этот конфликт в 1980-е гг. перерос во внутреннюю холодную информационно-психологическую войну, а потом и в экономическую. Большинство, без организации и под идеологическим давлением, потерпело поражение. Так у большинства «массы» населения сложилось синкретическое сознание (ризомы или, грубо, каша). В социологию ввели (Ж.Т. Тощенко) термины «кентавризм» и «парадоксальный человек» – в сознании людей совмещаются несовместимые идеи и ценности. Думаю, аналогия с кентавром сильно упрощает образ современного гражданина России. Если вообразить, что над Россией воюют фантомы сознания общностей россиян, то окажется, что идет не только «война всех против всех», но и части сознания каждого воина воюют друг с другом. Конечно, это война не тотальная, пласты здравого смысла и культуры выживания восстановили шунтирующие, временные структуры механической солидарности в большинстве общностей, особенно в

обедневшей половине населения. Эти структуры соединяют *общности* в рыхлое, но *общество*. И это общество – не масса, а система, элементы которой – социокультурные группы и общности.

3. Чтобы рассуждать о сознании массы, надо хотя бы грубо составить карту составляющих массу общностей. Насколько они велики, каковы их главные интересы и ценности, и каковы их «подпольные» чаяния. Куда они двигаются? Какова динамика изменений? Надо этот предмет определить в пространстве и времени. Это требует нескольких приближений: сначала представить только грубый скелет этой карты, а потом уже добавлять мазки для того, чтобы создать исследование. Эта работа даст нам нить исследования. На эту нить можно нанизывать наши гипотезы и экспертные оценки. Все равно будет очень большая неопределенность, но лучше грубое представление, чем никакого. Грубое обычно бывает правильным, оно лучше, чем россыпь отшлифованных точек.

Сто лет назад ситуация для такого исследования была гораздо лучше. Мы тогда были на восходящей ветви культуры – поэзия, музыка, театр Серебряного века служили симптомами. «Сгустки» сознания выражались в образах будущего, вокруг которых шла сборка общностей. Все они выложили свои кредо: анархисты и монархисты, консерваторы и либералы, эсеры и меньшевики, и большевики, преодолевшие марксизм и двинули «харизматическую инновацию» (М. Вебер) – обойти капитализм посредством революции рабочих и крестьян. Но главный массив «суждений сознания масс» дали наказания и приговоры общинных сельских сходов в 1905–1907 гг. Крестьяне составляли 85% населения – и в 100% этих наказов было требование национализации земли. Вот выражение механической солидарности.

А вот показатель понимания сознания масс: накануне Февраля в партии большевиков было около 10 тыс. человек, на порядок меньше, чем меньшевиков и эсеров. В конце февраля, выйдя из подполья, 125 организаций большевиков насчитывали 24 тыс. членов – в Петрограде 2 тыс., в Москве 600. В июле в партии были уже 240 тыс., к октябрю 350 тыс. – большевики стали самой большой партией в России.

Каково сегодня состояние нашей «массы»? Во-первых, произошли дезинтеграция общества и народа, распад системы коммуникаций и ядра когнитивной системы большинства общностей. Соответственно, рухнули привычные общественные институты и нормы бытия – произошел распад профессиональных общностей и социальных групп. Мало-мальски собраны госаппарат, общность новых собственников и преступный мир.

Население получило тяжелую культурную травму – левые, правые, богатые, бедные и т.д. Они погружены в аномию. Они знают, что есть какие-то нормы, законы, нравственность, но они их не выполняют, все. Эта культурная травма привела к откату к иррациональности. Сильнее всего подорвано именно рациональное мышление. Люди не могут составить длинные умозаключения. Люди привязаны к телевидению и к Интернету. Оба эти инструмента работают на понижение мышления. Идет интервенция уголовной культуры в открытую культуру. Это аномальное состояние: язык, логика, образы, символы входят в обыденное сознание из преступного мира. В массовом сознании господствует хаос, а в нем островки порядка. Эти маленькие островки размываются, исчезают, возникают другие. Основа их сознания составлено из остатков советского мировоззрения, досоветских традиций, суеверий и мессианских утопий. Эти инструменты могут быть средством выживания в кризисе, но не движения. Никакого проекта из этих остатков нельзя составить – и даже нельзя договориться.

Особое общее состояние сознания масс – это возмущение и всем тем, что они видят вокруг, и прошлым. В отличие от середины нулевых годов, когда это возмущение охватило примерно 70%, а «победители были довольны, то сейчас и они тоже возмущены, но другими вещами. В настроении выделяется предчувствие больших угроз – какая-то катастрофа маячит в тумане. Этот фактор является условием стабилизации общества, но страхами. За кого люди хватаются как за соломинку? За власть.

Шансов на изменение пока что не видно. Требуется изучать реалии современного общества, а у нас нет сейчас обществоведения с мало-мальски научным подходом. Мы все

утонули в суеде фантомов и в битвах призраков. Если бы хотело государство, оно могло бы заставить вернуться на землю, хотя бы в небольших группах. Для этого государство должно начать диалог с массой. Но с ней никто не говорит, кроме телевидения и «ищущих человека» собеседников социальных сетей.

Для внушение оптимизма время от времени оглашают стратегические доктрины – как в 1990-х гг., так и сейчас: «Стратегия – 2020», «Стратегия – 2030»... Они не адекватны состоянию ни страны, ни массы, ни остатков общества. Все не понимают, но чувствуют, что эти стратегии – путь в никуда.

Пока что, кажется, прочности нашей массы с ее стойкостью, терпением и опытом хватит еще на несколько кризисов. Эти навыки переживания катастрофы или бедствия стали актуальны. Надо бы эти знания и умения систематизировать и ввести в образование, но вряд ли Минобрнауки этим займется, его не для этого поставили.

Конечно, можно надеяться на новые поколения. У них нет инфантилизма советского человека, который так легко все сдал, и нет уже иллюзии, что их примут в общеевропейский дом – знают, что никто их там не ждет. Они хотят жить, а чтобы жить, им придется рационально и жестко мыслить и трудиться. Тогда мы вылезем... Но с большими потерями.

В.П. Булдаков: Сергей Георгиевич, я вас правильно понял: все рухнуло в 1990-е гг., а до этого все было вроде как нормально?

С.Г. Кара-Мурза: «Нормально» – нельзя сказать. Кризис, конечно, вызревал с середины 1950-х гг., но, во всяком случае, этот кризис был контролируемый до этого времени, а потом нарыв взорвался. Не то, что открылся, а взорвался. И стали добывать то, что от порядка осталось.

В.П. Булдаков: Вы знаете, я почти с вами согласен, но я как-то по-другому на себе что ли это прочувствовал, поскольку сдавал и «Историю КПСС», и «Научный коммунизм». Были такие дисциплины. Так вот, было ощущение такое, что вся эта идеология тогдашняя просто в схоластику какую-то превратилась, причем в гнилую схоластику. То, что все это рухнуло в 1990-е гг., – это вовсе не удивительно, это

закономерно. Этого не могло не случиться. Система сама себя подвела вот к этому краху. Подобное уже случалось сто с лишним лет назад.

С.Г. Кара-Мурза: У вас такое представление. Вы же историк, а я химик.

В.П. Булдаков: Да, это я знаю. И это заметно.

С.Г. Кара-Мурза: Я не учил вашей идеологии, которой вы там мозги промывали все время.

В.П. Булдаков: Я не промывал. Я не преподавал почти...

С.Г. Кара-Мурза: Как же вы тогда смогли пролезть «наверх»?

В.П. Булдаков: Я и не знал, что вскарабкался, по вашим представлениям, «наверх». Своим делом занимался.

С.Р. Аблеев: Сергей Георгиевич, вопрос был задан в отношении 1990-х гг. Но было очевидно, что политическая элита тех времен, мягко говоря, не очень понимала состояние масс, потому что деструкция Советского Союза была неожиданной. А как вы думаете (с точки зрения вашей концепции), насколько адекватно сейчас политические лидеры, политическая элита понимают российскую массу?

Сейчас все вроде бы нормально: народ, что называется, терпит эти все события, не очень приятные и позитивные, – и кризис, и давление геополитическое. А велика ли прочность?

С.Г. Кара-Мурза: Велика ли прочность? Пока что есть. Надо поражаться, что мы уже 30 лет это тянем. Вот этот потенциал и эти навыки переживания катастрофы или бедствия – они стали актуализированы. Власть тоже, примерно так же, как и население, имеет вот этот самый потенциал. Поэтому, я считаю, что мы вылезем... Но с большими потерями...

П.П. Марченя: Сергей Георгиевич, я тоже хотел спросить по поводу сравнения того, что происходит сейчас, с тем, что происходило около века назад, – и о чем вы замечательно писали. Ведь тогда, во времена революции, Гражданской войны и всех прочих катаклизмов, тоже же все те негативные вещи, которые вы перечисляли, имели место быть: островки здравого смысла размывались этим самым океаном социального безумия, интервенция уголовной культуры

происходила и т.д. Но из всех этих угроз и вызовов Россия вышла крепче, чем была. Это не помешало нам провести индустриализацию, одержать победу в Мировой войне, выйти в космос и т.д.

Почему тогда сейчас – в общем-то, к внешне аналогичным параметрам, вы подходите так пессимистично, с каким-то неверием в будущее России? Вот о советской цивилизации вы очень хорошо писали. Что вы сейчас думаете о российской цивилизации в постсоветские времена? Ваш прогноз?

С.Г. Кара-Мурза: Ну, во-первых, я как раз оптимистически смотрю. Я считаю, что мы вылезем...

Но сто лет назад ситуация была гораздо лучше. Мы тогда были на восходящей ветви культуры. Возьмите хотя бы поэзию, музыку, театр Серебряного века. Вот на этом и революция прошла – и после этого была индустриализация, война... Да и вся масса наша была организована. Она была в общинах. Это было не болото. В каждой деревне был коллектив, можно сказать, отряд. Сейчас этого нет. Сейчас произошла дезинтеграция всех наших систем. Мировоззренческая основа советского строя (М. Вебер называл это «общинный крестьянский коммунизм» – вот что было) у нас иссякла к 1950-м гг., потому что была промышленность, урбанизация и т.д. Новой основы старые поколения не создали.

Поскольку у нас еще действительно нет (как не было в Российской империи, так и в советское время) научного обществоведения, то без него мы можем сейчас продержаться только на здравом смысле и на опыте. Но этого очень мало. Этого недостаточно. Вот поэтому, конечно, мы большие очень потери несем. Мы очень много ошибок делаем. Очень много. Возьмите Украину... Ну и т.д.

П.П. Марченя: Тогда на какой же основе мы сейчас «вылезем»?

С.Г. Кара-Мурза: Пока что только на новые поколения надежда...

Возьмите, например, сегодняшних студентов (не знаю, как в Москве, но в областях...). Они все понимают... У них нет инфантилизма советского человека, который так легко сдал все

вообще – все свое, и нет уже утопии, иллюзии, что нас примут в общеевропейский дом, что у нас будет, пусть похуже, но Запад. Они знают, что это невозможно. Они знают, что никто их там не ждет. Они знают, что им надо понять и узнать, как же все это устроено – и что можно сделать. Они рационально и жестко мыслят, эти ребята-студенты. С ними можно уже надеяться на будущее. Они хотят жить, а чтобы жить, им придется потрудиться.

О.А. Матвейчев: Всех приветствую. Для того чтобы была какая-то интрига, надо выступить и с противоположным мнением, потому что все рассказывают о «великих массах», которые что-то значат, которые что-то делают. Я поэтому свое выступление категорически и полемически заострил, и полностью бы не согласился со всеми предыдущими ораторами, – и тоже начал бы я с притчи.

По образованию я философ и занимался такими философами как Хайдеггер, Гегель, Кант, Аристотель... То есть, это настолько высокая философия, которая любит говорить о судьбе бытия, о забвении там многотысячелетнем, как Хайдеггер писал, об эпохах мировых, которые длятся тысячелетиями, как Шеллинг писал, о народном духе, как говорил Гегель. Все это было интересно изучать – и сейчас я это люблю все почитать, но поскольку в 1990-е гг. мы все «попали», и кушать очень хотелось, то я занимался тем, что подрабатывал то социологом, то разносчиком листовок, то бригадиром агитаторов, то еще кем-то. И постепенно дорос до человека, который занимается выборными компаниями и с тех пор в течение 25 лет работал в президентских штабах, при этом, естественно, не оставляя научную деятельность и преподавание.

Так вот, первая же моя самостоятельная выборная компания была очень трудной. Потому что, собственно говоря, ни один из маститых и опытных политтехнологов на нее не соглашался. Когда мы приехали к нашему заказчику, мэру города, то у него был рейтинг минус 54%. То есть, его ненавидели 54% населения. Поэтому все, кто приезжал к нему, они сразу это понимали, делали социологическое исследование – и говорили: «Ну, извините, нам репутация дороже, все равно

мы не выиграем, и до свидания». А мне пришлось за это браться, потому что нужны были деньги: ребенок, семья, жилья не было, комнатка маленькая в общежитии. Нужно было за это браться, нужно было как-то зарабатывать, да еще и выиграть. Так вот, через полтора месяца 54% населения проголосовали за этого человека. Это к вопросу о субъектности массового сознания.

Потом я уже участвовал точно так же в выборах десятков других людей и понимаю, какими инструментами это все делается. Работает это точно так же, как вот как этот айпад, как любой механизм, как врач, который знает, что если он сейчас поставит укол именно с таким лекарством, то давление поднимется на столько-то или уменьшится на столько-то. Это все отработано. Точно так же и здесь. Ты точно знаешь, сколько нужно каких газет, листовок, какой информации... – с таким лекарством или с другим «поставить» вот этой массе, чтобы у нее поднялось давление, «взорвалось», чтобы она вышла на улицы или, наоборот, успокоилась. Все это технические, инженерные вопросы для всех политтехнологов.

Потом я участвовал в выборах губернатора. Абсолютно аналогичная ситуация. В мае месяце его партия набирает на выборах 9% и проигрывает конкуренту все и вся, а в сентябре весь народ голосует за этого губернатора. Как с 9% до 60% он вдруг стал? Ну, я могу рассказать как. Это будет отдельная книга о том, как это получилось.

Точно так же в масштабах всей страны. Мы знаем, что Б.Н. Ельцин с его 8% при помощи американских технологов дотянул почти до 50%. Некоторые говорят, что выиграл Г.А. Зюганов, но если и выиграл Зюганов, то на 5% там может быть что-то и подмешали. Но с 8% до 40% или до 45% толкнуть – не так просто.

И точно так же, когда я знаю все эти механизмы, и знаю, что они работают и как они работают, я прекрасно понимаю, что сделали с Советским Союзом. Не от кризиса он умер и т.д. Понимаете, Советский Союз это был, грубо говоря, больной гриппом человек. Не раком, не смертельно больной, а гриппом был больной в лучшем случае. Ну, может быть, радикулитом еще был болен. Но когда эго больного и старого в

этом смысле еще тыкали ножами и всем остальным, то это было настоящее убийство.

В Китае, например, который аналогичную ситуацию проходил, – там была «перестройка» не хуже, чем у нас. Абсолютно не хуже. И книги писались про то, что у нас китайская революция, и фильмы показывались, и гласность была объявлена, и массы выходили на улицу миллионами (причем действительно миллионами), и на полицию нападали, и ситуация с этой площадью Тяньаньмэнь была точно такая же, как с нашим путчем в 1991 г. Только Китай все-таки сумел вырваться из этой ситуации и из своего кризиса, все-таки пошел на подъем, а мы пошли вниз благодаря гораздо большему воздействию. Америка могла на нас воздействовать вполне себе, владея всей ситуацией, и собственно они об этом писали в своих книгах, некоторые из которых даже переведены на русский язык. Они ничего не скрывали, и писали, как они действовали и что делали. Китай для них слишком большая, полуторамилиардная страна. Там и денег нужно было много, и все остальное, и поэтому они не смогли там ситуацию «дожать» и довести до логического конца – и с элитой в том числе.

Американцы прекрасно владеют этими технологиями. В значительной степени мы у них учились, но много чего уже придумали сами – и где-то даже работаем лучше. Собственно говоря, американцам много и не нужно. Для них мир, Евразия – это шахматная доска. Для них достаточно хаоса везде. Устраивать революции достаточно и, в принципе, нет никакого желания, может быть, дальше это каким-то образом превращать в какой-то позитив. Потому что революции, в принципе, и хаос по всему миру – их и так категорически устраивает. У них будет инвестиционный климат прекрасный, у них будет все хорошо. В этом смысле, они научились это делать.

Вот мы говорим про менталитеты масс, про массовое сознание – послушайте, какая-то это все... Что общего есть между Тунисом и Украиной? Или Молдавией и Казахстаном? И всеми остальными другими странами, где произошли эти революции? Языки другие, традиции другие, образ жизни абсолютно отличается – там пустыня, тут виноградники, там православие, тут арабы, мусульманство... Ну все отличается!

Но делается все за три месяца, по одним и тем же лекалам, – как нужно, по одному шелчку, и даже цена – абсолютно понятно, сколько стоит. Вот если бы меня попросили посчитать, сколько стоит революция на Украине, то я бы все посчитал, потому что это все считанные вещи – знаешь, сколько стоит каждый шприц, каждое лекарство, каждая бутылочка, которую нужно применить к данному пациенту. Я бы вам сказал, что именно примерно за 10 лет она обойдется в 5 миллиардов. Не в 6, не в 4 (это точная наука), а именно в 5 миллиардов. Что, собственно говоря, потом наши американские «партнеры», как говорит Владимир Владимирович, потом и озвучили. 5 миллиардов они потратили на революцию на Украине. Действительно, 5 миллиардов. Потому что это столько стоит. Они это все умеют делать – и так далее.

Что случилось с нами? Мы в 1990-е гг. стали объектом их манипуляций. Абсолютным объектом! Мы в этом ни в чем не разбирались, мы этого ничего не умели. Мы были все вот этой массой, в том числе наша власть и государство, которую они как хотели, так и кололи, что хотели с нами, то и делали.

Потом рыба начала выздоравливать с головы. Возникает В.В. Путин, возникает дальнейшая ситуация. Люди, может где-то интуитивно, начинают противодействовать тем вещам, которыми на них воздействуют извне. Путин – не специалист в политических технологиях, но он видел воздействие, которое осуществляется, и просто начал постепенно удалять тех или иных людей, которые принимали те или иные решения, вредящие государству. Постепенно это дошло до журналистов, постепенно дошло до массового сознания. Этот процесс был очень долгий. Даже для того, чтобы уволить правительство М.М. Касьянова, понадобилось ему чуть ли не четыре года. А удалить других людей – еще дольше. До смерти Ельцина он практически был связан огромным количеством обязательств. Только после смерти Ельцина он мог, более или менее, начать действовать. И постепенно вот это ощущение стало проходить, и можно было уже самим определенные вещи делать.

Какие-то разговоры про моноэтничную нашу власть и т.д. ... Я все западные страны многократно посетил и общался

там со специалистами и т.д. Конечно, я скажу, что вот эти разговоры, что у нас тут какие-то декоративные партии, а у них там настоящие – ну, это просто для детей. На самом деле, конечно, у них абсолютно декоративные партии. Все, что у них есть, – это полный симулякр и абсолютная декорация. И там все элиты сконцентрированы гораздо в большей степени, нежели у нас. Они, конечно, никакие не масоны. Понятно, что все эти разговоры про масонов – это действительно клоунада. Это элиты с определенными политическими, экономическими и идеологическими интересами. Когда говорят, что банкиры какие-то правят миром, то это тоже все не верно. Банкиры финансируют определенные вопросы, но все-таки это определенные идеологические проекты, которые там присутствуют, определенное видение будущего. Соответственно, есть философы, «властители умов», которые владеют умами этих элит и направляют миллиардные капиталы на уже технологии – и на изменение мира.

Поэтому управляемость там в тысячи раз превышает управляемость у нас. У нас в этом смысле одна сплошная демократия, потому что наша власть в этом вопросе больше такой ученик, больше увалень, больше делает на здравом смысле, но здравый смысл такой крестьянский все-таки помогает как минимум, по крайней мере, в ручном управлении, избавляться от чужеродных влияний. А как только чужеродных влияний не впрыскивается к нам, яд к нам не поступает, то здоровый организм просто сам по себе начинает выздоравливать и становится лучше. Ограничения, которые власть делает на эти впрыски и влияния – они нормальные, ну и плюс применяются определенные технологические вещи, которые тоже, в свою очередь, более или менее работают и действуют.

В заключение, хочу отметить, что то совершенство, которого достигли США во влиянии на наши массы всевозможные во всем мире, – это одна история.

Упрекают нашу власть в том, что она не влияет. Вот почему мы на Украине не повлияли, еще что-то не сделали? Здесь есть несколько причин: с одной стороны, это действительно неумение и неопытность нашей власти в этих

вопросах. Когда у тебя в руках нет вот этого мастерства, когда ты сам ни разу гайку какую-то не точил, тебе трудно подойти к станку и сказать, что я ее сейчас выточу, потому что ты можешь ошибиться, можешь наделать что-то не так и руки себе оторвать вообще. Поэтому нужно медленно и постепенно тренироваться в этих вопросах. Во-вторых, собственно говоря, нет стратегической цели. Это именно традиции англосаксонской дипломатии состоят в том, чтобы ссорить, разделять и властвовать, ссорить народы между собой на великом евразийском континенте: убивать царей, переметные письма подкидывать, рассказывать о том, что этот замышляет против тебя и тот замышляет против тебя, натравливать богатых на бедных и бедных на богатых, людей разных национальностей и религий друг на друга и т.д. Все это вполне для них понятно: если ты живешь на острове, то для тебя все остальные – это шахматная доска и твоя задача состоит в том, чтобы они не объединились. Потому что если они объединятся, то тогда – «нам конец».

Такой проект был у Наполеона – и он, кстати, уговорил нашего императора Павла на этот проект, за что Павел поплатился головой. Дальше Наполеон принудил Александра I, который начал вести проанглийскую политику, в свою очередь, к продолжению этой политики, к блокаде Англии. Но он ее всячески нарушал. Это и было формальным поводом нападения Наполеона на Россию. Проект был именно такой, и он был в значительной мере правильный.

Надо сказать, что различные геополитики говорили, что Евразия должна объединиться. Только в этом смысле у Евразии есть шанс на какую-то возможную победу над этими нашими «коллегами».

Наша задача – развивать эти инструменты воздействия на историю и управлять ей. Понятно, что это вещи такого видимого горизонта, то есть я не отрицаю какие-то огромные закономерности в истории. Я сейчас говорю о тех практических горизонтных вещах, которые поддаются влиянию. Если мы будем отрицать практическое влияние на историю и говорить о том, что все кругом – хаос, то зачем существуют государства,

политики, вообще все мы? И давайте все сядем – и ничего не будем делать.

В.П. Булдаков: Олег Анатольевич, если я вас правильно понял, то, по вашему мнению, американцы – это люди опытные, проницательные, дальше некуда. У меня в результате общения с ними сложилось впечатление, что более наивных людей вообще в природе не существует. Если, например, взять те сюжеты, которыми я по преимуществу занимаюсь, могу определенно сказать, что хуже всех Русскую революцию поняли именно американцы. Они в ней вообще ничего не поняли. Исключений немного.

О.А. Матвейчев: Вы не с теми американцами общаетесь. Понимаете, 90% представляют собой абсолютные «овощи» – в этом я с вами согласен. Они в подметки не годятся любому нашему человеку или европейцу. Но есть определенная элита, которая все прекрасно понимает и все знает.

В.П. Булдаков: Я как раз общался с такой элитой. Что я хочу вам в связи с этим сказать? Интересно встретить философа, убежденного, что хвост может вилять собакой. У вас те же масоны вылезают, только в другом обличии. Что касается американцев, то не кажется ли вам, что все их искусство заключается в том, что они умеют убеждать и делать вид, что они добивались и добиваются нужного результата всегда и везде. Попросту говоря, умеют запудрить мозги. В общем, традиция Голливуда работает.

Не кажется ли вам так?

О.А. Матвейчев: Понимаете, все, что я говорю сейчас, – это не кабинетные измышления потому, что я прочитал десять книг и решил написать одиннадцатую. Все, что я говорю, – это моя практика.

Если я говорю про масонов, то я это говорю потому, что я с ними сидел за одним столом и разговаривал, что в России, что в Швейцарии, что в Америке.

Если я говорю про всевозможных людей, которые принимают определенные решения и осуществляют проекты на протяжении нескольких лет, то мы вместе сидим и осуществляем иногда эти проекты, а иногда я просто знаю, как они это делают. Это практика. Все это берется из практики.

То есть, это не вопрос дискуссии о том, есть это или нет. Это тогда можно просто сказать, что я шизофреник, и что эти люди мне приснились. Те люди, которые говорили пять лет назад, что они создают такой-то проект, начинают его делать – и потом через пять лет он становится фактом массового сознания.

В.П. Булдаков: А вам не приходило в голову, что люди имеют обыкновение заниматься самообманом? Включая самых рафинированных интеллектуалов? И что самообман затягивает. Не приходило в голову? Человечество занимается этим очень давно. Если угодно, это его видовое отличие.

О.А. Матвейчев: Я не знаю, вот, допустим, я утром проснулся и думаю: «Хочу выпить пачку кефира». Подхожу к холодильнику, открываю пачку, выпиваю кефир, чувствую, что он у меня в животе появился, а вы мне приходите и говорите: «Слушайте это все совпадение, это самообман. То, что ты хотел, и то, что у тебя кефир в животе появился, это просто так совпало, а ты себя обманываешь». То, что вы мне сейчас говорите, я воспринимаю примерно так.

В.П. Булдаков: То что вы сказали – это дешевый, примитивный, давно используемый трюк (насчет кефира и прочее). Не надо проблему так заземлять. И практика – она вовсе не та, о которой вы говорите. По проекту ничего не было сделано в истории в чистом виде. История состоит из цепи заблуждений и бесконечных совершенных ошибок. Конечно, людям ограниченным трудно в этом сознаться.

О.А. Матвейчев: Безусловно. Я мог идти к этому холодильнику – и упасть по пути, и еще что-то сделать. Ошибок много, проекты конкурируют в истории, один проект мешает другому и т.д. Но это не отрицает, что эти проекты работают, что они инженерным образом воздействуют... Естественно, что есть конкуренция разных проектов.

В.П. Булдаков: Из избытка проектов, из их конкуренции обычно получается всеобщая дурь. Что мы проходили – и имеем, кстати сказать, сегодня.

П.П. Марченя: Мне кажется, что смешивать в одну кучу политическую субъектность электората, вот эту сиюминутную какую-то избирательную активность толпы и

историческую субъектность именно масс и массового сознания – это, мягко выражаясь, некорректно.

И соответственно: ну хорошо: вот потратили там те же самые «всесильные» Соединенные Штаты с их «великими» политическими технологиями немалые миллиарды для того, чтобы произошли конкретные события в Ираке, в Ливии, в Сирии... Ну и что, Ближний Восток стал американским? Технологии сработали? Получилось контролировать те массовые процессы, которые там сейчас происходят? Да как бы ни так!

А вопрос у меня к вам следующий: сколько вам потребуется миллиардов для того, чтобы российские массы вдруг приняли наконец американскую цивилизацию и стали чувствовать себя частью вот этой вот ее массовой культуры? Сейчас любые ток-шоу, которые у нас происходят, если там вдруг речь идет о каких-то массовых голосованиях, о «голосе масс», то они всегда заканчиваются с огромным перевесом в пользу тех, кто выступает за советское прошлое, за советский проект, за свою родную цивилизацию, а не за ту чужую, которую навязывают нам на протяжении последних двух-трех десятилетий, – несмотря на все потраченные на борьбу с этой массовой исторической памятью западные миллиарды.

О.А. Матвейчев: У вас было три вопроса одновременно.

Первый вопрос: короткие компании и длинные большие дистанции. Проекты могут быть очень длинными. Ну, кстати говоря, столетними они быть не могут по определенным причинам, но, скажем, в 30–50 лет они вполне могут задумываться и вполне могут осуществляться. Поэтому может сложиться иллюзия, что это получилось само собой. Например, та же самая история с нынешней Украиной – это вполне нормальное отделение Украины от России, которое осуществлялось – и осуществлялось определенными субъектами – на протяжении всех 1990–2000-х гг. планомерным образом. Определенные институты там работали, которые с этим связаны, соответствующие люди, – и все это делалось по одним планам, по определенным лекалам делалось.

Поэтому это не то что вот там какие-то политтехнологи взяли и в 2004 и в 2011 гг. раз – и быстро сделали Майдан.

Что касается американцев, которые чего-то там не добились. Еще раз говорю, что у американцев эта смена парадигмы произошла в последние 15–20 лет. Написаны книги на эту тему американцами о том, что они перешли от теории «управления порядком» к «управлению хаосом». То есть, им и не нужен там порядок и мифическая подконтрольность территорий, чтобы в Ираке сидел некий диктатор, который бы исполнял решения Вашингтонского обкома. Им и нужен хаос, который сейчас там и есть. Это то, что их сейчас категорически устраивает. А нефть они там прекрасно качают. Например, в той же Ливии они прекрасно работают. Так же, как и другие.

Если говорить о российских массах, которые движутся в левую сторону. Действительно, эта закономерность есть, и она неспроста возникла тоже. Но не потому, что есть партия КПРФ, которая продвигает это, или какие-то олигархи, которые стоят за этим. Это результат ошибок и неумения нашей власти. То есть, делаются определенные проекты, но делаются с технологическими ошибками и переборами. Эффект этих ошибок приводит к тому, что, грубо говоря, неопытный водитель, заворачивая влево, может сильно дать крен вправо. Вот именно накопленность этих ошибок привела к тому, что этот левый тренд обозначился.

Более того, я скажу, что власть не знает, что с ним делать, и не умеет с ним работать. Для нее эта ситуация технологически тяжелая и, скорее всего, она этот тренд проиграет, то есть она не сможет с ним справиться. На будущих выборах в Государственную Думу в 2016 г. мы, скорее всего, увидим победу левых сил. Именно потому, что власть этот тренд, во-первых, пропустила и, во-вторых, сейчас будет отыгрывать его на том уровне, как она умеет, как она это видит: начнет еще одну попытку «десталинизации» (что сработает против нее), попытку реставрации каких-то либеральных сил (что тоже сработает против нее).

Короче говоря, любая попытка против ветра идти сейчас сработает против власти – и левые силы существенно укрепятся. Но это, еще раз скажу, от неумения руководить.

Будь там более опытные люди, более искушенные в этих вопросах, то этот левый тренд можно было скорректировать, но не в сторону, естественно, либерального тренда, а в сторону, скажем, определенного имперского центризма.

П.П. Марченя: Значит, все-таки саму сторону-то и вектор движения задают массы?

О.А. Матвейчев: Нет, это не массы задают. Массы здесь ничего не задают. Еще раз говорю, это просто ошибки, издержки инженерного управления.

П.П. Марченя: Вы сами говорите, что вполне определенные массовые процессы происходят не благодаря проектам, а вопреки проектам. А массы движутся туда, куда движутся массы.

О.А. Матвейчев: Нет, это не вопреки. То есть, если вы применяете не то лекарство, то организм на него отреагирует, безусловно, соответствующим образом. Но ошибка то ваша, что вы взяли чуть-чуть не то лекарство. Оно, в принципе, вроде и подействовало, человеку легче стало, но у него возникло осложнение, как у больного. Вот сейчас как раз мы имеем дело именно с этим осложнением. Но это вовсе не субъектность, это именно осложнение.

П.П. Марченя: Если уж использовать вашу аналогию, то могу сказать, что никакие лекарства не помогут вам вырастить то, что чуждо организму.

О.А. Матвейчев: Никто и не выращивает. Наоборот, задача любой нормальной, истинной власти (я сейчас говорю не про иллюзию о том, что вся власть ворует) состоит в том, чтобы организм оставался максимально здоровым. Потому что власть – это мозг и нервная система организма.

П.П. Марченя: То есть, задача власти действовать адекватно массам?

О.А. Матвейчев: Нет, нет. Не адекватно массам. Я же сказал, чтобы массы действовали адекватно власти. Вот точно так же как ваше тело адекватно действует по отношению к вашему мозгу, вот точно так же ситуация обстоит с властью и массами. Не надо путать эти вещи. Мозг и нервная система – это власть, а массы – это тело. Вы хотите, чтобы мозг был

подчинен телу? Но это чистый материализм, извините. Я считаю, что лучше, когда тело подчинено мозгу.

В.П. Булдаков: Лучше то лучше, но не получается. Извините, Олег Анатольевич, но вам не кажется, что само словосочетание «управляемый хаос» – это чистейший оксюморон. Хаос неуправляем по определению. Здесь действуют синергетические процессы.

О.А. Матвейчев: В Гугле есть книги, которые так и называются – «Управление хаосом». Там целые толстые книги, в которых пишут, как это делать. И я, кстати, вам могу объяснить, как это делать.

В.П. Булдаков: Много толстых книг существует в мире. Их становится все больше и больше. Это какой-то круговорот «учености». Ну и что из этого? Кто-то их читает, а кто-то не читает.

О.А. Матвейчев: Конечно, ваше право, читать или не читать. Но можно их не только читать, но и применять на практике.

В.П. Булдаков: Не надо ссылаться на толстые книги.

О.А. Матвейчев: А на что ссылаться в данном случае?

В.П. Булдаков: На собственные мозги!

О.А. Матвейчев: На собственные мозги и ссылаюсь. Вот я занимался тем, что управлял хаосом, создавал революционные ситуации на заводах в городах, а потом этот пар, который возникал, выплескивал в определенное, нужное мне русло. Это называется «управление хаосом». Вот я это делал собственными руками. На что мне еще сослаться?

В.П. Булдаков: А не преувеличиваете ли вы значение собственного «управленческого» опыта?

О.А. Матвейчев: Или опять скажете, что это была моя иллюзия?

В.П. Булдаков: Конечно! Я бы добавил: иллюзия, смешная своей претенциозностью.

С.Ю. Разин: У меня есть личный опыт участия в избирательных кампаниях. Так вот, этот опыт развеял всякие мои иллюзии по поводу итогов избирательных компаний, по поводу перспектив демократии в России и т.д.

Я могу сказать, что на уровне мелких административных единиц все эти так называемые новомодные «политтехнологии» зачастую сводятся к элементарному, тупому применению административного ресурса. В результате этого мы получаем так называемые «результаты выборов», берем эти «результаты» за некие тренды – и создаем у себя иллюзию, что мы чем-то управляем и что-то можем делать. Власть, таким образом, сама себя загоняет в опасный мираж, в опасную иллюзию, в рамках которой она и живет. Она живет в рамках придуманных цифр и придуманных показателей.

О.А. Матвейчев: Не надо считать власть глупее себя. Власть прекрасно знает, если она ставит задачу кого-то куда-то загнать и дать какую-то цифру, какими методами это делается. Раз она ставит задачу, то она понимает прекрасно, что и на каком этапе можно сделать. То есть, реально людей посчитают, скажут: а вы придите там в районе – и они придут, потому что у них есть допуск определенный. А вот на определенном этапе при определенном ракурсе, который власть тоже замеряет, она знает, что такой приказ давать нельзя, потому что если ты его дашь, то люди восстанут против тебя и пойдут в другую сторону. Власть знает, когда можно гнать людей кнутом, а когда пряником, а когда еще другими способами: любовью, обещаниями и т.д. Власть себя не обманывает. Он прекрасно знает, кто какими методами работает: что в Татарстане, что в Башкирии, что в кавказских республиках и много где еще.

Поэтому никакого самообмана нет. Там, где можно сэкономить на политтехнологиях, там действует тупой административный ресурс. Но это именно потому, что происходит экономия средств.

С.Ю. Разин: Только почему-то действует он практически везде. Там, где есть политтехнологи, – и там, где их нет.

Следующий момент: Павел Петрович спрашивал вас об отношении к советскому проекту. Нынешние левые силы имеют «тридцать третье» отношение к советскому проекту. К сожалению, нет сегодня в России такой политической силы, которая была бы носителем новой идеологии, адекватной сегодняшнему дню и задачам вывода страны из системного

кризиса. Левые силы, безусловно, такой идеологией не обладают. КППРФ – это такая же часть системы. Ну, недаром ее относят к системной оппозиции. То есть она часть системы – и вполне комфортно в этой системе себя чувствует, и ничего с этой системой делать не собирается.

В.И. Пантин. Я с моими коллегами занимаюсь исследованием массового сознания, а также изменений идентичности в современном мире, и должен сказать, что массовое сознание – это очень серьезный предмет, который развивается по своим собственным законам в соответствии с традициями, ценностями, обычаями и нормами, присущими данной цивилизации.

Печально известное выражение «пипл все схавает» на деле глубоко неверно: люди примут далеко не все и не всех. При общении с политтехнологами и с людьми, приближенными к политической элите, мне неоднократно доводилось слышать утверждения о всемогуществе политтехнологий, правящих элит, которые могут сделать все что угодно с массами и массовым сознанием. По-видимому, это убеждение политтехнологов невозможно или чрезвычайно трудно изменить, так как они мыслят главным образом в терминах избирательных кампаний и «электората», то есть весьма кратковременными и конъюнктурными категориями. Между тем любая избирательная кампания – это существенный, но отнюдь не самый важный элемент политического процесса.

Здесь приводился пример избирательной кампании Б.Н. Ельцина в 1996 г., как его рейтинг сильно вырос к моменту выборов. Ну и что? Посмотрим, что случилось дальше. Уже через два года, в 1998 г., произошел дефолт и глубочайший кризис всей политической системы, из которого удалось выйти с большим трудом путем привлечения к власти столь нелюбимого Ельциным Е.М. Примакова. Еще через полтора года Ельцин вынужден был досрочно уйти от власти – и не только по причине болезни, а прежде всего из-за общей неспособности управлять страной и общего кризиса всего политического и экономического курса. Фундаментальные исторические и политические процессы, связанные с массовым

сознанием и его динамикой, не обманешь никакими рейтингами и никакими PR-кампаниями.

При этом нельзя отрицать, что современные технологии позволяют на некоторое время оглуплять массы людей и манипулировать общественным сознанием, воздействовать на их идентичность, переписывая историю и искажая систему образования. Но пробуждение рано или поздно все равно происходит. Поэтому не стоит заикливаться на элитах и политтехнологиях.

Еще один пример приводился с «управляемым хаосом» и англосаксонскими элитами, с успехами этих элит в Ираке, Ливии, откуда они качают нефть. Нефть-то они качают (хотя в эпоху сланцевой нефти не совсем понятно, зачем нужно ее качать из Ливии), а тем временем внутри своих собственных стран эти элиты «просмотрели» самые важные, фундаментальные процессы, которые угрожают их глобальному могуществу. Во-первых, демография практически необратима: доля белого населения в США составляет, по разным данным, или чуть более, или чуть менее 50% всего населения, а это чревато глубоким расколом общества и реальной угрозой распада страны. Во-вторых, глубокий раскол американского общества уже налицо, и он все время возрастает: противостояние Д. Трампа и Х. Клинтон – только один из признаков этого раскола. Другим признаком является зашкаливающее, соизмеримое только с эпохой «Великой депрессии» 1930-х гг. имущественное и социальное неравенство, которое вызывает многочисленные конфликты на бытовом, расовом и ином уровне (в 1940–1980-е гг. такого вопиющего неравенства не было из-за реформ Ф. Рузвельта). В-третьих, в США происходит «перепроизводство элит», то есть огромное количество людей рвется в экономическую и политическую элиту, а американское общество не может их содержать даже при всем неслыханном богатстве США. В-четвертых, налицо перенапряжение и нестабильность всей мировой финансовой системы, на которой держится могущество США. И так далее. В Соединенном Королевстве, которое после Brexit грозит стать разьединенным Королевством, обостряются свои проблемы, и главная из них –

инокультурная миграция, огромное количество людей, которые не способны интегрироваться в британское общество. И дело здесь не в отдельных ошибках политтехнологов или правящих элит, а в долговременных исторических процессах.

В этой связи, на мой взгляд, России не стоит переоценивать успехи англосаксонских элит и тем более подстраиваться под них, «ложиться» под их политику «управляемого хаоса», в том числе хаоса в их собственных странах.

Теперь о российском массовом сознании и о российской идентичности. Как показывают многочисленные исследования, в частности, опросы общественного мнения, российское массовое сознание пережило шок в конце 1980–1990-х гг., но в целом осталось именно российским массовым сознанием со своими ценностями, стереотипами и отношением к власти.

Существует целый ряд позиций и ценностей, по которым, согласно массовым опросам, подавляющее большинство россиян выражают согласие или единство. Среди этих ценностей следует отметить такие как *Семья, Порядок, Государство, Особый (незападный) путь развития*. Так, согласно многочисленным всероссийским опросам, проведенным различными службами изучения общественного мнения, на протяжении 1990–2000-х гг. ценность (или идеологема) *Порядка* стабильно является наиболее важной для 70–85% опрошенных. В этот же период сторонниками Особого (незападного) пути развития стабильно были и остаются 60–70% российских граждан.

Обращают внимание также незаслуженно игнорируемые многими аналитиками весьма впечатляющие данные опросов о том, ощущают ли себя свободными в нашем обществе россияне. Данные этих опросов, которые проводятся Левада-Центром (к слову сказать самой либеральной, но квалифицированной службой изучения общественного мнения в России) с 1991 г. и по настоящее время, позволяют судить о весьма своеобразной и показательной динамике настроений в российском обществе. В 1991 г. 43% опрошенных россиян ощущали себя свободными в нашем обществе, а 45% – не

ощущали себя таковыми (остальные затруднялись с ответом). В 1996 г. только 33% опрошенных ощущали себя свободными, а 53% – нет. В 2000 г. уже 53% ощущали себя свободными, а 41% – нет. В 2014 г. произошел новый скачок: 69% опрошенных россиян ощущали себя свободными и только 22% – нет. В 2015 г. это соотношение чуть уменьшилось, но почти в пределах погрешности измерений: 66% чувствовали себя свободными и 26% – нет (за 2016 г. данных пока что нет).

Таким образом, так называемый принятый в международных исследованиях «индекс ощущения свободы» (разница между долей ощущающих себя свободными в России и не ощущающих себя таковыми) в 1991 г. составлял минус 2%, в 1996 г. – минус 20% (!), в 2000 г. – плюс 13%, в 2014 г. – плюс 47% и в 2015 г. – плюс 40%.

Иными словами, сколько бы ни говорили жителям России о том, что они свободны, в 1991 г. и на протяжении всех 1990-х гг. большая часть россиян была с этим не согласна. Положение начало меняться только в 2000 г. и особенно после 2014 г., когда Россия продемонстрировала свою независимую и свободную от давления Запада внешнюю политику. Именно тогда изменилось и самочувствие россиян.

Более того, развернутая в западных СМИ антироссийская информационно-пропагандистская война, торгово-экономические, финансовые и политические санкции западных стран в отношении России, а также открытая демонстрация военной силы странами НАТО у российских границ вызывают совсем не то воздействие, на которое рассчитывают элиты западных государств. Вместо утраты поддержки населением российской власти (прежде всего Президента РФ), напротив, происходит, усиление ее поддержки, консолидация большинства общества и рост антизападных настроений. Происходит это во многом потому, что, как и в прежние критические периоды истории России, большинство российского населения и даже значительная часть российской элиты предпочитает сплотиться перед угрозой со стороны внешнего врага. Об этом свидетельствует вся история России, которая была полна нашествиями с Запада или с

Востока, и так или иначе воздействует на массовое российское сознание и сегодня.

В то же время экономический кризис и антисоциальная политика финансово-экономического блока правительства оказывает влияние на массовое сознание, но запаса терпения все же еще хватает и, скорее всего, его хватит еще на 1–2 года. Однако, если экономическую и социальную политику не изменить, то после 2018 г. в российском обществе могут начаться серьезные конфликты и потрясения, в том числе очередные «смуты».

И, наконец, последнее, но весьма важное соображение о российской идентичности и ее связи с массовым сознанием.

Дело в том, что в мире сейчас идет «битва идентичностей», и в этой битве пощады не дают никому. Выигрывают те государства, чья идентичность имеет большую историческую, культурную и политическую силу. Государства, слабые в этом отношении, вынуждены лишь наблюдать, как их национальные идентичности растворяются в процессах глобализации. Соответственно, массовое сознание населения таких государств превращается в объект манипулирования со стороны других стран, как это произошло с прибалтийскими странами и отчасти с Украиной. Вот почему так важна политика укрепления российской национально-государственной (исторически во многом имперской) идентичности, которая должна осуществляться через систему образования, историческую память, информационную политику (СМИ), литературу, искусство (особенно кинематограф).

Пока что Россия и российское общество здесь явно «не дорабатывает», особенно это касается молодого поколения, которое во многом воспитывается на голливудских фильмах, рекламе и представлениях о «сладкой жизни» на Западе. К сожалению, уничижительное отношение к России как к «Рашке» достаточно широко распространено среди молодежи, и это подрывает и основы российской идентичности, и уважение к собственной стране.

Поэтому пассивно надеяться на молодое поколение нельзя, нужно с ним много и упорно работать.

С.Р. Аблеев: Я занимаюсь не столько общественными проблемами, а больше теорией сознания на стыке разных наук (больше философии), но проблемы массового сознания тоже мне близки. Поэтому меня сюда коллеги позвали и дали слово. Хотел бы отметить, прежде всего, очень удачный формат нашего «круглого стола» в том смысле, что здесь присутствуют специалисты разного профиля: и историки, и философы, и психологи... На мой взгляд, это очень удачно. Не всегда, может быть, мы друг друга понимаем, потому что есть какие-то свои акценты, какие-то углы зрения, но, все-таки, сознание – это такая штука, которую невозможно изучать с одной какой-то стороны. Нельзя это отдать на откуп только психологам или (если речь идет о массовом сознании) историкам.

Само обращение к теме массового сознания и массовой культуры имеет, на мой взгляд, крайне важное значение, потому что XX в., как известно, стал «веком масс». Массы выходят на историческую арену, они становятся силой, они решают судьбу государств. Именно поэтому появляется острая проблема влияния на массы и на массовое сознание. Особенно это усиливается тем, что XX в. – это переход многих стран к демократическому режиму, в том числе и стран бывшего социалистического лагеря. Если это демократия, то это означает участие масс в управлении государством. Все это опять усиливает тему влияния на массы (в нужную сторону или в ненужную...).

Именно поэтому начинают развиваться технологии управления массовым сознанием, о чем некоторые коллеги говорили и писали уже давно. Я думаю, что эта тема еще не разработана до конца. Здесь есть чем еще заниматься, есть что исследовать и что использовать на практике.

Хотелось бы подчеркнуть одну важную мысль, которая, может быть, до сих пор еще не осознана до конца. Она состоит в том, что массовое сознание не просто существует как некий феномен, как некая абстрактная категория. Оно всегда является (и в прошлом, и сейчас) объектом целенаправленного влияния со стороны различных сил (культурных, политических и т.д.). Вот сейчас наш коллега говорил о политтехнологиях и был уверен в том, что можно массовое сознание развернуть в

любую сторону с помощью этих технологий. Конечно, не все с ним согласны. Все, на самом деле, сложнее. Но законы управления, тем не менее, существуют. Мы же понимаем, что события на Ближнем Востоке, на Украине происходят не просто так, не в силу каких-то стихийных факторов, а это попытка, не всегда удачная (об этом тоже справедливо говорили), но все-таки попытка управления массовым сознанием.

Такие усилия сейчас прилагаются и к российскому массовому сознанию. Нам казалось, на заре наших демократических реформ, что мы ведем равный диалог, что мы – субъекты этого диалога с нашими, как сейчас модно говорить, «партнерами» с Запада. Но оказалось, что во многих случаях мы вовсе не субъекты, а объекты этого диалога. Нами пытаются управлять – и делают это иногда очень успешно.

Здесь нужно обратить внимание, например, на попытки изменения традиционной семьи. Нам навязывают совершенно другую семью. Мне кажется странным и даже диким что наши политические лидеры, находясь где-то в Европе, например на крупном международном форуме, должны как-то неловко извиняться за то, что в России не очень развита так называемая «нетрадиционная семья». Наоборот, это есть наше достоинство.

Негативное отношение к российской политической власти нам тоже пытаются внедрить, подорвать наше доверие к власти. Пытаются столкнуть различные национальные и религиозные группы. В России очень сложная этноконфессиональная картина – двести этнических групп. Если мы допустим подобный дисбаланс, то, конечно, мало никому не покажется.

Пытаются разложить нашу систему духовных ценностей, которая, конечно, изменилась за советскую эпоху и за годы реформ, но, тем не менее, она существует и не позволяет нам до сих пор рассыпаться как единому целому – единой стране и единому народу. Именно поэтому очень важно видеть маскируемые попытки влияния на массовое сознание и на массовую культуру – и, в конечном счете, уже начать активно этому противодействовать и давать отпор. Если мы в этом будем неуспешны, если это влияние со стороны будет

очень сильным, то я боюсь, что у нас в недалеком будущем возникнут очень большие трудности.

Тем не менее, хочется с оптимизмом смотреть в будущее – и события последних двух лет, все-таки, говорят о том, что наше массовое сознание начинает меняться и осознавать всю сложность текущего момента.

А.Н. Курюкин: Я здесь представляю Отдел анализа социально-политических процессов Института социологии РАН. На протяжении последних трех лет тема изучения общественного сознания является профильной темой государственного задания для нашего отдела.

В этом году в фокусе нашей работы был вопрос, который был нами вынесен на Федеральный круглый стол в рамках VII Политологического конгресса, – это плюрализм сознания и проблема политической консолидации общества. Путем длительных обсуждений на нашем постоянно действующем семинаре, путем заочных обсуждений с коллегами, путем разговоров и обсуждений, дискуссий на этом «круглом столе», который прошел совершенно недавно (20 ноября 2015 г.), мы пришли к выводу, что в сущности, если говорить применительно к вопросу консолидации общества, в массовом сознании имеются, наверно, две такие большие парадигмы (при понимании парадигмы не как подхода, а как примера или образца поведения) – это парадигма мобилизации и парадигма стабилизации. То есть это те две основы, на которых может возникнуть общественная консолидация.

Парадигма мобилизации нам всем достаточно хорошо известна из много раз упомянутого здесь советского прошлого («Всем миром, всем народом, все землей!», «Дадим отпор агрессору!», «Пошлем Гагарина в космос!» и т.д. и т.п.). Парадигма стабилизации нам, в принципе, известна меньше. Но она как раз классическим образом иллюстрируется обществами современной Западной Европы (США – это совершенно отдельный разговор, и на эту тему я говорить сейчас не буду). Так вот, именно там консолидация общества строится на основе парадигмы стабилизации. Там ради поддержания общественной стабильности, ради поддержания того общественного, политического, правового (мне это ближе, так как я занимаюсь

вопросами правосознания) порядка (именно вот той самой стабильности) все общество консолидируется.

При этом необходимо учитывать, что эти две парадигмы антитезами не являются. Они выходят на передний план по мере необходимости.

На сегодняшний день, если говорить об управлении массовым сознанием, то чаще всего средством управления им, средством консолидации общества выступает парадигма мобилизации. Мобилизовываться мы можем либо за что-то (пример – это мобилизация и консолидация общества вокруг личности и деятельности В.В. Путина по вопросу Крыма: да, решили исторический вопрос, наконец-то все вошло в свои берега – так и должно было быть), либо, соответственно, мы консолидируемся против чего-либо.

Если говорить об Америке, то чаще всего американские средства и инструментальные комплексы управления массовым сознанием строятся на классической бихевиористской модели «стимул–реакция». Вот эта модель реализуется чаще всего именно в мобилизационной парадигме. Как простимулировать общество, чтобы реакцией стала мобилизация, консолидация и более того необходимая, нужная стимулятору (притом что это живой человек либо группа лиц, а не инструмент какой-то) совокупность поведенческих актов и поступков?

Сегодня, на мой взгляд, идентичные попытки проводятся и отечественной политической властью. То есть, мы присоединили Крым, против нас начались санкции, поэтому: они все против нас и давайте мы будем собираться в кучку, давать отпор, переживать трудности все вместе – все равно выживем, все равно все будет нормально. Может быть.

Здесь уже много говорилось о Советском Союзе. И почему я здесь об этом сейчас упоминаю? Потому что начинается, так скажем, прорастать очень опасная тенденция. Советский Союз жил на мобилизационной парадигме, на мобилизации практически с момента своего возникновения: «Большевики должны взять власть!». Для этого необходимо мобилизовать все общество, организовать победное шествие Советской власти по всей стране до самых до окраин, после этого нужно было провести индустриализацию и

коллективизацию, победить в Великой Отечественной войне, восстановить сельское хозяйство, бороться с заокеанскими идеологическими противниками и т.д.

Можно очень много говорить о том, когда начался кризис Советского Союза. Здесь у людей есть самые разные представления: кто-то говорит – с брежневских времен, кто-то говорит – намного раньше, кто-то говорит – перелом произошел при Н.С. Хрущеве, кто-то говорит о М.С. Горбачеве и т.д. Но у меня здесь, в ракурсе тех исследований, которые мы проводим, вывод только один-единственный: в состоянии мобилизации жить долго невозможно. В результате Советский Союз, по сути дела, в чем-то сломался. На момент конца брежневской эпохи (1978–1980 гг.) военная промышленность Советского Союза работала в три смены, то есть 24 часа работали военные заводы (практически все подразделения без исключения).

Сегодня мы видим начальную фазу, первые ростки вот такой же мобилизационной модели, которую где-то жестко, а где-то мягко пытается реализовать наша современная российская власть. У нас возник «Общественный Народный фронт», мы противодействуем западным державам в ракурсе того, что против нас введены санкции. Речь идет уже о том, что если в Сирии начнется наземная операция, то 9 против 1 что, в конечном итоге, российский спецназ столкнется с американским спецназом (если этого еще не произошло). Мы не знаем, на сегодняшний день, кто, кроме российских морских пехотинцев и местных «игиловцев», местных бандитов-радикалов искал наших пилотов – и кто прорывался практически с боем к месту падения самолета. Констатировано, что было несколько групп, отлично вооруженных и обмундированных. Без знаков различия. Обмундирование не представляло возможности их идентифицировать. Можно же идентифицировать, где там французы, где англичане, где немцы, где американцы. Там есть у каждого признаки. Кто это был? На сегодняшний день это неизвестно.

В сложившихся условиях, можно констатировать одну, достаточно важную вещь: я, наверное, не поддерживаю окончательно и бесповоротно Олега Анатольевича

[Матвейчева]: спонтанность действий отрицать нельзя. Но, тем не менее, инструменты – не столько управления, сколько коррекции конкретных характеристик массового сознания и – как следствие – поведения масс – они все-таки существуют. Работают они, действительно, с разной эффективностью, но, тем не менее, они на свете есть.

С.Р. Аблеев: Как вы считаете, в состоянии мобилизации (оно пока еще не на пике) сколько может страна, народ, массовое сознание выдержать предельное напряжение – до того, как все пойдет уже в разнос?

А.Н. Курюкин: По результатам последних исследований на протяжении последних трех лет около 65% населения нашей страны сходятся в том, что они вообще не хотят иметь никакого отношения к деятельности политической власти. То есть это полный «эскейпизм», желание «убежать». Они надеются только на себя, и все вопросы решают неформальными методами.

На сегодняшний день можно констатировать одну очень важную вещь: последние реформы, начатые в 1992 г. или немного раньше, проходили тоже по мобилизационному принципу.

Если принять, что после мобилизации в Советском Союзе фактически передышки-то не было, а сразу после этого нас (страну, общество) бросили в совершенно другую систему, где пришлось мобилизовываться ради выживания – а эта мобилизация еще жестче...

С.Р. Аблеев: Это все 1990-е гг.

А.Н. Курюкин: Да, практически все 1990-е гг. Сегодня мы можем сказать, что где-то, в принципе, Советский Союз плюс 1990-е гг. – ну где-то 80 лет выдержали. Да и учитывать надо обновление поколений.

Сегодня такого периода – в 80 лет выдержки – ожидать не стоит. Я хочу вспомнить одну интересную фразу В.И. Ленина, который во время перехода от Февраля к Октябрю сформулировал позицию меньшевиков так: они взяли «курс на утомление» рабочего класса (утомление речами, утомление разными обязательствами...). Сегодня можно говорить о том, что общество утомлено. Именно поэтому 65% граждан не хотят

взаимодействовать с властью, именно поэтому еще большее количество народа практически не интересуется политикой, хотя может и любит «за нее поговорить», но реально ей не интересуется. Ну, и, наконец, опять же, по последним исследованиям (даже просто в рамках опросов), всего лишь 3–4% опрошенных дают утвердительный ответ на вопрос: «Хотите ли вы участвовать в качестве волонтеров, в качестве добровольцев в каких бы то ни было программах и проектах». 3–4%! Все.

Поэтому я сейчас не буду пророчествовать и выдвигать какие-то сроки и какие-то периоды, но то, что 80 лет это не будет – это однозначно.

В.П. Булдаков: Небольшое уточнение: Вы говорите, 70 лет в режиме мобилизации. Должен поправить: в 1920-е гг. мы имели своего рода «застойную расслабуху»! И она «успешно» спровоцировала экстримы последующего времени – несколько их этапов мы пережили. Не было и не могло быть сплошного мобилизационного процесса (упаси Боже!). Никто не выдержал бы таких 70 лет. Власть это чувствовала. Ну, я не буду долго пояснять. В предпоследней своей книге («Утопия, агрессия, власть...»), которая посвящена 1920-м гг., я все это описал на базе документов «личной» истории – «писем во власть». Кстати, по духу они изоморфны массиву дореволюционных посланий. С моей стороны, это была попытка уловить то агрегированное состояние общества, которое вылилось в сталинизм. Если угодно, это из области не изживаемого российского авторитаризма.

Теперь у меня вопрос: не кажется ли вам, что у нас и на Западе стабилизация понимается по-разному? У нас понятие «стабилизация» близко к понятию «застоя» (неподвижность, «окаменелость» если угодно). К этому мы тяготеем – так устроена система, которую наполняем мы, и которая «наполняет» нас. Что касается Запада, то там под стабилизацией понимается все же некое эволюционное движение: что-то меняется, что-то улучшается... Это неперемнное условие стабильности. Не кажется ли вам, что надо проводить такую грань?

А.Н. Курюкин: Да, безусловно.

В.П. Булдаков: Тогда договорились.

П.П. Марченя: Мне кажется, на протяжении всей более или менее осмысленной истории российской государственности, в той или иной степени, народ находился в состоянии мобилизации. Смотря что под этим понимать: если речь идет об апелляции к каким-то императивам, которые как раз и превращали Россию в то, что имеет смысл в истории, то тогда в состоянии размобилизации мы живем-то всего два-три десятилетия, а всю остальную историю – в режиме мобилизации.

Поэтому мобилизация – не всегда нагрузка, мобилизация – это опора, когда человек включен в некую целостность, когда он причастен к чему-то великому, когда его смысл согласован со смыслом государства, в котором он живет, с его местом и ролью в истории, то тогда он мобилизован властью. Вот те ценности и идеи, которые у нас сейчас частично (временно, надеюсь) утрачены – вот это и есть размобилизация.

В данном случае размобилизация является гораздо большей нагрузкой для человека и его психики и сознания, чем состояние мобилизации. А то явление, о котором вы сказали («эскейпизм» и т.д.) ... Речь ведь идет не о том, что человек не хочет быть мобилизован настоящими императивами и настоящими ценностями. Речь идет о том, что он не видит смысла в предлагаемых ему властью вариантах, потому что они не являются истинными и подлинными, а если бы были предложены верные слова, верные идеи, верные ценности, как раз адекватные ценностям массового сознания, то тогда это и было бы примером успешной мобилизации.

А.Н. Курюкин: В принципе, вы правы. Если бы было предложено все верно, то тогда – да, а вот до тех пор, пока этого нет, – то нет.

С.Ю. Разин: У меня вот такой вопрос: скажите, пожалуйста, а брежневский период Вы тоже относите к периоду мобилизации? Не кажется ли вам все-таки, что вот 1950-е – начало 1960-х гг. (неслучайно об этом сегодня сказал Сергей Георгиевич [Кара-Мурза], и многие это же чувствуют) – это был некий рубеж в развитии советского общества. Так тут

все совпало: и смерть Сталина, и смена поколений, и то, что закончилась вот эта «социальная энергия Октября». Наступил какой-то новый этап. Не кажется ли вам все-таки, что весь советский период нельзя относить к мобилизационному рывку, к периоду мобилизации? Все-таки, наверное, сложно назвать брежневский период – периодом мобилизации?

А.Н. Курюкин: Давайте начнем с того, что «мобилизация» и «рывок» – это разные понятия. В состоянии мобилизации можно находиться до тех пор, пока не исчерпается предел прочности, – а на рывке он исчерпывается быстрее всего.

Если говорить именно о брежневском периоде, как вы его специально выделили и подчеркнули, то здесь следует сказать о процессах внешних и о процессах латентных, скрытых. С внешней точки зрения, с точки зрения внешней видимости – да, действительно, особой такой мобилизации не было. Страна жила нормально, общество развивалось. А если мы возьмем латентные процессы, то, чтобы не удаляться, скажу, что наша армия воевала с американцами во Вьетнаме. На территории Советского Союза имелись воинские подразделения, которые по приказу министра обороны находились в состоянии войны с вероятным противником, теми же США и НАТО. Это было записано в приказе. Да, они не соприкасались, но они находились в состоянии войны. Потом американский спецназ воевал с нашей армией в Афганистане. И это был все тот же самый брежневский период. Один и тот же.

Действительно, я сейчас говорю о самых ярких «засветках». Если мы будем говорить много дольше, то эту картину можно расширять и расширять. Сейчас у нас нет для этого времени и, возможно, надобности. Но, тем не менее, мы скорее здесь должны говорить о том, что накал мог спадать, но полностью он не уходил никогда. К сожалению. Вот что я могу сказать.

Л.П. Лычкань: Уважаемые коллеги, хотел бы сказать несколько слов о правовом сознании – как стержне сознания общественного.

Исторические вехи государства всегда воспитывали поколения людей, помогали отражать в их сознании

окружающий мир, соотносить свое поведение с поведением других людей. Если человек активно принимает участие в общественной жизни, приобщается к ее культурному наследию, то только тогда он формирует и развивает свое сознание. Классический постулат о том, что «сознание с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди», подтверждает положения о том, что нельзя рассматривать сознание в отрыве от явлений общественной жизни, в том числе и массового сознания как фактора развития российского общества и фактора столкновения политических интересов масс в условиях современной действительности.

Именно политические интересы затрагивают каждого человека. Сама жизнь людей пронизана политическими интересами, которые вобрали в себя многие социальные противоречия и являются определяющими для масс и массового сознания. И, естественно, сегодня не только социально-экономическая, но и духовная жизнь человека, общества находятся в зависимости от политических интересов.

В значительной степени политическое сознание связано с правовым сознанием. Правовое сознание выступает как система знаний и оценок, посредством которых осознается сфера права общественными субъектами. Именно правовое сознание масс способствует поддержке идей, чувств, эмоций, взглядов, представлений, убеждений в отношениях между личностью и государством. Правовое сознание необходимо для поддержания правопорядка, для защиты общества и тех же масс от произвола и анархии. Если формирование политического сознания зависит от социально-экономических интересов людей (масс), то правовое сознание складывается и опирается на конкретные нравственные оценки.

Правовое сознание возникает как осознанная необходимость иметь четкие знания о праве, о его оценке многочисленными социальными группами и классами. Правовое сознание связано с правом, и эта связь объясняется общими причинами их возникновения, функционирования и последующего изменения. Сущность права в том, что оно является мерой свободы, отражает существующие общественные отношения масс и массового сознания,

воздействует на их развитие, противостоит произволу и беззаконию. Для права всегда характерны такие черты как системность, нормативность, определенность, динамизм и обеспеченность государственным принуждением.

Правовое сознание – специфическая форма общественного сознания. Оно способно воздействовать на многие социальные процессы. Правовое сознание может как ускорить социальные процессы, так и затормозить их развитие. Никто не станет оспаривать положения о том, что и массовое сознание есть полигон, критерий и судья политической борьбы. Правовое сознание соединяет в себе значительную часть проявлений жизнедеятельности людей (политические, нравственные, философские, религиозные) и является интеллектуальным выражением общественной жизни каждого человека. Правовое сознание характеризует психофизическое состояние любой личности и массы людей в целом, при котором реализация правовых норм, правил поведения становится внутренней потребностью человека. И правила поведения, и правовые нормы при этом сливаются с жизненными принципами человека, становятся частью его мировоззрения.

Правовое сознание имеет исторический характер, поскольку исторически-конкретным является и само право. Многие исторические вехи и моменты жизни людей могут изменять правовое сознание, но в нем сохраняется устойчивая постоянная составляющая, которая связана с идеями общества и масс в целом и основана на конкретных правовых отношениях. Правовое сознание поддерживает эти идеи, устанавливающие отношения между классами, социальными группами, личностью, государством и массами как объектом и субъектом исторического процесса. Именно правовое сознание позволяет «улавливать дух своей эпохи».

Правовое сознание выступает своеобразным фильтром, через который пропускаются все факторы, связанные с сознанием «массовым», «общественным», «групповым», «индивидуальным». Вместе с тем, правовое сознание позволяет объективно отражать не только существующее право и его догмы, в том числе и в массовом сознании, оно еще может

критически оценивать существующую и действующую юридическую систему, может выдвигать свой нравственный и правовой идеал как символ справедливости.

А.В. Чертишев: Вынесенные на заседание нашего «круглого стола» проблемы осмысления механизмов функционирования масс в социально значимых процессах, особенностей массового сознания и поведения действительно являются одними из наиболее важных и востребованных сегодняшней реальностью задач.

Вместе с тем, считать массы первоосновой социального, матрицей возможностей истории будет все же преувеличением и мифологизацией их роли в истории человеческой цивилизации.

По моему мнению, термин «масса» следует понимать как соединение в рамках общности численно значимого множества индивидов, ведущее к умножению социальных и межличностных связей между ними, уравниванию условий их деятельности и взаимозаменяемости в таких общностях. При этом не следует отождествлять понятия «масса» и «толпа»: обладая отдельными признаками массовизации, последняя отличается сравнительно меньшей численностью, степенью управляемости, практически коллективно-бессознательным поведением и др.

Понимая под массовым сознанием (не тождественным общественному!) сферу общественного сознания больших социальных групп, отражающую реальные отношения в обществе в соответствии с условиями их повседневной жизни, потребностями, интересами, и выражающуюся в мнении, настроении и поведении масс, считаю возможным выделить следующие его характерные особенности: конкретно-исторический характер при наличии трех модусов исторического времени (прошлого, настоящего и будущего); динамичность, изменчивость (но при этом – и определенный консерватизм); быстрая реакция на возникающие в обществе конфликты и противоречия; межгрупповой характер носителей; переплетение в идее конгломерата всех духовных образований; наличие устойчивых стереотипов; преобладание эмоционального элемента над аналитическим; упрощение

причинно-следственных связей в трактовке событий и явлений; наличие определенного уровня напряженности; при этом способами регуляции массового сознания являются средства массовой коммуникации и механизмы общественного мнения, оно специфично для каждой общности, страны, этапа развития...

Особо выделю проблему воздействия на массовое сознание. На мой взгляд, термины «формирование», «управление», «коррекция» далеко не в полной мере раскрывают существо данных процессов, отражают преимущественно моменты «внешнего» воздействия на уже существующее сознание, некой «воспитательной дрессировки»... Более приемлемым видится термин «продуцирование» как сложный процесс критического осмысления людьми социальной действительности на основе уже имеющегося социального опыта (как отмечал еще В. Шекспир в трагедии «Король Лир», каждый сам создает свой ад).

Таким образом, вопрос о поведении масс на основе массового сознания, о побудительных мотивах такого поведения – один из трудноразрешимых. Здесь легко сбиться либо на оценку сознания и поведения как результата чьих-то направляющих действий, либо на представление о сплошной слепой стихии.

И сложность решения этой проблемы возрастет многократно, если мы поставим поведение масс не только от массового сознания, но и от массового подсознания...

О.Г. Буховец: «Мы ленивы и нелюбопытны»: общеизвестно, что данное изречение А.С. Пушкина употребляется очень и очень часто. Но «мы» – это кто: все человечество, жители той или иной страны, представители какой-то определенной профессии или же самокритичные участники данного «круглого стола»? Так, что просто «мы» – это слишком абстрактно. Желательно всякий раз уточнять, кто конкретно имеется в виду, вот тогда можно будет надеяться на пробуждение именно «нашего» желания преодолеть лень и проявить любопытство. В случае с нашим «круглым столом», «мы» – это представители социально-гуманитарных наук –

историки, философы, политологи, социологи, экономисты, психологи...

Всем нам хорошо известно, что крупнейшая геополитическая катастрофа второй половины XX в. – развал СССР и распад соцлагеря – породила целый комплекс в полном смысле слова «проклятых вопросов». И ответы на них приходится давать не только новым государствам-наследникам Советского Союза, но и, разумеется, социально-гуманитарным наукам. Как с этим справляются, точнее по большей части не справляются постсоветские государства – вопрос отдельный.

А дает ли надлежащие ответы на эти вопросы наша наука? Прежде чем ответить, сделаю несколько замечаний по существу поставленной проблемы. Первое. В конце 1980-х – самом начале 1990-х гг., в условиях «Перестройки» и «гласности», советские социально-гуманитарные науки, до того долгие десятилетия пребывавшие под суровым партийно-идеологическим контролем, обретают интеллектуальную свободу. Естественное в таком случае для науки стремление к освоению наработок зарубежных коллег быстро перерастает в 1990-е гг. в простой «научный импорт»: модели понимания и интерпретации, разработанные западными учеными в основном на материале стран «третьего мира», воспринимались большинством нашего научного сообщества как вполне пригодные и для изучения процессов и явлений в постсоветском пространстве.

Голоса же скептиков, оспаривавших приписываемый этим моделям универсализм и предупреждавших об эпистемологических рисках простой экстраполяции их на бывший «второй мир», который в действительности цивилизационно-исторически во многих отношениях весьма отличается от «третьего» – тонули в хоре «не сомневающихся». Приходится, таким образом, констатировать, что ввиду вышеотмеченной специфики вхождения позднесоветского/постсоветского обществоведения в мировой научный контекст, именитые зарубежные ученые из часто цитируемых коллег очень быстро превратились для нас фактически в нормативно-методологическое референтное сообщество.

Второе. В ряде моих публикаций по историко-цивилизационным, национально-этническим и миграционным процессам я, что называется, показал «на пальцах», чем это в итоге оборачивается для нашей науки. Особенно в тех случаях, когда зарубежные коллеги, предлагающие свои модели познания в качестве общеупотребительных, довольно туманно при этом, как это явствует из их текстов, представляют себе качественное своеобразие тех российских/советских/постсоветских явлений, адекватное описание и интерпретация которых и будет, как предполагается, обеспечена при помощи таких моделей. Но в том-то и дело, что последние, по указанной причине, малочувствительны именно к особенному и индивидуально-неповторимому в отображающем анализируемые явления эмпирическом материале. Что и предопределяет использование такого по методу, как говорится, «прокрустова ложа». Таким образом, для связки под названием «опорные теоретические модели – эмпирические данные» – фактически перестает действовать сам режим «двустороннего движения». Мне кажется куда как очевидным, что это неминуемо ведет к схематизации и выхолащиванию предметного научного знания.

Третье. Конкретных примеров в подтверждение высказанных положений у меня немало, но, учитывая формат «круглого стола», ограничусь следующим. Поскольку тема нашей дискуссии – «массы и массовое сознание», считаю целесообразным остановиться на миграционных процессах в постсоветском пространстве. Ведь миграции – весьма массовидное явление, характеризующее как поведение, так и сознание очень больших групп населения.

В момент распада СССР и в первые годы существования возникших на его основе пятнадцати независимых государств наблюдался подлинный «девятый вал» экстраординарной миграции населения из одних бывших союзных республик в другие. В нее в общей сложности были втянуты многие миллионы человек – и в моих публикациях конца 1990-х гг. я для обозначения этого массового явления предложил термин «Постсоветское великое переселение народов».

На мой взгляд, сентенция: «Мы ленивы и нелюбопытны» – отнюдь не гипербола, когда речь идет об исследовании миграционных процессов в постсоветском мире. Многолетний опыт изучения их дает достаточные основания для выдвижения ряда претензий к сложившимся уже подходам. Во-первых, как это ни удивительно, но нередки случаи, когда имеющаяся (то есть уже опубликованная) миграционная статистика – просто-напросто игнорируется. Во-вторых, анализируется и интерпретируется последнее, как правило, в узкодисциплинарном ключе. В-третьих, при изучении миграционных процессов пока очень редко практикуется наддисциплинарный подход, без использования которого адекватное научное познание столь «турбулентной» эпохи вообще вряд ли возможно.

Обратимся к некоторым примерам. Вот, в частности, самый свежий. В связи с относительно недавним началом деятельности Евразийского экономического союза, ученые и политики в качестве одного из слабых его мест часто называют то, что совокупное население «пятерки» входящих в него стран «неотягивает» до 200 млн жителей – той условной цифры, которая, как полагают экономисты, необходима для успешного функционирования интеграционных организаций.

Но оказывается, что они при этом как бы «не видят» находящуюся на территории стран «пятерки» многомиллионную армию легальных, полуполигальных и нелегальных мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья. Численность таковых только в России составляет, по оценкам специалистов, примерно 15 млн чел. Причем, с началом войны на Украине, число это значительно увеличилось, прежде всего в России и Беларуси, за счет украинских беженцев и переселенцев. Так вот, должны ли эти миллионы мигрантов учитываться при определении емкости внутреннего рынка ЕАЭС? Я считаю, что, безусловно, должны: ведь, несмотря на все проблемы административно-юридического и социокультурного статуса этих людей, они участвуют в экономической жизни стран ЕАЭС в качестве производителей и потребителей, то есть обеспечивают в этом

качестве главное – существенное расширение экономического поля интеграции.

Далее остановлюсь вкратце на примерах того, насколько увеличивается выход эвристически ценной информации при переходе от узкодисциплинарного автоматизма к наддисциплинарному анализу миграционных потоков. Так, анализируя статистику миграционных обменов Беларуси с другими бывшими союзными республиками в 1990-е гг., я, в частности, установил, что русские и украинцы в постсоветский период переселялись в большом количестве на постоянное место жительства в Беларусь, невзирая на то, что они представляют собой нетитульные для этой независимой страны национальности.

Белорусская исследовательница А.О. Буева продолжила данную работу и довела анализ статистики до 2006 г. Она установила, что в период с 1992 по 2006 гг. на каждые 10 выбывших из Беларуси русских прибывало на постоянное место жительства 16 человек, а на каждые выбывшие 10 украинцев – прибывало 17. Как прокомментировала эти результаты Буева, трудно не сделать вывод о том, что русские и украинцы, решившие после распада СССР переселиться в Республику Беларусь, по-прежнему воспринимают ее в качестве составной части восточнославянского «суперэтноса».

В завершение еще один пример. Мое упомянутое выше исследование приоткрыло, образно говоря, завесу еще над одной статистической тайной. Оказалось, что в 1990-е гг. поляки, проживавшие в странах Балтии, предпочли будущим евросоюзным перспективам этих стран Республику Беларусь, для которой они так же не являются титульным этносом. В указанный период поляки составляли более 12% от общего числа переселившихся из Литвы в Беларусь и более 6% – из Латвии.

Аналогичные примеры можно было бы продолжить, однако формат «круглого стола» не позволяет это сделать.

Б.Х. Алимов: Массовое сознание объективным быть не может. По определению. Поэтому задача нашего семинара видится мне не столько как попытка, дезавуировать заблуждения масс, а скорее как стремление уяснить, каким

образом в представлениях людей уживаются мифы и рациональность и в каких пропорциях достигается состояние массового возбуждения.

Так получилось, что в этом году я довольно интенсивно общаюсь с коллегами из России. И, как мне кажется, наша сегодняшняя дискуссия в какой-то степени является продолжением разговора, проходившего в конце октября, тоже в формате «круглого стола» («Первая русская революция: взгляд из XXI века»). В.П. Булдаков, как мне помнится, говорил тогда по поводу того, что воображение не должно оказывать влияние на оценку исторических событий: «не должно, но оказывает». Я же позволю себе сместить акцент с «оказывает» на «не должно».

Действительно, для взыскующего идентичности современного политического человека история – это лишь предисловие (и мы вынуждены смириться с этим). Здесь в России, где продолжается длинная историческая традиция, культивируемая в имперской России и в СССР, это не слишком заметно. Если взять Н.М. Карамзина, академиков С.Ф. Платонова, Ю.А. Полякова или, к примеру, А.Н. Сахарова, то в их трудах будет: Русь (Киевская–Владимирская–Московская), Петр, Октябрь, Великая Отечественная война, «Оттепель» и Конституция 1993 г. (понятно, что для первых двух ученых последние четыре позиции не актуальны, но школьники, собирающиеся сдавать ЕГЭ, вполне могут воспользоваться – и активно пользуются – не только новейшими учебниками, но и «Историей государства Российского»). Поэтому россияне и 100 лет назад, и 50, и по сей день формируют самоидентичность в рамках единого семантического и семиотического поля.

В странах же, всерьез обретших государственность только после распада СССР (страны Балтии я бы тоже включил в их число), ситуация сложнее. Сложнее – потому что, хотя каждое поколение пишет свою историю, ныне живущие постсоветские граждане никак не могут поместить себя в координатах сегодняшнего мира. Проблема здесь на самом деле в том, что историческая ретроспектива, позволяющая объединить события в цепь причинно-следственных связей,

может работать только при наличии хронологии. А горизонт профессиональной исторической перспективы не дает нам сегодня заглянуть дальше реформы Косыгина–Либермана. Короткий (по историческим меркам) шаг постсоветской истории не позволяет оглянуться назад, чтобы понять, куда именно вывезла постсоветские страны кривая магистраль «Транзита».

Но и это еще полбеды. С.Ф. Платонов, как известно, даже в последние годы жизни и творчества, несмотря на свой опыт и профессионализм, а может как раз благодаря им, всячески уклонялся от актуальных оценок, а прогнозы делал только по принуждению НКВД. В результате дискурс русской истории плавно иссяк после Великих реформ, а истории советской, строго говоря, никогда не было. После неудачной попытки переключить по-марксистски концепт Ф.И. Миллера – С.М. Соловьева, предпринятой М.Н. Покровским, советская элита, с подачи И.В. Сталина, отмахнулась от нелепых и обременительных усилий по увязке начал и концов, предоставив своим присяжным летописцам самим решать, как выпутываться из очевидного несоответствия теории и практики. Получившийся в результате кровосмешения двух кратких курсов – «Истории ВКП (б)» и «Истории СССР» – гомункулус советской истории мог жить только в лабораторных условиях сталинской криосоциальности. Смертельным для него оказалось даже слабенькое дуновение «Оттепели», положившее конец стараниям логически соединить прошлое государства российского с марксистскими фантазиями о неизбежности коммунизма в одной – на весь земной шар – стране. Беловежская драма, в этом смысле, лишь подвела черту под бессмысленными – а напоследок совсем уж невнятными – камланиями о светлом социалистическом будущем.

Историки обрели возможность заняться своим делом. И, надо заметить, немало в этом преуспели: уже к концу «девяностых» в России в рамках длинной исторической традиции были вскрыты практически все болевые точки и, в общем, разрешены логические апории. Однако, по мере включения в поле исторических исследований Второй мировой

войны и десятилетия Н.С. Хрущева, горизонт исторических исследований вновь стал затуманиваться политической дымкой. Но на сегодня – это лучший результат, поскольку в российском политическом истеблишменте считается престижным равняться на державную поступь Рюриковичей, имперскую повадку Романовых и макиавеллистскую изощренность сталинского стиля, а массы, в лучших традициях руральных общностей, предоставляют элитам резвиться на политическом поле – при условии, что фундаментальные ценности не будут попраны, а базовые интересы будут соблюдаться.

В странах постсоветской демократии ситуация тяжелее, поскольку там ни элиты, ни массы никак не могут не только сообразить, чего они хотят, но и чего бы им такого захотеть. При этом историки, в общем, готовы удовлетворить любой социальный заказ. Но его пока нет. Я думаю, что еще лет двадцать не будет, потому что пока это геополитическое пространство будет оставаться постсоветским, создать оригинальную историческую хронологию не получится. Просто потому, что без учета советского опыта не может быть истории Таджикистана, Литвы или, скажем, Кыргызстана.

А этот опыт еще не может быть оценен объективно, он даже эмоционально еще не пережит.

Д.И. Люкшин: Локализация масс как условие существования массового сознания – одна из актуальнейших тем истории прошлого века.

Массовое сознание может существовать только в массе – и не является при этом суммой (или средним арифметическим) индивидуальных сознаний. Но кто же создает массы, откуда они вообще берутся? В XX в. (во всяком случае, в первой его половине) масса могла существовать только физически, то есть в одном месте надо было собрать большое количество людей. В этих условиях индивидуальное сознание подавляется, а масса становится управляемым, хотя и не стабильным социальным телом. Для этого, собственно говоря, и нужны были партийные съезды, всесоюзные пленумы и демонстрации трудящихся. Да и сейчас «смастырить» более или менее приличную массу, которая могла бы свергать

президентов или останавливать танки, без наполнения площадей толпами прямого действия, не получается.

Вот тот нехитрый рецепт, о котором говорил уважаемый Олег Анатольевич [Матвейчев]. В основе «цветных революций» (иногда их еще называют «революциями красивых девушек»), потому что основным движущим элементом должны выступать красивые девушки, раздающие солдатам цветы и профанирующие, таким образом, брутальность противостояния) лежит тот же принцип, разве что современные электронные СМИ и мультимедиа лучше позволяют подготовить почву для создания массы.

Но вот ведь какая штука: растворение в теле массы происходит все же добровольно. Со времен Г. Лебона констатируется особенное наслаждение, которое переживает человек, утрачивающий индивидуальную самоидентичность. Диссидентское движение – яркий пример того, что принудить личность слиться с толпой невозможно, впрочем, таких «массофригидных» субъектов всегда было немного. И хотя это дело скорее психоаналитиков и психотерапевтов (возможно, эндокринологов), но историки тоже должны учитывать стремление людей сбиваться в толпы. Причем не объединяться в группы или сообщества для рациональной организации своей жизни, а напротив – растворяться для иррационального времяпрепровождения. Я вовсе не отрицаю способности людей к коллективным рациональным действиям, но полагаю, что механизмы агрегирования индивидуальных ресурсов и генезиса массы решительно различаются. С тех пор как церковь перестала практиковать массовые экзальтации, демагогия становится отраслью политики.

Особенность отечественной культурной и политической традиции, состоящая в привычке к коллективному действию и слабом навыке индивидуального духовного творчества, облегчает для большинства населения процесс входа и выхода из тела массы. Поэтому на протяжении всего прошлого века наши сограждане легко объединялись в массы, добиваясь впечатляющих результатов. И так же безболезненно рассыпались по городам и весям, удивляя наблюдателей и самих себя величием мимолетных деяний.

При этом операциональная эффективность мобилизации дискурса массового сознания для изучения политической истории России не представляется очевидной, поскольку масса и социум представляют собой разнородные образования. И, как мне представляется, гражданская история в эвристическом плане более продуктивна, нежели социология, или политология, да хотя бы и психопатология масс.

В этом месте я снова соглашусь с Олегом Анатольевичем [Матвейчевым]: технологии, в общем, известны...

И.О. Князький: Уважаемые коллеги! Тема массового сознания – тема, конечно, увлекательнейшая. Современная эпоха, в которую мы живем, предлагает массовому сознанию невероятные ранее возможности обогащения разного рода знаниями, свободы высказывания, которая тоже беспредельна, как беспредельны Интернет с Фейсбуком. Но, с другой стороны, возможности воздействия на него таковы, что доктор Геббельс и мечтать-то не мог. Парадоксально современное состояние массового сознания.

Массовое сознание склонно меняться очень стремительно. Но вернемся на две тысячи лет. Сначала один и тот же народ кричит: «Осанна!», – а потом кричит: «Распни!». Надо сказать, что народные массы с тех пор ничуть не поумнели. Такие случаи возможны и в наши дни. В XX в. их было предостаточно.

В массовом сознании есть моменты его перманентного развития. Но есть моменты глубоко имманентные, которые существуют удивительно прочно и не подвергаются никаким внешним воздействиям. Здесь можно выделить, прежде всего, англосаксов (имея в виду не этнический момент, а именно цивилизационный) и Китай. Это две очень своеобразные цивилизации, между которыми мы находимся. Кстати, хочу напомнить, что Советский Союз погиб, соприкасаясь с обеими цивилизациями. Тогда была острейшая ситуация с обеих сторон. Сейчас у нас с одной из них – вроде бы как мир, а с другой – то ли холодная война, то ли, как сейчас говорят, гибридная война. Но нам обе цивилизации по-прежнему очень и очень интересны.

Англосаксы... У них есть глубочайшее убеждение, что весь остальной мир недоразвит – и их историческая задача состоит в том, чтобы помочь ему доразвиться до относительно нормального уровня. На чем это основано? Англия – родина демократии. Англосаксы никогда не связывали демократию с Древней Грецией или Древним Римом. Мировая демократия родилась в день, когда была подписана королем Джоном «Великая хартия вольностей». Вот это, по их мнению, истинное начало демократии. Они создали самую успешную в мире политическую систему. В разных формах: конституционная монархия, президентская республика... Чрезвычайно успешную – не без этого, скажем откровенно. Они создали самую мощную экономическую систему тоже. Это еще большой вопрос: догонит ли Китай Америку. Количественно – может быть, да. Но надо вспомнить, что в XIX в. Китай в количественном плане превосходил Англию. Чем это кончилось? Столкновением и поражением Китая. Мы это тоже прекрасно помним.

Количественно – не значит качественно. Нравится нам или не нравится, но американская экономика – самая инновационная экономика в мире. От 30 до 40% инноваций в мировой промышленности приходят из Америки. Из Китая – 0. Так что брать в этом смысле в расчет китайский фактор совершенно ни к чему.

Исходя из этого, англосаксы искренне убеждены (это не значит, что это нам понравится, и что мы с этим согласны), что они вправе всех поучать. Россия, с их точки зрения, совершенно в эту систему не укладывается. Она, с одной стороны, как бы похожа на английскую цивилизацию (все-таки европейская цивилизация, пусть и с восточным православием, но все равно одна цивилизация), а с другой – она никак не войдет в тот контакт, который был бы им желателен. Кроме того, строптивость, которая их временами начинает пугать. А для нас это наоборот – мы, таким образом, утверждаем свою независимость, что тоже нормально и естественно.

Кстати, верно и такое определение, появившееся после Второй мировой войны, согласно которому есть две нации в человеческой цивилизации, которые не привыкли капитулировать и которые никогда не капитулируют – это

русские и англосаксы. Обо что разбилась гитлеровская Германия... А за 100 с лишним лет до этого разбился Наполеон... Ни русские, ни англичане не желали капитулировать. Да, Англия была за морем, но если бы английский флот вел себя как французский флот в 1940 г., а английские летчики были бы так же «доблестны», как французские, то Англия бы сдалась только так. Отдадим должное английским морякам и летчикам, которые выиграли битву за Англию. Ну а о нас – мы все прекрасно знаем, как вел себя наш народ и благодаря чему Гитлер свернул себе шею. Именно поэтому этот «объединяющий» фактор отнюдь даже не объединяет обе эти цивилизации, а совсем даже наоборот. Каждой хочется одно: выстоять, показать, что она самостоятельна, а другую – подвести под общий знаменатель.

Китай – это явление очень сложное. Они считают себя пяти тысячелетней цивилизацией (хотя на деле там всего три тысячи лет). Ну, ладно, пусть будет пять тысяч. Важно следующее: у китайцев иной взгляд на ход истории, чем у европейцев, чем у нас. У нас взгляд линейный – от прошлого к настоящему и дальше к будущему. У китайцев же – циклический взгляд. История Китая меняется династиями. Нынешняя КПК для китайцев – это одна из династий, которые правят Китаем, получив «небесный мандат» на управление этой страной. Между этими династиями – то, что сами китайцы называют «эпохой хаоса сражающихся царств». С этой точки зрения, если взять XX в., то династия Цинь закончилась в 1911 г. Затем наступила «эпоха хаоса сражающихся царств», из которой Китай вывел Мао Цзэдун. Мао для Китая – это фигура почитаемая. Это не вариант Ленина, или Сталина, или даже их обоих вместе. Это человек, который действительно вывел Китай из этого хаоса – и создал новый Китай, новую династию.

Важно следующее: Китай ни на кого не смотрит не то что снизу вверх – за пять тысяч лет китайцы ни на кого не желают смотреть как на равных. Более чем наивно полагать, что кто-то может использовать Китай против кого-то. Китай может быть союзником только Китая. Ни с кем снизу вверх он разговаривать не будет. Вспомним историю советско-китайских отношений: пока был жив Сталин, пока КПК только пришла к

власти и еще не укрепились, Мао вынужден был признавать приоритет Москвы, но уже при Хрущеве они совершенно не желали его признавать. А когда произошел разрыв... Удивительно, что это сделал один из наиболее умных наших политиков – А.Н. Косыгин. Ему очень наивно показалось, что противоречия между СССР и Китаем – это все: «Хрущев виноват». Вот он испортил наши добрые отношения. Тогда наша делегация во главе с Косыгиным отбыла в Пекин. Там был прием на высшем уровне и беседа Мао с Косыгиным. Делегации при этом присутствовали, что как раз печально. Мао начал рассказывать о том, как Китай героически борется с американским империализмом. А Косыгин возьми да и скажи тогда: «А мы этой борьбы не видим». Ну, во-первых, эту фразу не стоило переводить. Во-вторых, такого Китай уже простить не мог. У нас не поняли одного: дело здесь не в личностях, а дело в том, что Китай никогда никому не позволит себя учить. Никогда и никому. Он может эти свои чувства скрывать под улыбками (знаете, восточные люди замечательно умеют это скрывать), он может изображать «союзника», говорить о «дружбе» и «стратегическом партнерстве» и т.д. Китай был всегда себе на уме.

Вывод можно сделать такой, что массовое сознание меняется очень сильно. В нашей истории мы знаем такие примеры. Пожалуй, наиболее мощный пример – это начало XX в., когда все массовое сознание русского народа было замешано, скажем так, на трех китах: «Вера, Царь и Отечество». Выпал центральный элемент – «Царь» – не стало ни Веры, ни Отечества. Отсюда лютая ненависть 1920-х гг. Отсюда в 1917 г. массовое бегство с фронта. Нет этого – значит, нет этого. Появляются новые ценности, но они, как мы знаем, тоже рухнули – не будем вдаваться в подробности.

А есть такое массовое сознание, которое носит имманентный характер. Поэтому, когда мы встречаемся и с англосаксами и с китайцами, то надо понимать, с кем мы имеем дело.

В.П. Булдаков: Я хочу напомнить реальную психоаналитическую байку, которая, кстати сказать, была

описана в «Красной Смуте». Она касается личности И.В. Сталина.

У нас гадают: «модернизатор» он или, напротив, «человек застоя»? А может и то, и другое. Но я хотел сказать о другом. Про Сталина в последнее время написано очень много – практически всех авторов я знаю, и все друг с другом не соглашаются. У нас в Институте, например, есть два человека. Когда в Ученый совет поступает звонок с телевидения или с радио, и спрашивают специалиста, то в ответ следует: «Вам кого, сталиниста или антисталиниста?» Это кроме шуток. Я ухитрюсь со всеми поддерживать хорошие отношения: они стоят друг друга. Допустим, у отечественного историка О.В. Хлевнюка Сталин изначально злодей и только злодей. У нас его так легче понять. У американца Ст. Коткина Сталин – рационалист, который все делал продуманно – примерно так, как сегодня рассказывали. И вот эти авторы друг друга упорно не цитируют.

Но есть и другой, более интересный, на мой взгляд, автор – Ф. Помпер, который написал книгу «Интеллигенция и власть: Ленин, Троцкий, Сталин». С чисто психоаналитических позиций он разобрал психическое наполнение этих трех фигур. Например, смог объяснить происхождение самого знаменитого псевдонима «Ленин», ставшего знаковым. У нас гадают: откуда он взялся? Кто-то говорит, что «украл». С психоаналитических позиций Помпер легко это объяснил. Он пересмотрел все ленинские псевдонимы и нашел среди них, между прочим, «Ленивцева». После этого стоило обратиться к детству будущего «вождя». Оказалось, что Ленин – это поздний ребенок, отмеченный чертами малоподвижности, неуклюжести. Вся история его взросления – это процесс яростной гиперкомпенсации, в результате которой «ленивец» превратился в сверхактивное существо. И со временем, ощутив свою силу и посмеиваясь над прошлым, он и обратился к псевдониму «Ленивцев», который потом заменил на более благозвучный – «Ленин». Это выглядит очень убедительно, хотя и остается эмпирически недоказуемым.

К чему я об этом вспоминаю? В чем польза психоанализа? В том, что никто никогда иным способом

происхождение этого псевдонима (и еще очень многого «загадочного») не сможет объяснить. Ленин даже Надежде Константиновне [Крупской] не говорил, откуда взялся этот псевдоним. Обычно он отвечал ей: «Много будешь знать, скоро состаришься». Вот такая шутка. Человек посмеялся сам над собой, над тем, что и как из него получилось, с какой неожиданной стороны он вошел в историю – и только психоаналитик может всего это распознать.

Второе, что я хотел бы сказать, – это реплика по поводу Олега Анатольевича [Матвейчева], насчет «управляемого хаоса».

Понимаете, вот он считает, что американцы взяли да и замутили на Ближнем Востоке всю эту нынешнюю бодягу. Но все гораздо проще, намного проще. Исламский фундаментализм не мог не пробудиться, потому что Запад достал его своим вызовом, своими нетрадиционными ориентациями – в общем, всеми своими культурными мутациями. И это вовсе не случайно: всякая культура защищается от «мягкой» агрессии извне. Между прочим, было время, когда в исламе доминировал, условно говоря, джадидизм – форма цивилизационно догоняющего развития. Теперь наоборот. И неслучайно наши девушки (даже этнические русские) бегут туда. Дело вовсе не в соответствующем зомбировании слабых душ, о чем нам не устают твердить с телеэкрана. Наше телевидение просто выводит их из себя. Им психологически некуда деться! Это, к сожалению, всеобщий процесс. И, если кто-то этим «управляет», то он ведет самоубийственную игру.

Сегодня, как сто и более лет назад, мы говорим *только* об общественном *сознании*. Мне кажется, что нужно думать об общественном *подсознании*, о «загадочной» силе традиционализма.

Сегодня уже вспоминали о Китае, его четырех или пяти тысячелетиях (они сами не могут сосчитать) истории. Это действительно так. В данном случае они не сознанием руководствуются. Я с китайцами общался не раз. Обычно это нелегко, несмотря на их внешнюю «открытость» и «простодушную незатейливость». Создается впечатление, что

они бессознательно руководствуются каким-то глубинным инстинктом. Возможно, им нелегко самим вести научное общение с европейцами. Поэтому они где-то прикидываются, вытягивая таким способом из тебя что-то нужное для них.

Поэтому и стоит в эпоху глобализации особенно основательно заниматься общественным подсознанием, учитывая, что оно периодически «выпрыгивает» на поверхность – к недоумению и страху современников. А мы все еще тешим себя иллюзией, что чем-то «управляем». Такие иллюзии обходятся очень дорого.

На эту тему можно говорить бесконечно, но я не могу пересказать ни «Красную Смуту...», ни «Хаос и этнос...», ни «Утопию, агрессию, власть...», ни последнюю книгу о Первой мировой войне, написанной вместе с женой («Война, породившая революцию...»). Напомню только, что Первая мировая война возникла не только из-за экономического или геополитического конфликта империалистических держав. Эндогенные силы внутренней деструкции накапливались на европейском континенте на протяжении нескольких десятков лет. Взорвалась Европа, взорвалась по-своемуотреагировавшая на мировой кризис Россия. Несомненно, у России были свои глубинные внутренние основания для революционного взрыва – это подсказывает опыт 1905 г. Так или иначе, срезонировали кризисные ритмы европейской и русской истории. В результате мы получили весь XX в. таким, каким никто не ожидал. Сказалась близорукость «прогрессистского» позитивистского мышления.

Тем более удивительно сталкиваться с еще более наивными «манипуляторскими» его рецидивами. Никогда не вредно думать не только о сознании, но и о подсознании. Нельзя забывать, что всякий образ мысли историчен, а потому он, без психоаналитической самоиронии, рискует остаться «запоздалым». Особенно в тех случаях, когда строит политтехнологические генерализации и футурологические прогнозы.

В.В. Бабашкин: То, что сказал сегодня О.А. Матвейчев, только укрепляет меня в давнем убеждении: политическая система, имитирующая парламентаризм

западного образца с его многопартийностью, системной оппозицией и т.п., России совершенно ни к чему.

Если в рамках избирательного законодательства возможны такие отвратительные манипуляции, то что-то не так с нашей избирательной системой. В странах Запада, кстати, такие вещи практикуются почти открыто и никакого особого отвращения у общественности не вызывают. Вложил деньги в свои выборы – получи мандат или государственную должность. Не получил, значит мало или как-то не так вложил. Все почестному, рынок. Как гласит известная аристотелева максима, покупающий власть за деньги привыкает и потом извлекать из нее прибыль. Однако на отечественной почве все это приобретает очень уж отталкивающие формы. Почему это до сих пор существует? Один из возможных ответов: по Конституции РФ 1993 г., как сейчас любят говорить, «в правовом поле». А ведь это та самая конституция, которая нам все эти годы запрещает иметь национальную идеологию. Но национальная идеология у нас уже появилась: «Крым – наш». И она имеет отчетливую тенденцию к развитию именно в том направлении, в каком такая идеология и должна развиваться: сплочение общества, воздействие на общественное сознание.

Отсюда вытекает совершенно крамольный вопрос: нужна ли нам такая конституция, и не пора ли ее поменять? Отметим, что внесение в текст ее всего лишь одного слова «подряд» после слов «два срока», весьма существенно изменило расклад сил в российской политике к огромному раздражению поборников либерально-демократических ценностей как внутри страны, так и за ее пределами. В результате современная российская «демократия» стала быстро эволюционировать в направлении существенно иной политической системы. Уверен, что это будет более органичная система власти для нашей страны, ее истории, нежели «семибанкирищина» конца 90-х и даже благодущный парламентаризм «тучных» нулевых. Помнится, на одном телевизионном политическом шоу в декабре 2013 г., посвященном 25-летию действующей Конституции РФ, один из участников напомнил замечательную шутку: армянскому радио задают вопрос, в чем сходство и в чем разница между русскими

и англичанами; оно отвечает, что те и другие живут по неписаной конституции, но разница в том, что у русских еще и писаная есть.

Спрашивается: зачем тогда принимали ее такую? Вразумительный ответ потребовал бы анализировать очень много причин и факторов в их диалектическом переплетении. Здесь хочу коснуться лишь одного аспекта этой проблемы, который имеет прямое отношение к теме разговора. Психологический портрет большинства соотечественников нельзя писать, не принимая в расчет так называемую страдную психологию. Поколениями и веками мы впитывали на генном уровне, что есть две страды: посевная и уборочная, и между ними еще не такая напряженная сенокосная, когда нужно отдавать все силы, чертоломить на пределе человеческих возможностей, иначе не выжить. Вся остальная повседневная жизнь, регламентированная соответствующими рутинными обязанностями, обычаями, праздниками и т.д. – суть восстановление сил и подготовка к новой страде. С этим ментальным свойством людей, населяющих сегодня российские регионы, тесно связана мифологичность сознания, проще говоря, вера в чудо. Причем это не американская мечта украсть миллион и жить где-нибудь на отшибе до конца дней припеваючи. Это скорее вера, что можно путем мощного мобилизационного рывка, этакой страды в масштабах страны, построить такое общество, где все будут жить по совести и по справедливости.

Сегодня коллеги много говорили о мобилизационном процессе, полемизировали о том, сколько лет кряду он длится в нашей истории. Но этот процесс имеет свою внутреннюю структуру, свои закономерности. По-моему, анализируя их, необходимо учитывать такие мощные исторические факторы, как энергия ожидания масс и энергия их же разочарования – неизменно связанная не столько с апатией, сколько с новым ожиданием. Схематично конкретизирую эту мысль несколькими историческими примерами.

В начале прошлого века огромное большинство населения нашей страны, которое составляли общинные крестьяне, разочарованное ходом и результатами аграрного

реформирования пореформенного сорокалетия, втянулось в мощный мобилизационный процесс. Его суть составляла крестьянская попытка радикально решить аграрный вопрос собственными силами. По решениям сельских сходов люди самочинно распахивали земли, юридически им не принадлежавшие. Это был решительный выход за рамки «правового поля». И этот мобилизационный рывок потребовал приблизительно 20 лет: 1902–1922 гг. В декабре 1922 г. Советская власть легализовала результаты самозахвата сельскими обществами сельскохозяйственных земель, приняв Земельный кодекс РСФСР. И наступила – здесь я вполне согласен с В.П. Булдаковым – своего рода «расслабуха».

С одной стороны, страдная психология властно диктовала: совершенно необходимо хорошенько отдохнуть после жуткого напряжения сил в борьбе со всевозможными внешними по отношению к деревне властями – царской, «демократической», Советской. А то вдруг новая страда? (Отметим, что так оно и получилось в 1930–1940-е гг.). С другой стороны, начало 20-х гг. содержало много такого, что не могло не подпитывать крестьянскую веру в чудо. Землю дали, помещиков и попов прогнали, налоговые отношения с новой властью вроде выстраиваются по уму, кулака-миroeда налогом давят, грамоте обучают... Так может и правда наступает то общество справедливости, которое веками существовало в крестьянских ожиданиях, мифологии, фольклоре? Отсюда, наверное, огромное количество предложений и проектов в письмах во власть, в «Крестьянскую газету», как нам обустроить Россию.

Но, как говорится, «хотели, как лучше – а получилось, как всегда». Этот гениальный афоризм В.С. Черномырдина запечатлел цикличность российского исторического процесса, по-видимому, как-то генетически связанную с цикличностью сельскохозяйственного года. Новая страда действительно пришла, это был беспрецедентный мобилизационный рывок индустриализации и коллективизации. И хотя сейчас многие у нас и особенно на Западе пишут в этой связи о трагедии советской деревни, о геноциде сталинского политбюро против собственного народа, есть основания полагать, что деревенские

люди были ко всему этому внутренне готовы и сумели приспособиться, встроиться в новые исторические обстоятельства. А потом «расслабуха» хрущевского аграрного реформирования – и тоже вполне в духе крестьянских ожиданий.

Я не знаю, как в эту логику вписываются косыгинские реформы и брежневский застой, специально этим не занимался. Возможно, тут как-то повлияло «раскрестьянивание», миграционный поток из села в город, появление слишком большого количества элементов цивилизации потребления там, где буквально только что была классическая цивилизация выживания. Но, возвращаясь к вопросу о том, зачем в 1993 г. приняли *такую* конституцию, выскажу следующее соображение. К декабрю 1993 г. мы уже выживали в прямом смысле этого слова. И на уровне общественного сознания весьма скоро вернулась вера в чудо. М.С. Горбачев с его «Перестройкой» окончательно дискредитировал в этом качестве догматы научного коммунизма, и общественное сознание было открыто и подготовлено для пропаганды антикоммунизма. Кстати, одним из старших козырей в этой пропаганде было безумное утверждение о том, что колхозники, составляющие 35% населения СССР, обеспечивают лишь пустые прилавки продовольственных магазинов, в то время как американские фермеры (3–4% населения страны) кормят «от пуза» все США и половину остального мира. На уровне общественного мнения возникла простая мысль: нужно сделать все – и экономику, и парламентаризм – по образу и подобию заокеанских «друзей и партнеров» и обязательно закрепить все это конституционно.

Сегодня, когда все это с треском провалилось, похоже, новый мобилизационный рывок /страда неизбежен.

П.П. Марченя: Хорошо, что сегодня состоялось выступление Олега Анатольевича [Матвейчева]. Если бы его не было, то его надо было придумать. Потому что вот этот вот его тезис о якобы всесиили политтехнологий над массами сплотил всех остальных участников «стола» – и сделал его более осмысленным.

Если Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю», то политтехнологи говорят: «Дайте нам пять миллиардов, и мы перевернем историю». Хорошо, что у Архимеда не было точки опоры, – и плохо, что вот у некоторых есть эти миллиарды.

А если серьезно, то хотелось бы закончить тем, с чего, собственно говоря, начинали: именно в действительном понимании масс и массового сознания и в восстановлении единой идеологической и психологической связи власти с массами, в общем-то, и есть залог преодоления того кризиса, в котором мы сейчас все находимся.

Поэтому эта тема сверхприоритетная, сверхактуальная.

Спасибо всем кто участвовал, спасибо этому вузу, спасибо проректору С.Ю. Разину.

С.Ю. Разин: Спасибо нашим гостям за участие в дискуссии и спасибо всем, кто принимал участие в организации этого мероприятия.

На этом наш «круглый стол» объявляется закрытым.

Библиография

¹ Массовое сознание как фактор развития российского общества. М.: Соционет, 2016. 73 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/ms.pdf>

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА»

Подготовили к публикации: **П.П. Марченя, С.Ю. Разин**

Авторский коллектив: **П.П. Марченя, С.Ю. Разин,
Б.Х. Алимов, В.В. Бабашкин, В.П. Булдаков,
О.Г. Буховец, И.И. Глебова, А.В. Гордон, В.А. Демин,
С.С. Ипполитов, А.В. Казаков, С.Г. Кара-Мурза,
А.И. Колганов, В.В. Кондрашин, Д.И. Люкшин,
Н.В. Макаров, С.М. Миронов, А.В. Репников,
Ф.А. Селезнев, Р.А. Циунчук, А.В. Чертищев,
В.М. Шевырин**

27 октября 2015 г. в рамках научного проекта «Народ и власть» в Москве в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации состоялся Международный круглый стол «Первая русская революция: взгляд из XXI века». Наряду с проектом «Народ и власть» организаторами «стола» выступили фракция партии «Справедливая Россия», Московский экономический институт (МЭИ), Институт мировой экономики и информатизации (ИМЭИ), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) и журнал «Новый исторический вестник».

Участникам была предложена следующая примерная проблематика дискуссий «круглого стола»:

- *«Первая русская революция»: понятие, смысл, пределы;*
- *Революция или Смута: кризисный ритм Империи России и терминологический арсенал исторической науки;*
- *Царь и революция в пространстве народной утопии;*
- *Традиция и Модерн в системном кризисе российского общества начала XX в.;*
- *Индустриализация страны в контексте российских смут и революций XX в.;*

- *Рождение Государственной Думы в зеркале массового сознания;*
- *Теория и практика российского парламентаризма в контексте системного кризиса России;*
- *Российская многопартийность: прорыв к гражданскому обществу или фактор Смуты;*
- *Либералы и либерализм в Русской смуте;*
- *Смута и ленинизм: «Генеральная репетиция Октября»;*
- *Элиты и массы в Первой русской революции: «Две России» в поисках одной Правды;*
- *Ното Russicus в условиях Смуты: антропологическое измерение системных кризисов отечественной истории;*
- *Уроки революции в контексте современной истории.*

В итоге, в дебатах «круглого стола» приняли участие 22 ученых, представляющих научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы 3 государств:

- *России* (Казань, Москва, Нижний Новгород, Пенза);
- *Беларуси* (Минск);
- *Таджикистана* (Худжанд).

В дискуссиях участвовали (*сведения об участниках приведены по состоянию на время проведения «круглого стола», участники перечислены в алфавитном порядке*):

1. кандидат исторических наук, доцент, заведующей кафедрой международных отношений Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики **Батуржон Хамитович Алимов** (Таджикистан, Худжанд);
2. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ **Владимир Валентинович Бабашкин** (Россия, Москва);
3. доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН **Владимир Прохорович Булдаков** (Россия, Москва);
4. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского

экономического государственного университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН **Олег Григорьевич Буховец** (Беларусь, Минск);

5. доктор политических наук, доцент, руководитель Центра россиеведения Института научной информации по общественным наукам РАН **Ирина Игоревна Глебова** (Россия, Москва);

6. доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института научной информации по общественным наукам РАН **Александр Владимирович Гордон** (Россия, Москва);

7. доктор исторических наук, доцент **Вадим Александрович Демин** (Россия, Москва);

8. кандидат исторических наук, директор Издательского центра РГГУ, издатель журнала «Новый исторический вестник» **Сергей Сергеевич Ипполитов** (Россия, Москва);

9. кандидат политических наук, депутат (председатель подкомитета по Интернету и развитию электронной демократии Комитета по информационной политике, информационным технологиям и связи; член фракции партии «Справедливая Россия») Государственной Думы Федерального Собрания РФ **Алексей Валерьевич Казаков** (Россия, Москва);

10. доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, член Союза писателей России **Сергей Георгиевич Кара-Мурза** (Россия, Москва);

11. доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией по изучению рыночной экономики экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова **Андрей Иванович Колганов** (Россия, Москва);

12. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета, депутат (член Комитета по науке, образованию и

культуре) Совета Федерации Федерального Собрания РФ **Виктор Викторович Кондрашин** (Россия, Пенза);

13. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры мировой политики и международных экономических отношений Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета **Дмитрий Иванович Люкшин** (Россия, Казань);

14. кандидат исторических наук, начальник отдела естественнонаучных методов исследований в гуманитарных науках Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) **Николай Владимирович Макаров** (Россия, Москва);

15. кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института РГГУ; автор/соавтор и редактор научного проекта «Народ и власть» **Павел Петрович Марченя** (Россия, Москва);

16. депутат (руководитель фракции партии «Справедливая Россия») Государственной Думы Федерального Собрания РФ **Сергей Михайлович Мионов** (Россия, Москва);

17. проректор по воспитательной работе и связям с общественностью МЭИ, автор/соавтор и координатор научного проекта «Народ и власть» **Сергей Юрьевич Разин** (Россия, Москва);

18. доктор исторических наук, доцент, заместитель начальника Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), профессор кафедры истории, философии и литературы Российского университета театрального искусства (ГИТИС) **Александр Витальевич Репников** (Россия, Москва);

19. доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского **Федор Александрович Селезнев** (Россия, Нижний Новгород);

20. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета **Рустем Аркадьевич Циунчук** (Россия, Казань);

21. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я Кикотя **Андрей Владимирович Чертишев** (Россия, Москва);

22. кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, заместитель главного редактора журнала «Россия и современный мир» **Виктор Михайлович Шевырин** (Россия, Москва).

Предлагаем вашему вниманию материалы дискуссии, состоявшейся в ходе круглого стола «Первая русская революция: взгляд из XXI века» (материалы были представлены в электронном издании¹, **в печатном издании публикуются впервые**).

А.В. Казаков: Добрый день, уважаемые коллеги! Спасибо большое, что все пришли для обсуждения.

Слово для приветствия и открытия нашего мероприятия предоставляется председателю партии «Справедливая Россия», руководителю фракции «СР» в Государственной Думе, человеку, который очень активно поддерживает российскую науку, С.М. Миронову.

С.М. Миронов: Уважаемые коллеги, прежде всего я рад всех приветствовать в стенах Государственной Думы от имени фракции «Справедливая Россия».

Я признателен А.В. Казакову и организаторам проекта «Народ и власть» за то, что они инициировали такой интересный «круглый стол» с не очень традиционной по нынешним временам тематикой. Я на самом деле считаю, что это вопрос, который заслуживает всестороннего обсуждения и пристального внимания.

Сразу хочу принести извинения, что поприветствую вас и, к сожалению, после вступительного слова буду вынужден уйти: график-план поменялся, пошли, как всегда в политике бывает, непредвиденные изменения. Поэтому заранее хочу пожелать успешной работы «круглому столу». Ведется стенограмма, которую я обязательно прочту, все ваши выступления, замечания и идеи я внимательно буду читать, потому что действительно тема мне представляется очень интересной.

События революции 1905–1907 гг. в России привлекают внимание политиков, обществоведов и историков вот уже более ста лет. Тем не менее, нам все еще предстоит осмыслить их в полной мере как глубочайший общенациональный кризис. Кризис, который затронул все сферы общественной жизни и имел несколько альтернативных вариантов развития. Не подлежит сомнению, что 1905 г. явился одним из наиболее драматичных моментов в процессе модернизации российского общества. Слишком высокая степень эксплуатации народных масс, бьющая в глаза несправедливость существующего в стране политического режима и близорукое, пренебрежительное отношение властей к элементарным правам людей поставили Россию на грань гражданской войны.

По словам С.Ю. Витте, в то время было уже, цитирую: «...невозможно вести политику явно несправедливого поощрения привилегированного меньшинства за счет большинства. Политики и правители, которые этого не понимают, готовят революцию, которая взрывается при первом случае, когда правители эти теряют свой престиж и силу». Именно по этому сценарию в конечном итоге и развивались события в России.

По сложившейся традиции принято считать, что революция 1905 г. закончилась поражением, однако она во многом изменила лицо Российской империи. Россия приобрела ряд существенных черт конституционно-парламентского строя, родилась система многопартийности. Один тот факт, что глава государства лишился права единоличного принятия законов, дает основание поставить революцию 1905 г. в один ряд с

«Великими реформами» 1860–1870-х гг. Трудно переоценить и влияние революции на изменение общественно-политического климата в стране, на рост социальной активности всех слоев населения.

Знаковые для нашей Родины исторические события требуют постоянного осмысления применительно к дню сегодняшнему. Без четкого понимания всего комплекса социальных, экономических и политических причин, которые привели к революции 1905 г., невозможно разобраться во всех последующих драматических коллизиях, изменивших ход развития России. Необходимо с помощью научных методов отделить историческую правду от всевозможных домыслов, мифологии и откровенных фальсификаций, которых накопилось слишком много, особенно за последние годы. Следует пресекать попытки расплодившихся мошенников от истории, провокаторов, а также агрессивных невежд, подменяющих исторические факты, пусть и горькие для нас, всевозможными выдумками и прямой клеветой на российский народ.

Наконец, очень важно понимать, что сегодня в мире идет информационная или, как ее еще называют, гибридная холодная война. И полем битвы в этой войне в том числе является историческая память. Нередко в средствах массовой информации и в Интернете можно прочитать, что Россия – «страна рабов», и в ней не было и не может быть никакой «нормальной» жизни. Нас призывают непрерывно каяться перед всеми «просвещенными» народами за наше прошлое. Молодому поколению пытаются внушить, что вся российская история – это сплошное насилие и реки крови. Противостоять этим потокам антироссийской и русофобской пропаганды можно и должно вооружившись рациональным научным знанием, убедительными аргументами, логикой, опирающейся на силу исторических фактов. Поэтому мы так ценим вашу работу – историков, политологов, социальных философов.

В заключение хочу сказать, что идеология нашей партии, партии «Справедливая Россия» – это идеология эволюционного развития общества. Мы не приемлем революционных потрясений, но требуем от власти соблюдения

политических и социальных прав людей, справедливого распределения народного богатства.

Надеюсь, что сегодняшняя дискуссия будет плодотворной. Желаю всем участникам успешной работы. Спасибо.

С.Ю. Разин: Добрый день, уважаемые коллеги! Я рад приветствовать вас на нашем «круглом столе», организаторами которого, наряду с фракцией партии «СР» в Государственной Думе, являются научный проект «Народ и власть», МЭИ, ИМЭИ и РГГУ.

Мы исходим из того, что Первая русская революция является важнейшей частью системного кризиса российского общества начала XX в. В свою очередь, современный период отечественной истории, начавшийся в конце прошлого столетия, также рассматривается многими исследователями как системный кризис нынешнего российского общества.

Необходимость осмысления периодически повторяющихся системных кризисов является одним из главных вызовов для правящего слоя и интеллектуального класса современной России. Сегодня, в ситуации ведущейся против России перманентной информационной войны, изучение российских смут и революций стало исключительно значимой проблемой цивилизационной идентичности и социокультурного самоопределения. Вне понимания природы и социокультурного механизма российских смут и революций невозможно дать ответ на вопрос о месте и роли России в мировой истории.

Без этого невозможно стратегическое планирование развития страны в XXI в.

П.П. Марченя: Уважаемые коллеги, я тоже рад приветствовать и всех тех, кто уже неоднократно был на наших мероприятиях, и тех, кто пришел к нам впервые.

Сначала еще несколько слов о том, как этот «стол» задумывался.

23 октября, несколько дней назад, у нашего проекта был день рождения. 6 лет назад – 23 октября 2009 г. – в Институте социологии РАН состоялся первый наш международный «круглый стол», который назывался «Народ и

власть в российской смуте». Ведущим его был присутствующий здесь В.П. Булдаков, главный «смутовед» нашей страны. И вот как раз тогда и была «нащупана» та тема, которая, собственно говоря, и дала название нашему проекту – «Народ и власть». Соответственно, мы исходим из того, что в истории нашей существует неслучайно сложившаяся система взаимоотношений власти и народа, и одна из тем, ключевых для понимания этой системы, – это как раз «Смута». Тогда еще В.П. Булдаков говорил, что смута – это скорее художественный образ, чем теоретический концепт. Но мы все-таки исходим из того, что у смуты иное смысловое содержание. Речь идет как раз о том, что народ и власть – как главные агенты нашей истории – периодически оказываются в состоянии «антирезонанса», когда они вынуждены вновь искать и заново обретать временно утраченную гармонию. Поскольку народ на кратком историческом промежутке изменить нельзя, то речь, конечно же, идет о смене власти. И всякая смута, так или иначе, – это тот период, когда народ опять ищет «свою» власть: то есть каждая смута начинается с «бегства от власти», которая уже не признается «своей», и заканчивается «бегством к власти», которая «своей» признается. В этом смысле смута – это такая болезнь Империи, которая периодически не может не возникать, потому что рано или поздно «старая» власть это единство с народом утрачивает, и тогда народ вынужден «свою» власть искать заново, и происходит это насильственно, – это и называется смутой.

И в таком смысле другое слово, которое для нас важно, в которое мы вкладываем тот смысл, что пока не является общепринятым в литературе, – это слово «Империя», лишенное негативных коннотаций. Мы исходим из того, что главное в слове «Империя» – это даже не «Империиум» как власть и не «Император» как олицетворение этой власти, а «Императив» как властное веление, связывающее человеческую историю с высшим миром, с идеалом должного. Всякая империя представляет собой такую систему взаимодействия власти и общества, которая основана на существовании и трансляции неких императивов, придающих смысл самому существованию как власти, так и общества в целом. То есть фактически

Империя – это единственно возможная, исторически тысячелетиями апробированная, форма жизни Императива в массах. Вот шесть лет назад мы с этой темы начали – и сегодня уже в Государственной Думе эту тему продолжаем.

Хочу также обратить внимание, что название «стола» носит заведомо провокационный характер, потому что «Первая русская революция» – это в общем-то словосочетание, которое сегодня уже вряд ли можно считать общенаучно принятым. Большинство историков давно восприняли идею, что сложно говорить применительно к этому периоду о «первой», «второй», «третьей» революциях, – речь идет о каком-то более масштабном и целостном глубинном процессе, который мы и называем «Смутой». Таким образом, это была и не «первая», и не «революция»...

Хотелось бы, чтобы сегодня мы попробовали откровенно ответить на те вопросы, которые вынесены в специальную проблематику «стола» и лежат сейчас перед вами. Спасибо.

В.П. Булдаков: Нам было предложено придерживаться обозначенной тематики. Не знаю, что получится, но мне эту самую тематику сразу хотелось бы сломать.

Первым был поставлен вопрос: «Первая русская революция: понятие, смысл, пределы». Ну, наверное, об этом было бы более уместно поговорить в конце нашей дискуссии. Что касается «революции» и «смуты», как в качестве понятий, так и метафор, то об этом можно рассуждать бесконечно. Мне кажется, что все-таки надо держаться поближе к конкретике, начав с известных всем еще по школьным учебникам событий – «Кровавое воскресенье» 9 января... Отсюда начинается целая цепь событий: здесь и терроризм, и забастовочное движение, и крестьянские восстания, и еврейские погромы, и солдатско-матросские бунты, и декабрьское вооруженное восстание, и даже партизанская борьба. В учебниках замалчивается, что тогдашняя Россия (прежде всего Россия крестьянская) фрагментизировалась – то есть целые регионы оказывались вне правительственного контроля... Кое-где возникали «крестьянские республики», мощные очаги партизанского

сопротивления. Ответом стал правительственный террор. Об этом в последнее время также не говорят.

В общем, события тех двух, двух с половиной лет – это прежде всего разгул спонтанного насилия. Это насилие нельзя сводить к партийному терроризму – эсеровскому, большевистскому, анархистскому. Оно было взаимосвязанным, системоразрушающим. Вот об этом, мне кажется, следовало бы прежде всего поговорить.

Был поставлен вопрос: «Царь и революция в пространстве народной утопии». Но ведь нельзя забывать о том, что волну гигантского насилия в значительной степени спровоцировала сама власть, и даже, пусть невольно, сам император январским расстрелом рабочих в столице Российской империи.

И здесь дело даже не в количестве жертв, которых, конечно, было много. Народной жертвенностью воспользовались террористы. Террор стал казаться нравственно оправданным, что, между прочим, в значительной степени предопределило ход исторических событий на много лет вперед. Народ разуверился в царе и возненавидел *его* власть. В патерналистской системе принято считать, что в тяжелую минуту можно обратиться к высшей (даже критикуемой) власти, выставить «справедливые» требования – и это будет услышано. Поэтому расстрельный ответ стал страшным потрясением для народа, точнее, пока лишь его части.

И, если мы говорим о царе и революции в пространстве народной утопии, то с 9 января 1905 г. последовали волны болезненных разочарований, неуклонно деформирующих образ власти. Это, конечно, не значит, что царь предстал законченным негодяем, кровавым деспотом и т.п., хотя эпитетов такого рода прозвучало немало. Начался своего рода волнообразный процесс, раскачивающий государственную лодку. Вот на это я хотел бы обратить внимание. Возможно, 9 января была пройдена та «точка невозврата», после которой утопия благостных отношений власти и народа сделалась невозможной.

Далее. Был поставлен вопрос о Традиции и Модерне в системном кризисе Российской Империи. Было сказано о том,

что Первая русская революция – это наиболее драматичный момент в истории модернизации России.

Я бы не стал говорить о «модернизации» – ни применительно к данному случаю, ни вообще. И дело не только в том, что этот термин у нас слишком заезжен. Он мало уместен в российском культурно-историческом пространстве. В России власть «модернизировала» и «модернизовалась» исключительно ради самосохранения. На мой взгляд, именно на это стоит обратить особое внимание. С другой стороны, как можно говорить о модернизации (а она может носить только системный характер), если к 1905 г. стало совершенно ясно, что народ и власть, российские элиты, пребывают в совершенно разных социокультурных измерениях, если угодно, живут в разных исторических эпохах. Народ, допустим, где-то в XVII в., если не в более раннем периоде. Он представлял (и представляет) традиционное общество. Что касается российских элит, то они упорно пытаются скорее «самомодернизироваться», нежели модернизировать народную массу. Между тем, поспешное западничество *противоположно* естественному модернизационному процессу. Оно лишь будоражит традиционализм, вызывая тем самым антимодернизационную реакцию. Иного и быть не может, поскольку общий язык у элит с массами отсутствует.

Конечно, процесс культурного раскола начался задолго до революции 1905 г. В связи с этим нельзя не отметить 1861 г. – как тот самый год, который, по ленинскому определению, и породил 1905-й. Это действительно так: до отмены крепостного права крестьяне и помещики были ближе друг к другу. Они были зависимы друг от друга, вынуждены были понимать друг друга. Поэтому при всех достоинствах (подчеркиваю, – достоинствах) крестьянской реформы, она была сделана непонятно для крестьян. Крестьяне, знаете ли, мыслили просто: мы – помещичьи, но земля наша, а если мы больше не помещичьи, то земля остается за нами – никакого выкупа, временнообязанного состояния и т.д. и т.п. В России народ вообще не понимает «временных» состояний. Власть по определению никак не может быть «временной», то есть какой-то половинчатой – это противоречит ее естеству. Элиты этого

не учитывали. И вот в таких обстоятельствах крестьянам так и не объяснили реформаторского смысла их освобождения. Они не поняли реформы. Ну и, конечно, в условиях последующего гигантского аграрного перенаселения (оскудения центра, миграций и т.п.) 1861 год не мог не породить 1905-го. А «стержнем» последнего (в этом сомневаться не приходится), была именно аграрная революция.

Казалось бы, в XXI в. аграрный вопрос, как таковой, вроде бы снят с повестки дня. Но нельзя забывать, что даже спустя 110 лет сохраняются его социокультурные последствия. К сожалению, элиты и основная масса российского населения по-прежнему пребывают в разных социокультурных измерениях. Элита продолжает жить на европейский манер и действовать в традициях Модерна. Что касается масс, то они воспринимают власть в более упрощенной, традиционалистской манере. По-прежнему считается, что власть может все, и, соответственно, ответственна за все. Народ принимает эту власть, худо-бедно выполняет ее указания, но он не считает себя ответственным за происходящее. Вот такая архаичная ситуация, характерная для традиционных аграрных обществ.

В связи с этим хочется особо подчеркнуть вот какую мысль. Конечно, глядя на революцию 110-летней давности из XXI века, видишь ее совсем не так, как представлялась она ее участникам. Соответственно, многие события и даже ключевые моменты революции просто выпадают из общей ее картины. «Современное» сознание попросту выталкивает их из памяти, как нечто малозначительное и даже «ненужное». И, конечно, может показаться, что 110 лет назад, в условиях «разгула» российской многопартийности, открывалась «столбовая дорога» России к «демократии» и «процветанию». Но все не так просто. Так не бывает в истории: в ней отнюдь не доминируют желаемые ныне бренды. И для того, чтобы уловить реальные закономерности революции, надо распознать, что можно было и чего не нужно было делать в те отдаленные времена. К сожалению, в экстремальных ситуациях люди руководствуются эмоциями, а не разумом. Во всяком случае, кажется

несомненным, что расстреливать демонстрацию к Зимнему дворцу не следовало.

Можно ли было этого избежать, я не знаю. Но, во всяком случае, совершенно ясно, что правящие круги, элиты не только проявили здесь отсутствие дальновзоркости, но и потеряли разум.

Хотел бы вот еще на что обратить внимание. Иногда говорят о том, что, не будь Русско-японской войны, было бы все хорошо. Я в этом серьезно сомневаюсь (не касаясь в данном случае вопроса о целесообразности движения России на Восток). Думаю, что тот системный кризис, о котором мы не раз говорили, уже давно назрел. С войной, или без войны, события все равно развернулись бы примерно тем же порядком, хотя с некоторыми вариациями.

И уж конечно не стоит думать (о чем у нас сегодня в очередной раз заговорили), что революция была «сделана на японские деньги» (известная история с полковником М. Акаши). Я хотел бы вновь подчеркнуть, что ни одна революция на деньги не делается. Думаю, весь опыт Коминтерна, все попытки сделать на советские деньги революции на Западе, на Востоке, где угодно... – недаром столь выразительно провалились.

С.Ю. Разин: Владимир Прохорович, вот такой вопрос у меня к вам. Столь же часто, как о японских деньгах, ведутся разговоры о том, что не повезло России в начале XX в. с правителем: Николай II слабый, такой-сякой... был бы другой правитель, был бы Иосиф Виссарионович, завернул бы гайки, и все было бы замечательно и т.д. Ваше отношение к этим разговорам?

В.П. Булдаков: Как к этому можно относиться? Действительно, Николай II был слабым правителем. Действительно, по своим личным качествам он совершенно не соответствовал сложности переживаемого момента. Что к этому можно добавить? Пусть будет слабый правитель, но он хотя бы должен уметь трезво оценивать возникшую ситуацию. Обладать инстинктом власти. А он состоит, между прочим, и в том, что в нужные моменты надо не только выходить на авансцену истории, но и незаметно уходить с нее. И если он не

соглашался на народное представительство, то следовало хотя бы создать нормальный, более эффективный аппарат управления империей. Но и на это он оказался не способен. Создалась ситуация, когда общественность выбивала у него какие-то уступки.

Парадоксально, но некоторые наши «исследователи» отождествляют уступки с реформами, а «эффективность» царствования Николая II измеряют количеством таких «реформ» (это все равно, что уровень демократии оценивать по количеству политических партий). Политические уступки – это не необходимые обществу реформы, это нечто противоположное. Бессистемные уступки, в отличие от реформ, лишь расшатывают систему. Будучи, как правило, половинчатыми, такие псевдореформы не приносят желаемого результата, а в результате еще более раздражают общественность.

Ситуация усугублялась тем, что при Николае II министры получили возможность коллективно протестовать против некоторых его решений. И Император этому ничего не мог противопоставить. Возникла тупиковая ситуация, управление империей в значительной степени было потеряно. И здесь вина Императора совершенно очевидна. Он фактически окружил себя камарильей вместо того, чтобы создать какой-то аппарат вроде Администрации Президента, прошу прощения. Этого не было сделано...

Ответственность Николая II за революцию была чрезвычайно велика, от этого никуда не денешься. Если система претендует на Самодержавие, Самодержец несет ответственность за все. А Николай II до последнего момента хотел оставаться Самодержавным Императором, но не мог.

О.Г. Буховец: Анализ хода и исхода революций, определение их роли и значения для той или иной страны и мира в целом – несравненно более сложны, нежели изучение периодов «вялотекущего» исторического развития. И это понятно.

Прежде всего, в первом случае намного ведь шире сам набор признаков, характеризующих ту или иную

революционную эпоху, причем некоторые из них *только для нее* и являются *атрибутивными*.

Во-вторых, именно применительно к революциям наблюдается *самая большая дистанция* между толкованием и оценками в науке и обществе исторических событий, явлений и процессов. В частности, идеологически нормативная в СССР апология антикапиталистических революций была совершенно неприемлема для западного политического и научного истеблишмента, который прогрессивную общественно-политическую роль признавал *лишь за революциями буржуазными*. При этом особое место отводилось Великой французской революции, как положившей начало новой эпохе в европейской и мировой истории.

Базовое для марксизма-ленинизма положение о революциях как «локомотивах истории» в полной мере, без каких-либо оговорок, относилось исключительно к Великой Октябрьской социалистической революции. После уничтожения в стране и в ВКП(б) оппозиции в 1930-е гг. «Великий Октябрь», в сталинской его версии, канонизируется и становится по существу таким эталоном революции как «локомотива истории».

Однако «ревальвация» Великого Октября лишь в известной мере «девальвировала» другие революции. В частности, ограничив всемирно-историческое значение Великой французской революции тем, что она «буржуазная» и даже переименовав ее в просто «Французскую буржуазную», советские идеологические инстанции и повиновавшаяся им официальная историография дальше все-таки не пошли. Напротив, в идеологической, учебной и научной литературе отдавалось должное ее великим деятелям, подчеркивалось, что, как и другие революционеры, большевики вдохновлялись борьбой якобинских вождей – М. Робеспьера, Ж.-П. Марата, Л.А. Сен-Жюста, имена которых носили улицы советских городов и в честь которых некоторые родители даже называли своих детей.

Безусловно положительно, несмотря на идейно-ограничительный термин «буржуазно-демократические», оценивались в СССР российские революции 1905–1907 гг. и

Февральская 1917 г. Ведь при всей критике (исключительно жесткой) деятельности в период обеих революций небольшевистских партий и организаций, и та и другая, тем не менее, рассматривались как революции – *предтечи Великого Октября*. И данная схема выдерживалась, с незначительными изменениями, более чем полвека.

Падение советской власти обернулось утратой революциями «закрепленного» за ними в советскую эпоху статуса «локомотивов истории». Маятник восприятия их обществом, социально-гуманитарными науками и образованием пошел в противоположном направлении. Безусловно преобладающим в отношении к революциям становится, если использовать язык юриспруденции, сугубо «обвинительный уклон». Политики, общественные деятели, ученые, публицисты, литераторы уже предложили и продолжают предлагать различные варианты «обвинительных заключений» в адрес революций, прежде всего – Октябрьской (причем количество таковых к 2017 г. явно возрастет, в связи с приближающимся 100-летием Октября). Апофеозом принципиального, совершенно недифференцированного обличительства революций можно считать солженицынскую максиму из «Архипелага ГУЛАГ»: «Я понял ложь всех революций».

В связи с вышесказанным, у меня как у исследователя имеется ряд «но».

Первое. Если перефразировать язвительное замечание Г.В. Плеханова в полемике с Н.К. Михайловским то, так сказать, «оценщики» революций как бы «вменяют» историческому процессу то, как он должен идти, чтобы заслужить их одобрение. Что ни говори, но как ни раздавай направо и налево оценки тем или иным революциям, они – *уже состоявшиеся* варианты исторического развития, причем оставившие после себя великое множество разноплановых документов и материалов.

Второе. А правильно ли заменять советскую нормативно-идеологическую апологетику революций постсоветским «изобличающим ревизионизмом»? Ведь, при всей их оценочной разнонаправленности, та и другая

парадигмы весьма близки *методологически*, ибо и для одной, и для другой характерна редукционистская доминанта. Последняя проявляется в том, что в обоих случаях при обращении к эмпирическому материалу по той или иной революции доминирует установка на то, чтобы не столько *видеть* и систематизировать конкретные данные, характеризующие их, сколько «узнавать», распознавать в *эмпирически данном теоретически ожидаемое*. И, следовательно, оставлять, в последнем случае, за пределами исследовательского внимания все то, что *не является теоретически ожидаемым*.

Третье. Вот почему эвристически самым плодотворным мыслится переход от «революции оценок» революций к многомерному, по-научному бесстрастному анализу с *открытым сознанием* всех отражающих их историю источников. В частности, как историк революции 1905–1907 гг., считаю эвристически очень перспективной научную обработку порожденного данной революцией гигантского комплекса источников по общественному сознанию различных социально-сословных и профессиональных групп населения Российской империи – петиций, приговоров сельских и волостных сходов, наказов депутатам I и II Государственных Дум, резолюций собраний и съездов, жалоб...

Четвертое. Как долго продлится у нас период идеологически мотивированного «обличительства» революций как варианта общественного развития? Думая над ответом на этот вопрос, я вдруг вспомнил как, находясь в 1999 г. в Париже, стал свидетелем празднования очередной годовщины Великой французской революции. Как известно, он отмечается 14 июля, в День взятия Бастилии. Так вот меня прежде всего несказанно удивило, что в названии этого «красного дня» французского календаря отсутствует упоминание как о самой Бастилии, так и о том, что это годовщина именно Великой французской революции. Он просто называется “La Fete Nationale” («Национальный праздник»)… Причем бросилось в глаза, что все праздничные мероприятия этого дня не несут какую-либо определенно выраженную идейную нагрузку, то есть он подается как *инклюзивный для всей нации*.

Отталкиваясь от данного примера, можно прогнозировать, что если в дальнейшем будет происходить постепенная деидеологизация восприятия российских революций, то со временем их годовщины и юбилеи будут проходить в более идейно-нейтральном ключе, нежели это наблюдается ныне.

А, в свою очередь, историография революций, избавляясь от избыточных идеологических коннотаций, будет направляться в сугубо аналитическое русло.

А.И. Колганов: Я – как экономист по профессии – буду смотреть на процессы Первой русской революции немного под другим углом зрения.

Безусловно, то обособление большей части российского общества, его элиты, которое имело место на протяжении и XIX в., и начала XX в., сыграло очень большую роль в революционных процессах – и в том, как эти процессы в конечном итоге завершились.

Но меня интересует несколько иной вопрос в данном случае: а почему такое обособление сложилось? Почему народ и власть жили в разных мирах? И почему эти миры столкнулись? Они ведь долго жили в этих разных мирах – и как-то, в общем, сосуществовали. А вот тут вот произошла сшибка... В чем причина? Почему выход из кризиса общества оказался открыт только через революцию?

Если мы вспомним известное ленинское определение «революционной ситуации», то оно нам рисует картину того, что в этой ситуации происходит, но не объясняет, почему эта ситуация возникла. И понятно, что ответить на этот вопрос без анализа политических и социальных процессов невозможно. Но и политический, и социальный анализ будут неполны без исследования социально-экономических предпосылок того, как эти самые социальные и политические отношения сложились.

Что можно сказать об экономической динамике, предшествующей Первой русской революции? Через примерно два десятилетия после «Крестьянской реформы» Россия демонстрирует заметный рост промышленности. Конец XIX в. ознаменовался очень высокими темпами железнодорожного строительства. Россия в этот момент становится одним из

крупнейших экспортеров зерна на мировом рынке. Ну и в том, что касается военной промышленности: Россия принимает участие в известной гонке строительства броненосцев. То есть предстает на мировой арене как довольно крупная, сильная держава – в том числе и экономически сильная.

Но на все эти *pro* были и свои *contra*. Темпы железнодорожного строительства, которые первоначально были весьма впечатляющими, постепенно затухают. Что касается роста производительности труда, то он не давал возможности в обозримой перспективе надеяться догнать крупнейшие европейские державы. Он был довольно высоким, и по темпам роста производительности труда мы многие европейские державы обгоняли, но крупнейшие из них и наиболее динамичные – Соединенные Штаты и Германия – имели более высокие темпы роста производительности труда и более высокие темпы промышленного роста, чем Россия. То есть догнать эти страны нам «не светило» даже в отдаленной перспективе.

Очень высока была импортозависимость российского производства. Мы зависели от ввоза машин и оборудования примерно на две трети (кстати, сейчас мы зависим еще больше, чем во времена Российской империи). И мы зависели не только по машинам и оборудованию. У нас была зависимость по химикатам, по сырью, причем по самому простому: кожевенное, хлопок, шелк... Хотя мы все это производили сами, но недостаточно. И наиболее качественное сырье приходилось ввозить.

Рост промышленности в значительной степени опирался на две такие подпорки, как казенное производство и иностранный капитал. В современных отраслях промышленности более половины активов контролировалось иностранцами. Была довольно велика финансовая зависимость Российской империи. Хотя иногда эту проблему чрезмерно раздувают, но зависимость таки была. Нельзя сказать, что это была полная кабала у иностранцев и т.д., но все-таки мы в финансовом отношении зависели от зарубежных стран.

Архаичная структура сельского хозяйства и однобокая, монокультурная специализация, ориентированная на экспорт

пшеницы на мировой рынок, препятствовали созданию надежной аграрной базы для промышленного роста, препятствовали модернизации сельского хозяйства. Вот таковы были экономические предпосылки. Естественно, они определяли и соответствующую социальную динамику.

Надо сказать, что Россия в этот период переживала довольно заметную ломку социальной структуры. Происходил дрейф населения из села в город. Этот процесс был очень далек от завершения. Значительная часть пролетариата, она от крестьянских корней отчасти оторвалась, хотя и не полностью, но в потомственный рабочий класс еще не превратилась. То есть, с социологической точки зрения, это были маргинальные слои.

Аналогично можно взглянуть на процесс постепенного разложения общинного крестьянства. Он зашел не так далеко, как об этом говорили большевистские теоретики. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» несколько преувеличил дифференциацию крестьянства, не совсем корректно используя статистические группировки. Но, тем не менее, процесс этот происходил. Происходила ломка крестьянской общины, выделение из нее других слоев, в первую очередь, небольшой группы, ориентированной на интенсивное товарное производство, и группы, пролетаризирующейся и люмпенизирующейся. Крестьянский мир постоянно начинал распадаться. Да и большинство общинных крестьян уже испытывали колебания по отношению к тому, как им быть со своей общиной: то ли за нее держаться, как за некую гарантию, то ли, наоборот, от нее освободиться.

Все эти предпосылки сдерживали совершенствование социально-экономической системы Российской империи, мешали ей. И проблема заключалась в том, в какой степени эти проблемы осознавались властью и обществом. И общество, и власть эти проблемы осознавали, но по-своему. Однако, если для общества эти проблемы стали к началу XX в. крайне болезненными, то власть эти проблемы воспринимала в большей мере не как таковые, а, скорее, в оболочке тех претензий, которые предъявляло власти общество, как некий болезненный раздражитель снизу. И, заняв по отношению к

этим раздражителям консервативно-охранительную позицию, власть это сделала в условиях, когда требовались как раз конкретные ответы, как на крайне серьезные вызовы эпохи. Ответ оказался неадекватен проблемам. Проблемы надо было решать, а власть занималась тем, что пыталась стабилизировать ситуацию по-своему.

И надо сказать, что, конечно, совершенно не правы те, кто видит в Русско-японской войне основной катализатор революции. Тут скорее наоборот. Ведь не секрет, что эту «маленькую победоносную войну» предпринимали как раз для того, чтобы сдерживать революционные настроения в обществе в том числе. Потому что брожение началось не в 1905 и не в 1904 гг., а рост аграрных беспорядков, как тогда выражались, отмечается уже с 1902 г. До того было более-менее спокойно, а вот тут крестьяне начали волноваться. До этого они, что называется, терпимо относились к тем условиям, в которые их поставила «Крестьянская реформа». А вот тут уже «приперло».

И точно так же мы видим активизацию рабочего движения в городах, потому что рабочий вопрос оказался не разрешен в том виде, в каком он мог удовлетворить рабочую массу. Отсюда все эти претензии к власти и отсюда это шествие знаменитое к Зимнему дворцу, на которое власть не пожелала реагировать каким бы то ни было иным образом, кроме как выставив войска. Хотя пытались достучаться до представителей власти и говорить, что так вообще-то не надо бы, что из этого может выйти большая гадость. Но власть решила действовать по шаблону, и получилось то, что получилось.

Надо сказать, что и Первая мировая, и Русско-японская войны явились индикаторами того, в какой степени власть не способна отвечать на вызовы времени, потому что, когда говорили, что вот империя сгнила и развалилась, то это неверно – она не сгнила. Надо сказать, что ее экономические основы, хотя и были недостаточно эффективными с точки зрения того времени, но тем не менее были достаточно прочными. И Русско-японскую войну, и Первую мировую экономика России, в общем, пережила без глубоких потрясений, но при этом имеющийся запас прочности власть не сумела использовать для

того, чтобы договориться с обществом, чтобы найти компромисс, чтобы найти решение тех проблем, которые назрели.

И именно отсюда протекал революционный вызов, отсюда протекало взаимное озлобление власти и общества, ожесточение, вылившиеся во взаимное насилие, и насилие Первой русской революции оказалось прологом к насилию, которое потом последовало в гражданской войне, потому что уже в первую революцию был испробованный террор с обеих сторон, причем террор неорганизованный. С одной стороны, это, скажем так, эсеровский анархистский террор, с другой – черносотенный террор, с третьей – начались различного рода чрезвычайные мероприятия власти, типа применения военно-полевых судов с ускоренной процедурой. Это мы потом видели в широких масштабах в другие эпохи, но начало было положено именно там: оттуда пошел вот этот импульс применения нелегитимного насилия в формально легитимной оболочке.

Все это, вот это вот нежелание договориться, нежелание найти ответ на вызов, нежелание найти компромисс интересов и привело к тому, что иного выхода, кроме силового, из этой ситуации не осталось.

Ф.А. Селезнев: Андрей Иванович, вы сказали, что власть не смогла договориться, не хотела договариваться.

А с кем было договариваться? И хотела ли та, другая сторона договариваться?

Ведь мы знаем, что несколько раз предложения делались и со стороны С.Ю. Витте, и со стороны П.А. Столыпина к тем же кадетам, к либералам, войти в правительство – те отказывались. То есть власть как раз готова была к компромиссу, а вот общество – нет.

Мне кажется, об этом говорит исторический опыт.

А.И. Колганов: Я бы не сказал, что власть была готова к компромиссу, хотя попытки нащупать компромисс со стороны власти предпринимались, правда, эти попытки начали предприниматься только тогда, когда ситуация очень сильно зашаталась, до этого их не было.

Но проблема, вы правы, обоюдная, потому что со стороны общества стремление к компромиссу тоже не вырабатывалось. Озлобление было действительно взаимным, и со стороны общества, снизу это озлобление тоже присутствовало. И стремление решать все проблемы революционным путем – это была такая идея фикс у участников революционного движения: не идти на компромиссы с властью, а решать вопросы наиболее радикальным образом. Это был вопрос взаимного недоверия.

Власть не хотела доверять тем решениям, которые идут снизу из общества. И хотя она могла пытаться нащупать компромисс, но в этих поисках компромисса очень часто ставились такие барьеры, на которые, в общем-то, сложно было согласиться.

А, с другой стороны, и общество не доверяло власти, не видело в ней, так сказать, договороспособную сторону, и делало ставку на то, чтобы эту власть вообще убрать и решать все проблемы самим.

Да, такая ситуация была. И именно возникновение такой ситуации как раз и приводит к революционным процессам, иначе бы мы видели реформы.

Д.И. Люкшин: Андрей Иванович, вы знаете, в своих исследованиях я сталкивался с такими цифрами и показателями, которые позволяли сделать вывод, что на самом деле российская экономика, российское хозяйство накануне Февральской революции 1917 г. и даже накануне Октябрьской революции 1917 г. вовсе не находились в глубочайшем кризисе.

Вместе с тем, в литературе принято по-прежнему считать, что они находились буквально на грани умирания.

Вы сейчас сказали, что российская экономика пережила войну без особых потрясений.

Не могли бы вы помочь мне разрешить мою апорию – так она все-таки умирала или не умирала?

А.И. Колганов: Если отвечать на этот вопрос достаточно честно, то российская экономика, в общем, справилась с Первой мировой войной. В общем.

Но в этой экономике были слабые места при этом.

Одно слабое место – производство современных вооружений. Вот здесь, несмотря на все усилия, и несмотря на определенные результаты, которые были достигнуты, которых я не отрицаю, все-таки сравняться и с союзниками, и с противниками нам не удалось.

И вторая проблема. Российская экономика все-таки попала в тяжелую ситуацию, но это был скорее кризис управления, причем затронувший не всю экономику, а только некоторые ее части. И в первую очередь это был кризис железнодорожных перевозок. Вот здесь действительно – нашла коса на камень, и, начиная где-то с 1916 г., железнодорожные перевозки начинают разлаживаться. И если военные перевозки еще худо-бедно удавалось обеспечивать, то вот со снабжением городов – именно из-за ослабления железнодорожных перевозок и ухудшения ситуации с ремонтом подвижного состава и локомотивов – дело обстояло плохо. И эта проблема послужила одним из спусковых крючков для Февраля – неспособность власти решить проблему нормальной организации железнодорожных перевозок, функционирования железнодорожной системы, снабжения городов. Потому что можно проследить буквально по статистике, как ухудшается городское снабжение. Нельзя говорить, что там вообще есть было нечего. Нет, до этого дело не дошло. Но с каждым днем становилось все хуже и хуже, перебоев все больше и больше. Если еще с хлебом было туда-сюда, то, скажем, снабжение городов молоком рухнуло полностью. И это даже уже не железных дорог касается, потому что молоком пригородные хозяйства снабжали города. Из Сибири же не везли молоко в Питер, понимаете. Но, тем не менее, и эта проблема оказалась вне поля зрения власти.

То есть этот кризис управления, связанный с продовольственным снабжением, оказался ахиллесовой пятой экономической системы Российской империи.

В.П. Булдаков: Андрей Иванович, у меня вот какой вопрос. То, о чем вы сказали, с этим спорить не приходится. Но как вообще оценивать состояние экономики? По статистическим показателям, которые поставляют определенные ведомства? Или как-то системно оценивать?

Вы верно сказали, что железнодорожное хозяйство к определенному времени рухнуло в полном смысле слова, это все действительно было так (хотя есть авторы, которые это отрицают). Не уместно ли говорить об одних валовых показателях, к которым мы привыкли в советское время? Не правильнее ли будет ставить вопрос о гибкости экономики? Была ли она достаточно гибкой, для того чтобы двигаться вперед, несмотря на социокультурные препятствия, могла ли она адекватно реагировать на какие-то очень серьезные испытания?

Вот в этом проблема, как мне кажется. Лично для меня вопроса нет. Допустим, уже в 1915 г., через 10 лет, в экстремальных условиях войны, стало совершенно ясно, что российская экономика, особенно финансы, с ситуацией не справляются. Кое-что удалось исправить в 1916 г., но этого было явно недостаточно.

А какова ситуация была к 1905 г., что об этом можно сказать? Можно ли говорить о том, что экономика, хозяйственное положение в целом действительно оказали решающее воздействие на ход событий 1905 г.?

А.И. Колганов: Я думаю, что как раз уровень функционирования экономики к 1905 г. прямого воздействия на революционные события не оказывал. Экономика в общем работала стабильно. Но в этой экономике происходили процессы, которые создавали определенные напряжения, и это в первую очередь напряжение не столько экономическое, сколько социальное.

Напряжение связано с положением тех лиц, тех социальных слоев, социально-профессиональных групп, которые в этой экономике заняты. Вот между ними начались значительные трения, значительные расхождения интересов, которые не учитывались в должной мере властью. Вот в этом смысле экономика «сработала» в 1905 г. Не в том смысле, что экономика работала плохо. Как раз по валовым показателям все было более или менее ничего. А вот с точки зрения экономических интересов, согласования экономических интересов тех групп, которые в экономике заняты, дело обстояло плохо. Эти интересы ущемлялись. И это можно

проследить, скажем, и через (отчасти и косвенно) статистику потребления – и крестьянства, и рабочего класса.

Если, скажем, анализировать рабочие бюджеты, то в принципе, с точки зрения снабжения продовольствием, рабочие не голодали, его было достаточно. А вот за жилье им приходилось платить довольно существенную долю своего бюджета, что лишало их возможности нести расходы на какие-то социально-культурные цели. И их это угнетало, их угнетал вот такой статус человека, который фактически только поел, поспал, одеться есть во что, и все. Пошел на работу, поел, выспался, снова пошел на работу, поел, выспался, вот все, вся жизнь. И это их угнетало, естественно. Тем более что для части рабочего класса, особенно для людей многосемейных, у которых только один кормилец в семье, ситуация со снабжением предметами первой необходимости была тяжелой. Они, что называется, перебивались с хлеба на квас, – и такие группы пролетариата были. Но даже квалифицированных рабочих, которые зарабатывали достаточно прилично, такая ситуация угнетала.

То же самое можно сказать и о крестьянстве, которое испытывало периодически нехватки продовольственные, и у которых денежные доходы были вообще мизерными, – и, соответственно, какие-то нужды за пределами снабжения продовольствием и предметами самой первой необходимости у них тоже не удовлетворялись. Понятно, что притом крестьянство к этому периоду уже довольно сильно было связано с городской жизнью через отходничество, у них пример другого образа жизни уже был перед глазами, – и, соответственно, их социальные претензии постепенно росли.

Вот в этом смысле, да, экономика, система экономических отношений, которая сложилась, создавала напряжение.

В.П. Булдаков: В дополнение к своему вопросу.

Если поставить вопрос вот так: а, может быть, решающее влияние имело не столько объективное состояние экономики, сколько субъективное общественное представление об этом? Почему не учитывать влияния на те или иные события общественного воображения? Если общество считает, что чего-

то никак не должно быть, то это многое значит. А если общественность убеждена, что нечто непременно должно быть, что тогда?

А.И. Колганов: Да. Надо сказать, что социально-психологическая составляющая революции – это вопрос один из наиболее интересных и наименее изученных, потому что все эти объективные процессы играют роль в общественной жизни не сами по себе, а через восприятие людей. И это восприятие надо обязательно изучать, чтобы понимать, почему человек действует так, а не иначе.

Это очень интересный вопрос. Я с вами совершенно согласен, просто у меня, как говорится, в кармане ответов готовых на это нет.

В.П. Булдаков: По этому поводу я могу только сказать, что всякая самодержавно-патерналистская система «избыточно» эмоциональна, она заведомо ожидает большего, чем может дать власть. И этот фактор, на мой взгляд, в 1905 г. сыграл колоссальную роль.

А то, о чем вы говорили, это совершенно справедливо, это действительно так.

А.И. Колганов: Я думаю, что этот фактор сыграл роль у нас и в конце 1980-х – начале 1990-х гг. тоже.

В.П. Булдаков: Безусловно. История, как говорится, рифмуется.

А.И. Колганов: У нас тоже в какой-то мере система была патерналистской, и такое же было отношение к ней.

В.П. Булдаков: Советская система была патерналистской в большей степени, нежели ей предшествовавшая. И это не могло не сказаться.

П.П. Марченя: У меня не вопрос, а реплика – и даже, скорее, не по поводу того, что говорил А.И. Колганов, а по поводу вопроса, который озвучил Ф.А. Селезнев.

Вот этот важный вопрос: «А с кем должна была договариваться власть?»... А разве в это самое «Кровавое воскресенье» (когда оно еще не стало кровавым) народ не вышел подтвердить уже существовавший – тогда еще неотмененный – договор между народом и властью?

Вышел с тоской по «своей» власти, с надеждой на то, что эта власть способна его слышать, что она будет разговаривать с народом на его языке... Эта вера была расстреляна, и эта тоска по своей власти сменилась жадной погуби такой – ненастоящей, «чужой» власти. Вот в этом, наверное, и заключается главный символ той смуты, о которой мы сегодня говорим.

А договариваться-то было с кем, вот только власть действительно – не договаривалась... Речь идет не о каких-то кулуарных договоренностях между царем и той или иной партией, Кабинетом министров или какой-нибудь другой элитарной группой. Речь – о древнем архетипическом договоре своей власти и своего народа. Вот этот договор – был расстрелян.

Д.И. Люкшин: Если мы посмотрим на сценарий традиционного крестьянского беспорядка, то он выглядит достаточно просто, поскольку на волостном уровне администрации имперской не было, на уездном уровне она была очень слабая. У крестьян был единственный способ привлечь внимание власти к себе – это устроить беспорядок, то есть что-нибудь сжечь, кому-нибудь морду набить. Тогда приезжали урядники, жандармы... – начинался, собственно, диалог. Диалог начинался, естественно, с порки, ну а потом уже как-то все это переходило более-менее в позитивное, нормальное русло.

Здесь, на мой взгляд, – если мы говорим о «Кровавом воскресении» и подчеркиваем роль Гапона, – здесь была попытка не со стороны власти, а со стороны, прежде всего, вот этой вот новой оппозиции сменить форму диалога – то есть навязать другую форму диалога. Власть откликнулась в традиционном деревенско-имперском стиле, она увидела, да, она услышала, она их заботливо постреляла... Ну слишком много, конечно, постреляли, но так уж получилось.

То, что люди, отвечавшие за контроль над этой демонстрацией, то же самое московское полицейское отделение, московские жандармы не озаботились тем, чтобы прекратить шествие на дальних подступах и не выпускать эту толпу к Зимнему дворцу, – это вопрос об их профессионализме

и о том, что любая революция – это прежде всего дворцовый переворот. То есть кто-то хотел, чтобы эти люди там оказались, кто-то хотел, чтобы царь так нехорошо поступил.

Но в данной ситуации как раз, на мой взгляд, смысловое значение революции – это не столько расстрел веры в царя, сколько очевидное свидетельство того, что народ и власть пытаются разговаривать на разных языках.

И заметьте, «гапоновское» шествие – это не совсем народ. Это представители так называемых «зубатовских профсоюзов», агентом которых являлся Гапон...

То есть одна ветвь власти не договорилась с другой, в результате подставили людей. По большому счету, так.

С.Ю. Разин: Дмитрий Иванович, а представители «зубатовских профсоюзов» не могут быть народом?

Д.И. Люкшин: Ну, если с этой позиции подходить, то как мы будем делить народ и власть? Она же у нас вся – народ. У нас и президент на выборах голосует – и ничего, он тоже народ.

А.И. Колганов: Единственное, что я здесь хочу сказать, что та толпа, которая шла к Зимнему дворцу, она совсем не сплошь состояла из представителей «зубатовских профсоюзов». Совсем не сплошь.

Д.И. Люкшин: А на это я позволю себе спросить: когда мамаша волочет своего шестимесячного ребенка на сомнительного рода манифестацию, она, интересно, о чем думает?

В.В. Кондрашин: О своем ребенке она думает! О чем же еще? Потому они и шли с хоругвями, с портретами царя...

С.С. Ипполитов. Андрей Иванович [Колганов], очень интересно было послушать о тех экономических предпосылках, о той ситуации, которые были накануне и в период Первой русской революции. У меня вопрос несколько иного плана: сама Первая русская революция оказала какое-то влияние на последующий экономической климат России?

Ведь не секрет, что в это неполное десятилетие до Первой мировой войны экономический бум в стране был. Были активные иностранные инвестиции в страну. Можно вспомнить об американских инвестициях, например, в перерабатывающую

отрасль Сибири, о китайских и японских инвестициях на Дальнем Востоке. И ведь неспроста 1913 г. всегда был эталонным для советских экономистов, которые сравнивали свои достижения именно с этим годом. Ведь к этому году Россия шла эту неполную десятилетку, достаточно активно развиваясь. И инвестиции российского бизнеса в экономику зарубежных стран также в этот период были весьма и весьма заметны.

У меня вопрос: что это было? Власть создала какой-то дополнительный комфортный климат для такого развития? Была ли это реакция власти на события Первой русской революции? Или здесь сработали какие-то иные причины?

А.И. Колганов: С моей точки зрения, в экономическом подъеме, который происходил в 1909–1913 гг., нет ничего экстраординарного. Это был обычный циклический подъем для российской экономики, такой же, какие наблюдались и до этого.

Я совсем не собираюсь отрицать тех успехов в промышленном развитии, которые тогда были достигнуты. И определенные меры предпринимались для стимулирования экономического развития – так же, как они принимались до того. Я не думаю, что Первая русская революция в этом отношении что-то серьезно изменила (пожалуй, за исключением того, что произошло некоторое расширение внутреннего рынка за счет повышения уровня заработной платы рабочих, что оказало определенный стимулирующий эффект на экономический рост, – но я и этот фактор не склонен сильно переоценивать).

В то же самое время каких-то существенных подвижек в той конструкции экономической системы, которая сложилась, ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве не произошло. И недаром 1914-й, последовавший за 1913-м, ознаменовался резким ростом стачечного движения. И в Питере впервые за его историю появились баррикады. В революцию 1905 г. в Питере баррикад не было, а в 1914 г. они появились.

И.И. Глебова: Я бы хотела говорить собственно о Первой революции, причем в самом общем смысле.

Очевидно, и даже наше сегодняшнее обсуждение не отменяет того факта, что это забытая революция. В 2014 г. отмечали столетие начала Первой мировой войны и говорили, что в России эту войну не помнят. Вот так же не помнят и революцию 1905–1907 гг.

Мне кажется, что природа этого «забывания» – не только в невнимании общества к теме революции, к истории революции. У нее какое-то неопределенное, зыбкое место в нашей истории. Ну, начнем с того, что утверждается: она закончилась поражением. Это была революция, потерпевшая поражение. И ее единственное историческое значение в том, что она предвестник и «генеральная репетиция» Октября 1917-го. То есть это революция второстепенного, проходного, вспомогательного характера. И, видимо, поэтому она как-то отодвинута на периферию исторической памяти.

Если говорить прямо, мы по-прежнему находимся в плену советского понимания этой революции. Он уже был воспроизведен в ходе нашей дискуссии: пореформенная Россия находилась в системном кризисе и его результатом стал 1905 г.; революция была буржуазно-демократической; самодержавию, сочетая карательную политику с ограниченными реформами, удалось выправить ситуацию в свою пользу, правда, ненадолго; революцию убили репрессии, не дав ей выполнить ее историческую миссию; реформы, которые оказались связаны с революцией, не вывели Россию из кризиса; и война прикончила больной организм Империи.

Я думаю, этот взгляд нуждается, как минимум, в коррекции.

Во-первых, эту революцию следует рассматривать в контексте «большой исторической волны». С 60-х гг. XIX в. Россия находилась в стадии социальной, экономической, правовой, мировоззренческой, психологической – всяческой – перестройки. И это был сам по себе очень тяжелый процесс. А 1905 г. открыл серию политических революций начала века. И, пожалуй, главное для меня в этой революции то, что она была событием нового типа, новой эпохи. До 1905 г. все революции в России были «революциями сверху»: одни совершала власть, другие были дворцовыми переворотами, то есть верхушечными

заговорами против персонификаторов власти. И первые, и последние ограничивались дворцом. Снизу время от времени поднимались (более или менее ограниченные, реже массовые) повстанческо-погромные волны, то есть те или иные варианты пугачевщины. И прямой связи между этими верхушечными революциями и массовыми низовыми движениями не было. В 1905 г. случилась первая действительно народная революция в нашей истории. Она охватила все классы и слои населения: и дворец, и город, и крестьянскую Россию, и армию. Революция, безусловно, была ответом на все «нестроения» русской жизни, указывала на ее важнейшие дефициты. У нее было множество причин и сложная природа. События 1905 г. показали: в России нарождается новое общество – массовое, более свободное, более открытое. Социуму этого типа уже не «хвatalо» дворцовой революции – и характер революции изменился.

Первая революция – это безусловно сложное, многосоставное явление. Если не рассматривать его в общем, а разложить очень условно на составляющие... Ну, по крайней мере, о нескольких можно сказать, очень кратко. Впервые в русской истории важную роль играли массовые городские протестные движения. Не дворец и не деревня, а город стал источником революции. И это свидетельствовало о том, что страна стремительно урбанизировалась, становилась городской цивилизацией. Причем массовое общество прежде всего строилось в столицах. Не случайно все началось со столичного (петербургского) восстания масс, а завершило 1905 г. городское восстание в Москве.

Принципиально важно понимание «Кровавого воскресенья», о котором сегодня уже говорили, – того, как стала возможна эта трагедия. Ведь ее никто не хотел, не ожидал, не программировал. Ни рабочие и их семьи, ни царь, ни бюрократия, ни полиция. Все гораздо проще и страшнее. И те, кто шел к Зимнему, и те, кто был призван охранять порядок и защищать статус-кво, не знали, как следует себя вести в рамках мирного социального протеста. Иными словами: как цивилизованно противостоять власти и как цивилизованно ее защищать. Трагедия произошла от испуга, недоверия, непонимания друг друга. Все это тема массового политического

процесса и протеста в мегаполисе XX в. Согласимся: и по сей день нормативный ответ не найден. В том числе и у нас.

Что касается деревни, то 1905 г. по своим политическим последствиям равен пугачевщине. Как и тогда, в конце XVIII в., «верхи» испугались и в некоторой степени одумались. Результатом стала аграрная реформа, перевернувшая крестьянскую Россию.

Что еще? Никогда, кроме как в 1905 и в 1917 гг., в России армия не была инструментом революции, – всегда инструментом власти, что – естественно. Армия – по существу квинтэссенция любой системы, но русской в особенности. И вот она в 1905 г. впервые перешагнула пределы дворцовой политики. Армия не присоединилась к городскому движению, но показала, что может решить исход революции. Один из уроков 1905 г.: армия – теперь уже не гвардия, а по преимуществу вооруженная крестьянская масса – способна стать политическим фактором.

Кроме того, мне, как и многим другим, кажется важной сцепка – революция и неудачная война.

Собственно, 1905 г. впервые уже в новом мире, в новом обществе выявил эту связь. И здесь дело не в ухудшении экономической ситуации, не только в обострении социальных проблем. Главное, что обуславливало острую социальную реакцию на военные неудачи. – это милитарный характер русской социальности. У нас и власть имеет милитарную природу, и воспринимается она сквозь призму милитарной успешности. То есть властные успехи меряются военной, а не социальной меркой. Поэтому неудачная война становится источником массовой неуверенности. Она проецируется «наверх», и власть «отвечает» за эту несостоятельность. Поэтому неизбежным следствием военных неудач/поражений становится десакрализация власти и кризис легитимности в том или ином варианте, в тех или иных формах.

Что же касается итогов и значения революции, безусловно, она ускорила процессы самоопределения различных социальных сил и их дифференциации.

Но все же двигателем революции, как мне представляется, было общество начала XX в. – политическое, гражданское, гражданственное. И определяющим в той революции был не конфликт власти и народа, а противостояние власти/бюрократии/системы и общества. Можно сказать: революция произошла потому, что значительная часть общества почувствовала себя готовой ее совершить. Это была долгожданная революция, в отличие, скажем, от того, что произошло в 1917 г. Ее готовили едва ли не весь XIX в. Хотя, как казалось отечественным и зарубежным наблюдателям, Европа бурлила, а в России ничего не происходило. 1905 г. стал промежуточным (увы!) финалом вековой тяжбы самодержавия и общества.

Здесь я готова подискутировать с некоторыми исследователями, которые выступали до меня. Мне представляется, что это была «лучшая» из революций, которую Россия могла тогда получить (если вообще революции могут быть «лучшими»). Она закончилась компромиссом между властью и обществом: Успех, прежде всего, заключался в том, что власть и общество не уничтожили друг друга и не взорвали народ – и в этом смысле не начали общенациональную Смуту.

Традиционно одной из причин революций считается кризис верхов. Конечно, кризис самодержавия в 1905 г. был – и именно в ленинской интерпретации: верхи уже не могли управлять по-старому. В 1861 г. Россия перестала быть крепостной; к 1905 г. стало понятно, что она не может уже быть самодержавно-бюрократической. Но этот кризис власти не привел к разрушению системы. И революцию добила не репрессия, а реформа.

Конечно, лучше реформироваться загодя, чем ждать вот такого взрыва. Да, власть в России пошла на преобразования и уступки только под сильнейшим напором проблем, под сильнейшим давлением снизу. Историческая русская власть долго понимала исключительно язык насилия. Тому есть разные причины. Но в 1905 г. власть пошла по пути самоограничения и «договорилась» с обществом. Точнее, до этого власть шла исключительно по пути самоограничения, чтобы не договариваться с обществом. А в 1905 г. договор был

заключен – во многом потому, что русское общество набрало необходимую мощь для того, чтобы власть его заметила и сочла договороспособным.

Как мне представляются, главные итоги Первой революции – в том, что власть и общество договорились между собой о совершенствовании социального устройства, о приемлемой политической реформе. Договор был основан на взаимном самоограничении; в рамках этого договора страна, в общем, успешно развивалась. В 1917 г. договор был сломан. Во многом потому, что общество ошибочно сочло себя проигравшим в 1905 г. И вот это ощущение проигрыша сработало в 1917-м.

Я думаю, Первая революция – самая важная для России, причем не в историческом, а в актуальном смысле. Она показала, как следует разрешать революционные кризисы, развязывать, а не рубить узлы социальных проблем.

Если настраиваться на созидание, необходимо иметь в виду уроки именно 1905 г.

П.П. Марченя: У меня три небольших вопроса.

Было начато с того, что это была «революция, потерпевшая поражение». У меня вопрос ко всем коллегам: – а с точки зрения формальной логики и здравого смысла – можно ли говорить, что бывают революции, которые потерпели поражение? Если «революция» буквально – это «переворот», то он либо произошел, либо не произошел. Если он произошел, значит революция «потерпела» победу, а не поражение. Если революция «потерпела поражение», если переворот не произошел, то и не было значит никакой революции. Поэтому, на мой взгляд, «революция, потерпевшая поражение», – это в лучшем случае оксюморон. Это первое. Но, опять же, это вопрос к дискуссии.

Другое маленькое вопросительное замечание. Прозвучало, что впервые городские массовые беспорядки стали значимыми. Мне кажется, что этот феномен известен с тех пор, как появились города, и в том числе и в истории России. А что, «Соляной бунт», или «Медный бунт», – они в деревне что ли происходили? Это второй вопрос.

И последний, третий – даже не вопрос, а тоже скорее реплика. Мне кажется, «ошиблось общество» в 1917 г. или нет, – если мы говорим не о Феврале, а об Октябре, – это вопрос скорее цивилизационной идентичности, чем констатация «факта». Спасибо.

И.И. Глебова: Начну со второго вопроса.

Если «Соляной бунт» и «Кровавое воскресенье» – это события одного и того же порядка, если и там и там один и тот же город, одни и те же люди, одни и те же проблемы, то значит нет истории – все неизменно, неподвижно и т.п. Я думаю, это не так. Впервые в своей истории Россия столкнулась с массовыми городскими протестными движениями современного типа (таким, кстати, было и «Кровавое воскресенье»). Это обусловило своеобразие и новизну революции.

Что касается первого вопроса. Бунт и политическая революция, заговор и революция социальная – это не одно и то же. События 1905–1907 гг. чрезвычайно сложны. Их не свести только к народному бунту или политическому перевороту (чьим-то деньгам, какому-то заговору). Хотя и в политическом отношении все изменилось: самодержавие встало на тот путь, который завершался конституционной монархией (вполне современным устройством власти для того времени). Власть и общество, выйдя из революции, повели Россию в современность. При этом считали революцию проигранной, неудачной для себя. Именно потому, что она закончилась компромиссом, потому что каждой стороне пришлось идти на ограничения. Власть перестала быть единственным субъектом политики; политическое пространство разделило с ней общество. Это была большая победа, свидетельствующая об их зрелости, социальной ответственности. Но и власть, и общество полагали эту победу неудачей.

А вот 1917 г. – их общий безусловный, исторический проигрыш, полное поражение. Их – власти и общества, формировавшихся в России столетиями, – попросту не стало. Они разрушили ту социально-политическую диспозицию, в рамках которой имели шанс сохраниться и направлять развитие страны. Ликвидация же (в революции, Гражданской

войне, в 1920–1930-е гг.) европеизированного культурного меньшинства, действительно, привела к изменению «цивилизационной идентичности».

С.Ю. Разин: Я тоже себе позволю две реплики.

Было сказано, что центром революции был город, и что в городе происходили все главные события. Крестьянство отодвигается, таким образом, на второй план. А что тогда происходило в деревне? А кто составлял значительную часть населения русских городов и значительную часть русского пролетариата? Чья ментальность преобладала?

Теперь о революции состоявшейся, удавшейся или неудавшейся. На мой взгляд, ближе к истине те, кто, как В.П. Данилов, говорят о том, что революция в России началась до 1905 г., и что закончилась она не в 1907 и не в 1917 г., а где-то приблизительно к концу 1930-х гг. Эту же позицию разделяет и Т. Шанин, дух которого тоже здесь незримо присутствует.

И.И. Глебова: Я не знаю про духов ничего, но вот с этим вполне согласна: социальный, культурный, ментальный, экономический, какой угодно переворот происходил в стране с 1860-х по конец 1920-х гг.

Его вектор – эмансипация, освобождение. Революция 1905–1907 гг. вписана в этот процесс. Кто-то сказал: революция удачна, если она закончилась парламентом. Та революция закончилась парламентом – в этом смысле она удачна.

Что же касается того, обидела ли я крестьян... Да, это большинство населения страны, но революция, тем не менее, решилась в городе. И решило ее в основном образованное, сознательное (в смысле сознательного участия в политике, жизни страны) меньшинство, элиты, если угодно. Но революция закончилась реформами, важнейшей из которых была реформа аграрная. Вот она, оценка роли крестьянства в жизни страны. Государственная Россия «поняла»: без преобразования деревни не создать современную страну.

А насчет того, что в городах – тоже крестьяне... Наверное, уже «не вполне» крестьяне – было в них что-то, что отличало их от деревенских жителей. «Воздух города» все-таки

меняет человека. Хотя традиционная основа остается – и в России она, конечно, очень сильна.

Б.Х. Алимов: Городские крестьяне – это, действительно, как конные матросы...

Я бы хотел солидаризироваться с И.И. Глебовой в оценке итогов революции, которые следовало подводить непосредственно после ее окончания. Незамутненный дальней перспективой взгляд не дает вкладывать и перекладывать произвольные апостериорные смыслы в локальные исторические сюжеты. Если же смотреть на 1905-й, скажем, из 1908-го, то сохраняется ясное представление о целях революции как единого социально-политического проекта. В этом случае картина будет выглядеть приблизительно так: о том, что это только «Первая» русская революция, тогда никто не знал, а о том, что она потерпела поражение, рассуждали только большевики и – иногда – эсеры. Для всего остального политического сообщества это был если и не триумф, то, уж во всяком случае, победа: был положен исторический предел самодержавию, смазанное кровью борцов и тиранов колесо прогресса провернулось в нужном направлении. Оставалось только двигаться по пути просвещения. Вопрос стоял лишь о том, насколько энергично страна может пойти по «столбовой дороге развития цивилизации», то есть готов ли народ сразу и целиком принять «великий дар свободы», или потребуется некоторое время для того, чтобы его переварить.

Население так называемых «национальных окраин», по мнению большинства участников политического процесса, не было еще готово. По мысли социал-демократов, такая сегрегация была оскорбительна для отсталых элит недоразвитых народов, что позволяло, в перспективе, мобилизовать их для свержения правительства под лозунгом права наций на самоопределение, который не только оказался лживым, но и изначально задумывался как жульнический трюк.

Впрочем, тема революции для центрально азиатских протекторатов России, которые в начале XX в. модно было презрительно именовать колониями, действительно была не актуальна. Не то, чтобы здесь все было хорошо, просто социальный формат Бухарского ханства, Коканда и т.д. не

соответствовал политическому проекту столичных либералов. Местные элиты предпочитали сотрудничать с Санкт-Петербургом в привычном патримониальном формате, а отсутствие политической организации населения или оппозиционных аристократических группировок было причиной того, что лозунги революции и требования партий не затрагивали непосредственно интересы центральноазиатского населения.

Хотя, можно, наверное, сказать, что исторические судьбы Центральной Азии во многом оказались определены исходом политических баталий на берегах Невы, тогда они ощущалось как отзвуки далекой грозы. Политический проект возник – точнее, смог возникнуть – в Таджикистане только после его образования.

А.В. Казаков: Добрый вечер еще раз, уважаемые коллеги! Известно, что история – это застывшие политические события. И обсуждая какие-то исторические события, о которых мы говорим сегодня, обсуждая ту обстановку, которая была в то или иное время, предшествовавшее значительным переменам в стране, ту экономическую и политическую обстановку, мы так или иначе невольно создаем условия для того, чтобы перебросить мостик к делам дней нынешних. Чтобы, анализируя ту или иную политическую ситуацию, принимая те или иные политические решения и высказывая те или иные политические позиции, мы могли чаще, глубже и внимательнее учитывать события, которые перекликаются с современной историей.

И наше сегодняшнее собрание в связи с этим очень важное. Я хочу вам сказать, что мы говорили на эту тему с С.М. Мироновым, и он не просто сказал, что внимательно изучит стенограмму нашего заседания: мы планируем выработать целый ряд идей, которые могли бы быть взяты нашей партией для того, чтобы их продвигать в дальнейшем. Я думаю, что есть идеи, у которых нет партийной окраски, их поддержат и другие партии, во всяком случае, по вопросам государственного суверенитета и информационно-идеологической безопасности нашего государства.

Поэтому сегодняшняя работа с пристальным анализом экономических и политических событий, того ландшафта, который складывается под влиянием внешних угроз, очень для нас с вами важна. Поэтому хочу сказать еще раз огромное спасибо, что мы все вместе здесь собрались. И разнополярность мнений, и совпадение мнений, в любом случае, – это платформа для того, чтобы выработать конструкцию работы на будущее.

А когда в стране сложный период, как раз самое время обращаться (вообще всегда, а в сложный период особенно) к лучшим умам нашей страны, к людям, которые обеспокоены этой проблематикой.

Спасибо большое за возможность вместе с вами работать.

Н.В. Макаров: Тематика моего выступления будет связана с освещением в англо-американской историографии российского либерализма в период Первой русской революции – вплоть до образования либеральных партий.

На этом собрании уже неоднократно звучало, что у разных историков (в том числе здесь упоминалась имя Т. Шанина – известного английского специалиста) есть разные интерпретации хронологических рамок революционного процесса в России. Шанин, как известно, относит окончание революции уже к 1920–1930 гг., как и известный американский исследователь Р. Пайпс. Есть и такие ученые, как М. Малиа, раздвигающие хронологию революции вплоть до 1991 г. Правда, Малиа при этом делает оговорку, что основной всплеск революции в России приходится на период с 1917 по 1939 г. Об этом идет речь в недавно изданной в России книге Малиа «Локомотивы истории: Революции и становление современного мира».

Надо отметить, что тематика российского либерализма достаточно давно и плодотворно изучается англо-американскими историками, да и историками многих других стран, пишущими на английском языке (допустим, из Израиля, Норвегии, Канады, Германии, некоторых других стран). И многие из них даже отводят российскому либерализму ведущую роль в революционном процессе, во всяком случае, в событиях конца 1904 – начала 1905 гг. И нередко Русскую

революцию (допустим, как в трудах А.Б. Улама, известного американского исследователя), отсчитывают от «Банкетной кампании» конца 1904 г. или предшествовавшего этому событию Земского съезда 6–9 ноября 1904 г. При этом внимание исследователей акцентируется на том, что, собственно, застрельщиками революционного процесса в России была либеральная интеллигенция, и лишь позже к революционным событиям присоединяются крестьянские и рабочие массы.

Некоторые историки, как уже было отмечено, завершают революцию событиями 1911 г. С другой стороны, есть и те, которые ставят верхнюю хронологическую границу революционного процесса на декабрьском вооруженном восстании 1905 г. (наподобие, например, современного английского исследователя О. Файджеса). А дальше, по их мнению, идет уже период «думской монархии», который несколько несправедливо, на мой взгляд, отделяется от событий 1905 г.

Как бы то ни было, 1905 г. стал поворотным пунктом для российского либерализма. Хотя бы взять тот факт, что русские либералы наконец восприняли современные формы политической организации: и от земско-городских съездов, протопартийных организаций наподобие «Союза освобождения» постепенно все-таки дрейфуют в направлении политических партий современного типа: Конституционно-демократическая партия, как известно, была образована одной из первых на учредительном съезде 12–18 октября, вслед за ней – некоторые малые партии русского либерализма, такие как Умеренно-прогрессивная, Прогрессивно-экономическая, Торгово-промышленная, а затем – «Союз 17 октября», учредительный съезд которого прошел уже в феврале 1906 г.

Собственно, что касается англо-американской историографии... Интерес западных ученых к русскому либерализму проявился достаточно давно, причем у истоков научного изучения русского либерализма на Западе стояли не столько профессиональные историки, сколько современники событий, связанные с журналистикой, люди, бывавшие в России и испытывавшие интерес к ней, такие как, допустим,

Б. Пэйрс, знаковая фигура в английском руссиеведении, лично знакомый со многими либеральными деятелями, с лидерами либеральных партий, входящий в думские круги и т.д.

Процесс развития англо-американской исторической науки о русском либерализме, на наш взгляд, имел четыре основных этапа: от начала XX столетия до конца Второй мировой войны; 1940–1960-е гг. (время практически безраздельного господства так называемой теории тоталитаризма с такими ее известными представителями как Х. Арендт, З. Бжезинский); с середины 1960-х до начала 1990-х гг. (этот этап, до распада Советского Союза, был связан с достаточно интересной борьбой внутри западной историографии, с ревизионизмом, с выделением либерального направления); последний период, связанный с представителями так называемой «новой истории» с ее культурологическим, междисциплинарным, лингвистическим уклоном.

Вклад представителей различных этих направлений можно оценивать по-разному. Наиболее плодотворен был, пожалуй, третий этап – 1960–1990-х гг. – который был ознаменован борьбой между сторонниками традиционного, либерального и так называемого ревизионистского подходов. Если представители первого говорили, например, об общенациональном характере требований кадетской партии, ее достаточно широкой опоре в российском обществе, то ревизионисты в целом считали, что программа кадетов была программой демократической интеллигенции и близких ей социальных групп. И так же они считали, что нельзя делать акцент на каком-то излишнем радикализме этой программы, как писали их визави по научному цеху.

К ревизионистам можно отнести и работы таких более современных историков как Т. Эммонс, Р. Маннинг, Р. Уэйд, О. Файджес. С другой стороны, писалось достаточно много о консервативном крыле российского либерализма в работах вышеупомянутых Т. Эммонса, Р. Маннинг, Э. Эшера, Д. Тредголда, Т. Оуэна, У. Глисона и др. По-разному, опять же, оценивалась идеология, программа, тактика «Союза 17 октября», но в целом англо-американские историки были

склонны подчеркивать либерально-консервативный характер его программы, ее сложносоставность.

Как вот Эммонс писал о «Союзе 17 октября» как «разношерстной компании», о сложном составе его социальной опоры, лояльности политическому режиму, противостоянии революции, стремлении к утверждению конституционной монархии и национализма – как столпах» программы октябристов.

В.В. Бабашкин: Очень уместно В.П. Булдаков напомнил ленинскую фразу о том, что год 1861-й породил год 1905-й. Однако не могу не согласиться и с А.И. Колгановым: все началось раньше – в 1902-м.

Именно так ставит вопрос крестьяноведение как теория и история аграрно-крестьянских обществ. Вот буквально на днях в издательстве «Политическая энциклопедия» вышла такая книга: «Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке» [показывает присутствующим издание – *прим. ред.*]. Это стенограммы заседаний теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», который был организован выдающимся нашим историком-аграрником В.П. Даниловым и известным английским специалистом по российской/советской/постсоветской истории XX в. Т. Шаниным. Материалы регулярно с 1992 по 1999 гг. публиковал журнал «Отечественная история». Приблизительно в эти же годы под руководством этих же ученых осуществлялся грандиозный исследовательский проект «Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг.».

В марте 2011 г. Институт экономики РАН проводил конференцию, посвященную 150-летию отмены крепостного права. Я выступал там с докладом «Год 1861-й как провозвестник Русской революции XX века». При подготовке материалов конференции к изданию у редактора, видимо, сработал какой-то рефлекс, и мой текст без всякой правки по сути изложенного (тут претензий никаких) был опубликован под названием «Год 1861-й как провозвестник крестьянских революций начала XX века». Возникает вопрос, который в наших сегодняшних дебатах просто висит в воздухе: сколько

же в России было революций в XX в.? Мне как вузовскому преподавателю истории регулярно приходится проверять у первокурсников то, что наши чиновники от образования именуют «остаточными знаниями». Я это, в частности, делаю при помощи вопроса о хронологии Русской революции. В ответ неизменно получаю вопрос: а какой революции – Первой или 1917-го? И это чем-то напоминает диалог Воланда с буфетчиком о том, которой свежести была осетрина. Мне кажется, то же и с революцией: бывает только первая – она же и последняя.

Что же тогда началось, в марте-апреле 1902 г., когда крестьяне двух украинских губерний Империи – Полтавской и Харьковской – готовились к главной страде сельскохозяйственного года, к посевной? Накануне, в 1901 г., был голод. Администрация и помещики (часто бывшие) продемонстрировали неготовность или нежелание помогать – и тем самым поставили себя вне закона. Речь, конечно, идет не о кодифицированном законодательстве, а об обычном праве, о том, что в современном западном крестьяноведении (“Peasant Studies”) называется «моральной экономикой». Поэтому на сельских сходах в масштабах двух губерний крестьяне вопрос решали однозначно: распахивать и засеять и свои, и «не свои» земли. Велика ли беда, что последние по каким-то там бумагам принадлежат не им, а бог знает кому? Законы моральной экономики просты и незамысловаты: мы кормим вас в обычные годы, но в голодный год вы уж извольте нас как-то подстраховать – зерном, деньгами или еще как-то. Так было всегда. Это справедливо. А если не так, вступает в силу знаменитая крестьянская максима: земля – тех, кто ее обрабатывает. Или, что одно и то же: земля – Божья.

Освобождение 1861-го было, с этой точки зрения, с точки зрения огромного большинства общинного крестьянства, величайшей нелепостью и несправедливостью. Чеховский Фирс из «Вишневого сада» недаром называл его «несчастьем»: Чехов – летописец, он фиксировал то, что наблюдал. В какой-то мере это была дань тогдашним глобализаторам: хотите понравиться Западу – вводите товарно-денежные отношения, ибо это – символ прогресса, так говорит А. Смит... В какой-то мере это

было стремление изыскать радикальное средство для пополнения государственного бюджета за счет большинства населения страны после катастрофического поражения в Крымской войне. Я сейчас не буду называть какие-то другие факторы реформы полуторавековой давности. Ну, свершилось и свершилось. Тут я исповедую чисто гегельянский подход: все действительно разумно. Но не могу не сказать о том, что в современной историографии уже появились исследования, которые принципиально иначе, по сравнению с вульгарным марксизмом (он же – научный коммунизм), ставят вопрос о том, в каком смысле 1861-й породил 1905-й. Ленин считал, что в 1905 г. в России началось что-то вроде буржуазно-демократической революции, так как реформы 1860-х не доделали дело буржуазной (тем более, с поправкой на контрреформы 1880-х). И советская историческая литература была в общем и целом с этим согласна. Теоретический антикоммунизм, который использовали (и продолжают использовать) наши коллеги на Западе для осмысления загадок русской истории, исходит, в отличие от Фирса, из того, что 1861-й был великим благом, и 1905-й был скорее порожден контрреформами. Следует отметить, что наши современные либеральные мыслители придерживаются того же мнения.

Говоря о принципиально ином взгляде на эти вещи, не могу не вспомнить интереснейший доклад исследователя из Петербурга В.Т. Рязанова на упомянутой конференции в ИЭ РАН. В нем обосновывались огромные потенциальные возможности того общественно-экономического устройства, сложившегося в России веками, которое и было подвергнуто в 1860-е гг. реформированию без должного понимания реформаторами этих возможностей. Вот с этим я совершенно согласен. Разработчики крестьянской реформы не желали брать во внимание то глубочайшее моральное возмущение крестьян-общинников, которое с неизбежностью должна была вызвать сама постановка вопроса о купле-продаже земли, о включении ее в рыночный оборот, не говоря уже о тех условиях, что навязывались крестьянам в качестве выкупной операции. Следовало также предположить, что крестьяне не кинутся очертя голову использовать новые рыночные возможности в

поземельных отношениях на благо повышения эффективности своих хозяйств, но попытаются всеми средствами (что называется, «не мытьем, так катаньем») сохранить прежнюю логику взаимоотношений – как между собой, так и с крупными земельными собственниками. Я понимаю, сколь разнообразна была тогда сельская община в России по регионам, однако по общему правилу так оно и вышло.

Напряженность в отношениях «крестьяне – власть», «крестьяне – помещики» нарастала на протяжении всего пореформенного периода. Помещики нового поколения стремительно выходили из вековой системы взаимных моральных обязательств с крестьянами, власти взирали на это сквозь пальцы. Демография, характерная для крестьянского общества, за этот период сократила душевой надел в среднем по стране практически вдвое. Пружина грядущей крестьянской революции сжалась до предела к началу XX в., и ситуация с выступлениями полтавских и харьковских крестьян стала пусковым механизмом. Дальше все развивалось по принципу цепной реакции, сельские общества стали брать близлежащие земли самозахватом практически повсеместно. Это и есть движущая сила и главное внутреннее содержание Русской революции XX в. У П.А. Столыпина хватило толку отменить выкупные платежи, резко сужавшие внутренний рынок. Но это уже погоды не сделало. Революция продолжалась – и в 1907-м, и в 1917-м, и в 1921-м и далее.

В.П. Данилов связывал ее окончание с принятием в декабре 1922 г. Земельного кодекса РСФСР. И он резонно полагал, что практически все значимые события политической истории России в течение этих двух десятилетий необходимо рассматривать в тесной причинно-следственной связи с этим вот перманентным революционным процессом в деревне, который развивался по своим правилам и законам.

Мне представляется, что есть большой резон связывать окончание этой революции с принятием в 1935 г. Примерного устава сельхозартели, то есть включить в ряд закономерных революционных событий и период коллективизации сельского хозяйства в СССР. Но спор на эту тему выходит далеко за рамки нашей сегодняшней дискуссии. Поэтому напомним

только, что крестьяне в годы коллективизации остроумно расшифровывали ВКП (б) как «Второе крепостное право».

А ведь крестьянская революция по определению (которое дает все то же крестьяноведение) консервативна, направлена на возврат к старым порядкам, в пику тем, что несет с собой монетаризация всего и вся.

В.А. Демин: У меня, во-первых, реплика, во-вторых, вопрос. Было сказано, что П.А. Столыпин отменил выкупные платежи. Разумеется, Столыпин этого сделать не мог, потому что платежи были отменены в ноябре 1905 г., когда Столыпин служил саратовским губернатором и издание законов от него не зависело.

Теперь, что касается вопроса. Владимир Валентинович [Бабашкин] в начале своего выступления сказал, что революция может быть только одна. Второй, третьей революции – быть не может. И никаких ограничений он при этом не установил. Соответственно, вопрос: если эту теорию применить к истории Франции, тогда что получится, что там была непрерывная революция восемьдесят лет? Или что-то другое?

В.В. Бабашкин: Реплика принимается. Я, конечно, допустил определенную неточность с отменой Столыпиным выкупного платежа. Точнее было бы сказать, что эта отмена состоялась в рамках столыпинского аграрного законодательства и в соответствии с его духом и буквой.

Говоря о революционных событиях во Франции, я, к стыду своему, должен признать, что плохо знаю историю этой славной страны. Но если предположить, что какой-нибудь специалист по французской социально-политической истории усмотрит на протяжении исторического периода между Днем Бастилии и Парижской Коммуной некое единство главного революционного содержания вроде того, о котором я сейчас говорил применительно к истории Русской революции, то почему бы и не восемьдесят лет..?

Я вам больше скажу. Вот в эту книгу по материалам семинара «Современные концепции аграрного развития» вошел реферат монографии О. Вебера «Из мужиков во французы» и стенограмма его обсуждения. Так вот, автор монографии обосновывает – и весьма остроумно – тот взгляд, что настоящая

революция во Франции состоялась в течение 45 лет: с 1870 по 1914 гг. И смыслом, главным содержанием ее, было волшебное превращение Франции из конгломерата мужицких провинций, в которых жители соседних деревень могли с трудом понимать язык друг друга, в единую нацию, в гражданское общество. И это была революция сверху, поскольку верховное правительство, грамотно уловив эту тенденцию французов к единению в масштабах страны, повело грамотную и энергичную политику в этом направлении.

Если к тем восьмидесяти добавить еще и эти сорок пять, то впору открывать дискуссию о разнице понятий «революция» и «эволюция».

А если кроме шуток, я думаю, революция в стране западноевропейской цивилизации и революция в России – разные вещи. Был в университете Филадельфии блестящий аналитик бурных социально-политических событий в России на протяжении XX в. М. Левин. На семинаре «Современные концепции аграрного развития» двадцать лет назад обсуждалась его книга 1966 г. «Русские крестьяне и Советская власть», которую без преувеличения можно назвать классикой жанра. Выступление Левина на том семинаре вошло вот в эту книгу, «Современное крестьяноведение...», к которой я сегодня все время привлекаю внимание. Он тогда высказал революционную, можно сказать, мысль об излишнем увлечении историков и в России, и на Западе большевистской революцией 1917 г.

В результате в историографии возникло явление «разрыва эпох», что и придало большевистскому перевороту флер революции: мол, до октября 1917 г. это была одна страна, после – совсем другая. Поэтому Левин и его единомышленники в США призывали и призывают к «смыканию периодов», то есть к переносу акцента в исследованиях России с того, что прервалось и что началось в 1917 г., на то, что продолжалось.

В.П. Булдаков: Вы знаете, у меня очень простой вопрос. Всем известно, что такое аграрное перенаселение, какую роль оно сыграло. Вы привели цифры относительно количества десятин на душу населения и т.д. Вопрос вот в чем. Нельзя ли было разрядить эту самую ситуацию с учетом

продолжающегося демографического бума за счет переселений?

Переселения, как известно, начались не во времена Столыпина, а гораздо раньше. Но не прикидывали ли вы, какова должна была бы быть интенсивность этого переселенческого дела, чтобы обезопасить центр России?

И вообще, не должна ли самодержавная власть всегда работать на упреждение возможных событий?

В.В. Бабашкин: Переселение, действительно, началось задолго до Столыпина и к началу XX в. обозначилось как тенденция правительственной политики.

Столыпин в рамках своей логики аграрного реформирования попытался придать этому делу новый импульс. Результаты историки оценивают по-разному. Лично я больше склоняюсь к тому, что это был провал, как, собственно, и вся аграрная реформа той поры. Столыпинская политика многие вещи, существовавшие в реальности как тенденции, довела до абсурда (а до абсурда русская бюрократическая машина может довести все что угодно). Переселение в основном осуществлялось в Сибирь. Сибиряки схватились за голову от такого наплыва новоселов. В Сибири общинные институты крестьянства работали слабо, потому что земли было много. Но как только появилось в одночасье столько новых претендентов на землю, старожилы так и вцепились в эти свои общинные права. Обычное право не было регламентировано какими-то юридическими установлениями, но начинало работать как мощный фактор сельской жизни, когда в этом, по мнению крестьян, возникала необходимость. Масштабы возвращения столыпинских переселенцев в родные места в значительной мере определялись тем, как негостеприимно встретили новоселов в Сибири.

А вообще это вопрос огромный. В реальности существовало множество разных факторов, аспектов, нюансов. Например, такой фактор, как очень сильное ощущение «малой родины». Очень тяжело подняться и уехать куда-то. Наверное, когда-то в пассионарные времена, когда наши далекие предки завоевывали просторы Урала, Сибири, это было делать легче. А может, и нет. Бог его знает. В Центральной России аграрное

перенаселение как явление нарастало во второй половине XIX в. как бы по экспоненте. Оно увеличилось вдвое буквально в пореформенный период. Крестьянская семья – это четыре–пять и более ребятишек.

Ваш вопрос, он упирается в методологию что ли... Была ли возможность организовать политику переселения крестьян более грамотно и продуманно? Не знаю. Я исхожу из того, что было так, как было. Потому что вот эта увлеченность альтернативными какими-то подходами... – мне кажется, она себя не оправдывает.

В.П. Булдаков: В данном случае вопрос не об альтернативе, лично я разговоры об альтернативах не приветствую. Вопрос в том, могла ли вообще, способна ли была в принципе существующая к 1905 г. власть упредить совершенно очевидные тенденции, если не переломить ход событий, то хотя бы сгладить его?

В.В. Бабашкин: Давайте посмотрим вот на какой аспект этой огромной проблемы. А были ли у власти соответствующие материальные возможности для организации такого огромного дела (я уже не говорю о каких-то традиционных моральных обязательствах властей перед крестьянами или о наличии у государства научно обоснованной программы осуществления этой политики) – чисто материальные возможности?

Даже если абстрагироваться от коррупции как имманентного свойства российского чиновничества... Вот здесь присутствуют экономисты, они более квалифицированно ответят на вопрос, что собой представлял российский государственный долг к началу столыпинского переселения или, тем более, к 1917 г. И что собой представляла, допустим, стоимость в миллиардах рублей тех земель, которые крестьяне к тому времени, к маю-июню 1917 г. взяли, и уже никакой силой забрать у них было нельзя. Это тоже очень важный момент, из которого, в частности, следует, что особых альтернатив-то реально осуществившейся политике ни в 1907-м, ни в 1917 гг. и не было.

Добавлю «крамольную» мысль: сегодня историки очень мало занимаются изучением того, как это было сделано в

период сталинской коллективизации, в 1930-е гг. Точнее, пишут о раскулачивании и спецпереселенцах много, но как-то односторонне, с точки зрения жестокости и якобы неоправданности этой политики. Наверное, приходит время взглянуть на все это и в том плане, как осваивались необжитые просторы огромной страны, какой материальный и организационный ресурс государства был при этом задействован и т.д.

В.В. Кондрашин: Прежде всего, я хотел бы от имени Комитета по науке, образованию и культуре Совета Федерации Федерального Собрания России поприветствовать участников этого очень важного круглого стола.

Я очень благодарен также депутатам Государственной Думы, в частности, Алексею Валерьевичу [Казакову] за организацию этого круглого стола, потому что все-таки мы здесь собрались для того, чтобы говорить больше и о современности, о тех уроках, которые нам дает наша история, особенно история XX в.

И далее я не могу не вспомнить о духах, о которых здесь говорили, о духе Т. Шанина. Сегодня я, по согласованию с Комитетом по науке, образованию и культуре Совета Федерации, отправил поздравительное письмо Шанину в Московскую высшую школу социально-экономических наук, потому что он – замечательный ученый. И если речь идет о нашем «круглом столе», то, по-моему, надо обязательно вспомнить его чудесную, я считаю, книгу, посвященную как раз в большинстве своем Первой русской революции, – «Революция как момент истины». И вот в ближайшем номере «Крестьяноведения» выйдет моя большая статья о Шанине, где очень подробно охарактеризован весь его творческий путь. Это мой друг, коллега. Я сейчас с ним активно общаюсь и планирую в ближайшее время написать о нем и об американской историографии, в частности, вот о М. Левине, о котором здесь говорили, моем, я считаю, учителе. Я три года работал его ассистентом. И это, прежде всего, и, конечно, В.П. Данилов, который внес огромный вклад в изучение этих всех проблем. И вообще мне кажется, что сегодня мы должны вспомнить о тех наших учителях, которые действительно

посвятили всю свою жизнь изучению Первой русской революции. И, кстати, некоторые из них и сейчас здравствуют. И здесь и С.В. Тютюкин, и А.П. Корелин, и др.

Далее перейду уже по сути к проблеме. Прежде всего, хотелось бы сказать, что «Первая русская революция» имеет право так называться хотя бы потому, что ее так называли современники. И, вообще, я сторонник того, чтобы очень активно использовать принцип историзма: если событие таким, скажем так, было, и его таким образом зафиксировали наши предки, может быть, стоит его так и называть.

Дальше. Я участвовал очень активно в конференциях, которые были посвящены 100-летию Первой русской революции, был на одной из них в Италии, которую в Пизанском университете организовал мой коллега и друг Э. Чинелло. И эта конференция была посвящена именно Первой русской революции. И вот мне больше всего понравилось на этой конференции, как итальянцы (это были в основном итальянцы) оценили значение этой революции. Это были прекрасные слова, когда Дж. Лампер сказала, что это была революция в защиту человеческого достоинства. Это была революция, которая положила начало борьбы за демократию в Европе. По сути дела, современная демократическая Европа, она вот такой стала во многом благодаря тому, что толчок развитию демократии, борьбе за демократию был дан этой нашей русской революцией. Она имела огромное значение – и в этом смысле она была позитивом, и в Европе ее оценивают позитивно по сравнению, например, с тем, что у нас было позднее в 1917 г.

Теперь следующий момент насчет альтернативы. В.П. Данилов в свое время об этом писал, если серьезно говорить, была ли альтернатива... Она была! Она была в продолжении и доведении до логичного конца Великих буржуазных реформ Александра II. И вот та программа, если ее так можно назвать, которую предлагали Александру II его реформаторы: это министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов, это министр финансов Н.Х. Бунге... Это и реформы Госсовета, это и, по сути, уже начало будущей столыпинской реформы, еще до этого самого аграрного перенаселения и т.д. И

вы помните, как был убит царь-реформатор. Он убит был, везя, в общем-то, на заседание Госсовета как раз вот этот так называемый проект Конституции. И в этом смысле это была трагедия России. Вот когда мы говорим здесь о роли Николая II, то, конечно, если бы был жив Александр II, не было бы Александра III, не было бы этих контрреформ наверняка, а была бы совсем другая у нас история, и не было бы у нас революций 1905 г., 1917 г.

Далее следующий момент... Это почему так сложилось, что 1905 г. был таким? Надо, наверное, здесь помнить о том, что все-таки после отмены крепостного права магистральным развитием России была рыночно-индустриальная (хоть это слово, может быть, не очень здесь нравится уважаемым коллегам, но, тем не менее, я считаю, его можно использовать), именно рыночно-индустриальная модернизация. И вот по этому пути Россия пошла. И эта рыночно-индустриальная модернизация осуществлялась, прежде всего, за счет внутренних ресурсов и за счет деревни. За счет деревни! Вот этот знаменитый лозунг И.А. Вышнеградского: «Не доедим, а вывезем».

И произошло превращение российского сельского хозяйства в такой источник, такую «трубу», откуда высасывали все эти ресурсы на рынок западный... И у нас сложилась совершенно дикая ситуация. Ведь раньше в России никогда не было голода в тех районах, где производили хлеб, а со второй половины XIX в. началось. И первый «царь-голод» в 1891–1892 гг. у нас был в зерновых районах, потому что оттуда высосали все, вывезли за границу. Эти железные дороги для чего строили? Чтобы по этим железным дорогам вывозить хлеб и продавать его. И поэтому, конечно, сельское хозяйство, и вот эта его коммерциализация дикая, эта несправедливость – связаны с тем, что, вы правильно сказали, помещики все с ума сошли с этой продажей, с этим экспортом. И плюс аграрное перенаселение.

Плюс, надо иметь в виду, «экономическое чудо» России. Это было настоящее экономическое чудо России – реформы С.Ю. Витте. Россия добилась выдающихся результатов. Хотя бы возьмите ту же самую КВЖД, что

построили россияне или, допустим, новые промышленные районы эти огромные, которые у нас появились за каких-то там десять с лишним лет.

И Россия это все сделала с помощью Запада, более миллиарда золотых рублей влилось в российскую экономику – и российская экономика оказалась втянутой в мировой рынок. Если мы вспомним, отчего начались все проблемы, – они начались с мирового экономического кризиса, который, в общем-то, и ударил по России. И здесь об этом надо тоже помнить. И что рабочее движение у нас началось, собственно говоря, в связи с этим.

И у нас был 1903 г. Это было очень серьезно... И просто силой, по сути дела, были подавлены все эти стачки. Хотя и были сделаны некоторые уступки, рабочие просто были задавлены временно. И крестьяне... Тоже надо помнить о том, что 1905 г. – недород. Во второй томе «Экономической энциклопедии», кстати, есть моя статья «Голод в истории России», где я очень подробно рассказываю о том, какие были у нас неурожаи в начале XX в. и, в том числе, как раз вот в этот период.

Поэтому: аграрное перенаселение плюс вот этот экономический кризис, когда многие крестьяне оказались без работы. Плюс здесь еще эта коммерциализация сельского хозяйства. Плюс эти все засухи... И самое главное, что власть на все эти проблемы реагировала не так, как нужно. Ведь что, собственно говоря, нужно было сделать? Нужно было пойти на компромисс, нужно было дать возможность здоровым силам участвовать в управлении страной, решать эти проблемы.

А здесь задавали вопрос: а с кем договариваться? Не с кем было договариваться? Это не так. Как это не с кем было договариваться? Вот правильно коллега сказал о том, что у нас было мощное либеральное движение – земское. Эти земцы пили там сколько времени на этих банкетах и писали все царю, что они хотели. И само шествие к Зимнему дворцу было тоже связано с этими петициями...

И если мы вспомним с вами «эру доверия» П.Д. Святополка-Мирского, – ведь он был нормальный, адекватный министр внутренних дел... после того, как двоих

убили. И он понял, что нельзя дальше давить. И как этот самый был до него, всех высечь там и т.д. Да, В.К. Плеве: высеку всех и все, и никаких проблем.

И поэтому, собственно говоря, царь-то был и готов пойти на компромисс, который в свое время еще предлагал Лорис-Меликов, то есть создать вот это представительство земское. А какой результат? 7 декабря Манифест царя выходит об «усовершенствованиях» государственного порядка. И даже Витте и все остальные поняли, что все – «хана», потому что никакого нет компромисса.

И вот я критикую иногда наших некоторых патриотов квасных, которые с царем там носятся везде, с этими делами. Вот есть учебник – А.Ф. Киселева и Э.М. Щагина. Там, значит, такой сюжет про I и II Государственные думы, два предложения или там абзац. Про III Государственную Думу, какой был хороший П.А. Столыпин... А ведь I и II Думы предложили самый настоящий компромисс самодержавию: выкупить землю помещичью с помощью государства и раздать ее крестьянам. Но эти Думы все разогнали, и третью создали: помещиков не трогать, значит, крестьян начать прессовать, заставлять становиться фермерами и т.д. Поэтому вот этот компромисс тоже был упущен.

Далее... Последнее, о чем я хотел бы здесь сказать... Конечно, когда мы говорим о крестьянстве, то надо иметь в виду, что это совсем не такие крестьяне, как мы привыкли думать, – ватники какие-то, как сейчас сказали бы. Которые, чтобы привлечь к себе внимание, должны были организовать какой-нибудь бунт, кого-нибудь убить там, морду набить, напиться и все остальное. Это глубочайшее заблуждение. И об этом, например, написала целую диссертацию Л.Т. Сенчакова. В.П. Данилов писал о том, что крестьянские волнения были от безысходности, когда других методов уже не было. Но когда такой метод появился у них, приговорное движение, участие крестьян в выборах в Государственные Думы, – это был шок для власти. Потому что крестьяне, казалось, которые были за царя всегда, наоборот, голосовали за своих депутатов, за своих сельских учителей, за своих священников, которые выражали их интересы. И когда I Думу разогнали, тогда во II Думу

депутаты приехали с наказами – и с ними выступали. Их нельзя было уже обвинить в том, что они выступают от своего имени против правительства. Наоборот. И поэтому, конечно, огромным достижением революции было то, что народ получил огромный опыт этой политической культуры. У нас возник парламентаризм, российский парламентаризм.

Вот мы сейчас сидим в Государственной Думе только потому, что была Первая русская революция. Если бы ее не было, и она бы закончилась, как мы говорим, поражением, не было бы ничего. А у нас Дума. У нас было много чего полезного, в том числе та же реформа Столыпина. Когда мы о ней говорим, мы должны вспомнить о том, что ведь благодаря Столыпину был экономический подъем в деревне. А развитие кооперации, а государственная поддержка, а переселения все эти, которые происходили. Да, там 30–40% крестьян вернулись обратно, но вы посмотрите, какие объемы по животноводству, по молоку там и т.д. пошли у нас.

И в этом смысле у нас было движение и развитие. И поэтому Первая русская революция вообще имела огромное значение, на самом деле. Потому что всех подготовила к дальнейшей, как говорится, деятельности – и большевиков, и власть. Единственный, кто ничего не понял в этой ситуации, был Николай II. И он всегда сожалел о том, что пошел на уступки, что его «обманул» Витте. И постоянно был готов на то, чтобы вернуться к тому, что было прежде.

И, конечно, в России, в силу особенностей ее истории, субъективная вертикаль, первое лицо имеют огромное значение. И его устранение или замена на менее эффективного и менее подготовленного приводят к катастрофическим последствиям. Вот как смерть Александра II, как тот несчастный Николай II, допустим, как М.С. Горбачев наворотил, да. И поэтому – это исторический урок – в сложное время во главе государства должен стоять настоящий политический лидер, а политические силы должны понимать, что раскачивать ситуацию, когда существуют серьезные проблемы, и когда есть желание власти решать их, не очень, скажем так, дальновидно, а с исторической точки зрения даже и глупо.

И поэтому последнее, о чем хотелось бы мне сказать, что мы забыли совершенно сегодня, что важнейшим последствием Первой русской революции был рост национального самосознания, и вот этот подъем национального движения в России, который закончился, в общем, распадом Российской империи и потом ее восстановлением уже в виде Советского Союза. И вот национальный вопрос проявился именно в годы Первой русской революции. Почему латышские стрелки защищали В.И. Ленина? Да потому, что в 1905 г. самые жестокие меры против крестьян латышских были осуществлены нашими войсками, которые вешали и убивали этих самых несчастных латышей. И потом они подросли и выросли, взяли оружие в руки и стали большевиками.

И, кроме того, было наследие у нас этих всех 1905–1907 гг. в Грузии, допустим, и в Польше, и везде. И в этом смысле, конечно, Первая русская революция имеет большое историческое значение с точки зрения понимания современных проблем, которые у нас существуют в межнациональных отношениях и в самой России, и за ее пределами.

С.Ю. Разин: У меня ко всем участникам дискуссии, есть два таких заведомо провокационных вопроса.

Вопрос первый. Хорошо известный нам всем А.И. Фурсов пишет в своих работах, что коллективизация окончательно и бесповоротно решила крестьянский вопрос в России начала XX в. И другого решения крестьянского вопроса не было и быть не могло. И в этом, так сказать, величайшая заслуга И.В. Сталина. Сегодня, кстати, у В.В. Бабашкина прозвучал такой же момент, что альтернатив у коллективизации не было. В этой связи вопрос вот какой: российское крестьянство было обречено на раскрестьянивание в ходе модернизации или нет? Это первый вопрос.

Второй вопрос по поводу российского парламента. Скажите, пожалуйста, можно ли говорить о том, что российский парламент и российская многопартийность – это явления, укорененные в социокультурной почве России?

В.В. Кондрашин: Я тогда отвечу на первый, поскольку я выступал, вопрос ко мне.

Очень коротко насчет раскрестьянивания. Это было неизбежно. У меня есть даже одно выступление на всероссийском семинаре, где я такую фразу привел, что крестьянская цивилизация пала под натиском индустриальной – и это судьба всех крестьянских обществ. И в этом смысле раскрестьянивание – это универсальный процесс.

Что касается конкретно коллективизации, то альтернатива могла быть только одна – если бы у нас не умер Ленин и продолжался НЭП. И во главе государства стоял бы человек, не обладавший таким недостатком, как Сталин, – избыточным терроризмом, – и более склонный к реальным оценкам ситуации. Но это мое мнение.

Что касается парламентаризма и партий, и корней демократии – это давний спор в историографии. Н.И. Костомаров приводил на этот счет много аргументов, что у нас очень много было истоков демократии. И вообще я считаю, люди, они всегда склонны к демократии, потому что они люди, а не животные, которых можно дрессировать и все остальное. Я с оптимизмом смотрю в будущее российской демократии исходя из исторического опыта.

Ф.А. Селезнев: Несколько слов по поводу закономерности раскрестьянивания.

Если мы посмотрим на аграрный сектор до 1917 г., то мы там увидим две основных части: часть рыночную – это помещики, которые давали основной хлеб, что шел на экспорт; и часть нерыночную – это крестьянская моральная экономика. То есть эти два сектора сосуществовали. И крестьянская моральная экономика могла существовать только потому, что рядом была помещичья экономика, помещичьи хозяйства – рыночные, крупнотоварные, которые давали хлеб на экспорт, для городов, для армии. Как только землю у помещиков отняли в 1917 г., тогда стало неизбежно уничтожение крестьянства. Крестьяне, стремившиеся получить помещичью землю и с восторгом принявшие уничтожение помещичьего землевладения, сами себя подвели к такому финалу. По «Декрету о земле» крестьяне получили небольшую прирезку земли. Но во время коллективизации они потеряли не только эту добавку, но и ту землю, которой они пользовались при царе.

По сути у крестьян отняли их землю. Мы часто говорим, как мало было земли у крестьян дореволюционной России, 2,5 десятины там, 5 десятин. Извините, 5 десятин – это около 6 гектаров. А сколько было земли у крестьян в советское время? Максимум 50 соток. Причем при Хрущеве приусадебные участки еще уменьшили. То есть крестьяне по сравнению с эпохой Николая II были обезземелены. Коллективизация, по сути, привела к восстановлению крепостного права, причем в более жестких формах, чем оно существовало при Александре I и Николае I. Коллективизация уничтожила крестьянина, превратив его в безземельного батрака. Сталин пошел на это, потому что не было товарного хлеба, нечем было кормить города, нечего было экспортировать, не на что было делать индустриализацию.

Еще раз подчеркну: коллективизация была неизбежна вследствие уничтожения рыночного помещичьего хозяйства.

Д.И. Люкшин: Прежде чем отвечать на вопросы С.Ю. Разина, мне бы хотелось внести небольшую коррективу.

Вообще, к 1917 г. большинство экспортного хлеба поставлялось на рынок крестьянскими хозяйствами, и помещики отступали на второй план – и далеко на второй план. И к 1917 г. компенсационное значение помещичьего хозяйства не играло той роли для ведения крестьянского хозяйства, которую оно исполняло, положим, еще в 1905 г. Возможно, это неочевидно для коллег-историков и коллег-аграрников. Но в дискурсивной формации российского крестьяноведения эти статистические данные, – в частности благодаря усилиям того же Т. Шанина и В.П. Данилова, – присутствуют.

Если же говорить о том, что происходило с русским крестьянством, то, опять же с крестьяноведческой позиции, «крестьянство» – это не вид деятельности или сословный стигмат, это определенная философия, своеобразный жизненный уклад. И в этом плане нет ни одной причины, по которой мы не можем говорить о сохранении крестьянства как группы при сокращении, естественно, численности. То есть я бы не рассматривал раскрестьянивание как фатальный результат и как закономерность. В принципе, крестьянские анклав в значительной степени существуют и в современной

Европе. И сравнивать европейского фермера, скажем, с американскими фермерами – не совсем корректно. Ну и... у нас же страна удивительная... Скажем, в той же Сибири земли много, там и по сей день можно вести крестьянское хозяйство.

Ну а что касается демократии, то русский народ известно, славится «соборностью», «софийностью»... ну и многие другие народы тоже от него в этом, скажем так, не отстают. Но вопрос о том, связана ли эта соборность с многопартийностью, на мой взгляд, остается открытым.

В.А. Демин: Я хотел бы развить мысль Ф.А. Селезнева.

При ответе на первый вопрос использую сравнительный метод. В.В. Бабашкин уже говорил, что крестьяне и фермеры (вопреки тому, что написано в законе) – не одно и то же. Основное отличие, как было уже сказано Д.И. Люкшиным, в психологии: фермер стремится к получению прибыли, крестьянин добывает средства для выживания себя и своей семьи. И, как уже было сказано, крестьяне действуют в так называемой «моральной экономике», которая с рыночной не совместима. И с командно-административной – тоже. Поэтому в крестьянской стране развивать хоть рыночную, хоть командно-административную экономику можно лишь до определенного предела. В западноевропейских странах на протяжении Нового времени имело место постепенное превращение крестьян в фермеров. В России же оно долгое время было невозможно из-за сохранения крепостного права и общины. Серьезной попыткой превращения крестьян в фермеров стала столыпинская реформа. Но по ряду причин, главным образом из-за недостатка времени, она не привела к этому результату. Соответственно, это был первый возможный вариант модернизации крестьянства, превращения их в фермеров. Второй вариант осуществил товарищ Сталин. Он ликвидировал крестьянство (именно крестьянство, а не кулачество) как класс, превратив крестьян в государственных батраков. Это что касается первого вопроса.

Теперь что касается второго вопроса, который мне ближе. Я являюсь специалистом по российским законодательным палатам этого периода. На мой взгляд, в России ни парламентаризм, ни политические партии корней

практически не имели и были просто заимствованы у Запада. Более того, партии и многопартийность не соответствуют политической культуре России.

Слово «партия», как известно, образовано от латинского «часть». То есть, основная идея партии – отстаивание частных интересов. Между тем, существуют исследования, согласно которым российская культура допускает отстаивание частных интересов в значительно меньшей степени, чем культура западных народов. В глазах русского народа или его основной массы те, кто отстаивает частные интересы, то есть партийные деятели, – люди подозрительные и доверия не заслуживают.

Поэтому российская многопартийность была слабой в начале XX в., и является слабой и сейчас. То же самое можно сказать о парламентаризме, который основывается на многопартийности.

И.И. Глебова: У меня – буквально две реплики, два комментария к нашему обсуждению.

Прежде всего, о партийных и парламентских традициях в России. Первая революция – это эпоха рождения публичной политики, «взрывного» роста партий. И рождены они были отнюдь не властью, а обществом. К началу XX в оно имело огромный опыт социальной работы, самодеятельности, самоуправления. Оно созрело для политики, у него был вкус к политической деятельности. За его спиной были годы и годы борьбы за свое право быть в политике, участвовать в управлении страной. Определение «гражданское» подходит тому обществу гораздо больше, чем современному русскому. Поэтому мгновенно появились политики, партии, партийцы, парламентарии – уровня, вполне сопоставимого с тогдашними европейскими. В России уже был «материал» для политики, ее субъект, – в революции все это получило современные формы. До 1917 г. партии были важной частью русской жизни, а парламент в Феврале, по существу, взял власть. Все это говорит о том, что политика – естественный «способ» самовыражения русского общества, а партии и парламент имеют у нас свою историю.

Более того, я бы сказала, что это неумирающая традиция. По мере «либерализации» советского режима общество проявляло все больше склонности к политике. И ее появление в конце XX в. было столь же неслучайным, как и в начале столетия.

И второе – не о судьбах, а о выборе российского крестьянства в ходе большой социальной революции рубежа XIX–XX вв. Речь тогда шла о том, как будет адаптироваться деревня к современности, как в ней существовать. Государственная Россия предложила ей вариант: отчасти – «линия Витте-Столыпина», отчасти – община. И деревня после Первой революции стала обживать это «предложение»: частники, переселение, кооперирование и пр. Очень непростой, затратный вариант, связанный и с перестройкой крестьянской ментальности, традиционной культуры, но он реализовывался.

В то же время крестьянскую философию в значительной степени определяло то, что М. Вебер называл «первобытно-аграрным коммунизмом». По существу, это жизнь по принципу: «взять – и все поделить». По этому пути деревня пошла после Февраля 1917-го, когда была ликвидирована дисциплинирующая государственная опека.

В.В. Кондрашин: Это очень распространенное мнение о крестьянстве и терминология такая: «первобытный» и т.д., когда на крестьянство смотрят как на какой-то отсталый класс, непросвещенный, ведомый кем-то, прежде всего, интеллигенцией.

И.И. Глебова: Совершенно не тот смысл вкладывается в этот термин.

Я думаю, дело тут даже не в отсталости, а в разности социальных возможностей, задач, функций. До 1917 г. деревню «вела» государственная и общественная Россия, задавая ей «формат» существования. Но «вела», конечно, в кавычках, – крестьянство всегда сопротивлялось всякому вторжению в свою внутреннюю жизнь. И, действительно, выработало органический для себя «способ» существования – в общине. В ходе столыпинской реформы кто хотел, выделился, остальные остались.

И община продемонстрировала способность эволюционировать, успешно адаптироваться к современности. Пожалуй, жестко и последовательно «командовать» крестьянством стала только Советская власть.

В.В. Кондрашин: Но я просто скажу о том, о чем я хочу сказать – про крестьянство.

Вот крестьяне, которые жили в России до отмены крепостного права и крестьяне, которые жили в России во второй половине XIX в., – это совершенно разные крестьяне. Почему? Школы появились, земство, городская вот эта вся жизнь их захлестнула. И поэтому в деревне уже появились такие вот образы новые, как сознательные крестьяне, которые хотели учиться, которые воспринимали все передовое. И вот мой коллега и друг (к сожалению, покойный) С.А. Есиков изучал очень подробно такую проблему, как восприятие крестьянством всевозможных новаций. И вот вроде они такие, не хотят они общины разрушать, не хотят они воспринимать что-то новое, вот их надо всегда за уши притягивать... А в действительности они были просто очень практичными и понимали, если это шло на пользу хозяйству и им, и не требовало от них больших издержек, они были очень восприимчивы ко всему этому.

И, наконец, надо не забывать о том, что первым требованием всех крестьян России была земля. И если мы посмотрим приговоры крестьян, во II Государственную Думу например, то там на втором месте стояло у них требование бесплатного всеобщего образования. Деревня, допустим, периода НЭПа, она была совсем другой. Там был такой феномен как сельские избы-читальни. Даже если мы возьмем с вами Первую мировую войну (я вот опубликовал два больших тома на эту тему по Пензенской губернии), так вот: 1915–1916 гг. – это время небывалого интереса в деревне к литературе, возникают эти всякие избы-читальни, выписываются газеты. Огромный интерес был у крестьян к культурным достижениям, к внедрению вот этой всей новой техники. А кооперативные движения? Это уже была альтернатива, крестьянская альтернатива коллективизации, когда сознательные крестьяне объединялись и при поддержке

государства покупали технику, шли на эти агрокурсы и т.д. Поэтому рассматривать все это в каком-то застывшем таком виде и рассматривать коллективизацию как какой-то неизбежный путь – это, по-моему, не совсем верно. Просто так получилось, но в 1920-е гг. существовала альтернатива сталинской коллективизации в виде вот этого кооперативного социализма, в виде тех идей, которые выдвигали правые. Другое дело, что они были не реализуемы, другое дело, что трудно было тогда победить и все остальное. Но сказать о том, что это было predetermined механически, что есть какой-то железный закон, история так работает, а люди здесь ни при чем...

И вот я опять возвращаюсь к тому, о чем говорил: все-таки здесь субъективный фактор сыграл свою роль – именно победа Сталина в борьбе за власть.

Р.А. Циунчук: Нет необходимости в отказе от устоявшегося термина «Первая русская революция» / Первая российская революция». Ведь именно так именовали ее современники.

Сделаю лишь один акцент. Корректнее называть ее «русской», а не «российской», поскольку эта революция охватила страну, 57% населения которой не были русскими, но являлись подданными Российской империи.

Согласен с прозвучавшим тезисом, что революция удачна, если она заканчивается парламентом. Применительно к первому российскому парламенту, даже со всеми общеизвестными ограничениями и недостатками, особенно, в третьей версии, мы можем говорить о появлении в политической системе страны нового института, говорить о думской модели парламентаризма. Дума стала первой площадкой легального представительства и законотворчества.

Безусловно важно, что I и II Думы довольно адекватно отразили многообразие классово-политических сил, сделав участниками думского политического процесса не только представителей традиционных элит, но также весомые группы крестьян, рабочих, лиц свободных профессий. Не менее значимо для понимания Первой российской революции и первого российского парламента то, что в Думу впервые

пришли и начали работать в качестве законодателей представители практически всех регионов и большинства народов и конфессий Российской империи. Очевидно, что с появлением в 1906 г. Государственной думы этноконфессиональное и региональное измерения имперских систем «власть–общество» и «центр–регионы» начали приобретать новые очертания и содержание. Хотя система выборов и была асимметричной, однако, она создавала новую этнополитическую географию власти, а Дума в 1906–1907 гг. была реальной альтернативой радикализации политической жизни. В I Думу были избраны представители 24 народов, во II Думу прошли уже депутаты от 27 народов, а общая численность нерусских депутатов приближалась к двум сотням, составляя свыше 1/3 думского депутатского корпуса. Кадетский депутат и известный публицист В.П. Обнинский, увидев разместившихся на скамьях Таврического дворца представителей разных народов и регионов, писал: «Это был вид имперского парламента автономно-конституционного государства. Здесь владели умами интересы местные, областные и национальные». В то же время Обнинский понимал, что власть сделает все, чтобы не допустить серьезных перемен и в этой сфере общественной жизни.

Практически все национальные депутаты объединились вокруг требований равноправия, свободы вероисповедания, использования национальных языков в школе, суде и в органах самоуправления. Программы фракций отличались: Польское коло выступило за восстановление прежней автономии, Украинская громада обсуждала идею областной (краевой) национально-территориальной автономии, Мусульманская фракция и Еврейская группа поддерживали лозунг культурно-национальной автономии. Кстати, надо отметить, что среди представителей думских национальных фракций не было приверженцев национал-сепаратизма, которые добивались бы выхода из состава Российской империи. В Думе формировались новые национальные политические элиты, которые, в отличие от многих деятелей национальных революционных партий, объединявшихся с общероссийскими в революционной борьбе против самодержавия, были готовы идти легальным

политическим путем компромисса, как в национальном, так и в аграрном вопросах, которые очень тесно переплетались на окраинах. Согласен с коллегой В.В. Кондрашиным, что компромисс в аграрном вопросе в перводумский период был упущен, уверен, тогда же были упущены и возможности диалога с национальными политическими элитами и компромисса в национальном вопросе.

Власть не сделала реальных шагов навстречу предложениям национальных элит, напротив, в 1907 г. ответила резким сокращением думского национально-регионального представительства. В III и IV Думах оказались представители соответственно 18 и 20 народов, а общее число нерусских депутатов сократилось более чем вдвое. Политическая планка обсуждения национального вопроса в Думе снижалась от созыва к созыву в пользу тактической установки власти на игнорирование этноконфессионального многообразия. Символами этого курса стали ограничения финляндской автономии и вычленение из состава Царства Польского новой Холмской губернии.

Заглядывая вперед, нужно признать, что национальный вопрос не был разрешен в том виде, в каком он был поставлен в Думе умеренными национальными элитами в 1906–1907 гг., а жесткая национальная политика правительства накануне и в годы Первой мировой войны, с одной стороны, ослабляла молодой российский парламентаризм, а с другой стороны, укрепляла позиции крайних политических сил: правых – консервативно-охранительных, левых – радикально-революционистских, а также национал-сепаратистских.

Об опасности этого правительственного курса еще при П.А. Столыпине в 1910 г. предупреждал П.Б. Струве, когда писал: «Как это ни звучит парадоксально – торжествующий ныне официальный национализм прокладывает путь не национально-государственному объединению, а национальному автономизму и федерализму. Он не собирает, а дробит государство...».

Очевидно, что без анализа сложных национальных вопросов невозможно адекватное понимание диалектики такого

важного периода истории России и сопредельных стран, как Первая российская революция.

А.В. Репников: Коллеги, я тезисно...

Во-первых, хочу сказать, что у нас уже давнее сотрудничество с Государственной Думой и, в частности, С.М. Миронов был у нас в архиве. И документы мы принимаем современных думских фракций: «Справедливой России», ЛДПР, КПРФ, «Единой России» и др. То есть архив у нас комплектующийся. И поэтому, несомненно, – и это очень важно, – что от такого, немного одностороннего, монолога мы переходим к диалогу именно на площадке «Справедливой России».

Хотя диалоги были и до этого. У нас практически каждый год в Думе проходят выставки. Были выставки, посвященные Великой Отечественной и Первой мировой войнам. Были выставки в Большом манеже в прошлом и в этом году, две выставки были в Малом манеже. Мне кажется, это уже некий новый уровень, когда просто от комплектации архива документами фракций и от выставок мы переходим к живому диалогу.

Большую роль играет то, что этот диалог проходит именно на базе партии «Справедливая Россия». Потому что многие говорят о том, что надо собирать исследователей, обсуждать прошлое, настоящее, будущее. Не всегда слова превращаются в дела, а вот коллеги сделали все реально – и за это им, конечно же, большое спасибо. Думаю, данная тема будет развиваться. Понятно, что без документов, без архивов мы далеко не пойдем, потому что в архивах можно найти ответы, наверное, на любые вопросы. У нас в РГАСПИ совсем недавно была открыта выставка, посвященная 100-летию Циммервальдской конференции. Интерес к этому событию удивил даже немцев, и коллеги из фонда Эберта сказали, что впервые могут свободно вздохнуть за долгое время, потому что, как оказалось, никто особо 100-летия Циммервальда не отмечает.

Это тоже очень интересно, потому что нам нельзя забывать и темы революции. Вот здесь называли наших уважаемых коллег: С.В. Тютюкина, А.П. Корелина и др. Это

люди, которые в свое время очень много сделали для того, чтобы данные темы поднять, чтобы опубликовать большой массив документов. Но, конечно, нужно идти дальше. И здесь мы видим, что буквально вот через два года 2017 г. – 100-летие революции. И опять же, если не будет каких-то, скажем так, подвижек со стороны тех, кто непосредственно планирует программы всевозможных мероприятий на 2016 и 2017-й гг., то это будет весьма печально. Ведь именно это 100-летие может быть поводом для осмысления прошлого. Это осмысление в какой-то степени показывает и сегодняшние проблемы; помогает, отталкиваясь от прошлого, еще и будущее конструировать.

Мне показалось, что в выступлении В.П. Буддакова есть скрытая полемика с публикациями Д.Б. Павлова по теме японских денег, дававшихся на революцию. Теме, которая в последнее время стала очень модной. Но, во всяком случае, многое в этом вопросе ясно именно потому, что целый массив документов опубликован. Тот же Павлов опубликовал. И по немецким деньгам тоже многое выходит. Конечно, революцию нельзя сделать, нажав на кнопку или дав какой-то «сундук» (или даже «вагон») с золотом. Это, разумеется, упрощенное понимание событий, хотя в последние годы, видимо, в силу недавних «цветных» революций, именно такая трактовка революционных событий стала очень популярна в СМИ. Смотришь иногда «околодокументальные» фильмы, и там обязательно виден «внешний след»: то финны революцию сделали, то немцы, то японцы, то еще какие-то тайные организации. В принципе, мы имеем дело с очень сильной мифологизацией сознания и в отношении 1905–1907 гг., и в отношении 1917 г. Не последнюю роль здесь, конечно, играет то, что в первую очередь читатели обращаются к популярной литературе. Достаточно в «Библио-Глобусе» или другом крупном книжном магазине посмотреть, что там стоит на первых полках. Обращаются к легкой литературе, а не к источникам. К источникам обращаться нужно, уже имея определенный багаж знаний.

Из документов, которые отложились в разных архивах, мы пытаемся собрать и показать некую единую картину.

Потому что иначе мы революцию не поймем, если будем рассматривать ее только в одной плоскости. Это, в общем-то, вполне понятно.

Сейчас, буквально пару недель назад, вышел дневник Л.А. Тихомирова 1905–1907 гг. Фрагменты из него печатались когда-то в «Красном архиве», а мы издали его полностью. И когда готовилось это издание, нужно было подготовить к тексту более 900 комментариев. Потому что огромное количество материала, который для современника был вполне понятен (революционный терроризм, карательные экспедиции властей, служба и жизнь царских сановников и т.д.), сейчас приходится комментировать. Мы имеем дело именно с тем, что вещи понятные и даже банальные для профессионалов, для массового сознания являются сейчас «тайной за семью печатями». Посмотрите, например, блиц-опросы «первых встречных» на улице: путают Отечественную войну 1812 г., Первую мировую и Великую Отечественную. Все это нас подталкивает к тому, что надо просвещать общество. И, наконец, надо бороться с мифологизацией сознания. Каким образом это делать? Я думаю, в том числе с помощью вот таких «круглых столов», с помощью публикации документов, проведения выставок, просвещения. Может быть, даже в определенной степени настойчивого просвещения читателей и потенциальных слушателей. Нужно прививать знания, культуру, хороший вкус.

И в этом плане подобные «столы», конечно, имеют значение как интеллектуальные площадки. За что еще раз хочу поблагодарить уважаемых коллег, потому что это, как мне кажется, очень важное начинание.

Булдаков В.П.: Вынужден поправить докладчика: с Павловым относительно японских денег ни эксплицитно, ни имплицитно в полемику никогда не вступал.

С.Г. Кара-Мурза: Одна из причин нынешнего нашего состояния в том, что мы плохо знаем ту революцию, из которой вырос СССР. Особенно туманно мы представляем революцию 1905–1907 гг.

Весь XX в. Россия жила в силовом поле большой мировоззренческой конструкции, которую можно назвать

«*русский коммунизм*». Революция 1905 г. – его колыбель. Советское обществоведение дало нам облегченную модель этого явления, почти пустышку. В самой грубой форме русский коммунизм можно представить как синтез двух больших блоков, которые начали соединяться в ходе революции 1905–1907 гг. Это сплетение очень разных течений, взаимно необходимых, но в какие-то моменты и враждебных друг другу.

Первый блок – это то, что М. Вебер назвал, вслед за К. Марксом, но более определенно, «*крестьянский общинный коммунизм*» (иногда он называл его *архаическим крестьянским коммунизмом*). Второй блок – русская *социалистическая* мысль, которая к началу XX в. приняла в качестве своей идеологии марксизм. Вместе – синтез модерна (индустриализма) с общинной традицией аграрной цивилизации.

Общинный коммунизм в России питался «народным православием», не вполне согласным с официальной церковью. Социалисты в России исповедовали идущий от Просвещения идеал прогресса и гуманизма. Оба эти блока были частями русской культуры, оба имели сильные религиозные компоненты. Результатом их синтеза стали фундаментальные открытия и оригинальные политические решения. Многие из них исходили из идей В.И. Ленина, многие он сам представил и обществу России, и, реально, мировому сознанию.

Революция 1905 г. – дело общинного коммунизма, почти без влияния социалистов. Зеркало ее – Л.Н. Толстой. После нее произошел раскол у марксистов (социал-демократов), та часть, что пошла на смычку с общинным коммунизмом – *большевизм*. Важнейшим поворотом на этом пути стало принятие и развитие идеи *союза рабочих и крестьян* как субъекта русской революции. Эта инновация – ересь для марксизма.

Большевизм сформировался и стал организующей силой в момент разрыва непрерывности в развитии цивилизации Нового времени, в ходе глобального конфликта традиционных обществ с Модерном мировой капиталистической системы. Большевиком, зарождавшийся как проект освобождения эксплуатируемых и угнетенных масс

России, сразу оказался втянут в эту глобальную катастрофу. Оказалось, социальные противоречия России нельзя было разрешить или смягчить, если не вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма, в которую капитализм втянул Россию.

Эту траекторию резко изменила революция 1905–1907 гг., из которой Ленин и идущая за ним часть большевиков сделали фундаментальные выводы. Уроки этой революции позволили им преодолеть важнейшие догмы марксизма и начать строить новую концепцию общества, государства, революции и даже мироустройства (*марксизм-ленинизм*).

В ходе революции Ленин пересмотрел модель Маркса и порвал с взглядом на крестьянство как на реакционную мелкобуржуазную силу. Это был разрыв с западным марксизмом. В статье «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908) Ленин дал новую трактовку русской революции. Это – революция не буржуазная, а союза рабочих и крестьян ради *предотвращения* капитализма. Так параллельно назревали *две* революции, враждебные друг другу. Революция 1905 г. явно пошла по пути, который отверг Маркс. Программа Ленина означала разрыв с ортодоксальными марксистами.

Революция 1905 г. и реформа П.А. Столыпина приводят Ленина к выводу: крестьянство не просто не распалось, оно носитель революционного потенциала. В 1908 г. Ленин отказывается от главных тезисов своей книги 1899 г. и признает, что народники верно определили устремление крестьян и грядущей революции.

В совокупности крестьянских наказов и приговоров 1905–1907 гг. выражена центральная мировоззренческая матрица крестьянства начала XX в. Реформу Столыпина отвергли принципиально и непримиримо – не было *ни одного* наказа с ее поддержкой. Революция 1905 г. была лишь первой пробой сил крестьянского коммунизма. Она не достигла всех своих целей, но стала «университетом» для рабочих и крестьян.

После 1905 г. из потока проектов стали выделяться большевики – у них стала складываться новая картина мира. Марксизм (как и либерализм) исходил из принципов «*науки бытия*» – классической науки XIX в. История была чередой

состояний *равновесия*. Революция 1905 г. дала толчок теории. Ленин изучал кризис физики и ввел в партийную мысль принципы «*науки становления*». Большевики видели процесс как переходы «*порядок–хаос–порядок*» (в наших терминах).

В своей теории революции Ленин сразу вышел на важнейшие общие закономерности, отвечающие на критические вопросы многих стран и целых цивилизаций. Это те страны, которые переживали кризис модернизации, находясь на периферии капиталистической системы. Ленинизм дал импульс современному национально-освободительному движению и крушению колониальной системы.

Люкшин Д.И.: Революция в России была, наверное, не единственной, но почему революцию Пятого года мы называем Первой?

Прежде чем предложить свою версию ответа на этот вопрос, позвольте выразить признательность за возможность выступить в этом историческом здании перед столь блестящей аудиторией.

Когда мы говорим о Первой русской революции, мы, в общем-то, оказываемся в весьма своеобразной ситуации, потому что в большом историческом ритме Первая русская революция закрывается от нас революцией 1917 г. Мы ее («Первую») получаем, вычитая из «Третьей», привязываем к Октябрьской революции 1917 г. Слов нет: тройственный ритм, лежащий в дискурсивной формации христианской цивилизации, задает темп всей евро-атлантической культуре, и, заслышав его в какофонии исторических коллизий, любой духовный наследник Августина Блаженного воспримет сюжет, состоящий из трех элементов, как гармонически заверченный.

Но... Давайте еще раз вспомним М. Левина: давайте представим, что Семнадцатого года не было. Не хронологически, а так сказать – историософски. Тогда революция Пятого года приобретает свое собственное звучание, уникальный исторический смысл. Кроме того, изменение исторической ретроспективы тоже подталкивает к корректировке взгляда на революцию 1905 г. Хотя бы потому, что на каждом повороте истории обнажаются некие новые исторические смыслы. У нас же, насколько я помню, серьезный

анализ революции 1905 г. предпринимался еще в годы Советской власти, то есть 30 лет назад. Это достаточно много, для того чтобы иметь возможность изменить угол зрения, сместить фокус зрительный, и посмотреть на «Первую русскую революцию» уже не как на «преддверие Октября», не как на его «генеральную репетицию», а как на некую своеобразную, отдельно стоящую веху в истории, самостоятельную такую революцию. Это объективная задача. Она связана с особенностью деятельности истории как социального института, и хотя каждое поколение историков искренне полагает, что здесь и сейчас дает окончательный ответ на все вопросы, через какое-то время оказывается, что фокус опять сместился – и приходится те же самые задачки перерешивать.

Но кроме объективной причины возвращаться к анализу революции 1905 г., на мой взгляд, существует еще и субъективная. Просто анализ событий 1905 г. представляется более плодотворным вне контекста революции 1917-го, о чем, кстати, И.И. Глебова говорила. То есть, ставить вопрос: как 1905 г. выглядит с точки зрения современной истории именно из XXI в.? Ну и, в отличие от наших старших коллег, которые вплоть до 1989 г. были обязаны выступать с позицией, скажем так, однозначной победы коммунизма, мы можем позволить себе некоторые вольности и отсутствие, соответственно, генерального дискурса закономерности исторического развития.

В связи с этим мне бы хотелось поплакаться перед коллегами в на тему того, что попытка в течение трех часов, четырех, пяти... часов решить проблему революции 1905 г. – она, естественно, избыточно амбициозна. Мы не можем этого сделать. Поэтому, отдавая дань уважения нашим гостеприимным хозяевам, хотелось бы все-таки отметить, что серьезные разговоры могут начинаться только в случае продолжения этих встреч и превращения этого «круглого стола» в некую серию встреч с более узкой тематикой. Кстати говоря, поиск этой тематики тоже остается открытым: какие вопросы выносить на эти встречи не совсем понятно, зависит от взгляда каждого из участников.

Мне бы в связи с этим хотелось затронуть, собственно, две проблемы, которые кажутся мне, ну, если и не самыми важными, то одними из... Это проблема «Русской Смуты», которую интерпретируют по-разному. Скажем, классическое определение смуты – это утрата государственного устройства и пребывания общества в безгосударственном состоянии. Сегодня мы слышали, что это период, когда народ ищет сам себя. Мне бы хотелось подчеркнуть, что не только народ. Это период, когда, прежде всего, власть ищет саму себя, она пытается себя найти, осознать себя властью и понять, что, в общем-то, это последний окоп, выхода из которого уже нет. То есть, откуда берется новая власть, кто это новая власть?..

И, конкретно, переходя к революции 1905 г.: на мой взгляд, совершенно недостаточно внимания уделяется деятельности либеральной оппозиции и оппозиции вообще, в связи – не только с думской, – а вообще с политической риторикой начала XX в., когда традиционный аграрный вопрос, имевший как бы статус дискуссионной площадки между властью и обществом, уступает место вопросу рабочему. И после того, как политическим трендом становится рабочий вопрос, а аграрный – отходит на второй план, мы получаем Вторую русскую смуту, мы получаем рурализацию общества и сокрушенное заявление В.И. Ленина в 1918 г. о том, что пролетариат выступил в качестве агента мелкой буржуазии, то есть таскал фактически каштаны из огня для крестьянства.

Почему аграрный вопрос перестал быть актуален? Я попробую предположить: потому что крестьянство, в общем-то, в революции 1905 г. себя проявило, ну, скажем так, «средненько», а вот пролетариат действительно «прогремел». И в либеральных кругах возникло ощущение, что ставка на крестьянство не актуальна, что лучше сделать ставку на пролетариат.

В этой связи возникает вопрос о том, насколько наши либералы стремились выражать интересы той или иной части населения, насколько оправдана была их именно партийная риторика – и не являлась ли политическая дискуссия начала XX в. спекуляцией, имеющей целью просто выцыганить чего-нибудь у власти.

При этом я вовсе не собираюсь ставить под сомнение неоднократно звучавшее здесь мнение, что в начале XX в. нам с властью-то, в общем, не повезло. Объективно не повезло.

В.В. Кондрашин: Очень короткий вопрос. Все-таки, мне не совсем понятна вот эта формулировка, что крестьянство проявило себя в годы Первой революции «средненько». Помоему, факты говорят о другом, и даже участие крестьянства в выборах в Государственную Думу и т.д., все это как бы не очень похоже на «средненько».

Что Вы имеете в виду под «средненько»?

Люкшин Д.И.: А я имею в виду ресурс бунтарский, агрессивный ресурс.

Крестьянство, как показали события Пятого года, было открыто для диалога с существующей властью (в этом смысле заслуга П.А. Столыпина в том, что он этот диалог начал, сменив менторский тон на деловой). А либералы (и не только либералы), претендовавшие на роль теневого Кабинета, намеревались эту власть шантажировать, выбивать из нее блага разные, которые как они считали, в стране распределены несправедливо.

Но для того, чтобы государство обратило на них внимание, повернулось, так сказать, лицом, требовался соответствующий инструмент: здоровенная такая колотушка, чтобы достучаться. Так вот, начиная с А.И. Герцена на роль этого инструмента выдвигали крестьянство, которое, когда у него была нужда, могло так «вдарить», что любой самодержец быстренько оборачивался. Я специально обращаю внимание коллег на то, что крестьянство не само выдвигалось, его так позиционировали те, кто считал себя вправе (или в состоянии) говорить от имени «Великого немого». Но не получалось: «хождения в народ», десятилетия террора, иступленное просветительство... – все напрасно. Кризис оппозиции, драма народничества, тезис о вековечной отсталости России – все это следствия разочарования наших робеспьеров в российском крестьянстве, которое создало песню, подобную стону, и духовно почило.

На самом деле, являясь органическим элементом народного тела, крестьянство (как показали через сто лет после

Н.К. Михайловского исследования Дж. Скотта и Т. Шанина) не может выступить против власти, это для него самоубийство (представьте себе, что получится, если мозг начнет войну с желудком; как минимум, язва получится...), но на рубеже XIX–XX вв. этого еще не знали.

И вот, в конце позапрошлого века, марксисты «обнаружили» пролетариат и, как положено марксистам, стали убеждать старших товарищей: ах, оставьте вы этого чумазого мужика, который ни на что не способен, возьмите лучше вот этого замечательного пролетария, – у него и молот соответствующий. Но их мало кто слушал, до декабря 1905 г., когда на баррикадах Пресни родилась революционная легенда российского пролетариата. После этого как прорвало, все партии вынесли в повестку дня рабочий вопрос. Ну не сразу, конечно, было еще Выборгское воззвание, такая последняя попытка...

Тренд сменился. Я ведь когда говорил: «средненько», – имел в виду не размах крестьянского движения (оно, кстати, во всю мощь развернулось в 1906 г.), а несоответствие крестьянских лозунгов и формата аграрного дискурса вообще ожиданиям либералов и пророчествам социал-демократов. Оппозицию категорически не устраивал налаживающийся диалог крестьянства и правительства, потому что крестьянский парламентаризм, через какое-то время, вообще сделал бы бессмысленным так называемый российский либерализм.

Кстати сказать, в Семнадцатом году сыграла именно эта карта: к власти пришли – во всяком случае, удержали ее – те, кто использовал агрессивный ресурс пролетариата, точнее сказать: маргинального горожанина. Но это уже немного другая история...

В.В. Кондрашин: Вот это «средненько»! Просто, когда у них появилась возможность легально, мирным путем решать свои проблемы, они отказались от этих радикальных мер, и в общем-то, участвовали в выборах.

Наоборот, это показатель того, что большинство (это, кстати, речь идет о большинстве населения России), которое вместо того, чтобы бунтовать дальше, слепо и, в общем-то, бесполезно, воспользовалось законными методами и пыталось

решать эти проблемы парламентским путем. Почему это «средненько»-то?

То есть, по-вашему, «не средненько», если бы они продолжали жечь помещиков, там, убивать их, то есть вели бы себя как больные, психически ненормальные люди? Потому что нормальный человек, если у него есть выбор не делать этого, он это делать не будет.

И поэтому я не согласен с вами, с такой формулировкой.

В.А. Демин: Я хотел бы кратко рассмотреть особенности российского парламентаризма в годы Первой революции и сравнить их с зарубежной практикой, выявив таким образом некоторые общие черты и особенности.

Но прежде чем сравнивать российский парламентаризм с зарубежным, надо, естественно, немного сказать о последнем. Я упрощенно возьму для сравнения только Европу. Ее страны по особенностям перехода от традиционного строя к парламентской демократии можно разделить на три группы.

В первую вошло большинство европейских государств, в которых был более или менее длительный период абсолютной монархии. В них под руководством монархии произошло объединение и (или) достижение независимости, поэтому монархия пользовалась огромным престижем и влиянием. Возвращаясь к вопросу С.Ю. Разина, могу сказать, что во всех этих странах парламентаризм первоначально внутренних корней не имел и был заимствованным институтом, и только потом укоренился.

Ко второй группе относятся несколько стран, в которых не было длительного периода абсолютизма (или его не было вообще) и конституционный строй складывался на основе сословно-представительной монархии или сословно-представительной республики. Это Англия, Нидерланды, Швеция, Венгрия. Именно в этих странах парламент имел прочные корни, и именно они разработали теорию и практику парламентаризма.

К третьей группе относятся в основном балканские страны и Норвегия, которые в XIX в. либо возникли, либо возобновили существование после перерыва в несколько веков.

Их особенности для экономии времени разбирать не буду и перейду к России.

Очевидно, что Россия относится к первой группе, но перешла к конституционному строю позже, чем большинство таких стран. Запоздание это имеет несколько причин, остановлюсь только на самой фундаментальной. Во всех странах этой группы первоначально был длительный период цензового или куриального голосования, при котором решающий голос на выборах был у имущих классов, а неимущие либо вовсе не голосовали, либо голосовали, грубо говоря, «на птичьих правах». В России введение таких выборов было крайне затруднительно. Как известно, в сознании крестьян был принцип: царь хорош, бояре плохие. То есть народ видел в царе своего защитника от имущих классов. Соответственно, если бы царь поделился властью с имущими классами, то крестьяне этого бы не поняли.

Теоретически был второй вариант – немедленное введение демократического голосования. Но понятно, что к нему Россия была также не готова. Во-первых, были острые разногласия между царем и крестьянами по аграрному вопросу. Вдаваться в них не буду из-за недостатка времени. Скажу лишь, что для осмысленного избрания начальства люди должны иметь какой-то уровень образованности. Между тем у крестьян такого уровня не было и в конце XIX в. Тут говорили, что до реформы не было, а после реформы было. Нет, только появлялось. К концу XIX в. в начальные школы ходила только треть детей соответствующего возраста. То есть две трети были вне школы.

В силу этого, в России и в XIX в., и в начале XX в. цари избегали конституции. Хотя некоторые из них, как известно, были ее сторонниками.

Когда же Россия все-таки перешла в годы Первой революции к конституционному правлению, то развитие событий в ней было точно таким, как и в других странах первой группы, в которых был длительный период абсолютизма. Почти все эти страны вначале ввели относительно демократическое голосование, но очень быстро от него

отказались в пользу цензового или куриального. То же самое произошло и в Первой русской революции.

Вообще, думская история России времен Первой революции очень напоминает историю Пруссии 1848–1849 гг. Прусский король в 1848 г. созвал Национальное собрание, а спустя несколько месяцев его распустил. Депутаты призвали народ к пассивному сопротивлению. Параллель с I Думой налицо. В 1849 г. король Пруссии созвал палату депутатов, в том же году ее распустил и своей властью издал новый избирательный закон. Параллель с событиями II Думы и законом 3 июня 1907 г. налицо. Основные законы России 1906 г. (то есть конституция Российской империи на последнем этапе ее существования) точно напоминали зарубежные конституции, особенно прусскую, австрийскую и японскую.

В заключение скажу, что причины, препятствовавшие созданию парламента в XIX в., в полной мере действовали и в начале XX в. То есть создали относительно демократическую Думу – и она тут же стала требовать невозможного в рамках эволюционного развития страны. Тут говорилось, что I Дума якобы предлагала какой-то такой компромисс разумный. На самом деле она требовала немедленного перехода к демократии и немедленного формирования правительства, ответственного перед ней. И к чему бы это привело? Позволю себе процитировать пророческое утверждение журнала (протокола) заседания Совета министров в июне 1906 г., в котором говорилось, что ответственное перед Думой либеральное правительство будет вынуждено вести политику «боязливых уступок и деморализации администрации при растущей дерзости революционных партий. По истечении некоторого времени такое министерство, чтобы не быть самому заарестованным революционерами, вынуждено будет вступить с ними в борьбу. Но врага ему придется встретить с деморализованными армией и администрацией на позиции, наперед потерянной». Как известно, в 1917 г. произошло именно это.

Как известно, положение о выборах 3 июня 1907 г. превратило российскую конституцию в цензовую. Она в краткосрочном плане привела к очень успешному

экономическому, культурному и прочему развитию страны. Однако долгосрочные последствия были иные. Революция 1905 г. была, как известно, подавлена армией, состоящей в основном из крестьян.

То есть в 1905 г. армия сохранила верность присяге. Про 1917 г. этого сказать нельзя. Крестьяне – или их значительная часть – поняли, что царь вместо выполнения их требований предпочел поделиться властью с помещиками.

А.В. Чертишев: __Известный французский философ К. Леви-Стросс утверждал: «Хранить свое прошлое является долгом каждого народа, долгом не только по отношению к самому себе, но и по отношению ко всему человечеству. Это сохраняет силу для всех народов, но особенно это так для народов, находящихся в привилегированной ситуации: переживающих свое прошлое в тот момент, когда для них открывается иное будущее».

С уважением относясь к прошлому России, партия «Справедливая Россия» предоставила интеллектуально-дискуссионную площадку для обсуждения уже состоявшегося варианта развития страны, важной вехи в ее истории – Первой русской революции, справедливо полагая, что разнообразие ракурсов ее описания даст более полное и объективное понимание этого события для современного состояния российского общества. Это важно еще и потому, что к знаменательным датам усиливается рокот голосов – угрюмых басов и, в терцию к ним, ехидных теноров агрессивных невежд, мошенников от истории и других околосторических деятелей, которые воспринимают окружающий мир, людей, жизнь и историю чаще всего эгоистически, с высоты возведенного ими самими собственного интеллектуального пьедестала, подменяя историческую правду красиво сформулированными домыслами, мифологией, фальсификациями. Учитывая традиционную отечественную любовь к историческому мифотворчеству, можно даже считать верной сентенцию: «На Западе забывают то, что было. В России вспоминают то, чего не было».

110 лет отделяет нас от того, что современники этого события называли «Первой русской революцией», ныне

полузабытой или остающейся в тени «Великой русской революции» 1917 г. Историческая дистанция вполне позволяет прийти к осмыслению не только ее причин и содержания, но и ближайших и далеких последствий: мы можем видеть и знать, к чему привело это крутопереломное событие.

Первую русскую революцию осуществили не слепые силы природы и не безликие массы, а вполне реальные люди, которые преследовали свои интересы. При всей своей стихийности она стала результатом преднамеренных действий, и с этой точки зрения не может не подвергаться исторической оценке.

По моему мнению, в самом общем плане, Первая русская революция была, *во-первых*, трагедией в истории России. Всякая революция по своей сути всегда трагедия, трагедия же России, наряду с человеческими жертвами и материальными потерями проявилась и в том, что огромную роль в революции подчас играли не исключительно тяжкие условия существования, а непримиримые позиции власти и общества.

Во-вторых, эта революция была ожидаемо желанной для значительной части российского общества, особенно его интеллектуальной составляющей. Революцию в России ждали около ста лет, теоретически обосновывали, пытались практически готовить и завидовали Европе.

В-третьих, Первая русская революция сопоставима с европейскими революциями XIX в. по характеру, интенсивности и результатам, но отличалась меньшей прагматичностью в силу того, что российское общество имело довольно смутные представления о том, чего оно хочет и как этого реально достичь.

В-четвертых, эта революция была успешной. Плачевная хрупкость уз, скрепляющих Россию в начале XX в., определялась взаимодействием двух сил. Была историческая власть, с большим запасом знаний и опыта, которая уже не могла править одна, но опасалась всего, что не исходило из нее самой. И было общество, многое правильно понимавшее, полное благородных намерений, но не умевшее управлять ничем и никем, даже собой. Получалось буквально по

М.Е. Салтыкову-Щедрину, который отмечал характерную для русских людей способность и готовность быть всем, кем угодно. Уверенность в нашей талантливости так велика, что для нас не полагается никакой профессиональной подготовки. Всякая профессия доступна нам, ибо ко всякой профессии мы вкус от рождения получили. Свобода от наук не только не мешает, но служит рекомендацией, потому что сообщает человеку букет свежести. Смягчающим обстоятельством такой невинности, наивности и государственного простодушия, о чем откровенно писала в воспоминаниях А.В. Тыркова-Вильямс, может служить только то, что ни у кого не было исторического опыта жизни в иных условиях, вне монархии. Общественники не давали России застыть и замерзнуть, когда сверху старались превратить ее в холодильник, а снизу – в костер; «нетерпеливцы» всячески подталкивали страну вперед, в то время как авторитарное государство из всех сил жало на тормоз; руководство России рассматривало ситуацию начала века как необходимость укрепления власти, радикалы – как сигнал к разрушению существующего строя.

Главный успех Первой русской революции состоял в том, что она завершилась не победой одной из этих двух сил, а компромиссом, основанном на взаимном самоограничении. Результатом этого компромисса стала Конституция 26 апреля 1906 г., широкая политическая реформа и столыпинские преобразования страны, а российский народ через возникновение парламентаризма получил определенный опыт политической культуры. Все это в целом создавало самые благоприятные условия для продвижения России к более совершенному состоянию. При этом следует особо подчеркнуть, что все составляющие успешного результата Первой русской революции не были случайными: за каждой из них была своя история, своя подготовка.

Самая большая удача Первой русской революции состоит в том, что власть и общество не уничтожили друг друга, что они не «взорвали народ» до состояния общей смуты, а народный мир, пережив волнения и повышенное напряжение, все-таки устоял и на некоторое время сохранил равновесие.

К сожалению, компромисс власти и общества оказался непродолжительным: обе силы сходным образом усмотрели в Думе не возможность прийти к согласию, а арену борьбы, и на трезвые голоса, призывавшие к сотрудничеству, обрушивались критики с той и с другой стороны. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что Первая русская революция, несмотря на все ее несомненные достижения, не только не устранила главной российской беды – отчуждения правителей и их подданных друг от друга, но и отяготила ее, загнала вглубь.

Уроки Первой русской революции показывают, что необходимо изучать сущее, а не должное, и прежде всего с позиции антропоцентризма: способствовала ли революция свободному и позитивному существованию и развитию человека и гуманизации общества. Весьма актуальными и сегодня являются вопросы, возникшие в ходе революции: есть ли настоящая необходимость разрушать создававшиеся веками и испытанные временем институты ради новых, якобы идеальных систем, оправданно ли жертвовать благополучием и даже жизнью людей нынешнего поколения ради поколений грядущих? Как совместить порядок со свободой, не разрушив при этом социальную организацию?

И еще одно, не бесспорное, утверждение. По мнению того же Салтыкова-Щедрина, чтобы российская власть была успешной, она должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления. Может, стоит прислушаться?

Ф.А. Селезнев: Сегодня в рамках нашей плодотворной и весьма яркой дискуссии, на мой взгляд, было очень много критических стрел выпущено в адрес власти начала XX в.

Она, с одной стороны, слабая, с другой – наоборот, не шла на компромисс, была сама по себе и т.д.

Я не буду защищать власть начала XX в., хотя тот же самый Столыпин ведь был выбором Николая II – и именно Николай его поднял и сделал главой Кабинета. Но это отдельный разговор. Столыпин – тоже непростая фигура. Тем не менее, реформы Столыпина были сделаны при поддержке Николая II – и без поддержки царя они не могли быть сделаны.

Но сейчас я не буду говорить о плюсах власти, а хочу поспорить вот с каким тезисом. Мне кажется, все выступающие

сегодня воспринимали власть как единое целое. На мой взгляд, это не так. Элита была расколота – и в этом одна из причин тех событий, которые имели место в 1905 г.

А причина этого раскола элиты в том, что само общество было расколото, что оно переживало переходный период от аграрной стадии к индустриальной – и в результате этого и шли все эти процессы, которые приводили к противоречиям внутри элиты и противоречиям между правителем и элитой. Эти противоречия ослабляли элиту. Они затрудняли ее возможность и управлять, и вести диалог. Если мы посмотрим на состав правящих кругов, мы увидим там самые разные персонажи, самые разные позиции. Там были люди, которые, допустим, как директор Департамента полиции А.А. Лопухин, сотрудничали с эсерами, там были люди, которые готовы были идти на уступки либеральной оппозиции. Тот же С.Ю. Витте, например, на этапе, который привел к Манифесту 17 октября, как раз эту линию проводил. И эта линия возобладавала, результатом чего и стал Манифест.

И здесь я, конечно, солидаризировался бы с И.И. Глебовой, которая сказала, что удачная революция – это когда ее результатом будет парламент. В данном случае парламент у нас получился, это был результат компромисса.

Но другой вопрос, – опять же, коллеги, возвращаюсь вот к этому тезису: а с кем можно было иметь дело, с кем этот компромисс мог быть заключен?

Пассионарная часть оппозиции – это социалистическое ядро, социалисты. Компромисс с социалистом был невозможен. Либералы, по сути, занимали промежуточное, «межумочное» положение, – и то, что они не пошли в правительство, очень ярко их характеризует. Они боялись своих соседей слева, и все время озирались на их мнение. Об этом очень много писала публицистика.

Поэтому, по большому счету, компромисс, конечно, был очень трудно достигаем, – и то, что шло движение в этом направлении, и какое-то подобие компромисса было достигнуто, – это, мне кажется, большое искусство и «плюс» Николая II и его окружения.

В.М. Шевырин: Большие научные открытия принято делать не на каждой конференции. И на нашем «круглом столе» мы их не делаем, что вовсе не означает, что мы лишь культивируем достижения прежней историографии и предаемся забытой новизне ее постулатов.

Напротив, рефрен в дискуссии – необходимость пересмотра давно сложившихся представлений о революции. И это не есть «чистая платоника», – участники дискуссии предложили идеи, корректирующие эти представления.

Скажу об этом кратко. И начну с того, «забыта» ли революция 1905–1907 гг.? Разумеется, нет: появляются новые публикации, проходят конференции, посвященные ей, да и юбилеи – столетие Государственной думы и столыпинской реформы, порожденные ею, не дают и малейшего повода усомниться в том, что история революции востребована и ныне.

И дело не только в этом. Революция привлекает к себе внимание, прежде всего, тем, что она первая в череде российских революций, действительно изменивших мир. В нашей дискуссии было высказано мнение, что надо чуть ли не отказаться от самой терминологии: «Первая» революция, «Вторая»... Но могут ли историки «рубить» так сплеча, если участники и свидетели того рокового времени именно так и называли революции – «Первая», «Вторая». И еще: при таком отказе возникает аберрация самого исторического процесса в России, исчезают основные его вехи и нарушаются глубинные, имманентные связи между революциями, что было для многих современников так очевидно. При таком подходе повисают в воздухе все историографические датировки, периодизация начала и конца революционного процесса в России. Повторю, многие современники тех событий отчетливо сознавали связь между всеми революциями в России. Другое дело, что не было фатальной неизбежности этих революций. Философ, князь Е.Н. Трубецкой был прав, когда писал, что в России «все возможно в любую сторону». Но каждая из революций способствовала успеху последующей. И все заговорщические версии в прошлом или настоящем, все рассуждения о японских или немецких деньгах «для революции» – как потерянный кошелек с мелочью, как мусор под ногами истории.

Первая революция была народной. Это справедливо отмечается в дискуссиях, но ждало ли российское общество революцию едва ли не весь XIX в.? Нет, оно ждало реформ. И они явились. Благодаря им Россия вступила в 1860-е гг. в новый период своего развития. Однако неполнота реформ, их незавершенность, роковое промедление с их проведением вызывали постепенное напряжение в социально-экономической и политической сферах, рост радикальных и оппозиционных настроений.

Бесспорно, что 1861-й год «прообразовал» 1905-й. Стержнем революции стал аграрно-крестьянский вопрос – «мина», заложенная самим характером реформы, сработала в 1905–1907 гг. Но революция началась в городе. И пламя революции охватило всю страну. Это было следствием того, что развитие страны сделало другим российское общество. И те радикальные оппозиционные идеи, которые широко распространились в обществе уже не были простой их филиацией, заимствованием, а стали теоретическим обоснованием практики политических сил.

Может быть, и поэтому не стоит революционные события XX столетия называть «Смутой», даже и с определением «Красная»? Чрезмерный акцент на психологии масс, участвовавших в «смуте»-революции, как бы затемняет ту роль, которую играло тогда их сознание. А оно было неизмеримо выше того, что проявлялось в смутное время XVII в.

Россия же в начале XX в. вступила в глобализирующийся мир. Русско-японская война, по мнению ряда современных ученых, была предтечей Мировой войны. И эта дальневосточная драма имела серьезное влияние на социально-экономическую и политическую ситуацию в стране. Военные поражения России привели к катастрофическим последствиям для правящего режима. Русско-японская война способствовала появлению «дуалистической монархии»; Первая мировая война сыграла огромную роль в падении самодержавия и затем – Временного правительства.

В дискуссии проявился нетрадиционный подход к оценке результатов революции. В прежней историографии

подчеркивалось, что она потерпела поражение. Сегодня выражается и иное мнение. Это был компромисс власти и общества. Причем позитивную роль в этом сыграл Николай II, споспешествовавший реформам... Если это и так, то это было очень «из-под революционной палки» и перемежалось с попытками вернуть уступленное.

Если власти и не с кем было договариваться, то больше всего по вине самой власти.

А.В. Гордон. В прошедшей дискуссии я с удовлетворением услышал новые идеи или новое обоснование уже вошедших в научный оборот позиций. Очевидное свидетельство значимости Проекта, в том числе из-за инсинуаций по поводу переписывания истории!

«Переписывание» – естественный спутник историографического процесса; плохо, когда оно диктуется политическими потребностями и превращается в уничижительность по отношению к накопленному наукой опыту и ученым – его носителям. На моей памяти такое бывало неоднократно. Кстати, помянутый здесь «Краткий курс истории ВКП (б)» был именно прямым переписыванием в совершенно определенных политических целях.

«Переписыванию» подвергается сейчас и революционная традиция: вместо апологии – поношение, выливающееся в уничтожение не просто памятников, – исторической памяти народа. Отражением «обличительства» (О.Г. Буховец) выглядит стремление обойтись без революций в историческом процессе. Понятна реакция на абсолютизацию их роли, когда даже в античности открывали «революцию рабов и колонов». Разумеется, социальные революции, означающие переход общества из одного состояния в другое посредством насилия, отнюдь не универсальное явление. Скорее продукт определенной исторической эпохи – Нового времени, времени ломки традиционных аграрных обществ и крушения абсолютистских режимов

Понятна и ассоциация революций с хаосом, «смутой», тотальным разрушением. Да вот плодотворна ли она? Вспоминаю, как в середине 1990-х гг. выступал на конференции представителей вузовской науки со всех концов

России. Говорил о роли Великой французской революции в утверждении цивилизации Нового времени – Модерна или Модерности, как ее сейчас называют. И встретил ошутимое непонимание: как же так, ведь революция – это Зло, а цивилизация – Благо. Да, – возражал я, – Революция ознаменовалась разгулом насилия, но ведь принесла Декларацию прав человека и гражданина, гражданское равенство, право крестьян распоряжаться своей землей. А Модерность разве безупречна? Не принесла ли эта цивилизация колониализм и мировые войны? Думаю, и Революция в России заслуживает ценностно-амбивалентного подхода, который, на мой взгляд, в целом и продемонстрировали участники «круглого стола».

Позитивная оценка отнюдь не избавляет меня от желания поспорить с некоторыми положениями. Так называемое аграрное перенаселение считается одной из предпосылок революции. Почему «так называемое»? Из-за распространенной трактовки «перенаселенности» в мальтусовском духе фатальности для аграрных обществ. Была на эту тему в 1980-х гг. обстоятельная монография Ю.Г. Александрова, с тех пор положение, как вижу, изменилось мало.

Чем измерить «избыточность» населения в условиях, когда огромное большинство его жило в деревне? Что такое «избыточная» рабочая сила по меркам традиционных обществ, с учетом страдности и других особенностей труда на земле? У М.М. Пришвина в заметках по Прионежью есть многозначительное замечание. Пока в деревнях было достаточно мужиков, край обеспечивал себя. После массового отхода Олонецкая губерния сделалась депрессивно-потребительской. Льноводство на Северо-Западе могло существовать только благодаря «избыточной» рабочей силе, и обмен льна на зерно обеспечивал благосостояние края, пока сохранялся этот «избыток».

Десятилетиями слышу «сколько десятин на душу?». Но ведь прав В.В. Бабашкин, это средняя температура по больнице: чернозем Тамбовщины, подмосковный суглинок или псковский песчаник? Да еще расположение: недаром община во

имя уравнительности бесконечно дробила семейные наделы. И недовольство крестьян в немалой степени было обусловлено расположением барских земель, вынуждавшим арендовать их на самых невыгодных условиях. И кстати, почему не учитывается, какая часть этих самых земель перешла фактически в крестьянский оборот? Известно, что в пореформенный период крестьянская аренда возрастала: помещики уходили от хозяйствования.

Есть и другая сторона вопроса.

«Аграрное перенаселение» видится общим признаком традиционных обществ, и Т. Мальтус выводил свой «железный» закон отнюдь не в России, а из опыта Западной Европы. Но ведь не везде и не всегда дело доходило до крестьянской революции и тем более «черного передела». К XX в. крестьянские общества постепенно научились справляться с порочностью демографического цикла. И не только принудительным ограничением рождаемости, но и трудоинтенсификацией, совершенствованием агротехники, наконец, химизацией. Заметим, российская деревня в начале XX в. уже была неплохо знакома с туками. А в наше время в перенаселенной деревне Южной и Юго-Восточной Азии альтернативой «красной» явилась «зеленая революция», обусловленная, кстати, внедрением рыночных отношений. Понимая ориентировочное значение «гектарно-душевой» статистики, я против того, чтобы она служила основой для далеко идущих выводов вроде «обреченности» аграрной модернизации в России.

Никак не могу согласиться, что истиной крестьяноведческого подхода является «моральная экономика». Абсолютизирующая логику и психологию натурального хозяйствования концепция Дж. Скотта – лишь один из подходов, вызвавший принципиальные возражения. Когда я в 1970-х гг. взялся за крестьяноведение, моя позитивная программа была крайне слаба. Но были два догмата, которые я воспринимал прямо по В. Высоцкому: пусть впереди большие перемены, я с этим никогда не соглашусь. Один, – что крестьянство – объект Истории; и другой вот этот – неизменность крестьянской природы, что крестьянство – это

«вечно средневековая масса». Цитирую идеолога Третьего мира Ф. Фанона, который отнес данный стереотип к «европейскому мышлению», представленному в равной степени либеральной и марксистской мыслью.

Конкретно об изменениях, происходивших в российской деревне в пореформенный период, уже говорилось. Хочу заострить вопрос: о чем идет речь при столкновении различных оценок перспектив крестьянской модернизации – об изменениях в материальной жизни и их восприятии крестьянами или о «первобытно-аграрном коммунизме» в нашем сознании, о своеобразно кодексе «аграрного романтизма», сформулированном народнической мыслью во второй половине XIX в.?

Подчеркивая необходимость такого различия, я отнюдь не умаляю значения констант национального сознания. Напротив, мне самому довелось ими заняться в 1990-х гг., и кстати, я обнаружил, что основные архетипы так называемой Русской власти – сравнительно недавнего происхождения. Так очень важный из них сложился при Екатерине II – о вечности самодержавия. Будто бы установилось оно в России от «призвания князей» (так царица деликатно именовала предводителей варяжских дружин) и с тех пор является выражением народной воли.

Этот догмат противопоставлялся идеологеме «завоевания» как основе государственности в Западной Европе. Последней идеологии Екатерининского века отводили вечную борьбу верхов и низов, а России – народное единение вокруг власти. В пику прозвучавшим утверждениям о неискоренимом западничестве российской правящей элиты должен сказать, что сама царица, держа курс на европеизацию, была весьма озабочена отстаиванием национальной идентичности. Ныне синкретичность ее позиции, сплавлявшей отечественную традицию с идеями Просвещения, представляется весьма актуальной.

В текущем моменте вполне понятны установки исследователей на изыскание самобытности России. Нежелателен лишь отрыв от всемирно-исторического процесса. Тут, как и в политике, изоляционизм несостоятелен.

Поучителен пример современного Китая. Подобно России, для КНР злободневна задача отстаивания статуса великой державы. Притом веками китайские мыслители придерживались мифологемы самодостаточности Поднебесной, независимости ее существования от остального мира. А сейчас, когда Китай глубоко интегрирован в мировую экономику и прокладывает «шелковые пути» по всей Евразии, в широкий научный обиход вошли мир-исторические теории, в которых доказывается, что при всем своеобразии страна была неизменной частью мировой системы, испытывая влияние исторического процесса в Европе и, в свою очередь, влияя на него.

В.В. Кондрашин очень уместно напомнил, что революция 1905 г. была частью мирового исторического процесса и имела широкое международное значение. Поучительны и приводившиеся факты демократического прогресса России в ходе революции. Характеризуя – совершенно справедливо – своеобычность этого процесса в России, не следует забывать об общем его направлении. В том числе в социально-психологическом или, как было уточнено И.И. Глебовой, в цивилизационном плане.

При всей смене идейно-теоретических поветрий не устаю восхищаться гениальным – другого слова не подберу – определением революционной ситуации у В.И. Ленина «низы не хотят жить по-старому, верхи не могут управлять по-старому». Что значит «не могут»? Колоссальный вышколенный и отлаженный бюрократический аппарат, полиция, тюрьмы, каторга, великолепная система сыска, наконец, огромная армия. И что же? А вот нет уверенности в неизменности самодержавной системы, в правоте абсолютизма.

При всей сохранявшейся физической мощи империя Романовых к своему 300-летию с исторической точки зрения морально устарела. С ней произошло то же, что было с Бурбонами в конце Старого порядка. Власть утратила социальную инициативу, она безнадежно запаздывала с назревшими преобразованиями. Согласен с В.В. Кондрашиным: альтернатива всегда могла быть. И кто знает, как бы пошло развитие России, случись столыпинская реформа лет на 15–20 раньше?

Увы. Терроризованная в прямом и переносном смыслах, подавленная собственной неспособностью к решению все обострившихся социальных проблем, сосредоточившаяся на удержании власти и поддержании порядка любой ценой империя Романовых к началу XX в. производила впечатление «броненосца, застывшего в доке» (по метафоре О. Мандельштама).

Показательна смена имперской символики. Сравните памятник основателю Империи – вдохновенный полет Медного всадника над Невой и тяжеловесный монумент Александра III – «среди площади комод, на комод бегемот, на бегемоте истукан». Олицетворение стабильности и порядка, которое уже воспринималось в имперской столице с откровенной насмешкой.

Азбучная истина – нет революции без революционного сознания. Где-то на рубеже XIX–XX вв. российское общество охватывает ощущение приближающейся катастрофы. Литература полнится эсхатологическими темами. Далеко не все, подобно Буревестнику, жаждали Бури. Но и те, кто страшился ее, по-своему ее приближали, внося в общественное сознание свой страх. Не только низы «не хотели», недовольство расширилось и обострялось, все увеличившиеся круги общества тоже уже «не могли» жить «по-старому».

Конечно, катастрофизм нельзя отождествлять с революционным сознанием. Как заметил большой знаток революционной теории и практики П.А. Кропоткин, – и его силлогизм я тоже часто повторяю, – отчаяние порождает бунт, для революции нужна надежда. Надежду на возможность благотворных перемен давали не только революционная агитация и художественная литература. Не меньше, а, может быть, больше значили посулы со стороны самой власти: обещание реформ, их проекты, их непоследовательность.

Рад, что на «круглом столе» был дан отпор «теориям» иностранного золота. Бывали попытки «экспорта революции», как правило, неудачные. А вот «экспорт контрреволюции» – заурядное дело. Одна парижская газета по поводу Реставрации писала: «Свободу не привозят, как Бурбонов в фургонах». Занятно, что конспирологи от геополитики, взвешивающие,

сколько иностранного золота получила Русская революция, не вспоминают, сколько золотых займов получил царизм для ее подавления.

Точно здесь (И.И. Глебовой) было сказано: «народная революция», – и это можно считать одним из итогов нашей дискуссии о Пятом годе.

П.П. Марченя: Уважаемые коллеги, наверно, пора подводить итоги.

Сегодняшний «стол» все-таки показал, что не такая уж это и «забытая» тема... И у нас этот «стол» состоялся, и – вот В.П. Булдаков не даст соврать – в Институте российской истории сегодня как раз тоже конференция, посвященная юбилею так называемой Первой русской революции. Значит, тема не забыта российской наукой – это хорошо.

И может быть все-таки уроки того, о чем мы сегодня говорили, каким-то образом будут учтены интеллектуальным классом современной России.

Ну а в конце хотелось бы все же вернуться к тому, с чего начинали. Действительно, та власть – расколотая ли она или единая, но та, что исторически была в начале XX в., – с вызовами истории не справилась и демонстрировала, что ей плевать, каким именно народом она управляет. Она народ не понимала и не хотела понимать, не собиралась понимать. В конце концов пришла та власть, которая учитывала, каким именно народом она управляет, и восстановила преемственность Российской империи в XX в.

Хочется верить, что сегодняшней власти не все равно, каким народом она управляет, – и у России есть надежда, что ее императивы будут иметь будущее и дальше.

Огромное спасибо всем, кто пришел. И персональное спасибо депутату Государственной Думы А.В. Казакову, который нас принял. Без его отклика – организационного, творческого, теплого, человеческого – сегодняшний «круглый стол» просто не состоялся бы. Спасибо.

С.Ю. Разин: Я в свою очередь хочу поблагодарить тех, кто на протяжении этих шести лет поддерживал наш проект. Мы благодарим всех, кто сегодня пришел, а также фракцию

партии «Справедливая Россия» Государственной Думы за помощь и поддержку в организации этого «круглого стола».

А.В. Казаков: Уважаемые коллеги, спасибо огромное за сегодняшнюю работу, за то, что пришли.

Если говорить о дальнейшей работе, то у меня такое предложение: ту теоретическую подоснову, которую мы здесь обсуждали, необходимо в конечном итоге превратить в конкретные идеи, которые позволили бы – с использованием различных уровней государственной власти – улучшить жизнь наших граждан и создать условия для нового качественного скачка в развитии нашей страны. А мы готовы, как фракция, продвигать эти идеи в жизнь, чтобы научная мысль из теории переходила еще и в практические предложения.

Библиография

¹ Первая русская революция: взгляд из XXI века. М.: Соционет, 2016. 94 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/prr.pdf>

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ
«РОССИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Подготовили к публикации: **П.П. Марченя, С.Ю. Разин**

Авторский коллектив: **П.П. Марченя, С.Ю. Разин,**
О.А. Абрамова, С.В. Алексеев, Н.Ю. Булешова,
О.Г. Буховец, С.П. Гришаев, А.В. Докучаева,
Н.В. Елисеева, С.М. Иванов, И.М. Кузнецов,
О.Г. Леонова, Д.И. Люкшин, В.В. Машко,
А.Н. Михайленко, В.Б. Павленко, С.В. Патрушев,
П.Т. Подлесный, Н.В. Работяжев, Б. Смит (B. Smith),
А.И. Суздальцев, Д.В. Суржик, Ж.С. Сыздыкова,
С.В. Фокин, В.Г. Хорос, А.В. Чертищев

Прим.: в сокращенной отредактированной журнальной версии текст материалов «стола» был ранее опубликован в «Новом историческом вестнике» (2013, № 3)¹ (краткий англоязычный обзор дискуссии опубликован в том же журнале, 2014, № 1)²

16 апреля 2013 г. в рамках научного проекта «Народ и власть» в Москве, в Институте гуманитарного образования и информационных технологий (ИГУМОиИТ), состоялся Первый Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы». Наряду с ИГУМОиИТ и проектом «Народ и власть» его организаторами выступили Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) и журнал «Новый исторический вестник».

«Круглый стол» был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов современной геополитической ситуации на постсоветском пространстве. Сама эта ситуация рассматривалась в общем контексте евразийской и мировой истории.

Участникам была предложена следующая примерная проблематика дискуссий «круглого стола»:

– *Постсоветское пространство в контексте исторического ритма Евразии;*

– *Уроки СССР и пути постсоветской интеграции: назад в будущее или вперед в прошлое?;*

– *Россия и постсоветское пространство в контексте геополитических и геоэкономических процессов современности;*

– *«Русский мир» и постсоветские государства;*

– *Политика США на постсоветском пространстве: мифы и реальность;*

– *Евросоюз и республики бывшего СССР: возможна ли в XXI в. «Единая Европа от Атлантики до Урала»?;*

– *Китайский фактор на постсоветском пространстве*

– *Арабо-исламский мир и судьба постсоветского пространства в XXI в.*

В итоге, в дебатах «круглого стола» приняли участие 26 специалистов, представлявших научные журналы, научно-исследовательские организации, вузы и другие официальные учреждения России, Беларуси, США.

В дискуссиях участвовали (*сведения об участниках приведены по состоянию на время проведения «круглого стола», участники перечислены в алфавитном порядке*):

1. доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой внешнеполитической деятельности России факультета национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ **Ольга Дмитриевна Абрамова**;

2. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, главный редактор альманаха «Историческое обозрение» и журнала «Научные труды Московского гуманитарного университета» **Сергей Викторович Алексеев**;

3. кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики предприятия ИГУМОиИТ **Наталья Юрьевна Булешова**;

4. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета, главный

научный сотрудник Института Европы РАН **Олег Григорьевич Буховец**;

5. кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин ИГУМОиИТ **Сергей Павлович Гришаев**;

6. кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, заведующая отделом диаспоры и миграции Института стран СНГ **Александра Викторовна Докучаева**;

7. кандидат исторических наук, профессор, руководитель Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» РГГУ **Наталья Викторовна Елисева**;

8. кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН **Станислав Михайлович Иванов**;

9. кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН **Игорь Михайлович Кузнецов**;

10. доктор политических наук, профессор кафедры глобалистики и геополитики Факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова **Ольга Георгиевна Леонова**;

11. кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Казанского федерального университета **Дмитрий Иванович Люкшин**;

12. кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России, доцент УНЦ «Новая Россия. История постсоветской России» РГГУ **Павел Петрович Марченя**;

13. кандидат исторических наук, преподаватель кафедры москвоведения РГГУ **Владислав Валерьевич Машко**;

14. доктор политических наук, профессор кафедры внешнеполитической деятельности России Факультета

- национальной безопасности РАНХиГС **Александр Николаевич Михайленко**;
15. доктор политических наук, заместитель главного редактора журнала «Обозреватель–Observer» **Владимир Борисович Павленко**;
16. кандидат исторических наук, профессор Всероссийской академии внешней торговли, заведующий Отделом сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН **Сергей Викторович Патрушев**;
17. кандидат исторических наук, профессор, руководитель Центра российско-американских отношений Института США и Канады РАН **Павел Терентьевич Подлесный**;
18. кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН **Николай Владимирович Работяжев**;
19. доцент кафедры общественных наук ИГУМОиИТ **Сергей Юрьевич Разин**;
20. эксперт по внешней политике Политического отдела посольства США в России **Брайан Смит (Brian Smith)**;
21. кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана Факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики **Андрей Иванович Суздальцев**;
22. научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доктор философии Европейского университета в Ганновере **Дмитрий Викторович Суржик**;
23. доктор исторических наук, профессор, директор Центра изучения Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки МГУ **Жибек Сапарбековна Създыкова**;
24. доктор исторических наук, профессор кафедры внешнеполитической деятельности России РАНХиГС **Сергей Викторович Фокин**;
25. доктор исторических наук, руководитель Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН **Владимир Георгиевич Хорос**;

26. доктор исторических наук, профессор кафедры философии Московского университета МВД России **Андрей Владимирович Чергищев.**

Предлагаем вашему вниманию материалы дискуссии, состоявшейся в ходе круглого стола «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы».

С.Ю. Разин. Уважаемые участники Международного круглого стола, прежде всего позвольте пояснить, как и почему возникла идея его проведения.

Занимаясь в рамках нашего научного проекта «Народ и власть» изучением системных кризисов русской истории, мы пришли к выводу: понять их, не переосмыслив феномен Империи, нельзя. Мы рассматриваем этот феномен в категориях цивилизации, культуры и геополитики. И исходим из того, что СССР был империей. Ее распад, явившийся этапом системного кризиса нашего общества, и привел к возникновению геополитического феномена, который именуется ныне «постсоветским пространством».

Ядром Советского Союза была Российская Федерация. Она же является ядром постсоветского пространства. Аналогичная ситуация имела место после того как в 1917 г. в результате свержения царизма произошел распад Российской империи. Своеобразным ядром постимперского пространства тогда являлась РСФСР. Судьба постимперского пространства зависела от исхода Гражданской войны и военной интервенции иностранных держав на территории РСФСР. Они, как известно, завершились утверждением у власти большевиков, взявших курс на создание СССР. За неполные два десятка лет в его состав вошли практически все территории бывшей Российской империи, за исключением Польши и Финляндии. По сути дела, произошло возрождение Империи в новой форме. СССР стал геополитическим и цивилизационным преемником Российской империи. И неслучайно некоторые исследователи называют российскую смуту начала XX в. «механизмом смерти–регенерации Империи».

На наш взгляд, существуют определенные общие черты протекания системных кризисов российской истории начала и конца XX в. Рассуждая таким образом, мы пришли к выводу о том, что вот в таком контексте был бы полезным и интересным разговор и о судьбе постсоветского пространства. Так родилась идея проведения круглого стола «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы».

Актуальность этой темы обусловлена и кризисом Европейского Союза, и тем, что в последние годы в экспертном сообществе, в связи с кризисом национального государства, объективно усилился интерес к феномену Империи, и тем, что сейчас усилиями многих политиков, политологов, публицистов, в том числе и с подачи президента В.В. Путина, сформулировавшего в известной статье идею создания Евразийского Экономического Союза, предпринимается попытка вдохнуть новую жизнь в процесс интеграции на постсоветском пространстве.

Хотелось бы, чтобы в ходе нашей дискуссии мы сосредоточили внимание на следующих вопросах: является ли нынешняя Россия центром интеграции постсоветского пространства? нужна ли современной российской политической элите реальная интеграция постсоветского пространства? нужна ли эта интеграция политическим элитам и народам бывших республик СССР? каковы цели и задачи наших геополитических оппонентов на постсоветском пространстве? как влияет глобальный кризис на интеграционные процессы на постсоветском пространстве?

С.В. Фокин. 29 мая 2009 г. наша кафедра совместно с Академией геополитических проблем и Фондом содействия обеспечению национальных интересов Отчизны провела научно-практическую конференцию «Проблемы, перспективы и пути обеспечения национальной безопасности России в условиях глобального кризиса». В моем выступлении на конференции, «Восстановление геополитического пространства страны в контексте стратегии национальной безопасности», были приведены примеры того, как, казалось бы, исчезнувшие раз и навсегда с политической карты мира империи могут через

какое-то время быть восстановлены в обновленном, модифицированном виде.

Один из приведенных мною примеров касался Священной Римской империи германской нации. На мой взгляд, в XX в. произошло трансформационное восстановление ее геополитического пространства в виде интеграционного сообщества европейских государств – ЕС.

Священная Римская империя германской нации прекратила свое существование в ходе наполеоновских войн начала XIX в. В 1806 г. император Франц II отрекся от престола. Но уже в 1808 г. философ И.Г. Фихте в «Речах к немецкой нации» призвал немецкий народ к моральному возрождению и объединению. Его дело продолжил в 1812 г. поэт и историк Э.М. Арндт. Он назвал немецкий народ сердцем Европы. По мнению Арндта, историческое предназначение немецкого народа состоит в том, чтобы стать воспитателем всей Европы. Таким образом, не прошло и семи лет после краха империи, как идея ее восстановления была востребована немецким социумом. Но только через 100 лет эта идея нашла свое воплощение в книгах Й. Парча («Срединная Европа»), Ф. Наумана («Срединная Европа») и К. Каутского («Средняя Европа»). Эти авторы считали, что в состав «Срединной Европы» должны войти не только территории бывшей империи, но и ряд прилегающих территорий. По сути, концепция «Срединной Европы» и была реализована в конце XX в. Маастрихтским договором о создании ЕС.

Если рассматривать отечественные геополитические проекты – такие как проект Петра Великого «Европа+Россия», «Греческий проект» Екатерины II и большевистский проект мировой революции, – то надо сказать, что неудача их была связана с тем, что в борьбе за место в Европе, в соревновании за роль в концерте великих держав Россия очень многое потеряла. Об этом убедительно писал в труде «Наше положение» А.Е. Вандам. По его мнению, в области геостратегии Российская империя допустила много ошибок. Ее участие в войнах за освобождение Европы и ошибочное понимание равновесия сил привели державу к нежелательным последствиям. Россия упустила время, и многое потеряла из-за

несоответствия своей геостратегии национальным интересам страны.

В 1911 г. вышла книга «Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны», в которой А.Н. Куропаткин сформулировал геополитические задачи, стоявшие перед Россией в XX в.: выйти к Средиземному морю и Индийскому океану, а также укрепить позиции на Тихом океане. В 1915 г. вышла еще одна его книга «Военная мощь России. Предсказания генерал-адъютанта Куропаткина и критика их графом Витте». В ней он пришел к выводу, что вследствие высокой боевой готовности соседей соотношение сил России и ее вероятных противников складывается не в пользу первой, а потому будет очень трудно не только выполнить вышеуказанные геополитические задачи, но и удержать уже занимаемую территорию.

Опасения, высказанные тогда Куропаткиным, сбылись в конце XX в., когда в результате распада СССР население страны уменьшилось более чем на 100 млн человек, а ее территория сократилась на 5,1 тыс. кв. км. Сегодня гражданами России и ближнего зарубежья настоятельно востребован мощный геополитический проект, способный, подобно «Срединной Европе», овладеть массами с помощью средств массовой информации (которые пока в основном заняты развлечением, а точнее отвлечением социума от сложных социально-экономических и политических проблем). Четкая и ясная концептуальная программа по образованию нового евразийского межгосударственного объединения со своей столицей, парламентом и другими институтами управления, естественно, потребует длительного периода времени для ее созревания в сознании народов РФ и близлежащих государств. Возникновение нового субъекта мирового сообщества в виде Евразийского союза вполне возможно и реально. Так же реально, как и произошедшее восстановление геопространства Священной Римской империи германской нации в виде ЕС. Если говорить об интеграции на постсоветском пространстве, то следует напомнить, что идею создания ЕАС еще в начале 1990-х гг. выдвинул президент Казахстана Н. Назарбаев. Он считал, что СНГ не соответствует требованиям времени. По его

мнению, базисом ЕАС должно было стать единое экономическое пространство. Он предложил создать наднациональные органы ЕАС. При этом он отмечал, что должен быть целиком и полностью сохранен политический суверенитет государств–членов ЕАС. Столицей ЕАС, с точки зрения руководителя Казахстана, могла бы стать Астана.

3 октября 2011 г. в газете «Известия» была опубликована статья В.В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня». В этой статье он отметил, что Западной Европе потребовалось 40 лет для того, чтобы пройти путь от «Европейского объединения угля и стали» к полноценному Европейскому Союзу, но интеграционный процесс на постсоветском пространстве может занять гораздо меньше времени. Он убежден, что создание ЕАС – это тот путь, который позволит всем, кто по нему идет, занять достойное место в формирующейся новой системе международных отношений.

Надо сказать, что наши геополитические конкуренты не испытывают особой радости по поводу идеи создания ЕАС. В первую очередь, это относится к США. Бывший госсекретарь США Х. Клинтон заявила, что ее страна сделает все, чтобы помешать созданию новой версии Советского Союза под видом экономической интеграции.

В ответ на это президенты России, Беларуси и Казахстана поручили правительствам принять в мае 2013 г. план по созданию ЕАЭС и представить к маю 2014 г. проект договора о его создании, чтобы к 1 января 2015 г. этот процесс был завершен.

С.П. Гришаев. Опыт ЕС оказался не очень удачным. Это при том что там есть общие ценности, общие идеи. А на какой основе, на ваш взгляд, может строиться интеграция России с другими постсоветскими государствами?

С.В. Фокин. Почему вы считаете, что опыт ЕС – это неудачный опыт?

С.П. Гришаев. Потому что сейчас ЕС переживает глубокий кризис.

С.В. Фокин. У меня другая точка зрения. Опыт ЕС – это, на мой взгляд, очень удачный опыт.

С.Ю. Разин. Почему вы считаете опыт ЕС удачным?

С.В. Фокин. Потому что там произошло объединение ресурсов, свободное перемещение рабочей силы, устанавливается стабильность и демократия. Все у ЕС идет нормально и, думаю, что не надо так уж беспокоиться за его судьбу.

А.И. Суздальцев. В российском экспертном сообществе есть два подхода к анализу опыта ЕС.

Сторонники одной точки зрения считают, что это опыт неудачный. Эти эксперты заявляют, что в ходе евроинтеграции были допущены ошибки, схожие с теми, которые были в свое время сделаны советской политической элитой в ходе национально-государственного строительства в СССР. По их мнению, одной из таких ошибок является создание наднационального центра, который отбирает все больше суверенитета у национальных государств, входящих в ЕС.

Есть вторая, позитивистская точка зрения, сторонники которой считают, что, несмотря на все проблемы, ЕС развивается, и нам есть чему поучиться у него.

С.Ю. Разин. Вы [С.В. Фокину] сказали, что ЕС – это новое издание Священной Римской империи германской нации...

С.В. Фокин. Это трансформационное восстановление геополитического пространства бывшей Священной Римской империи германской нации. Если вы возьмете карту ЕС и наложите на карту Священной Римской империи, то увидите, что их границы почти совпадают. ЕС – это экономическое и политическое объединение европейских государств региональной интеграции. Генератором его развития является Германия – самое мощное, на сегодняшний день, европейское континентальное государство.

А.В. Докучаева. Сегодня по каналу “Euronews” был показан сюжет, в котором говорилось о том, что в Германии собирается съезд сторонников восстановления немецкой марки. Вам не кажется, что за подобного рода движениями, выступающими за дезинтеграцию ЕС, стоят США?

С.В. Фокин. Нет, не кажется. Но, тем не менее, понятно, что ни одно государство не желает иметь крупного и сильного конкурента. Это аксиома экономики и геополитики.

П.Т. Подлесный. Здесь много уже сказано о ЕС. Хочу обратить внимание на то, что ЕС помирил немцев с французами и поляками. Необходимость решения этой задачи была одной из причин создания ЕС. Хотя, конечно, были и другие, прежде всего экономические, причины создания этой организации.

С.Ю. Разин. По этому поводу хочу отметить, что некоторые эксперты называют ЕС «Четвертым рейхом». Помирил ли ЕС немцев с французами и поляками, и насколько России выгодно доминирование Германии в континентальной Европе – это два больших вопроса.

А.В. Докучаева. Я хотела бы остановиться на вопросе о судьбе русского языка на постсоветском пространстве. Говоря об интеграции, нельзя не сказать о русском языке, который является связующим звеном, ресурсом и инструментом интеграции постсоветских стран.

Надо сказать, что существуют разные взгляды на судьбу русского языка на постсоветском пространстве. Например, националисты разного толка сходятся в том, что не нужно проводить никаких специальных мероприятий по пропаганде и распространению русского языка. Казахские националисты стремятся к полному выдавливанию русских и русского языка из Казахстана. Украинские националисты всячески выступают против довольно умеренного Закона «Об основах государственной языковой политики», который дает русскому языку лишь статус регионального языка. Правда, этот статус он получает во всех регионах, где носители русского языка составляют более 10% населения. Надо понимать, что, за исключением может быть самых западных областей, вся Украина будет иметь русский язык как региональный. Необходимо отметить, что русские националисты-изоляционисты также не хотят распространения русского языка за пределами России. В частности, они выступают категорически против того, чтобы русский язык распространялся в государствах Центральной Азии.

Мы, сотрудники Института стран СНГ, выступаем против такого подхода. На наш взгляд, от того каков будет статус русского языка в постсоветских государствах, во многом будет зависеть, чем станет ближнее зарубежье для России – поясом дружбы, добрососедства, взаимовыгодного экономического сотрудничества или полосой конфронтации. От решения этого вопроса во многом зависят место и роль самих бывших республик СССР в современном мире.

Анализируя ситуацию, которая сложилась вокруг русского языка на постсоветском пространстве, можно сказать, что языковая политика бывших союзных республик остается политически ангажированной и зависит как от внутривнутриполитических установок, так и от их внешнеполитической ориентации. То положение, в котором сегодня оказался русский язык, является следствием политики, проводимой этнократическими режимами постсоветских государств и во многом базирующейся на антирусских мифах и стереотипах. Тем не менее, русский язык и через 20 лет после распада СССР остается языком межнационального и межгосударственного общения на постсоветском пространстве. Он является преобладающим языком пользователей Интернета в постсоветских странах.

Сохранение русского языка в постсоветских странах напрямую зависит от численности проживающих там носителей языка, от роста потребности в его знании у трудовых мигрантов, которые приезжают или хотят приехать на работу в Россию. Это положение хорошо иллюстрируется результатами исследования положения русского языка на постсоветском пространстве, проведенного в 2007 г. Фондом «Евразия».

В данном контексте, я думаю, надо внимательно посмотреть на то, как реализуется Федеральная государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников в Россию. В этом году начался второй этап реализации этой программы. В ней расширены возможности для адаптации тех, кто приедет в Россию. Но не целесообразно ли было бы в целях сохранения нашего потенциала за рубежом не агитировать всех за переезд в Россию, а рассмотреть вопрос о предоставлении права на

второе гражданство нашим соотечественникам, которые остаются в странах своего проживания? Сейчас об этом прямо говорят многие соотечественники, которые пользуются данной программой, чтобы получить российское гражданство по упрощенной схеме. Так, казахи приезжают в Омск, получают статус участника программы, получают российское гражданство и возвращаются к себе в Казахстан, потому что не так-то просто обустроиться в России. Во многом это происходит потому, что условия бизнеса в Казахстане в организационном и в законодательном планах проще, чем в России.

К.Ф. Затулин, будучи депутатом Государственной думы, выдвигал законодательные инициативы по этому вопросу, но они были отклонены. Сейчас в Думе находятся несколько аналогичных законопроектов. Однако Администрация президента и ФМС категорически противодействует реализации этих инициатив. Я думаю, что это – недальновидная политика, от которой необходимо отказаться. Здесь, как мне кажется, важна позиция экспертного сообщества, которое должно играть более активную роль в решении вопроса, имеющего большое значение для геополитических интересов России.

Необходимо также сказать о том, что учебные заведения постсоветских стран не дают полноценного знания русского языка. Сокращается количество часов, выделяемых на его изучение. Резко падает грамотность носителей и пользователей языка. В общем, система обучения русскому языку нуждается в серьезном совершенствовании. Кроме того, в самой России есть очень серьезные проблемы с изучением русского языка. Действующая сейчас четвертая Федеральная целевая программа «Русский язык» (на 2011–2015 гг.) отличается от предыдущих тем, что в ней совершенно ничего не сказано о необходимости развития русского языка как национального языка русского народа. В результате деньги на развитие русского языка и русской филологии в последние годы просто не выделялись. Понятно, что такой подход не способствует развитию русского языка и его распространению на постсоветском пространстве, хотя необходимость решения

этой задачи записана во всех наших программных документах по вопросам внутренней и внешней политики.

Судьбы русского языка на постсоветском пространстве, в первую очередь, зависят от судьбы России и русского народа. Если Россия станет центром притяжения постсоветских государств, то русский язык будет востребован не только их русским населением, но и всеми, кто хочет жить, работать и учиться в России, кому интересна русская культура и дороги связи с нашей страной.

Н.Ю. Булешова. Вы говорили о предложении, которое сейчас рассматривается, по введению второго гражданства для наших соотечественников, проживающих в постсоветских государствах...

А.В. Докучаева. К сожалению, оно не рассматривается. Оно отложено «в долгий ящик», и на него уже имеется отрицательное заключение правительства.

Н.Ю. Булешова. Я задала это вопрос потому, что, насколько я знаю, в бывших союзных республиках существует конституционное требование одного гражданства. То есть, даже если наша власть примет решение о предоставлении второго гражданства нашим соотечественникам, живущим в этих странах, вряд ли с этим решением будут считаться тамошние власти и вряд ли это облегчит положение русского населения в этих государствах. Поэтому, может быть, и не имеет сейчас смысла предоставлять нашим соотечественникам право на получение второго – российского – гражданства?

А.В. Докучаева. Я говорю сейчас о том, что должна сделать Россия. Конституция РФ допускает наличие у граждан России двойного гражданства. Мне кажется, что наша власть, пытаясь решить задачи, стоящие перед страной, к сожалению, все время на кого-то оглядывается. Я считаю, что она должна дать возможность нашим соотечественникам, проживающим в странах ближнего зарубежья, получить второе российское гражданство. Для многих из них это будет серьезное подспорье. Я допускаю, что после этого шага наши соседи, опасаясь того, что они лишатся остатков квалифицированного русского населения, изменят свое отношение к этим людям, и поймут, что они не «пятая колонна», а нормальные граждане,

воспринимающие эти страны как часть своей некогда большой и единой Родины. Может быть, эта российская инициатива, если она обретет силу закона, приведет к тому, что интеграционные процессы будут идти реально, а не только на бумаге, и что реально будет улучшаться положение русских в постсоветских государствах.

В.Б. Павленко. Русский язык – это инструмент российского геополитического влияния. Вы посмотрите, каким мощным фактором является русский язык в антироссийски настроенных республиках Прибалтики. Нам надо использовать это в полной мере. У вас прозвучала негативная характеристика казахских и украинских националистов. А что вы можете сказать о позиции русских националистов по вопросу о судьбе русского языка на постсоветском пространстве?

А.В. Докучаева. Русские националисты – разные. Я говорила о русских националистах-изоляционистах, которые выступают с лозунгами отделения Кавказа от России и рассуждают о необходимости возведения своеобразного «железного занавеса» между Россией и Центральной Азией, мигранты из которой оказывают негативное влияние на наш внутренний рынок труда. У меня недавно на одном из каналов телевидения состоялась дискуссия с К. Крыловым. Он категорически выступает против распространения русского языка среди узбеков, таджиков и т.д. Господин Крылов считает, что нам незачем учить русскому языку тех, кто здесь в России будут отбирать рабочие места у русских. Я, в свою очередь, считаю, что при разумном подходе мигранты из Центральной Азии не должны отбирать у коренного населения рабочие места, а должны использоваться там, где нужен труд, не требующий высокой квалификации. К тому же, если мы сделаем так, что к нам будут приезжать мигранты, знающие русский язык, знакомые с русской культурой, это приведет к снижению остроты межнациональных отношений и к смягчению криминогенной ситуации в стране.

Нашему государству необходимо думать о том, чтобы россияне имели преимущество на нашем внутреннем рынке труда по сравнению с мигрантами, что необходимо восстанавливать разрушенную за последние 20 лет систему

профессионального образования. То есть при решении проблем, связанных с миграцией из постсоветских государств, необходим комплексный подход, а не шараханье из крайности в крайность под давлением сиюминутной конъюнктуры.

Я считаю, что нам не нужно закрываться от узбеков, таджиков, а уж тем более от киргизов. Киргизы – это вообще наш народ. Ч. Айтматов приобщил киргизский народ к великой русской культуре. Он сам стал частью русской культуры и он «облучил» русской культурой весь киргизский народ. В свое время интеллигенция всех бывших советских республик Средней Азии была «облучена» русской культурой. У меня есть один знакомый – чистый узбек. Он работает врачом. Он говорит про себя: «Я – советский националист». Он уехал из Ташкента потому, что, по его словам, в Москве все-таки осталась частица СССР, частица «Большой России». Он говорит, что не может и не хочет жить в том обществе, в котором произошла реставрация архаического, патриархально-кланового прошлого. Я, будучи русским человеком, наверное, тоже отношусь к «советским националистам».

А.И. Суздальцев. Не кажется ли вам, что вопрос о предоставлении нашим соотечественникам, живущим в постсоветских государствах, права на получение второго, российского, гражданства решить в ближайшем будущем не удастся? Я считаю, что нам не позволят решить этот вопрос. И Назарбаев, и Лукашенко, и некоторые другие лидеры постсоветских государств никогда не пойдут на официальное разрешение второго, российского, гражданства. Это, кстати говоря, хорошо показывает та ситуация, в которой оказалось русское население в Туркменистане.

А.В. Докучаева. Нам хорошо известна эта ситуация, когда в 2003 г. при решении с Туркменией вопросов по газу наш президент подписал протокол о прекращении действия соглашения между Россией и Туркменией о двойном гражданстве, подписанном еще в 1993 г. При этом «забыли», что около 150 тыс. наших соотечественников в соответствии с этим соглашением уже имели два паспорта. Никто не озаботился, как будет решена их судьба, как будут защищены их права в Туркмении. Паника, которая охватила русских в

Туркмении после денонсации соглашения, получила широкий резонанс в интернете и прессе. Это заставило Россию провести переговоры с Туркменией, которая отсрочила санкции против «двоегравдан». Однако известно, что их продолжают увольнять с работы, а с 10 июля их вообще могут лишить туркменских паспортов, если они не откажутся от российского гражданства. И что будет с теми, кто имеет два паспорта – это большой вопрос. Мы как раз занимались этим вопросом и знаем, что даже на уровне президентов наша страна пока не может защитить бипатридов от преследований со стороны туркменского режима.

Н.В. Елисева. Трудно не согласиться с тем, что одним из инструментов в деле интеграции постсоветского пространства является русский язык. Но позволю себе расширить этот тезис до понимания того, что инструментом интеграции постсоветского пространства является и продуманная образовательная политика России, направленная, в том числе, и на создание рынка гуманитарных образовательных программ для зарубежных соискателей.

Такая политика существовала в СССР. И она отвечала его национальным интересам, так как обеспечивала интеллектуальные ресурсы для сотрудничества на самых разных уровнях. Используя современную лексику, можно сказать, что СССР через систему подготовки зарубежных специалистов осуществлял «инвестиции» в зарубежный «человеческий капитал».

И сегодня государства, претендующие на роль мировых лидеров, используют международные образовательные программы для формирования своего благоприятного имиджа за рубежом и распространения своих ценностей в различных странах мира. Особенно показательна ориентация на собственные национальные интересы образовательной политики США. Приглашая на учебу студентов и преподавателей, американское правительство заботится о том, чтобы они изучали социальные науки, право, политологию, историю США. Так осуществляется переориентация элит этих стран и обеспечивается поддержка американских проектов интеграционного характера. Американские программы

обучения советской элиты в ходе приобщения России к либеральным ценностям и перехода на новую социально-экономическую модель развития сыграли свою роль и в истории современной России. И сегодня США уделяют огромное внимание образованию: количество американских программ обучения зарубежных граждан достигло почти 400, а организаторами международной образовательной политики выступают более 40 министерств и независимых федеральных агентств. Эта стратегия «наведения мостов» между элитами через образовательные программы сориентирована на будущее, так как касается в первую очередь молодого населения.

России подобная образовательная стратегия необходима для расширения социальной базы сотрудничества со странами СНГ и Китаем, другими соседями. Обучение в России молодежи из этих стран по специальным программам, сориентированным на знания о России, могло бы содействовать появлению в этих странах заинтересованного в сотрудничестве класса специалистов. Готовы ли российские научные и учебные сообщества к разработке и реализации таких программ? Надеемся, готовы. Нарботан опыт по обучению студентов в рамках магистратуры (россиеведение и другие дисциплины в РГГУ), созданы оригинальные информационно-научные комплексы, способные передать весь спектр современных знаний о России. Их освоение позволит иностранным гражданам найти профессиональное применение в своих странах в качестве экспертов по России.

Такие программы способны не только влиять на международный имидж России, но и содействовать созданию в других странах российско-ориентированного интеллектуального (и кадрового) ресурса для продвижения идей сотрудничества, для разработки и реализации интеграционных проектов самого разного уровня. Особенно это касается бывших союзных республик. Ведь между ними и РФ стоит общее историческое прошлое, связывающее современную Россию – историко-культурную метрополию – с ее гуманитарным зарубежьем. Комплексная (многоплановая и многопрофильная) политика в этом вопросе могла бы стать инструментом интеграционных процессов на постсоветском

пространстве. Безусловно, от ученых и преподавателей высшей школы требуются новые подходы и компетентные решения в рамках проектного мышления. От власти требуется осознание перспектив образовательной политики, обращенной не только «вглубь», но и «вовне» – и политическая воля.

И.М. Кузнецов. Я хотел бы прокомментировать несколько прозвучавших здесь высказываний относительно роли мигрантов в современных процессах реинтеграции постсоветского пространства. Причем не с точки зрения политологии, а по материалам количественных исследований как самих мигрантов, так и принимающего (русского) населения.

Прежде всего, не стоит преувеличивать интеграционный потенциал мигрантов. Разумеется, среди мигрантов есть небольшая доля людей, которые хотят, чтобы Россия стала их второй родиной, Домом с большой буквы, жизненной средой для них и их детей. У этой части мигрантов – высокий интеграционный потенциал, но и не меньше проблем с реализацией этого потенциала. Но сейчас не об этом. Подавляющее большинство мигрантов приезжает в Россию отнюдь не из интереса к стране и ее культуре. Они приезжают решать проблемы экономического характера, возникшие у них на родине, они не собираются здесь жить постоянно, строить здесь свой дом. Их задача – заработать и уехать, или, что чаще, ездить в Россию как на работу. И знать им Россию, ее язык, порядки, обычаи... надо не более чем нам – то место, где расположен наш офис, поскольку мы там не живем. Поэтому все разговоры и усилия по их интеграции в российскую культурную среду, по ознакомлению их с культурой и историей России – это посыл без адреса. Они просто не мотивированы к этому. Все, что им нужно – это минимальные знания русского языка, достаточные для общения с работодателями и чиновниками ФМС, знания порядка аренды жилья и т.п.

При этом не надо забывать, что средний возраст нынешних мигрантов – 30–35 лет. Они выросли в других странах. Это уже не прежние «советские люди», «облученные русской культурой», многие из них просто не владеют элементарным русским языком. Какую информацию о России

они смогут принести по возвращении на родину? Это зависит от приема, который им здесь оказывают. И здесь надо учитывать, что единственное, пожалуй, преимущество мигрантов перед местными работниками – дешевизна и готовность трудиться в рабских условиях. Если возложить на работодателя обеспечение завозимых работников нормальным (пусть минимальным) социальным пакетом – достойное жилье, юридическая защита, медицинское обеспечение, духовное кормление, адекватная зарплата, – они просто станут невыгодны. В результате – практически полная неинтегрированность мигрантов (я бы сказал: неинтегрируемость – поскольку нет такой жизненной потребности у них), унижительные условия жизни и работы генерируют соответствующее отношение к стране. Плюс к этому присутствие в принимающей среде достаточно большой массы людей, живущих по стандартам, сильно отличающихся от стандартов принимающего населения, генерирует резко негативное отношение к ним. Вот именно эту информацию мигранты и принесут на родину.

И, наконец, само по себе негативное отношение к мигрантам серьезно меняет отношение тех же русских к «своим» (давно интегрированным, «старожилам») азербайджанцам, армянам, таджикам и т.п. Негативное отношение, например, к вьетнамцам переносится со временем на своих монголоидов, а это достаточно значительная часть автохтонного населения России. В результате запускаются тенденции к сецессии уже внутри РФ, причем снизу, а не как это было в 1990-х гг. в период «парада суверенитетов» – парада национальных элит в основном. И это – уже проблема национальной безопасности и целостности России. Так что на вопрос о том, способствуют ли мигранты (не те, каковыми они должны быть в наших мечтах, а каковы они есть без всяких «если бы») реинтеграции постсоветского пространства, я бы ответил сегодня отрицательно.

Ж.С. Сыздыкова. Несколько слов о перспективах взаимодействия России со странами Центрально-Азиатского региона (ЦАР).

После распада СССР прошло более 20-ти лет и новые страны ЦАР строят свои суверенные государства. В 1990-е гг. ЦАР перестал для России быть приоритетным. На его территории появился ряд внешних игроков. В первую очередь – Китай с его политикой «добрососедства» и США в связи с боевыми действиями в Афганистане. КНР наращивает свое экономическое присутствие и рассматривается в качестве источника займов для крупномасштабных инфраструктурных проектов в регионе. Важным источником доходов для ряда стран ЦАР являются США, которые вносят серьезный финансовый взнос в качестве арендной платы за использование военных баз. Индия, Турция, Иран и Пакистан активно присутствуют в ЦАР посредством реализации программ сотрудничества в экономической и культурно-гуманитарных сферах.

Ситуация стала меняться в 2000-е гг. с приходом к власти В.В. Путина и его команды. Обращается внимание на создание новых региональных структур с опорой на страны ЦАР. Казахстан, Киргизия и Таджикистан стали значимой составляющей политики РФ в ЦАР. Казахстан является одним из самых важных союзников России. Национальная безопасность и экономическое развитие Кыргызстана и Таджикистана во многом зависят от Москвы. Совсем другой характер носят отношения с Узбекистаном и Туркменистаном. Отношения с Узбекистаном заметно улучшились в середине 2000-х гг., Ташкент присоединился к ОДКБ и ЕврАзЭС. Однако из-за возникших серьезных разногласий о том, как должны использоваться созданные механизмы, Узбекистан приостановил свое членство в ЕврАзЭС в 2008 г. и вышел из ОДКБ в 2012 г. Позиция «позитивного нейтралитета», занятая Туркменией, отдалила ее от двусторонних соглашений с соседями по региону и с Россией.

Несмотря на то, что сами государства ЦАР не всегда положительно оценивают политику РФ в регионе, они не отказались от участия в региональных объединениях под эгидой Москвы. ЦАР в течение 20-ти лет превратилась из региона, представлявшего второстепенный интерес, в регион первостепенной значимости для внешней политики РФ. ЦАР

неизбежно будет иметь непреходящее значение для реализации выдвинутой В.В. Путиным концепции ЕАЭС. Он также является важным элементом энергетической стратегии Москвы: Россия по низким ценам покупает энергоресурсы в ЦАР, использует их для удовлетворения внутренних потребностей, а собственные энергоресурсы поставляет на экспорт, обеспечивая национальный экономический рост. Россия стремится сохранить такую ситуацию, при которой энергоресурсы стран ЦАР не шли бы в обход России. Москва надеется на достижение соответствующих договоренностей со странами ЦАР, в том числе и с целью минимизации негативных последствий вывода натовских войск из Афганистана в 2014 г. и возможного ухудшения ситуации в связи с ростом терроризма, экстремизма и транзита наркотиков. От политики РФ в ЦАР во многом зависит будущее всего постсоветского пространства. А усиление центробежных тенденций во внешней политике республик бывшего СССР и разнотипность их внутривнутриполитических порядков могут способствовать распаду постсоветского пространства как целостного политико-географического региона.

В.Б. Павленко [публикуемый текст выступления сокращен главным редактором журнала «Новый исторический вестник» С.В. Карпенко при стилистическом редактировании. – *прим. ред.*]. Сегодня в науке господствует субъектно-объектный подход: объекты исследования рассматриваются не в динамике, а в статике. Поэтому так редко удается правильно ответить на важнейшие политические вопросы современности.

Теперь появился новый подход – проектный. Большую роль в его разработке в России сыграл крупный политический мыслитель С.Е. Кургинян. В рамках проектного подхода мировой политический процесс рассматривается как субъектно-субъектная игра, которая ведется с помощью глобальной миропроектной конкуренции. По Кургиняну, мир находится в стадии завершения проекта «Модерн», а все его основные субъекты заняты поиском нового проектного вектора. Большой Запад уходит в «Постмодерн». К теоретическому обоснованию этого процесса во второй половине XX в. была приспособлена теория модернизации. Эпигоны М. Вебера и Э. Дюркгейма

подменили в ней модернизм постмодернизмом, но не решились прямо переименовать теорию модернизации в теорию постмодернизации.

Дж. Талмон и У. Энгдаль называют нынешнюю западную демократию «тоталитарной», а К. Крауч – «постдемократией». «Постмодерн», который на ней паразитирует, – это идейно-политическая основа нового мирового порядка, который, по крупному глобалисту Ж. Аттали, включает мировые порядки сакрального (новую мировую религию), силы (глобализацию ЕС и НАТО) и денег (глобальное распространение Вашингтонского консенсуса с ведущей ролью доллара и ФРС США). Получается монополярный мир, в котором США и НАТО отводится роль силового инструмента в руках глобальной олигархии.

В рамках этого проекта создана система институтов «Постмодерна» – открытых, закрытых и засекреченных. Перебрасывая, как об этом писал еще К. Маркс, из одних партийных «рук» в другие государственную власть, глобальные олигархи сохраняют за собой власть «концептуальную». С помощью Первой мировой войны ее вырвали из рук монархий. Вторая мировая и Холодная войны потребовались ввиду существования Советского Союза, появление которого оказалось «системным сбоем», отодвинувшим реализацию этого проекта как минимум на столетие.

Но Запад не только сам уходит в «Постмодерн», он еще и формирует себе союзника в лице контрмодернистского исламизма. Это радикальное извращение ислама является продуктом британских и американских спецслужб. Альянс западного «Постмодерна» с «Контрмодерном» «большого Юга» – это проект завершения истории с помощью разделения человечества на изолированные касты узкого круга «господ» и опущенных в архаику «рабов» со сниженной на порядок численностью населения.

«Модерн» сегодня остается только на Большом Востоке (Китай, Индия, Юго-Восточная Азия). Россия же после распада СССР застыла в беспроектном периоде полураспада. Сдавшее страну либеральное прозападное лобби, проникшее с помощью и при поддержке Римского клуба в руководство КПСС и

Советского государства, вслед за закрытием проекта «СССР», добивается завершения всей российской проектной преемственности. Ибо главным, осевым в этой преемственности является 500-летнее противостояние с Западом, а отнюдь не вхождение в него, которое нам навязывают с подачи Бжезинского и других идеологов глобализма.

Обращение к проектному подходу позволяет определить сущность современности как конъюнктурную попытку Запада отменить миропроектную конкуренцию и втянуть человечество в постмодернистско-контрмодернистский альянс, завершив тем самым его историю. Это требует от нашей страны противопоставить Западу собственный проект и исполнить именно в этом и состоящую историческую миссию, которая обусловлена альтернативностью российской модели развития и ее ролью Катехона, то есть силы, удерживающей мир от сползания к концу времен.

Привнесение в российскую цивилизационную идею инноваций возможно, но только с адаптацией их к традиции.

Для России возврат к собственной религиозной традиции – непереносимое условие исторического выживания. Для этого нашей стране нужно вернуться в миропроектную конкуренцию. Ни в «Постмодерне», ни в «Контрмодерне» нам заведомо нет места. И то, и другое – это гитлеровский «Генеральный план “Ост”» в обновленном виде. И любые либеральные изыски в стиле «человек, а не индустрия» (например, В.А. Мау) – не что иное, как попытка оправдать ставку в человеке не на социальное, коллективистское начало, а на биологический, животный индивидуализм. Продолжение «Модерна» тоже невозможно, так как в России нет для проведения модернизации необходимых демографических ресурсов.

Поэтому наиболее эффективным выходом является «Сверхмодерн» – обновленный коммунизм в виде проекта «СССР 2.0» Кургиняна. Другие проекты, например, религиозно-православный, тормозятся глубоко укоренившейся секуляризацией и многоконфессиональностью российского общества. А православной общественности недостает

понимания того, что главными врагами являются либералы, а коммунисты – естественные союзники РПЦ в борьбе за российскую историю и идентичность.

Поскольку Российская Федерация – это фаза полураспада большой, единой страны, то, если не произойдет постсоветской реинтеграции, распад возобновится и дойдет до конца. Однако реинтеграция – необходимое, но недостаточное условие. Одно дело, если она осуществится на собственной проектной основе Сверхмодерна, и другое, если интеграция произойдет в рамках глобально-олигархического «высшего разума». Тогда глобализация будет продолжена, а сама идея исторического воссоединения постсоветского пространства будет дискредитирована.

С.Ю. Разин. У меня к вам два вопроса.

Первый: не кажется ли вам, что взлет Большого Дальнего Востока – это, в значительной мере, результат усилий западной экономической и политической элиты, которая в свое время активно содействовала укреплению Китая и создавала из него противовес Советскому Союзу?

Вопрос второй: есть ли у нас в стране ресурсы для проведения новой модернизации, и правильно ли говорить о том, что сегодня стране необходима модернизация?

В.Б. Павленко. На первый вопрос вы наполовину ответили сами. Конечно, Запад использовал Китай против Советского Союза. В глобальном геополитическом треугольнике «Запад (во главе с США) – Россия – Китай» проигрывает тот, против кого объединяются двое остальных. В 1972 г. США объединились с Китаем против СССР – и СССР, в конечном итоге, проиграл.

По поводу второго вопроса хочу сказать, что модернизация – это процесс перехода к «Модерну», то есть к индустриальному обществу. Этот переход Россия уже пережила. Последним его этапом была сталинская модернизация. Модернизация осуществляется за счет того, что в большом количестве берется дешевая рабочая сила из деревни и бросается в городской, фабрично-заводской уклад, в котором бывшие крестьяне переплавляются в пролетариев. Хочу напомнить, что у нас в стране переход от традиционного

общества к индустриальному в конце XIX – первой половине XX вв. сопровождался мощным демографическим взрывом. В современной России ситуация диаметрально противоположная. У нас сегодня нет демографических ресурсов для проведения новой модернизации. Нам нужен другой путь.

Какой? Я думаю, что либеральный эксперимент, который проводился над страной в течение 25-ти лет, потерпел крах. Из этого необходимо сделать один очень простой, но воплощенный в практических действиях вывод: нам необходимо заменить во власти ту часть правящей элиты, которая ориентирована на Запад, элитой, способной отстаивать национальные интересы страны и выйти на другую траекторию развития.

В.Г. Хорос. У меня реплика по поводу выступления В.Б. Павленко.

Общий пафос его выступления, его беспокойство за будущее России мне близки. Но некоторые присущие ему ходы мысли и размашистые идеи – характерные, кстати, и для ряда других представителей отечественного радикализма – мягко говоря, не приближают нас к пониманию реальностей современной российской ситуации и нашего будущего. Например, то, что Римский клуб продвигал «либеральное прозападное лобби» в руководство КПСС; что смыслом Российской цивилизации, «преемственности» является 500-летнее противостояние с Западом; что миссия России в мире – это Катехон, то есть сила, удерживающая мир от сползания к концу времени; что для России сегодня необходим не «Модерн», не «Постмодерн», а «Сверхмодерн», то есть «обновленный коммунизм» и прочее. Может быть, все это звучит красиво, но, увы, не продвигает наше познание окружающего. В том числе потому, что упрощает некоторые черты или тенденции прошлого и современного, превращает их в материал для выдвигания броских лозунгов.

Скажем, трудно согласиться с утверждением, что Россия уже «пережила» (в сталинские времена) стадию модернизации, что у нас «нет демографических ресурсов для проведения новой модернизации», то есть «дешевой рабочей силы из деревни», которая «бросается в городской, фабрично-

заводской котел». Модернизация – это общемировой процесс, он не сводится лишь к индустриализации, но предполагает обновление во всех сферах – экономической, политической, социальной, культурной. В нашей стране модернизация была частичной, незавершенной, а теперь вообще налицо признаки демодернизации. Поэтому в сегодняшней России без завершения модернизации (конечно, не в сталинских формах) не пройдут никакие прыжки в «Сверхмодерн» или «обновленный коммунизм». Да еще при этом надо вписать подобную «домодернизацию» в контекст Российской цивилизации, ее базовых ценностей.

Когда большевики в России пошли на революцию, они уже имели ее программно-теоретическое обоснование (не будем сейчас обсуждать, что в этом обосновании «ложилось» на тогдашнюю объективную реальность, а что нет). Сейчас я такой программно-теоретической базы не вижу. Хотя поиски ведутся. Поэтому мне близок постоянно повторяющийся рефрен-призыв в публикациях А.И. Фурсова о необходимости создавать новую социальную науку, ибо история значительно усложнилась, и необходимы серьезные теоретические инновации, включая обнаружение субъекта принципиальных изменений. А без этого эффектные лозунги и тезисы, во многих случаях являющиеся просто бездоказательными предположениями, не станут организующим ресурсом.

А.В. Чертишев. Россия, наверное, самая уникальная страна по уровню мифологичности отношения к действительности и перспективам дальнейшего развития.

В ее длительной эволюции выделяются консервативно-монархический миф досоветской России («имперский миф») и марксистско-ленинский («коммунистический») миф. После того как стройная мифологическая система коммунизма рухнула, возникший идеологический «вакуум» стал стремительно заполняться за счет формирования новых социально-политических мифов, создаваемых представителями различных социальных групп. Крайне непродолжительное время существовал либерально-демократический миф, в результате деградации которого россияне перестали верить государству и воспринимать себя полноправными гражданами, имеющими

возможность влиять на власть посредством демократических институтов.

Этот кризис породил запрос на замену либеральной мифологии консервативно-охранительной, антизападной (сплав неосталинизма и псевдоимперскости), базирующейся на апеллирующей к имперскому сознанию мифологеме мессианства русского народа и противопоставлении России развитым странам, условно именуемым «Западом», бездуховные и эгоистические либеральные ценности которого якобы полностью чужды русскому менталитету. Крушение мифологий приводит к утрате национально-государственной идентичности.

Кто мы сегодня? Выясняется, что к другой, несоветской, жизни мы оказались не готовы ни умом, ни душой. У нас сейчас нет ни исторического государства, ни духовного смысла, ни великих идей, мыслей и чувств о будущем. Более чем через 20 лет после распада СССР для подавляющей части российского народа все самое ценное и значимое заключено именно в 70-летней советской истории. Мы привыкли к «выживанию», «жизни в катастрофе», а страна напоминает приют для беспризорных с какой-то неустроенностью везде. Складывается ощущение, что она, страна, не принадлежит тебе. О «стабильности» же можно говорить лишь в следующем контексте: одни живут стабильно хорошо, другие стабильно плохо, стабильны агрессия, жестокость, идеологичность, нетерпимость к иному, патологическая зависть и ложь, халтура во всем, полное обесценивание человека, его достоинства и личности, стабильно растут цены и масштабы коррупции... Возможно, от утраты веры в себя, в нашу способность жить и творить как все «благополучные» народы, и возникло нынешняя – новая и одновременно старая – мода на особый русский путь.

Куда и как пойдет Россия? Оценивая перспективы нашей страны, к вариантам ее дальнейшего развития в самом общем виде необходимо следует отнести следующие.

Гибельный вариант – дальнейший распад РФ, формирование конгломерата государств на базе таких регионов как Центральная Россия, Кавказ, Краснодарский край, Урал, Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток и т.д.

Пессимистический вариант – превращение России в некую внутреннюю колонию, народ которой используется в основном для охраны национальных богатств, эксплуатируемых в интересах узкого круга людей.

Реалистический вариант – осознание выхода России из исторического и духовного тупика (что очень важно, но и не более того!). Началось не строительство еще более научного «научного коммунизма», а происходит фундаментальное и системное возвращение к обычному историческому процессу, в котом может быть все: и славные победы, и тяжелые неудачи. И ценность его в том, что он дает шанс как на выживание, так и на великие свершения.

Оптимистический вариант – достижение национального величия, возрождение Российской империи, обеспечение благоденствия страны. Не касаясь других глобальных целей, заострим внимание на несколько крамольной мысли: наши упования на собиание в недалеком будущем «тела» новой/старой Империи весьма иллюзорны. Ибо, как свидетельствуют события 1917 г. и рубежа 1980–1990-х гг., у народов, населяющих нашу страну, не было общего отечества – России/СССР, – с коими без особого сожаления в удобный момент и расстались. И сегодня они готовы к разнообразному «сотрудничеству» с Россией (готовы принимать помощь, получать образование и работу, просить защиту), но, как выясняется в частных беседах, ни советское, ни тем более молодое поколение, «под Россию» идти не хотят, «Старший брат» им больше не нужен.

Утопический вариант – порвать со всяким прошлым, как с царским, так и с коммунистическим, и строить новую Россию с нуля, на основе идеалов свободы и прав человека.

В любом случае России предстоит сделать непростой экзистенциальный выбор, в основе которого должны лежать одна, но тройственная панацея (уповать на Бога, сохранять трезвый взгляд на Реальность и говорить Правду) и главный принцип (высшей ценностью является не земля, не государство, а человек, живая личность). Выбор этот во многом будет определяться тем, осознаем ли мы неразрывную связь с

тысячелетней Россией или продолжим поклоняться коммунистическим, советским идолам.

Емко и точно заметил по этому поводу И. Губерман:

*Хотя и сладостен азарт
По сразу двум идти дорогам,
Нельзя одной колодой карт
Играть и с дьяволом, и с Богом...*

Н.Ю. Булешова. Сегодня Россия должна определиться со своей ролью на постсоветском пространстве.

Конечно, воссоздание СССР невозможно. Но что нас ждет впереди? Как будут развиваться наши отношения со странами-соседями?

Я считаю, что интеграционные процессы, идущие сегодня в разных регионах мира, должны стать примером для постсоветских государств. Тем более что существует целый ряд факторов, способствующих созданию на постсоветском пространстве мощной региональной интеграционной группировки. К их числу относятся: сложившееся в рамках единой союзной экономики и, в определенной мере, существующее до сих пор разделение труда между бывшими республиками СССР, культурно-историческое единство народов, технологическая взаимозависимость и единые технические нормы, действующие в постсоветских государствах.

Однако процессы, которые сегодня идут на постсоветском пространстве, противоречивы и неоднозначны. Сегодня, как и 20 лет назад, далеко не всегда удается найти компромисс между экономической целесообразностью и корпоративными интересами политических элит постсоветских государств. Развитию интеграционных процессов в Евразии противодействуют силы, не заинтересованные в появлении на мировой арене нового сильного геополитического и геоэкономического игрока. К ним, в первую очередь, относятся США. По мнению Бжезинского, первостепенный интерес США состоит в том, чтобы евразийское геополитическое пространство как можно дольше оставалось «бесхозным».

Тем не менее, страны региона осознали, что настала пора повернуться от национальных амбиций к

взаимовыгодному экономическому сотрудничеству. Мировой экономической кризис и та помощь, которую Россия в условиях этого кризиса оказала некоторым странам–членам СНГ, дали толчок новому витку евразийской интеграции. Сегодня стало понятно, что в экономической интеграции должны принимать участие те страны, которые готовы поступиться какими-то своими интересами ради достижения стратегических целей, во имя которых создавался Таможенный союз. Создание его было хорошо продуманным шагом, который привел к тому, что ежегодно увеличивается беспошлинный оборот товаров и растет грузопоток по нашим единым транспортным коридорам. Появляется возможность установления внутренних таможенных пошлин, налоговых каникул и дотаций для сельского хозяйства. Страны–члены Таможенного союза получили экономический щит против выпадов извне и «страховочный ремень» от неизбежного колебания биржевых цен на нефть и газ. По расчетам ученых Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, суммарный эффект от деятельности Таможенного союза к 2015 г. составит примерно 400 млрд долл. Участники Таможенного союза должны за счет интеграции получить дополнительно около 15% прироста ВВП. Только за 2011 г. взаимная торговля стран Таможенного союза составила 108,3 млрд долл.

В то же время интеграция в рамках Таможенного союза таит в себе определенное противоречие, которое состоит в том, что она ведет к усилению конкуренции между предприятиями разных стран в некоторых отраслях экономики (металлургия, строительство, агропромышленный комплекс, торговля) и к потере бюджетных доходов.

Но, по моему мнению, повышение конкуренции на внутреннем рынке Таможенного союза для подавляющего большинства отраслей будет несущественным. А в тех отраслях, где это все же произойдет, общий экономический эффект будет положительным. Такой эффект будет достигнут за счет снижения монополизации рынков и приближения к равновесным ценам.

Б. Смит (B. Smith). Тема моего выступления – «Политика США на постсоветском пространстве: мифы и реальность».

Наша политика в отношении Содружества Независимых Государств и стран–членов этой организации является неотъемлемой частью глобальной политики США. Эта политика базируется на трех составляющих.

Первая составляющая – это стремление к взаимовыгодному сотрудничеству со всеми странами, в том числе и с Россией. Наш президент Б. Обама исходит из того, что эпоха противостояния между США и Россией ушла в прошлое. Он считает, что у наших стран есть новая стратегия взаимоотношений, у нас есть новые возможности договориться друг с другом и найти общий путь к будущему.

Вторая составляющая – это взаимное уважение. Здесь я хочу процитировать нашего президента, который, находясь в Москве в июле 2009 г., сказал следующее: «Для начала скажу прямо: Америка хочет, чтобы Россия была сильной и процветающей страной. Это утверждение основывается на уважении к российскому народу и той общей истории, которая связывает наши страны. Несмотря на соперничество в прошлом, наши народы были союзниками во время Второй мировой войны. Это значит очень много для нас и для вас. Давайте не забывать об этом».

Третья составляющая – это представление о том, что все проблемы, которые сегодня существуют в мировой повестке дня, носят глобальный характер и могут решаться только комплексно.

Если говорить о ценностях и их роли в нашей внешней политике, то, как сказал Обама, выступая на Генеральной ассамблее ООН в сентябре 2010 г., Америка поддерживает универсальные демократические ценности, так как это высоконравственные и действенные ценности. Распространение демократических ценностей и поддержка их носителей – это приоритетное направление нашей внешней политики.

Если продолжать разговор о приоритетах нашей внешней политики, то, я думаю, не открою никому никакой тайны, если скажу, что главной задачей американской внешней

политики в ближайшее время является завершение войн в Ираке и Афганистане. К этому добавляется борьба против «Аль-Каиды» и других глобальных террористических сетей.

При этом должен сказать, что в нашей современной внешней политике особое место занимает дальневосточное направление. Тем не менее, мы не забываем о наших союзниках в Европе и в других точках мира.

Еще один приоритет – это, конечно, решение проблемы нераспространения ядерного оружия. Для решения этой проблемы мы очень тесно работаем с Россией и Казахстаном.

Администрация президента Обамы исходит из того, что для решения глобальных проблем необходимо взаимодействовать со всеми странами мира: и с нашими друзьями, и с нашими партнерами, и с нашими врагами. США очень тесно работает с партнерами по Совету Безопасности ООН и другим международным организациям для укрепления международных отношений и международных институтов.

Хочу сказать, что важное место в нашей политике занимает экономическое сотрудничество со странами СНГ. Мы понимаем, что чем лучше работают экономики постсоветских государств, тем лучше для региональной стабильности и для ситуации во всем мире.

В.Б. Павленко. Согласны ли вы с тем, что заявление Х. Клинтон, сделанное ею на саммите АТЭС в Гонолулу, символизирует начало новой тихоокеанской политики США?

Б. Смит (B. Smith). На мой взгляд, это заявление может означать начало не военно-политической, а геоэкономической переориентации США на Азиатско-Тихоокеанский регион.

Было еще одно заявление Х. Клинтон, посвященное постсоветскому пространству. Я считаю, что оно было вызвано не опасением по поводу возрождения СССР, а недостаточной осведомленностью Вашингтона в вопросах евразийской интеграции. Евразийская экономическая комиссия была создана только в феврале 2012 г. и существует чуть больше года. Наше посольство сейчас довольно активно работает с этой организацией. Это необходимо для того, чтобы лучше понимать ее цели и планы на ближайшие два года. Мы хотим понять, как евразийская интеграция повлияет на нашу

экономику, на бизнес наших компаний, работающих в России и в других постсоветских государствах. Мы хотим, чтобы рынки этих стран были открыты и чтобы правила игры были равными для всех. Когда появляется новая интеграционная структура, то такие вопросы возникают – и их необходимо решать. Чем больше все заинтересованные стороны будут сотрудничать с этой организацией, тем будет лучше для всех.

С.В. Фокин. Что сейчас преобладает в политике американской администрации – ориентация на использование «жесткой силы» или ориентация на использование «мягкой силы»?

Б. Смит (B. Smith). В данный момент в администрации Обамы преобладает ориентация на использование «мягкой силы». Как у нас говорят, Америка – это открытая книга. Мы всегда рады возможности рассказать о многообразии нашей культуры, о сильных сторонах нашей экономики и важности наших ценностей. Чем больше людей смогут приехать и узнать Америку на собственном опыте, тем лучше.

Н.Ю. Булешова. В современной внешней политике США приоритет отдается развитию двухсторонних отношений с каждой из республик бывшего СССР? Или развитию отношений с какими-то конкретными интеграционными объединениями, существующими сегодня на постсоветском пространстве?

Б. Смит (B. Smith). Мы строим двухсторонние отношения с каждым постсоветским государством, основываясь прежде всего на уважении и поддержке его суверенитета. Мы считаем, что вопрос о том, в какое интеграционное объединение вступать – это внутреннее дело каждой страны. Так что, если Беларусь, Казахстан и Россия решили создать ЕАЭС – пожалуйста, мы этому не должны и не будем мешать.

П.Т. Подлесный. Мое выступление посвящено теме «Политика США на постсоветском пространстве». Сразу скажу, что политика США на постсоветском пространстве была отнюдь не безобидной для России.

Давайте вспомним некоторые факты из совсем недавней истории. Кто является автором идеи строительства

нефтепровода «Баку–Джейхан»? – З. Бжезинский и администрация Б. Клинтона. По чьей инициативе была создана организация ГУУАМ? – По инициативе США в противовес СНГ. Какова роль США в цветных революциях на постсоветском пространстве?.. – Если говорить о «цветной революции» в Грузии, то, на мой взгляд, американцы пришли к выводу, что пора Э. Шеварднадзе подыскать замену и отправить его на покой. В результате «цветной революции» к власти был приведен М. Саакашвили. Теперь давайте вспомним, как выводились российские войска из Прибалтики в начале 1990-х гг. Что делали американцы в Прибалтике в 1993–1994 гг.? Переговоры по этому вопросу американцы вели с нами с позиции силы. Лозунг этих переговоров был такой: «Америка победила в Холодной войне! Убирайтесь!» В максимально короткие сроки было подготовлено соглашение о выводе российских войск. Не было даже варианта текста этого договора на русском языке, вот как спешили. Россия вынуждена была в спешном порядке выводить свои войска из Прибалтики.

Американцы сделали еще две вещи, которые испортили российско-американские отношения в 1990-е гг.

Первое – прием в НАТО наших бывших союзников. Когда российское руководство предложило американской администрации соглашение, согласно которому у США сохраняется свобода рук в смысле приема восточноевропейских и балканских стран в НАТО, но при этом США должны были взять на себя обязательство не принимать в НАТО республики бывшего СССР, Б. Клинтон, по сути дела, отверг это предложение. В результате сложилась идиотская ситуация, при которой Россия, являясь второй европейской державой, не имеет права голоса в решении вопросов европейской безопасности.

Второе – намерение администрации Дж. Буша-младшего разработать план подготовки Грузии и Украины к вступлению в НАТО. Вы можете себе представить, что было бы, если бы Украина вступила в НАТО, и Черное море было бы заполнено натовскими кораблями? Слава богу, что военные события 2008 г. в Грузии перечеркнули все эти планы. Мы

должны поставить памятник Саакашвили за то, что он своими опрометчивыми действиями по отношению к Южной Осетии очень надолго отложил вступление Грузии в НАТО.

В заключение хочу сказать, что кризис 2008–2009 гг. очень многое расставил в мировой политике, в целом, и в отношениях между постсоветскими государствами, в частности, по своим местам. Из постсоветских государств с кризисом своими силами справились только Россия и Казахстан. Остальных пришлось России вытягивать, выручать. Что дальше?

Сегодня никакой реальной альтернативы евразийской интеграции нет. Единственной разумной политикой для постсоветских стран является именно евразийская интеграция.

С.Ю. Разин. Сегодня здесь уже был упомянут президент Н. Назарбаев, поэтому хочу несколько слов сказать о политике руководства Казахстана.

У меня давно сложилось впечатление, что Назарбаев и его окружение ведут двойную, а то и тройную геополитическую игру. Вспомните события 1990–1991 гг.: Казахстан и республики Центральной Азии с юридической точки зрения не выходили из состава СССР. Их, по сути дела, вытолкнули оттуда. Распад СССР стал, на мой взгляд, практически неизбежен после того как Россия, первой из союзных республик, приняла Декларацию о государственном суверенитете. Затем, уже после распада СССР, Назарбаев выдвинул идею ЕАС. И сегодня он часто повторяет это предложение. Но, вместе с тем, выступая совсем недавно в Стамбуле, он говорил о «Великом Туране» и о том, что Казахстан был «колонией СССР».

П.Т. Подлесный. Вспомните, что сделал Назарбаев сразу же после распада СССР. Он перевел столицу Казахстана из Алма-Аты в Астану. Почему он это сделал? Потому что он испугался России, в которой тогда существовали идеи о необходимости вернуть себе Крым, Северный Казахстан и некоторые другие территории, входящие в состав других республик.

Должен сказать, что Назарбаев добился за годы независимости для своей страны многого. Ему это удалось

потому, что он проводит взвешенную, разумную, многовекторную политику. И в этом его серьезное отличие от украинских и белорусских политиков. Чего украинские и белорусские политики добились за эти 20 лет для своих стран? Ничего.

Ни Украина, ни Беларусь, апеллирующие то к Брюсселю, то к Москве, сегодня самостоятельными геополитическим игроками не являются.

А.В. Чертишев. А, чего, например, должен был добиться Лукашенко?

П.Т. Подлесный. Лукашенко стремится жить на наши деньги.

А.В. Чертишев. Так он этого и добился.

П.Т. Подлесный. Он этого добился.

Но вы знаете, какая была борьба в процессе создания Союзного Российско-Белорусского государства? Вы знаете, что Лукашенко хотел стать президентом Союзного государства? Тогда Чубайс пошел к Ельцину и убедил его отказаться от подписания предложенного Лукашенко варианта договора о создании союзного государства. Сделано это было во многом для того, чтобы преградить дорогу Лукашенко в Кремль. А что предложил Лукашенко Путин после своего прихода к власти? Он предложил Лукашенко три варианта: либо Беларусь вступает в РФ в качестве единой административно-территориальной единицы, либо каждая область Беларуси вступает в РФ, либо Беларусь входит в состав Союзного государства на тех условиях, что главенствующую роль в нем будет играть РФ. Эти предложения явно не понравились Лукашенко.

После этого процесс создания Российско-Белорусского Союзного государства застопорился.

А.В. Чертишев. По-моему, большинство белорусского народа не жалеет о том, что у них есть независимое государство, и о том, что руководителем Беларуси является Лукашенко. Поэтому я думаю, что не стоит так сильно критиковать Лукашенко.

П.Т. Подлесный. Я выступаю против излишнего возвеличивания Лукашенко и белорусского опыта. Беларусь

целиком и полностью зависит от России. Прекрати завтра Россия давать кредиты и сократи поставки нефти – Беларусь станет областью в составе России.

Здесь прозвучала мысль о необходимости восстановления империи. Я считаю, что нам надо забыть об этом на десятилетия, если не навсегда, и ограничиться тем, что сейчас делает наше руководство. Это сегодня должно быть первой заповедью для нашей политической элиты.

Почему? Потому, что на империю сегодня у России нет средств. Вы меня извините, господа, я, ученый с 45-летним стажем, получаю «чистыми» 25 тыс. руб.

П.П. Марченя. Об империях – отдельный разговор. Но не могу не отреагировать на прозвучавшую фразу, что Россия – это «вторая европейская держава». Я все-таки хочу подчеркнуть, что мы были и остаемся первой европейской державой – и не на этом нашем круглом столе об этом забывать.

П.Т. Подлесный. Извините, но это не так. Экономика ЕС сегодня намного мощнее, чем российская экономика.

С.Ю. Разин. А разве критерии державности сводятся только к экономическим показателям?

П.Т. Подлесный. Не только. Но, тем не менее, сегодня первой державой в мире в военно-политическом и экономическом плане являются США.

Вторая держава – это Китай. Он отстает в развитии социальной сферы, но обладает серьезной военно-политической и экономической силой.

На третьем месте – ЕС.

П.П. Марченя. По-моему, очевидно, что ЕС, в отличие от России, единой суверенной державой не является.

Некорректно, и даже опасно, путать Империю с квазиимперией. ЕС никак не может считаться империей в том смысле, в котором остается империей Россия. Даже после имперской катастрофы конца прошлого века.

ЕС представляет далекое от державного единства множество суверенных государств, ни одно из которых, ни даже все вместе, не в состоянии равняться с Россией по масштабам – ни по территории, ни по ресурсам.

А.Н. Михайленко. Я просто не могу не отреагировать на прозвучавшую здесь мысль о двойной или даже тройной геополитической игре Казахстана. На мой взгляд, так и должно быть – так и есть во всем мире.

Мы иногда приравниваем национальные интересы к интересам интеграционной группировки, в которую входит страна. Но интеграционная политика – это только один из множества инструментов реализации национальных интересов. Когда мы говорим о двойной политике, двойных стандартах, то подразумеваем, что какие-то действия производятся неофициально, втихую: это ведь неловко, когда тебя обвиняют в лицемерии. Но Назарбаев в этом отношении чист: он открыто заявил о том, что считает целесообразным создание Центрально-Азиатского союза, причем написал об этом в программной статье в «Известиях» – «Евразийский Союз: от идеи к истории будущего».

Другое дело, что у нас в России нередко считают, что любые региональные объединения на постсоветском пространстве, в которых Москва не участвует, по определению являются антироссийскими. Но мы почему-то не думаем о том, как воспринимают те же центрально-азиатские страны только что подписанный в Санкт-Петербурге контракт России с Китаем на 270 млрд долл. – то есть на порядок больше нашей торговли с этими странами. Мы ведь тоже не все яйца складываем в одну корзину!

И буквально несколько слов о евразийской интеграции. В России этому проекту уделяется первостепенное внимание. В его развитии достигнуты определенные успехи, хотя в последнее время процесс немного затормозился. Меня тревожит то, что в настоящее время это в большей степени – верхушечный процесс, не касающийся широких масс населения, среднего и малого бизнеса. А всякий верхушечный процесс подвержен субъективной конъюнктуре. Конечно, безусловная поддержка этого проекта президентами всех трех стран крайне важна в условиях наших политических систем. Здесь неоднократно звучали сопоставления с опытом ЕС. Так вот, обратите внимание: Латвия вступает в еврозону вопреки мнению большинства населения, зато политическое

руководство выступает за вступление. И все же только широкий охват населения идеей евразийской интеграции, участие в ней масс сделает этот процесс необратимым.

Еще одно обстоятельство привлекает внимание. Три страны вышли на уровень Таможенного союза в 2010 г., на уровень Единого экономического пространства – в 2012 г. А уже в 2015 г., если будут решены поставленные задачи, мы должны достичь уровня экономического союза. Каждую из этих ступенек экономической интеграции ЕС проходил по десятку лет, а мы их перемахиваем за 2–3 года. Очевидно, что это революционное развитие, а не эволюционное, о котором часто пишут и у нас, и в других странах «тройки». Революции, как известно, характеризуются прорывами в решении стратегических задач, но ведь они же могут приносить и провалы. К этому нужно быть готовыми.

Еще одна проблема развития евразийской интеграции связана с расширением ЕЭП. Сейчас стоит вопрос о присоединении к «тройке» Киргизии, а также ведется работа по привлечению к этому проекту Украины. Опыт ЕС говорит о том, что если страна не готова к вступлению в интеграционный союз, то даже серьезные геополитические обоснования не оправдают ее прием, потому что из-за этого данный союз внутренне ослабеет. Очевидно, что Киргизия не готова к интеграционному взаимодействию экономически, а Украина – политически.

Поэтому я бы предложил применить принцип постепенности в вопросе об их приеме в состав ЕЭП.

О.Д. Абрамова. В Концепции внешней политики РФ, утвержденной В.В. Путиным 12 февраля 2013 г., отмечено, что Россия считает приоритетной задачу формирования ЕАЭС, призванного не только максимально задействовать взаимовыгодные хозяйственные связи на пространстве СНГ, но и стать определяющей будущее стран Содружества моделью объединения, открытого для других государств.

Мировой опыт показывает, что региональная интеграция оказывает положительное влияние на конкурентоспособность страны, способствует открытости национальных рынков и созданию единого регионального

рынка, обостряет конкурентную борьбу, положительно влияет на инвестиционный климат, усиливает приток капитала в те страны, которые в ней участвуют, создает возможности для ускоренного инновационного обновления производства, приводит к более свободному обмену знаниями и образованию новых сильных объединений, которые становятся активными игроками на мировой арене.

Важнейшей проблемой в этой связи становится проблема конкурентоспособности национальных экономик постсоветских государств. При этом оценки ведущими международными организациями и аналитическими центрами рейтинга конкурентоспособности российской экономики и делового климата страны меняются весьма незначительно. Исследования Всемирного экономического форума показывают, что по многим экономическим показателям Россия входит в число 10–20% стран с наихудшими значениями. Так, по индексу глобальной конкурентоспособности Россия в 2012 г. заняла только 67-е место. Конкурентные позиции российской экономики находятся на уровне или выше среднестрановых значений по таким показателям как «инфраструктура», «технология», «труд», «правительство», «менеджмент» и «финансы». Но по таким важным показателям как «управление», «институциональная среда», «открытость экономики» – Россия занимает низкие места. Перспективы экономического роста РФ создатели индекса связывают в первую очередь с факторами, которые лежат в сфере повышения эффективности, в то время как инновационный и ресурсный факторы в настоящее время, по их мнению, сдерживают этот рост. Незначительно меняется и ежегодный индекс конкурентоспособности (IMD World Competitiveness Yearbook) российской экономики. По данным швейцарского Института развития менеджмента (IMD), российская экономика находится в завершающей части рейтинга: в 2012 г. – 48-е место, в 2011 г. – 49-е место (из 59-ти стран). В этой связи стоит обратить внимание на Казахстан, рейтинги которого по итогам 2012 г., существенно выросли: 51-е место по оценке ВЭФ, 32-е место – IMD.

Следует сказать, что и Россия, и Казахстан, и Беларусь, будучи участниками Таможенного союза – наиболее развитого интеграционного объединения на постсоветском пространстве, – обладают значительными конкурентными преимуществами: выгодным геополитическим положением, богатыми природными ресурсами, цивилизационной общностью, высоким образовательным и научным уровнем, рядом уникальных производств (прежде всего в космической и оборонной отраслях).

Важнейшей задачей, которую необходимо решить в ближайшее время, является разработка общей конкурентной стратегии. Такая стратегия позволит странам–участницам Таможенного союза определить векторы и приоритеты развития и эффективно использовать, имеющиеся у них конкурентные преимущества. В конечном счете, реализация этой стратегии может привести к достижению высокого уровня конкурентоспособности, необходимого для достойного существования в сложных условиях жесткой глобальной конкурентной среды.

О.Г. Леонова. В условиях глобализации каждая крупная страна – Бразилия, Нигерия, ЮАР, Индия и т.д. – работает над созданием своего регионального проекта.

Региональные державы инициируют интеграционные процессы в своих геополитических регионах и создают региональные системы. Для создания полноценной региональной системы, необходимо сочетание потребностей стран–будущих членов региональной системы, возможностей страны–потенциального регионального лидера, а также необходимых условий для ее формирования.

На постсоветском пространстве есть объективные потребности независимых республик в гарантии собственной безопасности и стабильности политических режимов, потребности в энергетическом сотрудничестве, развитии экономических связей, заключении преференциальных торговых соглашений, привлечении инвестиций со стороны регионального лидера. Для оформления полноценной региональной системы Россия имеет все необходимые условия: наличие независимых проинтеграционных институтов и групп,

заинтересованных в реальной интеграции; отсутствие торговых, таможенных, миграционных и других барьеров внутри региона; комплекс надгосударственных органов с реальными полномочиями руководства политико-экономическими и военно-стратегическими процессами интеграции; наличие политической воли для преодоления сопротивления бюрократического лобби, чьи интересы могут оказаться ущемленными в процессе снятия внутрирегиональных экономических барьеров. Для реализации статуса региональной державы Россия имеет также необходимые экономические, политические, военные и гуманитарные возможности и ресурсы, отвечающие потребностям стран-партнеров.

Поддержание лидерства в регионе требует от региональной державы использования всего спектра средств в международной политике. Это экономические рычаги (субсидии и инвестиции, демпинговые цены на энергоносители или стратегические продукты), военные (присутствие воинских контингентов, продажа вооружения в кредит или по льготным ценам), а также культурная экспансия и методы «мягкой силы».

Россия использует далеко не весь набор необходимых инструментов для поддержания интеграционных процессов. Поэтому создание региональной системы на постсоветском пространстве наталкивается на определенные трудности. Европейские соседи России – Украина и Молдавия – сегодня открыто заявляют о своем европейском выборе. После победы на выборах В.Ф. Янукович заявил, что Украина будет внеблоковым государством, продолжит партнерство с НАТО, отношения с ЕС были и остаются для нее приоритетными, а одной из главных задач внешней политики страны является получение ассоциированного членства в ЕС, введение безвизового режима и создание зоны свободной торговли с ЕС... Европейская интеграция в «Стратегии развития Молдовы до 2025 г.» названа одной из важнейших стратегических задач внешней политики Молдавии. Для этих стран европейский геополитический выбор – это выбор в пользу более привлекательной модели развития.

Странам СНГ в первую очередь нужны газ, инвестиции и технологии. Россия же пока может предоставить им только ядерный зонтик как гарантию национальной безопасности.

Но в контексте укрепления сотрудничества этих стран с НАТО, США, Китаем, их стратегии вступления в ЕС такое предложение выглядит анахронизмом Холодной войны.

О.Г. Буховец. Поставим вопрос: есть ли альтернатива курсу на евразийскую интеграцию?

Развернувшиеся в 1980–1990 гг. процессы дезинтеграции Советского Союза и «соцлагеря» многими в мире воспринимались как исторический нонсенс. Ведь именно в то время быстро набирала силу глобальная тенденция создания либо дальнейшего развития уже существующих в различных регионах мира стратегических интеграционных объединений. Самое видное место среди них – по масштабам, амбициозности планов, беспрецедентности достижений – занимал ЕС. Если говорить образно, то «корзина ожиданий» России и других независимых государств постсоветского евразийского пространства от Запада в первое постсоветское десятилетие была очень большой. Там были и надежды на содействие западного сообщества в деле перевода разваливавшейся плановой экономики на рыночные рельсы, и ожидание помощи в преодолении острейших социальных последствий перехода к рынку, и упования на то, что Запад будет вести себя лояльно по отношению к России и СНГ в военно-политической сфере, и многое другое.

Понимание того, что надежды руководящих элит России и других стран СНГ на взаимопонимание и солидарность Запада в большинстве своем неосновательны, пришло не сразу. Однако со второй половины 1990-х гг. оно становится год от года все более отчетливым. Особенно большое воздействие на укрепление такого понимания оказали потрясший Россию и ее соседей дефолт, развязанная западным альянсом война против Югославии, вторжение в Ирак и поощрение «цветных революций» на постсоветском пространстве и в других регионах мира. В итоге чрезвычайно «облегчилась», особенно в России, «корзина ожиданий» от Запада.

Вместе с тем кое-какие важные компоненты остаются в этой «корзине» и в начале XXI в. Самый, пожалуй, существенный среди них – упования на ЕС как на эталонный интеграционный проект современности, стратегия и практика осуществления которого мыслились как своего рода «дорожная карта» для создания и успешного развития всех других стратегических экономических союзов в различных регионах мира. Такое представление о роли ЕС, как и вытекавшие из него надежды на те или иные формы участия в строительстве «Объединенной Европы», доминировали в то время и в правящей элите, и в аналитических сообществах, и в общественном мнении России и других постсоветских государств.

Как это ни парадоксально, но получается, что своим кризисом ЕС, сам того не желая, уже дал России и другим странам постсоветского пространства более сбалансированное представление о плюсах и минусах уникального евросоюзного проекта. Это позволило проявиться еще одному положительному последствию кризиса ЕС: благодаря ему другие интеграционные объединения, особенно на постсоветском пространстве, смогли выйти из «тени», которую отбрасывал на них евросоюзный «эталон интеграции». Они теперь обретают ту степень самодостаточности, которая стимулирует движение к полицентричному миру. А мир этот без стратегических интеграционных союзов представить уже вряд ли возможно. Ведь даже такой небывало сильный и продолжительный кризис, как нынешний глобально-евросоюзный, – не в состоянии отменить интеграционный императив, который можно сформулировать следующим образом: «Все дороги к месту под экономическим солнцем в нынешнем мире идут через интеграцию».

Значение интеграции как одного из главнейших вопросов мировой повестки дня в средне- и долгосрочной перспективе будет только возрастать. В XXI в. она стала категорическим императивом для всех континентов и частей света. Поэтому интеграционными организациями в разных регионах мира в конце XX в. и был так востребован опыт ЕС. Как полагают многие аналитики, происходящее в условиях

глобализации формирование крупных региональных экономических союзов вокруг основных цивилизационных центров современного мира делает ситуацию для отдельно взятых стран практически безальтернативной. Последние либо входят в зону влияния «полюсов» экономической мощи, либо маргинализируются. Сейчас страны, не участвующие в стратегических интеграционных объединениях – пусть даже и такие большие, как Россия, Украина или Казахстан, – неизбежно теряют и в дальнейшем будут терять свои позиции в международном разделении труда, научно-технологической модернизации, экономической конкуренции.

Следовательно, если использовать печально известный слоган времен «Перестройки», то постсоветскому пространству «иногое не дано». Действительно не дано!

С.В. Патрушев. Профессия политического социолога сужает для меня возможность свободно оперировать столетиями и даже десятилетиями. Ограничусь социологически обозримым масштабом, чтобы попытаться ответить на вопрос: является ли нынешняя Россия центром интеграции постсоветского пространства?

Есть ли в современной России массовый запрос на интеграцию постсоветского пространства? В частности, можно ли говорить о переосмыслении опыта XX в., прежде всего советского опыта, как предпосылки интеграционного строительства?

Напомню об отношении к ключевому эпизоду дезинтеграции, когда в июне 1990 г. Россия (51% населения СССР), вслед за Эстонией, Литвой, Латвией, Азербайджаном и Грузией (тогда чуть более 7% населения СССР), вступила на путь суверенизации. «Декларация о государственном суверенитете РСФСР» утвердила приоритет Конституции и законов РСФСР над законодательными актами СССР и фактически упразднила Союз в политико-правовом отношении. В какой мере современники понимали, что речь идет о поворотном пункте российского развития?

В конце 1990 г. важнейшими событиями года, по данным ВЦИОМ, россияне назвали избрание Б.Н. Ельцина председателем Верховного Совета РСФСР (35%), объединение

Германии (27%), решение о восстановлении в России частной собственности на землю (25%) и только потом – принятие деклараций о суверенитете в России и других союзных республиках (22%) наряду и почти вровень с кризисом в Персидском заливе (19%). Годом позже, в декабре 1991 г., жителей страны более всего огорчили рост цен, снижение уровня жизни; дефицит товаров и развал хозяйственных связей; падение производства (64,4–26,4%); лишь 4-е место занял распад СССР – 22,8%. Это странное невнимание к суверенной России становится яснее, когда узнаешь, что в том же 1990 г. только 37,5% опрошенных связывали свою личную судьбу с сохранением СССР.

Современная молодежь не жалеет о распаде СССР (54%) (среди всех возрастов – 33%) и чаще полагает, что Советский Союз препятствовал экономическому и культурному развитию народов. А Российскую империю воспринимает как государство, основанное на добровольном единении народов. Поэтому исчезновение СССР считает актом экономического, культурного и общенационального освобождения.

Насколько естественным является сближение постсоветских стран? Достаточно ли для этого исторического наследия, общего географического и экономического пространства?

Весной 2012 г. в рамках проекта «Евразийский монитор» был проведен опрос, в ходе которого было опрошено более 13 тыс. человек в Азербайджане, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстане, Киргизии, Молдове, России, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Украине. Были рассчитаны индексы притяжения стран друг к другу в экономике, политике, культуре, а также общий индекс притяжения. Обнаружилось, что по сравнению с другими постсоветскими странами наименьший индекс притяжения к ним – у России (ниже только у Грузии). Зато у России – высокий уровень притяжения к странам ЕС (выше только у Молдовы и Грузии), а также к странам Америки и Азии.

Напрашивается вывод, что значительная часть интеграционных проблем на постсоветском направлении обусловлена именно российским фактором. В этой связи надо

внимательнее присмотреться к судьбе идеи «Россия для русских», которая находится в сложных отношениях с интеграционными процессами, предполагающими более широкий взгляд на государственное устройство, а также асимметричную ответственность участников интеграции.

Между тем, в 2000-е гг. эта идея устойчиво поддерживалась 15–20% российского населения в «чистом виде» и 35–40% – «в разумных пределах»; категорически против выступали 25–30% респондентов при 5–20% затруднивших ответить.

Д.В. Суржик. Мое выступление построено на анализе проблемы России и постсоветского пространства, содержащемся в докладах Совета национальной разведки США – общего экспертного органа для всего разведывательного сообщества США.

С конца 1990-х гг. Совет национальной разведки провел серию круглых столов между государственными экспертами, учеными и представителями СМИ и бизнеса, результатами которых стали пять футурологических докладов под общим названием «Глобальные тенденции». Последний из них подготовлен в 2012 г. и представляет сценарии и тенденции развития мира до 2030 г.

В развитии стран СНГ (не используя эту аббревиатуру), авторы доклада выделяют следующие направления с характерными тенденциями.

Демография. Катастрофическое сокращение населения России, старение в Украине и Беларуси при высокой рождаемости в Средней Азии. Потенциально взрывоопасная ситуация с распространением ВИЧ-инфекции.

Экономика. Дальнейшее развитие энергетических компаний и связанных с ними банков и трубопроводных систем. Экономика, построенная вокруг отраслевых монополий, без развития среднего класса, не будет диверсифицирована, что приведет к упадку страны. Постсоветские государства, не имеющие больших запасов природных ископаемых, обречены на статус «дотационных» и постепенную гибель.

Внутренняя политика отягощена угрозами террора и исламского экстремизма, который найдет благодатную почву среди безработной молодежи в Центральной Азии. Достаточно сильные позиции криминала и коррупция помешают притоку иностранного капитала. Недоверие общества и отсутствие преемственности будут причинами нестабильности в СНГ. Власти будут идти по пути «закручивания гаек» – пути, в конечном счете, регрессивному.

Внешняя политика России отягощена значительным числом проблем с региональными соседями, ее членство в международных организациях останется номинальным. Украина экономически вынуждена сотрудничать с Россией, но будет все более отдаляться от нее, при этом не являясь «персоной грата» в ЕС, равно как Молдова и Грузия. Государства Кавказа, увязнув в пограничных спорах, не смогут выйти на мировой уровень. Центральноазиатские постсоветские республики будут ареной борьбы между Китаем и Россией, а затем – между Китаем и Индией.

Безопасность. Сохранится относительная устойчивость власти в России и Беларуси. Россия по-прежнему будет обладать вторым после США ядерным арсеналом, который несопоставим с другими ее видами и родами войск. Но экономические трудности вряд ли позволят России размещать свои контингенты за пределами ближнего для нее зарубежья.

Таковы некоторые выводы, содержащиеся в крайне интересных футурологических докладах «Глобальные тенденции» Совета национальной разведки США.

А.И. Суздальцев. В начале выступления хочу сказать несколько слов по поводу упомянутого выше заявления Х. Клинтон и нашей реакции на него.

Коллеги, давайте успокоимся... После этого заявления никаких конкретных решений, никакого финансирования не последовало. В реальности, на мой взгляд, приоритетом США на постсоветском пространстве являются отношения не с Россией, а с Украиной. Украина – это ключевая для той геополитической игры, которая сегодня ведется на постсоветском пространстве, страна. Вопрос о судьбе Украины

– это вопрос о судьбе всего постсоветского пространства. Давайте исходить из этого.

Реплики, прозвучавшие здесь о том, что мы должны благодарить Саакашвили за военный конфликт 2008 г., победа в котором якобы преградила дорогу реализации планов по превращению Черного моря в «натовское озеро», звучат смешно. Черное море заполнено натовскими, турецкими кораблями. Не стоит всерьез говорить о грузинской военно-морской угрозе и грузинском флоте. Это тоже смешно.

ГУУАМ/ГУАМ? Но это то, от чего мы отказались. Туда вошли страны, которые были нами обижены. Мы не нашли к ним ключиков – их подобрали американцы, которые поступили абсолютно правильно. В геополитике нет «бесхозных» стран и свободных пространств. Мы здесь прозевали.

Надо сказать, что американская политика далеко не всегда противоречит нашим интересам. Примером, иллюстрирующим данное положение, является ввод американских войск в Афганистан. Уход НАТО и США из Афганистана – это большая для нас проблема. Мы готовы были помогать и помогали американцам тогда, когда они вводили свои войска в Афганистан, потому что этот шаг содействовал укреплению безопасности на южных границах СНГ и тем самым соответствовал нашим национальным интересам. Какова будет ситуация в Афганистане и на южных границах СНГ после ухода американских войск – сказать сложно.

То же самое можно сказать о ситуации вокруг Грузии. Мы понимаем, что при решении вопроса об отстранении Саакашвили от реальной политической власти не обошлось без американского влияния. Американцы поняли, что нужна замена и корректировка политики Тбилиси. Она, на мой взгляд, началась. Уже сейчас можно говорить о том, что это направление наших отношений потихоньку разблокируется.

Если говорить о евразийской интеграции, то, действительно, немало сделано для ее развития. Выросло целое экспертное направление, которое занимается этим вопросом. В Администрации президента РФ серьезно занимаются этим, Евразийская экономическая комиссия начинает потихоньку открывать свои двери. В РАН по вопросам евразийской

интеграции появилась очень интересная комиссия, которую возглавляет С.Ю. Глазьев.

Надо сказать, что наша интеграция вписалась в ВТО. Таким образом, евразийский интеграционный проект был легитимизирован мировым сообществом. Благодаря этому появилась возможность связать наш интеграционный проект на наднациональном уровне с европейским интеграционным проектом. Пока это сделать не удалось, но к этому надо стремиться.

Сегодня сняты все ограничения для перемещения между Россией, Казахстаном и Беларусью товаров, услуг, рабочей силы. Создана единая система технического регулирования. Выросла взаимная торговля. Это касается, в том числе, и отношений Беларуси с Казахстаном. На старте этого проекта торговля между этими странами находилась едва ли не нулевом уровне. Сейчас она появилась. Но вместе с тем есть вопросы с внутренним инвестированием, с перемещением капитала. Нашего капитала боятся и не пускают на казахский и белорусский рынки.

Мы очень быстро подошли к четвертому этапу интеграции по ее классическому европейскому варианту – к созданию ЕАЭС.

Скажу о тех силах и моментах, которые тормозили этот проект.

Начну с того, что я работал в той группе комиссии «2020», которая занималась вопросами евразийской интеграции, и нам удалось в наших документах прописать многие вещи, которые затем вошли в базовые документы по евразийской интеграции: рынок дешевой рабочей силы объемом 200–250 млн человек; экономический и валютные союзы с российским рублем в качестве единой региональной валюты; укрепление международного статуса нашей страны как великой державы, возглавляющей крупную региональную группировку. Эту идею я поддерживал и поддерживаю обеими руками.

Старту этого проекта помешали некоторые политические моменты. В частности, сказались политические последствия войны в Грузии 2008 г., частичное блокирование

отношений с ЕС и трудности, с которыми мы столкнулись при вступлении в ВТО. Но в ВТО нас все-таки пустили.

С какими еще трудностями сталкивается евразийская интеграция? Серьезным препятствием на пути ее развития является противодействие казахстанской и белорусской бюрократии. Сохраняются барьеры для развития взаимной торговли. Казахский и белорусский рынки, как я уже сказал, закрыты для нас.

Серьезная проблема для России состоит в том, что основной валютой Таможенного союза и Единого экономического пространства, в которой ведутся расчеты между странами, является доллар. Перевод расчетов с доллара на рубль – это вопрос нашей безопасности, это вопрос о судьбе евразийского интеграционного проекта. Это колоссальная проблема. Но вы знаете, что против придания рублю статуса региональной валюты выступают Минск и Астана.

Хочу сказать два слова и о Евразийской экономической комиссии. В ходе ее работы мы столкнулись с проблемой, которая заключается в том, что решения в рамках этого органа должны приниматься консенсусом. Консенсусное голосование приводит к тому, что де-факто этот наднациональный орган может превратиться в орган, принимающий решения в интересах не всех, а только отдельных участников интеграции. Сегодня в этой комиссии «правят бал» представители Беларуси. Они блокируются с казахами и при помощи такого блокирования добиваются принятия нужных им решений. Все идет по «белорусской тематике»: нужно спасать телевизоры «Горизонт» – поднимаются пошлины, нужно спасать грузовики «МАЗ» – поднимаются пошлины и т.д. Это очень опасная ситуация, которую необходимо исправлять.

С.Ю. Глазьев считает, что этой комиссии необходимо придать международную правосубъектность. Это любопытное предложение. Сейчас об этом говорить рановато, но в рамках ЕАЭС этот вопрос может быть рассмотрен и решен положительно.

В заключение хочу сказать, что, к сожалению, для наших партнеров решения, принимаемые по вопросам развития интеграционного проекта – это решения не стратегические, а

продиктованные сиюминутной политикой. Для нас же это стратегические решения. Мы идем на огромные издержки. Только по проекту Союзного Российско-Белорусского государства наши дотации, наша помощь, наши сниженные цены, наш скрытый рынок с 1995 г. составили на 1 января 2013 г. 72 млрд долл. Статистика Министерства экономического развития и торговли несколько другая, но близкая к этой цифре. Мы открываем доступ к нашим ресурсам, к нашим рынкам. За это зачастую рассчитывается наш производитель.

Заканчивая свое выступление, скажу, что проблем, возникающих в ходе реализации евразийского интеграционного проекта, много, но их можно и нужно решать.

П.Т. Подлесный. В нашей дискуссии постоянно присутствует сравнение ЕАС с ЕС. Когда мы говорим об этом, то необходимо иметь в виду, что ЕС создавался 50 лет назад в тесной упряжке с НАТО, а ЕАС существует только чуть больше года.

В.Б. Павленко. Вы [А.И. Суздальцеву] считаете, что любой интеграционный проект обязательно требует международной глобальной легитимации?

С.Ю. Разин. Я бы резче сформулировал этот вопрос.

Почему мы должны спрашивать у кого-то разрешение на проведение интеграции в рамках постсоветского пространства? Скажите, пожалуйста, большевики, когда в 1922 г. создавали Советский Союз, спрашивали на это у кого-нибудь разрешение? Поставлю вопрос более широко: мне кажется, что сама российская политическая элита ведет двойную игру. Она должна определиться, и честно ответить на вопрос: какую Россию мы строим? Мы строим национальное государство – или мы остаемся империей? Если мы выбираем первый вариант ответа на этот вопрос, то тогда наши отношения с постсоветскими странами будут развиваться по одному пути, а если второй – по другому пути.

Ну почему сегодня на нашем круглом столе никто не сказал о том, что конечной целью евразийской интеграции является воссоздание единого централизованного государства? В этой связи хочу сказать, что у нас сейчас существует

довольно плоское, сугубо экономическое понимание причин кризиса ЕС. Я считаю, что суть этого кризиса в том, что сейчас он подошел к такому этапу своего развития, когда ребром встал вопрос: что дальше?

На мой взгляд, продолжение европейской интеграции может привести в перспективе к отмиранию европейских национальных государств и превращению ЕС в Соединенные Штаты Европы.

Д.И. Люкшин. Я позволю себе задержать ваше внимание на теме новой российской элиты и перспектив ее формирования.

Речь пойдет об элите вообще: культурной, интеллектуальной, предпринимательской и даже рабочей. То есть о тех людях, которые и должны сформулировать для нашей любимой родины национальный проект новой империи. Давайте только сразу оговоримся: бывают либо национальные государства, либо империи. Национальный проект у нас не пройдет: народ-богоносец отсутствует. Поэтому любое государственное строительство будет мыслиться в современной России только в рамках имперского проекта.

Евроатлантические интеллектуальные тренды «постимперского» и «постгосударственного» нашей элите недоступны. То есть они ей доступны, когда речь идет о том, чтобы отправить детишек в Оксфорд учиться, но использовать их в публичной риторике, ориентированной «на простых людей», считается опасным: мобилизационный потенциал у этих категорий практически нулевой. К тому же их смысл представителям пятого-шестого эшелона брежневской совпартбюрократии, исполняющей у нас роль демократической власти, непонятен, но глубоко неприятен. Качество наших элит задано запущенными в эпоху сталинского послевоенного террора механизмами отрицательной селекции, когда для руководства народом из его недр извлекается не лучший материал. Без коренного пересмотра кадровых стратегий качество российских элит со временем будет только ухудшаться. А пересмотр стратегий находится в зоне ответственности действующих элит, которые даже в интересах страны не готовы подписать себе смертный приговор.

Проблема не только наша, но у нас она отягощена отсутствием негосударственных институтов, способных конкурировать с бюрократией.

Теперь к вопросу о ресурсах империи. Беда в том, что они используются крайне неэффективно. Наведение порядка в сфере госуправления блокирует всякую возможность разумной жизни в «этой стране». Не случайно М. Жванецкий еще в советское время предупреждал о том, что самое страшное для нашего человека – когда государство поворачивается к нему лицом. С тех пор пришло новое поколение элит, еще более... тщательно отобранное. Мы упоминали Священную Римскую империю, Российскую, Советскую империю (не упомянули саму Римскую империю, Габсбургов или Древний Египет...). Но вот почему-то за именами империй забываем упомянуть о том, что все они погибли. Даже Британская империя официально отказалась от имперской политики – и ничего, это не вызывает у них волну паники и апокалипсических видений. Строительство империи неизбежно заканчивается ее гибелью. Имперский алгоритм – сверхнормативное расширение социальной сферы метрополии за счет ограбления колоний (как раз и создающее все те плоды и даже излишества цивилизации) – неминуемо ведет к гибели и распаду государства, ресурсная база которого в конечном итоге не выдерживает нагрузки чрезмерно умножившихся социальных институтов. Это очевидно хотя бы потому, что количество потенциальных колоний ограничено, а управление ими опосредует увеличение затрат в геометрической прогрессии. Правды ради следует признать, что пока еще ни одной империи не удалось полностью освоить лимит колоний: все они надрывались раньше. Что, впрочем, нисколько не умаляло оптимизма преемников, грезивших об имперском господстве и порядке в мировом масштабе. Гибель империи – это на самом деле лишь вопрос времени: умелый менеджмент позволяет поддерживать тело государства в течение сотен лет, низкая квалификация элит ведет к быстрому и болезненному краху. Советская элита, изросшаяся за 70 лет в неэффективную бюрократию, воспроизводившуюся посредством механизма отрицательной селекции, оказалась одной из самых худших, поэтому

некоторым жителям нашей страны посчастливилось видеть гибель империи дважды...

В этом смысле, принимая во внимание качественные характеристики нынешних руководителей, нам сейчас следовало бы не тосковать по советским временам, а присматривать местечко, чтобы развалинами постсоветской империи не придавило.

Впрочем, как показывает опыт, в наши дни гибель империй может быть не слишком болезненной. Ну, разве что зарплату нам опять не поднимут...

С.В. Алексеев. У меня на сегодняшний день нет оптимизма по поводу возможностей интеграции России и государств постсоветского пространства.

Путей такой интеграции может быть три. Два из них подразумевают добровольный или принудительный отказ национальных элит новых государств от полученной в этих государствах власти. Понятно, что для такого отказа должны быть более чем веские основания. Сантименты в *real politic* срабатывают плохо.

Первый вариант – силовой или смягченный силовой. Он подразумевает, что Россия обладает достаточной (прямо говоря, вооруженной) силой для того, чтобы национальные элиты либо подчинились ей, либо избрали ее своим защитником от внешних и внутренних угроз. Это путь, которым часто идет мировая политика, малоприемлем для российского общества в его нынешнем состоянии (как показали и события 2008 г.), и дает лишь ограниченный результат для государства. Национальные элиты не хотят воевать – ни в переносном, ни тем более в прямом смысле, – и они с готовностью примут Россию в качестве защитника своей власти. Но как только речь пойдет о реальном ограничении суверенитета – пусть даже не в пользу России, а в пользу каких-то наднациональных органов, – они будут искать более выгодного покровителя. А на сегодняшний день есть наиболее очевидный из таких покровителей. И он более силен, чем Россия.

Второй вариант – экономические блага, «подкуп» элит и государств в целом. В этом Россия пока просто

неконкурентоспособна. Запад обладает неизмеримо большими экономическими возможностями, и России на этом поле почти нечего ему противопоставить. Наша внешнеэкономическая политика именно по этой причине и представляет собой сочетание блефа и бессмысленных уступок под дежурные заклинания о «разделении политики и экономики».

Наконец, есть и третий путь, не обязательно подразумевающий вовлечение ныне правящих элит отдельных государств. Этот путь – единение через провозглашение консолидирующей идеологии. Причем исторический опыт учит, что срабатывают лучше всего идеи не этнического («панславизм») или регионального («евразийство») характера, а имеющие глобальную ориентацию, обращаемые к любому этносу и государству. У Запада такая идеология, пусть все более размытая, есть. Есть она, к примеру, у Китая. И не важно, насколько социальная действительность КНР ей соответствует, – она позволяет находить идейных союзников по всему Земному шару. У России идеологии нет вообще, а идея, предлагавшаяся до недавнего времени партнерам по СНГ – «совместное движение в мировое сообщество», – вылилась закономерно в стремление многих из них двигаться туда самостоятельно. Действительно, если идеология российского государства не отличается от идеологии Запада, то какой смысл ориентироваться на подражателей вместо первоисточника?

«Идейный» путь, если избирать его, будет для современной России труден и долог. Российские интеллектуальная и политическая (а желательно, и экономическая) элиты должны естественным образом выработать и принять новую, философски обоснованную систему координат. Пусть даже формально, но выработать и принять. Может быть, это мог бы оказаться «консерватизм», милый сердцам многих наших власть предержащих и интеллектуалов. Может, и что-то иное. В любом случае, этот комплекс идей – чем бы он ни оказался – должен быть транслирован в другие страны постсоветского пространства, должны возникнуть массовые, способные существовать и без внешней подпитки политические движения в его поддержку. Наконец, эти движения должны войти во власть.

Способна ли проделать такой путь нынешняя российская политика? Есть ли требующееся для этого время? Не уверен...

А.И. Суздальцев. Сегодня, конечно, нам не хватает мощного национального российского проекта, который являлся бы привлекательным для наших соседей.

Украинская и белорусская элиты, а также элиты некоторых других постсоветских государств ориентированы на Европу. Работать с этими, прозападнически настроенными, пораженными различными антироссийскими фобиями элитами – очень тяжело. У нас крайне небольшой набор рычагов, при помощи которых мы можем воздействовать на такие элиты этих стран.

Откликаясь на реплику о том, что мы должны определиться, что мы хотим строить – империю или национальное государство, – хочу напомнить о том, что СССР развалился всего 20 лет назад. Это очень маленький исторический срок. У нас еще настоящая национальная элита не сформировалась. Этот процесс идет очень плохо, медленно. Надо сказать, что, в принципе, элиты не создаются быстро. Нормальная элита формируется в течение нескольких поколений. А мы в XX в. несколько раз вырезали свою элиту. Поэтому нынешняя переходная ситуация будет сохраняться еще очень долго. Что касается интеграции, то вы интеграцию воспринимаете как-то странно. «Следующий вопрос у нас по повестке дня – создание единого государства» – по такому принципу к интеграции подходить нельзя. На мой взгляд, интеграция не имеет ни начала, ни конца.

Что касается ЕС, то мы не знаем, что будет с ним дальше. Очевидно только то, что полный, стопроцентный перенос европейского опыта на евразийскую интеграцию не возможен. Нужно брать и использовать только то, что нам подходит. Еще раз подчеркну, что специфика интеграции на постсоветском пространстве состоит в том, что мы интегрируемся с жесткими авторитарными режимами, которые в принципе не интегрируемы. По каждому вопросу идет очень серьезная борьба. Отдать кусочек власти для Назарбаева и Лукашенко равносильно подрыву их собственного

политического авторитета. Мы заманиваем их в интеграцию, мы пытаемся через интеграцию реформировать их экономики. Это невероятная вещь, но мы пытаемся это делать.

Отвечая на вопрос о том, нужна ли евразийскому интеграционному проекту международная легитимация, я скажу, что в ней нуждались все и всегда. Советской власти в начале 1920-х гг. тоже была нужна международная легитимация. Большевики ждали, когда их признают. Они для этого с немцами на соглашение пошли. Два изгоя в тогдашней системе международных отношений – РСФСР и Германия – договорились, и только после этого начался процесс международного признания Советской России.

И сейчас нашей интеграции международная легитимация нужна – нужна, потому что нам надо торговать, нам деньги нужны.

С.Ю. Разин. В завершение этой части нашей дискуссии хочу сказать несколько слов по поводу того, о чем только что говорил Андрей Иванович [Суздальцев].

Политика – это искусство предвидения, опирающееся на анализ своего и чужого исторического опыта. Российское руководство, в начале 1990-х гг. боровшееся с союзным центром и фактически делавшее все для развала СССР, должно было знать и понимать, что во многих союзных республиках после распада сформируются авторитарные этнократические режимы. Это, если хотите, закономерность распада многонациональных государств.

Поэтому значительная доля ответственности за распад страны и за сложность сегодняшних так называемых интеграционных процессов на постсоветском пространстве лежит на тогдашнем российском руководстве во главе с первым президентом Б.Н. Ельциным.

С.М. Иванов. В своей внешней политике российское руководство уделяет приоритетное внимание урегулированию региональных конфликтов на постсоветском пространстве, которые находятся в непосредственной близости от границ нашей страны и оказывают прямое воздействие на ее национальную безопасность.

По различным источникам, на территории бывшего СССР к моменту его распада оставались неразрешенными около 180-ти территориальных споров, 150 из которых приобрели характер конфликтов, а 20 – сопровождались вооруженными столкновениями конфликтующих сторон.

Наиболее масштабными по праву считаются конфликты Грузии с Абхазией и Южной Осетией, Азербайджана – с Нагорным Карабахом и Арменией, Молдовы – с Приднестровьем.

Вторжение грузинских войск на территорию Южной Осетии в августе 2008 г. вновь привело к многочисленным жертвам с обеих сторон конфликта, гибели российских миротворцев и мирных жителей, разрушению экономики и инфраструктуры региона. С помощью российских войск эта агрессия была пресечена, народ Южной Осетии защищен от новой волны геноцида со стороны грузинских властей. При этом легитимность действий России очевидна: в соответствии с нормами международного права, нападение на пользующихся законным мандатом миротворцев равнозначно нападению на государство, которое их направило в зону конфликта; в таком случае государство вправе защитить своих граждан, выполняющих миротворческую миссию, и отразить агрессию в соответствии со ст. 51 Устава ООН. Чтобы избежать новых актов агрессии со стороны Грузии, жертв и разрушений в Абхазии и Южной Осетии, Россия признала суверенитет и независимость этих государств, а в сентябре 2008 г. установила с ними дипломатические отношения и заключила договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Нагорно-карабахский конфликт остается наиболее сложным и запутанным на постсоветском пространстве. Отсутствие миротворцев на линии прекращения огня создает реальную угрозу новых вооруженных провокаций и перехода конфликта вновь в фазу открытого военного противостояния. Принципиальная позиция России по Нагорному Карабаху остается неизменной: мы против навязывания участникам конфликта каких-либо рецептов извне и исходим из того, что главная ответственность за окончательный выбор должна лежать на самих азербайджанцах и армянах. Россия была бы

готова поддержать тот вариант решения проблемы, который устроит все вовлеченные стороны, а в случае достижения компромиссной договоренности – выступить гарантом урегулирования. Жизнеспособным будет такое решение проблемы, которое позволит вернуть стабильность и спокойствие в Закавказье, а в постконфликтный период поможет сохранить исторически сложившийся там геополитический баланс сил, не приведет к превращению региона в арену международного политического и военного соперничества.

Приднестровский конфликт к настоящему времени приобрел характер замороженного и протекает относительно спокойно. Здесь впервые в практике подобных операций в состав миротворческого контингента наряду с иностранными (российскими) военнослужащими вошли подразделения самих сторон конфликта: Молдовы и Приднестровья.

Главным общим итогом миротворческой деятельности России на постсоветском пространстве явилось повсеместное прекращение кровопролития в регионе, разъединение противоборствующих сторон, предотвращение гуманитарных катастроф, переход конфликтов в стадию замороженных, недопущение вмешательства внешних сил и концентрации в зонах нестабильности международных террористов и экстремистских организаций, создание условий к началу мирного диалога между сторонами конфликта напрямую и с участием России и других международных посредников.

В.В. Машко. Тема моего выступления – «Республика Беларусь: между Востоком и Западом. Политические и экономические реалии».

Без малого два десятилетия белорусское руководство, участвуя в интеграционных проектах с Россией, на практике пытается играть на противоречиях между Москвой и Брюсселем, осуществляя политику балансирования между двумя геополитическим центрами.

ЕС также преследует в Беларуси отнюдь не альтруистические цели. Однако попытки стран Запада повлиять на внутреннюю и внешнюю политику в большинстве случаев не приводили к желаемым для них результатам. Серьезное

ухудшение отношений между Беларусью и ЕС произошло во второй половине 1990-х гг. после референдума, значительно расширившего полномочия Лукашенко и позволившего ему распустить Верховный Совет Беларуси. Жесткая позиция ЕС и США значительно ограничили его возможность проводить эффективную европейскую политику, в том числе и экономическую. В свою очередь, без значительной финансовой помощи Беларусь не имела шансов стать независимым государством. Спад производства и значительный бюджетный дефицит поставили белорусское руководство перед необходимостью выбора внешнеполитических приоритетов. Таким образом, ЕС и США в 1990-е гг. объективно способствовали сближению Беларуси и России.

Но во второй половине 2008 г. наметились подвижки в позиции ЕС и США в отношении Беларуси. Они перестали ставить во главу угла требования соблюдения прав человека, сконцентрировавшись на достижении геополитической цели, которая состоит в том, чтобы вырвать Беларусь из орбиты российского влияния. Такое изменение позиции было вызвано комплексом причин. В первую очередь, конфликтом в Южной Осетии, который привел к резкому обострению отношений между Россией и ЕС. В этой ситуации политическая нейтральность белорусского руководства стала гораздо более ценной, чем соблюдение прав человека и наличие демократических свобод в самой Беларуси.

Второй причиной стало усилившееся среди стран ЕС расхождение взглядов в отношении политики применения санкций по отношению к Беларуси. Руководители некоторых европейских стран полагали, что Брюссель должен перейти к политике втягивания Беларуси в процесс сближения с ЕС. Несмотря на то, что миссия наблюдателей ОБСЕ не признала свободными и демократическими выборы депутатов Палаты представителей Национального Собрания, прошедшие в сентябре 2008 г. (по их результатам не было избрано ни одного депутата от оппозиции), ЕС пошел на уступки Лукашенко, приостановив на полгода санкции против руководства страны. Так, в октябре 2008 г. президенту Беларуси разрешили въезд в

страны ЕС, а также был снят запрет на выдачу виз ряду должностных лиц страны.

Беларусь, со своей стороны, также предприняла шаги, направленные на нормализацию отношений с Западом: были выпущены на свободу политические заключенные, зарегистрированы некоторые демократические организации, две ведущие оппозиционные газеты – символы независимой печати «Народная воля» и «Наша нива» – снова поступили в киоски периодической печати. Но наиболее существенной, знаковой уступкой Западу стало непринятие решения о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. Тем самым Минск показал свою готовность дистанцироваться от России. 20 марта 2009 г. на саммите ЕС в Брюсселе лидеры стран-членов этой организации приняли решение о включении Беларуси в программу «Восточное партнерство», направленную на сближение ЕС с шестью республиками бывшего СССР.

Участие Беларуси в программе «Восточное партнерство» противоречило принципам строительства Союзного государства России и Беларуси, шло в разрез с идеями российско-белорусской интеграции. С другой стороны, после разгона 19 декабря 2010 г. акций протеста в Минске и последовавших затем арестов ряда оппозиционных лидеров, ЕС и США вынуждены были вновь изменить свою политику в отношении Беларуси. Брюссель возобновил санкции против ряда белорусских чиновников и снизил уровень политических контактов.

В целом политику стран ЕС в отношении Беларуси можно определить как политику кнута и пряника. Ее цель – использование дозированного диалога с Минском для оказания влияния на внутреннюю и внешнюю политику страны. Основная проблема политики ЕС в отношении Беларуси заключалась в том, что у него не было для бывшей советской республики ни сильного кнута, ни сладкого мягкого пряника. Политика диалога с Минском, как и политика санкций, не привела к каким-то серьезным результатам. При всей экономической, политической и культурной мощи ЕС, ему не удалось создать эффективных рычагов воздействия на политику белорусских властей. Достаточно жесткая позиция

ЕС в отношении Беларуси, за исключением 2008–2010 гг., создала благоприятный фон для сближения Беларуси и России, фактически делая для Беларуси безальтернативным путь интеграции с Россией.

Политику ЕС в отношении Беларуси в целом можно считать непоследовательной. Белорусское направление не является приоритетным для Брюсселя, а само внимание к Беларуси формировалось во многом «по остаточному принципу». Проведению согласованной политики в отношении Беларуси во многом мешает бюрократическая процедура выработки решений внутри ЕС, а также противоположность интересов стран–членов ЕС. В частности, у Литвы, Польши, Латвии существует экономическая заинтересованность в сохранении и укреплении двухсторонних хозяйственных связей с Беларусью.

Белорусские власти, находясь в изоляции со стороны западных держав, не оставляют надежд на установление выгодных для Минска отношений с ними. Они по-прежнему надеются вернуться к «маятниковой» политике привлечения заимствований от разных кредиторов. Следует отметить, что белорусское руководство никогда публично не говорило о вторичности отношений с ЕС, а сам Лукашенко, говоря о вероятности приглашения Беларуси в ЕС, заявил, что хотя он не представляет страну в составе ЕС, но в тоже время, в случае официального приглашения, такой вариант бы рассматривался.

Конечно же, возможность присоединения Беларуси к ЕС в качестве одного из возможных вариантов развития внешней политики всерьез не рассматривается. Путь интеграции Беларуси в ЕС возможен только в том случае, если в Беларуси начнутся демократические реформы. Надо понимать, что такие реформы будут означать для белорусского президента и его окружения политическую смерть. Однако экономические проблемы подталкивают Минск к поиску точек соприкосновения с Западом. ЕС представляет интерес для Минска, прежде всего, с точки зрения возможности получения инвестиций. Кроме того, ЕС является крупным рынком сбыта для белорусской продукции. Так, из общего объема экспорта республики в январе–феврале 2013 г. на долю стран ЕС

пришлось 35% . Характерно, что в отличие от российского рынка, где Беларусь выступает в качестве производителя и продавца продукции высокой степени переработки, на рынках стран ЕС Беларусь прежде всего выступает в роли поставщика топливно-сырьевых ресурсов. Европейское направление внешней политики используется руководством Беларуси в качестве противовеса восточному вектору интеграции, в качестве искусственного препятствия для вовлечения Беларуси в политическую и экономическую орбиту России.

Следует отметить, что многовекторная политика Минска порой оборачивается многовекторным обманом, в результате чего за страной закрепляется репутация ненадежного союзника. При этом поле для маневров белорусского руководства с каждым разом все более сужается, и балансировать между Россией и Западом ему становится все труднее. Использование в собственных целях противоречий между Москвой и Брюсселем, торговые войны с Россией – все это ставит под сомнение искренность заявлений белорусских политиков о стремлении заниматься реальным строительством Союзного государства, а не только получать односторонние преимущества и льготы от России. Во многом благодаря непоследовательной внешней политике белорусских властей, а также из-за их стремления к получению сиюминутной выгоды путем использования особого транзитного положения страны, геополитическое значение Беларуси как страны-транзитера российского углеводородного сырья снизилось. Результатом недальновидной политики Минска стало строительство нефтепровода ГТС-2 в обход территории Беларуси. Примечательно, что белорусские власти не учли негативный опыт Латвии, когда после ввода в эксплуатацию терминала «Транснефти» в Приморске Россия отказалась от использования терминала в Вентспилсе для поставок в Западную Европу своего углеводородного сырья.

Отсутствие у Москвы и Минска внятной концепции развития отношений в рамках Союзного государства обрекло многие интеграционные начинания на провал. При этом – в силу исторических, экономических, политических и геокультурных причин – мера исторической ответственности

Москвы за судьбу интеграции была и остается заведомо выше. Анализируя российско-белорусские отношения, можно констатировать, что Москва и Минск изначально вкладывали в интеграцию разный смысл. Если для российских властей Союзное государство имело, в первую очередь, важное геополитическое значение, то для Беларуси первостепенное значение имел экономический эффект, экономическая выгода от интеграции.

В целом можно констатировать несколько уменьшающийся, но по-прежнему достаточно высокий уровень заинтересованности населения обеих стран в особых союзных отношениях. Идея объединения двух стран с середины 1990-х гг. сохраняет консолидирующее значение для российского общества. Она поддерживалась и поддерживается большинством населения России.

Н.В. Работяжев. Тема моего выступления – «Украина между Россией и Евросоюзом».

Три года назад в Украине закончилась эпоха правления «оранжевой» команды. В феврале 2010 г. украинским президентом стал В.Ф. Янукович, которого многие тогда считали пророссийским политиком. Однако, как оказалось, это было сильным преувеличением: Янукович – прежде всего прагматик, он действует исходя из собственного понимания национальных интересов Украины. А эти интересы в значительной степени отождествляются им с интересами восточноукраинских бизнес-групп, способствовавших его победе на президентских выборах. Суть внешней политики Януковича состоит в балансировании между РФ, ЕС и США, причем приоритетом для него является европейская интеграция Украины.

Путь Украины в Европу, впрочем, оказался весьма непростым. Его осложняют как финансово-экономический кризис в странах ЕС, так и судебный приговор Ю. Тимошенко, после которого Януковича на Западе начали обвинять в преследовании оппозиции и авторитарных методах правления.

Стремясь вовлечь Украину в орбиту ЕС, Брюссель прельщает Киев перспективами ассоциированного членства Украины в ЕС и создания зоны свободной торговли с ЕС.

Однако при этом делается оговорка, что курс Украины на европейскую интеграцию исключает ее участие в Таможенном союзе России, Белоруссии и Казахстана. Украинская элита надеется, что соглашение об ассоциированном членстве Украины в ЕС, включающее создание зоны свободной торговли, будет подписано на саммите ЕС в ноябре 2013 г. Однако, учитывая охлаждение отношений между Украиной и ЕС после суда над Тимошенко, не исключено, что этот вопрос будет откладываться и дальше.

В заслугу Януковичу можно поставить нормализацию украинско-российских отношений, зашедших в предыдущие годы в тупик из-за антироссийского курса Ющенко. Так, в апреле 2010 г. президенты двух стран Д.А. Медведев и В.Ф. Янукович подписали в Харькове соглашение о продлении срока пребывания российского Черноморского флота в Крыму до 2042 г. в обмен на снижение цены на российский газ для Украины. Наметились позитивные тенденции и в области экономического сотрудничества, восстанавливаются кооперационные связи между предприятиями двух стран. При президенте Януковиче Россия и Украина приступили к реализации ряда совместных проектов в атомной энергетике, авиационной промышленности и других отраслях экономики. Важно также отметить, что в октябре 2011 г. украинский премьер-министр Н.Я. Азаров подписал с семью странами СНГ договор о зоне свободной торговли в рамках Содружества.

В то же время Киев отказывается от полноценного участия в Таможенном союзе России, Белоруссии и Казахстана, хотя вступление Украины в Таможенный союз привело бы к снижению для нее цены на российский газ. Против интеграции Украины в Таможенный союз выступают не только националистические и прозападные политические силы, но и стоящие за командой Януковича бизнес-кланы, опасющиеся появления на украинском рынке российских конкурентов. Украина хотела бы выстраивать отношения с Таможенным союзом в соответствии с формулой «3+1», смысл которой заключается в ее тесном сотрудничестве с Таможенным союзом в рамках отдельных отраслей экономики при сохранении европейского вектора интеграции.

Сделанные Киевом в последние месяцы осторожные шаги в сторону сближения с Таможенным союзом не говорят об изменении интеграционного вектора Украины. Янукович, скорее всего, будет продолжать «многовекторную» внешнюю политику в духе Лукашенко, лавируя между Россией и ЕС в расчете на преференции от обеих сторон.

П.П. Марченя. Так получилось, что я выступаю последним. Впрочем, так это обычно и происходит. И раз уж я последний, то в конце «стола» могу, вернее вынужден, вернуться к его началу. Он же «круглый».

У нас предмет обсуждения сегодня – постсоветское пространство. Что является организующей силой любого пространства? Что вообще превращает пространство в часть истории?

Можно долго говорить об экономике, как это было сегодня, о геоэкономике, о геополитике, просто о географии, но если уж выстраивать иерархию всевозможных факторов, то, на мой взгляд, очевидно, что вверху этой иерархии подразумеваются определенные смыслы и идеи, конкретные мировоззренческие императивы, которые как раз и образуют Проект, превращающий пространство в нечто, имеющее исторический смысл и исторические цели.

Так вот у советского пространства – в отличие, увы, от постсоветского – эти императивы были. И мы знаем, что Россия была, в этом смысле, центростремительной силой, организующей пространство и включающей его в контекст мировой истории. Потому что, если говорить не о том, что не получалось, а о том, к чему в идеале стремилось это советское пространство, то это такие, мобилизующие и массы, и элиты идеологемы как «человек – покоритель Космоса», «победитель капитала» и т.д. Причем этот человек – и не «безродный космополит», с одной стороны, но он и не узко зашорен в каких-то национальных рамках, с другой. Действительно, были Императивы, которые делали Советский Союз Империей, которые для соседних государств и их народов делали Россию привлекательной для объединения с ней. Для объединения во имя чего-то неизмеримо большего, чем единое экономическое пространство, общая валюта и т.п.

Возвращаясь опять к слову «империя»: все-таки Империя – это прежде всего пространство, которое объединено каким-то Императивом. Если мы оставим в покое разные негативные коннотации – антидемократические и всякие прочие анти- и тому подобные интерпретации понятия «империя», – то, по большому, гамбургскому, счету, речь идет вот о чем: либо у народа и государства есть эти императивы, оно (государство) ими живет и тогда оно является полноценным субъектом истории, либо этих императивов нет, но тогда на такое («безимперативное») пространство приходят другие империи, со своими императивами – и это пространство будет поделено.

Для меня очевидно, что вот этот призыв, который, к сожалению, сегодня тоже отчетливо прозвучал – мол, надо забыть о том, что мы Империя, и никогда больше не вспоминать, – это исторически суицидальный призыв. Потому что свято место пусто не бывает. Ну откажемся мы от своих имперских, как это говорят «демократы», «амбиций» – значит придут другие империи, и Россия просто будет поделена. Вот и все. И не будет тогда никакого постсоветского пространства, собственно говоря, И не будет такой проблемы как «Россия и постсоветское пространство» – будет какая-то другая проблематика.

Удивила меня и экономическая логика некоторых из моих коллег. Причем это люди, которые хорошо помнят, что когда Империя была в зените своего могущества, с наукой у нас было все хорошо. А вот когда Империя распалась – или была развалена (это вообще предмет отдельного стола), – когда как таковой империи нет (пока или уже – но нет), то к ней вдруг возникают прелюбопытные претензии: да, вот я сейчас получаю 25 тыс. руб., поэтому не надо мне никаких империй, а то я буду получать еще меньше... Ну где же логика? Империя была, и мы жили лучше, чем сейчас. Империи не стало – и мы живем плохо, гораздо хуже. Но только не надо нам больше империи, а то мы будем жить еще хуже. По-моему, здесь нет ни экономической логики, ни формальной логики, ни просто здравого смысла.

А если так рассуждают ученые из России, то чего же мы хотим от простого обывателя (не говоря о преследующих собственные цели политиках) из соседних стран, некогда бывших в составе нашей империи?

Очевидно, что проблема «Россия и постсоветское пространство» – это в первую очередь проблема организации тех мировоззренческих ориентиров, которые могут снова сделать Россию притягательной для ее соседей. Либо, соответственно, Россия уступит кому-то свое место. К чему лично я не призываю, и готов бороться за то, чтобы такого не было.

А.И. Суздальцев. Соседи наши нас очень порицают за 1991 г. Я с ними так веду разговор: «Друзья! Вы ругаете нас, но вы сами этого хотели». У нас бывает своя линия, конечно...

С.В. Фокин. Мы хотим быстро. Но быстро ничего не бывает и не делается. Необходимо время, эволюционная постепенность и стабильность без конфликтов и войн.

В.Б. Павленко. Вот если бы нам не мешали, то тогда бы эта ваша реплика была бы уместна.

С.В. Фокин. Главное, чтобы мы сами себе не мешали.

П.П. Марченя. Тогда я хотел бы еще более резко сформулировать. Буквально последняя реплика.

По большому счету, если мы берем историю на каких-то таких длительных исторических отрезках, а не 20 или там даже 100 лет, то никакого другого субъекта истории по организации пространства кроме империи, в общем-то, и не придумано.

Те, кто говорят, что есть Империя США, есть Империя Евросоюз, а России надо забыть о том, что она может быть Империей... если называть вещи своими именами, это – коллаборационизм и призыв к капитуляции – полной и безоговорочной.

Россия и постсоветское пространство сейчас действительно стоят перед историческим вызовом, от ответа на который зависит не только, каким будет их будущее, но и есть ли у них оно, это самое будущее. И многое, если не все, зависит от того, кто же в итоге «научно» ответит на этот вызов: ученые, которые живут интересами своего народа и своей цивилизации

– или компрадоры от науки, которым посты и гранты дороже идей и родины.

А.И. Суздальцев. Можно вопрос?

Можно много кричать: «Давайте сделаем империю!» А идея есть под нее? А ресурсы есть?

П.П. Марченя. Я думаю, что об этом стоит поговорить отдельно. Реально, вот то, что сейчас навязывается, вот эти все слова «интеграция», «реинтеграция», «инновация», «модернизация» – это, конечно, не Идея, которая способна стать основой имперской массовой политики.

А.И. Суздальцев. Империя – это насильственная интеграция.

С.В. Фокин. Другого пути у российской государственности не было в силу многих исторических факторов.

П.П. Марченя. Империя – это не только насильственная интеграция. Это, скорее, культурная экспансия. Никакая империя не способна держаться на одной лишь силе оружия. Империя предполагает вовлечение различных народов в орбиту действия культурных императивов, придающих общий смысл и общие ценности. Условием успешного распространения Империи является не столько насилие, сколько наличие Идеи, способной объединять и вести массы.

В этом смысле Империя – это не столько форма организации масштабного пространства, сколько форма организации массового сознания. И *державность* России сегодня – это не столько сила, стремящаяся распространяться далее, сколько сила, *сдерживающая* зло.

А наш разговор о возрождении империи – это призыв не к насилию, а к возвращению смысла.

С.Ю. Разин. Я хочу поддержать Павла Петровича [Марченя]. Скажите, пожалуйста, уважаемые коллеги, разве Советский Союз был построен на одной силе?

В.Б. Павленко. Нет, конечно.

А.И. Суздальцев. Была идея, конечно.

Н.Ю. Булешова. Была идея.

С.Ю. Разин. Если бы большевики не предложили народам бывшей Российской Империи некий Мегапроект,

открывающий исторические горизонты и указывающий исторические перспективы, то разве удалось бы создать Советский Союз и превратить в одну из двух сверхдержав второй половины XX в.?

В этой связи встает вопрос, а может ли – и хочет ли – современная российская политическая элита предложить политическим элитам и народам бывших союзных республик какой-то объединяющий Мегапроект? Если нет, то у так называемой евразийской интеграции, в целом, будет такой же результат, как у проекта Союзного государства России и Беларуси. История этого проекта проста и понятна. Лукашенко продвигал идею создания Союзного государства России и Беларуси тогда, когда у него был шанс стать его президентом. Когда пришел к власти Путин, реализация этого проекта, по сути дела, остановилась...

Завершая работу нашего круглого стола, приглашаю всех к участию в научных мероприятиях, которые в дальнейшем будут проводиться в рамках проекта «Народ и власть».

Библиография

¹ Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» // Новый исторический вестник. 2013. № 3 (37). С. 98–147. (URL <http://users4496447.socionet.ru/files/Postsov1.pdf>).

² *Marchenya P., Razin S.* International Round Table “Russia and the Post-Soviet Space: Problems and Prospects” (Moscow, 2013) // Новый исторический вестник. 2014. № 1 (39). С. 104–118.. (URL <http://users4496447.socionet.ru/files/post-sov.pdf>).

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Подготовили к публикации: *П.П. Марченя, С.Ю. Разин*

Авторский коллектив: *П.П. Марченя, С.Ю. Разин,
О.А. Абрамова, Б.Х. Алимов, И.А. Анфертьев,
Л.Н. Бродовская, Е.Г. Бразуль-Брушковский,
Н.Ю. Булешова, О.Г. Буховец, С.М. Иванов,
А.А. Исрапов, Д.И. Люкшин, А.Н. Михайленко,
А.В. Михайлюк, С.В. Патрушев, А.И. Суздальцев,
А.В. Чертищев*

28 февраля 2014 г. в рамках научного проекта «Народ и власть» в Москве, в Российском обществе историков-архивистов (РОИА), состоялся II Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы». Наряду с проектом «Народ и власть» и РОИА организаторами «стола» выступили Институт гуманитарного образования и информационных технологий (ИГУМОиИТ), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) и журнал «Новый исторический вестник».

На этом мероприятии была продолжена дискуссия, начатая на I Международном круглом столе «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» (в сокращенной отредактированной журнальной версии текст материалов Первого круглого стола был ранее опубликован в журнале «Новый исторический вестник» (2013, № 3¹; краткий англоязычный обзор той же дискуссии опубликован в этом же журнале, 2014, № 1²); материалы Второго круглого стола были представлены в электронном издании³, **в печатном издании публикуются впервые**).

Как и Первый, Второй «круглый стол» был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов современной геополитической ситуации на постсоветском

пространстве. Сама эта ситуация рассматривалась в общем контексте евразийской и мировой истории.

Участникам Второго «стола» была предложена следующая (та же, что и на Первом «столе») примерная проблематика дискуссий:

– *Постсоветское пространство в контексте исторического ритма Евразии;*

– *Уроки СССР и пути постсоветской интеграции: назад в будущее или вперед в прошлое?;*

– *Россия и постсоветское пространство в контексте геополитических и геоэкономических процессов современности;*

– *«Русский мир» и постсоветские государства;*

– *Политика США на постсоветском пространстве: мифы и реальность;*

– *Евросоюз и республики бывшего СССР: возможна ли в XXI в. «Единая Европа от Атлантики до Урала»?;*

– *Китайский фактор на постсоветском пространстве*

– *Арабо-исламский мир и судьба постсоветского пространства в XXI в.*

В итоге, в дебатах «круглого стола» приняли участие 17 ученых, представлявших научно-исследовательские организации и вузы 4 государств: России, Беларуси, Украины, Таджикистана.

В дискуссиях участвовали (*сведения об участниках приведены по состоянию на время проведения «круглого стола», участники перечислены в алфавитном порядке*):

1. доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой внешнеполитической деятельности России факультета национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ **Ольга Дмитриевна Абрамова**;

2. кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международных отношений Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики **Ботуржон Хамидович Алимов**;

3. кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени Историко-

архивного института РГГУ, первый заместитель председателя Правления Центрального совета РОИА, главный редактор группы журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.ru», «Вестник архивиста.TV», «Вестник архивиста.com» **Иван Анатольевич Анфертьев;**

4. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры мировой политики и международных экономических отношений Казанского федерального университета **Людмила Николаевна Бродовская;**

5. кандидат философских наук, декан факультета иностранных языков, доцент кафедры общественных наук ИГУМОиИТ **Евгений Георгиевич Бразуль-Брушковский;**

6. кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики предприятия ИГУМОиИТ **Наталья Юрьевна Булешова;**

7. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН **Олег Григорьевич Буховец;**

8. кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН и Института востоковедения РАН **Станислав Михайлович Иванов;**

9. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Финансово-технологической академии **Александр Абдулагаджиевич Исрапов;**

10. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры мировой политики и международных экономических отношений КФУ **Дмитрий Иванович Люкшин;**

11. кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России, доцент УНЦ «Новая Россия. История постсоветской России» ИАИ РГГУ, редактор научного проекта «Народ и власть» **Павел Петрович Марченя;**

12. доктор политических наук, профессор, профессор кафедры внешнеполитической деятельности России факультета национальной безопасности РАНХиГС **Александр Николаевич Михайленко**;

13. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения информационной деятельности Национальной металлургической академии Украины **Александр Владимирович Михайлюк**;

14. кандидат исторических наук, доцент, профессор Всероссийской академии внешней торговли, заведующий Отделом сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН **Сергей Викторович Патрушев**;

15. доцент кафедры общественных наук ИГУМОиИТ, координатор научного проекта «Народ и власть» **Сергей Юрьевич Разин**;

16. кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики **Андрей Иванович Суздальцев**;

17. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России **Андрей Владимирович Чертишев**.

В настоящей публикации представлен сокращенный и отредактированный вариант дискуссии на заседании «круглого стола».

С.Ю. Разин. [Начало конца постсоветского пространства]

Уважаемые коллеги, добрый день! Я рад приветствовать вас на II Международном круглом столе «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы».

Нашему проекту «Народ и власть» в этом году исполняется 5 лет. За нами не стоит никаких грантов, спонсоров и олигархов. В рамках проекта на сегодняшний день

проведено 5 международных круглых столов. В прошлом году был проведен Первый Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы». Так эта тема стала отдельным направлением нашего проекта.

Совсем недавно на сайте журнала «Новый исторический вестник», с которым мы сотрудничаем на протяжении всех этих лет, открылся форум, который тоже называется «Народ и власть». Собственно говоря, проблематика форума – это и есть проблематика проекта. Мы приглашаем всех, кто сегодня здесь присутствует, принять участие в работе форума. Тема «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» является одной из проблем, которая будет обсуждаться на этом форуме.

У сегодняшнего – Второго – круглого стола «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» та же проблематика, что и на первом, она перед вами.

В рамках этого дискуссионного поля нам хотелось бы, чтобы особое внимание было уделено следующим вопросам:

– Была ли у России четкая и понятная политика на постсоветском пространстве?

– Есть ли у России четкая и понятная политика на постсоветском пространстве?

– Если да, то в чем ее суть?

– Возможна ли более адекватная политика?

– На каких принципах она должна строиться?

– Нужна ли современной российской политической элите реальная интеграция постсоветского пространства?

– Является ли современная Российская Федерация центром интеграции, центром притяжения постсоветских государств?

– Нужна ли эта интеграция элитам и народам бывших братских, как мы когда-то говорили, республик СССР?

– Каковы цели и задачи наших геополитических партнеров и оппонентов на постсоветском пространстве?

Сразу хочу сказать вот о чем: примерные сроки проведения данного мероприятия были известны еще летом прошлого года, когда сегодняшних всех событий на Украине еще не было. Естественно, что мы ничего тут не подгадывали.

То есть это мероприятие не организовывалось, что называется, наспех, в угоду политической конъюнктуре.

В этой связи мы обращаемся ко всем присутствующим вот с какой просьбой: понятно, что нам сегодня не избежать разговора об Украине и украинских событиях и, в общем, наверно, это было бы неправильно, если бы мы совсем об этом не говорили, но давайте сделаем так, чтобы наш круглый стол не превратился в разговор только об Украине. Все-таки проблематика круглого стола более широкая... Хотя, конечно, именно там сегодня во многом решается судьба постсоветского пространства.

Ну и сразу, на правах ведущего, я хотел бы высказать свою позицию по тем вопросам, которые вынесены на обсуждение.

Я считаю, что в истории Евразии четко выделяются периоды централизации и децентрализации. Распад СССР знаменовал собой начало нового периода децентрализации Евразии. При этом распад СССР и появление «постсоветского пространства» – результаты продолжающегося системного кризиса нашего общества и капитуляции нашей страны в «холодной войне».

Постсоветское пространство изначально возникло как результат политики позднесоветской элиты, которая в целях сохранения власти и приватизации собственности в условиях девальвации коммунистической идеи сделала ставку на сепаратизм и национализм.

В результате распада СССР в России и на Украине сформировался номенклатурно-олигархический, компрадорский капитализм. В свою очередь, Казахстан и республики Центральной Азии, по сути, погрузились в традиционалистскую архаику, в своеобразное «новое Средневековье». В этих республиках сформировались этнократические режимы, для которых характерны концентрация всей полноты политической власти в руках представителей титульной нации и ущемление прав русского и русскоязычного населения. Я считаю, олигархический капитализм и традиционалистская этнократическая архаика являются серьезными факторами дезинтеграции постсоветского пространства.

На сегодняшний день бывшие союзные республики, за исключением РФ, так и не стали суверенными государствами, проводящими независимую, самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Все эти политические образования, возникшие в результате распада СССР, сегодня можно определить как несостоявшиеся государства.

Данное определение целиком и полностью подходит к современной Украине. На наших глазах произошел крах украинской «незалежности». Причины этого процесса лежат в советской и постсоветской истории. Нынешняя Украина территориально сформировалась только в рамках СССР и может существовать исключительно в границах большого имперского геополитического пространства, каким и был Советский Союз. Таким образом, судьба Украины была предрешена тогда, когда были подписаны Беловежские соглашения, зафиксировавшие распад СССР.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. тогдашняя украинская партийная номенклатура сделала ставку на националистическую украинскую идею. Таким образом, фактически сложился своеобразный симбиоз украинской элиты и украинского национализма. На протяжении всех последующих 20 лет украинская элита идеологически, организационно и финансово холила и лелеяла украинский национализм. Тем не менее, за годы независимости единая украинская нация ни в этническом, ни в политическом смысле так и не сформировалась, поэтому любые попытки построить украинское этнократическое государство обречены на провал.

Я считаю, что нынешние события на Украине – это не только крах украинской «незалежности» и раскол страны, но и начало конца постсоветского пространства.

На мой взгляд, у нынешней российской власти нет четкой и внятной политики на постсоветском пространстве. Связано это с тем, что российская политическая элита никак не может определиться с ответом на вопрос: какую Россию мы строим? То ли это национальное государство, то ли, все-таки, мы преемники Советского Союза, великая держава и наша цель – возрождение империи.

Завершая свое выступление, хочу сказать, что, по моему глубокому убеждению, единственной конечной целью интеграции на евразийском геополитическом пространстве должно быть возрождение единого централизованного государства.

Л.Н. Бродовская. [Перспективы постсоветского пространства и перспективы пространства советского]

Для того чтобы определить перспективы постсоветского пространства, неплохо бы сначала разобраться с перспективами пространства советского. В том смысле, что ключ к ответу о будущем СНГ или Таможенного союза содержится в вопросе о будущем СССР. Ну а поскольку резюме здесь видится все же отрицательным, постольку и сама идея постсоветской, хотя бы и угасающей, общности представляется нежизнеспособной.

Раз уж советский геополитический проект себя исчерпал, то возлагать надежды на креативность его муляжа тем более не приходится. Интенция развития задается новой позитивной идеей, генерировать которую пока не удастся. Тем не менее, социально-экономическое, культурно-лингвистическое... – антропологическое «пространство постсоветского» существует. И это тоже очевидно.

В этом смысле постсоветские социально-политические стратегии сопоставимы с мерами кризисного менеджмента, задача которых продержаться до начала повышательной фазы экономического цикла. Ведь, по сути дела, проблема стагнации и депрессии не в затоваривании или отсутствии эффективных финансовых инструментов – здесь то как раз: цикл вывезет! Сложность в том, чтобы дать людям возможность «переждать», дожить до возобновления спроса на их услуги – соответствие структуры трудовых ресурсов размерам рыночных сегментов само собой не достигается.

То есть в политической практике СНГ и Таможенного союза фактически реализуется сценарий экономического цикла, где «постсоветское» – антикризисная стратегия, содержащая изрядную долю фатализма, основанную на априорном допущении наличия политических циклов. Соответственно, вопрос о перспективах развития и его идеологии не просто не

решается, но даже и не ставится. Между тем гипотеза о циклической смене политической конъюнктуры едва ли выдержит эмпирическую проверку.

Собственно говоря, отсутствие политических перспектив СНГ было очевидным уже в момент его провозглашения. Однако сложности адаптации к системе расширенного воспроизводства, с которыми столкнулись бывшие советские республики (взявшиеся за чем-то строить/возрождать капитализм – отнюдь не представляющий идеологическую или феноменальную основу глобального рынка), превратили этот инструмент цивилизованного «развода» в механизм циничного вымогательства и источник взаимных упреков. Пожалуй, еще большим заблуждением может быть лишь попытка последовательно реализовать в рамках Таможенного союза или Содружества независимых государств принципы равенства, противоречащие не только природе большой политики, но и здравому смыслу.

Россия – единственное геостратегическое государственное образование на территории бывшего СССР, что объективно опосредует процесс формирования по его периметру буферной зоны сателлитов, облегчающей контакт с внешним миром (точнее сказать, упрощающей для внешнего мира взаимодействие с империей, если использовать собственно имперские представления о внешней политике). То обстоятельство, что некоторые из этих государств не готовы сыграть свою роль (как страны Балтии, например) или достаточно крупны для того, чтобы нуждаться в собственной зоне сателлитов (как Украина или Казахстан), хотя и не может считаться катастрофой, но является конфликтогенным фактором, задающим формат международной коммуникации и – одновременно – стремление в какой-то форме нивелировать его патогенное влияние.

Поэтому, реализуя (неважно – с энтузиазмом или без) традиционный имперский алгоритм, современная Россия нуждается не столько в партнерах, сколько в союзниках. Этот процесс разворачивается, так сказать, объективно, то есть не только в результате осознанного целеполагания, но и в условиях отсутствия политической воли, по инициативе

социальных институтов, инстинктивно стремящихся обеспечить собственное выживание. Противоречивый характер этого процесса опосредует конфликты в зоне постсоветской коммуникации, между тем как центростремительных факторов практически нет.

Поэтому любой политический проект, сформулированный в формате постсоветского, оказывается лишен перспектив, а динамичное развитие в зоне советских руин мыслимо либо как национальный (в нашем случае – российский) проект, либо в форме некоей волевой инновации, способной выйти за рамки имперской логики и создать новое качество социального пространства. Однако до сих пор подобной новеллы предложено не было.

А.Н. Михайленко. [Проблемы развития евразийской интеграции]

Я хочу несколько слов сказать о проблемах развития евразийской интеграции на современном этапе. В наших основополагающих документах по внешней политике говорится о том, что евразийская интеграция является первым приоритетом нашей внешней политики. Об этом говорится и в Концепции внешней политики 2013 г., и в предыдущих документах, и во многих выступлениях наших руководителей.

Надо сказать, что на сегодняшний день достигнуты определенные результаты. Но я не буду останавливаться на этом подробно и озвучивать цифры. Все они имеются в документах последнего саммита Высшего Евразийского экономического совета, который в декабре прошлого [2013] года проводился. Там и проценты приведены, и разы, и все прочее.

Я хочу остановиться на некоторых проблемах. Проблем много. Первая из них – это проблема расширения евразийской интеграции и формирования Евразийского экономического союза. В настоящее время три страны – Россия, Белоруссия, Казахстан – участвуют в этом процессе. Несколько стран, в той или иной форме, выразили желание присоединиться. К этим странам относятся Армения, Киргизия, Таджикистан, в какой-то степени до последнего времени была и Украина. Сейчас Украина – это большой вопрос.

Наиболее успешно процесс приспособления к требованиям Таможенного союза и Единого экономического пространства проходит в Армении. На саммите в декабре была принята «Дорожная карта». Она состоит из 260 мероприятий. Вот буквально на прошлой неделе прошла информация о том, что половина из этих мероприятий выполнена. По плану в мае 2014 г. Армения должна выполнить «Дорожную карту» и будет принята в Таможенный союз. Но не так все просто в этом плане. Есть информация о том, что существует внутреннее сопротивление. Есть альтернативные взгляды на стратегию развития экономики и политики Армении. В частности, бывший Президент Армении Р. Кочарян говорит, что надо осторожно смотреть на эти планы интеграции Армении в Таможенный союз. А с учетом того, что не исключена возможность возвращения Кочаряна на политическую арену, это следует иметь в виду.

В Киргизии гораздо более сложная ситуация в смысле присоединения к Таможенному союзу. Таджикистан говорит о том, что пусть Киргизия вступит, и тогда будет общая граница. Как только Киргизия вступит в Таможенный союз, мы, мол, будем рассматривать этот вариант. Другими словами, когда в различных дискуссиях говорят о том, что успешность того или иного интеграционного объединения проявляется в длине очереди, то у нас эта очередь не очень длинная. Для того чтобы была очередь, необходимы результаты. Результаты, которые прельщают. Это первая проблема.

Вторая проблема евразийской интеграции – это углубление интеграционных процессов. Расширение и углубление – это взаимосвязанные вещи. Обычно говорят, что если больше расширение, то меньше углубление, и наоборот. Это взаимовлияющие и взаимосвязанные процессы. На нынешнем этапе, я думаю, вполне могло бы быть и расширение, и углубление. Но это не удастся.

Что касается углубления, то о чем мы говорим? Посмотрите, берем документы этого же саммита. Как мы пишем название организации? «Таможенный Союз и Единое экономическое пространство». Это что означает? Это означает, что мы вторую стадию интеграции не прошли и не довели

таможенное сотрудничество до уровня таможенной интеграции, до уровня решения всех задач этого этапа, а уже выходим на следующую, третью ступень, на единое экономическое пространство.

У меня такое предположение, что вот если вот также быстро будет продвигаться этот процесс, который является верхушечным в этом плане, то в 2015 г. организация, которая будет сформирована 1 января 2015 г., будет называться «Евразийский экономический союз, Таможенный союз и Единое экономическое пространство». Представляете, вот такое странное название примерно. Все это связано с чрезвычайно высокой скоростью постановки задач по интеграционному процессу. Но не все они решаются своевременно.

Вот эта проблема углубления интеграционного процесса мне представляется очень острой. Когда говорят, что мы за два года создали и запустили в работу Таможенный союз, приняли все необходимые документы и реально приступили к интеграции на этом уровне с 1 января 2010 г., а уже 1 января 2012 г. мы уже выходим на этап единого экономического пространства. То есть за два года мы сделали то, что Европейский союз делал десятки лет. Сложно добиться успеха в таких условиях, очень сложно.

Третья проблема состоит в том, что за прошедшее с 1991 г. время экономики бывших союзных республик довольно существенно разошлись. То есть способы их регулирования, способы жизни. Ну вот, например, скажу по сельскому хозяйству. 70% сельскохозяйственного производства в Беларуси дает госсектор. В Казахстане все наоборот. 70% сельхозпродукции дает частный сектор. Понимаете, что это означает? Как это привести в одно общее, когда должен существовать единый рынок, должны быть какие-то единые нормы регулирования, должно быть единое интеграционное законодательство?

Вот здесь очень большая роль России. Я вижу несколько путей для того, чтобы гармонизировать эту ситуацию. Есть разные подходы к регулированию экономики. Самый простой, как кажется, способ – это сказать всем нашим

партнерам: «Делайте как у нас». Россия сегодня – это 88% ВВП Таможенного союза и Единого экономического пространства. Поэтому сторонникам такого подхода кажется, что Россия должна сказать всем остальным участникам интеграционного процесса: «Вот как у нас, вот так и делайте». Если у нас, допустим, в сельском хозяйстве 20% приходится на частника, а 80% на государство, то всех подогнать под нас. Все просто, как в армии. Но это кажется, что просто. В других странах существует очень большое сопротивление интеграционным процессам. Вы знаете, Назарбаеву пишут письма, в которых содержатся призывы отказаться от идеи евразийской интеграции. Много можно говорить об этом.

Есть другой способ. Он очень сложный. Тут нужна реальная объединительная политика. Есть общие какие-то вещи, которые необходимо развивать, но надо постараться сохранить те конкурентные преимущества, которые есть у всех стран. То есть это разнообразие должно ложиться в общеинтеграционное дело. Мне кажется, что нам пока не удастся найти подходы к решению этих проблем.

А.А. Исрапов. Вот у меня возникает вопрос по поводу интеграции...

Ведь политики, ученые, экономисты говорят, что мы переживаем мировой экономический кризис. По сути дела, идет кризис цивилизации. Об этом можно говорить на сегодняшний день. Все, о чем я говорю, это о морали и нравственности. Тут и экономические вопросы, которые Россия пытается решать в кооперации с государствами Таможенного союза... Я согласен с вами, что есть силы, которые мешают, например, интегрировать Армению в Таможенный Союз. Я вижу, как мы стараемся Армению как-то перехватить у ЕС. Эта политика, и то, что творится на Украине... В Беларуси – да. Наши предприниматели крупные, олигархи, все пытаются там наладить свое дело, расширить его. Лукашенко там просто держит свою руку на пульсе, точнее сказать, контролирует бизнес в стране...

А.И. Суздальцев. Загубил всю экономику.

А.А. Исрапов. Ну что значит загубил?

А.И. Суздальцев. Загубил.

А.А. Исрапов. Не согласен. Белорусы говорят, как они живут. Зато в других республиках постсоветского пространства жизнь не лучше. Они все пошли теперь к нам. Это тоже проблема. И встает вопрос, нужно ли нам интегрироваться. Уверен, что нужно. Сейчас необходимо восстановить экономические, да и общественные связи после развала СССР. Это был не распад – я уверен – а преступный развал Союза.

Тогда в этих республиках хорошо «поработали». И быстро провели приватизацию, а точнее «прихватизацию». Ну а теперь, когда все это время им трудно было, они обращаются к нам. Как и новая украинская власть. Она точно также говорит: «Мы с партнерами – не с соседями, а с партнерами – будем финансовые вопросы решать».

А.Н. Михайленко. Разрешите, я вам скажу, в части того, с чего вы начали. Это другой фактор. Он, действительно, очень важный. Причем мы дважды на одни и те же грабли наступаем. В 1991 г. распался Советский Союз. Надо было что-то дать людям, как-то объяснить то, что произошло. Вот смотрите: ну примерно то же самое, только произошло сокращение. То был СССР – теперь СНГ. Хотели, в каком-то смысле, головы задурить. Ну, чтобы была какая-то замена там. Но момент был совершенно неудачный. Потому что шла кардинальная перестройка всех механизмов, происходил переход к частной собственности, происходила смена идеологии и т.д. То есть все менялось.

В этой связи хочу отметить, что все интеграционные объединения развиваются в моменты экономического развития. Когда экономический кризис – все они зажимаются и начинают проводить протекционистскую политику. Так вот, тогда в Советском Союзе были одни обстоятельства. В 1991 г. он развалился. Мы в этот момент создаем СНГ, которое обречено на пробуксовку, потому что никакого экономического развития нет. Ну, возьмите данные – падение производства все 90-е гг. Так что там и не могло быть успеха.

Что сейчас? Вот тоже складывается ситуация... Мы говорим о том, что нам нужны успехи, мы должны развивать экономическую интеграцию... А на улице-то кризис в мире. А есть же взаимозависимость. Поэтому приходится Президенту и

Председателю Правительства говорить: « Вы знаете, мы вот ставили задачи вот такие вот, но мы их не решили, но мы же здесь в мире. Вы посмотрите ЕС – там еще ниже проценты. В Америке – там примерно ноль». Так что я согласен с тем, что этот фактор во многом определяет низкую результативность интеграционных процессов. Мы должны понимать, что общая обстановка, темпы мирового экономического развития... Мы очень сильно зависим от мирового рынка. Примерно 2/5 нашего ВВП реализуется через экспорт. Мы от мирового рынка зависим очень сильно. Если там будет все загибаться. ... Там стоит на месте, и мы не можем продать. Откуда будет развитие?

С.М. Иванов. Я хотел бы просто уточнить. 70% в Беларуси государственного сектора. В Казахстане – 30%. В России где-то 50 на 50, так что ли?

А.Н. Михайленко. Нет, у нас приватизировано гораздо больше.

С.М. Иванов. Так вот, я так понимаю, что назад в коллективизацию пути нет. Вы не имели в виду, что надо проводить коллективизацию, ну, допустим, в Казахстане? Наверно, все-таки, мы же строим все капитализм.

А.Н. Михайленко. Я говорил о том, что в рамках Евразийской экономической комиссии, в рамках евразийского экономического процесса разработан целый ряд соглашений. 17 базовых соглашений, в том числе по межгосударственному регулированию.

С.М. Иванов. Соглашения – Бог с ними. Я имею в виду что роль государства – не мешать людям жить. Правильно? Цель этого Таможенного союза состоит в том, чтобы облегчить условия торговли. А частники, или государственные корпорации, или фермеры – это, по моему мнению, не имеет принципиального значения. Главное, чтобы люди могли обмениваться товаром и иметь взаимную выгоду. Вот одна из главных целей интеграции.

А.Н. Михайленко. А что касается белорусского опыта... Почему загибается все наше сельское хозяйство в приграничных с Белоруссией районах? Потому что там крупные комбинаты сельскохозяйственные, которые подпитываются государством. Очень сильная поддержка со

стороны государства. А у нас другая система. Поэтому есть соглашения и по государственному регулированию и поддержке сельского хозяйства среди этих 17 международных соглашений в рамках Единого экономического пространства. Для Белоруссии, кстати говоря, есть отдельная позиция по снижению уровня государственной поддержки сельского хозяйства.

С.М. Иванов. То есть, вы говорите о том, что должны быть общие правила игры?

А.Н. Михайленко. Ну, так вот в этом вопрос. Я и говорил о том, что самое простое, как нам кажется, – установить общие какие-то правила, чтобы у всех все было одинаково. Обязательно это или нет – это вопрос. На мой взгляд, должна быть избирательность. Вот какой лозунг у Европейского союза? – «Согласие в многообразии». То есть они стараются вот это разнообразие как-то развивать... Как они пытаются это сделать – об этом много можно говорить. А если мы себя представим локомотивом, а другие страны просто попробуем пристегнуть к себе, как вагончики, то это будет нездорово.

С.М. Иванов. У них общие правила игры. Если поддерживать, так всем одинаково поддерживать, если не поддерживать – значит, никому не поддерживать.

А.Н. Михайленко. Есть общие правила и есть учет особенностей.

С.Ю. Разин. Если позволите, у меня такой вопрос. Может быть, он будет вне контекста той экономикоцентричной модели интеграции, в рамках которой вы рассуждаете. Скажите, пожалуйста, а вот, собственно говоря, сама сегодняшняя РФ, тот строй социально-политический, который у нас в стране сложился, элита российская – это фактор интеграции или дезинтеграции евразийского пространства? Привлекательна сегодня РФ для бывших республик СССР или нет? Или наш опыт – это скорее то, что может их отталкивать?

Я вот почему задаю этот вопрос. На мой взгляд, все интеграционные объединения – и уж тем более, когда мы говорим о евразийском пространстве и евразийской истории – строятся отнюдь не только на экономических факторах. Если

мы проанализируем наш собственный исторический опыт, то увидим, что никогда экономика не была основой процессов централизации и децентрализации евразийского геополитического пространства.

А.Н. Михайленко. Это многоаспектный вопрос. Я скажу следующее.

Мне кажется, что руководители наших государств прекрасно понимают, что интеграция не может быть только экономической. Но они не могут это сказать своим народам, потому что народы пока понимают ситуацию по-другому. Пока только 20 лет прошло с небольшим... Допустим, у Казахстана не было раньше государственности вообще. Они ее получили только в результате развала СССР. Сейчас, например, Нарышкин выдвигает идею о создании общего парламента. Но они не могут пока еще к этому адаптироваться.

Но есть другая сторона дела. Вопрос в том, что экономическая интеграция уже даже на уровне Таможенного союза требует наднациональных органов. Наднациональный орган – это уже политика. Наднациональный орган – это уже только часть вопросов экономические, а остальные – это уже политика. Если вы возьмете Европейский союз, то Европарламент был создан в 1957 г. Тогда у них только Таможенный союз был. А уже в 1979 г. прошли первые прямые выборы в Европарламент.

А у нас только сейчас Нарышкин предлагает создать общий парламент. Западный опыт говорит о том, что это необходимо было сделать вчера. Но белорусы и казахи говорят: «Никаких политических элементов, потому что наше общество к этому не готово. Мы не можем на этой пойти». В каждом выступлении, в котором Назарбаев говорит об интеграции, он подчеркивает, что никаких политических аспектов не предусматривается.

С другой стороны, вот этот последний саммит, который был в декабре... Что там Назарбаев и Лукашенко говорят? Они говорят, что как же так, российские министры Евразийской экономической комиссии присутствуют на заседаниях Правительства России, они получают там указания, в Комиссии неравномерно распределены должности между странами. То

есть, они всерьез говорят о наднациональности, которой пока нет.

А вот если посмотреть, то получается очень просто... Вот это белое, вот это черное, чтобы было нагляднее. Белое – это, действительно, наднациональность. В чем состоит наднациональность в Европейском Союзе? Она состоит в том, что члены наднационального органа – Европейской комиссии – не назначаются органами власти стран, входящих в ЕС, а назначаются Европейским парламентом, который напрямую избран населением европейских стран. Еврокомиссары не зависят от органов власти своих стран. Вот откуда берется наднациональность.

А как у нас назначают членов Евразийской экономической комиссии? Очень просто. Решением Высшего Евразийского совета, который состоит из трех президентов и в котором действует принцип единогласия. То есть если Назарбаев не согласится, что вот эти три человека должны представлять Казахстан в Евразийской экономической комиссии, то их там не будет. Так где она, наднациональность? Я считаю, что это определенная фикция. На самом деле никакой наднациональности нет. Там где есть наднациональность – это уже на 100% политика.

Надо европейский опыт смотреть. Что из него нам подходит? Когда и как своевременно ставить задачи? Как их решать? Надо делать так, чтобы кроме скорлупы, кроме пустых слов, была еще сущность, чтобы была наднациональность, чтобы люди, которые работают в Евразийской экономической комиссии, были евразийцами, чтобы они не были только россиянами, белорусами, казахстанцами, а чтобы они были евразийцами.

А.И. Суздальцев. [Экономической интеграции не бывает]

Ну, давайте коллеги начнем с констатации того, что экономической интеграции не бывает. Нет этого ничего. Все это политические решения. Ни одна из стадий экономической интеграции не получается естественным путем, она всегда подстегивается каким-то политическим решением, давлением

какого-то лидера интеграционного, той же связки Франция–Германия, как было и бывает в Европейском Союзе.

Главный интегратор, который существует на евразийском пространстве – это Россия. Мы, по существу, загоняем наших партнеров в какие-то рамки и в какие-то решения. Не надо перед собой кривить душой. Нет никакой экономической интеграции. Без политики ее не бывает. Это первое.

Во-вторых. Очень важный вопрос был – спешим ли мы? Очень спешим. Безумно спешим. И иного выхода у нас нет. Выхода нет потому, что у нас есть странная цепочка целей. Главная глобальная цель – это госбезопасность. Есть понятие нашего места в геополитике. Есть понимание того, что без интеграционной группировки мы не можем считаться великой державой и будем только региональной державой. Вот поэтому такие огромные издержки. Это наша историческая задача, которую наши партнеры прекрасно понимают и на этом откровенно спекулируют.

Вторая задача – это задача чисто экономическая. Мы, к сожалению, живем в мифах. Нам кажется, что мы большая страна, что у нас все есть. Это далеко не так. Мы совсем небольшая страна. Жить мы можем только на четверти своей территории. Реально жить, а не выживать. Все остальное – это Канада, в худшем понимании этого слова. К тому же, далеко не все ресурсы мы имеем, включая трудовые ресурсы, технологии и пр. Поэтому нам нужен доступ к мировым ресурсам. Тут выплывает политическая проблема, потому что доступ к ресурсам закрыт жесткими политическими режимами, которые возникли в бывших постсоветских государствах. Вот такая вот триединая задача.

У наших партнеров задача более простая, и она носит тактический характер. Они понимают наши желания. Они выходят на какую-то ресурсную поддержку. Давайте, без дураков, честно скажем, что политические элиты Казахстана и Беларуси ориентированы на Европу. То есть перспектива здесь такая, что надо подпитаться, надо как-то пережить, а там будет видно. Мы это знаем и они знают, что мы это знаем. То есть такая идет игра – кто кого перехватит.

По поводу того, что у нас тяжелый экономический контекст – я не соглашусь. Последний тяжелый экономический кризис 2008–2010 гг. закончился. Мы видим, что в последние полгода европейские и американские рынки поднимаются. Другое дело, что мы переживаем стагнацию. Это тяжело, но это отдельный разговор. Я не могу назвать нашу ситуацию катастрофической. Все-таки наш товарооборот за 2013 г. составил 1 трлн долл. У китайцев он составил 3,5 трлн долл. В принципе, разница небольшая с учетом масштабов экономики. Мы вполне на мировых рынках, и далеко не всегда на мировых рынках мы за счет сырья. Потому что нефть и газ, которые мы добываем черт знает где, строя там города и дороги и производя там и технологии, и металлы, и экспортируем, сырьем называть нельзя. Весь Урал работает. Это наша продукция.

Вот эти проблемы, которые назвал А.Н. Михайленко. Он как-то не так сказал немного, наверно. Экономические системы у нас не стыкуются. К сожалению, мы не стыкуемся не только с белорусской экономической системой, которая, по сути дела, является советской экономической системой. 82% экономики составляет госсектор. Бизнес или какие-то инвестиции невозможны. Невозможны технологии. Поэтому была вот такая проблема, которой я занимался в 90-х гг. и о которой сейчас скажу... Тогда я был причастен к составлению списка, включающего приблизительно 200 белорусских предприятий, которые были интересны для приватизации. Они были актуальны, продукция шла, была на российском уровне, была интересна нашим компаниям, которые хотели и готовы были приобрести акции и т.п. Все было заблокировано. Приватизации не было.

Когда мы говорили белорусам, работая с ними: вы знаете, друзья, это дело так не пойдет, вы просто проедаете советское технологическое прошлое – они на это не обращали внимание и считали, что страна дураков – это Россия. Сейчас этот список сократился до 4-х позиций. Все остальное или развалилось окончательно или затоварено до безумия, включая такие флагманы как «МАЗ» и т.д. То есть они проели советское технологическое прошлое.

Еще один момент, который наглядно иллюстрирует эту нестыковку. У нас совместные корпорации существуют, извините, даже с папуасами, но только не с нашими соседями. У нас есть совместные корпорации с Казахстаном, и нет ни одной корпорации с белорусами. Была одна калийная компания – и то развалилась. Ни одной совместной корпорации больше нет. Это уникальный итог нашей многолетней экономической интеграции.

И самое главное – четыре свободы, которые охраняет весь мир: свобода перемещения товаров, услуг и капиталов... Судя по итогам октябрьского и декабрьского заседаний Высшего Евразийского экономического совета, можно говорить о том, что эти свободы действуют только на российском рынке. Рынки наших партнеров по евразийской интеграции закрыты. Они настаивают на этой закрытости. Открыто настаивают! Тот же Назарбаев говорит о том, что никакого российского проникновения в их сферу услуг, в их банковскую сферу, в страховой бизнес и т.д. быть не должно. Это то, о чем говорил А.Н. Михайленко. Мы не достроили Таможенный союз, мы не достроили Единое экономическое пространство, но мы входим уже в Евразийский экономический союз.

Здесь я хочу ответить на поставленный вопрос о том, насколько это нужно российской элите. Надо сказать, что в российском обществе нарастают изоляционистские настроения. В обществе есть определенная усталость от этой бесконечной экономической интеграции, которая ничего нам практически пока не дает. Мы видим сильную игру наших партнеров и слабость наших позиций. Мы уступили нашим партнерам практически все. Мы отдали нашим партнерам свои таможенные границы. Мы не знаем, что через них к нам ввозят. Я спрашивал Глазьева, а он не знает, что идет, как идет. Я его спрашиваю: «Как считаете?», а он говорит мне: «Мы пытаемся считать по налогам». То есть заходит там, например, обувь из Китая, с казахстанскими звездочками – она проходит без пошлины. То есть мы границы отдали. У нас границ нет. Мы сейчас филиал китайского рынка. Через белорусские терминалы идет очень дешевая контрабанда. Мы знаем кто,

что, откуда и как через них провозит. Просто уже открыто, что называется, везут. Никакого единого Таможенного кодекса нет. Об этом можно долго рассказывать, но я не буду вас этим утомлять. Скажу только, что ситуация в этом плане кошмарная. Просто когда получаешь и видишь соответствующую документацию – ночь не спишь. Та же проблема и с ЕЭП. Мы не достроили, но двигаемся дальше. Но понятно, почему мы двигаемся дальше. Нам нужна реализация главной глобальной цели. Мы не обращаем внимания на эти издержки. Вот в чем дело.

У российской элиты есть понимание, что нам необходима интеграционная группировка и что необходим выход к новым рынкам ресурсов. С другой стороны, вот эти вот «издержки» вызывают большое недовольство. Мы Беларуси дали 2 млрд долл. просто так. Знаем прекрасно, что страна живет за счет кредитов. Дали кредиты – они их проели и снова просят. Все это вызывает уже недоумение. Руководство наше, которое все прекрасно видит, пытается как-то уже оправдываться, потому что это деньги налогоплательщиков.

Для сравнения: наши дотации Беларуси за последние 15 лет на 1 января этого [2014] года составили 80 млрд долл. Украину мы дотировали за 2011–2012 гг. в общей сумме до, примерно, свыше 42 млрд долл. Конечно, это огромные суммы. Но в чем еще проблема? Вот вы сформулировали еще один важный вопрос: тянутся ли к России, рвутся ли к нам. Скажу так, что не рвутся. Рвутся к нашим ресурсам. Мы, сами по себе, никому не нужны.

Я только что приехал к вам с РИА «Новости», где мы просто собачились с экспертами из Киева. Там была «блестящая» дискуссия. Нам предъявили целый список того, что мы обязаны для Украины сделать... Первое указание – это то, что мы должны признать это правительство. Я говорю им: «А вы референдум в Севастополе признаете? Нет. Ну, так чего вы от нас хотите?».

С.Ю. Разин. Вчера в программе В. Соловьева серьезные люди обсуждали вопрос: сколько нужно дать Украине?

А.И. Суздальцев. Вот, вот. Кто бы нам чего дал?

С.Ю. Разин. Возникает вопрос, а кому давать?

С.М. Иванов. И как распределять?

С.Ю. Разин. По регионам или как?

А.И. Суздальцев. 3 млрд долл. дали и что?

С.М. Иванов. Мы уже Чечне дали – и Ставропольский край стонет. На порядок разница. Теперь мы хотим на Украине так же сделать?

А.И. Суздальцев. Вот мы сидели как на иголках. 3 млрд запускаем. Они пошли в конце декабря. Чувствуем, что чуть-чуть ситуация по дефолту сдвинулась. Вроде бы какой-то бюджет появляется. Где остальные деньги? Все. Плюс к этому 3 млрд кредита Китая за зерно тоже исчезли. То есть хлоп – и все.

В заключение хочу сказать следующее: сам имидж нашей страны очень важен. Вот какие-то олухи выступают (Слущкий и т.д.) и говорят, что надо применять на постсоветском пространстве американские технологии, работать на постсоветском пространстве по сетевым технологиям и т.д. Ну только идиот может так говорить! Я работал 15 лет по этим технологиям с той стороны, со стороны Запада. Огромную роль в их успехах играют финансовые потоки колоссальные. Мы считали, сколько они тратят на белорусскую оппозицию. Через американцев, через Литву, через Польшу – до белорусов доходило только 10–15%. Воруют все, включая американское посольство. Попасть в американское посольство в Беларуси или на Украине – это счастье для дипломатов. Они понимают одну вещь – за их спиной стоит имидж. То есть они работают по европейским проектам, работают на США, на Европу, на огромные страны, на успешные экономические проекты. Нас шельмуют так, как будто мы исчадие ада. Наши сетевые вопросы можно решать только за огромные деньги и тут же появляются профессиональные «русские». Всяких жуликов выше головы. Мы неоднократно сталкивались с такими, например, на Украине. Как только они получали деньги, тут же все исчезали.

И последнее. Мы говорили сегодня о Евразийской экономической комиссии. Друзья мои – это сборище лоббистов. Ну, понятно всем, что пиво должно быть в стеклянной бутылке.

Ну, белорусы не могут пить пиво из стеклянных бутылок. У них пластиковые бутылки. Значит, мы все будем пить пиво из пластиковых бутылок. Есть в Беларуси фабрика по производству женских трусов. Они закрыли под них свой рынок и пробивают их на наш рынок. А самое обидное, что эта «Милавица» не белорусская, а эстонская фирма. Но мы будем только в эти трусы своих девок одевать. Доходит до анекдота. Сидят, просто откровенно, – у них список. Я этот список видел. Вот предприятие такое – надо обеспечить рынок в России. Забиваем все остальное.

Когда мы говорим нашим партнерам: «Друзья мои, у вас есть Брестская свободная экономическая зона – чистый контрабандный вход на рынок Таможенного союза. Когда будете ее закрывать?» Молчок. В итоге – сижу на работе, и ко мне приезжают два бизнесмена из Подмосквья, которые занимаются производством пластиковой тары. Они говорят: «Андрей Иванович, помогай. Сидит крохотная фирма – девочка и мальчик сидят в свободной экономической зоне в Бресте. Они закачивают на рынок Таможенного союза огромное количество пластиковой тары. Все – мы сгораем. У нас 200 человек вылетает на улицу». Что сделаешь? Ничего не сделаешь. Вот так.

С.Ю. Разин. Я хочу вернуться к своей мысли о том, что постсоветское пространство – это проект позднесоветской элиты.

Те, кто находятся сегодня у власти в бывших союзных республиках, ведут себя там как феодальные суверены в своих вотчинах. Они не хотят никого пускать, но самое главное: они, наплевав на национальные интересы своей страны и своего народа, не хотят делиться властью. Политическая интеграция предполагает необходимость поделиться властью, а они властью делиться не хотят.

Они делили большую страну не для того, чтобы потом с кем-то делиться властью.

Н.Ю. Булешова. Не могу не согласиться с только что прозвучавшей точкой зрения в отношении нежелания верхушек новых государств на постсоветском пространстве идти на то,

чтобы противодействовать центробежным силам и искать пути совместного решения насущных проблем.

С одной стороны, все прекрасно понимают, что «один в поле не воин» и усиливающееся давление со стороны Запада и США возможно отразить лишь объединившись путем экономической интеграции, благо факторов, этому способствующих, много:

- разделение труда, которое невозможно было полностью изменить за короткий промежуток времени. Во многих случаях это было и нецелесообразно, поскольку сложившееся разделение труда в значительной степени соответствовало природно-климатическим и историческим условиям развития;

- длительное совместное проживание в пределах одного государства многих народов. Оно создало плотную «ткань отношений» в разнообразных областях и формах (из-за смешанного населения, смешанных браков, элементов общего культурного пространства, отсутствия языкового барьера, заинтересованности в свободном перемещении людей и т.п.). Конфликтность межнациональных и межконфессиональных отношений (между двумя основными религиями: православием и исламом) в целом была невысокой. Отсюда желание широких масс населения в странах – членах СНГ поддерживать достаточно тесные взаимные связи;

- технологическая взаимозависимость, единые технические нормы.

С другой стороны, интеграционные процессы наталкиваются на противоположные тенденции, связанные, прежде всего, со стремлением руководства новых республик упрочить недавно полученный суверенитет, укрепить свою государственность. А вот вопросы экономической целесообразности интеграции воспринимаются ими, прежде всего, как угроза их суверенитету.

Но всякая интеграция, даже самая умеренная, предполагает передачу каких-то прав единым органам интеграционного объединения, то есть добровольное ограничение суверенитета в определенных областях. Вы даже не можете себе представить, насколько вопрос об

«ущемлении», даже крохотном, этого суверенитета, болезненно воспринимается республиканской элитой (Казахстан, Киргизия и др.). Здесь сегодня совершенно справедливо отмечалось выступающими, что подобное «нежелание» приводит к пробуксовке всего процесса интеграции, так как совершенно очевидно, что назрела необходимость формирования руководства этим процессом. Причем это должно быть не руководство России, Казахстана или Беларуси, а руководство независимого от политического давления со стороны правящей элиты органа.

Сегодня много говорится о том, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве идут недостаточно быстро, сталкиваясь с целым рядом проблем. Свою лепту в создание противовеса этим процессам вносит и Запад, с неодобрением встречавший любые интеграционные процессы на постсоветском пространстве и рассматривавший их как попытки «воссоздания СССР», сначала скрыто, а затем и открыто начавший активно противодействовать интеграции во всех ее формах. Проведение Россией интеграционной политики осложнено так же растущей политической и экономической конкуренцией на постсоветском пространстве со стороны ЕС, Китая, США, Турции и других крупных игроков.

И еще на одном из поставленных вопросов хотелось бы остановиться – роль России в процессах интеграции. Думается, что, рассматривая интеграцию как необходимое условие сохранения не только России, но соседних республик как самостоятельных и независимых государств, никто из нас не сможет назвать другое государство на постсоветском пространстве, которое могло бы выступить «локомотивом» в этом процессе. При этом новейшие репрезентативные международные замеры общественного мнения свидетельствуют, что у населения всех государств СНГ сохраняется образ России как объединяющего центра.

Конечно, пока в мире бушует глобальный кризис и в памяти свежи еще экономические и социальные последствия распада СССР и мировой системы социализма, основные наши усилия направлены на выживание и объединение

экономических потенциалов для повышения конкурентоспособности.

Однако думаю, что в будущем, опираясь на общее духовное наследие, интеграция стран региона качественно обогатится – и это даст возможность каждой стране ощутить свою сопричастность к общему делу, при этом сохранив свой суверенитет.

А.И. Суздальцев. Я работал на Украине и в Беларуси. Мне тоже казалось, что пришли бывшие коммунисты. Они все съели, обросли собственностью, власть держат и т.д. Вы знаете – нет. Там глубокие корни. Та система, которую они создали, очень эффективна.

В чем дело? Я приведу для примера нынешнюю украинскую ситуацию... Как мы все говорили и все наши каналы показывали: «Вот сейчас поднимется Восток. Вот сейчас поднимется Юг». Никто не поднялся. В чем дело? На самом деле вся эта система построена на элементарном выживании. Выживании семьи, государства, элиты. Это, знаете, какой-то такой негласный контракт: «Давайте как-то выкрутимся». Они сидят и говорят: «Ну да – пришли бандеровцы. Хуже не будет. И так все плохо. А вдруг что-то получится?».

Белорусская ситуация... 2004 г. Мы закрыли газ белорусам. Я думал: ну, сейчас какая-то ситуация будет. Понятно, что элита вся взвыла: газ закрыли и т.д. Я думаю: ну как вот население, как народ будет реагировать? А там же все молчат. Это Беларусь – это партизаны. Сел в электричку. В этой электричке один из пассажиров говорит: «Да, воровал Лукашенко газ, но воровал-то для нас!». Вот смысл в чем. Они всегда консолидируются. Потому что вот это вот ощущение, что кормит он страну. Что-то взял от России, что-то вытянул – молодец, выкрутился. Вот такое негласное соглашение. Подписался под интеграцию – все ждут. 2011 г. – полная лужа. Валюта упала в 3 раза. Валюты нет. Подписывают соглашение, что Россия будет помогать, даст кредит и т.д. Народ бежит и говорит: «Где деньги? Россия должна была дать».

Иждивенческий подход – он объединительный. Им деваться некуда. Они смотрят на своих лидеров: даст, не даст.

Ах, такой-сякой, ах, бандит! Но он кормит нас хоть как-то? Кормит. Вот в чем дело. Поэтому там все сложнее.

С.М. Иванов. [Опыт интеграции]

Если мы говорим об интеграции, то надо учитывать не только опыт Евросоюза, но и развивающихся стран, и в частности стран Персидского залива. У этих стран есть большой опыт сотрудничества. Самое интересное, что некоторые обыватели говорят: «Вот там деньги». Я вам скажу, что доход на душу населения ничуть не больше чем в России: и по нефти, и по газу, и по другим. Они или на уровне России, или меньше. Вопрос: как они тратят? Там есть несколько принципов: один принцип – на население пропорционально; другой принцип – на регионы пропорционально. Допустим, в Ираке там на регион. Каждый регион получает определенный процент. Ну, допустим курды получают 17% доходов от нефти, поступивших в бюджет страны.

В странах Персидского залива получает каждый гражданин. Там совершенно другой принцип. У нас все выкачивает вот эта вертикаль власти, потом тоненькими ручейками распределяет: захочет – даст на Олимпиаду, захочет – даст на оружие, захочет – даст Казахстану, захочет – Беларуси, Чечне, захочет – даст Ставрополью намного меньше, чем Чечне. Вот такой волонтаристский подход.

В странах Персидского залива, прежде чем началась интеграция, выровняли уровни экономического развития стран. Почему? Вот у нас даже сейчас: мы назвали цифры, характеризующие развитие сельского хозяйства Казахстана, Беларуси и России. Процент госсектора разный, цены разные, законодательство разное, политические системы разные, парламенты разные. Создать, допустим, единый парламент. Ну, так вот в нашем кругу я могу сказать, что то, что Нарышкин возглавляет – это парламентом назвать нельзя. Это придаток правящей элиты. Но элита тоже разная: там есть коррумпированное чиновничество, есть олигархический капитал, а есть организованная преступность. Иногда это одни и те же люди.

Об интеграции можно говорить только тогда, когда ее участники находятся примерно на одном уровне социально-

экономического развития. В этом случае у них возникают одинаковые цели и одинаковое положение. Когда разные уровни, разные цели, каждый тащит на себя одеяло, тогда и не получается настоящей интеграции. Кто-то хочет больше, кто-то меньше. Евросоюз – он за счет чего? В конце концов, они примерно выровняли свои законодательства. И страны Персидского залива выровняли законодательства и уровень жизни населения.

С.Ю. Разин. Выровняли? Это Греция сравнялась с Германией или Францией?

С.М. Иванов. Больше того, я скажу, что страны Персидского залива собрались и сказали: поскольку мы эффективно используем доходы от нефти, то давайте мы отменим таможенные пошлины. Почему наши граждане должны платить дополнительную цену за ввозимый товар? Они взяли их и отменили.

То есть нам есть о чем подумать. Поэтому, если со временем будем действительно интегрироваться, то надо будет выстраивать некую среднюю модель и именно заимствовать опыт развивающихся рынков и стран.

Пока «уроков СССР» как таковых нет. Мы не можем оперировать ни фактами, ни цифрами. Мы даже не дали им политическую оценку. Нет, политическую оценку, половинчатую, все же дали. Нет правовой оценки. Нет оценки того, что было в 1917 г., нет оценки коллективизации, нет оценки репрессий 1937–1938 гг. Что это было? Поэтому сейчас переносить уроки СССР на пути постсоветской интеграции... Мне кажется, что пока лучше этого не делать. Более того, я бы так еще подошел... Мы иногда в последнее время увлекаемся: вот СССР – мы наследники, и начинаем все это, опять же, тащить на себя. СССР – это далеко. Да, Россия, конечно, была становым хребтом Советского Союза. Но там была Прибалтика, там были Туркмения, Таджикистан, Украина и т.д. Не надо монополизировать историю СССР. История СССР – это далеко не только история России. История СССР – это история всех бывших союзных республик. Дальше – Империя, Российская империя. Мы наследники Российской империи... Это слишком широко сказано. А Финляндия? А Польша? Они на каком

положении находились, были вассалами или входили в Империю и были ее полноправными членами?

Я бы не стал так автоматически переносить историю Российской империи и историю СССР на нынешнюю РФ. И тогда вот вопрос об интеграции...

С.Ю. Разин. Но и противопоставлять ведь тоже не надо... Когда наш премьер-министр говорит, что нашей российской государственности 20 лет, то это можно рассматривать как отказ от собственной истории.

С.М. Иванов. Все-таки, я бы сейчас не стал делать сравнение СССР и нынешней постсоветской интеграции.

Тем более что мы сегодня наблюдаем не процесс интеграции, а процесс дезинтеграции. Вслед за Прибалтикой, Молдовой, Грузией, Украиной... Впереди еще, по нашим оценкам, Средняя Азия. Там элиты не так прочно сидят. Таджикистан, Узбекистан – там могут начаться такие процессы, что мало никому не покажется.

Пока мы переживаем вот такие центробежные процессы, когда все стремятся быть более независимыми, более суверенными, более дистанцированными от Москвы. Почему-то все продолжают, по инерции, бояться Москвы. Для этого существуют объективные и субъективные причины. Но в целом, я думаю, что те, кто хотел, они уже нашли некие формы интеграции. Те, кто не хотел, уходят дальше.

Перехожу к вопросу «Русский мир и постсоветские государства». Я считаю, что такая формулировка сужает тему. Мы не в царской империи и не в Советском Союзе. Все-таки, введенный в политический оборот Ельциным термин «россияне», на мой взгляд, по сути своей, правилен. Ну что там... В той же Псковской области – и там не все русские. А если взять целиком пространство наше – да не найдешь чистого русского. Поэтому, мне кажется, данную проблему было бы правильнее сформулировать так: «Российский мир и постсоветское пространство». Мы связаны, мы обречены на сотрудничество. Там наших на Украине почти половина. В других республиках процент поменьше. Но везде россияне есть. Даже Крым взять – это русские и русскоговорящие украинцы.

Крымские татары – русскоговорящие. Это тоже часть российского мира.

Поэтому «Русский мир» – это слишком узко. Я сторонник того, чтобы мы употребляли словосочетание «Российский мир».

«Политика США...». Вот о политике США... Вы знаете, мы очень часто преувеличиваем и говорим о том, что есть какие-то американо-российские отношения, которые имеют особое значение в мировой политике. Мне не раз приходилось на различных форумах разных конгрессменов, консерваторов, дергать за рукав и говорить: «Слушай Джон, что вы думаете о России?». Он мне говорит: «Да у нас просто нет политики по отношению к России. У нас нет политики по отношению к постсоветскому пространству. Вы слишком много о себе думаете. У нас есть приоритетные направления». – «Какие?». – «Ну как какие? Вот Евросоюз, вот НАТО, вот Китай, вот Азиатско-Тихоокеанский регион, вот Индия». То есть, действительно, мы иногда преувеличиваем роль США в России и на постсоветском пространстве. Да, они там следят. Есть посол там. Есть какие-то второстепенные направления. Сотрудничать нам не о чем. Углеводороды они не покупают. По военно-технической линии мы практически не сотрудничаем. Да, их беспокоит наш ракетно-ядерный потенциал. Или химическое оружие. «Давайте мы его уничтожим побыстрее». Вот направление сотрудничества. Все остальное – как будто бы России для них нет.

И также постсоветское пространство... Да, они обратили внимание на Грузию, но не настолько, чтобы туда кинуться с руками и ногами. Да, они вот сейчас на Украину своих эмиссаров послали, но опять же не настолько, чтобы туда войска послать или вкладываться. Поэтому не стоит преувеличивать роль США на постсоветском пространстве. Они как-то заполняют те ниши, которые образуются в результате нашего ухода из тех или иных районов Евразии. Взять ту же Центральную Азию... В том же Казахстане, в Узбекистане, в Туркмении, в Киргизии... – мы знаем, что базы их есть, и сотрудничество, и объем торговли увеличивается.

Перехожу к вопросу «Евросоюз и республики бывшего СССР: возможна ли в XXI в. Единая Европа от Атлантики до Урала?» Я однозначно скажу: невозможна. В ближайшие лет 50 она невозможна точно.

Далее – «Китайский фактор...». Я бы не стал особо выделять китайский фактор. А где монгольский фактор? А где индийский фактор? А где японский фактор? Не надо пугать и напрягать. Опять же китайцы работают на нашем Дальнем Востоке ровно столько, сколько мы им позволяем в соответствии с нашим законодательством. А вот эти мигранты, торговцы. Чем они там занимаются? Это наша проблема. Это не китайская проблема.

Теперь последний вопрос «Исламский мир и судьба постсоветского пространства». Ислам последние 10–15 лет переживает ренессанс. То есть идет глобализация мировых процессов – и в этой глобализации ислам завоевывает все большее пространство.

Факторов много. Это и самая молодая религия. Это и рост мусульманского населения. Это и то, что ислам заполняет вакуум, который образовался после холодной войны. После окончания холодной войны не только наша идеология (марксизм-ленинизм, социализм) приказала долго жить, но и капитализм, как таковой – как теория, как идея – тоже. Сегодня церковь католическая, протестантские церкви, да и то же православие не могут привлечь массы, не могут помочь им обрести смысл жизни, чтобы они, допустим, те же заповеди Христа соблюдали.

Что мы видим? Идет разложение и церкви, и западных обществ. Вот последние годы мы слышали про случаи педофилии, однополые браки. Идет пропаганда насилия, пропаганда сексуальной вседозволенности. Ведь ислам все это ограничивает. В какой-то мере ислам является сдерживающим фактором. Люди ищут себе опору. Вот они находят в исламе опору. Ведь не секрет, что многие европейцы, американцы, русские принимают ислам. Дело в том, что у ислама есть много положительных черт. Ну, во-первых... Что еще отталкивает людей от современного общества и способствует тому, что люди обращают свое внимание на ислам? Это – коррупция,

социальное неравенство... Вот это общество наше доводит человека до такого состояния, что он не имеет опоры и начинает скатываться к наркомании или алкоголизму. Или моральное падение. Люди в этом обществе не находят своего места. А ислам выступает монолитно. Ну, взять Иран, где ислам является государственной религией. Взять страны Персидского залива, взять страны Арабского Востока, взять наш Северный Кавказ. Северный Кавказ, в отличие от Центральной России, где у нас 120 тыс. сирот, не имеет сиротских домов, не имеет детских домов.

То есть ислам привлекателен – хотим мы того или не хотим. За счет демографического взрыва он распространяется. Распространяется везде. Приведу в качестве примера Германию. Только за последние 10–15 лет там закрылось около 400 церквей. Большая часть этих церквей была выкуплена мусульманами и там были оборудованы мечети. В 5 или в 6 землях ислам признан официальной религией. Мусульмане избираются в бундестаг и в ландтаги. Они уже натурализованы и являются гражданами Германии. В меньшей степени это есть в Бельгии, Великобритании, США. Естественно, что этот процесс затронул и территорию бывшего СССР. Россия не осталась в стороне от этого процесса. Ну, у нас идет тенденция как... Татарстан сам там у себя за счет ислама общество как бы скрепляет. И та община мусульман, которая в Москве... Взять Северный Кавказ – у себя они там за счет ислама сохраняют здоровыми общества. И Р. Кадыров прибегает к исламу, и другие главы регионов.

В последнее время появился новый термин – «политический ислам». Что такое «политический ислам»? Это когда власть или оппозиция пытаются использовать радикальные исламские настроения для достижения своих целей: для удержания власти или для свержения власти. Вот мы видели это в Тунисе, Йемене, Ливии, Сирии, Ираке, Египте. Там уже дважды власть свергали. Сейчас американцы выходят из Афганистана... Нас пугают: «Вот сейчас талибы хлынут. Вот сейчас наркотики хлынут». Да нет. Я присутствовал на встрече представителей антинаркотических ведомств РФ и Афганистана. Наш афганский коллега заявил: «Наше

государство поставит вам ровно столько наркотиков, сколько вы потребляете, и ни грамма больше». То есть смысл не в той героиневой войне против нас, а смысл в наших внутренних причинах – почему мы такое количество героина потребляем. Не будет героина, будут курить спайсы или нюхать бензин. Поэтому подходить к решению этих проблем необходимо с двух сторон: с одной стороны необходимо укреплять таможенные и прочие барьеры, а с другой стороны – создавать условия для того, чтобы люди не «кололись».

Ведь получается что... Ислам, на примере Ирана, наиболее жестко борется с нарколизацией населения. По данным ООН, Иран – это единственная страна, которая изымает 30% наркотиков с афганского и пакистанского направлений. Виктор Иванов в одном из своих выступлений сказал, что мы, к сожалению, можем изымать только до 4%. Причины этого кроются и в коррумпированности властей, и в прозрачности наших границ, в том числе российско-казахстанской границы.

Второе. Вот сейчас хлынут боевики, экстремисты, радикальные исламисты... Ведь на границах СНГ «Талибана» нет. Там стоит «Северный альянс». Там узбеки и таджики. Они, действительно, будут оказывать все более возрастающее влияние. Но какое влияние? Они будут говорить своим соплеменникам: «Вы посмотрите: сколько у вас Каримов дворцов построил, сколько украл. Вы посмотрите на Рахмонова – он же наркобарон номер один». Вот эта угроза радикального ислама, который использует коррупцию, недостатки власти, разделение между богатыми и бедными – а там-то народ нищий и его легко вывести на улицу. Вот если она захватит Центральную Азию, то выйдет на границы РФ.

Что мы должны делать? Мы должны не бороться с исламом, а знать, изучать, использовать традиционный ислам и взаимодействовать с традиционным исламским духовенством. Сам по себе ислам, как и любая другая религия, не представляет собой угрозу международной и национальной безопасности. Опасность кроется в радикальном (политизированном) исламе.

Последние лет 10 мы пытались создать единый муфтият, по типу РПЦ. Кстати, РПЦ настолько себя дискредитировала, что многие верующие не хотят ходить в церковь только из-за того, что вся верхушка РПЦ, особенно в 90-е гг., торговала водкой и сигаретами и ездила на «Мерседесах». Вот эта вызывающая роскошь отталкивает людей. А ислам выигрывает в этом плане. Они более скромные. У них есть сострадание. То есть они находят путь к сердцам людей. В этом сила ислама. Тем самым он заменяет прогнившую РПЦ. Но как мы ни лепили, сколько фондов ни создавали – все равно остались 3 крупных муфтията и сколько-то еще мелких. И может быть, это и хорошо, что у них нет единого руководства. Сила ислама и в его многообразии.

По мере роста мусульманского населения у нас в стране роль ислама будет возрастать. Я не исключаю, что у нас со временем в правительстве появятся министры мусульманского вероисповедания. Может настать такое время, что и Президентом будет мусульманин.

Как можно остановить этот процесс? Вот здесь у меня еще одна реплика. Нас успокаивают и говорят нам о том, что у нас все в порядке с рождаемостью. Даже господин Медведев как-то сказал, что мы достигли уровня сохранения нации и чуть ли уже не выросли... Я вот когда ехал сюда, то специально включил компьютер и в Интернете прочитал, что сегодня у нас 250 умерло и 120 родилось. Примерно один к двум. Миграция: приехало столько-то узбеков и киргизов... Мы за счет миграции сводим концы с концами. Мы сохраняем количество, но при этом теряем качество. Процент русских уменьшается с каждым годом. Мы в интересах Совбеза РФ проводили исследование в Беларуси, Украине и России. Посмотрели статистику. Самое угрожающее положение в РФ и на Украине. В Беларуси лучше. Там есть программа – программа по защите демографического потенциала. Там и женщины, и дети защищены. Уже в течение 10–12 лет ведется серьезная работа по разработке подобной программы. У нас, к сожалению, эта программа не срабатывает. Растет процент больных и инвалидов детства. У нас по данным Минздрава 8 эпидемий. Причем самое страшное – алкоголизация, табакокурение, СПИД, туберкулез и т.д. Вот с

этим, к сожалению, мы не боремся, а в исламских странах они своим закрытым обществом ставят преграды для моральной и физической деградации общества и создают условия для роста численности населения.

Вот это объективные причины сегодняшнего наступления ислама. Я думаю, что в ближайшие 10–15 лет – и может быть даже до 2050 г. – он будет дальше распространяться. А как государство реагирует? Здесь я хочу себе позволить еще одну реплику. Вот мы часто говорим: элиты, государство... Государство – оно разное, в государстве есть разные государственники, разные люди. Вот одни, действительно, пытаются решать проблемы в интересах россиян, российского общества. Вот я занимался национальной безопасностью... Многие люди не знают что такое национальная безопасность. Она состоит из трех частей: первое – безопасность личности; второе – безопасность общества; и только третье – безопасность государства. Если наоборот, то будет как «ванька-встанька», который не стоит, а все время падает. Надо начинать с личности. Если мы не можем защитить человека – физически, нравственно – общество болеет. Если мы не можем нормальное общество сделать, то государство – это колосс на глиняных ногах.

Поэтому начинать надо с личности. Если по этому пути сейчас пойти, то получается так: есть коррумпированное чиновничество, есть государственники, есть олигархи, есть выходцы из организованной преступности. Неслучайно, что вот сейчас организаторы Майдана на этом сыграли. Они сыграли на сыновьях Януковича, они сыграли на его резиденции, они сыграли на социальном расколе общества. Как бы на фоне этой Украины не было эффекта домино...

Нам надо сделать все, чтобы «Арабская весна» и украинский Майдан не пришли к нам в Москву.

А.И. Суздальцев. Вы знаете, у нас в России сложилось мифологическое представление о Беларуси.

Вот такая страна небольшая, население на русском языке разговаривает, справедливый царь сидит и все хорошо у них. Полная, наглая ложь! Друзья мои! Беларусь – это нищая страна! 500 долл. зарплата. Никакой демократии там нет. На

моих глазах произошла депопуляция страны. Я туда приехал в 1993 г. Тогда население страны составляло 10 млн 200 тыс. Сейчас оно составляет 9 млн 600 тыс. Никакой миграции нет. На глазах происходит реальное опустение страны. Никаких социальных программ, обеспечивающих этих рожениц, там нет. Есть только пустые совершенно, крохотные льготы. Они не знают, что такое вот этот наш материнский капитал. Когда им об этом говоришь, то они приходят в ужас. Как? Но они понимают эти вещи. Посчитали – 4,6 млн чел. трудоспособного населения и недосчитались 1 млн чел. Из них 600 тыс. проживает в России. Что они делают? Как только жена собирается рожать второго ребенка, она вывозится сюда, здесь рождает, и всеми силами старается получить гражданство, а потом получить этот материнский капитал. Они прекрасно это понимают.

Поверьте мне, что представление о процветающей Беларуси – это наша иллюзия. Нищая страна! Депопуляция страны идет колоссальными темпами. Ну сопоставьте цифры: в 1993 г. – 10,2 млн чел и прошли какие-то 15 лет и стало 9 млн 600 тыс. А еще 1 млн чел выехали на работу в другие страны.

С.М. Иванов. У нас смертность высокая. А у них сокращение населения происходит за счет того, что много людей уезжает на заработки в другие страны

А.И. Суздальцев. Не только. У них серьезно падает общая численность населения.

С.М. Иванов. По данным ООН, Белоруссия на 3-м месте среди славянских стран. На первом месте – Украина, на втором – Россия.

А.И. Суздальцев. Вы же умные люди и прекрасно понимаете, что все эти ООНовские статистики складываются из тех данных, которые предоставляет о себе то или иное государство.

А.А. Исрапов. [Интеграция и менталитет]

Всегда себя ругаем, ну сколько можно? У нас склонность что ли, обличать себя, свою историю постоянно? Только и делаем, что оправдываемся в каких-то ошибках. Хватит, сколько можно.

И если у Лукашенко в Беларуси все так плохо (хотя я вижу там совсем другое), то тогда надо говорить о Б.Н. Ельцине. Когда в 90-е гг., которые называют сегодня «провальными» и «мутными», мы просто «шикарно» жили, радовались «демократии», и к нам все ездили перенимать опыт «рыночной экономики»... Исходя из этого, ЕС и США говорили, что это было золотое время для РФ.

А.И. Суздальцев. Я так не считаю.

А.А. Ибрапов. Так нельзя рассуждать. Надо же понимать, что есть общее, а есть специфическое в государственном строительстве.

Мы видим, что в крупных цивилизационных мегаполисах демократию понимают по-своему. Мы должны учитывать разницу в менталитете. Вот здесь на обсуждение вынесен вопрос о роли арабо-исламского фактора на постсоветском пространстве... Почему мы не должны делать акцент – «русский»? Почему они не говорят «израильтяне», а говорят «евреи»? Почему говорят «армяне», а не «кавказцы»? Однако, как только подчеркивается русское происхождение, сразу возникает реакция. Мол, русское зачем выделять? И это уже национализм! Это уже плохо... Товарищи, нельзя так рассуждать! На Кавказе каждый дагестанец, кабардинец, балкарец подчеркивает, кто он такой.

Что касается уроков СССР... Это было можно называть религия – коммунизм, но это была и теория будущего развития, которая сплачивала всю нашу общность. Неправильно, может быть, сделали коллективизацию... Но фермерство у нас никогда бы не прижилось, а именно коллективное хозяйство.

Поэтому мы тащили вот эту общинность до советского времени. А теперь все развалили. А вот на Кавказе остались джамааты, родовые семьи... Вот это там сохраняют до сих пор. Родственники, дети держатся вместе. Молодцы...

Если говорить об уроках СССР и о путях развития постсоветского пространства, то я думаю, что нашей стране хватит уже быть запредельно толерантной. Надо показывать свой характер. Чтобы не ходили и не спрашивали, когда им это нужно: «Брат, ну ты же брат... сестра... Ну надо же! Помогите!». В Норвегии испачкали памятник американскому солдату – там

скульптурка была. Все – санкции! В Болгарии испоганили памятник советскому солдату: «Ну, пожалуйста, обратите внимание», – МИД говорит. Что это такое? Вы можете со мной не согласиться, но диктатура Сталина заставляла уважать нашу страну и бояться, конечно. Они должны бояться нашу страну. Должны уважать. Без этого в нашу страну будут постоянно кидать грязь и ошметки.

О Сталине и сталинской диктатуре. При нем у нас не было наркомании как таковой... А теперь у нас демократия. Ну как же! Вы говорите, Европейский Союз, это мол здорово. Две недели назад в Норвегии в парламенте рассматривали вопрос о разрешении инцеста. Обалдели все! А как же так? Вот видите – в Норвегии это уже есть. Bravo! Давайте сюда ювенальную юстицию со всем этим вместе и тащите в Россию. И мы будем интегрироваться что ли? Нельзя нам так делать.

Мы... вот я смотрю в нашем российском научном мире... особенно когда сталкиваешься со Сванидзе или Млечиным... Как они рассуждают о каких-то вопросах? Вот так вот берет постановление, читает одну часть, а вторую не читает – считает, что не стоит. Его спрашивают: «А почему полностью не зачитывается документ? Ты открой и покажи зрителям, ведь смысл происходящих событий будет пониматься в другом свете». Нет, оказывается, некоторым «горе ученым» честное и объективное освещение истории нашей страны не нравится.

Мне так хочется, чтобы мы уважали свою историю. Однако в различных рассуждениях или на крупных форумах – мы ее как будто стесняемся. Я помню, известный генерал Д. Волкогонов, как он открывал архивы. Я как-то на одном форуме не выдержал и говорю ему: «Подождите, а у вас есть знаменитая книга “Сталинград” о Сталинградской битве»... А он как раз выступал и говорил, что лозунга «За Родину! За Сталина!» он никогда не слышал, и говорил: «Я воевал, я прошел все войну, и я никогда не слышал». Я спрашиваю его «А почему же у вас фотографии»? Он мне ответил: «Это было тогда в ЦК партии и дорисовали мол на фотографии слова «За Сталина». Чушь все это. Теперь можно все ошибки свалить на партию, на руководящий состав страны того периода. Нельзя так!

Возвращаясь к рассуждениям об исламе, отмечу что ислам – это великая религия. Что в ней привлекает людей? Там записано, что все мусульмане равны. А у нас создалась церковная иерархия. И поэтому один ездит на «Бентли», а другой инок, там, на Камчатке, не может собрать гроши на часовню. Здесь тоже появляется какая-то сословность. И люди это видят. И поэтому появляются эти “Pussy Riot”. А почему? А попробуйте-ка скажите духовенству, что вот здесь вы устроили два банкетных зала. А здесь тоже продают вокруг. «А это к нам не относится», – говорят иерархи. Как это не относится? Скажите, чтобы здесь не было ничего. Вы же должны учить нравственному и чистому. Мы больше всего, я думаю, научились одному – научились ругать себя. Это мы умеем.

Все-таки мы должны быть рациональными. Вот этому – и ничему другому, а именно этому – мы должны учиться и у Европейского Союза и у Штатов. Нужно нам это – дадим. Нет – гуляйте!

Кто это сказал? Р. Никсон, кажется, сказал: «Это наш сукин сын!». Ой, как аморально! Но они все время так делали. А мы стесняемся все время.

С.М. Иванов. У нас другие сукины сыны. У нас Сердюков сукин сын.

С.Ю. Разин. Александр Абдулагаджиевич [Исрапов] говорит о том, что своего исторического опыта не надо стесняться и что из него надо извлекать уроки – как положительные, так и отрицательные.

А.А. Исрапов. Обязательно! Мы этим всем должны гордиться!

Что касается проблемы «Политика США на постсоветском пространстве: мифы и реальность». Мифы... Что мы относим к мифам? Что они постоянно рады нас потоптать? Это не мифы. Реальность заключается в том, что они это делают. Одна риторика по поводу сочинской Олимпиады чего стоит. Это же кошмар!

А.И. Суздальцев. Вот если бы мы сделали плохо, то нас вознесли бы. Мы сделали хорошо, и поэтому нас клюют.

А.А. Исрапов. Вот поэтому я согласен с тем, что кто-то из вас говорил о том, что у нас не работает информационная

атака. Киселеву сейчас дали голос. Это надо шире, глубже распространять и не стесняться. А то мы говорим потом: «А там нас плохо знают. А там нас глушат». В Крыму то же самое.

Исходя из этого контекста, я делаю вывод, что и про Беларусь мы рады говорить и топтать Лукашенко. Диктатор, диктатура и т.д. Да, правильно, может быть. По-другому если бы он делал, то там бардак такой же был бы, как на Украине или у нас в 90-е гг. По-другому... Ну, если сказать грубо, по-другому с людьми с нашим менталитетом нельзя.

С.Ю. Разин. По поводу Лукашенко очень простой вопрос. Ну, если вы демократы, то тогда ответьте на вопрос о том, что такое демократия. Демократия – это власть и суверенитет народа. Вот за него голосует на выборах большинство белорусских избирателей, и это воля белорусского народа. Если она не совпадает с пожеланиями американской администрации... Ну, господа, – будьте демократичны. Вы же ратуете за демократию, правда? Вот и уважайте выбор белорусского народа.

А.И. Суздальцев. Ой, коллеги, давайте не будем. Я все-таки там жил. Я могу рассказать другие вещи. Идти на пятые выборы... Сыночка готовить к этому. Дворцы строить за государственные деньги. 800 млн долл. стоит дворец. Золотые люстры, унитазаы золотые. Ну что вы в самом деле? И какой там антироссийский накат идет десятилетиями? Мы там идиотами выглядим. И это наш союзник!

И.А. Анфертьев. [Уроки советской интеграции]

Вот здесь прозвучали некоторые мысли о том, что мы не знаем историю СССР, что надо учиться у Запада или у СССР. Так получилось, что сейчас открыты архивы Политбюро и, изучая эти архивы с исторической точки зрения, я вижу, что те проблемы, которые стоят перед российским обществом последние 20 лет, интеграционные – мы говорим экономическая интеграция, политическая интеграция – эти проблемы продолжают существовать и сегодня. У нас, как мне видится, на протяжении вот этих последних 20 лет, не хватает политической воли.

Взять к примеру 1919 г. – конец Гражданской войны. Начало 1920-х гг. 10 человек в Политбюро имели

политическую волю: Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Сталин – кто там еще был? Орджоникидзе, Калинин, Бухарин, Дзержинский и т.д. 10 человек проявили политическую волю и провели в этих тяжелейших условиях, после Первой мировой и Гражданской войн, интеграционные процессы в достаточно короткое время. Уже в 1922 г. – создание СССР, они по сути «огнем и мечом» интегрировали территории бывшей Российской империи, без оглядки на Запад и на тех, кто любит поучать и указывать как России жить.

Но мы понимаем, что любое явление, и в том числе эти интеграционные процессы – политические, экономические – имеют две стороны – положительную и отрицательную.

С точки зрения положительной, тут уже говорилось, что рациональность была, был рациональный подход. Большевики действовали без оглядки на какие-то авторитеты, зарубежные в том числе, проявляли умение договариваться, умение выжидать и видеть стратегические политические и тактические экономические выгоды.

С точки зрения негативных моментов, конечно, были двойные стандарты в политике. Принимали решение: давайте Украину в конце 1919 – начале 1920 гг. интегрируем в Российскую Федерацию. Давайте... На каких условиях? На словах – да, давайте. Дадим, значит, Украине самостоятельную государственность, дадим право приоритета украинскому национальному языку, будут национальные лидеры, структуры национальные и т.д. Тут же принимается решение создать Всеукраинский ревком из пяти человек. Трое из них члены ЦК партии большевиков – представители РСФСР. Двое – украинские представители. Причем не просто там кто попало, а «Украинская коммунистическая партия» (тогда ее представители назывались «боротьбисты», «борьбисты»).

Любое решение – только по предварительному решению Политбюро. Проблема голода решалась с Украиной. Сталин был туда командирован начпродом. Тут же пишет: «Прошу командировать из Центральных областей России до двух тысяч специалистов по продовольственным вопросам». Тут же принимается решение о мобилизации членов партии. Так сказать, «все на Украину».

Вопрос стоит так – не хватает денег на интеграционные процессы. Есть ГОХРАН, которым занимается Троцкий. Значит, что делать? Тех служащих, которые там занимаются ГОХРАНОМ, его инвентаризацией, реализацией – им не доверяют. Тут же принимается решение – мобилизация коммунистов – членов партии с дореволюционным стажем. Две тысячи человек направить в ГОХРАН, под расписку у них получить согласие о том, что они готовы на общих основаниях даже проходить обыски после ухода вечером с работы. Тут же продолжается фактическая реквизиция этого ГОХРАНА и решены вопросы на текущие нужды, в том числе и направление средств на Украину. Проходит прямо раз за разом – выделить деньги, выделить деньги на Украину – только создать привлекательную для народных масс государственность. Создали государственность, а затем постепенно ликвидировали.

С.М. Иванов. Это вопросы текущего управления. Они не очень интересны.

И.А. Анфертьев. Дело вот в чем. Понимаете, любой опыт...

С.М. Иванов. Зачем нам опыт чиновников?

И.А. Анфертьев. Любой опыт требует изучения, особенно советский, потому что он приобретался слишком высокой ценой.

С.М. Иванов. Нам нужен опыт нормального общества. Собралось шесть идиотов, постреляли половину страны, а половину посадили в тюрьму, а остальным начали продовольственные комиссары добывать хлеб.

И.А. Анфертьев. Позвольте, я продолжу все-таки. Я как историк считаю, что любой опыт требует изучения, для того чтобы не повторять ошибки, которые были допущены. Но в тоже время...

С.М. Иванов. Это не ошибки! Это преступления!

И.А. Анфертьев. Преступления были – согласен. Но интеграция Советского Союза в рамках практически всей территории Российской империи была все-таки сделана.

Я же оговорился, что есть положительные, и есть отрицательные стороны. Я не хвалю отрицательные стороны. И не поймите меня неверно. Я говорю о том, что большевики, и

Политбюро в частности, поступали гибко и добивались конкретных результатов.

Вот в 1921 и 1923 гг., дважды предпринимались попытки пролетарскую революцию в Германии устроить. Денежные вложения были, нарком финансов РСФСР Крестинский занимался этими вопросами, Орджоникидзе участвовал в этих проектах, посылались наши чекисты туда, боевые отряды создавались под руководством Уншлихта и т.д., но революция не состоялась. Почему? Потому что в Политбюро была выработана позиция, согласно которой, если внутри страны, в Германии, не созрели условия для того чтобы...

А.А. Исрапов. Революционная ситуация.

И.А. Анфертьев. Да. Не созрели условия. Там можно было инициировать, можно было создавать условия для революционного переворота, и даже по примеру 1917 г. в России взять власть, но в результате этот революционный проект ожидал неминуемый крах, этакая разгромная ситуация, жертвы при отсутствии результата.

Малоизвестный факт – в 1921 г. Киров и Орджоникидзе, находясь на Северном Кавказе, создали в Персии подпольный комитет для установления Советской власти в Персии. В обход Политбюро. Тут же Политбюро разбирает вопрос, взвешиваются все за и против, и запрещается уже почти установленная советская власть – не пришло время.

А.А. Исрапов. Я говорю, что вот тогда это вот был ошибочный революционный такой полет. И Троцкий говорил: мы будем мыть сапоги...

И.А. Анфертьев. Да. Но с другой стороны смотрите: Средняя Азия – Туркестанский фронт до 1932 г. То есть определенная гибкость существовала в интеграционных процессах. Где можно фронт держать, значит в Туркестане до 1932 г., где нет возможности – избегать всячески дополнительных...

А.А. Исрапов. Они до 1932 г. держали фронт потому...

А.И. Суздальцев. Там басмачи были.

А.А. Исрапов. Потому, что долгое время шла борьба между Сталиным и Троцким. Значит, мировая революция или революция в одной стране.

И.А. Анфертьев. Значит, здесь прозвучало, что нам не надо учиться у Запада, что они нас не принимают со времен Петра I и до него. Сталин, как никто другой, понимал это, и он не скрывал, что нам рассчитывать на поддержку Запада нельзя. Надо искать выгодные торговые отношения, но рассчитывать, что нам помогут, бесполезно. Надо опираться на собственные силы.

Когда мы говорим о проблемах индустриализации и предшествовавшей ей коллективизации, то надо учитывать этот фактор. Какие бы трагедии наша страна не переживала – вот с этой ситуацией репрессий, но если бы мы этот рывок не сделали и не создали мобилизационной экономики к началу Большой войны, Второй мировой, то выжила ли бы наша российская цивилизация – это большой вопрос.

С.М. Иванов. Этой войны могло не быть.

И.А. Анфертьев. Могло не быть. Могло. Я согласен. Однако историки изучают то, что произошло, а не то, что «могло и не быть».

С.М. Иванов. Если б не было бы Сталина, то не было бы и войны.

И.А. Анфертьев. Но случилось так, как случилось...

Вы спрашивали о «Большом терроре» 1937–1938 гг. Объяснение этому есть... я понимаю так, что уничтожалась «пятая колонна», превентивно уничтожались все, кто в случае войны мог выступить и против Сталина, и против Советской власти. Заранее были составлены списки советских граждан, в том числе и неблагонадежных членов партии, в том числе высшего партийного состава, и планомерно уничтожались. Сталин виноват в развязывании войны, но причина войны – в Версальском договоре, и без Сталина Вторая мировая война была бы развязана.

С.М. Иванов. Если не было бы Сталина, то не было бы и войны.

И.А. Анфертьев. Вы спрашивали про «Большой террор» 1937–1938 гг. Объяснение... я понимаю так, что уничтожалась пятая колонна.

А.И. Суздальцев. Коллеги, давайте так. Мы все лекции читаем. Вторая мировая война вытекает из Первой.

И.А. Анфертьев. Да, естественно.

А.И. Суздальцев. Если б не было Первой мировой войны, то не было бы большевизма. Вы же это понимаете. Это все взаимосвязано.

А.А. Исрапов. Я согласен как раз, что даже нужно идти и дальше. Вообще от британской короны, когда они делали все гадости по отношению к Российской империи. И Отечественной войны 1812 г. может быть и не было бы, если б Павел I заключил военный союз с Бонапартом, о чем должны были уже договориться. Но Павел был убит, и не без помощи английской разведки.

И.А. Анфертьев. Я еще раз хочу сказать, что я не сторонник негативных решений любых тоталитарных режимов, но я сторонник экономической интеграции. Я считаю, что за 20 лет в России упустили именно этот фактор – экономическую интеграцию. Нам надо было строить экономические связи. Не упускать имевшиеся отношения, во-первых, не разрушать их, поддерживать, всяческим способом сохранять их и развивать внутри СНГ. Мы эту ситуацию, в силу ряда причин внутреннего характера, упустили.

Упущено не только создания экономической вертикали в рамках СНГ, которую нам не удалось построить, но у нас разрушены культурные связи, которые уничтожены – и так мы и не создали взамен ничего. И были забыты соотечественники за рубежом. Как бы мы ни относились к этому процессу, и сколько бы он ни стоил в денежном отношении, но я считаю, что это очень важный фактор, который мог бы в дальнейшем, уже в более в спокойном режиме, все-таки, интеграцию – и политическую, и экономическую, внутри нашей страны и за ее пределами – в ближайших наших странах СНГ – решить.

А.А. Исрапов. Вот здесь я как раз хочу вас поддержать на счет соотечественников. Вопрос не решается. В прошлом году семья староверов из Новой Зеландии, кажется, сюда переселились. Просили и умоляли. Поселились за Уралом. Дали какой-то там собачник, да... и землю непригодную для сельхозработ. И все. Она там заросшая, там еще холод такой, эрозия. И они уже год – муж, жена, дети – землю обрабатывали. На своих плечах вынесли все тяготы. На следующий год начало

там произрастать что-то. И оттуда... Как это сейчас говорят, куча завистников деревенских пришли со словами «Понаехали!» В итоге подожгли все их хозяйство.

А.И. Суздальцев. Есть такая беда, конечно, то, что наше население, особенно в сельской местности, не воспринимает переселенцев русских из других частей бывшего Советского Союза. В этом есть нюанс некоторый. Я с этим сталкивался, когда работал в Прибалтике несколько лет. В общем-то, можно было найти контакты с местным населением, с местной элитой, которая, так сказать, еще складывается. Там еще нет, по большому счету, элиты – только две страны на постсоветском пространстве сейчас на самом деле формируют элиты – Россия и Украина, и то только на начальной стадии... Так вот с эстонцами и даже с латышами – тяжело конечно, но как-то работали. Но если мы касаемся местных русских – особенно не тех, которые там долго живут, а переселенцев, которые приехали туда в 1970–1980-е гг. ... Вы знаете, страшнее, опаснее и злее людей нет. Сам тот факт, что они вот вырвались в Европу, что вот и их шаг был правильным и т.д. Это такие наши враги, такие наши враги...

Эти тоже же не уезжают. Неграждане и т.д. Не уезжают, не возвращаются.

А.А. Исрапов. Русские, которые голосовали в 1991 г. в Прибалтике за выход из состава СССР, они сейчас и есть «неграждане» в прибалтийских республиках.

А.И. Суздальцев. Тоже украинский фактор. Они тоже, да...

С.М. Иванов. Они там растворились.

А.И. Суздальцев. Да, Украина. 20 млн русскоязычных. Паспорта какие? Украинские.

О.Г. Буховец. [Язык как фактор постсоветской интеграции/дезинтеграции]

На протяжении Нового и Новейшего времени в понимании этнодифференцирующей роли одного из основных признаков нации – языка – происходили весьма существенные изменения: и от эпохи к эпохе, и от контекста к контексту, и, тем более, от одних регионов мира – к другим.

Основной причиной таких изменений видится противоречивая качественная природа этого признака, который воспринимается как однозначно «натуральный», но, вместе с тем, является во времени и пространстве достаточно подвижным. Безусловно, в данное время проблему языка делают чрезвычайно актуальной текущие события и процессы в новых независимых государствах – наследниках СССР.

Напомним некоторые известные положения по данному предмету историков и теоретиков национального вопроса. Начиная со 2-ой половины XX в., исследователи, принадлежащие как к конструктивистской (наиболее широко распространенной в мире науки), так и к инструменталистской парадигмам нациеведения, стали отводить языку далеко не столь значимую роль как та, которая приписывалась ему в предшествующий период. В частности, если взять наиболее известную и признанную в современном мире типологию признаков нации Э. Смита, то в ней язык как таковой вообще не присутствует. Он всего лишь «упакован» в признаке, который Смит формулирует как «один из более дифференцирующих элементов культуры».

Однако, как это бывало и ранее, в случае возникновения новых государств их «строители» редко проявляют склонность руководствоваться в своей работе выкладками «высокой теории» национализма. Они, как правило, предпочитают действовать методом «проб и ошибок». В конце XX в. случаев таких оказалось гораздо больше, нежели в его начале: в Европе и Евразии на развалинах 3-х социалистических федераций – СССР, Чехословакии и Югославии – возникло 23 новых государства. И их властными элитами (равно как и контрэлитами) язык вновь воспринимается как наиболее ценная субстанция нации.

Если взять государства постсоветские (они в общей сложности составляют 2/3 всей совокупности новых независимых государств), то, в соответствии с «вмененной» языку управляющими элитами ролью фактически основного нациеобразующего признака, их населению надлежало перейти на употребление языков титульных народов этих государств. И переход такой, как мыслилось, должен был занять

непродолжительное время – 5, от силы 10 лет. Для обоснования столь сжатых сроков чаще всего ссылались (да и поныне продолжают ссылаться) на исторический опыт «коренизации», проводившейся большевистским руководством в национальных республиках СССР в 1920-е гг.

Однако ссылки на советский опыт в данном случае совершенно не корректны. Во-первых, в ходе осуществления политики «коренизации» и, в частности, таких ее вариантов как «белорусизация» и «украинизация», неграмотному на тот момент (или, в лучшем случае, малограмотному) белорусскому и украинскому населению нужно было, в рамках культурной революции, дать поначалу *элементарное* образование. А поскольку население это разговаривало на различных диалектах белорусского и украинского языков (которые к тому времени уже близки были к завершению процесса литературного нормирования), то решение задачи «коренизации» сводилось именно к обучению на *родных* языках – белорусском и украинском. Далее, нельзя забывать и то, что скорость процессов «белорусизации» и «украинизации» в 1920-е гг. вряд ли была бы столь высокой, если бы ими не управлял такой жесткий политический режим как большевистский. И этот же режим, увидев, что «коренизация» стимулирует процессы национального возрождения в советских республиках, и, опасаясь, что в дальнейшем это может создать угрозу для монополии ВКП (б) на власть, быстро «прикрывает» ее. Вслед за чем в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в БССР, УССР и других советских республиках началась кампания по борьбе с «буржуазным национализмом» и прошли репрессии, затронувшие многие тысячи партийных и советских работников, деятелей культуры и рядовых советских граждан.

Совершенно другой случай – постсоветские общества. К концу советской эпохи стало вполне очевидным, что наибольшие успехи советский модернизационный проект имел именно в образовательной сфере. В наследство от СССР новым независимым государствам досталось население, получившее в подавляющем своем большинстве общее и специальное среднее образование. Более того, *массовой* категорией населения стали уже и те, кто получил высшее образование.

И вот это население, уже имевшее среднее, среднее специальное и высшее образование на русском языке, должно было, в соответствии с установками культурной политики в новосозданных государствах, перейти на употребление других языков. Причем, те, кто тогда полагал и ныне продолжает настаивать, что это нетрудно осуществить, впадают, вольно или невольно, в серьезное заблуждение: *неграмотного обучить гораздо легче, чем переучить грамотного*. Тем более, что последний, в соответствии с демократическим духом времени и представлениями о своем месте в современном мире, воспринимает использование того или иного привычного для него языка как *суверенное право личности*.

Более чем 20-летний опыт существования новых независимых государств свидетельствует о том, что массовое сознание их населения чрезвычайно чувствительно к тому, насколько власти предрержащие считаются с таким суверенным правом. В тех странах, где оно властями игнорируется, фактор языка и культуры начинает играть сильную дестабилизирующую роль, ставя под угрозу саму их территориальную целостность и даже приводя к сепаратизму тех или иных частей территорий этих государств. Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Гагаузия – убедительное тому подтверждение.

А самые свежие и масштабные примеры тех роковых последствий, которые повлекла за собой недалёковидная политизация роли языка в новых постсоветских государствах, только что дала Украина. Через день после произошедшего там 22 февраля 2014 г. государственного переворота, Верховная Рада (основательно «прополотая» к тому времени Майданом) прекратила действие принятого ею в 2012 г. закона о региональных языках.

Это сразу же вызвало настолько массовый протест в стране и за ее пределами (и даже в ЕС), что назначенный Радой И.О. Президента Украины А. Турчинов вынужден был спешно заявить, что не подпишет данное постановление парламента. Однако примирительные заявления новых властей, дабы хоть как-то успокоить немного русскоязычное население, своей цели определенно не достигли. Последнее, памятуя о неизменном

курсе украинского национализма на ограничение и вытеснение из страны русского языка и культуры, этой власти просто не верит.

Нынешний острейший политический и экономический кризис на Украине еще весьма и весьма далек от разрешения. И, как представляется, он в ближайшем будущем сумеет нанести непоправимый ущерб украинской государственности.

Увы, на примере этой страны нам в очередной раз придется убедиться, что национал-радикализм у власти – отнюдь не «государствосберегающая» сила...

О.Д. Абрамова. [Проблема интеллектуальной собственности в странах Евразийского экономического союза]

Хотелось бы остановиться еще на одной проблеме развития евразийской интеграции – конкурентоспособности национальных экономик стран Таможенного Союза и ЕЭП, их инновационному развитию, основанному на использовании результатов интеллектуальной собственности.

В настоящее время развитые страны получают 83,3% доходов от совокупного объема внешней торговли результатами интеллектуальной собственности (в том числе США – 51%).

Суммарная доля трех стран Таможенного Союза в доходах от роялти и в лицензионных платежах в мировом объеме составляет ничтожно малую величину – всего 0,4%, а доля России – 0,3%. Совокупная доля государств–членов ТС и ЕЭП в мировом высокотехнологичном экспорте составляет всего 0,47%. Доходы от продажи результатов интеллектуальной собственности на душу населения в России в 28 раз меньше, чем в США.

Пути выхода из сложившихся критических ситуаций видятся в разработке долгосрочных научно-технологической, инновационной и интеллектуальной политик стран Евразийского Экономического Союза, призванных обеспечить укрепление собственной научно-изобретательской базы, поддержку отечественных научных открытий, изобретений и других объектов интеллектуальной собственности для повышения конкурентоспособности отечественной продукции

и повышения доли стран интеграционного объединения на мировом рынке технологий и высокотехнологичной продукции.

В качестве первоочередных мер представляется необходимым:

- завершить процесс формирования и гармонизации договорно-правовой Евразийского Экономического Союза в сфере охраны, защиты и использования интеллектуальной собственности, обеспечивающей оптимальный баланс между национальными и интеграционными интересами в контексте требований Всемирной организации интеллектуальной собственности и ВТО (ТРИПС – Соглашения о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности);

- определить стратегические приоритеты, выработать общие позиции по сферам интеграционной деятельности в области промышленной собственности, авторских и смежных прав, регистрации научных открытий, коммерциализации и использования результатов интеллектуальной деятельности;

- сформировать наднациональный институт регулирования интеллектуальной собственности и определить формы его взаимодействия с национальными институтами;

- выработать эффективные механизмы охраны, защиты и использования интеллектуальной собственности государств-членов Евразийского Экономического Союза;

- обеспечить необходимую кадровую и информационную среду для эффективного функционирования объектов интеллектуальной собственности;

- выработать общую долгосрочную стратегию развития и использования интеллектуальной собственности, обеспечивающую повышение технологического уровня, эффективности и конкурентоспособности;

Сложившийся уровень национальной конкурентоспособности государств – членов Евразийского Экономического Союза может быть существенно повышен за счет принятия Концепции и Стратегии в сфере охраны, защиты и использования прав интеллектуальной собственности. Данный тезис становится все более актуальным в контексте усиления политического и экономического давления против России и стран интеграционного объединения.

Без разработки и рационального функционирования стратегии в области интеллектуальной собственности невозможно полное и эффективное использование интеллектуального потенциала – важнейшего ресурса развития государств-членов Евразийского Экономического Союза.

Д.И. Люкшин. [Современное Евразийство не может быть идеей – это способ организации российского быта]

Пошел уже третий десяток лет с момента распада Советского Союза, а вопрос о перспективах его восстановления в той или иной форме по-прежнему остается в повестке дня на политических и интеллектуальных площадках, формируя дискурс постсоветского, используемый для описания современных процессов, разворачивающихся в Восточной Европе и Азии.

Хотя текущая геополитическая группировка исключает возможность реинкарнации СССР, его призрак мобилизуется глобальными и национальными элитами, выступая основой как социального шантажа, так и политической утопии. При этом, перебрав версии единого экономического комплекса, славянского братства и т.п. эксперты постсоветского пространства усматривают обоснование перспектив новой интеграции в идее евроазиатского культурного единства, воплощением которого объявляется Российская империя и – через посредство СССР – РФ.

Как человек, имевший некоторое отношение к продвижению дискурса неоевразийства в постсоветское интеллектуальное пространство, могу сказать, что современное Евразийство не идея – это эрзац-слоган, призванный замаскировать отсутствие фундаментальной идеи государственного строительства в России или, точнее сказать – обозначить ее необходимость. Его появлению в 2001 г. мы обязаны отчаянному стремлению послеельцинской элиты генерировать позитивную идею, способную сыграть роль интегратора для расползающейся после 1996 г. социальной фактуры новейшей России.

Энергичное истощение мобилизационного потенциала антисоветского и антикоммунистического дискурсов – возгонка которых сделала возможной мирный исход путча 1991 г. –

после принятия Конституции 1993 г. сдерживалось разве что легендарной харизмой Бориса Николаевича, которой тогда тоже – прямо скажем – на всех уже не хватало. Дефицит национальных святынь и позитивных гешталтов, опосредованный выгоранием символического пространства в ходе избирательной кампании 1996 г., грозил если не началом гражданской войны (ее более или менее успешно сублимировала Чеченская кампания), то энтропией социума, способность которого к регенерации социальной ткани, испытывавшей постоянные перегрузки, вызывала обоснованные сомнения.

Образованный класс, в памяти которого еще свежи были кошмарные видения допримаковских зарплат (существенное увеличение зарплат работников бюджетной сферы, проведенное после дефолта Е.М. Примаковым, позволило избежать консолидации оппозиции и формированию единого антиправительственного блока), рефлекторно перебирал попадавшиеся под руку концепты, тестируя их способность консервировать и регенерировать коммуникативную структуру социума.

Историческое схождение начала пропагандистской компании индоктринации харизмы наследника Ельцина и увлечения гумилевским дискурсом странным образом обернулось генезисом своего рода неогумилевской интеллектуальной эстетики, в рамках которой российская державность постсоветского извода утверждалась посредством наложения азиатской и европейской традиций. Очень быстро этот заход приобрел характер эпидемии, а его популяризаторы – сделались законодателями салонной моды на сюжеты прошлого.

Однако, позволяя «снять» некоторые неудобные вопросы, новейшая гипотеза евразийского симбиоза не может выступить в роли источника интегративного процесса, поскольку изначально не была соответствующим образом идеологически заряжена. На практике это означает, что даже самые добросовестные попытки ее инициализации непродуктивны, а популярные ныне «Дорожные карты» нефункциональны, поскольку даже если удастся как-то

привязать к дискурсу модернизации исходные параметры постсоветского – конечная точка неизбежно окажется за линией горизонта, вне зоны верификации.

Поэтому, не претендуя на компетентную оценку результатов интеграции, рискну, во-первых, констатировать дефицит идей у представителей постновейшего эффективного социального менеджмента – тех самых идей, которые Ницше называл храбрыми маленькими женщинами, что не отдаются мужчинам с лягушачьей кровью в жилах; а во-вторых, отметить, что являясь, по сути, способом организации структур повседневности современного российского социума, бытовое евразийство не может быть инновационной идеей, мобилизующей интегративный потенциал общества.

Что же касается оригинальных концептов эпохи еще молодого модерна, то лучше бы им там и оставаться – вместе с патефонными иголками, Шимми и Ундервудами.

Ей-ей, лучше...

Е.Г. Бразуль-Брушковский. [Постсоветское пространство и украинская независимость]

Честно скажу: то, что я буду говорить, базируется на субъективном опыте, а не на какой-то специальной базе...

Одна из фраз прозвучала по поводу искусственного создания украинской государственности. Хочется вспомнить, почему эта государственность не состоялась несколькими годами ранее...

То, что я сейчас скажу, – это то, как ситуация выглядит с точки зрения Украины, поскольку я большую часть своей жизни прожил в специфическом городе, который называется Львов.

Понятно, что украинская независимость – в XX в. во всяком случае – всегда была следствием скорее внешних событий, нежели внутренних процессов в самой Украине. Как только начинались проблемы в тех империях, в состав которых входили украинские земли, то, естественно, начинался период междувластия или безвластия в Украине, и начинались некие потуги на автономную, независимую деятельность.

Совершенно правильно тут уже говорили, что сейчас об экономической, а тем более политической, интеграции бывших

стран СНГ говорить не приходится. Для Украины тем более этот вопрос на некоторое время еще будет закрыт, потому что нужно переболеть независимостью, нужно убедиться в том, что эта независимость состоялась.

В Украине же эта независимость пока еще не очень состоялась. Тут я могу отчасти согласиться с С.Ю. Разиным, что это не столько следствие того, что происходит сейчас на Украине, сколько результат постсоветской эпохи, попытка преодоления того, что происходило в постсоветскую эпоху. Потому что, действительно, те заигрывания с национальной или националистической идеей, к которым всегда прибегали украинские лидеры накануне выборов, показывают очень четкую закономерность: каждый новый кандидат в президенты приходит с такими лозунгами, которые ориентированы в сторону России. Даже президент Ющенко, когда был еще кандидатом в президенты, публиковал в газетах проекты своих будущих указов. В частности, одним из этих проектов был проект того закона, который приняли при Януковиче – о, по крайней мере, региональном функционировании русского языка. Как только они приходят к власти, как только они становятся президентами, то вопрос о русском языке немедленно снимается.

«Чтобы у нас не дошло Майдана...» – прозвучала фраза. Ну, это очень напоминает позицию М.А. Булгакова, описанную в «Белой гвардии», поскольку он переживал все то, что происходило в Киеве. Он так прямо и говорит (буквальная цитата): «Надо было сказать немцам – нате, жрите! Вот вам мясо, вот вам масло – только защитите наших мужичков от московской болезни». Вот примерно то же самое происходит сейчас... Это же самое сознание превалирует в российском обществе. Все что угодно – только не Майдан. В общем-то, совершенно понятно почему.

Конечно, для Украины большой политической ошибкой был отказ от ядерного оружия. Это была очень большая глупость. Точно так же, как большой глупостью была сдача, согласие на объединение Германии.

А.И. Суздальцев. Как они могли оставить ядерное оружие? Это все-таки целая отрасль экономики.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Правильно! Конечно же! Как могли оставить? Украина тогда с восторгом говорила о том, что она является мирным государством. «У нас теперь только мирный атом». Это было после 1986 г. особенно забавно.

Короче говоря, пока что все, что происходит по поводу политической сферы – а мы тут в основном стараемся политическими вещами заниматься – нужно рассматривать как большой проигрыш Украины. Насколько удастся ситуацию изменить сейчас, я пока тоже не знаю. Потому что то, что сейчас происходит – это полная бесконтрольность. Фактически, никакой оппозиции нет. Если раньше нам все время по телевидению говорили, что есть лидеры оппозиции, которые все контролируют, то сегодня мы прекрасно понимаем, что они ничего не контролируют.

И когда лидерам оппозиции, извините, в морды бросают всякие предметы, то совершенно понятно, что, в общем, их никто всерьез не воспринимает.

С.М. Иванов. Они властью стали. Сейчас же оппозиция другая.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Так можно ли все это назвать властью? Ведь посмотрите, вроде бы находится Президент Янукович у власти – и в то же время его совершенно некому защитить. То есть его сдают все.

С.М. Иванов. Двоевластие.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Фактически он ничем не управляет.

С.Ю. Разин. Казацкая вольница.

С.М. Иванов. Правильно. Майдан правит.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Ну и наконец, хочу сказать, что в Украине псевдонационалистическая идея, которая насаждалась, или точнее, исповедовалась бывшими партийными бонзами и ставленниками крупного бизнеса, изжила себя.

Получится ли сейчас создать реальную идею?

Пока непонятно, на каком основании. Непонятно, потому что раздел, о котором говорят – раздел между Востоком и Западом – насколько бы он формальным ни был, но он,

конечно, имеет место быть. Просто потому, что разные территории входили в состав разных империй, и сформировался абсолютно разный менталитет. И, поэтому, когда человеку из Донецка, условно говоря, и даже из Харькова, говорят о перспективе Европы, то он боится – хотя бы потому, что в Европе нужно говорить на иностранном языке. Западная Украина этого не боится, потому что половина Западной Украины находится за границей на заработках в Греции, Испании, Португалии, Италии и прочих высокоразвитых странах.

Парадокс, по-моему, сейчас заключается в том, что выросло то поколение людей, которое не знает Советского Союза и поэтому искренне считает, что в Европе намного лучше. Потому что там другие зарплаты, потому что там есть тот элемент демократизма, к которому, все-таки, украинское общество, в целом, склонно. Пускай этот демократизм иногда выливается в псевдодемократию и такую площадную демократию, но тем не менее.

С моей точки зрения, руководить точно так же Украиной, как это получалось раньше, в дальнейшем уже не получится. Приятно то, что господин Яценюк, являющийся теперь новым премьер-министром Украины, осознает, что новое правительство – это правительство политических камикадзе. Собственно говоря, они там уже давно все являются политическими камикадзе, в том числе и Ю. Тимошенко, которая давно уже никакой харизмой не обладает.

Знаете, украинская модель правления – это модель правления В.В. Щербицкого, когда ничего не происходит в принципе. В этом на протяжении многих лет видели силу украинской политики. В частности, ходил такой анекдот по поводу того же самого Л.М. Кравчука, которого спрашивали: «Вот дождь идет. А вы не боитесь? У вас зонта нет», а он говорит: «А я так – между капельками, между капельками».

Понятно, что сегодня такая позиция – разворачиваться в ту или другую сторону: кто нам больше денег даст, с теми мы сейчас и будем, а потом деньги кончатся, и мы пойдем в другую сторону – невозможна.

Теперь я действительно обеспокоен, потому что возник вопрос по поводу Крыма, хотя в Крыму, мы все прекрасно знаем, татары не представляют никакой монолитности – они там тоже очень разные...

А.А. Исрапов. Ну, их можно организовать. Как это обычно и делают. «Арабская весна» тому пример.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. По поводу ислама то же самое было.

Идея была такая, когда американцы полезли в Ирак, все подумали, что сейчас начнется Третья мировая война, что сейчас весь исламский мир поднимется на защиту Ирака. А исламский мир встал в сторонке и сказал: «А мы сейчас подождем. Кто победит – с теми дружить будем». То есть очень прагматичный подход на самом деле. Так вот я надеюсь, что из этого всего выльется нечто, будем надеяться, без гражданской войны, конечно же, и без разделения страны, потому что это на самом деле будет плохо для всех. Создать такую буферную территорию, из-за которой снова будут возникать какие-то неприятности...

Раньше у российских и других политиков хватало смелости говорить о том, что независимая Украина – это интересно всем. Сейчас снова за пределами Украины находятся те политические силы, которые руководят процессом. Вот когда будет самостоятельная украинская политика, когда возникнут, сформируются и созреют силы...

Боюсь, что и Майдан пока что ничем поможет.

А.И. Суздальцев. Неужели на Украине всерьез рассматривался вариант оставления ядерного оружия на территории Украины?

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Да.

А.И. Суздальцев. Без техники, без технологий, без сырья, без полигонов, без своего производства?

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Вы совершенно правы. Поэтому самые разумные, рационально мыслящие люди сказали: «Давайте лучше отдадим».

А.И. Суздальцев. Это было невозможно.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Потому что Украина неспособна экономически содержать ядерное оружие.

А.И. Суздальцев. Я был участником этого процесса...

А.А. Исрапов. «ТУ-160» – эти стратегические самолеты – Украина потребовала оставить у себя. Мы оставили часть самолетов. И что дальше? Стояли эти самолеты, стояли десятки лет, и они не знали, что с ними делать.

А.И. Суздальцев. Если по-вашему, то у Украины были какие-то амбиции великодержавные. Что, украинское руководство всерьез обсуждало вопрос оставления ядерного оружия?

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Нет. Украинское руководство не имеет тенденции обсуждать. В принципе, в этом смысле украинское руководство немного похоже на российское руководство – как решили, так и будет. Но речь шла о...

А.И. Суздальцев. Неужели и сейчас Украина мечтает о ядерном оружии?

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Сейчас нет. А откуда его взять?

А.И. Суздальцев. Вы понимаете, что там 4 энергоблока, и они могут взорвать их сейчас?

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Ни ЕС, ни НАТО, ни США в отдельности не такие самоубийцы, которые готовы были бы поставить ядерное оружие. Разместить свои ракеты – это другое дело. Это было бы, наверное, интересно. Но это уже отдельный разговор и пока не сегодняшнего дня тоже.

А.И. Суздальцев. Не знаю. Как я уже сказал, я только что приехал с круглого стола в РИА «Новости», в котором принимали участие киевские эксперты. У них подход чисто иждивенческий. Мы обязаны признать и т.д. и т.п.

А.А. Исрапов. Они и на телевизионных передачах точно так же себя ведут.

А.И. Суздальцев. Но я им сказал – давайте так: вы только что избрали правительство – процедура избрания была ошибкой. Правительство не легитимно. Причем чисто украинский подход: США и Евросоюз признали – и вы должны признать. Для нас США и ЕС – это не показатель. Я понимаю, что для них, если США признали, то это все.

Вот у них такой нюанс возникает сразу... Хорошо, та же технология в Симферополе. Та же технология. Те же меры – захват и т.д. т.п. Это ваша ошибка. Крымское правительство не легитимно. В итоге мы им сказали очень просто: «Ваше отношение к референдуму в Крыму равносильно нашему признанию вашей власти».

Ю.П. Литвин (*студент ИГУМОиИТ*). У меня возникло несколько вопросов. Вообще сам вопрос о том, что мы – Россия и постсоветские страны – 20 лет (даже уже больше) боролись как могли за выживание... Не поторопились ли мы вообще с этими попытками интеграции? Не является ли они популизмом?

С.М. Иванов. Ну, в свое время В.В. Путин сказал, что проект СНГ скорее мертв, чем жив.

Действительно, он был пропагандистский на первых порах. Ну а уже где-то в последнее время приобрел реальный характер, потому что дальше уже разваливаться нельзя, и сама экономика обязала лидеров сохранить общее пространство. То есть будем говорить так, что сначала шли процессы: получите суверенитета столько, сколько можно (это было и в РФ, и в СНГ), а в последние годы и элиты, и предприниматели, и олигархи все-таки нашли взаимовыгодные проекты – и эти проекты связали это пространство. Так еще по Марксу было: экономика – основа всех отношений. Если появился экономический интерес, он создает базу для всего последующего сотрудничества.

Поэтому сейчас вот объективно процессы... Я скажу, что больше – дезинтеграция и интеграция... Да, какие-то уходят, но какие-то приходят.

С.Ю. Разин. Это кто, например?

С.М. Иванов. Я имею в виду Казахстан, Беларусь, Армению, Киргизию. Думаю, что они не последние. Но вот в военно-технической области есть определенный интерес у Узбекистана и Таджикистана. Это не значит, что во всех областях, но в каких-то они проявляют интерес и к России, и к российским предприятиям. Интеграционные процессы идут, иногда минуя элиту, минуя олигархов.

Вот, кстати, я Ираном занимался. Тоже говорю: «У Ирана санкции. Почему бы нам не воспользоваться и не реализовать с ним какие-то взаимовыгодные проекты?». Мне отвечают: «Нашим олигархам Иран не интересен. Кремлю Иран не интересен». Вот примерно так же по отношению к нашим государствам СНГ. Но жизнь заставляет – интеграция, сотрудничество. Никуда мы не денемся. Мы обречены жить вместе, жить рядом и взаимодействовать. Если не будут верхи, то люди будут все равно взаимодействовать. Будет приграничная торговля, будет взаимопроникновение культур и экономик. Будут ездить. Мы никуда не денемся от этого.

А тем более многие русские остались там. Это тоже наша пятая колонна, которую мы не используем. Но они там играют свою роль и объективно, рано или поздно, все равно мы будем на едином экономическом пространстве.

Ю.П. Литвин (*студент ИГУМОиИТ*). Мы все время выжидали и играли на разочарованиях народов в их правительствах: так сыграли с Ющенко – и пришел к власти Янукович, подобное произошло в Грузии – и наши отношения улучшились. Не является ли подобная позиция, на самом деле, положительной для России?

А.А. Исрапов. После каждого руководителя мы улучшали отношения?

С.Ю. Разин. Нет. Вопрос: вот выжидательная позиция, которую всегда Россия занимает – это хорошо для России или плохо?

А.А. Исрапов. Где нужно, мы опаздываем.

Люди же говорят: «Ну почему Путин молчит? Почему мы там не проявляем волю?». Мы это можем понимать, когда бывают результаты. Руководство выдержало этот навал Запада в том плане, что стали проявлять твердость во внешней политике. Отстаивать национальные интересы государства.

А что касается Украины, то думаю, что мы должны были проявить настойчивость раньше – когда Янукович сказал, что да, второй русский язык... а потом как-то это все еле-еле приняли... Вот тогда надо было дипломатично, по-деловому, принимать какие-то меры в работе, во взаимоотношениях с Януковичем. А сегодня, конечно, лезть на бочку нам сейчас –

если не будет именно таких вызовов из Киева, от Запада – не стоит. Надо сейчас посмотреть, как помогать Крыму. И на самом деле, с кем там разговаривать? Ну, сказал Президент, что нужно дать финансовую помощь и гуманитарную Крыму. Это нужно обязательно сделать. Вот, сегодня в 17.00 Янукович будет выступать в Ростове. Вот что он там будет говорить? Будем ли мы иметь в виду, что он же легитимный президент? Американцы так бы и делали! Будь он хоть за Полярным кругом, но он легитимно избранный Президент и поэтому здесь вы кувыркайтесь как хотите – вы не настоящие, и поэтому любой имеет право вас вытурить.

Я еще раз подчеркиваю – мы слишком толерантны! Этим и пользуются наши противники.

И.А. Анфертьев. Вы знаете, вот опять, изучая документы Политбюро и т.д. по Украине...

Большевики могли в 1918 г. установить Советскую власть на Украине. Но до конца 1919 – начала 1920 гг. они не стремились вмешиваться в те внутренние разборки, которые там имели место. Посмотрите, менялись лидеры – Скоропадский, Петлюра, Махно, Деникин, последний даже начал возрождать помещичье землевладение и т.д. Вот когда это все перебурило и, в конце концов, масса народная, так сказать, говорит: «Давайте ж, наконец, жить спокойно». Пришли большевики. Они это спокойствие обеспечили. Первое что они сделали – они дали указание, когда образовался Всеукраинский ревком, изъять все оружие. Освободили народ от бандитов. Спокойствие восстановилось, но что дальше произошло? Государственность Украины утратилась.

Хотя формально Украина считалась государством в рамках Советского Союза. Но нынешняя Украина отрицает или не замечает существование этой прежней государственности.

С.В. Патрушев. Для меня, как исследователя современной российской политики, ключевой вопрос обсуждения – определение цели, которую хотят, могут и преследуют российские политики, принимающие решения.

С.Ю. Разин полагает, что это – возрождение единого централизованного государства, а точнее – возрождение

империи. Однако, здесь есть две проблемы политико-исторического свойства. Во-первых, пределом развития любой империи является весь мир, империя на такое развитие, по определению, ориентирована. В этом отношении сегодня у России есть, по крайней мере, один очевидный конкурент. Во-вторых, условиями движения по этому пути являются, как полагают компетентные в вопросе специалисты, идеологическая легитимность и политическая поддержка в зонах потенциального расширения. Сущность империи, пишет, например, Майкл Манн, в наличии ядра и периферии, когда ядро подчиняет и держит в страхе периферию – военными или экономическими средствами. Мне кажется очевидным, что «постсоветское пространство» можно будет считать потенциально и тем более актуально имперским для России только в том случае, если такого рода подчинение имеет место. Как уже отмечали коллеги, достаточно посмотреть на наши отношения, скажем, с Белоруссией, чтобы более-менее адекватно оценить ситуацию. Так обстоит дело с «периферией».

А что с «ядром»? С.Ю. Разин полагает, что после распада Союза остались несостоявшиеся государства, за исключением России. Я согласен с общей оценкой: в большинстве случаев реального институционального строительства не происходило, видимо, власть имущим было проще (из-за лени или недосуга) использовать доставшиеся в наследство, так сказать, по инерции аппараты и механизмы государственного управления. Это особенно очевидно в случае Украины.

Что касается нас, то Россия, после развала советских структур в 1993 г., получив новую конституцию, вроде бы приступила к формированию новых институтов власти и государства. Остается вопросом, насколько мы преуспели в этом деле: можно ли утверждать, что мы имеем сегодня систему работающих институтов? Как учил Карл Шмитт, государство есть нормы или процедуры и больше ничего...

Если в нашем случае это, видимо, не так, то для исполнения роли ядра новой государственности и распространения имперского правопорядка на периферию было

бы неплохо для начала изменить режим ручного управления на режим автопилота. Но это задача не только властителей.

Б.Х. Алимов. [Все, кто хотел «развестись» с Россией, уже сделали это, остались только союзники]

Не состоявшиеся государства как не рожденные дети – всегда патология или трагедия. Во всех остальных случаях можно изучать опыт государственного строительства.

Вероятно, «напоминать» в данной аудитории было бы неуместным, поэтому я просто привлеку внимание коллег к общеизвестному историческому факту: вся история Империи Цинь, включая строительство Великой китайской стены, Великого канала, почтовых трактов, реформу письменности и администрации, унификацию системы мер и весов... – все это заняло 15 лет. И вот уже более 2 тыс. лет историки и политологи, экономисты и юристы, да все вообще представители гуманитарного цеха изучают опыт Цинь Шихуанди – по гамбургскому счету, опыт неудачный, но, безусловно внушающий уважение, как замыслом, так и масштабами. Тысячелетний Рейх продержался 12 лет (а если считать с 1936 г. , когда, собственно, и началось строительство корпоративного государства, то и 10 лет не наберется). Если не ходить далеко за примерами, то 20-летие СССР пришлось как раз на 1942 г. – и ни у кого не возникало вопросов относительно зрелости политического режима и эффективности государственного устройства.

Если говорить конкретно о событиях в Таджикистане после 9 сентября 1991 г. (принятие на сессии Шурои Оли Заявления и Постановления «О государственной независимости Республики Таджикистан»), то – хотя на его долю не выпало спасение мира от «коричневой чумы» или создание крупнейшей в мире системы организации принудительного труда, каким был ГУЛАГ – драматических коллизий в новейшей истории Таджикистана тоже было немало: 5-летняя гражданская война, в годы которой народы республики, при поддержке России, оказали упорное сопротивление религиозному экстремизму, оказалась тем горном, в огне которого была выкована государственная идентичность

Таджикистана, являющегося ныне полноправным членом не только ООН, но и ВТО (с декабря 2012 г.).

Поэтому, как мне кажется, уже можно без иронии говорить о государствах так называемого Ближнего зарубежья, а термин «Ближнее» трактовать не в хронологическом, а скорее в политическом смысле – как государства, чьи геополитические интересы позитивно коррелируют с интересами России. За это время все, кто хотел «развестись» с Россией, успели это сделать, сейчас среди стран, различными способами интегрированных с РФ, остались как раз те, что заинтересованы в развитии сотрудничества.

Хотел бы обратить внимание коллег также на то, что развитие сотрудничества вовсе не обязательно должно означать глубокую интеграцию или политическое слияние. Эти интеракции разворачиваются на разных полях, поэтому уповать на то, что устранение таможенных тарифов между участниками Таможенного соглашения станет шагом на пути воссоздания СССР, по меньшей мере, наивно. Как и обижаться на «неблагодарность» участников Союза или членов СНГ. Ведь в национальной политике иногда происходит смена приоритетов. Но если еще 20 – 30 лет назад любая «неприсоединившаяся» страна вынуждена была выбирать между СССР и США, фактически разделившими мир между собой, то теперь покупка, например, российских грузовиков вовсе не предполагает декларацию политической лояльности и верности – это просто «бизнес», и нет ни одной причины полагать, что партнеры РФ пожертвуют своими интересами ради российских приоритетов.

Проблема для России на самом деле в том, чтобы перестать видеть в этом унижение или предательство. Это нормально: Вы предлагаете товар на конкурентном рынке, и если покупатель предпочел не ваш, то можно делать все, что угодно, кроме обвинений в его адрес – это верное средство потерять клиента навсегда. То же самое можно сказать и о политических союзах, участие в которых определяется «злойбой дня», а не стремлением «насолить» бывшей метрополии.

На мой взгляд, настало время подумать о формате новой российской политике в Ближнем зарубежье. Поскольку

потенциал «постсоветского» близок к исчерпанию, а размеры России и ее экономическая и политическая мощь объективно создают сильное гравитационное поле для ее соседей, она, эта политика, вполне может быть более внятно сцентрирована на интересах России: союзников это уже не отпугнет, а конкуренты и без того прекрасно понимают, о чем идет речь. Большая открытость, в конечном итоге, позволяет обеспечить большую безопасность – и таким образом оптимизировать издержки.

В любом случае, говорить о странах, чья государственность взрастала на гноище разлагающейся советской империи, как о некоей исторической несообразности или эксперименте, уже поздно. 20-летний опыт суверенитета – это, объективно, билет в историю. Билет, оплаченный активным жизненным циклом целого поколения. Еще 5–10 лет – и носители советской исторической памяти окажутся такими же социальными реликвиями, как сейчас ветераны Великой Отечественной войны, например. Нет, этих, конечно, будет намного больше, но их место уже заступают люди, не имеющие советского опыта.

К тому же, в Средней Азии, к примеру, советский жизненный, а тем более социально политический стандарт имел скорее декларативно-декоративный характер. Поэтому задним числом примерять на труп советской империи кафтан идеологической монолитности и социальной унификации – дело явно неблагодарное.

А.В. Чертишев. [Россия: день сегодняшний]

Дать беспристрастную трезвую оценку состоянию и перспективам постсоветской России – занятие исключительно трудное и почти бесперспективное.

Кто же мы? Одеваемся, едим, думаем как европейцы, ну или почти как европейцы, а Европу ругаем. Хотим жить, как европейцы, а европейские общественные устои не принимаем, отвергаем, все время на кого-то обижаемся, жалуемся, кого-то клеймим, упрямо и упорно настаиваем на своей самобытности, особенности всему миру, отстаивая обычаи и ценности, которые на том же Западе давно ушли в прошлое... Давно считая себя частью локализованного мира, мы не хотим быть понятными, а

хотим быть понятыми, считая, что они хотят совершенно иного. Может быть, существует какая-то «тайна» русского бытия и сознания, которую нашим коллективным разумом необходимо разгадать как свою судьбу? Однако еще Людвиг Берне, размышляя о судьбе народов, указывал что судьба – это суфлер, считающий пьесу ровным голосом без страсти и без выражения. Свистки, крики, аплодисменты и все прочее производят люди.

Самые важные, на наш взгляд, вопросы, на которые мы должны попытаться ответить, но особого рвения не испытываем, это: «Какую Россию мы имеем?» и «Куда Россия собирается двигаться?» Создается впечатление, что наша страна вновь что-то новое и важное затевает, что она куда-то «засобиралась». При этом представления об этом «куда-то» у каждого свои и объединяет их исключительно туманность и несбыточность. Хотя еще Луций Анней Сенека предупреждал, что когда человек не знает, к какой пристани он держит путь, для него ни один ветер не будет попутным... Представляется, что выбору пути мешают и многие укоренившиеся при прошлом режиме амбиции, стремление толкать историю в спину. Игры в державность, лозунг «Россия – вперед!» – из этого же ряда. Если это стремление к возрождению империи, власти над миром, гегемонии в нем, то следует вспомнить мудрые слова Дэн Сяопина, который говорил, что если Китай когда-нибудь попытается доминировать в мире, тогда все народы повернутся против нас.

В предельно общем виде самое важное для нас – найти такую форму социального бытия страны, которая была бы адекватна ее природно-климатическим условиям, культурно-историческим традициям и особенностям национального характера. Для этого нет нужды кого-то догонять и перегонять, изобретать квазисовременные доктрины. Достаточно просто сохранять отзывчивость к всемирным новациям, которая исторически всегда была присуща нам, критично оценить и осмысленно использовать опыт как других цивилизаций и культур, так и свой собственный, вычлняя все лучшее. При этом первостепенной важности становится проблема возможности и умения сосредоточиться на себе, жить своим

умом, строить такой уклад и образ жизни, который был бы достоин наших представлений о достойной жизни.

И последнее. Не будем забывать, что российская история приучила нас к выживанию, «жизни к катастрофе». Как метко подметил поэт Игорь Губерман, «С рожденья тягостно раздвоен я, / Мечусь из крайности в конец, / Родная мать моя – гармония, / А диссонанс – родной отец»...

В России много беспокойных душ, которых тревожит будущее страны. Но странное у нас все-таки общество. С одной стороны, вроде бы все патриоты – и за Родину-мать полезут хоть на врага, хоть на кого или на что угодно. С другой – когда хвалишь своих, тут же попадаешь под яростный огонь критики, критики жесткой и даже жестокой и обидной. При этом зачастую речь идет об одних и тех же людях. С третьей – часть наших сограждан стыдливо предпочитает называть себя восточноевропейцами, а не русскими, для других постыдным считается слово «россияне», они только русские, а все остальные «чурки», «азеры», «зверьки», «узкоглазые»...

И здесь следует вести речь о духовном единстве страны, именно о единстве, а не о единообразии, одинаковости. Будь сам духовным, чтобы за тобой потянулись. Понятие «духовные скрепы», на наш взгляд, менее всего отражает существо этого процесса, ибо, когда дело касается духовного, вряд ли есть необходимость что-то куда-то вбивать и искусственно скреплять.

В противном случае, пресловутая лодка, которую все призывают не раскачивать, начнет весело черпать воду обоими бортами. И будет уже не важно, кто качнул сильнее.

П.П. Марченя. [«Свои» и «чужие»: кризис идентичности власти и шанс его преодоления]

Ну, Сергей Юрьевич [Разин] начинал, а я завершаю. Это уже у нас почти традиция по круглым столам.

Я тоже как редактор нашего проекта хочу выразить искреннюю благодарность всем, кто выступил – даже с теми тезисами, с которыми мы, например, категорически не согласны. Но, тем не менее, все равно спасибо. Хотя, в частности, я никак не могу принять точку зрения, что Финляндия и Туркмения наравне с русскими строили

Российскую империю и Советский Союз, что мы не являемся преемниками Российской империи, что советский опыт интеграции только вреден и т.д. Но не будем сейчас об этом.

Мы опасались, что в связи с текущими событиями этот наш круглый стол окажется посвящен исключительно Украине. Однако об Украине сегодня было сказано сравнительно немного. И в связи с этим позвольте процитировать обращенные к нам слова жителя современной Украины. Когда мы звали сюда, «к столу», наших коллег, братьев с Украины, один из них, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения информационной деятельности Национальной металлургической академии Украины (г. Днепропетровск) А.В. Михайлюк прислал письмо (25 февраля 2014 г.), которое он разрешил нам зачитать на круглом столе:

А.В. Михайлюк. [Пока только февраль, а будет еще и октябрь]

«Спасибо за предложение участвовать в круглом столе. Но мне это вряд ли удастся. Во-первых, я не большой специалист по современной тематике (историк – провидец, предсказывающий назад, как писал Гегель). Во-вторых, для нас эта тема особенно болезненна. Население, по крайней мере, Юго-Востока Украины, просто в шоке. Ситуация крайне тяжелая, и ее истоки, конечно, не в сегодняшнем дне. Конечно, это связано с политикой России на постсоветском пространстве (или, может быть, вернее сказать, ее отсутствии). Русскоязычное и русскокультурное население в очередной раз ощущает себя брошенным. К тому же, пока только февраль, а все говорит о том, что будет еще и октябрь. Все под масками, информации крайне много, при этом ее крайне не хватает. У меня есть определенные впечатления и рефлексии, но их можно рассматривать лишь как чисто субъективные, их трудно назвать пока научным анализом. И вообще, как бы не пришлось просить политического убежища. С уважением, Александр Михайлюк».

П.П. Марченя. По-моему, оговорка нашего украинского коллеги о прямой связи сложившейся тяжелой

ситуации «с политикой России на постсоветском пространстве (или, может быть, вернее сказать, ее отсутствии)» и ощущении «брошенности» русскоязычного и русскокультурного населения Украины является лучшим ответом на сегодняшний вопрос (студента Ю.П. Литвина – *прим. ред.*) о том, зачем России вообще политика на постсоветском пространстве, не торопимся ли мы с «попытками интеграции» и не выгоднее ли нам продолжать занимать выжидательную позицию.

Можно долго еще об этом говорить, но сказать лучше будет трудно.

Однако я сегодня заглядывал еще на новостные ленты... Цитируется там и «свежий» доклад Государственного департамента США о правах человека и их нарушениях, где опять в очередной раз утверждается, насколько у нас, в России, за предыдущий год ситуация в этом вопросе якобы стала хуже. В том числе говорится и об Украине, где тоже, дескать, ранее «были проблемы»... Но дальше... Дальше Украина приводится нам в пример, в том смысле, что вот как раз украинские парламентарии – они, в отличие от наших, оказывается, «сумели сделать выводы» из нарушений прав человека, они сделали «правильные шаги», сместили Президента, проводят «конституционную реформу», приступили к строительству «правильной», наконец, «системы демократических противовесов» и т.д. и т.п. Это, конечно, по мнению аналитиков Госдепа, только «первые шаги», но они позволяют Украине «с уверенностью смотреть в будущее».

Вот сравните две цитаты. Крик о помощи русско-украинского профессора Михайлюка и самодовольные поучения американских чиновников. К вопросу о том, что американское присутствие – это миф... Долго комментировать не буду, мне кажется, само по себе сопоставление этих двух цитат очень многое за себя говорит.

Я историк и не хочу лезть в политику. Проект наш, в общем-то, исторический. Мы с С.Ю. Разиным даже думали, а нужен ли второй стол по проблемам постсоветского пространства в сложившейся ситуации, не получится ли, что мы будем говорить не о корнях и исторических причинах, а о злобе дня и политической конъюнктуре. Решили, как уже

сегодня было сказано: что выросло, то выросло. Посмотрим, что получится. Кроме того, как сотрудник Министерства внутренних дел России я не имею права публично высказываться о действиях наших органов власти и должностных лиц, о политических партиях, об общественных объединениях... Попробуйте, скажите о сложившейся сегодня на постсоветском пространстве ситуации что-нибудь, чтобы не давать оценок всему вышеперечисленному. То есть мне опять остается только уйти в цитаты. Простите за самоцитирование (и здесь я еще раз адресуюсь, в том числе, и к студенту Ю.П. Литвину, но для нас постсоветская реинтеграция – это восстановление смысла. Это не вопрос о насилии, это не экономический вопрос – это вопрос о восстановлении смысла.

У истории есть своя логика. Мы, нравится кому-то это или нет, являемся наследниками Империи – может быть пока, «на сегодня», не самой успешной и удачной, но тем не менее... Сейчас реальное присутствие России в этом вопросе – это вопрос реального выживания наших людей. Всплывают эти вот архаичные вещи: «свой–чужие». И своих необходимо защищать против чужих. Другое дело, что вот сейчас мы не можем войти напрямую в этот процесс, потому что вы понимаете – это война. Может быть даже, это последняя война. Хотя, возможно, так и получится... Но пока это преждевременно...

Я хочу сказать, что мы сильны-то, все-таки, не столько землей, сколько людьми. И нуждаемся не столько в земле, сколько в людях. Хоть и сказал уважаемый Андрей Иванович [Суздальцев], что мы только на четверти территории живем. Но даже эта наша обитаемая четверть территории больше, чем любое другое государство в мире.

Не земля нам нужна, а наши люди – те, кто считает нас своими... Русские... Опять к вопросу о том, использовать это слово или нет... Конечно, да. Для меня такого вопроса не стоит. Человек, который говорит по-русски, думает на русском, живет интересами России – это русский.

Соответственно, для этих людей мы сейчас, собственно говоря, последняя надежда – и тут вот: «а не торопимся ли мы»... Сейчас, может быть, идут последние дни вот этой вот

бифуркации, когда еще можно повернуть развитие ситуации к тому или иному варианту, более или менее приемлемому, и хотя бы выбрать меньшее из зол. Для России, мне кажется, настал самый критичный момент за всю постсоветскую историю. Это не Югославия – это Украина. И речь сегодня идет об идентификации самой власти, о выборе вообще: а она-то, власть – своя или чужая? Потому что если сейчас власть не проявит себя к этим своим людям как своя, то, в принципе, она на этом кончится не только на Украине.

Извините, что я говорю «на» [Украине]. Для меня проще говорить «на», и неизвестно, через некоторое время как мы опять будем говорить. Потому что и орфография у нас оказалась зависима от политики.

Так вот, сейчас решается не только их, наших людей на Украине, будущее, но и наше будущее, будущее России, будущее всего «Русского мира». Впервые за постсоветскую историю Россия сегодня может сделать реальные шаги по прекращению затянувшейся «Русской смуты», по преодолению кризиса идентичности народа и власти. Власти выпал исторический шанс стать «своей» для «своих», вернуться к себе, найти себя... – восстановить, наконец, смысл собственной истории... – и время покажет, сумеет ли власть этим шансом распорядиться.

Опять, когда мы говорили на прошлом столе, что вопрос не о насилии, а о возвращении смысла... Я вынужден сейчас дополнить – и о насилии тоже. Потому что для того чтобы предотвратить насилие, необходимо государственно-минимальное насилие. Сколько раз уже в XX в. мы наступали на эти грабли: не применяли вовремя минимум оправданного насилия – и получали в результате его неоправданный максимум. Николай II... Временное правительство... Горбачев... Янукович... Ведь были у них ресурсы, чтобы «хранить пространство»...

В этом смысле, конечно, наш голос может быть и очень маленький и тихий, но это капля в чаше. И может быть, эта капля имеет не только статистическое значение. И тогда, как я все-таки надеюсь, в этом нашем «столе» есть смысл. Простите, если кого-то я обидел...

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Павел Петрович, мне очень понравилась ваша фраза по поводу обретения смысла. И вот, поскольку здесь собрались рациональные взрослые люди, то я прошу не со мной согласиться, а просто понять, что точно так же для значительной части Украины обретение смысла состоит в том, чтобы обрести независимость.

Как для России возможно обретение смысла – это обрести себя как великую Россию, так и для значительной части Украины вот это тоже – вопрос смысла.

П.П. Марченя. Может быть, я неправильно расставил акценты... Тогда хочу немного уточнить лично свое мнение.

Я не политик. Я дилетант в политике. Я не хочу говорить о политике. Я говорю сейчас как историк. И я не говорю о том, что мы сейчас должны войти на Украину и сказать: «Вы субъект Федерации. Забудьте о том, что вы там какие-то незалежные. Все. Всем стоять, строиться».

Речь идет о том, что там много тех, кто нам является своими. Это наши люди. Мы должны дать им возможность почувствовать себя под защитой России. Это русская культура, это русские люди – даже если они там татары или еще кто-то (не суть важно). Те из них, кто захочет получить такую поддержку, должны иметь возможность приехать в Россию.

Сейчас кажется, это экономически неподъемно, это ужасно... У нас сегодня опять много об экономике говорили... Опять перевес идет не в сторону смыслов, а в сторону экономики. Но есть вообще проблема выживания – выживания России как цивилизации, и если мы сейчас русских на Украине кинем на то, чтобы они с бандеровцами разбирались сами, то мы не просто их отдадим, мы вообще сами лишаем себя будущего.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Если сейчас будет принято решение об упрощенном предоставлении гражданства России гражданам Украины, тем, кто там проживает... Мы можем сейчас спровоцировать гражданскую войну в Украине – не военными методами, а просто предоставив возможность на территории Украины консульским организациям организовать выдачу российских паспортов.

П.П. Марченя. Хотя бы так, да. Это, я считаю, нужно было сделать еще вчера.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Сегодня это будет гражданская война. Вчера – да.

С.Ю. Разин. А вы думаете, что она уже не идет?

П.П. Марченя. Вот те, кто сейчас забаррикадировался в своих квартирах и бояться за свои семьи – им что? Ждать, что за них решат во Львове?

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Да во Львове давным-давно ничего решают.

П.П. Марченя. Ну так, в конце концов, надо дать им возможность, в таком случае, вернуться в Россию.

С.Ю. Разин. Вот что сейчас делать нашим михайлюкам и другим? Что им сейчас делать?

П.П. Марченя. Да, что ему делать сейчас? Ведь это вот реальный голос. Это мы не сфабриковали...

С.Ю. Разин. Сидеть и ждать, пока его вытащат на Майдан и прикуют цепью.

П.П. Марченя. Это не националист – ни русский, ни украинский – никакой. Это обычный профессор – наш с вами коллега. Это не политическая элита, но ведь тоже элита, и тоже голос народа. Сейчас его судьба решается. А мы будем ждать, пока ему не сломают дверь, не изнасилуют его жену и не перебьют его детей?

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Я думаю, что это, конечно, немножко преувеличение.

П.П. Марченя. Да какое уж там преувеличение!

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Павел Петрович, другое дело, что вот тем, кто приедут... Но на территории Украины выдавать паспорта – это другое дело. Понимаете, вот здесь маленький нюанс. Приехал в Россию – и тогда – да, пожалуйста. На основании политического беженства, еще чего-то. Но на территории Украины...

П.П. Марченя. Я об этом и говорил. Да.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Но на территории Украины, или как сейчас говорят, там где-то на территории Крыма тоже якобы выдают русские паспорта.

С.М. Иванов. Как в Абхазии.

П.П. Марченя. Я именно об этом говорил. Чтобы они имели возможность выбора.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Это другое дело. Я думаю тут, как раз, вот западная часть поддержит.

А.А. Исрапов. Я хочу сказать, что украинская элита – они ж тоже с двойными паспортами...

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Да, только они зарубежные.

А.А. Исрапов. Они получают в посольстве США и ничего. И никто ничего не говорит...

И.А. Анфертьев. Дорогие друзья! Сегодня вы были в гостях у Российского общества историков-архивистов, которое существует с 1990 г.

Оно еще при Советской власти было создано. Печатный орган нашего общества – журнал «Вестник архивиста» – существует с 1991 г. Это ВАКовский журнал. Три сетевых электронных журнала – они указаны на обложке журнала.

Я являюсь участником проекта, в рамках которого мы сегодня собрались, с самого начала, с первого дня его существования. Член редакционной коллегии сборников проекта и т.д.

П.П. Марченя. Всех четырех сборников.

И.А. Анфертьев. Да, 2010⁴, 2011⁵, 2012⁶ и 2014⁷ гг.

У нашего проекта большое будущее, как показали и сегодняшние напряженные и острые дискуссии. На разных площадках в прежнее время мы заседали. Впервые сегодня собрались на базе Российского общества историков-архивистов.

Я думаю, что наше сотрудничество продолжится.

Библиография

¹ Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» // Новый исторический вестник. – 2013. – № 3 (37). – С. 98–147. (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/Postsov1.pdf>).

² *Marchenya P., Razin S.* International Round Table “Russia and the Post-Soviet Space: Problems and Prospects” (Moscow, 2013) // Новый исторический вестник. – 2014. – № 1 (39). – С. 104–118 (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/post-sov.pdf>).

³ Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы – 2. – М.: Соционет, 2016. – 59 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/post2.pdf>

⁴ Народ и власть в российской смуте. – М., 2010. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 1) (URL:<http://isras.ru/files/File/Publication/Narodivlast.pdf>).

⁵ Крестьянство и власть в истории России XX века. – М., 2011. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 2) (URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf).

⁶ Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. – М., 2012. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 3) (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.3.pdf>).

⁷ Сталинизм и крестьянство. – М., 2014. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 4) (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.4.pdf>).

**ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ
И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ
ДУХОВНОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ:
материалы межведомственного круглого стола**

*Подготовили к публикации: **Аблеев С.Р., Марченя П.П.***

Авторский коллектив: **С.Р. Аблеев, А.А. Васечко,
Н.В. Галанина, А.Л. Золкин, С.И. Кузьминская,
П.П. Марченя, Н.Ф. Медушевская, А.В. Митин,
С.В. Михалев, В.В. Неганов, С.Ю. Разин,
Н.В. Стрелкова, Т.Н. Фролова, А.В. Чертищев,
Г.В. Шашурина, К.С. Щелоков**

При кафедре философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя уже давно и постоянно действует научно-теоретический семинар «Современная философия: актуальные идеи и тенденции», с результатами работы которого научная общественность может познакомиться, в частности, по материалам ставших за последние пять лет регулярными сборников научных трудов «Философские исследования и современность» (выпуски 2012¹, 2013², 2014³, 2015⁴, 2016⁵ гг.).

В апреле 2016 г. в рамках этого семинара состоялся «круглый стол» на тему «Общественное сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России».

В центре внимания участников дискуссии, в которой приняли участие 16 ученых, находились проблемы осмысления места и роли морального и правового общественного сознания в системе традиционных этических координат отечественной культуры и философии как факторов, определяющих сохранение духовного суверенитета России в современных условиях

обострения идеологического и геополитического противостояния цивилизаций.

Ниже вниманию читателей журнала представлена сокращенная версия записи этой дискуссии (материалы были представлены в электронном издании⁶, **в печатном издании публикуются впервые**).

Материалы подготовлены к публикации коллективом авторов кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (**С.Р. Аблеев**, начальник кафедры, доктор философских наук, доцент; **А.А. Васечко**, преподаватель кафедры, кандидат юридических наук; **Н.В. Галанина**, доцент кафедры, кандидат философских наук; **А.Л. Золкин**, профессор кафедры, доктор философских наук, доцент; **П.П. Марченя**, заместитель начальника кафедры, кандидат исторических наук, доцент; **Н.Ф. Медушевская**, профессор кафедры, доктор юридических наук, доцент; **А.В. Митин**, доцент кафедры, кандидат философских наук; **С.В. Михалев**, старший преподаватель кафедры, кандидат философских наук; **В.В. Неганов**, старший преподаватель кафедры, кандидат философских наук; **Н.В. Стрелкова**, заместитель начальника кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **Т.Н. Фролова**, доцент кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **А.В. Чергищев**, профессор кафедры, доктор исторических наук, доцент; **Г.В. Шашурина**, доцент кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **К.С. Щелоков**, преподаватель кафедры, кандидат юридических наук) с участием специалистов других вузов (**С.И. Кузьминская**, доцент центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат филологических наук; **С.Ю. Разин**, проректор по воспитательной работе и связям с общественностью Московского экономического института).

С.Р. Аблеев. [Моральные истоки правосознания]

Уважаемые коллеги! Сегодня в рамках нашего уже ставшего традиционным семинара мы проводим заседание «круглого стола» на исключительно актуальную тему.

В настоящее время, когда битва за умы и души, за массы и массовое сознание становится решающим фактором в защите исконного права страны на выбор собственного пути развития, проблема защиты духовного суверенитета России стоит, возможно, как никогда остро. И одним из наиболее важных факторов духовного суверенитета государства и общества является общественное правовое сознание.

В европейской философской традиции сознание правовое было всегда тесно связано с сознанием моральным. Как правило, правовое поведение выступает своеобразной разновидностью морального поведения, так как предполагает почтительное отношение не только к юридическому, но и к нравственному закону. Справедливые нормы права возникают как социальное отражение искомой этической справедливости, подкрепленной и реализуемой силой государственной машины. В русской философии права моральные основания правосознания порой приобретают даже более существенное значение, чем в европейской или американской ментальности. Не случайно в российском мировосприятии этический концепт «Правда» на протяжении многих веков доминирует над правовым концептом «Закон».

Таким образом, тесная связь морали и права существует не только в отвлеченных теоретических исследованиях философов или правоведов, но и в массовом сознании. Совершенно очевидно, что нравственная деформация массового сознания в культурном пространстве постсоветских республик в течение последнего десятилетия XX в. породила целый шлейф негативных правовых последствий. Одним из самых разрушительных из них явился масштабный кризис правосознания со всеми вытекающими из него социальными проблемами: пренебрежением к правам человека, ростом преступности, распространением правового нигилизма и угрожающего неуважения к закону как со стороны общества, так и со стороны представителей власти.

В этих условиях укрепление общественного правосознания должно проводиться в системе морально-нравственных координат. Уровень правосознания есть прямая социокультурная функция этического состояния общества.

Разрушение моральных основ личности и нравственных устоев социальной системы будет неизбежно порождать углубление кризиса правосознания. Этот процесс невозможно остановить только нормотворческой или правоохранительной деятельностью. Поэтому отладка механизмов правового принуждения (то есть полицейская функция государства) должна сопровождаться укреплением морально-нравственного здоровья гражданина и общества в целом. Эта задача предполагает серьезное переосмысление этической картины мира современной цивилизации, которая, очевидно, уже мало соответствует стремительному ритму политических, экономических, культурных и экологических трансформаций.

Среди множества конкурирующих этических концепций и программ выделяется концепция так называемой синергийной этики, развивающаяся в русле нового евразийского философского гнозиса XIX–XXI вв. На наш взгляд, она имеет существенные преимущества перед влиятельными сейчас этическими программами утилитаризма, прагматизма и философии постмодерна.

Эти преимущества позволяют использовать философскую программу синергийной этики в самых различных сферах общественной жизни, в том числе для противодействия правовому нигилизму и укрепления правосознания.

Н.Ф. Медушевская. [Особенности российского правового сознания]

Мне также хотелось бы остановиться на правовом сознании, его особенностях и отличиях от западного, поскольку в настоящее время инновационное развитие России наталкивается на трудности не только социально-экономического, но и правового характера. Российское правовое сознание неоднозначно воспринимает те западные правовые заимствования, которые ориентированы на личную ответственность, индивидуализм, самостоятельность, правовую дисциплинированность, гражданское общество. Наша правовая культура глубоко традиционна, она пронизана идеями, идущими из глубины веков, находится под влиянием правового менталитета с такими чертами, как аполитичность, монархизм,

осторожность к чужим культурным обычаям, пассивность и др. Внепрактический подход к праву не способствует его восприятию как самостоятельного экзистенциального духовного феномена. Теоцентризм и эсхатологизм общественного сознания способствовали формированию несбыточных надежд и мечтаний о рае на Земле. С этим связана легенда о Граде Китеже, скрытом под озером, в которой отражается мессианский настрой народной молвы и православного самосознания, претензии на особость и утопизм общественного сознания (и правосознания, в частности), поиски Царства, основанного на Правде.

Традиционализм есть показатель высокого уровня цивилизационной устойчивости социума, но одновременно он говорит о низкой восприимчивости к любым, в том числе и позитивным заимствованиям, к числу которых относится уважение к закону, строгое соблюдение норм правопорядка, правовая дисциплинированность, личная ответственность и активность в гражданской жизни. В России правовые традиции не сочетались с правами личности, ее правосубъектностью, что способствовало развитию склонности возмещать недостаточность позитивного анализа реальности утопическими идеями и моральными поучениями.

Н.В. Стрелкова. [Право и свобода в России]

Нельзя не согласиться с выступлением профессора Н.Ф. Медушевской. Хотелось бы в этой связи добавить, что в России право долгое время рассматривалось как дополнение нравственности, средство насилия и принуждения. Право становилось не мерой свободы, а наоборот, выражением несвободы и государственного произвола.

Одновременно следует отметить, что правовые традиции выполняют функцию обоснования правовой культуры, что делает полнокровной и оправданной общественную и правовую жизнь. Правовые традиции обосновывают ценностное отношение к правовой жизни, когда рефлексия права способствует становлению правового сознания как предпосылки цивилизованного государства. Одной из важнейших ценностей права является свобода, но в России она понимается как формальная свобода, вольность. В советский период она

трансформировалась в мечту трудящихся о будущем «Царстве Свободы», куда они попадут путем борьбы и отказа от материальных благ. А уже в постсоветский период появляется и понимание свободы как свободы от закона и обязательств по отношению к обществу, государству – и подчас самому себе.

Но следует помнить, что свобода не вытекает из исторического бытия нашей страны. Еще И.А. Ильин предупреждал, что свобода – это не «удобство жизни», а тяжкая обязанность, до которой надо подняться и суметь ее вынести, преодолев в себе стремление ко вседозволенности. Свободе надо научиться, воспитать себя в ней и самоактуализироваться.

С.В. Михалев. [Индивидуализм и соборность в системе цивилизационных ценностей]

Хотелось бы выделить еще один важнейший момент в цивилизационном духовно-нравственном становлении российского общества.

Традиционной ценностью западного человека является индивидуализм, собственно говоря, он соотносится с либеральными началами европейской жизни, которыми так гордится постиндустриальное общество западного типа. Для отечественного же общественного сознания индивидуализм не только не является ценностью первого порядка, напротив, он рассматривается как отрицательный, побочный продукт западного общества. В России индивидуализму и эгоизму противостоит соборность как одна из наиболее характерных ментальных установок, на которой базируется общинная психология народа и коллективистская культура.

Славянофилы мироустройство основывали на соборности общинного духа. Защищая идеалы общины, они были яркими противниками западного индивидуализма, считая, что для соборного образа жизни свобода коренится в общине, и в ней человек не покинут и не одинок. С.Л. Франк отмечает, что только благодаря соборности «Я» обретает свою истинную свободу и самобытность. К сожалению, глубинное понятие соборности оказалось не понято народом, а единение «Я» в «Мы» на основе любви к Богу трансформировалось в любовь к лидеру, партии, главе государства. Наше уязвимое место – слабость, пассивность нравственной личности, поэтому еще

К.Д. Кавелин прямо указывал на необходимость выработки теории «личной самодеятельности и воли».

Россиянам следует подняться до истинно нравственной свободной личности путем формирования индивидуальной ответственности, самостоятельности и гражданской культуры.

П.П. Марченя. [Миф о русском правовом нигилизме как инструмент информационно-психологической войны]

В продолжение темы русского правового сознания я бы обратил внимание коллег на необходимость осторожнее пользоваться самим термином «правовой нигилизм», когда речь идет об исторически обусловленных особенностях общественного сознания целого народа, культуры, цивилизации.

В истории реально не существует никаких «правонигилистичных» народов (в случае если уж они имеют собственные государственность и право) – есть лишь народы, которым пытаются навязать чужую, исторически чуждую им «правовую реальность». Нигилизм (в том числе «правовой») по отношению к чужеродным искусственным изменениям цивилизационных констант является проявлением здорового правосознания. Именуемый «правовым нигилизмом» негативизм массового сознания является функциональным проявлением механизма самозащиты исторически конкретной цивилизации – а наличие такого негативизма по отношению к неправому и неправомерному свидетельствует как раз о том, что национальное правовое чувство живо.

Сам миф о «правовом нигилизме» как якобы устойчивой характеристике русского народа, его культуры и истории основан на нигилистичном отношении культурных агентов одной цивилизации к ценностям цивилизации другой. Употребление термина «правовой нигилизм» в таком контексте является аксиологической проблемой цивилизационной идентичности и одним из ее критериев, и служит одним из значимых инструментов в современной информационно-психологической войне цивилизаций. «Элитарное» отрицание права собственного народа на свое, отличное от народов иных, правовое сознание, само по себе является худшей формой культурного и исторического нигилизма – и несет в себе не только неспособность подобных «элит» на какие-либо серьезные

политико-правовые «инновации», но и опасность для реального суверенитета России – как духовного, так и всякого другого.

С.Ю. Разин. [«Правовой нигилизм» и правовой дуализм как факторы Русской революции]

Я хотел бы принять от П.П. Марченя эстафету и сказать несколько слов о так называемом «правовом нигилизме» россиян. Представление о низком уровне правосознания и правовой культуры большинства населения России – это один из самых устойчивых западнцентристских мифов, на протяжении десятилетий существующих и в общественном сознании, и в историографии. Такая позиция предполагает существование некоего универсального, всемирного, общеловеческого права, единого правового сознания и единой правовой культуры, которые отрицаются «темными» и «отсталыми» народами. В качестве лидера и эталона для подражания в данном случае рассматривается западная цивилизация и сложившиеся в ее недрах позитивное право и либеральная правовая культура. При этом отрицается сама возможность существования иного права и иной правовой культуры.

История государства и права революционной России не укладывается в прокрустово ложе данной схемы. Своеобразным проявлением социокультурного раскола, являвшегося определяющей чертой всей новейшей истории России, стал дуализм отечественной правовой системы начала XX в. «Верхи» и «низы» общества существовали в разных правовых пространствах. Для первых таким пространством являлось позитивное право, для вторых – крестьянское обычное право. В этом контексте следует иначе подходить к рассмотрению феномена «правового нигилизма» и рассматривать его не как отрицание права вообще, а как отрицание чужого для крестьянского культурного архетипа позитивного права. Эпоха Русской революции стала временем, когда в масштабах Империи под лозунгом «революционного правотворчества снизу» было практически реализовано крестьянское обычное право.

Сошлюсь здесь на мнение видного деятеля кадетской партии А.С. Изгоева, писавшего о том, что в 1917 г. победило общинное право, которое, опираясь на миллионы вооруженных крестьян в серых шинелях, стремилось раздвинуть границы

общины до пределов всей Империи. Тем самым были насильственно устранены носители чужого права, преодолен правовой дуализм и восстановлено правовое единство нации.

А.А. Васечко. [Роль правовой культуры в реализации норм права]

С темой правового сознания в контексте проблем духовного суверенитета России теснейшим образом связана и тема правовой культуры нашего общества.

Одним из важнейших показателей эффективности права является его реализация в практической сфере. Действие правовых норм не ограничивается только нормативной составляющей; правовые нормы, понимаемые в широком смысле как все то, что порождает право в любом его виде, взаимодействуют с другими неюридическими элементами правовой системы. Для того чтобы быть способными регулировать общественные отношения и оправдывать свое нормативное предназначение, нормы права должны быть выработаны в соответствующей культурной среде или, по крайней мере, быть восприняты ей как свои собственные, и в итоге утвердиться в сознании индивида, общества.

Культура в данном случае рассматривается в самом широком смысле как совокупность таких элементов, как экономика, государство, право, обычай, нравственность, мораль, религия, язык, наука, философия, идеология... Правовая культура представляет собой характеристику идейно-правового состояния общества, дает качественную оценку всех социальных институтов общества. По большей части она определяется историческими, социальными, национальными, духовными особенностями общества, его самобытностью.

В этой связи принято говорить о двух полярных культурных традициях – западной и восточной, в качестве самостоятельной правовой культуры выделяют также мусульманскую. Их взаимодействие и диалог возможны при выполнении ряда условий: равенства культур, их взаимного уважения, признания права на существование отличий в каждой культуре, признании правового и культурного плюрализма.

Это особо актуально для России как многонационального и многоконфессионального государства и

ряда стран Западной Европы (Нидерланды, Франция и др.). Игнорировать эти объективные условия означает намеренно создавать конфликтные ситуации.

При этом необходимо понимать, что состояние правовой культуры не является неизменным, а ее изменение возможно с помощью саморазвития, посредством иных правовых положений и идей, через контакт с другими правовыми культурами. Подтверждением тому служит масса положительных результатов такого диалога, в том числе и в праве (рецепция права).

А.В. Митин. [Патриотизм как нравственная основа жизнеспособности государства]

В развитие темы правовой культуры позвольте реплику. Социальная ценность правовой культуры заключается в том, что она является необходимым условием активной правовой политики. Правовая культура выражает не пассивно-потребительское отношение к ценностям правового характера, а активно-творческое, направленное на реализацию его интересов, которое находит свое выражение в правовой деятельности.

И особо в контексте темы нашего «круглого стола» хотелось бы выделить проблему патриотизма, его всемерного воспитания и поддержания. Вне этой темы говорить о духовном суверенитете России просто не имеет смысла. Именно патриотизм является нравственной основой жизнеспособности государства и выступает в качестве важного внутреннего мобилизующего ресурса развития общества, активной гражданской позиции личности, готовности ее к самоотверженному служению своему Отечеству. Патриотизм как социальное явление является цементирующей основой существования и развития любых наций и государственности.

Тем более актуальна эта тема для современной России.

С.И. Кузьминская. [Массовая культура как доминирующий фактор в формировании массового сознания]

Думаю, в русле проблематики этого «круглого стола» уместно будет сказать не только о культуре правовой, но и о

проблеме массовой культуры как доминирующего фактора в формировании массового сознания.

Ориентация массового сознания на западную культурную картину мира приводит к тому, что нехарактерные для русской национальной культуры мировоззренческие установки (индивидуализм, эгоцентризм, личная выгода...) становятся частью национальной ментальности, вытесняя традиционные духовные ориентиры (труд, подвиг, жертвенность, коллективизм...).

Деформация культурной картины мира начинает происходить с самого раннего детства. Под влиянием продуктов массовой культуры западного образца подрастающие поколения интенсивно впитывают псевдокультурные ценности и негативные ментальные интенции. В частности, следует отметить возрастающий интерес подростков и молодежи к инфернальной реальности. На языковом уровне эта тенденция объективируется с помощью различных лексических единиц, в том числе и заимствований (гоблины, монстры, вампиры, зомби...), которые активно используются детьми в играх и межличностной коммуникации. При этом многие кинофильмы, мультсериалы, новые направления в музыке и искусстве транслируют ложную идею о том, что Зло – это почти то же самое, что и Добро. Таким образом, в сознании подрастающего поколения происходит размывание этических и эстетических границ между добром и злом, прекрасным и безобразным, возвышенным и низменным...

Безусловно, каждая культура имеет свой определенный позитивный опыт и достижения. В том числе и западная культура. Проблема заключается в том, что массовый обыватель не стремится к объективной оценке заимствованных фрагментов чужой культуры и не проводит дифференциации между формами действительно ценными и совершенно негативными, препятствующими дальнейшему развитию общества.

Н.В. Галанина. [Российский культурно-исторический тип в условиях глобализации]

В условиях глобализирующегося пространства остро встает вопрос о культурном и цивилизационном суверенитете

России. Во всем мире сейчас происходит глубокий кризис идентичности национальных культур.

Глобалисты уже провозгласили полную «победу» международного разделения труда над национальным суверенитетом.

Антиглобалисты, по существу соглашаясь с глобалистами, оценивают данный факт отрицательно и призывают человечество перейти к противостоянию силе международного капитала, к борьбе за сохранение суверенитета, за протекционизм и за укрепление госрегулирования.

Для России вновь актуальным становится вопрос, заданный П.Я. Чаадаевым о месте России в мировой истории – и о судьбе русского народа. Глядя на себя, мы все чаще спрашиваем: не потеряли ли мы свою идентичность, что мы представляем собой, каков наш путь и жива ли еще душа нашей культуры? Надо непрерывно и организованно искать и поддерживать свою идентичность в глобализирующемся мире.

Учение о культурно-исторических типах, заложенное Н.Я. Данилевским, требует, как показала современная история, дальнейшего развития. Конкретный культурно-исторический тип российской культуры еще жив, присущий только нам менталитет еще выделяется, делаются попытки на государственном уровне искать объединяющую нас идею и развивать патриотизм, следовательно, мы еще боремся за свою уникальность и ищем пути слияния с миром... – но в рамках своего неповторимого культурного бытия.

А.Л. Золкин. [Кризис Запада и цивилизационный суверенитет России]

Традиционная для русской философии полемика славянофилов и западников в настоящее время претерпела существенные изменения. Если прежде речь шла лишь о проблеме самоопределения России по отношению к Западу как к лидеру мирового развития, то в настоящее время следует говорить уже об обосновании и оформлении культурной альтернативы западному цивилизационному универсализму.

События последних лет показали, что западная цивилизация вступила в период глубокого кризиса. Скоро исполнится сто лет с момента выхода произведения

О. Шпенглера «Закат Запада» (в России известного как «Закат Европы»). Несмотря на то, что за это время Запад пережил множество кризисов, в настоящее время возникает ощущение того, что высказанные в этой книге прогнозы начинают сбываться. Запад теряет право на определение общего смысла перспектив развития человечества. Впрочем, не исключено, что это право теряет Европа, а глубинные тенденции «Запада» в будущем может реализовывать иной субъект. Европа уже превращается в локальную культуру, которая тихо ропщет время от времени по поводу универсализма «Нового Запада», воплощенного в США и Великобритании.

В этой перспективе становится очевидным, что государственный суверенитет России должен быть расширен до цивилизационного суверенитета, который предполагает определенную картину всего мирового порядка. В настоящее время на повестке дня стоит проблема построения многополярного мира. После этого можно говорить о пути к новому планетарному единству человечества через процесс диалога культур и цивилизаций.

А.В. Чертишев. [Двойное сознание русской интеллигенции]

Говоря о роли общественного сознания и отечественной интеллектуальной традиции в связи с проблемами духовного суверенитета России, было бы неправильно обойти тему некоторых особенностей сознания русской интеллигенции, прямо и косвенно влияющих на указанные процессы.

Как известно, само слово интеллигенция происходит от латинского слова *intellegere* (*inter* и *legere*), что значит «читать между, среди, промеж» – то есть за видимым буквенным знаком слова распознавать его внутренние смыслы. Родственными значениями этого концепта следует считать понятия «познавать», «разуметь», «постигать», «понимать», «сознавать», «различать», «замечать»... На всем бытии русской интеллигенции лежит отпечаток всепроникающей раздвоенности, или, по мнению В. Кормера, принцип двойного сознания, который был заимствован им из произведения «1984» Дж. Оруэлла, где содержание этого принципа раскрывается в трех лозунгах победившей партии: «Мир – это война»; «Свобода

– это рабство»; «Любовь – это ненависть». На этом же построен весь сюжет романа: люди и знают, и не знают правды. Двойное сознание русской интеллигенции – это такое состояние ее сознания, для которого принципом стал двойственный, взаимопротиворечивый, сочетающий взаимоисключающие начала этос (обожествление народа и высокомерие к нему), принципом стала опровергающая сама себя система оценок текущих событий, истории, социума (ненависть к власти и лакейство).

На наш взгляд, в основе такой раздвоенности лежит драма, возникающая в результате невозможности сделать окончательный выбор не потеряв своего лица, выбор между своей программой личности и творца («идеальный интеллигент»), с одной стороны, и программой интеллигента как частицы социума («социальный интеллигент») – с другой.

Парные оппозиции, применимые к русской интеллигенции, находящейся в бинарной системе координат российской действительности, как нельзя лучше характеризуют такое ее состояние (культ высокого слова – культ высокого деяния; служение истине – служение людям; свобода воли и мысли – моральные обязательства; фундаментальная критика – социальная ответственность; новации и творчество – традиции и каноны; самопознание и самореализация – познание другого и для других; общечеловеческие ценности – партикулярные ценности; ойкуменическое гражданство – патриотизм (этатизм); избранничество (элитаризм) – народолюбие (эгалитаризм); либерально-персоналистская ориентация – демократическая и социалистическая ориентация... и т.д.

Г.В. Шашурина. [Духовный суверенитет как высшая ступень суверенитета]

Несколько слов о самом термине «духовный суверенитет» и связанных с ним терминах.

В самом широком смысле лежащее в основе современного международного права понятие суверенитета относится к политической области и понимается как независимость отдельно взятого государства прежде всего в правовом отношении. И обеспечивается он прежде всего

созданием системы внутренней и внешней безопасности страны. На современном этапе одной из важнейших является проблема выживания человечества, связанная с решением огромного множества подпроблем, решение которых и можно обозначить понятием «безопасность». Государственная безопасность должна обеспечивать предупреждение и ограждение его от опасностей, ему угрожающих, а также сохранение стабильности существования этого государства; это процесс, развертывающийся во времени и пространстве. Внутренняя безопасность России, как и всякого другого суверенного государства, в своей основе обеспечивает соблюдение прав человека (не только декларативно, но и по существу), сочетание стабильности и динамики, обеспечение развития в соответствии с существующими законами и соблюдение интересов большинства своих граждан.

Высшей ступенью утверждения суверенитета страны при современном уровне развития цивилизации является духовный суверенитет, в основе которого лежат ценности, разделяемые и уважаемые большинством общества. Борьба за духовный суверенитет России, ее традиционные ценности и уникальную культуру, мораль и нравственность становится сегодня борьбой за выживание и будущее нашей Родины.

Это требует прежде всего внутреннего переосмысления каждым человеком своих жизненных установок, а также совместных усилий и борьбы общества и государства за духовно-нравственное возрождение российского народа, что невозможно без использования исторического опыта отечественных философских традиций, дающих ключ к решению огромного количества проблем.

Т.Н. Фролова. [О толерантности по-русски]

Важнейшей составляющей суверенитета России как самобытной страны является духовный суверенитет, опора на ее традиционные ценности, культуру, мораль и нравственность, на духовную общность многонационального народа России. В то же время обеспечение гражданского согласия в полиэтничном и поликонфессиональном социуме невозможно без толерантности.

Понятие «толерантность», воспевавшееся западным обществом долгое время, сегодня воспринимается многими как

символ краха политики мультикультурализма. Но стоит ли действительно отказываться от принципа терпимости и понимания «другого» по обычаям, верованиям, языку?

Не умаляя проблем межнационального и межконфессионального согласия в современном российском обществе, все-таки можно сказать, что у России есть положительный опыт многовекового совместного проживания разных народов. Во-первых, этноконфессиональное разнообразие России несравнимо богаче, чем в европейских странах. При этом сохранение такого многообразия всегда учитывалось в национальной политике страны. Во-вторых, само понимание русского слова «терпимость», лежащее в основе отношения «русских» к иным общностям, с западным понятием толерантности не совпадает. По В. Далю оно означает терпеливое, милосердное, снисходительное отношение к другим культурам.

Фундаментальное различие в этих подходах заключается в отношении к антагонистическим инородным взглядам, угрожающим самому существованию базовой культуры. Абсолютное смирение и отказ от сопротивления агрессии чуждого мировоззрения, характерные для западного принципа толерантности, в корне отличны от принципа терпимости, характерного для русской культуры.

В.В. Неганов. [Цивилизационный выбор России]

Тема нашего «круглого стола» связана с сегодняшним обострением актуальности проблемы цивилизационного выбора России. Кризис современной западной цивилизации проявляется все ярче.

С одной стороны – агрессивная пропаганда «общечеловеческих» либеральных ценностей, где при помощи двойных стандартов и манипуляций сознанием защита прав меньшинств приводит к ущемлению прав большинства. С другой стороны – все более заметную роль в европейском обществе начинает играть близкий к сектантству религиозный фундаментализм. Экономический кризис, релятивизм нравственности, неконтролируемые миграционные потоки, постоянно разжигаемые вооруженные конфликты, а также страх перед угрозой терроризма ставит западную цивилизацию перед

выбором из этих двух крайностей. Европа уже никогда не будет прежней, какой бы выбор она не сделала. Что же ожидает Россию, как неотъемлемую часть мировой и, том числе, европейской цивилизации?

На мой взгляд, чтобы не оказаться вынужденными выбирать из двух равновеликих зол меньшее, людям-носителям русской культуры следует идти путем Добра. Добро, понимаемое как абсолютная духовная ценность, основанная на христианском идеале справедливости как Высшей Правды и человека как образа и подобия Божия, способно стать подлинным основанием цивилизационного выбора своего будущего. Именно такой выбор позволял России в прошлом преодолевать смуты и самые страшные бедствия. И в современной ситуации следование традиционным для русской культуры духовным ценностям может позволить избежать человеконенавистнических теорий, базирующихся на манипуляциях сознанием людей, потакании их низменным страстям, невежеству и эгоизму.

Признание за человеком высокого духовного достоинства и высших идеалов служения семье, Родине, человечеству и Богу способно стать прочным основанием для цивилизационного выбора России.

К.С. Щелоков. [Консервативная мысль и формирование устойчивого общественного организма в России]

В заключение разрешите несколько слов о роли консервативной мысли для формирования устойчивого общественного организма в России – как основе ее суверенитета.

Каскад революционных событий, дестабилизаций общественно-политической жизни, зачастую сопровождающихся изменениями государственного строя, интервенциями, затронувшими многие страны Европы, Ближнего Востока и Северной Африки, свидетельствует о серьезном кризисе мирового порядка. Со всей очевидностью становится ясно, что в новых исторических условиях устойчивым может оставаться лишь государство с гармоничным взаимодействием государства и общества.

Анализ логики развития различных сфер общественной жизни России в начале XXI в. убедительно свидетельствует, что

исчерпан позитивный потенциал либеральной идеи, развернутой у нас после крушения Советского Союза. Отсутствие консенсуса между элитой и остальным обществом приводит к возрастанию социальной напряженности и снижает устойчивость общественного развития. Вместе с тем следует признать, что явно нереализуемыми являются попытки повторения социалистического сценария развития России. Именно поэтому важнейшей задачей является поиск альтернативного пути, который мог бы привести к достижению социального согласия, снижению напряженности между обществом и государством, конструктивного взаимодействия всех структур гражданского общества.

Эта цель диктует необходимость обращения к потенциалу русской консервативной мысли. Безусловно, историческая жизнестойкость России обусловлена прочным исторически выработанным традиционным консенсусом, сложившимся на основе консервативной идеи. В нынешних условиях реализация российской консервативной модели взаимоотношения государства и общества, когда различные общественные институты берут на себя многие государствосберегающие функции, как никогда необходима и оправдана.

Библиография

- ¹ Философские исследования и современность: Вып. 1. М., 2012.
- ² Философские исследования и современность: Вып. 2. М., 2013.
- ³ Философские исследования и современность: Вып. 3. М., 2014.
- ⁴ Философские исследования и современность: Вып. 4. М., 2015.
- ⁵ Философские исследования и современность: Вып. 5. М., 2016.
- ⁶ Общественное правовое сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России. М.: Соционет, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/ops.pdf>.

КРИЗИС КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

материалы межведомственного круглого стола

*Подготовили к публикации: **Аблеев С.Р., Марченя П.П.***

**Авторский коллектив: С.Р. Аблеев, П.П. Марченя,
А.А. Васечко, Н.В. Галанина, А.Л. Золкин,
С.И. Кузьминская, Н.Ф. Медушевская, С.В. Михалев,
В.В. Неганов, С.Ю. Разин, Н.В. Стрелкова,
А.Г. Ткаченко, Т.Н. Фролова, Г.В. Шашурина,
К.С. Щелоков**

В октябре 2016 г. в рамках постоянно действующего при кафедре философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя научно-теоретического семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции» и при участии научного проекта «Народ и власть» состоялся вневедомственный круглый стол на тему «Кризис как фактор социального развития: история и современность».

В его работе получили дальнейшее развитие дебаты состоявшегося на полгода раньше (в апреле 2016 г.) другого вневедомственного круглого стола (в рамках этого же семинара), посвященного обсуждению природы взаимосвязей общественное сознания и отечественной философской традиции в контексте проблем духовного суверенитета России¹.

В центре внимания участников новой дискуссии, в которой приняли участие 15 ученых, находились проблемы осмысления места и роли социальных кризисов в прошлом и настоящем России и мира, в том числе в системе традиционных мировоззренческих координат отечественной культуры и философии и в современных условиях обострения идеологического и геополитического противостояния цивилизаций.

Ниже вниманию читателей журнала представлена сокращенная версия записи этой дискуссии.

Материалы подготовлены к публикации коллективом авторов кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (**С.Р. Аблеев**, начальник кафедры, доктор философских наук, доцент; **А.А. Васечко**, преподаватель кафедры, кандидат юридических наук; **Н.В. Галанина**, доцент кафедры, кандидат философских наук; **А.Л. Золкин**, профессор кафедры, доктор философских наук, доцент; **П.П. Марченя**, заместитель начальника кафедры, кандидат исторических наук, доцент (автор и редактор научного проекта «Народ и власть»); **Н.Ф. Медушевская**, профессор кафедры, доктор юридических наук, доцент; **С.В. Михалев**, старший преподаватель кафедры, кандидат философских наук; **В.В. Неганов**, старший преподаватель кафедры, кандидат философских наук; **Н.В. Стрелкова**, заместитель начальника кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **А.Г. Ткаченко**, доцент кафедры, кандидат философских наук, доцент; **Т.Н. Фролова**, доцент кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **Г.В. Шашурина**, доцент кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **К.С. Щелоков**, преподаватель кафедры, кандидат юридических наук) с участием специалистов других вузов: **С.И. Кузьминская**, доцент центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат филологических наук; **С.Ю. Разин**, директор Центра организации воспитательной работы Академии труда и социальных отношений (автор и координатор научного проекта «Народ и власть»).

П.П. Марченя. [Кризисы и Россия: кризисный ритм «Русского пути» как историческая и историософская проблема современного руссиеведения]

Уважаемые коллеги! Тема сегодняшнего Стола, который мы проводим в рамках нашего традиционного семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции» и при

участии научного проекта «Народ и власть», является, без преувеличения, сверхактуальной и для России, и для всего мира. Это тем более так с учетом современного обострения идеологического и информационно-психологического противостояния цивилизаций и геополитических блоков – и все более заметного всеобщего ценностного кризиса, кризиса идентичности общества и человека.

При этом тема *кризиса, хаоса, «смутных времен»,* всевозможных *«переходных периодов»* и этапов *«великих перемен»* для России и россиеведения и вовсе является (была и, увы, остается) перманентно злободневной. Во всяком случае, для отечественной истории такие события не являются чем-то редким или, тем более, исключительным, – напротив, они повторяются с «завидной» регулярностью. Некоторые исследователи даже полагают, что в этом и состоит чуть ли не главное наше отличие от остальных цивилизаций, в этом, дескать, и вся разгадка нашей «особости» и «самобытности».

Да и отношение у нас к этому сформировалось «особое и самобытное». Если в Китае, к примеру, одна очень популярная, практически всем известная поговорка (которую и как проклятие часто используют) гласит: *«Лучше родиться собакой во времена покоя, чем человеком в период хаоса»* (ну, или, соответственно, страшное – для китайца: *«Да чтоб вы (ваши дети, внуки...) жили в эпоху перемен!..»*), то наш А.Ф. Тютчев, например, так выражает русское, прямо противоположное китайскому, видение этой же проблемы: *Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые! / Его призвали всеблагие / Как собеседника на пир. / Он их высоких зрелищ зритель, / Он в их совет допущен был – / И заживо, как небожитель, / Из чаши их бессмертье пил!..*

Как сформулировал другой отечественный пиит (А. Кривенко), и вообще: *«русского можно отличить от грека способностью войти в одну и ту же реку...».*

Можно вспомнить и строки из ставшего классикой нашего кинематографа фильма «Собачье сердце», где сводный хор домкомовцев под руководством Швондера напевает (на стихи Ю. Кима): *Суровые годы уходят / Борьбы за свободу страны; / За ними другие приходят, / Они будут тоже трудны... Увы, эта песня у нас никак не устаревает. И, пожалуй, ею можно*

иллюстрировать так называемый «кризисный ритм российской истории» практически на любом ее отрезке...

Если без иронии, то объективная необходимость именно научного осмысления повторяющихся (рецидивирующих) социальных кризисов, представляющих реальную угрозу национальной (государственной и общественной) безопасности, выступает одним (возможно, самым главным) из основных вызовов для интеллектуального класса современной России. Поэтому актуальность темы, которую мы сегодня решили обсудить, сложно переоценить.

И еще один важный, в преддверие нашей дискуссии, момент. Думаю, все согласится с тем, что, для того чтобы по-настоящему понять, «узнать» человека, даже хорошо, казалось бы, знакомого, нужно увидеть его не в состоянии повседневно стабильном, а в ситуации реального жизненного кризиса, который только и способен обнажить обычно остающиеся потайными его подлинные экзистенциальные характеристики, «струны души», если хотите. Но ведь то же самое можно сказать и о целых народах, государствах и цивилизациях. Они тоже могут быть реально познаны лишь в тяжелые исторические времена испытаний, хаоса, потерь и перемен – в ситуациях настоящего кризиса, «на грани», что называется....

В таком контексте осмысление кризиса является одной из важнейших историософских проблем вообще. Без него понимание наций, культур, цивилизаций, их места в истории человечества – просто недостижимо. В частности, и Россия непостижима вне осмысления ее в «кризисе». Поэтому «кризис» является основополагающей проблемой проективного россиеведения и, в известном смысле, выступает мерой понимания *России, Русской идеи, Русского пути, Русского мира...*

И, перед началом наших «прений», напоминая, что для обсуждения на сегодняшнем Столе предлагается следующая примерная проблематика:

- *роль и место кризисов в жизни человека и общества;*
- *социальный кризис как предмет научного осмысления;*
- *кризисный ритм истории: причины и последствия;*

– опасности и возможности критических периодов истории;

– мировой кризис и локальные кризисы: понятия и пределы;

– Россия и кризис: теория и практика российских системных кризисов;

– современный кризис в мировой и отечественной истории: тенденции и перспективы.

Будем надеяться, что эта наша дискуссия окажется небесполезной...

С.Ю. Разин. [«Смутоведение» и проект «Народ и власть»]

Уважаемые коллеги, хочу поблагодарить за приглашение, и, «на правах гостя», сказать несколько слов в развитие уже сказанного.

Мы, в соавторстве с П.П. Марченя, в рамках теоретических междисциплинарных поисков и дискуссий нашего научного проекта «Народ и власть», с самого начала исходили из того, что именно изучение кризисных явлений в развитии общества способно привести к пониманию особенностей «нашей» и «чужой» истории.

В том числе понимание природы и механизмов функционирования отечественной системы взаимодействия власти и общества становится достижимым в первую очередь при обращении к теме системных кризисов России – ее смут и революций. Мы даже попытались ввести в оборот термин «смутоведение» (в частности, в журнале «Россия и современный мир» в 2010 г. была опубликована большая обзорная статья, которая так и называлась: «"Смутоведение" как "гордиев узел" россиеведения: От империи к смуте, от смуты к..?»)².

Все круглые столы, семинары и сборники статей нашего проекта, так или иначе, посвящены проблеме социального кризиса в контексте постижения специфики взаимоотношений народа и власти России как социокультурной основы российской цивилизации (отсюда и название самого проекта – «Народ и власть»). И кстати, в 2016 г. готовится к изданию шестой выпуск (сборник научных статей и материалов круглых столов) проекта,

который будет называться «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.».

Пользуясь случаем, рады пригласить коллег принять участие в этом сборнике и в других изданиях и мероприятиях нашего проекта.

С.И. Кузьминская. [Кризис ценностных установок и ориентиров]

Сегодня в российском социальном пространстве отчетливо прослеживается кризис ценностных ориентиров и установок.

Нарастающая ориентация массового сознания на западную культурную картину мира приводит к тому, что нехарактерные для российской национальной культуры мировоззренческие установки (индивидуализм, эгоцентризм, утилитарный подход к жизни, личная выгода) становятся частью национальной ментальности, вытесняя традиционные духовные ориентиры (труд, подвиг, жертвенность, коллективизм, справедливость и др.).

Деформация культурной картины мира начинает происходить уже с самого раннего детства. Под влиянием многочисленных продуктов западной массовой культуры, подрастающее поколение интенсивно впитывает псевдокультурные ценности и негативные ментальные интенции.

Так, например, следует отметить возрастающий интерес детей и подростков к так называемой инфернальной реальности. Это происходит вовсе не случайно, ведь героями популярных в молодежной среде блокбастеров становятся вампиры и всевозможные монстры. Таким образом, многие кинофильмы, мультсериалы, литературные произведения скрытно транслируют ложную идею о том, что моральная граница между добром и злом весьма условна. Что существуют «добрые вампиры» и монстры, самозабвенно сражающиеся за людей.

Под влиянием подобной постиндустриальной мифологии в сознании подрастающего поколения происходит деформация моральных устоев, эстетических канонов прекрасного и безобразного, аксиологических ориентиров возвышенного и низменного устремления души.

Н.Ф. Медушевская. [Кризис как проблема идентичности]

В современном мире с его быстро меняющимися отношениями, с ускорением темпов социального развития, развитием постиндустриальной или, как сейчас говорят, информационной цивилизации самоидентификация человека все больше связывается с ростом его самостоятельности и ответственности в принятии решений, исходя из своих личностных программ поведения и руководствуясь свободой выбора, идеалами и целями.

Самоидентификация человека осуществляется прежде всего в повседневной жизни, когда он обретает тождественность с самим собой, субстанциальную основу личности, через активизм и самовыражение. В настоящее время в России эта проблема особенно остро проявила себя в связи с неустойчивостью и разорванностью социального бытия, девальвацией традиционных ценностных ориентиров, что вынуждает человека пересматривать разнообразные аспекты своей идентичности – аксиологический, культурно-исторический, профессиональный, статусный, образовательный, экономический, политический и т.д.

Самоидентификация индивида выражается через его Самость, термин широко использующийся в философии постмодерна, истоки которого восходят к работам К.Г. Юнга и Дж. Мида. К Самости обращаются в целях возврата утраченной целостности Я-образа, который является посредствующим звеном между внутренним духовно-душевым миром человека и спектром обстоятельств, в которые погружается человек и стремится вырваться путем самодетерминации и обретения свободного личного выбора.

Человек становится идентичным самому себе путем самоактуализации и самоутверждения через личную свободу, которая есть, по выражению Э.В. Ильенкова, «результат трудной работы самого человеческого тела внутри телесного же мира – способность, которая и рождается и развивается только его собственной активностью». Поэтому процесс достижения свободы рождает у человека чувство собственного достоинства и самооценности личности, подчас перерастая в культ крайнего

индивидуализма и эгоизма. Чем шире пространство распространения собственного влияния, тем свободнее чувствует себя индивид, тем больше гордости поднимается в его душе, тем откровеннее становится самолюбование достигнутыми успехами.

В.С. Соловьев отмечал, что особенностью человека является то, что он, как нравственное существо, обладает безусловным достоинством и безусловным правом на существование и свободное развитие своих творческих сил. Но для русского человека не свобода, а вольность оказывается адекватной формой выражения активности и своей самоидентификации. Кризис российской самоидентичности привел в XX в. к установлению авторитарного режима, легитимирующего произвол. Русский человек внутренне не свободен, отсюда его пассивность в социально-политической жизни. Ему привычнее жить в патерналистском обществе, в условиях организованного насилия, когда гражданское общество формируется сверху и выполняет прямые указания власти.

В обществе запретов, которым издавна было российское общество, не было условий для формирования правовой личности с цивилизованным пониманием свободы, а отчуждение личности от гражданско-политической жизни приводило к кризису самоидентичности и утрате своей Самости.

А.А. Васечко. [Кризис правовой культуры как вызов обществу]

К сожалению, сегодня можно однозначно сказать, что XX в. в истории России – это век глубокого духовного кризиса.

Его развитие принято связывать с такими факторами, как снижение уровня экономического развития страны, рост социальной напряженности между различными группами населения, рост уровня преступности, утрата духовных ценностей и другими. В упадочном состоянии находятся религиозная, научная, идеологическая, правовая сферы. Правовое сознание, правовое воспитание и правовая культура находятся на довольно низком уровне, что обусловлено правовой безграмотностью населения, порой запутанным процессом правотворчества, а также несоответствием нормативно-правовых

актов реальной действительности и как следствие правовым нигилизмом, отсутствием единой идеологии. Положение усугублялось мировыми, отечественными и гражданскими войнами, в которые периодически была вовлечена Россия.

Однако ошибочно связывать духовный кризис только с внутренними противоречиями внутри российского общества. В настоящее время можно говорить о проявлениях глобального кризиса, затрагивающего всю современную цивилизацию. Достаточно вспомнить явление фашизма, получившее широкое распространение в Европе и несшее отвратительную жестокость и разрушение общечеловеческих ценностей, – падение Запада было предсказано еще в начале XX в. О. Шпенглером. Ощутимо меняется внешнеполитический облик современных государств: идея примата международного права снова сменяется низменным принципом – «цель оправдывает средства».

Вслед за О. Шпенглером и А. Тойнби, и многие другие мыслители остро почувствовали угрозу новой мировой войны. Не является ли это следствием кризиса духовных и правовых ценностей?

Философский взгляд на уроки истории позволяет расценивать сложившуюся ситуацию как реакцию общества на *вызов*, посланный *свыше*, чтобы вывести его из состояния «застоя». Можно надеяться, что «закон Вызова-и-Ответа» и в этот раз сработает безотказно, что общество, утратив нечто жизненно важное, направит свою энергию на выработку свойств, возмещающих потерю, что, несомненно, положительно скажется на развитии и духовной, и правовой сферы в том числе.

Лишь бы вызов не оказался слишком суровым... А в том, что он не слаб, приходится убеждаться ежедневно.

Н.В. Галанина. [Кризис в душе и обществе]

Соглашусь с предыдущим оратором: каждая кризисная волна рождает эпоху смуты и растерянности в мыслях и чувствах людей, является вызовом, в том числе и для их внутреннего, духовного мира.

Начинается очередная переоценка былых ценностных позиций и ориентиров, не только ошибочных и опасных, но и тех, на которые можно – и нужно – опереться в зыбком кризисном состоянии. Некоторые нормы и принципы погибнут

сами, так как несут в себе пустоту и разрушение, которые природа не терпит, а ценности творческие, истинные, созидающие, неразрывные с характером и душой народа, останутся жить и процветать.

Российские либерально-рыночные эксперименты в 1990-е гг. уже достаточно убедительно показали неэффективность и пагубность копирования моделей Запада в построении социума, политики и экономики в России. Западная цивилизация старается стереть все различия между людьми и общностями. Во всем мире и в нашей стране идут процессы стандартизации, слома национальных приоритетов, всемирного упрощения.

Неизбежными следствиями подобной механизации жизни социума являются примитивизация личности, культуры, запросов. Характерные для нашего народа солидарные, общежительные отношения заменяются отношениями конфронтационными и хищническими. Уровень неравенства, существующего в современной России, – противоестественен и несправедлив, что, опять же, не свойственно нашему менталитету общинности. Вместо приоритета труда и социальной солидарности на первый план выдвинулся культ успеха любой ценой, не ограничивающий себя какими-либо моральными рамками культ победителей и равнодушие к «неудачникам».

Подобная кризисная ситуация в обществе вызывает кризис в душе и в сознании отдельной личности.

Н.В. Стрелкова. [Современный кризис как ценностный вызов]

Моя реплика – в продолжение выступлений коллег, о ценностном вызове обществу в целом и каждому отдельному человеку в частности, который бросает современная кризисная ситуация в России и мире.

Вместо чувства единения и творения общего дела, чувства заинтересованности в результатах совместных усилий, она порождает всеобщее отчуждение, чувство бесполезности и безысходности (а значит, и отсутствие активной жизненной позиции во имя достижения общих целей).

Чтобы сохранить в себе и в своей стране творческий потенциал развития, достичь естественной гармонии

экономического порядка и социальной справедливости, необходимо, чтобы общество базировалось на солидарных интересах, а не на социальных противоречиях. Самодостаточность, олицетворяющая полноту творческого, а не подражательного самосознания, протекционизм и здоровый национализм, любовь к своей Родине и народная гордость, – вот что приведет русский народ к примирению с самим собой, со своей историей, предками и потомками, частью которых мы являемся и представляем которых в настоящем.

Мы одно целое, единый дышащий и живой организм, который преодолел уже не один кризис, – и мы можем и должны адекватно ответить на вызов, брошенный эгоизмом, утилитаризмом и бездушием.

С.В. Михалев. [Кризис, идентичность и гармония в жизни человека и общества]

Коллеги, у меня короткая реплика по поводу проблемы идентичности и самоидентификации человека в контексте того ценностного вызова, которым выступает всякий социальный кризис...

Сама проблема человека (происхождение, обоснованность его бытия и т.д.) – это ключевой вопрос современного общества, история которого, в свою очередь, представляется чередой попыток разрешения социальных противоречий (кризисов). В этих условиях высказываются мнения, что многие люди утратили свои жизненные ориентиры и надежды на лучшую жизнь. Постоянные и ставшие уже неизбежными кризисные ситуации привели к разным, подчас несовместимым линиям поведения людей.

Более того, отсутствие отчетливых ценностей, образцов, норм, провозглашаемых через планы и программы самого общества, продуцирует психическую изменчивость индивидуума, его неидентичность, неподлинность, нетождественность самому себе.

И в этой связи необходимо особо подчеркнуть, что сама возможность индивида противостоять внешнему воздействию, которое оказывает на него социум, зависит прежде всего от его внутренней гармонии с самим собой.

В.В. Неганов. [Социальный кризис и нравственные ценности]

Соглашусь с тем, что всякий социальный кризис есть прежде всего ценностный, этический вызов – и что залогом достойного ответа на этот вызов служит нравственная гармония человека с собой, со своей совестью.

Более того, представляется, что одним из главных оснований духовного и нравственного кризиса современности как раз и является утрата обществом устойчивых и безотносительных критериев нравственного поведения.

В традиционном обществе их роль играли религиозные ценности. В настоящее время осуществляется активная пропаганда потребительских идеалов. Эталоном успешности и недостижимыми кумирами считаются номинанты списка “Forbs”. На место прочных духовных принципов приходят их суррогаты-заменители. Однако материальные идеалы не способны в полной мере реализовать духовные потребности человека, что, в конечном счете, ведет к нравственной дезориентированности, внутреннему конфликту личности, перерастающему в те или иные кризисные явления всего общества.

Есть ли выход из этой ситуации? На мой взгляд, в качестве критерия нравственности поведения человека могут выступать традиционные религиозные ценности. Для России таковыми являются ценности православия, что обусловлено многовековой религиозной, философской и культурной традицией.

А.Л. Золкин. [Глобальный кризис и проблема самобытности]

В дополнение к уже сказанному хотелось бы заметить, что сегодня следует различать политические и социосистемные кризисы.

Первые – порождены решениями элит, вторые – фундаментальными социотектоническими процессами. Некоторые кризисы решаются прагматически, некоторые – системно. Важно не перепутать, не устраивать революции там, где достаточно прагматизма, и не терпеть там, где требуются системные решения.

Российские «западники» всегда мыслили свою программу как стратегию присоединения к «цивилизованному» миру любой ценой во имя модернизации и развития. Условные «славянофилы» настаивали на дистанцировании от этого мира во имя стабильности. В результате, сложился промежуточный консенсус: надо присоединяться, но не любой ценой, а сохраняя самобытность. Причем это решение воспринималось как вполне справедливое и разумное, препятствуют же ему корыстные круги мировой элиты.

Индустриальная экономика нуждается в свободном пространстве. Она колониальна по своей сути, хотя присоединиться к «цивилизованному миру» можно, надеясь на то, что свободное пространство еще останется. Но сегодня такая возможность уже исчерпана. Проявлением современного кризиса служит сама глобализация как политика предельного снижения издержек через вовлечение в индустриальное производство / потребление последних остатков свободного экономического пространства.

А это значит, что кризис порождается не только прагматикой элит, но грядущим фазовым переходом. Фазовый барьер, как и любой острый системный кризис, характеризуется тем, что гомеостатические реакции систем оказываются направленными не на разрешение, но на развитие кризиса. Вместо инновационной активности растет инновационное сопротивление, вместо борьбы за связность пространства технологий усугубляется пропасть между естественными и гуманитарными научными исследованиями. Вместо уникальности культивируются самые архаичные формы идентичности. Вместо поиска новой идеи развития повсеместно возрождаются старые религиозные культы.

Таким образом, задача состоит не в том, чтобы отстаивать свою «самобытную» цивилизацию, а в том, чтобы создать сверхцивилизацию.

А.Г. Ткаченко. [Идейные источники современного мирового кризиса]

Несколько слов об идейных, идеологических источниках современного мирового кризиса.

Влияние идеологического фактора в этом контексте зачастую недооценивается. Это можно объяснить укорененностью в западном и российском сознании либеральной версии идеологии глобального прогресса. Теории глобального прогресса рассматривают мир как единое целое, развивающееся на основе универсальных (то есть одинаковых для всех стран и народов) закономерностей, среди которых определяющую роль играют закономерности экономические и научно-технический прогресс. Так как лидером экономического и научно-технологического прогресса в этих теориях признается Запад, то другие страны для того, чтобы его «догнать», должны модернизироваться, то есть воспринять западные формы организации социальной жизни и западные ценности. Экономический и технологический детерминизм в этом случае нередко связан с недооценкой роли духовной культуры в общественной жизни.

Модернизация как переход от традиционного общества к обществу современному (то есть западному) предполагает: создание основанной на частной собственности рыночной экономики; формирование на этой экономической основе индивидуалистически ориентированного гражданского общества как альтернативы корпоративно-сословной организации общества традиционного; демократизацию политической системы по западному образцу; насаждение в области духовной культуры либеральной индивидуалистической идеологии, основной ценностью которой является свобода, понимаемая в контексте радикального либерализма как вседозволенность.

Модернизация становится в данном случае отрицанием *традиции*. Либеральные ценности здесь выступают как антипод ценностей традиционных: религиозных, семейных, национальных, государственно-патриотических. По мнению радикальных либералов, религиозные, семейные или гражданские обязанности ограничивают свободу индивида. С точки зрения глобального либерализма, нация как преемственно живущий организм со своими ценностями и культурой исчезает, национальное суверенное государство становится нецелесообразным, а индивид живет по принципу: «где хорошо, там и Отечество». Поэтому индивиду выгоднее мировое

правительство, нежели национальное, а понятие суверенитета государства-нации становится главным препятствием глобализации. Таким образом, мы имеем дело с идеологией глобальной либерализации. Говорить в данном случае, например, о патриотизме не приходится.

Реализация на практике идеологии глобального либерализма приводит к разрушению транснациональными корпорациями и международными финансовыми институтами национальных экономик менее развитых стран, к стремлению установить новый униполярный мировой порядок, несовместимый с принципами демократии (под флагом которой все это проделывается) и игнорирующий нормы международного права. Это мировой порядок на основе доминирования в нем развитых западных стран во главе с США с опорой на военно-силовые методы решения политических проблем.

Идеальным средством установления подобного мирового порядка является стратегия *глобализации* как *американизации* и *вестернизации*. Основными ресурсами подобной стратегии являются мировая долларизированная финансово-спекулятивная система и система глобальной коммуникации, средств массовой информации, через которую осуществляется интенсивное насаждение западных ценностей с применением новейших информационных технологий.

Национальные культуры разрушаются через насаждение западной массовой культуры, насаждение индивидуализма и эгоизма под флагом либерализма.

Г.В. Шашурина. [К вопросу о кризисе образовательной системы]

Социальный кризис является уникальным явлением, каждый отдельный процесс имеет свои особенности и характерные черты, зависит от многих факторов, в том числе от времени, в которое он происходит.

Поскольку развитие современного общества напрямую зависит от состояния его образованности, то сегодня достаточно остро встает вопрос о кризисе образовательной системы, который имеет место во всем мире и в России в частности. Именно высшее образование является фундаментом для

подготовки профессионалов-специалистов, развития инновационных процессов во всех сферах жизни, а потому важнейшим фактором развития самого общества в целом.

Кризис в системе образования в нашей стране назрел давно, но теоретическое его осмысление относится только ко второй половине XX в. Его суть состоит в том, что существующие образовательные системы серьезно отстают от постоянно меняющихся, растущих потребностей общества.

Наиболее острыми проблемами в этом плане являются: непрерывность образовательного процесса и необходимость постоянного совершенствования своего профессионального уровня; сочетание специального и гуманитарного образования; система подготовки профессорско-преподавательского состава; вопросы связи образования с последующей профессиональной деятельностью; ранняя профессиональная ориентация обучаемых; необходимость государственного регулирования подготовки специалистов по различным отраслям деятельности, так как сегодня наблюдается переизбыток в отдельных из них и хронический недостаток в других.

Каждая из названных проблем требует серьезного осмысления и скорейшего реагирования на них с целью наиболее оптимального их разрешения. Но без преодоления кризиса в образовании невозможно представить преодоление социального кризиса в целом.

С.Р. Аблеев. [Нарастающий кризис технотронного пути развития цивилизации, проблемы техносферы и подавление сознания техносферой]

Уважаемые коллеги, соглашаясь со многими предыдущими ораторами, мне все же хотелось бы взглянуть на поставленные проблемы более широко – и обратить внимание, что современный кризис представляет собой глобальное *экзистенциальное явление*.

Экономические, политические или правовые проблемы являются лишь определенными гранями более масштабного кризиса старой модели развития земной цивилизации. Существенным элементом этой модели была и остается *техносфера*, которая по мере своего развития становится все более противоречивой и недружественной человеку. Однако

человек начинает любить технику больше, чем близкого человека или далекого Бога.

Посмотрите, в современном обществе все стремительнее нарастает восхищение, и даже поклонение технике. Простодушный обыватель нетерпеливо ожидает появления нового «супер-кроссовера» или «продвинутого смартфона», которые (как бессознательно кажется) заполнят духовный вакуум его сознания, а также решат все его физические и социальные проблемы.

Впервые человечество столкнулось не просто с интенсивным развитием техники, но с совершенно новым кризисным явлением – подавлением человеческого сознания элементами техносферы. В результате уже в XX столетии появляется прямое и открытое теоретическое обоснование *технотронного пути* развития цивилизации в *идеологии техницизма*. Смысл ее весьма прост: нас убеждают, что только технический прогресс позволит решить все насущные проблемы человечества. Таким образом, стратегическая линия развития цивилизации, по мнению техницистов и сциентистов, – это не духовная эволюция Сознания, а совершенствование порожденной им Машины.

Наш главный контраргумент против идеологии техницизма состоит в том, что духовные проблемы внутреннего мира человека, а также экзистенциальные проблемы человеческих взаимоотношений в обществе техническими средствами не решаются. Они находятся совершенно в других плоскостях – психологической и моральной. Каким образом смартфон или компьютер поможет страдающему человеку обрести утерянный смысл существования в безжалостном и несправедливом мире? Что принципиально изменится, если воры откажутся от тривиальных квартирных краж, и будут технологически прогрессивно, с помощью Интернета, снимать деньги с вашего электронного счета? Такова противоречивая диалектика научно-технического прогресса, который не устраняет проблемы человека и общества, а только трансформирует их состояние.

Оказывается, что в реальной жизни все происходит как раз наоборот, вовсе не так, как представляют себе проповедники

нового *технокульта*. На фоне стремительного развития техники человек физически слабеет, теряет психологическую устойчивость, впадает в депрессии, морально и интеллектуально деградирует. Суицидальные настроения уже становятся массовыми, а услужливые социальные сети подсказывают несчастным, как лучше свести счеты с жизнью. Такова новая реальность, с которой сталкиваются наши дети и внуки!

Либеральное технологическое общество всеобщего потребления лишает человека даже заложенного Природой инстинкта саморазмножения. Это происходит через психические вирусы *сексуального извращения* (гомосексуализма) и *социального эгоизма*. Если мы позволим этим вирусам распространиться по всей планете, земная цивилизация совсем скоро войдет в состояние катастрофического коллапса – в духовном, экономическом и демографическом смыслах.

Так в чем же состоит основная проблема современной технологической цивилизации, подчиняющей себе плоть и дух земного человечества? Прежде всего, в том, что цивилизация уклоняется от нормальной (нотетической) траектории эволюции разумной жизни. Своим крайним гедонизмом, ужасной безответственностью и беспредельным потребительством она вызывает деградацию Сознания и утверждает Машину вместо духовного разума. Эта цивилизация стремится к ложным целям и использует для их достижения ложные средства, что, в конечном счете, ведет ее к глобальному кризису.

Альтернативный путь развития земной цивилизации предполагает *ноосферные цели* и приоритетное *совершенствование человека*. Когда мы говорим о совершенствовании, то в первую очередь подразумеваем развитие духовного сознания человека во всем многообразии его эволюционно значимых качеств (этические принципы, рациональные и иррациональные познавательные способности, творчество, самодисциплина, эстетическое мировосприятие, гармония сосуществования человека с человеком и человека с природой).

Западная цивилизация входит в состояние очевидного кризиса и тащит за собой весь остальной мир, как сошедший с

рельсов паровоз прицепные вагоны. Американские аналитики говорят, что это экономический кризис, который можно устранить финансовыми и промышленными средствами. Но на самом деле это *кризис стратегии развития цивилизации*. Монетарная терапия лечения этой болезни напоминает лечение наркомана наркотиками: сегодня они помогут снять ему «ломку», но через неделю или немного позже они приведут его к неизбежной смерти. Поэтому уже сейчас необходима коррекция эволюционной цели и экзистенциальной стратегии развития земной цивилизации.

Что же представляет собой альтернативный технотронному, то есть *ноосферный путь* развития человеческой цивилизации? Прежде всего, в качестве основной цели он предполагает всестороннее *совершенствование духовной сущности человека*, которую составляет его сознание. Эволюция сознания – это духовный процесс, развивающийся исключительно в психоментальном пространстве личности и культурном пространстве общества, к которому физическое и виртуальное пространства техносферы не имеют никакого отношения. Техническая инфраструктура помогает человеку как несовершенному физическому виду жизни выживать в условиях внешней природной среды.

Но развитие такой инфраструктуры не делает вид *Homo Sapiens* более совершенным и жизнеспособным. В этом и состоит основной парадокс технотронной эволюции, который надо понять и преодолеть.

Т.Н. Фролова. [Конфликт как атрибут социальной жизни]

Проблема социального кризиса неразрывно связана с проблемами социальной стабильности и социальных конфликтов. Очевидно, что проблема стабильности в обществе представляет интерес не только для научного сообщества. Устойчивость социально-экономической и политической жизни, упрочение современного российского общества – необходимые условия выживания государства в современном мире.

Неизбежно возникают вопросы: что представляет собой конфликт в данных условиях, каковы его функции,

тождественны ли стабильность общества и неизменность социальных систем, структур, устоев?

Проблема стабильности-нестабильности общества и государства в разные времена исследовалась многими учеными и практиками. Еще Платон ставил проблему сосуществования двух противоположных сил в обществе (а значит стабильности функционирования) так: «Каково бы ни было государство, в нем всегда есть два государства, враждебных друг другу: одно государство бедных, другое – богатых». При нарушении стабильности обе силы проигрывают в развитии.

Значительное место теоретическому исследованию проблем стабильности общества и государства отводили непопулярные сегодня классики марксизма, считавшие, что в антагонистическом обществе не может быть стабильности и неизбежен взрыв, то есть социальная революция.

Сторонники бесконфликтной модели развития в середине XX в. рассматривали общество как целостное образование. Равновесие в функционировании его отдельных частей и элементов обуславливает гармоничное взаимодействие социальных институтов, чем и обеспечивают механизм бесконфликтного и стабильного развития общества. Конфликт рассматривался как случайность и аномалия, бесконфликтность – как норма, закон, стимулирующий социальное развитие. Сегодня также можно встретить взгляд на конфликт как на аномалию или частный аспект социальной жизни.

Однако большинство социологов признают, что конфликты несут не только негативную, но и положительную нагрузку, например, в ситуации, когда конфликт выступает источником инноваций и социальных перемен; когда конфликты не позволяют обществу стагнировать, создавая тем самым социальное напряжение, требующее урегулирования.

Такие, например, представители конфликтологии как Р. Дарендорф и Л. Козер рассматривали конфликт как норму социальной жизни, как естественное свойство общественных отношений. Неизбежность конфликта, по мнению ученых, является следствием неудовлетворения потребностей различных социальных групп в распределении власти, богатства, статуса и т.д.

Представители конфликтной концепции справедливо считают, что для понимания природы конфликтов необходимо выяснить природу социальных интересов и потребностей. Конфликт, по их мнению, является одним из видов социального взаимодействия людей, больших и малых групп. Он охватывает все сферы жизнедеятельности, всю совокупность социальных отношений. Так вскрываются общие причины конфликтов и пути их разрешения.

В отечественной науке проблемы стабильности исследуются в рамках системного подхода. В синергетической концепции общество исследуется как сложная самоорганизующаяся неравновесная система открытого типа, стабильность которой обеспечивается совокупностью внутренних поддерживающих механизмов. Самоорганизация рассматривается как антиэнтропийный механизм, адаптирующий общество к внешним и внутренним изменениям.

Таким образом, большей частью, конфликт и связанные с ним явления социальной нестабильности рассматриваются как объективное проявление общественного развития. Всякое общество есть система конфликтующих групп. Причиной противоборства являются властные отношения, господство одних над другими.

Функции конфликта можно дифференцировать как на деструктивные, носящие разрушительный характер, так и на положительные, конструктивные. Конфликт – не только атрибут, но и источник позитивных изменений общества.

К.С. Щелоков. [Кризис как возможность нового и надежда на лучшее]

В заключение, и в развитие предыдущего выступления, хотелось бы кратко отметить несколько тезисов.

Возможно, то, что является (считается) кризисом, на самом деле представляет собой болезненную реакцию консервативного сознания на скачкообразно меняющуюся динамику общественных отношений.

«Большое видится на расстоянии». Кризис – это поворот от одного содержания к другому, точнее – это пора, период переходного состояния, в свою очередь состоящий из нескольких этапов, которые характеризуются специфическими

противоречиями. Оценить общий итог можно лишь на некотором «историческом отдалении».

Так, кризис традиционных ценностей и системы управления в эпоху Нового времени казался современникам предвестником Апокалипсиса. На смену господства феодальных отношений, аристократических привилегий и вассалитета пришли ценности формального равенства и верховенства закона. Однако путь, который пришлось пройти, был весьма далек от плавного и позитивного эволюционного развития и сопровождался зачастую трагическими событиями. Сейчас же мало у кого возникнут сомнения, что этот путь был оправданным.

Интересно, что в китайском языке слово кризис («вэй-цзи») состоит из двух иероглифов: один означает опасность, другой – возможность... Иными словами, кризис – в отличие от катастрофы – это некое новое начало, виток развития, сопровождающийся болезненным перерождением, но и дающий надежды на лучшее...

Библиография

¹ Общественное правовое сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России. М.: Соционет, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/ops.pdf>.

² *Марченя П.П., Разин С.Ю.* «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: От империи к смуте, от смуты к..? // Россия и современный мир. 2010. № 4 (69). С. 48–65 (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/smutoved.pdf>).

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ:
материалы межведомственного круглого стола**

Подготовили к публикации: Аблеев С.Р., Марченя П.П.

**Авторский коллектив: С.Р. Аблеев, П.П. Марченя,
А.А. Васечко, Н.В. Галанина, А.Л. Золкин,
С.И. Кузьминская, Н.Ф. Медушевская, А.В. Митин,
С.В. Михалев, В.В. Неганов, С.Ю. Разин,
Н.В. Стрелкова, А.Г. Ткаченко, Т.Н. Фролова,
Г.В. Шашурина, К.С. Щелоков**

В ноябре 2016 г. в рамках постоянно действующего при кафедре философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя научно-теоретического семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции» состоялся межведомственный (с участием представителей Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Академии труда и социальных отношений и научного проекта «Народ и власть») круглый стол на тему «Цивилизационный суверенитет России: проблемы и перспективы».

На этом Столе получили дальнейшее развитие дискуссии, начатые на межведомственных круглых столах «Общественное правовое сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России» (апрель 2016 г.)¹ и «Кризис как фактор социального развития» (октябрь 2016 г.)².

Отдельные вопросы состоявшейся дискуссии также ставились уже на мероприятиях проекта «Народ и власть», в том числе в ходе работы международных круглых столов «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» (1³ 4 и

П⁵) и «Массовое сознание как фактор развития российского общества»⁶.

В центре внимания участников нового Стола, в работе которого приняли участие 16 ученых, находилась проблема сохранения и укрепления цивилизационного суверенитета России в современных условиях обострения идеологического и геополитического противостояния цивилизаций.

Ниже вниманию читателей журнала представлена сокращенная версия записи этой дискуссии.

Материалы подготовлены к публикации коллективом авторов кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (**С.Р. Аблеев**, начальник кафедры, доктор философских наук, доцент; **А.А. Васечко**, преподаватель кафедры, кандидат юридических наук; **Н.В. Галанина**, доцент кафедры, кандидат философских наук; **А.Л. Золкин**, профессор кафедры, доктор философских наук, доцент; **П.П. Марченя**, заместитель начальника кафедры, кандидат исторических наук, доцент (автор и редактор научного проекта «Народ и власть»); **Н.Ф. Медушевская**, профессор кафедры, доктор юридических наук, доцент; **А.В. Митин**, доцент кафедры, кандидат философских наук; **С.В. Михалев**, старший преподаватель кафедры, кандидат философских наук; **В.В. Неганов**, старший преподаватель кафедры, кандидат философских наук; **Н.В. Стрелкова**, заместитель начальника кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **А.Г. Ткаченко**, доцент кафедры, кандидат философских наук, доцент; **Т.Н. Фролова**, доцент кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **Г.В. Шашурина**, доцент кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **К.С. Щелоков**, преподаватель кафедры, кандидат юридических наук) с участием специалистов других вузов (ведомств): **С.И. Кузьминская**, доцент Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат филологических наук; **С.Ю. Разин**, директор Центра организации воспитательной работы Академии труда и социальных отношений (автор и координатор научного проекта «Народ и власть»).

П.П. Марченя. [Сохранение цивилизационного суверенитета России как актуальная проблема современности]

Уважаемые коллеги! Сегодняшний Стол, который мы вновь проводим в рамках семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции», продолжает дискуссии, начатые на наших предыдущих круглых столах текущего (2016) года: «Общественное правовое сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России» и «Кризис как фактор социального развития». И, в известном смысле, завершает их для этого, подходящего к концу високосного года, противоречивые итоги которого уже готовится подводить весь мир.

В ходе апрельского Стола мы уже касались темы цивилизационного суверенитета России, формулируя ее как проблему «духовного суверенитета». Представляется, что «духовный суверенитет» – это только часть (хотя, пожалуй, важнейшая часть) суверенитета «цивилизационного» в целом. Тогда в центре наших дискуссий находились проблемы осмысления места и роли морального и правового общественного сознания в системе традиционных этических координат отечественной культуры и философии как факторов, определяющих сохранение духовного суверенитета России в современных условиях обострения идеологического и геополитического противостояния цивилизаций.

На октябрьском Столе мы рассматривали проблему социального кризиса – прежде всего современного, не только российского, но и мирового, глобального кризиса, который несет и всему миру, и суверенной России не только новые вызовы и угрозы, но и открывает новые возможности и перспективы. В том числе и в контексте проблемы духовного и цивилизационного суверенитета России и других актуальных цивилизаций современного человечества, сиюминутно разрешить противоречие между глобализацией и стремлением к многополярности и мультикультурализму.

И нерешенность этого конфликта – возможно, главного конфликта нашего века – может привести к катастрофе действительно глобальной.

Представляется очевидной преемственность темы нашего сегодняшнего стола с предыдущими. Не вызывает сомнений и его актуальность. Неслучайно многими выдающимися мыслителями самых разных стран и цивилизаций будущее современного мира ставится в зависимость от России, Российской цивилизации, от того, сумеет ли она дать свой Ответ на эти Вызовы современности, сохранив свой цивилизационный суверенитет и подарив надежду сохраниться другим цивилизациям...

На обсуждение сегодня выносятся следующая *примерная* проблематика:

– *проблемы цивилизационной идентичности в современном мире;*

– *цивилизационный суверенитет России: понятие и пределы;*

– *Россия как особая цивилизация;*

– *Российская цивилизация и «многополярный» мир: идеологические основания;*

– *основные угрозы цивилизационному суверенитету России в прошлом и настоящем;*

– *информационно-психологические войны в контексте противостояния цивилизаций;*

– *проблемы соотношения «цивилизационных» и «общечеловеческих» ценностей;*

– *«самобытное» и «универсальное» в отечественной и мировой истории;*

– *традиции и новации в историческом пути России;*

– *элиты России: угрозы и надежды российской цивилизации;*

– *цивилизационная специфика системы взаимодействия власти и общества в России;*

– *Россия и постсоветское пространство: границы «Русского мира»;*

– *«русское сознание» как объект социальной безопасности;*

- «русские» и «россияне» в истории российской цивилизации: проблемы дискурса;
- «Русская идея» и глобализация;
- правовое сознание и правовой нигилизм в России: мифы и реалии;
- место православия и иных религий (конфессий) в российской цивилизации;
- либералы и консерваторы в цивилизационном выборе России;
- наследие отечественной мысли в контексте цивилизационного суверенитета России.

С.Р. Аблеев. [Российская цивилизация и Западный мир: Границы на Запад!]

В последние годы мы наблюдаем резкое нарастание дипломатической, экономической и даже военной напряженности в отношениях между Россией и Западным миром. Либералы это считают временным явлением, которое вскоре сменится не состоявшейся несколько лет назад «перезагрузкой». Вполне возможно, что при новом президенте США градус напряженности между нашими странами несколько снизится. Однако ситуация на самом деле намного сложнее, чем это кажется. Сложности в отношениях с Западом у российской цивилизации вовсе не временные, а постоянные и сущностные. История тому объективная свидетельница.

Вполне очевидно, что современная Россия никому не угрожает, не экспортирует революции и не навязывает коммунистическую идеологию. Российская Федерация вполне свободное и демократическое государство, проводящее конструктивную, взвешенную и доброжелательную к иным странам и народам внешнюю политику. Тем не менее, это не спасает Россию от всякого рода санкций, политического давления и информационной войны.

В чем причина такой странной ситуации? Надо признать, что Западный мир оказался не готов к равноправным отношениям с РФ, более того – вовсе не предполагал их, вопреки наивным иллюзиям российских либеральных реформаторов конца XX – начала XXI вв. Это вполне осознанная твердая позиция политического истеблишмента США, которую

добровольно или под политическим нажимом принимают и страны Европы.

Нам предлагают вполне определенный формат взаимоотношений. Это отношения метрополии и зависимой сырьевой колонии. Можно было бы сказать даже немного сильнее: отношения метрополии и марионеточной «банановой республики».

Но почему возникает такая несправедливая дискриминация России?

Потому, что Российская цивилизация выступает как политический или даже метафизический оппонент Запада, который недвусмысленно провозглашает идеологию многополярного и равноправного Мира. Она вступает в острое противоречие с американской политической мифологией об «*исключительной нации*», которая «*ведет весь мир по пути демократии и свободы*».

Поэтому давно назрело широкое переосмысление наших отношений с Западом. Это должна сделать культурная элита, так как политики обычно действуют эмпирически, не всегда представляя специфику национальных культур и аксиологический дух различных цивилизаций.

Нам пора уже осознать, что проблемы с Западом имеют достаточно глубокие мировоззренческие корни. И они вовсе не сводятся к банальным торговым спорам. Это есть столкновение двух различных типов цивилизации, которое происходит уже тысячу лет и сейчас входит в фазу своего нового обострения. Рано или поздно правящие классы Америки и Европы, наконец, будут вынуждены принять новый формат мировых политических взаимоотношений – многополярный, равносторонний и морально ответственный за будущее всего человечества. Но пока этого не случилось, Россия должна прилагать активные усилия к укреплению основ своей цивилизации, диалогу культур и экономической интеграции на Евразийском пространстве.

Образно говоря, сейчас нам нужны *Мосты* на Восток и *Границы* на Запад. Границы в данном случае надо понимать широко. Это политические границы нашего государственного суверенитета. Культурные границы наших духовных ценностей.

Военные рубежи для сдерживания иностранных горячих голов в их попытках силовой агрессии. Информационные барьеры для противодействия взломам культурного кода российской цивилизации и переформатированию массового сознания.

Надо понять и признать, что в мире существуют влиятельные силы, которые уже давно примеривают России югославский или ближневосточный варианты развития.

Культурная и политическая элита страны не должна опять впадать в экзистенциальные иллюзии, которые в прошлом уже не раз заканчивались «неожиданными» роковыми событиями.

Неожиданной революцией 1917 г., *неожиданным* нападением нацистов в 1941 г., *неожиданным* развалом Советского Союза в 1991 г., *неожиданным* экономическим кризисом 1998 г. И *неожиданной* новой «холодной войной» второго десятилетия XXI в.

А.Л. Золкин. [О разнонаправленности цивилизаций России и Запада: культура и симуляция]

Несколько соображений по поводу поднятой темы отношений Российской цивилизации с Западным миром...

Исторически сложилось так, что Россия выполняет роль посредника между Востоком и Западом, между Югом и Западом – в мире, структурированном именно Западом.

Европейская культура считалась общей, поскольку долгое время рассматривалась в качестве матрицы модернизации и была направлена на преодоление структурных характеристик традиционных обществ, отождествляемых с архаикой и социальной «отсталостью». Эта идея доминировала в российском обществе почти триста лет, пока не было осознано, что современная постмодернистская культурная экспансия западной цивилизация ставит своей целью уже не столько преодоление «пережитков прошлого», сколько разрушение фундаментальных оснований человеческой культуры как таковой во имя абстрактных и иллюзорных целей.

Западноевропейский либеральный постмодернизм представляет собой современную форму номинализма, который отказывает в реальности любой целостности, включая личность,

государство, нацию, цивилизацию, во имя атомизированных индивидов.

Существование указанных фундаментальных тенденций приводит к тому, что западная культура начинает носить симулятивный и манипулятивный характер. Это манипулирование осуществляется на основе цивилизационных различий, а также абстрактности и неисторичности ряда культурных параметров западной цивилизации.

Российская культурная традиция ставит своей целью воспитание личности, а не изолированной индивидуальности. Человек же приобретает личностные качества не через изоляцию от реальности во имя абстрактной свободы, а через восхождение и приобщение ко всем уровням реальности, включая сверхиндивидуальные целостности, такие как семья, общество, государство, цивилизация, культура.

Таким образом, векторы культурного развития российской цивилизации и западноевропейской имеют разные направления, вплоть до противоположности.

А.В. Митин. [Уроки взаимоотношений Российской цивилизации с Западным миром и информационных войн]

Коллеги, еще несколько слов в развитие уже сказанного. Масштабный кризис в одном или нескольких государствах порождает в них безработицу, мгновенный рост преступности, образование различных организованных преступных групп и других негативных моментов, что неоднократно отмечалось в истории, а также такое явление, как вооруженное вторжение в сопредельные государства, целью которого всегда являлся захват как территорий с находящимися на них людских ресурсов, так и новейших передовых технологий и полезных ископаемых. Этому способствуют и амбиции США на мировое господство, на стремление называться супердержавой.

Однако любой вооруженный конфликт в современных условиях может свести «на нет» все прогрессивные достижения человечества, в целом мировой культуры.

Поэтому войны, военные конфликты являются на сегодняшний день важнейшими глобальными проблемами современности, решать которые призвано все мировое сообщество.

Действительно, сегодня любой «малый конфликт» или кризис, наподобие «Карибского», затрагивают все государства мира, так как первый может перерасти в «большой», а второй привести к глобальной ядерной войне.

Западные страны понимают, что в ядерной войне победителей не будет. Можно отметить, что и обычное оружие в последние годы по своей мощи и масштабам нанесения ущерба противнику почти сравнялось с ядерным.

Исходя из этого, самым удобным вариантом нанесения урона противоположной стороне в наше время являются информационные войны.

История с давних времен раскрывает примеры использования информационных войн в сочетании с обычными боевыми действиями, показывает их роль, но сегодня они приобрели более актуальное значение. Теперь информационные войны предполагают целенаправленные действия с применением информационного оружия в киберпространстве, которые предпринимаются для достижения информационного и информационно-технологического превосходства над противником путем нанесения ущерба его информации, информационным процессам и информационным системам при одновременной защите собственной информации, информационных процессов и информационных систем.

Информационные войны практически снимают вопрос об обычных боевых действиях.

Совершенно очевидно и то, что не всякая информация является объектом нападения или защиты в информационной войне. Таким объектом в информационной войне может быть только та информация, раскрытие, уничтожение или сокрытие которой может привести к ощутимым потерям или материальному ущербу. Это и личная информация, и информация, принадлежащая той или иной организации или компании, и информация, принадлежащая государственным институтам: ведомственная, оборонная, социальная, экономическая, финансовая и т.д.

И действительно, эти войны имеют место быть, и активно ведутся. Достаточно отметить одно из таких направлений: преподнесение в последние годы населению

западных стран политики России по отношению к сопредельной Украине как «захватнических действий», антитеррористической операции России в Сирии как «целенаправленных бомбежек мирного населения»; и даже доходящие до абсурда заявления о «вмешательстве в организацию и проведение выборов» главы государства США...

В то же время СМИ США пытаются умалчивать о финансовой и материальной помощи боевиков ИГИЛ, «случайной» бомбежке мирного населения в Ираке, Афганистане и Сирии, незаконном сборе информации о переговорах и личной жизни первых лиц стран Европы и т.д. – что действительно имело место быть и в последствии подтверждалось официальными лицами стран Запада.

Как правило, с достижением пика в развитии информационной войны, с нанесением ощутимых потерь начинаются обычные боевые действия.

Здесь хочется отметить:

– *во-первых*, странам Запада (и в первую очередь США) не следует забывать уроки истории, связанные с Россией;

– *во-вторых*, как уже отметил сегодня в своем выступлении С.Р. Аблеев, «Российская Федерация вполне свободное и демократическое государство, проводящее конструктивную, взвешенную и доброжелательную к иным странам и народам внешнюю политику», хотя «это не спасает Россию от всякого рода санкций, политического давления и информационной войны...»;

– *в-третьих*, необходим новый формат взаимоотношений между государствами мира, при котором не будет деления их на супердержавы и страны третьего мира.

Н.Ф. Медушевская. [Цивилизационные пределы реформирования: традиционализм России против инноваций с Запада]

Лично я против излишней политизации поставленной – философской по своей природе – проблемы. Однако соглашусь с предыдущими ораторами в том, что навязывание России западных образцов социальной жизни, моделей поведения, глобализация по-американски и в угоду Западу наталкивается в России на противодействие со стороны гражданского

населения. Поскольку Россия – при всей близости Западному миру – в политическом отношении остается все же страной глубоко традиционной, особенно на периферии.

В силу инноваций, идущих с Запада, была принята неэффективная модель экономики, допущены грубые ошибки в ходе приватизации, оказалась мало разработанной законодательная база, допущены серьезные ошибки в образовательной сфере и т.д.

Конечно, исторически Россия всегда тяготела к Западу, бесспорным является и тот факт, что наша страна способна переработать любые инновации, полученные с Запада, несмотря на глубокий традиционализм, который есть показатель высокого уровня цивилизационной устойчивости социума.

Вместе с тем навязчивая имитация западных образцов жизни, западного правопорядка и сферы законности приводит к расслоению нации, неумению жить «по-западному» и невозможности жить «по-старому», утрате прежних аксиологических координат и неприятию новой сетки ценностных ориентаций. Или еще хуже – к имитации их в уродливых формах.

Достижение личной выгоды и успеха осуществляется в извращенных формах и с нарушением закона. Да и сам закон подчас пишется так, чтобы минимизировать и усложнить его выполнение. Недостаточное развитие индивидуальной ответственности прослеживается в постоянстве коллективных ритуалов публичного покаяния, которые существовали как в Православной церкви, так и в Коммунистической партии. Обличительство и порицание других, неумение дать самооценку, поиск причин неудач во внешних обстоятельствах – все эти особенности российского менталитета отражаются и на правовой культуре населения.

Метаморфозы нравственного сознания породили негативное отношение к истинным правовым ценностям, поэтому право позиционируется как временное явление, «дополнение» нравственности, средство насилия и принуждения, выражение несвободы, побочный продукт социальной организации.

Назовем те правовые ценности, которые, на наш взгляд, свидетельствуют о традиционализме российского общества, – и которые следует принимать во внимание при реформировании общественной жизни:

- понимание свободы как вольности, что связано со стихийностью и анархизмом российского массового правосознания;

- лиминальность (пороговость), понимаемая как испытание пределом, что всегда опасно для социума и препятствует его стабильности;

- антисобственничество, поскольку в России собственность имела исключительно функциональное значение, была весьма условна и легко отторгаема как снизу, так и сверху;

- соборность и соборное сознание, благодаря которым правовая жизнь россиян формировалась в соответствии с установками на жизнь по законам обычного права, а не согласно формальному закону;

- справедливость как правда, где право и правда противостоят друг другу;

- гражданское служение, которое ориентирует человека не на права и свободы, а на обязанности по отношению к государству, классу, социальной группе, профессиональному коллективу.

- общее благо (общая польза), что мешает самостоятельности и самостоятельности конкретного индивида, главная задача которого – «беззаветное служение» государству, требование абсолютной, исполнительности и подчиненности воле власти.

А.А. Васечко. [Информационно-психологическое противостояние как Третья мировая война]

Сегодня довольно широко обсуждается наступление глобального кризиса во всех сферах жизни: экологической, экономической, политической, правовой, культурной, исторической. Его истоки следует искать, прежде всего, в духовном, идейном оскудении всего человечества.

Как известно, идеи задают смысловую базу мировоззренческой ориентации. Идея, как мысленный, «умопостигаемый» прообраз, возникающий в сознании

общества, выделяющий основные и существенные его черты и относительно верно отражающий логику его собственного развития, органично связана с историей народов. Идея и идеология на протяжении всей истории человечества играла значительную роль, в том числе и в международной жизни. С одной стороны идея, воздействуя на сознание человека, объединяла, с другой стороны – использовалась как средство борьбы для разрушения.

Идеологическое оружие не является чем-то новым, словесные баталии между государствами не прекращались никогда. Но в современных условиях информационного общества это средство срабатывает безотказно. То, что информация как способ идеологического воздействия сегодня стала одним из эффективных средств управления человечеством, уже не ставится под сомнение. Информационные потоки сегодня менее всего поддаются нормативному регулированию. Средства массовой информации, управляя содержанием информации, контролируя все общество, признаются «четвертой ветвью власти», наряду с законодательной, исполнительной и судебной. Вопрос лишь в том, чьи интересы они представляют, и какие методы используют?

Большое количество информационного мусора, существующего в средствах массовой информации, подавляет защитные барьеры человеческого сознания, изменяя его взгляды, принципы и убеждения. Масштабы этого процесса поистине глобальны. Все чаще говорится об информационно-психологической войне как о «Третьей мировой войне», которая ведется без соблюдения каких-либо канонов и порой доводится до экстремизма. Целью этих действий является обеспечение информационного вакуума и информационного доминирования с целью «парализации» сознания. Информационное оружие действует медленно, но безболезненно, тихо, незаметно и эффективно.

Современная Россия впущена в целый ряд информационных конфликтов с разными странами. Все они направлены на изменение природы, единства, душевно-психических и духовных параметров населения России. При этом объектом посягательства становится информация,

являющаяся наследием всего человечества (например, мировая история или языковое наследие). К сожалению, к этим фактам сегодня необходимо относиться как к реальности.

Политиками традиционно предлагается ведение конструктивного диалога в качестве выхода из информационно-психологической войны. Однако есть и другие способы, доступные всем и каждому здесь и сейчас. Необходимо обратиться к идеям, составляющим доминанты русской духовности, и коренным образом пересмотреть существующую систему ценностей.

В.В. Неганов. [К вопросу об идеологических основаниях цивилизационного суверенитета России]

Действительно, современная цивилизация стоит на пороге глобальных изменений. И, действительно, необходимо обратиться, прежде всего, к идеям, идеологическим основаниям происходящего.

Прежний миропорядок, установленный после Второй мировой войны, теряет свои позиции одну за другой. Глобалистический проект будущего человечества, навязываемый транснациональными корпорациями, ставится под сомнение даже в США, примером чего является избрание Д. Трампа.

В этой связи, России предоставляется уникальная возможность не только определиться с собственным путем цивилизационного развития, но и предложить свою модель всему остальному миру. В том числе, в сфере идеологии.

При этом, напомним, Россия имеет богатейший опыт ненасильственного вовлечения в сферу своего влияния других государств. Так, в свое время добровольно вошли в состав Российской/Советской государственности Башкирия, Казахстан, Грузия, Армения, Абхазия и даже Украина. Многие из вышеперечисленных государств без помощи России могли просто исчезнуть с политической карты мира вместе со всеми народами, проживающими на их территории.

Отмечу также: хотя в 13 статье Конституции РФ и зафиксировано, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, однако необходимо признать, что общество, живущее в рамках

государства, не может обойтись без прочных идеологических оснований.

Причем, допуская возможность конкуренции различных идеологий в обществе, необходимо отдавать приоритет конструктивным идеалам, а не деструктивным.

Представляется, что таким идеологическим основанием могли бы стать традиционные консервативные христианские ценности, которые способствовали конструктивному развитию общества и консолидации всех его созидательных сил, как в рамках российского общества, так и в пределах всего «Русского мира», и в целом для государств и обществ, ищущих выход из сложившегося глобального кризиса.

Т.Н. Фролова. [Православие и иные религии в Российской цивилизации]

Цивилизационная уникальность России во многом объясняется многовековым поликонфессиональным взаимодействием ее народов. Существующая сегодня общность культурных и нравственных ценностей, сосуществование различных конфессиональных традиций возникли как результат длительного взаимодействия и взаимопроникновения.

Результатом взаимовлияния и взаимообогащения различных религиозных конфессий (в том числе иудаизма, буддизма, протестантизма...) стало формирование общих ценностей в едином духовном пространстве.

Различные религии и конфессии в российской истории играли не одинаковую роль. Но именно ислам и православие, и в первую очередь православие, стали для российской цивилизации религиями *культурообразующими* и *государствообразующими*.

Ислам определил социокультурные особенности многих национальностей и этнических сообществ, стал важнейшим этнообразующим фактором в некоторых регионах России.

Православие стало фундаментальным фактором формирования русского народа – этнического ядра Российской цивилизации.

Безусловно, никакая другая религия не может оспаривать силу и степень влияния православия на историю и культуру России, ее роль в формировании российской специфики, становлении самобытной русской культуры и

государственности. Духовный базис России, ее ценностную основу предопределило именно православие.

Соединяя различные ментальности и обеспечивая устойчивое межэтническое взаимодействие, православие становилось цивилизационной основой многонациональной общности.

Православие и ислам сыграли роль цивилизационной доминанты, определяя геополитический, этнический, духовный вектор развития России.

В современном мире, мире кризиса ценностных ориентиров, люди возвращаются к ценностям религиозным, в основе которых, при всех различиях, лежат базовые моральные, духовные, ценности: правда, справедливость, милосердие, семья, терпимость... Религиозные организации играли и играют значительную роль в сохранении и укреплении нравственно-ценностных оснований, сохранении исторической памяти.

А значит, и в сохранении и укреплении цивилизационного суверенитета.

А.Г. Ткаченко. [Традиционная культура как основа цивилизационного суверенитета России]

Коллеги, на прошедшем месяц назад круглом столе я обратил ваше внимание на идеологию радикального глобального либерализма как инструмент разрушения традиционных культур и национальных государств с целью установления мирового порядка на основе доминирования в нем экономически развитых западных стран во главе с США, с опорой на военно-силовые методы решения политических проблем.

Идеология глобального либерализма несовместима с ценностями демократии, гуманизма и патриотизма. Ее реализация в России в 90-х гг. прошлого века привела к *олигархизации* (а не демократизации) экономической и политической жизни, разгулу нравственного нигилизма и эгоизма, разрушению общества и государства, нищете и вымиранию народа (в условиях демографического кризиса не приходится говорить о гуманизме). Эта идеология стала мощным орудием разрушения традиций России, в том числе, традиций патриотических. Общеизвестны трагические, чудовищные по своим последствиям результаты подобной глобализации в

контексте «арабской весны» и многочисленных «цветных революций».

Поэтому Россия поддерживает альтернативную тенденцию становления многополярного мира. И именно это обстоятельство заставляет нас обратиться к *цивилизационному подходу* как альтернативе глобализму, в том числе и при осмыслении проблемы цивилизационного суверенитета России.

Цивилизационный подход, как известно, рассматривает человечество как совокупность локальных цивилизаций, каждая из которых развивается самостоятельно на основе своей самобытной культуры. Ядром цивилизации является ее духовная культура, а ядром культуры – традиционный культ, традиционная религия данного народа, данного региона. Чтобы разрушить цивилизацию, достаточно разрушить ее духовную культуру, а чтобы разрушить духовную культуру – надо разрушить составляющую ее ядро традиционную религию.

Ядром *русской* культуры (как объединяющего фундамента культуры *российской*) является православная духовная традиция. Это объясняет многочисленные нападки на Русскую Православную Церковь прозападно и антинационально ориентированных российских СМИ, а так же враждебно настроенных по отношению к России западных идеологов и политиков типа апологета панамериканизма З.Бжезинского, заявившего, что *главным врагом свободного мира после падения коммунизма является традиционное русское православие*.

Исторический опыт показывает, что определенным кругам на Западе не нужна ни монархическая, ни коммунистическая, ни демократическая Россия.

Приверженность цивилизационному подходу не означает изоляции России от всего остального мира, не означает отказа учитывать положительный иностранный опыт (в том числе и западный) при построении в России процветающего общества и сильного государства. Но успешное применение чужого опыта возможно только на основе органического его сочетания с отечественной культурной традицией, как это демонстрирует, в частности, опыт успешной догоняющей модернизации Японии (американская техника плюс самурайская этика).

Современное постиндустриальное общество в контексте постмодерна может рассматриваться как общество постсовременное, в котором возрождается традиционная культура. Модернизация здесь выступает как переход *от традиционного общества к традиционному же*. Необходимо видеть модернизационный потенциал традиционных ценностей. Положительный сценарий дальнейшего развития России возможен только при условии сохранения российской культуры и ее фундамента – русской культуры, ядром которой является Православие.

С.В. Михалев. [Православие и Цивилизация: о проблеме совместимости Истины и Мира]

Коллеги, по поводу Православия как «идеологического основания» Российской цивилизации (о чем говорили убежденно и аргументированно уважаемые предыдущие ораторы) у меня короткая и очень спорная реплика...

Много лет изучаю православную философию в России и хочу поделиться с вами своими личными размышлениями и неопубликованными сомнениями... Поднятая тема: «Место Православия в Российской цивилизации» – мне очень близка...

И все же меня посещают сомнения.

А насколько взаимосвязаны «Православие» и «Российская цивилизация»?

И даже: а совместимы ли, вообще, в принципе, «Православие» и «Цивилизация»?..

К этому могу добавить мысль П.А. Флоренского, который писал: «...полная истина есть нечто абсолютное и поэтому не совместимое с миром; мир и человек по существу своему ограничены, и потому ограниченно принимают истину христианства, а так как у каждого народа и человека своя особая ограниченность, то и христианство его выходит особым».

В этой связи более уместной, по моему мнению, была бы не тема соответствия Православия Цивилизации, Истины и материального мира, а тема «...моего соответствия Истинам Православной Веры».

А если это так, то все становится очень просто; эпизод из прошлой жизни: ... летишь в вертолете, начинаешь падать... и в

какой-то миг весь смысл жизни вкладываешь в молитву: «Спаси и сохрани» – и ... жизнь продолжается.

Мой вывод: хотя бы касание личностью феномена Веры, в Православной парадигме, уже гарантирует человеку приобретение убежденности в осмысленной «тварности» и вечности своего бытия, вне зависимости от внешних, «цивилизационных» обстоятельств...

Н.В. Галанина. [О расколоте и единстве русской души и Российской цивилизации]

Противоречие между Истиной и Миром – не единственная антиномия русской души и Российской цивилизации. В споре об идеологических основаниях Русского мира следует помнить, что самоидентификация русских исторически разворачивается именно в поляризованности русской души.

И связано это не только с религией, но и с цивилизационными типами – Европой и Азией, Западом и Востоком; и с культурным расколом внутри самой Российской цивилизации (между имущими слоями и трудящимися, народом и интеллигенцией, обществом и государством, смирением и бунтом, природной стихийностью и монашеским аскетизмом... и мн. др.).

Наряду с этими антиномиями постоянно присутствуют черты принципиального разрыва: между природно-языческим началом и высокой религиозностью; между приверженностью высоким духовным идеалам и культом материализма, между всеохватной государственностью и анархической вольницей, между мессианским универсализмом и национальным самомнением в великодержавности, между «западничеством» как увлечением образцами прогресса, свободы личности, рациональной организации жизни и «восточничеством» как интересом к упорядоченной и стабильной, но разнообразной и сложной жизни, отличной от русской действительности, или же как к региону высокой духовности и мистических озарений.

Отмеченные противоречия в русской культуре проявляют себя в различных сферах, отражаясь в поисках русским человеком высокого ценностно-смыслового содержания в жизни, что придало несомненно мировое значение русской

философии и литературе. Постановка неразрешимых проблем, поиск аксиологических приоритетов и выяснение их высшего гуманистического смысла придают русской культуре общечеловеческую значимость и общесоциальное звучание. Еще Ф.М. Достоевский отмечал всемирную отзывчивость, свойственную русской культуре, что делает ее духовной заступницей всех людей – вне социальных (национальных, религиозных, цивилизационных...) различий.

При этом для русских характерно отношение к своему многонациональному и многоконфессиональному государству как семье. И, как писал, например, К.С. Аксаков, семья у русских построена под влиянием не родового, а общинного начала, которое предполагало наличие живой, свободной воли и свободного голоса всех членов семьи, общее пользование имуществом, а самое главное – любовь.

А А.С. Хомяков проводил яркие аналогии между восприятием дома и государства у русских, писал, что дом есть единица и в смысле нравственного союза семейств, и в смысле общественного устройства. Дом и государство спасает человека от внешних угроз, но требует признания авторитета старших и следование общему мнению. Такое отношение воспитывало в русском человеке жертвенность и смирение, восприятие Государя как Отца во главе Дома-государства.

Эти наблюдения славянофилов и других представителей патриотической отечественной мысли не утратили актуальности и сегодня – и стоит их учитывать в контексте темы нашего сегодняшнего Стола.

Н.В. Стрелкова. [О роли этнической идентичности как опоры цивилизационного суверенитета России]

К сказанному хотелось бы добавить некоторые соображения о проблеме этнической идентичности внутри Российской цивилизации.

На осознание русскими людьми своей этнической принадлежности значительное влияние оказывает тот факт, живут ли они в полиэтнической или моноэтнической среде. Ситуация межэтнического общения дает индивиду больше возможностей для приобретения знаний об особенностях своей, и других этнических групп, способствует развитию

межэтнического понимания и формированию коммуникативных навыков. Свою этническую принадлежность раньше осознает русский ребенок, живущий в многонациональной Москве, чем житель отдаленной деревни в Архангельской области.

Отсутствие опыта межэтнического общения обуславливает, с одной стороны, меньшую предрасположенность к подобным контактам, с другой стороны, меньший интерес к собственной этничности.

Осознание и принятие своей принадлежности к двум этническим общностям благотворно сказывается и на личностном росте выходцев из межэтнических браков. Но, к сожалению, выходцы из межэтнических браков – индивиды с маргинальной этнической (и, видимо, и цивилизационной) идентичностью, которые балансируют между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них. Подобные маргиналы, путаясь в идентичностях, часто испытывают внутриличностные конфликты.

Однако вытеснение из структуры социальной идентичности одной из ее важнейших составных частей – этнической идентичности – грозит, с одной стороны, потерей целостности Я-образа, а с другой – потерей связей с какой бы то ни было исторически конкретной культурой и цивилизацией.

Утрата этнической/цивилизационной идентичности может привести к негативным последствиям для идентичности человека в целом, что проявляется, например, в ощущении: «я – никто», в «невидимости», «безымянности»...

Г.В. Шашурина. [Этническое и цивилизационное: Русская идея и русская культура в Российской цивилизации]

В продолжение разговора о значимости этнической идентичности в контексте обеспечения цивилизационной преемственности и суверенитета считаю важным тезисно отметить следующее.

Россия – страна великой истории и самобытности, она всегда шла по особому пути своего развития, – и в связи с этим можно говорить о ее цивилизационных ценностях как уникальном явлении в разрезе исторического развития государств Европы.

Цивилизационные ценности формируются на основе факторов, имеющих долговременный характер и отражающихся в самых различных духовно-культурных образованиях, таких, как литературные, нравственно-гуманитарные и др., что напрямую относится и к России. Именно в этом выражается вклад России в систему общечеловеческих, общецивилизационных ценностей.

Особенности развития российской цивилизации формируются под влиянием целого ряда присущих только этой стране факторов: идеи приоритета интересов общества, особого духовного характера, роли самого государства, климатических условий, наличия природных богатств на достаточно отдаленных, малонаселенных территориях. Кроме того, для России является характерным некий раскол между традиционными, сложившимися веками, и либеральными, новаторскими ценностями, что и приводит к проблемам национальной и цивилизационной идентичности.

Принадлежность к российской цивилизации народов разных религий и национальностей обусловлена их длительным совместным проживанием на общей территории, сложившимися за это время социальными и духовными связями, результатом чего стало появление общих государственных и культурных ценностей и структур. Общие интересы, сопричастность к интересам Российского государства большого числа многоконфессионального населения обусловило уникальность цивилизации нашей страны, ее особые ориентиры и приоритеты.

И, тем не менее, развитие особой российской цивилизации идет под влиянием объединительной Русской идеи, сочетающей достижения традиционной отечественной культуры и ценностей современной модернизации, при этом характер этого развития можно назвать интерпретационным.

Самобытность и своеобразие, проявившиеся в высочайших подъемах человеческого духа, определены особым российским менталитетом и отражаются в бесспорных ценностях российской цивилизации, отличая их от ценностей других мировых цивилизаций.

Считаю, что при анализе цивилизационных особенностей России и попытках выявить и осмыслить

основания ее цивилизационного суверенитета, нельзя забывать, что именно русская культура, хотя и выступающая в большей мере как общероссийская, а не этническая, снискала мировое признание и сформировала особую, отличающуюся от всех других Российскую цивилизацию.

С.И. Кузьминская. [Роль массовой культуры в трансформации ценностных ориентиров общества]

В контексте проблем защиты цивилизационного суверенитета стоит обратить внимание и на проблему массовой культуры и ее роли в трансформации ценностных ориентиров общества/цивилизации.

В настоящее время ведущая роль массовой культуры в формировании массового сознания признается большинством специалистов в области гуманитарного знания. Вполне очевидно, что продукты современного масскульта представляют собой произведения достаточно упрощенные как по форме, так и по содержанию. Более того, все чаще они предлагают массовому потребителю некое мифологическое представление о действительности, которое находится далеко за периметром реальной жизни.

Эта новая мифология имеет свои весьма примечательные особенности, которые выражаются, прежде всего, в низвержении традиционных аксиологических стандартов. Грани между Ужасным и Прекрасным, Добром и Злом, Героем и Злодеем становятся все менее очевидными. Образы главных героев и сюжетные линии многих произведений выстраиваются сегодня таким образом, что массовое сознание в итоге остается совершенно дезориентированным: заслуживает ли рассматриваемое событие или человек позитивной оценки или сурового порицания?

Эпатаж, присущий многим продуктам масскульта, в конечном счете, приводит к тому, что система традиционных ценностей рушится. Вместо нее обществу предлагается бесконечное множество постмодернистских интерпретаций таких понятий, как мораль, нравственность, совесть, свобода. Романтизация порока становится лейтмотивом многочисленных кинолент и художественных произведений. Массовому сознанию назойливо транслируется мысль о том, что однозначные оценки

недопустимы, у каждого, даже самого аморального поступка могут быть свои глубинные причины и оправдания.

Таким образом, терпимость к пороку становится новым признаком цивилизованности.

С сожалением следует констатировать, что в отличие от прошлых этапов развития общества сегодня уже не элитарная культура задает тон и определяет духовные ориентиры личности. Эта функция перешла к культуре массовой, которая в большинстве случаев не столько ведет, сколько уводит массовое сознание с пути духовного развития и самосовершенствования.

Поэтому, когда мы пытаемся утвердить цивилизационный суверенитет России, не следует забывать об истинных культурных основах, с одной стороны, и угрожающих тенденциях массовой культуры, с другой.

К.С. Щелоков. [России необходимо определиться]

Хотелось бы подняться над внутрироссийской проблематикой, абстрагироваться от наших предпочтений и традиционных установок и посмотреть на ситуацию несколько шире и глобальнее.

Подобно России, процесс противостояния внешнего воздействия и внутреннего суверенитета испытывают сейчас все крупные мировые культуры и цивилизации.

Так же рушится многовековая кастовость индийского социального устройства, китайское общество становится потребительским, а на арабском Востоке традиционные религиозные государства стремятся стать светскими.

В так называемых «развитых» странах уменьшается рождаемость, разрушается традиционный институт семьи. Равенство полов являет нам яркий пример идеи доведенной до абсурда, с легализации однополых браков и операциями по замене пола. Меняется, форматируется общественное сознание.

Следует отметить, что западные страны также зачастую болезненно воспринимают этот процесс. Это проявляется, например, в ностальгии консервативных кругов и метафорическом вопрошании: «Где та Америка, которую мы потеряли?»

Мы являемся свидетелем глобального переформатирования культурного кода мировых цивилизаций,

невиданного со времен Осеевого времени К. Ясперса. Рушатся традиционные ценности, которые мы считали незыблемыми и общечеловеческими. Впервые, с момента своего появления, численность населения человечества перестала расти ускоряющимися темпами и вступила в фазу стабилизации.

Геополитический театр является одной из многих арен этого глобального противостояния. Но Россия здесь не одинока.

Так же, например, разрушают традиционные авторитарные режимы исламского Востока, как не соответствующие образцам соблюдения прав человека и демократии. Подвергаются политическому прессингу «страны-изгои»: Иран и Северная Корея, Куба, Белоруссия... – как государства, пытающиеся «закрыться» от этих глобальных процессов

Таким образом, можно выделить один *процесс* – процесс глобализации, геополитического давления, культурного растворения и «плавильного котла». Функцией этого процесса является переформатирование, заключающееся в приведении всех сфер общественной жизни к некому универсальному стандарту. Авангардом этого процесса является Западный мир во главе с США.

И *контрпроцесс* – процесс сохранения культурной идентичности, цивилизационного суверенитета и консервации традиционных ценностей.

Иными словами, несмотря на разрушение стран социалистического лагеря, сохранилось функционирование по принципу биполярности, а «многополярность» – осталась лишь красивой моделью.

В силу обширности территории, высочайшего военного потенциала, наличия ядерного оружия... Россия является активным участником сдерживания и геополитического противостояния глобалистской линии развития. Однако следует признать, что большинство остальных сфер в значительной степени уже обращено в орбиту западного мира.

Двойственность и противоречивость такой позиции негативно сказывается на эффективности развития нашего государства. Представляется, что в ближайшем будущем России предстоит окончательно определиться...

С.Ю. Разин. [Осмысление темы цивилизационного суверенитета как вызов для современного интеллектуального класса]

Уважаемые коллеги, с интересом выслушал дискуссии круглого стола вашего семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции» по проблеме защиты и укрепления цивилизационного суверенитета России в современных условиях.

Хочу выразить благодарность за приглашение, и, в свою очередь, приглашаю коллег к участию в мероприятиях известного вам проекта «Народ и власть», в рамках которого уже более 400 ученых России, и не только, воспользовались возможностью открыто дискутировать по актуальным проблемам россиеведения. И быть при этом услышанными широкой научной общественностью.

Многие вопросы, которые обсуждались сегодня, ставились и на дискуссионной площадке нашего проекта, в том числе на круглых столах «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» (I и II) и «Массовое сознание как фактор развития российского общества». Рад, что мы с вами делаем одно общее и важное дело. Тема цивилизационного суверенитета России действительно сверхактуальна.

И ее осмысление является одним из главных вызовов для современного интеллектуального класса России.

Библиография

¹ Общественное правовое сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России. М., 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/ops.pdf>.

² Кризис как фактор социального развития. М., 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/crisis.pdf>.

³ Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» // Новый исторический вестник. 2013. № 3 (37). С. 98–147. (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/Postsov1.pdf>).

⁴ International Round Table “Russia and the Post-Soviet Space: Problems and Prospects” // Новый исторический вестник. 2014. № 1 (39). С. 104–118. (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/post-sov.pdf>).

⁵ Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы – 2. М.: Соционет, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/post2.pdf>.

⁶ Массовое сознание как фактор развития российского общества. – М.: Соционет, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/ms.pdf>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

CONTRIBUTORS AND CONTACT INFORMATION

Примечание составителей: В настоящем разделе сведения приведены только об авторах *отдельных статей* в составе сборника (сведения об участниках круглых столов – см. в материалах самих круглых столов).

АНФЕРТЬЕВ Иван Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета; главный редактор группы журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.ru», «Вестник архивиста.com», «Вестник архивиста.TV» (Россия, Москва)

ANFERTIEV Ivan A. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of Contemporary History, the Russian State University for the Humanities; Editor-in-Chief of the Journals Group “Vestnik arhivista” [“Herald of an archivist”], “Vestnik arhivista.ru”, “Vestnik arhivista.com”, “Vestnik arhivista.TV” (Moscow, Russia)

E-mail: info@vestarchive.ru

БУХОВЕЦ Олег Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета; главный научный сотрудник Института Европы РАН (Беларусь, Минск).

BUKHOVETS Oleg G. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science Educational Institution, the Belarus State Economic University; Chief Researcher of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Minsk, Belarus)

E-mail: o_bukhovets@tut.by

ВИЛКОВ Александр Алексеевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

VILKOV Alexandr A. – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Political Science, the Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

E-mail: vil57@yandex.ru

ДЕМИН Вадим Александрович – доктор исторических наук, доцент (Россия, Москва)

DEMINS Vadim A. – Doctor of Historical Sciences, Docent (Moscow, Russia)

E-mail: vadime_demine@mail.ru

ДУНАЕВА Наталия Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова (Россия, Ульяновск)

DUNAEVA Natalia A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, the Ilya Ulyanov State Pedagogical University (Ulyanovsk, Russia)

E-mail: nat-dun2016@yandex.ru

ДЬЯЧКОВ Владимир Львович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Россия, Тамбов)

DIACHKOV Vladimir L. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General and Russian History, the Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russia)

E-mail: mayormp@mail.ru

ЕЛИСЕЕВА Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, профессор Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

ELISEEVA Natalia V. – Candidate of History, Docent, Professor of the Research and Training Center "New Russia. History of Post-Soviet Russia" of the Institute for History and Archives, the Russian State University for the Humanities (Moscow)

E-mail: NVElyseefa@yandex.ru

ЗВЕРЕВ Василий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, Москва)

ZVEREV Vasily V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History of Russian Statehood, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

E-mail: v.v.zverev@bk.ru

КАРА-МУРЗА Сергей Георгиевич – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, член Союза писателей России (Россия, Москва)

KARA-MURZA Sergey G. – Doctor of Science in Chemistry, Professor, Chief Researcher of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Member of the Union of Writers of Russia (Moscow, Russia)

E-mail: skaramur@rambler.ru

КОРНЕЕВ Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и культурологии Академии гражданской защиты МЧС России (Россия, Химки)

KORNEEV Vladimir V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Cultural Studies. the Academy of Civil Protection of EMERCOM of Russia (Khimki, Russia)

E-mail: korneevussr@mail.ru

КОСТРОВ Александр Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры современной отечественной истории Иркутского государственного университета (Россия, Иркутск)

KOSTROV Alexander V. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of Modern History, the Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)

E-mail: a_kostrov@mail.ru

КУЗНЕЦОВ Валерий Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова; ведущий научный сотрудник НИИ истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина (Россия, Ульяновск)

KUZNETSOV Valery N. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of Russian History, the Ilya Ulyanov State Pedagogical University; Leading Researcher of the Karamzin Institute of Historical and Cultural Research of the Ulyanovsk Region (Ulyanovsk, Russia)

E-mail: kuznetsow_simb@mail.ru

ЛЕОНОВ Михаил Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета (Россия, Самара)

LEONOV Mikhail I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, the Samara State University (Samara, Russia)

E-mail: mleonov40@mail.ru

ЛЕОНТЬЕВ Ярослав Викторович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государственного и муниципального управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

LEONTIEV Jaroslav V. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of History of State and Municipal Administration, the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ЛЮКШИН Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия, Казань).

LYUKSHIN Dmitriy I. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Russian History, the Institute of International Relations, History and Oriental Studies of the Kazan (Volga) Federal University (Kazan, Russia)

E-mail: Dmitriy.Lyukshin@kpfu.ru

Макаров Николай Владимирович – кандидат исторических наук, начальник отдела естественнонаучных методов исследований в гуманитарных науках Российского фонда фундаментальных исследований; доцент кафедры истории России Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия)

Makarov Nikolay V. – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department for Natural-Science Research Methods in the Humanities, the Russian Foundation for Basic Research; Associate Professor of the Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

E-mail: nikolay-14@yandex.ru

МАРЧЕНЯ Павел Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; автор и редактор научного проекта «Народ и власть» (Россия, Москва)

MARCHENYA Pavel P. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Deputy Head of the Department of Philosophy, the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Y. Kikot; Author and Editor of the Scientific Project “People and Power” (Moscow, Russia)

E-mail: marchenyap@mail.ru

НИКОЛАШИН Вадим Павлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Мичуринского государственного аграрного университета (Россия, Мичуринск)

NIKOLASHIN Vadim P. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of State and Municipal Management, the Michurinsk State Agrarian University (Michurinsk, Russia)

E-mail: nikolashin.vadim@yandex.ru

РАЗИН Сергей Юрьевич – директор Центра организации воспитательной работы Академии труда и социальных отношений; автор и координатор научного проекта «Народ и власть» (Россия, Москва)

RAZIN Sergey Y. – Director of the Center of Organization of Educative Work, the Academy of Labor and Social Relations; Author and Coordinator of the Scientific Project “People and Power” (Moscow, Russia)

E-mail: razin_sergei@mail.ru

СУХОВА Ольга Александровна – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедры «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета (Россия, Пенза)

SUKHOVA Olga A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of “History of Russia, local history and teaching methods of history”, the Penza State University (Penza, Russia)

E-mail: suhhov747@yandex.ru

ЧЕРТИЩЕВ Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России (Россия, Москва)

CHERTISHCHEV Andrey V. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of Philosophy, the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow, Russia)

E-mail: narodivlast@gmail.com

ШЕВЕЛЬКОВ Анатолий Иванович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории, политологии и права Государственного социально-гуманитарного университета Московской области; Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, Коломна)

SHEVEL'KOV Anatoliy I. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Philosophy, History, Political Science and Law, the Moscow Region State University of Humanities and Social Studies; Honorary Member of the Professional Education of the Russian Federation (Kolomna, Russia)

E-mail: shevelkov51@mail.ru

ШЕВЫРИН Виктор Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, заместитель главного редактора журнала «Россия и современный мир» (Россия, Москва)

SHEVYRIN Viktor M. – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Scientific Information for the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chief Editor of “Russia and the Contemporary World” Journal (Moscow, Russia)

E-mail: vik.shev@mail.ru

ШЕЛОХАЕВ Валентин Валентинович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра «Истории России XIX – начала XX в.» Института российской истории Российской академии наук; директор Института общественной мысли (Россия, Москва)

SHELOKHAEV Valentin V. – Active Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Centre “History of Russia XIX – early XX century”, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Director of the Institute of social thought (Moscow, Russia)

E-mail: iom07@mail.ru

Шубин Александр Владленович – доктор исторических наук, руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

SHUBIN Alexander V. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Centre History of Russia, Ukraine and Belarus, Leading Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences

E-mail: historian905@gmail.com

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Марченя П.П., Разин С.Ю. **Вместо введения:**
От организаторов проекта «Народ и власть»

Аннотация: Публикуемые материалы отражают работу Международного круглого стола «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.», который состоялся 27 марта 2015 г. в Москве, в Российском обществе историков-архивистов. Круглый стол был организован в соответствии с программой проекта «Народ и власть». Научный проект «Народ и власть» посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России.

Ключевые слова: научный проект «Народ и власть», народ, власть, история России, системный кризис.

Marchenya P., Razin S. **Instead of Introduction:**
From Organizers of the Project “People and Power”

Annotation: The article covers the work of the International Round Table “Russian multiparty system and Russian crises of the XX–XXI Centuries” which was held on the 27th of March in Moscow by the Russian Association of Historians and Archivists. The round table was organized within the framework of the Project “People and Power”. The Scientific Project “People and Power” is devoted to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of the problem of the interaction of Power and People as two main agents in Russian historical development.

Keywords: Scientific Project “People and Power”, people, power, history of Russia, systemic crisis.

***Анфертьев И.А.* Ликвидация многопартийности и возрастание роли правящей Коммунистической партии в системе государственных органов в СССР**

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы ликвидации руководством большевиков многопартийности в России на заключительном этапе Гражданской войны и возрастания роли правящей партии в системе государственного управления, создания эффективных инструментов для достижения намеченных целей, что особенно важно в кризисный период перехода от одной социально-экономической и политической формации к другой. В этом отношении 1919 – начало 1920-х гг. представляют особый интерес в связи с недостаточной изученностью источниковой базы, что порождает объективные трудности для анализа процессов формирования специфических органов партийно-государственной власти, контроля за ними, достижения эффективности управленческих решений. На основе исследования комплекса документов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) выявлены причины ликвидации многопартийности в стране и особенности деятельности руководства РКП (б), представлен анализ состава документов, их содержания, информационного потенциала после «слияния» левых социалистических и социал-демократических партий и групп в РКП (б). Помимо характеристики архивных документов приведена интерпретация сведений источников с оценкой достоверности некоторых из них, затронуты архивоведческие вопросы.

Ключевые слова: РКП (б), Политбюро ЦК РКП (б), правящая партия, ликвидация многопартийности, эсеры, меньшевики, кадеты, репрессии.

***Anfertiev I.* Abolishing the Multi-Party System and Increasingly Larger Role of the Ruling Communist Party in System of State Agencies in the USSR**

Annotation: The article assesses the Bolsheviks abolishment of the Russian multi-party system at the close of the Civil War and the increasingly larger role of the ruling Communist Party in system of state agencies, their chosen means towards their ends, all of which is of great importance in the crucial period of transit from one socioeconomic formation to another. In regard thereto the period of 1919– beginning of the 1920s is of much interest especially as the sources are little studied. This poses problems for analysis of design of the state agencies, their

control and effective management. Drawing on a study of document collections from the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), the article identifies grounds for abolishment of the Russian multi-party system and activities highlights of the Russian Communist Party (Bolsheviks) leadership. It analyses the composition and content of the documents, as well as their information potential for the period following the merger of the left socialist and social democratic parties and groups within the Russian Communist Party (Bolsheviks). The article offers an interpretation of the data from the archival sources and estimates the reliability of some of them. Some archival science issues are addressed.

Keywords: Russian Communist Party (Bolsheviks), Political Bureau (Politburo) of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks), ruling party, abolishing the multi-party system, Socialists Revolutionaries, Mensheviks, Constitutional Democrats (Kadets), repressions.

Буховец О.Г. «Государство-партия» в современной России?!

Аннотация: В статье автор анализирует особенности траектории распространения транзитологии в постсоветском пространстве, роль, которую она играла в 1990-е и последующие годы. Оценивается ее потенциал для изучения политических процессов в современной России. Объясняются причины заблуждений транзитологов относительно возможной эволюции ее нынешнего политического режима.

Ключевые слова: транзитология, демократизация, постсоветское пространство, режим Путина, однопартийная диктатура.

Bukhovets O. "Government-Party" in Contemporary Russia?!

Annotation: The author analyzes the peculiarities of spread paths of transition studies in the post-Soviet countries and the role of these studies in the 1990s and the subsequent period. The potential of transition studies for examination of political processes in the contemporary Russia are estimated. The reasons for misconceptions of transition researchers concerning possible evolution of the current political regime are explained

Keywords: transition studies, democratization, Post-Soviet countries, Putin regime, one-party dictatorship.

Вилков А.А. Перспективы современной российской многопартийности: возможна ли новая однопартийная диктатура?

Аннотация: В данной статье рассмотрен дискуссионный вопрос о возможности установления однопартийной диктатуры в современной России. На основе анализа различных материалов, сделан вывод о том, что диктатура КПРФ в современных условиях невозможна в силу недостаточности политических ресурсов данной партии, а диктатура «Единой России» невыгодна с функциональной и политической точки зрения.

Ключевые слова: многопартийность в постсоветской России, политические партии, диктатура партии, партия власти.

Vilkov A. Prospects of Contemporary Russian Multiparty System: Is the New One-Party Dictatorship Possible?

Annotation: Contentious issue of the possibility of establishing one-party dictatorship in modern Russia is considered in this article. On the basis of different materials' analysis, the author concludes that dictatorship of the Communist Party of the Russian Federation is now impossible as this party's resources are limited, while dictatorship of the "United Russia" party is unbeneficial from both functional and political points of view.

Keywords: multiparty system in Post-Soviet Russia, political parties, dictatorship of a party, "party of power".

Демин В.А. Российские политические партии начала XX в. и Государственная дума Российской империи

Аннотация: Статья посвящена роли Государственной думы Российской империи в складывании многопартийной системы. Указывается, что в странах Запада партии возникли из-за появления парламента и демократизации избирательного права. В Российской империи первые партии появились до создания Думы, однако целостная партийная система сложилась лишь после издания законов о народном представительстве. Однако из-за особенностей избирательного закона, ограниченности полномочий Думы, а также особенностей политической культуры России влияние Думы на укрепление партийной системы было ограниченным. Неоднократно предпринимавшиеся попытки создать на основе думских фракций партии успехом в общем не увенчались.

Ключевые слова: Государственная дума, политические партии, конституционно-демократическая фракция, трудовая группа, фракция Союза 17 октября.

Demin V. Russian Political Party of the Early XX Century and the State Duma of the Russian Empire

Annotation: The article focuses on the role of the State Duma of the Russian Empire in the folding of a multiparty system. It is pointed out that in Western countries, the party emerged from the appearance of the parliament and the democratization of the electoral law. However, a number prinich influence Duma to strengthen the party system has been limited. Attempts to create a party based on the success of the party factions in the Duma in general failed.

Keywords: State Duma, political parties, Duma faction, constitutional-democratic faction, labor group, faction Union of October 17.

Дунаева Н.А. Политические воззрения поволжского крестьянства в начале XX в.

Аннотация: В статье рассматриваются политические взгляды российского крестьянства, а так же взаимоотношения крестьянства и государственной власти в начале XX в. (на примере Поволжских губерний).

Ключевые слова: крестьянство, Первая мировая война, Среднее Поволжье, социально-политические настроения.

Dunaeva N. Political Views of the Volga Peasantry in the Early XX Century

Annotation: The article considers the political views of the Russian peasantry, as well as relations between the peasantry and the government at the beginning of the 20th century (as an example of the Volga provinces).

Keywords: peasants, World War I, Middle Volga region, socio-political mood.

Дьячков В.Л. «Вкусу очень мало у нас и в наших именах...»? В поисках «гена» социальной агрессии первой половины XX века в зеркале русского наречения

Аннотация: Работа по вскрытию совокупности факторов движения общества через формирующие этапы истории предполагает изучение особо активных социальных групп. С помощью

оригинальных электронных баз, построенных на репрезентативных непрерывных и длинных линиях социографической информации, исследуются общероссийские и региональные политические и социокультурные элиты, группы активистов российских революций и войн, потоки мигрантов и совокушности строителей новых городов и производств. С помощью электронных баз данных по непрерывной эволюции русского наречения в главных социально-сословных группах и популяциях на уровнях «населенный пункт – субрегион – регион – макрорегион – страна» и с учетом эволюции «модного», «амбициозного» наречения в разных социальных группах как движения маркера повышенной «наследственной» социальной агрессии, делается попытка вычлнить данный фактор волны российской социальной активности первой половины XX века, показать историческую динамику долей наиболее активных (агрессивных) частей популяций и социально-сословных групп. В данной статье соответствующая методика анализа применена к ЭБД тамбовской региональной социальной элиты 1920–1940-х гг.

Ключевые слова: синергизм, формирующие этапы, социальная агрессия, русское наречение, электронные базы данных, элита, социально-сословные группы.

Diachkov V. “Vkusy ochen' malo u nas i v nashikh imenakh”:
[“Taste deserts us and even in our names...”?]. Searching for a “Gene”
of Social Aggression of the 1st Half of the 20th c. in a Mirror of Russian Naming

Annotation: A scholar work to open a synergy of factors that has driven our society through the formative period of history demands an investigation of the especially active, aggressive social groups and strata. By means of the original E-database, made on the basis of long, representative and unbreakable lines of socio- and prosopographic data, we explore all-Russian an regional political and sociocultural elites, the groups of the Russian revolutions & wars’ activists, the streams of various migrants and the entities of constructors/builders of the brand-new cities an enterprises. With a help of the E-database on the unbreakable evolution of Russian naming in all main social-estate groups and local populations at the five levels of “separate settlement – sub-region – region – macro-region – country” and understanding the evolution of “fashionable”, “ambitious” naming as a motion of a sign of a higher “hereditary” social aggression we can highlight that factor of the wave of Russian social activities in the 1st half of the 20th c., to display the historical dynamics of the shares of such

most active (aggressive) segments of populations and social-estate groups. This very article is an attachment of the methods described to the E-database on Tambov regional social elites of the 1920–1940s.

Keywords: synergy, formative periods, social aggression, Russian naming, E-database, elites, social-estate groups.

Елисеева Н.В. Идеи многопартийности и их реализация в годы Перестройки (СССР. 1985–1991)

Аннотация: В статье рассматривается трансформация реформаторских проектов в ходе выработки решений о преобразовании советской однопартийной политической системы в многопартийную в годы Перестройки СССР в 1985–1991 гг. Особо акцентируется внимание на вопросах «источников» идей реформы политической системы, в результате которой начался процесс распада единого государства.

Ключевые слова: Перестройка, КПСС, социал-демократия, реформа, диссиденты, партийная элита, съезды народных депутатов, многопартийность, политика гласности, альтернативные выборы, XIX Всесоюзная партийная конференция, критика советской истории, 6 статья Конституции СССР.

Eliseeva N. Pluralism in Concept and Practice in the Perestroika Period (USSR. 1985–1991)

Annotation: The article assesses the transformation of reforms projects in decision-making process in transit from one-party to multi-party system during the Perestroika of the USSR in 1985–1991. The author focuses on the issue of the so-called “sources” of the political reform concepts as this reform resulted in the collapse of the unified state.

Keywords: Perestroika, CPSU, social democracy, reform, dissidents, party elite, Congress of People's Deputies, pluralism, glasnost, limited competitive elections, 19th All-Union Conference of the CPSU, criticism of the Soviet history, article 6 of the Soviet Constitution.

Зверев В.В. Герой и толпа, вождь, партия и массы (социологические наброски Н.К. Михайловского и «Краткий курс истории ВКП (б)»)

Аннотация: Автор рассматривает основные положения «теории героя и толпы» Н.К. Михайловского, основные положения которой были подтверждены развитием России в 1917–1935 гг. Сделанные народническим мыслителем наблюдения и выводы о характере взаимодействия личности и временным аморфным

объединением людей в периоды социальной напряженности вызвали гнев И.В. Сталина. Прозвучавшие со страниц «Краткого курса истории ВКП (б)» обвинения в адрес автора «теории героя и толпы» означали не только запрет на изучение творчества Михайловского, но даже на упоминание его имени в печати.

Ключевые слова: герой, толпа, масса, лидер, вождь, партия.

Zverev V. Hero and Crowd, Leader, Party and Masses (Sociological Sketches of N.K. Mikchailovsky and “Short Course in the History of the VKP (b)”)

Annotation: The author examines the main provisions of the “theory of the hero and the crowd” by N.K. Mikchailovsky, the main provisions of which were confirmed by the development in Russia, 1917–1935. Made populist thinker observations and conclusions about the nature of the interaction between the individual and temporary loose Confederation of people in times of social tension provoked the wrath of Stalin. Made from the pages of “Short Course History of the VKP (b)” the charges and the address of the author of the “theory of the hero and the crowd” meant not only a ban on the study of Mikchailovsky's creativity, but even at the mention of his name in print.

Keywords: hero, crowd, masses, leader, chief, party.

Кара-Мурза С.Г. Необходима новая программа партийного строительства

Аннотация: Обсуждается роль партий в либеральном и традиционном обществах; развитие партийных систем на Западе и в России периода революции; механическая солидарность и недоверие к многопартийности; однопартийность в СССР как реликт соборности; дезинтеграция общества постсоветской России и актуальность создания многопартийной политической системы.

Ключевые слова: партии, партийное строительство, типы обществ, формационный и цивилизационный подходы, дезинтеграция общества, консолидация, отношение к многопартийности, функции партий в переходном состоянии.

Kara-Murza S. New Program of Party Construction is Necessary

Annotation: The article deals with the role of parties in liberal and post-traditional societies; development of party systems in the West and in revolutionary Russia; mechanical solidarity and mistrust to multi-

party system; one-party system in the USSR as a relic of conciliarity; disintegration of the society in Post-Soviet Russia and the need in creating multi-party political system in the country.

Keywords: parties, party construction, types of societies, formation and civilization approaches, disintegration of society, consolidation, the attitude to multi-party system, functions of parties in the state of transition.

***Корнеев В.В.* Особенности партийной системы современной России**

Аннотация: В статье показана специфика созданной в России партийной системы, ее характерные черты, в том числе большая зависимость от государства, политических установок власти, схожесть с аналогичной системой в начале XX в. Раскрывается положение в партийной системе «Единой России», рассматриваются условия, в которых протекает деятельность оппозиционных партий. Приведены данные социологических опросов, подтверждающих низкий авторитет среди населения России политических партий, их роли в жизни страны.

Ключевые слова: политические партии, партийная система, многопартийность, Единая Россия, оппозиция.

***Korneev V.* Specifics of the Party System in Modern Russia**

Annotation: The article shows the specifics of the Russia's party system, its characteristic features, including its large dependence on the state, political power regimen, its similarity with the identical system at the beginning of the XX century. The article explores a position in the party system of "United Russia", considers the conditions under which the opposition parties operate. The data gathered from sociological surveys confirms the low credibility of political parties and their role in the country's life among the Russian population.

Keywords: political parties, party system, multi-party system, United Russia, opposition.

***Костров А.В.* Многопартийность как попытка многопартийности**

Аннотация: В статье на основе использования геополитического метода исследуются основные вехи истории многопартийности в развитых странах мира. В качестве основных примеров берутся такие страны как Великобритания, Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика и Россия. При

этом предпринимается сравнение иностранного и российского опыта партийного строительства. Кроме того, по ключевым параметрам соотносятся партийные системы поздней Российской империи, Союза Советских Социалистических Республик и Российской Федерации. Делается вывод, что характер партийной системы вообще и многопартийность как один из ее ключевых показателей напрямую зависят от объективных (пространственных и конкретно-исторических) условий развития государства.

Ключевые слова: многопартийность, партия, партийная система, этатизм, географический детерминизм, геополитика, Россия.

Kostrov A. Multiparty System as an Attempt of Multiparty Systems

Annotation: This article investigates the milestones of the history of the multiparty system in the developed countries of the world using the geopolitical method. The research concentrates on such countries as Great Britain, the United States, the People's Republic of China and the Russian Federation. Also there is comparative analysis of the party-building experiences of Russia and foreign countries. Moreover, the party systems of the late Russian Empire, the USSR, and the Russian Federation are compared using some key parameters. The conclusion states that the character of the party system in general and the multiparty system as one of its components directly depend on objective (space and specifically historic) conditions of a country's development.

Keywords: multiparty system, party, party system, etatism, geography determinism, geopolitics, Russia.

Кузнецов В.Н. Первая мировая война, «аграрный кризис» и крестьянская экономика: к вопросу о предпосылках российской революции

Аннотация: В статье показывается, что под влиянием изменений, произошедших после Первой русской революции, постепенно меняется тактика региональных большевиков. Стремление продолжения подпольной деятельности и сохранения нелегальных организаций приводило к массовым арестам. Более эффективной становилась легальная деятельность, которую в основном и начинают проводить большевики. Исключением являлась Самара, где вплоть до 1916 г. предпринимались попытки возрождения подпольной организации. Таким образом, постепенно местные большевики приходили к той же тактике, что и

ликвидаторы. Ситуацию кардинально изменила Февральская революция, остановившая это движение.

Ключевые слова: большевики, ликвидаторы, РСДРП, социал-демократы, Поволжье.

Kuznetsov V. First World War, “Agrarian Crisis” and Peasant Economy: on the Background of the Russian Revolution

Annotation: The paper shows that under the influence of the changes that occurred after the First Russian revolution, gradually changing tactics of the Bolshevik regional. The desire to continue underground activities and the preservation of illegal organizations led to mass arrests. It becomes more effective legal activity, which in the ground and begin to carry out the Bolsheviks. The exception was Samara, where up to 1916 attempts of revival of the underground organization. Thus, gradually, local Bolsheviks came to the same tactics as the liquidators. The situation changed drastically February revolution, to stop this movement.

Keywords: Bolsheviks, liquidators, Russian Social Democratic Labour Party, social-democrats, Volga Region.

Леонов М.И. Партийные организации Среднего Поволжья и Заволжья в третьейюньской монархии (июнь 1907 – начало 1917 гг.)

Аннотация: В статье анализируется состояние партийных организаций Среднего Поволжья и Заволжья в период третьейюньской монархии, рассматривается их организационное состояние, численность, основные направления тактики.

Ключевые слова: партия, партийная организация, социал-демократы, эсеры, кадеты, октябристы, консерваторы, численность, агитация, Среднее Поволжье и Заволжье.

Leonov M. Party Organizations of the Middle Volga and East of the Volga in the June Third Monarchy (June 1907 – the Beginning of 1917

Annotation: The article analyzes the state of the party organizations of the Middle Volga and Trans-Volga during treteiyunskoy monarchy, considered their organizational state population, the main directions of tactics.

Keywords: party, party organization, Social Democrats, Socialist Revolutionaries, Kadets, Octobrists, Conservatives, size, agitation, Middle Volga and Zavolzhje.

Леонтьев Я.В. Почепский референдум, или как Украина Стародубщины лишилась

Аннотация: В 1918 г. четыре северных района Черниговской губернии на референдуме приняли решение присоединиться к Советской России. За принятие этого решения активно выступили левые социалисты-революционеры, имевшие большое влияние в этих районах. Решение о присоединении к РСФСР было принято из-за оккупации Германией Украины после Брестского войска и превращения ее в сателлита второго Рейха.

Ключевые слова: Украина, гетман Скоропадский, немецкая оккупация, Советская власть, левые эсеры.

Leont'ev Y. Pochevsky Referendum, or as Ukraine Starodub Region Lost

Annotation: In 1918 four of the Northern province Chernigov province on the referendum made the decision to join Soviet Russia. The adoption of this decision was actively made by the Left Socialist-Revolutionaries, dominated the area. The decision to join the RSFSR was adopted due to the occupation of the Ukraine after the Treaty of Brest the troops of Germany and its transformation into a satellite of the Second Reich.

Keywords: Ukraine, Hetman Skoropadsky, German occupation, Soviet government, Left Socialist-Revolutionaries.

Люкин Д.И. Кризис эвристики на постсоветском пространстве, или: Россия, вперед!.. назад!.. куда?..

Аннотация: В статье рассматриваются онтологические, гносеологические и морально-этические проблемы изучения постсоветского пространства. Поднимается вопрос о его познаваемости и актуальности данного понятия. Прослеживается логическая взаимосвязь между кризисом идеологии и упадком научных исследований. Ставится проблема актуальной и эффективной международной коммуникации.

Ключевые слова: акторы, империя, коммунизм, постимперское, постсоветское, Россия.

Lyukshin D. Crisis of Heuristics for the Post-Soviet Space, or Russia, Forward!.. Backward!.. Where?..

Annotation: The article examines the ontological, epistemological and ethical problems of studying post-Soviet space. Raises the question of its cognoscibility and the relevance of this concept. Traced the logical relationship between the crisis of ideology and the decline of scientific research. The problem is relevant and effective international communication.

Keywords: actors, Empire, communism, Post-Imperial, Post-Soviet, Russia.

Макаров Н.В. Русский либерализм в годы революции 1905–1907 гг.: взгляды англо-американских историков

Аннотация: В статье анализируются взгляды англо-американских историков XX – начала XXI столетий по проблемам, связанным с историей русского либерализма в 1905–1907 гг.: идеология и тактика русских либералов, их участие в «Союзе освобождения», Союзе союзов, земско-либеральном движении; оформление политических партий русского либерализма (Конституционно-демократическая партия, «Союз 17 октября» и др.).

Ключевые слова: русский либерализм, первая российская революция, «Союз освобождения», Союз союзов, земско-либеральное движение, Конституционно-демократическая партия, «Союз 17 октября», Партия правового порядка, Прогрессивно-экономическая партия, Торгово-промышленная партия, Умеренно-прогрессивная партия, англо-американская историография.

Makarov N. Russian liberalism in the Years of Revolution of 1905–1907: Views of the Anglo-American Historians

Annotation: The article analyzes views of the Anglo-American historians of XX – early XXI centuries on issues related to the history of Russian liberalism in 1905–1907: its ideology and tactics, participation of the Russian liberals in “Union of Liberation”, Union of unions, the Zemstvo liberal movement; formation of Russian liberal parties (Constitutional Democratic Party, “Union of October, 17” etc.).

Keywords: Russian liberalism, the first Russian revolution, “Union of Liberation”, Union of unions, Zemstvo liberal movement, Constitutional Democratic Party, “Union of October, 17”, Party of legal order, Progressive Economic Party, Trade and Industry Party, Moderate Progressive Party, Anglo-American historiography.

Николашин В.П. Судьба «Основного закона о социализации земли»: партийная борьба социалистов во ВЦИК вокруг аграрного вопроса

Аннотация: В статье изучается процесс утверждения «Основного закона о социализации земли» во ВЦИК. Приводится подробная реконструкция заседания 27 января (9 февраля) 1918 г. Это было одной из последних возможностей найти компромисс среди партий социалистов различных окрасок по ключевому вопросу российской государственности перед началом Гражданской войны.

Ключевые слова: закон, ВЦИК, социалисты-революционеры, социализация земли.

Nikolashin V. Fate of the “Basic Law on the Socialization of Land”: Socialist Party Struggle in the Central Executive Committee Around the Agrarian Question

Annotation: This article examines the process of approval “of the Basic Law of the socialization of the land” in the Central Executive Committee. Provides a detailed reconstruction of the meeting of January 27 (February 9), 1918. It was one of the last opportunities to find a compromise among the parties, the socialists of various colors on the key issue of the Russian state before the Civil War.

Keywords: law, Central Executive Committee, Socialist-Revolutionaries, socialization of the land.

Сухова О.А. Элиты и массы: неполитическое измерение истории российской многопартийности

Аннотация: На примере реконструкции политических представлений российского крестьянства в условиях прихода к власти большевиков автор решает проблему гипотетической возможности утверждения многопартийности в России. По мнению автора, одним из факторов крайней степени политического инфантилизма, узости социальной базы большинства из новообразованных политических объединений на заре российского парламентаризма стал низкий уровень политической культуры населения страны, как впрочем, и культуры вообще, особенно в провинциальной России. На основе анализа материалов анкетирования, проведенного иногородним отделом Пензенского губернского совета в 1918 г., автор приходит к выводу о том, что политическое сознание российского крестьянства и в постреволюционный период по-прежнему было основано не на

опыте, а на вере, отличалось аморфностью, незрелостью и размытостью представлений, как о механизмах функционирования политических связей, так и о программных установках различных партий и общественных организаций.

Ключевые слова: крестьянство, политическая культура, большевики, общество и власть, Советское государство.

Sukhova O. Elites and Masses: the Measurement of Non-Political Stories Russian Multiparty

Annotation: For example of the reconstruction of the political ideas of the Russian peasantry in the conditions of Bolsheviks came to power author solves the problem of a hypothetical possibility of the approval of a multiparty system in Russia. According to the author, one of the factors at the level of political infantilism, the narrowness of the social base of most of the newly formed political groups at the beginning of the Russian parliamentarism was the low level of political culture of the country, as well, and culture in general, especially in provincial Russia. Based on the analysis of materials survey conducted by the Department of Penza Soviet in 1918, the author concludes that the political consciousness of the Russian peasantry in the post-revolutionary period still was not based on experience, but on the belief differed amorphous, immaturity and blurred ideas as to mechanisms of functioning of political ties, and on the software settings of various parties and social organizations.

Keywords: peasantry, political culture, Bolsheviks, society and the power, Soviet state.

Чertiщев А.В. К вопросу об особенностях генезиса партийной системы России

Аннотация: В статье раскрываются проблемы генезиса партийной системы России на рубеже XIX–XX вв. как составной части общемирового процесса и значимого показателя движения России по пути модернизации. По мнению автора, формирование политических партий России происходило на базе уникальной бинарной культуры и традиций нашей страны. Эти партии не могли быть прямыми аналогами партий, возникших на Западе, и не соответствовали неким обязательным стандартам.

Ключевые слова: генезис, идеология, либерализм, многопартийность, модерн, монархизм, оппозиционность,

партийная система, политические партии, радикализм, традиционализм, традиция.

Chertishchev A. To a Question about the Features of Genesis of Party System in Russia

Annotation: The present article deals with the problems of the genesis of the party system in Russia at the turning point of the XIX-th and XX-th centuries. At is considered to be part of the worlds process and an important sign of Russia`s advancing along the path of modernization. On the author`s opinion the political parties of Russia were formed on the basis of the unique binary culture and traditions of our country. These parties couldn`t be an exact analogy of western parties and didn`t correspond to some compulsory standards.

Keywords: genesis, ideology, liberalism, multiparty system, modern, monarchism, opposition, party system, political parties, radicalism, traditionalism, traditions.

Шевельков А.И. Аграрный вопрос в программах политических партий и движений в конце XX в.

Аннотация: В статье анализируется решение аграрного вопроса политическими партиями и движений в их программных документах конца 1980-х – первой половине 1990-х гг. В том числе, в период участия в предвыборной борьбе в Государственную думу в 1993 и 1995 гг. Наряду с другими аспектами, внимание уделено позициям партий по отношению к частной собственности на землю, существованию различных форм хозяйствования, аграрной реформе.

Ключевые слова: политические партии, движения, программы, аграрный вопрос, частная собственность, земельная реформа.

Shevel'kov A. Agrarian Problems in Political Parties and Movements Programs at the End of the XX Century

Annotation: The article analyses the solution to the agricultural problems by the political parties and movements in their programs documents from the end of the 1980-s to the first half of the 1990-s, particularly, during the election campaign to the State Duma in 1993 and 1995. Together with the other questions attention was drawn

to the parties' positions on the private ownership of the land, different forms land management, the agricultural reform.

Keywords: political parties, movements, programs, agricultural programs, private ownership, land reform.

Шевырин В.М. Священник Гапон и рабочие Петербурга в 1904–1905 гг.

Аннотация: В статье анализируется роль получившего скандальную известность священника Г.А. Гапона в развитии рабочего движения в России и в трагических событиях Первой русской революции.

Ключевые слова: Гапон, рабочее движение, Первая русская революция.

Shevyrin V. Priest Gapon and Workpeople in St. Petersburg in 1904–1905

Annotation: The article examines the role of outrageous priest G.A. Gapon in the development of the labor movement in Russia and in the tragic events of the First Russian revolution.

Keywords: Gapon, labor movement, First Russian revolution.

Шелохаев В.В. Дискуссия о типе политической партии в российском интеллектуальном пространстве

Аннотация: Данная статья посвящена анализу особенностей формирования многопартийности в странах переходного типа.

Ключевые слова: политическая партия, гражданское общество, российская многопартийность, элита, империя, страна переходного типа, переходный период, авторитарный режим, российская ментальность.

Shelohaev V. Discussion about the Type of Political Party in the Russian Intellectual Space

Annotation: This article analyzes the characteristics of the formation of a multiparty system in the countries in transition.

Keywords: political party, civil society, Russian multi-party system, elite, Empire, country in transition, transition period, authoritarian regime, Russian mentality.

Шубин А.В. Циммервальдйская позиция в Российской революции в 1917 г.

Аннотация: Когда социалисты-интернационалисты собрались на Циммервальдскую конференцию 5–8 сентября 1915 г., они были на обочине политической жизни того времени. Но им удалось выдвинуть принципы, которые вскоре стали определять мировую повестку дня: мир без аннексий и контрибуций, самоопределение народов. Тогда это был план скорейшего прекращения войны «вничью», где выигравшими оказались бы не империи, а народы. В ходе Великой Российской революции влияние циммервальдйцев росло благодаря этой программе мира, а для наиболее радикальных ее пропагандистов – большевиков, радикальный пацифизм стал ключом к победе в борьбе за власть.

Ключевые слова: Циммервальдская конференция, большевики, эсеры, меньшевики, кадеты, аннексия, Декрет о мире.

Shubin A. Zimmerwaldists Position in the Russian Revolution in 1917

Annotation: When the Socialists-Internationalists gathered at Zimmerwald conference, September 5–8, 1915, they were marginalized in the political life of the time. But they managed to put forward principles, which soon began to define the world agenda: peace without annexations and indemnities, self-determination of peoples. Then it was a plan for a speedy end of the war in favor of peoples. During the Great Russian revolution influence Zimmerwaldian grew through this program of the peace, and for the most radical advocates of the radical pacifism – Bolsheviks – become the key to victory in the struggle for power.

Keywords: Zimmerwald conference, Bolsheviks, Socialist Revolutionaries, Mensheviks, Kadets, annexation, Decree on peace.

КРУГЛЫЕ СТОЛЫ

ROUND TABLES

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЙСКАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ И РОССИЙСКИЕ КРИЗИСЫ XX–XXI ВВ.»

/ подготовили к публикации: Марченя П.П., Разин С.Ю.

[Авторский коллектив: *П.П. Марченя, С.Ю. Разин, Б.Х. Алимов, И.А. Анфертьев, Л.Н. Бродовская, В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, А.А. Вилков, О.В. Волобуев, А.В. Гордон, Е.И. Демидова, А.В. Долгова, Н.А. Дунаева, В.Л. Дьячков, Н.В. Елисеева, М.М. Есикова, В.В. Зверев, М.И. Ивашко, С.Г. Кара-Мурза, А.И. Колганов, В.В. Корнеев, А.В. Костров, В.Н. Кузнецов, В.В. Кулачков, А.А. Куреньшев, М.И. Леонов, Я.В. Леонтьев, Н.В. Липатова, Д.И. Люкин, С.А. Магарил, В.П. Николашин, А.В. Посадский, И.С. Розенталь, Д.И. Рублев, Ф.А. Селезнев, О.А. Сухова, Т.И. Трошина, Н.Б. Хайлова, А.В. Чертищев, В.В. Шелохаев, А.В. Шубин]*

Аннотация: 27 марта 2015 г. в рамках научного проекта «Народ и власть» состоялся Международный круглый стол «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.». По замыслу организаторов, осмысление этой темы является одной из ключевых проблем современного россиеведения, вне которой невозможно понимание механизмов разрушения имперской государственности России, случившейся дважды лишь за один прошлый век. На обсуждение были вынесены следующие проблемы: политические партии в системных кризисах российского общества: ведущие или ведомые; роль и функции политических партий в российских революциях XX в.; элиты и массы: неполитическое измерение истории российской многопартийности; российская многопартийность в контексте столкновения Традиции и Модерна; большевизм: между буквой марксизма и стихией русской смуты; российский либерализм и российский консерватизм в контексте имперского мифа; политические лидеры смутных времен: вожди, вожаки и враги народа; российская идеократия и российская многопартийность: взаимообусловленность или несовместимость;

оппозиция и власть в России: мифы и реалии; перспективы современной российской многопартийности: возможна ли новая однопартийная диктатура. В работе круглого стола приняли участие более 40 ученых, представляющих научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы России, Беларуси и Таджикистана. В ходе обсуждения выявились различные подходы к осмыслению роли политических партий начала прошлого столетия, советской однопартийной политической системы и современной многопартийности в отечественной истории. Участники дискуссии немало внимания уделили анализу причин краха либеральной альтернативы и победы большевизма в русской революции начала XX в., а также рассмотрению роли власти и различных социальных слоев и групп в истории российских политических партий. Круглый стол был организован в соответствии с программой проекта «Народ и власть». Научный проект «Народ и власть» посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России. В печатном издании материалы дискуссии публикуются впервые.

Ключевые слова: российская многопартийность, российские кризисы, российские революции, политические партии, политическая система, элиты, контрэлиты, народ, власть, империя, массы, массовое сознание, научный проект «Народ и власть».

INTERNATIONAL ROUNDTABLE DISCUSSION “RUSSIAN MULTIPARTY SYSTEM AND RUSSIAN CRISES OF THE XX–XXI CENTURIES”

/preparing for Publication: Marchenya P.P., Razin S.Y.

[Authors: *P.P. Marchenya, S.Yu. Razin, B.Kh. Alimov, I.A. Anfertiev, L.N. Brodovskaya, V.P. Buldakov, O.G. Bukhovets, A.A. Vilkov, O.V. Volobuev, A.V. Gordon, E.I. Demidova, A.V. Dolgova, N.A. Dunaeva, V.L. D'yachkov, N.V. Eliseeva, M.M. Esikova, V.V. Zverev, M.I. Ivashko, S.G. Kara-Murza, A.I. Kolganov, V.V. Korneev, A.V. Kostrov, V.N. Kuznetsov, V.V. Kulachkov, A.A. Kurenyshev, M.I. Leonov, Ya.V. Leont'ev, N.V. Lipatova, D.I. Lyukshin, S.A. Magaril, V.P. Nikolashin, A.V. Posadskiy, I.S. Rozental', D.I. Rublev, F.A. Seleznev, O.A. Sukhova, T.I. Troshina, N.B. Khaylova, A.V. Chertishchev, V.V. Shelokhaev, A.V. Shubin]*

Annotation: On the 27th March 2015 within the Scientific Project “People and Power” the International Round Table “Russian

Multiparty System and the Russian Crises of the XX–XXI Centuries” took place. By the organizers plan, the judgment of this subject is one of key problems of Russian studies out of which the understanding of mechanisms of destruction of imperial statehood of Russia which happened twice in last century is impossible. The following problems were submitted for discussion: political parties in system crises of the Russian society: conducting or conducted; a role and functions of political parties in the Russian revolutions of the XX century; elite and masses: non-political measurement of history of the Russian multi-party system; the Russian multi-party system in the context of collision of Tradition and the Modernist style; Bolshevism: between the Marxism and elements of the Russian Times of Troubles; the Russian liberalism and the Russian conservatism in the context of the imperial myth; political leaders of the Times of Troubles: leaders and enemies of the people; Russian ideocracy and Russian multi-party system: interdependence or incompatibility; opposition and the power in Russia: myths and realities; prospects of modern Russian multi-party system: whether new one-party dictatorship is possible. More than 40 scientists representing scientific journals, research organizations and higher education institutions of Russia, Belarus and Tajikistan took part in the work of the round table. The discussion revealed new approaches to such problems as the roles of political parties at the beginning of the XX century, the Soviet one-party political system and the modern multi-party system in Russia’s political organization. The participants of the discussion paid much attention to the analysis of the reasons of the crash of the liberal alternative and the victory of the Bolshevism in the Russian revolution of the early XX century. They also considered the role of the authorities and these or those social groups and layers in the history of political parties in Russia. The Round Table was organized within the framework of the Project “People and Power”. The Scientific Project “People and Power” is devoted to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of the problem of the interaction of Power and People as two main agents in Russian historical development. In the print edition the materials of discussion is published for the first time.

Keywords: Russian multiparty system, Russian crises, Russian revolutions, political parties, political system, elite, counterelite, people, power, empire, masses, mass consciousness, Scientific Project “People and Power”.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ
«МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР
РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
НЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ»**

/ подготовили к публикации: Марченя П.П., Разин С.Ю.

[Авторский коллектив: *П.П. Марченя, С.Ю. Разин, С.Р. Аблеев, Б.Х. Алимов, В.В. Бабашкин, В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, С.Г. Кара-Мурза, И.О. Князький, А.Н. Курюкин, Л.П. Лычкань, Д.И. Люкшин, О.А. Матвейчев, В.И. Пантин, А.В. Чертищев*]

Аннотация: 10 декабря 2015 г. в рамках научного проекта «Народ и власть» в Москве на базе Московского института психоанализа состоялся круглый стол «Массовое сознание как фактор развития российского общества: неполитическое измерение политической истории России». В дискуссии приняли участие 15 ученых из России, Беларуси, Таджикистана. В центре внимания участников оказалась проблема осмысления массового сознания как фактора системных кризисов в России. В ходе дебатов выявились различные подходы к пониманию места и роли масс и массового сознания в истории. Круглый стол был организован в соответствии с программой проекта «Народ и власть». Научный проект «Народ и власть» посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России. В печатном издании материалы дискуссии публикуются впервые.

Ключевые слова: массы, массовое сознание, манипуляции сознанием, политическая история, научный проект «Народ и власть».

**INTERNATIONAL ROUNDTABLE DISCUSSION
“MASS CONSCIOUSNESS AS A FACTOR
OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIETY:
NON-POLITICAL DIMENSION
OF POLITICAL HISTORY OF RUSSIA”**

/ preparing for Publication: Marchenya P.P., Razin S.Y.

[Authors: *P.P. Marchenya, S.Yu. Razin, S.R. Ableev, B.Kh. Alimov, V.V. Babashkin, V.P. Buldakov, O.G. Bukhovets,*

S.G. Kara-Murza, I.O. Knyaz'kiy, A.N. Kuryukin, L.P. Lychkan', D.I. Lyukshin, O.A. Matveychev, V.I. Pantin, A.V. Chertishchev]

Annotation: On the 10th of December 2015 in Moscow within the framework of the Scientific Project “People and Power” on the base of Moscow Institute of Psychoanalysis the Round Table “Mass consciousness as a Factor of Development of Russian Society: Non-Political Dimension the Political History of Russia” held. In discussion was participated 15 scientists from Russia, Belarus, and Tajikistan. The focus of the participants was a problem of reflection of the mass consciousness as a factor of system crises in Russia. During debating the different approaches of understanding the place and role of the masses and mass consciousness in history were revealed. The Round Table was organized within the framework of the Project “People and Power”. The Scientific Project “People and Power” is devoted to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of the problem of the interaction of Power and People as two main agents in Russian historical development. In the print edition the materials of discussion is published for the first time.

Keywords: masses, mass consciousness, manipulation of consciousness, political history, Scientific Project “People and Power”.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА»

/ подготовили к публикации: Марченя П.П., Разин С.Ю.

[Авторский коллектив: *П.П. Марченя, С.Ю. Разин, Б.Х. Алимов, В.В. Бабашкин, В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, И.И. Глебова, А.В. Гордон, В.А. Демин, С.С. Инполитов, А.В. Казаков, С.Г. Кара-Мурза, А.И. Колганов, В.В. Кондрашин, Д.И. Люкшин, Н.В. Макаров, С.М. Миронов, А.В. Репников, Ф.А. Селезнев, Р.А. Циунчук, А.В. Чертищев, В.М. Шевырин]*

Аннотация: 27 октября 2015 г. в рамках научного проекта «Народ и власть» в Москве в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации состоялся Международный круглый стол «Первая русская революция: взгляд из XXI века». В дискуссии приняли участие 22 ученых из России, Беларуси, Таджикистана. Круглый стол был посвящен научному анализу событий Первой русской революции, 110-летие которой отмечалось

в 2015 г. По мнению организаторов, насущная необходимость осмысления и понимания системных кризисов в жизни страны и общества является одним из главных вызовов для власти и интеллектуальных кругов современной России. Круглый стол был организован в соответствии с программой проекта «Народ и власть». Научный проект «Народ и власть» посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России. В печатном издании материалы дискуссии публикуются впервые.

Ключевые слова: революция, смута, 1905–1907, 1917, Первая русская революция, научный проект «Народ и власть».

**INTERNATIONAL ROUNDTABLE DISCUSSION
“FIRST RUSSIAN REVOLUTION:
A VIEW FROM THE XXI CENTURY”**

/preparing for Publication: Marchenya P.P., Razin S.Y.

[Authors: *P.P. Marchenya, S.Yu. Razin, B.Kh. Alimov, V.V. Babashkin, V.P. Buldakov, O.G. Bukhovets, I.I. Glebova, A.V. Gordon, V.A. Demin, S.S. Ippolitov, A.V. Kazakov, S.G. Kara-Murza, A.I. Kolganov, V.V. Kondrashin, D.I. Lyukshin, N.V. Makarov, S.M. Mironov, A.V. Repnikov, F.A. Seleznev, R.A. Tsiunchuk, A.V. Chertishchev, V.M. Shevyrin*]

Annotation: On the 27th October 2015 within the framework of the scientific project “People and power” in Moscow in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation hosted the international round table “First Russian Revolution: a View from the XXI Century”. In discussion was participated 22 scientists from Russia, Belarus, and Tajikistan. The round table was devoted to the scientific analysis of the events of the First Russian revolution, which the 110th anniversary was celebrated in 2015. According to the organizers opinion, the urgent need of understanding of systemic crises in the country's life and society is one of the main challenges for the government and intellectual circles in contemporary Russia. The Round Table was organized within the framework of the Project “People and Power”. The Scientific Project “People and Power” is devoted to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of the problem of the interaction of Power and People as two main agents in Russian historical development.

In the print edition the materials of discussion is published for the first time.

Keywords: revolution, Smuta, 1905–1907, 1917, First Russian revolution, Scientific Project “People and Power”.

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

/ подготовили к публикации: Марченя П.П., Разин С.Ю.

[Авторский коллектив: *П.П. Марченя, С.Ю. Разин, О.А. Абрамова, С.В. Алексеев, Н.Ю. Булешова, О.Г. Буховец, С.П. Гришаев, А.В. Докучаева, Н.В. Елисеева, С.М. Иванов, И.М. Кузнецов, О.Г. Леонова, Д.И. Люкишин, В.В. Машко, А.Н. Михайленко, В.Б. Павленко, С.В. Патрушев, П.Т. Подлесный, Н.В. Работяжев, Б. Смит (B. Smith), А.И. Суздальцев, Д.В. Суржик, Ж.С. Сыздыкова, С.В. Фокин, В.Г. Хорос, А.В. Чертищев]*

Аннотация: 16 апреля 2013 г. в рамках научного проекта «Народ и власть» в Москве состоялся Первый международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы». В дискуссии приняли участие 26 экспертов из России, Беларуси, США. Материалы включают в себя выступления российских и зарубежных специалистов, изучающих прошлое и настоящее постсоветского пространства, и часть состоявшейся между ними дискуссии. В докладах представлен междисциплинарный научный анализ различных аспектов современной геополитической ситуации на постсоветском пространстве. Эта проблематика была обсуждена участниками круглого стола в контексте евразийской и мировой истории. Круглый стол был организован в соответствии с программой проекта «Народ и власть». Научный проект «Народ и власть» посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России.

Ключевые слова: Россия, постсоветское пространство, постсоветские государства, геополитика, интеграция, Содружество

Независимых Государств, Союзное государство России и Беларуси, Евразийский экономический союз, Таможенный союз, империя, нация, политическая элита, массы, научный проект «Народ и власть».

FIRST INTERNATIONAL ROUNDTABLE DISCUSSION “RUSSIA AND POST-SOVIET SPACE: PROBLEMS AND PROSPECTS”

/preparing for Publication: Marchenya P.P., Razin S.Y.

[Authors: *P.P. Marchenya, S.Yu. Razin, O.A. Abramova, S.V. Alekseev, N.Yu. Buleshova, O.G. Bukhovets, S.P. Grishaev, A.V. Dokuchaeva, N.V. Eliseeva, S.M. Ivanov, I.M. Kuznetsov, O.G. Leonova, D.I. Lyukshin, V.V. Mashko, A.N. Mikhaylenko, V.B. Pavlenko, S.V. Patrushev, P.T. Podlesnyy, N.V. Rabotyazhev, B. Smith, A.I. Suzdal'tsev, D.V. Surzhik, Zh.S. Syzdykova, S.V. Fokin, V.G. Khoros, A.V. Chertishchev*]

Annotation: On the 16th April 2013 within the framework of the Scientific Project “People and Power” in Moscow hosted the First International Round Table “Russia and Post-Soviet Space: Problems and Prospects”. In discussion was participated 26 experts from Russia, Belarus, and United States. The proceedings include the papers by Russian and foreign experts researching the past and the present of the post-Soviet space as well as part of their discussion. The papers feature the interdisciplinary scientific analysis of different aspects of contemporary geopolitical situation in post-Soviet space. These issues were addressed in the context of Eurasian and global history. The Round Table was organized within the framework of the Project “People and Power”. The Scientific Project “People and Power” is devoted to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of the problem of the interaction of Power and People as two main agents in Russian historical development.

Keywords: Russian Federation, Post-Soviet space, Post-Soviet states, geopolitics, Integration, Commonwealth of Independent States, Union State of Russia and Belarus, Eurasian Economic Union, Customs Union, empire, nation, political elite, masses, Scientific Project “People and Power”.

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

/ подготовили к публикации: Марченя П.П., Разин С.Ю.

[Авторский коллектив: *П.П. Марченя, С.Ю. Разин, О.А. Абрамова, Б.Х. Алимов, И.А. Анфертьев, Л.Н. Бродовская, Е.Г. Бразуль-Брушковский, Н.Ю. Булешова, О.Г. Буховец, С.М. Иванов, А.А. Исапов, Д.И. Люкшин, А.Н. Михайленко, А.В. Михайлюк, С.В. Патрушев, А.И. Суздальцев, А.В. Чертищев*]

Аннотация: 28 февраля 2014 г. в рамках научного проекта «Народ и власть» в Москве состоялся Второй международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы». В дискуссии приняли участие 17 экспертов из России, Беларуси, Украины, Таджикистана. Материалы включают в себя выступления российских и зарубежных специалистов, изучающих прошлое и настоящее постсоветского пространства, и часть состоявшейся между ними дискуссии. В докладах представлен междисциплинарный научный анализ различных аспектов современной геополитической ситуации на постсоветском пространстве. Эта проблематика была обсуждена участниками круглого стола в контексте евразийской и мировой истории. Круглый стол был организован в соответствии с программой проекта «Народ и власть». Научный проект «Народ и власть» посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России. В печатном издании материалы дискуссии публикуются впервые.

Ключевые слова: Россия, постсоветское пространство, постсоветские государства, геополитика, интеграция, Содружество Независимых Государств, Союзное государство России и Беларуси, Евразийский экономический союз, Таможенный союз, Украина, империя, нация, политическая элита, массы, научный проект «Народ и власть».

SECOND INTERNATIONAL ROUNDTABLE DISCUSSION “RUSSIA AND POST-SOVIET SPACE: PROBLEMS AND PROSPECTS”

/preparing for Publication: Marchenya P.P., Razin S.Y.

[Authors: *P.P. Marchenya, S.Yu. Razin, O.A. Abramova, B.Kh. Alimov, I.A. Anfert'ev, L.N. Brodovskaya, E.G. Brazul'-Brushkovskiy, N.Yu. Buleshova, O.G. Bukhovets, S.M. Ivanov, A.A. Israpov, D.I. Lyukshin, A.N. Mikhaylenko, A.V. Mikhaylyuk, S.V. Patrushev, A.I. Suzdal'tsev, A.V. Chertishchev*]

Annotation: On the 28th February 2014 within the framework of the Scientific Project “People and Power” in Moscow hosted the Second International Round Table “Russia and Post-Soviet Space: Problems and Prospects”. In discussion was participated 17 experts from Russia, Belarus, Ukraine, and Tajikistan. The proceedings include the papers by Russian and foreign experts researching the past and the present of the post-Soviet space as well as part of their discussion. The papers feature the interdisciplinary scientific analysis of different aspects of contemporary geopolitical situation in post-Soviet space. These issues were addressed in the context of Eurasian and global history. The Round Table was organized within the framework of the Project “People and Power”. The Scientific Project “People and Power” is devoted to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of the problem of the interaction of Power and People as two main agents in Russian historical development. In the print edition the materials of discussion is published for the first time.

Keywords: Russian Federation, Post-Soviet space, Post-Soviet states, geopolitics, Integration, Commonwealth of Independent States, Union State of Russia and Belarus, Eurasian Economic Union, Customs Union, Ukraine, empire, nation, political elite, masses, Scientific Project “People and Power”.

**ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ
И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ
ДУХОВНОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ:
МАТЕРИАЛЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО
КРУГЛОГО СТОЛА**

/ подготовили к публикации: Аблеев С.Р., Марченя П.П.

[Авторский коллектив: *С.Р. Аблеев, П.П. Марченя, А.А. Васечко, Н.В. Галанина, А.Л. Золкин, С.И. Кузьминская, Н.Ф. Медушевская, А.В. Митин, С.В. Михалев, В.В. Неганов, С.Ю. Разин, Н.В. Стрелкова, Т.Н. Фролова, А.В. Чертищев, Г.В. Шашурина, К.С. Щелоков*]

Аннотация: В апреле 2016 г. в рамках постоянно действующего научно-теоретического семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции» при кафедре философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (и при участии научного проекта «Народ и власть») состоялся «круглый стол» на тему «Общественное сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России». В центре внимания участников дискуссии, в которой приняли участие 16 ученых, находились проблемы осмысления места и роли морального и правового общественного сознания в системе традиционных этических координат отечественной культуры и философии как факторов, определяющих сохранение духовного суверенитета России в современных условиях обострения идеологического и геополитического противостояния цивилизаций. В печатном издании материалы дискуссии публикуются впервые.

Ключевые слова: общественное сознание, массовое сознание, моральное сознание, правовое сознание, правовая культура, правовой нигилизм, духовный суверенитет, Россия.

**PUBLIC CONSCIOUSNESS
AND DOMESTIC PHILOSOPHICAL TRADITION
IN THE CONTEXT OF THE SPIRITUAL
SOVEREIGNTY OF RUSSIA:
MATERIALS OF THE INTERAGENCY ROUNDTABLE**

/ preparing for Publication: Ableev S.R., Marchenya P.P.

[Authors: *S.R. Ableev, P.P. Marchenya, A.A. Vasechko, N.V. Galanina, A.L. Zolkin, S.I. Kuz'minskaya, N.F. Medushevskaya, A.V. Mitin, S.V. Mikhalev, V.V. Neganov, S.Yu. Razin, N.V. Strelkova, T.N. Frolova, A.V. Chertishchev, G.V. Shashurina, K.S. Shchelokov*]

Annotation: In April 2016 as a part of an permanently operating scientific-theoretical seminar “Modern Philosophy: Current Ideas and Trends” at the Department of Philosophy of Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russia name V.Ya. Kikot (and with the participation of the Scientific Project “People and Power”) held a “Round Table” on “Public Consciousness and Domestic Philosophical Tradition in the Context of the Spiritual Sovereignty of Russia”. In the spotlight of participants of the discussion, which was attended by 16 scientists, there were problems of understanding the place and role of moral and legal consciousness of the public in the traditional ethical system of coordinates of the Russian culture and philosophy as factors that determine the preservation of the spiritual sovereignty of Russia in modern conditions of aggravation of the ideological and geopolitical confrontation of civilizations. In the print edition the materials of discussion is published for the first time.

Keywords: public consciousness, mass consciousness, moral consciousness, legal consciousness, legal culture, legal nihilism, spiritual sovereignty, Russia.

**КРИЗИС КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ:
МАТЕРИАЛЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО
КРУГЛОГО СТОЛА**

/ подготовили к публикации: Аблеев С.Р., Марченя П.П.

[Авторский коллектив: *С.Р. Аблеев, П.П. Марченя, А.А. Васечко, Н.В. Галанина, А.Л. Золкин, С.И. Кузьминская, Н.Ф. Медушевская, С.В. Михалев, В.В. Неганов, С.Ю. Разин, Н.В. Стрелкова, А.Г. Ткаченко, Т.Н. Фролова, Г.В. Шашурина, К.С. Щелоков*]

Аннотация: В октябре 2016 г. в рамках постоянно действующего научно-теоретического семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции» при кафедре философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (и при участии научного проекта «Народ и власть») состоялся

межведомственный круглый стол на тему «Кризис как фактор социального развития: История и современность». В центре внимания участников дискуссии, в которой приняли участие 15 ученых, находились проблемы осмысления места и роли социальных кризисов в прошлом и настоящем России и мира, в том числе в системе традиционных мировоззренческих координат отечественной культуры и философии и в современных условиях обострения идеологического и геополитического противостояния цивилизаций. В печатном издании материалы дискуссии публикуются впервые.

Ключевые слова: кризис, социальный кризис, системный кризис, мировой кризис, ценностный кризис, кризис идентичности, исторический вызов, самобытность, россиеведение.

**PUBLIC CONSCIOUSNESS
AND DOMESTIC PHILOSOPHICAL TRADITION
IN THE CONTEXT OF THE SPIRITUAL
SOVEREIGNTY OF RUSSIA:
MATERIALS OF THE INTERAGENCY ROUNDTABLE**

/preparing for Publication: Ableev S.R., Marchenya P.P.

[Authors: *S.R. Ableev, P.P. Marchenya, A.A. Vasechko, N.V. Galanina, A.L. Zolkin, S.I. Kuz'minskaya, N.F. Medushevskaya, S.V. Mikhalev, V.V. Neganov, S.Yu. Razin, N.V. Strelkova, A.G. Tkachenko, T.N. Frolova, G.V. Shashurina, K.S. Shchelokov*]

Annotation: In October 2016 in the framework of the permanent scientific seminar “Modern Philosophy: Current Ideas and Trends” at the Department of Philosophy of Moscow University of the MIA of Russia named by V.J. Kikot (and with the participation of the Scientific Project “People and Power”) held the Interagency Round Table on the theme “Crisis as a Factor of Social Development: History and Modernity”. 15 scientists participated in the discussion. In the focus of the participants of the discussion there were problems of understanding the place and role of social crises in the past and present of Russia and the world, including the traditional worldview of the coordinates of national culture and philosophy in the modern conditions of aggravation of the ideological and geopolitical confrontation between civilizations. In the print edition the materials of discussion is published for the first time.

Keywords: crisis, social crisis, systemic crisis, global crisis, value crisis, a crisis of identity, historical challenge, identity, Russian studies.

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ:
МАТЕРИАЛЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО
КРУГЛОГО СТОЛА**

/ подготовили к публикации: Аблеев С.Р., Марченя П.П.

[Авторский коллектив: *С.Р. Аблеев, П.П. Марченя, А.А. Васечко, Н.В. Галанина, А.Л. Золкин, С.И. Кузьминская, Н.Ф. Медушевская, А.В. Митин, С.В. Михалев, В.В. Неганов, С.Ю. Разин, Н.В. Стрелкова, А.Г. Ткаченко, Т.Н. Фролова, Г.В. Шашурина, К.С. Щелоков*]

Аннотация: В ноябре 2016 г. в рамках постоянно действующего научно-теоретического семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции» при кафедре философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (и при участии научного проекта «Народ и власть») состоялся межведомственный круглый стол на тему «Цивилизационный суверенитет России: проблемы и перспективы». В центре внимания участников межведомственного круглого стола, в работе которого приняли участие 16 ученых, находилась проблема сохранения и укрепления цивилизационного суверенитета России в современных условиях обострения идеологического и геополитического противостояния цивилизаций. В печатном издании материалы дискуссии публикуются впервые.

Ключевые слова: Российская цивилизация, цивилизационный суверенитет, духовный суверенитет, Православие, мировой кризис, россияеведение.

**CIVILIZATIONAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA:
PROBLEMS AND PROSPECTS:
MATERIALS OF THE INTERAGENCY ROUNDTABLE**

/ preparing for Publication: Ableev S.R., Marchenya P.P.

[Authors: *S.R. Ableev, P.P. Marchenya, A.A. Vasechko, N.V. Galanina, A.L. Zolkin, S.I. Kuz'minskaya, N.F. Medushevskaya,*

A.V. Mitin, S.V. Mikhalev, V.V. Neganov, S.Yu. Razin, N.V. Strelkova, A.G. Tkachenko, T.N. Frolova, G.V. Shashurina, K.S. Shchelokov]

Annotation: In November 2016 in the framework of the permanent scientific seminar "Modern Philosophy: Current Ideas and Trends" at the Department of Philosophy of Moscow University of the MIA of Russia named by V.J. Kikot (and with the participation of the Scientific Project "People and Power") held the Interagency Round Table on the theme "Civilizational Sovereignty of Russia:: History and Modernity". In the focus of the interagency roundtable, which was attended by 16 scientists, there was the problem of conservation and strengthening of the civilizational sovereignty of Russia in modern conditions of aggravation of the ideological and geopolitical confrontation between civilizations. In the print edition the materials of discussion is published for the first time.

Keywords: Russian civilization, civilizational sovereignty, spiritual sovereignty, Orthodoxy, the global crisis, Russian studies.

Сборники научных статей – выпуски серии научного проекта «Народ и власть»

Народ и власть в российской смуте: сборник научных статей участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 23 октября 2009 г.) / под ред. П.П. Марченя (отв. ред.), С.Ю. Разина. – М.: ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, 2010. – 348 с. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 1).

ISBN 978-5-904761-12-7 (20,2 п.л.).

(URL: <http://isras.ru/files/File/Publication/Narodivlast.pdf>)

Крестьянство и власть в истории России XX века: сборник научных статей участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.) / под ред. П.П. Марченя (отв. ред.), С.Ю. Разина. – М.: АПР, 2011. – 472 с. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 2).

ISBN 978-5-904761-27-1 (27,4 п.л.).

(URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf)

Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: сборник научных статей (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / под ред. П.П. Марченя (отв. ред.), С.Ю. Разина. – М.: АПР, 2012. – 388 с. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 3).

ISBN 978-5-904761-39-4 (22,5 п.л.).

(URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.3.pdf>)

Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П.П. Марченя (отв. ред.), С.Ю. Разина. – М.: Изд-во Ипполитова, 2014. – 765 с. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 4).

ISBN 978-5-93856-218-9 (47,8 п.л.).

(URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.4.pdf>)

Русское крестьянство и Первая мировая война: сборник научных статей / под ред. П.П. Марченя (отв. ред.), С.Ю. Разина. – М.: Изд-во Ипполитова, 2016. – 810 с. – (Научный проект «Народ и власть». – Вып. 5).

ISBN 978-5-90363-102-5 (50,5 п.л.).

(URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.5.pdf>)

Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.: сборник научных статей и материалов круглых столов / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. – Москва: Изд-во Ипполитова, 2016. – 938 с. – (Научный проект «Народ и власть». – Вып. 6).

ISBN 978-5-90363-103-2 (59 п.л.).

(URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.6.pdf>)

НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ
«НАРОД И ВЛАСТЬ»

THE SCIENTIFIC PROJECT
"PEOPLE AND POWER"

<http://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtvej>

<http://www.nivestnik.ru/forum.shtml>

<http://scipeople.ru/users/narodivlast/>

РОССИЙСКАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ И РОССИЙСКИЕ КРИЗИСЫ XX–XXI ВВ.

RUSSIAN MULTIPARTY SYSTEM AND RUSSIAN CRISES OF THE XX–XXI CENTURIES

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

НАРОД. ВЛАСТЬ. ИСТОРИЯ РОССИИ. РОССИЕВЕДЕНИЕ.
НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ «НАРОД И ВЛАСТЬ». МАССЫ. КРИЗИС.
МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ. РЕВОЛЮЦИЯ. ИМПЕРИЯ.
РОССИЙСКАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ.
РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

KEYWORDS:

PEOPLE. POWER. HISTORY OF RUSSIA. RUSSIAN STUDIES.
SCIENTIFIC PROJECT “PEOPLE AND POWER”. MASS. CRISIS.
MASS CONSCIOUSNESS. REVOLUTION. EMPIRE.
RUSSIAN MULTIPARTY SYSTEM. POLITICAL PARTIES.
RUSSIAN CIVILIZATION. CIVILIZATIONAL SOVEREIGNTY

Научный проект «Народ и власть»

ВЫПУСК 6

The Scientific Project “People and Power”

ISSUE 6

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ «НАРОД И ВЛАСТЬ»: narodivlast@gmail.com
МАРЧЕНЯ Павел Петрович (редактор): marchenyap@mail.ru
РАЗИН Сергей Юрьевич (координатор): razin_sergei@mail.ru

CONTACT INFORMATION:

THE SCIENTIFIC PROJECT “PEOPLE AND POWER”: narodivlast@gmail.com
MARCHENYA Pavel (Editor): marchenyap@mail.ru
RAZIN Sergei (Coordinator): razin_sergei@mail.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**РОССИЙСКАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ
И РОССИЙСКИЕ КРИЗИСЫ XX–XXI ВВ.**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
И МАТЕРИАЛОВ КРУГЛЫХ СТОЛОВ**

**Научный проект
«НАРОД И ВЛАСТЬ»**

Выпуск 6

СОСТАВИТЕЛИ СБОРНИКА:

автор и редактор научного проекта «Народ и власть»

П.П. Марченя – отв. ред. выпуска

автор и координатор научного проекта «Народ и власть»

С.Ю. Разин – координатор выпуска

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор исторических наук,

профессор кафедры «История и философия»

Тамбовского государственного технического университета

В.Б. Безгин

доктор исторических наук, профессор,

заведующий кафедрой истории России

Оренбургского государственного педагогического университета

С.В. Любичанковский

доктор исторических наук,

профессор кафедры истории России и вспомогательных
исторических дисциплин Нижегородского государственного

педагогического университета имени Козьмы Минина

В.П. Сапон

Подписано в печать 12.11.2016
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 59,0
Тираж 100 экз. Заказ № 112